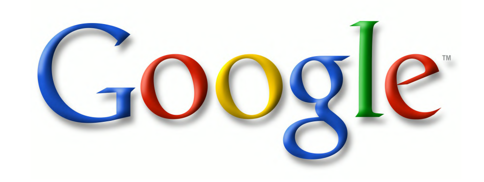


VE
RI
TAS

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

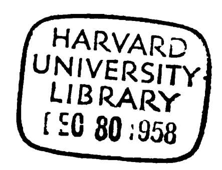
№ 1

ЯНВАРЬ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

При семъ № прилагается Указатель именъ къ 9 книжкамъ „Извѣстій“ за 1885 годъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 1. **Январь.** **1886 г.**

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

(*К. Н. Бестужева-Рюмина*).

Великая утрата, понесенная русскою землею и всѣмъ славянствомъ, горько отозвалась въ сердцѣ каждаго русскаго и каждаго славянина, сознающаго себя славяниномъ. Значеніе этой утраты понято и оцѣнено даже въ европейской печати. Въ Россіи же на нашей памяти только разъ всѣ партіи такъ дружно сошлись на могилѣ дѣятеля мысли и слова и слились въ одномъ общемъ горѣ. Та могила была могилою другаго будителя русскаго самосознанія, другаго великаго умственнаго вождя—Ѳ. М. Достоевскаго. Развиваясь подъ разными обстоятельствами, идя разными жизненными путями, оба стремились къ одной цѣли, у обоихъ передъ глазами былъ одинъ идеалъ: міродержавное значеніе родной православной Руси, черезъ нее и съ ея помощью, и всего славянскаго міра. Достоевскій пришелъ къ этому идеалу скорбнымъ путемъ личнаго страданія, Аксаковъ получилъ его готовымъ, поставилъ задачей своей жизни его проповѣдывать, готовить умы къ его сознательному восприятію. Тридцать лѣтъ жизни положилъ онъ на свою проповѣдь, тридцать лѣтъ почти безсмѣнно стоялъ онъ на стражѣ русскихъ интересовъ, постоянно устремляя взоръ свой впередъ. Говорю: почти, потому что, какъ всѣмъ извѣстно, наступали иногда для вдохновеннаго бойца годины невольнаго молчанія, но снова удавалось ему становиться на свою стражу, снова слышался тотъ же смѣлый голосъ, слышалось слово правдивое, ибо Аксаковъ говорилъ всегда только правду и ничего кромѣ правды; никто въ свѣтѣ не могъ заставить его сказать того, что онъ не считалъ за правду. Это знаютъ всѣ—и дома, и заграницей. Оттого такъ единодушно всѣ сошлись въ одномъ общемъ горѣ. Могучій боецъ палъ на своемъ посту, какъ подобаетъ бойцу. Для насъ, оставшихся встаетъ скорбный, неотступно преслѣдующій насъ вопросъ: бываютъ времена, когда одинъ боецъ смѣняется другимъ et quasi cursores, по выраженію римскаго поэта, vitai lampada tradunt—есть кому передать, но бываютъ и другія времена, когда передать некому. Не въ такое ли время мы живемъ? Утрата смѣняетъ утрату: въ немного дней мы потеряли Данилевскаго, потеряли Аксакова. Кто же идетъ на смѣну ихъ, кто будетъ провозвѣстникомъ народнаго самосознанія, той идеи, которою они жили? Кто?

Сообщаемъ отрывокъ изъ частнаго письма, проникнутаго глубокимъ чувствомъ, о похоронахъ Аксакова.

«Я была на похоронахъ Ивана Сергѣевича. Все время Анна Ѳедоровна старалась сдѣлать такъ, чтобы похороны эти не были похожи на формальныя торжественныя процессіи общеевропейскія, потому что Иванъ Сергѣевичъ этого не любилъ—говорила она; ей не хотѣлось, чтобы вѣнки несли въ длинной нити, не хотѣлось (по его просьбѣ)—рѣчей. Хотѣлось ей русскаго христіанскаго погребенія съ молитвою, чтобы церкви одной принадлежала вся торжественность послѣднихъ минутъ. Но сердечность публики, захваченной врасплохъ этой ужасной смертью, взяла верхъ. Двери ихъ дома были настежъ; кромѣ обычныхъ домашнихъ панихидъ въ извѣстные часы, когда стекалась вся высшая Москва, весь день и ночь являлись толпы людей всѣхъ классовъ, служившія панихиды отъ себя или просто плакавшія у гроба о томъ, что умолкло на вѣки властное, гордое своей правдой слово, прекратилось родное дѣло. Въ грудѣ телеграммъ, полученныхъ Анной Ѳедоровной, было множество телеграммъ отъ крестьянъ съ отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи, да такихъ скорбныхъ (она всѣ сама читала), что слезы брызгали отъ нихъ.

Вдова похоронила его у Троицы и сама поселилась тамъ на вѣки, оставивъ и себѣ мѣсто у его гроба. Теперь она желаетъ печатать снова все, что было и не было напечатано изъ писаннаго Иваномъ Сергѣевичемъ.

«Русь» кончилась: продолжать ее никто не считаетъ себя достаточно сильнымъ. По личной просьбѣ Ивана Сергѣевича Дмитрій Самаринъ напечаталъ послѣдній №. Самому Аксакову Русь ежегодно приносила 5000 убытку, но Аксаковъ продолжалъ бы этотъ убытокъ нести, и теперь только оказалось, что и не даромъ. Голосъ его, какъ благовѣстъ, проникъ всюду: и тѣ, что пришли въ храмъ, и тѣ, что мимо шли — этотъ благовѣстъ слышали и музыку его себѣ глубоко усвоили. Разбуженное имъ вниманіе народа едва-ли умретъ совсѣмъ.

Торжественность религіозной формы у Троицы меня поразила. Вечеромъ, на вокзалѣ жел. дор., гдѣ мы ждали гроба, пришло человѣкъ 50 монаховъ въ мантіяхъ и молодыхъ, которые всѣ облачились въ серебро глазета, и когда поѣздъ подошелъ, свѣчи ихъ вспыхнули, ладонъ закурился благовоніемъ, гробъ вынесли и поставили, раздался удивительно стройный хоръ — пѣнія вѣрнаго, тихаго напѣва; густыя струны мужественныхъ голосовъ, какъ органъ торжественныхъ и мягкихъ звуковъ наполнилъ мою душу чѣмъ-то трогательнымъ, роднымъ, знакомымъ, и вмѣстѣ что-то величавое, въ высшей степени приличное и достойное минуты какъ бы покрыло всю громадную толпу тѣсно сплоченной публики, и въ тишинѣ стройно все двинулось въ монастырь съ зажженными свѣчами, при этомъ чудномъ хорѣ. Процессія растянулась болѣе версты. У св. воротъ монастыря другой такой-же хоръ и священники встрѣтили гробъ, и такая-же литія отслужена; въ монастырѣ третья встрѣча на террасѣ огромнаго храма и трапезной залы, настежъ отворенной. Масса плошекъ и огней горѣла внутри храма (это было ночью). Безчисленныя серебрянныя облаченія монашества, чудное пѣніе посреди мертваго молчанія благоговѣйно настроенной толпы народной и публики, и наконецъ трапезная зала, соединенная съ церковью, при всѣхъ зажженныхъ люстрахъ наполненная вѣнками и цвѣтами: все это сіяло, благоухало и неслось къ небу такой музыкой, что не всплакнуть отъ души переполненной не было возможности. Тѣло Аксакова до утра оставалось въ этой церкви».

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Проектъ протокола

общаго собранія С-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшагося 22 декабря, въ залѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново.

Засѣданіе было открыто г. предсѣдателемъ въ 2½ часа дня.

По открытіи засѣданія, доложенный г. предсѣдателемъ проектъ смѣты доходовъ и расходовъ Славянскаго Общества на 1886 г. общимъ собраніемъ утвержденъ единогласно.

По утвержденіи проекта смѣты, г. предсѣдатель доложилъ собранію докладъ Совѣта о выборѣ: а) въ почетные члены Общества—профессора Ореста Ѳеодоровича Миллера и б) въ дѣйствительные члены Общества: Натальи Владиміровны Брылкиной, Николая Николаевича Вельяминова, Ивана Алексѣевича Дроздова, Василія Михайловича Изергина, Тимофея Яковлевича Назарова и Николая Александровича Нечаева.

Всѣ названныя лица общимъ собраніемъ приняты въ члены Славянскаго Общества единогласно, причемъ избраніе О. Ѳ. Миллера въ почетные члены общее собраніе встрѣтило громкими рукоплесканіями.

Общее собраніе было закрыто въ 3 ч. дня.

Извлеченія изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 29 декабря 1885 г., между прочимъ, постановлено: а) выдать въ пособіе одному галичанину 25 р. и двумъ добровольцамъ 31 р. и б) утвердить расходы, произведенные съ 15 по 29 декабря, на 596 р. 96 к.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 12 января 1886 г., между прочимъ, постановлено: а) выдать въ пособіе: 3 добровольцамъ 55 р. и одному герцеговинцу 25 р., б) просьбы двухъ сербовъ и одного чеха о пособіи отклонить и в) утвердить расходы, произведенные съ 29 декабря по 12 января на 1241 р. 61 к.

Извлеченіе изъ смѣты прихода и расхода суммъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества на 1886 годъ.

А) Приходъ.

Ожидается поступленій въ расходный капиталъ:

а) %о съ основнаго и запаснаго капиталовъ	10,006 р.
б) членскихъ взносовъ	2,240 »
в) отъ литературныхъ и художественныхъ вечеровъ	1,000 »
г) церковнаго кружечн. сбора	3,800 »
д) отъ продажи пожертвованныхъ книгъ и вещей	60 »
е) кружечнаго сбора изъ наружныхъ кружекъ въ Петербургѣ	60 »
Итого	17,166 р.
А за исключеніемъ изъ суммы процентовъ 10,006 р. въ государственный сборъ 500 р. и 10%о въ основный капиталъ со всѣхъ пожертвованій 1,666 р.	2,166 »
Всего дохода	15,000 р.

Б) Расходъ.

Расходы, предусматриваемые смѣтою на 1886 г., слѣдующіе:

1) административные, какъ-то наемъ квартиры, жалованье служащимъ, издержки по засѣданіямъ Совѣта и общимъ собраніямъ и на веденіе дѣла	3,600 р.
2) пособіе церквамъ	1,500 »
3) содержаніе стипендіатовъ	1,800 »
4) пособіе раненымъ добровольцамъ 1876 г., а также семействамъ убитыхъ добровольцевъ	1,500 »
5) разсылка газетъ въ славянскія земли и выписка газетъ и журналовъ славянскихъ	600 »
6) покупка и разсылка русскихъ книгъ въ славянскія земли и пособіе литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ	1,200 »

7) поддержаніе школъ въ славянскихъ земляхъ . . . . 600 р.

8) пособіе пріѣзжимъ славянамъ . . . . 1,200 »

9) пособіе издательскому фонду на изданіе «Извѣстій СПб. Слав. Благотв. Общества» . 3,000 »

Всего расхода. . 15,000 р.

Кромѣ того ожидаются % на спеціальные капиталы:

1) болгарскаго братства просвѣщенія — 155 р. 79 к. . . . . 5 р. 76 к.

2) преміи за сочиненія по истор. Червон. и Галицк. Руси—403 р. 60½ к. . 18 » 37 »

3) преміи въ память А. Ѳ. Гильфердинга—4,353 р. 11½ к. . . . . . . 196 » 87 »

4) поступленій въ издательскій фондъ: а) отъ подписки и розничной продажи «Извѣстій Спб. Слав. Благотв. Общества» въ количествѣ 900 экземп.— 1,800 р. и отъ продажи изданій Общества 300 р., а за исключеніемъ 10% въ основный капиталъ 210 р. . . . . 1,890 р. — к.

27 января, въ 11 часовъ утра, Черногорскій князь Николай изволилъ принимать въ Зимнемъ дворцѣ депутацію С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. Въ составѣ депутаціи находились: предсѣдатель Славянскаго Общества генералъ-лейтенантъ П. П. Дурново, его товарищи: генералъ-маіоръ М. А. Домонтовичъ и камергеръ П. А. Васильчиковъ, казначей Общества В. Г. Чубинскій, секретарь Общества В. И. Аристовъ и профессора: В. И. Ламанскій и О. Ѳ. Миллеръ. Выслушавъ нѣсколько привѣтственныхъ словъ, сказанныхъ П. П. Дурново, Его Высочество просилъ господъ депутатовъ передать Славянскому Обществу его сердечную благодарность за постоянныя услуги, оказываемыя Обществомъ нуждающимся черногорцамъ. Во время представленія депутаціи отъ Славянскаго Общества, профессоръ В. И. Ламанскій представилъ Черногорскому князю Николаю свой послѣдній трудъ: «Secrets d'etat de Venise», который и былъ любезно принятъ его высочествомъ.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 Декабря 1885 г. по 1 Января 1886 г. поступило чрезъ оо. благочинныхъ, изъ церквей ихъ округовъ: Балтскаго уѣзда, 7 округа, свящ. І. Остаповича—9 р.; Бендерскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Гинкулова—13 р.; Бѣльскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Медвѣдкова — 4 р.; 2 округа, свящ. А. Михаловскаго—14 р. 85 к.; г. Витебска, свящ. Ѳ. Заволоцкаго—4 р. 87 к.; г. Вятки, настоятельницы Преображенскаго дѣвичьяго монастыря, игумени Емерентіаны — 5 р. 15 к.; Бкатскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Богоявленскаго — 2 р. 55 к.; Духовщинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Насѣдкина—4 р. 50 к.; Слабужскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Лагунова—4 р.; Калужской Духовной Консисторіи—144 р. 27 к.; Костромскаго уѣзда, 7 округа, свящ. Н. Павлинскаго—10 р.; Краснинскаго уѣзда, свящ. А. Палканова—7 р.; Лебединскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Лободовскаго—15 р. 4 к; 1 округа, свящ. К. Щелгунова—5 р. 65 к.; Любимскаго уѣзда, свящ. Н. Волкова—2 р. 60 к.; Малоярославецкаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Ремизова— 7 р. 25 к.; Минскаго уѣзда, 3 округа свящ. Д. Смолича — 4 р. 47 к.; Могилевской Духовной Консисторіи—27 р. 14 к.; г. Мурома, настоятельницы Троицкаго дѣвичьяго монастыря, игуменьи Персиды — 2 р.; Никольскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Прокошева—9 р.. Переяславскаго уѣзда свящ. А. Россинскаго—2 р. 89 к.; Петербургскаго уѣзда, прот. Н. Правинскаго—6 р. 50 к.; Рославльскаго уѣзда, свящ. Н. Полубинскаго—5 р. 45 к.; Рыбинскаго уѣзда, свящ. А. Полетаева— 4 р. 5 к.; Смоленской Духовной Консисторіи — 13 р. 12 к.; Суздальскаго уѣзда, настоятеля Золотниковской пустыни — 1. р. 20 к.; Сычевскаго уѣзда, свящ. І. Бранцева—4 р. 40 к.; Темниковскаго уѣзда, настоятеля Саровской пустыни, игумени Никандра—5 р.; Черниговской Духовной Консисторіи — 10 р. 8 к.; Юрьевскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Воскресенскаго — 3 р.; и изъ Южноскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Заболотскаго—2 р. 32 к.; итого 353 р. 85 к., а съ прежде поступившими—5406 р. 53½ к.

II. Славянское обозрѣніе.

Іованъ Ристичъ и его историческія сочиненія

Србија и Порта после бомбардан-ьа Београда, 1862—1867. (у Београду, 1881).—*Србија и Српски покрет у Угарској 1840 до 49* (у Београду, 1884).—*Србија и Кримска војна 1852—1856.* (Београд., 1885).

Авторъ названныхъ книгъ извѣстенъ уже съ давнихъ поръ и за предѣлами своего отечества, какъ выдающійся государственный дѣятель и въ особенности какъ дипломатъ, но въ самой Сербіи онъ извѣстенъ такъ же, какъ и писатель, хотя его литературная репутація много уступаетъ политической. Оба эти обстоятельства заставляютъ насъ, прежде отзыва о самихъ книгахъ, остановить вниманіе читателя на жизни ихъ автора.

Ристичъ родился въ 1831 году въ Крагуевцѣ и, послѣ первоначальнаго обученія въ мѣстной школѣ, пробылъ пять лѣтъ въ бѣлградской гимназіи и два года въ лицеѣ. Какъ слушатель лицея, онъ принималъ участіе въ народномъ движеніи венгерскихъ сербовъ, происходившемъ въ 1848 году, а въ слѣдующемъ году онъ былъ посланъ въ Германію, какъ правительственный стипендіатъ, главнымъ образомъ для изученія историческихъ и политическихъ наукъ, которыя вмѣстѣ съ философіей и слушалъ въ университетахъ берлинскомъ и гейдельбергскомъ, послѣ чего отъ послѣдняго получилъ въ 1852 году степень доктора философіи. Изъ Гейдельберга онъ переѣхалъ въ Парижъ, гдѣ слушалъ лекціи въ Сорбоннѣ до мая 1854 года и въ тоже время пересмотрѣлъ, по порученію общества сербской словесности, старинныя сербскія рукописи, хранившіяся въ императорской библіотекѣ.

Возвратившись на родину, Ристичъ желалъ получить каѳедру исторіи, но это желаніе его не сбылось и на первыхъ порахъ ему пришлось служить попремѣнно въ разныхъ должностяхъ въ канцеляріяхъ министерствъ народнаго просвѣщенія, иностранныхъ и потомъ внутреннихъ дѣлъ, и въ послѣднемъ онъ достигъ званія начальника отдѣленія. Уже въ это время онъ сталъ извѣстенъ въ сербской литературѣ. Еще въ 1848 году онъ участвовалъ въ сборникѣ «Невен слоге», изданномъ кружкомъ сербской молодежи; въ 1850 г., находясь въ Гейдельбергѣ, издалъ брошюру: «Kurze Uebersicht des geistigen und sittlichen Zustands von Serbien», а чрезъ два года въ Берлинѣ другую брошюру подъ заглавіемъ: «Die neuere Literatur der Serben», вскорѣ переведенную на французскій и польскій языки. Въ органѣ общества сербской словесности «Гласникѣ» напечатаны были его статьи: «Сербскія рукописи, находящіяся въ парижской императорской библіотекѣ» (вып. VII, 1855 г.), «О нѣкоторыхъ старинныхъ путешественникахъ по Сербіи» (тамъ же) и «Іованъ Ст. Поповичъ, историко - литературный очеркъ» (вып. VIII, 1856). Въ концѣ 1855 г. Ристичъ былъ редакторомъ офиціальной сербской газеты («Званичне Новине»), въ которой помѣстилъ нѣсколько статей и замѣтокъ историко-литературнаго и филологическаго содержанія. Около того же времени онъ познакомилъ сербское общество съ нѣкоторыми изъ произведеній Шекспира, передавъ ихъ прозой. Ему же принадлежитъ брошюра, въ которой изложено было столкновеніе между обществомъ сербской словесности и правительствомъ князя Александра Карагеоргіевича въ последній годъ его правленія, и которая издана была уже по возвращеніи въ Сербію Обреновичей. Наконецъ Ристичъ напечаталъ въ 1860 году двѣ брошюры подъ заглавіемъ: «Законитост» (Законность) и «Реформи у Србији», касавшіяся нѣкоторыхъ вопросовъ изъ внутренней жизни Сербскаго княжества, выдвинутыхъ на первый планъ святоандреевскою скупщиною и волновавшихъ сербское общество вплоть до возбужденія въ немъ интереса къ внѣшней политикѣ, который вызванъ былъ бомбардированіемъ Бѣлграда турками въ 1862 году.

Въ годъ изданія двухъ послѣднихъ изъ вышеназванныхъ брошюръ замѣчается въ жизни Ристича рѣшительный поворотъ къ политической дѣятельности, которая впослѣдствіи и сдѣлала его имя извѣстнымъ Европѣ. Именно въ 1865 году онъ

былъ секретаремъ депутаціи, которую князь Миланъ послалъ въ Константинополь добиваться: а) новаго признанія наслѣдственности сербскаго престола въ династіи Обреновичей, б) возстановленія права Сербіи на самостоятельность внутренняго устройства, в) исполненія хатти-шерифа 1830 г. о выселеніи турокъ, оставшихся жить въ нѣкоторыхъ городахъ Сербіи. По переходѣ княжеской власти въ руки сына Милошева Михаила, Ристичъ сталъ сторонникомъ умѣренно-либеральной партіи, стоявшей за независимость судовъ, министерскую отвѣтственность, свободу печати и болѣе совершенное устройство народной скупщины. Еще на Преображенской скупщинѣ 1860 года, будучи секретаремъ ея, говоря объ отвѣтственности министровъ, онъ сказалъ: «я бы нисколько не гордился, если бъ мнѣ пришлось быть министромъ въ странѣ, гдѣ министры не отвѣтственны». Около того же времени, когда оффиціозная газета «Journal de Constantinople» выступила съ полемикой противъ князя Михаила, Ристичъ написалъ отвѣтъ, въ коемъ впервые въ оффиціальной формѣ изложены были всѣ жалобы Сербіи противъ Порты (№№ 15, 16 и 17 «Сербскихъ Новинъ» за 1861 г.) и европейская журналистика называла этотъ отвѣтъ манифестомъ сербскаго князя, подарившаго автору за сей трудъ золотые часы. Въ октябрѣ того же года онъ былъ назначенъ дипломатическимъ агентомъ Сербіи въ Константинополь и за свою дѣятельность тамъ не разъ получалъ благодарность отъ князя. Такъ въ декабрѣ того же года министръ иностранныхъ дѣлъ въ Сербіи Илья Гарашанинъ (отецъ нынѣшняго министра) писалъ ему: князь приказалъ мнѣ выразить тебѣ его удовольствіе. Мы оба цѣнимъ твое умѣнье вести дѣла и вполнѣ признаемъ его; иначе, впрочемъ, мы и не думали о тебѣ: князь очень доволенъ, что именно тебя послалъ туда».

Во время бомбардированія Бѣлграда турками въ 1862 г. Ристичъ, какъ представитель сербскій въ Цареградѣ, предлагалъ своему правительству, чтобы оно явно и официально потребовало уничтоженія турецкихъ крѣпостей въ Сербіи, но Гарашанинъ постоянно отвѣчалъ ему: «потише, не нужно ни въ чемъ торопиться» и только когда князь Михаилъ присоединился къ мнѣнію Ристича, посланъ былъ соотвѣтственный меморандумъ Портѣ, но удобное къ тому время уже было пропущено. Прошло четыре года, прежде чѣмъ Сербія приготовилась добиться исполненія своихъ требованій вооруженною рукою. Паденіе румынскаго князя Кузы въ 1866 году обратило вниманіе европейской дипломатіи на Востокъ; въ Парижѣ собрана была конференція съ цѣлію разрѣшенія румынскаго вопроса. Ристичъ счелъ это обстоятельство удобнымъ для того, чтобы и Сербія выступила съ своими требованіями. Онъ писалъ Гарашанину 2 марта того года: «Франція можетъ потребовать согласія Россіи на какую либо перемѣну въ пользу Румыніи, и Россія могла, еслибъ захотѣла, потребовать въ вознагражденіе за то какой либо уступки для Сербіи». Между тѣмъ, еще 27 февраля онъ представилъ русскому посланнику въ Константинополѣ записку о турецкихъ крѣпостяхъ въ Сербіи: эту записку онъ приложилъ и къ вышепомянутому письму къ Гарашанину. Послѣдній ни похвалилъ его за такой шагъ, ни осудилъ, что дало поводъ Ристичу еще разъ писать своему начальнику, причемъ онъ доказывалъ, что политика не можетъ держаться постоянно однихъ и тѣхъ же условій, а должна сообразоваться съ обстоятельствами времени, пока не добьется успѣха, и указывалъ при этомъ на примѣръ Италіи, получившей Венецію. Гарашанинъ хотѣлъ ограничиться требованіемъ сдачи турками однихъ малыхъ крѣпостей сербамъ и высказывалъ мысль, что за это князь Михаилъ могъ бы предпринять путешествіе въ Константинополь, чтобы благодарить султана. Ристичъ отвѣчалъ, что за такую цѣну слѣдуетъ требовать бѣлградскую крѣпость, безъ которой уступка малыхъ крѣпостей теряетъ всякое значеніе. «Это значило бы навсегда отказаться отъ своей программы», объяснялъ онъ. Тогда князь послалъ въ Лондонъ Мариновича съ мемуаромъ о передачѣ сербскому правительству всѣхъ крѣпостей въ княжествѣ, находившихся еще въ рукахъ турокъ. Но эта попытка не повела ни къ чему. Между тѣмъ положеніе дѣлъ на Востокѣ все болѣе и болѣе становилось напряженнымъ. Великій визирь Али-паша надѣялся одна-

кожъ удовлетворить Сербію передачею одного Малаго Зворника, но Ристичъ отказывался отъ подобной «милости», какъ называлъ эту уступку самъ Али. Въ октябрѣ 1866 г. князь Михаилъ пожелалъ лично выслушать мнѣніе Ристича по вопросу о крѣпостяхъ. Прибывъ въ Бѣлградъ, Ристичъ предложилъ обратиться къ Портѣ съ формальнымъ требованіемъ крѣпостей: «если Порта отвергнетъ такое требованіе, говорилъ онъ, то тѣмъ облегчитъ Сербіи положеніе, въ какомъ послѣдняя очутилась бы, еслибъ рѣшилась взять крѣпости оружіемъ; но, прибавлялъ онъ, можетъ случиться и такъ, что Порта, подъ давленіемъ обстоятельствъ, все болѣе и болѣе ухудшающихся для нея, и вынуждена будетъ къ уступкѣ». Князь призналъ безопасность такой политики, съ чѣмъ соглашался и Мариновичъ; но Гарашанинъ, съ молодости привыкшій къ пассивной политикѣ, не сдавался, замѣчая при князѣ, что Ристичъ хочетъ только шутить, а на сторонѣ говорилъ, что Ристичъ путаетъ всѣ его политическіе планы. Тогда Ристичъ сталъ искать содѣйствія у министра внутреннихъ дѣлъ Н. Христича, который, хотя и соглашался съ его образомъ мыслей, но отговаривался, что дѣла внѣшней политики не входятъ въ кругъ его служебнаго вліянія. Однакожъ мало по малу и Гарашанина удалось склонить въ пользу Ристичева плана. Тогда Мариновичъ сталъ совѣтовать, чтобы Сербія тотчасъ заявила свои требованія и предъ Портою и предъ покровительствующими державами; Ристичъ же говорилъ, что сперва надо ограничиться однимъ обращеніемъ къ Портѣ, ибо, въ случаѣ отказа съ ея стороны, Сербіи естественнѣе уже было бы обратиться къ Европѣ и къ общественному мнѣнію. Мариновичъ тотчасъ же призналъ основательность объясненій Ристича, и князь отправилъ послѣдняго назадъ въ Царьградъ съ письмомъ къ великому визирю о крѣпостяхъ. Противники новаго направленія въ сербской дипломатіи провожали его насмѣшками, суля полную неудачу. Уже давно извѣстны всѣ подробности оффиціальныхъ переговоровъ, которыя велъ Ристичъ съ Портою по возложенному на него порученію. Для насъ гораздо важнѣе узнать, какъ встрѣчены были замыслы Ристича въ его отечествѣ. Съ этою цѣлью приведемъ здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ писемъ къ нему Ильи Гарашанина, который, хотя и принужденъ былъ согласиться съ Ристичемъ, видя, что и князь Михаилъ убѣждается его доводами, но потомъ снова сталъ сомнѣваться въ цѣлесообразности задуманнаго шага и не переставалъ осыпать Ристича упреками. Едва представитель новой дипломатической школы между сербами прибылъ въ Константинополь, руководившійся прежнею политикой Гарашанинъ писалъ ему отъ 22 ноября 1866 года: «Едва ли ты будешь такъ счастливъ, чтобъ выполнить свои затѣи; только Порта надумается дать тебѣ одно, а ты ужь тотчасъ ищешь и другаго, не заботясь о первомъ. По твоему, или все или ничего; такое правило нельзя называть мудростью, за то, впрочемъ, чисто по сербски: куда бы ни стрѣльнуло, только бы выстрѣлить». Здѣсь Гарашанинъ намекалъ на то, что Порта можетъ уступить Малый Зворникъ, и этимъ, по его мнѣнію, слѣдовало бы пока удовольствоваться. Однакожь, обстоятельства были на сторонѣ Ристича. Немного дней спустя самъ Гарашанинъ уже писалъ Ристичу, извѣщая его, что турецкій начальникъ Бѣлградской крѣпости Али-Риза-паша согласился на сербскую оцѣнку земель, вошедшихъ въ раіонъ крѣпости: «кто знаетъ, можетъ и этому причиной былъ твой пріѣздъ въ Бѣлградъ и письмо, которое ты выманилъ у насъ, къ сіятельной Портѣ?» А 3 января 1867 года онъ прибавлялъ: «я ужь и деньги получилъ, хоть можетъ быть и придется ихъ возвратить, когда ты добудешь крѣпость». Мало по малу однакожь Гарашанинъ, подогрѣваемый донесеніями Ристича, сталъ относиться довѣрчивѣе къ его планамъ: «Еслибъ имя Бисмаркъ, писалъ онъ 2 февраля 1867 года Ристичу, было званіемъ или должностью, я бы тотчасъ представилъ тебя къ нему и нисколько бы не страшился критики, которая обычна при подобныхъ случаяхъ. Стали бы говорить, что ты стараешься сбить меня съ моего дипломатическаго положенія, чтобы я не былъ ни дипломатомъ только, ни воиномъ, а тѣмъ и другимъ заразъ, либо ничѣмъ. А я вѣдь готовъ самъ теперь идти такимъ смѣшаннымъ путемъ до конца, а

тамъ что Богъ дастъ». Когда обнаружились первые признаки, что Порта начинаетъ соглашаться на уступку сербамъ крѣпостей, Гарашанинъ писалъ Ристичу отъ 15 февраля 1867 года: «пусть посланники великихъ державъ спорятъ между собою, кому изъ нимъ принадлежитъ заслуга въ разрѣшеніи вопроса о крѣпостяхъ, а на самомъ дѣлѣ эта заслуга твоя и по мысли, и по дѣлу; если ты доведешь ее до конца, то я изъ соревнованія займусь Босніей и Герцеговиной». Уступка крѣпостей обусловливалась однакожъ поѣздкой князя Михаила въ Константинополь на поклонъ султану, и по этому поводу Гарашанинъ писалъ Ристичу отъ 8 марта: «я буду и виноватъ, и невиноватъ, если Порта не исполнитъ своихъ обѣщаній, а ты, конечно, будешь виноватъ».

Но успѣхъ былъ на этотъ разъ наградой стараній и хлопотъ Ристича, котораго поздравили и не разъ управлявшій дипломатическими дѣлами Сербіи Іов. Мариновичъ и русскій посланникъ въ Константинополѣ Н. П. Игнатьевъ. Первый писалъ 7 марта 1867 года: «Позвольте мнѣ изъявить мое усердное къ вамъ почтеніе за умѣнье, дѣятельность и вѣрный тактъ, которые вы показали во всѣхъ столь важныхъ для насъ вопросахъ; я искренно поздравляю Сербію и князя съ такимъ искуснымъ дипломатомъ». Второй въ письмѣ отъ 6 апрѣля того же года между прочимъ говоритъ: «Je vous félicite cordialement avec toute la chaleur de mon sentiment slave. Je vous adresse mes sincères compliments comme au Représentant de la Serbie et surtout comme à l'auteur du succés brillant et complet obtenu par le prince Michel et par notre patrie». Но самою пріятною для Ристича наградою было письмо князя Михаила, отправленное къ нему въ Константинополь 20 апрѣля, уже послѣ передачи крѣпостей сербамъ; благодаря его за настойчивую дѣятельность по вопросу о крѣпостяхъ, Михаилъ прибавлялъ: «вамъ въ полномъ смыслѣ слова принадлежитъ право на девизъ: Spectemur agendo».

Прошло шесть мѣсяцевъ послѣ того, и «2 ноября Ристичъ былъ вызванъ въ Бѣлградъ офиціальнымъ извѣстіемъ, что князь хочетъ назначить его министромъ иностранныхъ дѣлъ». При свиданіи съ Михаиломъ, Ристичъ заявилъ, что онъ понимаетъ министерскую должность не въ смыслѣ единоличнаго управленія какимъ либо отдѣльнымъ вѣдомствомъ, но въ смыслѣ члена правительства, которое солидарно тѣмъ, что имѣетъ общую программу дѣйствій, а каждый членъ отвѣтственъ за свои распоряженія, несогласныя съ нею. Такого взгляда на положеніе министровъ не существовало до тѣхъ поръ въ Сербіи; каждый министръ управлялъ интересами и дѣлами своего вѣдомства по собственному усмотрѣнію и нерѣдко внутри министерства господствовалъ полнѣйшій разладъ во взглядахъ на интересы страны и ея населенія. Предложеніе Ристича встрѣтило сильное противодѣйствіе со стороны правителей стараго пошиба, окружавшихъ князя, хотя послѣдній и выражалъ открыто желаніе вручить управленіе страною «новымъ силамъ».

Послѣ того, Ристичъ получилъ миссію объѣхать дворы великихъ державъ, чтобы склонить ихъ къ отмѣнѣ консульской юрисдикціи, которою со временъ турецкаго владычества пользовались европейскіе дипломаты въ Сербіи. Во время этого путешествія въ Сербіи произошло бѣдственное для нее событіе—убіеніе князя Михаила. Извѣстіе о томъ застигло Ристича въ Парижѣ. Въ преемники Михаилу избранъ былъ малолѣтній Миланъ IV Обреновичъ, воспитывавшійся тогда въ столицѣ Франціи, и Ристичъ вернулся оттуда въ Бѣлградъ вмѣстѣ съ новымъ княземъ. Оцѣнка дѣятельности Ристича, въ качествѣ члена регентства, управлявшаго Сербіей въ малолѣтство Милана, а потомъ главы перваго министерства по провозглашеніи Миланова совершеннолѣтія, еще преждевременна. Можно только указать, что Ристичъ имѣлъ большое вліяніе на составленіе государственнаго устава Сербіи, изданнаго въ 1869 году, и что онъ руководилъ за все помянутое время внѣшнею политикой Сербіи, причемъ имъ обращено было особенное вниманіе на поддержку духовной и народной связи ея съ сосѣдними областями Балканскаго полуострова, заселенными сербскою народностью. Въ эти годы сербскіе патріоты любили называть княжество сербскимъ и даже юго-славянскимъ Піемонтомъ, а Ристича — сербскимъ Кавуромъ. Но война

1878 года и послѣдовавшія за нею событія отвлекли сербскую политику въ другую сторону: своего рода Drang nach Osten, замѣтимъ мимоходомъ—погубившій Польшу, заставилъ Сербію забыть, безъ всякаго сомнѣнія, только на время, естественное влеченіе къ сліянію съ сосѣдними на западѣ и юго-западѣ отъ нея странами, повергнувъ несчастное королевство въ напряженное и не отвѣчающее ея истиннымъ интересамъ положеніе. Отвѣтственность въ этомъ лежитъ на правительствующихъ въ Сербіи лицахъ, вытѣснившихъ Ристича изъ министерства, но оказавшихся неспособными замѣнить его.

Но пора намъ сказать хоть нѣсколько словъ о его сочиненіяхъ. По хронологическому порядку, въ какомъ слѣдовали событія новѣйшей исторіи Сербіи, изложенныя авторомъ, сочиненія его идутъ другъ за другомъ въ такой послѣдовательности. Сперва должна быть разсматриваема брошюра, изданная въ 1884 году подъ заглавіемъ: «Сербія и Сербское движеніе въ Венгріи въ 1848 и 1849 годахъ» (79 стр. въ малую осьмушку), за тѣмъ вышедшая въ прошломъ году и озаглавленная: «Сербія и Крымская война 1852—1856 гг. (228 стр. того же размѣра). Обѣ эти брошюры были помѣщены въ «Гласникѣ» Сербскаго ученаго общества, первое въ 55-его книгѣ, второе въ-60, а въ отдѣльномъ видѣ имѣютъ еще и общій титулъ: «Внѣшніяотношенія Сербіи. Третье сочиненіе: «Сербія и Порта послѣ бомбардированія Бѣлграда 1862—1867 г» издано ранѣе названныхъ, именно въ 1881 году (335 стр. въ большую осьмушку) и сперва было напечатано въ извѣстномъ бѣлградскомъ журналѣ «Отечество» (Отацбина). Есть существенная разница и по изложенію между этими книгами: первыя двѣ брошюры могутъ быть названы политическими этюдами, разсужденіями о международномъ положеніи Сербіи во время Венгерской и Крымской войнъ. Хотя авторъ и былъ современникомъ разбираемыхъ имъ въ названныхъ книжкахъ событій, но не могъ принимать въ нихъ личнаго участія: въ событіяхъ 1848 и 1849 годовъ—по своей молодости, въ 1852—1856 гг.—вслѣдствіе пребыванія за-границей. За то книга, касающаяся 1862—1867 годовъ, по справедливости, должна быть названа мемуарами («успомене», говоритъ самъ Ристичъ) дипломата, принимавшаго непосредственное участіе въ управленіи событіями и потомъ пополнившаго свои записки послѣ выхода изъ службы объяснительными замѣчаніями и документами. Во всѣхъ трехъ сочиненіяхъ, однакожъ, авторъ является болѣе государственнымъ человѣкомъ, политическимъ мыслителемъ, а не стоящимъ въ сторонѣ отъ событій историкомъ, хотя въ смыслѣ полноты изложенія авторъ большею частію удовлетворяетъ любопытство читателя, давая не мало новыхъ свѣдѣній сравнительно съ существовавшими до его книгъ повѣствованіями о томъ же времени и тѣхъ же предметахъ. Исходная точка зрѣнія автора заключается въ томъ, что онъ постоянно выясняетъ первые и затѣмъ повторявшіеся шаги Сербіи, княжества вассальнаго, зависимаго, въ область внѣшнихъ международныхъ отношеній, на что она однакожъ не была уполномочена европейскою дипломатіей. Въ 1848 и 1849 гг. Сербія выступила, опираясь сначала на народные и политическіе интересы, а потомъ и на военную силу, въ качествѣ союзницы хорватовъ, бывшихъ на сторонѣ австрійскаго императорскаго дома, противъ возставшей Венгріи. Подъ шумъ почти общей въ Европѣ революціи, при очевидной слабости Порты и молчаливомъ сперва, а потомъ и явномъ согласіи русскаго двора, Сербія, хотя въ качествѣ вассала Порты и обреченная на бездѣйствіе, однакожъ прямо участвуетъ въ военныхъ событіяхъ, происходившихъ внѣ ея границъ: этимъ впервые, хотя и молча, но все-таки признала за нею Европа право какъ бы на самостоятельность дѣйствій въ области международныхъ отношеній. Во время крымской войны, оставаясь въ тѣхъ же отношеніяхъ къ Портѣ, Сербія однакожъ не участвуетъ въ борьбѣ своего сюзерена съ Россіей, и такой самостоятельный образъ дѣйствій уже прямо рекомендуется ей и русскою и обще-европейскою дипломатіей. Событія 1862—1867 гг., политическими гранями коихъ были бомбардированіе Бѣлграда и сдача турками всѣхъ крѣпостей, находившихся на сербской территоріи, были уже прямыми, хотя и не тотчасъ вытекшими послѣдствіями этихъ событій. Заслуга Ристича, какъ историка, и заключается именно въ установленіи очевидной

связи между изложенными имъ эпохами сербской исторіи. Если присоединить къ этому и точность самаго изложенія, основаннаго на перво источникахъ, а мѣстами и замѣчательную по подробностямъ полноту разсказа, то понятно будетъ и значеніе книгъ Ристича въ ряду касавшихся того же предмета сочиненій. Было бы весьма кстати, въ виду современныхъ движеній на Балканскомъ полуостровѣ, если бы кто-нибудь взялъ на себя трудъ обогатить русскую литературу переводомъ книгъ Ристича.

Нилъ Поповъ.

Очерки Сербской литературы.

I.

Юрій Якшичъ (*1832– 1878*).

Подобно многимъ другимъ славянскимъ поэтамъ, Якшичъ былъ оцѣненъ только по смерти. Жизнь не особенно улыбалась ему. Онъ родился въ Банатѣ (южная часть Венгріи) неподалеку отъ мѣстечка Карлова, 27 іюля 1832 г. Отецъ его былъ приходскій священникъ. Первоначальное образованіе Юрій получилъ дома, а когда ему минуло десять лѣтъ, его отдали въ сербскую школу въ Сегединѣ, а оттуда онъ перешелъ на другой годъ въ гимназію. Ученье ему туго давалось, онъ не могъ «зазубривать» уроки и къ концу года очутился однимъ изъ послѣднихъ учениковъ. Для «исправленія» отецъ его отдавалъ на каникулы въ приказчики, что сыну не нравилось, такъ что онъ бѣгалъ изъ лавки. Случайно мальчикъ вздумалъ послѣ классовъ рисовать въ одной рисовальной школѣ въ Сегединѣ и на каникулы принесъ домой много рисунковъ. Тогда отецъ отвезъ его въ 1846 г. въ Темешваръ учиться рисованію. За годъ Юрій сдѣлалъ большіе успѣхи въ рисованіи, причемъ выучился нѣмецкому языку. Осенью 1847 отецъ послалъ его въ Пештъ въ академію художествъ. И тамъ подъ руководствомъ итальянца Марастони онъ сдѣлалъ еще большіе успѣхи. Весною 1848 г., вслѣдствіе венгерскаго возстанія онъ вернулся къ отцу и до зимы занимался у извѣстнаго живописца Даніэля, живя у котораго еще лучше изучилъ нѣмецкій языкъ и познакомился съ классической нѣмецкой литературой. Мирныя занятія свои онъ промѣнялъ на званіе ополченца въ сербскомъ «народномъ ополченіи», бившемся съ мадьярами. Мадьяры разорили деревню его отца и захватили послѣдняго въ плѣнъ, а Юрій съ братомъ бѣжалъ въ Бѣлградъ. Здѣсь нужда заставила Юрія работать поденщикомъ у каменщика, но вскорѣ онъ снова въ качествѣ добровольца принялъ участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ 49 году русскіе усмирили возстаніе венгерцевъ, и Юрій могъ вернуться на родину. Съ 1851 по 1853 г. онъ прожилъ въ Вѣнѣ, въ академію художествъ не ходилъ, серьезно живописью не занимался, нерѣдко очень нуждался въ средствахъ къ жизни, но за то жилъ весело въ обществѣ своихъ даровитыхъ сверстниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые, напр., Іованъ Іовановичъ и Поповичъ прославились на литературномъ поприщѣ, а другіе, какъ Политъ Десанчичъ на политическомъ. Особенное вліяніе на него имѣлъ Іовановичъ. Изъ иностранныхъ поэтовъ Якшичъ особенно любилъ Петефи. Въ это время Якшичъ началъ писать стихотворенія; нѣкоторыя изъ нихъ подъ именемъ «Первенцы Якшича» были напечатаны въ «Сербской Лѣтописи» за 1853 годъ. Въ этомъ же году, откупившись, при помощи отца, отъ воинской повинности, Якшичъ поѣхалъ въ Мюнхенъ для усовершенствованія въ живописи. Тамъ онъ усиленно работалъ въ теченіи года. Въ 1854 г. онъ надѣялся написать образа для одной церкви въ Карловѣ, но это не удалось, и съ осени 1855 г. до конца 1856 г. онъ провелъ въ Кикиндѣ, живя на случайные заработки отъ живописи, часто нуждаясь; къ этому времени относятся нѣкоторыя его пѣсни, по большей части мрачныя и тоскливыя по содержанію; даже нѣкоторыя любовныя пѣсни этого періода показываютъ мучительное настроеніе его духа. Въ концѣ 1856 года онъ пріѣхалъ въ Новый Садъ; тамъ онъ сталъ вести бурную и безпорядочную жизнь, а весной 1857 года прибылъ въ Бѣлградъ и вскорѣ получилъ мѣсто сельскаго учителя въ чернорѣченскомъ округѣ. Сельская тишь благотворно подѣйствовала на него и онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній («Путь въ Горнякъ», «Ночь въ Гор-

накѣ», «Вечеръ», «На Нотьишту», «Шта тье у лепом врту»). Но безпокойная натура поэта не долго выдержала въ этомъ уединеніи. Въ апрѣлѣ 1858 года онъ вышелъ въ отставку и очутился безъ всякихъ средствъ на улицахъ Бѣлграда. Въ августѣ удалось ему получить мѣсто учителя въ женской школѣ рисованія, гдѣ и оставался до 1860 года. Произведенія его печатались въ сербскихъ журналахъ, но не приносили ему ничего, такъ же какъ и его живописныя работы, которыми онъ притомъ былъ недоволенъ (горько каялся онъ, что пропустилъ годы ученья). Порывался онъ собраться съ силами и серьезнѣе заняться живописью, но помощи не было ни откуда. Несмотря на незавидное матеріальное положеніе, онъ въ іюнѣ 1861 г. женился на дочери одного учителя; въ сентябрѣ 1861 г. благодаря небольшой помощи отъ отца, онъ уѣхалъ съ женой въ Вѣну. По пріѣздѣ, онъ поступилъ въ историческій отдѣлъ академіи художествъ и много работалъ, много и читалъ. Жилъ онъ хоть небогато, но счастливо. Къ этому періоду относятся лучшія его лирическія пьесы, въ которыхъ онъ воспѣлъ любовь. Счастье вдохновляло его, онъ писалъ и эпическія произведенія, и драмы, и повѣсти. Пробывъ въ Вѣнѣ до іюля 1862 года, онъ оставилъ этотъ городъ навсегда. Поселившись въ Новомъ Саду, онъ занялся исторической живописью, и дѣло пошло вначалѣ удачно; сербская «Матица» удостоила его драму «Сеоба Србаља» награды въ сто дукатовъ. Но вскорѣ дѣла пошли хуже и въ маѣ 1863 г. онъ уѣхалъ въ Сербію, гдѣ и оставался до конца жизни. Скромное мѣсто учителя рисованія въ Крагуевачской гимназіи, едва дававшее средства къ существованію, мелкія дрязги мелкой жизни небольшаго городка, конечно, не могли подѣйствовать особенно благотворно на поэта. Онъ ударился въ сатиру, чѣмъ еще болѣе ухудшилъ своё положеніе. До 1872 г. онъ бѣдствовалъ, переходилъ съ мѣста на мѣсто, семья увеличивалась, онъ уже дошелъ до крайности, но наконецъ судьба сжалилась надъ нимъ и въ 1872 г. онъ получилъ мѣсто корректора въ казенной типографіи съ жалованьемъ въ 250 талеровъ, а потомъ 400 талеровъ въ годъ. За этотъ періодъ времени онъ написалъ довольно много разныхъ пьесъ. Лучшія изъ нихъ написаны въ деревнѣ. Въ деревнѣ онъ успокоивался, отдыхалъ душою и изъ подъ его пера выливались прелестныя вещи. Такъ, въ одну прекрасную майскую ночь въ 1866 году онъ написалъ «*У Липару*»— одно изъ лучшихъ своихъ лирическихъ произведеній. Особенно замѣчательна вторая часть этой небольшой поэмы «Полночь». О ней скажемъ ниже. Съ 1874 г. особенно онъ занялся повѣстями, которыя помѣщалъ въ лучшихъ сербскихъ журналахъ. Впрочемъ, издатели, зная его стѣсненное положеніе, не задумывались пользоваться имъ, и Якшичу пришлось не мало вытерпѣть всякаго рода непріятностей. Въ 1873 году Якшичъ издалъ собраніе своихъ эпическихъ и лирическихъ произведеній съ слѣдующимъ характернымъ выраженіемъ въ посвященіи князю Милану... «Ахъ, всѣ меня бросили, всѣ оставили! Не было мнѣ ни откуда помощи— только полуночныя птицы, тяжко хлопая крыльями, щебетали: «на свѣтѣ, братъ, нѣтъ любви!» Съ 1874 г. болѣзнь, уже давно гнѣздившаяся въ поэтѣ, стала усиливаться, онъ сталъ харкать кровью. Въ 1876 году онъ былъ при сербскомъ войскѣ и свои впечатлѣнія описалъ въ повѣсти «Раньеник». За эту повѣсть его осудили на тюремное заключеніе. Это страшно подѣйствовоdо на Якшича; во время суда онъ простудился и 16 ноября 1878 г. умеръ, не отбывъ назначеннаго ему судомъ наказанія. Смерть избавила его отъ этого незаслуженнаго позора.

Якшичъ пробовалъ свои силы во всѣхъ почти родахъ поэзіи. Онъ писалъ и лирическія стихотворенія, и эпическія, и драмы, и повѣсти. Началъ онъ съ лирики. Всѣ его лирическія произведенія *) можно раздѣлить на три періода: первый съ 1853 г. по 1861 г., второй съ 1861 г. до 1870 г. и третій съ 1870 г. до 1878 г. Конечно, это подраздѣленіе можетъ быть только приблизительнымъ. Въ первомъ періодѣ многія стихотворенія носятъ характеръ чего-то мрачнаго, ѣдкаго, гнѣвнаго, но сквозь эту мрачную тучу нерѣдко проглядываютъ клочки яснаго неба,

*) *См. полное собр. его соч. подъ названіемъ: «Дела Ђуре Јакшича. У Београду, 1882», т. I.*

встрѣчаются мѣста, полныя глубокаго и нѣжнаго чувства. Содержаніе очень просто, но не довольно разнообразно. Особенно хороши тѣ стихотворенія, гдѣ поэтъ состояніе своей души приводитъ въ гармонію съ живою природою. Таковы его первыя стихотворенія (*«Превенчад»*), относящіяся къ 1853 году. Стихотвореніе «Воспоминаніе» (*«Спомен»*) 1855 года полно мрака и тоски: поэтъ въ темной комнатѣ, свѣча догораетъ и готова погаснуть, его подавляютъ мрачныя думы о неизбѣжной смерти и воспоминанія о смерти его матери. Все стихотвореніе чрезвычайно колоритно и полно искренняго и глубокаго чувства. Мрачнымъ настроеніемъ и разочарованностью проникнуто стихотвореніе подъ названіемъ «Все прошло». «Все прошло, что было мнѣ мило, подходитъ вечеръ моихъ дней; казалось мнѣ, все это я видѣлъ во снѣ,—это былъ сонъ—но и сонъ исчезъ! Была одна дѣвушка, что любила меня— и теперь еще вянетъ по ней мое сердце; и даже когда душа моя разстанется съ тѣломъ, не забыть мнѣ этой дѣвушки! Уже я готовъ былъ стать съ ней предъ алтаремъ, чтобы испытать все, чего жаждало сердце такъ горячо, съ такимъ любовнымъ жаромъ, но ея смерть пробудила меня отъ сна. Тогда я подумалъ въ боевой схваткѣ, въ шумѣ мечей пролить черную кровь больнаго сердца, сражаясь за сербскую свободу, Но сонъ исчезъ, какъ весенній снѣгъ, кровь сердца не пролилась въ бою, а лежитъ въ этомъ сердцѣ змѣя, какъ отрава, и раны прошлаго терзаютъ сердце». Это стихотвореніе, содержаніе котораго я передалъ сейчасъ приблизительно прозой, ясно указываетъ на угнетенное настроеніе духа поэта въ то время.

Такою же печалью и тоскою проникнуты стихотворенія «Што не пијеш», «Мои болови», «Где ја», всѣ три относящіяся къ 1856 году. Въ стихотвореніи подъ названіемъ «Из делаонице» поэтъ останавливается на нѣкоторыхъ своихъ картинахъ. Одна особенно для него дорога: это портретъ красивой дѣвушки. Но онъ не хочетъ кончить портрета, онъ не смѣетъ, хотя бы и хотѣлъ коснуться этого «весенняго цвѣтка»; нѣтъ, не ему передать на полотнѣ этотъ смѣхъ на прекрасномъ лицѣ, все изящество дивнаго созданія, на это нужно бы кисть Рафаэля... Даже въ наслажденіяхъ любви поэтъ не находитъ утѣшенія, мысль о земномъ ничтожествѣ сокрушаетъ его, но требованія жизни берутъ свое. Такъ въ стихотвореніи «За што же» онъ спрашиваетъ: «Зачѣмъ меня не любишь, рай моей жизни? Зачѣмъ пропадаютъ безъ любви часы? Зачѣмъ въ уединеніи проводить темныя ночи?... Потемнѣетъ лицо, потускнѣютъ твои черныя очи, оледенѣетъ сердце, когда нагрянетъ зима. Вся твоя красота, нѣжность и страсть, все чего жаждетъ сердце, все пропадетъ. Посему не губи дней своей весны, обнимай и цѣлуй меня, пока насъ не схоронятъ».

Въ пѣсняхъ Якшича далеко нѣтъ той страстности и роскоши колорита, какъ у другихъ сербскихъ поэтовъ, но иногда прорывались и у него вещи въ такомъ родѣ. Таково небольшое граціозное стихотвореніе—«Господјици Л».., относящееся къ 1856 году и «Ал'ми сада» того-же года. Передъ новымъ 1857 годомъ онъ написалъ одно стихотвореніе, гдѣ жалуется на то, что угасъ въ сербскомъ народѣ духъ юначества и отваги («У очи нове године»). Тѣмъ же настроеніемъ отличается прекрасное стихотвореніе — «Старое время» («Стара доба»), написанное въ 1857.

Картины природы удаются Якшичу превосходно. Прекрасныя стихотворенія — «Вечеръ», «Путь въ Горнякъ», «Ночь въ Горнякѣ» и многія другія свидѣтельствуютъ объ этой сторонѣ его дарованія. Въ особенности замѣчательно его «Путь въ Горнякъ». Это одно изъ наиболѣе выдержанныхъ и прочувствованныхъ стихотвореній Якшича. Оно относится къ 1857 году, равно какъ милое стихотвореніе «Шта ге» и богатая, широкая, суровая картина, названная «Косово».

Къ 1858 году относятся нѣсколько стихотвореній любовнаго характера. Таковы: «Моя Милка», «Сунце». Но въ особенности замѣчательны любовныя пѣсни втораго періода творчества Якшича, именно написанныя въ 1862 году. Ихъ всѣхъ восемнадцать подъ общимъ заглавіемъ: «Любовь». Въ первомъ изъ нихъ поэтъ сближаетъ любовь къ своей милой съ любовью къ родинѣ. Сербія вернетъ себѣ прежнюю славу, сама любовь поэта послужитъ къ этой цѣли. Потому то любовь къ милой, отъ которой онъ ждетъ такъ

много, является въ такомъ чарующемъ видѣ: «Нѣтъ на небѣ звѣзды, которая бы сіяла какъ ты; въ самомъ солнцѣ нѣтъ такого свѣта»...

Это прекрасное сопоставленіе любви, выраженное богатыми, звучными, музыкальными стихами, одно изъ лучшихъ вдохновеній Якшича и, по своей оригинальности, не поддается переводу. Для этихъ 18 граціознѣйшихъ пѣсенъ всего лучше годился-бы особаго рода переводъ, именно положеніе на музыку. Будемъ надѣяться, что поэзія Якшича найдетъ себѣ истолкователя среди будущихъ сербскихъ композиторовъ.

Съ благородными, чистыми пѣснями о любви по красотѣ и изяществу стиха, по искренности и задушевности, могутъ соперничать три пѣсни подъ общимъ заглавіемъ—«У Липару». Въ первой изъ нихъ («Вечеръ») поэтъ, очарованный красотой майской ночи и пѣніемъ соловьевъ, сравниваетъ свои грустныя, отравленныя людскою злобою пѣсни съ соловьиными. Поэтъ жалуется своимъ пернатымъ сотоварищамъ на свою горькую участь и заключаетъ такими словами:..

«Давно прошли мои красные дни, цвѣты увяли, отвернулся отъ меня май, а на душѣ, какъ сломанный стебелекъ, или какъ тяжелый запахъ завялаго василька, осталась тяжелая рана, тяжелый вздохъ.

Не менѣе прекрасна вторая пѣсня—«Полночь». Полночь представляется поэту въ образѣ нѣмой богини въ черномъ плащѣ. Отовсюду раздается чуть слышный шорохъ. Что это? Не шепотъ-ли это духовъ земли? Или то звѣзды плачутъ, небо тоскуетъ, въ послѣдній разъ обнимая землю?.. Что это какъ бы крадется тихо—ангелъ-ли съ неба, любовь ли, или злоба?... Нѣтъ, то мать поэта приходитъ съ того свѣта взглянуть на сына. И онъ предъ дорогой тѣнью изливаетъ свои жалобы, свою грусть, свою тоску, свое полное разочарованіе въ людяхъ.... По искренности и глубинѣ чувства, по богатству образовъ, по волшебному колориту слѣдуетъ считать это стихотвореніе однимъ изъ лучшихъ стихотвореній Якшича.

Юнацкія пѣсни также очень удавались Якшичу. Напр. «*Бојна песма*» 1871 года отличается чрезвычайной энергіей и призывной силой. Еще выше въ этомъ отношеніи «*Герцеговинская боевая пѣснь*», написанная въ 1857 году. Къ этому же году относится прекрасное стихотвореніе «*Отачбина*». Въ 1876 году въ стихотвореніи «*Поздрав*» Якшичъ привѣтствовалъ нашихъ казаковъ и посылалъ съ ними поклонъ «старой матери Украинѣ». Стихотворенія семидесятыхъ годовъ почти не говорятъ о любви, о счастьи, они много говорятъ объ отчизнѣ, о свободѣ, о Сербіи, нерѣдко у поэта вырываются прелестныя картины природы («Земля» 1876), вырываются и ѣдкіе сарказмы противъ «Европы-тиранки».

Есть у Якшича нѣсколько стихотвореній въ честь князей сербскихъ, но это, за немногими исключеніями, слабыя вещи: поэтъ не умѣлъ бряцать на оффиціальной лирѣ. Но среди сатирическихъ пьесъ найдутся прекрасныя вещи, напр. «*Европейскій миръ*», «*Гречанкѣ*», и нѣкоторыя другія.

Вообще въ лирической поэзіи Якшичъ вполнѣ оригиналенъ, онъ внесъ въ нее особую струю, особый характеръ, рѣзко отличающій его отъ другихъ поэтовъ. Техникой стиха онъ овладѣлъ не вдругъ, но, овладѣвъ ею, онъ выказалъ себя большимъ мастеромъ. Если у него иногда не найдешь глубокихъ мыслей, за то всегда встрѣтишь искреннее и сердечное чувство. Въ своихъ эпическихъ пѣсняхъ, въ драмахъ и повѣстяхъ онъ проявилъ другія стороны своего большаго дарованія. Но о нихъ до другаго раза.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Димитрій Никольскій.

26 января 86.

Нынѣшняя Угрія въ мадьярскомъ и въ дѣйствительномъ освѣщеніи.

(По поводу книги: *La Hongrie politique et sociale*, par *Angelo de Gubernatis. Florence*. 1885. 8° III+357).

Одно изъ самыхъ странныхъ политическихъ явленій XIX в. представляетъ нынѣшнее положеніе Угріи и все возростающее господство въ ней мадьяризма. Всѣ привыкли думать, что походъ Магомета IV на Вѣну въ 1683 былъ послѣднѣй наступательной попыткой Азіи на Европу, послѣ

отраженія ею безчисленныхъ ордъ монгольскихъ, татарскихъ, финскихъ, совмѣстными усиліями народовъ романскихъ, германскихъ и особенно славянскихъ. И дѣйствительно, двухсотлѣтняя исторія Турціи представляетъ съ тѣхъ поръ ни что иное, какъ картину постепеннаго распаденія этой послѣдней великой представительницы Турана на почвѣ арійской. Подъемъ Россіи на высоту одной изъ величайшихъ міровыхъ державъ сдѣлалъ невозможнымъ повтореніе набѣговъ не только какого нибудь Аспаруха или Арпада, но даже Атиллы, Чингисхана, Тамерлана. Одновременно съ тѣмъ колонизаціонная политика западной Европы привела къ постепенному вымиранію цвѣтныхъ расъ, а отчасти и неарійскихъ вѣтвей бѣлой, въ различныхъ частяхъ Новаго и Стараго Свѣта.

И вдругъ, при полномъ развитіи столь гибельнаго для неарійцевъ процесса, мы видимъ въ самомъ центрѣ Европы постепенное превращеніе арійской, въ теченіе многихъ вѣковъ, Угріи въ финнскую Мадьярію!

Какъ бы ни стали мы объяснять это поразительное явленіе посторонними и внѣшними причинами, напр разсчетами австрійской политики, ея страхомъ передъ славянами, рѣшимостію во что бы ни стало вытравить послѣднихъ, хотя бы и мадьярской кислотой; содѣйствіемъ этому вытравленію со стороны папы, евреевъ, поляковъ, б м. самого Бисмарка: все же нельзя отрицать въ мадьярскомъ обществѣ и нѣкоторыхъ внутреннихъ качествъ, которыя опредѣлили выборъ именно мадьяръ для вытравленія славянъ и довели этотъ процессъ до столь осязательныхъ результатовъ.

Конечно, многое зависѣло при этомъ выборѣ отъ крайне изолированнаго и совершенно безпомощнаго положенія мадьяръ въ долинѣ средняго Дуная, ихъ крайней малочисленности и зависимости отъ окружающихъ болѣе сильныхъ народовъ германскаго и славянскаго происхожденія. Но въ подобномъ положеніи находятся и нѣкоторые другіе изолированные, малочисленные и зависимые австрійскіе народы, напр. евреи, цыгане, цынцары, армяне. Почему же однако Меттернихъ и его ученики предпочли для своего эксперимента именно мадьяръ? Очевидно, они обладаютъ ещё нѣкоторыми внутренними преимуществами, подходящими къ цѣлямъ меттерниховской политики.

Къ такимъ преимуществамъ могутъ относиться, напр., латинское вѣроисповѣданіе большинства мадьяръ, ихъ близость къ римско-германскому типу, особенно въ въ средѣ аристократической и буржуазной, податливость на стороннія вліянія— то придворныя, то бюрократическія, то жидовскія и т. п.

Но рядомъ со всѣми этими похвальными свойствами мадьяризма есть еще одно, особенно драгоцѣнное по своимъ послѣдствіямъ: это мадьярское умѣнье продавать товаръ лицомъ, болѣе того— сыпать пыль въ глаза довѣрчиваго наблюдателя!

Однимъ изъ блестящихъ образчиковъ такой мадьярской пыли можетъ служить изящная по внѣшнему виду и благодушнѣйшая по тону французская книга «О политической и соціальной Угріи», напечатанная извѣстнымъ италіянскимъ писателемъ Анджело де-Губернатисомъ. Какъ характеристика мадьярскаго самовосхваленія передъ европейской публикой, книга эта заслуживаетъ вниманія и русскаго читающаго люда.

Изъ предисловія книги мы узнаемъ, что она является результатомъ двухмѣсячнаго пребыванія автора въ Угріи, въ обществѣ мадьярскаго графа Гезы Кууна и подобранныхъ имъ лицъ. Въ теченіи этихъ двухъ мѣсяцевъ патріотическій графъ неотступно слѣдилъ за италіянскимъ писателемъ (il me suivais partout) и шпиговалъ его мадьярскими взглядами, которые затѣмъ съ величайшей наивностью воспроизведены довѣрчивымъ перомъ автора.

Графъ Куунъ и его друзья увѣрили г. Губернатиса, что Угрія дѣйствительно «великая держава» (grand état, стр. 18); увѣрили, что граждане этой державы, именно же мадьяры, люди самаго идеальнаго душевнаго склада! Въ большинствѣ своемъ это де самые пламенные патріоты (5), съ которыми никакой другой народъ не можетъ сравниться: il n'y a guère de peuple plus patriotique que le peuple hongrois (201). Главная бѣда этихъ патріотовъ заключается де въ томъ, что они не достаточно честолюбивы (il n'a pas asez d'ambition 4) и довольствуются дорогой

свободой (lui, le magyar, se serait contenté de sa chère liberté 4). По своему врожденному благородству мадьяръ не зло памятенъ (6). Даже крестьяне мадьярскіе проникнуты де сознаніемъ своего благородства (il se sent noble lui-même 84). Понятно, что настоящій мадьяръ не можетъ быть ни трусомъ, ни измѣнникомъ, ни льстецомъ! (8). Мадьярская конституція основывается де на всеобщемъ равенствѣ, при чемъ мадьяры и не думали захватить себѣ львиную часть (19). Словомъ, мадьярскій народъ возбуждаетъ, по мнѣнію гр. Гезы Кууны и его друзей, одно чувство зависти: le peuple hongrois ne saurait éveiller qu'un sentiment d'envie (12).

Удивительно ли, что этотъ идеальный народъ призванъ руководить всѣми прочими угорскими народами (les autres races qu'elle doit guider, 5), какъ глава державы (chef d'état, 18)! Да и не одними угорскими: подъ мадьярской игемоніей легко могутъ де соединиться и чехи, поляки, сербы, хорваты, черногорцы, болгары, даже саксы и даже румыны, которыхъ мадьяры призваны спасти отъ германизація (11). Вообще, цивилизованный потокъ, по мнѣнію г. Кууна и К°, долженъ широко раздвинуть границы Угріи (10), преобразивъ ее въ федерацію дунайскихъ народовъ: господство въ послѣдней мадьяръ является де залогомъ развитія въ ней рыцарскаго духа (143), ибо мадьяры не какіе нибудь тираны, а рыцари общаго дѣла: ler hongrois ne sont ni des tyrans, ni des oppresseurs, ...mars de véritables chevaliers de la cause commune (142). Это рыцарство указываетъ де на примѣсь въ мадьярахъ «кельтскаго пыла», роднящаго ихъ съ итальянцами и французами (48) и объясняющаго торжественный пріемъ, какой они встрѣчаютъ обыкновенно во Флоренціи, Парижѣ и индѣ (47).

При такихъ блестящихъ чертахъ и возвышенномъ призваніи мадьяръ, какою тупою странностью представляются мѣстные патріотизмы и инстинктъ самосохраненія прочихъ угорскихъ народностей! Италіянскій писатель, со словъ гр. Кууна, съ гордостью говоритъ о быстрой мадьяризаціи въ Угріи колонистовъ италіянскихъ (71) и съ горькими упреками обращается къ семиградскимъ и угорскимъ румынамъ за ихъ нежеланіе слиться съ благороднымъ мадьярскимъ народомъ (29, 48), считая это проявленіемъ не внутренней необходимости, а внѣшнихъ вліяній (44). Еще незаконнѣе представляется г. Губернатису, со словъ его руководителя, желаніе саксовъ отстоять свою народность отъ мадьяризаціи, которой требуютъ де интересы 15 милліоннаго населенія Угріи (16, 18)!

Относительно хорватовъ и ихъ борьбы съ мадьяризмомъ италіянскій писатель ограничивается очень наивнымъ вопросомъ: что сдѣлали бы они въ своемъ мадьярофобствѣ, если бы мадьяры изолировали Хорватію, направившись къ Адріатикѣ черезъ земля словинскія и отдавъ Сербіи Словонію (43)!

Положеніе сербовъ въ Угріи довольно де завидное. Ихъ школы вполнѣ независимы (37) а горечь ихъ изгнанія въ Пештѣ смягчается сердечностью хозяевъ этого города (не жидовъ ли? 39).

Что касается словаковъ и угроруссовъ, то г. Губернатису извѣстно о нихъ одно: теперь угроруссы тяготѣютъ де къ Галиціи, но въ непродолжительномъ времени притягательное дѣйствіе угорской свободы привлечетъ де къ послѣдней даже восточную Русь (не Москву ли? 42).

Не удивительно, что изъ среды столь великаго государства и народа не переставали и не перестанутъ выходить великіе люди и міровые дѣятели.

Такъ, напр., Деакъ оказалъ своимъ соглашеніемъ съ Австріей величайшую услугу не только угорскимъ народамъ, но и всему человѣчеству: Deac a rendu un grand service à l'humanite par cette réconciliation. Великъ былъ и Этвешъ, замѣнившій школы конфессіональныя государственными (116); великъ гр. Андраши, хотя онъ слишкомъ ужъ подчинился гр. Бисмарку (113), до забвенія даже священныхъ интересовъ полонизма (141); великъ Тиса, этотъ покровитель бюрократіи (144), буржуазіи и жидовъ (147), гордящійся своей бисмарковской непопулярностью въ покорной его волѣ странѣ (232). Но наипаче великъ и безсмертенъ г. Трефортъ, этотъ чудный геній (183, 187, 190), котораго вступленіе въ министерство составляетъ де эру въ исторіи мадьярской цивилизаціи (le 5 septembre 1872, jour mémorable dans l'histoire de la civilisation hongroise, M. Trefort accepta le portefeuille

de ministre, 185), и который то и дѣло увеличиваетъ число счастливыхъ людей на землѣ (en augment le nombre des heureux sur la terre 187). Этому геніальному «министру возрожденія», состоящему вѣроятно въ дружбѣ съ гр. Кууномъ, итальянскій публицистъ посвятилъ цѣлую главу (V. Un ministre de la renaissance. 181—197), чего не удостоился ни Деакъ, ни Андраши, ни Тиса, ни Апони, ни Гайнальдъ, ни кто либо другой изъ плеяды героевъ возрожденія.

. . . .

Иногда впрочемъ въ головѣ г. Губернатиса какъ будто промелькнетъ лучъ критики и сомнѣнія въ «мадьярскомъ глобусѣ»: тогда на яркой картинѣ этой блаженной мадьярской Аркадіи мелькаютъ вдругъ такія фигуры и штрихи, которые совершенно разрушаютъ иллюзію зрителя и наводятъ его на мысль, что это Аркадія не греческая, а—оффенбаховская!

Тутъ мы неожиданно узнаемъ, что не только въ 9-омъ в. мадьяры были варварами, не умѣвшими даже ѣсть и пить (C'est des Italiens qu'ils avaient apprisàmanger et à boire 50), но остались такими же и въ 19-мъ в.; что самъ гр. Сѣчени любилъ говаривать: «Угріи еще нѣтъ: она будетъ» (101); что великій Трефортъ, принявъ въ 1872 г. въ свое завѣдываніе мадьярскія школы и вообще образованіе, нашелъ, что тутъ все нужно творить, а не пре образовывать: En Hongrie il y avait tant à faire; il ne s'agissait pas de réformer, mais de créer (194). Узнаемъ далѣе, что въ возродительной дѣятельности гр. Сѣчени какое то подозрительное участіе принималъ кн. Меттернихъ (97): что цѣлью Кошута было мадьяризовать всю Угрію и демократизовать ее (103), замѣнивъ эволюцію революціей и задержавъ черезъ то на 20 л. развитіе страны (107), такъ что «герои 1849 г., эти мученики, великіе въ своемъ горѣ, священные въ печали, возвышенные въ гордости» (77), пали въ сущности не за «святое дѣло свободы» (85), а за грубое насиліе въ отношеніяхъ національномъ (мадьяризація) и соціальномъ (демократизація).

При всемъ своемъ безграничномъ оптимизмѣ, г. Губернатисъ все-таки по временамъ замѣчалъ, что есть въ нынѣшней Угріи и какая-то гниль: il y a quelque chose de pourri en Hongrie (246); что ея политика основывается не на какихъ либо нравственныхъ принципахъ, а на одномъ утилитаризмѣ и оппортунимѣ (170); что самъ саркастическій Тисса не можетъ безъ смѣха смотрѣть и на своихъ мамелюковъ въ парламентѣ, и на оппозиціонеровъ, зная не безкорыстный источникъ и вѣрности первыхъ и озлобленіе послѣднихъ (150); что данныя оффиціальной статистики о мадьяризмѣ половины угорскаго населенія составляютъ не болѣе, какъ иллюзію и притомъ довольно опасную (45), тогда какъ на дѣлѣ число настоящихъ мадьяръ очень не велико (6, 7).

Самымъ сильнымъ доказательствомъ мадьярской гнили служитъ для г. Губернатиса чрезмѣрное усиленіе въ странѣ жидовства. Хотя евреи и измѣняютъ свои фамиліи на мадьярскія, дѣлаясь изъ Янкелей, Шлемовъ, Срулей и т. п. Деаками, Зичими, Андрашами и т. п. (34), однако на дѣлѣ они остаются жидами и угрожаютъ вытравить въ Угріи всѣ прочія народности, не исключая и мадьярской (281). Быстрота ихъ размноженія, особенно въ городахъ и въ средѣ интеллигенціи, всего нагляднѣе выражается въ статистикѣ школъ; такъ въ будапештскомъ университетѣ въ 1874—75 уч. г. было изъ 2466 студентовъ 523 жида, а въ 1883—84 уч. г. изъ 3369 уже 1066 (270). Пештъ скоро станетъ-де мадьярскимъ Іерусалимомъ (35, 271), ибо и мадьяры въ немъ вымираютъ (279). Теперь евреи проложили себѣ доступъ и въ парламентъ (211), и въ сенатъ, благодаря покровительству гр. Андраши (146) и Тиссы, который считаетъ жидовъ лучшими мадьярскими патріотами (165), вѣроятно изъ благодарности къ денежной протекціи мадьярамъ со стороны вѣнскаго Ротшильда.

При такихъ условіяхъ даже въ прошпигованной мадьярскими взглядами головѣ г. Губернатиса возникаетъ иногда вопросъ: удержатъ ли мадьяры свою гегемонію въ Угріи или уступятъ ее народу болѣе цивилизованному (18)?

Изъ этихъ проблесковъ собственной мысли автора видно, что при наблюденіи болѣе продолжительномъ и разностороннемъ и при лучшемъ знакомствѣ съ исторіей Угріи, быть можетъ, онъ и разор-

валъ бы ту грубую ткань самовосхваленія и самомнѣнія, въ которую закуталъ его гр. Куунъ съ друзьями. Къ сожалѣнію, итальянскій профессоръ оказался очень недалекъ въ угорской исторіи. Онъ не знаетъ, напр., что въ ея лѣтописяхъ средняго и новаго періода, терминъ Hungarus, угринъ, имѣетъ политическое, а не этнологическое значеніе, и слѣд. ни мало не соотвѣтствуетъ этнологическому термину «мадьяръ». Вслѣдствіе этого смѣшенія г. Губернатисъ приписываетъ мадьярамъ то, что сдѣлано совокупными усиліями угорскихъ народовъ, т. е. и славянами, и нѣмцами, и румынами, и въ очень слабой лишь долѣ, мадьярами (стр. 54, 55, 58, 64, 66, 124). Авторъ имѣетъ очень смутное представленіе и о тѣхъ глубокихъ этническихъ и соціальныхъ переворотахъ, которые пережила Угрія въ 1000 л. отдѣляющихъ насъ отъ временъ Арпада: въ противномъ случаѣ, повѣрилъ ли бы онъ гр. Кууну въ томъ, будто большая часть мадьярскихъ аристократическихъ фамилій происходитъ отъ Арпада (246—247)? Съ этимъ можно согласиться развѣ при условномъ пониманіи слова Арпадъ, въ смыслѣ представителя финнскаго самомнѣнія, грубости и насилія. Но и въ такомъ случаѣ мадьярская мелкопомѣстная шляхта имѣла бы пожалуй еще болѣе аристократіи правъ на званіе потомковъ Арпада!

Но кто станетъ требовать знанія угорской исторіи отъ писателя, который имѣетъ лишь очень смутное представленіе о событіяхъ вчерашняго дня, который увѣряетъ, напр., будто 32-хъ процентный взносъ Угріи въ общеимперскій бюджетъ съ 1867 г. есть 32-хъ милліонная плата ея за освобожденіе (19)! Скорѣе наоборотъ, эти 32 проц. взноса при 50 проц. законнаго (?) вліянія Угріи на общеимперскія дѣла составляетъ 18-ти процентную премію въ ея пользу, на счетъ плательщиковъ цислейтанскихъ.

Не станемъ однако дольше останавливаться на проявленіяхъ легковѣрія и легкомыслія итальянскаго публициста: они и безъ того очевидны всякому, кто хоть нѣсколько знакомъ съ исторіей и современнымъ положеніемъ Угріи.

Но чтобы и въ глазахъ ослѣпленнаго мадьяризмомъ читателя разлетѣлось марево мадьярскаго благородства, свободолюбія и политической нравственности, я позволю себѣ изложить для сравненія съ фикціею г. Губернатиса содержаніе одного безспорнаго документа, именно «*всеподданнѣйшей петиціи словацкихъ патріотовъ отъ 30 іюня 1885 г. по дѣлу словацкой Матицы*», которая напечатана въ приложеніи къ № 104 Národních Novin, въ Турчанскомъ св. Мартинѣ, 5 сентября 1885 г.

Съ разрѣшенія императора Франца Іосифа отъ 21 авг. 1862 г., въ Турчанскомъ св. Мартинѣ открыто было подъ именемъ «Matica Slovenská» литературное общество, имѣющее по уставу цѣлью «возбужденіе, расширеніе и утвержденіе въ членахъ славянскаго народа нравственнаго и умственнаго образованія, воздѣлываніе и поощреніе словацкой литературы и изящныхъ искусствъ, а чрезъ то подъемъ и матеріальнаго благосостоянія этого народа», съ исключеніемъ изъ программы дѣятельности этого общества вопросовъ политическихъ и вѣроисповѣдныхъ. Въ первомъ учредительномъ собраніи этого общества, состоявшемся 4-го августа 1863 г., заслушано было между прочимъ и сообщеніе угорскаго намѣстника графа Пальфи о пожертвованіи Матицѣ 1000 флориновъ самимъ императоромъ, которому вслѣдствіе того поднесенъ былъ 12 окт. 1866 г. особою депутаціею дипломъ на званіе члена учредителя означеннаго общества.

Согласно § 37 устава вся дѣятельность Матицы совершалась подъ непрерывнымъ контролемъ правительства и общества. На всѣхъ общихъ собраніяхъ Матицы присутствовалъ правительственный коммиссаръ; протоколы этихъ собраній, а равно и заявленій распорядительнаго ея комитета препровождались въ угорскій намѣстническій совѣтъ, а позже въ угорское министерство внутреннихъ дѣлъ; сверхъ того, они печатались, вмѣстѣ съ денежными отчетами, въ «Лѣтописи» Матицы. Правильность дѣйствій ея и согласіе ихъ съ уставомъ явствуетъ уже изъ того, что, за время ея существованія лишь однажды опротестованы были рѣшенія общаго собранія правительственнымъ коммисаромъ, именно въ 1868 году, по вопросамъ: 1) о пособіи нѣкоторымъ словацкимъ ученымъ и художникамъ и 2) о пособіи студентамъ, причемъ, однако, про-

тестъ этотъ оставленъ безъ послѣдствій рѣшеніемъ самаго министерства, отъ 14 декабря 1868 года.

Несмотря на все это, съ самаго начала нашлись въ Угріи нѣкоторыя шовинистическія преданія и лица, которыя обвиняли Матицу въ противогосударственной тенденціи, причемъ они, очевидно, отождествляли интересы узко-мадьярскіе съ общегосударственными.

Людямъ этого крайняго направленія удалось въ 1874 году добиться *закрытія правительствомъ трехъ частныхъ славянскихъ гимназій* (въ Великой Ревуцей, Турчанскомъ св. Мартинѣ и Кляшторѣ подъ Зніевомъ), подъ предлогомъ якобы антигосударственнаго ихъ направленія, на дѣлѣ же *за употребленіе въ преподаваніи языка словацкаго*, хотя это не мѣшало основательному изученію и мадьярскаго языка.

Успѣвъ въ этомъ, мадьярскій шовинизмъ сосредоточилъ всѣ усилія на разрушеніи Матицы. Первымъ признакомъ этого было прибытіе въ 1874 г. въ Турч. св. Мартинъ министерскаго совѣтника Экельфалуши, который отобралъ отъ предсѣдателя Матицы всѣ протоколы и счеты ея и увезъ съ собою въ Пештъ.

Вслѣдствіе того предсѣдатель Матицы, Павлини-Тотъ, отправился въ началѣ 1875 г. въ Вѣну съ петиціей къ императору о защитѣ словацкихъ гимназій и Матицы, но не получилъ аудіенціи. Не добился ея и евангелическій пасторъ Іос. Гурбанъ, принужденный ограничиться внесеніемъ своей петиціи въ кабинетную канцелярію: вскорѣ петиція эта возвращена ему безъ послѣдствій, за «отсутствіемъ высочайшей резолюціи».

А между тѣмъ министръ внутреннихъ дѣлъ Тиса, своимъ распоряженіемъ отъ 6 апрѣля 1875 г., пріостановилъ дѣятельность Матицы, возложивъ на турчанскаго поджупана Юста производство слѣдствія по этому дѣлу, а на адвоката Чепчани завѣдываніе имуществомъ Матицы.

Распоряженіе о прекращеніи дѣятельности Матицы было приведено въ исполненіе, но о формальномъ слѣдствіи никто ничего не слышалъ. Никто изъ представителей Матицы не былъ допущенъ, хотя объ этомъ просили, отъ 8 ноября 1875 г., г. Тису представитель Матицы Павлини-Тотъ и секретарь Сасинекъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на это прошеніе, послѣдовало *распоряженіе г. Тисы, отъ 12 ноября 1878 г. о совершенномъ закрытіи Матицы*, мотивированное тѣмъ, что она ни мало не содѣйствовала развитію словацкой литературы и искусства, а занималась лишь политической агитаціей въ противогосударственномъ славянскомъ духѣ, фальсифицируя отечественную исторію, распространяя даже въ школьныхъ книгахъ анти-государственныя тенденціи, а въ добавокъ неправильно завѣдывала ввѣреннымъ ей имуществомъ. Относительно послѣдняго г. Тиса распорядился передать въ вѣдѣніе государства на томъ основаніи, что § 35 устава о передачѣ имущества Матицы, въ случаѣ ея закрытія, «*словацкому народу*» невыполнимъ, *за несуществованіемъ такого народа.* Если бы, впрочемъ, со временемъ образовалось общество съ аналогичными цѣлями, но съ достаточными гарантіями противъ повторенія анти-государственной агитаціи, то г. Тиса обѣщалъ передать таковому секвестрованное имущество Матицы.

Въ силу этого распоряженія, имущество это передано было министерскому уполномоченному, причемъ, однако, не было составлено описи матичнаго музея и библіотеки. Этотъ недостатокъ былъ сначала устраненъ врученіемъ представителю Матицы, адвокату Пивку, втораго ключа отъ музея и библіотеки; но впослѣдствіи ключъ этотъ былъ отъ него отобранъ и въ помѣщенія эти министерскій уполномоченный самовольно вводилъ хранителя будапештской сѣченіевской библіотеки Майлата. Протестъ противъ этихъ подозрительныхъ посѣщеній, представленный г. Тисѣ адвокатомъ Пивкомъ отъ 30 апрѣля 1884 г., оставленъ министромъ безъ послѣдствій.

15 февраля 1885 г. мадьярскія и нѣмецкія газеты въ Будапештѣ оповѣстили объ учрежденіи тамъ особаго «*угорско-краинскаго словацкаго образовательнаго общества*», для изданія словацкихъ переводовъ съ мадьярскаго, при пособіи изъ фондовъ Матицы.

5 іюня тѣ же газеты донесли о предстоящей высылкѣ въ Турчанскій св. Мартинъ особыхъ повѣренныхъ для отобра-

нія всего матичнаго имущества и передачи его означенному мадьярскому обществу.

Вслѣдствіе того составлено было 25 іюня 1885 г. въ св. Мартинѣ *всеподданнѣйшее прошеніе* о защитѣ Матицы, столь самовольно закрытой г. Тисою. Въ прошеніи этомъ доказано, что министръ внутреннихъ дѣлъ не *имѣетъ права закрыть общество*, возникшее съ высочайшаго разрѣшенія; что закрытіе это произошло *безъ предварительнаго формальнаго слѣдствія*; что представители Матицы *лишены* были права ея законной *защиты*, предоставляемаго—послѣднему злодѣю; что всѣ обвиненія ея выведены изъ односторонняго разсмотрѣнія протоколовъ и счетовъ, намѣренно *перетолкованныхъ* въ однихъ случаяхъ или неправильно понятыхъ въ другихъ; что 12-лѣтняя (1863—75 г.) дѣятельность Матицы никакъ не можетъ быть названа безплодною для словацкой литературы и искусства, особенно въ виду незначительности предоставленныхъ ей частныхъ средствъ и при отсутствіи какого либо содѣйствія со стороны государства; что антигосударственная *агитація* Матицы есть *измышленіе ея враговъ*, ни на чемъ не основанное, что въ противномъ случаѣ эта агитація *была бы раньше обнаружена* и воспрещена правительствомъ, которое имѣло своего коммисара на всѣхъ общихъ собраніяхъ Матицы и контролировало всѣ ея протоколы и счеты; что не можетъ считаться политической агитаціей отправленіе Матицею *депутата въ Загребъ*, на открытіе *югославянской академіи*, гдѣ присутствовали депутаты и отъ мадьярской академіи наукъ; что противогосударственная *тенденція матичныхъ изданій есть выдумка*, которая опровергается уже тѣмъ, что ни одно изъ нихъ не подверглось судебному преслѣдованію; что изъ обвиненныхъ г. Тисою *школьныхъ книгъ*, именно читанокъ г. Чернаго, одна *рекомендована самимъ министерствомъ* 13 ноября 1864 г., а другая 12 декабря 1865 г., какъ хорошія пособія для гимназій; что правильность матичнаго *счетоводства* удостовѣряется непрерывностью ихъ *контроля* и правительственнаго, и частнаго, при полной гласности дѣятельности Матицы, что даже въ случаѣ нарушенія какой-либо статьи устава или государственныхъ законовъ, правительство могло помочь дѣлу напоминаніемъ, поправкой, приложеніемъ устава и т. п. предупредительными или карательными мѣрами, но никакъ *не лишеніемъ права на существованіе*; что даже въ случаѣ закрытія Матицы, *имущество* ея, доходящее *до 100,000 флориновъ*, должно по § 35 устава считаться собственностью *словацкаго народа* и употребляться на цѣли, *опредѣленныя послѣднимъ общимъ собраніемъ*, что, вопреки отрицанію г. Тисы, *такой народъ болѣе тысячи лѣтъ существуетъ въ числѣ 2—3 мил. душъ*, занимая сплошной массой территорію *отъ Пресбурга* по Кошицы и *отъ Бацова по Татры*, и сверхъ того въ многочисленныхъ общинахъ находился, перемѣшанный лишь съ небольшими мадьярскими и нѣмецкими островками; что министерство внутреннихъ дѣлъ не можетъ замѣнить собою послѣдняго общаго собранія, и что наконецъ *передача* матичнаго имущества *новообразованному въ Пештѣ обществу*, составленному изъ *злѣйшихъ враговъ словацкаго народа*, была бы *величайшею* для него *обидою*.

Содержаніе этого всеподданѣйшаго прошенія было въ сокращеніи сообщено и г. Тисѣ особою депутаціею, но все это оказалось гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. *Императоръ не только не принялъ депутаціи, но даже не положилъ никакого рѣшенія на петицію*, предавъ ее на усмотрѣніе того же *Тисы*, который, въ свою очередь, принялъ депутацію *очень грубо и презрительно*, не удостоивъ ея членовъ даже разговора съ собою. 29 августа 1885 г. лица, подписавшія петицію, были извѣщены, что она *оставлена безъ послѣдствій*.

Вслѣдъ за тѣмъ *имущество* Матицы, составившееся изъ скромныхъ приношеній на алтарь народности бѣднаго словацкаго люда, было *передано* новоиспеченному въ Пештѣ *мадьяризаторскому обществу*, *призванному подавить этотъ людъ, его языкъ, литературу, народность*!

Что касается музея и библіотеки Матицы, то есть основаніе предполагать, что они будутъ включены въ мадьярскій музей Будапешта, при чемъ, конечно, не одинъ славянскій памятникъ прошлаго будетъ скрытъ подъ спудомъ или, по-

жалуй, и уничтоженъ, чтобы прекратить такъ называемую «фальсификацію» мадьярской исторіи славянскими преданіями и воспоминаніями!

Если къ этому документальному эпизоду о судьбѣ словацкахъ гимназіи и Матицы прибавить еще небывалый *терроризмъ*, заведенный г. Трефортомъ въ свѣтскихъ и духовныхъ *школахъ* и гекатомбы славянскихъ жертвъ, приносимыхъ въ нихъ ежегодно *молоху мадьяризма*, то *передѣлкою* словаковъ, русскихъ, сербовъ, хорватовъ и др. славянъ и *арійцевъ въ финновъ*, то просто *изгнаніемъ изъ школъ* каждаго юноши, который заговоритъ или запоетъ по славянски (какъ недавно случилось съ дюжиною студентовъ въ Пресбургѣ и Остригомѣ), то получится довольно яркая иллюстрація воспѣтой г. Губернатисомъ мадьярской свободы, благородства, правдолюбія и культурности!

Что значитъ пустая фразеологія наивнаго итальянца въ сравненіи съ лапидарнымъ языкомъ одного такого документа, какъ всеподданнѣйшая петиція 25 іюня 1885 г. по дѣлу о «Словацкой Матицѣ»!

Что значатъ возгласы о всесвѣтныхъ благодѣяніяхъ Деака, о правдолюбіи Тисы, о величіи Трефорта, при сравненіи съ этимъ *подавленнымъ стономъ цѣлаго народа*, который борется *за право* жизни на своей *исконной почвѣ*, съ фанатизованною и *хищною ордою* какимъ то чудомъ воскрешеннаго или по крайней мѣрѣ гальванизованнаго Арпада!

И все это дѣлается въ глазахъ Европы, болѣе того, въ глазахъ Россіи, въ послѣдней четверти XIX вѣка!

Когда же явится наконецъ Геркулесъ, который, взявъ въ руки метлу, очиститъ эту Авгіеву конюшню отъ мерзости, накопленной въ ней потомками аваровъ, мадьяръ, печенѣговъ, половцевъ и тому подобной степной саранчи! **М. Н. М.**

Извѣстія изъ Славянскихъ земель, по газетамъ *).

Послѣ несчастной войны съ Болгаріей Сербія очутилась въ весьма затруднительномъ состояніи. Заговорили о необходимости внутреннихъ преобразованій. Но прежде чѣмъ думать о послѣднихъ, говоритъ «Српски Лист» № 51, $\frac{\text{31 декабря 1885 г.}}{\text{12 января 1886 г.}}$ надо покончить съ болгарской распрей. На это должно быть обращено вниманіе союза всѣхъ сербскихъ партій, а равно и на такія внутреннія преобразованія, которыя всего болѣе вліяютъ на внѣшнія отношенія. Сербія должна вступить въ тѣсный братскій союзъ съ Черногоріей, гдѣ несчастія Сербіи встрѣтили такое горячее участіе. Это самый естественный для Сербіи союзъ, его требуетъ сама народная воля. Не время ли, продолжаетъ «*Српски Лист*», обратиться и къ Россіи? Правда, послѣ войны 1878 г. Сербія имѣла основаніе быть недовольной Россіей, но, если это недовольство будетъ продолжаться слишкомъ долго, то оно будетъ опасно для Сербіи. Теперь время спросить Россію, какъ она смотритъ на сербовъ, считаетъ-ли она ихъ только предметомъ торговли въ своей внѣшней политикѣ, или думаетъ справедливѣе отнестись къ нимъ, какъ относится, напр., къ народу черногорскому. Тѣмъ болѣе, что предъ Россіей провинились сербскіе владѣтели, а отнюдь не сербскій народъ.

Въ Сербіи много говорятъ о предполагаемой отставкѣ Гарашанина, но послѣ благодарственнаго рескрипта короля Милана на имя Гарашанина для всѣхъ стало очевидно, что онъ останется во главѣ правительства. Только два министра Райовичъ и Мариковичъ подали въ отставку, обусловивъ ее тѣмъ, что предположенное созваніе скупщины не состоялось.

Несмотря на плачевное состояніе государственныхъ финансовъ и обѣдненіе народа къ королю Милану являются со всѣхъ краевъ сербскія депутаціи съ изъявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и съ требованіями продолжать войну во что бы то ни стало («*Видело*» №№ 6 и 7). Сербскіе церкви и монастыри пожертвовали въ пользу общества Краснаго Креста и на военныя нужды больше 32 тысячъ франковъ.

Газета «*Уставност*» въ № 1 1886 года сообщаетъ о разныхъ случаяхъ варварскаго обращенія болгаръ съ сербами, взводя вину въ этомъ на дунайскихъ болгаръ, но не на румеліотовъ. Болгары ограбили церкви въ Пиротѣ и Ржанѣ. Въ Пиротѣ князь Александръ велѣлъ снять колоколъ съ колокольни и ограбить домъ, гдѣ оста-

*) Изъ Сербскихъ и Болгарскихъ газетъ.

навливался. Тоже сдѣлалъ Каравеловъ. Кромѣ того, князь Александръ велѣлъ сжечь государственный архивъ въ Пиротѣ. Въ свою очередь Сербія, занявъ снова Пиротъ, разстрѣляла 6 болгаръ, отъ 30—40 человѣкъ посадила въ тюрьму и десятка два семействъ выселила оттуда во внутренніе округа Сербіи. Это была месть за адресъ жителей Пирота, поднесенный князю Александру (*«Търновска Конституция»* № 1, 4 января 1886 г.).

24 декабря умеръ Панта *Іовановичъ*, членъ государственнаго совѣта и бывшій министръ финансовъ за время несовершеннолѣтія князя Милана. Іовановичъ родился въ 1828 году въ Бѣлградѣ, гдѣ получилъ юридическое образованіе. Потомъ онъ учился въ гогенгеймской земледѣльческой школѣ, гдѣ особенно изучалъ политическую экономію и финансовую науку. Затѣмъ онъ служилъ въ контролѣ; по возвращеніи Милоша въ Сербію былъ сдѣланъ секретаремъ государственнаго совѣта, такъ что всѣ проекты законовъ проходили чрезъ его руки. Въ 1862 г. онъ былъ сдѣланъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ финансовъ, а затѣмъ и министромъ. Въ 1873 году онъ вышелъ въ отставку. Изъ многихъ финансовыхъ законовъ, выработанныхъ имъ, особенно замѣчателенъ законъ о лѣсахъ 1872. Іовановичъ придерживался протекціонной системы и умѣлъ избѣгать дефицитовъ.

За послѣднее время въ политической сферѣ обратила на себя вниманіе коллективная нота державъ о разоруженіи балканскихъ государствъ. Сербія отвѣчала на эту ноту отказомъ, обусловливая послѣдній опасеніемъ чрезмѣрнаго усиленія Болгаріи. (*«Видело»*, № 5).

Съ того времени, какъ Англія стала противъ Россіи на сторону соединенія Болгаріи съ Румеліей, отношеніе австрійской печати къ Сербіи круто перемѣнилось, она восхваляетъ на всѣ лады князя Александра и не говоритъ болѣе о «равновѣсіи» на Балканскомъ полуостровѣ. Въ виду такой перемѣны возможна и перемѣна сербской политики, на что указываетъ уже попытка королевы Наталіи образовать правительство изъ представителей всѣхъ партій (*«Србобран»*, № 9, 13 янв. 1886).

Въ *Босніи* и *Герцеговинѣ* католическая пропаганда получаетъ явную поддержку со стороны правительства. Такъ, въ корреспонденціи изъ Берчки (въ Босніи) въ газету *«Српски Лист»* сообщается, что мѣстныя власти, въ силу предписанія отъ министра Каллая потребовали, чтобы на будущее время сербскія православныя школы назывались не сербскими, а православно-восточными или греко-восточными. Мѣстныя церковныя общины обжаловали это распоряженіе. *«Српски Лист»* въ передовой статьѣ, посвященной этому вопросу (№ 1 текущаго года), рѣзко оспариваетъ законность этого распоряженія, вызваннаго происками католической іезуитской партіи, представители которой однако находятъ, что мѣры, принимаемыя правительствомъ противъ православія въ Боснѣ и Герцеговинѣ, недовольно рѣшительны; такой именно взглядъ высказалъ неизвѣстный авторъ недавно вышедшей въ Лейпцигѣ брошюры: «Bosniens Gegenwart und nächste Zukunft».

Д. Никольскій.

Изъ чешскихъ газетъ.

Мысли чеха объ общеславянскомъ книжномъ языкѣ.—Два мнѣнія о неудачѣ Велеградскаго торжества. Славянскій у чеховъ.

Въ наступившемъ году органъ младочеховъ, уже 26 годъ издаваемый д ромъ. Юліемъ Грегромъ, *«Народни Листы»*, праздновалъ 25-лѣтній юбилей своего существованія. Юбилейное число вышло въ значительно увеличенномъ объемѣ и содержитъ, между прочимъ, обзоръ послѣдняго двадцатипятилѣтія въ Чехіи. Оставляя до другаго времени ознакомленіе съ нимъ читателей, отмѣтимъ только теперь одну изъ статей числа, написанную по поводу нашей переводной статьи д-ра Абеля «О возможности общеславянскаго литературнаго языка». («Сл. Изв.», 1885, стр. 392- 396 и 495—500). Во многомъ мы и сами лично не согласны съ авторомъ этой статьи и, можетъ быть, выскажемъ какъ нибудь нашъ личный взглядъ на это дѣло, а теперь позволимъ себѣ познакомить читателей съ содержаніемъ статьи г. Эдварда Богданецкаго въ «Народнихъ Листахъ». Дѣлаемъ это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что намъ всег-

да пріятно выслушать, какъ думаютъ о томъ или другомъ вопросѣ наши братья, только бы говорилось откровенно, прямо: въ этомъ только случаѣ лучше всего сговоримся безъ всякихъ недоразумѣній. Но перейдемъ къ статьѣ г. Богданецкаго. Авторъ, можетъ быть, и правъ, говоря о непрактичности статьи Абеля. Лично мы согласны со словами автора, что «никто не сомнѣвается въ огромныхъ выгодахъ, которыя бы возникли для Славянства отъ этого могущественнаго оружія, но никто не можетъ отрицать, что высказываемыя до сихъ поръ желанія выбрать литературною рѣчью языкъ той или другой вѣтви—неисполнимы и неприложимы. Такое сближеніе должно быть приготовлено, прирождено безъ ученическихъ предписаній, безъ политическаго обоснованія». Согласны мы *лично* и съ тѣмъ, что: «богатая литература русская и ея всесторонность привлекаетъ къ себѣ съ неодолимою силою, но это одно качество не можетъ говорить за то, чтобы русскій языкъ сталъ всеобщимъ славянскимъ языкомъ уже при этомъ условіи; она должна подчиниться еще цѣлому ряду перемѣнъ, должна—при всемъ своемъ богатствѣ—принять въ свои нѣдра еще много подравнивающихъ прибавокъ изъ другихъ славянскихъ отраслей. Что будетъ такъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь нисколько». Съ этимъ, говоримъ, можно согласиться, но трудно согласиться съ тѣмъ, что говоритъ г. Богданецкій объ азбукѣ. Допустимъ все (т. е. выгоды русскаго языка и письма), говоритъ онъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я настаиваю на томъ, что тѣми же выгодами, которыми отличается азбука (т. е. кириллица), можетъ гордиться и латиница. Дѣло только въ совершенномъ приспособленіи этого матеріала, какъ, напр., произошло у словаковъ.» Должно сознаться, что мы далеки отъ признанія полнаго удобства словацкой азбуки и мысль, выраженная г. Абелемъ, остается для насъ въ полной силѣ (см. «Изв.» за 1885 г., стр. 393): это одна изъ тѣхъ мыслей Абеля, подъ которой и мы лично подписываемся обѣими руками. Мы не споримъ съ тѣмъ, что «*въ началѣ бѣ слово*», но съ другой стороны не можемъ и отрицать того, съ какими трудностями сопряженъ для всѣхъ славянъ—даже употребляющихъ латиницу—разборъ, напримѣръ фрейзингенскихъ статей X вѣка, писанныхъ латиницею, сравнительно, напримѣръ, съ чешскою припиской и въ Реймскомъ ев. XIVв., писанною глаголицей, для тѣхъ понятно, кто мало мальски знакомъ съ глаголицей. Насъ, пожалуй, могутъ упрекнуть въ дурномъ выборѣ примѣра неудобства латиницы для славянскаго письма, указавъ на тѣ усовершенствованія въ ней, какія введены въ послѣднее время, но очевидность остается очевидностью и при теперешнихъ точкахъ, черточкахъ и крючкахъ, коимъ имя «легіонъ». Затѣмъ, вѣдь самъ авторъ признаетъ неудобство для славянъ различнаго начертанія. «Послушайте только», говоритъ онъ, «простаго нашего земляка, который случайно выслушалъ свободную бесѣду южно-славянскихъ братьевъ и онъ всегда скажетъ вамъ, что онъ многое у нихъ понялъ. Напишите ему это разсужденіе необычными письменами, чужой азбукой, онъ вамъ признается, что въ этихъ каракуляхъ онъ не находитъ ни одного знакомаго, только однихъ чужестранцевъ; напишите его домашними буквами (по домашнимъ правиламъ) и онъ узнаетъ родство, рельефно-выступающее изъ-за маски». Если это такъ, если азбука имѣетъ такое громадное значеніе, то не ясно-ли, что вопроса о ней избѣгать не слѣдуетъ, а напротивъ слѣдуетъ все чаще и чаще къ нему обращаться. Пока будутъ двѣ азбуки, до тѣхъ поръ, изъ словъ самого автора слѣдуетъ, для общенія между собою славяне будутъ нуждаться въ посредникѣ. «Изъ этихъ нѣсколькихъ примѣровъ, думаю, говоритъ г. Богданецкій достаточно ясно, въ чемъ наша непрактичность въ процессѣ дѣйствительнаго сближенія, а не только платонической книжной взаимности: мы, славяне, до сихъ поръ не имѣли достаточно уваженія одни къ другимъ, чтобы—что и служитъ этому желанію — перелагать инославянскую словесную заготовку на письменный обликъ собственной рѣчи. Большею частію облюбовали приводить—какъ бы въ доказательство своей собственной учености и просвѣщенности—славянскія муміи и потому то въ междуславянскомъ ознакомленіи и разумѣніи такой ограниченный успѣхъ». Не ясна ли изъ этихъ словъ необходимость въ посредникѣ, переклад-

чикѣ, а слѣдовательно и въ нѣкоторомъ тормазѣ къ общенію при двухъ азбукахъ? не слѣдуетъ ли отсюда необходимости, самой настоятельной необходимости, въ единой азбукѣ? А такою можетъ быть только та, составъ которой уже разъ былъ приспособленъ для всѣхъ славянъ. Мы весьма далеки отъ того, чтобы этими словами посягать на священныя для насъ права другихъ славянъ: это не посягательство на ихъ права, которыя мы *уважаемъ* не менѣе ихъ самихъ, а откровенное выраженіе мнѣній безпристрастнаго человѣка. Намъ кажется, что каждый славянинъ съ нѣкоторымъ образованіемъ долженъ и безъ нашего совѣта знать письмена, которыми изображаетъ свои звуки языкъ славянскихъ апостоловъ; знаніе этого языка необходимо каждому образованному славянину, безъ него невозможно пониманіе своего собственнаго. Знаніе старославянскаго языка должно служить знаменемъ каждаго славянина, дорожащаго своей народностью, а ужъ при знаніи старославянскаго языка буквы, даже гражданицы, не будутъ *«каракулями»*, *«славянскими мумiями»*. Если бы православные славяне-кириллики также нуждались въ знакомствѣ съ латиницей, то и тогда, пусть отвѣтятъ намъ славяне латиничники, положа руку на сердце, справедливо-ли было-бы требовать отъ нихъ знакомства съ новымъ видомъ, съ видомъ, далеко расходящимся отъ того, какой имѣетъ она у другихъ, употребляющихъ латинскія письмена, народовъ.... Ссылки на простой народъ, умѣющій только читать и писать, ссылки совершенно излишнія: для него, повѣрьте, и переходъ отъ готическаго нѣмецкаго письма и отъ мадьярской латиницы къ новому виду ея былъ далеко не легокъ, былъ тоже новшествомъ, да еще и новшествомъ слабо обоснованнымъ; намъ кажется, что переходъ къ письменамъ, освященнымъ именами дорогихъ славянству апостоловъ Кирилла и Меѳодія, при нѣкоторомъ развитіи народнаго самосознанія, нашелъ бы болѣе поддержки въ народѣ, особенно если бы этотъ переходъ, въ связи съ необходимымъ введеніемъ въ школы старославянскаго языка, выразился въ принятіи хотя бы не гражданицы, а кириллицы въ ея болѣе древнемъ видѣ. Тогда и мы съ удовольствіемъ сдѣлали бы уступку братьямъ и пошли бы имъ на встрѣчу, давая все болѣе и болѣе мѣста въ своихъ книгахъ древнѣйшему виду кириллицы. И снова по истеченіи тысячи лѣтъ почувствовали бы мы, что духъ святыхъ братьевъ живетъ среди насъ и принялись бы мы славяне, сообща подъ ихъ знаменемъ за начатый ими трудъ, который, по нашему личному мнѣнію, и долженъ бы идти въ томъ духѣ, какой рекомендуетъ г. Богданецкій. «Есть тысячи славянъ, говоритъ г. Богданецкій, которые въ разговорахъ употребляютъ чужія слова своихъ ближайшихъ либо отдаленнѣйшихъ сосѣдей, но сколько тѣхъ, которые употребляютъ въ рѣчи «славизмы», принимая выразительное, наглядное, красивое слово, которое неизвѣстно только до тѣхъ поръ, пока не произнесено? Можно было бы пересчитать ихъ по пальцамъ, а между тѣмъ въ этомъ-то постепенномъ взаимномъ обогащеніи (вопреки обремененію чужими словами или подражаніями) отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій и заключается вся тайна возможности или невозможности почти единаго книжнаго языка славянскаго; почти единаго потому, что, и соединясь какъ можно тѣснѣе въ словесной заготовкѣ, въ обликахъ мы будемъ расходиться всегда. Въ обликѣ языка будетъ проявляться разница языка между отдѣльными славянскими вѣтвями, въ сущности же—будутъ ли только желать или иначе какъ будутъ благопріятствовать имъ обстоятельства—сближеніе по языку вполнѣ возможно, но оно должно идти на собственныхъ основахъ, съ собственными средствами, съ собственными обликами. Главное дѣло, чтобы прежде всего мы видѣли и слышали неупотребляемое до сихъ поръ и поняли неизвѣстныя слова и понятія инославянскія, короче сказать, что бы мы какъ практическіе люди собирали полезное по сторонамъ и представили бы разомъ весь славянскій свѣтъ въ чешскомъ платьѣ. (Да, въ виду постепенности пусть подъ этимъ платьемъ сначала понимается и латиница, но только для начала, въ виду постепенности, если мы не хотимъ создавать искусственныхъ тормазовъ для общеполезнаго славянскаго дѣла). Будутъ ли такъ поступать всѣ сла-

вяне, дѣйствовать такимъ образомъ со своей стороны, то мы договоримся скорѣе, нежели приближаемся теперь, а все еще не приблизились».

«Для подобной работы нельзя установить никакихъ неизмѣнныхъ правилъ, нельзя назначить никакого средоточія около котораго должно было бы наростать новое произведеніе, но насъ можетъ наполнять покоемъ, когда эта масса будетъ въ движеніи и постепенно будетъ сдружаться и будутъ увеличиваться сроднѣйшіе элементы по прирожденному славянскому закону».

«Вотъ заключеніе г. Богданецкаго. Читатель изъ предшествовавшаго самъ можетъ уже заключить, что въ немъ вѣрно въ чемъ ошибка. Приведу его собственныя слова: Не соглашаюсь съ взглядомъ, чтобы на перемѣнѣ азбуки или на принятіи какого нибудь языка за книжный заключался успѣхъ славянскаго міра и обезпечивалась его будущность въ современныхъ государственныхъ границахъ. Просвѣщенные славяне само собою дойдутъ до взгляда, что они должна знать латиницу и кириллицу и что находится съ нею въ связи; но нашъ простой народъ можетъ познакомиться съ инославянскими понятіями и выраженіями только на нашихъ основахъ.

«Слово» было ранѣе, чѣмъ какая либо азбука, предшествовало времени всѣхъ славянскихъ книжныхъ языковъ и книжности, а потому съ его основъ и должно начаться и въ немъ должно имѣть корни такое славянское сближеніе, славянская взаимность». Дѣйствительно, скажемъ имъ отъ себя, пока еще вслѣдствіе тѣхъ или другихъ предвзятыхъ взглядовъ славянелатиничники будутъ закрывать глаза передъ несомнѣнной, очевидной пользой и удобопримѣняемостью кириллицы, слѣдуетъ дѣйствовать прежде всего въ указанномъ г. Богданецкимъ направленіи, знакомясь взаимно съ инославянскими понятіями и выраженіями и съ языками вообще и при случаѣ между тѣмъ передавать ихъ слова кириллицей.

Начавъ говорить объ одномъ общеславянскомъ дѣлѣ, затронутомъ чешскимъ ежедневникомъ, отмѣтимъ чешскіе взгляды на другое дѣло, также имѣющее общеславянское значеніе. Я говорю о прошлогоднихъ велеградскихъ торжествахъ. Въ 1-й книжкѣ чешскаго мѣсячника «Квѣтовъ» (стр. 26—30) г-жа Марія Червинка-Ригеръ (Червинковá-Ригрова) напечатала статью «*Сны а правды*», въ которой приводитъ нѣсколько пристрастную мысль, что велеградское торжество, куда должны были бы стечься всѣ славяне, чтобы достойнымъ образомъ почтить святыхъ апостоловъ, не удалось со стороны славянъ австрійскихъ и германскихъ, только вслѣдствіе запрещенія правительства ѣхать туда въ виду ложнаго слуха о «заразѣ», а со стороны русскихъ, вслѣдствіе ихъ непримиримой вражды съ поляками («*Где је Полáк, там немуже никды быти Рус*»—слова, влагаемыя Червинкою въ уста русскаго путешественника, стр. 20), несмотря на то, что все было сдѣлана для того, чтобы не могло быть оскорблено на празднествѣ русское и православное чувство («*кдыбы и вскутку нѣктер(ж)и Полáци были се хыстамы к подобным демонстрацем, не были быхом то могли пр(ж)ипустит*», слова Моравскаго свящ., стр. 29). Намъ кажется, болѣе вѣрную причину высказываютъ «Наше Гласы», опровергая г-жу Червинку. «Г-жа писательница явно ошибается, говорятъ они. Насколько намъ извѣстно, среди друзей славянской взаимности дѣлались приготовленія къ участію въ велеградскихъ путешествіяхъ: въ клубѣ народной свободомыслящей стороны были также дѣланы предложенія съ этой цѣлью и уже готовились составить особое собраніе устроителей, какъ вдругъ было объявлено *воззваніе папы Льва XIII*, которое открыло замыслы Рима. Клерикалы силились лишить велеградское торжество народнаго значенія, что имъ и удалось. Это заставило свободомыслящихъ чеховъ, хорватовъ и словинцевъ оставить свое первоначальное намѣреніе и остаться дома. Также и въ Россіи думали участвовать, но римская «политика сближенія» была помѣхой къ торжественному движенію у славянъ православныхъ. Оттого русскіе праздновали Меѳодіево торжество дома, гдѣ дѣятельность нашихъ вѣроучителей дѣйствительно имѣла болѣе послѣдствій. Такимъ образомъ и православныхъ и католическихъ славянъ, кромѣ одниxъ поляковъ, устрашила не «за-

раза», а притязанія Рима. *Помощниками въ клерикальномъ дѣлѣ не хотятъ болѣе быть и чехи, что можно видѣть и изъ того занимательнаго обстоятельства, что народъ нашъ не сопровождалъ въ Велеградъ и своего родного вождя»* (д-ра Ригера).

Сочувствіе и любознательность ко всему русскому у чеховъ все болѣе и болѣе возрастаетъ: недавно чехи въ Прагѣ массами спѣшили слушать Димитрія Александровича Славянскаго и восторгались его хоромъ, теперь «Наше Гласы» извѣщаютъ, что по желанію гражданъ небольшаго городка Чешскаго Брода редакція «Гласовъ» должна была обратиться къ Димитрію Александровичу съ приглашеніемъ дать свой концертъ въ ихъ городѣ въ помѣщеніи клуба гимнастовъ.

Кстати о гимнастахъ. Извѣстно, какъ распространены въ Чехіи гимнастическія общества, носящія по преимуществу названія «Сокол». Въ первомъ числѣ ихъ органа тоже «Сокола» приведено извѣстіе о гимнастической школѣ, открытой чехомъ Новакомъ въ Одессѣ, которая пользуется большимъ расположеніемъ русскаго студенчества. По этому поводу «Наше Гласы» высказываютъ желаніе, чтобы и въ Россіи привилось единственно удобное для славянъ гимнастическое учрежденіе подъ руководствомъ пражскаго «Сокола», который имѣетъ уже свои отдѣленія среди другихъ славянъ. «*Пусть на славянскомъ сокольскомъ съѣздѣ, который будетъ имѣть мѣсто въ Прагѣ въ 1887 г., не будутъ отсутствовать и русскіе.* Апостолами народной гимнастики въ Россіи могли бы быть и наши земляки. Если же мы замедлимъ, то насъ предупредятъ нѣмцы, которые и безъ того уже разсѣяли по южнымъ городамъ Россіи свои «Turnverein'ы. Мы желали бы, заключаютъ «Наше Гласы», чтобы наши слова не остались гласомъ вопіющаго въ пустынѣ».

Во внутренней политической жизни чеховъ обращаютъ на себя вниманіе вопросъ о языкѣ, поднятый на чешскомъ сеймѣ, и слухи объ ограниченіи дѣятельности нѣмецкаго шульферейна».

Статья С. О. Гурбана о положеніи славянъ.

Не знаемъ, негодовать ли или смѣяться, когда ближе всмотришься въ славянкія дѣла. Славянское племя въ послѣднюю годину болѣе всего должно бы было поумнѣть и болѣе всего подумать о сохраненіи своего существованія и спасеніи. Но нигдѣ мы не видимъ такого безумія, какъ именно у славянъ, какъ будто бы мозгъ нашей славянской интеллигенціи устроенъ на совершенно иной ладъ, чѣмъ у другихъ народовъ.

До послѣдняго времени нравъ самихъ славянъ приносилъ гибель интересамъ славянскаго племени. Не касаясь прошлой исторіи, приведемъ нѣсколько болѣе близкихъ примѣровъ: Сулейманъ нападалъ на Шипку съ чисто славянскими солдатами-магометанами. Они составляли лучшую часть всей турецкой арміи и дрались какъ львы. Чтó дѣлали поляки — всѣмъ извѣстно и доказываетъ, что не можетъ быть и рѣчи о нашей зрѣлости; наши поморяне сдѣлались самымъ лучшимъ орудіемъ въ рукахъ нѣмцевъ; польскіе уланы въ 1870 г. рѣшили участь не одной аттаки, а часто одна аттака рѣшаетъ битву, одна битва — всю войну. Во главѣ нѣмецкой арміи стоятъ трое славянъ: Мольтке, Подбѣльскій и потомокъ Прибислава Бодрицкаго, герцогъ (князь!) Мекленбургскій; сколько поляковъ служило французамъ, туркамъ, нѣмцамъ, евреямъ противъ интересовъ славянства — слѣдовательно противъ самихъ себя, противъ своей чести; сколько славянскихъ недоучекъ портило и искажало свои языки, чтобы только возможно болѣе удалиться другъ отъ друга и всячески старались избѣжать и тѣни сближенія — можетъ ли «быть бóльшее безуміе?» *) (и бѣдные раздѣленные на двѣ части лужицкіе сербы пишутъ двумя языками!); посмотрите на ту непонятную тарабарщину, которой пишетъ западно-русская (т. е. малорусская) интеллигенція; имѣя обработанный, готовый, богатый русскій литературный языкъ, она безразсудно, безъ смысла и пониманія, хватается за мѣстные діалекты и за свои собственныя измышленія и пишетъ грубымъ варварскимъ языкомъ; посмотрите на послѣднюю болгарско-сербскую батрахоміомахію (войну

*) Скобки въ подлинникѣ.

мышей и лягушекъ), на смѣшную игру ихъ въ дипломаты, Цезари, Александры, Кавуры и т. п.; посмотрите на тѣхъ, цивилизовавшихся по парижскимъ кафе-шантанамъ сербскихъ и болгарскихъ юношей, когда они вернутся домой, къ роднымъ опанкамъ и желудямъ (т. е. стадамъ свиней), посмотрите, какъ они щеголяютъ плохо сочиненными новомодными словечками, какъ они готовы устроить соціально-демократическую республику въ той странѣ, гдѣ спички являются самой сложной машиной, какъ они вмѣстѣ съ западными нашими врагами нападаютъ въ своемъ племени именно на ту сторону, гдѣ оказалось оно мощнымъ и сильнымъ!... Такой синодикъ я могъ бы продолжить до безконечности и печальны были бы мои указанія, напримѣръ, относительно ближайшихъ нашихъ «братьевъ» (т. е. чеховъ). готовыхъ каждую минуту за чечевичную похлебку обниматься съ людьми, на умѣ держащими погибель словацкаго народа. А сколько надутости и чванства пигмеевъ нашли бы мы у этихъ нашихъ «дѣятелей!» Дѣйствительно, кровь у человѣка кипитъ и желчь разливается. При грозящей опасности, при силѣ Бисмарка, при могуществѣ Гогенцоллерновъ, при германизаторской австрійской политикѣ на Востокѣ, въ виду страшныхъ и необозримыхъ ударовъ, у славянъ такая мелочность и господство личныхъ интересовъ!

Это явленіе нигдѣ не бывалое! Дѣйствительно, и звѣри болѣе дѣлаютъ для защиты своего существованія, чѣмъ заблудшіе славянскіе интеллигенты!

Пора бы исчезнуть такимъ явленіямъ изъ жизни и остаться лишь въ драмѣ или романѣ какъ память о болѣзненыхъ и безумныхъ годинахъ. Теперь часъ рѣшительный, ибо можетъ статься, что какъ теперь, въ настоящее время бьется польскій уланъ за нѣмецкую имперію и Браниборецъ, Поморянинъ, Лютичъ и Бодричъ полагаютъ вѣнцы славы на чело «побѣдоносной Германіи», такъ и мы всѣ, помимо нашей воли, будемъ потомъ служить славѣ той или другой неславянской культуры! **С. О. Гурбанъ-Ваянскій.**

Эта дѣйствительно прекрасная и сильная статья помѣщена сперва въ «Národnie Noviny» № 5 за 1886 г. и перепечатана въ «Parlamentär» № 3, 1886 г..

Галичина.

Результаты львовскаго сейма, кончившаго въ половинѣ января свои засѣданія, кромѣ чрезвычайной важности для русскаго населенія Галичины, получаютъ, въ виду недавнихъ событій въ Пруссіи и рѣчей кн. Бисмарка въ парламентѣ, особенный интересъ. Въ прошломъ обозрѣніи мы представили краткій отчетъ о ходѣ преній въ сеймѣ, обративъ главное вниманіе на рѣчи польскихъ пословъ. Въ нихъ однако лишь въ общихъ чертахъ сказыватюся традиціонныя отношенія поляковъ къ русскимъ. Вполнѣ разъясняются они въ рѣчахъ русскихъ депутатовъ. Мы, къ крайнему сожалѣнію, не въ состояніи (по объему изданія) привести ихъ цѣликомъ, но постараемся сообщить все существенное. Читатели, надѣемся, поймутъ и оцѣнятъ ихъ по достоинству. Въ нашихъ глазахъ это не рѣчи, а скорбный плачъ, горькое рыданіе бѣдняка на пепелищѣ, и глубоко должно отозваться оно въ русскомъ сердцѣ.

Рѣчь *посла Романчука* представляетъ послѣдовательное, строго фактическое раскрытіе всей той лжи, какою постаралась прикрыть свои дѣйствія польская сторона.

Изложивъ вкратцѣ исторію 15-мѣсячныхъ мытарствъ, какія пришлось испытать его предложенію, г. Р. прямо указываетъ тѣ грубыя искаженія истины, къ какимъ рѣшились прибѣгнуть его противники въ докладѣ «краеваго выдѣла» сейму. Такъ, искажены прежде всего мнѣнія отдѣльныхъ мѣстностей: «повѣтовая рада въ Равѣ Русской потребовала открытія въ Галичинѣ 5 русскихъ гимназій; пов. рада въ Жолквѣ—постоянныхъ параллельныхъ отдѣленій по всѣмъ классамъ съ русскимъ языкомъ при 5-ти гимназіяхъ; однако то и другое мнѣніе было причислено къ отвергающимъ русскій языкъ въ школѣ, и такимъ образомъ въ результатѣ получился выводъ, что большинство мѣстныхъ представительствъ не согласно на введеніе русскаго языка въ школу.

Далѣе докладъ насчитываетъ 7 городовъ, въ которыхъ можно бы открыть русскую школу. Не говоря уже, что при этимъ пропускается г. Городенка, гдѣ число русскихъ больше 5 т.; и въ 7 ука-

занныхъ городахъ предполается открыть русскія школы лишь послѣ предварительнаго опроса жителей. Подобный опросъ практиковался во Львовѣ, при чемъ оказалось, что лишь 40 родителей не желали посылать дѣтей въ русскую школу. Школа однако, по настоянію центральнаго правительства была открыта и учениковъ оказалось 300!

Сеймовая резолюція рекомендуетъ правительству открыть гимназію въ восточной Галичинѣ. Почему же прямо не указывается мѣсто? Въ Перемышлѣ, напр., 232 русскихъ ученика, тамъ и теперь сеймъ могъ бы открыть русскую гимназію, но онъ предпочитаетъ лишь указывать правительству на восточную Галичину, чтобы, если оно изберетъ для этого Перемышль, не согласиться на открытіе тамъ гимназіи. Видя въ этомъ плохо замаскированное отклоненіе предложенія, г. Р. прямо называетъ подобныя дѣйствія «выкрутами» (голоса: oho! do porzadku!) Много, говорится въ докладѣ о волѣ родителей; но какъ можетъ обнаружиться она, напр. въ Тернополѣ, гдѣ на 6 т. русскихъ нѣтъ ни одной русской школы. Если все это представляетъ свободу, то развѣ свободу старой Польши.—

Докладъ насчитываетъ 156 мѣстъ, гдѣ господствуетъ польскій языкъ въ ущербъ русскому элементу, но указываетъ при этомъ 158 мѣстъ, гдѣ обиженными являются поляки. «Введите, говоритъ г. Р. въ этихъ 156 мѣстахъ русскій, а въ 158 польскій языкъ! Справедливость была бы удовлетворена». На самомъ дѣлѣ однако 156 мѣстъ, гдѣ русскій языкъ не пользуется правомъ преподаванія, представляютъ мѣста съ значительными русскими населеніямъ въ 2, 3, 4, 5 и даже 6 т. душъ, а въ 158 мѣстахъ, гдѣ якобы обижены поляки, четвертая часть жителей, составляющая польское населеніе, не превышаетъ 200—300 душъ. Меньшинство, состоящее изъ 200—300 человѣкъ и меньшинство въ 2—3 т., кажется разница! Если сосчитать общее число русскихъ въ указанныхъ докладами 156 мѣстахъ, то лишь въ 50 болѣе значительныхъ изъ нихъ окажется 100 тысячъ русскихъ, и они не имѣютъ *ни одной* русской школы; тогда какъ поляковъ во всѣхъ 158 мѣстахъ нѣтъ и половины указаннаго числа.—

Русскихъ школъ въ краѣ насчитано 1376, польскихъ лишь 1212, но при этомъ не указывается, что въ числѣ послѣднихъ имѣется 174 школы въ 4 и больше классовъ, а русскіе, внѣ Львова, не имѣютъ ни одной такой школы, хотя, конечно, это далеко не маловажно. Наконецъ, численное превосходство русскихъ школъ, не говоря уже о большей скученности населенія въ западной Галиціи, зависитъ еще и отъ большей заботливости русскихъ о народномъ образованіи. Справка съ первымъ отчетомъ краевой рады школьной за 186⁸/₉ г. можетъ удостовѣрить, что уже тогда русскихъ школъ было 1293, а польскихъ 1055, и вотъ въ теченіе 16 лѣтъ нынѣшнихъ порядковъ прибавилось всего 83 русскихъ школы!

Указываютъ, что городскія рады не желаютъ русскаго языка. Можно ли приводить подобные доводы? Въ городскихъ радахъ голоса подаются по группамъ: въ 1 группѣ интеллигенція, во 2-й—евреи, въ 3-й—мѣщане; естественно, что при такомъ порядкѣ русскіе всегда обречены на меньшинство, ибо они могутъ выражать свои нужды только въ послѣдней группѣ. «Я не знаю, говоритъ г. Р., болѣе справедливаго требованія, какъ то, чтобы 3 милліонное населеніе имѣло нѣсколько 4 классныхъ школъ и чтобы число русскихъ гимназій соотвѣтствовало числу русскихъ учениковъ. Наши требованія, прямо вытекающія изъ обязательнаго закона, называютъ однако возбужденіемъ раздора!» Русскій народъ нынѣшнія резолюціи можетъ считать лишь оскорбленіемъ.

Рѣчь *о. Качалы*, при яркости изображенія нанесенной русскому народу обиды, отличается еще широтою взгляда. Въ ней сказался историкъ: послѣдняя несправедливость освѣщена цѣлымъ систематическимъ рядомъ несправедливостей Польши въ отношеніи Руси. Оратору тяжело говорить о дѣлѣ, участь котораго рѣшена заранѣе, но онъ обязанъ исполнить свой долгъ.

Возбудившее пререканія предложеніе прямо вытекаетъ изъ закона 1867 г. Основанія этого закона справедливы, законъ существуетъ, исполнить его легко, этого добиваются представители русскаго народа, и чтоже?—возбуждаются сомнѣнія,

указываются затрудненія, словомъ, дѣлается то, что всегда происходитъ, когда подъ разными предлогами не желаютъ чего нибудь исполнить. Трудно однако утаить истину,—такъ и здѣсь въ концѣ концовъ шило изъ мѣшка само вылѣзаетъ: «насъ, говоритъ докладъ, раздѣляютъ обряды, пусть же не усиливаютъ розни языки»! Г.г., думаете ли вы, что языкъ насъ соединитъ? Соединяетъ только справедливость!» И прямой законъ, и фактическое положеніе вещей за насъ, но и нынѣ происходитъ то же, что происходило въ 1866 г., когда русскихъ пословъ, желавшихъ оставить залу засѣданій послѣ напрасныхъ протестовъ, удержали въ залѣ насильно. Какая глубокая вражда ко всему русскому сказывается во всемъ этомъ! Старое, старое наслѣдство! И намъ указываютъ идею Ягеллоновъ. Да, но руководятся принципами времени упадка! Въ отчетѣ «краевой рады школьной» за 187⁶/₇ г. видно, что въ одинъ годъ въ 33 школахъ русскій языкъ замѣненъ польскимъ! Намъ указываютъ на одну русскую гимназію во Львовѣ; поляки имѣютъ 20 гимназій! Вотъ она, нынѣшняя равноправность! Въ дѣлахъ, касающихся русской народности, указываются разные подводные камни, но не указываютъ подводныхъ скалъ—старыхъ традиціонныхъ польскихъ принциповъ.

Уже Люблинская унія была заключена между Польшей и Литвой, какъ будто бы Руси и не существовало. Но Люблинской уніи оказалось мало, навязали Брестскую. Во всемъ одна и таже завѣтная мысль—истребить русскую народность! Слѣдствія обнаружились потомъ. Польшу раздѣлили, и что же? Поляки поступаютъ также въ оставшейся въ ихъ рукахъ части, какъ прежде поступали въ цѣломъ. Люблинская унія пала, но остались ея принципы, «ибо откуда эта безпрестанная травля русскихъ, это ограниченіе ихъ правъ, безпрестанныя нападки на русскую азбуку, календарь, доносы на русскихъ въ Вѣнѣ, въ Римѣ, это нашествіе іезуитовъ на Русь»? Какъ въ 1732 г. лишили дисендентовъ права выбора депутатовъ на сеймы, такъ и теперь кричатъ: Zadnego Rusina! Измѣнится ли когда нибудь такое положеніе? Врядъ ли! «Намъ говорятъ—будетъ лучше. Слова мы слышимъ, но гдѣ же факты, которые могли бы это подтвердить. Намъ говорятъ: русскіе не удовольствуются исполненіемъ одного предложенія; потребуютъ другихъ правъ, но кому же ихъ давать: одни изъ русскихъ склоняются къ Москвѣ, другіе еще не окрѣпли. «Пусть однако никто не думаетъ, что подъ «другими» слѣдуетъ разумѣть народовцевъ отстаивающихъ свою малорусскую отдѣльность какъ отъ поляковъ, такъ отъ великороссовъ; нѣтъ; о нихъ говорятъ: «не знаютъ, чего хотятъ». Подъ «другими», по принципу divide et impera, подразумѣваютъ партію, которой еще нѣтъ, которую должны только создать газеты «Миръ» и «Русь». Но довольно. Я хотѣлъ только обратить вниманіе, слѣдуетъ ли намъ дальше вести такую политику по отношенію къ Руси».

Вотъ содержаніе рѣчей двухъ наиболѣе видныхъ русскихъ депутатовъ на послѣднемъ львовскомъ сеймѣ (обѣ онѣ извлечены изъ «Слова» №№ 1, 2—3, 4, 5 и 6, 1886 г.). Рѣчи эти заслуживаютъ полнаго вниманія, и, мы, признаемся, не можемъ понять, почему наши газеты не обмолвились о нихъ ни единымъ словомъ. Какъ ни мрачно положеніе дѣлъ, раскрываемое обоими ораторами, мы должны однако замѣтить, что вся безотрадность его заключается не въ томъ, на что оба они напираютъ. Неправда—вотъ на что жалуются они; но гдѣ, въ чемъ, когда встрѣчала Русь—и не галицкая только—справедливое къ себѣ отношеніе? Когда даже въ Ягеллоновскую эпоху, которую такъ прославляетъ о. Качала, руководились поляки справедливостью по отношенію къ Руси? И чтоже—польская неправда не только не истребила, но не ослабила даже Галицкой Руси. Вынесла бы она на своихъ плечахъ и новую неправду, могла бы надѣяться, выдержать еще много неправдъ и въ будущемъ, если бы на этихъ, нѣкогда могучихъ плечахъ не открылись язвы, глубоко разъѣдающія весь организмъ. Эти язвы—многочисленныя партіи, истощающія во взаимной борьбѣ, большею частью мелочной, пустой, столь нужныя для другихъ цѣлей силы. На нихъ указываетъ въ концѣ своей рѣчи о. Качала и старается защитить партію, къ которой самъ принадлежитъ—партію «молодыхъ» или народовцевъ.

Сильна и убѣдительна была рѣчь, пока ораторъ стоялъ на твердой обще-русской почвѣ, но въ заключеніи онъ выступилъ защитникомъ партіи, и самъ увлекся партійнымъ пристрастіемъ. По его мнѣнію, партія «молодыхъ» крѣпка; а ея неудачная попытка захватить въ свои руки «Народный Домъ» (см. № 10 «Извѣстій») развѣ свидѣтельствуютъ объ этомъ; а протесты духовенства львовскаго, куликовскаго и скальскаго деканатовъ (см. «Слово» № 142 85 г. и 2—3 86 г.) развѣ доказываютъ ея популярность. Вопросу о политическихъ партіяхъ посвящена довольно обширная статья «Н. Пролома» «Наши политическія партіи» (№ 295, 296 и 297).

Статья направлена къ примиренію двухъ главныхъ партій—старой и молодой, по своимъ цѣлямъ не можетъ не вызывать полнаго сочувствія, но именно вслѣдствіе этого она грѣшитъ значительной снисходительностью къ противникамъ. Статья указываетъ между прочимъ на то, что «старыхъ» упрекаютъ въ слишкомъ рѣзкомъ отношеніи къ «молодымъ», но тутъ же приводимыя дѣйствія послѣднихъ, кажется, ясно оправдываютъ такое отношеніе, свидѣтельствуя, сколько зла и горя причинили они Галицкой Руси, да наконецъ, скажемъ отъ себя, развѣ можетъ согласиться съ основными принципами «молодыхъ» не оторвавшійся отъ родной исторической почвы галичанинъ. На эти двѣ партіи Галичина—вѣрнѣе сказать—галицкая интеллигенція распалась давно. Чѣмъ дальше, тѣмъ раздѣленіе становится сильнѣе, и нѣтъ ничего, что могло бы хоть нѣсколько связать разрозненныя силы.—Прежде такой связью была личность митрополита, но можно сказать, что со смерти Литвиновича авторитетъ митрополита, какъ политическаго вождя галицкой руси палъ, надо думать, навсегда. Видимымъ знакомъ нѣкотораго единства до послѣдняго времени была «русская рада», но въ декабрѣ прошлаго года молодые устроили свою особую «Народную раду». Что будетъ дальше, нетрудно угадать. Число партій все ростетъ. По мысли центральнаго правительства возникла партія митрополита или министеріальная, органомъ которой служитъ «Миръ». О. Качала утверждаетъ, что этой партіи еще нѣтъ, но она дѣйствуетъ уже цѣлый годъ. За нее стоятъ магнаты и центральное правительство, и благодаря ей попалъ въ послы Березницкій!

Въ непродолжительномъ времени выступитъ и партія «Руси», т. е. партія чисто іезуитская и будетъ дѣйствовать, безъ сомнѣнія, энергично. На что же, при такомъ разбродѣ силъ, можетъ надѣяться Галицкая Русь? Въ послѣднемъ сеймѣ было 15 русскихъ депутатовъ. Исключая изъ этого числа трехъ епископовъ, которымъ право на участіе въ засѣданіяхъ сейма даетъ ихъ санъ, получимъ 13 человѣкъ, принадлежащихъ къ 4 различнымъ партіямъ: митрополитальные, старые, молодые и полу-поляки. Повторяемъ, чего же ждать отъ такого разъединенія, и не въ правѣ ли поляки утверждать, что они не знаютъ, кого изъ русскихъ депутатовъ считать дѣйствительными представителями русскаго народа. Въ одномъ изъ засѣданій сейма новый станиславовскій епископъ сказалъ рѣчь, и галицкія газеты толкуютъ уже о политикѣ Пелеша и предвидятъ образованіе новой партіи его сторонниковъ. А между тѣмъ, какова была эта рѣчь!

Достаточно сказать, что новый епископъ напалъ на о. Качалу за то, что тотъ говорилъ о насильственномъ введеніи уніи. Унія, по мнѣнію епископа, всегда существовала, и онъ при этомъ сослался на свое сочиненіе: Geschichte d. Union, удостоившееся, скажемъ кстати, великой признательности со стороны іезуита Заленскаго. Въ первый разъ Галицкая Русь слышитъ нѣчто подобное отъ своего владыки. Рѣчь его однако такъ подѣйствовала на о. Качалу, что онъ взялъ назадъ свои слова о насильственномъ введеніи уніи! Что сказать объ этомъ?

Въ настоящемъ мы видимъ какой-то туманъ, застилающій глаза Галичины; она ничего не видитъ, шатается, не знаетъ, куда идти, чего желать. Положеніе ея до того тяжело, что приходится надѣяться уже не на себя, а на разныя случайныя обстоятельства; и дѣйствительно нѣкоторые предаются ликованіямъ по поводу благосклоннаго якобы отношенія къ Руси въ Вѣнѣ и Римѣ! (см. «Н. Пр.» № 301. «Горѣ имѣемъ сердца»!) Грустно!

Мы поневолѣ должны были на этотъ разъ выйти изъ рамокъ обычной хроники,

въ виду важности разсмотрѣннаго нами, и отложить сообщеніе о другихъ дѣлахъ до другаго раза.

Теперь сообщимъ еще окончательное постановленіе сейма по вопросу о языкѣ преподаванія въ среднихъ и низшихъ школахъ. Оно состоитъ изъ 3 пунктовъ: 1) если въ какой нибудь мѣстности съ смѣшаннымъ населеніемъ, употребляющимъ въ разговорѣ и польскій, и русскій языкъ, населеніе, языкъ котораго не употребляется въ школѣ, составляетъ четвертую часть общаго числа жителей, а въ мѣстностяхъ, съ населеніемъ выше 12 т., простирается до 3 т., и если въ таковой мѣстности находится двѣ или больше народныя школы для дѣтей одного пола, то, по крайней мѣрѣ, въ одной школѣ или ея параллельныхъ отдѣленіяхъ долженъ быть преподавательнымъ языкомъ языкъ меньшинства, по скольку разслѣдованіе укажетъ достаточное число желающихъ этого родителей. 2) Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ изученіе польскаго языка и въ таковыхъ же заведеніяхъ съ польскимъ преподавательнымъ языкомъ изученіе русскаго языка обязательно лишь относительно и зависитъ отъ воли родителей. 3) «Краевый выдѣлъ» обязанъ приготовить къ слѣдующей ближайшей сессіи сейма докладъ по вопросу, насколько возможно постепенное введеніе въ нѣкоторыхъ среднихъ заведеніяхъ восточной Галичины обязательнаго преподаванія предметовъ для всѣхъ учениковъ на русскомъ языкѣ.

Рѣшеніе вопроса въ этомъ видѣ, по мнѣнію маршала сейма, будетъ занесено на страницы исторіи! Въ заключеніе сеймъ выдалъ 62,800 гульд. пособія разнымъ польскимъ обществамъ и учрежденіямъ. Одинъ интернатъ змартвыховстанцевъ получилъ 4,500 гульд., а всѣ русскія общества вмѣстѣ получили 8,950 гульденовъ

И. Ф.

Словинцы озабочены все тою же борьбой за равноправность своего языка и въ школѣ и въ судѣ и въ администраціи вообще; изъ всѣхъ этихъ пунктовъ языкъ ихъ все еще систематически вытѣсняется языкомъ нѣмецкимъ. Для характеристики того, какъ ведется школьное дѣло, можетъ послужить корреспонденція изъ Птуя, въ нижней Штиріи, выражающая неудовольствіе на своего представителя въ земскомъ собраніи, съ великой похвалой отозвавшагося объ одной мѣстной учительницѣ, какъ приносящей школьному дѣлу неоцѣнимыя услуги; между тѣмъ оказывается, что эта учительница только потому и получила назначеніе въ школу, что не знала языка словинскаго; въ этомъ заключалось ея преимущество передъ двумя ея претендентками; когда школьный инспекторъ узналъ, что эта учительница для полученія мѣста намѣревалась изучать языкъ словинскій, то позаботился о томъ, чтобы удержать ее отъ этого излишняго труда; достаточно, по его мнѣнію, если она кое какъ можетъ говорить со своими учениками, остальному научится отъ нихъ же. Ученики, непонимающіе по нѣмецки и учительница не знающая по словински—вотъ характеристика образцоваго порядка веденія школьнаго дѣла въ Нижней Штиріи, на который сѣтуютъ и противъ котораго борются Словинцы (Slov. ħof Narod)!

Борьба эта рельефно обрисовывается, напримѣръ, въ петиціи, которую составила и послала въ штирійское земское собраніе орможская «Слога»; вотъ эта петиція, отстаивать которую «Слога», поручила своему представителю въ собраніи «неустрашимому» борцу Божидару Ранчу:

«Мы, Словинцы Нижней Штиріи узнали о резолюціи учебнаго Совѣта славнаго собранія, который намѣренъ совершенно онѣмечить наши школы. «Слога» протестуетъ противъ такого намѣренія и имѣетъ указать на то, что основанія приведенныя учебнымъ совѣтомъ не имѣютъ силы; онъ говоритъ: во 1) «что все словинское населеніе Нижней Штиріи желаетъ обучать своихъ дѣтей нѣмецкому языку». Это невѣрно. Тамошнее словинское населеніе совершенно удовлетворяется требованіемъ школьнаго устава, который гласитъ (§ 1 шк. уст. отъ 14 мая 1869 г.): «Народная школа имѣетъ цѣлью воспитывать дѣтей въ набожности, развивать ихъ духовно, научать ихъ тѣмъ знаніямъ, кои потребны въ жизни, заботиться о томъ, чтобы изъ нихъ вышли люди почтенные и надежные члены

общества». Въ народныхъ школахъ нѣтъ мѣста для изученія языковъ и еслибъ кто захотѣлъ изъ народныхъ школъ сдѣлать школы для изученія языковъ, тотъ поступилъ бы противъ устава. Мы надѣемся, что собраніе отвергнетъ противузаконное мѣропріятіе учебнаго совѣта. Во 2) учебный совѣтъ говоритъ, что «дѣти стремятся въ нѣмецкія школы». И это невѣрно. Было и будетъ, что нѣкоторые высокопоставленные Словинцы посылаютъ своихъ дѣтей въ высшія школы, которыя, къ сожалѣнію, всѣ нѣмецкія; однакожь было бы несправедливо заставлять учиться нѣмецкому языку огромное большинство ради того, что одинъ или двое идутъ въ высшія школы. Въ 3) учебный совѣтъ говоритъ, что торговля и заработокъ Нижней Штиріи связаны съ нѣмецкимъ сѣверомъ. И то не вѣрно. Наши вина покупаютъ нѣмцы, потому что онѣ хороши и имѣются у насъ, но они покупаютъ ихъ и у Мадьяръ, однако безъ посредства обученія нѣмецкому языку. Въ 4): наконецъ говоритъ учебный совѣтъ: «для единства и нераздѣльности Штиріи, для единства и нераздѣльности всей державы и войска необходимо нужно изучать нѣмецкій языкъ». Это совсѣмъ невѣрно. И Словинцы и Нѣмцы въ Штиріи болѣе 1000 лѣтъ; учебный совѣтъ хочетъ отнять нашъ словинскій языкъ и совершенно насъ онѣмечить. Мы не дадимся. Для свѣтлѣйшаго государя и австрійской державы мы извѣстны какъ прирожденные Словинцы; учебный совѣтъ полагаетъ, что распадется Штирія, распадется Австрія и войско, если мы останемся Словинцами,—мы протестуемъ противъ этого и полагаемъ, что разумные люди не могутъ повѣрить приведеннымъ доводамъ учебнаго совѣта. «Слога» покорно проситъ, чтобы земское собраніе отвергло предложеніе учебнаго совѣта объ изученіи нѣмецкаго языка во всѣхъ школахъ Штиріи». (Slovensk. Narod. № 5. 1886).

Несмотря на существованіе министерскихъ указовъ, предписывающихъ въ извѣстныхъ случаяхъ оффиціальное употребленіе словенскаго языка при административныхъ сношеніяхъ, таковымъ языкомъ все-таки остается нѣмецкій, какъ объ этомъ сѣтуетъ «Slov. Narod» въ пространной статьѣ: «Naša narodna ravnopravnost» (№ 4, 1886). Даже въ земскихъ собраніяхъ, при обсужденіи чисто мѣстныхъ вопросовъ въ средѣ представителей словинскихъ вводится нѣмецкій языкъ, противъ чего протестуетъ «Slovan» (№ 1, 1886). «Нѣмецкія рѣчи, говоритъ онъ, народныхъ представителей въ земскомъ собраніи Крайны, не только ни на чемъ не основаны, но и въ высшей степени неумѣстны; мы прибѣгаемъ къ народному чувству господъ представителей, да не будетъ забыта въ этомъ отношеніи справедливость». Сѣтуютъ словинцы и на себя, указывая при этомъ на отсутствіе общей политической програмы: «Словинская политика, говоритъ «Slovan» (№ 2) еще никогда не была въ такомъ жалкомъ положеніи, какъ теперь. Все разорвано, все разорено. Повсюду народные заступники борются за свои только незначительные мѣстные интересы; никто не думаетъ объ интересахъ общихъ. Словинцы разныхъ мѣстъ точно чуждаются другъ друга. Если и впредь такъ пойдетъ дѣло, то скоро свершится то, чего больше всего желаютъ наши противники: пропадетъ межъ насъ чувство цѣлокупности, чувство народнаго единства»... Эту опасность народной нашей смерти сознаютъ всѣ мыслящіе народолюбцы. Со дня на день доходятъ до насъ письма, въ которыхъ тужатъ по поводу того, что сепаратизмъ и мѣстный антагонизмъ все болѣе и болѣе ростетъ между нами, высказываются пожеланія, чтобы народные вожаки наши положили тому предѣлъ. И это не трудно. Нужна намъ и въ Крайнѣ и въ Штиріи и въ Корошѣ и въ Приморьѣ руководящая мысль, нужна единая словинская программа». Для такого единенія предлагается основаніе особыхъ клубовъ словинскихъ.

Другой исходъ изъ своего тяжелаго положенія словинцы видятъ въ «политической реорганизаціи». «Slovan» въ статьѣ «O naši politični reorganizaciji» излагаетъ крайнюю несостоятельность настоящаго «исполнительнаго совѣта» (izvrševalni odbor), въ средѣ членовъ котораго царитъ полная неурядица; нѣтъ никакого единенія, господствуетъ вражда и каждый стремится быть полнымъ диктаторомъ, подчиняя себѣ остальныхъ членовъ. По-

полненіе членовъ изъ среды аристократовъ способствуетъ полному непониманію народныхъ нуждъ и интересовъ; все это приводитъ къ необходимости позаботиться о реорганизаціи мѣстнаго управленія. Такъ ратуютъ словинцы за свое народное дѣло; неутомимыми борцами являются и такія учрежденія, какъ «Народный Домъ» въ Любляни, «Матица Словинска», распространяющія свои изданія; общества: «Соколъ», «Словинецъ», разныя «Читальни» и «Общество свв. Кирилла и Меѳодія», для дѣятельности котораго открывается больше простора, въ виду того, что, какъ сообщаетъ «Slov. Narod» (№ 6), «миновались золотые дни» знаменитаго Schulverein'а. «До свѣдѣнія властей дошло, что это общество возбуждаетъ вражду между народностями. Мѣстнымъ властямъ Штиріи и Моравіи между прочимъ предписано строго слѣдить за агитаціей Schulverein'а и обо всемъ доносить намѣстничеству. Говорится, что въ случаѣ дальнѣйшаго вмѣшательства этого общества въ дѣла политики, оно будетъ закрыто»... Новый министръ просвѣщенія Гаучъ, замѣстившій Конрада, возбуждаетъ надежды словинцевъ. «Какъ кажется, говоритъ «Slov. Nar.» новый министръ больше радѣетъ о школѣ, нежели его предшественникъ, баронъ Конрадъ». Гаучъ путешествуетъ по странѣ для личнаго ознакомленія на мѣстѣ съ веденіемъ школьнаго дѣла.

Что касается до внѣшней политики, то интересъ словинцевъ сосредоточенъ на дѣлахъ Балканскаго полуострова. Симпатіи словинцевъ на сторонѣ болгаръ, которымъ они желаютъ скорѣйшаго возобновленія прежнихъ дружественныхъ отношеній съ Россіей. Относительно Сербіи и австрійской политики высказываются не въ пользу ихъ; «Slov. Narod» такъ заканчиваетъ свою статью по этому поводу: «Dunajski Kabinet in Srbija» (№ 6.): «Болгарскій народъ убѣдился, что у Австріи нѣтъ пріязни и вернулся—такъ какъ его намѣревалась навѣки забрать Австрія—подъ русское покровительство».

Тотъ же вопросъ о родномъ языкѣ служитъ предметомъ особой заботливости и сербовъ-лужичанъ. Недавно при «Матицѣ Сербской» учреждена «конференція сербскихъ учителей», цѣлью которой является установленіе и раціональное веденіе обученія сербскому народному языку въ первоначальныхъ сербскихъ школахъ, вмѣсто существующаго въ нихъ до сихъ поръ языка нѣмецкаго. Во время дебатовъ по этому поводу всѣ единогласно высказались за такія положенія: «Сербскія дѣти вносятъ въ школу сербскій языкъ; по нѣмецки они еще не понимаютъ; поэтому необходимо, чтобы первоначальное обученіе дѣтей въ школѣ производилось на языкѣ сербскомъ, если только есть желаніе, чтобы дѣти чему-нибудь научились и имѣли отъ ученія какую-нибудь пользу. Неразумно приступать къ нѣмецкой рѣчи, къ нѣмецкому чтенію и т. д., пока дѣти еще ничего не понимаютъ по нѣмецки; это было бы вредной и праздной дрессировкой, способной только притуплять дѣтскія способности. Существуетъ ли такая нѣмецкая школа, гдѣ бы обученіе нѣмецкихъ дѣтей начиналось съ французскаго чтенія? Требованіе школьныхъ инспекторовъ заключается въ томъ, чтобы дѣти понимали то, чему ихъ обучаютъ. Сербская рѣчь—это материнская рѣчь для сербскихъ дѣтей и т. д. (Lužica. № 1. 1886.)

Та же забота о развитіи любви къ своей народности, къ родному языку сказывается и въ усердной издательской дѣятель- «Сербской Матицы»; она же одушевляетъ и другія періодическія изданія и газеты сербовъ-лужичанъ. Не лишне будетъ указать здѣсь на эти изданія:

У верхне-лужицкихъ сербовъ:

1) *Časopis Maćicy Serbskeje.* Редакторъ Михаилъ Горникъ. (2 вып. въ годъ). Въ Будышинѣ.

2) *Lužica.* Ежемѣсячное изданіе «za zabawu a powučenje». Редакторъ Ернстъ Мука.

3) *Lužicki Serb.* Ежемѣсячный журналъ для сербскаго народа и студентовъ. Редакторъ Миклашъ Зуръ.

4) *Serbske Nowiny.* Политическая ежедневная газета. Редакторъ Марко Смоляръ. Въ Будышинѣ.

5) *Serbski Hospodaŕ.* Ежемѣсячный журналъ для земледѣльцевъ. Редакторъ Кубашъ.

6) *Katholski Posol.* Ежемѣсячный народный журналъ, издаваемый обществомъ

свв. Кирилла и Мефодія въ Будышинѣ. Редакторъ Якубъ Скала.

7) *Missionski posol*. Духовный журналъ. Издатель М. Домашкъ.

У нижне-лужицкихъ сербовъ:

8) *Bramborski Časnik*. Еженедѣльная политическая газета. Редакторъ Е. Швѣла.

Ѳ. И.

Славянскія книжныя новости.

За послѣднее время вышли въ Чехіи: Иллюстрированный журналъ: «Ruska» 6 вып. «Čechi» вып. 36.—Доре «Pismo swjate». вып. 4.—«Hrady a Zámky Ceske» вып. 73.—*Гельвальдъ*: «Přirodopis člowjeka» вып. 31.—*Гельвальдъ*: «Zemja a jeje wobydlerjo» вып. 81.—*Коттъ*: «Českoněmski słownik», вып. 80.—*Benesa Prebinského* zhromadzéne spisy, вып. 14.— «Sbornik illustrowanych romanow», вып. 13.—«Pucowanja kronprynca Rudolfa po naranšich Zemjach», вып. 14.— *Бремъ:* «Zivot Zvířat », вып. 59.—«Maçica ludu» издала «Narodu Balkana» соч. I. Влаха. Въ концѣ 1885 г. вышло новое собраніе сочиненій св. Чеха: «Prawda a druhe basnje Sv. Cecha.—*Цр. Рачковскій*: «Zevrubné dějiny českeho pisemnictvi doby nové », вып. 13.—«Paedagogička encyklopedie», вып. 12.—*Тифтрункъ*: «Historie literatury Ceské, 3 изд. *Калусекъ:* «Tři mapy dějinam Ceskym od Y. Tomka.— *Вочадло:* «Slovnik polskočesky », вып. 6.— «P. *Покорный* издалъ 2-ю часть своего: «Z potusek po Slovensku».

Въ Вѣнѣ вышла брошюрка I. Лицеевскаго: «Z žycia Slowieneów», о которой «Slovan» отзывается съ большой похвалой.—«A. Yaniček. Biographische Skizze v. Dr. A. *Glaser*. Wien. 1885.—Словинецъ *Карлъ Штрекель* представилъ въ академію наукъ свое сочиненіе: «Morphologie des Görzer Mittelkarst-Dialektes mit besonderer Berücksichtigung der Betanungs verhältnisse».

Въ Люблянѣ вышла книга: «*Spomenik Slovanske uzajemnosti*» съ 40 иллюстраціями, изд. *Антонъ Грстенякъ*. Въ I отд. помѣщено описаніе словинцевъ и хорватовъ, путешествіе и пребываніе «въ золотой Прагѣ»; во II—Велеградъ и Кромерижъ; сюда приложена статья: «о славянской взаимности»; въ III—нѣсколько страницъ словинскаго письма въ воспоминаніе 300-лѣтія со смерти основателя славянской письменности Краможа Трубаря, а также жизнь и дѣятельность 13 извѣстныхъ словинцевъ съ ихъ портретами. Въ IV—о хорватской письменности и ея представителяхъ (съ портретами). Въ V—о чешской письменности и ея представителяхъ и представительницахъ.

«Slovan» сообщаетъ, что словинскій журналъ «Kres» съ нынѣшняго года измѣняетъ свою программу; упраздняя отдѣлъ беллетристики, онъ превращается въ исключительно научный; выходить будетъ черезъ каждые три мѣсяца; первый выпускъ выйдетъ въ мартѣ.

Редакторомъ остается д-ръ I. Скетъ, въ Цѣловцѣ. Подписная плата 3 глд. въ годъ.

Въ Загребѣ, какъ сообщаетъ «Slovenski Narod», со 2 января начала выходить ежедневная газета «Agramer Tagblatt.». По отзыву «Slov. Nar.» газета ратуетъ за словинские интересы.

Ѳ. И.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

КНИГИ ЗАКОННЫЯ

содержащія въ себѣ въ древне-русскомъ переводѣ византійскіе законы земледѣльческіе, уголовные, брачные и судебные. Издалъ вмѣстѣ съ греческими подлинниками и съ историко-юридическимъ введеніемъ *А. Павловъ. Спб. 1885.*

Кого изъ русскихъ историковъ, юристовъ и славистовъ не занималъ вопросъ о культурномъ наслѣдіи, перешедшемъ къ славянамъ чрезъ посредство Византіи? Сколько усиленнаго труда и остроумія потрачено на выясненіе значенія византійскихъ началъ въ славянской исторіи. И вотъ оказывается, что въ недавно появившейся книжкѣ А. С. Павлова только что предлагается надлежащій матеріалъ для сужденія объ области дѣйствія одного изъ этихъ началъ, именно правоваго. Изданные имъ древнѣйшіе и болѣе правильные рукописные тексты «Книгъ законныхъ»—самыхъ первыхъ повидимому позаимствованій славянъ изъ византійскаго права—собственно говоря въ первый разъ ставятъ на научную почву вопросъ о культурномъ обмѣнѣ между Византіей и славянами. Какъ ни мало почтенный издатель даетъ мѣста домысламъ и предположеніямъ, не находящимъ прямаго подтвержденія въ его матеріалахъ, тѣмъ не менѣе на 39 страницахъ введенія онъ долженъ былъ установить свой взглядъ на предметъ, поставить вопросы и намѣтить будущія задачи изслѣдованія.

Позволяемъ себѣ сказать нѣсколько словъ о введеніи, въ которомъ замѣчается нѣкоторая нерѣшительность, а частію и борьба между духомъ порыва и осторожностью, какъ читается о томъ въ писаніи: «Не еже хощу доброе сіе творю, но еже не хощу злое сіе содѣваю». Борьба добраго начала со зломъ, при чемъ послѣднее одержало побѣду надъ первымъ, выразилась какъ въ исходныхъ моментахъ изслѣдованія, такъ и въ выводахъ. Земледѣльческій уставъ былъ вполнѣ примѣнимъ къ быту древнерусскаго крестьянства и годился для исправленія разныхъ дѣлъ, возникавшихъ въ крестьянской общинѣ (это доброе положеніе, обязывающее къ соотвѣтствующимъ заключеніямъ). Но когда дальше встрѣчаемъ, что прямыхъ свидѣтельствъ о практическомъ значеніи земледѣльческаго устава въ тѣхъ или другихъ судахъ древней Руси не имѣется, то здѣсь уже беретъ перевѣсъ скептицизмъ, подрывающій значеніе перваго положенія и обязывающій къ отрицательнымъ заключеніямъ о значеніи земледѣльческаго устава. Если отнестись съ такого же рода запросами къ самому оригиналу русскаго земледѣльческаго устава т. е. къ Νόμος γεωργικός Льва Исавра и Константина, то развѣ найдутся прямыя свидѣтельства о дѣйствіи его въ византійскихъ судебныхъ учрежденіяхъ 9 и 10 вѣка? А между тѣмъ было бы несправедливо отсюда дѣлать отрицательныя заключенія къ практическому значенію его, ибо на самомъ дѣлѣ Νόμος γεωργικός дѣйствовалъ въ судахъ имперіи, причемъ непрямыя свидѣтельства не менѣе важны, какъ и прямыя.

Далѣе, едва-ли есть серьезныя основанія разсматривать «Книги законныя» какъ источникъ византійскаго права въ славянской оболочкѣ. Не лучше ли наоборотъ видѣть въ нихъ памятникъ славянскаго права на греческомъ языкѣ? Допустимъ себѣ, хотя на время, такую постановку вопроса и посмотримъ, къ какимъ заключеніямъ поведетъ она.

Она открываетъ новыя и широкія перспективы изученія славянства въ Византіи: славянскаго права въ византійскомъ, славянскихъ учрежденій въ учрежденіяхъ византійской имперіи. Можетъ быть окажется тогда, что Νόμος γεωργικός не единственный памятникъ, закрѣпившій письмомъ обычное славянское право. Можетъ быть подъ византійскими словами, относящимися къ землевладѣнію, къ администраціи, военному устройству и т. п откроются слѣды славянскихъ обычаевъ и учрежденій. Во всякомъ случаѣ такая постановка вопроса весьма возможна и оправдывается современными методами изученія.

Мы думаемъ, что излишняя осторож-

ность помѣшала почтенному издателю «Книгъ законныхъ» бросить болѣе широкій взглядъ на сообщаемые имъ любопытные матеріалы. Алексѣй Степановичъ заканчиваетъ введеніе словами: «ожидаемъ отъ историковъ русскаго права дальнѣйшей разработки затронутыхъ нами вопросовъ. Дай Богъ! Но намъ бы казалось: кому же и рѣшать такіе вопросы, какъ не профессору Павлову, имя котораго пользуется—и давно уже—вполнѣ заслуженнымъ авторитетомъ въ наукѣ о древнерусскомъ, въ особенности церковномъ правѣ»?

Но посмотримъ на положительные результаты труда профессора Павлова. Въ древнихъ русскихъ переводныхъ юридическихъ сборникахъ помѣщаются статьи каноническаго содержанія, имѣвшія, безъ сомнѣнія практическое значеніе на Руси въ церковной и гражданской судебной практикѣ. Сюда входятъ: земледѣльческій уставъ, законъ о казняхъ, о бракахъ, о послухахъ. Давно уже сознано, что для правильной постановки славяно-русской археологіи недостаетъ фундамента, который слѣдуетъ строить изъ уцѣлѣвшихъ отъ древности осколковъ, т. е. изъ византійскихъ литературныхъ, художественныхъ, юридическихъ и др. образцовъ, которые были усвоены и своеобразно развиваемы славянами. На юридическіе образцы естественно всего раньше было обращено вниманіе, такъ какъ здѣсь заимствованіе гораздо яснѣе и нагляднѣе и безъ особаго труда можетъ быть доказано. Такъ получился уже не подверженный сомнѣнію выводъ, что такъ называемый Уставъ Ярослава I есть не что иное, какъ крестьянскій законъ царей Исаврійской династіи. Но весьма недавно только стало извѣстнымъ, что у насъ нѣтъ критическаго изданія ни греческаго, ни русскаго текста и—что еще поучительнѣе—не больше пяти лѣтъ назадъ оповѣщено было о существованіи въ Москвѣ древнихъ рукописныхъ списковъ, представляющихъ болѣе правильные тексты крестьянскаго закона. Профессоръ Павловъ изучилъ эти тексты и издалъ ихъ съ критическими замѣчаніями; въ этомъ, конечно, главная его заслуга. Не менѣе важны сдѣланныя имъ изслѣдованія о внѣшней и внутренней исторіи текстовъ: о времени и мѣстѣ появленія славянскаго перевода съ греческихъ оригиналовъ, о перемѣнахъ, испытанныхъ переводомъ и о вліяніи иноземнаго права на развитіе мѣстныхъ юридическихъ нормъ. По всѣмъ этимъ вопросамъ, выясненіе которыхъ необходимо въ наукѣ, изучающій найдетъ у г. Павлова основательныя заключенія и руководящія соображенія. Въ вопросѣ о времени перевода онъ склоняется къ выводу, что переводъ на русскій сдѣланъ во второй половинѣ XIII в., вопреки мнѣнію проф. Васильевскаго, который включаетъ земледѣльческій уставъ въ составъ первоначальнаго Номоканона (рукопись XI—XII в.), т. е. относитъ переводъ къ болѣе раннему времени. Что касается наблюденій надъ языкомъ перевода, по нашему мнѣнію, едва ли приводимые примѣры могутъ подтверждать доказываемую мысль. Правда, есть слова и древнія, но есть и не древнія, о которыхъ проф. Павловъ говоритъ (стр. 19): «примѣсь къ первоначальному языку памятника новыхъ русскихъ реченій, свойственныхъ уже московскому періоду, свидѣтельствуетъ только о продолжающемся практическомъ значеніи «Книгъ законныхъ», что побуждало писцовъ дѣлать въ нихъ перемѣны и подновленія.... При такомъ положеніи дѣла, конечно, едва-ли можно достигнуть точныхъ выводовъ съ точки зрѣнія языка. Если же принять въ соображеніе прямыя перемѣны, дополненія и сокращенія въ русскомъ текстѣ сравнительно съ оригиналомъ, а иногда совершенно особенную редакцію статей, то придется можетъ быть совсѣмъ иначе поставить вопросъ объ отношеніи между текстами».

По нашему мнѣнію, возможно было бы достигнуть иныхъ результатовъ на основаніи изученія особенностей въ редакціи нѣкоторыхъ статей земледѣльческаго устава (особенно 17 и 18). Эти особенности такъ важны, что могутъ дать ключъ къ разрѣшенію вопроса о греческой и славянской редакціи земледѣльческаго устава и поставить на очередь все еще мало сознаваемую потребность выяснить причины, вызвавшія необходимость греческой редакціи закона, которая есть не что иное, какъ закрѣпленіе письмомъ обычнаго права славянъ. Могли ли славяне обходиться

безъ земледѣльческаго устава на своемъ языкѣ въ то время, когда ихъ обычное право вошло въ сборники византійскаго государственнаго права? Не разбирались же дѣла, возникающія въ славянской общинѣ, на греческомъ языкѣ? Вопросъ, конечно, долженъ быть изучаемъ путемъ сравнительно историческаго метода. Алексѣй Степановичъ затронулъ вопросъ, весьма серьезный. Будемъ надѣяться, что поставленная задача не останется надолго неразрѣшенной.

Ѳедоръ Успенскій.

Katalog der Raczynskischen Bibliothek in Posen, bearbeitet von M. E. Sosnowski, Bibliothekar und L. Kurtzmann. Posen. 1885. 3 vol.

Въ рецензіи перваго выпуска каталога рукописей краковскаго капитула, составленнаго каноникомъ Игнатіемъ Пальковскимъ, я указывалъ на страницахъ этого же журнала (№ 12 за 1884 годъ), что въ послѣднее время въ польскомъ ученомъ мірѣ замѣчается стремленіе привести въ извѣстность историческіе матеріалы, разбросанные по различнымъ библіотекамъ и архивамъ. Къ перечисленнымъ мною въ вышеупомянутой рецензіи описаніямъ рукописей прибавилось теперь еще одно, а именно, описаніе рукописей, хранящихся въ Познани въ библіотекѣ, основанной гр. Эдуардомъ Рачинскимъ въ 1829 г. Каталогъ ихъ занимаетъ около половины перваго тома сочиненія, полное заглавіе котораго выписано нами въ началѣ настоящей библіографической замѣтки. За немногими исключеніями, всѣ онѣ касаются исторіи Польши и Литвы. Каталогъ подробно исчисляетъ документы, входящіе въ составъ каждой рукописи, указываетъ на форматъ и число листовъ ея, а также и на то, кому она прежде принадлежала, когда писана, и оригинальны ли документы, находящіеся въ ней, или представляютъ копіи. Сверхъ того, отмѣчены теперешніе библіотечные значки рукописей и упомянуто, какъ онѣ были озаглавлены въ старомъ каталогѣ.

Большая часть рукописей относится къ исторіи XVII и XVIII вѣковъ. Для исторіи XVI вѣка наибольшій интересъ могутъ представлять корреспонденціи польскихъ королей и польскихъ и литовскихъ пановъ (Тарновскихъ, Тенчинскихъ, Зборовскихъ, Сапѣгъ, Збарожскихъ, Острожскихъ, Олельковичей, Вишневецкихъ и мн. другихъ). Но въ особенномъ изобиліи встрѣчаются тутъ письма Радзивилловъ, какъ оригинальныя, такъ и въ копіяхъ. Попали они въ библіотеку Рачинскихъ, главнымъ образомъ, изъ несвижскаго архива, которому она обязана и нѣкоторыми другими, наиболѣе цѣнными своими рукописями, какъ, напр., дневники сеймовъ конца XVI вѣка.

Нѣсколько болѣе важныхъ рукописей досталось этой библіотекѣ также и изъ архива братьевъ чешскихъ въ Лешнѣ. Послѣдній не существуетъ болѣе, и часть его вошла въ составъ гернгутскаго архива, а другая, повидимому, менѣе важная перевезена въ настоящее время въ государственный тайный архивъ въ Познани, гдѣ и лежитъ пока въ неразобранномъ видѣ.

Для исторіи братьевъ чешскихъ и вообще исторіи реформаціоннаго движенія въ Польшѣ документы, хранящіеся въ библіотекѣ Рачинскихъ, представляютъ большой интересъ и, несмотря на то, что ими историки пользовались уже весьма усердно, какъ напр., Лукашевичъ, котораго исторія кальвинскихъ церквей въ Малой Польшѣ, а также исторія братьевъ чешскихъ въ Великой Польшѣ, представляютъ въ значительной степени простую перепечатку этихъ документовъ, тѣмъ не менѣе они далеко еще не исчерпаны.

Въ концѣ описанія рукописей (числомъ 359) находится обозрѣніе ихъ по содержанію. Подобное же обозрѣніе предпослано слѣдующему затѣмъ описанію грамотъ (Urkunden). Имѣется ихъ въ библіотекѣ Рачинскихъ 230, и первая по времени относится къ 1 февраля 1088 года а послѣдняя къ 1741 г. Только при грамотахъ и рукописяхъ, изданныхъ самимъ гр. Рачинскимъ, указано, гдѣ онѣ напечатаны. Въ концѣ третьяго тома этого сочиненія помѣщенъ кромѣ того еще личный, географическій и предметный указатель къ описанію манускриптовъ.

Остальные два съ половиною тома разсматриваемаго нами сочиненія посвящены каталогу книгъ, который начинается съ инкунабулъ. Затѣмъ слѣдуетъ описаніе

сочиненій, не имѣющихъ отношенія къ Польшѣ; польскому же отдѣлу посвященъ весь третій томъ. Такъ какъ каталогъ, а въ особенности польскихъ сочиненій, подѣленъ на много мелкихъ рубрикъ, то часто случается, что одно и то же сочиненіе упоминается нѣсколько разъ.

Хотя отдѣлъ польскихъ книгъ довольно богатъ, но въ немъ замѣтны сильные пробѣлы по новѣйшей литературѣ. Россіи въ каталогѣ отведена также отдѣльная рубрика, но замѣчательно, что въ ней встрѣчаешь все только иностранныя сочиненія о Россіи и ни одной русской работы въ оригиналахъ, даже изъ числа наиболѣе капитальныхъ. Не замѣтили мы также ни одной русской работы ни по литературѣ, ни по исторіи Польши. Во всей библіотекѣ находится четыре-пять русскихъ книжекъ, попавшихъ сюда, повидимому, совершенно случайно. Къ каталогу книгъ приложенъ указатель авторовъ.

Сверхъ того, въ первомъ томѣ этого труда находится біографія основателя библіотеки, а также исторія послѣдней, написанныя на нѣмецкомъ языкѣ, какъ и все сочиненіе. На польскомъ языкѣ напечатанъ только переводъ заглавія книги.

Scriptores Rerum Polonicarum. Tomus VIII Continet Epistolas ex archivo domus Radzivilianae depromptas. (Второе польское заглавіе гласитъ: Piasarze Dziejȯw Polskich. Tom VIII. Zawiera Archiwum Domu Radziwillȯw. (Listy ks. M. K. Radziwilla Sierotki — Jana Zamoyskiego — Lwa Sapiehy) Kráków 1885).

Несвижскій архивъ (въ Минской губ., Новогродзскаго уѣзда) князей Радзивилловъ принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ и важнѣйшихъ архивовъ литовскихъ. Николай Радзивиллъ Черный, великій маршалъ литовскій и затѣмъ воевода виленскій, получилъ въ 1551 году отъ короля Сигизмунда II Августа привилегію хранить въ несвижскомъ замкѣ всѣ жалованныя грамоты, королевскія постановленія и распоряженія, а также и другіе документы, относящіеся, какъ ко всей Литвѣ, такъ и къ отдѣльнымъ лицамъ. Одного уже этого достаточно, чтобы составить себѣ понятіе, какое значеніе представляетъ этотъ архивъ для всякаго, занимающагося исторіей Литвы. Но нужно не забывать еще и о томъ, что тутъ кромѣ того нагромождены и различные документы, и письма самихъ Радзивилловъ, имѣвшихъ такія обширныя связи и пользовавшихся такимъ громаднымъ вліяніемъ въ Литвѣ и Польшѣ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ *). Къ сожалѣнію, этотъ архивъ мало доступенъ для ученыхъ **) и публикація документовъ, принадлежащихъ ему, представляла до сихъ поръ большую рѣдкость.

Введеніе къ означенному нами въ заголовкѣ этой замѣтки изданію краковской академіи наукъ объясняетъ исторію его происхожденія. Покойный архиваріусъ несвижскаго архива г. Шишко списалъ съ хранящихся тамъ оригиналовъ нѣкоторыя письма Николая Христофора Радзивилла, по прозванію, Сиротки, Яна Замойскаго и Льва Сапѣги и, предпославъ имъ коротенькую біографію Сиротки, хотѣлъ напечатать. Но смерть помѣшала Шишкѣ привести въ исполненіе это намѣреніе, и рукопись его была передана кн. Антономъ Радзивилломъ, владѣльцемъ Несвижа, краковской академіи наукъ вмѣстѣ съ необходимыми средствами для напечатанія ея. Академія, съ своей стороны, поручила г. Августу Соколовскому заняться этимъ дѣломъ, что и было имъ исполнено. Чѣмъ руководился покойный Шишко при выборѣ тѣхъ или другихъ писемъ, какія остались еще въ архивѣ и изъ какого времени,—все это, понятно, издатель рукописи его не можетъ объяснить, такъ какъ незнакомъ съ несвижскимъ архивомъ. Роль издателя ограничилась исключительно составленіемъ самыхъ необходимыхъ примѣчаній къ встрѣчающимся въ текстѣ именамъ лицъ и названіямъ мѣстностей.

При скудости матеріаловъ по исторіи

*) Свѣдѣнія о несвижскомъ архивѣ можно найти въ „Археографическомъ сборникѣ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверозападной Руси“. Т. I. Вильна. 1867. Предисловіе, стр. IV, прим. 4. Ср. также Радзишевскаго: Wiadomosc historyczno-statystyczna o znakomitszych bibliotekach i archiwach publicznych i prywatnych w Krȯlestwie polskiem, Galicyi etc. Kraków. 1875. Стр. 53. Въ пятомъ выпускѣ „Лѣтописи занятій Археографической коммиссіи“ напечатано: „Хронологическая опись историческихъ документовъ несвижскаго архива, составленная въ 1862 году“.

**) Изъ нашихъ историковъ въ этомъ архивѣ работалъ главнымъ образомъ И. А. Гильтебрандтъ.

Литвы XVI в., это изданіе краковской академіи наукъ не лишено нѣкотораго значенія и интереса для ученыхъ. Для характеристики политическаго настроенія литовскаго общества во вторую половину XVI столѣтія найдется тутъ не мало чертъ, представляющихъ, впрочемъ, только подтвержденіе уже давно извѣстнаго въ наукѣ. Во всѣхъ письмахъ литовскихъ пановъ проглядываетъ нескрываемая нелюбовь къ Польшѣ, недовольство ея правленіемъ. Сигизмундъ II Августъ какъ бы сконфуженъ состоявшеюся люблинскою уніею и извиняется за нее передъ Сироткою. Съ другой стороны, симпатіи къ Россіи въ Литвѣ очень сильны. Нѣсколько новыхъ подробностей найдетъ историкъ въ этой корреспонденціи для исторіи отношеній Литвы къ Москвѣ въ царствованіе Стефана Баторія и послѣ его смерти. Для внутренней жизни литовскаго и польскаго общества и охватившаго его высшіе слои реакціоннаго духа въ области религіи переписка трехъ упомянутыхъ литовскихъ пановъ доставляетъ также нѣкоторыя данныя.

Къ этому изданію приложены портреты Николая Сиротки, Христофора I Радзивилла, Яна Замойскаго и Льва Сапѣги. Что касается біографіи Сиротки, составленной Шишко, то она крайне плоха. Отъ лица, имѣвшаго въ своемъ распоряженіи несвижскій архивъ, должно было ожидать гораздо большаго.

Monumenta Historica Dioeceseos Wladislawiensis I—IV. Wladislaviae. 1881—1884.

Подъ этимъ нѣсколько громкимъ заглавіемъ издано каноникомъ Зенономъ Ходынскимъ четыре выпуска документовъ, относящихся къ исторіи влоцлавской епархіи и извлеченныхъ изъ архива тамошняго капитула. Эти книжечки стали появляться, начиная съ 1881 года, по одной въ годъ, объемомъ отъ двухъ до трехъ листовъ in—16, и составляютъ какъ бы приложеніе къ «Ordo divini officii ac missarum ad usum dioecesis Wladislaviensis seu Calissiensis».

Первый выпускъ «Monumenta» посвященъ свѣдѣніямъ о количествѣ приходовъ и монастырей въ различныя эпохи въ бывшей влоцлавской епархіи. Они ограничиваются, впрочемъ, однимъ простымъ поименованіемъ церквей по деканатамъ. Только при перечисленіи церквей и монастырей этой епархіи за послѣднюю четверть XVI в. (1577 г.), присоединены краткія замѣтки о состояніи ихъ.

Во второмъ выпускѣ напечатано духовное завѣщаніе епископа Іеронима Роздражевскаго, управлявшаго владиславльскою епархіею отъ 1582 года до самой своей смерти въ 1600 году. Оно даетъ возможность нарисовать себѣ подробную картину богатства и обстановки тогдашнихъ прелатовъ, а также составить понятіе объ интересахъ, привязанностяхъ и предметахъ заботъ ихъ на основаніи распредѣленія завѣщаемаго имущества. Третій выпускъ составляетъ какъ бы дополненіе къ предыдущему. Тутъ напечатанъ инвентарь драгоцѣнностей, золотыхъ и серебряныхъ вещей, принадлежавшихъ епископу Роздражевскому, а также и его платья, посуды, упряжи, музыкальныхъ инструментовъ. Инвентарь этотъ составленъ такъ подробно, что тамъ перечислены даже кухонная утварь, туалетныя принадлежности и т. п. Кромѣ того, въ этомъ же выпускѣ помѣщена роспись доходовъ епископа съ его силезскаго имѣнія Помсдорфъ.

Но гораздо интереснѣе послѣдній выпускъ, озаглавленный авторомъ «Hussitica». Какъ указываетъ само оглавленіе, тутъ помѣщены документы, иллюстрирующіе исторію польскаго гуситизма. Г. Ходынскій, располагающій только актами влоцлавскаго капитульнаго архива и имѣвшій подъ руками кромѣ того книгу постановленій плоцкаго капитула отъ 1437 по 1517 годъ, извлекъ изъ упомянутыхъ источниковъ все, относящееся къ исторіи гуситскаго движенія въ его епархіи, а также и плоцкой. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что не всѣ помѣщенные тутъ документы относятся къ означенному движенію, а указываютъ на существованіе въ Польшѣ въ XV вѣкѣ и другихъ ересей. Первыя упоминанія о появленіи гуситизма въ куявской землѣ г. Ходынскій встрѣтилъ въ рукописяхъ влоцлавскаго капитульнаго архива только подъ 1480 годомъ. Повидимому, это ученіе проникло сюда черезъ Силезію.

Въ виду недостатка матеріаловъ по исторіи умственнаго и религіознаго состо-

янія Польши въ эпоху, предшествовавшую реформаціонному движенію, нѣсколько изданныхъ г. Ходынскимъ документовъ пріобрѣтаютъ значеніе, помогая пролить нѣкоторый свѣтъ на нее.

Н. Любовичъ.

Библіографическія замѣтки.

Для всякаго, сколько нибудь слѣдящаго за результатами научной дѣятельности чеховъ въ области историко-филологическихъ изслѣдованій, должно быть замѣтно то поразительное затишье, которое наступило въ отдѣлѣ собственно филологическихъ изученій (относительно исторіи этого никакъ нельзя сказать), имѣющихъ предметомъ исторію чешскаго языка по древнѣйшимъ литературнымъ памятникамъ, а также и прочіе отдѣлы языковѣдѣнія. Конечно, главнѣйшею причиною этого явленія должно признать бѣдность наличныхъ научныхъ силъ по этой спеціальности: старики сходятъ со сцены, а молодыхъ дарованій что-то не появляется... Но есть тутъ, думается намъ, и другія причины. Критическія разоблаченія послѣднихъ лѣтъ въ области пресловутыхъ «новѣйшихъ» памятниковъ старо-чешской литературы произвели замѣтную реакцію въ дѣятельности чешскихъ ученыхъ - филологовъ и историковъ литературы. Наступило переходное время, время раздумья и зрѣлаго размышленія по поводу прошлыхъ увлеченій и грѣховъ вольныхъ и невольныхъ и предстоящихъ серьезныхъ задачъ. Съ разрушеніемъ старыхъ устоевъ, съ паденіемъ прежнихъ кумировъ, — исчезла подъ ногами твердая почва, и чешскіе ученые старшихъ поколѣній очутились въ довольно неловкомъ положеніи, и предпочли — одни умолкнуть до поры до времени, чтобы вновь отыскать подъ собою почву и освоиться съ новымъ положеніемъ, другіе — устремиться въ иную болѣе надежную область, напр. въ изученіе позднѣйшихъ историческихъ эпохъ, гдѣ имѣешь дѣло съ болѣе прочнымъ и реальнымъ матеріаломъ. Такимъ образомъ извѣстный кругъ научныхъ вопросовъ, связанныхъ съ изученіемъ древнѣйшихъ памятниковъ чешскаго языка и письма и самое это изученіе отошли на задній планъ, покрылись какъ-бы завѣсой почти всеобщаго молчанія. Къ сожалѣнію, между чешскими учеными нашлось очень мало такихъ, которые посмотрѣли прямо въ глаза правдѣ, можетъ быть и горькой, но все же правдѣ, и постарались о скорѣйшемъ проясненіи того тяжелаго и несомнѣнно прискорбнаго для нихъ тумана, который за послѣднее время окуталъ всю область изученія чешской литературной и бытовой древности. Послѣ сдѣланныхъ на первыхъ порахъ—въ отвѣтъ на разоблаченія—большею частью неудачныхъ попытокъ защитить отвергнутые и заподозрѣнные памятники — большинство предпочло молчаніе тщательному выясненію истины и окончательному разрѣшенію конечно, довольно щекотливыхъ и волнующихъ національныя чувства, но все-таки въ интересахъ науки и правды подлежащихъ разъясненію вопросовъ

Такое отношеніе къ дѣлу со стороны «жрецовъ науки» отразилось конечно и въ литературѣ вообще, и въ общественномъ мнѣніи, и на молодомъ поколѣніи. Вездѣ видна шаткость, неопредѣленность и произвольность мнѣній по отношенію къ данному вопросу. Въ литературѣ вы встрѣчаетесь то съ отголосками добраго стараго времени—въ видѣ безусловной и наивной вѣры даже въ общепризнанные литературные фальсификаты, то опять таки съ осторожнымъ, намѣреннымъ умолчаніемъ даже о томъ, о чемъ споръ еще не конченъ и послѣднее слово еще не сказано.... Въ обществѣ, не посвященномъ въ тайны спеціальнаго вѣдѣнія, господствуетъ недоумѣніе, путаница въ понятіяхъ: не знаютъ, чего держаться; оттого встрѣчаешься то съ ярыми консерваторами-патріотами, считающими всякую свободную критику измѣной отечеству, то съ отчаянными скептиками. Понятно, въ молодомъ поколѣніи складываются по данному предмету понятія вполнѣ случайныя и весьма сбивчивыя, ибо то, чему молодежь учится въ школѣ, часто идетъ въ разрѣзъ съ тѣмъ, что она слышитъ дома.... Остается надѣяться, что изъ подростающихъ поколѣній выйдутъ наконецъ силы, которыя, будучи чужды всякихъ предвзятыхъ мнѣній и узко - патріотическихъ тенденцій, обратятъ свое серьезное

вниманіе на хаосъ, царящій нынѣ въ иныхъ отдѣлахъ чешской историко-филологической науки, и постараются во всеоружіи здравой критики разобрать и распутать все то, что напутали, насочинили и безъ толку нагородили (смѣшавъ въ одну кучу истинныя сокровища съ мишурою) ихъ через-чуръ увлекавшіеся отцы и дѣды.... Но пока такого направленія въ молодомъ поколѣніи чешскихъ ученыхъ еще не видно.

Невольно приходится еще прислушиваться къ изрѣдка раздающимся голосамъ старыхъ «корифеевъ», особенно если они искренно, серьезно и строго относятся къ дѣлу. Теперь они такъ долго молчали, что естественно можно только съ удовольствіемъ и возбужденнымъ интересомъ привѣтствовать нарушеніе кѣмъ-нибудь этого молчанія. Всѣмъ извѣстно уже, что изъ чешскихъ ученыхъ старый и заслуженный филологъ профессоръ М. Гаттала не думаетъ бросать оружія передъ нападками новѣйшей критики, что онъ и доказалъ нѣсколькими своими вылазками.... Правда, относительно иныхъ, уже слишкомъ сомнительныхъ, паматниковъ прибѣгъ къ тактикѣ почти полнаго молчанія и этотъ ученый: иначе и не могло поступить лицо, обладающее такими основательными познаніями и такимъ критическимъ чутьемъ и литературнымъ тактомъ, но для даровитаго и искуснаго пера еще оставалась работа, съ его точки зрѣнія достаточно благодарная. Безспорно выдающаяся надъ всѣми богатствомъ содержанія и поэтическими достоинствами въ ряду пресловутыхъ «древнѣйшихъ» памятниковъ, такъ называемая *Краледворская рукопись*, хотя тоже состоящая въ сильномъ подозрѣніи, благодаря многимъ удачнымъ замѣчаніямъ и вѣскимъ соображеніямъ осторожной и убѣдительной критики, все же продолжаетъ еще быть предметомъ научнаго спора и толковъ, а потому возбуждать къ себѣ справедливое вниманіе науки не у однихъ чеховъ,—и вотъ г. Гаттала взялся и обѣщалъ ученому міру представить полную и всестороннюю защиту этого памятника. Но годы шли за годами, а всѣми ожидаемый трудъ почтеннаго профессора не появлялся!... Ученый міръ и чешское общество уже начали было разочаровываться. Наконецъ въ ноябрѣ истекающаго года въ чешскомъ журналѣ «*Osveta*» появилась маленькое (въ 17 страницъ) извлеченіе, еще сокращенное редакціей, изъ Гатталовой «Защиты» подъ заглавіемъ «О народномъ настроеніи Краледворскихъ эпиковъ» (O národnim smyslené Královédvorskych epiku). Съ любопытствомъ набросились читатели на эту частицу давно ожидаемой «обраны» знаменитой рукописи, но повидимому этотъ первый образчикъ еще не удовлетворилъ ничьихъ ожиданій. Къ сожалѣнію, почтенный ученый остается неизмѣнно вѣренъ своей излюбленной манерѣ до нельзя начинять всякое свое изысканіе безконечной и утомительной полемикой съ своими учеными противниками и недругами, какъ живыми, такъ и мертвыми, которыхъ онъ ловитъ на каждомъ словѣ, уличаетъ въ противорѣчіяхъ, натравляетъ другъ на друга, однимъ словомъ—не даетъ пощады. Эта безпощадная критика, которой авторъ предается, повидимому, съ такою любовью, дѣлаетъ пожалуй честь его пылкой отзывчивости, остроумію и ядовитости, но едва ли цѣлесообразно наполнять ею отъ начала до конца всякое изслѣдованіе. Для читателя, даже спеціалиста, такая манера чрезвычайно тяжела и неудобна, да и самое дѣло отъ нея, конечно, не выигрываетъ. Всякая мысль отъ такой полемической начинки теряетъ свою опредѣленность и ясность, а все изложеніе—свою убѣдительность и доказательность, ибо затемняется и сбивается общая связь и послѣдовательность мыслей и доводовъ. Такимъ же полемическимъ характеромъ и бóльшимъ стремленіемъ уничтожить своихъ противниковъ, чѣмъ ясно выразить свои собственныя мысли, отличается и вышеупомянутый отрывокъ труда г. Гатталы.

Какъ показываетъ заглавіе, г. Гаттала касается въ немъ вопроса о естественности тѣхъ національныхъ чувствъ, той сознательной вражды къ нѣмцамъ, которыя выказываются авторомъ или авторами эпическихъ пѣсенъ Краледворской рукописи. Дѣло въ томъ, что нѣкоторые ученые, отрицательно отнесшіеся къ этой послѣдней, т. е. причислявшіе и ее къ подлогамъ XIX в., какъ напр. Фейфаликъ и другіе за нимъ слѣдовавшіе въ этомъ случаѣ (напр. г. Пыпинъ въ своей «Исторіи

Славянскихъ литературъ») приводили, между прочимъ, въ числѣ доводовъ противъ подлинности и тотъ, что проходящее черезъ всѣ произведенія Краледворской рукописи слишкомъ живое національное чувство, много разъ прорывающееся наружу изъявленіемъ ненависти къ сосѣдней народности (т. е. нѣмецкой), слишкомъ будто-бы отзывается современными отношеніями, а потому обличаетъ-де недавнее происхожденіе этихъ произведеній. Г. Гаттала въ своемъ трудѣ, нельзя не признать, вполнѣ справедливо опровергаетъ этотъ аргументъ многими историческими соображеніями и прежде всего тѣмъ краснорѣчивымъ фактомъ изъ области литературной, что старочешская риѳмованная поэзія, происходящая изъ той-же эпохи, къ которой относятъ эпическія пѣсни Краледворской рукоп. (т. е. XIII—XIV в.) *), какъ, напр., старочешскія легенды о св. Прокопѣ и Ансельмѣ и извѣстная риѳмованная хроника Далимила, обнаруживаетъ не менѣе, если даже не болѣе вражды къ нѣмцамъ, чѣмъ эпическія пѣсни Краледворской рукописи, и такимъ образомъ эти послѣднія, по мнѣнію критика, «заслуживали-бы дѣйствительно подозрѣнія, по крайней мѣрѣ, съ исторической точки зрѣнія въ томъ случаѣ, еслибъ въ нихъ ничѣмъ не отразились главное содержаніе и характеръ чешской исторіи, непрерывная борьба и соперничество элементовъ чешскаго и нѣмецкаго.» Г. Гаттала въ противовѣсъ нападкамъ отрицающей критики отмѣчаетъ и выставляетъ впередъ особенно симпатичный и, по его мнѣнію, весьма правдивый взглядъ на пѣсни Краледворской рукоп. безпристрастнаго нѣмца Мейнерта, высказавшаго его еще въ 1819 г. *) тотчасъ послѣ перваго изданія рукописи, и ошибавшагося лишь въ отношеніи этихъ пѣсенъ къ плодамъ народнаго непосредственнаго поэтическаго творчества, что, какъ извѣстно, рѣшительно отрицаетъ Гаттала, основываясь на признакахъ такой личной образованности и такой степени національнаго самосознанія у ихъ авторовъ, какихъ нельзя допустить въ простонародныхъ пѣвцахъ. Г. Гатталѣ нравится въ Мейнертѣ особенно то, что онъ, будучи нѣмцемъ, относится великодушно къ анти-нѣмецкому настроенію Краледворскихъ эпиковъ, считая его естественнымъ, тогда какъ г. Фейфаликъ не можетъ простить имъ этой вражды, обнаруживая при этомъ самъ подобныя-же *чувства* къ чехамъ. Но помимо этого похвальнаго безпристрастія мы не находимъ въ приведенномъ г. Гатталой взглядѣ г. Мейнерта ничего такого существеннаго для вопроса о подлинности Краледворской рукописи, что бы оправдывало приписаніе ему особенной цѣны и значенія. Но всего болѣе мѣста въ разсматриваемомъ отрывкѣ посвящено г. Фейфалику, на котораго авторъ и обрушивается со всею силою, по поводу вышеупомянутаго его аргумента въ пользу подложности памятника. Чешскій ученый справедливо обличаетъ его въ нелогичности и въ противорѣчіяхъ себѣ, ибо, дѣствительно, какъ объяснить, что тотъ-же г. Фейфаликъ, который въ своихъ «Studien zur Geschichte des altböhmischen Literatur» отмѣчаетъ у чешскихъ средневѣковыхъ стихотворцевъ (XII—XIV вв.) весьма развитое чувство ненависти къ нѣмцамъ (Deutschenhass), «которое собственно никогда не прекращалось» (eigentlich gar nie aufhörte), признаетъ это-же настроеніе въ авторахъ краледворскихъ эпическихъ пѣсенъ—доказательствомъ подложности послѣднихъ, т. е. ихъ новѣйшаго происхожденія! За ту же непослѣдовательность, впрочемъ не самостоятельную, а заимствованную, достается подъ конецъ и г. Пыпину, и не безъ основанія.

Все это прекрасно, и читатель вѣроятно согласится, что г. Гаттала защищаетъ въ настоящемъ случаѣ справедливую мысль, но нужно ли было, чтобы высказать эту мысль, писать все то, что написалъ на 17 стр. довольно мелкой печати г. Гаттала, нанизать одну на другую столько полемическихъ выходокъ, болѣе или менѣе ядовитаго свойства, пересыпать свое изложеніе массой выдержекъ и ссылокъ, къ дѣлу весьма мало относящихся, и всѣмъ этимъ его запутать и затемнить, съ этимъ едва-ли согласится какой бы то ни было читатель. Другой вопросъ также, даетъ-ли намъ этотъ «образчикъ» защиты Краледворской рукоп.

*) Г. Гаттала относитъ написаніе Краледворской рукописи къ 1325—1350 годамъ.

*) Archiv für Geographie, Historie, Staats-und Kriegskunst, Wien, 1819. s. 1—4, 7—8.

какой либо положительный доводъ или убѣдительное соображеніе въ пользу ея подлинности или противъ ея подложности. Вѣдь, г. Гаттала доказалъ только, что элементъ національной вражды къ нѣмцамъ могъ попасть въ пѣсни этого памятника столько же въ XIII—XIV в., сколько и въ XIX в., но вѣдь это еще не доказательство древняго происхожденія этихъ пѣсней. Впрочемъ, по всей вѣроятности и самъ почтенный авторъ не придаетъ особенно важнаго значенія этому своему разсужденію въ дѣлѣ защиты рукописи, которую онъ предпринялъ въ широкихъ размѣрахъ и со всѣхъ сторонъ, въ особенности-же, надо думать, со стороны филологической и палеографической, гдѣ онъ является наиболѣе компетентнымъ судьей.

Будемъ-же съ нетерпѣніемъ ожидать появленія всего труда (обѣщаннаго въ размѣрѣ 30 листовъ), который авторъ надѣется окончить печатаніемъ въ теченіе наступающаго года.

Предыдущія строки были уже написаны, когда въ чешской газетѣ «Národni Listy» *) сталъ печататься другой отрывокъ изъ того-же труда проф. Гатталы. Я не намѣренъ разбирать здѣсь и этотъ новый, такъ сказать пробный шаръ почтеннаго защитника Краледворской рукописи. По этимъ кусочкамъ еще невозможно произнести никакого сужденія объ исполненіи авторомъ трудной своей задачи въ общемъ, да и о томъ, что въ нихъ высказано, удобнѣе судить въ его связи съ остальнымъ содержаніемъ труда. Скажу только, что здѣсь г. Гаттала переходитъ уже на почву филологическую, при чемъ, однакожъ, характеръ его разсужденій и метода защиты и тутъ тѣ же, что и въ предыдущемъ открыккѣ: его главная цѣль, въ данномъ случаѣ, указать на принципіальныя ошибки и заблужденія, въ которыя впадаютъ въ своей критикѣ противники рукописи и тѣмъ подрывать авторитетъ послѣднихъ. Напр., онъ налегаетъ на то, что эти критики въ своихъ нападкахъ совершенно не обращаютъ вниманія на всегда существовавшее значительное отличіе языка поэзіи отъ языка прозы, на основаніи котораго они только и дѣлаютъ свои возраженія. Въ поэтическомъ языкѣ всегда допускались такія уклоненія отъ современной общеупотребительной рѣчи и въ звукахъ и въ формахъ, и въ ударенія, какія немыслимы въ прозѣ: оттуда сохраненіе архаизмовъ рядомъ съ новѣйшими формами, и слѣдовательно пестрота въ поэтической рѣчи, вообще допускающей много вольностей. Эту мысль авторъ подкрѣпляетъ многими справедливыми соображеніями и аналогіями. Но разсуждая съ принципіальной стороны, онъ мало останавливается на разборѣ самыхъ фактовъ изъ чешскаго памятника и на научномъ оправданіи заподозрѣнныхъ формъ и уклоненій, а всѣ силы свои напрягаетъ къ тому, чтобы подорвать авторитетъ и научную репутацію, унизить и больнѣе уколоть своихъ противниковъ. Для этого опять нагромождается безконечный полемическій балластъ, о которомъ мы говорили выше, который такъ запутываетъ изложеніе и затрудняетъ чтеніе. На этотъ разъ предметомъ язвительныхъ нападокъ и даже личныхъ обличительныхъ выходокъ автора, являются въ особенности г. Миклошичъ и главный, ближайшій непріятель г. Гатталы, его настоящая bête noire, г. Гебауеръ. Нельзя не признать, что обличеніе и нападки нашего автора на этихъ ученыхъ часто весьма справедливы и мѣтки, и имъ достается иногда подѣломъ, но къ прямой цѣли г. Гатталы вся эта пространная полемика имѣетъ мало отношенія, а потому и неумѣстна. Читателю съ трудомъ приходится выбирать изъ этой обильной полемической приправы тѣ факты и дѣльныя мысли автора, все то существенное, изъ чего должна сложиться защита Краледворской рукописи. Но. такова уже всегдашняя манера ученаго,—намъ остается съ ней примириться. Наука сумѣетъ оцѣнить во всякомъ трудѣ, каково бы ни было его изложеніе, все то, что справедливо, убѣдительно и имѣетъ научное значеніе.

Пока одни изъ чешскихъ ученыхъ которыхъ всего ближе касаются недавнія разоблаченія отмалчиваются, устремляя вниманіе на иные отдѣлы своей науки, а другіе заготовляютъ оружіе и время отъ времени дѣлаютъ вылазки въ защиту того,

*) 1885 г. № 357, 358. 1886 г., № 3, 16.

что еще не совсѣмъ приговорено критикой,—дѣло накопленія новаго дѣйствительно научнаго матеріала и, такъ сказать, откапыванія настоящихъ корней и начатковъ чешской письменности и литературы—все-таки подвигается впередъ, хотя и медленно, но вѣрно— усиліями очень немногихъ и по преимуществу одного чешскаго труженика, неутомимая дѣятельность котораго составляетъ поистинѣ отрадное явленіе въ современномъ движеніи науки у чеховъ, и потому заслуживаетъ быть особенно отмѣченною. Я разумѣю труды хорошо извѣстнаго у насъ въ Россіи, особенно всѣмъ русскимъ, бывшимъ въ Прагѣ А. О. Патеры, библіотекаря чешскаго народнаго музея, по отысканію и обнародованію новыхъ, еще неизвѣстныхъ обломковъ старой чешской письменности, а равно и переизданію въ новыхъ спискахъ съ варіантами уже ранѣе изданныхъ. Ограничиваясь пока тщательнымъ изданіемъ памятниковъ съ замѣчательною палеографическою точностью и снабжая ихъ лишь самыми необходимыми примѣчаніями относительно ихъ литературнаго содержанія и языка, г. Патера постепенно подготовляетъ цѣнный матеріалъ для будущихъ спеціальныхъ изслѣдованій.

Благодаря своей огромной палеографической опытности и вѣрному чутью, пріобрѣтеннымъ продолжительными занятіями надъ старыми чешскими рукописями, онъ достигъ весьма счастливыхъ результатовъ въ своихъ архивныхъ изысканіяхъ, представлявшихъ, конечно, большія трудности: большая часть обломковъ древней письменности сохранилась совершенно случайно тамъ и сямъ, или посреди старѣйшихъ латинскихъ текстовъ, или на кусочкахъ и обрѣзкахъ пергамента, служившихъ позднѣе для переплета книгъ, и стоило большаго труда ихъ отыскать, подобрать и прочесть, ибо разрушительное время не пощадило ихъ, разумѣется.

Послѣ своего замѣчательнаго критико-палеографическаго изслѣдованія (въ сообществѣ съ архит. Баумомъ) пресловутыхъ чешскихъ глоссъ словаря Mater Verborum, изъ которыхъ болѣе 800 оказалось подложными, и лишь 339 подлинными, изслѣдованія, произведшаго не малый переворотъ въ господствовавшихъ до того научныхъ взглядахъ и воззрѣніяхъ на многіе вопросы древнеславянской и древнечешской жизни, г. Патера энергически принялся за поиски въ пыли архивовъ—настоящихъ остатковъ древнѣйшей письменности и съ конца 70-хъ годовъ успѣлъ обнародовать цѣлый рядъ отрывковъ какъ изъ извѣстныхъ уже, такъ и изъ неизвѣстныхъ литературныхъ памятниковъ. Рѣдкая книжка «Часописи Чешскаго Музея» выходитъ безъ его статьи съ какимъ-ли новымъ, болѣе или менѣе цѣннымъ вкладомъ въ науку о древне-чешскомъ просвѣщеніи и письменности. Всѣ найденные имъ литературные отрывки или чешскія глоссы изданы съ одинаковою педантическою точностью, описаны и объяснены со всѣми подробностями и обильнымъ ученымъ апаратомъ. Такимъ образомъ имъ были изданы напр., такъ наз. *Григоріанскія глоссы* (чешскія и старославянскія) изъ одной латинск рукописи Капитульной Библіотеки въ Прагѣ (изъ XII в.). Čas. Č. M. 1878, 4 вып. Староческія глоссы въ лат. *салтыри*, принадлежащей Музею (XIII в.). Čas. Č. M. 1879, 2 и 3 в. Старочешскія глоссы въ Латин. рукоп. Университетской Библіотеки, содержащей т. н. Homiliář Opatovický (XIII в.). Čas. Č. M. 1880 г. выпуск. 1. Староческая пѣснь XIII в. «*Slovo do sveta stvorené*» изъ латин. рукоп. Капитульной Библіотеки.—Čas. Č. M. 1878, в. 2. Старочешская пѣснь о *Божьемъ тѣлѣ* изъ лат. рукоп. Университетской Библіотеки (XIII—XIV в.) Č. Č. M. 1882. Отрывокъ легенды о *Дѣвѣ Маріи* (XIV в.) изъ Капит. Библ. - Č. C. M. 1879 г.; отрывокъ легенды *о Св. Юріи* (XIV в.) изъ Университ. Библ. и еще цѣлый рядъ отрывковъ изъ другихъ чешскихъ легендъ, которыхъ здѣсь нѣтъ надобности перечислять. Почти со всѣхъ этихъ литетурныхъ обломковъ сняты одновременно заботами того же А. О. Патеры фотографическіе снимки, весьма исправно и удачно исполненные, безъ которыхъ самое точное палеографическое изданіе было бы неполно. Слѣдуетъ еще упомянуть здѣсь объ участіи г Патеры въ совмѣстномъ съ г. Гатталой прекрасномъ изданіи всѣхъ сохранившихся текстовъ чешской риемованной Александриды, съ транскрипціей (Zbytky rýmowanych Alexandreid staročěských

Pr. 1881) съ которыхъ тоже сдѣланы точные фотографическіе снимки. Кромѣ того, подъ редакціей г. Патеры вышли еще нѣкоторые другіе старочешскіе литературные памятники Наконецъ въ «Часописи Ч. М.» минувшаго 1885 г. помѣщены слѣдующіе отрывки чешскихъ памятниковъ: 1) Старочешскій остатокъ» текста рифмованнаго «Іисусова дѣтства, XIV в. 2) Отрывки старочешской «жизни Іисуса Христа (Žiwot Krista Pána) XIV в. изъ музейной библіотеки. 3) Отрывки старочешской хроники Пулкавы XIV в. тоже изъ библіотеки музея.—Г. Патера не думаетъ однако прекращать своихъ архивныхъ разысканій: онъ неутомимо продолжаетъ рыться въ пыли разныхъ книгохранилищъ и можно вполнѣ разсчитывать, что онъ обогатитъ еще науку не однимъ любопытнымъ открытіемъ. Имъ уже перерыты и для его цѣлей значительно исчерпаны библіотеки гор. Праги, и многія провинціальныхъ, монастырскія и фамильныя, но остается еще много неизслѣдованныхъ и въ Чехіи и въ Моравіи. Такая дѣятельность г. Патеры представляетъ тѣмъ большую заслугу, что не очень-то бываетъ легко подчасъ добиться доступа для ученыхъ разысканій въ иные зорко охраняемые отъ непрошеныхъ и слишкомъ любопытныхъ глазъ архивы въ «либеральной» Австріи.

Итакъ, почти единичными усиліями постепенно подготовляется матеріалъ для будущаго истинно-научнаго собранія подлинныхъ древнѣйшихъ памятниковъ чешской литературы, которому суждено замѣнить пресловутую и уже давно сыгравшую свою необычную роль книгу Шафарика и Палецкаго «Die ältestn Denkmäler der böhmiscenn Sprache» Pr., (1840.) . . . . Такому труду положено уже хорошее начало рядомъ почтенныхъ работъ г. Патеры, образцовыхъ по своему строгому методу и педантичной точности, за которые ему будетъ признателенъ не только историкъ литературы, но никакъ не менѣе и историкъ чешскаго языка.

—ѣ.

Забужная Русь.

1) Червенскіе города. Историческій очеркъ въ связи съ этнографіей и топографіей Червонной Руси. *А. В. Лонгинова.* Варшава. 1885 г.

Обширная монографія, въ 330, а съ приложеніемъ 368 страницъ, представляетъ первую попытку по возможности научнаго изслѣдованія въ области и до настоящаго времени почти не тронутой. Авторъ понялъ свою задачу въ самомъ широкомъ смыслѣ, и въ его книгѣ мы встрѣчаемся съ фактами изъ исторіи страны на протяженіи 15 вѣковъ: въ первой главѣ — съ племенами, долженствовавшими населять страну въ IV в. (Карпами, Сабоками, Буграми и др.); въ приложеніи—съ документами начала нынѣшняго вѣка. Opus suppositum cineri doloso! Если при этомъ принять во вниманіе, что авторъ старался быть по возможности добросовѣстнымъ, что онъ прочиталъ не только общіе труды по древней исторіи славянъ, ознакомился съ лѣтописями, но просматривалъ, а можетъ быть, штудировалъ и такіе труды, какъ «Географія Россійская» Баэра (почему не Байера?), изданная Акад. Наукъ 1767 г., заглядывалъ въ старыя карты (пр. карта Zanoni 1788) и, кромѣ того, еще работалъ по архивнымъ документамъ (въ Люблинскомъ архивѣ), то, понятно, насколько «зола», на которой рѣшился стать авторъ, должна была оказаться коварной. Вотъ почему относительно главной части труда (1—238 стр.) приходится скорѣе цѣнить добрыя намѣренія автора, нежели дѣйствительное ихъ осуществленіе.

Въ изслѣдованіи, касающемся вопроса, почти вовсе не разработаннаго научно, разумѣется, всего важнѣе пріемы исторической критики, которыми руководится изслѣдователь. На нихъ даетъ г. Л. въ своемъ трудѣ весьма опредѣленныя указанія. Оканчивая свое изслѣдованіе возраженіемъ Н. П. Барсову, авторъ упрекаетъ его въ недовѣріи къ лѣтописямъ, «которое приводитъ иногда достоуважаемаго ученаго къ страннымъ умозаключеніямъ» (329). Быть можетъ, Н. П. Барсовъ иногда излишне остороженъ, но отсюда вовсе не слѣдуетъ, что должно избѣгать этого почтеннаго качества, напротивъ, недовѣріе къ неочищеннымъ еще критикою матерьяламъ и вытекающая отсюда осторожность

въ выводахъ составляютъ насущнѣйшую необходимость и лучше всего рекомендуютъ научную осмотрительность изслѣдователя. Вѣдь вопросъ, котораго касается г. Л. настолько теменъ, что даже о такомъ положеніи лѣтописи, какъ — «иде Владиміръ къ Ляхомъ и зая грады ихъ»—мы имѣемъ лишь одно строго научное спеціальное изслѣдованіе, которое, впрочемъ въ коротенькомъ предисловіи къ «Приложенію» г. Л. называетъ лишь «блестящимъ разсужденіемъ» (331). Строгой критики онъ, очевидно, не любитъ, ничѣмъ не смущаемое довѣріе — вотъ пріемъ, которымъ онъ руководится, при изслѣдованіи нерѣдко самыхъ запутанныхъ вопросовъ. Вотъ примѣръ: «Въ каждомъ преданіи есть доля истины, — говоритъ авторъ, — поэтому я позволю себѣ извлечь изъ интересной Vilkina Saga, относящейся къ событіямъ приблизительно IV и V вѣковъ, факты, имѣющіе непосредственную связь съ судьбами Червенской страны до лѣтописнаго періода» (54). Упоминаемая въ этой сагѣ Holmgardhia такъ объясняется довѣрчивымъ изслѣдователемъ. «Holm — *несомнѣнно* Холмъ, a gardhia, gardher—городъ, замокъ» (55). «....я не вижу, заключаетъ г. Л., ничего невѣроятнаго въ приведенномъ преданіи, такъ какъ постройка города Холма Даніиломъ Романовичемъ вовсе не исключаетъ возможности существованія древняго города Холма еще въ IV или въ V вѣкѣ» (57). Г. Л. утверждаетъ даже, что это «весьма вѣроятно»!

Въ другомъ мѣстѣ; говоря о Кіевцѣ (село Сѣдлецкой губ.) на р. Кроснѣ, г. Л., не довольствуясь мнѣніемъ свящ. Татарова, что названіе Кіевца происходитъ отъ Кіева, прибавляетъ: «я думаю, что Кіевецъ на р. Кроснѣ заложенъ строителемъ Кіева Кіемъ, такъ же какъ и городище Кіевецъ на Дунаѣ» (135 пр. 3). Все это, скажемъ словами автора, по поводу мнимой одинаковости Holmgardhia и Холма, «весьма вѣроятно», но такого рода обоснованіе выводовъ нельзя же назвать научнымъ, такого рода критическіе пріемы врядъ ли могутъ повести къ чему нибудь другому, кромѣ увеличенія количества научныхъ курьезовъ.

Такихъ примѣровъ однако въ трудѣ г. Л. можно бы набрать еще нѣсколько.

Обширность матеріала повела и къ другому недостатку—запутанности, а иногда и безсвязности изложенія. Читатель съ нѣкоторымъ изумленіемъ встрѣчаетъ въ 1-й гл. довольно обширныя разсужденія о Карпахъ, Буграхъ и Сабокахъ и др.; съ еще большимъ изумленіемъ встрѣчаетъ онъ во 2-й гл. очеркъ судьбы юго-славянскихъ народовъ и ихъ взаимныхъ отношеній (33—42), причемъ г. Л., ни мало не колеблясь, утверждаетъ, что болгаре, на которыхъ ходилъ Владиміръ 985 г. были южные, а не камскіе, какъ понимаютъ обыкновенно. Но если главную часть труда г. Лонгинова мы должны отнести къ тому же разряду произведеній, къ которому уже зачисленъ спеціалистами «Славянскій Міръ» Риттиха, то конецъ его, начиная съ 238 стр. и особенно приложеніе—«Дополнительныя свѣдѣнія о червоннорусскихъ церквахъ и монастыряхъ холмской епархіи до начала XIX в.» мы считаемъ весьма цѣнными. Эта часть труда отличается другимъ характеромъ сравнительно съ первою. Въ ней и задача опредѣляется ясно и осуществляется она по мѣрѣ силъ удовлетворительно. Указавъ на горькую участь Червонной Руси г. Л. говоритъ: «усилія мои направлены къ тому, чтобы подобрать и вызвать къ жизни памятники русской старины тамъ, гдѣ она была наиболѣе забита и гдѣ, поэтому, многіе вовсе не подозрѣвали ея существованія, сгруппировать ихъ и привести хоть въ какую нибудь систему. Смотрю я на свои изысканія, какъ на трудъ чернорабочаго, будучи проникутъ надеждой, что мои замѣтки хоть сколько нибудь помогутъ нашимъ историкамъ разобраться въ томъ хаосѣ, какимъ донынѣ во многихъ отношеніяхъ представляется этнотопографическій отдѣлъ исторіи Червонной Руси, и озарить его свѣтомъ научной истины» (239). Цѣль въ высшей степени почтенная! Авторъ излагаетъ судьбу нѣкоторыхъ посадовъ и городовъ, «обращая особенное вниманіе на факты, обрисовывающіе состояніе въ нихъ и окрестныхъ селахъ православной церкви».... изслѣдованіе строго фактическое, большею частью, по архивнымъ и мѣстнымъ не напечатаннымъ матеріаламъ.

Разсмотрѣнное нами сочиненіе печаталось первоначально въ «Холмско-Варшавскомъ Епархіальномъ Вѣстникѣ» и пред-

ставляетъ, кажется, первый трудъ автора. Въ немъ нельзя не замѣтить большаго старанія оказать наукѣ посильную услугу; а недостатки объясняются понятной невозможностью охватить и справиться съ огромнымъ матеріаломъ. Если авторъ не остановится на этомъ трудѣ, а будетъ работать дальше въ томъ направленіи, какое принялъ конецъ его изслѣдованія, онъ окажетъ несомнѣнно весьма существенную услугу и русской наукѣ, и русскому дѣлу на нашихъ западныхъ окраинахъ.

2) *Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи*, издаваемые съ Высочайшаго соизволенія П. Н. Батюшковымъ. Вып. VIII. *Холмская Русь*. Люблинская и Сѣдлецкая губ. Варшавскаго генералъ-губенаторства. Спб. 1885 года.

Вышедшій въ концѣ минувшаго 1885 г. VIII вып. «Памятниковъ русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи» вмѣстѣ съ предшествовавшимъ ему VII-мъ сразу занялъ выдающееся мѣсто въ ряду изданій, появившихся за послѣдніе годы. Академическое отдѣленіе русскаго языка и словесности, по выслушачіи доклада ординарнаго академика А. Ѳ. Бычкова, въ засѣданіи 7 декабря 1885 г., опредѣлило выразить издателю П. Н. Батюшкову полное сочувствіе академіи наукъ къ его превосходно исполненному и полезному изданію.

Въ общемъ такой отзывъ представляетъ вполнѣ надежную рекомендацію изданія; намъ поэтому нѣтъ нужды останавливаться на немъ подробно; мы отмѣтимъ только самое существенное. Всѣхъ статей въ VIII вып. 14. Изъ нихъ половина имѣетъ не исключительно мѣстный, а болѣе общій интересъ, касаясь главнѣйшихъ моментовъ западно-русской имперіи: отношеній Литвы и Польши до Люблинскаго сейма («о границахъ польской короны и великаго княжества Литовско-Русскаго» С. Шолковича); Люблинской уніи («Люблинскій съѣздъ 1569 г. И. Малышевскаго); наконецъ главнѣйшихъ дѣятелей уніи церковной (Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго—статьи О. Левицкаго) и ихъ противника львовскаго епископа Гедеона Балабана (ст. Н. Петрова). Всѣ указанныя статьи читаются съ большимъ интересомъ, представляя доступное и вмѣстѣ съ тѣмъ основанное на источникахъ изложеніе событій или характеристику лицъ; онѣ восполняютъ такимъ образомъ недостатокъ, который въ нашей литературѣ чувствуется особенно сильно, и, намъ кажется, было бы весьма полезно, въ виду высокой цѣны изданія, выпустить въ продажу, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ отдѣльными оттисками (особенно статьи г. Петрова и г. Левицкаго).

Другая половина статей касается событій и лицъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Холмщинѣ.

Выдающееся мѣсто въ этомъ отдѣлѣ занимаютъ статьи Н. И. Петрова (о Іосафатѣ Кунцевичѣ) и М. О. Кояловича (присоединеніе Подлясья къ Польшѣ на Люблинскомъ сеймѣ). Изъ другихъ статей, сюда относящихся слѣдуетъ отмѣтить: ст. г. Павлова «Замѣтка о кормчей люблинскаго священника Василія 1604 года» и ст. г. Лонгинова «Памятники русской старины въ г. Люблинѣ», представляющія особенно желательное для изданія описаніе забытыхъ памятниковъ мѣстной старины.. Другія статьи — «Краткій очеркъ состоянія холмской Руси въ религіозномъ отношеніи до брестской уніи» Х. Х., «Устная народная словесность въ холмской и подляссской Руси» прот. Н. Страшкевича и наконецъ ст. г. Городецкаго «О послѣднемъ холмскомъ уніатскомъ епископѣ М. Куземскомъ»—мы не считаемъ удачными. Первая, при своей краткости, страдаетъ еще чрезмѣрною общностью изложенія, вторая—о народной словесности—неудалась, скажемъ прямо, вслѣдствіе полной неподготовленности автора къ дѣлу, за которое онъ взялся; наконецъ, статья о Куземскомъ кажется намъ излишне односторонней. Впрочемъ статья эта, при всей важности и интересности для насъ затронутой ею личности, собственно говоря, выходитъ изъ рамокъ изданія, посвященнаго *старинѣ*; а эта старина, то въ памятникахъ письменности (кормчая св. Василія, пользовавшаяся извѣстностью по всей Руси великой), то въ памятникахъ православія въ городахъ и селахъ (ст. г. Лонгинова и рисунки въ приложенномъ альбомѣ), то въ мольбахъ подляссскихъ депутатовъ на люблинскомъ сеймѣ объ избавленіи ихъ отъ польскихъ благодѣяній, весьма и весьма краснорѣчива! Изда-

тель взялъ на себя высокую задачу—будить задремавшее, благодаря польскимъ усиліямъ, сознаніе народности въ сынахъ Холмщины, ярко указывая имъ отцовскіе завѣты.

3) *Холмскій народный календарь на 1886 г.* Изданіе холмскаго свято-богородицкаго братства. Кіевъ, 1885 г.

Календарь состоитъ изъ трехъ частей и приложенія. Въ первой части, кромѣ обыкновенныхъ календарныхъ замѣтокъ, находимъ списокъ всѣхъ холмскихъ епископовъ, начиная съ 1250 г. Тутъ пропущенъ только послѣдній уніатскій епископъ М. Куземскій. Кромѣ указаннаго списка находимъ «Церковно-политико-историческій календарь», въ которомъ особенное вниманіе обращено на событія южно-русской и, въ частности, мѣстной исторіи.

Этотъ календарь довольно полонъ и имѣетъ особенное значеніе, по указанію фактовъ, касающихся нѣкоторыхъ отдѣльныхъ мѣстностей Холмщины. Замѣтно однако, что особенное вниманіе обращалось на южную часть края и даже прилегающую Галичину. Почему именно эта часть привлекала преимущественное вниманіе издателей, мы не знаемъ, но, во всякомъ случаѣ жаль, что Подлясью отведено гораздо меньше мѣста: такъ польскіе монастыри, оцѣпляющіе Подлясье и сыгравшіе весьма видную роль въ его исторіи—Орховскій, Бѣльскій, Лѣснянскій, инфулатство въ Коднѣ—не упомянуты.

Второй отдѣлъ—историческій, состоитъ изъ 10 статей. Первое мѣсто между ними занимаетъ прекрасное жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія. Кстати приведено описаніе польскихъ насилій за непринятіе уніи и разсказъ о судьбѣ края преимущественно въ церковномъ отношеніи («Наша родная исторія»). Изъ другихъ статей отмѣтимъ, какъ особенно интересныя: повѣсть о нашествіи папистовъ на св. Аѳонскую гору; русскій депутатъ Ив. Мелешко на варшавскомъ сеймѣ 1589 г. и рѣчь его; набожность народа по южно-русскимъ и галицкимъ пѣснямъ (отчего не по мѣстнымъ?) Другія статьи мы считаемъ менѣе удачными.

Мы бы съ удовольствіемъ встрѣтили въ этомъ отдѣлѣ хоть одно житіе, напр., кіевскихъ угодниковъ: этотъ родъ произведеній особенно охотно читается народомъ, для котораго календарь и предназначается.

Въ первой части помѣщены воскресные и праздничные тропари, кондаки; величанія, прокимны и причастны.

Въ приложеніи находимъ объясненія необходимой помощи въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ и нѣкоторыя церковныя пѣснопѣнія, съ переложеніемъ на ноты древняго напѣва.

Холмскій календарь вступилъ теперь во второй годъ своего существованія; онъ несомнѣнно будетъ продолжаться, такъ какъ издаетъ его братство, кажется, не подверженное случайностямъ. Пожелаемъ братству полнаго успѣха въ распространеніи народнаго календаря среди холмскаго народа. Календарь вполнѣ заслуживаетъ этого.

И. П. Ф—ичъ.

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, томъ I, подъ наблюденіемъ Н. Н. Страхова. 1875 г. IX, 631 и 27 стр. . . . . . 3 р. — к.
2. **Славянскій Сборникъ**, томъ II, подъ наблюденіемъ Я. Л. Зосимовича. 1877 г. VIII, 404, 98, 64, 149 и X стр. . . . . . 3 » — »
3. **Славянскій Сборникъ**, томъ III, подъ наблюденіемъ П. А. Гильтебрандта. 1876 г. IV, 400, 80, 139 и 18 стр. . . . . . 3 » — »
4. **Гусъ и его отношеніе къ православной церкви.** Соч. А. Θ. Гильфердинга. 1871 г. 82 стр. — » 50 »
5. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
6. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Θ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . . 1 » — »
7. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . . 3 » — »
8. **Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . . — » 20 »
9. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
10. **Въ память Ю. Θ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . — » 50 »
11. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
12. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . . — » 50 »
13. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . — » 50 »
14. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . . — » 5 »
15. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ.. — » 10 »
16. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
17. **Въ память Θ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . . . — » 40 »
18. **Въ памят Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . . — » 30 »
19. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . . — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славенія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Docmnents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky.** S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ** А. Θ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Θ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »

Примѣчанія: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ раззоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 2

ФЕВРАЛЬ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 2. Февраль. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Проектъ протокола

торжественнаго общаго собранія гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшагося 14-го февраля, 1886 г., въ большомъ залѣ Городской Думы подъ предсѣдательствомъ П. А. Васильчикова.

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященнѣйшій Іоанникій, митрополитъ московскій, преосвященные: Германъ, епископъ кавказскій и Серафимъ, епископъ смоленскій, многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ, около 100 членовъ Славянскаго Общества и до 1200 постороннихъ посѣтителей.

Собраніе, за болѣзнію Предсѣдателя Общества П. П. Дурново, было открыто его товарищемъ П. А. Васильчиковымъ въ 8 ч. 20 м. вечера, при чемъ онъ, обратившись къ прибывшему въ собраніе высокопреосвященнѣйшему Іоанникію, митрополиту московскому, просилъ его принять на себя почетное предсѣдательство, на что его высокопреосвященство и изъявилъ свое согласіе.

За симъ предсѣдательствующій, заявивъ, что ему приходится открывать торжественное собраніе подъ гнетомъ скорби общественной и личной по безвременно почившемъ другѣ и гражданинѣ, предложилъ присутствующимъ почтить память почившаго общимъ вставаніемъ.

Послѣ того съ благословенія его высокопреосвященства, хоромъ А. А. Архангельскаго былъ пропѣтъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію (слова М. П. Розенгейма, музыка В. И. Главача).

По окончаніи гимна, по предложенію г. предсѣдательствующаго, секретарь Общества В. И. Аристовъ прочиталъ слѣдующій отчетъ о дѣятельности Общества въ 1885 году.

Краткій отчетъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества о дѣятельности Общества въ 1885 г.

Золотыми буквами долженъ быть вписанъ въ лѣтопись С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 1885 годъ, ибо въ минувшемъ году, *по почину Славянскаго Общества*, *вся* земля Русская и *весь* міръ Славянскій торжественно чествовали день тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія, просвѣтителя славянъ. Память объ этомъ чествованіи, переходя изъ рода въ родъ, сохранится въ Русскомъ народѣ и у всѣхъ Славянъ цѣлые вѣка...

Сохранится, вѣримъ мы, также долго и на святой Руси и во всѣмъ славянствѣ память о Славянскомъ Обществѣ, которому принадлежитъ починъ чествованія тысячелѣтія блаженной кончины св. Меѳодія.

Возобновлять въ Вашей памяти въ сегодняшнемъ торжественномъ Собраніи всѣ подробности чествованія 6 апрѣля 1885 г. Совѣтъ Общества не рѣшается, боясь утомить Ваше вниманіе, тѣмъ болѣе, что подробное описаніе этого чествованія повсемѣстно въ Россіи Совѣтъ предполагаетъ представить Вамъ въ особомъ печатномъ изданіи, если на то, по особому докладу Совѣта, послѣдуетъ Ваше разрѣшеніе.

Богатые матеріалы для этого изданія, по просьбѣ Совѣта, уже доставлены въ Славянское Общество многими епархіальными преосвященными.

Позвольте, затѣмъ, представить Вашему вниманію краткій отчетъ о дѣятельности Славянскаго Общества въ 1885 году.

I. Составъ Общества.

Въ 1885 г. въ составѣ Общества состояло членовъ: почетныхъ 36, пожизненныхъ 57 и дѣйствительныхъ 227, всего 320 членовъ. Въ это число, въ теченіе 1885 г., были избраны: въ почетные члены: 20 января — I. Г. Наумовичъ и В. М. Площанскій, 5 мая — Министръ Народнаго Просвѣщенія И. Д. Деляновъ, Оберъ-Прокуроръ св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и высокопреосвященный Леонтій, архіепископъ Холмскій и Варшавскій и 22 декабря—профессоръ С.-Петербургскаго университета О. Ѳ. Миллеръ; въ пожизненные члены: 20 января—графъ С. В. Орловъ-Давыдовъ, 7 апрѣля—А. А. Журавлевъ, М И. Ивановъ, В. А. Ратьковъ-Рожновъ и преосвященный Ѳеогностъ, епископъ Владимірскій, 27 октября—Д. П. Кладищевъ и А. Н. Неустроевъ и въ дѣйствительные 79 человѣкъ, поименованные въ особомъ спискѣ.

Изъ числа членовъ, состоявшихъ въ составѣ Славянскаго Общества въ 1885 г., 32 члена, поименованные въ особомъ спискѣ, не уплатили еще своихъ членскихъ взносовъ за 1885 годъ. Всѣмъ имъ, согласно постановленія Общаго Собранія, состоявшагося 14 октября 1879 г., Совѣтомъ Общества были посланы предварительныя напоминанія объ уплатѣ ихъ членскихъ взносовъ.

Въ минувшемъ году Славянское Общество понесло незамѣнимую утрату: 7 ноября почилъ одинъ изъ глубочайшихъ мыслителей и ученыхъ, почетный членъ Общества Николай Яковлевичъ Данилевскій. Миръ праху его и вѣчная ему память!

II. Составъ Совѣта Общества.

Въ общемъ собраніи, состоявшемся 5 мая, были вновь избраны въ составъ Совѣта, по большинству голосовъ: — предсѣдателемъ П. П. Дурново, его товарищами: П. А. Васильчиковъ и М. А. Домонтовичъ, секретаремъ — В. И. Аристовъ, казначеемъ—В. Г. Чубинскій и членами Совѣта — А. А. Кирѣевъ, О. Ѳ. Миллеръ, Н. П. Писаревскій, В. К. Саблеръ и, въ замѣнъ выбывшихъ за истеченіемъ трехлѣтія—А. А. Боголюбова, гр. Ѳ. Э. Келлера и Н. Н. Страхова, — Г. П. Галаганъ, В. И. Ламанскій и И. И. Соколовъ.

III. Составъ редакціи «Извѣстій Общества».

Въ личномъ составѣ редакціи «Извѣстій Общества» въ 1885 г. произошла слѣдующая перемѣна: за отказомъ Н. Н. Страхова и И. И. Соколова отъ исполненія обязанностей редакторовъ «Извѣстій» обязанности эти приняли на себя: почетный членъ Общества профессоръ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и П. Г. Моравекъ. Подробный отчетъ редакціи «Извѣстій» о приходѣ и расходѣ суммъ въ 1885 г. будетъ представленъ Совѣтомъ въ слѣдующемъ очередномъ Общемъ Собраніи.

IV. Коммисіи.

Въ 1885 г. при Совѣтѣ Общества состояли слѣдующія Коммисіи:

а) *Издательская*—для содѣйствія ознакомленію по возможности всѣхъ слоевъ русскаго общества съ міромъ славянскимъ и ознакомленія русскаго народа съ другими представителями славянскаго племени, въ составѣ членовъ Совѣта: П. А. Васильчикова, А. А. Кирѣева и В. И. Ламанскаго, редактора «Извѣстій» К. Н. Бестужева-Рюмина и членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго, Ѳ. М. Истомина и А. Л. Петрова.

б) *Меѳодіевская*—для обсужденія вопросовъ о чествованіи тысячелѣтія бла-

женной кончины св. Меѳодія, въ составѣ членовъ Совѣта: В. И. Аристова, В. К. Саблера и В. Г. Чубинскаго.

в) *Владимірская*—для обсужденія вопросовъ о чествованіи 900-лѣтія со дня крещенія русскаго народа, въ томъ же составѣ.

г) *Ревизіонная*—для повѣрки приходо-расходныхъ книгъ Общества за 1885 г., въ составѣ членовъ Совѣта: П. А. Васильчикова, Н. П. Писаревскаго и И. И. Соколова.

Подробный отчетъ Издательской Коммисіи будетъ доложенъ Совѣтомъ въ слѣдующемъ очередномъ Общемъ Собраніи.

Изъ представленнаго въ Совѣтъ Общества отчета Меѳодіевской Коммисіи обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія цифры: а) На изготовленіе 330,000 изображеній св. Кирилла и Меѳодія употреблено 10,080 р.: б) За рисунокъ для обложки для жизнеописаній, за его клише и за печатаніе на обложкѣ нотъ тропаря и кондака св. Кириллу и Меѳодію заплачено 241 р. 90 к.; в) За бумагу для жизнеописаній, хвалебной пѣсни и за напечатаніе 430,000 экз. жизнеописаній и 1000 экз. хвалебной пѣсни заплачено 9988 р. 20.; г) Брошюровка, укупорка и разсылка жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія по Россіи и за-границу обошлась въ въ 6.856 р. 58 к. д) На выдачу премій за жизнеописаніе св. Кирилла и Меѳодія и въ вознагражденіе за разборъ сочиненій, представленныхъ соискателями премій, употреблено 600 р. Итого на изданіе и разсылку жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія израсходовано 27,766 р. 68 к.

Независимо сего Меѳодіевскою Коммисіею израсходовано: 1) Въ день 6 Апрѣля, во время крестнаго хода изъ Казанскаго въ Исаакіевскій соборъ, на устройство приспособленій для раздачи народу жизнеописаній 95 р. 45 к. 2) На устройство общедоступнаго концерта, состоявшагося 7 Апрѣля въ Михайловскомъ манежѣ, 3.487 р. 62 к. 3) На устройство торжественнаго Собранія гг. членовъ Общества, состоявшагося 7 Апрѣля въ Дворянскомъ собраніи, 1.558 р. 34 к.; 4) На устройство концерта, состоявшагося 8 Апрѣля въ томъ же собраніи, 1.956 р. 18 к. 5) Артели посыльныхъ, и за печатаніе приглашеній, билетовъ и програмъ заплачено 186 р. 60 к.; итого 7.284 р. 19 к.

На покрытіе этого расхода (27.766 р. 68 к.+7.284 р. 19 к.=35.050 р. 87 к.) поступило:

а) Отъ продажи жизнеописаній	21.429 р. 53 к.
б) Отъ концертовъ. .	4.432 р. 20 к.
в) Ожидается къ поступленію за проданные и непроданные экземпляры жизнеописаній	7.478 р. 86 к.
Итого . .	33.340 р. 59 к.

Выработанный Владимірскою Коммисіею докладъ о чествованіи 900-лѣтія крещенія Русскаго народа будетъ доложенъ Совѣтомъ въ слѣдующемъ очередномъ Общемъ Собраніи.

Ревизіонная Коммисія, расмотрѣвъ приходо-расходныя книги Славянскаго Общества за 1885 г. и свѣривъ ихъ съ документами, нашла, что отчетность была ведена въ полномъ порядкѣ.

V. Общія Собранія членовъ Общества.

Въ 1885 г. состоялось восемь Общихъ Собраній, въ томъ числѣ четыре торжественные—14 февраля, 7 апрѣля, 13 мая и 21 ноября.

Въ торжественныхъ Общихъ Собраніяхъ были прочитаны чрезвычайно интересныя статьи: М. О. Кояловича (авторомъ): а) «О Грюнвальденской битвѣ 1410 г.» и б) «Нѣсколько данныхъ изъ литературной исторіи Паннонскихъ житій»; О. Ѳ. Миллера (авторомъ): а) «Предъ великимъ днемъ» и б) «Первоучители славянскіе св. Кириллъ и Меѳодій»; И. С. Пальмова (авторомъ): «Объ историческомъ значеніи нынѣшняго Велеграда»; К. Н. Бестужева-Рюмина: а) (прочитанная П. П. Дурново) «По случаю празднованія 6 апрѣля» и б) (прочитанная В. И. Аристовымъ) «Духа не угашайте»; А. Л. Петрова (авторомъ); «Среди словаковъ» и стихотворенія М. П. Розенгейма, К. К. Случевскаго и др., написанныя ко дню 6 апрѣля и по поводу сербо-болгарской войны.

Особенно торжественно было Общее Собраніе, состоявшееся 7 апрѣля, подробно описанное въ свое время въ газетахъ.

Очередныя Общія Собранія, состоявшіяся 20 января, 5 мая, 27 октября и 22 дека-

бря, были посвящены, главнымъ образомъ, разсмотрѣнію докладовъ Совѣта о назначеніи пособій изъ запаснаго капитала нуждающимся южно-славянскимъ уроженцамъ и нѣкоторымъ литературнымъ обществамъ и предпріятіямъ, выборамъ предсѣдателя и членовъ Совѣта, вмѣсто прослужившихъ опредѣленное уставомъ 3-хъ лѣтіе, выборамъ почетныхъ и дѣйствительныхъ членовъ, учрежденію Владимірской Коммисіи, утвержденію доклада Совѣта о назначеніи изъ запаснаго капитала 4.000 р., въ пособіе жертвамъ сербско-болгарской войны, и разсмотрѣнію и утвержденію смѣты доходовъ и расходовъ Общества на 1886 г.

VI. Засѣданія Совѣта.

Засѣданій Совѣта въ 1885 г. состоялось девятнадцать.

Всѣ они были посвящены разрѣшенію неотложныхъ текущихъ вопросовъ, разсмотрѣнію просьбъ о пособіяхъ: церквамъ и литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ, пріѣзжимъ славянамъ, добровольцамъ и ихъ вдовамъ, а также разсмотрѣнію ходатайствъ славянскихъ юношей о назначеніи имъ стипендій и пособій.

Нѣкоторыя изъ этихъ послѣднихъ просьбъ были удовлетворены (5), а другія (5) переданы на разсмотрѣніе въ Коммисію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ и нѣсколько просьбъ (4), какъ не входящія въ кругъ дѣятельности Общества, отклонены.

VII. Собранія членовъ Общества по понедѣльникамъ.

Въ 1885 г. члены Общества, по примѣру 1884 г., собирались въ помѣщеніи Совѣта Общества, по понедѣльникамъ, по вечерамъ, отъ 8 до 12 часовъ, для чтенія славянскихъ газетъ и журналовъ и для обмѣна мыслей. Всего въ теченіе минувшаго года было 30 такихъ собраній. На этихъ собраніяхъ бывало отъ 10 до 25 членовъ Общества.

VIII. Конкурсы на соисканіе премій.

Въ торжественномъ Собраніи, состоявшемся 13 мая 1885 г. по случаю исполнившагося тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія, архіепископа моравскаго, учрежденъ, въ память славянскихъ первоучителей, конкурсъ съ двумя преміями – одной въ 1.500 р. и другой—въ 500 р. за лучшее сочиненіе «о литературномъ единствѣ народностей славянскихъ».

Сочиненія на эту тему должны быть представлены въ Совѣтъ Общества не позже 11 мая 1888 г.

14 февраля и 25 декабря 1885 г. истекли сроки представленія сочиненій на соисканіе премій, установленныхъ Общимъ Собраніемъ, состоявшимся 14 февраля 1884 г.—первой—Кирилло-Меѳодіевской—въ 200 р. на тему: «Представить критическій разборъ Паннонскихъ житій и житія св. Климента, съ обзоромъ литературы предмета съ 1842 года (послѣ изслѣдованія Горскаго) до послѣдняго времени и съ приложеніемъ критической оцѣнки прежде извѣстныхъ и новооткрытыхъ, римскихъ источниковъ, относящихся до славянскихъ апостоловъ и славянскаго богослуженія въ Моравіи», и вторая, въ память А. Ѳ. Гильфердинга, въ 300 р., на тему: «Изложить въ хронологическомъ порядкѣ внѣшнюю исторію Венгріи, Чехіи, Польши и Руси—въ періодъ 1092—1146 гг.

Ни одного сочиненія на эти темы въ Совѣтъ Общества не поступило.

IX. Приходъ и расходъ суммъ Общества.

I. *Приходъ*.

	По смѣтѣ назначено. Руб.	К.	Поступило. Руб.	К.
По расходному капиталу . . .	14.000	—	19.017	$86^1/_2$
По основному капиталу . . .	1.597	—	6.107	32
По запасному	600	—	633	—
По издательскому фонду . .	1.561	10	1.643	68
По спеціальнымъ капиталамъ	217	6	286	—
Всего	17.975	16	27.637	$86^1/_2$

т. е., поступило болѣе противъ смѣты на 9.670 р. $95^1/_2$ к.

Такое увеличеніе прихода объясняется:

По расходному капиталу, главнымъ образомъ, увеличеніемъ противъ предшествовавшаго года церковнаго сбора, а также отъ единовременныхъ непредвидѣнныхъ пожертвованій.

По основному капиталу—поступленіемъ завѣщанныхъ Ольгою Ивановною Гербель и М. И. Ивановымъ 3.300 р. и поступленіемъ пожизненныхъ членскихъ взносовъ.

II. *Расходъ.*

	По смѣтѣ назначено.	Израсходовано.	
	Руб.	Руб.	К.
1) На наемъ квартиры, содержаніе служащихъ, Общія Собранія и засѣданія Совѣта, на разъѣзды, печатаніе, церковныя службы и вообще веденіе дѣла	3.600	4.488	68
2) На пособіе церквамъ	1.500	1.572	20
3) На содержаніе стипендіатовъ . . .	1.500	1.229	96
4) На пособіе добровольцамъ	1.800	1.941	80
5) На покупку книгъ и разсылку газетъ въ славянскія земли. . .	600	711	—
6) На пособія литературнымъ предпріятіямъ	—	1.490	50
7) На пособіе пріѣзжимъ славянамъ . .	600	1.715	60
8) На возмѣщеніе позаимствованныхъ изъ запаснаго капитала на изданіе жизнеописаній св. Кирилла и Меѳодія.	600	600	—
9) На уплату 5% сбора съ дохода по бумагамъ въ пользу казны, храненіе бумагъ и мелкія ссуды добровольцамъ подъ сербскія пенсіи	—	795	43
10) На пособіе издательскому фонду. . .	3.000	3.000	—
11) На Кирилло-Меѳодіевскую премію . . .	200	—	—
12) На пособіе школамъ въ славянскихъ земляхъ	600	—	—
	14.000	17.535	17

Увеличеніе расходовъ объясняется:

по 1 пункту, главнымъ образомъ, усиленіемъ дѣятельности Канцеляріи Совѣта по случаю Меѳодіевскаго праздника и увеличенія поступленій по церковному сбору.

Излишнія противу смѣты поступленія доходовъ дали возможность Совѣту оказать пособіе литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ, на что по смѣтѣ не было ассигновано суммы, и оказать пособіе въ большемъ противу смѣты размѣрѣ большему числу пріѣзжихъ нуждающихся славянъ.

Кромѣ смѣтныхъ расходовъ, по опредѣленіямъ Общихъ Собраній, 27 марта и 26 апрѣля 1882 г. и 20 января, 27 октября и 21 ноября 1885 г., израсходовано изъ запаснаго капитала:

Безвозвратно:

	Руб.	К.
1) На пособіе жертвамъ сербско-болгарской войны . .	5.050	60
2) На пособіе двумъ славянскимъ литературнымъ обществамъ и одной газетѣ .	4.000	—
3) На пособіе нуждающимся герцеговинцамъ. . . .	2.000	—
Съ возвратомъ:		
4) Въ ссуду на три года одной славянской матицѣ .	2.825	40
5) На расходы по Меѳодіевскому празднику . . .	5.489	86*)
Итого .	19.365	86

За произведенными расходами къ 1 января 1886 г. остается:

	Руб.	К.
Расходнаго капитала .	871	57½
Передаточныхъ суммъ.	957	44
Основнаго капитала .	65.549	58½
Запаснаго » .	132.418	18¾

*) Цифра эта составляетъ расходъ только 1885 г., а въ цифрахъ показанныхъ выше, заключается и расходъ 1884 г.

Издательскаго фонда .	411	26
Специальныхъ суммъ: (болгарскаго братства просвѣщенія, премій Гильфердинга и Алексѣева) .	4.910	82½
Всего	205.118	87

Отчетъ этотъ былъ принятъ собраніемъ къ свѣдѣнію.

Послѣ отчета секретаремъ Общества была прочитана слѣдующая телеграмма, полученная изъ Москвы отъ его высокопреосвященства Сербскаго митрополита Михаила:

«Кириллица, прославленная тысячелѣтнею борьбою, теперь выдерживаетъ послѣднее нападеніе враговъ. Надежда утѣшаетъ, что апостольское дѣло Кирилла восторжествуетъ. Господь спасетъ вѣрныхъ славянъ. Помянемъ достославнаго борца, друга, пламеннаго патріота общеславянскаго Ивана Сергѣевича Аксакова. Слава его памяти!»

Въ слѣдъ за нимъ почетный членъ Славянскаго Общества В. И. Ламанскій прочиталъ рѣчь, посвященную памяти И. С. Аксакова *).

Дѣятельность И. С. раздѣляется на два періода: 1) съ 1843—1860 г., 2) 1860—1886 г. Ораторъ остановился преимущественно на первой половинѣ дѣятельности И. С., такъ какъ она менѣе извѣстна, чѣмъ вторая. Главнымъ источникомъ для знакомства съ этимъ періодомъ служитъ автобіографическая замѣтка самого И, С. присланная имъ В. И. Ламанскому для напечатанія въ энциклопедическомъ словарѣ Н. Гершемана И. С. Аксаковъ родился 26 сентября 1823 г. въ селѣ Куроѣдово (Надежино тожъ) Оренбургской губерніи, Белебеевскаго уѣзда. Онъ кончилъ курсъ въ училищѣ правовѣдѣнія въ 1842 года и поступилъ на службу въ Московскій сенатъ. Въ 1848 года былъ арестованъ неизвѣстно за что, но потомъ освобожденъ. На докладѣ о немъ начальника III отдѣленія императоръ Николай положилъ слѣдующую резолюцію: «призови, объясни, внуши, отпусти». Въ 1848 году Аксаковъ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ командированъ по дѣламъ о раскольникахъ сперва въ Бессарабію, а потомъ въ Ярославскую губернію, въ послѣднюю для обсужденія вопроса о единовѣріи. Въ 1850 г. Аксаковъ вышелъ въ отставку, вслѣдствіе внушенія, что «занятіе стихотворствомъ неприлично человѣку служащему, облеченному довѣріемъ правительства», сдѣланнаго ему по поводу его поэмы «Бродяга». Въ дальнѣйшей своей литературной дѣятельности Аксаковъ перенесъ не мало преслѣдованій; его рукописи просматривались особенно строго, наконецъ его совсѣмъ лишили права быть редакторомъ какого либо журнала. Аксаковъ собрался было ѣхать въ кругосвѣтное плаваніе, но это ему не было разрѣшено. Во время крымской войны Аксаковъ служилъ въ Серпуховской дружинѣ, а по окончаніи войны вышелъ въ отставку и предался исключительно литературной дѣятельности—изданію «Русской Бесѣды» и «Паруса». Литературныя произведенія Аксакова этого періода, когда геніевъ не было, а были лишь таланты, могутъ быть поставлены наряду съ произведеніями лучшихъ русскихъ писателей. Его «Утро въ гражданской палатѣ» ничѣмъ не уступаетъ «Ябедѣ» Княжнина.

Затѣмъ В. И. Ламанскій остановился на характеристикѣ Константина и Ивана Сергѣевичей, между которыми замѣчается значительная разница. Константинъ, человѣкъ святой жизни, умершій съ тоски по отцѣ, идеалистъ, сторонился отъ практической жизни, отъ борьбы, движенія, къ которымъ стремился Иванъ Сергѣевичъ. Упомянувъ о невольномъ молчаніи Аксакова послѣ рѣчи о берлинскомъ трактатѣ, молчаніи, длившемся до 1881 г., когда всякое проявленіе мысли Аксакова преслѣдовалось, а въ то же время свободно развивались всякія заносныя нигилистическія ученія, разразившіяся страшной катастрофой 1-го марта, В. И. заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «Поминая Аксакова, мы поминаемъ цѣлую семью, цѣлую плеяду славныхъ именъ. Мы поминаемъ его какъ правнука, внука, сына, брата, друга, товарища

---

*) Помѣщаемъ краткій отчетъ о рѣчи В. И. и надѣемся напечатать цѣликомъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №.

славныхъ русскихъ дѣятелей, составляющихъ честь и гордость Россіи. Еще свѣжа его могила. Масса телеграммъ, панихиды, собиравшія толпы народа, рѣчи, произнесенныя у гроба, статьи журналистики русской и заграничной—все это показываетъ, кого мы потеряли. Честь, оказанную Аксакову на его похоронахъ, можно развѣ сравнить съ чествованіемъ Пушкина, Скобелева. Другихъ подобныхъ примѣровъ мало найдется...»

Послѣ рѣчи В. И. Ламанскаго хоръ г. Архангельскаго пропѣлъ: «Kyrie eleyson (музыка Кюи), а г. предсѣдательствующій сообщилъ собранію поступившее въ Совѣтъ Общества отъ одного изъ членовъ заявленіе, слѣдующаго содержанія:

Общій взрывъ глубокой скорби по Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ краснорѣчиво доказываетъ, что его смерть есть жестокій ударъ для земли русской и всего славянскаго міра, съ нею связаннаго, незамѣнимая потеря, сознаваемая каждымъ русскимъ, въ которомъ сколько нибудь живо благородное чувство истиннаго патріотизма. Значеніе Аксакова для настоящей эпохи жизни русско-славянскаго міра теперь вполнѣ сознается всѣми лучшими органами нашей печати. Но эта же самая смерть великаго борца за правду и проповѣдника истины должна способствовать къ пробужденію въ русскомъ обществѣ тѣхъ сторонъ его жизни, которыя, въ силу обстоятельствъ, остаются такъ долго заглохшими; они вызывали со стороны Аксакова много могучаго краснорѣчія, далеко не всегда побѣждавшаго закоренѣлые недостатки культурныхъ слоевъ нашего общества. Необходимость закрѣпленія духовной связи великой земли русской съ остальнымъ міромъ славянскимъ, есть одна изъ истинъ, которой Аксаковъ посвятилъ много тяжелыхъ трудовъ и духовныхъ силъ въ борьбѣ. Этой идеѣ вѣрно служатъ, во сколько допускаетъ возможность, и существующія въ Россіи Славянскія Общества. Но и для нихъ много представляется тяжелаго и мало благодарнаго труда. Не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что недостатокъ сознанія русско-славянской идеи и сочувствія въ русскомъ обществѣ служитъ однимъ изъ главныхъ препятствій къ развитію его самостоятельной жизни. Независимо отъ ложнаго направленія жизни нашего общества вообще, этотъ важный недостатокъ происходитъ отчасти и отъ значительнаго пробѣла въ образованіи нашихъ культурныхъ слоевъ, въ которомъ допускается почти совершенное невѣдѣніе исторіи и жизни славянскихъ народностей. Съ ними знакомъ лишь ученый міръ, посредствомъ ученыхъ изслѣдованій и сочиненій; популярныхъ же изданій, способныхъ развить въ массѣ общества знакомство съ самыми даже близкими намъ по крови народностями славянскими и возбуждать къ нимъ живое сочувствіе всѣхъ слоевъ общества, у насъ почти вовсе нѣтъ, и въ нихъ то чувствуется громадный недостатокъ.

Смерть людей, замѣчательныхъ въ сферѣ мысли и поэзіи, обыкновенно вызываетъ потребность увѣковѣчить ихъ полезное для отечества существованіе устройствомъ въ память ихъ, или общеполезныхъ учрежденій, или стипендій ихъ имени и т. п.; среди членовъ Совѣта здѣшняго Славянскаго Общества, возникла слѣдующая мысль: въ числѣ всего того, что несомнѣнно будетъ устроено въ память Аксакова, собрать достаточный капиталъ, чтобы посредствомъ его содѣйствовать изданіямъ различныхъ сочиненій, въ видѣ сборниковъ, книгъ, брошюръ и даже иллюстрированныхъ изданій, могущихъ знакомить читающую публику съ исторіею, бытомъ и нынѣшнимъ положеніемъ славянскихъ народовъ, внѣ границъ нашего государства. Такое дѣло будетъ способствовать достиженію цѣли, необходимаго сближенія русскаго общества съ народностями и безъ того намъ близкими по исторіи и племени, но отторгнутыми отъ живой съ нами связи силою неумолимыхъ обстоятельствъ.

Заявленіе это было принято собраніемъ къ свѣдѣнію.

За тѣмъ хоромъ г. Архангельскаго былъ пропѣтъ псаломъ: «Уязвенную мою душу».

Послѣ краткаго перерыва, секретарь Общества В. И. Аристовъ прочиталъ написанную почетнымъ членомъ Общества К. Н. Бестужевымъ Рюминымъ статью, слѣдующаго содержанія:

Ровно пять лѣтъ тому назадъ въ первый разъ собрались мы въ торжественное собраніе помянуть Ѳ. М. Достоевскаго. Сегодня пришлось намъ такъ неожиданно

собраться на поминки по Аксаковѣ и Данилевскомъ — двухъ благородныхъ сердцахъ и высокихъ умахъ, такъ рано насъ оставившихъ. Рѣдко наше годовое собраніе не омрачалось чувствомъ свѣжей, горькой утраты, но никогда это чувство не было такъ ѣдко, какъ пять лѣтъ тому назадъ и сегодня. Пять лѣтъ тому почилъ великій сердцевѣдецъ, учившій правдѣ и добру молодое поколѣніе. Истинно русскій и православный въ душѣ, онъ былъ и нашимъ учителемъ въ этомъ смыслѣ. Вѣщимъ словомъ своимъ онъ указывалъ на путь духовнаго возрожденія и звалъ всѣхъ на этотъ путь. Скорбью и страданіемъ достигъ онъ той духовной высоты, на которую обращались взоры стоявшихъ долу и которая привлекала ихъ къ себѣ, какъ городъ, стоящій на горѣ.

Сегодня собрались мы вмѣстѣ скорбѣть о новомъ тяжеломъ ударѣ, нанесенномъ судьбою русскому обществу. Отъ насъ ушелъ послѣдній изъ той славной группы, которая первая ясно сознала основы русскаго и славянскаго духа и на нихъ построила величавое зданіе ученія, которое мы принимаемъ всею душою и которому стараемся служить по мѣрѣ силъ каждаго изъ насъ. Давно уже нѣтъ ни одного изъ тѣхъ, которые клали первыя основы этого зданія и только что ушелъ отъ насъ и тотъ изъ созидателей, который, приставъ къ нимъ послѣ другихъ, дойдя до сходныхъ съ ними результатовъ своимъ путемъ, положилъ свой камень въ общее зданіе. Мы говоримъ о Данилевскомъ. Но между нами жилъ и дѣйствовалъ великій боецъ за идеи, высказанныя когда-то великими теоретиками. Онъ пришелъ послѣдній работать на ниву и исполнилъ завѣтъ великаго мыслителя и вѣщаго поэта славянства:

Не кину плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу ниву,
Господь, для сѣва Твоего.

Стихи эти пришли на память ему самому въ послѣдніе дни его жизни: мы находимъ ихъ въ письмѣ его къ П. А. Безсонову. Онъ угасъ, не отводя руки отъ плуга. Тридцать лѣтъ онъ неустанно работалъ, отдыхая только тогда, когда обстоятельства или болѣзнь побуждали его къ отдыху. Многочисленное стеченіе людей, собравшихся проводить его въ послѣднее жилище, единогласные отзывы всѣхъ уважающихъ себя органовъ печати—громко говорятъ, что трудъ его принесъ свой плодъ.

Вспомнимъ, многіе ли знали, когда угасъ Хомяковъ, когда сошелъ съ поприща К. Аксаковъ? Въ то время не было еще славянскихъ обществъ, а существованіе въ Москвѣ скромнаго кружка, называвшагося Славянскимъ благотворительнымъ комитетомъ, почти никому не было извѣстно. Тогда умы заняты были другими вопросами и самая крымская война почти никому не представлялась съ славянской точки зрѣнія. Но вотъ люди, проникнутые славянскою идеею, много послужили великому русскому дѣлу, на вѣки прославившему 19 февраля 1861 г. Появились они и въ рядахъ первыхъ мировыхъ посредниковъ и въ первыхъ земскихъ собраніяхъ. Въ ту же пору чаще и чаще сталъ раздаваться мощный голосъ И. С. Аксакова; начали появляться подъ его редакціею журналы, и хотя всѣ они по обстоятельствамъ не продолжались долго, но къ голосу его стали прислушиваться; славянская идея спустилась съ своей теоретической вершины. Главная заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ безспорно Аксакову. Рядомъ съ этимъ и Славянскій благотворительный комитетъ началъ выходить изъ своей замкнутости. Во главѣ его стоялъ тогда уже старый, но полный жара молодости «сердитый стоятель за народъ, за Москву, за русскую землю»— М. П. Погодинъ. Приведенная нами характеристика Погодина изъ юбилейной рѣчи тогдашняго московскаго головы столь же хорошо примѣняется и къ Аксакову: онъ былъ такой же «сердитый стоятель» и честно и грозно держалъ онъ свое знамя. Комитетъ подъ предсѣдательствомъ Погодина, а потомъ Аксакова дѣлалъ свое дѣло. Погодинъ началъ служить ему давно: его русское чувство, его историческій инстинктъ, который замѣнялъ ему теоретическія соображенія и не покидалъ его почти никогда, подсказалъ ему то, что смутно еще носилось въ умахъ. Еще въ 30-хъ годахъ онъ заговорилъ о славянствѣ и въ актовой рѣчи, и въ оффиціальныхъ запискахъ; ему же въ значительной степени обязаны мы каѳедрами славяно-

вѣдѣнія; обо всѣхъ заслугахъ Погодина говорить здѣсь не мѣсто. Старикъ Погодинъ и молодой еще тогда Аксаковъ, оба рожденные публицисты, оба призванные будить сознаніе, сошлись въ одномъ дѣлѣ. Памятный намъ пріѣздъ славянъ состоялся въ 1867 г. Съ этого событія начинается самое существованіе нашего Общества, тогда еще отдѣленія Московскаго комитета. Одинъ изъ самыхъ молодыхъ и самыхъ даровитыхъ представителей славянской идеи, незабвенный А. Ѳ. Гильфердингъ, сталъ во главѣ отдѣла. Отдѣлъ былъ въ постоянной тѣсной связи съ Обществомъ, одна и та же мысль руководила и въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Погодина, который въ послѣднее время былъ только знаменемъ, не стало; Гильфердингъ угасъ еще ранѣе. Аксаковъ остался во главѣ Общества. Всѣ еще помнятъ это блестящее время его дѣятельности, о которомъ онъ и самъ помянулъ въ одной изъ послѣднихъ своихъ статей,—о той порѣ много говорено было и въ журналахъ: всѣ помнили и участіе его въ движеніи 1876 года. Московское общество закрыли; но скоро явилось Аксакову другое поприще дѣятельности — съ конца 1880 года, начала выходить «Русь». Говорятъ, у этого журнала было мало подписчиковъ, но теперь у гроба Аксакова оказывается, что у нея было много почитателей, а потому и надѣемся, что когда соберутъ и издадутъ его произведенія окажется и читателей много. Статьи Аксакова писались не для одной минуты, вообще минутѣ онъ не служилъ, ибо минуты бываютъ разныя. Писалъ онъ кровью, если можно такъ выразиться; каждая высказанная имъ мысль была или порывомъ надежды, или горькимъ плодомъ разочарованія; онъ жилъ въ своихъ писаніяхъ и голосъ его

Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ иль бѣдъ народныхъ.

Эти торжества и эти бѣды захватывали все его существованіе. Оттого и къ голосу его прислушивались всѣ мыслящіе люди и, черезъ посредство разныхъ другихъ органовъ, мысли его, хотя и медленно, но переходили въ общее сознаніе. Наступаетъ теперь пора для общества ближе познакомиться съ идеями славянскими изъ первыхъ рукъ. Пусть же соберутъ его статьи и стихотворенія—читать ихъ будутъ и собранныя онѣ будутъ еще краснорѣчивѣе: окажется, что одно чувство, одна мысль, одна забота—единитъ ихъ всѣ. Чувство любви къ родинѣ, мысль о великомъ призваніи славянскаго племени, забота о томъ, чтобы суета дня не отвлекала бы насъ, хотя бы и на время, отъ великой поставленной намъ исторіей задачи.

Да проникнемся же мы всѣ этимъ чувствомъ, этою мыслію, этою заботою; да не останется безплоднымъ наше горе надъ могилою великаго гражданина, да послужитъ намъ маякомъ его неустанная дѣятельность. Не каждому дано его мощное слово, его любвеобильное сердце, но каждый можетъ и долженъ служить всѣми своими силами тому же дѣлу, которому онъ служилъ.

Послѣ статьи К. Н. Бестужева-Рюмина хоръ г. Архангельскаго пропѣлъ хоромъ Баха «Ночь».

Въ заключеніе О. Ѳ. Миллеръ сказалъ рѣчь, посвященную также памяти И. С. Аксакова:

Событія все болѣе и болѣе усложняются, въ двери стучится роковой «историческій день» съ его запросомъ на живыя, твердыя силы, «гроза близится», какъ выразился въ своей самой послѣдней печатной строкѣ покойный.—

А люди уходятъ, все лучшіе люди!

Содрогнется же ли наконецъ наше вѣтреное племя?

Мы дружно проводили въ могилу Аксакова, проводили именно *дружно съ* забвеніемъ, повидимому, всякихъ старыхъ счетовъ, съ подавленіемъ всякаго духа партіи. Но насъ начинаетъ уже разбирать раздумье. Не слишкомъ ли много мы высказали и высказали относительно покойнаго, не пора ли поудержать свой пылъ, протрезвиться въ своемъ увлеченіи. Но тѣ, которые задаются такими вопросами, знаютъ ли они хорошенько Аксакова, много ли они прочитали его статей и многое ли изъ нихъ запомнили? Самъ покойный замѣтилъ какъ-то разъ въ своемъ «Днѣ», что у насъ слѣдовало бы вторично печатать однѣ и тѣ же передовыя статьи, года два спустя послѣ ихъ появленія. Дай-то Богъ, чтобъ мысль объ отдѣльномъ

изданіи всѣхъ его передовыхъ статей была поскорѣе приведена въ исполненіе. Такое изданіе могло бы послужить для нашего общества самою лучшею школой общественной доблести.

А трудно было Аксакову, ему, какъ и старшимъ, ранѣе его умершимъ сподвижкамъ вырабатывать въ себѣ эту доблесть. Порою тяжелаго испытанія была для нихъ самая заря жизни. Вотъ какъ вспоминалъ объ ней Иванъ Сергѣевичъ въ передовой статьѣ «Дня», 1-го января 1862 г.:

«Одиноко нарождалась мысль, созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, безъ осуществленія, безъ дѣла, безъ приложенія къ жизни. Казалось, въ непробудный сонъ были погружены и народъ, и общество, и ничто не могло вызвать Руси изъ этого томительнаго застоя! Хоть бы движеніе, хоть бы звукъ живаго вольнаго слова!... Да, помнимъ мы эти печальные годы, когда не знали мы, куда дѣвать ненужный, праздный избытокъ силъ, и проклинали молодость, какъ тягостное бремя!»

Мысль ихъ созрѣвала и увядала въ одиночествѣ, потому что ей, какъ и всякой другой сильной мысли, нельзя было высказываться открыто и открыто вести борьбу съ противною мыслью. Имъ нельзя было выяснять и отстаивать настоящій смыслъ тѣхъ словъ своего исповѣданія, которыя громко раздавались надъ ихъ головой, но опозоренныя и опошленныя. Нельзя было нападать на противниковъ, остававшихся, искренно или притворно, подъ неотразимымъ впечатлѣніемъ такой профанаціи,—нельзя было уже потому, что имъ было такъ удобно ссылаться на свою безотвѣтность и безоружность. Вотъ въ эту-то пору и вылились изъ пылкой, наболѣвшей души И. С. Аксакова стихи, которымъ можно было появиться въ печати только десять лѣтъ спустя.

Пусть сгибнетъ все, къ чему сурово
Такъ долго духъ готовленъ былъ:
Трудилась мысль, дерзало слово,
Въ запасѣ много было силъ...
Слабѣйте, силы! вы не нужны!
Засни ты, духъ! Давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!
Безплодны всѣ труды и бдѣнья,
Безплоденъ слова даръ живой,
Безсиленъ подвигъ обличенья,
Безуменъ всякій честный бой!
Безумна честная отвага
Правдивой юности — и съ ней
Безумны всѣ желанья блага,
Святыя бредни юныхъ дней!
Такъ сокрушись, души гордыня,
Въ борьбѣ неравной ты падешь:
Сплошнаго зла стоитъ твердыня,
Царитъ безсмысленная ложь!
Она страшнѣй враговъ опасныхъ,
Сильна не внѣшнею бѣдой,
Но тратой дней и силъ прекрасныхъ,
Въ борьбѣ тупой, пустой, нѣмой!
Ликуй же, ложь! и насъ безумцевъ
Урокомъ горькимъ испытуй,
Гони со свѣта вольнодумцевъ,
Казни, цари и торжествуй!
Слабѣйте жъ силы, вы не нужны,
Засни ты, духъ! давно пора!
Разсѣйтесь всѣ, кто были дружны
Во имя правды и добра!

(«Русская Бесѣда», 1859 г., кн. 6).

Но такая нота отчаянія, никогда еще, можетъ быть, не звучавшая у насъ такъ сильно, какъ прозвучала она тутъ у Аксакова, не могла оставаться постоянною господствующей нотой въ его поэзіи. Въ немъ было слишкомъ много бодрой силы, и онъ слишкомъ хорошо сознавалъ, что должна же наконецъ наступить пора, когда сдѣлается возможна открытая борьба съ ложью..... Общее и господствующее впечатлѣніе его поэзіи оставалось закаляющимъ нравственныя силы въ горнилѣ терпѣнія и выносливости. Недаромъ онъ говорилъ про себя въ 1850 году.

... Понялъ я, что подвиговъ живыхъ,
Блестящихъ жертвъ, борьбы великодушной
Пора прошла, — и намъ въ замѣну ихъ
Борьбы глухой достался подвигъ скучный.
Отважныхъ силъ не нужно въ наши дни!
И юности лукавые порывы
Опасны намъ — затѣмъ что всѣ они
Такъ хороши, такъ ярки, такъ красивы!
Есть путь иной, гдѣ вѣра не легка,
Сгораетъ въ немъ порыва скорый пламень;
Есть долгій трудъ, есть подвигъ червяка:
Онъ точитъ дубъ... Долбитъ и капля камень.
Невзрачный путь! тебѣ я вѣренъ былъ!
Лишенъ ты всей отрады упоенья;
И дерзко я на сердце наложилъ
Тяжелый гнетъ упорнаго терпѣнья...

(«Русская Бесѣда», 1856 г.).

Вокругъ себя между тѣмъ замѣчалъ онъ не мало людей, которые только ссылались на трудности борьбы, на невозможность настоящаго жизненнаго дѣла, людей, только извинявшихъ всѣмъ этимъ свою собственную лѣнь и дряблость. Вотъ какую отповѣдь прочиталъ имъ Аксаковъ еще въ 1848 г.

Смотри! толпа людей нахмурившись стоитъ:
Какой печальный взоръ! Какой здоровый видъ!
Какимъ страданіемъ томяся неизвѣстнымъ,
Съ душой мечтательной и тѣломъ полновѣснымъ,
Они рѣчь умную, но праздную ведутъ;
О жизни мудрствуютъ, но жизнью не живутъ,
И тратятъ свой досугъ лѣниво и безплодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Ужели пламя ихъ добра не принесетъ?
Досада тайная подчасъ меня беретъ,
И хочется мнѣ имъ, взамѣнъ досужей скуки,
Дать заступъ и соху, топоръ желѣзный въ руки,
И, толки прекративъ объ участи людской,
Работниковъ изъ нихъ составить полкъ лихой!
(«Московскій Сборникъ»).

Но вотъ наконецъ прошла та пора, на которую жаловались и эти люди фразы, тогда какъ для нихъ она скорѣе была удобною, и именно съ прекращеніемъ ея и должна была оказаться вся ихъ негодность. Съ воцареніемъ государя Александра Николаевича наступила наконецъ пора, когда настоящимъ, притаившимся только, силамъ стало возможно дѣйствовать на просторѣ... Прежде всего стало явнымъ и несомнѣннымъ, что правительство не желаетъ болѣе слушаться мудрости Екатерининскаго «Наказа», утверждавшаго со словъ Монтескье, будто «не слѣдуетъ вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ». Въ 1857 году уже открыто сказалась воля покойнаго Государя порѣшить наконецъ, не внимая никакимъ застращиваніямъ и воспользовавшись своею самодержавною властью, съ роковымъ крестьянскимъ вопросомъ. И вотъ И. С. Аксакову можно было привѣтствовать наступающій 1858 годъ извѣстными стихами:

День встаетъ, багрянъ и пышенъ,
Долгой ночи скрылась тѣнь,
Новой жизни трепетъ слышенъ,
Чѣмъ-то вѣщимъ смотритъ день.
Съ сонныхъ вѣждъ стряхнувъ дремоту,
Бодрой свѣжести полна,
Вышла съ Богомъ на работу
Пробужденная страна.
Такъ торжественно прекрасно
Блещетъ утро на землѣ;
На душѣ свѣтло и ясно
И не помнится о злѣ,
Объ истекшихъ дняхъ страданья,
О потратѣ многихъ силъ
Въ скорбныхъ мукахъ ожиданья,
Въ безвременности могилъ...
Пусть почіютъ мирно гробы
Тщетно ждавшихъ столько лѣтъ.
Память имъ! Но въ сердцѣ злобы.
Ни вражды, ни мести нѣтъ.
Все проститъ онъ безъ разсчета,
Устоявшій въ дни тревогъ,
Онъ, чей духъ годину гнета
Пережилъ и перемогъ.
Слышишь: новому онъ лѣту
Пѣсню радости поетъ:
Благо всѣмъ, ведущимъ къ свѣту,
Братьямъ съ братьевъ снявшимъ гнетъ.
Людямъ миръ, благословенье;
Долгихъ мукъ исчезнетъ слѣдъ.
Дню вчерашнему забвенье,
Дню грядущему привѣтъ.
(«Русская Бесѣда» 1858 г., книга I).

Но трезвый, мужественный духъ поэта, съумѣвшій въ свое время удержаться отъ отчаянія, не могъ окончательно отдать себя и во власть надеждамъ. Онъ чуялъ, какъ трудно идеѣ перейти въ дѣло, какой грубый отпоръ чистотѣ принципа дается обыкновенно неохотно поддающеюся ему дѣйствительностью... Онъ понималъ, что болѣзни, что роковыя послѣдствія болѣзней излѣчиваются не сразу, онъ видѣлъ, зоркимъ своимъ глазомъ видѣлъ, какъ упорно держатся общественные недуги и тамъ, куда заглянулъ онъ не ради развлеченія и отдыха въ 1860 году, пробираясь въ славянскія земли, на европейскомъ Западѣ, и вотъ въ Мюнхенѣ вылились изъ подъ его пера стихи, въ которыхъ то, что называется у нѣмцевъ *міровою скорбью* (Weltschmerz), звучитъ можетъ быть съ такой силой, какой не бывало ни у одного изъ нашихъ байронистовъ.

Къ тишинѣ, къ примиренью, къ покою
Мнѣ пора бы склониться давно;
Порѣшить я намѣренъ съ тоскою,—
Но могу-ли? Удастся-ль оно?
Отвращусь-ли отъ грустной юдоли,
Убаюкаю-ль скорбные сны—
Сердцу страшно не чувствовать боли,
Самъ своей я боюсь тишины.
. . . .
Все какъ будто готовлю измѣну
Я великому множеству ихъ—
Обреченныхъ работѣ и плѣну
Бѣдныхъ, страждущихъ братьевъ моихъ!
. . . .
А сдается—надъ всей безконечной
Жизнью міра проносится стонъ,
Стонъ тоски міровой, вѣковѣчной,
Порожденной въ пучинѣ временъ,—
Въ тѣ творенія дни молодые,
Какъ собравшись на жизненный пиръ
Человѣческимъ воплемъ впервые
Огласился ликующій міръ...
Съ той поры и понынѣ ты съ нами
Неразлучно проходишь вѣка,
О всесильная, ветхая днями,
О владычица міра, тоска!
(«День», 1862 г.).

По возвращеніи изъ-за границы, дождавшись наконецъ радостнаго дня 19 февраля, но встрѣтивъ его уже не съ отцемъ, не съ братомъ Константиномъ Сергѣевичемъ и не съ А. С. Хомяковымъ (они умерли одинъ за другимъ, на самомъ рубежѣ обѣтованной земли), Иванъ Сергѣевичъ, разставаясь съ Русской Бесѣдой, получаетъ наконецъ право стать редакторомъ собственнаго органа—еженедѣльной, составившей у насъ своего рода эпоху, газеты «День». Она стала выходить, какъ извѣстно, въ самый годъ освобожденія крестьянъ—съ осенней его поры.

Въ передовыхъ статьяхъ публициста продолжалась поэзія—поэзія въ мысли и въ оборотахъ, самый возвышенный и самый глубокій лиризмъ.

Вспомнимъ начало первой статьи.

«Мелкій дождь моросить, не переставая; сыро, мокро, скользко.... Безотрадно путнику. Но что же внезапно, сквозь туманную пелену воздуха, поражаетъ и приковываетъ и радуетъ взоръ... Это озими... это зеленые всходы будущей жатвы...»

«И мы всей душой, всѣмъ сердцемъ,— душой, наболѣвшей отъ долгаго, тщетнаго ожиданія, сердцемъ, не устававшимъ любить и вѣрить, — съ радостнымъ упованіемъ, привѣтствуемъ молодые, зеленые всходы Русской земли, первые шаги пробуждающейся народной жизни!... 19-мъ февраля 1861 г. начинается новое лѣтосчисленіе Русской исторіи...»

«Внѣ народной почвы нѣтъ основы...» продолжалъ Аксаковъ, усматривая въ освобожденіи крестьянъ толчекъ и къ будущему развитію на просторѣ, развитію во всю его глубь и ширь настоящаго народнаго духа, прикосновеніе съ которымъ должно послужить живою водою и для насъ—для русскаго образованнаго общества. Въ слѣдующемъ № «Дня» (21 октября) народъ уже прямо представляется Аксакову призывающимъ всѣхъ насъ къ отвѣту:

«Если народъ наконецъ подыметъ усталыя отъ долгой дремоты очи... говоритъ Аксаковъ, что скажетъ онъ?» Куда, дѣвали вы порученные вамъ дары нашей родной, богатой земли? Куда расточили ея духовныя сокровища? Что сталось съ моимъ обычаемъ, вѣрою, преданіемъ, моею прожитою жизнью, моимъ долгимъ и горькимъ опытомъ?... Гдѣ наука, вами взрощенная? Гдѣ мое живое, изобразительное, свободное слово?... Какого хламу нанесли вы на мою почву?... Нѣтъ, вы не мои, вы безобразные снимки съ другихъ народовъ, подите къ нимъ, если они васъ примутъ, я не знаю васъ, вы мнѣ не нужны, вы *чужды мнѣ*, скажетъ народъ, пробуждаясь къ сознанію,—и смететъ ихъ, какъ соръ, свѣжая струя воскресшаго народнаго духа! Аксаковъ понималъ, что слова его озадачатъ. Но онъ едва ли смягчилъ впечатлѣніе тѣмъ, что «еще не наступила пора. И хотя мы почти увѣрены, заключилъ онъ, что голосъ нашъ раздается напрасно, но примѣняясь къ предмету настоящей рѣчи, скажемъ и мы: Гласъ вопіющаго въ пустынѣ, уготовайте путь Господены!... Покайтеся!»

Зорко слѣдя за всѣми явленіями новой поры, далекій отъ безусловнаго увлеченія ею, въ статьѣ 11 ноября 61 г. Аксаковъ замѣчаетъ:

«Потянуло новымъ, еще не передышаннымъ воздухомъ... Но движеніе свѣжей воздушной струи *ускоряетъ* самое разложеніе... Нравственная среда нашего общества исполнена заразительныхъ и мертвящихъ испареній, но противъ нихъ *нѣтъ другаго цѣленія*, какъ преизбытокъ того же воздуха, усилившаго и ускорившаго тлѣнье. ...Настежъ же двери и окна,— пусть безъ помѣхи и затворовъ льется онъ къ намъ свободно вольными, свѣжими цѣлебными струями!...»

Обращаясь къ ближайшимъ послѣдствіямъ освобожденія крестьянъ, къ измѣнившемуся положенію общественныхъ классовъ, онъ останавливается на томъ, что́ такое теперь его собственное сословіе— дворянство? Онъ находитъ, что оно, слава Богу, избавилось отъ своего самаго существеннаго у насъ отличія, своей еще столь недавней печальной «прерогативы», и спрашиваетъ: за что же держаться ему теперь?

«За отличіе *по происхожденію?* Но русское дворянство гордится только однимъ русскимъ происхожденіемъ, и всегда признавало и признаетъ, что тщеславиться *породою*—безнравственно само по себѣ и несовмѣстно съ достоинствомъ человѣческимъ... ...Нравственное единство и цѣльность Русской земли, столь желанныя и столь необходимыя для ея преуспѣянія,

были бы рѣшительно невозможны, еслибъ въ началѣ 2-го тысячелѣтія ея историческаго бытія было создано новое привилегированное сословіе или аристократія на западный ладъ...»

Въ заключеніе Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ бы угадать мысли нашего дворянства, хотѣлъ бы имѣть право отъ его имени заявить, что оно «считаетъ долгомъ выразить правительству свое единодушное и рѣшительное желаніе, чтобы ему было позволено: *торжественно передъ лицомъ всей Россіи, совершить великій актъ уничтоженія себя, какъ сословія»* (№ 6 января 1862 г.). Дворянство, по мнѣнію Аксакова, могло бы удовольствоваться тѣми *преимуществами образованія*, которыя до сихъ поръ были ему болѣе доступны, чѣмъ всѣмъ другимъ классамъ общества, и которыми ему предстоитъ воспользоваться для блага общаго.

Вотъ тутъ-то и открывается рядъ знаменитыхъ статей «Дня» *объ обществѣ*.

17 марта 1862 г. онъ пишетъ:

«Общество создается не верхнимъ и не среднимъ сословіемъ, не мужиками и не дворянами, а создаютъ его только *образованные* люди, или, вѣрнѣе, люди всѣхъ сословій и состояній *безразлично*,—связанные между собою тѣмъ уровнемъ образованія, при которомъ становится возможною дѣятельность общественная, выражающаяся въ наше время въ литературѣ. *Никакіе парламенты*, генеральные штаты, собранія государственныхъ чиновъ не выскажутъ настоящей мысли всенародной; они составляютъ меньшинство по отношенію къ тому множеству, котораго думаютъ быть представителями... Англійскій парламентъ не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ есть *безъ англійской прессы*... Выше народныхъ, ограниченныхъ въ числѣ, и во времени, и въ пространствѣ представительныхъ собраній—стоитъ самъ народъ или общество, какъ тотъ же народъ, но самосознающій и развивающійся... ему надо поле пошире, и такимъ вполнѣ собственнымъ полемъ для общественнаго слова есть—*печать*».

На печать, какъ на могучее орудіе общественной мысли, Аксаковъ, какъ и вся его школа, имѣла свой особый, своеобразно выражаемый взглядъ, подробно развитый Иваномъ Сергѣевичемъ еще въ статьѣ 10 марта:

«Сила общества, какъ явленія не политическаго, есть сила *нравственная*, сила «общественнаго мнѣнія». Орудіе дѣятельности общества есть *слово*, и по преимуществу печатное слово, разумѣется, *свободное*. Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова устнаго или печатнаго, есть *политическая* свобода. Послѣ этого и свобода ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами есть также политическая «прерогатива». Между тѣмъ, свобода слова, свободный обмѣнъ мыслей, чувствъ, мнѣній, необходимый для нравственной дѣятельности, относится точно такъ-же къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, ѣсть къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова такъ-же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы въ предупрежденіе золъ, которыя можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ...»

Главная бѣда нашей исторической жизни, по мнѣнію Аксакова, и заключалась въ томъ, что «между государствомъ и землею не было той среды, которую мы называемъ *обществомъ* и которая—независимою духовною дѣятельностью народнаго самосознанія—могла бы придать силу земской стихіи и *сдержать напоръ государственнаго начала*: въ теченіе восьми вѣковъ не создалось у насъ ни училищъ, ни литературы, и грѣхъ нашего всенароднаго невѣжества, нашего нравственнаго и умственнаго бездѣйствія далъ временную побѣду стихіи дѣятельной, но чуждой нашей народности ..» Иванъ Сергѣевичъ говоритъ тутъ о томъ явленіи нашей древней жизни, которое впослѣдствіи называлось у Ѳ. М. Достоевскаго «недостаткомъ культуры». Именно невыработанность *своей* культуры и по взгляду Достоевскаго вызвала у насъ наконецъ нетерпѣливое стремленіе обзавестись ею сразу, выписать ее изъ-за моря при ближайшемъ участіи правительственной власти. Именно такимъ характеромъ нашей запоздалой культуры и объясняется то, что мы уже слишкомъ много заботъ возложили на попечительное правительство. Вотъ что писалъ объ этомъ Аксаковъ 12 января 1863 г. «Правительство награждай въ насъ любовь къ Богу и

ближнему, развивай талантъ,... забавляй насъ, одѣвай, умывай, молись, сочиняй, вѣруй, надѣйся, люби, негодуй, даже наконецъ либеральничай за насъ, или поучи насъ либеральничать, если либерализмъ оказывается нужнымъ и полезнымъ винтомъ въ государственной машинѣ...»

Примѣромъ нашей общественной лѣни служитъ ему слѣдующее:

«Православные храмы въ Бѣлоруссіи находятся въ бѣдности... Но мы совершенно хладнокровно относимся къ этому позору и предоставляемъ строить церкви въ западно-русскомъ краѣ... кому-же? Самому правительству!... Гдѣ въ мірѣ слыхано и видано, спрашиваетъ Аксаковъ, чтобы правительство строило церкви цѣлому народу»?

Построеніе въ Бѣлоруссіи храмовъ связывалось съ поднятіемъ въ нашемъ Западномъ краѣ забитой русской народности, о которой пришлось наконецъ вспомнить при дерзкихъ притязаніяхъ на этотъ край польской справы, заявленныхъ въ 1862—63 гг. Аксаковъ имѣлъ на польскій и западно-русскій вопросъ или, лучше сказать, на способы его рѣшенія свой особенный взглядъ, рѣзко отличавшійся отъ взгляда другаго вліятельнаго московскаго органа.

«Чтобы *обрусить*, писалъ онъ 23 марта 63 г., надо быть *русскимъ*, а *русскихъ-то* между нами и нѣтъ... Что дѣлаетъ русское общество въ то самое время, когда мы такъ бѣдны и слабы общественною силою?... 275,000 русскихъ, уѣхавшихъ въ 1860 г. за границу, служатъ самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ... Это почти цѣлая четверть русскаго дворянства... Хороши русскіе выйдутъ эти несчастныя дѣти, такъ деспотически лишаемыя родителями всего, что можетъ дать только отчизна: общаго единства жизни съ русскимъ народомъ, роднаго быта, связывающаго дитя неуловимыми нитями съ его землею... впечатлѣній родной природы, непосредственнаго дѣйствія на умъ и душу народнаго ума, народной рѣчи...»

Говоря объ *обрусеніи*, Аксаковъ къ тому же имѣлъ въ виду не что иное, какъ возвращеніе въ лоно русской народности того, что ей несомнѣнно принадлежало. Другіе готовы были въ своемъ особенномъ смыслѣ *обрусивать* и чужое, ссылаясь въ сущности не на что иное, какъ на *право меча*. Въ отпоръ этимъ людямъ Аксаковъ писалъ 4 мая 1863 г.: «Мы не считаемъ *цѣну крови* основаніемъ какого либо *права*. Это не принципъ, а фактъ, упраздняемый другимъ подобнымъ же фактомъ... Если-бы всякій послѣдній совершившійся фактъ возводить на степень права, то это бы значило давать торжествовать насилію... т. е. чья возьметъ, кто кого пересилитъ... Человѣкъ не можетъ довольствоваться такимъ основаніемъ для своего права, его совѣсть ищетъ оправданія факту...»

11 мая 63 г. онъ къ этому прибавилъ: «Мы, русскіе, не должны отказываться отъ коренныхъ свойствъ нашего народнаго характера и насиловать наше народное благодушіе. Намъ незачѣмъ учиться штатсъ-наукѣ у нѣмцевъ, мы никогда не будемъ такими мастерами въ темномъ искусствѣ — угнести, стереть, обезнародить чужую народность, какъ пруссаки или австрійцы».

Съ окончательною ясностью высказался онъ 20 іюля 1863 г.

«Въ Бѣлоруссіи мы у себя дома, въ Россіи, чувствуемъ и сознаемъ себя вполнѣ и по праву *хозяевами*... здѣсь мы въ правѣ не терпѣть польскаго духу и не только въ правѣ, но положительно и несомнѣнно обязаны. Въ Царствѣ Польскомъ мы *въ Польшѣ*, и едва-ли найдется русскій, который, побывавъ въ Царствѣ хотя мимоѣздомъ, не почувствовалъ бы себя *гостемъ*, пришельцемъ въ этой средѣ — сплошной, компактной, рѣзко опредѣленной... хотящей жить и предъявляющей право на жизнь»... Относительно Польши Аксаковъ, далекій отъ стремленія подавить въ ней польскую народность, вполнѣ признавалъ одну совершенно законную мѣру.

...«Было бы полезно, писалъ онъ тутъ-же, если-бъ Россія не изъ своекорыстныхъ разсчетовъ, но для выгоды самой Польши, выдвинула въ ней новую историческую идею: значеніе и участіе въ общей жизни народнаго организма — простаго народа, крестьянскаго населенія...» И другіе говорили о томъ же, но имѣя въ виду съ нашей стороны именно тѣ «своекорыстные разсчеты», которыхъ такъ чуждался Аксаковъ.

«Если мы теперь, писалъ онъ 31 августа 1863 г., надѣлили польское крестьянство

землею, крестьянскимъ самоуправленіемъ, гражданскими и политическими правами,— то, нѣтъ сомнѣнія, эти положенія, эти права уже никакою силою не будутъ отъ нихъ отняты польскими панами, даже въ случаѣ совершенной самостоятельности Польши... Мы введемъ въ ея жизнь новую историческую идею, противопоставимъ силу *устоя ея* многовѣковому общественному броженію, дадимъ грузъ, упоръ ея легковѣсному судну, носившемуся до сихъ поръ подъ управленіемъ шляхты, по прихоти волнъ и всяческихъ вѣтровъ!... Мы въ то же время совершимъ долгъ человѣколюбія относительно значительной части угнетеннаго человѣчества и исполнимъ историческое призваніе Россіи, страны сильной простонародностью, *самой демократической* въ лучшемъ, не политическомъ, а общественномъ и нравственномъ значеніи этого слова». Люди глядѣвшіе также, да не такъ, желая отмежевать себѣ польскій вопросъ въ монополію, желая совершенно устранить отъ него Аксакова, позволяли себѣ даже клеветать на него.

Вотъ что ему пришлось отмѣтить въ передовой статьѣ 7 сентября 1863 г.

«Московскія Вѣдомости» приходятъ къ слѣдующимъ, по истинѣ изумительнымъ выводамъ:

«Газета «День» учитъ презирать простой народъ и не считаетъ заслуживающими вниманія интересы крестьянъ въ Польшѣ. Для газеты «День» хлопы ничего не значатъ, и она жертвуетъ ими панамъ, толкуя въ то же время о крестьянскомъ самоуправленіи въ Россіи, *которое въ Россіи не имѣетъ смысла»*... «Примемъ это къ свѣдѣнію,—отмѣтимъ это презрѣніе «Моск. Вѣдомостей» къ мірскому устройству простаго русскаго народа,—прибавляетъ Аксаковъ, въ отвѣтъ на выдумку и клевету только отмѣчая поучительный фактъ. Онъ продолжаетъ разоблачать «Московскія Вѣдомости», «Вѣсть» и всѣхъ двоедушествовавшихъ во всѣхъ сферахъ, и въ статьѣ своей 16 ноября 1863 г. спрашиваетъ: «Какъ вы будете стоять за русскую народность въ западномъ краѣ, если вы ее презираете, пренебрегаете ею въ восточномъ, сѣверномъ, срединномъ краѣ Россіи... Въ правѣ ли вы надѣяться на успѣхъ вашей народной роли, если она только *роль*, и въ душѣ, для «своихъ, entre nous autres, вы остаетесь тѣми же аристократами петербургскихъ салоновъ...»

Относительно *сепаратизма*, который постоянно мерещился «Московскимъ Вѣдомостямъ», у Аксакова опять таки былъ свой особый взглядъ, связанный съ его общимъ воззрѣніемъ на *общество*, какъ на такую силу, какую во многихъ случаяхъ не можетъ никоимъ образомъ замѣнить государство.

«Если насъ безпокоятъ, писалъ онъ 28 ноября 1864 г., сепаративныя тенденціи, то устремите вашу дѣятельность не столько на внѣшнее искорененіе этихъ тенденцій внѣшними способами (вы ихъ не уничтожите, а заставите притаиться), сколько на возбужденіе той органической силы сращенія въ нашемъ собственномъ организмѣ, о которой вы говорили; направьте ваши удары не на сепаратистовъ, а на тѣ условія, при которыхъ слабѣетъ въ народѣ всепоборающая вѣра въ самого себя, въ свою народность, — на насъ самихъ, на тѣхъ, которые, будучи преданы идеѣ государственнаго единства, не перестаютъ разрывать свое духовное единство съ народомъ».

Когда, во время тогдашнихъ на насъ атакъ европейской дипломатіи одно время запахло даже войной, «День» съ своей точки зрѣнія замѣтилъ (20 іюня 1863 г.): «Война съ Австріей, дѣйствительная, настоящая — небывалое явленіе въ нашей исторіи—была бы для насъ крещеніемъ въ новое политическое вѣроисповѣданіе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ Австріи и всѣхъ дѣлъ ея...»

«Но войну съ Австріей, пояснялъ онъ въ статьѣ 27 іюля, мы можемъ вести, только водрузивъ славянское знамя, знамя освобожденія славянскихъ племенъ (въ томъ числѣ и польскаго) изъ подъ нѣмецко-австрійскаго гнета, для возвращенія ихъ къ свободной и самобытной жизни..

...Можетъ быть Россія еще не созрѣла для выполненія этого своего историческаго призванія; еще мы сами, можетъ быть, не окрѣпли въ сознаніи своей русской народности, *еще въ насъ самихъ много нѣмца*,—и слабы наши русскія общественныя силы... «Съ тѣхъ поръ прошло 23 года, но достаточно ли окрѣпли за это время наши общественныя силы, или же и теперь приходится спрашивать: «въ насъ

самихъ-то не слишкомъ ли еще много нѣмца?»

Между тѣмъ какъ мы не только тогда отписывались отъ европейской дипломатіи, но при помощи общественнаго мнѣнія, и въ самомъ дѣлѣ раздѣлывались съ ней, внутреннія мѣропріятія рѣшительнаго свойства продолжались своимъ чередомъ. Прямо восторженный, радостно увлекающійся тонъ послышался въ передовой статьѣ «Дня». 27 апрѣля 1863 г. «Силъ прибываетъ... еще гора свалилась съ плечъ, еще тяготой меньше. Удрученный бременемъ, богатырь выпрямляется...

Плети, кошки, шпицрутены, клейма, торговыя казни—все *это было*, всего этого *нѣтъ*, все рухнуло въ темную бездну минувшихъ золъ, пережитаго русскаго горя. Долой, гласитъ между строкъ государевъ указъ Сенату — всѣ орудія истязанія и срама, долой сейчасъ же, немедленно по полученіи указа! Вонъ изъ нашей рѣчи, вонъ на вѣки вся эта позорная терминологія, эти выраженія, съ которыми такъ постыдно свыклись наши уста и нашъ слухъ, эти «сквозь строй», «отодрать», «засѣчь», «перепороть», со всѣми ихъ отвратительными безчисленными выраженіями! «Заплечному мастеру» нѣтъ уже дѣла въ русской землѣ!» *).

Продолжающіяся преобразованія представлялись вообще Аксакову въ такомъ, опять совершенно своеобразномъ свѣтѣ (статья 17 августа 1863 г.):

«Въ новизнахъ твоего царствованія намъ старина наша слышится» писали московскіе старообрядцы въ извѣстномъ своемъ адресѣ Государю. Мы можемъ также сказать что въ новизнахъ нынѣшняго времени слышится, даетъ себя вѣдать и чувствовать, свидѣтельствуя о своей упорной живучести, русская народная старина. Полуторовѣковой слой петербургскаго періода нашей исторіи еще не вполнѣ сокрушилъ древнія бытовыя, гражданскія и духовныя насажденія Русской земли, не разорвалъ ея союза съ государствомъ,—и едва только лучъ тепла и свѣта пробился къ ней сквозь густые и толстые пласты чужеземнаго хлама,—она вновь ожила, и схороненныя зерна готовы вновь дать ростки, можетъ быть пышнѣе и краше прежняго. Говоримъ можетъ быть. Еще бы тепла и свѣта! еще бы побольше солнца и свѣжаго воздуха!»

Къ «полуторовѣковому періоду» нашей новой исторіи Аксаковъ, какъ извѣстно, очень часто возвращался въ своихъ статьяхъ. Онъ не особенно сочувственно относился къ этому періоду, конечно не ради того, что этому періоду обязаны мы появленіемъ у насъ наконецъ науки, а ради того, что, какъ все другое, такъ и самая новозаведенная у насъ наука *была отобрана въ казну*.

«Когда читаешь, писалъ онъ 11 января 1864 г., исторію просвѣщенія Россіи при Петрѣ I, приходишь въ невольное изумленіе предъ тѣми настойчивыми, энергическими усиліями государства создать во чтобы то ни стало штатсъ-просвѣщеніе, штатсъ-науку, штатсъ-искусство, штатсъ-журналистику, штатсъ-поэзію, штатсъ-литературу, штатсъ-галантерейность, штатсъ-право, штатсъ-нравственность.

«...Конечно, *ни одно* общество въ мірѣ не стоило такихъ издержекъ казнѣ, какъ русское общество! нигдѣ впрочемъ и не давалось ему свыше, отъ *казны*, воспитанія.

«...Скоро оказалось, пояснялъ Аксаковъ, что государство обременило себя черезъ силу... открылась необходимость въ обществѣ, какъ въ матеріалѣ, въ грузѣ для государственнаго судна, какъ въ посредствующемъ элементѣ между властью и массами. Екатерина вспомнила о земствѣ и передала земству часть попеченій государственныхъ по внутреннему управленію. Отсюда начинается рядъ правительственныхъ дѣйствій, которымъ ничего подобнаго не представляетъ исторія другихъ странъ; правительство само, непринужденно поступается своею властью обществу, удѣляетъ ему, вмѣстѣ съ обязанностями часть своихъ правъ... и большею частью встрѣчаетъ со стороны самаго общества— если не отпоръ, то равнодушіе или пас-

---

*) Тутъ же однако Аксаковъ также и оговаривается: «Если тѣлесное наказаніе исключается изъ уголовнаго кодекса... то стало быть оно уничтожено вовсе, замѣтилъ бы вѣроятно какой нибудь иностранный юристъ. Такое ошибочное замѣчаніе совершенно понятно со стороны иностранца, незнакомаго съ особенностями нашей русской жизни. Дѣйствительно, тѣлесному наказанію еще можно подвергнуться, но уже *не по суду*, а *безъ суда* ...по распоряженію исправниковъ, полиціймейстеровъ и вообще блюстителей благочинія, русскіе люди еще могутъ быть наказываемы розгами»...

сивную покорность... Послѣднимъ новѣйшимъ актомъ этого поступленія государствомъ обществу своей власти—являются *земскія учрежденія.* Но для того, чтобы усилія государства увѣнчались успѣхомъ, чтобы государство и общество стали въ подлежащее равновѣсіе другъ къ другу... необходимо отрѣшиться отъ прежней Петровской реформы... Необходимо чтобы общество получило не только политическую привилегію, но и нравственную свободу...»

Въ статьѣ этой указывается уже на земскія учрежденія. Къ нимъ, какъ и къ новому суду Аксаковъ относился со всею полнотою сочувствія—т. е. сочувствія въ принципѣ. Но онъ оставался далекимъ и тутъ, какъ вообще, отъ тона похвальнаго слова; онъ даже указывалъ въ выполненіи принципа на такія подробности, которыя, не обнаруживая достаточнаго знакомства съ условіями нашей жизни и слишкомъ отзываясь прямымъ подражаніемъ, могли кое въ чемъ подорвать пользу дѣла. На необходимость для насъ суда присяжныхъ съ его гласностью Аксаковъ указывалъ еще до введенія его у насъ — въ статьяхъ о свободѣ слова, указывая на то, что кара за злоупотребленія этою свободою должна принадлежать не администраціи, а только суду и именно суду присяжныхъ. За новый судъ въ его принципѣ, Аксаковъ, какъ извѣстно, ополчился и въ послѣдніе годы, ополчился уже въ «Руси», и въ сильной мѣрѣ содѣйствовалъ своимъ горячимъ ратованіемъ за новый судъ благополучному исходу той травли, которая была на него направлена «Московскими Вѣдомостями».

Вообще же, въ самые даже пылкіе дни нашихъ увлеченій реформами, Аксаковъ былъ далекъ отъ того, чтобы приписывать имъ чудотворную силу, чтобы видѣть въ нихъ панацею ото всего. Писалъ же онъ еще 18 декабря 1865 г.: «Не легко живется теперь на Руси. Неможется ей во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ... Освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ и свобода (хотя бы даже не полная) печатнаго слова,—самое необходимое мы уже имѣемъ... Но это еще не дастъ намъ здоровья, потому что государственная власть не можетъ же стоять выше общественнаго нравственнаго уровня и сама нуждается въ притокѣ для себя извнутри новой здоровой жизненной силы. Дѣло за нами... По пути внѣшнихъ учрежденій и мѣропріятій двинулись мы далеко. Пора бы, кажется, понять, что это все не болѣе какъ средства къ жизни, ея внѣшнія реформы, а не сама жизнь... Внѣшняя искусственная обстановка государственнаго строя еще не въ силахъ сама по себѣ вдохнуть въ жизнь *ту органическую силу творчества*, которой именно ей недостаетъ и недостатокъ которой сказывается въ насъ такимъ тяжелымъ томительнымъ недугомъ. Когда утратилось непосредственное чутье своего прямаго, прирожденнаго пути, когда мы сбились съ дороги, вся задача въ томъ, чтобъ отыскать эту дорогу, а не въ томъ чтобы обзавестись конями и экипажемъ, да въ прибавокъ еще казенными».

Распростившись самъ съ своимъ «Днемъ», Аксаковъ затѣмъ вернулся къ газетной дѣятельности, но и въ статьяхъ «Москвы» и «Москвича» оставался вѣрнымъ своему широкому взгляду на свободу слова. Къ сожалѣнію, взглядъ этотъ далеко не сходился со взглядами нашихъ административныхъ сферъ. Дѣло кончилось, какъ извѣстно, судомъ надъ Аксаковымъ въ Сенатѣ и отнятіемъ у него права что либо издавать. Тогда то онъ и сосредоточилъ всю энергію своей дѣятельности на Московскомъ Славянскомъ Обществѣ, котораго онъ былъ не только душою, но и безсмѣннымъ труженикомъ, выносившимъ на своихъ плечахъ всю тяготу той страдной поры, которая наступила въ 1876 г. О силѣ народнаго увлеченія, народной готовности пострадать за братьевъ живо вспоминалъ онъ еще въ предсмертной своей статьѣ. Какъ очевидецъ, участникъ и орудіе народнаго увлеченія той поры, онъ тѣмъ съ большимъ негодованіемъ относился къ европейскимъ стремленіямъ вырвать изъ нашихъ рукъ все добытое русскою кровью и готовностью русскаго человѣка жертвовать и послѣднею трудовою копѣйкою. Когда Россія предстала передъ судомъ Европы въ Берлинѣ, онъ произнесъ въ Москвѣ свою рѣчь:

Извѣстно, что послѣ этой рѣчи не только Аксакову нельзя было долѣе оставаться предсѣдателемъ Московскаго Славянскаго Общества, но и самое Общество въ самомъ скоромъ времени было закрыто. Несмотря на это, онъ продолжалъ проводить свои прежніе взгляды и въ новѣй-

шее время—проводить ихъ въ послѣднемъ своемъ органѣ «Русь», котораго изданіе, въ силу извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, стало опять возможно съ 1880 г. По прежнему оскорбляясь берлинскимъ конгрессомъ, не признавая, чтобы мы обязаны были сами же и отстаивать передъ Европой его неприкосновенность, онъ навлекъ на себя всѣмъ извѣстный оффиціальный репримандъ въ недостаткѣ «истиннаго патріотизма». Вотъ на этотъ-то упрекъ покойный отвѣчалъ словами, являющимися теперь его лебединой пѣснью. Со всей свѣжестью своей душевной силы писалъ онъ въ ней 6 декабря 1885 г.: «Истинный патріотизмъ для публициста заключается въ томъ, чтобъ мужественно, по крайнему разумѣнію, высказывать правительству правду—какъ бы она горька и жестка ни была, а для правительства—въ томъ, чтобы выслушивать даже и горькую, жесткую правду. По мнѣнію же многихъ въ такъ называемыхъ высшихъ сферахъ, наиистиннѣйшій патріотизмъ въ подобострастномъ молчаніи...

«Мѣняться, заключалъ онъ, намъ уже поздно, да и не подстать. ...Мы ни мало не расположены, да и не съумѣли бы,—особенно уже теперь, въ виду уроковъ внутренней русской исторіи и подъ конецъ нашего публицистическаго поприща,—подлаживать свой патріотизмъ къ оффиціальнымъ, часто мѣняющимся воззрѣніямъ. Правительство можетъ закрыть нашу газету, отнять у насъ право печатнаго слова: это вполнѣ въ его власти. Но пока мы держимъ перо въ рукахъ, оно будетъ все тѣмъ же независимымъ и искреннимъ, и ужъ несомнѣнно истинно-патріотическимъ, какимъ было и есть, теперь и всегда».

Такимъ дѣйствительно и осталось его перо до самыхъ послѣднихъ написанныхъ имъ за нѣсколько дней до смерти строкъ: «Всякія сдѣлки съ германскимъ міромъ для рѣшенія русско-славянскаго вопроса противоестественны и гибельны. Не отъ щедротъ Германіи принимать намъ дары русско-славянской жизни. Мы добудемъ ихъ сами».

И вотъ наконецъ надъ свѣжей могилой Аксакова раздалось теплое слово русскаго Государя, слово, признающее въ немъ настоящій патріотизмъ.

Его не стало,—не стало при этой «близящейся, какъ предсказывалъ онъ, грозѣ».

Но онъ не успѣлъ дожить и до великой, наступающей годовщины, годовщины того, что оставалось для него до конца особенно дорогимъ. Мы положительно знаемъ, что и народъ ожидалъ его слова въ этотъ великій день. И онъ сказалъ бы это слово въ силу той правды внутренней, которая всегда имъ ставилась выше всякаго писаннаго закона, всякаго распоряженія административной власти.. Не стало того человѣка, который одинъ лишь и посмѣлъ и съумѣлъ бы достойнымъ образомъ помянуть великаго Государя!... Плачь Русская земля! ...Но когда подобнаго рода призывъ раздавался у насъ въ старину, съ нимъ соединялся и другой призывъ — къ молитвѣ и покаянію. То былъ обычный кличъ древней Руси. Вѣрный ея завѣтамъ, и самъ Аксаковъ, припомнимъ это, еще въ началѣ своего «Дня» обратился къ намъ со словами: «Гласъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовайте путь Господенъ!... Покайтеся!» Самъ онъ, правда, тогда полагалъ, что слова его прозвучатъ напрасно. О если бы хоть теперь они отозвались въ самомъ дѣлѣ въ сердцахъ нашихъ!.. Пора, давно намъ пора покаяться!

Въ этомъ же собраніи были избраны въ почетные члены: предсѣдатель Общества П. П. Дурново, при чемъ избраніе это было привѣтствовано громкими рукоплесканіями, и въ дѣйствительные: предложенные Совѣтомъ кандидаты: Вѣра Евстафьевна Богдановская, прот. Даміанъ Амвросіевичъ Борщъ, преосв. Германъ, епископъ кавказскій, Андрей Николаевичъ Горчаковъ, прот. Лаврентій Васильевичъ Гурновъ, Иванъ Архиповичъ Дукмасовъ, Михаилъ Павловичъ Клюевъ, Александръ Никитичъ Лещовъ, Александръ Матвѣевичъ Мечатка, Надежда Николаевна Ордынская, Викторъ Александровичъ Семеновъ, Яковъ Петровичъ Семеновъ, Александръ Александровичъ Стаховичъ, прот. Константинъ Тимофѣевичъ Никольскій, преосв. Серафимъ, епископъ Самарскій и Сергій Өедоровичъ Шараповъ.

Собраніе закончено было пѣніемъ хора г. Архангельскаго гимна св. Кириллу и Меѳодію, соч. Д. Н. Соловьевымъ.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 26 января, между прочимъ, постановлено: а) отклонить просьбы: одного добровольца—о пособіи и 10 сербовъ—о назначеніи имъ стипендій Славянскаго Общества; б) просьбу одного серба о доставленіи ему возможности кончить свое образованіе въ Россіи передать на зависящее распоряженіе въ Коммисію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ; в) выдать въ пособіе одному болгарскому издателю 50 р., нѣкоторымъ герцеговинскимъ семействамъ 400 р. и двумъ сербамъ 150 р. и г) утвердить расходы, произведенные съ 12 по 26 января 1886 г. на 307 р. 70 к.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 9 февраля, между прочимъ, постановлено: а) выдать одному добровольцу и одной вдовѣ добровольца въ пособіе 55 р.; б) отклонить просьбы: одного чеха — о доставленіи ему мѣста учителя въ Россіи и одного чеха и двухъ сербовъ — о назначеніи имъ стипендій; в) послать въ библіотеку коллегіи Императора Александра II изданія Общества и нѣкоторыя изъ пожертвованныхъ книгъ и г) утвердить расходы, произведенные съ 26 января по 9 февраля 1886 г. на 931 р. 69 к.

II. Славянское обозрѣніе.

Отзывы славянскихъ газетъ

о смерти И. С. Аксакова.

«*Српски Лист*», 4 (16) февраля 1886. «Вслѣдъ за одною могилой открывается другая. Послѣ Суботича, который трудился на маломъ полѣ сербскомъ, умираетъ Аксаковъ, обнявшій все славянство. Горько это!

«Горько, думается намъ, для всякаго, кто только имѣетъ человѣческое сердце. Ибо, когда умираетъ носитель мысли и тягостей какого-либо народа, когда прекращается жизнь, въ которой олицетворены желанія и стремленія столькихъ милліоновъ людей, то такое событіе должно всякаго тронуть. Аксаковъ былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, которые, какъ представители великаго народа, оставляютъ глубокій слѣдъ въ міровой исторіи.

«Нѣкогда между первыми, а нынѣ первымъ былъ онъ въ этой горсти избранныхъ русскихъ народолюбцевъ, которые стали очищать Россію отъ постороннихъ примѣсей, которые хотѣли поставить общественную и государственную жизнь Россіи на чистую народную русскую основу. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ среди тѣхъ людей, которые заботились о духовномъ единеніи всѣхъ славянъ. Онъ былъ вождемъ славянофильства.

«Имѣлъ противниковъ—но кто изъ великихъ людей не имѣлъ ихъ? И въ Россіи славянофильство встрѣчало отпоръ. Самъ великій Тургеневъ не могъ примириться съ славянофильскими стремленіями, требовавшими отреченія отъ всего иностраннаго и въ своемъ «Дымѣ» написалъ каррикатуру на славянофильство. Но, хотя всякая великая мысль можетъ быть доведена до крайности на столько, что даетъ поводъ къ каррикатурамъ, тѣмъ не менѣе мысль русскихъ славянофиловъ осталась неодолимой, ибо неодолима та истина, что Россія была поражена чужестраннымъ наплывомъ, отъ котораго и доселѣ не освободилась.

«Нигдѣ славянофильское ученіе не встрѣчало болѣе непріятелей, нигдѣ оно не подвергалось бо̀льшему поруганію, какъ среди нѣмцевъ и особенно въ Вѣнѣ. Тамъ измыслили пугало панславизма. Австрійскіе нѣмцы, съ одушевленіемъ привѣтствующіе каждый шагъ князя Бисмарка на пути къ нѣмецкому единству, радующіеся даже тому, что нѣмецкая мысль выразилась въ изгнаніи поляковъ, эти самые нѣмцы яростно вопили противъ Аксакова, проповѣдывавшаго объ идеальномъ славянскомъ единеніи...

«Заслуги Ив. С. Аксакова не могутъ быть здѣсь изложены во всемъ свѣтѣ и

величіи, ибо имя его, его семьи и друзей его связано съ исторіей русскаго народа. Припомнимъ лишь новѣйшія и наиболѣе блестящія событія.

«Въ 1867 г. въ Москвѣ открылась славянская этнографическая выставка. Эту выставку задумалъ и выполнилъ Аксаковъ, предсѣдатель Славянскаго Благотворительнаго Общества. Въ Москву, въ *матушку* Москву съѣхались представители отъ всѣхъ славянскихъ земель. Тогда впервые пришло къ самопознанію славянское братство, Аксаковъ одержалъ блестящую побѣду.

«Обездоленная сербская райя 1875 г. подняла знамя возстанія. На братскій призывъ, какъ громъ, отозвался Аксаковъ, и вся Россія содрогнулась. Славянское Благотворительное Общество въ Москвѣ было закрыто...

«Затѣмъ Аксаковъ снова принялся за свое трудное дѣло писательства. Въ своей газетѣ «Русь» онъ сталъ проповѣдывать свои взгляды. Въ этомъ его застигла пловдивская передряга, а теперь, когда изъ этого перваго облака на Балканѣ двигается буря, Аксакова поражаетъ смерть.

«Очевидцы разсказываютъ, какъ сильно потрясенъ онъ былъ пловдивскимъ событіемъ. Да и какъ было ему не быть потрясеннымъ, когда неожиданное возстаніе, произведенное врагами славянства, нанесло тяжкій ударъ аксаковскому идеалу.

«Въ своей «Руси» онъ тотчасъ-же и одинъ среди всей русской печати сталъ защищать болгарское единство...

«Но вотъ его не стало. Похолодѣло и сердце Аксакова, когда должно было громче всего заговорить. Величайшее перо сломалось...

«Но за то его мысль не пропала. И Александръ III выразилъ свое соболѣзнованіе супругѣ Аксакова. Великъ русскій народъ и утѣшительную мысль изрекъ нашъ поэтъ: «У великаго народа геній вьетъ себѣ гнѣздо!»

«*Уставност*», № 13, 2 февраля 1886 г. † *Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.*

«Великій русскій и славянскій патріотъ и публицистъ умеръ въ Москвѣ.

«Кто былъ Аксаковъ и каковъ *его* подвигъ, въ чемъ дѣйствительно состоитъ его величіе, нельзя разсказать такъ въ немногихъ словахъ, и потому мы отлагаемъ до другаго раза подробное объ этомъ разсужденіе.

«Но Аксаковъ не былъ неизвѣстенъ и сербскому народу. Всякій сербъ, внимательно слѣдящій за общественною жизнью славянскаго міра и его могущественнѣйшаго представителя, Россіи, знаетъ имя И. С. Аксакова. И потому вѣсть о его смерти потрясетъ и сербскія сердца, вмѣстѣ со всѣмъ, особенно православнымъ славянствомъ.

«Но кто можетъ измѣрить безпредѣльную глубину, кто въ состояніи уже теперь оцѣнить и описать его жизнь и дѣятельность, свѣтлыя во всѣхъ отношеніяхъ, въ которыхъ онъ по истинѣ осуществилъ идеалъ славянскаго патріота. Умъ и сердце Аксакова были въ такой дивной гармоніи, что сами враги славянства признали въ немъ человѣка со свѣтлымъ умомъ, съ великимъ и любящимъ сердцемъ. Величіе его ума и сердца видны были во всемъ, что онъ дѣлалъ, въ каждой имъ написанной строчкѣ. Кто только читалъ его, хотя бы нѣсколько статей, вышедшихъ изъ-подъ его пера, тотъ чувствовалъ сладость «*воды живой*», того духовнаго напитка, который одинаково животворно дѣйствуетъ и на умъ и на сердце.

«Аксаковъ былъ великій славянскій патріотъ. Его великій умъ и сердце обнимали собою все славянство, въ томъ числѣ и сербскій народъ. Вспомнимъ только о нашихъ *святыхъ войнахъ*, и мы тотчасъ-же найдемъ этому довольно доказательствъ.

«Но кто можетъ исчерпать необъятную глубину, достаточно и всесторонне оцѣнить дѣянія и заслуги великаго Аксакова? Сдѣлать это могутъ лишь цѣлыя поколѣнія, исторія, мы же въ томъ, что написали и что еще напишемъ объ Аксаковѣ, зачерпнули своими слабыми руками лишь нѣсколько капель, чтобы тѣмъ и съ своей стороны исполнить *свой* патріотическій *долгъ*. Мала эта наша свѣчка, которую мы зажигаемъ предъ гробомъ великаго славянскаго патріота И. С. Аксакова и слабо горитъ она, но иначе и быть не можетъ, когда сравнить ея свѣтъ съ тѣмъ свѣточемъ, воспоминаніе о которомъ уноситъ славянскій геній къ звѣздамъ,— свѣточемъ, который будетъ вѣчно свѣтить со славянскаго неба.

«*Низко* склоняемся предъ могилой И. С. Аксакова и восклицаемъ ему: *слава, слава, слава!*

«*Застава*», № 16, 31 января 1886 г. † *Аксаковъ*.

«Онъ, умѣвшій волновать свѣтъ на пользу славянства, умеръ... и намъ такъ тяжело, какъ будто мы потеряли цѣлый міръ.

«Иванъ Аксаковъ былъ исполиномъ. Когда онъ говорилъ, его голосъ отдавался по всей Европѣ и его голоса слушались до послѣднихъ границъ, куда только простиралась великая Россія. До сихъ поръ ни одинъ журналистъ не имѣлъ еще такого вліянія какъ Аксаковъ... Любовь, Аксакова обнимала собою одинаково цѣлое славянство. Если бы мы жили подъ болѣе счастливыми условіями, то Аксаковъ простеръ бы свою любовь на все человѣчество, но онъ видѣлъ, какъ славяне страдаютъ всего болѣе, какъ у нихъ нѣтъ на бѣломъ свѣтѣ ни друзей, ни защитниковъ, и тогда онъ сталъ предъ Россіей и сказалъ: «ты должна теперь за нихъ вступиться».

«Сербскій народъ многимъ обязанъ Аксакову. *Послѣдній много труда положилъ на освобожденіе сербскаго народа отъ турокъ*. А когда Пеко Павловичъ въ 1875 г началъ кровавую пляску на Балканахъ, Аксаковъ принялся за неустанный трудъ Для славянъ и Европы настали черные дни. Европа была противъ *сербскаго дѣла*, но Сербія и Черногорія, несмотря на всѣ отговариванія со стороны русской дипломатіи, начали войну...

«И пока сербскіе отряды отбивали напоръ турокъ, Аксаковъ со своими друзьями поднималъ и одушевлялъ цѣлую Россію. Когда дѣло дошло до Дьюниша, царь Александръ II бросилъ жребій и сказалъ туркамъ: «стойте», ибо такъ хотѣла Россія. Извѣстно, что случилось послѣ того. Общественное мнѣніе въ Россіи требовало войны...

«Потомъ мы поговоримъ подробнѣе о жизни Аксакова. А теперь припомнимъ, что онъ работалъ какъ журналистъ, а больше всего прославился какъ редакторъ «Москвы» и «Руси». Честность его признаютъ самые враги его: «Онъ, пользовавшійся расположеніемъ Царя, онъ, дѣлавшій такъ много для другихъ, *для себя не искалъ никогда ничего*».

«Аксакова не стало, но пусть его друзья и почитатели не приходятъ въ отчаяніе, чтобы тѣмъ не загрязнить его памяти, не уничтожить всего его дѣла. *Аксаковъ не былъ-бы Аксаковымъ, Аксаковъ не былъ-бы исполиномъ, а карликомъ, еслибы послѣ такихъ великихъ его подвиговъ вмѣстѣ съ нимъ легла въ могилу та мысль, носителемъ которой онъ былъ*.

«Аксаковъ былъ великій другъ сербовъ, много для нихъ онъ сдѣлалъ на Балканѣ. Пошлемъ же ему и отъ насъ на его могилу благодарность.

«*Великій Аксаковъ, миръ твоему праху*.

Драшковъ Рабош говоритъ:

«Въ лицѣ И. С. Аксакова погасла на Руси звѣзда, величественно блестѣвшая на славянскомъ небѣ. Всѣ славяне-братья лишились русскаго брата, праведнаго, доблестнаго, борца за вѣру-правду. Онъ первый поставилъ невидимыя границы, чтобы не могли слиться два отдѣльныхъ свѣта—славяно-греческій и германо-римскій. Онъ первый поднялъ голосъ, чтобы не заражалась наша кровь кровью чужеземною. Онъ первый отдѣлилъ западъ отъ востока; онъ первый изъ развалинъ двухъ Римовъ (Рима и Византіи) соорудилъ на Руси на служеніе славянскому генію третій Римъ, Москву, «*вѣчный городъ*». Онъ служилъ народу и вѣрѣ славянской съ преданностью апостола, какъ преимущественно предъ всѣми другими одушевленный духомъ Святыхъ Первоучителей славянскихъ. Въ цѣломъ мірѣ онъ славился какъ одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей, какъ учитель, славный примѣръ котораго не умретъ въ потомствѣ, какъ искра божественнаго творческаго славянскаго духа.

«Миръ праху твоему, великій славянскій борецъ за славянскую правду!

«Сербъ надъ твоимъ прахомъ сердечно плачетъ!

«*Иванъ Сергѣевичъ!*
«*Твоя мысль не погибнетъ!*»

«*Видело*» (№ 25, 6 февраля), разсказавъ довольно подробно жизнь *И. С. Аксакова*, оканчиваетъ слѣдующими словами: «Та-

ковы труды Аксакова какъ русскаго чиновника и писателя. Но, кромѣ того, у него были такія занятія, которыя поставили его очень высоко не въ одной только Россіи, а было время, что вся Европа вопрошала о значеніи его мыслей. Всякій, кому извѣстны политическія событія въ Европѣ за послѣднія десять лѣтъ, знаетъ, какую великую роль игралъ Аксаковъ въ Славянскомъ Обществѣ. Всякому еще памятна его рѣчь въ Москвѣ въ качествѣ предсѣдателя Славянскаго Общества. Русская литература и журналистика много потеряли въ Аксаковѣ, а цѣлый свѣтъ долженъ признать, что Аксаковъ до конца остался вѣренъ тому знамени, которое онъ развилъ въ началѣ своей дѣятельности.»

Кончина И. С. горестно потрясла и галичанъ. Свѣдѣнія о похоронахъ покойнаго, отзывы о немъ русскихъ газетъ тщательно собраны, по крайней мѣрѣ, главнѣйшими органами Галицкой Руси.

«Новый Проломъ» отъ себя говоритъ слѣдующее: «На горизонтѣ движенія народовъ появляются время отъ времени личности, выдѣляющіяся изъ среды другихъ яркимъ сіяніемъ своего ума, сердца и благородныхъ свойствъ души, подобно сверкающимъ метеорамъ, покрывающимъ своимъ блескомъ мерцаніе милліардовъ прочихъ небесныхъ тѣлъ. Но сіяніе самыхъ чудныхъ метеоровъ должно, по неизмѣннымъ законамъ природы, померкнуть и оставить по себѣ печальную тьму, къ которой лишь по немногу привыкаетъ человѣческій глазъ. Тоже бываетъ и по смерти выдающихся личностей: умами овладѣваетъ печаль, движеніе какъ бы пріостанавливается, чтобы дать возможность уронить слезу на могилу почившаго двигателя...

«И. С. Аксаковъ скончался!...

«Вотъ вѣсть, пронесшаяся глухимъ стономъ по всѣмъ предѣламъ славянства, поразившая умы и сердца всеславянской семьи. И плачетъ надъ тлѣнными останками не одна бѣлокаменная Москва, вмѣщавшая въ своихъ стѣнахъ великое сердце, плачетъ цѣлая Русь, плачутъ всѣ славянскія области... Русская литература, русское чувство и сознаніе, русская политическая мысль понесли съ кончиной И. С. невознаградимую утрату.

«Такая же потеря постигла и весь славянскій міръ...

«Аксаковъ былъ прекрасный человѣкъ, изящный поэтъ, могучій публицистъ и глубоко вѣрующій сынъ православной церкви, а нынѣ нѣтъ преемника того дѣла, которое связано было съ личностью и именемъ Аксакова. Потеря его незамѣнима, его должны оплакивать всѣ честные сыны матери-славы... Дѣла его не погибнуть, и память о немъ будетъ отъ рода въ родъ...» (№ 307 и 308).

Не менѣе горячо отзывается о покойномъ и «Слово»: «Носитель славянской идеи, представитель братскаго единенія славянъ, честнѣйшій человѣкъ И. С. Аксаковъ, скончался на 63-мъ году своей многополезной для Руси и славянства жизни. Честное, благородное сердце, любившее и Галицкую Русь не менѣе своей родины, перестало биться. Скорбятъ всѣ славянскія земли; такъ какъ имя И. С. одинаково почиталось и въ бѣлокаменной Москвѣ, и въ золотой Прагѣ, и во Львовѣ, и въ ущельяхъ славнаго Балкана. Среди русскихъ публицистовъ И. С. былъ тѣмъ, чѣмъ былъ между военными М. Д. Скобелевъ...» (№ 14).

Въ № 17 «Слово» помѣстило начальныя строфы прекраснаго стихотворенія, напечатаннаго въ «Русскомъ Курьерѣ»:

То не въ небѣ красно солнышко
Закатилось за моря!
Нѣтъ, не стало больше славнаго
На Руси богатыря!

Спитъ на вѣки непробудная
Сила мощная въ гробу;
Грудью смѣлою не выступитъ
Больше витязь на борьбу.

Слово вѣщее, правдивое
Мертвыхъ устъ не разомкнетъ;
Патріота слова честнаго
Не услышитъ нашъ народъ!

А бывало, въ дни тяжелые
Онъ безстрашенъ, прямъ и смѣлъ,
Рѣчью искренней, могучею
Точно Божій громъ гремѣлъ.

Изъ чешской печати.

Чешская печать по поводу смерти Аксакова.— Другія выраженія чувствъ чеховъ по тому же поводу. — Славянскія мысли «Народныхъ Листовъ».

«Новая рана открылась на сердцѣ широкой славянской родины. Братъ, равно выдающійся сердцемъ и духомъ, братъ

болѣе другихъ твердый и дѣятельный оставилъ насъ на вѣки. Возвышеннаго апостола славянской мысли, вдохновленнаго мыслителя, храбраго русскаго отчизника Ивана Сергѣевича Аксакова не стало болѣе! Умеръ онъ третьяго дня 8 февраля (27 янв.) 1886 г. въ Москвѣ, на 63 году своей славной и богатой дѣлами жизни», начинають свою передовую статью въ числѣ отъ 10 февр. (29 янв.) «Нáродни Листы». «Заплачетъ не только бѣлокаменная матушка Москва», продолжають они вслѣдъ за тѣмъ, «застенаетъ не только вся осиротѣлая святая Русь, но воздохнетъ весь пробудившійся широкій славянскій міръ отъ Урала и отъ Кавказа до Шумавы и до вершинъ Дормитора. Такъ какъ, если русскій народъ оплакиваетъ въ Аксаковѣ добраго сына, который, будучи одаренъ духомъ глубокихъ и пламенныхъ убѣжденій, имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и мужественное сердце, такъ что осмѣливался изъ любви къ своему народу сердечнѣе и краснорѣчивѣе, чѣмъ кто либо иной до него, говорить *правду*, то остальное славянство потеряло въ немъ преданнаго друга, мужа, *который мыслію славянскихъ комитетовъ на Руси* значительнымъ образомъ содѣйствовалъ политическому сближенію русскаго народа съ остальными славянами и кромѣ того живымъ какъ словомъ, такъ и перомъ блестящаго общественнаго писателя въ теченіе двадцати лѣтъ неутомимо съ жаромъ и постоянствомъ настоящаго апостола мысли распространялъ въ русскомъ народѣ *сознаніе его славянскаго призванія и назначенія*». Тѣ же мысли объ этой всеславянской потерѣ повторяютъ они и въ вечернемъ изданіи отъ того-же дня: «Извѣстіе о смерти этого славнаго русскаго политика, писателя и передоваго представителя славянской идеи на Руси производитъ глубокое и болѣзненное впечатлѣніе во всемъ славянствѣ... Смерть Аксакова невознаградимая потеря для славянскаго дѣла. Гробу этого выдающагося русскаго отчизника все славянство посвятитъ постоянную благодарную память». Дѣйствительно, все славянство такъ или иначе почтило память славнаго «исповѣдника» славянской мысли, но, оставляя другимъ говорить о выраженіяхъ скорби среди остальнаго славянства, мы ограничимся здѣсь только отмѣткою тѣхъ чувствъ, которыя выражены были со стороны чеховъ. Всѣ почти чешскія повременныя изданія почтили память Ивана Сергѣевича помѣщеніемъ его некрологовъ и теплымъ словомъ: *Квѣты* и *Освѣта* въ послѣднихъ (мартовскихъ) книжкахъ даютъ некрологи, а *Славянскы Сборнѝк* обѣщаетъ помѣстить потомъ. «Аксаковъ былъ изъ тѣхъ осмотрительныхъ людей, которые расцвѣтъ великаго государства видѣли единственно въ самобытности русскаго народа. Государственной поддержки онъ никогда не искалъ, ни матеріальной, ни нравственной; его стремленіемъ было сохранить себѣ полную самостоятельность и независимость, чтобы свободно и открыто, не взирая ни на кого, можно было говорить правду. Идеѣ своей служилъ онъ словомъ и дѣломъ и былъ готовъ пострадать за нее. Эта прямота дала ему такое значеніе въ русскомъ народѣ, что и общественное мнѣніе руководилось его словомъ и само правительство даже прислушивалось къ его слову» говорятъ *Квѣты*. «Значеніе его въ жизни русскаго народа было очень значительно, замѣчаетъ *Освѣта*. Онъ говорилъ то, что чувствовалъ весь народъ, въ чемъ признавало за нимъ правду общественное мнѣніе всей славянской Руси, говорилъ онъ это съ такимъ отчизницкимъ жаромъ, что и противники его чувствовали увлекательную силу его словъ... Уже на Московскомъ съѣздѣ имѣлъ онъ выдающееся участіе въ тогдашнемъ славянскомъ движеніи. Исторически же знаменита была его дѣятельность въ 1875—78 годахъ. Какъ неустрашимый толкователь народной мысли, настаивалъ онъ на томъ, что Россія должна предпринять войну за освобожденіе югославянскихъ соплеменниковъ. Онъ былъ душей того славянскаго движенія на Руси, которое поддерживало Черногорію, Сербію и Болгарію въ ихъ усиліяхъ противъ Турціи и которое руководило въ знаменитой войнѣ. Аксаковъ выступилъ 4 іюля 1878 г. противъ Берлинскаго соглашенія. Всеобщее сочувствіе и огромное число присутствовавшихъ на его погребеніи 12 февраля (31 янв.) были не только доказательствомъ того расположенія, какимъ пользовался усопшій у рус-

скаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ и выразительнымъ свидѣтельствомъ того, что идеи Аксакова—идеи всего народа русскаго». Таковы голоса столицъ, такъ сказать, чешской мысли, а вотъ вамъ и голосъ провинціи. *Позел з Подюр(ж)й*, выходящій въ небольшомъ городкѣ Рыхновѣ на Кнежнѣ (Кнежна, прит. Бѣлой, впадающей въ Дикую Орлицу) къ востоку отъ Кралова-Градца, пишетъ вотъ что: «умеръ Аксаковъ; съ нимъ много умираетъ для всего славянства, а прежде всего его газета «Русь», съ которой вопадаетъ сильная опора всеславянскаго идеальнаго направленія на Руси. Стремленія этого человѣка для насъ въ нѣкоторомъ, именно географическомъ отношеніи отдаленныя, были благородны и не оставались безъ вліянія—причина, по которой еще болѣе жаль его смерти. Во всей смѣси разнорѣчивыхъ тоновъ, тонъ въ который попалъ Аксаковъ, звучалъ всегда пріятно и знакомо для насъ; теперь онъ удалился, при самомъ началѣ увертюры. Да будетъ легка ему славянская земля»!

Въ выраженіи чувствъ не уступаетъ печати и общество чешское, что всего лучше говоритъ о томъ, что печать въ данномъ случаѣ является прямымъ выразителемъ его взглядовъ. На панихидѣ, отслуженной 3 февраля въ 11 час. утра въ русской церкви въ Прагѣ, присутствовало, по извѣстіямъ вѣдомостей, громадное число молящихся, особенно учащихся, представителей печати, писателей и т. п., а происходившее 6 числа собраніе «Общественнаго староместскаго клуба», на которомъ обсуждалось языковое предложеніе барона Шаршмида открыто было приглашеніемъ старшины г. Подлипнаго почтить память покойнаго поднятіемъ съ мѣстъ. Вотъ слова г. Подлипнаго, съ которыми онъ обратился къ собранію: «Неумолимая Морана скосила одного изъ самыхъ воодушевленныхъ борцовъ за славянское дѣло, мужа просвѣщеннаго, послѣдняго изъ знаменитаго рода Аксаковыхъ, Ивана Сергѣевича Аксакова. Умершій былъ передовымъ распространителемъ на святой Руси мысли всеславянскаго братства. На сколько слѣдуетъ ему приписывать *дѣло освобожденія южныхъ славянскихъ братьевъ*—теперь еще не вполнѣ извѣстно, но вообще только извѣстно, что онъ *воодушевленно и безстрашно работалъ въ смыслѣ просвѣщенія, свободы и братства славянскаю*. И чешскихъ отношеній касался онъ, а потому наша обязанность поднятіемъ съ мѣстъ заявить свое глубокое сочувствіе надъ гробомъ великаго славянина».

При послѣднихъ словахъ всѣ присутствовавшіе поднялись съ мѣстъ.

Понятно, само собою, какъ должны были отнестись къ смерти Аксакова нѣмцы. По словамъ *Нáродних Листов* Bohemie въ числѣ отъ 11 февраля «сопровождаетъ смерть И. С. Аксакова толкованіями до того низкими, что каждый благородный человѣкъ, хотя бы онъ и не былъ другомъ славянъ, съ негодованіемъ долженъ отвернуться отъ такого вида посмертныхъ статей. Мы вовсе не сантиментальные сторонники мысли «de mortuis nil nisi bene», наоборотъ—мы за то, чтобы о великихъ мужахъ и по смерти говорилась правда, но мы смѣемъ желать того, чтобы объ умершемъ произносимъ былъ серьезный судъ, именно выдавался ли онъ такъ высоко надъ уровнемъ людей обыкновенныхъ, какъ Аксаковъ».

Въ виду этихъ то низкихъ и грязныхъ толкованій *Нáродни Листы* и посвящаютъ двѣ статьи разбору ученія Ивана Сергѣевича и заявленію полнаго единомыслія съ нимъ: «Хцеме быт и Слованы» [Пржилога къ числу 43, отъ 12 февр. (31 янв.)] и «Москевскы панслависмус» (число 44 отъ 13 февр.). «Необходимо изложить, чего хотѣлъ и куда онъ стремился», говорятъ Н. Л. въ первой статьѣ, «чтобы заблужденія, распространившіяся о немъ, не распространялись и за гробомъ... Всецѣло нѣмецкій вымыселъ, будто бы русскіе хотятъ подчинить себѣ другіе славянскіе народы, навязать имъ свое правленіе, языкъ и вѣру. Нѣмцы, нападая на насъ спереди, хотятъ, чтобы мы не считали себя безопасными и съ тылу, хотятъ возбудить въ насъ боязнь, что мы очутились между двумя жерновами и тутъ какъ тутъ будемъ раздавлены. Русскіе оставили освобожденную Болгарію такъ безкорыстно... Если бы они хорошенько укрѣпили свое вліяніе, то дѣло не дошло бы до не пріятныхъ событій, которыя и теперь еще незакончены.

Подъ русскимъ скипетромъ цѣлая вереница народовъ, но никто изъ нихъ не жалуется, чтобы русскіе отнимали у него языкъ и народность, кромѣ тѣхъ, которые сами поступали съ ними такимъ образомъ, но и противъ нихъ они никогда не выступали такъ, какъ нѣмцы теперь угрожаютъ намъ, хотя мы и не возставали противъ нихъ, даже убѣдительно ихъ просимъ, чтобы они не отталкивали нашей руки, которая ни чѣмъ не провинилась по отношенію къ нимъ. Русскіе и татарамъ сохранили народность, языкъ и вѣру! Таковы русскіе, и Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ не былъ инымъ... Пе противъ различныхъ языковъ славянскихъ, а противъ чужихъ взлядовъ и духа говорилъ И. С. Аксаковъ... Онъ не требовалъ отъ насъ и перемѣны вѣры и принятія православія, какъ ему приписываютъ, но только напоминалъ намъ славное гуситское время, въ которомъ усматривалъ самое ясное проявленіе славянскаго духа чешскаго народа, съ священнаго Велеграда котораго солнце православной кирилло-меѳодіевской вѣры озарило все славянство. Можетъ быть тогда И. С. Аксаковъ только чувствовалъ связь кирилло-меѳодіевскаго православія съ гуситствомъ; теперь эта связь уже доказана... Такъ звучитъ это тысячу разъ исковерканое слово, съ которымъ обратился къ намъ славянскій пророкъ. Онъ не желалъ отъ насъ ничего другаго, какъ только того, чтобы мы избавились отъ чужеземныхъ наростовъ, и въ прахѣ былаго обрѣли свой истинный обликъ, одновременно и чешскій и славянскій. Его ученіе можетъ претить только тѣмъ чехамъ, которые желали бы, чтобы чешскій народъ разстался со всѣмъ своимъ прошлымъ и сосредоточилъ все свое усиліе на настоящемъ, чтобы сдѣлаться хорошо умащеннымъ катышкомъ, который безъ труда бы прошелъ чрезъ нѣмецкое горло. Теперь остается отвѣтить на вопросъ, есть-ли у чешскаго современнаго народа славянское сознаніе и чувство... Всеобщее возбужденіе чешскихъ мыслей во время юго-славянской и русско-турецкой войны, неожиданныя привѣтствія сочинителю славянскаго гимна, отпоръ прошлогоднимъ велеградскимъ торжествамъ, какъ только оказалось, что церковники хотятъ воспользоваться ими для раздвоенія славянства и къ выходкамъ противъ православныхъ славянъ, сочувствіе къ болгарамъ въ войнѣ съ сербами, наконецъ и воодушевленіе, которое недавно вызвалъ своими пѣснями хоръ русскихъ пѣвцовъ, всѣ эти обнаруженія и проявленія наглядно говорятъ за чешскій народъ: *Не хотимъ быть только чехами, хотимъ быть и славянами!*».

Во второй статьѣ, говоря о страшномъ пугалѣ враговъ славянства «московскомъ панславизмѣ», представители котораго въ нѣмецкихъ глазахъ заслуживаютъ того, чтобы ихъ, при самомъ свободомысленномъ взглядѣ, «подвергнуть самымъ суровымъ мукамъ» и притомъ «мучить не всѣхъ за разъ, а исподволь одного за другимъ», Нар. Л. даютъ такой нравственный обликъ славянофиламъ: «Славянофилы не закрылись отъ того, что выработалъ западъ заслуженнаго, хорошаго, прекраснаго и что принадлежитъ не только ему, но и всему свѣту, но принимая это, они тѣмъ тверже держались всего хорошаго, что у нихъ возникло. Не завидуя западу въ политической свободѣ, на которую возлагается такъ много, они находили благо въ свободѣ и устройствѣ русской общины...

Забота о самопознаніи вела другихъ славянофиловъ къ изученію народныхъ обычаевъ, къ собиранію народныхъ пѣсенъ, пословицъ и сказокъ. Ихъ ученіе и дома вело къ совершенной противоположности того, что на западѣ выдаютъ за цѣль ихъ усилій. По ихъ примѣру начали изучать свои особенности даже литовцы, латыши, эсты и другіе народы русскаго государства. Такимъ образомъ славянофильскія положенія вовсе не имѣли цѣлью и слѣдствіемъ уничтоженіе народныхъ особенностей въ самой Россіи, не только за ея границами. Наоборотъ, они, пробуждая народное самосознаніе у своего собственнаго племени, желали, чтобы также поступали у себя и другіе народники. Клевета, будто бы московскіе славянофилы написали на своемъ знамени «панруссизмъ», зародилась въ находчивыхъ мозгахъ враговъ славянскихъ народовъ, хотѣвшихъ страхомъ удержать отъ того, чтобы по примѣру славянофиловъ не вдались они въ изслѣдованія

своей особности, своей жизни прошлой и настоящей и такимъ образомъ не пришли на путь, ведущей къ жизни будущей, находящейся съ ними въ связи». «Мы должны остаться панславистами», заключаютъ Н. Л. Въ частности объ Аксаковѣ они говорятъ здѣсь вотъ что: «Ивана Сергѣевича нѣтъ уже. И умеръ онъ смертью не продолжительною и мучительною, а короткою и легкою, болѣе легкою, чѣмъ была вся его жизнь. Произошелъ разрывъ сердца. При боязливомъ ожиданіи наступалъ конецъ движенія болгарскаго за единеніе народа. Въ жертву этому народу онъ принесъ лучшія свои силы. Его слѣдуетъ называть духовнымъ виновникомъ того, что могучій народъ русскій возсталъ для его освобожденія. И дождался онъ, едва нѣсколько лѣтъ спустя, что владѣтель этого народа заключаетъ дружеское соглашеніе съ недавнимъ его притѣснителемъ и принимаетъ на себя и на народъ новое иго. Развѣ могла встрѣтить Ив. С. Аксакова лучшая смерть, чѣмъ та, что въ тотъ день, когда дошло до него объ этомъ извѣстіе, произошелъ разрывъ его сердца? Это не смерть злыхъ людей, это смерть человѣка глубокаго, благороднаго и живаго чувства, человѣка, который добра хотѣлъ и дожилъ до зла, добро сѣялъ и зло жалъ, добра надѣялся и зломъ былъ обманутъ».

Н. Ш.

По поводу кончины И. С. Аксакова *).

Съ кремлевской колокольни Ивана Великаго раздался звонъ колокола. Этотъ звонъ являлся выраженіемъ всерусской и всеславянской скорби о безвременной кончинѣ великаго славянина Ивана Сергѣевича Аксакова... Иванъ Сергѣевичъ былъ общественнымъ дѣятелемъ, публицистомъ, ораторомъ, равнаго которому не было на Руси и въ славянствѣ. Глубокій умъ, обширныя знанія, смѣлость, мужество, проницательность—все въ немъ указывало на великій, Богомъ ему данный талантъ. Но болѣе чѣмъ всѣмъ этимъ, онъ выдѣлялся другимъ даромъ Божіимъ—любящимъ сердцемъ. Въ разорвавшемся сердцѣ Ивана Сергѣевича утратило славянство драгоцѣннѣйшій, истинно незамѣнимый кладъ. Какъ ни были велики и рѣдки его умственныя дарованія, ихъ скорѣе можно замѣнить, чѣмъ его высокое, горячее, чистое сердце... Аксаковъ не былъ главою какой-либо партіи, какъ пишутъ, а теперь будутъ кричать всѣ газеты Запада. Это неправда; только ограниченность и нѣмецко-жидовское невѣжество можетъ говорить о немъ, какъ объ организаторѣ и вожакѣ партіи.. Аксаковъ самъ никогда и не старался собрать себѣ партію. Онъ былъ голосомъ и мыслію всего русскаго народа, частица Аксакова лежитъ въ каждомъ русскомъ, какъ бы кто изъ нихъ ни судилъ объ отдѣльныхъ политическихъ злобахъ дня! Въ этомъ глубокое значеніе Аксакова. Давно уже я читаю каждое имъ напечатанное слово, имѣлъ счастіе нѣсколько разъ встрѣчаться съ Иваномъ Сергѣевичемъ и чѣмъ далѣе я знакомился съ этой удивительной личностью, тѣмъ болѣе исчезалъ предо мною человѣкъ партіи и выросталъ въ моихъ глазахъ гигантъ по уму и характеру, чистый и свѣтлый, свободный и мужественный. Если Аксаковъ былъ главою партіи, его партія должна была состоять изъ восьмидесяти милліоновъ сторонниковъ. А этого не можетъ быть. Въ Аксаковѣ было скристаллизовано все то, что есть истинно русскаго и истинно славянскаго въ русскомъ народѣ. онъ соединялъ въ своей широкой груди свѣтлыя, искреннія думы своего народа...

Несмотря на всѣ удары тяжкой судьбы, Аксаковъ всегда съ новой силой и юношескою свѣжестью воздвигалъ знамя единой спасительной идеи. Краса духовнаго славянскаго міра, послѣдовательный и твердый до послѣдняго дыханія, стоитъ онъ передъ нашими очами—великій человѣкъ, истинный славянинъ, безсмертный на землѣ—въ тѣхъ далекихъ предѣлахъ, которые предназначилъ Господь для великаго славянскаго племени.

Сами закоренѣлые противники славянства склоняются передъ чистотою и величіемъ И. С. Не состоя на службѣ и не занимая какого либо высокаго поста, онъ не принадлежалъ къ сильнымъ міра сего. Но память о немъ, его вліяніе, его слово переживетъ этихъ сильныхъ міра, и Рос-

*) Изъ народныхъ листовъ.

сія должна вступить именно на тѣ пути, вѣрность которыхъ указала его проницательность и одушевленіе.

Мы возлагаемъ на гробъ Аксакова скромный, но освященный глубокой благодарностью и горячей любовью вѣнокъ изъ листьевъ словацкой липы. Вѣчная память!

Ваянскій.

Эта же статья съ немногими измѣненіями и сокращеніями напечатана по-чешски въ № 8 вѣнской газеты: «Věstnik», Časopis spolků česko-slovanskych ve Vídni.

Словани (январь и февраль)

По законамъ Австро-Венгріи, каждый гражданинъ можетъ въ окружные суды подавать просьбы, и требовать судоговоренія на своемъ родномъ языкѣ.

Пользуясь значительной самостоятельностью, королевскіе окружные суды дозволяютъ себѣ частными распоряженіями прямо нарушать законы и это проходитъ въ Венгріи безнаказанно, если только направлено на пользу мадьяризаціи. Такъ съ нынѣшнаго новаго года предсѣдатель окружнаго суда въ Златыхъ Моравцахъ (въ Тѣковскомъ уѣздѣ въ сѣверо-западной Венгріи—Barscher gespannschaft, даже по оффиціальной переписи съ чисто словацкимъ населеніемъ) постановилъ, что будетъ принимать прошенія *лишь на мадьярскомъ языкѣ*, или по крайней мѣрѣ *съ мадьярскимъ переводомъ*, который и будетъ принятъ въ основаніе при судоговореніи. Примѣръ далеко не единственный. (Nar. Nov № 6).

Въ Нитрянской столицѣ, такъ прославившейся въ прошломъ году дикими подвигами мадьяроновъ (нападенія на П. П. Валашка), продолжается мадьяризаторскій терроризмъ противъ патріотовъ «панславовъ». Когда въ прошломъ году П. Валашекъ былъ въ мѣстечкѣ Топольчанахъ, его защитилъ отъ разъяренныхъ чиновниковъ мадьяроновъ одинъ обыватель Крайчовичъ. Злоба мадьяроновъ тогда обратилась на Крайчовича. Лѣтъ семь назадъ Крайчовичъ былъ въ Топольчанахъ агентомъ банка Славіи. Мадьяроны стали теперь разыскивать его бывшихъ кліентовъ, которые бы рѣшились подать на Крайчовича жалобы. Это однако не удалось. Тогда въ нынѣшнемъ январѣ два ренегата—словака (что видно и по ихъ фамиліемъ Попелька и Живный) напали на Крайчовича въ касинѣ и розорвали на немъ одежду.

Хорошіе картинки мадьярской культурной борьбы! (Nar. Nov № 10). **А. П.**

---

*Словинцы**) печалуются на свое невыгодное политическое положеніе, что особенно сказывается у нихъ теперь, когда одинъ за другимъ заканчиваютъ свои сессіи земскія собранія (deželni zbori) въ Градцѣ, въ Цѣловцѣ, въ Горицѣ, въ Порѣчьѣ, въ Тріестѣ и въ Люблянѣ и когда подводятся итоги и результаты тѣхъ «боевъ», которые приходится выдерживать на этихъ собраніяхъ словинскимъ народнымъ посланцамъ. Читая извѣстія и отвѣты о собраніяхъ, словинцы, какъ говоритъ «Slovenski Narod» (№ 21), приходятъ лишь къ тому выводу, что успѣхи ими добытые совсѣмъ не отвѣчаютъ тѣмъ усиліямъ, которыя тратятся на борьбу, и если не измѣнится нынѣшнее положеніе дѣлъ, то борьба останется скоро со всѣмъ безрезультатной и къ словинцамъ смѣло можно будетъ примѣнить слова Гёте: «Von dem Rechte, das mit uns geboren, von dem ist leider nie die Frage». Изъ итоговъ, которые подводитъ газета (№ 21, 24) по всѣмъ собраніямъ, видно, что въ Горицѣ словинцы не имѣли успѣха, несмотря даже на то, что число представителей словинскихъ и итальянскихъ было одинаково; въ штирійскомъ собраніи (въ Градцѣ) словинское меньшинство всецѣло было подавлено нѣмецкимъ большинствомъ, несмотря на всѣ усилія испытанныхъ въ борьбѣ словинскихъ представителей и несмотря даже на поддержку ихъ со стороны консервативныхъ нѣмцевъ; то же самое наблюдалось въ Тріестѣ и въ Порѣчьѣ. «Итальянцы въ Порѣчьѣ, говоритъ газета, держась, какъ нѣмцы въ Градцѣ, Бисмарковскаго девиза: «Macht geht vor Recht», присвоили себѣ и незастѣнчивость желѣзнаго канцлера, за то мы и дожили до того, что въ открытомъ засѣданіи ораторъ Фрагіокомо заявилъ о своей ненависти къ хорватамъ,

---

*) По Люблянскимъ газетамъ.

присоединивъ къ этому, что и дѣтямъ своимъ передастъ эту ненависть». Болѣе отрадные результаты получились въ корошскомъ собраніи (въ Цѣловцѣ). «На положительный успѣхъ намъ не надѣяться, говоритъ газета, но мы съ радостью замѣчаемъ, что въ Коротонѣ начало свѣтать» и указываетъ между прочимъ на случай единогласнаго рѣшенія всего собранія въ смыслѣ благопріятномъ для словинцевъ. Благопріятно было для нихъ и собраніе краинское (въ Люблянѣ); по поводу его «Slovan (№ 3) говоритъ: «Господа представители могли, предъ тѣмъ какъ разойтись, взять съ собой сознаніе, что послѣднее собраніе было необыкновенно плодоносно»; при этомъ однако газета упрекаетъ нѣкоторыхъ представителей за ихъ «эластичность», и выражаетъ неудовольствіе на предсѣдателя за высказанное имъ желаніе содѣйствовать нѣмцамъ.

Недовольство словинцевъ штирійскимъ собраніемъ (въ Градцѣ) особенно было вызвано преніями по вопросу о школьномъ языкѣ, которыя и характеризуетъ «Slov. Narod. (№ 12) въ статьѣ Štajerski deželni zbor in Slovenci». Вообще вопросъ о родномъ языкѣ является для словинцевъ однимъ изъ самыхъ существенныхъ; о томъ, какъ относятся они къ этому вопросу, свидѣтельствуетъ статья «Slov. Naroda» (№ 14): «Avstrijcki Nemci in ravnopravnost.» «Neue Freie Presse», говоритъ газета, въ № отъ 8 января помѣстила статью по поводу преній о языкѣ въ Чехіи; эту статью,— по причинѣ фарисейскихъ хитросплетеній, съ которыми австрійскіе нѣмцы толкуютъ народную равноправность и мечутъ песокъ въ глаза и сами себѣ и славянамъ—весьма важно представить нашимъ почтеннымъ читателямъ въ переводѣ и съ нѣкоторыми примѣчаніями». Помѣстивъ затѣмъ въ переводѣ статью изъ «Neue Freie-Presse,» газета подчеркиваетъ въ ней выдающіяся мѣста и между прочимъ слѣдующее: «Нашъ законъ не говоритъ о равноправности нѣмецкаго и чешскаго языка, но провозглашаетъ всѣ областные языки равноправными. Равноправность касается такимъ образомъ всѣхъ австрійскихъ областныхъ языковъ. Законъ признаетъ одинаковое право за всѣми языками, но о равноправности въ смыслѣ государственнаго языка ничего не говоритъ. Мы знаемъ одну равноправность—равноправность языковъ въ государствѣ, равноправность же въ отдѣльныхъ областяхъ—самовольная выдумка заинтересованныхъ народностей» и далѣе: «Народная борьба въ Чехіи ничто иное, какъ послѣдствіе отпора, съ которымъ нѣмцы отстаиваютъ свою самостоятельность и самостоятельность государства противъ наступленія чеховъ; равно какъ наступленіе велико-хорватства является причиной народной борьбы въ Штиріи, Крайнѣ и Хорватіи»... Послѣ статьи газета говоритъ:»... такъ объясняютъ эти толмачи равноправность законовъ. Разсудительному читателю не нужно комментарій, хитрецы бьютъ сами себя по зубамъ», и затѣмъ продолжаетъ: «Нѣмецкій государственный языкъ есть старинное неотъемлемое право, нѣмецкій языкъ въ округахъ съ нѣмецкимъ большинствомъ—совершенно справедливое желаніе, но и чешскій языкъ въ округахъ съ чешскимъ большинствомъ населенія?—словинскій языкъ въ исключительно словинскихъ областяхъ въ Крайнѣ, въ Штиріи, въ Корошѣ?—это что?—ничто иное, какъ гордое насиліе велико-чеховъ, велико-словинцевъ, и велико-хорватовъ, ничто иное, какъ безсердечное затиранье нѣмецкой народности или, что тоже, величавой нѣмецкой культуры! Когда австрійскіе нѣмцы чуть не открыто отпадаютъ отъ Австріи и стремятся въ нѣмецкій *рай*,—когда вѣнскіе нѣмецкіе студенты идутъ въ Берлинъ къ центральному нѣмецкому богу, императору Вильгельму и его первому совѣтнику Бисмарку изливаютъ свое велико-нѣмецкое подданство—ей Богу, то несомнѣнная лойяльность и дѣло почтенное. Но сближеніе чешско-моравскихъ округовъ съ чешскимъ языкомъ? сближеніе словинскихъ областей корошской исключительно словинской и Нижней Штиріи съ Краинской?—сближеніе хорватскихъ областей, сближеніе австрійскихъ славянъ въ цѣльныя единоязычныя области подъ габсбургскимъ жезломъ? — это что! — ничто иное, какъ нелойяльность и скажемъ — государственная измѣна! Если бы въ славянскихъ частяхъ австрійскаго войска употреблялся славянскій языкъ, какъ служебный и командный,—если бы,

скажемъ, славянскій полковникъ, ставъ во главѣ славянскаго полка, материнскимъ языкомъ своихъ земляковъ изложилъ бы имъ важность ихъ храбрости и сказалъ имъ, что вмѣстѣ съ ними проливаетъ кровь за своихъ женъ и дѣтей, что онъ поставленъ во главѣ своихъ земляковъ проливать драгоцѣнную кровь за свою родину,—чтобы это было?—ничто иное, какъ измѣна—распаденіе войска—гибель монархіи. По мудрствованію австрійскихъ нѣмцевъ, только нѣмецкая команда можетъ превратить австрійскихъ воиновъ въ безсмертныхъ юнаковъ, только нѣмецкая штатшпраха» сохранитъ Австрію отъ погибели. Въ переводѣ на словенскій языкъ это: нѣмецкая «штатсшпраха» и «команда»—единственныя средства для приготовленія изъ Австріи прусской области и для потопленія австрійскихъ славянъ въ велико-нѣмецкомъ морѣ. Вотъ ядро и конечная цѣль австрійско-нѣмецкой равноправности. Приведенная выше статья, заключаетъ газета, даетъ намъ золотой урокъ; всѣ нѣмецкіе государственные представители пусть глубоко запечатлѣютъ, что единственный правый путь теперь, это—чтобы всѣ австрійскіе языки завоевали себѣ разъ навсегда въ государственномъ собраніи полную и дѣйствительную равноправность. «Куйте желѣзо, пока горячо, и пока его имѣете въ рукахъ »

Въ такомъ же смыслѣ высказывается и «Slovan» (№ 4). «Нѣмецкій государственный языкъ, говоритъ онъ, есть то радостное средство, которымъ намѣреваются нѣмецкіе лекаря вылечить больное тѣло Австріи. Баронъ Шаршмидъ въ государственномъ собраніи къ полной радости правой повѣдалъ это спасительное средство.—Можно сказать напередъ, говоритъ онъ далѣе, что этому дѣлу не посчастливится; навѣрное любовь къ австрійской родинѣ еще не погибла въ государственномъ собраніи. Подавать голосъ за нѣмецкій государственный языкъ, равно какъ и содѣйствовать сплоченію нѣмцевъ, значило бы дѣйствовать «въ пользу короля прусскаго».

Ѳ И.

Изъ сербскихъ газетъ.

«Српски Лист» (№ 2), говоря о дѣятельности разныхъ сеймовъ въ Австро-Венгріи, выставляетъ на первый планъ постановленія ихъ о языкѣ. Такъ, *Чешскій* сеймъ принялъ предложенія Фачека, въ силу котораго для чешскихъ властей вмѣняется въ обязанность знать какъ нѣмецкій, такъ и чешскій языкъ. Въ *Инспрукѣ* итальянскіе депутаты требовали для Трентина (итальянскій Тироль) особаго школьнаго совѣта и жаловались на нѣмецкія школы, содержимыя тамъ правительствомъ. О *Галицкомъ* сеймѣ см. № 1 «Извѣстій» стр. 26 и слѣд.

Вспоминая, по поводу праздника св. Саввы о великой народной дѣятельности послѣдняго, газета *«Уставност»* (№ 5, 14 января) говоритъ о настоящихъ опасностяхъ для сербской вѣры и народности отъ *наименованныхъ* іерарховъ въ родѣ Анджелича съ братіей, этихъ орудій въ рукахъ враговъ сербскаго народа. Эти *внутренніе* враги опаснѣе для сербскаго народа враговъ внѣшнихъ; противъ тѣхъ Сербскій народъ всегда успѣшно дѣйствовалъ. Сербскій народъ долженъ избавить бы отъ этихъ внутреннихъ враговъ и строго хранить и развивать завѣщанное ему св. Саввою жизненное начало.

Таже газета (№ 6) сообщаетъ о чрезвычайно *успѣшныхъ* дѣйствіяхъ *Русскаго краснаго креста* въ Сербіи: много раненыхъ уже вылѣчены, обращеніе врачей и сестеръ милосердія съ больными вызываютъ общія похвалы и признательность.

Газета *«Застава»* (№ 9) сообщаетъ, что баронъ Фіятъ, говоря въ клубѣ землевладѣльцевъ о печальномъ экономическомъ состояніи Венгріи, предлагалъ въ числѣ средствъ къ улучшенію этого состоянія одно весьма оригинальное: именно онъ предлагалъ *ухудшить положеніе не мадьярскихъ народностей*, представляющихъ изъ себя измѣнническій элементъ, чтобы тѣмъ сдѣлать ихъ менѣе вредными для мадьяръ. Но какъ это сдѣлать? А очень просто: запретить не мадьярскимъ народностямъ арендовать казенныя земли!

12 января король Миланъ принималъ депутацію изъ 180 человѣкъ отъ города Ниша и, отвѣчая на ея адресъ, выразилъ

надежду, что Сербія завладѣетъ со временемъ всѣми землями, гдѣ живутъ сербы, и гдѣ празднуется сербское «крсно геме» (*Видело* № 11, 15 янв.), *Уставност*. (№ 9, 23 янв.) гов. о Хорватскомъ шовинизмѣ, особенно направленномъ противъ сербовъ. Главными дѣятелями въ этомъ является Штросмойеръ и Старчевичъ; они подкладываютъ огонь въ костеръ и раздуваютъ его. Этимъ *апосталамъ* ве ликой Хорватіи сербы - кость въ горлѣ; сербы мѣшаютъ имъ *сладкій сонъ* увидѣть *на яву*. Жаль, что эти апостолы не обладаютъ даромъ творить *чудеса*. Если бы св, Отецъ въ Римѣ въ состояніи былъ даровать имъ этотъ даръ, то они сразу превратили бы всѣхъ Сербовъ въ Хорватовъ. Но, увы; этого дара у нихъ нѣтъ, а какъ они не обижаютъ сербскій народъ, все-же *Сербовъ* остается 6 милліоновъ, а Хорватовъ всего $^{1}/_{2}$ милліона.

Д. Н—скій.

Славянскія арабески.

I.

Рѣчи воеводы Драшко.

Есть въ Далмаціи, на побережьѣ Адріатическаго моря одинъ старинный, славный въ лѣтописяхъ сербско-хорватской словесности, городъ. Имя ему Сплетъ (по-итальянски Спалато). Въ этомъ городѣ издается юмористическая газетка «Драшков Рабош». Выходитъ она всего два раза въ мѣсяцъ и стоитъ очень дешево (всего 3 флорина въ годъ). Намъ русскимъ она должна быть особенно дорога, ибо неустанно осмѣиваетъ все, что творится у славянъ во вредъ славянству. Было бы совсѣмъ не хорошо съ нашей стороны, если бы мы забыли о доблестномъ воеводѣ Драшко и его сподвижникахъ. Поэтому рѣшаемся на будущее время постоянно знакомить читателей «Извѣстій» съ тѣмъ, что говоритъ этотъ небольшой кружокъ далматскихъ славянофиловъ! Но заранѣе просимъ извиненія у почтеннаго воеводы: онъ пишетъ такимъ своеобразнымъ языкомъ, что передать въ точности всѣ оттѣнки его порусски невозможно, приходится довольствоваться приблизительною передачею.

О хорватахъ.

«Нѣтъ пользы скрывать того, чего нельзя скрыть». Хорватамъ мало того, что они сами пляшутъ по чужой дудкѣ, имъ хотѣлось бы и другихъ осчастливить рабствомъ. Эти зловредныя намѣренія они скрывали, какъ змѣи свои ноги, подъ покровомъ іезуитскаго лицемѣрія. Но притворство дѣло не легкое; если ученымъ мастерамъ оно иногда измѣняетъ, то хорватскимъ политикамъ и подавно. Недавнія и ближайшія къ намъ событія печальную, чтобы не сказать позорную истину вывели наружу: хорваты сами сбросили съ лица маску и показались во всемъ блескѣ своего призванія.

«Наша газета не можетъ пускаться въ подробныя изслѣдованія. Но такъ какъ у всякаго правила есть исключеніе, то и для этого вопроса мы сдѣлаемъ исключеніе и даемъ мѣсто слѣдующей статьѣ одного изъ нашихъ пріятелей:—«Излишне было бы излагать намѣренія и происки швабомадьярской политики на востокѣ.- Напрасно швабо-мадьярамъ здравый разумъ совѣтовалъ изыскивать мѣры, чтобы излѣчить недовольство у себя дома и оставить въ сторонѣ всякую внѣшнюю, особенно завоевательную политику, политику захватовъ, ибо въ наше время государства падаютъ и создаются согласно требованіямъ начала народности или народнаго права, которое требуетъ, чтобы каждый народъ жилъ свободною, самостоятельною, своею жизнью; напрасно объ этомъ говорилось къ швабскимъ властямъ отъ имени сербовъ и въ сеймахъ и въ газетахъ; напрасно наконецъ сама новая Европа устами стараго Гладстона воскликнула: «прочь руки!» — Нѣмцы и мадьяры постоянно прилагаютъ усилія какъ бы придвинуться на востокъ, т. е. присоединить къ себѣ сербскія земли, нѣкогда составлявшія сербское государство Нѣманичей, до самаго Солуня.

«Неужели возможно, чтобы такъ несправедливо отнеслись въ Европѣ въ послѣднюю четверть XIX вѣка, къ тому самому сербскому народу, среди котораго самый послѣдній сербъ - и пастухъ въ поляхъ, и каждый ребенокъ—изъ народныхъ пѣсенъ зналъ, *чѣмъ* нѣкогда былъ сербскій народъ, и, зная это, молился и надѣялся, что вернется старая слава тому

сербскому народу, у котораго прежде всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ царила идея народности, лучшіе представители которой, послѣ гибели сербской державы, стойко держались за эту идею среди скалъ Черной Горы и такъ славно дѣйствовали съ Карагеоргіемъ, что и Сербію основали?

«Неужели такъ несправедливо поступали съ сербскимъ народомъ, который столько потрудился за свободу и просвѣщеніе Балканскаго полуострова?

«Неужели исчезъ въ Европѣ духъ XIX вѣка, духъ всемогущаго начала народности?

«Ахъ! Infandum Regina jubes renovare dolorem».

«Нѣмцы и мадьяры при этомъ хотятъ силою начала народности распространить свою власть по сербскимъ землямъ, и потому-то хорваты призываютъ своего короля обновить Хорватію до самой Баяны. Хорватская пропаганда явно, а католическая тайно господствуютъ въ Босніи и Герцеговинѣ. Но объ этомъ уже всѣмъ извѣстно; безпристрастная исторія записала на своихъ печальныхъ скрижаляхъ поступки хорватскаго народа съ сербскимъ, поступки Ефіальта, поступки братоубійцы...

«Но чтобы не остаться однимъ въ этомъ позорѣ и чтобы лучше успѣть въ своемъ постыдномъ дѣлѣ, вожди хорватскаго народа, именно его духовенство, а въ особенности извѣстный дьяковарскій епископъ (Штросмайеръ) задумали католическій панславизмъ, привлекли къ себѣ всѣхъ католическихъ славянъ въ Австріи, чтобы вооружить Австрію правомъ народнаго начала въ ея восточной политикѣ захватовъ.

«Первымъ успѣхомъ этой политики было упроченіе отношеній къ Сербіи. Въ последней подавлялись всякія помышленія о Босніи, за то заставляли ее обращать взоры на Македонію и, какъ теперь мы видѣли, и на часть Болгаріи. Но, что еще важнѣе, нѣмцы и мадьяры добивались себѣ въ Сербіи точки опоры для своихъ какъ военныхъ, такъ и дипломатическихъ предпріятій. Сербское войско обратилось въ передовую дружину швабо-мадьярскую. И пролилась братская кровь.

«И вотъ теперь хорваты бездушно, безобразно осыпаютъ ругательствами Сербію, эту жертву ихъ политики, но въ то же время славную отчизну Синджелича, Великаго Гайдука и Чернаго Георгія.

«Хорваты вполнѣ послѣдовательны въ своей сатанинской ненависти ко всему, что только носитъ сербское имя. Какими они были послѣ Дьюниша, такими остались и послѣ Сливницы и Пирота. Они не стыдятся этого. Имъ это не впервые и не боятся они суда исторіи.

«За то хорваты сочувствуютъ болгарамъ.

«Чисто іезуитское лицемѣріе! Безобразно!

«Не станемъ разъискивать, какъ шла братоубійственная сербско-болгарская война; оставимъ въ сторонѣ также, кто и какими средствами подготовилъ и совершилъ филиппопольскій переворотъ. Извѣстно уже отчасти, что одинъ и тотъ же злой духъ, хотя и разными путями, натравилъ сербское и болгарское правительство другъ на друга.

«Во всякомъ случаѣ объявленіе Сербіею войны Болгаріи было событіямъ вполнѣ на пользу хорватской политикѣ. Если хорваты мечтаютъ о расширеніи власти тѣхъ, кого хотѣлось бы имъ довести до Солуня, то развѣ могутъ они искренно радоваться объединенію Болгаріи, которая требуетъ себѣ и никому не хочетъ уступить Македоніи? Они радовались перевороту лишь на столько, на сколько онъ служилъ цѣлямъ злаго духа, сѣющаго раздоръ на Балканѣ и на сколько этимъ переворотомъ Сербія вынуждена была послужить этому злому духу.

«При теперешнихъ обстоятельствахъ хорваты не могутъ порадоваться на счастье балканскихъ народовъ. Ихъ политика вытекаетъ изъ демонскаго мозга. Этимъ демономъ является хорватское духовенство, всячески старающееся натворить побольше зла на Балканѣ. Въ этомъ духовенствѣ есть и ученые, и писатели, и политики. Въ его рукахъ и хорватская журналистика. Глава его давно уже развилъ знамя, гласящее: «Все за вѣру и за отчизну». Они не хотятъ знать о народности; они идутъ путемъ остальныхъ черныхъ дружинъ, что выходятъ изъ Рима. А за ними идетъ хорватскій народъ, увлеченный фанатизмомъ духовенства, отравленный демонскимъ духомъ.

«Посему сочувствіе хорватовъ болгарамъ не смертельнѣе ли желѣза и олова сербскаго?

«Болгары, подумайте! Злой духъ для насъ и для васъ будетъ также злымъ духомъ!»

Въ слѣдующемъ № постараемся познакомить читателей съ юмористическими выраженіями воеводы·Драшко.

II. Нѣсколько словъ о русскихъ и славянскихъ народныхъ пѣсняхъ.

(*По поводу концертовъ г. Архангельскаго*).

Девятнадцатый вѣкъ, вѣкъ великихъ открытій и не менѣе великихъ преступленій, приходитъ къ концу. Если бы спросить себя, что въ особенности отличаетъ его отъ предшествующихъ вѣковъ, то легко найти эту его отличительную черту: девятнадцатый вѣкъ есть вѣкъ пробужденія и развитія начала народности. Народы просыпаются, приходятъ къ самосознанію и начинаютъ работать на всѣхъ поприщахъ въ народномъ духѣ. Музыка не ушла отъ этого вліянія народнаго начала. Но нигдѣ оно не принесло такихъ поразительныхъ и чудныхъ плодовъ какъ у насъ на Руси. Геній Глинки впервые примѣнилъ къ музыкѣ ту теперь уже безспорную истину, что внѣ народности нѣтъ и не можетъ быть ничего истинно великаго. Глинка обратился *къ народу*, къ его пѣснѣ. У него всюду, во всѣхъ его дивныхъ твореніяхъ, вѣетъ народнымъ духомъ. Воплотивъ музыкальный духъ русскаго народа въ своихъ операхъ, въ своей «Камаринской», онъ сдѣлалъ то же и съ испанскимъ народомъ, пѣсня котораго въ Глинкиныхъ фантазіяхъ нашла себѣ блистательнѣйшее выраженіе. Вездѣ, гдѣ нашъ великій композиторъ отступалъ отъ этого идеала, вездѣ, гдѣ онъ забывалъ *о народѣ*, вездѣ его усилія не увѣнчались и не могли увѣнчаться желаннымъ успѣхомъ. Вотъ почему такъ слабы его фортепьянныя сочиненія (и отчасти романсы).

Послѣдователи Глинки распались на два толка: одинъ пошелъ по его слѣдамъ, строго разработывая русскую народную музыку въ народномъ духѣ. Это былъ и есть небольшой кружокъ истинно-русскихъ людей, беззавѣтно вѣрящихъ въ силу своей идеи. Онъ не былъ признанъ нашей такъ называемой «интеллигенціей.» То, что выстрадалъ при жизни непонятый Глинка, то-же пришлось выстрадать и его послѣдователямъ. Повторилось съ ними то же, что съ другимъ кружкомъ русскихъ людей, кружкомъ людей, получившихъ якобы обидную кличку «славянофиловъ». Такой-же клички удостоилась русская школа въ музыкѣ. Ихъ назвали «кучкой», «шайкой». Этого довольно, чтобы имъ, какъ славянофиламъ, можно было гордиться своимъ дѣломъ, своимъ подвигомъ. Да, это былъ подвигъ. Цѣлые годы безустанной, горячей борьбы съ громадными враждебными, антирусскими силами, борьбы почетной и славной, но страшно тяжелой, ибо ихъ противники не гнушались никакими средствами; цѣлые годы великаго и плодотворнаго труда на пользу родинѣ, на пользу народу и въ духѣ народа принесли однако свои плоды: многое, что прежде не допускалось, теперь допускается; многое, отъ чего прежде открещивались ихъ противники, теперь принято послѣдними. Но до побѣды еще далеко, какъ далеко еще и до полной побѣды той школы, которая называется славянофильскою.

А другой толкъ? Онъ то же считаетъ себя послѣдователямъ Глинки! Но для него, скажемъ прямо, имя Глинки—звукъ пустой, не болѣе. Это дорогое Россіи имя служитъ для нихъ часто поддержкой самыхъ вопіющихъ оскорбленій русскаго народнаго духа. Это западники въ музыкѣ, отвернувшіеся отъ Россіи, враждебные ей. Не въ русскомъ народѣ, его пѣснѣ, его поэзіи источникъ ихъ творчества и знанія, нѣтъ, а въ авторитетахъ запада. Это направленіе подражательное, лишенное творчества, или, точнѣе, само себя его лишившее, ибо на западѣ великіе композиторы въ то же время народные композиторы, и подражаніе или подлаживаніе подъ ихъ духъ не можетъ дать никакихъ, кромѣ плачевныхъ, результатовъ.

Безконечно горько становится русскому человѣку, когда онъ посмотритъ на дѣло этихъ людей и подумаетъ, что *могли бы* они сдѣлать, еслибы захотѣли и какъ мало они сдѣлали оттого, что пошли по ложному пути.

Сердце сжимается, какъ посмотришь на то, что теперь дѣлается въ музыкальномъ мірѣ Россіи. *Для народа* и *во имя народа русское образованное общество не дѣлаетъ ровно ничего*. Всего ждутъ отъ государства. Но забываютъ, что не дѣло государства брать на себя задачи, принадлежащія прежде всего обществу. Мало того,

даже государству въ его просвѣтительной дѣятельности на поприщѣ музыки не мѣшаетъ-ли само это «образованное» общество въ лицѣ своихъ представителей, своихъ органовъ печати? Въ безумномъ ослѣпленіи не оно ли само объявляетъ войну своему родному? Не присутствуемъ-ли мы при позорномъ зрѣлищѣ, какъ въ то время, какъ на сценѣ русской оперы изображаютъ «Травіатъ» и «Риголетто», прекрасное посмертное твореніе Мусоргскаго (его опера «Хованщина») обречено на изгнаніе изъ храма музыки, а многія русскія оперы сданы въ архивъ и преданы забвенію. Не величайшій ли это позоръ для насъ самихъ, не умѣющихъ хранить и уважать своей славы? Намъ скажутъ, что искусство космополитично, что «Травіаты» и «Риголетто»—«продукты цивилизаціи» и, какъ таковыя, должны быть навязываемы русскому обществу, тогда какъ разныя «Псковитянки» и «Хованщины»—ничто иное, какъ порожденія русской отсталости и невѣжества.

Горько все это видѣть и сознавать, что помочь этому трудно, ибо трудно одному въ полѣ бороться съ несмѣтной силой враговъ.

Забыта и та основная сила, тотъ свѣтлый источникъ, изъ котораго черпалъ Глинка и его истинные послѣдователи: забыта русская пѣсня. О славянской и говорить нечего. Она почти неизвѣстна. Если бы не энергическія усилія тѣхъ, кого называютъ «шайкой», то и того немногаго, что у насъ теперь есть по части пѣсенъ, не было бы. Но въ такомъ трудномъ и дорого стоющемъ дѣлѣ какъ собираніе и записываніе народныхъ пѣсенъ, усилія отдѣльныхъ лицъ никогда не достигнутъ своей цѣли вполнѣ. Нужны рѣшительныя мѣры всего общества. И онѣ были бы приняты, если бы наше общество сознавало всю важность служенія народу и тѣмъ самымъ служенія и міровой цивилизаціи, ибо, чѣмъ развитѣе и образованнѣе, сильнѣе и оригинальнѣе народъ, тѣмъ больше онъ вноситъ въ общую міровую сокровищницу. Но, если на ниву выйдутъ не всѣ пахари, а лишь пять-шесть, то какая же будетъ жатва? И не придется ли намъ покупать хлѣбъ у иностранцевъ? Такъ и выходитъ. Мы давно бы уже могли обходиться безъ иностранцевъ въ дѣлѣ музыки, однако косность общества не допустила этого, и иностранщина по прежнему царитъ у насъ вездѣ и нагло предъявляетъ свои права и презираетъ насъ. И мы заслужили это презрѣніе своей тайной покорностью предъ западомъ, своей лѣнью, своимъ малодушіемъ!

Но пора, давно пора взяться за умъ.

Время летитъ быстро и приноситъ съ собой вмѣстѣ съ благами «цивилизаціи» и ея дурные плоды, заключающіеся въ разложеніи стариннаго патріархальнаго быта русскаго народа. Это разложеніе идетъ съ ужасающей быстротою и поражаетъ собою и то, что долго было всего дороже для всякаго русскаго музыканта—русскую народную пѣсню. И какъ безобразнѣйшій нѣмецкій костюмъ замѣняетъ мало по малу живописный нарядъ русскихъ крестьянъ, такъ и грубыя пѣсни фабричнаго и солдатскаго люда, порожденіе отравляющей атмосферы фабрикъ и казармъ замѣняютъ собою поэтичныя, вѣковѣчныя, прекрасныя пѣсни русскаго народа, въ которыхъ сказалась его великая душа. Да, опасность, и страшная опасность надвигается какъ грозная туча. Надо, непремѣнно надо во что бы то ни стало предупредить ее, надо спасти то, что еще можно спасти. Но для этого не нужно ожидать, пока государство придетъ на помощь. Нужно объ этомъ позаботиться прежде всего «Русскому Музыкальному Обществу». Спрашивается, какимъ путемъ всего болѣе оно исполнитъ свой долгъ предъ народомъ: созданіемъ-ли двухъ-трехъ десятковъ бездарныхъ піанистокъ или собраніемъ въ одно цѣлое русскихъ пѣсенъ? Отвѣтъ ясенъ. Итакъ, непремѣнно надо, чтобы Русское Музыкальное Общество отправило во всѣ края Россіи русскихъ музыкантовъ для записыванія пѣсенъ. Зачѣмъ даромъ пропадаютъ богатыя сокровища волжскихъ, донскихъ пѣсенъ? Кому извѣстно, что въ Сибири у старообрядцевъ сохранились старинныя прекрасныя пѣсни? А Кавказъ, а Украйна, а Средняя Азія съ ея восточными, имѣющими несомнѣнную великую будущность пѣснями? Зачѣмъ этотъ великій міръ несравненной поэзіи остается брошеннымъ на произволъ судьбы? Зачѣмъ мы ищемъ тамъ только золота и бриллiантовъ? Не слѣдуетъ ли поискать

и духовныхъ сокровищъ русскаго народа? Повторяемъ, надо, непремѣнно надо заняться этимъ важнымъ дѣломъ и не откладывать его въ долгій ящикъ. Починъ уже сдѣланъ Географическимъ Обществомъ, которое рѣшило предстоящимъ лѣтомъ отправить такую экспедицію въ Архангельскую губернію. (Но это Общество нуждается въ деньгахъ настолько, что и для этой экпедиціи пришлось просить денегъ у Его Величества Государя Императора, и Его Величество, какъ истинно русскій человѣкъ, отозвался на это благое дѣло. Только благодаря Его просвѣщенной волѣ эта экспедиція состоится).

А наше общество? Оно предпочитаетъ бросать десятки тысячъ ежегодно на заѣзжихъ иностранныхъ артистовъ, обогащать всячески и безъ того богатую Западную Европу. Но оно не даетъ ни копѣйки на такое русское дѣло. Западные славяне лучше насъ поняли свой долгъ. Такъ, словаки, этотъ несчастный, загнанный, бѣдный-бѣдный народъ Венгріи, и они имѣютъ сборникъ своихъ пѣсенъ, о какомъ мы еще и думать не смѣемъ. Не позоръ-ли это для насъ? Или мы будемъ ждать, пока намъ съ Запада прикажутъ или оттуда придутъ люди, чтобы выполнить за насъ то, чего мы сами не хотимъ сдѣлать?

И оттуда придутъ. Мы знаемъ, какое поразительное впечатлѣніе произвели тамъ русскія пѣсни въ концертахъ Славянскаго. Западъ увидѣлъ въ нихъ цѣлый новый, безконечно могучій, обаятельный, поэтическій міръ *).

Но не будемъ терять надежды. Есть нѣкоторые признаки, указывающіе на поворотъ къ лучшему. Къ числу такихъ признаковъ относится годъ отъ году возрастающій успѣхъ концертовъ г. Архангельскаго, поставившаго себѣ задачу—знакомить русское общество съ русскою, а съ прошлаго года и съ славянскою пѣснью. Начало было, какъ и слѣдовало ожидать, неудачно: зала пустовала, для русской пѣсни находилось мало охотниковъ, ибо не было ни рекламъ, ни газетныхъ восторговъ, ничего такого. Но вотъ мало по малу дѣло само за себя постояло и въ послѣдніе два года успѣхъ былъ такой выдающійся, такой несомнѣнный, что въ послѣднихъ двухъ концертахъ (8 и 29 декабря 1885 г.) г. Архангельскій рѣшился ввести въ программу на ряду съ русскими пѣснями и пѣсни славянскія, на первый разъ *чешскія и словацкія*. Въ предстоящихъ концертахъ предполагается исполненіе *украинскихъ и польскихъ* пѣсенъ. Отъ души желаемъ успѣха въ этомъ прекрасномъ дѣлѣ.

Хоръ г. Архангельскаго состоитъ изъ 60 человѣкъ (взрослыхъ и дѣтей) и лучшій въ Петербургѣ послѣ хоровъ Придворной капеллы и Русской оперы. Его исполненіе отличается замѣчательной стройностью, тонкостью и изяществомъ оттѣнковъ и въ тоже время музыкальностью. Красота звука въ высшей степени поразительна, особенно piano и pianissimo. Всѣ пѣсни исполняются безъ аккомпанимента, a capella. Этого требуетъ духъ русской пѣсни, которая по гармоническому богатству не имѣетъ себѣ равной, въ другихъ народахъ и не нуждается въ аккомпаниментѣ. Г. Архангельскій прекрасно знакомъ *съ духомъ* русской пѣсни; поэтому ему отлично удаются переложенія многихъ старинныхъ пѣсенъ, отъ которыхъ сохранились только мелодіи. Не менѣе удачны у него и тѣ пѣсни, которыя

*) Мы сейчасъ сказали, что на обязанности «*Русскаго Музыкальнаго Общества*», имѣющаго двѣ консерваторіи, отдѣленія по всей Россіи, обладающаго значительными капиталами, лежитъ посылка экспедиціи для записыванія *русскихъ пѣсенъ*. Но такая же задача, по нашему мнѣнію, лежитъ на нашихъ Славянскихъ Обществахъ относительно западныхъ и южныхъ славянъ, гдѣ успѣхи германизаціи еще опаснѣе для славянской пѣсни. Одно время и въ Петербургскомъ Славянскомъ Обществѣ хотѣли было послать съ этой цѣлью экспедицію въ славянскія земли, но почему-то эта мысль была оставлена. *Не пора-ли вспомнить теперь о ней и снова заняться ею?* Что мы знаемъ о пѣсняхъ галицкихъ и карпато-русскихъ, о сербскихъ, о болгарскихъ? Почти ничего; слова то ихъ, правда, намъ извѣстны, но самая душа ихъ, ихъ *музыка* совершенно неизвѣстны намъ. Было бы очень печально, если бы намъ пришлось узнавать объ этой музыкѣ изъ такихъ сборниковъ, какъ напр. сборникъ Кухача, представляющій почти сплошной рядъ вопіющихъ искаженій славянской пѣсни! Если бы славянскія общества *соединились* для этой цѣли (что, конечно, врядъ-ли встрѣтило бы препятствія, ибо собраніе пѣсенъ исключаетъ всякую мысль о политикѣ) и послали въ славянскія земли музыкально-этнографическую экспедицію, то оказали бы тѣмъ величайшую услугу всему славянству.

цѣликомъ (и мелодія и гармонія) взяты у народа: таковы нѣкоторыя пѣсни, записанныя съ голоса бывшихъ здѣсь нижегородцевъ. Прекрасно вышли и чешскія пѣсни, изъ всѣхъ славянскихъ наиболѣе отступающія отъ типа славянской пѣсни; нѣкоторыя изъ нихъ были повторены по требованію публики. Вообще нельзя не порадоваться прекрасной мысли г. Архангельскаго дать въ своихъ концертахъ образцы народныхъ пѣсенъ всѣхъ славянскихъ народностей. Отъ души желаемъ ему успѣха на этомъ поприщѣ.

Въ послѣднемъ торжественномъ засѣданіи нашего Славянскаго Общества (14 февраля) пѣлъ хоръ г. Архангельскаго. Все исполнено было прекрасно, особенно «Kyrie Eleison». Позволяемъ себѣ надѣяться, что въ слѣдующемъ торжественномъ засѣданіи нашего общества г. Архангельскій исполнитъ наконецъ гимнъ въ честь св. Кирилла и Меѳодія, написанный извѣстнымъ нашимъ композиторомъ Чайковскимъ (см. нашъ отзывъ объ этомъ гимнѣ въ мартовскомъ № «Извѣстій» за прошлый годъ) и доселѣ въ Петербургѣ не пѣтый.

Дмитрій Никольскій.

24 февраля, 1886.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія XI—XIV вв. Лекціи, читанныя въ Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ въ 1865—1880 гг. Спб. 1885.

До сихъ поръ не было издано ни одного труда, посвященнаго русской и южнославянской палеографіи. Мы имѣемъ довольно значительное количество матеріала для первой, въ видѣ снимковъ съ памятниковъ древне-русской письменности, или соединенныхъ въ сборники, въ родѣ сборниковъ Погодина, Буслаева, архіепископа Саввы, Срезневскаго, или приложенныхъ къ разнаго рода спеціальнымъ изданіямъ, описаніямъ и изслѣдованіямъ. Снимки съ памятниковъ южно-славянской письменности намъ извѣстны въ самомъ ограниченномъ числѣ; къ стыду нашему, до сихъ поръ не издано снимковъ даже съ такихъ важныхъ кирилловскихъ памятниковъ церковно-славянскаго языка, какъ Саввино Евангеліе и Листки Ундольскаго; матеріала для средне-болгарской и сербской палеографіи появилось въ свѣтъ мало, и причины его появленія болѣе или менѣе случайны, такъ что интересующійся южно-славянской палеографіей и не имѣющій доступа къ подлинникамъ, не можетъ составить себѣ о ней никакого понятія. Въ виду этого можно бы было привѣтствовать означенный выше трудъ покойнаго профессора, если бы онъ заключалъ въ себѣ то, о чемъ говорится въ его заглавіи, и былъ сколько нибудь похожъ, напримѣръ, на краткій «Anleitung zur griechischen Palaeographie», Ваттенбаха или на объемистую «Griechische Palaeographie» Гардтгаузена. Но, къ сожалѣнію, въ немъ нѣтъ ничего касающагося южно-славянской палеографіи и очень мало матеріала для русской палеографіи. Трудъ Срезневскаго представляетъ не что иное, какъ повтореніе его «Древнихъ памятниковъ русскаго письма и языка», съ сокращеніями въ однихъ мѣстахъ и съ дополненіями въ другихъ; такимъ образомъ онъ говоритъ о содержаніи и языкѣ памятниковъ, а не объ особенностяхъ ихъ письма. Палеографическая часть ограничивается въ немъ тѣмъ, что авторъ приводитъ снимки отдѣльныхъ строчныхъ буквъ, иногда всѣхъ, иногда немногихъ, заимствуя ихъ исключительно изъ памятниковъ съ хронологическою датою и не присоединяя къ нимъ ни одного снимка хотя бы цѣльной строки какого нибудь памятника. Но кому же, знакомому съ палеографіей не извѣстно, что нерѣдко рукописи безъ датъ имѣютъ гораздо больше значенія, чѣмъ рукописи съ датами, что не только трудно, даже невозможно судить о письмѣ памятника по нѣсколькимъ отдѣльнымъ буквамъ; что

въ палеографіи важно не только начертаніе буквъ, но и расположеніе ихъ въ строкѣ, фигуры и краски заставокъ и начальныхъ буквъ! Трудъ Срезневскаго долженъ быть признанъ совершенно неудовлетворительнымъ въ палеографическомъ отношеніи, въ виду чего намъ остается пожалѣть, что одинъ изъ лучшихъ знатоковъ славяно-русской палеографіи унесъ въ могилу свои обширныя познанія въ этой области, не оставивъ намъ изъ нихъ ничего въ наслѣдство.

А. Соболевскій.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института въ Нѣжинѣ Т. IX. 1885 г.

Въ неоффиціальномъ отдѣлѣ IX т. Изв. Нѣж. Истор.-Филогоч. Инст. помѣщены между прочимъ слѣдующіе труды: 1) С. Жданова: Критическія и экзегетическія замѣтки. VI. VII. (продолженіе). 2) Г. Зингера: Эпиграфическія и другія замѣтки. 3) Ф. Миклошича: Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Переводъ Н. Шлякова, подъ редакціей Р. Брандта. *Выпускъ II*: Языки ново-славянскій, болгарскій и сербскій.

І-й выпускъ перевода Миклошичевой морфологіи (старо-славянскій языкъ) въ VIII т. Извѣстій. Какъ тотъ, такъ и другой снабжены многочисленными примѣчаніями. Примѣчанія втораго выпуска принадлежатъ исключительно перу проф. Р. Ф. Бранта. Они содержатъ въ себѣ или переводъ менѣе извѣстныхъ словъ, или выписки изъ памятниковъ, поясняющія нѣкоторыя мѣста подлинника, но главнымъ образомъ полемику Р. Ф. Брандты съ авторомъ, что придаетъ переводу особенную цѣнность. Надо замѣтить, что въ такомъ капитальномъ трудѣ, какъ Миклошевича грамматика, попадается немало вольныхъ и невольныхъ погрѣшностей, происходящихъ отчасти вслѣдствіе предвзятаго пристрастнаго взгляда автора, а отчасти просто по недосмотру. Имѣю въ виду тутъ извѣстное пристрастіе Миклошича къ нѣмецкому языку, а вмѣстѣ съ нимъ, пожалуй, и къ народности, пристрастіе, заставившее М. выводить изъ нѣмецкаго языка такія, напр., унаслѣдованныя отъ праславянскаго языка слова, какъ: ѣсть (Н. essen), думать (гот. domian), хвала (гот. hveila, откуда н. wile, Weile), князь (н. könig (konvng) и т. д. Выходитъ, что славяне не могли безъ нѣмцевъ ни ѣсть, ни думать, ни любить, ни воевать и т. д. (?!) Безъ нѣмцевъ они даже не знали молока, того молока, которымъ мать кормитъ своего груднаго ребенка, не знали и хлѣба (?!) Такой взглядъ М. объясняется ни чѣмъ инымъ, какъ пристрастіемъ, на что и указалъ Буслаевъ въ своей рецензіи *). На это-же отчасти и указываетъ Р. Ф. Брандтъ во 2-омъ выпускѣ перевода. Позволю себѣ привести его примѣчаніе, касающееся словенскаго яз. (стр. 230): «Не думаю, чтобы обыкновенныя будущія отъ глаголовъ совершённаго вида, bôm ispíl, bôm postlàl и т. д. были *германизмами*: 1) вообще невѣроятно усвоеніе иностраннаго оборота не нѣсколькими только писателями и вслѣдъ за ними образованнымъ классомъ, а цѣлымъ народомъ, и 2) bôm ispìl вовсе не представляетъ перевода нѣм. ich werde trinken, который звучалъ-бы (jaz) bôm ispìti. Сочетанія бѫдѫ испилъ, бѫдѫ постьлалъ и т. д., унаслѣдованы отъ праславянскаго языка и только слегка измѣнили свое значеніе, сдѣлавшись изъ прежде будущаго (fut. exact.) просто будущимъ. Отмѣчаемая здѣсь самимъ Миклошичемъ особенность старинныхъ, германизирующихъ писателей также говоритъ противъ его объясненія».

Многочисленныя примѣчанія значительно увеличили изданіе, и это обстоятельство, повидимому, заставило Р. Ф. Брандта отказаться сдѣлать въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самыя необходимыя дополненія къ подлиннику. Дополненія эти особенно необходимы въ морфол. болгарскаго языка, столь краткой въ сравненіи съ другими. Укажу кое-какія мѣста, чтобы мнѣніе мое не было голословнымъ Къ стр. 235; На ряду съ оконч. *и* во мн. ч. сущ. муж. и жен. р. (обыкновенно послѣ небныхъ и губныхъ), напр., юнаци, довицы, нôжи, гумитярки, керви и т. д. встрѣчается и *ы*, напр. годины, свѣшты, порты, дворы (и

*) См. рецензію Буслаева на Миклошичевъ словарь: Die Fremdvörter in den slawischen sprachenn. Н. М. Н. Пр. 1867 г. 135 г.

дворове) и т. д. *). Къ стр. 238: вмѣстѣ съ оконч. зв. п. сущ. муж. р. на *о* и *е* встрѣчается и оконч. *у*, напр.: не бойся, князе Лазару.

Оба выпуска изданы весьма тщательно. На словахъ отмѣчены удареніе и долгота. Что касается шрифта, то вмѣсто латиницы подлинника употребленъ въ яз. др.-церков, др.-серб., др.-рус. и др.-болг. остромировскій шрифтъ а въ ново-серб., н-болгар., н.-рус. – гражданскій.

Н. Сарычевъ.

По поводу корреспонденціи изъ Парижа напечатанной въ №№ 11 и 12 «Извѣстій» за 1885 годъ.

Въ помѣщенной въ №№ 11 и 12 «Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества» корреспонденціи изъ Парижа сообщается о томъ, что дѣлается въ столицѣ Франціи для ознакомленія Запада съ Россіей, именно съ ея художественной литературой, народнымъ бытомъ и т. д. Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ считаемъ не лишнимъ сообщить нѣчто, имѣющее отношеніе къ предмету корреспонденціи.

Въ Парижѣ года три-четыре тому назадъ существовалъ Musée Slave, славянскій музей, основанный совершенно русскими людьми, слѣдовательно лицами вполнѣ компетентными для того, чтобы содержимое музея представляло дѣйствительно славянскую жизнь и славянскій народный бытъ. Эти лица — извѣстные патеры общества Іисуса, іезуиты изъ русскихъ Мартыновъ, Гагаринъ и Голицынъ. Что содержалъ въ себѣ этотъ музей и насколько онъ изобиловалъ предметами, имѣвшими отношеніе къ цѣли его учрежденія, я сказать не умѣю, равно какъ и о томъ, выражались ли, и если выражались, то въ чемъ именно и насколько, вѣроисповѣдныя тенденціи учредителей музея; несомнѣнно одно, что это учрежденіе въ большей или меньшей мѣрѣ было полезно въ смыслѣ ознакомленія Запада съ бытомъ и религіями и можетъ быть, другими сторонами жизни Славянства и Россіи. Послѣ извѣстнаго изгнанія изъ Парижа религіозныхъ католическихъ конгрегацій, и учредители славянскаго музея вѣроятно не остались въ немъ. Что сталось съ музеемъ? Корреспондентъ хорошо бы сдѣлалъ, если бы изслѣдовалъ этотъ предметъ и сообщилъ въ «Извѣстіяхъ».

Тѣ же учредители славянскаго музея принимали дѣятельное участіе въ изданіи журнала, Etudes religieuses, philosophiques historiques et litteraires; по крайней мѣрѣ въ бывшей у меня подъ руками книжкѣ этого журнала за декабрь 1878 года, я нашелъ чрезвычайно интересную статью, принадлежащую покойному Гагарину, имѣющую отношеніе къ Россіи, именно разборъ напечатанныхъ въ «Русск. Вѣстн.» статей нашего почтеннаго этнографа М. И. Венюкова о Китаѣ. Статья писана въ защиту дѣятельности іезуитовъ въ Китаѣ, которую г. Венюковъ обрисовывалъ самыми непривлекательными чертами, обвиняя іезуитовъ, между прочимъ, въ возбужденіи извѣстной Шанхайской рѣзни. Оо. іезуиты, получивъ доступъ въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, представили въ этой статьѣ рядъ документовъ и весьма краснорѣчивыя цифры, коснулись, между прочимъ и дѣятельности русской миссіи въ Китаѣ, духовной и гражданской. Думается, судя по участію въ этомъ журналѣ іезуитовъ изъ русскихъ, что эта статья въ журналѣ не единственная, имѣющая отношеніе къ Россіи. Хорошо бы сдѣлалъ вашъ корреспондентъ, если бы сообщилъ что-либо объ этомъ журналѣ и его содержимомъ.

О. Мартыновъ, оказавшій въ свое время большія услуги папству своей брошюрой: La Russie sera-t-elle catholique, которая сильно взволновала русское общество (были кажется даже толки вслѣдствіе ея, въ печати и въ правительственныхъ сферахъ объ учрежденіи въ Россіи папской нунціатуры), намъ кажется, не «въ авантажѣ обрѣтается» у св. отца, и на старости лѣтъ принялъ на себя скромныя обязанности сотрудника нѣсколькихъ журналовъ, между прочимъ, Revue de l'art chretienne, (гдѣ имъ, между прочимъ, напечатанъ прекрасный трактатъ Iconographie de S. Jean l'Evangeliste); года три-че-

---

*) Примѣры эти беру изъ сборника западно-болгарскихъ пѣсенъ В. Качановскаго: Памятники Болгарскаго народнаго творчества. В. I. СПБ. 1882 г.

тыре тому назадъ намъ довелось видѣть оттиски его статей, напечатанныхъ въ какомъ-то французскомъ журналѣ подъ заглавіемъ *Courrier Russe*, содержавшіе въ себѣ ежемѣсячный обзоръ событій русской государственной и общественной, преимущественно же научно литературной жизни. Продолжается-ли эта его дѣятельность доселѣ? Если продолжается, то, очевидно, г. Мартыновъ долженъ быть причисленъ къ числу тѣхъ дѣятелей на Западѣ, которые наиболѣе успѣшно способствуютъ ознакомленію его съ Россіей. Желательно было бы, чтобы вашъ корреспондентъ сообщилъ болѣе подробныя свѣдѣнія и о *Courrier Russe* г. Мартынова.

В. Барсовъ.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ явленій въ области изящной словесности чеховъ и другихъ славянъ.

I. Поэтицке беседы (редакторъ Янъ Неруда).

Съ 1883 года начало въ Прагѣ выходить подъ вышеуказаннымъ названіемъ изданіе, посвященное исключительно произведеніямъ лучшихъ чешскихъ поэтовъ. Въ главѣ изданія стоитъ человѣкъ, чрезвычайно извѣстный и любимый чешской публикой, одинъ изъ старѣйшихъ чешскихъ писателей. Мы говоримъ объ извѣстномъ даровитомъ писателѣ Я. Нерудѣ, имя котораго не безъизвѣстно и русскимъ читателямъ по «Кіевскому Славянскому Ежегоднику»; въ пятомъ выпускѣ этого изданія былъ помѣщенъ нами разборъ одного изъ произведеній этого плодовитаго писателя («Космицке пiснѣ») и вмѣстѣ съ тѣмъ краткія свѣдѣнія о его жизни и дѣятельности. Недавно праздновалось чехами пятидесятилѣтіе литературной дѣятельности этого писателя, и, нужно сказать, честь, выпавшая на долю его, была вполнѣ заслужена.

Передъ нами *девятнадцать* выпусковъ этого полезнаго и любопытнаго изданія, которое должно со временемъ занять весьма видное мѣсто въ чешской литературѣ. Вотъ содержаніе каждаго выпуска.

I. *Баллады и романсы Я. Неруды*; нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній—прехорошенькія, напр. «Баллада дѣтска» или полная глубокаго юмора «Баллада о души Карла Боровскаго» (т. е. *Гавличка*, умершаго за народное чешское дѣло), гдѣ, напр., находится слѣдующіе четверостишіе:

Сваты (й) Іене зъ Непомуку,
Держь надъ нами, Чехи, руку,
Бы (чтобы) намъ Богъ далъ, цо (что) далъ Тобѣ,
Натъ бы языкъ не сгнилъ въ гробѣ

II. «*Ольдрихъ и Божена*» идиллія Ад. Гейдука.
III. «*Петркличе*», сказка Святополка Чеха («Скороспѣлки», растеніе).
IV. «Старе (И) Звѣсті (е), Ярослава Верхлицкаго.
V. «Просте мотивы», Яна Неруды.
VI. «Баллады», Ладислава Квиса.
VII. «Гризельда», стихотворная повѣсть Ю. Цейера.
VIII. «Вшедні животъ» (Повседневная жизнь), стихотвореніе Карла Лигера.
IX. «Завишъ», Фр. Халупы.
X. «Знѣвы книжецi», Фр. Квапила (княжескія пѣсни).
XI. «Лешетинскій коварь», Святополка Чеха.
XII. «Влаштѣвички» (ласточки), идиллія Е. Красногорской, извѣстной писательницы и издательницы журнала «Женскіе листы».
XIII. «Зе живота» (изъ жизни), I. Сладка.
XIV. «Прелуды» (грезы), Карла Легера.
XV. «Трешнѣ» (черешни), юмористическая повѣсть Ладислава Квиса.
XVI. «Зъ добы» (изъ времени), Табору А. Стаска.
XVII. «*Гануманъ*», Св. Чеха.
XVIII. «*Прястки*» (прялки), Ад. Гейдука.
XIX. «*Гуситска сватба*», От. Червинки.

Изъ обозрѣнія содержанія поэтическихъ бесѣдъ невольно я вынесъ убѣжденіе, что если не всѣ пьесы тамъ одинаково заслуживаютъ вниманія, то, покрайней мѣрѣ, большая часть изъ нихъ, особенно принадлежащая перу такихъ дѣйствительно даровитыхъ писателей, какъ Гейдукъ, Святополкъ Чехъ (онъ печатается въ «Поэтическихъ Бесѣдахъ» довольно часто; такъ изъ 19 выпусковъ три наполнены имъ), Верхлицкій и, наконецъ, самъ редакторъ Неруда дѣйствительно составля

ютъ цѣнный вкладъ въ чешскую словесность.

По внѣшнему виду выпуски «Поэтическихъ Бесѣдъ» представляютъ изъ себя небольшія, но довольно изящныя книжечки отъ 60 до 120 и болѣе страницъ; при книжечкахъ находятся и краткія жизнеописанія авторовъ, что, конечно, весьма важно. Нѣкоторые выпуски вышли вторымъ изданіемъ, напр., третій, и это, разумѣется, свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ «Поэтическихъ Бесѣдъ» въ чешскомъ обществѣ, чему не мало способствуетъ и незначительная цѣна книжечекъ (по большей части отъ 40 до 60 крейцеровъ, т. е. 30—50 коп.). Скажемъ еще нѣсколько словъ о частностяхъ.

Выпускъ 16 любопытенъ, между прочимъ, въ томъ отношеніи, что авторъ помѣщенной тамъ пьесы Анталъ Стасекъ, жилъ одно время на Руси въ качествѣ частнаго учителя, и хорошо знакомъ съ русскою и польскою литературою. Такъ, въ журналѣ «Освѣта» онъ писалъ, напр., о Тургеневѣ и Словацкомъ. Зачастую употребляетъ чисто русскія слова, какъ: *пыхтѣть*, *рыдать*, *сватать*, и польскія, а также и простонародныя чешскія; этимъ онъ придаетъ своему языку много своеобразности и живости. Писатель этотъ вообще довольно высоко цѣнится чехами, особенно, какъ авторъ романа «Недоконченый (й) образъ».

Выпускъ 4 содержитъ въ себѣ стихотворенія Верхлицкаго съ содержаніемъ, проходящимъ черезъ всю исторію человѣчества (начиная Маѳусаиломъ и кончая 1794 годомъ!) **А. Степовичъ.**

Мончаловскій О. А. Илюстрованный календарь Общества имени Михаила Качковскаго на годъ простый 1886 г. Годъ II. Львовъ 160 стр. 16°.

Кромѣ повторенныхъ прошлогоднихъ отдѣловъ (см. Изв. 1885, стр. 36): «Руская лѣтопись» и «Дни кончины славныхъ людей» и «Историческій календарь», Календарь на этотъ разъ заключаетъ: «Уставъ церковный на г. 1886»; «Проводникъ по Львовѣ» (Львовскій адресъ-календарь); нѣсколько стихотвореній, между которыми отмѣтимъ: «Русскую пѣснь» Димитрія Вѣнцковскаго и «Коляду» Семена Куземка войта, написанныя легко и проникнутыя глубокимъ патріотическимъ чувствомъ; «часть поучительную»; «часть забавную», анекдоты, полезныя свѣдѣнія и домашніе совѣты по сельскому хозяйству. «Часть поучительная» (стр. 77—98) содержитъ статьи: Крещеніе Руси (по поводу имѣющаго исполниться въ 1888 году 900 лѣтія), Преподобный Несторъ съ изображеніями св. кн. Владиміра и преп. Нестора, городъ Москва съ видами Кремля, Царь колокола и церкви Василія Блаженнаго, битва на Куликовомъ полѣ (переводъ изъ ист. Карамзина), страданіе Михаила Черниговскаго. «Часть забавная» содержитъ переложеніе былинъ объ Ильѣ Муромцѣ, интересное, со свойственнымъ автору талантомъ написанное воспоминаніе изъ юношескихъ лѣтъ о. Іоанна Наумовича, и довольно недурная повѣсть О. А. Мончаловскаго изъ Гуцульскаго быта «Цыганскій выхованокъ». Въ концѣ календаря помѣщено патріотическое завѣщаніе незабвеннаго М. Качковскаго. Кромѣ упомянутыхъ уже рисунковъ, въ книгѣ есть еще аллегорическое изображеніе новаго года и нѣсколько виньетокъ. Цѣна книги 36 крейцеровъ.

Н. Шляковъ.

Извлеченіе изъ отчета Коммиссіи по сооруженію храма у подножія Балканъ.

Изъ присланнаго намъ отчета Комитета по сооруженію православнаго храма у подножья Балканъ для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ, по 30 іюня 1885 года видно, что къ 1 января 1885 года состояло общей суммы 430,180 р. 71½ к. Поступило къ нимъ съ 1 января по 30 іюня 1885 г. 40,385 р. 55 к., а всего въ приходѣ къ іюлю было 470,566 р. 26½ к. Изъ этой суммы израсходовано съ 1-го января по 30 іюня 29,416 р. 15 к. и остается 441,150 р. 11½ к.

Изъ общей наличной суммы 110,800 р. составляютъ неприкосновенный запасный капиталъ въ обезпеченіе причта и будущаго ремонта сооружаемаго храма, а 900 р. имѣютъ данное жертвователями спеціальное назначеніе.

Поступившія пожертвованія распредѣляются по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ:

Всемилостивѣйше пожаловано въ Бозѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ	1,000 р.	—	к.
Пожертвовано Его Высочествомъ Княземъ Болгарскимъ	400 »	—	»
Пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ	30,028 »	22	»
Поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторіальными чиновниками	160,195 »	38	»
NB. Въ томъ числѣ пожертвованныхъ Аѳонскими монастырями 8,122 р.			
Пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ	5,875 »	55	»
Пожертвовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства	20,894 »	75	»
Поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства	7,449 »	86	»
Пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ	55,267 »	22	»
NB. Во томъ числѣ пожертвовано московскою городскою думою, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича—50,000 руб.			
Собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ	6,887 »	22½	»
Собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами	77,985 »	89	»
Отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго Общества Краснаго Креста	4,447 »	05	»
Отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границею	6,559 »	05½	»
Отъ ярмарочныхъ комитетовъ	991 »	91	»
Отъ частныхъ банковыхъ обществъ и учрежденій	2,222 »	40	»
Отъ желѣзнодорожн. и пароходн. обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ	16,813 »	62	»
Отъ содержателей фабрикъ и заводовъ	8,539 »	72	»
Отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній	5,763 »	07	»
Отъ мѣщанъ, ремесленниковъ и рабочихъ артелей	931 »	44	»
Непосредственно отъ крестьянъ	7,496 »	85	»
Отъ клубовъ и общественныхъ собраній	430 »	50	»
Отъ разныхъ лицъ чрезъ редакціи газетъ и отдѣльно	4,483 »	46	»
Отъ содержателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній	700 »	47	»
Отъ биржевыхъ маклеровъ и нотаріусовъ	451 »	30	»
	425,814 р.	94	к.

Кромѣ денежныхъ пожертвованій, въ Комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами:

Въ 1880 г., отъ А. О. Лутугиной—образъ св. апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ.

Отъ настоятеля и братіи Благовѣщенской Никандровой Пустыни, Псковской епархіи—икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченый крестъ и св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украшеніями.

Въ 1881 г., отъ мануфактуръ-совѣтника Н. И. Оловянишникова—церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампады, 2 кадила, 3 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, мѵропомазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша—мѣдные посеребренные, и 5 колоколовъ въ 25 пудовъ вѣса.

Отъ священника Николаевскаго прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова—два шелковыхъ платка для престола.

Въ 1882 г., отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной—церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискоса, потира, звѣздицы, лжицы, копія, ковшика и двухъ блюдъ.

73 аршина новины (холста), доставленные ярославскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ).

Въ 1883 г., отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи—ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чашки, потира, дискоса, съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-лѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Отъ благочиннаго Боровскаго собора, священника Василія Казанскаго—26 аршинъ холста.

Въ 1885 г.: отъ бывшаго священника л.-гв. Егерскаго полка, протоіерея Павла Ѳаворскаго—образъ Рождества Христова въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоцѣнными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича.

Отъ с.-петербургскаго охтенскаго столярнаго, рѣзнаго и позолотныхъ дѣлъ мастера Василія Иванова Иконникова—кіотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма, въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ; размѣръ образа $18^1/_2$ верш. въ вышину и $14^1/_2$ верш. въ ширину, а кіота 3 арш. 7 верш. въ вышину и 1 арш. $13^1/_2$ верш. въ ширину.

Разновременно отъ неизвѣстныхъ—святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: «Св. Равноапостольные Просвѣтители славянъ Кириллъ и Меѳодій» и «Слово въ день Св. Равноапостольныхъ славянскихъ Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, произнесенное 11 мая 1882 г. въ Исаакіевскомъ соборѣ, протоіереемъ Іоанномъ Палисадовымъ».

Въ іюнѣ сего года, по прибытіи на мѣсто стройки командированнаго съ Высочайшаго соизволенія въ распоряженіе Комитета, для завѣдыванія постройкою, капитана Успенскаго, приступлено было къ подготовительнымъ распоряженіямъ по организаціи работъ. Въ началѣ сентября сдѣлана была нивеллировка какъ мѣстности вокругъ будущей церкви, такъ и мѣста, избраннаго для постройки дома, имѣющаго служить для временнаго жилья строителя и помѣщеніемъ строительной конторы, а впослѣдствіи — жильемъ для священника и причетниковъ, и выстроенъ небольшой временный навѣсъ для матеріаловъ. Кромѣ того, строился сарай, длиною въ 10 саж., для склада матеріаловъ и временнаго помѣщенія рабочихъ. Къ тому же времени заготовлено было, для постройки конторскаго дома и сарая, до 800 пуд. извести, до 30 куб. метр. песку, до 28 куб. метр. камня, до 190 штукъ буковыхъ получистыхъ брусьевъ, до 190 штукъ досокъ и 100 возовъ глины; сдѣланы пробные обжиги известковыхъ кам-

ней изъ разныхъ карьеръ, и кирпича изъ Шипкинской глины; заказано на Шейновскомъ кирпичномъ заводѣ, для опыта, до 8,000 кирпича русскаго размѣра; проведена удобопроѣзжая дорога въ ближнее ущелье, къ мѣсту ломки камня, на протяженіи до 100 саж. На работахъ находилось трое русскихъ рабочихъ, изъ нихъ два каменщика и одинъ плотникъ, и 8 человѣкъ мѣстныхъ чернорабочихъ.

Затѣмъ предположено было, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, приступить къ торгамъ на поставку матеріаловъ; и была полная надежда настолько подвинуть зимою приготовительныя работы, чтобы приступить весною къ закладкѣ храма. Къ сожалѣнію, неожиданно возникшія, въ началѣ сентября, въ краѣ усложненія поставили Комитетъ въ необходимость пріостановить, впредь до водворенія тамъ прочнаго порядка, дальнѣйшее развитіе строительныхъ работъ, ограничиваясь лишь начатыми подготовительными постройками и заготовками *).

По предложенію генеральнаго консула въ Филиппополѣ, вновь избраны, 25 іюля и 1 сентября текущаго года, въ члены мѣстнаго-отдѣленія Комитета: тогдашній директоръ общественныхъ работъ, торговли и земледѣлія въ Восточной Румеліи, докторъ Георгій Хакановъ и состоявшіе въ румелійской милиціи капитаны русской службы: генеральнаго штаба—Владиміръ Ивановичъ Харкевичъ и саперный — Николай Константиновичъ Соболевъ.

*) Теперь Комитетъ имѣетъ вновь возможность приступить къ постройкѣ храма.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ"

въ 1886 году (годъ XXV).

(Журналъ одобренъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній).

Цѣль и задачи изданія «Филологическихъ Записокъ»—доставлять читателямъ:

1) Научныя изслѣдованія вообще по языку и литературѣ, по сравнительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ; — 2) Разработанныя статьи по народному творчеству, какъ-то—миѳическія воззрѣнія, вѣрованія, легенды и пр.;—3) Памятники языка и литературы, народный говоръ и пр.;—4) Разъясненія разныхъ вопросовъ грамматическихъ съ точки зрѣнія филологической;—5) Мнѣнія и сужденія объ улучшеніи преподаванія отечественнаго языка;— 6) Диссертаціи, пробныя и другія лекціи, чѣмъ либо замѣчательныя, или отрывки изъ нихъ и извлеченія;—7) Рецензіи учебниковъ, пособій и другихъ изданій, представляющихъ научный интересъ по языкознанію; — 8) Переводы сочиненій представителей иностранной лингвистической и филологической литературы;—9) Окончательная же и главная задача Редакціи— а) по выработаніи программы—выработать учебникъ по русскому языку, б) составить словопроизводственный словарь—и 10) Доставлять возможность преподавателямъ и всѣмъ интересующимся языкознаніемъ, *слѣдить* за современнымъ движеніемъ и успѣхами въ области филологіи, лингвистики и по литературѣ.

На 1886 годъ, кромѣ статей профессоровъ *Шерцля*, *Карпева*, — также *В. Добровскаго*, *Е. Будде*, *А. Анастасіева*, *В. Преображенскаго* будутъ помѣщены статьи: «Фонетика латинскаго языка» (продолженіе) проф. *Бодуэна-де-Куртенэ*; — «О языкахъ аристократическихъ, тайныхъ, мужскихъ, женскихъ, условныхъ и воровскихъ» проф. *Шерцля* и его же «О пессимизмѣ и оптимизмѣ въ языкахъ»;—«О правописаніи въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ» проф. *Ѳ. И. Буслаева*; — «Объ отношеніи мысли къ слову» *И. С. Соломоновскаго*, Его-же — «Образецъ изложенія корнесловія», — «Къ вопросу о русскомъ слогоудареніи», — «Физіологія звуковъ» *І. Ѳ. Шарловскаго*;—«Цвѣтущій періодъ древне-болгарской письменности и одинъ изъ его представителей» Доцента *А. С. Архангельскаго*;—«Къ вопросу о положеніи русской женщины по бытовымъ пѣснямъ народа» *С. Н. Браиловскаго*; — «Наши письменные памятники о языческихъ богахъ русской миѳологіи», *Д. О. Шеппинга*; — «Жизнь и ростъ языка», соч. извѣстнаго лингвиста нашего времени, проф. *Уитнея*, переводъ *А. Н. Чудинова*, и другія мелкія статьи, филологическія и лингвистическія замѣтки и вопросы.

«Филологическія записки» издаются въ **Воронежѣ**; выходятъ безсрочно по *шести* выпусковъ въ годъ. Подписная цѣна за годъ съ пересылкой **6** р. **50** к., за границу **7** руб.

Редакторъ-издатель **А. Хованскій.**

ЖУРНАЛЪ ВѢРА И РАЗУМЪ

въ 1886 году.

Главная задача журнала «Вѣра и Разумъ» при уваженіи къ философіи, какъ наукѣ, освѣщать ея пути свѣтомъ христіанства и при благоговѣніи къ христіанству выяснять его основанія философскими познаніями и философскимъ мышленіемъ. Ободренная сочувствіемъ общества редакція журнала «Вѣра и Разумъ» съ новою ревностію принимается за продолженіе своего изданія въ нынѣшнемъ 1886 году. Программа журнала по прежнему будетъ состоять изъ трехъ отдѣловъ: 1) церковнаго, 2) философскаго и 3) листка для Харьковской епархіи.

Журналъ будетъ выходить ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе 10 руб, съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ; въ конторѣ типографіи Окружнаго штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Гусъ и его отношеніе къ православной церкви.** Соч. А. Ѳ. Гильфердинга. 1871 г. 82 стр. — » 50 »
3. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
4. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
5. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Ученo-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
6. **Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
7. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
8. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
9. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
10. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
11. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
12. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
13. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ. . — » 10 »
14. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
15. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
16. **Въ памят Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
17. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Docnments, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky.** S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ** А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »

Примѣчанія: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ раззоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

Редакторы Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

Došlo n vpis'ino 23/5 1886.
Knj. zap. št. 292.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 3

МАРТЪ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 3. Мартъ. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшихся 2 и 16 марта, между прочимъ, постановлено: *въ первомъ*: а) просьбу одного серба, о назначеніи ему стипендіи, передать въ Коммисію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ; б) выдать въ пособіе: двумъ сербамъ 125 р., одному черногорцу 38 р. и четыремъ добровольцамъ и одной вдовѣ добровольца 112 р.; в) назначить одному сербу въ пособіе, въ видѣ стипендіи, на 6 мѣсяцевъ, по 25 р. въ мѣсяцъ; назначить пособіе г) двумъ сербамъ въ томъ же размѣрѣ впредь до принятія ихъ въ число стипендіатовъ Коммисіи по образованію въ Россіи южныхъ славянъ: д) утвердить расходы, произведенные съ 9 февраля по 2 марта на 1,113 р. и *во второмъ*: а) выдать въ пособіе: одному черногорцу 100 р., одному болгарину 50 р., одному благотворительному Обществу 300р., одному галичанину 25 р., и тремъ добровольцамъ 75 р.; б) уплатить Ѳ. Н. Минкову 150 р. за содержаніе въ 1886 г. въ его пансіонѣ полустипендіата общества; в) послать въ Бѣлградъ—Іовану Ристичу 300 р., въ Софію—митрополиту Клименту, 266 р. и въ русское генеральное консульство въ Болгаріи 51 р., въ пособіе жертвамъ сербо-болгарской войны; г) просьбу одного серба, о назначеніи ему стипендіи, отослать, на зависящее распоряженіе, въ Коммисію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ; д) утвердить расходы, произведенные со 2 по 16 марта на 432 р., и е) назначить общее собраніе гг. членовъ Славянскаго Общества, въ домѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества на 23 марта и доложить: 1) проектъ протокола Общаго Собранія, состоявшагося 22 декабря 1885 г.; 2) докладъ Владимірской Коммисіи; 3) отчетъ Издательской Коммисіи; 4) докладъ Совѣта объ отпускѣ, въ его распоряженіе, на предметъ пособія нуждающимся южнымъ славянамъ 3,000 р., изъ запаснаго капитала; 5) докладъ Совѣта объ учрежденіи «Аксаковскаго издательскаго капитала» и объ отпускѣ въ основу этого капитала 1,000 р. изъ запаснаго капитала и 6) о выборѣ въ члены Общества предлагаемыхъ Совѣтомъ кандидатовъ: чеха Іосифа Несвядби и Надежды Львовны Обуховой.

Отчетъ Издательской Коммисіи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества за 1885 годъ.

Составленъ Секретаремъ Издательской Коммисіи Ѳ. М. Истоминымъ.

Издательская Коммисія, на основаніи § 7 «правилъ», имѣетъ честь представить Совѣту Общества, для доклада Общему

собранію, подробный отчетъ о своей дѣятельности въ истекшемъ 1885 году.

Въ теченіе отчетнаго года въ личномъ составѣ Коммисіи произошли слѣдующія измѣненія: въ число ея членовъ вступилъ: дѣйствительный членъ Общества А. Л. Петровъ, избранный въ общемъ собраніи, состоявшемся 5 мая, и почетный членъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, какъ редакторъ «Извѣстій»; выбылъ членъ Совѣта Общества Н. Н. Страховъ, какъ сложившій съ себя обязанности редактора «Извѣстій».

Къ началу 1886 года Коммисія состояла изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя, товарища предсѣдателя Общества, П. А. Васильчикова, членовъ: члена Совѣта и Библіотекаря Общества А. А. Кирѣева, члена Совѣта, почетнаго члена Общества В. И. Ламанскаго, почетнаго члена Общества и редактора «Извѣстій» К. Н. Бестужева-Рюмина, дѣйствительныхъ членовъ Общества: Е. Е. Замысловскаго, Ѳ. М. Истомина и А. Л. Петрова. Обязанности секретаря исполнялъ Ѳ. М. Истоминъ. Кромѣ названныхъ лицъ дѣятельное участіе въ работахъ Коммисіи принималъ бывшій редакторъ «Извѣстій», членъ Совѣта Общества И. И. Соколовъ, и со времени новой редакціи, редакторъ «Извѣстій» дѣйствительный членъ Общества П. Г. Моравекъ, а также приглашавшійся въ засѣданіе д. чл. Общества Н. Н. Ладыженскій.

Въ такомъ составѣ Коммисія въ отчетномъ году прилагала посильныя старанія къ выполненію своихъ обязанностей по нижеслѣдующимъ отдѣламъ, подлежащимъ ея вѣдѣнію:

I. Изданія Общества.

Въ истекшемъ году Коммисія еще не имѣла возможности приступить къ изданію имѣвшихся въ ея распоряженіи отдѣльныхъ сочиненій по славяновѣдѣнію, и потому заботы ея были направлены къ возможному расширенію и улучшенію періодическаго органа Общества, его «Извѣстій». Какъ и въ предыдущемъ году, Коммисія доступными ей средствами содѣйствовала редакціи въ ея стремленіи оживить органъ со стороны его содержанія, развить его до возможной степени полноты и разнообразія путемъ привлеченія соотвѣтствующихъ сотрудниковъ и наконецъ улучшить органъ съ его внѣшней стороны; къ числу мѣръ, содѣйствующихъ послѣднему, нужно отнести рѣшеніе Коммисіи замѣнить мелкій шрифтъ (боргезъ) оффиціальной и библіографической части журнала болѣе крупнымъ (корпусомъ),—которымъ печатался II отдѣлъ «Извѣстій»—*Славянское обозрѣніе.* Такое рѣшеніе Коммисіи естественнымъ образомъ повлекло за собой увеличеніе объема журнала, которой и достигаетъ при данныхъ условіяхъ до 3 листовъ каждаго №. Съ увеличеніемъ объема связано и увеличеніе платы за почтовую пересылку журнала подписчикамъ. Въ видахъ возможнаго удешевленія послѣдней, Коммисія признала полезнымъ передать пересылку въ вѣдѣніе почтамта, что при увеличенномъ объемѣ изданія, оказалось болѣе дешевымъ, нежели разсылка прежнимъ способомъ, непосредственно отъ редакціи. Съ другой стороны, усиленіе расходовъ, сопряженныхъ съ означеннымъ улучшеніемъ, Коммисія сочла возможнымъ отчасти восполнить увеличеніемъ цѣны для розничной и коммиссіонной продажи «Извѣстій», возвысивъ ее до 30 коп. за №, что при объемѣ его въ 3 листа представляется и естественнымъ и необходимымъ.

Постепенно возрастающее число подписчиковъ свидѣтельствуетъ о томъ, что мѣры, предпринятыя Коммисіею для распространенія журнала, не были совсѣмъ безуспѣшны; съ другой стороны, Коммисія не можетъ не отмѣтить и того обстоятельства, что число ходатайствъ изъ славянскихъ земель о безплатной высылкѣ «Извѣстій» возрастаетъ очень быстро.

Всѣ вышеозначенныя предположенія Коммисіи утверждены Совѣтомъ Общества и приводятся въ исполненіе съ выходомъ январской книжки «Извѣстій» за 1886 г.

Въ отчетномъ году на изданіе «Извѣстій» Коммисія располагала суммою въ 4,634 р. 38 к., изъ коихъ 3,000 р. ассигновано Обществомъ и 1,634 р. 38 к. поступило отъ подписки и продажи «Извѣстій». Изъ этой суммы израсходовано на изданіе 4,242 р. 42 1/3 к. *). Смѣта на изданіе

*) Предположенная Коммисіею смѣтная сумма въ 3,476 р. 58 к. превышена вслѣдствіе особенно увеличеннаго объема юбилейнаго Кирилло-Меѳодіевскаго выпуска «Извѣстій» за апрѣль мѣсяцъ и вслѣдствіе увеличенія платы за разсылку его, съ приложеніемъ жизнеописаній Св. Кирилла и Меѳодія, безплатно разосланныхъ подписчикамъ «Извѣстій».

«Извѣстій» въ 1886 году исчислена Коммисіею въ 4,401 р. 60 к., каковая смѣта и утверждена Совѣтомъ Общества.

Въ отчетномъ году издано 9 выпусковъ «Извѣстій» (изъ коихъ 3 выпуска двойныхъ) содержащихъ въ себѣ 33 6/16 печатныхъ листа (534 страницы).

Что касается до поступленія матеріаловъ для печатанія въ «Извѣстіяхъ» за истекшій годъ, то особенное обиліе ихъ было вызвано празднованіемъ 1,000 лѣтней годовщины блаженной кончины св. Меѳодія. Многочисленныя описанія этого празднованія, поступавшія въ редакцію и Совѣтъ Общества, не могли быть всѣ помѣщены на страницахъ «Извѣстій»; Коммисія, совмѣстно съ редакціею нашла возможнымъ ограничиться лишь помѣщеніемъ описаній означеннаго празднества въ славянскихъ земляхъ, описанія же празднества въ предѣлахъ Россіи отложены для напечатанія въ особомъ предположенномъ Совѣтомъ Общества изданіи, имѣющемъ назваться «Кирилло-Меѳодіевскимъ Сборникомъ». Кромѣ I отдѣла «Извѣстій» содержащаго въ себѣ «Дѣйствія С.-Петербургскаго и друг. славянскихъ Обществъ», въ послѣдующіе два отдѣла «Славянское Обозрѣніе» и «Славянскія Библіографическія Извѣстія» вошло 120 статей, написанныхъ 53-мя авторами, изъ которыхъ 43 русскихъ, живущихъ въ Россіи и заграницею, и 10 заграничныхъ славянъ.

Число подписчиковъ къ концу отчетнаго года достигло цифры 857, въ томъ числѣ 257 подписчиковъ въ С.-Петербургѣ, 518 иногородныхъ и заграничныхъ 82. Безплатно разослано до 300 экземпляровъ въ славянскія земли и почетнымъ членамъ Общества, а также въ обмѣнъ на періодическія изданія.

Съ октябрьскаго № «Извѣстія» перешли въ завѣдываніе новой редакціи. Въ званіи редакторовъ, по ходатайству Общества, г. министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждены: почетный членъ Общества К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и дѣйствительный членъ Общества П. Г. Моравекъ. Говоря объ этой перемѣнѣ, Коммисія не можетъ не засвидѣтельствовать о неутомимой и безкорыстной дѣятельности бывшихъ редакторовъ Н. Н. Страхова и И. И. Соколова, снискавшихъ себѣ признательность Общества своими двухлѣтними трудами (съ октября 1883 по октябрь 1885 года) на пользу изданія въ первое и трудное время его организованія и выхода въ свѣтъ. Новая редакція, благосклонно принявшая на себя не легкій трудъ завѣдыванія изданіемъ, приложитъ всѣ старанія для дальнѣйшаго усовершенствованія органа Славянскаго Общества. Выражаясь собственными словами новой редакціи, «Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» «есть прежде всего органъ этого самаго Общества, слѣдовательно перемѣна въ лицахъ не можетъ означать существенной перемѣны ни въ цѣляхъ, ни въ характерѣ изданія; новая редакція будетъ продолжать дѣло, начатое старою, будетъ стараться знакомить читателей журнала въ краткихъ очеркахъ съ состояніемъ славянскихъ земель, съ явленіями жизни славянъ, преимущественно умственною, будетъ стараться выяснять въ своихъ статьяхъ взгляды, раздѣляемые Обществомъ, что необходимо и для живѣйшаго общенія между различными славянскими землями и для развитія славянскаго сознанія въ русскомъ обществѣ. Такія статьи встрѣчали на страницахъ журнала его читатели. Вмѣстѣ съ этими помѣщались и будутъ помѣщаться статьи по разнымъ вопросамъ славяновѣдѣнія. Журналъ нашъ въ каждомъ почти нумерѣ представлялъ до сихъ поръ корреспонденціи изъ разныхъ славянскихъ странъ; новая редакція надѣется сохранить всѣхъ старыхъ корреспондентовъ, а можетъ быть и пріобрѣсть новыхъ. Отдѣлъ библіографіи, существующій съ самаго начала изданія, новая редакція постарается вести съ возможною полнотою и своевременностью. Редакція, на сколько возможно при разныхъ условіяхъ, будетъ заботиться о своевременномъ выходѣ книжекъ.

Переходя за симъ къ прежнимъ изданіямъ Общества, Коммисія не можетъ не отмѣтить замѣтнаго оживленія продажи этихъ изданій въ истекшемъ году. Предпринятый по распоряженію Совѣта обстоятельный трудъ составленія подробной вѣдомости о ходѣ продажи изданій съ основанія Общества и о состояніи склада ихъ въ настоящее время оконченъ *), и Коммисія

*) Объемистымъ, требовавшимъ не малой усидчивой работы, почтеннымъ трудомъ этимъ Коммисія обязана дѣлопроизводителю Общества А. А. Тарасову.

приметъ мѣры къ наибольшему распространенію изданныхъ Обществомъ сочиненій.

Что касается до матеріала для новыхъ отдѣльныхъ изданій Общества, то таковаго въ истекшемъ году поступило довольно много въ распоряженіе Общества. Часть онаго была отклонена Коммисіею по разнымъ причинамъ, часть передана съ согласія авторовъ въ другія учрежденія и часть принята Коммисіею для изданія. Разсмотрѣніе этихъ матеріаловъ и изысканіе способовъ для ихъ изданія и было предметомъ занятій Коммисіи въ истекшемъ году.

II. Преміи Общества.

Въ отчетномъ году истекъ срокъ представленія сочиненій на предложенныя темы для соисканія премій: Кирилло-Меѳодіевской, 14 февраля, и преміи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества въ память А. Ѳ. Гильфердинга— 25 декабря; на обѣ названныя преміи къ означеннымъ срокамъ не поступило ни одного сочиненія. Вопросъ о возобновленіи срока представленія названныхъ сочиненій Коммисія имѣетъ обсудить въ наступившемъ 1886 году. По поводу празднованія тысячелѣтія со дня блаженной кончины св. Меѳодія Обществомъ была объявлена предложенная почетнымъ членомъ В. И. Ламанскимъ тема на соисканіе особой преміи въ честь св. Кирилла и Меѳодія въ 1,500 р. за лучшее, и въ 500 р. за второе по достоинству сочиненіе, срокомъ на 3 года; причемъ сочиненія должны быть представлены не позже 11 мая 1888 года; премія же будетъ выдана въ торжественномъ собраніи Общества 14 февраля 1889 года.

III. Библіотека Общества.

Библіотека находится въ завѣдываніи библіотекаря Общества члена Совѣта А. А. Кирѣева. Въ отчетномъ году закончено предпринятое Коммисіею приведеніе библіотеки въ порядокъ. Книги разставлены за соотвѣтствующею нумераціею въ помѣщеніи библіотеки; изъ нихъ выдѣлены книги, неимѣющія значенія, а равно и не нужные дубликаты; составленъ карточный алфавитный каталогъ и инвентарный списокъ книгъ и періодическихъ изданій, поступившихъ въ библіотеку по сентябрь мѣсяцъ 1885 г. Число книгъ къ означенному времени достигло до 2,112 названій. Оцѣнивъ по достоинству не легкій трудъ приведенія въ порядокъ библіотеки Общества со стороны лица, приглашеннаго для этой цѣли, Коммисія сочла справедливымъ ходатайствовать, въ видѣ особаго вознагражденія этому лицу, сверхъ ассигнованныхъ уже Совѣтомъ Общества 100 р. о добавочной ассигновкѣ въ 150 р., что и было Совѣтомъ Общества утверждено и исполнено.

Въ отчетномъ году приращеніе библіотеки выразилось въ поступленіи 170 книгъ русскихъ, славянскихъ и иностранныхъ, доставленныхъ безплатно авторами, учрежденіями и отдѣльными лицами, которымъ Коммисія и приноситъ свою благодарность. Періодическихъ изданій русскихъ и инославянскихъ поступило въ обмѣнъ на «Извѣстія» Общества 100 названій.

Съ особой признательностью Коммисія останавливается на приношеніи въ даръ Обществу вдовою недавно скончавшагося Ю. С. Анненкова его библіотеки, состоящей изъ сочиненій по чешской литературѣ. Эта библіотека, еще не принятая въ отчетномъ году, будетъ, согласно желанію дарительницы, выдѣлена особо и получитъ спеціальное наименованіе «Библіотека Ю. С. Анненкова».

О всѣхъ поступающихъ въ библіотеку Общества книгахъ и періодическихъ изданіяхъ ежемѣсячно публикуется въ «Извѣстіяхъ» Общества. Для пользованія журналами и газетами русскими и преимущественно славянскими при библіотекѣ имѣется особая читальня, которая и открывается для членовъ Общества, по прежнему, по понедѣльникамъ, отъ 8 до 12 часовъ вечера.

IV. Разсылка книгъ, журналовъ и газетъ въ Славянскія земли.

Эта сторона дѣятельности привлекала вниманіе Общества и въ прежніе годы; въ отчетномъ году она возбуждала особую заботливость со стороны Коммисіи. Стремленіе славянъ въ ознакомленію съ русскимъ языкомъ и культурою быстро

возрастаетъ; въ отчетномъ году этому стремленію немало содѣйствовало широкое и торжественное чествованіе всею Россіею памяти первоучителей славянства св. Кирилла и Меѳодія. Просьбы о высылкѣ русскихъ книгъ изъ различныхъ мѣстъ зарубежнаго славянства поступали съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Коммисія считала своимъ долгомъ изыскивать всѣ возможныя средства для удовлетворенія этихъ просьбъ. Въ числѣ такихъ средствъ Коммисіею было, между прочимъ, составлено особое воззваніе къ русскому обществу съ разъясненіемъ пользы и настоятельности распространенія русскаго языка среди зарубежныхъ намъ родственныхъ славянъ и съ приглашеніемъ принести посильную лепту на удовлетвореніе этой нужды славянъ, сдѣлавшейся, по словамъ просящихъ, необходимою ихъ потребностью; Коммисія приглашала русскихъ людей откликнуться на призывъ славянъ и путемъ пожертвованій книгами или денежными средствами. Воззваніе было прочитано А. Л. Петровымъ отъ имени Издательской Коммисіи въ торжественномъ засѣданіи Общества 13 мая 1885 г. и оно не осталось совсѣмъ безрезультатнымъ: отозвались русскіе люди и прислали свои пожертвованія и книгами и деньгами. Располагая этими жертвованіями, а также изданіями Общества и сверхъ того особою суммою, ассигнованною на этотъ предметъ Совѣтомъ Общества, Коммисія нашла возможнымъ удовлетворить большую часть обращенныхъ къ ней ходатайствъ изъ Славянскихъ земель: до сорока славянскихъ учрежденій и отдѣльныхъ лицъ получили отъ Общества собранія книгъ, своимъ характеромъ удовлетворяющихъ ихъ потребностямъ, или высказаннымъ ими желаніямъ. Имена лицъ, принесшихъ Обществу свои пожертвованія съ признательностію публиковались въ «Извѣстіяхъ» Общества. Коммисія считаетъ своимъ долгомъ и здѣсь выразить имъ свою глубокую благодарность; въ то же время она не теряетъ упованія на то, что и вновь поступающія ходатайства славянъ не останутся безъ удовлетворенія при помощи русскихъ людей, сочувствующихъ дѣлу широкаго распространенія русскаго языка и русской мысли въ средѣ многочисленныхъ соплеменниковъ ихъ за предѣлами Россіи. Коммисія не можетъ не засвидѣтельствовать объ особо полезной дѣятельности по сбору книжныхъ пожертвованій и по разсылкѣ книгъ завѣдывающаго этимъ дѣломъ А. Л. Петрова *).

Что касается до журналовъ и газетъ, то ихъ въ славянскія земли разослано 114 экземп. по 63 адресамъ, при этомъ Коммисія выражаетъ свою искреннюю признательность редакціямъ журналовъ и газетъ, пожертвовавшимъ свои изданія для разсылки ихъ за счетъ Общества славянамъ, а именно редакціямъ: «Новаго Времени», «Нивы», «Церковнаго Вѣстника», «Христіанскаго Чтенія», «Странника», «Всемірной Иллюстраціи», «Московскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Вѣстника», «Живописнаго Обозрѣнія», «Свѣта», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Русской Мысли», «Семьи и Школы», «Игрушечки» и «Нови», за свой счетъ посылающей 3 экз. своего изданія.

Что же касается до газеты «Русь», то постоянная и неослабная разсылка этой газеты въ многочисленныхъ экземплярахъ заслужила уже давно глубочайшую признательность ея редактору, незабвенному радѣтелю о славянскихъ нуждахъ, покойному Ивану Сергѣевичу Аксакову. Теперь когда смолкъ его голосъ, возвѣщавшій правду и добро, сѣмена этой правды незаглохнутъ; глубоко западали они и широка была его нива; въ отдаленныхъ мѣстахъ и уголкахъ славянскихъ читалось его мощное и правдивое слово: глубокой скорбью поразила читателей славянскихъ вѣсть, что этотъ голосъ смолкъ, и на вѣки запечатлѣютъ они въ себѣ память о безкорыстномъ ихъ радѣтелѣ.

Сверхъ указанной дѣятельности, Коммисія, по порученію Совѣта Общества, занималась разсмотрѣніемъ ходатайствъ славянскихъ дѣятелей о субсидіяхъ на различнаго рода литературныя предпріятія. Въ отчетномъ году Коммисія дала свое заключеніе по 8 ходатайствамъ изъ славянскихъ земель, на основаніи котораго Обществомъ и выдано субсидій на сумму 2,600 р. с.

О всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Коммисія

*) Всего израсходовано на покупку и разсылку книгъ 347 р. 72 к. Стоимость разосланныхъ книгъ, считая пожертвованныя и изданія Общества, составитъ не менѣе 1,500 руб. Подробный отчетъ о книжной разсылкѣ будетъ представленъ особо.

своевременно дѣлала представленія Совѣту Общества. Въ отчетномъ году, т. е. съ 1 января 1885 г. по 1 января 1886 г. Коммисія имѣла 11 засѣданій.

Изложенными данными исчерпывается дѣятельность Издательской Коммисіи въ отчетномъ году. И въ этотъ годъ средства Коммисіи не дали возможности проявить свою дѣятельность болѣе осязательнымъ образомъ изданіемъ отдѣльныхъ сочиненій по славяновѣдѣнію; въ этомъ отношеніи истекшій годъ послужилъ лишь подготовительнымъ періодомъ къ такой дѣятельности.

Сочувствіе къ дѣятельности Издательской Коммисіи со стороны предсѣдателя Общества П. П. Дурново, Совѣта и членовъ Общества даютъ возможность къ болѣе широкому развитію издательской дѣятельности Коммисіи въ текущемъ году. Совѣтомъ и Общимъ собраніемъ членовъ Общества представлены въ распоряженіе Коммисіи средства, достаточныя для приступа къ дѣлу изданія отдѣльныхъ сочиненій: одно изъ нихъ уже начато печатаніемъ; къ печатанію другаго предполагается приступить по мѣрѣ возможности. Своевременность и польза этихъ сочиненій, и имена, связанныя съ ними—съ одной стороны В. И. Ламанскаго, какъ редактора перевода одного изъ нихъ *), и съ другой—извѣстнаго уже Обществу своими изданіями по славистикѣ проф. А. С. Будиловича, какъ автора другаго труда **), все это даетъ основаніе Коммисіи разсчитывать на сочувственный пріемъ этихъ изданій съ появленіемъ ихъ въ свѣтъ. Выражая свою глубокую признательность членамъ Общества, за сочувствіе, уже сказавшееся въ доставленіи возможности приступить къ этимъ изданіямъ, Коммисія въ своей дальнѣйшей дѣятельности надѣется на поддержку нравственную и матеріальную какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны русскихъ людей, сочувствующихъ цѣлямъ Общества. Въ этой поддержкѣ Коммисія видитъ опору для расширенія и болѣе плодотворнаго значенія своей посильной дѣятельности на пользу Обществу, русскому народу и славянству.

*) «Янъ Жижка», соч. Томка.

**) «Обзоръ областей южнаго и западнаго славянства въ орографическомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ».

Библіотека Общества.

Въ библіотеку Общества поступили съ 1 августа по 31 декабря 1885 года, кромѣ журналовъ и газетъ, получаемыхъ Обществомъ въ обмѣнъ на «Извѣстія», списокъ которыхъ напечатанъ въ 5—6 № «Извѣстій», слѣдующія книги: 1) отъ православнаго Палестинскаго Общества — «Странствованія В. Г. Барскаго по св. мѣстамъ востока» съ 1723—1747. Вып. 16, 17, 18, 19, 20, 21; 2) «Литературный сборникъ», изданный Галицко-Русской Матицею, подъ редакціей Б. А. Дѣдицкаго. Вып. 2 и 3. Львовъ 1885 года; 3) д-ра П. Янковича: «У оврану народно-црквена автономје» У Новом Саду 1885; 4) отъ св. Пономарева. «Болгарскій Рыльскій монастырь» 1 в.; 5) отъ редакціи «Голоса Москвы»: «Православный русскій календарь на 1886 г.; 6) «Material zur Denkschrift der Galizischen Russen über die Massregeln»; 7) «Творенія св. отцевъ» кн. 4; 8) «Извѣстія Императорскаго Русскаго географическаго общества» т. XXI, вып. 3, 4, 5, 6; 9) Пр. Шпряева: «Слово въ день 1000-лѣтія священной кончины св. Меѳодія, арх. моравскаго; 10) «Отчетъ Арзамасскаго Кирилло-Меѳодіевскаго братства за 1883—84 г.»; 11) «Jndijska Talija. Urvaši» 1 в.; 12) Г. А. де-Воланъ: «Угро-русскія народныя пѣсни»; 13) «Православный Палестинскій сборникъ». Вып. 9, съ планомъ конечной части крестнаго пути на русскомъ мѣстѣ въ Іерусалимѣ»; 14) «Древности». Труды Императорскаго Московскаго археологическаго общества, т. 10, подъ редакціей Д. Н. Анучина; 14) «Опис монастира Ораховице», прилог. къ историји српске цркве; 16) отъ Н. Невзорова: «Русскимъ дѣтямъ». Разсказы и очерки изъ исторіи древней русской словесности; 17) «Вѣстникъ Народнаго Дома». ч. 36; 18) «Отчетъ върху всеобщото земско унгарско изложеніе въ Буда-Пеща» Пр. 1885; 19) «Viestnik Hrvastkoga Arkeologickoga družtva». Вып. 4; 20) «О асекураціи церквей и парохіальныхъ будынковъ». Львовъ.

Съ 1 января по 1 марта 1886 года въ библіотеку Общества, кромѣ журналовъ и газетъ, поступающихъ въ обмѣнъ на «Извѣстія», списокъ которыхъ будетъ напечатанъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№,

поступили слѣдующія книги: 1) отъ Московскаго археологическаго общества: «Древности», т. V, вып. 1 и «Незабвенной памяти графа А. С. Уварова»; 2) «Иллюстрованный календарь на 1886 г.», Общества имени М. Качковскаго и 38 фотографическихъ снимковъ съ памятника М. Качковскаго въ Кронштадтѣ; 3) изъ книжнаго склада общества «Посредникъ» 3 брошюры: a) «Сократъ», b) «Св. Филаретъ Милостивый», c) «Францискъ Ассизскій»; 4) отъ Православнаго Палестинскаго общества: a) «Спутникъ православнаго поклонника въ св. землю». Вып. 1; и b) «Странствованія В. Г. Барскаго по св. мѣстамъ Востока». Вып. 22—23; 5) Spomenica tisočletnice Metodove smrti spesal d-r Kross; 6) Letopis Matice slovenske za leto 1885; 7) П. И. Иванова: «Сербія и Болгарія со времени восточнорумелійскаго переворота», 4 экз.; 7) «Стананикъ или Коледникъ». Соб. И. Блъсковъ; 8) «Ново народно календарче на година 1886»; 9) «Отчетъ братства святителя Гурія за 18-й братскій годъ. Ков. 1885; 10) Grammatika jazykaStarobulharského, Sepsal B. Popelka; 11) Българска библіотека. Бр. II. «Животъ, дѣяния, исповѣдание и кратко изложение за чудеса та на св. отецъ нашъ Климентъ Българскій архиепископъ; 12) Starine, na sviet izdaje Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti. K. XVII; 13) «Библія, сирѣчь священно то писаніе нѣ Ветхій и Новый Завѣтъ» — 10 экз.; 14) «Zgodovina Fara Ljubljanske Skofije». T. 1, 2, 3 Для разсылки въ славянскія земли отъ пр. Михайловскаго 4 пачки книгъ: «О св. Кириллѣ и Меѳодіи», «О Божественной литургіи» и «Объясненіе всенощнаго бдѣнія».

— — — —

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся Славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1-го января по 1-е марта 1886 г. поступило: а) изъ церковныхъ кружекъ г. С.-Петербурга: изъ кружки № 9, въ Казанскомъ соборѣ—29 р. 62 к.; чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: причта Срѣтенской единовѣрческой Волковской церкви—1 р. 35 к.; Васильеостровскаго округа, прот. І. Исполатова —13 р. 25 к.: Выборгско-Петербургскаго округа, прот. А. Свѣтлова—20 р. 87 к.; б) иногородныя: г. Александрова, игуменіи Успенскаго женскаго монастыря—3 р. и изъ уѣзда, 4-го округа, свящ. Н. Бѣляева—6 р. 91 к.; Ардатовскаго уѣзда, свящ. В. Владимірскаго—2 р.; 4 округа, свящ. І. Нарциссова—4 р. 40 к.; г. Арзамаса, прот. І. Страгородскаго—14 р. 83 к.; Балахнинскаго уѣзда, 3 округа, прот. М. Востокова—12 р. 44 к.; свящ. А. Крылова—1 р. 75 к.; прот. М. Никольскаго—1 р. 78 к.; 1 округа, свящ. І. Тріумфова—5 р. 20 к.; 2 округа, свящ. К. Юрасова—7 р.; Балтскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Пашковскаго—15 р. 23 к.; 4 округа, свящ. І. Перетяткова—3 р.; 1 округа, прот. В. Рудзскаго—5 р. 95 к.; Бобруйскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Савича—11 р. 20 к.; 4 округа, свящ. А. Смолича—3 р.; г. Боровска, свящ. В. Казанскаго—3 р. 90 к.; Брацлавскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Усаневича—3 р. 38 к.; Брянскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Діесперова—4 р. 1 к.; г. Бѣлаго, прот. В. Цвѣткова—12 р. 4 к. и изъ уѣзда, прот. П. Лосевскаго—2 р. 20 к.; 4 округа, свящ. В. Руженцева—6 р. 20 к.; свящ. П. Соколова—5 р. 60 к.; Васильскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Доброворскаго—1 р. 80 к.; г. Васильсурска, свящ. К. Быстрова—1 р. 2 к.; г. Варшавы, прот. К. Чеховича—13 р.; Велижскаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Никифоровскаго—3 р. 24 к.; Винницкаго уѣзда, 5 округа, прот. І. Стрѣльчевскаго —19 р. 6 к.; Витебскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Сивицкаго—4 р. 30 к.; г. Владиміра, архіерейскаго домоправленія—2 р.; настоятельницы Успенскаго монастыря игуменіи Агланды—1 р.; изъ уѣзда, 2 округа, свящ. В. Баскакова—5 р. 40 к.; 1 округа, прот. Г. Лебедева—11 р. 25 к.; Волковыскаго уѣзда, Подоросскаго свящ. В. Пучковскаго—3 р. 54 к.; г. Вологды, духовной консисторіи—15 р. 57 к.; каѳедральнаго Софійскаго собора—2 р. 95 к.; свящ. К. Голубцева —91 к. и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Духовникова—7 р.; Волчанскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Евеимова—17 р. 4 к.; г. Вязьмы, прот. С. Срединскаго—2 р. и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Баронова—6 р. 93 к.; 3 округа, свящ. А. Соколова—4 р. 61 к.; 2 округа, свящ. Н. Черскаго—2 р. 32 к.; г. Вязниковъ, настоятеля Благовѣщенскаго монастыря, игумена Германа—1 р.; прот. І. Смирнова—2 р. 78 к. и изъ уѣзда, 2 округа, прот. І. Вишневецкаго —6 р. 50 к.; 3 округа, свящ. В. Малинина—5 р. 56 к.; г. Вятки, Успенскаго Трифонова монастыря—3 р. 65 к. и изъ уѣзда, свящ. А. Заворохина—4 р.; 2 округа, прот. К. Спасскаго—5 р.; г. Гадяча, прот. Г. Пивоварова—2 р. 51 к. и изъ уѣзда, свящ. В. Назаревскаго—2 р. 20 к.; Гайсинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Шероцкаго—4 р.; Галичскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Н. Комаровскаго—5 р. 67 к.; г. Гжатска, прот. П. Успенскаго—3 р. 66 к. и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. І. Санковскаго—2 р. 30 к.; 3 округа, свящ. А. Уклонскаго—2 р. 55 к.; Глазовскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Дернова—3 р. 33 к.; 5 округа, свящ. К. Кувшинскаго—11 р.; 2 округа, свящ. В. Рѣпина—2 р. 50 к.; Горбатовскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Д. Лебедева—70 к.; 2 округа, свящ. Н. Фіалковскаго —4 р. 80 к.; г. Городка, прот. Л. Лузина—50 к. и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Д. Григоровича—1 р. 50 к.; г. Гороховца, прот. А. Богослов-

скаго—2 р. 20 к. и изъ уѣзда, 3 округа, свящ. А. Харизоменова—5 р.; г. Градижска, прот. В. Зѣньковскаго—1 р. 60 к.; Грязовецкаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Якубова—3 р. 70 к.; г. Дорогобужа, прот. А. Медвѣдкова—7 р. 42 к. и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. С. Оглоблина—4 р. 62 к.; 3 округа, свящ. Е. Попова—3 р. 30 к.; 2 округа, свящ. С. Чулкова—4 р. 70 к.; Дриссенскаго уѣзда, 1 округа, прот. I. Короткевича—5 р. 80 к.; г. Духовщины, прот. Ѳ. Сеньковскаго—2 р. 50 к. и изъ уѣзда, 4 округа, свящ. М. Кулагина—91 к.; г. Екатеринослава, духовной консисторіи—299 р. 91 к.; Елабужскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Н. Ардашева—5 р. 11 к.; 1 округа, прот. Н. Макарова—15 р. 50 к.; Елатомскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Алгебраистова—4 р.; 4 округа, свящ. А. Сохранскаго—4 р.; Елецкаго уѣзда, 4 округа, Н. Макарьева—6 р. 45 к.; г. Ельни, прот. В. Пашина—1 р. 10 к. и изъ уѣзда, 3 округа, прот. А. Дружинина—2 р. 95 к.; 1 округа, свящ. Д. Пляшкевича—4 р. 73 к.; свящ. Г. Сеньковскаго—54 к.; Ефремовскаго уѣзда, 1 округа, прот. Н. Гастева—5 р. 18 к.; Жиздринскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Архангельскаго—16 р. 3 к.; Зміевскаго уѣзда, 2 округа, свящ. М. Котлярова—3 р.; 3 округа, свящ. I. Чудновскаго—5 р.; Золотоношскаго уѣзда, свящ. С. Андріевскаго—1 р. 57 к.; 4 округа, свящ. I. Билинскаго—1 р. 46 к.; свящ. А. Корнѣенко—4 р. 40 к.; 3 округа, свящ. А. Раменскаго—1 р. 20 к.; г. Зѣнькова, прот. В. Гринькп—4 р. 68 к. и изъ уѣзда, 3 округа, свящ. Ѳ. Павловскаго—8 р. 25 к.; г. Иваново-Вознесенска, прот. Александровскаго—12 р.; Игуменскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Киркевича—6 р. 64 к.; 1 округа, прот. I. Фалевича—4 р. 24 к.; Изюмскаго уѣзда, 3 округа, прот. А. Литвинова—8 р.; 1 округа, свящ. С. Роменскаго—8 р. 20 к.: Ирбитскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Кыштымова—7 р. 32 к.; свящ. Д. Кузнецова—13 р.; Кадниковскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Суровцева—14 р.; Казанскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Руженцева — 9 р.; г. Каменца-Подольскаго, прот. I. Левицкаго—4 р. и изъ уѣзда, 2 округа, прот. I. Гандзулевича—14 р. 75 к.; Камышловскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Сильменскаго—3 р. 76 к.; г. Карачева, прот. В. Любомірскаго—26 р. 33 к. и изъ уѣзда, 2 округа, прот. Д. Азбукина—8 р. 78 к.; Кирсановскаго уѣзда, 1 округа, свящ. К. Смирнова—6 р.; г. Кишинева, духовной консисторіи—25 р. 75 к.; Княгининскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Бутурлина—6 р. 5 к.; 4 округа, свящ. I. Лебедева— 2 р.; г. Кобеляковъ, прот. С. Боровскаго—9 р. 29 к. и изъ уѣзда, 4 округа, свящ. П. Киріева—6 р. 51 к.; 5 округа, свящ. I. Яковскаго—2 р. 20 к., г. Коврова, прот. А. Радугина—70 к. и изъ уѣзда, свящ. П. Дебрскаго—1 р. 51 к.; 3 округа, свящ. I. Миловидова—2 р. 96 к.; свящ. Е. Стурницкаго—3 р.; Козловскаго уѣзда, 3 округа, свящ. С. Никольскаго—6 р.; Кологривскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Лебедева—3 р. 35 к.; Константиноградскаго уѣзда, 3 округа, прот. Н. Иванова—4 р.; Котельничскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Агаѳонникова—7 р. 25 к.; 1 округа, прот. С. Кувшинскаго—11 р. 50 к.; 4 округа, свящ. Д. Овчинникова—4 р.; г. Краснаго, свящ. Г. Жданова—2 р. 91 к. и изъ уѣзда, 3 округа, свящ. М. Крипицкаго—5 р. 13 к.; 2 округа, свящ. А. Лебедева—3 р. 81 к.; Кромскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Успенскаго—2 р.; г. Кронштадта, прот. П. Трачевскаго—1 р. 60 к.; Купянскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Попова—1 р. 20 к.; Летичевскаго уѣзда, 1 округа, свящ. I. Стопнѣвича—2 р.; Литинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Н. Писаревскаго—12 р.; г. Лохвицы, свящ. Н. Негеевича—4 р. 52 к. и изъ уѣзда, свящ. П. Колесникова—6 р. 66 к.; 2 округа, свящ. А. Павловскаго—8 р.; свящ. Е. Черницкаго—2 р. 3 к.; Лубенскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Н. Бельговскаго—1 р. 73 к.; свящ. I. Новицкаго—5 р. 37 к.; Лукояновскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Лединскаго—2 р. 49 к.; Любимскаго уѣзда, свящ. Л. Мизерова—3 р. 55 к.; Макарьевскаго уѣзда, свящ. I. Глушкова—1 р. 70 к.; Малмыжскаго уѣзда, 3 округа, прот. I. Копачинскаго—8 р. 70 к.; 2 округа, свящ. П. Лупнова—3 р. 23 к.; 1 округа, свящ. В. Люперсольскаго—7 р. 56 к.; Малоархангельскаго уѣзда, 4 округа, свящ. П. Перевертзева—8 р. 16 к.; Мамадышскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Лебедева—4 р. 43 к.; г. Меленокъ, прот. В. Попова—3 р. 50 к. и изъ уѣзда, свящ. П. Дмитровскаго—5 р. 15 к.; 3 округа, свящ. П. Миртова—7 р. 55 к.; 3 округа, свящ. В. Смирнина — 2 р. 60 к.; г. Мензелинска, прот. В. Уводскаго—3 р. 90 к.; Миргородскаго уѣзда, прот. Ѳ. Акимовича—3 р. 1 к.; г. Млавы, настоятеля свящ. А. Струкова—2 р.; г. Могилева (Подольской губерніи), прот. С. Дубицкаго—3 руб. и изъ уѣзда, 4 округа, свящ. В. Стефановскаго—16 р. 35 к.; Мозырскаго уѣзда, 1 округа, прот. А. Савича—7 р. 40 к.; г. Мологи, прот. А. Красносельскаго—1 р.; Моршанскаго уѣзда, 3 округа, свящ. I. Воскресенскаго—9 р., г. Мурома, прот. А. Аменицкаго—5 р. 30 к. и изъ уѣзда, 3 округа, прот. Г. Валединскаго—1 р. 45 к.; 2 округа, прот. Е. Варваринскаго—6 р.; 1 округа, свящ. В. Заколпскаго — 10 руб.; Мценскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Багрянскаго—7 р.; Мышкинскаго уѣзда, свящ. К. Лаврова—7 р.; г. Нарвы, прот. I. Любимова—6 р. 86 к.; Невельскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Г. Бобровскаго—5 р. 60 к.; 1 округа, прот. Е. Гнѣдича—9 р. 65 к.; г. Нижняго-Новгорода, духовной консисторіи—94 р. 3 к. и изъ уѣзда, 2 округа, свящ. Т. Доброзкова — 5 р. 71 к.; 3 округа, свящ. В. Корндалина—8 р.; Никольскаго уѣзда, 3 округа, свящ. I. Копхова—15 р.; 2 округа, свящ. А. Образцова—9 р. 43 к.; 1 округа, свящ. В. Ушакова—5 р. 5 к.; Новоладожскаго уѣзда, свящ. I. Землянскаго—11 р. 90 к.; Нолинскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Люминарскаго—12 р. 30 к.; Ольгопольскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Литвиновскаго—6 р. 33 к.; 4 округа, свящ. I. Мисюра—7 р.; Омскаго уѣзда, 1 округа, свящ. И. Пьянкова—7 р. 57 к.; г. Орла, каѳедральнаго Петропавловскаго собора—1 р.; г. Орлова, настоятеля Спасо-Орловскаго монастыря архимандрита Антонія—1 р. и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. I. Емельянова—6 р. 20 к.; Оханскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Попова—4 р. 50 к.; Перемышльскаго уѣзда, 1

округа, свящ. П. Добромыслова—3 р. 65 к.; *Переяславльскаго* уѣзда, свящ. С. Громова—2 р. 82 к.; 3 округа, прот. І. Добротворскаго—10 р.; свящ. В. Коничковскаго—4 р.; 7 округа, свящ. І. Ловгинова—2 р. 82 к; 4 округа, свящ. І. Трипольскаго—4 р.; свящ. Н. Фесенко—4 р. 61 к.; свящ. А. Успенскаго—9 р.; г. Петрозаводска, Олонецкой духовной консисторіи—60 р. 18 к.; Пинскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Бернадскаго—6 р.; Пирятинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Ѳ. Болгарскаго—5 р. 44 к.; 2 округа, свящ. А. Куклярскаго—2 р. 12 к.; Покровскаго уѣзда, 2 округа, прот. Т. Соколова—18 р. 50 к.; г. Полтавы, духовной консисторіи—38 р. 3 к. и изъ уѣзда, 4 округа, свящ. В. Курдиновскаго —2 р.; Полоцкаго уѣзда, 3 округа, свящ. Г. Лузина—2 р. 65 к.; г. Порѣчья, прот. П. Ильенкова—1 р. 90 к. и изъ уѣзда, 1 округа свящ. А. Качечовскаго—2 р.; 3 округа, свящ. І. Руженцева—1 р. 86 к.; 2 округа, свящ. А. Савинскаго—2 р. 28 к.; заштатн. г. Починокъ, прот. К. Писарева—11 р. 19 к.; Проскуровскаго уѣзда, 4 округа, свящ. В. Бѣльчанскаго—4 р. 10 к.: 1 округа, свящ. В. Латошинскаго—7 р.; Прилукскаго уѣзда, 4 округа, свящ. П. Грузинскаго—1 р. 60 к.; свящ. С. Иваницкаго—2 р.; 1 округа, свящ. Т. Тройницкаго—2 р.: 2 округа, свящ. В. Черепанова—8 р. 4 к.; Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда; свящ. А. Знаменскаго —2 р. 15 к; Роменскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Лебединскаго—3 р.; г. Рославля, прот. Н. Солнцева—60 к. и изъ уѣзда, свящ. В. Розова —3 р. 23 к.; 4 округа, свящ. І. Недосѣкина—5 р. 33 к.; г. Ростова (Ярославск. губ.), свящ. А. Розова—2 р.; Рыбинскаго уѣзда, свящ. В. Вишнякова—4 р. 75 к.; свящ. М. Минервина—3 р. 55 к.; Рѣчицкаго уѣзда, 4 округа, Мухоѣдовскаго свящ. І. Соколова—7 р.; г. Сарапула, настоятельницы Благовѣщенскаго монастыря игуменіи Ангелины—1 р. 10 к.; свящ. К. Рябова—3 р. и изъ уѣзда, 2 округа, свящ. А. Никольскаго—16 р. 88 к; 4 округа, свящ. В. Раевскаго—6 р. 60 к.; г. Саратова, духовной консисторіи—94 р. 15 к.; Свіяжскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Муратовскаго—9 р.; Себежскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Лукашевича—8 р. 47 к.; Сергачскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Добротворскаго—10 р. 47 к.; 4 округа, свящ. Ѳ. Лаврова—3 р. 26 к.; г. Симферополя, Таврической духовной консисторіи — 133 р. 46 к.; г. Слободскаго, намѣстника Крестовоздвиженскаго монастыря, игумена Агаѳангела —2 р. 30 к.; настоятельницы Христорождественскаго монастыря игуменіи Маріи—2 р.; и изъ уѣзда, 3 округа, прот. Н. Зонова—3 р. 82 к.; 1 округа, прот. Н. Пиленина—7 р. 92 к.; 5 округа, свящ. І. Скорданицкаго—1 р. 40 к.; 4 округа, свящ. Н. Шкляева—4 р. 91 к.; Слонимскаго уѣзда, Косовскаго свящ. І. Михаловскаго—4 р. 70 к.; г. Слуцка, прот. П. Чулковскаго—1 р. 34 к. и изъ уѣзда, 3 округа, свящ. М. Поспѣлова—9 р. 7 к.; 1 округа, свящ. А. Пыжевича—5 руб. 15 коп.; Смоленскаго уѣзда, 2 округа, прот. І. Волочкова 5 р. 33 к.; свящ. К. Вишневецкаго—2 р. 30 к.; 3 округа, свящ. П. Чаплина—2 р. 33 к.; Сольвычегодскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Пахолкова—2 р. 60 к.; Сорокскаго уѣзда, 4 округа, свящ. П. Игнатьева—4 р. 39 к.; Спасскаго уѣзда (Казанской губ.) 1 округа, прот. А. Преображенскаго—2 р. 58 к.; 2 округа, свящ. С. Студенцева — 11 р. 65 к.; 3 округа, свящ. Д. Чудовскаго — 4 р.; Старобѣльскаго уѣзда, 5 округа, свящ. В. Алексѣевскаго—6 р. 64 к.; 3 округа, свящ. Н. Ѳедорова—5 р. 23 к.; 1 округа, свящ. Н. Шокотова—7 р. 40 к.; Стерлитамакскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Н. Геллертова—6 р.; г. Судогды, прот. А. Бѣляева—1 р. 27 к.; и изъ уѣзда, свящ. П. Обтемперанскаго—5 р.; 2 округа, свящ. Г. Сергіевскаго—5 р.; 3 округа, свящ. І. Смирнова—6 р. 11 к.; г. Суздаля, настоятельницы, Ризположенскаго монастыря, игуменіи Серафимы — 3 р.; настоятельницы Покровскаго монастыря, игуменіи Софіи—3 р.; настоятеля Спасо-Евфиміева монастыря, архимандрита Досиѳея—7 р.; іеромонаха Васильевскаго монастыря Ѳеодосія—2 р.; и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. В. Георгіевскаго—3 р. 50 к.; 3 округа, свящ. І. Семеновскаго—11 р.; 4 округа, свящ. П. Тихомирова—8 р.; Сумскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Никольскаго — 18 р. 5 к.; г. Сухиничъ (Костромской губ.), прот. А. Троицкаго — 4 р. 57 к.; г. Сычевки, настоятеля Казанскаго монастыря, игумена Никандра—2 р. 10 к.; свящ. В. Крапухина—1 р. 90 к.; и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. Е. Маторина—4 р.; 2 округа, свящ. І. Попова—3 р. 10 к.; Сѣвскаго уѣзда, 2 округа, свящ. М. Милосердова—4 р.; 5 округа, свящ. Д. Радина—6 р. 22 к.; 1 округа, прот. І. Святскаго—8 р.; г. Темникова, прот. В. Курганскаго—2 р. 41 к; и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. П. Реморова—3 р. 81 к.; Тетюшскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Давыдова—6 р. 14 к.; Тотемскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Богородскаго—3 р. 55 к.; 1 округа, свящ. Ѳ. Яблонскаго — 2 р.; Трокскаго уѣзда, свящ. П. Сцѣпуржинскаго—2 р.; Трубчевскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Богословскаго—5 р.; 2 округа, свящ. А. Генерозова — 10 р. 70 к.; г. Тюмени, свящ. Д. Космакова—11 р. 70 к.; свящ. А. Соколова — 3 р. 50 к.; 2 округа, свящ. І. Тихомирова — 11 р. 62 к.; г. Углича, настоятельницы Богоявленскаго монастыря игуменіи Измарагды — 3 р.; свящ. К. Пріорова—1 р.; и изъ уѣзда, свящ. В. Морева—3 р.; Уржумскаго уѣзда, 1 округа, прот. И. Мышкина—10 р. 30 к.; 3 округа, свящ. І. Поршнева—4 р. 10 к.; Устьсысольскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Е. Богданова—1 р. 31 к.; 1 округа, свящ. Г. Мысова—8 р. 23 к.; 2 округа, свящ. М. Попова—3 р.; Устюгскаго уѣзда, 4 округа, свящ. Е. Заварина—4 р. 90 к.; 1 округа, свящ. А. Попова—2 р. 4 к.; Уфимскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Котельникова—7 р.; Ушицкаго уѣзда, 5 округа, свящ. А. Беднаровскаго—3 р. 82 к.; 4 округа, прот. І. Городецкаго — 16 р. 60 к.; 3 округа, свящ. А. Лазаркевича—12 р. 50 к.; Финляндіи, 2 округа, прот. С. Скородумова—40 к.; Холмогорскаго уѣзда, 4 округа, свящ. Н. Грандилевскаго—6 р. 78 к.; Хорольскаго уѣзда, свящ. П. Волкова—3 р. 26 к.; 1 округа, свящ. Н. Клепачевскаго—1 р. 60 к.; Царсвококшайскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Воздвиженскаго—3 р. 90 к.; Цивильскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Алтарева—6 р. 80 к.; г. Чистополя, прот. Ѳ. Лебедева—7 р.; 3 округа, свящ. В. Лихачева—6 р.; Шацкаго уѣзда, 2 округа, свящ.

Д. Спасскаго—9 р. 59 к.; г. Шуи, прот. Ф. Дунаева—3 р. 15 к.; и изъ уѣзда, свящ. А. Благосклонова—2 р. 30 к.; 4 округа, свящ. П. Виноградова—2 р.; г. Юрьева-Польскаго, настоятеля Архангельскаго монастыря, архимандрита Модеста — 1 р.; Юрьевскаго уѣзда, 6 округа, свящ. А. Вишнякова — 4 р. 54 к.; г. Юхнова, прот. Е. Городецкаго—2 р.; и изъ уѣзда, 1 округа, свящ. В. Бѣлавенцева—4 р. 25 к.; свящ. В. Овсянникова—3 р. 12 к.; Ямпольскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Карпчковскаго—12 р.; 6 округа, свящ. А. Княжицкаго—6 р.; г. Яранска, прот. М. Быстрова—6 р.; 3 округа, свящ. А. Дернова — 6 р. 85 к.; Ярославскаго уѣзда, свящ. І. Зыкова—6 р.; прот. І. Немірова—1 р. 77 к.; свящ. Ѳ. Пеликанова—4 р. 35 к.; и свящ. Н. Писаревскаго—3 р. 20 к.; **итого 2501 р. 54 к.**

II. Славянское обозрѣніе.

Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ.

(По поводу сербско-болгарскаго столкновенія и рѣчи Бисмарка).

Великое славянское племя распалось, вслѣдствіе разныхъ печальныхъ обстоятельствъ, на нѣсколько народовъ, каждый съ своимъ языкомъ, литературою, культурою, исторіею, съ своими стремленіями, съ своими идеалами. Это національное, культурное и политическое раздробленіе славянъ способствовало ихъ отчужденію, поддерживало и поддерживаетъ ихъ разладъ и повело къ гибели или къ порабощенію мелкихъ славянскихъ народовъ на югѣ и на западѣ. Только восточные славяне отстояли свою политическую независимость и основали сильное государство, главный и необходимый залогъ развитія каждаго народа.

Много было причинъ печальнаго раздробленія славянъ на западѣ и на югѣ. Причины были внѣшнія, но тоже и внутреннія; а эти послѣднія рѣшили неблагопріятный исходъ историческаго развитія западнаго и южнаго славянства. Уже византійцы VI вѣка замѣтили у ближайшихъ славянъ, подунайскихъ и черноморскихъ одну черту, которая сдѣлалась для дальнѣйшаго историческаго развитія славянъ роковою. Славяне—такъ разсуждаютъ византійцы — не терпятъ никакого повелителя и преслѣдуются взаимною ненавистью; ни въ чемъ они между собою не согласны, и если одни въ чемъ нибудь согласятся, то другіе сейчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, такъ какъ всѣ ненавидятъ другъ друга, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому; поэтому нужно ихъ сварливыхъ вождей приводить на свою византійскую сторону, чтобъ они не соединились подъ однимъ повелителемъ. А съ другой стороны арабы тоже замѣтили, что еслибъ славяне не были такъ раздроблены, то не могъ бы съ ними помѣриться ни одинъ народъ въ мірѣ. Вотъ источникъ политической слабости славянъ, по мѣткимъ сужденіямъ иноплеменниковъ. Но этого мало. «Вста родъ на родъ, и быша въ нихъ усобицы, и воевать начаша сами на ся; и рѣша сами въ сотѣ: поищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву. Идоша за море къ варягомъ и рѣша: вся земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣтъ; да поидѣте княжитъ и володѣтъ нами. И избрася Kuning Rurik uud sîne getruwen и прія власть». Вотъ и обыкновенный конецъ исторіи всѣхъ славянскихъ междоусобицъ.

Больше чѣмъ тысячелѣтіе тому назадъ наступала съ запада страшная гроза на славянъ. Грозный Карлъ «краль», соединивъ всѣ племена нѣмецкія съ своею сильною франкскою державою, бросается и на западныхъ и юго-западныхъ славянъ; они дѣлаются его данниками, и отдѣльныя ихъ возстанія не могли уже измѣнить этого положенія дѣлъ. Съ тѣхъ поръ франки и ихъ преемники нѣмцы, образовавши сильное государство, распоряжаются въ славянскихъ земляхъ какъ хозяева, вмѣшиваются во внутреннія дѣла слабыхъ славянъ, по собственному почину и по желанію самихъ славянъ и ихъ сварливыхъ князей, которые часто помогаютъ нѣмцамъ другъ противъ друга, противъ

собственнаго народа. Въ 789 г. въ войскѣ Карла, выступившемъ противъ лютичей, находились и сербы и ободричи подъ своимъ князем Волчакомъ,—фактъ, повторяющійся въ славянской исторіи очень часто. Славяне какъ то предпочитали сильнаго государя иноплеменника, нѣмца, такому государю славянской крови, предпочитали коснѣть въ примитивной жизни по племенамъ, ссориться, воевать другъ съ другомъ иногда только «изъ-за могущества и храбрости» (какъ напр. племена лютичей въ половинѣ XI в.), и поэтому призывать нѣмцевъ на помощь другъ противъ друга. Если же удалось сильному славянскому князю вывести славянъ изъ такого примитивнаго быта, сплотить ихъ силы въ государство для сопротивленія нѣмцамъ, то такая держава возбуждаетъ прежде всего зависть и ненависть у самихъ славянъ, и они спѣшатъ на помощь нѣмцамъ, которые конечно всѣми силами стремятся раздавить столь опасное для нихъ сплоченіе славянскихъ силъ въ одномъ государствѣ. Сильная держава моравскихъ Моймiровичей гибнетъ не только отъ нѣмцевъ и ихъ союзниковъ угровъ (мадьяръ), но и отъ несочувствія къ ней другихъ славянъ. Великая идея Ростислава: образовать сильное государство западно-славянское, независимое отъ нѣмцевъ въ отношеніи политическомъ и религіозно-культурномъ, гибнетъ, не находитъ достаточной поддержки ни у чеховъ, ни у паннонскихъ славянъ, ни даже у племянника и преемника Ростислава, у князя Святополка, выдавшаго измѣннически своего дядю нѣмцамъ. Святополкъ дозволяетъ нѣмецкимъ епископамъ преслѣдовать и мучить славянскаго архіепископа моравско-паннонскаго Меѳодія, этого представителя религіозно-культурной независимости юго-западныхъ славянъ отъ нѣмцевъ, онъ дозволяетъ—по смерти Меѳодія—нѣмецкимъ епископамъ распоряжаться въ его славянской державѣ, топтать великую дѣятельность славянскихъ апостоловъ, мучить ихъ учениковъ, и наконецъ вытолкать ихъ изъ моравской державы вонъ, что совершилось при помощи варварскихъ нѣмецкихъ солдатъ, уже отъ природы-де дикихъ, какъ замѣчаетъ біографъ одного изъ этихъ учениковъ, Климента. Послѣ этого событія, совершившагося какъ разъ тысячу лѣтъ тому назадъ, нѣмецкіе епископы могли конечно съ торжествомъ заликовать: западные славяне, захотятъ-ли, или не захотятъ, будутъ подчинены нашему господству — Sclavi sive velint, sive nolint regno nostro subacti erunt! А это господство было не только духовное, культурное, а тоже политическое.

Не лучше было, когда черезъ сто лѣтъ послѣ этихъ событій, польскій князь Болеславъ созывалъ и соединялъ западныхъ славянъ къ оружію противъ нѣмцевъ. Лютичи и чехи не хотятъ и слушать голоса Болеслава и предпочитаютъ голосъ и власть нѣмецкаго короля—императора; они ему изо всѣхъ силъ помогаютъ противъ Болеслава, да постоянно и подстрекаютъ его къ войнѣ съ великимъ княземъ славянскимъ, который посмѣлъ подумать о созданіи сильной западно-славянской державы, какъ оплота и защиты разрозненныхъ, поссоренныхъ и погибающихъ въ нѣмецкихъ сѣтяхъ славянъ западныхъ.

Балтійскіе и полабскіе славяне погибли, и на ихъ могилахъ возникаетъ Бранденбургъ; на югѣ по Дунаю, гдѣ сломлена сила славянъ паденіемъ Великой Моравіи и образованіемъ Угріи, возникаетъ Австрія. Вотъ два нѣмецкихъ тарана, дѣйствующихъ дружно противъ славянъ на западѣ и на югѣ. Бранденбургъ вмѣстѣ съ нѣмецкими рыцарями крестоносцами въ балтійскихъ странахъ угрожаетъ Польшѣ, Литвѣ и сѣверозападной Руси, Австрія всасывается въ славянъ альпійскихъ, мѣтитъ въ Чехію и Угрію и тѣмъ самымъ и дальше въ южное славянство, которое раздробилось, не выдержало борьбы съ Византіею, Угріею, Венеціею и наконецъ сдѣлалось добычею турокъ. Вбитая въ Германію, между Бранденбургомъ и Австріею, Чехія, по неволѣ запутываясь все больше въ сѣтяхъ нѣмецкихъ, пробуетъ разорвать эти сѣти, взываетъ къ соплеменной Польшѣ о помощи; но Польша, бросившись на востокъ, на Русь, поглощаемая интересами восточной Европы, гдѣ хочетъ непремѣнно властвовать, не видитъ на западѣ достаточно ясно; она могла подать чехамъ только слабую помощь, и въ концѣ концовъ не была въ состояніи предотвратить водвореніе господства Австріи въ Чехіи и въ Угріи, и даже сама способствовала до извѣстной степени гибели чешскаго государства. Чехи не пере-

стаютъ указывать Польшѣ всю страшную опасность, угрожающую всему западному славянству со стороны нѣмцевъ.

Сколь трогательно и вмѣстѣ съ тѣмъ сколь вѣрно опредѣляетъ чешскій король Премыслъ Отакаръ отношеніе нѣмцевъ къ западнымъ славянамъ, когда онъ приготовлялся къ послѣдней своей борьбѣ съ Рудольфомъ Габсбургомъ (1278 г.); онъ взываетъ къ соплеменной Польшѣ о помощи противъ общаго врага славянъ, противъ ненасытной пасти нѣмцевъ (insatiabiles Teutonicorum hiatus), которые послѣ подавленія чеховъ бросятся на Польшу, и сдѣлаютъ съ нею тоже самое. Въ подобномъ смыслѣ часто говорятъ чехи къ полякамъ и вообще къ славянскому востоку въ XV в., когда чешскій народъ поднялъ славянское знамя въ средней Европѣ и защищалъ его противъ той «ненасытной пасти нѣмцевъ» съ необыкновеннымъ мужествомъ. Въ подобномъ же смыслѣ говорятъ чехи къ Польшѣ и накакунѣ гибели своего государства, умоляя польскаго короля и поляковъ вообще, чтобъ они помогли имъ во имя единства народа и языка, какъ соплеменники и сосѣди; ихъ враги созываютъ и подстрекаютъ весь міръ противъ нихъ, чтобъ истребить Чехію и чтобъ въ мутной водѣ удобнѣе ловить рыбу, поглотить ихъ имущество и возрасти изъ ихъ гибели — quo ipsi in turbatis aquis commodius piscari, vitae et fortunis nostris inhiare atque ex ruina nostra crescere quirent!

Польша не вняла этому чешско-славянскому голосу Кассандры, какъ слѣдовало; она и въ XV вѣкѣ не защищала чеховъ на столько, на сколько этого требовали интересы ея и славянства, она дозволила нѣмцамъ занять и наконецъ растоптать славянскій бастіонъ въ средней Европѣ. Да и трудно было Польшѣ внять голосу «еретиковъ» хотя и славянскихъ, такъ какъ она, любя заниматься теологическими вопросами, считая своею обязанностью предпринять долговѣчный крестовый походъ противъ всей «схизматической» Руси, въ этой борьбѣ тратила и истратила свои силы. «Ненасытная пасть нѣмцевъ» раскрылась наконецъ и на Польшу; да соотечественники Болеслава Храбраго лѣзли, такъ сказать, сами въ эту пасть, заключивъ союзъ съ наслѣдниками св. Генриха, Альбрехта Медвѣдя, Германа фонъ-Зальца и Фридриха II противъ славянской Россіи.

Работа обоихъ нѣмецкихъ тарановъ противъ славянства: на сѣверѣ Бранденбурга—Пруссіи, на югѣ Австріи, увѣнчалась блестящими для нѣмцевъ результатами. Девять столѣтій тому назадъ сказалъ одинъ нѣмецкій лѣтописецъ: «Нѣмцы добиваются славы и великой и обширной державы, а славяне сражаются за свободу и для избѣжанія крайняго рабства».

Это пророчество нѣмецкаго лѣтописца исполнилось какъ нельзя лучше; нѣмцы добились славы и великой державы, а славяне западные и южные, въ большинствѣ, даже не отстояли своей свободы, а очутились въ зависимости отъ нѣмцевъ, въ зависимости политической, экономической и культурной. Нѣмецкое знамя развѣвается на моряхъ Балтійскомъ и Адріатическомъ, на источникахъ и устьяхъ Лабы, Одры, Вислы, и по Дунаю, стремясь дальше на востокъ къ устьямъ этой священной рѣки славянской, откуда «разидеся славянскій языкъ» на сѣверъ и на востокъ, на западъ и на югъ. Западная половина Балканскаго полуострова, заселенная сербскимъ народомъ, очутилась недавно подъ непосредственною властью нѣмцевъ или въ сферѣ ихъ политическаго, экономическаго и культурнаго вліянія. Въ Сараевѣ и въ Мостарѣ идетъ успѣшно изученіе нѣмецкаго языка въ школахъ и въ театрѣ, издается нѣмецкая газета. Взоры сербовъ обращены волей-неволей къ Вѣнѣ, куда давно уже глядятъ остальные ихъ братья сербы, хорваты, словинцы, чехи, словаки, галиційскіе поляки и русскіе, завязывая такимъ образомъ сношенія и съ Берлиномъ, куда стремятся лужицкіе сербы и западные ляхи, кашубы и поморяне, мазуры, великополяне и слензане. Равнымъ образомъ какъ на сѣверѣ служатъ нѣмецкимъ интересамъ Радзивиллы, фонъ-Подбѣльскіе, фонъ-Яновскіе, на равнѣ съ Бисмарками и Мольтке, такъ на югѣ по Дунаю служатъ тѣмъ же самымъ нѣмецкимъ интересамъ Коуницы и Лобковицы, Потоцкіе и Сапѣги, Филиповичи и Родичи, на равнѣ съ Ауэрспергами и Гербстами, Андраши и Каллаями. Все это — результатъ вѣковыхъ сношеній и связей югозападныхъ славянъ съ великимъ народомъ нѣмецкимъ, который давно уже вса-

сываетъ эти мелкіе народы, подчиняетъ ихъ себѣ въ отношеніи матеріальномъ и культурномъ, и направляетъ ихъ дѣятельность въ пользу своихъ интересовъ. Работають-ли эти мелкіе славянскіе народы *добровольно* или по неволѣ въ пользу нѣмецкихъ интересовъ, въ сущности все *равно;* работа идетъ успѣшно, и число славянскихъ охотниковъ служить нѣмецкимъ интересамъ, все увеличивается.

Одинъ изъ такихъ охотниковъ представился намъ осенью 1885 г., въ достопамятный годъ тысячелѣтія кончины великаго славянскаго учителя и мученика Меѳодія, прогнанія нѣмцами его учениковъ изъ славянскихъ странъ по среднему Дунаю, изъ Моравіи и Панонія, и принятія ихъ въ Бѣлградѣ болгарскимъ намѣстникомъ Боритананомъ,—совершилось событіе, опять ярко освѣтившее роковую рознь славянъ и ихъ готовность служить нѣмецкимъ интересамъ: Сербія, руководимая завистью къ успѣхамъ ближайшихъ соплеменниковъ своихъ болгаръ, жаждующая чужаго наслѣдства, и желая проторить нѣмцамъ дальнѣйшій путь на Балканскій полуостровъ, бросилась не на Старую Сербію и Боснію, а на болгаръ. Деньгами и благословеніемъ снабдили Сербію нѣмцы, а горячіе мадьяры привѣтствовали братоубійственную войну южныхъ славянъ громкихъ éljen! Пресловутая экспедиція сербовъ, не увѣнчавшаяся успѣхомъ, останется на всегда однимъ изъ самыхъ любопытныхъ—болѣе въ патологическомъ отношеніи — явленій въ исторіи славянъ. Впрочемъ, главные виновники этого дѣла, сербскій король и его знаменитые совѣтники, хотѣли вѣроятно только подтвердить правду сербской пословицы: србин коси, шваба носи, србин бере, шваба ждере (сербинъ коситъ, нѣмецъ носитъ, сербинъ собираетъ, нѣмецъ пожираетъ), и сдѣлали бѣдный сербскій народъ невольною жертвою такой политики; но—quidquid delirant reges, plectuntur Achivi. Сербскій король не вспомнилъ о замѣчательныхъ словахъ, которыя одинъ изъ его предшественниковъ, король Стефанъ Дечанскій, написалъ (1330 г.) напавшему на него болгарскому царю Михаилу: Почто труждаеши се погубляти бльгарскые и срьбскые роды? Честь бо твоего достоаніа въ руку имаши, юже богъ даровати, доволнь своими буди, да благо ти будеть, а не другаа желаи, яже богъ инѣмь дарова. Богови бо приражаеши се, яко яже отъ него добрѣ раздѣленнаа сьмущае и ратуе. И убо аще толико воинствнь еси, на варвары вворужаи се, а не на Хрпстовы люди. Имь же азь пастырь по того благодети и таже ничто же обидѣвшимь те. Помысли колико крьви изліати се прѣдлежеть, колико матере обезчедеть се, колика трупіа оть обою страну птицамь и звѣремь на снѣдь прѣдложеть се, колико же о сихъ истезаніе быти хощеть, сихь безсловеснѣ погубльшому прочее нась мировати оставль. Самь подобное имѣе кь своимь обрати се, иже бо туждаа тьщущеи се извѣстное дражати сь сими погубьлають, тако вьсезрителному судещу оку.

Впрочемъ къ такимъ явленіямъ въ славянскомъ мірѣ надо уже привыкнуть. Равнымъ образомъ какъ въ 789 г. ободричскій князь Волчанъ навѣрное не былъ первымъ славяниномъ, сражавшимся за нѣмецкіе интересы противъ ближайшихъ соплеменниковъ, такъ и въ 1885 г. сербскій король Миланъ вѣроятно не былъ послѣднимъ славяниномъ, служившимъ нѣмецкимъ интересамъ противъ славянскихъ.

Мы не входимъ въ оцѣнку разныхъ этихъ явленій славянской исторіи, и констатируемъ только фактъ, что славяне больше чѣмъ цѣлое тысячелѣтіе, сознательно и безсознательно, добровольно и по неволѣ, стараются—travailler pour le roi de Prusse!

Да—правъ былъ одинъ хорватскій патріотъ поэтъ, когда онъ, еще въ 1848 г., съ горечью воскликнулъ: «славяне, вы слуги народовъ, вы сторожи царствъ и друзья печали! Чужіе вы подданные, чужіе вы солдаты! Гдѣ *ваши* поля, гдѣ *ваши* знамена? Нигдѣ ничего своего, никто васъ не любитъ, всѣ народы васъ ненавидятъ; всякій васъ себѣ подчинитъ. На ноги поднимайтесь! Мечъ въ руки нынѣ! Чужіе да падутъ, а славянство да господствуетъ!»

Славяне на западѣ и на югѣ лишились своей политической самостоятельности, подпали подъ власть, или подъ вліяніе иноплеменниковъ, преимущественно нѣмцевъ, и сдѣлались въ ихъ рукахъ послушнымъ или невольнымъ орудіемъ для ихъ

анти-славянскихъ цѣлей. Только на славянскомъ востокѣ, на Руси сохранилась славянская независимость, образовалось сильное славянское государство, благодаря энергіи московскихъ князей. И на Руси междоусобицамъ племенъ не было конца, и палка гнѣвнаго Перуна, брошенная имъ на мостъ новгородскій въ предсказаніе будущихъ междоусобицъ, сдѣлала на Руси свое дѣло. Но Москва вынесла побѣдоносно знамя русской независимости, знамя сильнаго славянскаго государства изъ всѣхъ этихъ безконечныхъ междоусобицъ русскихъ племенъ, изъ внутренней ворьбы съ центробѣжными стремленіями русскихъ окраинъ, и изъ борьбы съ внѣшними врагами, варягами и нѣмцами, литовцами и поляками, татарами и турками. Москва собирала русскія земли, дѣлалась представительницею всея Руси, ея политическаго и національнаго единства сдѣлалась Русью—Россіею. Это единственное славянское государство завязываетъ сношенія съ южными славянами въ Турціи, помогаетъ сербамъ и болгарамъ къ достиженію самостоятельности; оно предлагаетъ и полякамъ два раза (1815 и 1861 гг.) modus vivendi съ великимъ восточно-славянскимъ государствомъ и народомъ. Еще не всѣ соотечественники Болеслава Храбраго сознаютъ, сколь важную услугу сослужили они «нѣмецкой пасти», нѣмецкому стремленію на востокъ, нѣмецкому единству, усиленію Пруссіи—Германіи въ Средней Европѣ и усиленію Австріи въ юговосточной Европѣ, польскими отвѣтами на предложенія Россіи: *возстаніями* 1831 и 1863 годовъ. Недавняя рѣчь Бисмарка, торжественно провозгласившаго старинный боевый лозунгъ нѣмецкій «истребленіе и экспропріація славянъ», представляетъ только логическое *дополненіе тѣхъ печальныхъ польскихъ отвѣтовъ на славянскія предложенія Россіи* въ 1815 и 1862 гг.

Много говорится теперь объ антагонизмѣ Австріи и Россіи по поводу балканскихъ дѣлъ. Этотъ антагонизмъ дѣйствительно существуетъ, и ничто на свѣтѣ не можетъ его устранить. Австрія, вытолкнутая изъ Италіи и Германіи, бросилась на юговостокъ, на Балканскій полуостровъ, и здѣсь столкнулась съ Россіею. Въ интересахъ Россіи было не вытѣсненіе Австріи изъ Германіи; напротивъ, интересы Россіи требовали, чтобъ Австрія была прикована къ дѣламъ Германіи, чтобъ дуализмъ въ Германіи, между Австріею и Пруссіею, не исчезъ, чтобъ вниманіе и дѣятельность Австріи поглощались преимущественно дѣлами Германіи, и чтобъ такимъ образомъ политика Россіи на Балканскомъ полуостровѣ была болѣе свободна и менѣе связана. Но дѣло сдѣлано, и на Балканскомъ полуостровѣ явилась соперница Россіи въ лицѣ Австріи. Еслибъ Австрія явилась на Балканскомъ полуостровѣ одна, сама по себѣ, то соперничество ея съ Россіею не было бы для послѣдней особенно опасно; но Австрія идетъ на юговостокъ Европы *не одна, а какъ проводникъ всѣхъ стремленій нѣмецкаго народа*, національныхъ, культурныхъ, экономическихъ и политическихъ. Австрія въ этомъ своемъ качествѣ проводника нѣмецкихъ интересовъ, на востокѣ, и для Германіи необходима, и извѣстныя слова Бисмарка, что Австрія должна искать центръ тяготѣнія на востокѣ, имѣютъ глубокій смыслъ. Entente cordiale между Россіей и Германіей (Пруссіею) не измѣнитъ ни въ чѣмъ стремленій нѣмецкаго народа на юговостокъ.

Вытѣсненіе Австріи изъ Германіи и назначеніе ей роли нѣмецкой восточной имперіи (Ost-Reich), потребовало ея переустройства. Прежняя централизація и германизація всей имперіи удержана только въ «западной» ея половинѣ, гдѣ кромѣ того нѣкоторые народы (не всѣ) пріобрѣли нѣкоторыя права въ ущербъ принципу централизаціи и германизаціи; восточная половина предоставлена централизаціи мадьярской, хотя и здѣсь хорваты, за дорогую цѣну матеріальныхъ убытковъ, сохранили себѣ извѣстную автономію и національныя права. Но вообще говоря, западная половина Австріи (съ Галиціею, Босніею) носитъ на себѣ характеръ нѣмецкаго государства, а восточная—мадьярскаго. Этотъ общій характеръ Австріи по всей вѣроятности останется надолго, хотя въ частности разные народы будутъ, съ бóльшими или меньшими успѣхами, добиваться разныхъ правъ для своихъ языковъ, пріобрѣтать новыя, терять ихъ, вновь ихъ добиваться, и пр. Но тѣмъ не менѣе нѣмецкій языкъ и нѣмецкая культура оста-

нутся соединяющимъ звеномъ всѣхъ народовъ Австріи, привилегированныхъ и непривилегированныхъ, властвующихъ и чернорабочихъ. Вслѣдствіе событій послѣдняго десятилѣтія на Балканскомъ полуостровѣ, являются все новые планы о переустройствѣ Австріи въ будущемъ: держава Габсбурговъ должна сдѣлаться федераціею всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ, мадьяръ и румынъ, и поддерживать католическій «австрійскій панславизмъ»: терминъ не совсѣмъ удачно придуманный при извѣстныхъ стремленіяхъ нѣмцевъ и мадьяръ къ гегемоніи, при отношеніяхъ поляковъ и русскихъ въ Галиціи («русиновъ»), хорватовъ и сербовъ, сербовъ и болгаръ. Нѣкоторые поляки желаютъ, чтобъ Австрія восприняла идею Ягайловичей, дѣйствовала на всѣхъ поляковъ и поддерживала даже нѣкоторые центробѣжные и сепаратистическіе элементы «русинскіе», чтобъ она рѣшала восточный вопросъ на берегахъ Вислы (т. е. въ сосѣдствѣ Германіи), и пр. и пр. Всѣ эти планы направлены, конечно, противъ Россіи, которая должна быть вытѣснена изъ Балканскаго полуострова, оттѣснена отъ Чернаго моря, и прогнана вѣроятно за Днѣпръ. Если бы Австрія одна взялась за эту работу, то можно бы было отнестись къ разнымъ такимъ планамъ съ крайнимъ скептицизмомъ; но зная, что здѣсь за Австріей стоитъ и будетъ стоять весь грозный народъ нѣмецкій съ извѣстными и всегда удающимися стремленіями на востокъ, мы не можемъ не тревожиться за будущее западныхъ и южныхъ славянъ. Предположимъ самый благопріятный исходъ задуманнаго плана: нѣмцы, вмѣстѣ съ своими исконными союзниками противъ славянъ, мадьярами, и съ добровольною или невольною помощью нѣкоторыхъ славянъ и румынъ, успѣли бы дѣйствительно смастерить такую «федерацію». Это, разумѣется, можетъ удасться только въ такомъ случаѣ, если во время работы не произойдетъ смятенія языковъ, если рабочіе не подерутся (а это больше чѣмъ вѣроятно), и, главное, если Россія захочетъ смотрѣть на это противъ нея воздвигаемое нововавѣтное вавилонское столпотвореніе, совершенно безучастной зрительницей, сложа руки, и не пожелаетъ (что невѣроятно) воспользоваться своими перунами и своими симпатіями въ рядахъ массы рабочихъ, съ цѣлью возбудить «анти-федераціонное» движеніе. Положимъ, однако, что нѣмецкіе архитекторы (т. е. весь народъ нѣмецкій, а отнюдь не одна Австрія) не встрѣтятъ никакихъ затрудненій, доведутъ свою постройку до конца, и заставятъ всѣ эти мелкіе, разношерстные и другъ друга не очень-то долюбливающіе народы представлять изъ себя хвостъ единой Германіи, приблизительно въ смыслѣ словъ нѣмецкаго политика Гагерна, высказанныхъ еще въ 1848 г. въ франкфуртскомъ парламентѣ. Въ виду военнаго вопроса—сказалъ Гагернъ — необходимо сближеніе Пруссіи и Австріи; ибо всѣ тѣ народы по Дунаю, которые не имѣютъ-де ни права, ни призванія къ самостоятельности, должны быть включены, какъ *драбанты, въ нѣмецкую планетную систему*. Но такое включеніе разныхъ не-нѣмецкихъ «драбантовъ» въ нѣмецкую планетную систему, такое «рѣшеніе» славянскаго вопроса на западѣ и на югѣ — навѣрное пошло бы не въ пользу славянъ, а опять-таки въ прокъ нѣмцамъ, считающимъ издавна славянъ только матеріаломъ для питанія своего тѣла. Такое рѣшеніе славянскаго вопроса на западѣ и на югѣ влагало бы только новые листочки уже довольно объѣденнаго славянскаго артишока въ «ненасытную пасть нѣмцевъ» (не въ обиду имъ будь это сказано!), которые проглотили уже милліоны славянъ и *со временемъ* справились бы и съ такою вавилонскою федераціею, существующею подъ ихъ же главенствомъ. L'appetit vient en mangeant—а аппетитъ у нѣмцевъ, какъ извѣстно, необыкновенно хорошій, простираясь bis wohin die deutsche Zunge reicht. Не всегда бываетъ, что русскому (славянину) здорово, то нѣмцу смерть; часто бываетъ и наоборотъ.

Въ виду этого будущаго вѣнчанія зданія нѣмецкой политики, мадьяры, кажется, уже замолкли о своей возлюбленной «подунайской федераціи», какъ о ней мечтали Вешеленьи, Кошутъ, Клапка, Пульскій и др. Было бы, въ самомъ дѣлѣ, просто чудо, если бы, напр., румыны, болгаре, сербы, хорваты, словаки, поляки и «русины», должны были кружиться какъ «драбанты» около угорской «пла-

неты», этого оплота «цивилизаціи» противъ «русскаго панславизма и варварства». Впрочемъ, въ Угріи можно услышать на эту тему еще до сихъ поръ разныя диковинки. Такъ еще недавно въ угорскомъ парламентѣ почтенный депутатъ Чанады серьезно утверждалъ, что слѣдуетъ помѣшать страшнымъ замысламъ Россіи такимъ образомъ: къ Галиціи надо присоединить и прусскую и русскую Польшу и возложить польскую корону на голову угорскаго короля. А другой мадьярскій политикъ, графъ Аппоньи, другъ и пріятель графа Андраши, настаиваетъ на томъ, что Австрія должна вытѣснить, во что бы то ни стало, Россію изъ Балканскаго полуострова, уничтожить русское вліяніе на тамошнихъ славянъ и занять тамъ мѣсто Россіи; роль освободительницы тѣхъ народовъ должна принять на себя Австрія, и въ союзѣ съ Англіей и можетъ быть и съ Германіей, уничтожить панславистическія интриги исконнаго своего врага Россіи.—Всѣ эти грандіозные планы пока еще на бумагѣ, но въ нихъ проглядываетъ все та же крайняя враждебность противъ «панславистическихъ интригъ» Россіи, и полная готовность мадьяръ служить нѣмцамъ въ ихъ стремленіяхъ на востокъ и юго-востокъ Европы.

Представляя здѣсь не очень привлекательную сторону славянской исторіи, мы отнюдь не намѣрены обвинять нѣмцевъ и нападать на нихъ по поводу ихъ политики относительно славянъ. Жизнь народовъ вовсе не поэтическая идиллія, а арена твердой упорной борьбы, политической, экономической и культурной; а въ такой борьбѣ побѣждаетъ тотъ народъ, который сильнѣе не только въ отношеніи матеріальномъ, но и культурномъ, духовномъ. Не нужно быть нѣмцемъ, чтобъ понять слова Шиллера:

Leicht bei einander wohnen die Gedanken'
Doch hart im Raume stossen sich die Sachen;
Wo eine Platz nimmt, muss die andre weichen,
Wer nicht vertrieben sein will, muss vertreiben,
Da herrscht der Streit, und nur die Stärke siegt.

Интересы нѣмецкаго народа требуютъ, чтобы мелкіе славянскіе и другіе народы на восточной границѣ нѣмецкаго міра отъ устьевъ Вислы и Нѣмана до устьевъ Дуная и Вардара находились въ непосредственной или посредственной зависимости отъ обѣихъ нѣмецкихъ имперій, Австріи и Германіи, въ зависимости политической, экономической и культурной; чтобъ всѣ эти земли представляли обширную область для нѣмецкой колонизаціи и рынокъ для сбыта туда произведеній нѣмецкаго труда, промышленности, литературы и пр., для направленія туда вообще всѣхъ лишнихъ силъ нѣмецкихъ, земледѣльцевъ и землевладѣльцевъ, промышленниковъ, интеллигенціи и пр. По этому нѣмцы, издавна слѣдуя своему вполнѣ естественному стремленію на востокъ (Drang nach Osten), осуществляютъ, сознательно и безсознательно, этотъ грандіозный и на долгіе вѣка намѣченный планъ, покоряютъ и завоевываютъ себѣ славянскихъ сосѣдей на востокѣ, не только посредствомъ меча, но тоже при помощи плуга, молотка, фабрики, книги. Нѣмцы, зорко слѣдя за политическимъ развитіемъ славянскихъ своихъ сосѣдей, все «возможно мѣшали и мѣшаютъ ихъ соединенію, выставляютъ имъ «панславизмъ» въ самыхъ нелѣпыхъ видахъ, при чемъ конечно достается особенно Россіи, и безчисленно поминаются всуе слова «цивилизаціи» и варварство; они поддерживаютъ рознь славянъ, ихъ нелюбовь другъ къ другу, находятъ въ ихъ рядахъ охотныхъ адептовъ и приводятъ ихъ все въ большую зависимость отъ себя. Эти стремленія нѣмцевъ значительно облегчаются сварливымъ характеромъ славянъ, ихъ «чужебѣсіемъ»—склонностью ко всему чужому, и отчасти низкимъ уровнемъ ихъ матеріальнаго и умственнаго развитія. Такъ это было уже во времена Каролинговъ, Оттоновъ и Генриховъ, такъ это дѣлается во времена Габсбурговъ, Гогенцолерновъ. Нѣмцы съ помощью угровъ и чеховъ уничтожили Великую Мораву, нѣмцы съ помощью лютичей и чеховъ наносили опасные удары Болеславу Храброму; нѣмцы всегда мѣшали соединенію Чехіи и Польши, разжигали и, на сколько могли, поддерживали вражду поляковъ и русскихъ и пользовались вообще всѣмъ, что можетъ способствовать разъединенію и ослабѣванію славянъ, чтобъ только «ловить рыбу» въ мутной водѣ и возрости изъ гибели славянъ. «Нѣмцы считали и считаютъ земли

по Лабѣ, Одрѣ, Вислѣ и Дунаю областью для своей колонизаціи, осуществляли и осуществляютъ эту колонизацію съ свойственною имъ настойчивостью и послѣдовательностью, и съ помощью славянъ.

Мысль о такой громадной колонизаціи земель между устьями Вислы и Нѣмана, Дуная и Вардара, интересуетъ современныхъ нѣмцевъ все больше и больше; ее проповѣдуютъ нѣмецкіе государственные люди, политики, экономисты, писатели, ее осуществляютъ практически многочисленные нѣмецкіе выходцы разнаго сорта. Еще на дняхъ пришлось намъ читать о появленіи брошюры Павла Дена «Deutschland nach Osten!», въ которой авторъ указываетъ на задачу Германіи водворить порядокъ на юговостокѣ Европы, цивилизовать тамошніе народы и — въ концѣ сдѣлать ихъ своими драбантами.

Опасность, угрожающая западнымъ и южнымъ славянамъ со стороны современныхъ нѣмцевъ вслѣдствіе усиливающагося ихъ стремленія на востокъ, очень большая, больше чѣмъ когда-либо. Остановить это стремленіе можно было еще въ XV в., еслибъ тогда славянскій востокъ, управляемый литовско-русскими гедиминовичами всѣми своими силами бросился на нѣмецкій міръ, потрясенный гуситскими чехами; сраженія подъ Грюнвальдомъ и подъ Домажлицами могли еще отразить нѣмцевъ отъ славянскаго востока, водрузить славянское знамя въ Средней Европѣ, спасти Чехію и соединить ее съ славянскимъ востокомъ. Еслибы государи славянскаго востока, король Ягайло и великій князь Витовтъ, дѣйствовали болѣе дружно и энергично, въ союзѣ съ чехами, противъ общей всѣмъ славянамъ опасности, еслибъ они видѣли въ чехахъ не проклятыхъ Римомъ «еретиковъ», а своихъ братьевъ славянъ, борющихся въ Средней Европѣ «противъ ненасытной пасти нѣмцевъ», то планъ оттѣсненія нѣмцевъ отъ славянскаго востока, можетъ быть, удался бы. Послѣ гуситскаго движенія не представлялась уже возможность такого противодѣйствія наступательному движенію нѣмцевъ на славянскій востокъ; оно вскорѣ залило Чехію и Польшу и подступило черезъ Угрію и къ южному славянству. Противъ такой опасности не много могутъ сдѣлать недостаточныя, разбросанныя силы чешскія, польскія, словенскія, хорватскія, сербскія, болгарскія; а соединенію ихъ для общей цѣли всегда будетъ мѣшать нѣмецкій Воданъ въ союзѣ съ славянскимъ Чернобогомъ. Всѣ эти славяне, правда, не уступятъ своей родной земли безъ упорной борьбы, и мужественная борьба чеховъ съ наступающимъ на нихъ со всѣхъ сторонъ и всѣми средствами врагомъ возбуждаетъ посреди славянъ живѣйшее участіе. Но эта борьба западныхъ и южныхъ славянъ съ нѣмцами — не борьба великихъ народовъ другъ съ другомъ, не состязаніе матеріальныхъ и культурныхъ силъ двухъ равносильныхъ борцевъ; эта борьба славянъ—уже простая *борьба за существованіе*, и такая непосильная борьба не можетъ кончиться въ пользу борющихся разрозненныхъ славянъ, если они останутся и впредь въ своихъ невыгодныхъ условіяхъ; матеріальная и культурная сила нѣмецкаго народа гораздо могущественнѣе, чѣмъ такая же сила всѣхъ этихъ славянъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Эта борьба славянъ западныхъ и южныхъ за существованіе противъ наступающаго и угрожающаго имъ нѣмецкаго міра—опредѣляетъ суть такъ называемаго «славянскаго вопроса». Вопросъ состоитъ въ томъ: удастся-ли западнымъ и южнымъ славянамъ отстоять прежде всего свой національный бытъ противъ притязаній нѣмцевъ, стремящихся, по прежнему, къ ихъ покоренію, къ окончательному привлеченію въ сферу своихъ интересовъ, матеріальныхъ и культурныхъ, и, наконецъ, къ ихъ поглощенію. Эти стремленія нѣмцевъ удавались и удаются, не смотря на отчаянное сопротивленіе западныхъ славянъ; эти стремленія нѣмцевъ перенесены и на славянскій югъ, гдѣ словенцы, хорваты и сербы находятся уже подъ непосредственнымъ или посредственнымъ вліяніемъ нѣмецкихъ интересовъ, матеріальныхъ и культурныхъ. Такое отрицательное рѣшеніе «славянскаго вопроса» угрожаетъ еще усилиться въ будущемъ.

Эта опасность, угрожающая со стороны нѣмцевъ раздробленнымъ, перессорившимся и слабымъ славянскимъ народамъ, придала племенному родству славянъ, славянской идеѣ практическое значеніе. Не смотря на безконечныя дрязги и ссоры славянъ, между ними всегда были и есть

люди болѣе дальновидные, которые сознаютъ весь вредъ раздробленія, взываютъ къ своимъ соотечественникамъ оставить вѣчныя ссоры, междоусобицы, войны, жить въ согласіи, и соединить свои силы противъ общаго врага. Такіе голоса раздаются изъ рядовъ славянскихъ государей, государственныхъ людей, изъ самаго народа, преимущественно изъ рядовъ интелигенціи, писателей. Сколько разъ чехи и поляки громогласно сознаютъ, что необходимо соединиться обоимъ славянскимъ народамъ на ихъ пользу противъ общаго врага, нѣмцевъ. Такъ говорятъ чешскіе и польскіе государи, Болеславы Премыслы, Отакары, Юріи Подѣбрадскіе, Владиславы, Казиміры; такъ говорятъ чешскіе и польскіе паны и другіе вожди; знаменитый Жижка сражался «за освобожденіе народа чешскаго и славянскаго», и чешскіе гуситы постоянно стремились къ соединенію съ славянскою Польшею и Литвою, не желая оставаться подъ нѣмецкими королями. Сколько разъ говорятъ поляки, что необходимо соединиться всему славянскому востоку, Польшѣ, Литвѣ и Москвѣ подъ однимъ государемъ, именно подъ русскимъ царемъ; самъ примасъ-епископъ утверждаетъ, что «поляки и русскіе, будучи одного племени славянскаго, должны какъ братья имѣть одного государя». Разница вѣроисповѣданій мѣшала всегда осуществленію такихъ желаній. Левъ Сапѣга предлагаетъ отъ имени короля Сигизмунда III Москвѣ самый тѣсный союзъ, и на первомъ мѣстѣ статью, чтобъ «оба государя и всѣ жители Польши, Литвы и Москвы жили въ вѣчной, нераздѣльной любви братской, какъ люди одной вѣры христіанской, одного языка и народа славянскаго». Король Іоаннъ Казиміръ не прочь, чтобъ избранъ былъ въ польскіе короли русскій царь Алексѣй, и надѣется, что такимъ образомъ установится миръ, союзъ и соединеніе съ сосѣднимъ народомъ московскимъ, который происходитъ отъ одной и той же самой крови славянской, и что осуществится это необходимое и для великаго Славянскаго племени славное дѣло, къ смущенію сосѣдей завистливыхъ ко всему славянскому имени. Даже наканунѣ паденія Польши многіе поляки желали соединенія съ единоплеменною Русью, такъ какъ póki świat światem, Polak Niemcu nie bratem! Тогда и поэтъ Трембецкій защищалъ такое соединеніе Польши съ единоплеменною Русью, какъ единственный залогъ лучшей будущности поляковъ. Онъ сѣтуетъ на то, что поляки и русскіе ослѣпленные долго считали доблестью бродиться въ братской крови и взаимно истребляться; между тѣмъ усилилась слишкомъ нѣмцы. Забудемъ же обоюдныя обиды — восклицаетъ Трембицкій — а мы съ тѣхъ поръ, сохраняя пріязнь русскаго брата, легко сопротивимся силѣ остальнаго міра!

Długo nam jędze wspólną sprawiały ślepotę,
Ze brodzić w krwi braterskiej mielismy za cnotę.
Gdy własnemi siłami niszszyn się niegodnie,
Nazbyt w naszych krainach wzmogli się przychodnie.
Niech w gruzie starych ruin niepamieć zawali
Kleski, któreśmy wzajem wzięle i dali.
My odtąd przyjaźń tedo utrzymając brata,
Latwo reszty potędze oprzemy się swita!

Въ такомъ смыслѣ говорятъ многіе другіе поляки XIX в., начиная съ Сташица проповѣдывавшаго соединеніе славянскихъ народовъ подъ главенствомъ Россіи и кончая маркизомъ Александромъ Велёпольскимъ, авторомъ знаменитаго письма Меттерниху.

Скоро послѣ Трембецкаго, въ самомъ началѣ нашего столѣтія, на берегахъ Вислы, но уже подъ тѣнью прусскаго орла Гогенцоллерновъ надъ королевскимъ замкомъ въ Варшавѣ, подъ стукъ прусскихъ штыковъ, зарокотала славянская лира поляка Воронича. Поэтъ видитъ спасеніе своего народа въ славянской идеѣ, въ соединеніи Польши съ Россіею видитъ будущее величіе славянъ. Они, занимая огромныя пространства въ Европѣ и въ Азіи, переживутъ свѣтъ и человѣчество; только бы они не забывали объ общемъ родѣ, помогали другъ другу, и не ссорились между собою.

Kość z kości ojców naszych ród jeden składamy,
I jednym wszędzię duchem oddychamy.
Wspólnego rodu nie zabaczajcie,
Wzajem sie bratnią dłonią wspierajcie!;
Czegoz jednego ojca dzieci sie kłócicie?
Złaczcie się z sobą, a swiat roztrącicie!

Нѣсколько лѣтъ спустя подъ Карпатами, на родинѣ великаго Ростислава и на

почвѣ дѣятельности Меѳодія, у словаковъ связанныхъ кандалами мадьярскими, раздалась славянская лира надеждъ и мести Колара. Грустныя мысли наводитъ на поэта современное положеніе славянъ, раздробленныхъ, живущихъ въ грязи и темнотѣ, въ ссорахъ и раздорахъ, и онъ вопитъ устами пророка Исаіи: Господи, ты размножилъ этотъ народъ, но ты не увеличилъ его радости! славянамъ предстоитъ много геркулесовыхъ работъ, чтобъ освободиться отъ такого постыднаго положенія. Славянамъ нужно единодушіе и просвѣщеніе, тогда и они будутъ первымъ народомъ въ мірѣ. Пусть воздвигнутъ они одну славянскую статую, головою которой была бы Россія. Устройте себѣ общину, названную однимъ именемъ, крѣпкую и единодушную, чтобъ иноплеменные мерзавцы и свои скупцы не разрушили ее новымъ ударомъ. Пусть будутъ у насъ многіе члены, но одна голова, выросшая однако изъ вашего-же тѣла!

Zřidte obec, jedním jnenem zvanou,
Pevnou, at ji cizí holomei,
Svornou, at ji vlastní lakomei
Nezbourají novou zase ranou.
Oudy mnohé, hlavu jednu wějte,
Vyrostlou však z těla vašeho!

Около этого времени раздались и на славянскомъ югѣ смѣлыя слова «Илировъ», воодушевленныхъ идеею югославянскою и славянскою....

А какъ бы въ отвѣтъ на всѣ эти мечты и надежды русскій Хомяковъ пишетъ въ Москвѣ своего «Орла» и свою «Оду». .. «Славянъ полунощныхъ орелъ» о младшихъ братьяхъ не забудь, которые на западѣ и на югѣ находятся подъ чужимъ господствомъ и «ждутъ твоего зова... Питай ихъ надеждой лучшихъ дней...

Ихъ часъ придетъ! окрѣпнутъ крылья,
Младые когти подрастутъ,
Вскричатъ орлы—и цѣпь насилья
Желѣзнымъ клювомъ расклюютъ.
Орлы славянскіе взлетаютъ
Широкимъ, дерзостнымъ крыломъ,
Но мощную главу склоняютъ
Предъ старшимъ сѣвернымъ орломъ.
Ихъ твердъ союзъ, горятъ перуны,
Законъ ихъ властенъ надъ землей,
И будущихъ Баяновъ струны
Поютъ согласье и покой!

На Руси отвѣчаютъ уже тогда не только стихами. Общество «соединенныхъ славянъ» мечтаетъ о славянской федераціи и хорошо сознаетъ, что это возможно сдѣлать не рѣчами, а мечами, кровью и желѣзомъ. А что мысли, высказанныя Хомяковымъ и «соединенными славянами», не остались на Руси изолированными и впредь видно между прочимъ, по смѣлымъ мыслямъ Фадѣева о восточномъ вопросѣ и Данилевскаго о *славянской Федераціи подъ главенствомъ Россіи*, что составляетъ любимый предметъ мечтаній, политическій идеалъ многихъ славянъ вообще.

Но рядомъ съ этими великими идеями братства, соглашенія, единенія, которыя считаются необходимыми для дальнѣйшаго успѣшнаго развитія славянства, продолжаетъ работать и славянскій Чернобогъ; онъ поджигаетъ въ славянствѣ весь обильный горючій матеріалъ ненависти и зависти, центробѣжныхъ стремленій, сепаратизма, ссоръ, войнъ, которымъ и пользуются иноплеменники, особенно нѣмецкій Воданъ, для безпрерывнаго ослабленія, униженія, и истребленія славянъ. Удивительно: славяне сознаютъ всю пользу, всю необходимость соглашенія и соединенія, весь вредъ разъединенія и междоусобицъ; а все таки поддаются на затѣи своихъ враговъ, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Вси покоя щиро прагнуть,
А не въ одинъ гужь вси тягнуть,
Той на право, той на ливо,
А вси братя, то-то й диво!

Славянскіе мыслители, думая о печальномъ положеніи своихъ народовъ на западѣ и на югѣ, устремляютъ свои взоры на славянскій востокъ, гдѣ могущественная Россія сохранила знамя славянской самостоятельности. Вѣдь «славянскій вопросъ» на западѣ и на югѣ—какъ разсуждаютъ славянскіе мыслители, несомнѣнно связанъ съ національными культурами и матеріальными интересами славянскаго востока—Россіи. Что думаетъ, что захочетъ, что можетъ сдѣлать Россія въ смыслѣ положительнаго рѣшенія «славянскаго вопроса»? Вотъ вопросы, съ которыми западные и южные славяне все чаще и чаще приступаютъ къ единственному сильному славянскому государству—къ Россіи. Западные славяне, стоя на своихъ оборонительныхъ позиціяхъ, заваленныхъ трупами ободричей, лютичей, поморянъ, сербовъ, отражаютъ посильно

страшный напоръ нѣмецкихъ силъ, наступающихъ и заливающихъ все больше славянскія страны. Кровавыя тѣни Никлота и Мествина, и чешскихъ гуситовъ воевавшихъ «за освобожденіе славянскаго народа», блуждаютъ на этомъ нѣмецко-славянскомъ побоищѣ; а на немъ раздается все нѣмецкій крикъ побѣдителей, начиная съ Карла Великаго, Генриха Льва, Альбрехта Медвѣдя, Рудольфа Габсбурга, Фридриха II, и кончая послѣдними рѣчами Бисмарка и другихъ нѣмецкихъ дѣятелей, А пожаръ, пылающій на западной границѣ славянской, бросаетъ свой яркій свѣтъ уже на славянскій югъ, до Котора, Сараева, Бѣлграда и Ниша. Всѣ эти славяне, особенно западные, обращаютъ все чаще свои встревоженные взоры на славянскій востокъ, и шлютъ туда свой привѣтъ: Ave, Caesar, morituri Te salutant!

Два столѣтія тому назадъ, Россія, тогда еще далеко, не готовая, не обладавшая такими средствами, какъ позже, привлекала къ себѣ взоры многихъ славянъ, которые уже тогда инстинктивно угадывали въ этомъ сильномъ славянскомъ государствѣ оплотъ всего славянства. У того славянскаго народа на югѣ, у котораго всегда сильно звучали струны славянскія, у котораго славянская идея воодушевляла поэтовъ, у хорватовъ мысль о великой защитницѣ славянства, Руси, проявилась необыкновенно живо. Въ такомъ смыслѣ заговорили тогда, около половины XVII в., два хорвата, одинъ на югѣ въ Дубровникѣ, другой въ Москвѣ а потомъ въ Сибири. Поэтъ Юній Пальмотичъ восхваляетъ «мудрую Сѣверницу» Русь, сильную повелительницу сѣвера, слава и мудрость которой извѣстны всему міру; она любезно принимаетъ у себя славянскихъ юнаковъ и путешественниковъ, она навѣщаетъ и славянскіе народы на югѣ, и здѣсь является примирительницею готовящихся къ кровавой войнѣ юго-славянскихъ государей. Другой хорватъ, великій Юрій Крижаничъ, обращается уже прямо къ царю Алексѣю Михайловичу съ слѣдующими словами: «На тебя одного, славный царь, смотритъ весь народъ славянскій. Ты какъ отецъ изволь заботиться о своихъ растерянныхъ дѣтяхъ и собрать ихъ. Заботься объ обманутыхъ и чужою лестью одураченныхъ, чтобъ имъ возвратить разумъ, какъ сдѣлалъ тотъ отецъ въ евангеліи блудному сыну, ибо многіе изъ нихъ какимъ-то волшебнымъ напиткомъ Цирцеи взбѣшены и въ скотъ превращены, такъ что они не понимаютъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій которыя выносятъ отъ иноплеменниковъ, и не понимаютъ постыднаго позора, а радуются ему, и сами его ищутъ, т. е. призываютъ сами къ себѣ иноплеменныхъ государей. Славяне сами себѣ никакъ помочь не могутъ, а имъ нужна внѣшняя сила, чтобъ опять стать на ноги и примкнуть къ другимъ народамъ. Ты, царь, одинъ намъ Богомъ данъ, чтобъ помочь всѣмъ южнымъ и западнымъ славянамъ. У тебя въ рукахъ волшебный жезлъ Моvсея, и ты можешь творить имъ чудеса. Пользуешься полнымъ самодержавіемъ и можешь просвѣтить и прославить не только сіе царство, а также весь народъ славянскій!» Крижаничъ, говоря о все усиливающемся стремленіи нѣмцевъ на востокъ въ ущербъ славянамъ, озабоченно спрашиваетъ: Куда стремится Русь, Russia quo spectat? Русь покровительница и примирительница славянъ, Русь освободительница славянъ: вотъ что слышится уже двѣсти лѣтъ тому назадъ изъ славянскаго юга.

Когда Крижаничъ обратился съ такими словами къ Руси и къ ея царю, то этой Руси предстояла еще трудная и болѣе близкая ей работа: пробиться къ морю и собрать русскія земли, учиться и просвѣщаться. Но при этой тяжелой работѣ Русь не упускала изъ виду и другихъ болѣе далекихъ вопросовъ славянскихъ. Геніальный русскій царь Петръ, точно по начертанному Крижаничемъ плану, живо интересуется положеніемъ тогдашняго славянскаго міра,—увы! крайне печальнымъ,—мечтаетъ объ освобожденіи южныхъ славянъ, привлекаетъ на русскую службу разныхъ славянъ, не забывая даже о чешскихъ шрейберахъ и комедіантахъ славянскаго языка. Петръ Великій понималъ всю важность западныхъ и южныхъ славянъ въ отношеніи къ Руси, а славяне, не смотря на свое тогдашнее ужасное положеніе, понимали русскаго царя и восхищались имъ; онъ былъ повсюду популяренъ, даже въ забитой Чехіи, и юго-славянскіе іезуиты, совершенно забывъ о его «схизмѣ», воспѣвали его въ восторженныхъ одахъ. Намѣченный и завѣщанный Пет-

ромъ планъ освобожденія южныхъ славянъ осуществлялся только при его преемникахъ; благодаря Россіи укрѣпилась Черная Гора, освободилась Сербія и наконецъ Болгарія. Славянскій моментъ, связь единовѣрныхъ и единоплеменныхъ южныхъ славянъ, сербовъ и болгаръ, съ Россіею, игралъ и играетъ въ этомъ дѣлѣ важную роль.

Уже при императорѣ Александрѣ I-мъ въ Россіи хорошо понимали значеніе Россіи для славянъ и также значеніе славянъ для Россіи. Императоръ Александръ съ одной стороны помогалъ сербамъ, а съ другой стороны искренно желалъ устроить modus vivendi между единоплеменниками поляками и Россіею, замѣтивъ совершенно вѣрно, что возрожденіе поляковъ тѣсно связано съ судьбами Россіи, Онъ въ достопамятный 1812 годъ, когда почти вся Европа угрожала Россіи, задумалъ воспользоваться славянскою идеею противъ Австріи, именно возбужденіемъ славянскаго духа у воинственныхъ южныхъ славянъ; а государственный канцлеръ Румянцевъ въ виду поведенія Австріи, соединившейся съ Наполеономъ предложилъ Императору обнародовать воззваніе ко всѣмъ славянамъ, въ которомъ было бы сказано, что война начатая противъ Россіи, есть въ тоже время война противъ всѣхъ славянъ. Выдающаяся роль, которую тогда играла Россія въ освобожденіи Европы отъ Наполеона отразилась на возраждающихся соплеменныхъ ей славянскихъ народахъ на югѣ и на западѣ. Этимъ объясняются всѣ тѣ мысли и планы объ освобожденіи южныхъ славянъ съ помощью Россіи, всѣ тѣ мечты объ объединеніи всѣхъ славянъ подъ скипетромъ Россіи, тѣ планы о славянской федераціи подъ главенствомъ Россіи, которые возникаютъ при Александрѣ I въ Россіи и у южныхъ славянъ, въ Польшѣ и въ Чехіи, всѣ тѣ надежды славянъ на Россію, какія высказалъ черногорскій владыка Петръ Нѣгошъ: «Кто противъ Россіи, тотъ противъ всѣхъ славянъ!» Подобно своему дядѣ и Императоръ Александръ II желалъ устроить modus vivendi поляковъ съ Россіею. Онъ въ началѣ славянскаго движенія на балканскомъ полуостровѣ выразилъ живѣйшее участіе къ страданіямъ нашихъ братій по вѣрѣ и по происхожденію,» и вспомнилъ Русскихъ погибшихъ «за славянское дѣло.» Онъ помогъ Черной Горѣ, Сербіи и Болгаріи, искупленнымъ кровью ста тысячъ русскихъ. А Государь Императоръ *Александръ III* еще недавно (19 ноября 1885 г.) изволилъ, по поводу войны сербско-болгарской, высказать достопамятныя слова, что Онъ «глубоко опечаленъ братоубійственною войною между славянскими народами.»

«Куда стремится Русь»? спрашивалъ уже двѣсти лѣтъ тому назадъ хорватъ Крижаничъ, смотря съ тревогой и съ ужасомъ на успѣхи нѣмцевъ уже тѣхъ временъ. «Куда стремится Русь»? спрашиваютъ и нынѣ встревоженные тѣми же самыми успѣхами нѣмцевъ, славяне западные и южные. Сольются-ли славянскіе ручьи въ русскомъ или нѣмецкомъ морѣ? Кто устоитъ въ этой борьбѣ изъ-за подунайскихъ и балканскихъ странъ, жадный нѣмецъ или вѣрный Россъ? Вотъ волнующій нынѣ всѣхъ западныхъ и южныхъ славянъ вопросъ!

Западный панславистъ.

Очерки сербской литературы.

I. Юрій Якшичъ.

(Продолженіе).

Сербскій народъ обладаетъ богатымъ эпосомъ. Это вполнѣ его слава. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и сербскіе поэты много трудились по части эпической поэзіи. У Якшича написано 18 эпическихъ пѣсенъ (а можетъ быть и больше, во II томѣ полнаго собранія его сочиненій помѣщено ихъ 18), которыя занимаютъ совершенно особое мѣсто среди его произведеній. Главное содержаніе ихъ— борьба сербскаго народа съ турками; но, какъ мы сейчасъ увидимъ, не одна только эта борьба, но и другія побужденія направляли музу Якшича. Прежде всего рѣзко бросается въ глаза одна особенность эпической поэзіи Якшича: присутствіе въ его эпическихъ пьесахъ *лирическаго* элемента. И какъ у нашего Гоголя лирическія отступленія придаютъ еще болѣе прелести его высокохудожественнымъ произведеніямъ, такъ и у Якшича они оттѣ-

няютъ суровую и рѣзкую эпическую красоту его пѣсенъ, смягчаютъ ее и придаютъ ей особый колоритъ, особую неизъяснимую прелесть. Въ чисто народныхъ эпическихъ пьесахъ царитъ эпическое спокойствіе, за ихъ образами почти не видно, какъ относится народъ, поэтъ къ своимъ героямъ; напротивъ, у Якшича вездѣ видна его честная, благородная душа, вездѣ въ самыхъ тонкихъ оттѣнкахъ его рѣчи проявляется отношеніе поэта къ его героямъ. Эта черта особенно благотворно дѣйствуетъ на читателя: вы можете читать произведенія Якшича постоянно, по нѣскольку разъ, и они никогда не наскучатъ вамъ — такова сила искренности поэта.

Уже въ первомъ своемъ эпическомъ произведеніи «*Эмиль Костовичъ*» *) написанномъ въ 1853 г. Якшичъ даетъ сильную и колоритную картину битвы. Среди самаго разгула битвы Костовичъ получаетъ тяжкую рану въ правую руку, но, несмотря на страшную боль, раненый герой кричитъ своимъ юнакамъ: «Впередъ, братья, всѣ Мокринцы, храбрые сынки Кралевича, отомстите за мою жизнь, уменьшите великое число нашихъ враговъ!» И юнаки рвутся впередъ отомстить за своего вождя, а Костовичъ отъ радости плачетъ: «Охъ, юнаки змѣи, храбрые мои братья-соколы, спокойно теперь умру я, ваша рука братски отомститъ за меня. Поклонитесь отъ меня старой матери моей и славному отцу, поклонитесь и моей милой....» Герой умираетъ, но враги прогнаны.

Въ пѣснѣ «*Раненый Велько*» Якшичъ мастерски, сжато, образно рисуетъ набѣгъ Рушида-паши на Сербскую Крайну, а въ пѣснѣ «*Османъ-Ага*» онъ разсказываетъ одинъ изъ подвиговъ того же героя, прозваннаго «великимъ гайдукомъ» Эта пѣсня начинается прелестной картинкой: глухая полночь, красавица Чучукъ-Стана, жена Османъ-Аги, о чемъ-то задумалась лежа на мягкой постелѣ въ гаремѣ своего повелителя... и кажется Осману, что она кого-то поджидаетъ, ужъ не Велька ли?... Онъ смотритъ въ окно на пустынную гору, откуда раздается вой волковъ и гдѣ въ такую пору только безумные гайдуки бродятъ, и требуетъ себѣ коня. Скоро онъ исчезаетъ во мракѣ ночи. Зачѣмъ ѣдешь ты на вѣрную гибель, говоритъ ему вѣрный оруженосецъ. Но Османъ молча мчится впередъ. А съ вышки гарема смотрятъ черныя очи, мерцаютъ какъ яркія звѣзды. Что же видятъ они?.. Чѣмъ поражена красавица Стана? Она видитъ чуднаго витязя въ одѣяніи Османа. Въ ужасѣ бросается она изъ окна въ протекающій внизу Тимокъ и... падаетъ въ объятія Гайдука Велька... А тамъ, гдѣ холодный Тимокъ рвется сквозь тѣснины, плаваетъ въ крови Османъ-Ага.

Объ этой Чучукъ-Станѣ, третьей женѣ Гайдука Велька много пѣвали краинскіе бандуристы. Къ числу этихъ пѣсенъ относится, безъ сомнѣнія, и преданіе, съ такимъ изяществомъ воспѣтое Якшичемъ.

Въ другомъ своемъ эпическомъ произведеніи «Плѣнъ» Якшичъ даетъ превосходныя картины природы, которыя сплетаются съ лирическими отступленіями въ одно прекрасное гармоническое цѣлое. Вотъ отрывокъ изъ этой прекрасной пѣсни: «Высока та гора, обнимается она съ звѣздами, человѣческіе голоса не слышны тамъ, и соловей не пѣвалъ на ней; я тамъ стою!... Кто меня туда звалъ? Нѣтъ тутъ пути на высокое небо; а въ адъ спуститься тутъ нельзя, слишкомъ высоко! Изломанныя, пустынныя скалы и стремнины, зіяющая пропасть готова проглотить тебя. Какъ печаль, одѣтая въ черную ризу, царитъ вѣчный ледъ надъ мрачною бездною, а изъ темныхъ нѣдръ ея слышится какой-то голосъ, звучащій тоскою и болью, словно сердце у тебя разрывается. Клятва ли это умирающихъ или духи умершихъ тамъ въ глубинѣ говорятъ и стонутъ?...

На эту мрачную высь, гдѣ живутъ только гордые, хищные орлы, держитъ путь невѣдомый витязь. То славный витязь, знаютъ его юнаки, часто видятъ его въ жестокомъ бою. Нѣтъ у него ни блестящаго панцыря, ни богатырской палицы булатной. Тотъ витязь—горный орелъ, но сломана теперь его гордая сила, раненъ онъ въ самыя крылья—его единственную защиту. А въ когтяхъ держитъ онъ мертвую руку. Чья это рука, изъ какого она стана? Нѣтъ на ней дорогаго поручья, ни золотаго перстня, но она такъ крѣпко держитъ мечъ, какъ будто сейчасъ только

*) См. II томъ сочиненій Якшича. Бѣлградъ, 1882 г.

долженъ начаться бой, а потому можно сказать, что это рука черногорца!

Не менѣе хороша небольшая поэма «*Первыя жертвы*». И тутъ прекрасныя картины рисуетъ поэтъ. «Покрылась льдомъ рѣка, шумятъ сухія вѣтви, въ холодныхъ поляхъ не поютъ соловьи. Нѣтъ цвѣтовъ, нѣтъ зеленыхъ листьевъ, на морозномъ полѣ бѣлый снѣгъ блистаетъ. Охъ, бѣдная земля, старая мученица! Вѣчная рабыня сильнаго господина! То морозъ тебя терзаетъ, то лѣто палитъ.... У одинокого очага собралась бѣдная райя, слушаетъ тихіе звуки родныхъ гуслей, ничего-то у ней не осталось отъ ея силы, кромѣ милыхъ гуслей. Съ ними плачетъ, поетъ и горюетъ голова сѣдая и разсказываетъ про подвиги своихъ предковъ: про Душаново царство, Лазареву корону, про Косово, и бѣды, и невзгоды... А когда такую пѣсню поетъ настоящій пѣвецъ, улыбается сквозь слезы несчастная райя». И разгоряченная пѣснею крикнетъ она: «Къ оружію, братья!». Но не приспѣло еще время, и пѣвецъ сквозь слезы продолжаетъ: Отчизна моя, ты кровавая тюрьма! Нѣтъ у тебя больше ни Нѣманичей, ни Юговичей, ни Обиличей, нѣтъ въ тебѣ *согласія и свободы*, бѣдная отчизна богатырскаго рода!...

Такъ поетъ пѣвецъ, а бѣдный народъ по прежнему страдаетъ въ турецкой неволѣ. Возставшіе и побѣжденные юнаки, Бирчанъ и Алекса, ждутъ себѣ казни: но не страшитъ ихъ казнь, и они умираютъ спокойно и гордо. И вотъ похоронили ихъ обоихъ на берегу холодной рѣки. Надъ ними ростутъ прекрасные «*цвѣты свободы сербской*», надъ ними плачутъ сербинъ и свобода... Эту прекрасную пѣснь Якшичъ написалъ въ 1860 и помѣстилъ сначала въ «Даницѣ» а потомъ въ І-мъ собраніи своихъ стихотвореній подъ заглавіемъ: «Цвѣтъ сербской свободы».

Въ прекрасной эпической пѣснѣ «*Искушеникъ*» *), кромѣ прелестныхъ картинъ природы не мало вложено и глубокаго чувства. Это, скорѣе лирическое произведеніе съ драматическимъ оттѣнкомъ, чѣмъ эпическая пѣснь. Но еще выше по поэтическому достоинству слѣдущее произведеніе—«*Буря на морѣ*». «Море обширно, пустынно и нѣмо, какъ блѣдное чело вѣчнаго гнѣва, что предъ смертью тихо улыбается; лежитъ мрачная старая пучина, отдыхаетъ въ своей могилѣ. Небо улыбается, звѣзды трепещутъ точно цѣлуютъ его, нѣжатъ и холятъ, лепечутъ тихія волны, а старый грѣшникъ подбираетъ тотъ жемчугъ, что бросаетъ ему голубое небо; и обнимаетъ, цѣлуетъ блестящія звѣзды, въ небо глядитъ, о немъ грезитъ». Далѣе слѣдуетъ прекрасное описаніе бури на морѣ и гибели отважнаго гайдука и его милой. Это произведеніе относится къ 1860 г. и принадлежитъ къ числу лучшихъ вдохновеній Якшича.

Въ стихотвореніи «*Первыя жертвы*» (одно подъ такимъ-же названіемъ разобрано выше) поэтъ рисуетъ мрачную картину турецкихъ свирѣпствъ надъ беззащитной райей, возстанія князя Алексы и его подвижниковъ противъ турецкаго ига и печальнаго конца этого возстанія. Это цѣлая поэма, въ цѣломъ нѣсколько растянутая, но полная прекрасныхъ отдѣльныхъ картинъ; такова сцена, когда князь Алексѣй ночью стоитъ у изголовья своей красавицы дочери, слушаетъ ея сны и думаетъ горькую думу, и еще болѣе сильная сцена казни Алексы и Бирчанина, живо напоминающая казнь Остапа въ «Тарасѣ Бульбѣ» великаго Гоголя. У этой поэмы превосходное драматическое заключеніе: въ глухую, темную, бурную ночь, послѣдовавшую за казнью сербскихъ юнаковъ, злодѣю Мехмедъ-Агѣ являются тѣни погибшихъ «первыхъ жертвъ» и указываютъ ему вдали на доблестныя дружины Черняго Георгія, мстящія туркамъ за гибель своихъ собратій. Эта поэма также относится къ 1860 году.

Небольшая пѣсня «*Барьяктаровичи*», въ которой сынъ, собирась въ бой, прощается съ матерью и сестрой, превосходна съ начала до конца. Мать, потерявшая уже трехъ своихъ храбрыхъ сыновей, не колеблясь шлетъ почти на вѣрную смерть и своего послѣдняго сына, своего любимца. Простившись съ матерью, простившись съ нѣжной, любимой сестрой, храбрый витязь наконецъ прощается и съ женой своей, и та отвѣчаетъ ему: «Иди въ бой за черногорскую славу, а если падешь въ бою, солнце мое, то съумѣю и я быть черногор-

*) Искушеникъ значитъ — находящійся на искусѣ, на испытаніи.

кой, съумѣю, какъ жена, отомстить за тебя!.... Эта пѣснь написана поэтомъ въ одинъ изъ лучшихъ годовъ его творчества, именно въ 1862 году.

Выше было сказано, что содержаніе эпическихъ пѣсенъ Якшичъ беретъ не только въ событіяхъ борьбы сербскаго народа съ его угнетателями, но и изъ другихъ жизненныхъ явленій. Такъ, въ поэмѣ «*Братоубійца*» онъ беретъ случай изъ жизни: два брата влюбились въ одну и ту же дѣвушку и, изъ ревности, одинъ убиваетъ другаго; затѣмъ, конечно, слѣдуетъ возмездіе свыше—муки совѣсти, изображенныя поэтомъ поразительно правдиво.

Поэма «*Мученица*», написанная въ 1862 году, принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній Якшича. Пала Босна, а вмѣстѣ съ тѣмъ начались мученія для ея жителей; турки силой обращаютъ ихъ въ исламъ, только Даница, жена Бойшича Вука, несмотря на всѣ мученія, не соглашается отпасть отъ православной вѣры. Великій визирь, пораженный ея красотой, оставляетъ ей вѣру, лишь бы она любила его; но она гордо отвѣчаетъ, что можетъ любить только мужа своего, и никого больше. Визирь помѣщаетъ ее въ свой гаремъ и всячески добивается ея любви, но она непреклонна: «Знай, злой варваръ, что *сербка любитъ только серба!*» Тогда взбѣшенный визирь клянется предать ее страшной казни, если она останется непреклонной... Между тѣмъ ужъ ѣдетъ съ своей дружиной доблестный Вукъ Бойшичъ, чтобы освободить изъ неволи мученицу. Послѣдняя картина поэмы такъ хороша, что нельзя не привести ея здѣсь. «Мѣсяцъ и звѣзды въ тихій вечеръ слушаютъ пѣсню грустнаго соловья и отъ любви ярко сіяютъ; а у которой звѣзды заболитъ сердце, та падаетъ внизъ на землю. Въ прелестномъ саду, среди пестрыхъ цвѣтовъ, на тонкомъ шелку мягкаго ковра, прелестная Даница тихо опустила блѣдное лицо на бѣлыя руки; соловей нѣжно поетъ, а молодая раба слезы проливаетъ. По временамъ она поднимаетъ мрачную голову и терзаемая страхомъ пугливо озирается по саду; ждетъ и предчувствуетъ, дрожитъ и блѣднѣетъ, а потомъ съ тайной усмѣшкой схватываетъ серебряную ручку остраго ножа—въ немъ вся ея надежда, все ея спасеніе... «Является мрачный Бегъ-Османъ и требуетъ исполненія своей воли, но Даница со словами—«Охъ, Отецъ Благой свѣта и людей, правды и злости, срама и славы, смилуйся надъ Босной, политой кровью!»—закалывается и падаетъ мертвою къ ногамъ злодѣя. Но страшно мстятъ за нее сильные гайдуки, и злодѣй разстается съ своей преступной жизнью.

Эта прекрасная поэма относится къ 1852 г. и даетъ самое лучшее понятіе о богатомъ дарованіи Якшича.

Въ поэмѣ «*Невѣста Пиэлянина Бая*» безподобныя картины, полныя чисто эпическаго спокойствія. Послѣ великолѣпнаго вступленія поэтъ вводитъ читателя въ глухую полночь въ жилище стараго Радомира. Почти сто весенъ видѣлъ старикъ съ ихъ розами, розмариномъ и лиліями, но теперь онъ ничего уже не видитъ; одиночество съ нимъ раздѣляетъ его внучка, она одна только и осталась у него; не видитъ онъ ея дивной красоты. На дворѣ бушуетъ буря, страшно реветъ океанъ и бьется въ утесистый берегъ, на которомъ стоитъ жилище Радомира. Радомиръ будитъ свою Милеву и посылаетъ ее развести огонь на скалѣ, чтобы предостеречь мореплавателей отъ опасности. А Милева ужъ тамъ на скалѣ, волосы ея развѣваетъ ночной вихрь, а разведенный ею огонь освѣщаетъ ея прекрасное лицо, лицо ангела-хранителя. Невѣдомый удалецъ, въ эту бурю боровшійся съ океаномъ и уже изнемогавшій въ борьбѣ, благодаря спасительному огню, благополучно выходитъ на берегъ и благодаритъ ее. Она зоветъ его въ свой домъ, гдѣ сѣдой Радомиръ ласково встрѣчаетъ усталаго путника. Послѣдній раненъ и жаждетъ отомстить за эту рану ненавистному бегу Любовичу. Милева влюбляется въ удальца, онъ въ нее. Эта любовь мастерски описана поэтомъ, который вставилъ ее какъ дивную картину въ прелестную рамку изъ описаній природы; но онъ долженъ разстаться съ нею, онъ гайдукъ и долженъ свершить свою месть. Проходитъ лѣто; подходитъ зима, а ея милый, хотя и обѣщалъ, не возвращается. Но вотъ въ одну бурную ночь приходитъ смерть избавить столѣтняго Радомира отъ тягостей сей жизни. Остается одна Милева, горюетъ о смерти дѣда и о судьбѣ своего же-

ниха. Море глухо шумитъ, у воротъ раздается лошадиный топотъ, входитъ невѣдомый витязь и вручаетъ ей перстень ея жениха, убитаго въ битвѣ за свободу родины, вмѣстѣ съ его оружіемъ облитымъ его кровью; хочетъ ли она вмѣстѣ съ нимъ отомстить за смерть своего жениха? Милева предъ трупомъ дѣда клянется отомстить... Ночь тиха... два всадника (Милева и другъ ея убитаго жениха) мчатся по пустыннымъ лѣсамъ и лугамъ, ихъ провожаетъ гнѣвъ и мертвая тишина. Въ шестой главѣ этой прекрасной поэмы поэтъ вводитъ читателя въ гаремъ бега Любовича, котораго ждутъ красивыя грузинки, съ звѣздой востока Зюлейкой во главѣ; но только что онъ вошелъ и хотѣлъ обнять Зюлейку, невѣдомый гость появляется предъ его глазами, приводя въ смятеніе весь гаремъ. Это мстительная невѣста Пивлянина Бая, она убиваетъ бега, снимаетъ съ него голову и велитъ своему спутнику зажечь жилище убитаго бега. «Мертвъ лежитъ сѣдой Радоміръ, а надъ нимъ красивая внучка опустила усталую голову. Солнце думаетъ, что она еще жива, но и она почиваетъ уже вѣчнымъ сномъ». Такъ заканчиваетъ поэтъ свое прекрасное произведеніе, написанное въ 1862 году.

Изъ другихъ эпическихъ произведеній Якшича замѣчательно «*Причастіе*» прекраснымъ, легкимъ и изящнымъ стихомъ и возвышенностью основной идеи; въ поэмѣ «*Стража*» поэтъ рисуетъ борьбу съ другими врагами—нѣмцами, а въ пьесѣ «*Пахарь*» изображаетъ злополучную судьбу банатскаго серба-пахаря. Наступаетъ осень въ этомъ дивномъ Банатѣ, этомъ сплошномъ полѣ, какому самъ Богъ дивится; усталый за лѣто пахарь сладко мечтаетъ: будетъ теперь и хлѣба у него, и вина вдоволь, да и денежки заведутся, сына можно будетъ женить на хорошой работящей дѣвушкѣ. Но, увы! эти мечты скоро разлетаются: первымъ приходитъ священникъ, затѣмъ сборщикъ податей, потомъ чиновникъ изъ столицы со свитой жандармовъ; всѣ требуютъ денегъ и все забираютъ у него, вотъ и тебѣ и женилъ сына! И задумался, пригорюнился бѣдный пахарь... Это стихотвореніе написано въ 1875 году и по сжатости и картинности построенія, по мастерскому стиху принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ Якшича. По характеру къ этому произведенію подходитъ другая его пьеса «*Швея*», написанная также въ 1875 году и живо напоминающая нѣкоторыя наиболѣе прочувствованныя творенія нашего Некрасова. Послѣднія два эпическихъ произведенія Якшича—«Сторожевая башня въ волчьей долинѣ» и «Іоаннъ Гусъ» отличаются прекраснымъ, выработаннымъ стихомъ и силой выраженія, но значительно слабѣе болѣе раннихъ его поэмъ, относящихся къ 60 годамъ.

Такимъ образомъ, въ своихъ эпическихъ произведеніяхъ Якшичъ сказалъ ***свое слово*** и проявилъ разнообразное и симпатичное дарованіе. Что касается его драмъ и повѣстей, то о нихъ скажемъ въ слѣдующій разъ.

Дмитрій Никольскій.

31 марта 1886 г.

(*Окончаніе будетъ*).

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

Изъ чешской печати.

Чехъ о русскомъ языкѣ.—Предложенія Пленера, Трояна и Фачки въ чешскомъ сеймѣ.—Предложеніе бар. Шаршмита въ имперскомъ совѣтѣ.

Сознаніе необходимости знакомства съ русскимъ языкомъ проникаетъ у чеховъ все глубже и глубже. Недавно изъ Праги получили мы 1-й номеръ «***Вѣстника обходницкé омладины ческо-слованскé***», издаваемаго «Ческо-славянской обходницкой бесѣдой» въ Прагѣ, въ которомъ уважаемый Г. Кейль содержатель коммерческаго училища, членъ правленія банка «Славіи», общинный старшина главнаго города Праги, помѣстилъ свою статью: «О важности русскаго языка для торговца». Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ изъ этой статьи. «Нѣтъ надобности», пишетъ авторъ, «говорить о томъ, что весьма желательно, а очень часто и необходимо для торговца знакомство съ языкомъ, который служитъ господствующимъ или посредникомъ въ той землѣ, съ которой онъ хочетъ вести торговлю, или въ которой онъ намѣренъ поселиться. Въ русскомъ государ-

ствѣ, въ настоящее время одной изъ первыхъ державъ, и самомъ значительномъ въ свѣтѣ по пространству и числу жителей, господствующій языкъ есть русскій; на этомъ языкѣ говорятъ болѣе 80 милліоновъ человѣкъ. На Балканѣ вездѣ—какъ я убѣдился по собственному опыту во время своего прошлогодняго путешествія по Балканамъ—каждый образованный человѣкъ понимаетъ по-русски, да и съ человѣкомъ менѣе образованнымъ легко можно объясняться съ помощью русскаго языка. Далѣе, не говоря уже объ этомъ, съ знаніемъ кириллицы (т. е. письма, которое употребляютъ русскіе, болгаре и сербы) и русскаго языка весьма легко и въ короткое время можно научиться языкамъ болгарскому и сербскому. Языки русинскій (на которомъ говорятъ главнымъ образомъ на востокѣ Галиціи) и русскій не имѣютъ существенной разницы, а только разницу въ произношеніи. Какъ между образованными западными народами посредствующимъ языкомъ былъ и до сихъ поръ остается главнымъ образомъ французскій, такъ и между славянами долженъ быть, да дѣйствительно и будетъ посредствующимъ (а потому и дипломатическимъ) языкомъ — русскій. Между славянскими учеными уже раздаются многочисленные голоса, что у славянъ языкомъ общественно-научнымъ долженъ быть русскій, какъ языкъ самаго сильнаго славянскаго народа. Вспомнимъ только, что всѣхъ русскихъ болѣе 80 милліоновъ, болгаръ около 8 мил., а сербовъ до 7 мил., такимъ образомъ всѣхъ вмѣстѣ почти 100 мил. славянъ, населяющихъ востокъ и сѣверо-востокъ Европы»! Далѣе авторъ говоритъ о той важности, какую пріобрѣтутъ балканскія и остальныя восточныя земли въ промысловомъ и торговомъ отношеніи съ окончаніемъ желѣзной дороги между Сербіей и Болгаріей, о томъ, какими преимуществами пользуется торговецъ, знающій языкъ края, (въ незнаніи языка края нерѣдко заключается неудача въ торговлѣ), о важности для чеховъ, какъ ближайшихъ сосѣдей, торговли съ Россіей и Балканскимъ полуостровомъ, наконецъ, о томъ, что одни родственныя отношенія еще мало могутъ помочь въ торговомъ дѣлѣ. «Русскій языкъ весьма развитой языкъ», говоритъ въ заключеніи авторъ: «сдѣлавши въ своемъ развитіи значительные успѣхи, онъ очень обработанъ и прокладываетъ себѣ, какъ своимъ значеніемъ, такъ и своимъ развитіемъ и гибкостью, все болѣе и болѣе путь за границами великаго русскаго государства. Русская литература дѣлаетъ замѣчательные успѣхи во всѣхъ родахъ человѣческаго знанія; напримѣръ, русская географическая литература, особенно важная для купцовъ, уже давно опередила эту вѣтвь литературы у другихъ народовъ.

Потому необходимой задачей нашего торговаго общества служитъ пріобрѣтеніе рядомъ съ необходимыми спеціальными знаніями и отчетливаго знакомства съ русскимъ языкомъ. Приготовившись такимъ образомъ и утвердившись прочно въ нравственныхъ задачахъ можетъ оно обратить свои взоры и шаги къ Востоку, откуда ему и всему славянству киваетъ золотая будущность».

Отъ вопроса о русскомъ языкѣ перейдемъ къ другому вопросу тоже о языкѣ, вопросу, который цѣлыхъ три мѣсяца почти занимаетъ все чешское общество.

Еще 24 ноября 1885 года нѣмецкій представитель Пленеръ, внесъ въ чешскій сеймъ предложеніе о раздѣленіи Чехіи, предложеніе, являющееся дальнѣйшимъ развитіемъ предложенія представителя Гербста, поданнаго въ 1884 году. Очевидно, нѣмцы рѣшились на крайнія средства, чтобы подавить всѣ усилія славянъ на пользу своей народности. Пленеръ возсталъ противъ указа о равноправности языковъ отъ 19 (7) апрѣля 1880 г. и требовалъ объ отмѣнѣ его для судовъ въ Хебѣ, Мостѣ, Чешской Липѣ, Литомѣрицахъ и Либерцѣ, указывая на то, что большинство жителей здѣсь нѣмцы, требовалъ присоединенія сюда еще нѣмецкихъ частей нѣкоторыхъ другихъ округовъ, основанія еще трехъ новыхъ краевыхъ нѣмецкихъ судовъ для остальныхъ нѣмецкихъ частей (на С.В., З. и Ю. Чехіи), установленія двухъ сенатовъ при верховномъ судѣ въ Прагѣ (т. е. нѣмецкаго и равноправнаго) и, наконецъ, новаго раздѣленія округовъ по возможности на основаніи языковыхъ границъ. Такое предложеніе, направленное къ ущербу чешской части народонаселенія тѣхъ округовъ, вызвало противодѣйствіе со сторо-

ны чеховъ, которые въ слѣдующемъ засѣданіи и поручили своему заслуженному ветерану д-ру Трояну внести предложеніе, составленное д-мъ Герольдомъ, въ которомъ, высказываясь за сохраненіе естественнаго и дарованнаго права въ королевствѣ чешскомъ, и основныхъ государственныхъ законовъ, подтверждающихъ равноправность, требовалось бы чтобы правительство было — приглашено издать прибавленіе къ указу 19 апрѣля 1880 г. предписать всѣмъ государственнымъ и судебнымъ учрежденіямъ въ королевствѣ чешскомъ обязательное проведеніе народной равноправности по указаніямъ чешскихъ депутатовъ, основательно разсмотрѣннымъ въ сеймѣ и въ имперскомъ совѣтѣ; во всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ и въ судахъ первой степени *слѣдуетъ употреблять* тотъ языкъ, которымъ говоритъ большинство обитателей и который обыкновенно употребляютъ тамошнія самостоятельныя учрежденія, въ остальныхъ же учрежденіяхъ и судахъ, дѣятельность которыхъ простирается на все королевство, или на нѣсколько округовъ, а также въ Прагѣ, необходима равноправность обоихъ языковъ. Въ перепискѣ съ остальными учрежденіями, а равно съ судами и представителями земли долженъ быть употребляемъ языкъ правительственный въ вышеупомянутомъ смыслѣ, а тамъ, гдѣ оба земскіе языка одинаково могутъ считаться языкомъ властей, долженъ быть употребляемъ тотъ языкъ, на которомъ велось дѣло между сторонами, правительственныя рѣшенія также должны выходить на томъ языкѣ, на которомъ дѣло было начато. Но это само по себѣ вполнѣ справедливое предложеніе правительство не могло удовлетворить вполнѣ, а именно высказалось противъ измѣненія языка въ военныхъ, финансовыхъ и почтовыхъ и нѣкоторыхъ другихъ учрежденіяхъ Чехіи и веденія дѣла внутри судовъ на томъ языкѣ, на которомъ была подана жалоба. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что отличающееся своею нетерпимостью предложеніе Пленера, переданное на обсужденіе особому 15-ти-членному выдѣлу, было отвергнуто представителемъ правительства. Самый выдѣлъ поручилъ представителю Фачку внести слѣдующія 6 предложеній: 1) о переходѣ отъ предложенія Пленера къ дневному порядку; 2) объ объявленіи сеймомъ равноправности чешскаго языка съ нѣмецкимъ, о томъ, что каждый можетъ подавать въ судъ и въ другое земское учрежденіе свое прошеніе на любомъ языкѣ (чешскомъ или нѣмецкомъ), и что дѣло должно быть ведено, и рѣшеніе выдаваемо на томъ языкѣ, на которомъ подано прошеніе; 3) о томъ, чтобы правительство позаботилось въ кругу своей дѣятельности о томъ, что нужно къ свободному проведенію этого постановленія въ сношеніяхъ государственныхъ гражданскихъ учрежденій между собою и съ самостоятельными органами. 4) о томъ, чтобы правительство въ будущее засѣданіе подало предложенія: о правительственномъ языкѣ самостоятельныхъ органовъ, объ употребленіи земскихъ языковъ самостоятельными органами въ сношеніяхъ между собою и съ государственными учрежденіями; 5) о томъ, чтобы земскій выдѣлъ договорился въ этомъ дѣлѣ съ правительствомъ и 6) чтобы предложеніе Трояна считалось за рѣшенное. Нѣмецкое меньшинство выдѣла приняло предложеніе Пленера, какъ votum меньшинства. Послѣ рождественскихъ праздниковъ еще два засѣданія посвящены были этому предмету. При подачѣ голосовъ предложеніе Пленера рушилось, а предложенія большинства выдѣла были приняты, голоса за него подавали народные представители и сторонники великой монархіи.

Такимъ образомъ чехи, хотя и сдѣлали уступки въ Фачковомъ предложеніи, но все таки вышли побѣдителями въ своемъ сеймѣ; но, потерпѣвъ пораженіе здѣсь, нѣмцы не успокоились и сдѣлали новую вылазку въ имперскомъ совѣтѣ.

27 февраля, въ собраніи нѣмецко-австрійскаго клуба всѣми членами подписано было прочитанное представителемъ Хлумецкимъ предложеніе барона Шаршмида, предводителя нѣмецкаго дворянства въ Чехіи, о нѣмецкомъ языкѣ, какъ государственномъ, и рѣшено внести это предложеніе на имперскій сеймъ. Предложеніе барона Шаршмида состоитъ изъ 28 статей и требуетъ, чтобы во всѣхъ государственныхъ учрежденіяхъ и судахъ во внутренней службѣ, а равно и при ихъ взаимныхъ сношеніяхъ, при всѣхъ распоряженіяхъ и рѣшеніяхъ центральныхъ

учрежденій и высшихъ судовъ, наконецъ и при открытомъ разбирательствѣ дѣлъ въ высшихъ судахъ употреблялся исключительно только нѣмецкій языкъ, какъ языкъ государственный. Не понимающій нѣмецкаго языка обязанъ имѣть присяжнаго переводчика (ст. 1). Во всѣхъ общинныхъ учебныхъ заведеніяхъ нѣмецкій государственный языкъ долженъ быть языкомъ преподаванія или исключительно, или на ряду съ земскимъ языкомъ, или предметомъ изученія, гдѣ этого пожелаетъ община, но онъ должна быть обязательнымъ предметомъ изученія во всѣхъ болѣе, чѣмъ трехклассныхъ учебныхъ заведеніяхъ, во всѣхъ городскихъ школахъ, учительскихъ институтахъ, среднихъ училищахъ, какъ и въ училищахъ ремесленныхъ и спеціальныхъ, содержимыхъ правительствомъ; кромѣ того, правительство, въ виду государственныхъ цѣлей, въ правѣ распорядиться объ открытіи общинныхъ школъ съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ и въ томъ случаѣ, еслибъ этотъ языкъ въ данномъ округѣ не былъ обычнымъ (ст. 2). При всѣхъ государственныхъ испытаніяхъ требуется обстоятельное знаніе нѣмецкаго языка (ст. 4). Въ имперскомъ сеймѣ долженъ быть употребляемъ только нѣмецкій языкъ (ст. 5). Законы государственные издаются только на нѣмецкомъ языкѣ (ст. 6). Преподавательскій языкъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ будетъ опредѣленъ постепенно законодательнымъ путемъ (ст. 26). Просьбы устныя и письменныя на нѣмецкомъ языкѣ должны быть принимаемы всѣми учрежденіями и рѣшаемы на томъ же языкѣ (ст. 2). Земскіе языки, такъ сказать, только допускаются въ государственныхъ учрежденіяхъ и судахъ первой и второй степени (инстанціи) на ряду съ нѣмецкимъ, какъ языкъ, такъ сказать, перевода (ст. 9—20), но если сторона знаетъ языкъ, избранный учрежденіемъ, то она не въ правѣ отказаться отъ пріема опредѣленія изъ причинъ языковыхъ (ст. 9). Земскимъ языкомъ считается ***нѣмецкій*** въ Австріи за и предъ Енсомъ, въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ, Зальцбургѣ, Тиролѣ и Форальбергѣ, Тріестѣ, Чехіи, Моравіи и Силезіи и въ Буковинѣ; ***чешскій*** въ Чехіи, Моравіи и Силезіи; ***польскій*** въ Галиціи и Силезіи; ***русскій*** въ Галиціи и Буковинѣ; ***словинскій*** въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ, Тріестѣ, Горицѣ и Истріи; ***сербскохорватскій*** въ Далмаціи и Истріи; ***итальянскій*** въ Тріестѣ, Горицѣ, Истріи, Тиролѣ и Далмаціи; ***румынскій*** въ Буковинѣ (ст. 7), при томъ въ томъ только случаѣ, если на немъ говоритъ по крайней мѣрѣ 1/8 всѣхъ жителей округа, а въ городахъ по крайней мѣрѣ 1/6 ихъ жителей (ст. 8). Только въ Галиціи польскій, а въ южномъ Тиролѣ, Далмаціи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Приморья итальянскій языкъ, пользующіеся правомъ, даннымъ имъ министерскимъ распоряженіемъ отъ 5 іюля 1869 г. на основаніи имперскаго разрѣшенія отъ 4 іюля того же года, не подчиняются требованіямъ настоящаго закона (ст. 27).

Понятно, что это предложеніе, направленное противъ славянскихъ народностей Австріи вообще и чешской въ частности, вызвало въ Чехіи цѣлую бурю. По всей почти Чехіи произошли собранія чешскихъ политическихъ обществъ, на которыхъ было постановлено послать къ чешскимъ представителямъ на имперскомъ сеймѣ изъявленіе своего желанія, чтобы они не допустили до голосованія этого предложенія на сеймѣ и отклонили его при первомъ чтеніи на сеймѣ. Особенно ратовали за это Нáродни Листы. Но правительство постаралось о томъ, чтобы предложеніе не было отклонено при первомъ же чтеніи и, дѣйствительно, 28 февраля, при голосованіи на сеймѣ, только чешскіе представители, тирольскіе итальянцы, нѣсколько словинцевъ, далматинцевъ и одинъ русскій, всего 68 голосовъ, высказались противъ передачи предложенія на обсужденіе особому языковому выдѣлу. Даже союзники чеховъ, поляки, измѣнили этотъ разъ чехамъ. Только чешскіе представители остались на высотѣ своего призванія, высоко держа знамя своей народности и гордо, единогласно, выступили противъ позорнаго вражескаго притязанія. Но большинство взяло верхъ и предложеніе большинствомъ 208 голосовъ противъ 68 было передано выдѣлу. Впрочемъ, всѣ увѣрены, что въ выдѣлѣ предложеніе провалится. Пусть будетъ и такъ, но отношеніе къ предложенію чеховъ и ихъ немногихъ союзниковъ слѣдуетъ ставить, во всякомъ случаѣ, несравненно выше по-

ступка представителей остальныхъ славянскихъ народностей. Надежда на то, что предложеніе Шаршмида провалится при голосованіи въ языковомъ выдѣлѣ, основывается на составѣ его. Въ составъ выдѣла вошли 7 чеховъ, 7 поляковъ, 1 русскій, 1 хорватъ, 1 словинецъ, 1 итальянецъ и 1 румынъ, всего 19 голосовъ, т. е. полное большинство; нѣмецко-австрійскій клубъ имѣетъ 8 представителей, а нѣмецкій 4-хъ. Предсѣдателемъ будетъ Гогенвартъ. Тѣмъ не менѣе, Народни Листы вполнѣ правы, говоря, что опасность еще далеко не миновала.

Н. Ш.

Изъ болгарской печати.

Клеветы на Россію. – Новыя стремленія болгаръ.—Надгробное слово Аксакову, перепечатанное изъ „Politik“. — Настойчивое возбужденіе народа печатью противъ Россіи. — Память объ Аксаковѣ.

А этотъ народъ, въ жертву которому принесъ Иванъ Сергѣевичъ лучшія свои силы, вспомнилъ ли онъ о своемъ благодѣтелѣ, вспомнилъ ли объ томъ великомъ событіи въ своей жизни и о его виновникахъ? Какъ помянулъ онъ братьевъ своихъ, пролившихъ кровь за его освобожденіе отъ тѣхъ вѣковыхъ притѣснителей, въ объятія которыхъ недавно бросился онъ снова, взявъ на себя обязанность проливать за этихъ притѣснителей свою кровь, можетъ быть, противъ тѣхъ же освободителей-братьевъ?

Послушайте, что говоритъ «единственный почти публичный «органъ въ държавата» «Търновска Конституция» (см. Т. К. бр. 7, стр. 4). Россія виновна во всемъ, по ея словамъ, что произошло съ 6 сентября 1885 г.: она, руководимая собственными интересами, подстрекала турокъ къ рѣзнѣ болгаръ, она вывела сербовъ противъ нихъ (русскій консулъ Кояндеръ уже готовилъ въ Софіи шампанское для Милана), она остановила побѣдоносное шествіе болгаръ въ Сербію, словомъ,—она, все она и все для того, чтобы снова явиться въ Болгаріи въ качествѣ освободительницы, положить на поляхъ Болгаріи еще не одну сотню тысячъ своихъ солдатъ и потратить не одну сотню милліоновъ своихъ рублей, «имъ въ Россіи имя легіонъ», но за то поставить княземъ въ Болгаріи черногорскаго сокола «Никитку» (бр. 9, стр. 3), всѣхъ черногорцевъ сдѣлать въ Болгаріи жандармами, наставить вездѣ своихъ полиціймейстеровъ и становыхъ, переселить болгаръ въ Сибирь и Сахалинъ, уничтожить болгарскія грамматики (видите ли, «въ нѣкогашната българска гимназия въ Болградѣ българский языкъ са не чува вече»). Даже, подумайте, изъ Болгаріи Россія хотѣла сдѣлать *Александровскую губернію* (г. З. Стояновъ узналъ это изъ самаго вѣрнаго источника), но, что всего хуже (и это тоже г. Стоянову извѣстно чуть не изъ правительственныхъ документовъ, которые были обязательно доставлены ему въ Рущукъ едва ли не съ нарочнымъ изъ Петербурга), Россія изъ народнаго собранія думаетъ сдѣлать *церковь* (самъ Стояновъ хотѣлъ бы, вѣроятно, открыть въ немъ мечеть) и повѣсить на ней колоколъ въ 300 пудовъ. Ну, сами посудите, что можетъ быть оскорбительнѣе этого для народнаго чувства православной Болгаріи! Даже, знаете, сей *«органъ на народна та либерална партия»*, кромѣ оповѣщенія о вышеприведенныхъ, открытыхъ г. З. Стояновымъ, этимъ ярымъ «славяниномъ», самыхъ достовѣрныхъ документахъ, открылъ недавно забытые угро-нѣмцами «русскіе рубли» въ видѣ «звонкови монети, отвънъ внесени въ Южна Болгария» для подкупа лицъ, которыя бы «проповѣдывали подъ звукъ-тъ на същитѣ монети, че българский народъ трѣба, да живѣе само отъ благодѣяние» (бр. 7, стр. 3).

«Тырновска Конституция» теперь уже твердо убѣждена и все далѣе убѣждается, что для Болгаріи «одинаково опасно вмѣшательство Россіи, какъ и Австріи (бр. 8 и 11), что «завтра Австрія и Россія могутъ договориться о настоящемъ раздѣленіи Балканскаго полуострова, какъ ранѣе договорились о разграниченіи круга своего вліянія на немъ». Слишкомъ много ошибаются тѣ, которые думаютъ, что дѣйствія теперешней австрійской политики на Востокѣ могутъ быть сдѣланы безвредными русскимъ вліяніемъ (бр. 11). Нѣтъ, вмѣшательство Россіи такъ же опасно, какъ и вмѣшательство Австріи. «Правда,

преданія и духъ берлинскаго договора даютъ державамъ извѣстный голосъ въ важнѣйшихъ нашихъ международныхъ вопросахъ, но это само по себѣ не составляетъ опасности для нашей независимости, такъ нужно, чтобы онъ заявлялся сообща всѣми державами. *Для насъ главнымъ образомъ опасно вмѣшательство отдѣльныхъ великихъ державъ.* Его, по возможности, можно устранить въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, не создавая для него никакой почвы, а во внѣшнихъ слѣдующими двумя главными вещами: вопервыхъ, турецко-болгарскимъ соглашеніемъ, которое слѣдуетъ употреблять съ тактомъ и умѣньемъ для устраненія, на сколько возможно, всякаго внѣшняго вмѣшательства въ наши внѣшнія дѣла, а вовторыхъ, нашимъ сближеніемъ съ славянами въ Австріи, которые способны и въ силахъ положить конецъ теперешней ея угро-нѣмецкой политикѣ» (бр. 8 и 11) и которые становятся день ото дня все болѣе выдающимся и вліятельнымъ дѣятелемъ въ управленіи этой монархіи (бр. 11). А что «Т. К.» разумѣетъ подъ именемъ славянъ Австріи, видно изъ того же 8 броя, гдѣ она не безъ замѣтнаго сочувствія говоритъ о старочешской партіи сравнительно съ младочешской даже, и вѣроятно, какъ слово на могилѣ усопшаго благодѣтеля, котораго сама она не нашла нужнымъ сказать отъ своего имени, приводитъ статью изъ вѣстника старочешской партіи «Politik», написанную по поводу смерти Аксакова, статью, которая вмѣстѣ со статьями «Bohemie» и вызвала приведенныя уже нами возраженія Народныхъ Листовъ. Хорошее слово на могилѣ благодѣтеля! Вотъ дань благодарности, принесенная своимъ благодѣтелямъ, вотъ мысли при гробѣ Аксакова. Мы однако убѣждены, что такъ мыслитъ и чувствуетъ не самъ народъ, а его вожди «слѣпіи, оцѣждающіи комары вельблуды же пожирающе.» Не даромъ эти вожди не смѣютъ сразу покончить съ прошлымъ, не смѣютъ при всемъ своемъ желаніи обойти молчаніемъ дѣло Царя-Освободителя, очевидно, изъ опасенія потерять расположеніе народа, которому всегда противна грязь и неблагодарность. «Мы исполнили часть начатаго дѣла, мы оправдали надежды покойнаго Царя-Освободителя: то, что онъ добылъ русской и болгарской кровью и чего дипломатія не могла отстоять въ 1877 г. въ Берлинѣ, мы, при самомъ худшемъ настроеніи той же дипломатіи, окончили теперь собственною кровью и оправдали великія надежды Царя-Благодѣтеля, который равно любилъ и прекрасную Болгарію и болгаръ», принуждены сказать эти вожди въ приснопамятный день 19 февраля, очевидно, только для того, чтобы удовлетворить народному чувству и требованію, такъ какъ это воспоминаніе о Царѣ Освободителѣ, даже и при всей своей неприглядной обстановкѣ, звучитъ, все-таки, полнымъ несогласіемъ со всѣмъ остальнымъ содержаніемъ номера. Даже тотчасъ же послѣ этихъ словъ, уступивъ чувству народа, они хотятъ обмануть это чувство, отвратить его отъ братской благодѣтельницы-Россіи и въ длинной статьѣ возводятъ на нее множество клеветъ. И вообще это возбужденіе народа противъ Россіи ведется съ строгой настойчивостью изъ числа въ число (см. бр. 7 — 11). Тѣми же, даже еще болѣе низкими, клеветами сопровождаетъ г. Стояновъ и письмо болг. П. Кисимова, который съ горькой усмѣшкой, пересылая при немъ «единъ *арменинъ*, извънредна-та притурка на «Търновск. Конституция» съ «автентични текстъ на турско-българското съглашение по съединението», осмѣлился напомнить, «что это *ихъ съглашение* съ турками основано на костяхъ 200,000 русскихъ солдатъ, погибшихъ въ войнѣ за ихъ освобожденіе отъ турокъ и на крови 100,000 народа, закланнаго по той же причинѣ». Такъ и сообщеніе о панихидѣ по И. С. Аксаковѣ, отслуженной въ соборной церкви въ Софіи (7 бр.), сопровождается повѣствованіемъ о «звонковыхъ монетахъ» въ южной Болгаріи. Панихида въ Софіи имѣла мѣсто 2 февраля, въ присутствіи многочисленнаго народа. Его пр. митр. Климентъ сказалъ по этому поводу рѣчь, въ которой вспомянулъ доброту умершаго и его добрыя дѣла, совершенныя на пользу русскаго и болгарскаго народа. Послѣ богослуженія члены Болгарскаго Книжевнаго Дружества имѣли чрезвычайное засѣданіе въ залѣ Дружества, гдѣ г. Х. *(не З.)* Стояновъ познакомилъ членовъ съ жизнью и дѣятельностью усопшаго по

отношенію къ болгарамъ и предложилъ послать семейству Аксакова сочувственную телеграмму, а для зала общества соорудить портретъ Аксакова, какъ благодѣтеля болгарскаго народа и какъ почетнаго члена общества. Въ томъ же засѣданіи было прочитано письмо д-ра Моллова, который вноситъ въ дружество 2,000 левовъ въ награду тому, кто напишетъ лучшее жизнеописаніе усопшаго. Жизнеописаніе должно быть написано въ связи съ воспитаніемъ болгарскаго юношества въ Россіи, о которомъ такъ заботился Аксаковъ, а также въ немъ должны быть упомянуты жизнеописанія и дѣятельность всѣхъ болѣе выдающихся профессоровъ, которые такъ или иначе принимали участіе въ воспитаніи болгарскаго юношества. Книга и приходъ отъ нея составятъ имущество Книжевнаго Дружества.

Все это вмѣстѣ съ тѣми южно-болгарами, которые будто бы подъ звукъ «русскихъ рублей» говорятъ за Россію, вмѣстѣ съ арестомъ гг. П. Станчева, бывшаго управителя въ Варнѣ, и П. Мишайкова, за освобожденіе которыхъ принужденъ былъ настоятельно ходатайствовать русскій консулъ въ Варнѣ (бр. 9), все это говоритъ за то, что есть еще среди болгарскаго народа люди, желающіе идти старою дорогою, есть люди, которые болѣе знаютъ Россію и менѣе невѣжественны, чѣмъ тотъ интеллигентенъ «момъкъ», который, отвѣдавши вѣроятно, во время турецкаго рабства турецкихъ и черкесскихъ нагаекъ, по забывчивости, а можетъ быть и просто вслѣдствіе извѣстнаго дуновенія вѣтра, русскихъ генераловъ воображаетъ съ *благословеннымъ кнутомъ* въ рукахъ (бр. 11). Помоги Богъ этимъ людямъ, идущимъ по старой дорогѣ, вывести на прямой путь вождей слѣпыхъ, а въ случаѣ, если тѣ будутъ упорствовать въ своей слѣпотѣ, будемъ усердно молить Бога, чтобы избранный ими путь не привелъ ихъ къ тому состоянію, въ какое вожди слѣпіи привели сербскій народъ!

Н. Ш.

Изъ сербской печати.

Истекшій мѣсяцъ для славянскаго дѣла былъ однимъ изъ самыхъ оживленныхъ: миръ между Сербіей и Болгаріей, слухи объ окончательной оккупаціи Босніи и Герцеговины, борьба чеховъ съ нѣмцами по вопросу о языкѣ, перемѣна министерства въ Сербіи, толки о европейской войнѣ, общее броженіе умовъ на Балканскомъ полуостровѣ — все это представляетъ чрезвычайно пеструю и любопытную картину. За это время въ Сербіи выдвинулась впередъ національная партія съ Ристичемъ во главѣ. Въ цѣломъ рядѣ статей органъ этой партіи—газета *«Уставност»* высказываетъ много вѣрнаго какъ о современномъ положеніи вещей, такъ и о желаемомъ изъ него исходѣ. Еще 16 февраля, говоря объ отвѣтѣ Тиссы на запросъ депутата крайней лѣвой Угрона (въ венгерскомъ сеймѣ) *«Уставност»* утверждала, что на самомъ дѣлѣ между Россіей и Австріей не было никакого подѣла «сферы вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ: всѣ свои захваты, по ея мнѣнію, Австрія тамъ учиняетъ на свой страхъ, а отнюдь не съ согласія Россіи; опирается же она при этомъ на западъ, который всегда видѣлъ въ Австріи «піонера цивилизаціи», задача котораго устранить русское вліяніе съ Балканскаго полуострова.

Въ № 21 (20 февраля) та же газета говоритъ о признакахъ, предсказывающихъ новую группировку европейскихъ силъ. Большинство въ Европѣ недовольно тѣмъ, что руководство европейской политикой находится въ рукахъ Бисмарка, ибо это означаетъ не что иное, какъ господство *германскаго племени*, къ чему всегда стремилась и стремится политика Бисмарка. Такое господство совсѣмъ не входитъ въ разсчеты Англіи, Франціи, Италіи и Испаніи. Особенно же оно опасно для славянскаго міра, могущественною представительницею котораго является Россія. Послѣ берлинскаго конгресса князь Бисмаркъ самъ устраивалъ группировку державъ, и хотя съ нею, повидимому, помирились представители славянскаго и романскаго племенъ, но недовольство все же высказывалось въ рѣчахъ покойнаго императора Александра II и князя Горчакова о берлин-

скомъ конгрессѣ. Видя это недовольство, князь Бисмаркъ постарался возстановить Францію противъ Россіи и тоже хотѣлъ сдѣлать съ Испаніей. Кромѣ того, онъ съ успѣхомъ воспользовался пресловутой «сферой интересовъ». Когда съ Испаніей дѣло не удалось, князь Бисмаркъ взялся за Италію; но для послѣдней, по мнѣнію органа Ристича, такая дружба опасна. Италіи надо соединиться съ Россіей и славянствомъ, ибо злѣйшимъ врагомъ Италіи и ея интересовъ является именно Германія и ея піонеръ. Италія должна помочь Россіи уничтожить германскій напоръ на Балканскій полуостровъ. Настоящій моментъ всего удобнѣе для новой группировки европейскихъ державъ.

Послѣднія событія на Балканскомъ полуостровѣ имѣютъ ту важную сторону, что многое выяснилось, особенно отношеніе отдѣльныхъ европейскихъ державъ къ балканскимъ народамъ; выяснилось, кто изъ нихъ желаетъ послѣднимъ добра, а кто о томъ только старается, чтобы поддерживать среди нихъ раздоръ и несогласіе. Балканскіе народы должны теперь сосредоточить всѣ свои силы для охраненія своей независимости. Событія показали также, что разные опыты чаще вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу. Развитіе‘ счастіе и сила народовъ не могутъ быть созданы чужими руками и по чужимъ образцамъ, а лишь собственными заботами, мудростью и патріотизмомъ самихъ народовъ. Чужой народъ ничѣмъ не поможетъ, особенно, если задаешься своекорыстною цѣлью—воспользоваться силою якобы благодѣтельствуемаго народа для собственнаго возвышенія (*«Уставност»* № 22, отъ 23 февраля).

Та же газета касается въ высшей степени важнаго вопроса о римской пропагандѣ на Балканскомъ полуостровѣ, а именно говоритъ о послѣднемъ покушеніи на греческую церковь. У балканскихъ народовъ, говоритъ *«Уставност»*, два главныхъ врага, заключившихъ между собою союзъ: одинъ врагъ всѣмъ извѣстенъ, и называть его незачѣмъ, другой — Ватиканъ; гдѣ одинъ работаетъ оружіемъ, тамъ другой насильственной пропагандой. Власть этихъ двухъ союзниковъ надъ восточными народами повела бы къ полной гибели послѣднихъ. Ватиканъ съ его космополитическими стремленіями опасенъ для каждой державы, преслѣдующей національныя цѣли; онъ противникъ свободы; онъ хотѣлъ бы обладать всѣмъ свѣтомъ. Съ нимъ могутъ вступать въ союзъ лишь такія государства, которыя сами по себѣ составляютъ неестественныя скопленія народностей, поддерживаемыя лукавствомъ и грубою силою. Обоихъ этихъ союзниковъ вытѣсняетъ съ Запада начало народности, а потому они и ищутъ поживы на Востокѣ Европы. Но есть сила, могущая задержать ихъ напоръ. Эта сила есть *православіе*. Когда греческое и сербское царства были сломлены турками, сказаны были гордыя слова: *предпочитаемъ турецкій тюрбанъ папской тіарѣ!* Православная церковь сохранила восточные народы отъ гибели. Стремленія Ватикана, поэтому останутся напрасными. (*«Уставност»*, № 23, отъ 25 февраля).

Относительно Турціи *«Уставност»* выразила слѣдующія мысли. Если Турція не хочетъ вступить въ союзъ съ балканскими державами и Россіею во главѣ послѣднихъ, то можно обойтись и безъ нея; тогда, конечно, союзъ балканскихъ народовъ можетъ быть направленъ какъ противъ Турціи, такъ и противъ ея западныхъ союзниковъ. И такимъ путемъ укрѣпятся извѣстныя связи балканскихъ народовъ съ Россіей и любовь къ ней, а это для нихъ самое важное дѣло. Восточный вопросъ не можетъ быть рѣшенъ на пользу балканскимъ народамъ ни Турціею, ни Европою съ Бисмаркомъ во главѣ, а лишь соединенными усиліями восточныхъ народовъ и Россіи, какъ ихъ верховной главы. Турція теперь, какъ и во время крымской войны, находится въ рукахъ западной Европы, и турецко-болгарское соглашеніе создалось подъ вліяніемъ послѣдней.

Къ этой идеѣ о союзѣ балканскихъ государствъ съ Россіей во главѣ органъ Ристича нѣсколько разъ возвращается и весьма основательно обсуждаетъ всѣ благодѣтельныя для славянства послѣдствія такого союза.

Между тѣмъ, положеніе вещей мало благопріятствуютъ надеждамъ на союзъ и согласіе балканскихъ народовъ.

Прежде всего миръ, заключенный Сербіею съ Болгаріею, имѣетъ въ себѣ очень

мало мирнаго. Таково общее мнѣніе какъ *сербскихъ*, такъ и болгарскихъ газетъ. Воззваніе короля Милана къ народу 5 марта 1886 г. о заключеніи этого мира отличается краткостью и сухостью. Король благодаритъ народъ за его жертвы и призываетъ къ мирнымъ занятіямъ. Во всемъ воззваніи проглядываетъ мысль о мирѣ, заключенномъ какъ бы противъ воли Сербіи. Печальный для Сербіи исходъ войны много повредилъ австрійскому вліянію въ этой странѣ, такъ что явилась надежда на замѣну министерства Гарашанина министерствомъ Ристича; но, прежде чѣмъ обратиться къ Ристичу, король Миланъ спрашивалъ сербскихъ радикаловъ о ихъ желаніяхъ. Радикалы отвѣчали, что ихъ желанія заключаются въ томъ, чтобы, по заключеніи мира, немедленно объявлена была отмѣна осаднаго положенія, чтобы черезъ мѣсяцъ по заключеніи мира объявлены были выборы въ въ новую скупщину, ибо полномочіямъ послѣдней скупщины истекъ срокъ еще 31 декабря 1885 г.; выборы должны быть свободны, т. е. ни правительство, ни отдѣльныя партіи не должны оказывать на нихъ давленія; черезъ мѣсяцъ послѣ выборовъ должна собраться скупщина, задача которой—обезпечить свободу печати, сходокъ, общинную автономію и неприкосновенность какъ лицъ, такъ и имуществъ, и подготовить созывъ чрезвычайной законодательной скупщины, выборы въ которую должны быть назначены черезъ 4 мѣсяца послѣ собранія очередной скупщины. (*«Србобран»*, № 40).

Послѣ того король обратился къ Ристичу и поручилъ ему образовать кабинетъ. Однако это, какъ извѣстно, не удалось Ристичу, и новый кабинетъ опять образовался подъ предсѣдательствомъ Гарашанина.

Поѣздка въ Петербургъ князя Черногорскаго и воззваніе къ сербскому народу, приписываемое Карагеоргіевичу, подѣйствовали на короля Милана самымъ непріятнымъ образомъ. Этимъ можно объяснить изгнаніе изъ Бѣлграда черногорскаго министра народнаго просвѣщенія Іована Павловича, который ѣздилъ въ Австрію и на обратномъ пути заѣхалъ въ Бѣлградъ; изгнанію его предшествовали будто бы два разговора Павловича съ русскимъ представителемъ при сербскомъ дворѣ г. Персіани (*Српски Лист*, № 5).

Переходя къ австрійскимъ сербамъ, прежде всего слѣдуетъ остановиться на положеніи дѣлъ въ Боснѣ и Герцеговинѣ. Новый боснійскій митрополитъ Николаевичъ получилъ выговоръ отъ министра Каллая, во-первыхъ за то, что въ праздникъ св. Саввы русскій консулъ стоялъ въ церкви (въ Сараевѣ) съ правой стороны, а *баронъ Николичъ съ львой*; во-вторыхъ, за то, что мѣсто для русскаго консула было на возвышеніи и разукрашено, а бароново нѣтъ; въ-третьихъ, за то, что въ день св. Саввы митрополитъ пріѣхалъ сперва въ сербскую школу, а потомъ уже въ гимназію, чѣмъ хотѣлъ сдѣлать демонстрацію; въ-четвертыхъ, за то, что позволялъ учителямъ говорить въ сербской школѣ революціонныя рѣчи. Подъ «революціонными» здѣсь слѣдуетъ разумѣть только посвященныя сербской исторіи и народу (*Уставност*, 6 марта 86).

Предстоящее посѣщеніе австрійскимъ императоромъ Босны и Герцеговины связывается съ вопросомъ объ окончательномъ присоединеніи этихъ земель къ Австріи. Вслѣдъ за этимъ возникаетъ вопросъ о томъ, къ какой части австрійской имперіи непосредственно примкнутъ эти земли: мадьяры ихъ тянутъ къ себѣ, чехи сочувствуютъ хорватамъ. Но, по мнѣнію газеты *«Уставност»*, этотъ вопросъ не можетъ быть рѣшенъ Австріею безъ согласія прочихъ державъ, причемъ газета полагаетъ, что такого согласія Австрія не получитъ (*Уставност*, 9 марта).

Итальянскій іезуитъ Винченцо Ванутелли проѣхалъ по славянскимъ землямъ и написалъ объ этомъ путешествіи книгу подъ названіемъ «по берегамъ Дуная». Въ этой книгѣ онъ является панславистомъ на католическій ладъ, предлагая объединеніе всѣхъ славянскихъ народовъ подъ сѣнію единой католической вѣры. На одномъ обѣдѣ въ Хорватіи онъ однако отказался признать себя за итальянца, отрицалъ объединеніе Италіи, какъ вредное для Римской церкви и тѣмъ открылъ и свои истинныя намѣренія относительно славянскаго міра. Таковы же воззрѣнія и въ брошюрѣ «Bosniens Gegenwart und nächste Zukunft», о которой было уже говорено въ прошломъ № «Извѣстій» и кото-

рую приписываютъ извѣстному епископу Стадлеру. Въ этой брошюрѣ авторъ рекомендуетъ правительственнымъ сферамъ полное приниженіе православной вѣры, изгнаніе мусульманъ въ Азію и окатоличеніе всей Босны. Брошюра вызвала возраженіе со стороны мусульманскаго населенія: именно Мехмедъ бегъ Капетановичъ Любушакъ издалъ въ отвѣтъ на нее свою брошюру: «Какъ думаютъ мусульмане въ Боснѣ». Капетановичъ прямо говоритъ, что Босняки мусульманскаго вѣроисповѣданія такіе же сербы по происхожденію, какъ и православные, и всегда вмѣстѣ съ послѣдними будутъ стоять за свою родину (*Српски Лист*, № 11, 18 (30) марта).

Въ той же газетѣ приведены любопытныя мнѣнія трехъ газетъ. Во-первыхъ, оффиціальная сербская газета «*Београдске Општинске Новине*» обвиняетъ великія державы въ несчастіяхъ Сербіи и балканскихъ державъ. Но нападая на Россію и заключенный ею с.-стефанскій договоръ, газета сѣтуетъ и на Австрію за то, что та посылкой Кевенгюллера въ болгарскій лагерь пріостановила во вредъ Сербіи войну, которую Сербія могла еще вести. «Мы, говоритъ газета, сознаемся откровенно, что не ожидали такого, чисто *австрійскаго*, изданія русской политики на Балканскомъ полуостровѣ.

Другая газета, нѣмецкая «*Bosnische Post*», разсматривая состояніе Босны и Герцеговины, считаетъ его весьма удовлетворительнымъ, особенно по сравненію съ тѣмъ, какое было четыре года тому назадъ, когда вся страна была въ возстаніи, и нѣмецкіе оккупанты страшились за свою жизнь. Теперь все спокойно, хотя вокругъ на Балканахъ все пылаетъ... Затѣмъ газета привѣтствуетъ прибытіе намѣстника «Новой Австріи» герцога Альбрехта, вслѣдъ за которымъ пріѣдетъ и самъ императоръ.

Третья газета, вѣнская полуоффиціальная «*Fremden Blatt*», говоря объ извѣстной прокламаціи, приписываемой зятю князя черногорскаго, кн. Петру Карагеоргіевичу, и останавливаясь на словахъ «Гласа Црнгорца», что князь Николай питаетъ любовь къ сербскому народу, высказываетъ, что Австрія съ своей стороны любитъ не только Сербію, но и сербскаго короля и не допуститъ, чтобы послѣдній и его династія были низвергнуты.

Значитъ, оффиц. сербская газета ошибается, когда сѣтуетъ на Австрію за то, что та, взамѣнъ Босны и Герцоговины, наградила Сербію бухарестскимъ миромъ, ибо полуоффиціальная вѣнская газета увѣрена, что Австрія всегда будетъ стоять за короля Милана (*Српски Лист*, № 11).

Болгарскія газеты отличаются своимъ враждебнымъ отношеніемъ къ Россіи; но и къ Австріи отношеніе ихъ почти такое же. Такъ «*Тырновская Конституція*» въ № 11 (23 февраля) прямо говоритъ, что Австрія въ своей политикѣ всегда дѣйствовала противъ Болгаріи. Еще на берлинскомъ конгрессѣ Австрія въ союзѣ съ Биконсфильдомъ постаралась отнять отъ Болгаріи для Сербіи Пиротскій и Враньскій округа, а затѣмъ при разграниченіи много селъ. Также она поступила въ Дунайскомъ и желѣзнодорожномъ вопросахъ. Все это она дѣлала для Сербіи потому, что считаетъ послѣднюю за свою провинцію, по завладѣніи которою ей легко будетъ проложить путь къ Солуню; по сему и послѣднюю войну Сербіи съ Болгаріей затѣяла Австрія. Тѣ, кто полагаетъ, что Россія можетъ парализовать вліяніе Австріи на Балканскомъ полуостровѣ, очень ошибаются. Россія подѣлила съ Австріей сферу вліянія, а теперь собирается совсѣмъ раздѣлить Балканскій полуостровъ. Для спасенія себя Болгаріи слѣдуетъ заключить союзъ съ Турціей и съ Румыніей (оборонительный и торговый), а также войти въ соглашеніе со славянами Австро-Венгріи, которые начинаютъ играть все болѣе и болѣе важную роль въ австрійскомъ правительствѣ.

Газета «*Hrvatska*» въ передовой статьѣ № 43 говоритъ, что, если болгары будутъ продолжать по прежнему отдавать себя въ полное распоряженіе князя Александра, то будутъ имѣть такую же участь, какъ и сербы отъ короля Милана. Очевидно, онъ хочетъ сдѣлать болгарскій народъ слѣпымъ орудіемъ для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Болгарамъ слѣдовало бы просто отправить его въ Германію, а не соглашаться на сдѣлку съ Турціей, такъ какъ эта сдѣлка имѣетъ въ виду исключительно интересы князя Александра. Эта сдѣлка ставитъ и Бол-

гарію и Румелію въ худшее положеніе, чѣмъ до Пловдивскаго переворота. И какъ болгары не могутъ понять, что одна только Россія оберегаетъ Болгарію теперь, противясь этой пагубной сдѣлкѣ, тогда какъ прочія державы, привѣтствующія эту сдѣлку, желаютъ зла Болгаріи?

«*Тырновская Конституція*» въ № 15 отъ 13 марта восторгается статьей «*Вѣстника Европы*» (за январь), доказывающей «съ высокимъ безпристрастіемъ, съ глубокимъ, ученымъ взглядомъ и убѣдительной логикой все дѣтское непостоянство и слѣпоту современныхъ русскихъ дипломатовъ, которые своими безпричинными нападеніями на болгарскій народъ, своею поразительною непослѣдовательностью доказываютъ свою политическую недальновидность и дѣйствуютъ только на пользу враговъ славянства, а особенно Австріи». Пусть не ужасаются русскіе дипломаты стремленій болгаръ къ самостоятельности и къ національной политикѣ, такъ какъ эти стремленія суть только проявленіе свойственнаго XIX вѣку духа національнаго обособленія. Что касается до нападокъ русскихъ дипломатовъ на князя Александра, то онѣ неосновательны ибо Болгарія какъ страна парламентская, не допуститъ у себя господства нѣмецкихъ интересовъ, къ чему будто бы стремится князь Александръ. «*Серпски Лист*» (№ 9) сообщаетъ, что редакторъ мадьярской газеты «Pesti Hirlap» былъ у Ригера и говорилъ съ нимъ. О ландштурмѣ Ригеръ сказалъ, что чехи, изъ патріотизма, должны поддержать этотъ законъ. Затѣмъ онъ осуждалъ политику Пруссіи относительно поляковъ, прибавивъ, что въ Австріи ничего подобнаго быть не можетъ. Мадьяры со славянами, по мнѣнію Ригера, должны составить основу австрійской монархіи. Славяне не могутъ больше онѣмечиваться. Бисмаркъ, будто бы, своей польской политикой хотѣлъ оказать услугу (?) Россіи. Чехи сочувствовали болгарамъ, ибо тѣ боролись за свою независимость; пока и сербы также поступали, чехи имъ сочувствовали. Австро-Венгрія теперь, по мнѣнію Ригера, непопулярна въ Сербіи; послѣдняя всѣ свои неуспѣхи сваливаетъ на Австрію. Говоря о словакахъ, Ригеръ не одобряетъ ихъ дѣятельность, ихъ отступничество отъ чешскаго языка (виною этому, по мнѣнію Ригера *русское* вліяніе). Такъ какъ словаковъ нельзя омадьярить, то лучше предоставить ихъ вліянію чеховъ, а мадьярамъ всего лучше соединиться съ славянами противъ нѣмцевъ.

Болгарская газета «*Напредъ*» предлагаетъ союзъ балканскихъ государствъ, но о Россіи ничего при этомъ не упоминается.

Въ субботу 8 марта въ $11^1/_2$ часовъ въ Бѣлградѣ въ соборѣ отслужена была панихида по Аксаковѣ, по почину сербскаго ученаго общества. Храмъ былъ полонъ. Присутствовали, русскій посланникъ г-нъ Персіани съ супругой, секретари миссіи Поджіо и Кукель съ супругами и весь отдѣлъ русскаго Краснаго Креста. Панихиду служилъ ректоръ семинаріи Никаноръ Ружичичъ съ 20 священниками и 4 дьяконами. Рѣчь сказалъ архимандритъ Никифоръ Дучичъ. Въ своей рѣчи онъ сравнивалъ Аксакова съ яркой звѣздой, какія являются только столѣтіями, звѣздой, такъ долго свѣтившей и согрѣвавшей своимъ свѣтомъ всю Русь и весь славянскій міръ. Онъ стоялъ за духовное соединеніе всѣхъ славянскихъ племенъ, за соединеніе ихъ съ мощною Россіею, что дастъ такую силу славянскому міру, что *врата адовые* не одолѣютъ ея. Славяне молодой и многочисленный народъ; славную будущность этого стомилліоннаго народа ясно предвидѣлъ высокій умъ Аксакова. Онъ столько сдѣлалъ для славянства, что навсегда увѣковѣчилъ себя и свое дѣло въ будущемъ. Вся жизнь его была неустанною борьбою за идеи, за народное начало, за свободное и самостоятельное народное развитіе и за славу и величіе Россіи. Онъ искренно желалъ освобожденія южныхъ и западныхъ славянъ отъ чуждаго ига, онъ желалъ и для Россіи возрожденія въ духѣ исторіи и народности и отреченія отъ западныхъ, непригодныхъ для нея началъ. Онъ желалъ даже самостоятельной русской культуры на основѣ православія. Его идеи приняли его ученики и послѣдователи и будутъ стойко бороться за нихъ. Благодарный сербскій народъ не забудетъ Аксакова и его дѣла, не забудетъ великой помощи, оказанной ему въ борьбѣ за освобожденіе.

Галичина.

Въ прошломъ обозрѣніи, въ виду важности рѣшеній галицкаго сейма, мы остановились на немъ такъ долго, что не имѣли возможности сообщить читателямъ объ историческомъ торжествѣ, которое съ новымъ годомъ праздновала Галицкая Русь. 1 января 1886 г. исполнилось 300 лѣтъ со дня подписанія антіохійскомъ патріархомъ Іоакимомъ учредительной грамоты львовскаго братства при церкви Успенія пресв. Богородицы, братства, которое въ настоящее время, подъ именемъ Ставропигійскаго Института, служитъ одною изъ главныхъ опоръ галицко-русской народности. 15 января учредительная грамота была опубликована. Совѣтъ Института рѣшилъ поэтому ознаменовать торжествомъ оба дня.

1 января, послѣ торжественнаго молебна въ Успенской церкви, присутствовавшій на немъ митрополитъ былъ встрѣченъ въ залѣ засѣданій Института хлѣбомъ-солью и привѣтственной рѣчью предсѣдателя (сеніора) проф. Ис. Шараневича. Въ своемъ отвѣтѣ митрополитъ выразилъ глубокую радость по поводу того, что къ Ставропигіи тѣсно примыкаютъ лучшіе представители галицкой интеллингенціи, имѣющей столь громадное значеніе въ дѣлѣ духовнаго развитія народа.—За столомъ въ квартирѣ сеніора прот. Величко провозгласилъ тостъ за тѣсное единеніе Ставропигіи съ Святоюрскою горою. 15 января, при огромномъ стеченіи публики, былъ данъ въ залѣ Народнаго Дома музыкально-литературный вечеръ

Галичане любятъ и умѣютъ пѣть, а о литературной части вечера можетъ дать нѣкоторое представленіе короткая выдержка изъ прочитаннаго на немъ стихотворенія:

«Возрадуйтесь, вы, духи предковъ нашихъ,
По трехъ вѣкахъ мы нынѣ юбилей
Обходимъ подвиговъ великихъ вашихъ,
Исполненныхъ на славу Руси всей!
Возрадуйтесь, блаженны! не пропали
Сокровища потомству дороги,
Що въ Ставропигіи вы сохраняли
Для насъ въ наслѣдіе, въ залогъ любви:
Мы въ книгахъ вашихъ русскихъ обучены!
Воспитаны на русской вѣрѣ мы,
Подобно вамъ въ ничемъ неизмѣнены
Живемъ, есьмы все—русскими людьми!»

Въ честь торжества предпринято Ставропигіей еще впрочемъ не оконченное изданіе, по отзывамъ газетъ, роскошное и со многими фототипіями.

Историческіе праздники невольно обращаютъ мысль на прошлое. Крѣпнетъ и мужаетъ духъ, если оно отрадно, если оно представляетъ яркія доказательства твердости и стойкости въ бѣдствіяхъ, а тамъ, гдѣ mutatis mutandis продолжается все тотъ же точно заколдованный кругъ обереганія народности и религіозной совѣсти отъ враждебныхъ посягательствъ, выступающихъ то въ грубой формѣ прямаго насилія, то подъ маской дружбы и состраданія къ мнимымъ недугамъ и опасностямъ, тамъ народъ еще глубже долженъ проникнуться историческими завѣтами, дружно сплотиться для ихъ защиты. Какъ однако далека отъ этого современная галицкая жизнь! Въ ея хроникѣ мы должны отмѣтить фактъ высокой важности. Въ концѣ минувшаго года открыта въ Галичинѣ новая, третья епархія Станиславовская, въ главѣ которой поставленъ новый епископъ д-ръ Юліанъ Пелешъ, о рѣчи котораго въ сеймѣ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи.—Въ новой епархіи все пошло по новому. Вступленіе епископа въ должность 29 декабря минувшаго года совершено было съ необычайной торжественостью, доставившей обильный матеріалъ не только для галицкихъ русскихъ, но даже польскихъ и буковинскихъ газетъ.

Въ отвѣтъ на привѣтствіе представителя города, конецъ котораго былъ сказанъ по русски, епископъ отвѣтилъ по польски и по русски и закончилъ словами: «миръ дому сему и городу! Да будетъ миръ и гармонія между вами!» Мы сейчасъ увидимъ, на сколько дальнѣйшія подробности торжества могли содѣйствовать утвержденію столь желаннаго мира. Въ торжествѣ приняли горячее участіе польское духовенство и дворянство. Въ Станиславовъ прибыли епископы—краковскій Дунаевскій и львовскіе, латинскій — Моравскій и армяно-латинскій Исаковичъ, графъ В. Дзѣдушицкій, пр. гр. Тарновскій и др... Торжество закончилось параднымъ обѣдомъ, за которымъ провозглашено много тостовъ и рѣчей. Пр. графъ Тарновскій началъ рѣчь отъ имени города

Кракова, какъ «колыбели (?) всѣхъ епископій въ Польшѣ (?), а графъ Дзѣдушицкій, послѣ многихъ выходовъ противъ москалефиловъ, закончилъ обѣдъ тостомъ—«Kochajmy się!» На нашъ взглядъ однако торжество вышло весьма невеселымъ. Представители Народнаго Дома, Русской Рады, Галицко-русской Матицы, Общества им. Качковскаго и академическаго кружка, т. е. представители всѣхъ русскихъ учрежденій Галичины уѣхали изъ Станиславова съ утреннимъ поѣздомъ и на обѣдѣ не были. И дѣйствительно, для чего имъ было оставаться? Для того ли, чтобы слушать трогательную рѣчь отъ имени колыбели епископій въ Польшѣ или новыя варіаціи ягеллоновской идеи, или наконецъ принять благословеніе, преподанное Руси епископомъ Дунаевскимъ словами: «Niech was św. Stanisław i błogosławiony Iozafat błogosławi» Мы представляемъ себѣ ихъ чувства: черезъ 2 дня въ ихъ родномъ Львовѣ должно совершиться историческое торжество, ярко свидѣтельствующее о значеніи тѣснаго единенія духовенства и его мірскихъ чадъ: Они поспѣшили привѣтствовать новаго владыку, готовы были окружить его, какъ отца; но ближайшія мѣста при немъ оказались уже заняты не любящими чадами, а посторонними лицами, разодѣтыми въ богатые кунтуши съ карабелями, и скромные сыны Руси предпочли для предстоящаго торжества сохранить сердце чисто.....

Въ свое время, говоря о сеймовой рѣчи епископа Пелеша, мы указывали, что никогда еще Галицкая Русь не слышала ничего подобнаго изъ устъ своего владыки. Мы не предполагали, что въ лицѣ д-ра Пелеша Галицкая Русь получила епископа, которому суждено удивить даже поляковъ. Въ только что вышедшемъ № 12 газеты «Край», въ отдѣлѣ корреспонденцій изъ славянскихъ земель помѣщена краткая замѣтка изъ Львова, написанная какимъ-то «русиномъ», очевидно, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ двухъ пастырскихъ посланій станиславовскаго епископа. Главнѣйшіе пункты этихъ посланій, сообщаемые въ корреспонденціи, мы позволимъ себѣ привести: «Торжественно передъ Богомъ и передъ людьми, говоритъ епископъ, заявляемъ, что наша вѣрность и покорность, благодарность и привязанность къ преславнымъ и пресвѣтлымъ престоламъ — римскому и австрійскому никогда не ослабѣетъ и не измѣнится, какъ никогда не изсякнутъ быстрыя и чистыя струи Быстрицы (рѣка у Станиславова), Прута и Черемоша, какъ не перемѣнятъ своихъ мѣстъ возвышающіяся до небесъ Бескиды».... «Пусть, поучаетъ онъ далѣе паству, вашей величайшей честью, вашей славой будетъ то, что вы члены св. церкви, что вы католики. Вашъ верховный пастырь на землѣ—папа римскій; будьте ему вѣрны и охотно повинуйтесь тому, что онъ вамъ приказываетъ черезъ своихъ священниковъ». Такимъ образомъ, прибавляетъ корреспондентъ, о какой бы то ни было автономіи, вытекающей изъ самой сущности уніи, въ посланіи нѣтъ и рѣчи.

Мы не вполнѣ понимаемъ это замѣчаніе: сущность уніи заключается въ соединеніи съ Римомъ и слѣдоват. въ подчиненіи папѣ, по духу римской церкви, безусловномъ; а обрядъ, какъ показываетъ практика, также не гарантированъ отъ измѣненій.

Наиболѣе интереснымъ въ посланіи является то мѣсто, гдѣ епископъ высказываетъ свою программу касательно народности: «Любите, увѣщаетъ онъ, чтите и храните вашъ обрядъ и народность! Дорожите русскою народностью и русскимъ языкомъ, который имѣете отъ Бога и который составляетъ наше общее народное сокровище. Но любя и охраняя свое, почитайте и чужое, памятуя, что всѣ католики, безъ отношенія къ народности, суть дѣти одной и той же католической церкви, во главѣ которой, по волѣ Бога, стоитъ римскій папа, памятуя также, что всѣ граждане нашего края и цѣлой монархіи Австрійской—дѣти и подданные австрійскаго цесаря... *Смирите вашъ народный пылъ, ваши народныя стремленія, дабы не подвергать опасности христіанскую любовь*»... «Вотъ девизъ, говоритъ корреспондентъ, добровольно принятый «народовцами». Будемъ надѣяться—вскорѣ они увидятъ, что девизъ этотъ можетъ принести русской народности не пользу, а лишь вредъ». Мы можемъ видѣть въ этомъ отзывѣ лишь доказательство той трезвости, съ какою способенъ смотрѣть на дѣла «Край», если онъ это считаетъ нужнымъ.

Дѣлаемъ послѣднюю оговорку лишь въ виду приводимаго тутъ же другаго извѣстія изъ Львова о томъ, что министръ народнаго просвѣщенія, ясно усматривая причиненную русскимъ галичанамъ кривду въ дѣлѣ средняго образованія и желая хотя отчасти удовлетворить ихъ справедливыя требованія, пришелъ къ убѣжденію что слѣдуетъ открыть русскую гимназію въ Перемышлѣ, а параллельные классы въ Станиславовѣ. Сообщеніе это сопровождается недоумѣннымъ со стороны газеты вопросомъ: «Неужели это правда?»

Понятно, почему новаго епископа съ такимъ, повидимому, горячимъ энтузіазмомъ привѣтствовали и окружили латинскіе іерархи и польскіе магнаты. Болѣе внимательное сопоставленіе галицкихъ событій въ церковной сферѣ заставляетъ однако въ значительной степени умалить вліяніе искренняго энтузіазма въ указанныхъ польскихъ оваціяхъ. Дѣло въ томъ, что церковныя неурядицы въ Галичинѣ—особенно въ реформируемомъ теперь орденѣ базиліянъ—обратили на себя наконецъ вниманіе куріи, и въ настоящее время находится въ Галичинѣ делегатъ вѣнской нунціатуры монсиньоръ Страніеро, который долженъ обратить серьезное вниманіе какъ на русскія дѣла, такъ и на польскія соотношенія.

Такимъ образомъ поведеніе высшаго латинскаго духовенства и магнатовъ въ указанномъ случаѣ должно было представить монсиньору яркое доказательство миролюбія и наилучшихъ желаній со стороны поляковъ, и имѣло поэтому съ ихъ стороны значеніе весьма ловкаго дипломатическаго маневра. Будетъ ли онъ успѣшенъ, покажетъ ближайшее будущее, но и теперь есть основаніе для сомнѣній. Главнѣйшія изъ нихъ заключаются въ недовѣріи галичанъ къ мѣрамъ римской куріи со времени реформы базиліанъ и въ явномъ безсиліи самой куріи укротить строптивость и фанатизмъ уніатскихъ змартвыхвстанцевъ, что особенно обнаружилось по поводу дѣятельности ксендза Сарницкаго. Этотъ глава добромильскихъ базиліанъ, долженствующихъ переселиться въ львовскій свято-онуфріевскій монастырь, производилъ въ немъ нужныя починки и перемѣны. Имъ прежде всего подвергся надгробный камень на памятникѣ русскаго первопечатника Ивана Ѳедорова: на мѣсто древне-русскихъ изображеній явилась фигура св. Флоріана и т. п. Въ церкви заведенъ органъ, не уничтоженный даже послѣ прямаго запрещенія куріи. Ксендзъ Сарницкій осмѣлился сдѣлать представленіе, въ которомъ доказывается необходимость органа въ базиліанской церкви. Теперь объ этомъ призваны дать мнѣніе всѣ русскіе ординаріаты. Чѣмъ кончится дѣло, неизвѣстно, ясно однако, что изъятіе базиліанъ изъ-подъ вѣдомства епархіальныхъ властей и непосредственное подчиненіе ихъ Риму, по буллѣ «Singulare praesidium», развиваетъ полное самоуправство отдѣльныхъ фанатиковъ. Если къ указанному положенію церковныхъ дѣлъ прибавить картинки, какія, напр., сообщаетъ Н. Пр. (№ 306) изъ среды пресловутой равноправности поляковъ и русскихъ, картинки, тѣмъ болѣе возмутительныя, что онѣ касаются самыхъ обыденныхъ случаевъ (напр., насильственное—при содѣйствіи жандармовъ—водвореніе въ школѣ, построенной русской громадой, учителя поляка, не знающаго порусски, и даже не выдержавшаго учительскаго испытанія), то сомнѣнія въ успѣхѣ польскихъ маневровъ получатъ весьма значительныя основанія. Кто знаетъ, быть можетъ, омраченный умъ, извращаемое чувство покинутъ ложный путь послѣ тяжелыхъ испытаній? Средство печальное, но оно лучше полной безнадежности.

23 января минула 7-я годовщина заключенія галицкихъ жертвъ польской злобы. «Н. Пр.» (№ 305) такъ формулируетъ значеніе этого событія: «со времени процесса Русь наша поднялась, послѣ него стали нѣкоторыя сферы обращать серьезное вниманіе на дѣла Галиціи, исчезли люди, не признававшіе русскаго вопроса (кромѣ, прибавимъ отъ себя, нѣкоторыхъ польскихъ депутатовъ, какъ показалъ послѣдній сеймъ), наконецъ, не будь процесса, никто бы и не упоминалъ о Галицкой Руси. День 23 января такимъ образомъ памятный день. Для Галицкой Руси это цѣлый періодъ; такъ какъ, послѣ повальнаго обыска, въ ней не оказалось никакой государственной измѣны, а лишь стремленіе къ равноправности и готовность поддержать свои права. День

этотъ, омоченный русскими слезами, является теперь днемъ радости»

Что это именно такъ, лучше всего доказываютъ дѣйствія враговъ, какъ будто сознавшихъ постигшую ихъ неудачу и желающихъ поэтому вызвать новый процессъ, надѣясь вѣроятно на другіе результаты. Въ послѣднее время польскія галиційскія газеты, при дружномъ содѣйствіи украинскихъ подголосковъ, начали атаку противъ редакторовъ газетъ «Слово» и «Нов. Проломъ», адвоката Ив. Добрянскаго, и особенно противъ о. І. Наумовича.

Застрѣльщикомъ выступила «Газ. Народова», помѣстившая въ № 28 якобы корреспонденцію изъ Петербурга. Содержаніе ея въ высшей степени рутинно; право, можно удивляться неизобрѣтательности корреспондентовъ «Народувки»: измѣнники—Площанскій, Марковъ, Наумовичъ, съ Ив. Добрянскимъ во главѣ за moskiewskie ruble основали комитетъ, съ цѣлью, посредствомъ подкупа, распространять религіозное, литературное и политическое объединеніе. За первой корреспонденціей послѣдовала вторая, въ № 36. Въ патріотизмѣ отъ «Газ. Народовой» не захотѣла отстать и «Стражница»—ничтожная газетишка «prawdziwego Sarmaty» пана Гнѣвоша, который, въ свойственномъ ему азартѣ, считаетъ о. Іоанна виновникомъ *всѣхъ* польскихъ несчастій. Отъ запѣвалъ, конечно, не отстаютъ и подголоски. Такъ, «Дѣло» перепечатало корреспонденцію «Народовой», а «Зеркало» въ лакейскомъ усердіи мечтаетъ объ «Ивановой хатѣ» — какъ называютъ галичане тюрьму, гдѣ содержался въ заключеніи о. Іоаннъ. Послѣдній не оставилъ этихъ клеветъ безъ замѣчаній съ своей стороны. Они помѣщены въ нѣсколькихъ нумерахъ «Слова» (11, 12, 13, 15, 19) и «Н. Пр.» (316). Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на нихъ подробно. Личность о. Іоанна настолько исключаетъ всякія подозрѣнія, такъ чиста и столь дорога галицкому народу, что только злѣйшіе его враги, не чувствующіе съ нимъ никакой связи, могутъ клеветать на нее. Мы, признаемся, искренно сожалѣемъ, что маститый старецъ безпокоилъ себя указанными возраженіями: вѣдь въ концѣ концовъ они безполезны—дѣло не въ разъясненіи истины. Не можемъ однако не привести коротенькой выдержки изъ письма почтеннаго о. Іоанна («Н. Пр.» 316), для обрисовки состоянія его духа. «....Ну, такъ впередъ, господа! «Иванова хата» мнѣ не страшна. Кто разъ сталъ боротись за идею, тотъ не убоится не то «Ивановой хаты», но и самой смерти. Въ томъ можете быти увѣрены. Такъ ни вашихъ, ни цѣлаго свѣта страховъ не опасаюсь. Я съ моимъ убѣжденіемъ живу, страдаю и умру. Скорше—позднѣйше, все равно. Я сдѣлалъ то, що я считалъ для народа полезнымъ; будущему роду свободно будетъ кинути на мою могилу камнемъ, или добромъ мене поминати...»

Участникъ Кирилло-Меѳодіевскаго торжества въ Петербургѣ, крестьянинъ Ѳ. К. Бѣлецкій приговоренъ къ 8-дневному тюремному заключенію, которое и началъ отбывать съ 17 января.

25 марта. **И. Ф.**

Г-ну Сречковичу.

Великій сербскій ученый, пріобрѣвшій извѣстность въ наукѣ передергиваніемъ словъ и искаженіемъ фактовъ, ***Панто Сречковичъ*** снизошелъ 1 марта (см. Уставност, бр. 28) до «писца у Известујама С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества» статьи: «Извѣстія из славянских земалья, по *газетам*». Будучи проникнуты глубочайшимъ уваженіемъ къ г. Сречковичу, мы нерѣшились бы отвѣчать на это обращеніе великаго ученаго и оспаривать его заявленіе о сербскомъ народѣ, живущемъ «отъ *Солуна* до Пожуна и Адріатическаго моря», такъ какъ въ этомъ не видимъ никакой нужды ни для кого, кто мало-мальски знакомъ со славянствомъ, и не привыкъ передергивать чужихъ словъ, — равно, какъ не намѣрены, по той же причинѣ *) и доказывать, что есть 6 милл. и не «*несловена*», которые употребляютъ «языкъ

*) Желающій пусть самъ, не полагаясь на г. Сречковича, прочтетъ указанныя имъ книги, и сравнитъ отдѣлы «Болгарскій языкъ» и «Сербскій языкъ» въ грамматикѣ Миклошича Vergl. Gram. d. Slaw. Spr. B. t. III, въ русскомъ переводѣ «Сравн. Морфол. Слов. Як.», вып. II, хотя бы съ изданнымъ Шапкаревымъ: Сборникомъ отъ народни старини Книжка III. Болгарски народни прикаски и вѣрования собралъ въ Македония. Пловдивъ 1885.

безъ склоненія» и изъ которыхъ около милліона живетъ въ Македоніи, мы, повторяемъ, и не взяли бы на себя дерзости отвѣчать на это обращеніе, если бы г. Сречковичъ не высказалъ догадки, что статья написана П. Г. Моравкомъ. Предоставляя П. Г. самому говорить о своемъ «презимени» *) (фамиліи) и сочувствіи или несочувствіи къ униграмъ и «Болгарамъ», я скажу только, что «писац» статьи есть и «писац» этихъ строкъ, человѣкъ нигдѣ не служащій, ни отъ кого жалованья не получающій и ничьимъ чужимъ убѣжденіемъ при выраженіи своихъ мыслей не руководящійся**), равно какъ, будучи *русскимъ* да еще *и ярославцемъ*, и не имѣющій никакой нужды относиться не съ равнымъ сочувствіемъ ко всѣмъ славянамъ, а потому и къ сербамъ и болгарамъ; угры «писцу» могутъ быть «пріятелями только тогда, когда перестанутъ быть врагами и притѣснителями славянъ, кто бы эти славяне ни были и какимъ бы языкомъ ни говорили, а отрекаться отъ пріятельства съ болгарами (са бугарима—«Болгаръ» «писац» не знаетъ, если только г. Сречковичу не благоугодно такъ называть тѣхъ людей, которые родились на Волгѣ и къ которымъ принадлежитъ поэтому и самъ «писацъ»), отъ расположенія къ нимъ ровно такого же, какъ и ко всѣмъ другимъ славянамъ, ни большаго ни меньшаго «писацъ» не думаетъ, да и не имѣетъ нужды: не могутъ быть его пріятелями только тѣ изъ славянъ, которые заявляютъ такія притязанія, удовлетворить которымъ нельзя, не нарушивъ священныхъ правъ другихъ славянъ, даваемыхъ имъ условіями этнографическими, а въ частности особенно *языковыми*.

Н. Шляковъ.

---

*) Вполнѣ раздѣляя взглядъ уважаемаго сотрудника нашего на наши отношенія къ славянамъ, считаю нужнымъ, по поводу моей фамиліи, введшей въ заблужденіе г. Сречковича, сказать, что я *Русскій*, Костромичъ. Если предки мои и выселились изъ Чехіи въ Россію, то это произошло весьма давно, и въ семьѣ нашей не сохранилось объ этомъ даже воспоминаній: Ни отецъ, ни даже дѣдъ мой по Чешски не говорили. Кажется что вопросъ о моихъ симпатіяхъ къ однимъ славянамъ, на счетъ другихъ становится совершенно лишнимъ. *П. М.*

**) Совершенно не понимаемъ, о какомъ подкупльене говоритъ г. Сречковичъ. Въ статьѣ говорилось и о неподкупной истинѣ науки. *«Ред.»*

Изъ Бѣлграда.

(Корреспонденція).

Недовольствіе сербскаго народа своимъ правительствомъ усиливается все болѣе и болѣе. Что войну съ Болгаріей затѣялъ Миланъ съ Гарашанинымъ и К°, дабы отстранить отъ себя приближающуюся грозу народнаго возмущенія, теперь ни для кого не секретъ. Миланъ большой охотникъ похвастать своей «счастливой звѣздой», хотя пора бы, кажется, ему одуматься и сказать: кинь надежду на всегда. Слѣпъ тотъ, кто не видитъ, какъ быстро меркнетъ эта «счастливая звѣзда» и какъ стремительно ея захожденіе на западъ. Но надежды, оказывается, не однихъ только юношей питаютъ. Утопающій готовъ схватиться и за соломенку, и только потому, что надѣется на ея крѣпость. Миланъ схватился за войну; пусть при этомъ погибнутъ тысячи и тысячи тысячъ, лишь бы спасся онъ несчастный грѣшникъ и жалкій бѣдняга. Милану вздумалось обмануть всѣхъ, но натура его не выдержала слишкомъ сильнаго напряженія, вслѣдствіе чего и безъ того не ахти какія умственныя и нравственныя силы его окончательно разстроились. Соломенка стала казаться ему спасительной лодкой, а бездонная пропасть, надъ которой онъ стоялъ, совершенно улетучилась съ его поля зрѣнія. Дѣйствовать на свой страхъ Миланъ, конечно, не посмѣлъ бы, да и друзья его выступить съ открытой поддержкой не могли рѣшиться. И вотъ начинается подпольная, лукавая и изъ-за кулисъ работа: Милана толкаютъ, Милана обнадеживаютъ. Ты-де только начни, а тамъ еще кто-нибудь впутается, а тамъ, глядишь, загорится и общеевропейская война, а тогда твое дѣло въ шляпѣ.

Но игра не удалась, Миланъ остался изолированнымъ и подъ опасеніемъ, въ случаѣ непослушанія, ожесточить противъ себя всѣхъ, всю Европу. Пришлось поискать другаго выхода. Столбцы иностранныхъ газетъ стали наполняться сообщеніями о какихъ-то переговорахъ въ королевскомъ дворцѣ, а оффиціальная печать, съ своей стороны, стала распускать слухи о какомъ-то коалиціонномъ министерствѣ, которое-де будетъ результатомъ происходящихъ переговоровъ. Переговоры

начались при дѣятельномъ участіи «красавицы Наталіи», въ хвостѣ которой стоялъ Миланъ. Въ чемъ состояли переговоры, и сыграла ли Наталія ту выдающуюся политическую роль, какую она хотѣла сыграть, я вамъ напишу въ слѣдующій разъ; а теперь посмотримъ, съ какою цѣлью были затѣяны эти переговоры. Этимъ господамъ захотѣлось привлечь на свою сторону вожаковъ оппозиціи, въ особенности либераловъ. Это не удалось; что же дѣлать? Миланъ рѣшилъ дать почувствовать остатки своей силы. Ненавидя сербскій народъ, Миланъ сосредоточилъ, послѣ полученнаго пораженія, фокусъ своей ненависти на либералахъ. На что стали похожи номера «Уставности», органа либераловъ? На столбцахъ этой газеты вы встрѣтите больше объявленій, чѣмъ статей, ибо каждое слово, критикующее дѣйствія правительства, безжалостно вычеркивается цензурой. Но и этого мало оказывается. На дняхъ арестовали и предали военному суду депутата города Лозницъ, Велизара Кундовича, за то, что онъ, какъ гласный городской думы, на предложеніе полиціи послать депутацію къ Милану, съ просьбой продолжать войну съ Болгаріей, отвѣтилъ: «не надо обманывать короля и посылать ему депутаціи, ибо народъ не только не хочетъ продолженія этой войны, но никогда и сначала не былъ за нее».

Приведу еще одинъ случай. Когда Милану представлялась депутація отъ населенія Рудничскаго округа (хотя, впрочемъ, она отправлена была по инициативѣ полиціи), то священникъ села Мрчаевца, Стеванъ Продановичъ, передавъ королю благопожеланія народонаселенія, сказалъ, между прочимъ: «народъ, который послалъ меня и моихъ товарищей, проситъ Васъ остановить отвратительное междоусобное кровопролитіе, ибо онъ ненавидитъ тѣхъ, которые затѣяли эту братоубійственную войну»... (Продановичъ говорилъ отъ лица всѣхъ, такъ какъ депутаты, сговорившись заранѣе, избрали его для разсужденій съ королемъ). Миланъ не далъ депутату окончить, плюнулъ ему въ лицо и сказалъ: «это тебя, должно быть, научилъ твой митрополитъ Михайло»... а затѣмъ выругалъ его такими словами, какія можно услышать на биржахъ ломовыхъ извощиковъ, да на извощичьихъ дворахъ. Надо замѣтить, что и теперь огромное большинство считаетъ и признаетъ законнымъ сербскимъ митрополитомъ Михаила; вотъ почему Миланъ говоритъ: «твой» митрополитъ. Много и много такихъ и имъ подобныхъ примѣровъ могъ бы я привести вамъ еще, если бы не было жаль, если бы не было тягостно возмущать ваши чувства такими гнусными явленіями. Однако не могу умолчать о случаѣ съ Бѣлградской депутаціей. Полиція собрала въ Бѣлградѣ подлецовъ и шпіоновъ, между которыми удивляли насъ своимъ присутствіемъ извѣстный радикалъ франкмасонъ и квакеръ, и архимандритъ — ректоръ здѣшней духовной семинаріи Никаноръ Ружичичъ. Этотъ послѣдній, недостойный духовный сынъ нашего милаго архипастыря, митрополита Михаила, забылъ все прошлое и дерзнулъ своей священнической рукой подписать адресъ королю, гдѣ, между прочимъ, говорится: «война съ Болгаріей есть самая священнѣйшая война на страницахъ сербской исторіи».

Развѣ могъ подписать подобную пошлость, подобную пошлую строку священникъ, котораго долгъ проповѣдывать дружбу, миръ и согласіе между братьями, а не сатанинскую рѣзню? Мы нисколько не удивляемся радикальному франкмасону Светомиру Николаевичу, ибо онъ давно служитъ звеномъ между радикалами и напреднякàми; но никогда не забудемъ этого архимандриту Никанору.

Не безъинтересно будетъ для васъ узнать, что въ настоящее время ведутся переговоры съ радикальной партіей. Возможность союза съ либералами рухнула, и вотъ Миланъ обращаетъ свои милостивые взоры къ радикаламъ, къ тѣмъ самымъ радикаламъ, которыхъ въ 1883 г. онъ же съ высоты престола назвалъ «уличной сволочью» (олош), нигилистами и т. п. лестными эпитетами. На радикаловъ и только на радикаловъ, Миланъ, вкупѣ съ Гарашанинымъ, возлагаетъ свои упованія; и надо сознаться, что все говоритъ за возможность этого союза въ самомъ непродолжительномъ времени. Нынѣ въ Нишѣ состоится большое собраніе членовъ обѣихъ партій и, поговариваютъ, что собраніе это намѣрено вступить въ союзъ

съ Гарашанинымъ, вожакомъ радикальной партіи; имъ же придется образовать и коалиціонное министерство.

Вопросъ въ томъ, кто будетъ участвовать въ этомъ собраніи? Во-первыхъ, это собраніе будетъ находиться подъ зоркимъ окомъ Милана; во-вторыхъ, подъ милостивою опекою и защитою того же Милана; въ-третьихъ, списокъ участвующихъ составленъ согласно желаніямъ опять же Милана! Какъ только миръ будетъ заключенъ окончательно, сейчасъ же выступитъ на сцену это пресловутое коаліціонное министерство, одни говорятъ, подъ предсѣдательствомъ Міатовича, другіе — Гарашанина. Кажется, послѣднее вѣроятнѣе, такъ какъ радикалы согласились не измѣнять внѣшней политики Сербіи, а слѣдовательно Гарашанинъ будетъ имѣть много шансовъ сохранить за собою портфейль министра иностранныхъ дѣлъ *).

Несчастна страна, гдѣ народъ и его избранникъ — два враждебныхъ лагеря; гдѣ клевреты этого избранника — измѣнники отечеству и враги народу. Но сила пока на сторонѣ этихъ немногихъ, и много горя и бѣдствій перенесетъ еще Сербія, пока освободится отъ пошлыхъ пробъ этихъ экспериментаторовъ. И все же въ концѣ концевъ правда восторжествуетъ, мощь народа одолѣетъ эти низменныя силы и, нынѣ гордый Миланъ полетитъ въ ту пропасть, на краю которой онъ стоитъ и которую самъ себѣ вырылъ, презрѣвъ народныя чувства, народное самолюбіе, народныя симпатіи и поставивъ свое личное «я» выше всего.

Ж...

*) Корреспонденція писана ранѣе послѣдняго министерскаго кризиса.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Новый журналъ во Львовѣ.

Съ начала настоящаго года открылъ свое существованіе сатирическо-политическій журналъ «Страхопудъ», выходящій во Львовѣ по два раза въ мѣсяцъ (1 и 15 чиселъ) подъ редакціею О. А. Мончаловскаго. Новое изданіе по своему направленію примыкаетъ къ «Слову» и «Пролому» и ставитъ своею задачею борьбу за русскую народность и русское народное единство противъ поляковъ и крайнихъ украйнофиловъ. Вслѣдствіе этого всѣ статьи журнала, какъ въ прозѣ, такъ и въ стихахъ, имѣютъ политическій характеръ и представляютъ много любопытнаго для всякаго, кто интересуется положеніемъ русскихъ въ Галичинѣ и ихъ взаимными отношеніями. Рисунки (въ каждомъ нумерѣ не менѣе двухъ), хотя не отличаются особымъ мастерствомъ исполненія, но и по сюжетамъ, и по подписямъ также заслуживаютъ вниманія.

Мы имѣемъ въ рукахъ четыре первые нумера «Страхопуда». Подписная плата въ годъ, съ почтовою пересылкою въ Россіи, — 5 руб. Подписка принимается, между прочимъ, редакціями «Слова» и «Пролома».

А. С.

Архивъ славянской филологіи.

Archiv für Slavische Philologie. Band VIII. Heft 2. 3. Berlin. 1885 [1]).

Heft 2. Содержаніемъ этой книжки послужили статьи:

I. «Объ отрицаніи, въ особенности въ древне-чешскомъ языкѣ. Прибавленіе къ рѣшенію проблемы отрицанія». *I. Гебауера.* Статья состоитъ изъ двухъ главъ: 1) «Качественное и количественное отрицаніе» и 2) «Формы отрицанія», причемъ въ этой послѣдней разсмотрѣны три формы: 1) отрицаніе посредствомъ одного *не* (древне-чешск. *ně*); 2) отрицаніе посредствомъ одного *ни* (древне-чешск. так-

[1]) См. «Извѣстія» 1885 г., стр. 164.

же *ніе*) и 3) отрицаніе посредствомъ *не* и *ни* вмѣстѣ. Результатъ изслѣдованія слѣдующій: Языкъ различаетъ два вышеуказанныхъ рода отрицанія и три вышеназванныхъ формы. Формы 1 и 2 совершенно достаточны для отрицанія. Но со временемъ, вслѣдствіе потребности усилить отрицаніе въ извѣстныхъ случаяхъ явилась третья форма; она образовалась изъ двухъ первыхъ вмѣстѣ взятыхъ и получала все большее и большее распространеніе въ нѣкоторыхъ языкахъ (славянскомъ, литовскомъ) до тѣхъ поръ, пока не сдѣлалась господствующей, вытѣснивъ собой первыя двѣ формы.

«Такія предложенія, какъ «Žádný nevie», «personne ne sais», «keiner weiss nicht» (Niemand weiss) преобразовались изъ 1-й формы въ 3-ю и черезъ это ихъ положительныя количественныя выраженія (Žádný=quilibet, personne=aliquis, Kein=dehein, ullus) получили отрицательное значеніе (=nullus, nemo)».

«Отрицанія *не* и *ни* и далѣе $ни_1$ и $ни_2$ и т. д. не уничтожаютъ другъ друга, потому что они различны и не могутъ обнимать другъ друга; они служатъ для усиленія другъ друга» (стр. 193).

II. «О вліяніяхъ аналогіи въ малорусскомъ склоненіи». *Ст. Смаль Стоцкаго.* Въ предисловіи къ статьѣ авторъ между прочимъ говоритъ: «Аналогія въ исторіи языка является весьма дѣятельнымъ факторомъ. Ея значеніе, какъ таковой, впервые признано и оцѣнено лишь въ послѣднее время. Она разрушаетъ и уничтожаетъ, создаетъ и образуетъ цѣлые классы формъ; она расширяетъ или сокращаетъ предѣлы своего распространенія. Вліяніе этой могучей силы въ области языка есть чисто механическое и т. д.». «Дѣйствующія по различнымъ причинамъ вліянія аналогіи я хочу привести по отношенію къ малорусскому склоненію, при чемъ я долженъ здѣсь замѣтить, что рѣдко имѣлъ возможность констатировать извѣстное образованіе аналогіи, потому что, какъ я полагаю, о причинѣ, въ силу которой аналогія дѣйствовала въ томъ, а не иномъ направленіи, рѣдко можно сказать что либо положительное, обыкновенно же можно лишь высказывать предположенія» (стр. 195). Между прочимъ авторъ имѣетъ въ виду показать, «какъ измѣнялись, соотвѣтствующія древне-славянскимъ, органическія формы малорусскаго языка и какой онѣ приняли видъ» (стр. 197). Составъ изслѣдованія слѣдующій: А. Именное склоненіе 1) склоненіе ъ (=а)—основы, 2) *о*—основы, — 3) *а*—основы, 4) ъ (=у)—основы, 5) ь—основы, 6) склоненіе согласной основы, 7) именное склоненіе прилагательныхъ, 8) склоненіе личныхъ мѣстоименій. *В*. Мѣстоименное и сложное склоненіе. *С*. Заключеніе. Настоящая статья представляетъ лишь 1-ю главу отдѣла *А*.

III. «Прибавленіе къ хорватско-глаголитской библіографіи». *Ивана Мильчетича.* И. Кукульевичъ въ своемъ сочиненіи «Književnici u Hrvatah iz prve polovine XVII vieka s ove Strane Velebita» (Zagreb 1869) на стр. 319—320 высказываетъ между прочимъ сомнѣніе относительно Ивана Брозовича Сельчанина, былъ ли послѣдній переводчикомъ или только переписчикомъ перевода съ латинскаго, составляющаго содержаніе глаголитской рукописи (1600 г.) съ такимъ заглавіемъ: «Knige Discipula složene od svetih otac i potvrdjene i otumčene iz diačkoga jezika na hrvatski»: Въ припискѣ къ этому сочиненію говорится: «Az nevolni grišnik pop Ivan, rodom Selčanin, pridivkom Brozovič, buduci bogat grisi a blagom ubog, te knige izpisah gospodinu Antonu Županiču za moju placicu. Za to prosim vsih gospodu redovnike i ostalih vsih, ki buduva nje štali, da oko ča naidete u njih pomršeno ali ne napisano kako bi potrebno, da biste ne kleli i ne psovali, nego svojim dobrim razumom on mankament da biste izpunili, i gospodin bog vsim dai po milosti svoci a ne po delih, ke mi činimo Amen. Amen». Г. Мильчетичъ въ настоящей статьѣ разрѣшаетъ сомнѣніе, высказанное Кукульевичемъ, и доказываетъ, что Иванъ Брозовичъ былъ дѣйствительно только переписчикомъ. Въ Омишалѣ на островѣ Кркѣ онъ нашелъ, оказавшуюся тожественной съ названною выше, глаголитскую рукопись, озаглавленную такъ: «Početie knigi disipula, ke esu složene od stihi otaci, i potvr'ene i stumačene iz d'jačkoga jazika na hrvatski».

Описавъ внѣшній видъ рукописи, авторъ приводитъ помѣщенную въ концѣ ея слѣдующую приписку: «Sie knige biše svrše-

ne msca pervra dn. 20. I pisah e ja pop mihovil, plovan blgrdski. 1558». Эту рукопись и принимаетъ авторъ за оригиналъ, который переписанъ былъ Иваномъ Брозовичемъ. Авторъ подробно описываетъ на составъ и особенности языка этой интересной рукописи.

IV. «Языкъ польской части флоріанской псалтири». *И. Лецієвскаго*. (Продолженіе См. Arch. VIII. 74). Ученіе о формахъ.

V. «Образцы цирклянскаго діалекта». *М. Бодуэна-де-Куртенэ*. Ч. II. Anekdote. (4 №№). Uganalce (Загадки, 55 №№). Razne stwari (Смѣсь, 5 №№). Nadgrobnice (5 №№). Ч. III. Pesni. (12 №№). Glossar. (a—i).

Въ отдѣлѣ критики помѣщены:

1. Historya jezyka polskiego przez Antoniego Kaline. Tom pierwszy. Formy gramatyczne jezyka polskiego do konca XVIII wieku. Lemberg 1883. *А. Брикнера*. 2. Lituanica. *Его же*. Здѣсь разбросаны: «Wörterbuch der littauischen Sprache. Zweiter Theil; Littauisch - Deutsches Wörterbuch von Friedrich. Kurschat Halle. 1883». «Литовскія свадебныя народныя пѣсни, записанныя Антономъ Юшкевичемъ и изданныя Иваномъ Юшкевичемъ. Спб. 1883». Der Ablaut der Wurzelsilben im Litauischen von August Leskien. Lpz. 1884». и обѣщанъ разборъ: «Die Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer). Gesammelt und herausgegeben von Dr. E. Veckenstedt. Zwei Bände. Heidelberg 1883». 3. Dem Herrn Franz von Miclosich zum 20 Nowember 1883. – Slawo-deutches und Slawo-italienisches von Hugo Schuchardt Gratz. 1885. *В. Ягича*.

Замѣтки: 1) Драконъ изъ Вавилона. 2) Šembilja-Сибилла. 3) По поводу русскаго Bovo d' Antona. 4) Вѣчный жидъ 5) Аламаны и Сакулаты. *А. Н. Веселовскаго*. 6) Къ стран. 73. *H. S.* 7) Славянинъ? *Ѳ. Корша*. (По поводу эпиграммы: Εἰς Ὀπιθνὸν ἡγημόνα ποτήν. Γράμμα περισσὸν ἔχεις τὸ προκείμενον. Εν ἀφέλῃ τις Τοῦτο σου, οἰκεῖον κτήσῃ ἀπχῶς ονομα. Anthol. Palat. XI. 426.

«Библіографическое обозрѣніе». *В. Ягича*. (Arch. VIII. 134). Здѣсь разобраны: III. *Народность. Этнографія:* Южнорусскія былины, академика А. Н. Веселовскаго. Спб. 1881. 1884. 2) Замѣтки по литературѣ и народной словесности. Академика А. Н. Веселовскаго. I. Спб. 1883. 3) А. А. Потебня. Объясненія малорусских и сродных народных пѣсень. Варш. 1883. 4) О сербскихъ народных пѣснях коссовскаго цикла. М. Халанскаго. Варш. 1883. 5) Калпак и челенка српских народних песама. Od Стоjана Новаковиħа. У Београду. 1883. 6) Godišnje izvješće državne velike gimnasije u Kotoru za školsku g. 1882—83. 7) Značaj Marka Kraljevića u narodnih pjesmah. Napisao I. Vitanović. U Zagrebu. 1883. 8) Izviešće o kralj. velikoj gimnasiji u Osieku za školsku g. 1882—83. «Ioš koja o deseterca, piše F. Ž. Miler». 9) Изученія русской народности. Историко-литературный обзоръ. (Вѣстн. Евр. 1881) А. Н. Пыпина. 10) Новѣйшія изслѣдованія русской народности. (Вѣстн. Евр. 1883). *Его же*. 11) Русская наука и національный вопросъ (В. Евр. 1884). *Его же*. 12) Константинъ Аксаковъ 1817—1860 (В. Евр. 1884). *Его же*. 13) Народничество. (В. Евр. 1884). *Его же*. 14) Беллетристъ—народникъ шестидесятыхъ годовъ. (Вѣстн. Евр. 1884). *Его же*. 15) Кральевина Србиjа. Нови краjіеви. Написао М. ħ. Милиħевиħ. У Београду. 1884. 16) П. А. Кулаковскаго: Праздникъ «слава» у Сербовъ. (Русск. Вѣстн. 1883). 17) Проф Неринга: Powiesć kronikarza, polskiego o Walterzi i Helgundzie. (Atheneum. 1883. Bd. III). 18) Sagen und Märchen der Südslaven, von. Dr. F. S. Krauss. Bd. II. Lpz. 1884. 19) Sitte und Brauch der Sudslaven. Nach heimischen gedruckten und ungedruckten Quellen. Von Dr. F. S. Kraus. Wien. 1885.

Heft. 3. Содержитъ слѣдующія статьи:

I. «Изслѣдованіе Изборника Святослава 1073 г. въ связи съ замѣчаніями о позднѣйшихъ рукописяхъ». *Л. Мазинга*. Вмѣсто придисловія авторъ излагаетъ содержаніе этого древняго памятника и затѣмъ въ послѣдующихъ главахъ подробно разсматриваетъ болѣе позднія рукописи того же памятника: I. Младшія рукописи: 1) рукопись 1403 (Моск. синод. библ.); 2) рукопись 1579 г. (Г. Барсова); 3) рукопись 1819 г. (библ. Румянц. музея); 4) кирилло-бѣлозерская рукопись; 5) рукопись № 6 Румянц. музея.

II. «Возникновеніе предлоговъ bezü, vusü, isü, nizü, prêzü и razü. Авторъ приходитъ къ мысли, что окончательная глас-

ная *й* или *і* обязана своимъ существованіемъ лишь грамматической послѣдовательности.

III. «Замѣтки о хорватскомъ кайкавскомъ діалектѣ». *М. Вальявца.* Сюда вошли: 1) Ar, arti (союзъ). 2) Budi čtel = čtej. 3) Odlog. Pondri. (предлоги требующія родительн. падежа). 4) Declič (= *tomėić* dim. отъ *tomak*).

IV. «О вліяніяхъ аналогіи въ малорусскомъ склоненіи» *Ст. Смаль Стоцкаго* Продолженіе, гл. II—V.

V. «Образцы цирклянскаго діалекта» *И. Бодуэна-де-Куртенэ.* Окончаніе. Словарь. (i—z).

VI. «Прибавленія къ славянской діалектологіи» *Л. Старостзика.* Авторъ исходитъ изъ мысли, что обычное написаніе славянскихъ говоровъ не отличается соблюденіемъ точности, но и строго физіологически звуковое изображеніе діалекта является непрактичнымъ, ибо оно воспроизводитъ лишь особенности отдѣльнаго индивидуума, между тѣмъ какъ произношеніе извѣстной народности, въ строго установленныхъ внутреннихъ границахъ, является подвижнымъ. Съ этой точки зрѣнія авторъ разсматриваетъ верхне-силезскія народныя пѣсни изъ Рыбницкаго округа, отмѣчая въ нихъ видоизмѣненія гласныхъ и согласныхъ звуковъ.

Въ отдѣлѣ критики и библіографіи помѣщены: 1) «Янъ Кохановскій» *А. Брик кера.* 2) Modlitevnik Siostry Konstancyi z r. 1527, z rekopisu biblioteki Jagiellońskiej wydal Dr. W. Wislocki, Krak. 1882. (Sprawozdaiaa Komisyi jezykowéj Акад. Ит. 1884. Bd. III). *В. Неринга.* 3) Jana Kochanowskiego Psni Swietojanska o Sobótce wedle wydania And. Piotrkowczyka r. 1617 objasniona i oceniona przez Prof. Dr. Jana Rymarkiewicza. Poznan 1884. *Его же.* 4) Litanische und Lettische Drucke des XVI und XVII Jahrhunderts herausgegeben von A. Bezzenberger. IV Heft. Szyrwid's Punkty Kazan (Punktay sakimu) vom Jahre 1629. Mit einer grammatischen Einleitung von Richard Garbe. Göttingen. 1885. *Эд. Вольтера.* 5) «Опытъ объясненія именъ князей литовскихъ». В. Н. Юргевича. Москва, 1884. *Его же.*

Замѣтки: 1) Славяно - сербскій праздничный стихъ Захаріи Орфелина. *А. Неринга.* Авторъ знакомитъ съ рукописью, хранящеюся въ библіотекѣ бреславскаго университета, на которую обратилъ его вниманіе библіотекарь д-ръ Дзятэко. На рукописи отмѣченъ годъ 1757. 2) Глаголическая рукопись въ Порто (въ Португаліи). *В. Ягича.* Авторъ разсказываетъ, что въ городской библіотекѣ въ Порто хранится довольно древняя рукопись, содержаніе которой не могли опредѣлить мѣстные ученые. Одинъ «ученый» французъ призналъ ее за халдейскую. Когда же туда прибылъ профессоръ Павинскій изъ Варшавы, то, съ перваго взгляда опредѣлилъ, что она написана глаголицей. Вскорѣ Павинскій получилъ фотографическое факсимиле первой и послѣдней страницъ рукописи и передалъ ихъ г. Ягичу.

По опредѣленію послѣдняго рукопись эта—хорватская, написанная глаголицей и относится ко второй половинѣ XV столѣтія. По содержанію—это собраніе проповѣдей; нельзя сказать положительно, представляетъ она переводъ, или самостоятельное сочиненіе. Г. Ягичъ даетъ въ заключеніе латинскую транскрипцію первой страницы, причемъ отмѣчаетъ въ концѣ рукописи приписку, сдѣланную кириллицей, на основаніи которой и предполагаетъ, что рукопись перешла въ Порто отъ извѣстнаго А. Фортиса въ Далмаціи.

Ѳед. Истоминъ.

La Bulgarie

par Louis Leger. Paris 15, 1885 novemb. Prix: 3 fr. 50 c. Pages: 228.

Имя французскаго ученаго, Л. Леже, профес. славянскихъ языковъ и литературы въ Collége de France, давно пользуется заслуженной извѣстностью, какъ въ Славянскихъ земляхъ, такъ и среди его соотечественниковъ. Его искреннія, глубокія и правдивыя убѣжденія даютъ ему полное право на эту извѣстность. Возникли они подъ вліяніемъ разносторонней начитанности автора въ славянскихъ сочиненіяхъ, а окрѣпли и выросли подъ вліяніемъ его многократныхъ путешествій по Славянскимъ землямъ.

Бойкому и вмѣстѣ съ тѣмъ неутомимому перу Л. Леже принадлежитъ цѣлый

рядъ трудовъ по славяновѣдѣнію, большею частію историческаго характера. Нахожу не лишнимъ привести здѣсь переченъ: «Chants héroiques et chansons populaires des slaves de Bohême. 1866; La Bohême historique, pittoresque et litteraire. 1867; De Nestore rerum russicorum scriptore 1868; Cyrille et Methode, etude historique sur la conversion des Slaves au christianisme. 1868 (рец. П. А. Лавровскаго: Ж. М. Н. Пр. 1869, 141 ч.); La litterature slave en Bulgarie au moyen âge. 1869; Le Monde slave. 1873; Etudes slaves 1875; Rapport sur le congrès archéologique de Kiew. 1876; Chrestomatie russe, 1876; Grammaire russe 1877; La Russie et l'exposition de 1878. 1878; Histoire de l'Autriche - Hongrie, 1879; Nouvelles etudes slaves 1880; Esquisse sommaire de la mythologie slave. 1882 Recueil de contes populaires slaves, traduits sur les textes originaux. 1882; La chronique de Nestor, traduite sur le texte slavon-russe, avec introduction et commentaire critique, 1884 (рец. К. Н. Бестужева-Рюмина. Ж. М. Н. Пр. за 1884). La Save, le Danube et le Balkan. 1884 г., рец. Т. Д. Флоринскаго въ Извѣстіяхъ 84 г., № 6, наконецъ настоящій трудъ: «La Bulgarie». Полнота этого перечня, долженъ сознаться, кажется мнѣ весьма сомнительной.

Цѣль, которую преслѣдуетъ авторъ во всѣхъ своихъ трудахъ и которую онъ не разъ уже высказывалъ, слѣдующая: съ одной стороны восполнить значительный пробѣлъ въ свѣдѣніяхъ своихъ соотечественниковъ касательно славянскаго міра, а съ другой—разсѣять нѣкоторыя заблужденія, занесенныя въ его отечество нѣмцами и поляками. *) И вотъ эту-то цѣль онъ и преслѣдуетъ настойчиво въ теченіе цѣлыхъ 20 лѣтъ и далеко не безуспѣшно.

Взгляды Л. Леже на различные славянскіе вопросы и рѣшенія этихъ вопросовъ безпристрастны и заслуживаютъ полнаго вниманія, такъ-какъ они являются плодомъ его серьезной многосторонней начитанности и неоднократныхъ поѣздокъ по славянскимъ землямъ. Для примѣра приведу одно мѣсто изъ его «Nouvelles etudes». Говоря о Ю. Крижаничѣ, авторъ здѣсь высказываетъ слѣдующее: «Несмотря на упорство извѣстныхъ убѣжденій, начинаютъ теперь сознавать, что панславизмъ *) не ведетъ свое начала изъ Россіи, какъ это думали раньше. Идея моральной, умственной и политической солидарности славянскихъ племенъ родилась не въ «царствѣ царей», и безъ того могучемъ и крѣпкомъ и совсѣмъ не нуждающемся ни въ чемъ подобномъ, но у малыхъ славянскихъ народностей: у славянъ, кроатовъ, чеховъ, постоянно-эксплуатируемыхъ и угнетаемыхъ безпощадными сосѣдями: венгерцемъ, туркомъ и нѣмцемъ! Тутъ ненависть къ угнетателю, тутъ скорбное чувство глубокаго униженія пробудили у поэтовъ, историковъ и филологовъ племенное самосознаніе! Среди бѣдствій настоящаго они находятъ себѣ утѣшеніе въ воспоминаніи о первоначальномъ единствѣ своей семьи и бодрость духа въ надеждѣ на возстановленіе ея въ будущемъ!

Переходя къ настоящему труду, замѣчу, что почти вся книга написана до извѣстнаго болгарскаго переворота, только предисловіе и послѣдняя глава—послѣ. Предисловіе и послѣдняя глава (соединеніе Болгаріи) полны интереса и потому позволю себѣ привести здѣсь въ переводѣ коекакія выдержки изъ нихъ.

«Замѣчательно, говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи, то, что у болгаръ нравственное освобожденіе чрезъ книгу и школу предшествовало политическому—чрезъ саблю и пушку»! Какъ обратный примѣръ, приводитъ сербовъ. Авторъ говоритъ дальше о прежнихъ чисто братскихъ отношеніяхъ сербовъ и болгаръ и о настоящемъ раздорѣ:

«Чѣмъ же объяснить такое странное явленіе (раздоръ) и даже, говоря откровенно, чудовищное? Винить-ли въ этомъ самихъ сербовъ или ихъ вождей? Виноватъ одинъ только Берлинскій конгрессъ! Передавъ Боснію и Герцеговину Австріи, онъ извратилъ судьбу Сербіи, которая была естественной наслѣдницей этихъ двухъ провинцій.... Самое простое и вмѣстѣ съ тѣмъ самое благородное средство рѣшить восточный вопросъ—это: дать освобожденнымъ провинціямъ ихъ естественныя гра-

*) Относительно этого авторъ даже прямо предостерегаетъ читателей; см. Le monde slave, стр. 23.

*) Объ этомъ авторъ довольно подробно писалъ раньше въ «Le monde slave» (1873) и отчасти въ «Etudes slaves»» (1875).

ницы... Между тѣмъ берлинскій конгрессъ открылъ дорогу всевозможнымъ алчнымъ стремленіямъ.

Сербія, сдавленная на сѣверѣ и западѣ безпощаднымъ сосѣдомъ, старается выбиться изъ своихъ узъ. Изгнанная изъ чисто сербскихъ земель, удѣленныхъ ей исторіей, она пытается теперь перенестись на болгарскія земли, на которыя она имѣетъ одно только право: право сильнаго. Вотъ каковы послѣдствія берлинскаго трактата!... Извѣстныя его оговорки остались мертвой буквой или извратились въ самомъ исполненіи (примѣры: незаконный наборъ войска, производимый Австріей въ Босніи и Герцеговинѣ; болгарская дань туркамъ; турецкое право въ Румеліи). Поэтому-то берлинскій трактатъ и оказался дряхлымъ на другой же день своего объявленія... Европа не вступилась ни тогда, когда Австрія принялась хозяйничать въ Босніи и Герцеговинѣ, ни тогда, когда Болгарія и Турція отказались исполнить тѣ обязанности, которыя были на нихъ торжественно возложены. Если она тепері безпокоится за соединеніе двухъ Болгарій, сѣверной и южной, то это, конечно, не оттого, что она опасается вспышки честолюбивыхъ притязаній, но оттого, что старается соблюдать прежде всего миръ и спокойствіе на востокѣ. Болгары не добиваются, какъ греки или сербы, того, чтобы имъ присоединили новую территорію или чтобы приступили къ новому раздѣлу Турціи! Но они просто стоятъ за свое экономическое и національное положеніе, что и весьма понятно; хотятъ, чтобы имъ дали право устроить новый modus vivendi въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ ихъ національность является господствующей и гдѣ они показали съ самаго освобожденія всѣ качества народа честнаго, трудолюбиваго, мирнаго и въ дѣйствительности политическаго, несмотря на неопытность, весьма естественную для націи, такъ долго находившейся въ порабощеніи!»

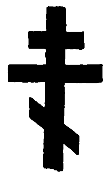
Вся книга состоитъ изъ пяти главъ. Первая глава посвящена литературному возрожденію болгаръ. Сначала авторъ даетъ краткій очеркъ цвѣтущаго состоянія древней письменности въ Болгаріи въ вѣкъ Симеона, а затѣмъ постепенно переходитъ къ дѣятельности Пансія, Софронія и т. д. и подробно останавливается на Венелинѣ; переходитъ далѣе къ Антипову, Палаузову; говоритъ о дальнѣйшихъ успѣхахъ просвѣщенія (Славейковъ, Дриновъ и пр.). Во второй главѣ авторъ подробно описываетъ жизнь и дѣятельность Софронія и крайне угнетенное состояніе болгаръ того времени. Въ третьей говоритъ о современной болгарской литературѣ, о состояніи просвѣщенія до 1877 года, о важныхъ успѣхахъ послѣ 1877 года. Какъ курьезъ, отмѣчаетъ въ сборникѣ иностранныхъ писателей, составленномъ Вазовымъ и Величковымъ, тотъ фактъ, что нѣмецкимъ писателямъ, а вѣрнѣе нѣмецкому (Рихтеру) изъ 500 стр. сборника отведена одна только страница. Въ четвертой главѣ—о македонскихъ болгарахъ, авторъ дѣлаетъ пространныя выдержки изъ извѣстной книги Офейкова: «Македония въ време хилядогодишнината на св. Методия. Пловдинъ, 1885 г.», пополняя ихъ своими собственными свѣдѣніями, добытыми путешествіями по Болгаріи. Послѣдняя глава посвящена соединенію болгаръ. Авторъ находитъ вполнѣ естественнымъ и неизбѣжнымъ такое соединеніе *): «болгары оказались мудрѣе тѣхъ, которые располагали ихъ судьбой!.. Удивляются, что народъ, едва освобожденный вчера, выказываетъ такую твердую рѣшимость; не могутъ себѣ представить, чтобы «эти варвары» были способны дѣйствовать сами собой и ради себя; всегда предполагаютъ, Богъ знаетъ, какія странныя подстрекательства: говорятъ, что славянскіе комитеты играютъ въ этомъ дѣлѣ роль deus ex machina и русскіе рубли были главной причиной проявленія патріотизма, неспособнаго дѣйствовать самостоятельно, а того не хотятъ понять, что у маленькихъ славянскихъ народностей исторія является руководительницей жизни» (слѣдуютъ примѣры). Авторъ потомъ бѣгло осматриваетъ состояніе болгаръ до и послѣ берлинскаго трактата и заканчиваетъ слѣдующими словами: «остается молчаливо или прямо формально согласиться признать то положеніе вещей, которое въ сущности вводитъ народъ въ семью политическихъ націй. Болгары съумѣютъ показать себя достойными той

*) Соединеніе это Л. Леже еще раньше предвидѣлъ: см. «La Save, le Danube et le Balkan». 1884 г., стр. 204.

исторіи славяно-русской проповѣднической литературы за епископомъ Костантиномъ должна быть признана честь составителя перваго систематическаго проповѣдническаго сборника на славянскомъ языкѣ» (стр. 171). Въ трудахъ епископовъ Константина и Климента такимъ образомъ дѣло церковной проповѣди въ юной Болгаріи съ самаго же начала получило вполнѣ правильную и прочную постановку. Оно поставлено было здѣсь такъ цѣлесообразно и широко, что лучшаго нельзя было желать и требовать (стр. 170). Вообще изслѣдованіе достоуважаемаго о. арх. проливаетъ весьма значительный свѣтъ на не вполнѣ ясную для насъ пору начальнаго просвѣщенія славянства духомъ ученія Христова, остается развѣ только пожелать, что бы явилось еще изслѣдованіе бесѣдъ епископа Константина со стороны языка и отношенія этого языка къ языку первоначальнаго перевода священнаго писанія и толкованій на него, представляемыхъ, напримѣръ, нашей древней толковой псалтирью. А связь между ними должна быть!

Н. Шляковъ.

О. Іоаннъ Григорьевичъ Наумовичъ. Вспоминка изъ молоденькихъ лѣтъ. Интересное воспоминаніе отца Іоанна Григорьевича Наумовича, о которомъ мы упоминали въ прошломъ номерѣ «Извѣстій» въ отзывѣ о «Календарѣ Общества Качковскаго», появилось въ переводѣ на великорусское нарѣчіе Е. А-вой въ мартовской книжкѣ «Странника», вышедшей *10 марта*, на стр. 595—598. Переводъ сдѣланъ довольно хорошо, хотя есть и неточности. Такъ галицкое слово «господарь» (хозяинъ, стр. 104 Календ.) переведено на стр. 595 «Странника» – сторожъ; на стр. 598 опущено послѣ словъ: «саранча поѣла (подл. Кал. 108, покрыла) все: «и на гостинцѣ летала на чверть локтя за грубшки». Въ 80 № «Современныхъ Извѣстій» отъ 23 марта появилась перепечатка этого перевода, подписанная буквою *П. Марта 13 дня 1886 г.*, ясно показывающая, какъ еще мало развито въ нашемъ обществѣ уваженіе къ *чужой литературной собственности*. Перестановка словъ, нѣсколько опечатокъ и пропускъ мѣстоименія *мы* въ 4 стб. (что повело къ курьезному свѣдѣнію, что на храмовой праздникъ Успенія Пресвятой Богородицы въ Прилипчѣ *всѣ* ходили тайкомъ, чтобы ксендзъ Палькевичъ не узналъ), до замѣны непереведеннаго слова «воля» словомъ «вѣра»—вотъ все чѣмъ отличается перепечатка, выдаваемая г. П. за переводъ и сохранившая всѣ вышеуказанныя неточности. Легкій трудъ!



Петръ Алексѣевичъ Лавровскій.

(Скончался 28 Февраля 1886 г.).

А. Л. Дювернуа.

(Скончался 22 Марта 1886 г.).

*) Некрологи П. А. Лавровскаго и А. Л. Дювернуа помѣстимъ въ одномъ изъ слѣдующихъ №№.

Іованъ Суботичъ (1817-1886).

(Некрологъ)

Въ ночь на 16 января 1886 г. скончался въ Земунѣ знаменитый сербскій дѣятель Іованъ Суботичъ. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени посвятить особую статью подробному разсмотрѣнію его жизни и сочиненій; теперь же сообщимъ вкратцѣ о главныхъ событіяхъ въ его жизни. Суботичъ родился 30 января 1817 г. въ селѣ Добронцѣ (въ Времѣ), гдѣ отецъ его былъ приходскимъ священникомъ. Получивъ первоначальное образованіе дома, онъ затѣмъ учился въ гимназіи въ Карловцахъ, въ Сегединѣ прошелъ философскій факультетъ и въ Пештскомъ университетѣ юридическій. Въ 1836 г. онъ былъ уже докторомъ (по нашему кан-

дидатомъ) философіи, въ 1841 г. докторомъ права. Въ 1848 г. занялъ въ Пештскомъ университетѣ каѳедру римскаго права. На поэтическое поприще онъ выступилъ рано: еще въ 1834 году въ «Српском Летопису» были напечатаны три его пѣсни, а въ 1837 г. «Матица Српска» издала его стихотворенія въ сборникѣ «Лира». Изъ дальнѣйшихъ его сочиненій особенный успѣхъ имѣлъ «Краль Дечанскій», за котораго Суботичъ получилъ отъ «Матицы» награду. Съ 1857 г. по 1873 г. издано 9 томовъ собранія его сочиненій. Сюда вошли стихотворенія (лирическія и эпическія), драмы, трагедіи и повѣсти. Изданіе не окончено.

Но кромѣ великихъ литературныхъ заслугъ, Суботичъ не мало потрудился для сербскаго народа и на политическомъ полѣ. Въ бурномъ 1848 г. онъ предсѣдательствомъ на извѣстномъ Мартовскомъ съѣздѣ въ Пештѣ представителей отъ 83 сербскихъ общинъ и былъ избранъ представителемъ на сербскій народный сеймъ, открытіе котораго предполагалось 15 мая 1848 г. Сеймъ не состоялся, но Суботичъ былъ посланъ Карловацкой скупщиной на славянскій съѣздъ въ Прагѣ, гдѣ былъ сдѣланъ секретаремъ сербскаго отдѣла. Въ 1860 г., по изданіи извѣстнаго «Октябрьскаго диплома» Суботичъ первый на своемъ домѣ въ Новомъ Садѣ развилъ сербское знамя. Въ слѣдующемъ 1861 г. онъ былъ избранъ въ Сремскіе поджупаны, а въ октябрѣ того же года ему предложили въ Вѣнѣ мѣсто жупана, но онъ отказался, такъ какъ правительство не соглашалось на его условія. Усилія его въ то время созвать сербскій народно-церковный соборъ не увѣнчались успѣхомъ, вслѣдствіе сопротивленія патріарха Раячича. Въ 1862 г. Суботичъ былъ назначенъ членомъ верховнаго земскаго суда въ Хорватіи. Онъ много старался о томъ, чтобы привести къ соглашенію сербовъ съ хорватами. Въ 1865 г. на хорватскомъ сеймѣ Суботичъ былъ товарищомъ предсѣдателя и предсѣдателемъ народной независимой партіи. Въ 1867 г. былъ на этнографической выставкѣ въ Москвѣ; послѣдствіемъ этой поѣздки было увольненіе его отъ службы и запрещеніе въ Осекѣ заниматься адвокатурой. Тогда Суботичъ поселился въ Новомъ Садѣ и въ 1868 г. руководилъ тамъ избирательной борьбой сербской народной партіи, побѣда которой обезпечила сербамъ преобладаніе въ городскомъ самоуправленіи. Тогда же онъ избранъ былъ начальникомъ народнаго театра и предсѣдателемъ «Матицы». Въ 1879 г. явился вождемъ народной партіи на сербскихъ церковныхъ соборахъ, причемъ предлагалъ кромѣ патріарха избирать въ предсѣдатели свѣтскихъ лицъ. Съ 1870—1873 г. издавалъ газету «Народъ». Въ 1884 году Суботичъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей литературной дѣятельности. Его политическая дѣятельность не прерывалась до самаго послѣдняго времени и всегда направлена былъ на благо сербскаго народа. Женатъ онъ былъ на сестрѣ Полита-Десанчича. Изъ четырехъ его сыновей одинъ полковникъ русскаго генеральнаго штаба, другой д-ръ медицины и физикусъ въ Земунѣ, третій, повидимому, унаслѣдовалъ поэтическое дарованіе своего отца.

17 января въ три часа пополудни въ Земунѣ торжественно похоронили Суботича при громадномъ стеченіи народа. Сказано было нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей и около 40 вѣнковъ возложено на могилу его. Сербскій народъ и все славянство лишились въ немъ одного изъ доблестнѣйшихъ своихъ сыновъ. Миръ его праху!

Д. Н.

Редакторы: К. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравенъ.

Типографія Е. Евдокимова. Б. Итальянская. № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ.. — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ памят Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky.** S.-Pétersbourg, 1884. (***На комиссіи**, **безъ уступки***) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ** А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія.** . . . . 2 » 80 »

Примѣчанія: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ как въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаро раззоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литер турными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русски книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣні

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявивш готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный член взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе деся руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общ собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ вс сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собра печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одно менно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянск Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій в пусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и границей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гу

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и ма теріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра д пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

Редакторы К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 4—5

АПРѢЛЬ—МАЙ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
155	20 стр. сверху—народное	каждое
204	7 стр. сверху—онъ издавалъ сначала «День», затѣмъ «Москву» а потомъ первый журналъ и пр.	онъ издавалъ сначала «День» (первый политическій журналъ, полученный Словинцами), потомъ «Москву» и затѣмъ сталъ и пр.
214	7 стр. снизу—Слафянофилъ.	Славянофилъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 4—5. Апрѣль—Май. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 30 марта, между прочимъ, постановлено: а) выдать въ пособіе: одному болгарину 25 р., одному чеху 25 р., четыремъ добровольцамъ и одной вдовѣ добровольца 60 р. и двумъ стипендіатамъ Общества 50 р.; б) послать Его Высочеству Князю Черногорскому Николаю 1.000 рублей, для выдачи, по его усмотрѣнію, пособій нуждающимся семействамъ черногорцевъ, герцеговинцевъ и босняковъ, поселившимся въ Черногоріи и 500 р. митрополиту сербскому Михаилу для выдачи, по его усмотрѣнію, пособій нуждающимся сербамъ; в) четыре просьбы сербовъ, о назначеніи имъ стипендій и пособій, отослать въ Коммисію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ; г) напечатать въ газетахъ приглашеніе о пожертвованіяхъ въ «Аксаковскій издательскій капиталъ»; д) просить П. А. Васильчикова принести Его Высочеству Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому благодарность отъ имени Славянскаго Общества за пожертвованный въ библіотеку Общества словарь Миклошича; е) утвердить расходы, произведенные съ 14 по 30 марта на 252 р. 47 к.—и ж) назначить торжественное Общее Собраніе 6 апрѣля, въ день 1001 годовщины кончины св. Меѳодія и просить гг. профессоровъ К. Н. Бестужева-Рюмина, В. И. Ламанскаго, О. Ѳ. Миллера и П. А. Ровинскаго прочитать въ Собраніи приготовленныя ими статьи, секретарю же Общества В. И. Аристову поручить разослать приглашенія гг. членамъ и пригласить хоръ г. Архангельскаго, за счетъ Славянскаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 19 апрѣля, между прочимъ, постановлено: а) выдать въ пособіе: одному болгарину, на возвращеніе на родину, 50 р., вдовѣ одного добровольца и одному добровольцу 15 р.; б) просьбы двухъ сербовъ, о назначеніи имъ стипендій, для слушанія курса въ военно-медицинской академіи, передать въ Коммисію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ и в) утвердить расходы, произведенные съ 30 марта по 19 апрѣля на 1,266 р. 84 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся Славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1-го марта по 1-е апрѣля 1886 г. поступило: чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: Александровскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Миловидова—9 р.; Арзамасскаго

уѣзда, 2 округа, свящ. М. Яхонтова—8 р. 77 к.; г. Архангельска, епархіальнаго управленія—45 р. 50 к.; Болховскаго уѣзда, 1 участка, свящ. І. Васильева—3 р. 30 к.; г. Брацлава, прот. І. Городыскаго — 60 к.; Валковскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Лобковскаго—5 р.; Велижскаго уѣзда, 2 округа, прот. И. Коротксвича—6 р.; г. Великаго Устюга, свящ. А. Жукова — 2 р. 44 к.; Вельскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Птохова—3 р. 82 к.; Винницкаго уѣзда, 4 округа, свящ. Н. Владыкина—9 р. 15 к.; г. Владиміра, духовной консисторіи—26 р. 82 к.; и изъ уѣзда, свящ. І. Бесѣдина 6 р.; г. Вологды, свящ. А. Авдуевскаго—6 р. 5 к.; г. Вятки, 2 округа, прот. А. Князева—4 р. 51 к.; Гадячскаго уѣзда, свящ. І. Мартиновича—1 р. 70 к.; прот. Г. Трояновскаго — 4 р. 20 к.; Гороховецкаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Алявдина—4 р. 50 к.; Екатеринбургской духовной консисторіи—16 р. 21 к.; г. Ельни, свящ. М. Волочкова—2 р. 10 к.; г. Ельца, свящ. П. Шехобцева—2 р. 98 к.; г. Золотоноши, прот. Г. Билинскаго — 2 р. 40 к.; Кадниковскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Воробьева—1 р.; г. Казани, прот. П. Воздвиженскаго—20 р.; и изъ уѣзда, свящ. І. Черкасова—6 р. 80 к.; Княгининскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Зефирова—1 р. 60 к.; Козловскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Г. Успенскаго—10 р. 55 к.; Копальскаго уѣзда, свящ. А. Платонова—6 р. 73 к.; Кромскаго уѣзда, 1 участка, прот. І. Васильева—6 р.; 3 участка, свящ. Г. Троепольскаго—6 р. 40 к.; Летичевскаго уѣзда, 5 округа, прот. М. Горбановскаго—8 р.; 3 округа, свящ. В. Ковальскаго—8 р. 15 к.; Ливенскаго уѣзда, 1 участка, свящ. С. Тезавровскаго—7 р. 49 к.; Лихвинскаго уѣзда, 1 участка, свящ. П. Бѣляева—8 р.; Лукояновскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Г. Гуляева—1 р. 75 к.; Макарьевскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Лебедева—1 р. 34 к.; 1 округа, свящ. В. Рюрикова—2 р.; Минской духовной консисторіи—3 р. 37 к.; г. Нижняго-Новгорода, прот. Д. Страхова—24 р. 82 к.; Новоладожскаго уѣзда, 4-го округа, свящ. Л. Быстрова—22 р. 59 к.; Оргѣевскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Агапіева—4 р. 75 к.; Пинскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Акоронка— 5 р. 90 к.; Пирятинскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Манжовскаго—2 р. 80 к.; Сарапульскаго уѣзда, 1 округа, свящ. М. Напольскаго — 5 р.; Сергачскаго уѣзда, свящ. П. Серебровскаго—2 р.; г. Симферополя, Таврической духовной консисторіи—81 р. 54 к.; Слободскаго уѣзда, 2 округа, свящ. І. Вечтомова—3 р.; г. Слуцка, настоятеля Свято-Троицкаго монастыря, архимандрита Раѳаила—3 р. 20 к.; и изъ уѣзда, 2 округа, свящ. В. Восинскаго—4 р. 6 к.; Тамбовскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Боголѣпова—4 р., г. Тетюшъ, прот. Н. Яснитскаго—10 р.; Царскосельскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Ѳ. Положенскаго—6 р. 63 к.; Чебоксарскаго уѣзда, прот. С. Богородицкаго—5 р.; Черниговской духовной консисторіи—10 р. 44 к.; Юрьевскаго уѣзда, 5 округа, прот. А. Благовидова—6 р. 50 к.; Ялуторовскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Низковскаго—5 р. 95 к.; и изъ Яранскаго уѣзда, 1 округа, прот. М. Никонова—9 р. 64 к.; итого 488 р. 5 к., а съ прежде поступившими—2989 р. 59 к.

Въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество въ *издательскій капиталъ имени Ивана Сергѣевича Аксакова* съ 6 апрѣля по 1 мая поступило: отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества 1,000 р., отъ Зубчанинова 3 р., отъ В. И. Ламанскаго 25 р., отъ И. П. Соколова 10 р., отъ О. Ѳ. Миллера 10 р., отъ В. К. Саблера 10 р., отъ Г. П. Галагана 300 р., отъ В. Г. Чубинскаго 10 р., отъ П. Г. Моравека 5 р., отъ Д. П. Никольскаго 5 р., отъ М. І. Мусницкаго 8 р., отъ епископа самарскаго Серафима 50 р., отъ Дмитріева 1 р., отъ Журавлева 1 р., отъ Рудановскаго 1 р., отъ А. Л. Петрова 3 р., отъ Я. К. и Н. П. Гротъ 25 р., отъ И. С. Ганецкаго 25 р., отъ настоятеля Донскаго монастыря епископа Германа 25 р., отъ архіепископа холмскаго и варшавскаго Леонтія 50 р., отъ служащихъ при Кіево-Подольской женской гимназіи 32 р. 50 к., изъ Минска, отъ И. В. Архангельскаго 10 р., отъ архіепископа владимірскаго и суздальскаго Ѳеогнеста 25 р., отъ архіепископа рязанскаго и зарайскаго Ѳеоктиста 25 р., изъ Варшавы, отъ В. Д. Дандевиля 25 р., изъ Москвы, отъ митрополита сербскаго Михаила 100 р., отъ прот. А. А. Лебедева 25 р., отъ Э. К. Длотовскаго 10 р., изъ мѣстечка Шполы (Кіевской губ.), отъ В. И. Албранда 200 р., изъ Харькова, отъ проф. И. В. Платонова 3 р., изъ Донской Области, отъ Н. Д. Скарятина 5 р. и отъ П. И. Глуховскаго 25 р. Итого 2,054 р. 50 к.

Одесское Славянское Общество имени Св Кирилла и Меѳодія въ 1885 г. *)

Предсѣдателемъ Общества былъ выбранъ 17 марта 1885 г. М. В. Шимановскій, товарищемъ его Г. С. Суппичичъ (участвовалъ всего въ одномъ засѣданіи Правленія и выбылъ изъ состава Правленія). Члены Правленія остались прежніе, **) за исключеніемъ Р. И. Мрачка, мѣсто котораго занялъ Ѳ. И. Успенскій. Казначеемъ Общества выбранъ К. О. Рандичъ, бухгалтеромъ Г. Е. Афа-

*) Изъ «Очета Правленія Одесскаго Славянскаго Общества за 1885 г.» Одесса 1886 г.

**) См. Извѣстія № 9, 1885 г.

насьевъ, секретаремъ С. В. Чаушанскій. Библіотекой завѣдывалъ кандидатъ въ члены правленія А. А. Башмаковъ, наблюденіе за питомникомъ возложено на Г. С. Суппичича («отстраненъ отъ завѣдыванія 20 апрѣля»), С. В. Чаушанскаго (по учебно-воспитательной части) и Х. Д. Лучича (по хозяйственной части). Правленіе въ теченіе истекшаго года имѣло 13 засѣданій.

I. Питомникъ.

Въ истекшемъ году Государь Императоръ, по докладу г. министромъ народнаго просвѣщенія ходатайства Общества, 8 августа Высочайше соизволилъ на принятіе питомника подъ Августѣйшее Ея Императорскаго Величества покровительство.

21 ноября, въ годовщину основанія питомника, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ съ провозглашеніемъ многолѣтія царствующему дому и отправлена телеграмма Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ съ выраженіемъ чувства безпредѣльной благодарности за оказанную питомнику милость. Ея Императорскому Величеству благоугодно было осчастливить дѣтей и служащихъ въ питомникѣ своею благодарностью за выраженныя въ депешѣ вѣрноподданническія чувства.

Личный составъ питомника:

Почетной попечительницею питомника состоитъ супруга генерала отъ инфантеріи М. С. Роопъ, начальницей Н. А. Лопатникова; безплатно трудятся въ питомникѣ: учительницы музыки М. А. Комаровская и Е. Ю. Тимченко, и врачи д-ръ Фрикеръ и его помощница д-ръ А. Ю. Тимченко.

Въ питомникѣ содержатся 16 дѣвицъ: 11 болгарокъ, 3 сербки, 1 полька и 1 русская. Изъ нихъ 15 учатся въ женскихъ гимназіяхъ, а одна (болгарка Кисελькова) приготовляется къ поступленію въ гимназію. Изъ этихъ 16 дѣвицъ 7 содержатся на средства коммисіи по образованію южныхъ славянъ, состоящей при Азіатскомъ департаментѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, 4 своекоштныхъ и одна на счетъ предсѣдателя Г. Шимановскаго (Списаревская—съ будущаго года поступаетъ въ число стипендіатокъ Азіатскаго департамента) и 4 за счетъ Общества. Средства питомника, кромѣ упомянутыхъ 7 стипендій Азіатскаго департамента, состояли изъ a) % съ основнаго капитала Общества; b) членскихъ взносовъ; d) экстраординарныхъ поступленій—пожертвованій, доходовъ съ лекцій, концертовъ и пр. Въ истекшемъ году правленію удалось наконецъ установить въ питомникѣ преподаваніе для болгарокъ ихъ роднаго языка. Преподаваніе болгарскаго языка поручено было студенту университета Андрійчеву (безвозмездно) и г. Кальчеву, а послѣ отъѣзда ихъ, по политическимъ обстоятельствамъ, на родину, г. Занетову. Воспитанницы питомника принимали участіе въ праздноваліи 6-го апрѣля, а 7-го въ питомникѣ былъ устроенъ домашній праздникъ.

Правленіе считаетъ долгомъ доложить Обществу, что, по его мнѣнію, хорошимъ состояніемъ своимъ питомникъ всецѣло обязанъ трудамъ начальницы его Н. А. Лапотниковой.

II. Народныя чтенія.

Въ 1885 году состоялось 43 чтенія, на которыхъ перебывало 21,343 человѣка, болѣе противъ 1884 г. на 8,108 ч. (на каждомъ болѣе противъ прошлаго года на 100 ч.); на нѣкоторыхъ чтеніяхъ было до 1000 человѣкъ. Даровыхъ чтеній было 7,— 4 во время празднованія 1000-лѣтія дня кончины св. Меѳодія, одно 19 февраля, одно въ великомъ посту, а одно 7 апрѣля для учениковъ и ученицъ городскихъ училищъ. Нѣкоторыя чтенія сопровождались музыкой и пѣніемъ. Во время чтеній 6 апрѣля были розданы житія св. Кирилла и Меѳодія и другія брошюры въ количествѣ 1,500 экземпляровъ. Въ истекшемъ году пріобрѣтено къ 9 чтеніямъ 74 картины на 177 р. и для пополненія старыхъ коллекцій 44 картины на 86 р. 55 к. Къ 1 января 1886 года имѣется 663 къ 59 чтеніямъ на сумму 1,366, а сбрасывая за 2 года по 20% стоимости, т. е. 273 р.— 1,093 р.

Чтенія вели гг. Аѳанасьевъ, Березинъ, Иващенко, Карвацкій, Кременскій, Мальцевъ, свящ. Молдавскій, Тимофеевъ и Чаушанскій. Картины пріобрѣтены къ слѣдующимъ чтеніямъ:

1) 25-лѣтіе царствованія Государя Императора Александра Николаевича.

2) Изъ-за чего пошли войны Россіи съ мусульманами?

3) Голодовка и зимовка на Новой Землѣ.

4) Ломоносовъ. 5) Муму. 6) Кавказскій плѣнникъ. 7) Пѣсня про купца Калашникова. 8) Крутиковъ. 9) Майская ночь.

Продажа книгъ.

Въ теченіе года продано книгъ цѣною отъ 1 к. до 20 к. на сумму 309 р. 74 к. Считая среднюю стоимость книги 5 к. (больше всего расходилось книгъ по 5 к.), можно считать проданными 6,195 экземпляровъ. Прибавивъ къ этому 1,500 экз. розданныхъ даромъ, получимъ 7,695 экз., болѣе противъ 1884 г. на 6,595 экземпляровъ.

Въ виду расширенія дѣла продажи книгъ, коммисія постановила открыть складъ слѣдующихъ изданій: 1) общества «Посредникъ», 2) изданій С.-Петербургскаго комитета грамотности, 3) изданій народной библіотеки, 4) изданій постоянной коммисіи при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Съ сентября 1886 г. предположено открыть ежедневную продажу упомянутыхъ изданій при аудиторіи. Кромѣ того, коммисія устроила небольшую библіотеку книгъ для народнаго чтенія, изъ которой безплатно даются книги на домъ. Для библіотеки пріобрѣтено книгъ литературныхъ 375, по географіи 36, по естественной исторіи 60, по русской исторіи 50, по священной исторіи 39, всего 561 экз. Для основной библіотеки Общества пріобрѣтено 141 названіе; общее число книгъ въ библіотекѣ 703 экземпл. Библіотека существуетъ 4 мѣсяца. Число абонентовъ 58, взявшихъ 300 названій. Въ 1885 г. была уплачена часть долга, а именно 305 р. въ счетъ 662 р. 75 к., данныхъ членами коммисіи заимообразно для устройства помѣщеній для народныхъ чтеній. Остальная часть 357 р. 75 к. будетъ уплачена въ 1886 г.

Правленіе приноситъ свою глубокую благодарность городской думѣ и управѣ, всѣмъ жертвователямъ и радѣтелямъ въ пользу чтенія за ихъ сочувствіе этому дѣлу. Правленіе особенно останавливается на пожертвованіи душеприказчиками А. Л. Григоровича, во исполненіе его воли, одного билета 2-го внутренняго съ выигрышами займа на слѣдующихъ условіяхъ.

1) Билетъ составляетъ неприкосновенный фондъ комитета народныхъ чтеній въ Одессѣ.

2) Въ случаѣ погашенія займа, или выпуска новаго долженъ быть пріобрѣтенъ вновь такой же билетъ.

3) Выигрыши на билетъ идутъ на нужды комитета, а если выигрышъ будетъ свыше 10,000 р., то часть % можетъ быть обращена на нужды питомника.

4) Въ случаѣ закрытія комитета народныхъ чтеній билетъ обращается въ пользу Славянскаго Общества на нужды питомника, а въ случаѣ закрытія Общества, на благотворительныя учрежденія Одессы, съ условіемъ неприкосновенности билета.

Отчетъ о суммахъ народныхъ чтеній за 1885 г.

Остатокъ на 1 января 1885 г.	380 р.	10 к.
Субсидія отъ городской думы	500 »	— »
Пожертвовано, и прочаго дохода *) за 1885 г. . . .	1,020 »	14 »
Всего	1,900 р.	24 к.

Въ истекшемъ году Общество торжественно отпраздновало тысячелѣтіе дня блаженной кончины св. Меѳодія **). Сборъ пожертвованій въ пользу жертвъ сербо-болгарской войны не могъ быть открытъ по независящимъ отъ Общества обстоятельствамъ.

Для усиленія средствъ Общества г. Афанасьевъ прочелъ 3 публичныя лекціи «о внѣшней политикѣ Наполеона III» а А. А. Башмаковъ прочтетъ 2 лекціи: «О народной поэзіи у южныхъ славянъ» и «Объ обычаяхъ южныхъ славянъ».

Общая сумма доходовъ Общества въ 1885 г. была 9,360 р. 28 к., болѣе 1884 г. на 5,000 рублей. Общая сумма расходовъ 8,685 р. 98 к. Остатокъ къ 1-му января 1886 г. 574 р. 30 к. Увеличеніе доходовъ послѣдовало по статьямъ членскихъ взносовъ на 200 р., плата за воспитаніе въ питомникѣ на 700 р. и экстраорди-

*) Въ отчетѣ подробно перечислены всѣ статьи прихода и расхода.

**) См. Извѣстія за 1885 г. № 4.

нарные доходы на 1,500 р. Правленіе изъ средствъ Общества не только покрыло всѣ текущіе расходы, но и заплатило оставшійся съ прежнихъ лѣтъ долгъ въ 800 р. и начало 1886 годъ безъ всякаго долга. Въ виду этого 1885 годъ слѣдуетъ считать въ финансовомъ отношеніи весьма благопріятнымъ.

Кіевское Славянское Благотворительное Общество въ 1884 году *).

Кіевское Славянское Благотворительное Общество имѣло въ 1884 году пять общихъ собраній.

На единовременныя пособія Общество истратило 938 р. По племенамъ эти деньги распредѣляются такъ: сербамъ выдано 440 р., русскимъ галичанамъ 418 руб., болгарамъ 50 р,, чехамъ 25 р., словинцамъ 13 р. Единовременно же выдано на обзаведеніе двумъ болгарамъ, поступившимъ въ ремесленное училище Кіевскаго Общества для помощи бѣднымъ, 200 р.; на стипендію одному болгарину и одной болгаркѣ израсходовано 309 р. 50 к., на пособіе заграничнымъ литературнымъ изданіямъ и обществамъ израсходовано 340 рублей. Общество разсылало издаваемый имъ «Славянскій Ежегодникъ». На выписку славянскихъ книгъ въ публичную библіотеку Общество употребило 90 руб. Кромѣ того, Общество послало церковныхъ книгъ и предметовъ въ Болгарію и Македонію на 231 руб. За высылку этихъ предметовъ и книгъ Общество получило отъ представителей церквей самую живую благодарность. Особенно горячи слова предсѣдателя болгарской церковной общины въ Солуни. «Я не въ силахъ разъяснить вамъ, пишетъ онъ, какая нужда чувствуется въ нашихъ краяхъ, здѣсь въ Македоніи, въ такихъ священныхъ предметахъ. Настоящее ваше благодѣяніе будетъ невыразимая радость и настоящее торжество для тѣхъ изъ общинъ, которыя удостоятся получить хотя что нибудь изъ присланнаго. Считаю прямымъ долгомъ выразить, что эта нужда еще долго будетъ чувствоваться во многихъ македонскихъ мѣстахъ и что снабженіе богослужебными книгами и вещами есть одно изъ самыхъ главныхъ и необходимыхъ средствъ противъ дѣйствующихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уніи и протестанства». Общество издало въ 1884 г. 6-й томъ «Славянскаго Ежегодника» а въ 1885 г. торжественно отпраздновало день 6 апрѣля *), при чемъ учредило премію въ 100 р. за лучшее сочиненіе по прагматической и литературной исторіи славянъ. По ходатайству Общества, высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Платонъ выразилъ согласіе на наименованіе одного изъ предѣловъ строющагося храма св. Владиміра, въ честь св. Кирилла и Меѳодія.

Членъ Общества, іеромонахъ В. Терлецкій внесъ въ Общество отъ имени неизвѣстнаго лица пять 5% билетовъ Государственнаго Банка и 2 билета займовъ съ выигрышами съ тѣмъ, чтобы проценты выдавались пожизненно двумъ дѣвицамъ преклонныхъ лѣтъ; а по смерти ихъ капиталъ поступаетъ въ собственность Кіевскаго Славянскаго Общества, подъ названіемъ «фонда отца Наумовича». Проценты съ этого капитала и могущихъ пасть на билеты выигрышей въ размѣрѣ до 20 тысячъ должны идти исключительно на нужды русскихъ галичанъ. Въ случаѣ, если выигрышная сумма превыситъ 20.000 р., то половина процентовъ идетъ на указанную цѣль, а другая половина должна быть употреблена на стипендіи для нуждающихся славянъ, поступающихъ въ кіевскіе университетъ или духовную академію.

Общество приняло это пожертвованіе съ искреннею благодарностью.

По случаю освященія памятника чешскому патріоту Сладковскому, Общество поручило своему секретарю г. Ярешу, отправившемуся въ Прагу возложить на могилу Сладковскаго вѣнокъ съ надписью: Карлу Сладковскому, православному чеху, отъ Кіевскаго Славянскаго Общества.

Въ 1884 году доходъ Общества состоялъ изъ 4,207 р., а съ остаткомъ отъ минувшихъ лѣтъ суммы Общества составляли 9,688 р. 36 к. Остатокъ къ 1-му января 1885 года составлялъ 6,676 р. 1 к.

*) Отчетъ Кіевскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества за 1884 г.

*) См. «Извѣстія» 1885 г., № 4.

Израсходовано въ 1884 г. 3,012 р. 35 к. Число пожертвованій дошло до 2,822 р. 55 коп.

Совѣтъ Общества состоялъ въ 1884 г. изъ предсѣдателя Н. А. Ригельмана, товарищей предсѣдателя Ѳ М. Гарничъ-Гарницкаго и А. Ѳ. Андріяшева, секретаря Ѳ. Л. Яреша, казначея Н. М. Колмакова, библіотекаря А. О. Поспишиля и членовъ Г. П. Галагана, П. Г. Лебединцева, В Л. Рафальскаго, И. Я. Ростовцева и Т. Д. Флоринскаго.

*) Кромѣ о. Терлецкаго, пожертвованія поступили отъ г. Ригельмана 1,613 р. 80 к. и одного болгарина 8 р. 75 к.

II. Славянское обозрѣніе.

Двухсотлѣтнія поминки по В. Н. Татищевѣ.

(Читано въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, 6 апрѣля 1886 г.

На дняхъ, 19-го апрѣля, минетъ двѣсти лѣтъ ото дня рожденія перваго по времени русскаго историка В. Н. Татищева. Академія Наукъ намѣрена, по слухамъ, почтить его память и особымъ засѣданіемъ и изданіемъ его сочиненій, которыхъ доселѣ не имѣемъ мы не только въ хорошемъ, но ни въ какомъ собраніи *). Вѣроятно, и другія наши ученыя учрежденія такъ или иначе помянутъ этого русскаго первоначальника русской исторической науки. Степень уваженія къ своимъ замѣчательнымъ людямъ есть лучшее мѣрило зрѣлости общества. Но и намъ, въ нашемъ спеціальномъ кругѣ не можетъ быть чуждъ этотъ «птенецъ гнѣзда Петрова», стремившійся на первыхъ порахъ примирить реформу съ основами русской жизни, этотъ историкъ Россіи, начинающій свой трудъ съ обозрѣнія славянскихъ племенъ, съ размышленія о славянскихъ языкахъ.

Вотъ почему позволю себѣ напомнить почтенному собранію въ краткомъ очеркѣ высоко-даровитую личность перваго русскаго историка. Новаго ничего я не скажу, но какъ-то отрадно бываетъ въ извѣстный день вспомнить то, что знаешь объ этомъ днѣ. Мы еще не вполнѣ пережили наши школьные годы, годы, проведенные въ ученіи у Европы, хотя очевидно уже вступаемъ въ новый періодъ исторической жизни; а отъ этого, что мы не вполнѣ пережили эти школьные годы, мы не всегда, далеко не всегда относились къ нимъ съ полнымъ безпристрастіемъ. Нѣтъ не всегда исторія есть всемірное судилище, спокойно «зрящее на правыхъ и виновныхъ», до сихъ поръ судъ надъ временемъ Петра состязательный процесъ въ его началѣ: слышится то строгое обвиненіе прокурора, то горячая рѣчь адвоката, но вотъ близится минута произнесенія безстороннняго слова предсѣдателя (т. е. науки), а затѣмъ услышится безапеляціонный приговоръ присяжныхъ (т. е. потомства). Приговоръ еще далекъ, но и теперь внимательный глазъ видитъ и историческую необходимость событій и оригинальныя черты дѣятелей. Цѣли великаго царя были чисто практическія— нужно было поскорѣе усвоить результаты, добытые внѣшнею цивилизаціею запада, нужно было потому, что намъ приходилось бороться съ сосѣдями и имъ уступать или прибѣгать къ ихъ же помощи, вѣчно вызывать къ себѣ иностранцевъ; Петръ самъ пошелъ за наукою на западъ и съ собою повелъ русскихъ людей. Вопросъ былъ чисто практическій; для великаго практика и его дружины и не было другаго вопроса, замѣна русскихъ началъ какими-нибудь заморскими и въ голову не прихо-

*) Лишь недавно появилось въ Казани прекрасное изданіе «Духовной» Татищева, сдѣланное *Андр. Н. Островскимъ* по рукописямъ. Изъ этого изданія мы узнаемъ, что до сихъ поръ текстъ Татищева извѣстенъ былъ съ посторонними прибавками. Съ хронологическими соображеніями уважаемаго издателя считаемъ невозможнымъ не согласиться. „Разговоръ“ извѣстенъ только по моимъ извлеченіямъ, а другія мелкія статьи разбросаны по разнымъ мѣстамъ, или въ рукописи, а другія можетъ быть и совсѣмъ пропали.

дила; принималась та или другая мѣра въ виду казавшейся временной необходимости, пробовали, учились и не могли думать о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, о томъ, что при другихъ обстоятельствахъ, при другой обстановкѣ въ самой Европѣ, у насъ будутъ явленія въ духѣ позднѣйшаго западничества. Все это внѣ круга человѣческаго предвидѣнія, даже при болѣе глубокомъ образованіи, при большей опытности. Можемъ ли мы и теперь съ достовѣрностію сказать, какія окончательные результаты послѣдуютъ изъ совершающихся событій, изъ принимаемыхъ мѣръ. Такъ бываетъ и во всякія времена; благо той эпохѣ, которая удовлетворяетъ насущнымъ нуждамъ: ея дѣло прочно, на сколько можетъ быть прочно всякое человѣческое дѣло; при присущей человѣку односторонности народное дѣло имѣетъ двѣ стороны: полезную и вредную; вторая выяснится только впослѣдствіи, да и тогда, какъ въ дѣлѣ Петровскомъ, если бы спросить по совѣсти насъ, цѣнителей его дѣла, чтобы мы сдѣлали, поставленные въ его условія, едва-ли мы имѣли бы право приложить къ иному времени наши мѣрки и наши требованія. Какъ мы себя иногда ни увѣряемъ, но Петръ былъ не одинокъ въ своихъ чаяніяхъ и сочувствіяхъ: крестьянинъ Посошковъ, бояринъ Шереметевъ, стольникъ Татищевъ, даже духовныя лица, какъ Ѳеофанъ, стояли такъ или иначе подъ однимъ съ нимъ знаменемъ. Татищевъ, который принадлежитъ къ числу самыхъ характерныхъ представителей Россіи начала XVIII в. вѣроятно учился въ одной изъ школъ, основанныхъ Петромъ, но едва-ли онъ учился долго, стало быть едва-ли школа положила на него печать, не скорѣе ли допустить то, что въ семьѣ жило уже то неопредѣленное стремленіе къ инымъ внѣшнимъ условіямъ жизни, которое замѣчается уже съ XVI в. и возростаетъ со времени присоединенія Малороссіи. Татищевъ — сказалъ я, — былъ однимъ изъ самыхъ характерныхъ представителей своего времени: Петръ хотѣлъ все знать самъ, но знать не изъ простой любознательности, знать не для знанія, а для того, чтобы примѣнить къ дѣлу. Таковъ былъ и Татищевъ; и въ своей гражданской дѣятельности и въ своихъ научныхъ трудахъ онъ имѣлъ въ виду одно начало: пользу, примѣненіе; онъ не стремился провести въ жизнь какую-нибудь отвлеченную не практическую идею, онъ интересовался и въ наукѣ чѣмъ-либо, въ виду прямаго практическаго примѣненія: въ исторіи видѣлъ арсеналъ примѣровъ для практики и пособіе для географіи, а географія нужна для практическихъ цѣлей управленія. Въ самомъ теоретическомъ изъ своихъ сочиненій въ «Разговорѣ о пользѣ наукъ и училищъ», Татищевъ не сходитъ съ практической почвы. Въ этомъ главнѣйшая заслуга Татищева и важнѣйшая причина того интереса, съ которымъ современная намъ наука изучаетъ его практическую и научную дѣятельность. Въ «Разговорѣ» *) Татищевъ разбираетъ вопросъ: чему, какъ и гдѣ учиться; ему приходится защищать необходимость науки такъ же, какъ современнику его князю Кантемиру отъ нападеній съ разныхъ сторонъ. Грудью стоя за европейское просвѣщеніе, заимствуя, очевидно, многія свои мнѣнія изъ читанныхъ книгъ, Татищевъ, однако, указываетъ на вредъ порученія образованія иностранцамъ, на необходимость основательнаго знакомства съ началами вѣры и законами своего отечества. Самъ Татищевъ былъ человѣкъ несомнѣнно религіозный и въ «духовной» требовалъ отъ сына изученія Библіи и твореній св. отцовъ, а также и знакомства съ началами другихъ исповѣданій, чтобы не прельщаться ими. Крѣпко держась отцами завѣщанной вѣры, Татищевъ остается русскимъ и въ своихъ политическихъ воззрѣніяхъ: такому государству, какъ русское, по его понятіямъ, прилична только одна форма правленія: монархическая, неограниченная. Лишь только временно предлагалъ онъ учредить совѣтъ изъ 21 члена и экономическое «правительство» изъ 100 чел., такъ какъ Анна Іоанновна «персона женская и къ такимъ трудамъ неудобна; паче же ей знанія законовъ не достаетъ». Такъ говоритъ онъ въ своей извѣстной «Запискѣ». Черпая свои религіозныя и политическія воззрѣнія изъ преданій отцовъ, Татищевъ и въ нравственномъ отношеніи стоялъ на тѣхъ же пре-

*) Лѣтъ болѣе десяти тому назадъ я имѣлъ честь впервые познакомить публику съ этимъ сочиненіемъ Татищева въ одномъ изъ засѣданій нашего общества; позднѣе, это изложеніе вошло въ мою статью: «В. Н. Татищевъ».

даніяхъ: «отъ службы не отказывайся, на службу не напрашивайся», говорилъ ему отецъ, и онъ остался вѣренъ этому правилу всю жизнь; вездѣ, гдѣ онъ не появлялся: въ Екатеринбургѣ, въ Оренбургѣ, въ Астрахани онъ думалъ о томъ, какъ бы болѣе пользы принести своему отечеству. Его упрекаютъ въ томъ, что онъ былъ исключительно шляхетскихъ, какъ тогда говорили, взглядовъ; но эти взгляды не были новостью Петровскаго времени, да къ тому же Татищевъ, какъ администраторъ, былъ доступенъ всѣмъ, всюду старался заводить школы, въ своей «Запискѣ» думалъ о выгодахъ другихъ сословій, понимая необходимость, напримѣръ, поощренія промышленности; вѣря въ необходимость сохраненія крѣпостнаго права, онъ, однако, считалъ нужнымъ заботиться о благосостояніи крестьянъ и даже находилъ нужнымъ развивать у нихъ грамотность. Не станемъ же винить его въ этомъ, какъ не можемъ винить его въ теоріи о вознагражденіи служащихъ отъ тѣхъ, кто имѣлъ съ ними дѣло, если служащій употреблялъ особыя усилія и право рѣшилъ дѣло. Эта теорія—отзвукъ еще недавно существовавшихъ кормленій, можетъ намъ казаться странною, но въ то время ей можно найдти объясненіе. Будемъ же судить людей каждаго времени по ихъ мѣркѣ. Самою важною заслугою Татищева передъ русскимъ обществомъ является его «Исторія», надъ которою онъ работалъ 30 лѣтъ. Можно смѣло сказать, что мы и до сихъ поръ не исполнили всего плана, намѣченнаго Татищевымъ, не наполнили содержаніемъ указанныхъ имъ рамокъ. Стоитъ только проглядѣть составленную имъ инструкцію для собиранія свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ, археологическихъ, чтобы убѣдиться въ ширинѣ его интересовъ, въ глубинѣ его пониманія требованій науки. Конечно, съ того времени возникли нѣкоторые новые запросы, появились лучшіе пріемы для отвѣтовъ; не даромъ же мы прожили почти 150 лѣтъ послѣ его смерти. Наука выиграла въ точности, но ширина и глубина требованій едва ли измѣнились много. Историческій трудъ Татищева служитъ лучшимъ доказательствомъ его высокой практичности и значительной доли самоотверженія. Онъ могъ бы написать исторію литературно; но онъ этого не сдѣлалъ: онъ понялъ, что для того не собраны, не сведены и критически не повѣрены матеріалы. Вотъ почему 30 лѣтъ своей жизни онъ употребилъ на сводъ лѣтописей, къ которому прибавилъ свои объяснительныя примѣчанія. Ясно, что къ этимъ примѣчаніямъ (къ сожалѣнію, не доведеннымъ имъ до конца) мы не можемъ относиться съ нашими учеными требованіями, но, конечно, они представляютъ высокій интересъ, передавая взгляды умнаго и просвѣщеннаго человѣка своего времени, представляя любопытныя для историка аналогіи съ явленіями и событіями временъ, ближайшихъ къ автору. Сохраненіе многихъ извѣстій, не находимыхъ въ имѣющихся у насъ источникахъ, тоже важная заслуга Татищева. Быть можетъ, недалекъ день, когда всѣ эти извѣстія будутъ выдѣлены и на сколько возможно критически оцѣнены. Мы знаемъ, что начало такого труда уже готовится къ изданію. Тогда еще очевиднѣе станетъ значеніе Татищевскаго свода. Труду своему Татищевъ предпослалъ превосходное по времени введеніе, гдѣ указываетъ связь исторіи съ другими науками, характеризуетъ источники, передаетъ найденныя имъ частію въ источникахъ, частію у изслѣдователей свѣдѣнія о Русской землѣ до того времени, съ котораго начинается лѣтопись и т. д. Замѣчательно, что лѣтопись Іоакимовская, составлявшая одну изъ главныхъ причинъ недовѣрія къ Татищеву у позднѣйшихъ историковъ, помѣщена имъ отдѣльно, а не въ связи съ остальными списками лѣтописи. Это признакъ высокой добросовѣстности, а не причина къ обвиненію. Соловьевъ высоко цѣнилъ трудъ Татищева: самое названіе его собственнаго труда напоминаетъ Татищевское; трудолюбіе Соловьева, самопожертвованіе, съ которымъ онъ, отрекаясь отъ блеска изложенія, посвящаетъ цѣлыя страницы передачѣ источниковъ, напоминаетъ также Татищева. Теперь, когда появятся всѣ сочиненія Татищева (надѣемся, что мало по малу они будутъ изданы всѣ) когда наука представитъ оцѣнку его извѣстій, тогда— глубоко вѣримъ въ это — оправдается вполнѣ мнѣніе Соловьева, и Татищевъ окончательно займетъ высокое мѣсто, ему принадлежащее. Будемъ же надѣяться,

что русская наука исполнитъ всѣ его завѣты и отвѣтитъ на всѣ поставленные имъ вопросы. Мы вѣримъ, что въ окончательномъ приговорѣ о Татищевѣ вспомянутся его труды, его заслуги, а не недостатки, которые въ значительной степени оправдываются временемъ. Пора же намъ наконецъ уважать нашихъ замѣчательныхъ людей и цѣнить въ нихъ то, что въ нихъ было хорошаго, пора намъ начать учиться у нихъ тому, въ чемъ они могутъ и должны служить намъ примѣромъ. Будемъ учиться у Татищева его любви къ родинѣ, и наукѣ; его добросовѣстному, внимательному вниканію въ источники, его умѣнью ставить вопросы, широтѣ его взглядовъ, а главное его упорному трудолюбію. Въ теченіе 30 лѣтъ, занятый практическою дѣятельностію, онъ находилъ отдыхъ въ трудѣ ученомъ, да еще въ какомъ трудѣ? —копотливомъ, мелкомъ, невидномъ; но бываютъ случаи, когда именно такой трудъ является великою заслугою, да и всегда онъ необходимъ, какъ приготовленіе, подкладка. Конечно, еще большаго изумленія заслуживаетъ мужество человѣка, благоразумно ограничившаго себя именно такимъ трудомъ въ виду его полезности для другихъ. Честь и слава Татищеву, русскому первоначальнику русской исторической науки. Бесѣдуя нынѣ черезъ двѣсти лѣтъ послѣ дня рожденія Татищева, я не считаю нужнымъ прибавлять, что память его сохранитъ Россія, пока живетъ она; самый фактъ поминокъ черезъ двѣсти лѣтъ громко говоритъ за себя.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

И. С. Аксаковъ и 19-ое февраля 1861 г.

(Читано въ торжественномъ собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 6 апрѣля 1886 года).

«Схоронили», такъ началъ покойный Иванъ Сергѣевичъ одну изъ своихъ статей о Скобелевѣ (3-го іюля 1882 г.).

«Не промчится ужь онъ вихремъ въ бѣломъ кителѣ на бѣломъ конѣ вдоль страстно трепещущихъ, замирающихъ отъ восторга, при видѣ его, войскъ, одушевляя ихъ не только словомъ, но и, по любимому его выраженію, *показомъ*, къ неравному, лютому, но все-таки побѣдному бою».

«Схоронили», приходится намъ теперь сказать и о томъ, кому принадлежатъ эти пламенныя строки. Не прозвучитъ уже болѣе надъ нами его могучій, призывающій къ подвигу голосъ! Выпало на вѣки перо изъ той твердой руки, которая ни разу не подалась ни на какую сдѣлку! Никогда уже намъ не дождаться новаго нумера его «Руси», которая одушевляла и закаляла уже самою прямотою и смѣлостью своего строя, уже однимъ этимъ Аксаковскимъ языкомъ, замолкшимъ теперь на вѣки среди самаго разгара духовнаго боя, еще столь далекаго отъ предвѣстій побѣды!

Многое другое, сказанное Иваномъ Сергѣевичемъ о Скобелевѣ, мы можемъ всецѣло теперь отнести къ самому Аксакову,— и если найдутся люди, которые въ этомъ усмотрятъ преувеличеніе, то вѣдь и тогда находилъ кое-кто излишество въ словахъ нашего героя мысли о нашемъ военномъ героѣ.

«Словно утихшая буря лежалъ онъ въ гробу,—словно громада славы, громада силы отвалилась отъ Россіи и зарывалась въ землю... Нѣтъ русскаго, сознающаго и чувствующаго себя русскимъ, который бы не ощущалъ теперь, что его самого убыло... Неисповѣдимы судьбы Божіи... Но не Божья ли это на Россію кара... за то, что тѣсно въ ней русскому духу и уму,— за презрѣніе своей народности, за отступничество отъ народныхъ отечественныхъ преданій?»

Но подъ тяжестью сознанія этой новой, постигшей насъ Божьей кары, постараемся не разставаться по возможности съ тѣмъ, кто у насъ теперь отнятъ—благо это былъ герой вѣчно живущаго слова. Вѣдь и его давно прозвучавшія слова далеко еще не отзвучали, не устарѣли. Будемъ же перечитывать ихъ, благо въ скоромъ времени начнетъ выходить собраніе его передовыхъ статей, будемъ перечитывать тѣмъ внимательнѣе, что и различные новоявленные друзья покойнаго, и различные ихъ совопросники и оспариватели, ссылаясь на него, въ сущности мало знакомы съ нимъ. И тѣ, и другіе только слышали звонъ, да не знаютъ, гдѣ онъ.

Сознаніе нашего сиротства и связанной съ нимъ пустоты, особенно давало себя

знать въ годовщину того великаго дня, который всегда оставался дорогимъ для Аксакова, того дня, которому минуло уже четверть вѣка—и минуло такъ незамѣтно, такъ безотзывчиво, какъ не могло бы оно быть, если бы оставался въ живыхъ Аксаковъ. Вознаградимъ же себя по крайней мѣрѣ припоминаніемъ того, что́ сказано было имъ прежде о значеніи этого дня, къ которому онъ постоянно возвращался въ своихъ передовыхъ статьяхъ. Вотъ что́ писалъ онъ безъ малаго два года спустя послѣ освобожденія крестьянъ, 16 февраля 1863 г.

«Годовщина крестьянской свободы не только нашъ всенародный праздникъ, но и своего рода *memento*, только не *mori*, а *vivere*, т. е. напоминаніе не смерти, а жизни, или, лучше сказать, это для насъ завѣтъ новой будущности, постоянный призывъ къ серьезной, положительной дѣятельности... Урочное періодическое напоминаніе о совершившемся историческомъ дѣлѣ... какъ притягательная сила земли осаживаетъ, собираетъ, сосредоточиваетъ къ землѣ, къ настоящей земской исторической почвѣ разбросанныя духовныя силы нашего общества, невольно сдерживаетъ личные, одиночные порывы, и учитъ насъ—безспорно самой трудной изъ мудростей—*историческому терпѣнію*».

Съ небольшимъ годъ спустя онъ уже принялъ къ свѣдѣнію указанія нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ, начавшихъ сказываться при осуществленіи великаго дѣла, указанія, дѣлавшіяся не безъ затаеннаго злорадства его противниками. Это не помѣшало Аксакову заявлять:

«Кто изъ читателей — быть не можетъ на Руси такого читателя, который бы не помянулъ благодарнымъ и радостнымъ сердцемъ.. годовщины манифеста 19-го февраля?.. Невольно переносишься воображеніемъ въ то недавнее время, когда темнымъ-темно было вокругъ, и впервые, едва-едва, стала заниматься заря свободы... Мы вовсе *не оптимисты*: мы довольно строго относимся къ настоящему и многаго-многаго требуемъ отъ будущаго, но, признаться сказать, многое прощается и забывается и со многимъ примиряешься, какъ только живо вмѣстишь въ свое сознаніе—что долгое чаяніе стало дѣйствительностью, что точно, несомнѣнно, крѣпостныхъ уже нѣтъ и съ 21 милліона людей спали оковы!.. Кто рѣшится — не то что высказать вслухъ, но самому себѣ въ тишинѣ ночи, въ тайной бесѣдѣ съ собою, сознаться въ томъ, что онъ желалъ бы эти 21 милліонъ видѣть еще рабами?

«*Мы сами не беремъ на себя защиту всѣхъ параграфовъ положенія 19 февраля*... Мы видимъ, рядомъ съ добромъ и такія стороны, которыя могутъ, пожалуй, благодаря слабости нашего общественнаго развитія, обратиться намъ и во вредъ»...

«*Какъ бы ни совершилось освобожденіе, но въ самой свободѣ столько блага, столько животворящей силы,—такое добро этотъ святой даръ, что имъ могутъ уврачеваться и самыя раны, исправиться — всѣ недостатки*». Нѣсколько дней позже, 5 марта 1864 г. Аксаковъ прибавилъ: «Крестьянское освобожденіе 19-го февраля — это наша всенародная, всемірно историческая проповѣдь, это наше знамя, — но знамя, которое мы можемъ высоко предносить предъ всѣми иноплеменными народами, которое мы призваны внести, можетъ быть, во всѣ ближайшія къ намъ, по преимуществу славянскія страны. И мы вносимъ его въ Польшу... мы возвращаемъ поляковъ къ тѣмъ славянскимъ экономическимъ и бытовымъ началамъ, отъ которыхъ уже давно уклонилась Польша».

Если бы Аксакову суждено было дожить до двадцатипятилѣтія годовщины 19 февраля, онъ бы не преминулъ, конечно, указать и на того великаго государственнаго мужа Англіи, который твердо рѣшился въ наше время внести то же самое, дорогое Аксакову, знамя, въ злосчастную великобританскую Польшу—Ирландію.

Когда наступило двадцатилѣтіе великаго дня, наступило еще при жизни—но уже подъ самый конецъ драгоцѣнной жизни его державнаго виновника, Аксаковъ точно будто предчувствовалъ, что уже окончательно сочтены дни «того, кому, по значенію его основнаго подвига, не говоря уже о столькихъ другихъ, нѣтъ равнаго имени среди государей, можетъ быть, не одной Россіи, но и всего міра». Аксакову точно будто бы особенно захотѣлось высказать свои задушевныя чувства передъ тою чашею горечи, которая давно уже переполнилась для царственнаго му-

ченика. Не даромъ вылилось у него 20 февраля 1881 г.: «Святой, незабвенный въ народной памяти день отпраздновалъ свою 20-тилѣтнюю годовщину. 20 лѣтъ наросло тому великому и величавому событію не только русской, но и всемірной исторіи, которое окрещено простыми словами: *19 февраля 1861 г.* Истинной благодатной радости, по праву, сподобился отъ Бога виновникъ освобожденія: увидѣть во очію цѣлое новое племя вольныхъ людей, цѣлое поколѣніе новыхъ слугъ себѣ, землѣ и государству, рожденныхъ уже свободными, отъ раскрѣпощеннаго имъ народа...»

«Реформа 19 февраля, продолжалъ Аксаковъ, совершилась безповоротно: *крѣпостниковъ, т. е людей, способныхъ мечтать о возстановленіи рабсвладѣльчества въ Россіи нѣтъ,—не было и на другой день по изданіи манифеста.* А теперь уже подросли новыя поколѣнія дѣятелей въ жизни бытовой и гражданской. Двадцатилѣтнія дѣти бывшихъ рабовладѣльцевъ уже совсѣмъ чужды позорныхъ привычекъ и преданій крѣпостнаго права... Будто въ глубь дальнихъ временъ ушло отъ насъ наше недавнее прошлое. Такъ давно и такъ недавно!.. *Что такое 20-тилѣтіе для историческаго масштаба времени!..* Ликвидація прошлаго, совершающаяся въ *личномъ сознаніи*, разумѣется, обгоняетъ, не можетъ не сбогнать медленный процессъ ликвидаціи самаго быта. Онъ и долженъ быть медленъ, потому что онъ не только разоряетъ двухвѣковой общественный строй, но и сводитъ ему счеты... Онъ не только разрушаетъ, но и созидаетъ; это не просто отмѣна или упраздненіе существующаго, но и перерожденіе. *Вотъ что мы постоянно упускаемъ изъ виду, при критической оцѣнкѣ текущаго времени.* Намъ безпрестанно кажется, что всѣ уже счеты съ прошлымъ покончены: но за уплатою нами однихъ долговъ, исторія предъявляетъ на насъ новые иски по другимъ долгамъ— старымъ, давнимъ, такъ вѣтренно нами забытымъ! Не лучше-ли, не дожидаясь взысканій, стараться предупредить ихъ»..

«Если крестьяне, скажутъ намъ, можетъ быть, нѣкоторые, пропѣли 19 февраля 1861 г., на радостяхъ, «забвеніе дню вчерашнему», то «день грядущій» не оправдалъ ихъ привѣта... «Утро» дѣйствительно было «торжественно прекрасно», и на душѣ было «ясно и свѣтло», а потомъ?.. Что же потомъ? Всегда за утромъ, еще предшествующимъ труду, за этими первыми чудными мгновеніями возобладавшаго надъ тьмою свѣта... настаетъ трудовой рабочій день, который лучше, свѣтлѣе, но и мудренѣе утра и требуетъ отъ человѣка къ своему дѣлу приложенія всей его рабочей силы. Такъ и за утромъ 19 февраля насталъ для насъ рабочій, мудреный, долгій *историческій день.* Не будемъ только лѣнивы и *малодушны* въ работѣ».

Но мы именно и оказались, къ несчастію, лѣнивы и малодушны въ работѣ, оказались вмѣстѣ съ тѣмъ и неспособны *къ историческому терпѣнію*, какъ его понималъ Аксаковъ. Нѣсколько дней спустя ему пришлось уже съ ужасомъ говорить о томъ днѣ, который останется вѣчнымъ позоромъ для земли Русской. Но весь ужасъ и весь позоръ 1-го марта — этого не только преступнѣйшаго, но и безумнѣйшаго изъ дней—не только не заставилъ Аксакова отшатнуться отъ величайшаго въ нашей исторіи дня, (какъ многихъ въ настоящее время), но заставилъ его тѣмъ болѣе любоваться и отводить себѣ душу красотою 19-го февраля.

«Двѣ годовщины справила Россія, писалъ онъ 6-го марта 1882 года;—одна (1-го марта)—годовщина скорби и позора... Какъ живо воскресали въ памяти всѣ ужасающія подробности злодѣянія, осквернившаго нашу землю... Въ этомъ мрачномъ окруженіи адскаго дѣла злобы, какъ лучезаренъ выдѣляется кроткій ликъ мученика-Царя въ неугасимомъ сіяніи его благотвореній... во всей славѣ его прекраснаго освободительнаго царствованія... Мученическая кончина Царя-Освободителя только освятила его память въ благодарной душѣ русскаго народа, освятила вмѣстѣ съ тѣмъ вообще въ народномъ сознаніи значеніе царскаго подвига на землѣ, еще живѣе и крѣпче упрочила союзъ народа съ самодержавною властью... Кстати—было бы вполнѣ желательно увѣковѣчить эти дорогія каждому русскому сердцу слова: *19-го февраля* (день освобожденія русскихъ и польскихъ крестьянъ, болгарскаго народа, многихъ иныхъ освободительныхъ дѣлъ) *внесеніемъ этого числа на вѣчныя времена въ роспись всенародныхъ праздниковъ и уста-*

новленіемъ въ этотъ день общественнаго молитвеннаго служенія объ упокоеніи души раба Божія и Царя Россіи Александра II».

Извѣстно, что когда, около года послѣ того, праздновалось у насъ столѣтіе со дня рожденія В. А. Жуковскаго, то торжество это обратилось въ чествованіе покойнаго государя. Такъ и понято оно было Аксаковымъ въ передовой статьѣ «Руси» 1-го февраля 1883 г. «Весь онъ, писалъ тогда о Жуковскомъ Иванъ Сергѣевичъ, всѣмъ своимъ внутреннимъ духовнымъ существомъ, вылился, сказался въ знаменитыхъ, вдохновенныхъ, учительныхъ и пророческихъ строфахъ, которыми привѣтствовалъ день 17-го апрѣля 1818 г., т. е. рожденіе будущаго воспитанника своего, будущаго повелителя Россіи, будущаго освободителя,—Государя Александра II:

Да встрѣтитъ онъ обильный честью вѣкъ!
Да славнаго участникъ славный будетъ!
Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій—*человѣкъ!*

«Этой русской поэзіи, вѣщей и вѣрующей въ святѣйшее изъ званій — человѣческое, не суждено было остаться только изящнымъ исповѣданіемъ высокой нравственной истины, преподаннымъ въ царскихъ чертогахъ вслухъ Царю и всему царственному сонму. Она, какъ сѣмя благое, пала въ душу воспитываемаго отрока и произростила величайшее и святѣйшее изъ міровыхъ историческихъ дѣлъ. Покойный Государь, возвращая 20 милліонамъ русскихъ крестьянъ даръ свободы, права человѣческія и гражданскія, благодарно вспоминалъ своего воспитателя и гласно свидѣтельствовалъ, что Жуковскому обязанъ онъ своимъ отвращеніемъ отъ крѣпостнаго рабства и тѣмъ, съ издѣтства, стремленіемъ сердца, которое выразилось наконецъ державною волею 19-го февраля 1861 г.».

Извѣстно также, какое оскорбленіе нанесено самымъ завѣтнымъ чувствамъ русскаго общества, когда, слишкомъ годъ спустя, по поводу совершеннолѣтія Государя Наслѣдника, вліятельная московская газета, обозвавъ Жуковскаго «добродушнымъ поэтомъ-мечтателемъ», стала громко утверждать, будто основою царственнаго воспитанія вовсе не должно быть слово «человѣкъ». Этимъ уже подготовлялся тотъ новый вызовъ русскому чувству, чувству всего народа, тотъ еще болѣе смѣлый вызовъ, какимъ послужило въ недавно минувшую 25 лѣтнюю годовщину 19 февраля полное молчаніе той же московской газеты объ этомъ великомъ днѣ. Это было молчаніе, разсчитанное на то, чтобы властно подѣйствовать на другихъ—благо на вѣки смолкъ тотъ голосъ, который, конечно, особенно громко заговорилъ бы именно въ этотъ день. Но Аксаковъ уже лежалъ въ землѣ,—и мы почти не услышали въ день 19-го февраля даже голоса церкви. Въ печати же раздались кое-какіе голоса, но все вѣдь такіе «умѣренные» да «аккуратные». Раздался зато въ Петербургѣ одинъ, совсѣмъ уже неумѣренный голосъ, раздался затѣмъ, чтобы громко поддержать внушительное молчаніе московской газеты. «Не только теперь, но и никогда, пока будетъ существовать Россія, увѣрялъ этотъ голосъ, никто изъ честныхъ людей не будетъ праздновать дня 19 февраля». И тутъ, разумѣется, былъ разсчетъ на то, что Аксаковъ въ землѣ и въ отвѣтъ на это не скажетъ: «да, мы дѣйствительно будемъ не честны, если не употребимъ всѣхъ усилій, не принесемъ всѣхъ жертвъ, чтобы додѣлать великое дѣло, чтобы увидѣть народъ не только свободнымъ, но и благоденствующимъ». Между тѣмъ, ради ужаснаго и позорнаго 1-го марта, нѣкіе публицисты доставляютъ особенное удовольствіе его безумнымъ виновникамъ, утверждая только полнѣйшую неудачу 19-го февраля, обзывая нечестнымъ всякаго, кто не повернется къ нему спиной. Ловкимъ подспорьемъ при этомъ служитъ извѣстный пріемъ поставленія 1-го марта въ непосредственную зависимость отъ великихъ дѣяній прошлаго царствованія. Пусть Аксаковъ до самаго конца жизни постоянно возставалъ противъ такого пріема, съ неумолимою логикою уличая всю его лживость и несостоятельность; — враги или и такъ называемые, «друзья», конечно, не вспомнятъ того, что онъ говорилъ и не приведутъ его словъ въ улику недомысленникамъ или лицемѣрамъ; не вспомнятъ, хотя онъ говорилъ объ этомъ еще такъ недавно, доискиваясь настоящихъ корней тѣхъ преступныхъ дѣяній, которыя разрѣшились

наконецъ 1-мъ марта, доискиваясь этихъ корней не въ преобразованіяхъ великаго государя, а въ порѣ, непосредственно имъ предшествовавшей.

«*Періодъ времени отъ 1825 до 1855 г*., писалъ онъ 29-го мая 1882 г., періодъ блестящей мнимой силы и внутренняго безсилія власти, потому особенно и достоинъ изученія, что въ немъ разгадка многимъ, смущающимъ насъ теперь недоумѣніямъ. Никогда такъ ярко не высказывались притязанія упразднить всякую живую, органическую самодѣятельность, замѣнивъ ее усовершенствованною казенною машиною, прибрать въ казну все живое... оказенить душу, совѣсть, вѣру, мысль, науку, искусство, талантъ...»

«Что же, какъ не нигилистовъ, могло породить это упраздненіе Бога и личной совѣсти, выраженное въ печатной инструкціи военно-учебнымъ заведеніямъ, во внушеніи: «Государь есть верховная совѣсть». И рядомъ съ подобными притязаніями таже власть не признавала въ себѣ достаточной силы, чтобъ уничтожить крѣпостную зависимость крестьянъ, преобразовать рекрутчину или кляузный неправый судъ,— что однако же все стало подъ силу Александру II»...

Когда, ни мало не смущаясь убійственственною логикою Аксакова — потому что вѣдь есть люди, не смущающіеся ничѣмъ— нѣкоторые органы стали тѣмъ озлобленнѣе заявлять, что «печать слѣдуетъ заставить быть благонамѣренною», то это только напомнило Ивану Сергѣевичу Гоголевскаго Чичикова, признаннаго губернаторомъ за благонамѣреннаго человѣка. «Благонамѣренность! замѣтилъ Аксаковъ въ статьѣ 2-го октября 1882 г. Слово печальной памяти. Жутко становится, когда его слышишь... Было время (съ 1825 по 1855 г.), когда самый воздухъ былъ напоенъ, повидимому, испареніями «благомѣренности»... Ужасное зло нигилизма, растлѣвающее теперь русское общество и покрывшее скорбью и позоромъ русскую землю, откуда оно взялось?... вдумайтесь пристально. Не окажется ли, пожалуй, что его настоящій, законный родитель — именно мертвечина казенщины, что нигилистъ — это злая реакція казенному благонамѣренному человѣку. Не приходится ли намъ теперь только расплачиваться за старое?...»

Оставаясь вѣрнымъ своему взгляду, продолжая послѣ 1-го марта лишь съ большимъ благоговѣніемъ поминать державнаго виновника 19-го февраля, онъ бы вдохновенно его помянулъ и въ такъ незамѣтно теперь минувшую 25-лѣтнюю годовщину великаго дня, помянулъ бы, не боясь никакой опалы—опалы у нихъ, у безумныхъ виновниковъ 1 марта! Онъ зналъ, что заслужилъ ихъ опалу не со вчерашняго дня и состоялъ, по всей вѣроятности, въ спискѣ лицъ, обреченныхъ ими на казнь. Но онъ не боялся и ихъ, потому что онъ никого не боялся.

Тѣ уста, что̀ не заставили
Люди силою молчать,
Только смерть молчать заставила,
Наложивъ на нихъ печать—

сказано было на могилѣ Аксакова однимъ изъ присутствующихъ. Но мнѣ не хотѣлось бы заключить стихами, хотя бы и относящимися къ нему, но все же не его собственными.

Заключу стихами, которые написалъ онъ самъ послѣ своей рѣчи о Берлинскомъ конгрессѣ, когда, вслѣдствіе ея, проживалъ въ деревнѣ своей свояченицы:

Какъ будто вихремъ бури злой
Снесло мой домъ, и я—изгнанникъ!
Но дружба путь водила мой,
И вотъ я въ пристани... Я твой
Отнынѣ гость и сердцемъ данникъ.
Какъ тихо дни мои текутъ!
Какъ милъ, укроменъ твой пріютъ!
Какъ сердцу видъ его отраденъ,
Какъ нѣжитъ душу, тѣшитъ взоръ,
Какъ въ простотѣ своей нарядѣнъ;
Какъ величавъ и безоглядѣнъ
Предъ нимъ раскинулся просторъ!
Рѣки серебряный извивъ,
Блестящій въ муравѣ зеленой;
По зыбкимъ скатамъ желтыхъ нивъ
Бродящей тѣни переливъ,
И рощей сумракъ отдаленный...
Виднѣютъ села.... здѣсь и тамъ
Сверкаетъ крестъ, бѣлѣетъ храмъ...
Куда ты взоръ ни обратишь,
Какая ширь! какая тишь!
Но всюду въ ней снуетъ, безшумный,
Рабочей Руси трудъ святой....
О, чудный миръ земли родной,
Какъ полонъ правды ты разумной!
Великій миръ, родимый миръ!
Ты бодръ и мощенъ какъ стихія....
Твоей лишь правдою Россія
Преодолѣть возможетъ міръ
И свергнуть идолы чужіе!
Но часъ не близокъ. Злая мгла
Вершины Руси облегла.

Въ той безнародной вышинѣ
Родная мысль въ оковахъ плѣна;
Одни лишь властвуютъ вполнѣ
Тамъ лесть и ложь и буйство тлѣна!
Но внеметъ Богъ простымъ сердцамъ:
Сквозь смрадъ и чадъ всей этой плѣсни,
Восходитъ съ дóлу ѳиміамъ,
Несется звукъ побѣдной пѣсни,
Поющій славу небесамъ *).

Ор. Миллеръ.

Значеніе правленія владыкъ въ исторіи Черногоріи.

(Читано въ торжественномъ Собраніи С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, 6 апрѣля 1886 г.).

Исторія собственно Черногоріи начинается тамъ, гдѣ оканчивается исторія Зеты, иначе называвшейся Діоклея или Превала. Послѣдній государь Зеты Иванъ Черноевичъ, въ народѣ извѣстный подъ именемъ Иванбега, является основателемъ Черногоріи и ея первымъ государемъ.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ турками и брошенный единственными своими союзниками венеціанцами, онъ отправляется въ Италію, чтобы еще разъ попытать счастья склонить кого либо изъ западнаго христіанства принять участіе въ борьбѣ противъ турокъ. Но западная Европа въ это время была поглощена своими внутренними дѣлами: въ западной церкви тогда произошло уже разстройство, вызвавшее сначала гуситство, а потомъ реформацію; въ политической жизни также совершался переломъ: падалъ феодализмъ, и возникали новыя политическія отношенія. Обаяніе же турецкаго могущества, возростающаго изъ года въ годъ, было такъ сильно, что всякое одиночное предпріятіе противъ него было немыслимо. Потому обращеніе Иванбега къ Западу было напрасно.

Тогда, покинутый совершенно всѣми, онъ рѣшается оставить Зету и искать убѣжища въ горахъ. Но и для этого нужны были средства, которыхъ у него не было.

Тогда онъ продаетъ свою провинцію Конавле (contrado di Canali) дубровчанамъ за нѣсколько тысячъ перперъ, чтобъ съ этою суммою устроить себѣ новую столицу; и, собравъ всѣ свои пожитки, отправляется на Черную Гору, подъ Ловченъ, гдѣ находились только катуны *) и куда онъ наѣзжалъ по временамъ для охоты и лѣтняго препровожденія времени. Облюбовавъ единственную равнину Ловченскій-долацъ, по которой протекала рѣчушка Цетина и на которой можно было устроить какое нибудь поселеніе, Иванбегъ начинаетъ закапываться и устраиваться.

Прежде всего онъ строитъ тутъ церковь во имя Рождества Богородицы и монастырь, а затѣмъ для себя маленькій дворецъ. По словамъ Болицы, венеціанскаго путеціанскаго путешественника конца XVII в., видавшаго лично эти постройки, онѣ были небольшія, но прекрасныя. Это можно видѣть по сохранившимся еще до нашего времени остаткамъ.

Съ Иванбегомъ переселились и оставшіеся вѣрными ему зетскіе воеводы съ горстью зетанъ, которые скудную жизнь въ горахъ, между голыхъ скалъ, и вѣчную борьбу съ непріятелемъ своей вѣры и народности и съ суровою природой — предпочли плодороднымъ равнинамъ богатой Зеты и всѣмъ благамъ жизни подъ чужимъ игомъ.

Собравшись здѣсь, они постановили между собою слѣдующее: «Покуда будетъ продолжаться война съ турками, ни одинъ черногорецъ не можетъ оставить свой постъ безъ приказанія своего главаря, ни уйти совсѣмъ—подъ страхомъ потери чести и добраго имени между своими братьями и сотоварищами, въ противномъ же случаѣ его, одѣвъ въ женское платье, женщины же прогоняютъ изъ отечества, и онъ объявляется низкимъ предателемъ своихъ братьевъ *).

Строя монастырь и не жалѣя ничего, чтобъ сдѣлать его по истинѣ прекраснымъ, Иванбегъ задумалъ перенести сюда и зетскую митрополію, находившуюся въ то время въ монастырѣ св. Николая на ост-

---

*) Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова, стр. 74—75. Помѣчено: 18 августа 1878. С. Варварино.

*) Лѣтнее пребываніе чобановъ съ ихъ стадами и съ приспособленными къ тому временными жилищами.

*) Вотъ откуда ведетъ начало обычай, до позднѣйшаго времени, сохранившійся въ Черногоріи, пугать всякаго труса тѣмъ, что ему надѣнутъ *опрегљачу*, т. е. женскій передникъ.

ровѣ Враникѣ, на что охотно согласился тогдашній митрополитъ Вавило.

И вотъ на высотѣ болѣе 2.000 ф., гдѣ только орлы вили свои гнѣзда, да чобаны бродили со своими стадами, какъ бы какимъ-то волшебствомъ возникаютъ церковь съ монастыремъ и дворецъ со службами, и въ нихъ обитаетъ глава всего православнаго населенія на крайнемъ юго-востокѣ и вождь малочисленной дружины, рѣшившейся до послѣдней капли крови защищать свою свободу, вѣру и народность. Они были не только покинуты всѣми, но и отрѣзаны отъ всего остальнаго міра, будучи окружены со всѣхъ сторонъ своими непріятелями, такъ какъ турки заняли тогда уже всю Боснію и Герцеговину и спустились даже въ Бокку, гдѣ заняли Рисань и Новый, а потомъ и все южное Приморье. И ни откуда ни единаго голоса участія или утѣшенія, ни луча надежды. Съ ними былъ только Богъ, и вся надежда только на него, да на желѣзную волю и юнацкія груди. Въ этой горсти, ничтожной частицѣ сербства, заключалось тогда все сербское дѣло, и положеніе этого народнаго сербскаго дѣла лучше всего рисуется въ душевномъ настроеніи его единственнаго въ то время вождя Иванбега, которое онъ выразилъ въ грамотѣ 1484 г., сопровождавшей основаніе Цетинскаго монастыря.

Вотъ эти трогательныя и вмѣстѣ съ тѣмъ знаменательныя слова послѣдняго государя Зеты и перваго государя Черногоріи:

«Възлюбленна братіе! нощь успе, а день приближисе; отверьземъ дѣла темна и явимсе чеда свѣту, и услишимъ, что глаголетъ слово Божіе, бесмертное къ человѣкомь: «Пріидете кь Мнѣ вси труждающеисе и обремененны, и азь покою вы». И пакы: «Творей чистоту», юже хвалить, рекы: «Блаженны чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узроть». Тѣмь же и азь, грѣхми смеренны и недостоины рабь Христу нарещисе, Ивань Црноевикь. Попущеніемь Божіемь заради сьгрѣшеніи моихь изгнанну ми бывшу оть моего отечьствіа измаильтьскымъ царемь султаномь Мехмедомь, иже многа царствіа пріе и многые царе побѣди, и никто же ему супротивити се възможе. И пришедшу ми вь страны Италіе, обрѣтохь прѣчюдны храмь прѣчистіе Владычице наше Богородице близь града, глаголемаго Якына (Анкона), глаголемы Делорито. И вь немь видѣхъ нерукотворенны образь преславные Матере Бога нашего, яже много чюдеса и знаменіа сьтвараеть, еже и очима нашима видѣхомь. И падохь ниць на землю прѣдь тое страшнымъ образомь. И помолихсе аное милосердію и обѣти мое всесердечно вьздахь тое благоутробію, *аще умилосердится на мене недостойнаго раба своего и възаратить ме вь земмю отечьствіа моего*, да потьщусе церковь сьтворити вь честное име ее. Тѣмь же по своемь человѣколюбію милостива ми бысть Мати Творца моѐго и прошеніе мое исполни. И азъ потьщахьсе вьседушне и вьсесердечне обѣти мое испланити, елико же ми бысть вьзможно. И сьздахь храмь на мѣстѣ, глаголемѣмь Цетинье, въ славу и въ хвалу тое Госпожде Матере Божіе вь име рождьства ее. И монастырь при неи сьтворихь вь успокоеніе мнихомь, еже и *Митрополіа Зетска нарекохомь, аще будеть угодно милостивѣи Госпожди»* *).

Уступивъ тому, «кто многими царствами овладѣлъ и многихъ царей побѣдилъ, и кому никто не могъ воспротивиться» и видя въ томъ волю Божію, Иванбегъ не отчаявается, что милость Божія когда нибудь возвратитъ его въ свое отечество, если не его самого, то его потомковъ, и водворяетъ съ собою митрополита, который не теряетъ своего титула «Зетскаго», такъ какъ пало только государство; государство покорилось чужому властелину, церковь же Зетская того новаго властелина не признала и не могла признать.

Не долго однако Иванбегъ прожилъ въ своей новой столицѣ: въ 1490 г. онъ умеръ, и ему наслѣдовалъ сынъ его Георгій, женившійся на венеціанкѣ.

25-лѣтнее правленіе Георгія составляетъ нечто иное, какъ одну переходную ступеньку отъ мірской державы къ духовной. Въ 1516 г. онъ навсегда удаляется въ Венецію, поручивъ свой народъ владыкѣ

*) Имѣя въ виду въ точности передать только смыслъ и духъ этого документа, мы сдѣлали отступленіе отъ орфографіи оригинала въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она могла затруднять чтеніе, и для этого раскрыли вездѣ титла и вставили вмѣсто глухаго ъ соотвѣтствующіе ему гласные звуки.

Младшій его братъ Станиша еще раньше отправился въ Цареградъ и тамъ принялъ магометанство; а потомъ, во главѣ турецкаго войска, какъ турецкій паша, напалъ на свое отечество; но былъ разбитъ и бѣжалъ подъ крыло своего повелителя, который даровалъ ему землю въ Бушаталѣ, близъ бывшей столицы Зетскаго государства Скодра, гдѣ онъ и поселился, чтобы изъ его рода со временемъ вышли злѣйшіе враги его бывшаго отечества.

Теперь народъ остался окончательно одинъ со своимъ владыкой, который былъ для него все: прежде всего, конечно, духовный пастырь, учитель вѣры и наставникъ христіанской нравственности, затѣмъ вождь его въ борьбѣ съ внѣшнимъ непріятелемъ, верховный судья и рѣшитель внутреннихъ распрей и тяжебъ; а главное — стражъ народной сокровищницы, въ которой хранилось высшее благо народа, его духовная мощь и сила, народное самосознаніе, основанное на вѣрѣ и преданіи о славныхъ предкахъ.

Три съ половиною вѣка управляли владыки Черногоріею и изъ нихъ два вѣка прошли для насъ въ совершенной неизвѣстности.

Домашнихъ источниковъ, кромѣ народнаго преданія, нѣтъ почти никакихъ. Какимъ-то чудомъ сохранилась на Цетиньѣ коротенькая лѣтопись, изъ которой мы узнаемъ только имена владыкъ, да иногда о смерти ихъ, если она была необычайна, и о какихъ-либо несчастіяхъ, постигавшихъ народъ, въ родѣ неурожая или нашествія турокъ; и все это чрезвычайно кратко, всего на пяти листахъ. Еще меньше можно искать какихъ-либо свѣдѣній о Черногоріи въ иностранныхъ источникахъ, такъ какъ она была всѣми заброшена и забыта. Только въ началѣ XVII вѣка посѣтилъ ее венеціанецъ Болица, оставившій описаніе тогдашней Черногоріи.

Но среди этой непроглядной ночи, скрывающей отъ насъ болѣе отдаленное прошлое Черногоріи, пробѣгаетъ по временамъ слабый лучъ свѣта, подъ которымъ, хотя и не ясно, выступаетъ величавый образъ неприступныхъ горъ и на ней горсть непобѣдимыхъ горцевъ, отстаивающихъ свою свободу и отбивающихъ со всѣхъ сторонъ нападающаго непріятеля, въ виду склонившей передъ нимъ голову Западной Европы.

Такимъ освѣщающимъ лучемъ является извѣстіе о какомъ-то большомъ народномъ собраніи 1614 г. 8 сентября, въ Кучахъ, на которомъ присутствовали церковные и и мірскіе представители Албаніи, Босніи, Македоніи, Болгаріи, Сербіи, Герцеговины и Далмаціи, а предсѣдательствовалъ печскій патріархъ. Черногорія здѣсь не упомянута, потому что у западныхъ историковъ, у которыхъ находится это извѣстіе, она не отдѣляется отъ Албаніи, да и митрополитъ ея носилъ титулъ «Зетскаго и Скендерійскаго», т. е. тоже албанскаго. Собраніе это составилось вслѣдствіе затѣи герцога Неверскаго, задумавшаго поднять всѣхъ христіанъ противъ турокъ при помощи папы и знаменитаго Пьера Жозефа, довѣреннаго всемогущаго тогда кардинала Ришелье. Черногорія по этому плану предполагалась служить операціоннымъ базисомъ.

Изъ этой затѣи не вышло ничего; но для насъ важно проявленіе не замершаго еще духа въ порабощенномъ христіанствѣ и извѣстіе о Черногоріи, не свернувшей еще своего боеваго знамени.

Изъ тѣхъ же западныхъ источниковъ мы узнаемъ, что съ 1684 года черногорцы являются уже союзниками Венеціи, Австріи и Польши въ ихъ войнѣ противъ турокъ. Черногорцы при этомъ разбили турецкое войско подъ предводительствомъ Топалъ-паши, взяли приступомъ Новый и возвратили его Венеціи.

А въ цетинской лѣтописи читаемъ слѣдующую короткую помѣтку: «въ лѣто 1687 примише латини Нови, и то лѣто епископъ Висаріонъ изведе латине на Цетинье и монастырь, провидура и кавалієра, и владыку Висаріона отровише, и умріе».

Вотъ отплата за помощь и гостепріимство! Помощь, оказанная черногорцами западнымъ державамъ, не обошлась имъ даромъ.

Въ 1690 году скадарскій визирь Сулейманъ-паша неожиданно вторгнулся въ Черногорію, проникъ до Цетиньи, взорвалъ порохомъ монастырь и дворецъ и, предавъ огню и мечу все, что попалось ему на пути и отмстивъ такимъ образомъ за пораженіе подъ Новымъ, съ торжествомъ удалился.

Помощниками Сулейману-пашѣ и руководителями служили черногорскіе потур-

ченцы, по народному преданію, потомки тѣхъ, которые послѣ пораженія Станиши были захвачены въ плѣнъ и поселились въ Черногоріи.

Это была первая тяжкая рана, нанесенная въ самое сердце Черногоріи и, къ сожалѣнію, не послѣдняя. Бѣда была, однако, не въ разореніи, которому подверглась Черногорія, а въ томъ, что, какъ оказалось, она имѣла злѣйшихъ враговъ *въ самой своей серединѣ*; и новому владыкѣ ея было надъ чѣмъ задуматься.

Тяжелое положеніе Черногоріи въ то время прекрасно изображено въ «Горскомъ Вѣнцѣ» и вотъ эта печальная картина:

Што е ово ево неко доба
Те су наше горе умучале?
Не разлежу, ратніем клицима?
Почину ни рдья на оружье;
Остаде ни земля без главара;
Некрштью су горе усирдьеше!
Здружно се турчин с црногорцом;
Оджа виче на равном Цетинью;
Сирад ухвати лава у клюсама;
Затріе се име црногорско;
Не остаде крста од три прсто!
..... мушка прса охладнѣла,
А у нима умрла слобода,
Ка кад зраке умру на планину,
Кад утоне сунце у пучину» *).

«Что же дѣлать и съ кѣмъ?»—задается роковымъ вопросомъ владыка, задумываясь надъ безвыходнымъ положеніемъ своего отечества и своею безпомощностью. «Что я?» говорилъ онъ самъ себѣ:

«Малее рукахъ, малена и снага,
Една сламка медью вихорове;
Сирак тужни без нигдье никога.
Мое племе сном мртвіем спава;
Суза моя нема родителья;
Нада мном е небо затворено,
Не прима ми плача, ни молитве.
У ад ми се свіет претворіо,
А сви люди паклени духови.
О црни дане, о црна судбино!
О, кукавно српство угашено»!.... **)

Владыка этотъ былъ однако человѣкъ необыкновенный. То былъ Нико Петровичъ Штепчевичъ изъ Нѣгушей, въ монашествѣ Даніилъ. Еще ребенкомъ бѣжалъ онъ изъ родительскаго дома на Цетинье въ монастырь, гдѣ и остался, чувствуя особое призваніе къ духовной жизни. А не минуло ему еще и 16 лѣтъ, какъ народное собраніе провозгласило его владыкой (1697 г.), и вскорѣ послѣ того привелось ему на себѣ испытать коварство потурченцевъ и грозившую отъ нихъ опасность.

По приглашенію зетскихъ христіанъ и съ дозволеніемъ подгорицкаго паши онъ отправился въ Зету освящать церковь; но только прибылъ туда, какъ былъ схваченъ и отведенъ въ Подгорицу, гдѣ паша хотѣлъ посадить его на колъ и отпустилъ только за огромный выкупъ, который не могли бы собрать всѣ христіане тамошнихъ краевъ безъ помощи герцеговинскаго митрополита, жившаго въ то время въ Савиной пустыни близъ Новаго (въ Боккѣ). Но покуда собрали ту сумму, владыка былъ повѣшенъ въ городскихъ воротахъ за руки сзади, и только ночью христіане прокрадывались и поддерживали его на своихъ спинахъ, чтобы облегчить страданія.

Вырвавшись изъ рукъ своихъ мучителей и воротившись на Цетинье, владыка немедленно созвалъ черногорцевъ на скупштину и тутъ же предложилъ истребить въ Черногоріи всѣхъ потурченцевъ, грозя въ противномъ случаѣ сложить съ себя званіе и покинуть Черногорію. Предложеніе его было принято единодушно и срокомъ назначенъ *бадній вечеръ*, т. е. канунъ Рождества.

Мѣра эта, какъ ни жестока, вынуждена была крайнею необходимостью.

Надобно замѣтить, что преданіе, будто всѣ потурченцы въ Черногоріи произошли отъ товарищей Станиши, можно принять только съ значительнымъ ограниченіемъ. Во 1-хъ, ихъ не могло быть много; во

*) «Что это значитъ, что вотъ уже столько времени умолкли наши горы? что не раздаются ратные клики? Оружіе наше покрыла ржавчина; земля осталась безъ главарей: горы наши засмердѣли нехристью! Сдружился турчинъ съ черногорцемъ; мулла кричитъ съ минарета на Цетиньѣ; гніетъ левъ, попавши въ ловушку; затерялось черногорское сѣмя; не осталося трехперстнаго сложенья!.... сердца мужей охладѣли; а въ нихъ умеръ духъ свободы, какъ умираютъ на горахъ солнечные лучи, когда солнце тонетъ въ морской пучинѣ».

**) «Мало рукъ у меня, и малая сила; я—соломенка между вихрями; жалкій сирота, у котораго нигдѣ нѣтъ никого; мое племя спитъ мертвымъ сномъ; слезамъ моимъ нѣтъ родителей; надо мною закрылося небо; не принимаетъ отъ меня ни плача, ни молитвы. Весь свѣтъ сдѣлался для меня адомъ, а всѣ люди—адскими духами. О, черный день, о черная судьба! О несчастное, угасшее сербство!»

2-хъ, больше резоновъ было имъ поселиться въ Зетѣ, а не въ Черной Горѣ и въ 3-хъ, трудно допустить, чтобы черногорцы такъ охотно приняли въ свою среду измѣнниковъ вѣрѣ и отечеству, да еще не обративши ихъ опять въ христіанство. Но, какъ бы то ни было, а къ концу XVII в. потурченцы на Рѣкѣ были уже вполнѣ господами и въ то же время много ихъ было на Цетиньѣ и въ Цекличахъ, гдѣ они имѣли свои большія мечети *): на Дубовинѣ (между Цекличами и Цетиньемъ) было поселеніе изъ однихъ магометанъ; особенно же много ихъ было въ Цермницѣ. Жили они и между Озриничами и въ Цуцахъ, хотя на это нѣтъ точныхъ указаній. Однимъ словомъ, они цѣлою сѣтью опутывали всю Черную Гору. А что и говорить о Бѣлопавличахъ, Пѣшивцахъ, Никшичѣ, гдѣ они господствовали.

Такое распространіе ихъ показываетъ, что магометанство захватывало и чисто туземные элементы и что оно росло и все глубже пускало свои корни. Они при этомъ вездѣ имѣли своихъ старшинъ, а на Рѣкѣ былъ ихъ главный кадія, который въ свою очередь получалъ приказаніе изъ Скодра или изъ Подгорицы. Живя въ Черногоріи, потурченцы не признавали надъ собою никакой власти, кромѣ властей турецкихъ, съ которыми находились въ самой тѣсной связи. Владыка же, облеченный только духовною властью по отношенію къ своей духовной паствѣ, не могъ имѣть на потурченцевъ никакого вліянія. Потурченцы однимъ словомъ составляли на тѣлѣ Черногоріи язву, которая рано или поздно должна была ее разрушить. Противъ этого нужно было прибѣгнуть къ рѣшительному средству и не медлить.

И вотъ въ 1702 г. отъ вечерней зори наканунѣ Рождества Христова началась кровавая драма, черногорская варфоломѣевская ночь: однихъ убивали, другіе крестились и были пощажены, а къ утру во всей Черногоріи не осталось ни одного потурченца.

Это не было однако избіеніемъ безоружныхъ, потому что турки были вооружены не хуже, если не лучше черногорцевъ, и не могли не замѣтить, что противъ нихъ замышлялось что-то недоброе, тѣмъ болѣе что они имѣли между черногорцами своихъ *присталицъ* (партизановъ), друзей и шпіоновъ. Поэтому настоящая рѣзня была только на Цетиньѣ, гдѣ около владыки собралось больше всего черногорцевъ и гдѣ больше всего было возбужденіе противъ турокъ; а изъ Цекличей они успѣли всѣ заблаговременно бѣжать. Въ Цермницѣ же былъ такой бой, что изъ черногорскаго войска половина погибла на мѣстѣ. Павшихъ въ этой битвѣ черногорцевъ было такъ много, что для могилъ не хватило мѣста въ оградѣ церкви и закапывали по 6 человѣкъ вмѣстѣ.

Въ Дупинѣ (въ Цермницѣ) внутри церкви до сихъ поръ находятся нѣсколько надгробныхъ плитъ, а посрединѣ кругъ, выложенный изъ бѣлаго и краснаго мрамора, въ которомъ вырѣзана слѣдующая надпись: «овдень почиваю кости вучете дьюровича, кои іе погинуо су 70 дупилани на бесац (возвышеніе съ укрѣпленьемъ) у доба кнеза ніколе, а под владомъ владіке данила».

Очистивъ Черногорію отъ злѣйшихъ ея внутреннихъ враговъ, владыка тотчасъ принялся строить вновь церковь и монастырь, и въ 1704 г. они были уже готовы; въ то же время возобновлены церковь и дома на Ловченѣ и въ Маинахъ; а въ 1706 г. турки напали на черногорскую окраину отъ Никшича въ отомщеніе за избіеніе ихъ братьи въ Черногоріи, но были разбиты и прогнаны. Въ этой битвѣ 157 турокъ погибло на мѣстѣ, а множество было взято въ плѣнъ, и въ томъ числѣ 36 беговъ, которыхъ потомъ обмѣняли на свиней голова за голову *).

Въ этомъ преданіи конечно есть преувеличеніе; такихъ нападеній со стороны турокъ въ то время было много; но это были просто набѣги, частныя предпріятія герцеговинскихъ и боснійскихъ беговъ, въ которыхъ Турція, какъ держава, не принимала участія; иначе предводительствовалъ бы непремѣнно какой нибудь паша. Истребленіе черногорскихъ потурченцевъ произвело такое впечатлѣніе, что Турція не рисковала напасть на Черногорію сразу и стала выжидать благопріятнаго момента.

Между тѣмъ въ 1711 г. является къ

*) Отъ мечети на Цетиньѣ видны были остатки до недавняго времени.

*) Грлица 1835 г., стр. 72—73.

черногорцамъ посланникъ отъ русскаго православнаго царя полковникъ Михаилъ Милорадовичъ, родомъ герцеговинецъ, съ письмомъ, призывающимъ ихъ къ возстанію противъ турокъ. Въ письмѣ этомъ Петръ В., напомнивъ имъ славу и великую роль, которую играли прежніе сербскіе крали и князья, призываетъ всѣхъ черногорцевъ возобновить славу своихъ предковъ и соединенными силами ударить на общаго непріятеля за вѣру и отечество, за свою честь и славу, за свободу и независимость свою и своихъ потомковъ. Не обѣщая много, онъ скромно указываетъ, что прежде всего ихъ наградитъ за то Богъ: «А затѣмъ» —продолжаетъ письмо— «будетъ милость и отъ насъ: не только вознаграждены будутъ всѣ издержки, но и каждый получитъ по своей заслугѣ и по желанію; такъ какъ для себя мы не оставляемъ иной славы, какъ только быть въ состояніи освободить отъ ига невѣрныхъ христіанскіе народы, находящіеся на вашей сторонѣ, возобновить православныя церкви и воздвигнуть святой крестъ». Для этой цѣли онъ обѣщаетъ отдать послѣднюю копѣйку и лично стать во главѣ своего войска, горящаго нетерпѣніемъ сразиться съ непріятелемъ своей вѣры и испытаннаго въ бояхъ, а конечною цѣлью ставитъ прогнаніе турокъ въ ихъ прежнее отечество, въ пустыни Аравіи. Въ этомъ слышится тонъ увѣренности, которая совершенно умѣстна въ Петрѣ, въ то время побѣдившемъ подъ Полтавой Карла XII, перваго полководца своего времени; но по отношенію къ черногорцамъ онъ не больше какъ братъ по языку и по вѣрѣ и ихъ естественный союзникъ въ борьбѣ съ общимъ непріятелемъ.

Какая простота и правдивость, какое истинно братское отношеніе къ единовѣрному и единоплеменному народу! За то и въ черногорцахъ это произвело восторгъ неописанный.

Возстаніе черногорцевъ произошло моментально: не успѣли турки собраться съ силами, какъ черногорцы пожгли всѣ сосѣднія турецкія поселенія и осадили ихъ укрѣпленные города Никшичъ, Спужъ, Подгорицу и Жаблакъ. Города эти готовы уже были сдаться, какъ получено было роковое извѣстіе, что Петръ, окруженный на Прутѣ турками, заключилъ миръ съ Турціею, которая теперь могла свободно всю свою силу обратить противъ Черногоріи.

Черногорцы однако и послѣ этого одержали еще побѣду надъ большимъ турецкимъ войскомъ въ Царевомъ-лозѣ, которая считается самою знаменитою въ исторіи Черногоріи по числу убитыхъ въ турецкомъ войскѣ и по количеству военныхъ трофеевъ (кромѣ массы оружія, 86 знаменъ); тогда какъ у черногорцевъ погибло только 300 чел. и нѣкоторое число было раненыхъ, между которыми находился и владыка.

Но, по черногорской пословицѣ, «вырви у комара ногу, съ него вылѣзетъ и вся внутренность», такъ было и съ черногорцами: Турція, какъ ни въ чемъ не бывало, собралась съ новыми средствами; а у черногорцевъ не осталось ничего послѣ того, какъ они потратили всѣ свои средства на предшествовавшія войны. Помощь было получить совершенно не откуда: Петръ былъ поглощенъ войною со Швеціей, а Венеція закрыла для черногорцевъ всѣ свои базары, частью дорожа торговлею съ Турціей, частью изъ страха передъ нею.

Великій визирь Нуманъ-паша Тьюприличъ собралъ громадное войско, но не погнушался въ то же время и обманомъ. Онъ выразилъ желаніе покончить дѣло мирно и для этого позвалъ на договоръ черногорскихъ главарей; но едва они явились, ихъ тутъ же изрубили въ куски, и только тогда визирь двинулся впередъ, разсчитывая не встрѣтить нигдѣ сопротивленья. Въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ онъ однако ошибся: Цетинья удалось ему достигнуть только послѣ 5 дней непрерывнаго боя, и тогда только, по словамъ лѣтописи, «пожеже Черну Гору и раскопа церковь и монастырь».

600 душъ женщинъ, стариковъ и дѣтей, спасшихся на венеціанской территоріи, были преданы венеціанцами туркамъ, которые, отобравъ себѣ молодыхъ женщинъ и понравившихся дѣтей, все остальное дали подъ ножъ.

Черногорцы однако и тутъ не пали духомъ, и не успѣли еще турки выйти изъ Черногоріи, какъ они приступили второй разъ къ возобновленію монастыря; но такъ какъ своихъ средствъ было мало, то они рѣшили послать своего владыку въ Россію за сборомъ милостыни.

А вотъ какъ отнесся къ этому несчастію Петръ В. Считая себя причиною этого, онъ спѣшитъ съ утѣшеніемъ пострадавшему народу. Прежде всего онъ заявляетъ, что ему вполнѣ извѣстно, какъ на Черногорію напало огромное войско, какъ притомъ много было изрублено въ куски и отведено въ плѣнъ, съ преданіемъ огню и разоренію церквей и монастырей, и вслѣдствіе того, въ изъявленіе своего христіанскаго сострaданія, онъ немедленно велѣлъ во всѣхъ церквахъ и монастыряхъ православнаго царства вознести молитвы къ Богу за пострадавшихъ за Христову вѣру, да получатъ они награду мучениковъ. Обращаясь затѣмъ къ оставшимся въ живыхъ доблестнымъ воинамъ и воздавъ имъ должную публичную похвалу, онъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что вслѣдствіе истощенія Россіи продолжительною войной съ еретическимъ королемъ Швеціи, онъ не можетъ вознаградить ихъ сообразно съ ихъ заслугами и жертвами, а только, чтобы сколько-нибудь выразить свою признательность, посылаетъ 160 золотыхъ медалей со своимъ изображеніемъ и 5,000 рублей для раздачи наиболѣе пострадавшимъ и еще 5,000 рублей въ распоряженіе владыки на покрытіе хоть части военныхъ издержекъ; а сверхъ того ассигнуетъ на каждые три года по 500 р. въ Цетинскій монастырь.

«Мы теперь въ мирѣ съ турками—говоритъ онъ въ заключеніе—но если они снова поднимутся противъ насъ и нашего царства, то намъ желательно, чтобы вы, какъ народъ, связанный съ нами вѣрой и народностью, опять притекли на помощь нашему оружію. И обѣщаемъ вамъ наше благорасположеніе и вознагражденіе за все; а также не оставятъ васъ наши милости и послѣ».

Моментъ вступленія Черногоріи въ сношенія съ Россіей имѣетъ рѣшающее значеніе въ дальнѣйшемъ ходѣ ея исторіи. Но матеріальная помощь, которую съ этого времени она стала получать отъ Россіи, далеко не имѣетъ такого значенія, какъ подъемъ духа у черногорцевъ, вслѣдствіе явившагося съ того момента убѣжденія, что они не одиноки на этомъ свѣтѣ и имѣютъ единовѣрныхъ и единокровныхъ братьевъ въ великомъ русскомъ царствѣ. Иначе стали относиться къ нимъ и сосѣди ихъ—Венеція и Турція.

Однажды установившаяся такимъ образомъ связь Черногоріи съ Россіей крѣпла съ годами, и съ тѣмъ вмѣстѣ росъ духомъ народъ черногорскій, и Черногорія выступаетъ уже участницею въ дѣлахъ, касающихся, цѣлой Европы: именно союзныя державы Россія, Англія и Австрія приглашаютъ ее дѣйствовать заодно противъ французовъ, изгнаніе которыхъ изъ Бокки главнымъ образомъ должно быть приписано черногорцамъ.

Какъ ни безплодно было это участіе Черногоріи въ мировыхъ событіяхъ для нея самой, отозвавшись самымъ тяжелымъ образомъ на ея благосостояніи и внутреннихъ отношеніяхъ, она выиграла въ политическомъ смыслѣ, такъ какъ тѣмъ самымъ признана за нею политическая роль, которую напрасно старались и теперь стараются игнорировать или умалять ея противники.

При владыкѣ Петрѣ I вполнѣ выяснились отношенія Черногоріи къ Россіи; а правленіе Петра II составляетъ уже переходъ къ свѣтскому государству.

Самъ Петръ I назначалъ его для свѣтскаго званія, и только по стеченію обстоятельствъ онъ долженъ былъ сдѣлаться владыкой, къ чему вовсе не имѣлъ призванія, и однажды онъ самъ себя назвалъ «prince de contrebande», т. е. поясняетъ сообщающій это Мармье: «находящійся между Турціей, которая отказывается признать независимость Черногоріи; Австріей, которая ни отвергаетъ ее, ни санкціонируетъ; и Россіей, которая только допускаетъ ее въ своихъ интересахъ».

Послѣднее однако ошибочно, потому что императоръ Николай первый санкціонировалъ княжескій титулъ за Даніиломъ, и вслѣдствіе того только онъ признанъ былъ княземъ и со стороны своего народа.

Вотъ вкратцѣ главныя событія въ исторіи Черногоріи почти за три съ половиной столѣтія, въ продолженіе которыхъ она находилась подъ управленіемъ владыкъ, смѣняющихся потомъ княжескою властью.

Въ цѣломъ этомъ періодѣ мы замѣчаемъ, что Черногорія до конца XVII в. отстаиваетъ свою индивидуальность, на сколько она опредѣляется народностью и вѣрой и кромѣ этихъ двухъ началъ нѣтъ никакой другой связи между отдѣльными сербскими племенами, и ихъ единеніе въ ли-

цѣ владыки не имѣетъ никакого другаго характера, какъ національно-религіозное. Съ началомъ XVIII вѣка является кое-что *новое:* Черногорія стремится принять политическій обликъ и вступить въ сношенія съ другими государствами, какъ политическая единица, для которой уже недостаточно было имѣть одного духовнаго владыку.

Въ такомъ ходѣ черногорской исторіи бьетъ въ глаза разумность, строгая послѣдовательность и какъбы какая-то преднамѣренность, въ чемъ, въ свою очередь, нельзя не усматривать прозорливости и глубокаго пониманія положенія дѣлъ въ правителяхъ Черногоріи—владыкахъ. Впрочемъ, начало и первая постановка дѣла принадлежитъ Иванбегу, и потому, вопреки теоріи, отнимающей у личности рѣшающее вліяніе на ходъ историческихъ событій, мы приписываемъ именно личности вліяніе на судьбу Черногоріи.

При томъ, можно сказать, стихійномъ поступательномъ движеніи турокъ, которому нигдѣ не находилось никакихъ преградъ и передъ которымъ все безусловно покорялось или бѣжало, никому не могло и въ голову прійти оказать какое либо сопротивленіе, и еще меньше могла быть надежда на возможность удержаться передъ нимъ на болѣе продолжительное время, потому что сила турокъ ежеминутно росла, какъ снѣжная лавина. А между тѣмъ Иванбегъ рѣшается на этотъ шагъ и рѣшается на борьбу долгую и упорную; иначе, онъ не обстраивался бы такъ, можно сказать, съ роскошью. Онъ какъ бы зналъ и предвидѣлъ, что здѣсь никогда турки не въ состояніи будутъ наложить свои цѣпи на свободныхъ горцевъ и что эти скалы послужатъ центромъ, который современемъ будетъ играть освободительную роль и по отношенію къ остальнымъ сосѣднимъ сербскимъ землямъ. Въ этомъ первомъ шагѣ, въ рѣшимости на такое, повидимому, безумное дѣло усматриваемъ мы величіе духа Иванбега.

При томъ онъ уводитъ съ собою въ горы и митрополита, и въ этомъ была его главная цѣль и главная заслуга. Государство безъ территоріи и народонаселенія, лишенное всѣхъ аттрибутовъ государственности, не имѣетъ никакого смысла суцествованія; тогда какъ церковь сохраняетъ вліяніе на свою паству, гдѣ бы она ни находилась, хотя бы совершенно въ другомъ государствѣ и на самой отдаленной территоріи. Перенеся столицу зетскаго митрополита на Черную-Гору, Иванбегъ обезпечилъ и этой послѣдней вліяніе на всю прежнюю, въ политическомъ смыслѣ потерянную Зету, и связавъ такимъ образомъ судьбу православнаго населенія въ Зетѣ и Черногоріи съ единымъ духовнымъ пастыремъ ихъ, митрополитомъ, онъ связалъ между собою и эти двѣ расторженныя половины; церковь же поставилъ при этомъ краеугольнымъ камнемъ того зданія, которое должно было созидаться вѣками, пока эта самая церковь, одержавъ побѣду надъ врагами своими и своего народа, и упрочивъ народу его свободу, не возстановитъ и самое государство.

Вмѣстѣ съ мудростью мы видимъ въ этомъ шагѣ Иванбега и высокій патріотизмъ. Для его личной выгоды прямой выходъ былъ перемѣнить вѣру и признать надъ собою суверенство султана, и затѣмъ господствовать надъ народомъ, какъ дѣлали многіе въ то время и какъ разсудилъ его собственный сынъ Станиша и не только господствовать, но и посвящать всего себя заботамъ объ этомъ народѣ и о процвѣтаніи края. Какъ человѣкъ необыкновеннаго ума, имѣющій за собою многолѣтнюю опытность и искушенность въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, онъ былъ бы оцѣненъ султаномъ и даже могъ бы имѣть на него вліяніе и, пользуясь имъ, быть полезнымъ своему народу.

Не стѣснялись же вѣрой нѣкоторые изъ его предковъ! Развѣ во 2-й половинѣ XI в. дюклейскій жупанъ Михаилъ Боиславовичъ не перемѣнилъ православіе на католичество за королевскій титулъ отъ папы Григорія VII? Точно также поступилъ и одинъ изъ нѣманичей Вуканъ (въ 1199 г.) ради того только, чтобы сбросить съ престола роднаго брата и самому сдѣлаться королемъ. Да и вообще нѣманичи относились благосклонно къ католичеству, дорожа дружбой съ папою и венгерскими королями, отъ которыхъ получали и титулы, и матеріальную помощь.

Но Иванъ Черноевичъ былъ слишкомъ великъ умомъ и характеромъ, чтобы быть

суетнымъ и пойти на какую бы то ни было сдѣлку; а вѣра и народность составляли для него нѣчто неотдѣлимое отъ его существа; и потому для него невозможно было отступленіе отъ нихъ ни на шагъ.

Кромѣ этихъ однако естественныхъ или физіологическихъ причинъ, дѣлавшихъ для Иванбега невозможнымъ отреченіе отъ вѣры и народности, мы не можемъ допустить, чтобы онъ въ то же время не прозрѣвалъ своимъ умомъ далеко въ будущее и чтобы ему не рисовалось, хотя въ самомъ отдаленномъ будущемъ, неминуемое крушеніе турецкаго могущества. На это указываетъ глубокая обдуманность и разсчитанность на продолжительный срокъ во всемъ, что онъ тогда дѣлалъ; какое то величавое спокойствіе, въ виду урагана, который все опрокидывалъ и разносилъ. Къ дальновидѣнію тутъ присоединилась глубокая вѣра, которая крѣпила его душу и успокоивала его чувства, испытывавшія неимовѣрныя потрясенія.

Поэтому мы вполнѣ увѣрены, что, оставляя своимъ пріемникомъ сына Георгія, онъ предвидѣлъ его неизбѣжное удаленіе изъ Черной-Горы, вслѣдствіе чего и поставилъ рядомъ съ нимъ митрополита. Онъ однимъ, словомъ, предвидѣлъ, что митрополиту рано или поздно приведется принять въ свои руки управленіе не только церковными, но и мірскими дѣлами, и все къ тому подготовилъ: надѣлилъ монастырь средствами, какими въ то время и самъ не обладалъ, и, не щадя ничего на красоту зданія и благолѣпіе, тѣлесному оку черногорскаго народа представилъ въ этомъ зданіи нѣчто никогда имъ не видѣнное, необыкновенное, чтобы еще больше привязать его къ церкви и больше возвысить ее въ глазахъ народа. Совершенно сознательно онъ создавалъ на Цетиньѣ не мірскую державу, а церковь, которая должна была управлять всѣми функціями національно-религіозной жизни.

Онъ зналъ, что свѣтскому государю легко было измѣнить вѣрѣ и народности, чему имѣлось уже такъ много примѣровъ въ сербской же исторіи, и что въ то же время ему не вынести было ту жизнь, которая ожидала его въ Черной-Горѣ: жизнь безъ всякихъ средствъ, полная всевозможныхъ лишеній подъ вѣчною грозой, которая, не знаешь откуда, нагрянетъ; безъ всякой государственной организаціи для управленія собственнымъ народомъ. Государственный бытъ, выработанный уже въ Зетѣ, долженъ былъ уступить племенному и родовому, а эти двѣ формы исключаютъ одна другую и не могутъ уживаться вмѣстѣ. При такихъ отношеніяхъ единственно возможная форма была патріархальная, которую мы и встрѣчаемъ въ правленіи владыкъ. Владыки управляли народомъ не физической силой, а чисто моральнымъ вліяніемъ; и не силой собственно, а убѣжденіемъ и молитвой. У нихъ не было своего я, а во всемъ былъ авторитетъ только вѣры и церкви, передъ которымъ сливалось воедино и пастырь, и его стадо. Это было какое-то духовное братство.

Племенное и родовое начало въ Черногоріи при владыкахъ достигло крайняго развитія, съ чѣмъ никакъ не могъ ни совладѣть, ни ужиться принципъ государственности.

Быть главою народа при такихъ условіяхъ могъ только владыка-монахъ, сливающійся съ нимъ во всемъ, о Христѣ братъ всякому, для котораго отреченіе отъ православія и народности было наложеніемъ рукъ на самого себя.

Владыки черногорскіе были люди безъ науки; но они были лучшіе люди, почему на нихъ и падалъ народный выборъ, и званіе это не держалось исключительно въ одномъ какомъ либо племени или родѣ. При скудости свѣдѣній объ этомъ времени мы скажемъ по крайней мѣрѣ о нѣкоторыхъ, что тутъ были: изъ Команъ, съ Нѣгушъ, изъ Карнето (Лѣшанской нахіи), изъ Байцъ (на Цетиньѣ), изъ Очиничей (близъ Цетинья), изъ Болевичей (съ Церимницъ), и только съ Даніила это званіе преимущественно остается въ домѣ Петровичей. Да и не было особенно лестнаго домогаться званія владыки, потому что съ нимъ соединялось больше труда и даже страданій, чѣмъ какихъ либо житейскихъ выгодъ и интересовъ. На эту высокую степень поднимало людей ихъ собственное призваніе и народный выборъ; а иногда владыками дѣлались даже по принужденію.

Лишенные науки, это были люди крѣп-

каго ума, не терявшагося въ погонѣ за отвлеченными истинами, а державшагося на почвѣ реальныхъ задачъ и цѣлей, которыя ставила народу самая жизнь, и разрѣшеніе которыхъ предстояло имъ и руководимому ими народу. Они не были и не могли быть догматиками; и пуристы ортодоксіи могутъ сдѣлать имъ массу упрековъ относительно теоретичечкой и обрядовой стороны вѣры; но имъ не было времени ни изучать всѣ тонкости догматики, ни примѣнять на дѣлѣ всѣ формальности, требуемыя обрядомъ. Усвоивая вѣру простымъ чувствомъ, а не умомъ и изученіемъ, они жили ею и за нее готовы были жертвовать собственною жизнью. Въ томъ же духѣ воспитанъ былъ и народъ черногорскій. За что онъ шелъ въ бой и умиралъ? «За честной крестъ!» — Вотъ единственный военный кличъ черногорца, при которомъ всякій возстаетъ и летитъ въ бой, забывая домъ, дѣтей и все, что ему дорого.

И эта простая вѣра, спасла народъ не только отъ грубой силы турокъ, но и отъ лукавыхъ покушеній со стороны латинъ, которые дѣйствовали гдѣ хитростью и интригой, а гдѣ и просто насиліемъ. Странно, конечно, такое сопоставленіе на одну ногу христіанъ и магометанъ; но оно тутъ совершенно умѣстно, потому что имѣетъ свое основаніе.

Представители католицизма, венеціанцы, были для православныхъ не лучше турокъ, если только не хуже. Въ то время какъ турки, налагая свое иго, не трогали народной святыни, венеціанцы разрушали православные монастыри пушечными ядрами: такъ, въ 1443 г. они разрушили монастырь св. арханг. Михаила на Превлокѣ (въ Боккѣ), отравивши предварительно жившаго тамъ архіепископа со всѣми монахами (72 чел.); а потомъ и монастырь между Баромъ и Спичемъ на мысѣ Ртацъ, другія же церкви просто закрывали или отнимали у православныхъ. Пользуясь богатствомъ, они не одну православную церковь застроили внутрь своей католической, что теперь можно видѣть въ Барѣ. Притѣсненіе православныхъ въ Южномъ Приморьѣ и Боккѣ было нестерпимое, и многіе, поколебавшись въ вѣрѣ отцевъ, принуждены были перейти въ католичество. А когда въ этихъ краяхъ распространилось господство турокъ, то они всегда услуживали имъ тѣмъ, что выдавали имъ православныхъ, были ли то черногорцы, или ихъ подданные приморцы,—все равно.

Всѣ не безъ нѣкотораго укора дѣлаютъ замѣчаніе, что духовенство въ Черногоріи стояло на низкой степени образованности, не исключая и владыкъ, и что поэтому они не въ состояніи были бороться съ хорошо образованнымъ духовенствомъ западной церкви. Но въ томъ случаѣ орудіемъ борьбы являлось не образованность, а матеріальная сила и въ значительпой степени безстыдство, допускавшее самое грубое предательство.

Да и вообще условія жизни въ Черногоріи не давали мѣста образованности. Иванбегъ, какъ и его сынъ Георгій, безъ сомнѣнія, были люди съ образованіемъ; они завели типографію; но все это было заброшено вслѣдствіе физической невозможности. Зета была когда-то страною культурною; но обстоятельства довели ее до совершеннаго одичанія. Въ этомъ отношеніи находились несравненно въ лучшемъ положеніи даже тѣ сербы, которые остались подъ турецкимъ господствомъ, потому что у нихъ все-таки былъ досугъ, который они могли посвящать мирнымъ занятіямъ; тогда какъ черногорецъ не зналъ этого досуга ни днемъ, ни ночью, когда онъ спалъ даже съ оружіемъ, и нѣтъ почти мѣста въ Черногоріи, которое бы не было сожжено турками по нѣскольку разъ. Поэтому Черногорія должна была сдѣлатся самою дикою страною; такою она и была въ самомъ дѣлѣ. Но въ томъ мы не можемъ ихъ корить, потому что таково было ихъ положеніе, въ которое они были втиснуты насиліемъ со всѣхъ сторонъ Владыкамъ приводилось мириться съ этой дикостью, все равно какъ приводилось наравнѣ со всѣми участвовать въ битвахъ. Но они не были заскорузлыми противниками всего честнаго и тѣмъ менѣе противниками культуры; они не затворяли воротъ передъ латинами; но какъ они пользовались гостепріимствомъ—мы видѣли изъ исторіи съ митрополитомъ Виссаріономъ. А въ тѣхъ краяхъ, гдѣ венеціанцы были господами, они приносили съ собою только порабощеніе и деморализацію.

Владыки же, хотя не были людьми школьной науки, но не были и полными

невѣждами. Судя по уцѣлѣвшимъ спискамъ книгъ, находившихся въ книгохранилищѣ при цетемскомъ монастырѣ, старые владыки еще раньше Даніила были большими любителями книжнаго дѣла, а многое совершенно утратилось для насъ, по чему мы могли бы судить объ ихъ культурномъ уровнѣ. Не были они никогда противниками науки и просвѣщенія и обскурантами; но, обладая природнымъ умомъ и горькимъ опытомъ, боролись не только противъ политическаго, но и противъ культурнаго вліянія Венеціи.

Какъ умный черногорецъ смотрѣлъ тогда на Венецію, прекрасно характеризовано въ «Горскомъ Вѣнцѣ». Воевода Дражка, который посланъ былъ владыкою Даніиломъ по политическимъ дѣламъ въ Венецію, воротившись оттуда, разсказываетъ своимъ, что онъ тамъ видѣлъ и что узналъ.

Страшная жадность къ богатству, роскошь, толпы голыхъ нищихъ, вѣчно праздныхъ или таскающихъ на носилкахъ богатыхъ женщинъ, которыя не въ состояніи ходить своими ногами отъ ожирѣнія и лѣни: тѣснота и смрадъ въ узкихъ улицахъ среди многоэтажныхъ домовъ, безсмысленная суетня; объ юначествѣ нечего и говорить: они захватили коварствомъ въ свои руки «соколовъ - далматинцевъ да храбрыхъ хорватовъ» и съ помощью ихъ собираютъ богатства, отнимая чужія земли и города; суды немногимъ лучше турецкихъ; вмѣсто того, чтобы просто убить человѣка за совершенное имъ преступленіе, они его подвергаютъ разнымъ мукамъ, и тысячи томятся въ темницахъ и въ тяжкихъ работахъ, прикованные желѣзными цѣпями. «Глядя на ихъ темницы», говоритъ Дражко, «я вижу, что они совсѣмъ забыли Бога, и не можетъ ихъ царство удержаться, а должно перейдти въ лучшія руки. Отъ сыщиковъ и шпіоновъ всякій дрожитъ, боясь своей собственной тѣни. Тамъ, если двое говорятъ на улицѣ, третій наставитъ ухо и подслушиваетъ, да тотчасъ бѣжитъ въ судъ и сказываетъ, что они говорили, а кое-что и прибавитъ и прикраситъ; а судъ тотчасъ тѣхъ двоихъ ухватитъ, да потомъ и мучитъ на галерахъ. Оттого они совсѣмъ пропадаютъ; между собою не вѣрятъ одинъ другому. Какъ велика Венеція изъ конца въ конецъ, а нѣтъ въ ней ни одного человѣка, который не считалъ бы всякаго другаго за тайнаго сыщика и шпіона». Вотъ что представлялось тамъ воеводѣ Дражку.

Владыки видѣли еще больше того.

Былъ, впрочемъ, владыка Мардарій Карнетяининъ, который, будучи крайне стѣсненъ турками, въ 1640 г., самъ предлагалъ папѣ Урбану VIII принять унію въ замѣну, конечно, помощи противъ турокъ. Но помощи этой не послѣдовало, и унія не состоялась, можно сказать, къ счастію Черногоріи, потому что въ противномъ случаѣ не было бы границъ претензіямъ католическаго клира, жаднаго къ захватамъ.

Такимъ, образомъ, черногорскіе владыки при всей своей простотѣ, сохранили во всей неприкосновенности вѣру и народность своей паствы, и обладали настолько моральной силой, что оказывали вліяніе даже на края, подвластные Турціи и Венеціи; а владыка Руфимъ Болевичъ (изъ села Болевичей въ Цермницѣ) около 1675 г. присоединилъ къ православію цѣлое племя Кучей, игравшее въ тѣхъ краяхъ важную роль.

Кромѣ вѣры и народности, правленіе владыкъ сохранило во всей неприкосновенности внутренній бытъ черногорскаго народа, и не только сохранило, но даже очистило отъ зачатковъ феодализма, въ видѣ раздѣленія на сословія и привилегіи на обладаніе землями, которые мы встрѣчаемъ въ Зетскомъ государствѣ. Въ Черной Горѣ не было мѣста ни торговцу, ни аристократу, а были только пастухи и земледѣльцы по занятію, что было присуще всѣмъ: изъ простой избы выходили всѣ, начиная съ владыки; а также всякій обязательно былъ воинъ, причемъ не было различія между первымъ и послѣднимъ; послѣдняго впрочемъ не было, а попадалъ въ послѣдніе только трусъ или никуда негодный человѣкъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр. въ Цермницѣ, мы замѣчаемъ слѣды выдѣленія отдѣльныхъ фамилій изъ массы; но то происходило подъ вліяніемъ Венеціанской республики, которая и здѣсь, какъ въ Приморьѣ, надѣляла титулами и даже гербами. Даже роды, имѣвшіе изстари какія-либо сословныя отличія, привилегіи и титулы, теряли ихъ со вступленіемъ на демократическую почву Черногоріи.

Владыки не создали особеннаго положенія для духовенства, что такъ естественно было бы при іерархическомъ правленіи. Священство здѣсь было вполнѣ народное и ничѣмъ не выдѣлялось изъ массы, неся всѣ обязанности, общія цѣлому народу, и, сверхъ того, свои особыя священническія. Многіе ошибаются, видя въ названіи *попъ* презрительное отношеніе народа къ священству и объясняя это вообще неуваженіемъ черногорца къ церкви и ея служителямъ, а также грубостью самихъ священниковъ, которые и не заслуживали уваженія. И то и другое ошибочно.

Священники всегда пользовались уваженіемъ народа, какъ служители церкви и какъ люди, болѣе знающіе и, по народному понятію, ученые; поэтому многіе изъ нихъ были вождями во время войны; ихъ слушали на народныхъ собраніяхъ, къ нимъ обращались за совѣтомъ, имъ представляли на разбирательство свои тяжбы и распри. Поэтому во всѣхъ болѣе важныхъ или вліятельныхъ родахъ вы встрѣчаете много священниковъ; священнику же часто давалось достоинство воеводы.

Восемнадцатое столѣтіе открывается двумя памятными событіями: очищеніемъ Черногоріи отъ магометанства и вступленіемъ ея въ союзъ съ Россіей. Не боясь уже болѣе за вѣру и народность, владыка Даніилъ начинаетъ думать о внутреннемъ благоустройствѣ своего народа и, сохраняя за собою верховную власть надъ цѣлымъ народомъ, въ 1718 г. ставитъ онъ губернатора, который бы сносился по дѣламъ съ племенными старшинами, предсѣдательствовалъ на всѣхъ народныхъ собраніяхъ и разбиралъ дѣла между черногорцами и иностранными подданными, не предоставляя однако ему политическихъ сношеній съ иностранными державами. По округамъ и племенамъ поставлены были сердари и кнезы (сельскіе старшины) для суда и разбора менѣе важныхъ дѣлъ и для наблюденія за внутреннимъ порядкомъ. Учрежденіе губернаторства впрочемъ произошло отчасти по иниціативѣ Венеціи, которая скоро обратила губернатора въ свое орудіе, назначивъ ему отъ себя жалованье.

Что касается формулированія сношеній съ другими государствами, то починъ въ томъ принадлежитъ Россіи. Милорадовичъ, пробывшій на Цетинье съ извѣстною уже намъ грамотою Петра В., въ то же время, 16 апр. 1713 г., на народномъ сборѣ заключилъ нѣчто въ родѣ договора, изъ котораго приведемъ здѣсь только тѣ мѣста, которыми характеризуется сущность взаимныхъ отношеній Россіи и Черногоріи. Оцѣнивая на первый разъ оказанную черногорцами услугу, русскій царь допускаетъ имъ полную свободу и управленіе самими собою, *только чтобы не признавали надъ собою никакого государя, кромѣ царя, т. е. русскаго*; духовный пастырь и архіереи чтобы также были отъ ихъ же племени и отечества, т. е. черногорцы; затѣмъ допускается безпошлинная торговля *«въ землѣ, которою бы Богъ допустилъ царю Петру владѣть»;* а они, черногорцы, должны быть всегда готовы съ оружіемъ въ рукахъ воевать за царя *въ своей только странѣ*, для чего имъ со стороны царя должно быть дано все потребное.

Это форменный договоръ, въ которомъ означены общія начала взаимныхъ отношеній, заключающіяся главнымъ образомъ не столько въ признаніи суверенства русскаго царя, сколько въ устраненіи суверенства всякаго другаго. Поэтому и признается полнѣйшая внутренняя свобода и ни тѣни нѣтъ покушенія на вмѣшательство во внутренія дѣла. Иначе и быть не могло, потому что Россіи въ лицѣ Черногоріи нуженъ былъ только союзникъ на случай войны съ Турціей, и Черногоріи нечего было бояться Россіи, вслѣдствіе чего народъ черногорскій добровольно и безъ страха становится подъ покровительство русскаго царя, гласно признавая его суверенство надъ собою. Но Венеція достигла этой цѣли прежде Россіи, какъ бы противъ воли черногорцевъ, незамѣтно для нихъ самихъ, какъ ни мудры были черногорскіе владыки, и какъ ни остерегались они венеціанскихъ сѣтей.

Огромное пространство, отдѣляющее Россію отъ Черногоріи, на сколько обезпечивало послѣдней независимость противъ первой, на столько же затрудняло и ихъ взаимную помощь, тогда какъ Венеція одною ногой стояла уже на измученномъ тѣлѣ Черногоріи, а другою готовилась стать ей на голову. И въ это время, какъ бы для спасенія ея, является Петръ Великій.

Геніальный умъ его не могъ не предвидѣть, къ чему шла Венеція, и этимъ объясняется заключеніе упомянутаго договора. Но что онъ въ дѣйствительности не покушался на «самовластіе» Черногоріи, какъ стоитъ въ договорѣ, а имѣлъ въ виду только устраненіе отъ этого другаго, доказываетъ его письмо, написанное послѣ договора, которое мы цитировали выше. Не подданныхъ себѣ искалъ его великій духъ, чтобъ эксплоатировать ихъ или удовлетворять своему самовластію, а вѣрнаго союзника, съ которымъ тѣснѣе, чѣмъ всякій договоръ, связывала бы общность интересовъ. Его дальновидный умъ не ошибся, остановившись на Черногоріи, которая составляла клинъ, могущій во всякое время, при помощи извнѣ, начать свое разрушающее дѣйствіе не только противъ Турціи, но и противъ всякой другой сосѣдней державы. Говоря о безпошлинной торговлѣ въ землѣ, «которою Богъ допустилъ бы царю Петру овладѣть», составитель договора, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду не Турцію, которой Черногоріи нечего было продавать, а сосѣднее Адріатическое приморье. Это была его завѣтная мысль, которую, можетъ быть, подсказали ему и поддерживали окружающіе его выходцы изъ Далмаціи и Герцеговины. Но осуществить ее онъ былъ не въ состояніи, потому что имѣлъ много дѣла ближе; а послѣдующіе за нимъ правители о томъ совершенно забыли. Забыли бы они и Черногорію, еслибъ она сама о себѣ не напомнила, и еслибы не нуждались въ ней при всякой войнѣ съ Турціей.

Со стороны Венеціи не было заключено никакого договора съ Черногоріей; но сношенія ея не новы, и имѣется нѣсколько грамотъ, изъ которыхъ можно усмотрѣть, какъ Венеція смотрѣла на свои отношенія къ ней. Вотъ одна изъ этихъ грамотъ, отвѣчающая владыкѣ Даніилу на его просьбу возвратить ему духовную юрисдикцію надъ православнымъ населеніемъ въ Боккѣ и Приморьѣ, которая принадлежала черногорскимъ митрополитамъ изстари и послѣ уступки этихъ земель Венеціанской республикѣ въ XV в., и обусловлена была въ особомъ договорѣ между нею и Стефаномъ Черноевичемъ. Въ этой грамотѣ 1718 г. дожъ Іоаннъ Корнелій, иначе Джіованни Карнаро, поручаетъ своимъ министрамъ призвать къ себѣ черногорскихъ посланниковъ, прибывшихъ съ прошеніемъ отъ владыки и прочитать имъ слѣдующее: «Монсиньоръ епископъ! Къ великой заслугѣ, оказанной нашему государству вашею храбростью и вѣрностью въ прошлую войну, вмѣстѣ съ вашимъ стараніемъ укрѣпить въ любезномъ намъ черногорскомъ народѣ духъ преданности и подчиненности (vassallaggéo) нашей власти, въ настоящее время вы присоединяете новые знаки того поданнымъ отъ вашего имени меморіаломъ, въ которомъ вы со всею искренностью подтверждаете обязательность вашей преданности власти республики и т. д. мы увѣрены, что вы постараетесь внушить нашимъ прелюбезнымъ *подданнымъ*, сколько мы расположены къ нимъ и постоянно готовы оказывать наше покровительство для охраненія и защиты изъ жизни и имущества».

Изъ этого ясно видно, что Венеція смотрѣла на владыку, какъ на своего вассала, а на всѣхъ черногорцевъ, какъ на своихъ подданныхъ, которые будто бы сами то признали, за что и воздаются имъ лестныя похвалы и даются обѣщанія всевозможныхъ благъ.

Имѣя въ Черногоріи губернатора на жалованьи и опредѣливъ также постоянную плату и другимъ чиновникамъ, Венеція уже отчасти и поставила черногорскія власти въ зависимость отъ себя, и впослѣдствіи владыкамъ привелось вести борьбу съ губернаторомъ, который потомъ сдѣлался слугою Австріи.

По смерти Даніила владыкою сдѣлался Савва, человѣкъ не дальняго ума и слабаго характера, пользуясь чѣмъ, венеціанцы совершенно завладѣли имъ. Тогда народное собраніе выбрало ему соправителя въ лицѣ племянника его Василія, который и управлялъ всѣмъ, а Савва проживалъ на покоѣ въ монастырѣ Станевичахъ.

Василій всю свою жизнь боролся противъ интригъ Венеціи, которая дѣлала всевозможныя притѣсненія черногорцамъ, когда они приходили на ея базары, и въ тоже время сносилась съ турками, возбуждая ихъ противъ черногорцевъ, и старалась внутри Черногоріи внести смуту и разладъ съ ея правителемъ.

Продолжительныя отлучки владыки Ва-

силія изъ Черногоріи еще болѣе облегчили венеціанцамъ успѣхъ въ интригѣ; а по смерти его, случившейся въ Россіи въ 1766 г., и со вступленіемъ вновь въ управленіе слабаго Саввы разстройство въ Черногоріи достигло крайней степени; и въ это время появляется самозванецъ Степанъ Малый, который, насколько успѣлъ возстановить внутренній порядокъ и славу черногорскаго оружія, настолько же произвелъ совершенный хаосъ въ умахъ черногорцевъ.

Дѣла поправились только при владыкѣ Петрѣ I, но, въ то время какъ онъ уѣзжалъ изъ Черногоріи для посвященія въ епископы, Махмудъ-паша Скадарскій успѣлъ еще разъ (3-й) разорить Цетинье. Отношенія Черногоріи къ Россіи, а также и къ Венеціи и Австріи мы изложили въ особой статьѣ *); здѣсь же избѣгая подробностей, мы только охарактеризуемъ эти отношенія.

Владыки обращаются къ Россіи, съ одной стороны ища ея покровительства противъ внѣшнихъ враговъ и за то обѣщаютъ полнѣйшую преданность ей и готовность служить ей по первому требованію; съ другой указываютъ ей на состояніе внутреннихъ дѣлъ Черногоріи, которое необходимо измѣнить и для чего опять требуется помощь Россіи.

Въ обоихъ случаяхъ выражается преданность Россіи, и есть документъ, изъ котораго видно, что черногорцы передъ портретомъ императрицы Елизаветы Петровны присягали ей въ вѣрности; и потому на одно изъ прошеній владыки Василія, отъ 22 апр. 1753 г., послѣдовало такое рѣшеніе: «что оной черногорскій принципатъ (княжество) никому не подвластенъ, какъ токмо ея императорскому величеству самодержицѣ Всероссійской, и чтобы сей принципатъ въ титулѣ ея императорскаго величества включенъ былъ; то, хотя ея императорское величество сіе его представленіе милостивѣйше принять изволила, однакожъ, на какомъ основаніи и за что оной черногорскій народъ ея императорскому величеству совершенно подвластнымъ быть хочетъ, о томъ обождано будетъ формальное сего народа прошеніе».

Съ неменьшею настойчивостью чего-то добивается отъ Россіи и владыка Петръ I, который съ тою цѣлію отправлялъ въ Россію два посольства. Въ одномъ изъ прошеній императору Павлу Петровичу владыка, изобразивъ тяжелое положеніе Черногоріи, резюмируетъ желанія черногорскаго народа такъ: «А посему и просимъ, дабы высочайшимъ Вашего И. В. благоволеніемъ и милостію повелѣно было сіе наше прошеніе принять и о причисленіи насъ Черныя Горы и Бердъ подъ высочайшую протекцію, помощь и защиту; присовокупить въ единодержаніе владычества вашего, также и государственними утвердить правами и правилами духовными, военными и гражданскими; съ преподаваніемъ откритія наукъ полезныхъ и училищъ; со статами; и со утвержденіемъ пошлинныхъ зборовъ, которые спомоществовать полнымъ изобиліемъ, когда будутъ существовать строгости и права, и съ равномѣрнымъ же проискомъ рудокопныхъ металловъ, коихъ повидимому предмету изобильность не оскудѣваетъ. О присилки же сѣмо отъ имени вашего И. В. кого заблагоразсудитъ ваша високо-монаршая верховнѣйшая власть, для вящшаго обозрѣнія и совершенной вѣрности съ полномочнимъ вашего священнѣйшаго величества наставленіемъ, и о томъ учинить милостивѣйшее благоразсмотрѣніе и опредѣленіе».

Въ инструкціи же, данной посланнику, заключаются между прочимъ и слѣдующія двѣ статьи:

7) Естли высочайшему двору невозможно будетъ въ семъ времени по прошенію нашему учинить, въ такомъ случаѣ просить, благоволенно было отправить къ симъ мѣстамъ одного офицера съ флагомъ государственнаго императорскаго герба съ надлежащимъ наставленіемъ, которое могло бы при самой нужной необходимости и утѣсненію совершенною защитою намъ послужить, равномѣрно же и со вспомоществованіемъ хотя невеликой суммы денегъ, и военной самонужнѣйшей аммуниціи чрезъ Неаполь: пороху, свинцу и бумаги; вамъ же въ томъ мѣстѣ ожидать тогда другаго повелѣнія».

и 11) «А ежели паче чаянія высочайшій

---

*) «Отношенія между Черногоріей и Россіей при владыкахъ» Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. кн. 11.

всероссійскій императорскій дворъ впредь не соблаговолитъ принять народъ сей черногорскій и бердскій подъ явное и неотверженное покровительство, то съ крайнимъ неудовольствіемъ и оскорбленіемъ дозволяется вамъ отъ имени народа цѣлаго во огражденіе нашей невинности просить конечнаго навсегда отрѣшенія понеже никакими мѣрами не можетъ болѣе при нынѣшнихъ превратныхъ обстоятельствахъ безъ оной высочайшей протекціи себе содержать, и по обѣту отъ предковъ нашихъ ко всероссійскимъ самодержцамъ данному на вѣрность и услуги продолжать отнынѣ впредь силъ не имѣемъ».

Что же все это значитъ и чего же, наконецъ, добивалась Черногорія отъ Россіи?

Прежде всего конечно требовалось огражденіе противъ покушеній на свободу Черногоріи извнѣ, такъ какъ теперь къ Турціи и Венеціи, съ которыми до сихъ поръ ей приводилось бороться, присоединилась еще Австрія и Франція. А затѣмъ владыки видѣли, что отстоявши вѣру и народность отдѣльныхъ племенъ, они не въ состояніи объединить тѣ племена между собою, слить ихъ въ одно цѣлое, безъ чего они всегда будутъ слабы; и тѣмъ больше чувствовалась необходимость въ томъ объединеніи, что опасности извнѣ увеличились, а въ тоже время и внутреннее разстройство дошло до крайностей, и духовная власть владыки оказалась безсильною.

Чтобы не быть поглощенными другими, что было такъ легко сдѣлать сосѣдямъ Черногоріи, переманивая къ себѣ одно племя за другимъ, ей необходимо было конституироваться на политическомъ началѣ, а не на религіозно-національномъ. Владыки стремились упрочить, узаконить, такъ сказать, положеніе Черногоріи и между другими государствами, но этому мѣшало то, что Черногорія въ то время представляла собою нѣчто странное въ Европѣ: нѣтъ ровно никакихъ государственныхъ учрежденій и никакой власти, кромѣ владыки, который однако былъ только духовное лицо, во многія дѣла свѣтскаго характера не имѣвшее и права вмѣшиваться. Самое участіе его въ войнѣ въ глазахъ Европы было чѣмъ-то незаконнымъ. Это была страна безъ опредѣленныхъ границъ; народъ, тоже не имѣющій постояннаго опредѣленнаго числа, притомъ не связанный между собою никакими другими узами, кромѣ народности и вѣры; однимъ словомъ, это не была политическая единица. И такъ смотрѣла на нее вся Европа, не исключая и Россіи. Императрица Екатерина, напр., совершенно игнорировала владыку Черногоріи и потому зная, что въ Черногоріи одинъ только митрополитъ, относилась къ нему во множеественномъ числѣ:

«Священнымъ митрополитамъ и другимъ церковнымъ сановникамъ и всему клиру, достопочтеннымъ и любезнѣйшимъ намъ губернаторамъ, главарямъ, воеводамъ, князьямъ, дворянамъ, а также всѣмъ славнымъ и храбрымъ жителямъ Черной Горы и живущимъ въ другихъ мѣстахъ соплеменникамъ наша императорская милость и благоволеніе».

Поэтому заключающіяся въ приведенномъ выше прошеніи владыки Петра I императору Павлу темныя фразы: «присовокупить насъ въ единодержавіе владычества вашего, также и государственными утвердить правами и правилами духовными, военными и гражданскими» и т. д. ясно указываютъ на желаніе получить государственное устройство со всѣми его учрежденіями. Владыка, считая себя въ такомъ дѣлѣ не подготовленнымъ и по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не способнымъ и не компетентнымъ, какъ лицо духовное, по понятіямъ черногорцевъ, не призванное къ свѣтской власти, проситъ Россію послать человѣка, который могъ бы быть облеченъ свѣтскою властью, и въ преданности котораго Россіи былъ бы увѣренъ ея государь. Тогда только Черногорія и могла быть включена въ какой бы то ни было европейскій трактатъ, какъ политическая единица, и для этого, ставя себя подъ протекцію Россіи, она желаетъ явиться тамъ «снабдѣнною защищеніемъ государственнаго флага» и съ опредѣленными отношеніями къ Россіи, какъ страна, имѣющая свое правительство, «со открытіемъ публичнаго правительства (своего) и со учрежденіемъ основательныхъ правъ соразмѣрныхъ этой имперіи (Россіи) и сихъ мѣстъ (Черногоріи)», то-есть, проситъ дать ей мѣсто въ ряду государствъ Европы, сообразно съ ея размѣрами, силами и важностью положенія.

Такія отношенія въ то время нигдѣ не

существовали, и потому такая идея была новою, неудобопонятною; да и у самихъ владыкъ она не успѣла принять опредѣленной формы, поэтому и выражалась всегда туманно. Имъ она навѣяна была естественнымъ положеніемъ ихъ страны; а выработать для нея опредѣленныя формы и осуществить ее на дѣлѣ они надѣялись при содѣйствіи Россіи, которой отдавались, обѣщая на вѣчныя времена вѣрность и готовность служить по первому призыву, какъ то бывало и прежде.

Русское правительство въ то время понимало тѣ отношенія совершенно иначе, и недоразумѣніе раскрылось вскорѣ во всей наготѣ и при томъ въ формѣ весьма острой. Получивъ отъ людей, интриговавшихъ противъ владыки, сообщеніе, будто онъ намѣренъ предаться Франціи, русское правительство рѣшилось, пользуясь своимъ престижемъ между черногорцами, потребовать владыку на судъ въ Россію для оправданія во всѣхъ возведенныхъ на него обвиненіяхъ. Тогда владыка вынужденъ былъ выступить съ отвѣтомъ, въ которомъ ясно и опредѣленно указываетъ, въ какихъ отношеніяхъ стоитъ Черногорія къ Россіи, т. е. въ отношеніяхъ совершенно независимыхъ, съ сохраненіемъ однако полнѣйшей преданности Россіи и ея императорамъ *). Приведемъ здѣсь болѣе знаменательныя мѣста изъ отвѣта владыки русскому святѣйшему синоду, отъ котораго и послано было требованіе его на судъ:

«Мы, народъ черногорскій и бердскій, не состоимъ въ подданствѣ Россійской Имперіи, но только подъ ея моральнымъ покровительствомъ. И если мы оказываемъ приверженность, вѣрность и усердіе къ русскому двору, то это единственно только по единовѣрію и по единоплеменности. Мы и на будущее время и на вѣчно будемъ относиться съ такимъ же усердіемъ къ русскому двору, кромѣ, разумѣется, того случая, если сама Россія оттолкнетъ насъ отъ себя, чего мы впрочемъ никогда не ожидаемъ. Мы, народъ черногорскій и бердскій, до тѣхъ поръ, пока на Руси будетъ православная вѣра, останемся на вѣки вѣрными и усердными къ Россіи, но съ тѣмъ условіемъ, что мы вовсе не желаемъ вступить въ подданство Россіи, въ какомъ находятся къ ней населяющіе ее народы. Пріобрѣтенную нашими прародителями свободу мы будемъ защищать до самой послѣдней степени и готовы скорѣе умереть съ мечемъ въ рукахъ, нежели поддаться постыдному рабству одной силы. Мы никогда не были въ подданствѣ Россійскаго императора. Мы отдали себя только подъ покровительство Россіи, и то по особымъ договорамъ, не изъ-за какихъ нибудь привилегій, и единственно по усердію къ благочестію. А васъ мы имѣемъ честь самымъ положительнѣйшимъ образомъ увѣрить въ нашемъ усердіи къ русскому двору. Если бы сосѣди наши (т. е. австрійцы) начали войну съ Россіей (чего избави, Боже), то мы непремѣнно въ это время и съ своей стороны устроили бы диверсію и ратовали бы противъ русскихъ непріятелей до послѣдней капли крови, какъ то дѣлали и наши прародители. А во всякомъ другомъ отношеніи мы не сознаемъ за собою никакихъ обязанностей къ Россіи»... Русское правительство очевидно понимало свои отношенія совсѣмъ иначе, и послѣ этого объясненія со стороны Черногоріи у него какъ бы спала повязка съ глазъ; равнымъ образомъ, дѣйствія русскаго правительства открыли глаза и черногорцамъ.

Разница въ томъ, что Черногорія, не смотря на нанесенную ей обиду, осталась вѣрна завѣту своихъ предковъ, служа Россіи и послѣ того вѣрой и правдой, какъ будто между ними ничего и не бывало, какъ и слѣдуетъ въ дѣлахъ великой важности; Россія же не выдержала своей роли и, участвуя въ заключенныхъ тогда трактатахъ, на которыхъ была первенствующею державой, не сдѣлала ничего въ пользу Черногоріи, не потому что не могла, а потому что не умѣла понять свою собственную выгоду.

И въ самомъ дѣлѣ, не сдѣлавъ ничего для Черногоріи и отдавъ ее совершенно въ руки Австріи, не повредили ли мы въ то же время самимъ себѣ больше, чѣмъ ей? Развѣ, оставивъ Бокку за Черногоріей, мы не были бы въ ней какъ у себя дома, не требуя отъ черногорцевъ и бо-

*) Все дѣло это изложено въ статьѣ г. Жмакина «Россія и Черногорія въ началѣ XIX вѣка» («Древняя и Новая Россія», мартъ, 1881 г.).

келей, чтобъ они были нашими подданными? Развѣ пришлось бы въ послѣднюю войну отдать Австріи двѣ такія важныя провинціи, какъ Боснія и Герцеговина, если бы Черногорія въ то время имѣла море и вообще была бы сильнѣе, чѣмъ какою ее застала тогдашняя война?

Мы приводимъ прискорбный эпизодъ изъ нашихъ сношеній съ Черногоріей, отбросивши всевозможные укоры или оправданія той или другой сторонъ, считая ихъ въ этомъ случаѣ ненужными и безсмысленными и имѣемъ въ виду только уясненіе этихъ отношеній, которыя лучше всего опредѣлились изъ этого эпизода, и съ тѣхъ поръ уже не было такихъ недоразумѣній, кромѣ еще одной, но совершенно легкаго свойства размолвки при князѣ Даніилѣ. Считаемъ однако не лишнимъ резюмировать эти отношенія за полтораста лѣтъ.

Оглядываясь на все это прошлое, мы замѣчаемъ, что наша политика по отношенію къ юго-славянамъ какая-то лихорадочная: то мы осыпаемъ ихъ своими благодѣяніями и стараемся всячески привязать къ себѣ, то вдругъ отталкиваемъ и отнимаемъ даже то, что обязаны давать въ силу обѣщаній, закрѣпленныхъ грамотами. Сравните по царствованіямъ, какъ мѣнялись наши отношенія къ нимъ: Петръ Великій открываетъ въ нихъ себѣ союзниковъ; затѣмъ ихъ забываютъ; Елизавета снова благодѣтельствуетъ имъ; Екатерина II опять отталкиваетъ ихъ и оскорбляетъ; Павелъ возвращаетъ имъ всѣ милости; Александръ I гнѣвается и предаетъ ихъ суду; Николай I снова обращается къ нимъ со своими милостями; позже — опять новая размолвка. Но какая рѣзкая разница между нами и маленькою, дикою Черногоріей! Въ полтораста почти лѣтъ сношеній съ Россіей при самыхъ тяжелыхъ искушеніяхъ ни одного противорѣчія, ни малѣйшаго уклоненія отъ однажды принятаго направленія, которое достигаетъ наибольшей опредѣленности въ политикѣ владыки Петра I. Онъ былъ настоящій носитель черногорскаго идеала; притомъ въ немъ заканчивается цѣлый періодъ черногорской политики и въ немъ же заключается начало втораго. Онъ былъ послѣдній правитель Черногоріи, вся дѣятельность котораго вполнѣ сообразовалась съ волею народа, и который во всемъ совершенно сливался со своимъ народомъ, будучи только его лучшимъ представителемъ, истолкователемъ его мысли и желаній, какъ во внутренней жизни, такъ и во внѣшнихъ сношеніяхъ. Никогда не было розни съ народомъ, исключая борьбы противъ невѣжества и дикихъ инстинктовъ.

Императоръ Николай, по вступленіи на престолъ, измѣнилъ свои отношенія къ Черногоріи и послалъ ей положенную сумму за всѣ 17 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ она не получалась. Старый владыка однако не дождался этого. За нѣсколько часовъ до смерти, онъ, не имѣя дровъ, чтобъ отопить свою спальню, пришелъ погрѣться у огня въ кухнѣ; сидѣлъ здѣсь, разговаривая съ собравшимся народомъ, поручая строго исполнить свое завѣщаніе, которое онъ въ то же утро продиктовалъ секретарю своему Симу Милютиновичу, затѣмъ воротился на кровать, легъ и, продолжая разговаривать, безъ всякой боли и страданій постепенно скончался, будто заснулъ, на 81 году своей жизни.

А вотъ заключительныя слова завѣщанія этого великаго мученика.

Предавая проклятію каждаго, кто-бы рѣшился дѣйствовать противъ своего отечества, онъ добавляетъ въ своемъ завѣщаніи и по отношенію къ Россіи:

«Точно также да будетъ проклятъ и тотъ, кто-бы покусился отвратить васъ отъ вѣрности благочестивой и христолюбивой Россіи и всякому, кто-бы изъ васъ черногорцевъ и брдянъ пошелъ противъ единоплеменной и единовѣрной намъ Россіи; дай Богъ, чтобъ у него у живаго отпало мясо отъ костей, и не было-бъ ему добра въ этой жизни, ни въ будущей».

Петръ II достигъ уже въ значительной степени политическаго объединенія племенъ, изъ которыхъ состояла Черногорія; при немъ присоединяется къ ней добровольно одно изъ самыхъ многочисленныхъ племенъ — Васоевичи; а всякое неповиновеніе отдѣльнаго племени считается уже преступленіемъ противъ государства и наказывается соединенными силами всѣхъ другихъ племенъ. Какъ во внѣшнихъ сношеніяхъ, такъ и внутри Черногоріи являются формы уже политическаго характера,

и она является вполнѣ политическою единицей; не доставало только свѣтскаго государя, который не замедлилъ явиться въ лицѣ его наслѣдника Данiила.

Итакъ, современная Черногорія представляетъ собою прямой результатъ Черногоріи подъ управленіемъ владыкъ; эта та самая горсть людей, вышедшихъ съ Иваномъ Черноевичемъ изъ Зеты въ Черную-Гору, которая постепенно росла, размножаясь путемъ нарожденія и притокомъ новыхъ доселенцевъ изъ родственныхъ сербскихъ краевъ, бѣжавшихъ изъ турецкой неволи, крѣпла и сплачивалась подъ мудрымъ управленіемъ владыкъ въ одно нераздѣлимое цѣлое и закалилась въ борьбѣ съ суровою природой и людьми до такой степени, что нужда и война, ихъ неразлучные спутники, сдѣлались ихъ стихіею. Изъ этой горсти постепенно выросталъ цѣлый народъ, составившійся изъ союза племенъ, а союзъ этотъ, принявъ постепенно политическій обликъ, преобразовался въ государство, самостоятельное и независимое, по внутреннему порядку и благоустройству ставшее на ряду съ другими государствами цивилизованной Европы, крѣпостью же духа и постоянствомъ характера заслужившее всеобщее уваженіе, какъ въ древнемъ мірѣ Спарта, заключая въ себѣ тѣ же доблести и тѣ же недостатки.

Насъ останавливаетъ теперь еще одинъ вопросъ: какимъ образомъ эта ничтожная горсть могла сохраниться и удержать свою самостоятельность, когда все кругомъ ихъ покорилось и признало надъ собою чужое господство?

Большинство объясняетъ это гористою мѣстностью, неприступностью скалъ Черногоріи, голыхъ, ни для кого не привлекательныхъ и не нужныхъ; ничтожностью самаго населенія и его роли, и наконецъ счастливымъ стеченіемъ обстоятельствъ, вслѣдствіе которыхъ на помощь ей притекло и покровительство другихъ сильныхъ державъ.

Да, все это дѣйствительно имѣло значеніе въ исторіи Черногоріи; но, что горы и скалы сами по себѣ не спасаютъ, доказательствомъ служитъ рядомъ стоящая Албанія, которая покорилась туркамъ, не смотря на то, что имѣетъ въ серединѣ своей не одну, а нѣсколько такихъ Черногорій. Да и самимъ черногорцамъ не помогали скалы, когда у нихъ ослабѣвала сила; и черезъ Черногорію три раза проходили изъ конца въ конецъ турецкіе визири. А если бы они были такъ ничтожны, Турція не напрягала бы противъ нихъ всѣхъ своихъ силъ, не посылала бы противъ нихъ, если не сотни, то во всякомъ случаѣ, много десятковъ тысячъ войска подъ предводительствомъ лучшихъ своихъ генераловъ. И зачѣмъ тогда такъ хлопотала около нея Венеціанская республика, стараясь ее поработить или погубить, то лицемѣря и заискивая, то явно предавая ее туркамъ и разрушая ея храмы и святыя обители пушечными ядрами. А помощь сильныхъ державъ большею частью являлась въ видѣ «дара Данаевъ».

Нѣтъ, однихъ скалъ тутъ мало; другой народъ задохнулся-бы въ нихъ или померъ съ голоду; или бросилъ бы ихъ и бѣжалъ вонъ, какъ бѣжитъ узникъ изъ тюрьмы, предпочитая скорую смерть вѣчному тюремному заключенію. Тутъ нужна была особенная сила духа и самоотверженность какъ въ самомъ народѣ, такъ и еще болѣе въ его вождяхъ и представителяхъ. Нужна была слишкомъ глубокая вѣра, чтобы не впасть въ отчаяніе, не потерять духа и устоять противъ безконечнаго ряда тяжкихъ испытаній. Эта ничтожная горсть должна была имѣть великую душу и великихъ людей, какими и являются ея владыки, которые, во имя народа, совершенно отрекались отъ своей личности.

Еслибъ они были узкіе эгоисты, они могли бы отлично жить съ Венецiей и постепенно обратить къ ней симпатіи своего народа; но это были идеалисты, которымъ благо народное и чистое, славное имя въ потомствѣ были выше всѣхъ благъ временныхъ, матеріальныхъ. Во имя этого идеала они и стремились приблизиться къ Россіи, отъ которой единой ожидали его осуществленія. Вотъ почему въ сношеніяхъ съ Россiей они отрекались отъ всякаго личнаго интереса и во имя одушевлявшаго ихъ идеала жертвовали своимъ личнымъ самолюбіемъ, унижаясь до роли простыхъ просителей, обивающихъ пороги сильныхъ русскихъ вельможъ, и прощая всевозможныя обиды и оскорбле-

нія. Это были не только великіе люди, но люди святые, мученики идеи.

Поэтому наши отношенія къ Черногоріи должны быть совершенно противуположныя тѣмъ, въ какихъ ставили себя Венеція и Австрія. Онѣ считали своимъ интересомъ, сколько возможно, обрѣзывать Черногорію и ослаблять ее во всѣхъ отношеніяхъ; интересъ же Россіи, напротивъ, въ томъ, чтобъ она была обширнѣе и сильнѣе. На этомъ и основана доказанная почти двумя столѣтіями привязанность Черногоріи къ Россіи; насъ связываетъ не вѣра только и народность, но и обоюдность политическихъ интересовъ. И пока будетъ существовать эта обоюдность интересовъ, до тѣхъ поръ не можетъ и не должна прерываться связь Россіи съ Черногоріей.

Съ переходомъ Черногоріи отъ владычества къ княжеству въ нашихъ отношеніяхъ не произошло ни малѣйшихъ измѣненій. Разница только въ томъ, что тогда мы имѣли дѣло съ союзомъ черногорскихъ племенъ, безформеннымъ, не имѣвшимъ постоянныхъ границъ и не представлявшимъ собою единаго, плотнаго цѣлаго; а теперь Черногорія представляетъ собою политическое цѣлое, крѣпкое и нераздѣлимое, какъ одинъ кристаллъ, на которое можете ослониться въ полной увѣренности, что она вамъ не измѣнитъ и въ состояніи выдержать давленіе, какого не вынесетъ всякое другое подобное ему самостоятельное государство. И, пока существуетъ Черногорія, славянство имѣетъ въ ней, на самомъ слабомъ своемъ краѣ, не только вѣрную, но и трудно преодолимую опору; пусть-же и она знаетъ, что и ей всегда принадлежатъ симпатіи всего славянства и скорая помощь могущественной Россіи.

П. Ровинскій.

Примѣчаніе. Въ Русскомъ Архивѣ (1886 г. № 4) помѣщена въ высшей степени интересная записка, въ которой рисуется положеніе Черногоріи во время пребыванія тамъ князя Ю. В. Долгорукаго въ 1769 г. Въ запискѣ этой черногорцы, начиная съ владыки Саввы, рисуются въ такомъ мрачномъ видѣ и бичуются безпощадно такими позорными эпитетами (Савва—«древній злодѣй и разбойниковъ начальникъ»), что издатель счелъ необходимымъ сдѣлать оговорку, видя въ томъ крайность, и объясняетъ «слишкомъ неблагопріятные отзывы «Записки о Черногоріи нѣмецкимъ происхожденіемъ ея автора» (Розенберга). Замѣтка эта вызвана конечно, добросовѣстностью издателя, которою вообще отличаются всѣ его изданія; но мы съ своей стороны замѣтимъ, что утрировка тутъ есть не сильная, объясняемая отчасти просто невозможностью отнестись правильно человѣку, попавшему сразу въ такую страну, подобія которой тогда не было ничего въ Европѣ; а отчасти, можетъ быть, неумѣніемъ его стать на точку, болѣе безпристрастную и различить правду отъ неправды. Напр. и намъ извѣстно, что озриничи, напр., отдавали своихъ женщинъ женъ и дочерей никшичамъ въ голодные годы за хлѣбъ, чтобы спасти цѣлую многочисленную семью отъ голодной смерти, и сами женщины вызывались на такое самопожертвованіе, разсчитывая какъ нибудь потомъ убѣжать, и дѣйствительно убѣгали; а иногда отводили въ заложники и мужчинъ. Но это уже далеко не торговля женщинами, какъ ее представляетъ авторъ записки. А, говоря о военныхъ подвигахъ, черногорцы, какъ и многіе, старались преувеличить свои доблести и съ этою цѣлью показывали несравненно большее число непріятеля, чѣмъ сколько его было въ дѣйствительности, а также увеличивали число павшихъ непріятелей; но не были уже такими плохими, какими старается ихъ выставить авторъ. Однимъ словомъ, въ «запискѣ» есть преувеличенія или неправильное пониманіе многихъ вещей и вслѣдствіе того ложное освѣщеніе фактовъ, но въ общемъ картина вѣрна и совершенно соотвѣтствуетъ тому безурядному состоянію, въ какомъ Черногорія находилась почти сплошь цѣлое столѣтіе отъ смерти владыки Даніила до вступленія владыки Петра II. Этимъ и объясняется, почему всѣ владыки того времени такъ настойчиво преслѣдовали мысль о необходимости заведенія въ Черногоріи твердой свѣтской власти и для большей авторитетности ея искали участія въ томъ Россіи. Состояніе было по истинѣ весьма непригладное и въ борьбѣ съ нимъ по временамъ падалъ духомъ Петръ II; и, хотя совладалъ съ нимъ, но былъ мученикомъ своего положенія, такъ что намѣревался даже оставить совсѣмъ Черногорію. Онъ однако сдѣлалъ весьма много для внутренняго устройства Черногоріи, такъ что наслѣднику его князю Даніилу привелось больше бороться съ партіею, чѣмъ съ общимъ безначаліемъ.

«Записка» поэтому представляетъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію Черногоріи, тѣмъ болѣе, что рисуетъ намъ внутреннюю, сокровенную отъ посторонняго наблюдателя жизнь; но само собою разумѣется, что представляетъ матеріалъ, которымъ можно воспользоваться только при помощи научной критики. А за напечатаніе ея во всякомъ случаѣ нужно отнестись съ благодарностью къ ея издателю.

П. Р.

Католическая архіепископія въ Скоплѣ.

Въ старыя времена г. Скопле былъ столицею *Дарданіи* и носилъ названіе *Шкупи* и *Скупи* (Scupi). Географическое положеніе города обратило на себя вниманіе императора Юстиніана, помимо уже того соображенія, что онъ родился въ 2 ч. пути отъ Скопля къ югу, въ «Tauresium» ѣ (теперь с. Таоръ на лѣвомъ берегу Вардара). Между многими городами, которые предъ его воцареніемъ были разрушены и опустѣли и которые онъ вновь воздвигнулъ, былъ и г. Скупи. Въ ознаменованіе своего близъ этого города рожденія почтилъ его своимъ именемъ, назвавъ его «*Prima Justiniana*» и учредилъ въ немъ автокефальную архіепископію этого же имени (*. Турки сохранили старинное народное названіе этого города съ малымъ различеніемъ въ интонаціи — *Ускюб*, а албанцы еще лучше сохранили то названіе, называя Скопле—***Шкупъ***.

Недолго процвѣтала Прима Юстиніана и какъ городъ и какъ архіепископія, несмотря на всѣ данныя ей привилегіи и прерогативы. Нахлынувшіе съ сѣвера язычники славяно-сербы своимъ жестокимъ обращеніемъ съ старожилами христіанами, гоненіями и преслѣдованіями довели ихъ до того, что они бѣжали всѣ въ горы (см. лѣтопись попа Діоклейца), оставивъ городъ на произволъ судьбы. Каѳедра Примы Юстиніаны овдовѣла и самая каѳедральная церковь (на сѣверѣ отъ Скопля на ¼ ч. пути) была разрушена.

Византійцы постарались возстановить старый, въ нѣкоторомъ отношеніи, порядокъ вещей, т. е. утвердиться здѣсь только съ цѣлью держать въ повиновеніи сербовъ, заселившихъ всю Дарданію. Они выстроили въ Скоплѣ и теперь еще сохранившуюся крѣпость на случай защиты отъ нападенія сербскаго великаго жупана Немани, который стремился (какъ *собиратель сербской земли*) объединить всѣ сербскія племена, жившія въ Дарданіи, Пелагоніи, Македоніи *) и проч.

Начатое Неманею докончили его потомки-сербскіе короли и цари. Въ половинѣ 14-го столѣтія г. Скопле сдѣлался столицею сербскаго царства. На соборѣ, бывшемъ въ 1346 г. въ Скоплѣ, избранъ былъ сербскій патріархъ. Этимъ обстоятельствомъ можно объяснить то, почему Печьскіе патріархи величали себя архіепископами Первой Юстиніаны.

И послѣ паденія сербскаго царства г. Скопле не терялъ своей важности. Онъ сдѣлался важнымъ стратегическимъ пунктомъ для турокъ. Отсюда они держали въ страхѣ сербскихъ князей и деспотовъ, находившихся въ вассальномъ отношеніи, и послѣ окончательно овладѣли ихъ землями. Отсюда турки оперировали противъ сѣверной Албаніи и овладѣли ею. Здѣсь паши играли важную роль для всѣхъ окружныхъ областей, такъ что къ нимъ обращались и сами венеціанцы по дѣламъ своихъ подданныхъ, путешествовавшихъ чрезъ Албанію и Сербію, и по другимъ причинамъ даже политической важности (**.

Отсюда (изъ Скопля) турки устремили всѣ свои силы противъ австро-венгерцевъ, въ концѣ 17 столѣтія, овладѣвшихъ всею Сербіею до Скопля. Исторія намъ свидѣтельствуетъ, что тогдашніе враги турецкіе были жестоко разбиты и постыдно бѣжали съ турецкой земли отъ организовавшагося около Скопля турецкаго войска.

Въ настоящее время г. Скопле снова пріобрѣтаетъ, какъ центръ *западной Румеліи*, особенную важность при настоящихъ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь турки въ настоящую минуту имѣютъ генеральную штабъ-квартиру обсерваціоннаго корпуса, предназначеннаго оперировать на границахъ Болгаріи, Сербіи и Босніи, т. е. Австріи.

Съ открытіемъ въ октябрѣ будущаго года желѣзной дороги, соединяющей Вѣну съ Солунемъ, г. Скопле, лежащій на пути изъ Солуни въ Вѣну и Боснію,

¹) Что Прима Юстиніана была учреждена императоромъ Юстиніаномъ въ Скоплѣ, а не въ другомъ какомъ либо городѣ см. мою статью: „Наставак бележака из мог пугована по Старј Србији" въ Гласникѣ серб. ученаго. друштва кн. 47 за 1884 год, стр. 38—70.

*) Границею Дарданіи на западѣ былъ Иллирикъ въ тѣсномъ его смыслѣ, т. е. сѣв. Албанія, а на югѣ Македонія при Велесѣ, гдѣ путь шелъ изъ Дарданіи въ Македонію.

**) Histoire de l'Empire Ottom t. 2 p. 145, 359—Гаммера и Историч. розысканія о славянахъ въ Албаніи, Макушева, ст. ст. 69.

пріобрѣтетъ большое значеніе въ коммерческомъ отношеніи. Какъ центръ *западной Румеліи*, Скопле пріобрѣтетъ не малую важность и въ политическомъ отношеніи.

Прежде всѣхъ обратилъ вниманіе на г. Скопле въ настоящее время латинскій архіепископъ, имѣющій теперь резиденцію въ Призрѣнѣ, *Фульгенцій* Царевъ, родомъ славянинъ изъ Зары.

Предугадывая, что въ Скоплѣ предстоитъ ему вскорѣ дѣйствовать на полѣ миссіонерской дѣятельности между славянами, видя заранѣе, что это поле будетъ широко въ недалекомъ будущемъ, фра Фульгенцій нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ обратился къ папѣ съ просьбою о разрѣшеніи перенести католическую каѳедру изъ Призрѣна сюда, въ Скопле, гдѣ она была и прежде и гдѣ онъ долженъ былъ имѣть свою резиденцію, какъ архіепископъ *Скопльскій*, а не Призрѣнскій.

Когда еще желѣзная дорога не была проведена изъ Солуня въ Митровицу (чрезъ Македонію и Дарданію, т. е. Старую Сербію), здѣсь, въ г. Скоплѣ, не было ни одной католической души. Теперь насчитывается 80 душъ албанцевъ, поселившихся здѣсь съ торговыми цѣлями, и желѣзнодорожныхъ чиновниковъ-австрійцевъ. Католическій архіепископъ учредилъ здѣсь особую парохію, оставивъ для нея особаго ксендза донъ-Антонія. Купилъ онъ за 450 тур. лиръ. (4000 руб.-по здѣшнему большая сумма) большое пространство земли съ домомъ около станціи желѣзной дороги и устроилъ въ томъ домѣ капеллу для богомолья.

Къ осени будущаго года, когда г. Скопле будетъ звеномъ, соединяющимъ Солунь съ Европою, въ немъ появится вдвое больше католиковъ-иностранцевъ, которые, само собою разумѣется, займутъ первое мѣсто въ культурномъ отношеніи и поэтому будутъ вліять на мѣстное народонаселеніе, въ видахъ католической пропаганды, какъ это мы видимъ въ Солунѣ, гдѣ католическая колонія, съ своимъ ловкимъ и чрезвычайно дѣятельнымъ епископомъ Бонетти во главѣ, пропагандируетъ успѣшно между болгарами латинство...

Нѣтъ сомнѣнія, что папа уважитъ просьбу фра Фульгенція, а ліонская пропаганда доставитъ ему и средства для перенесенія каѳедры изъ Призрѣна и приличнаго ея здѣсь помѣщенія. Австрійское же правительство не замедлитъ конечно помочь папскому нунцію въ Стамбулѣ выхлопотать у султана даровой земли для построенія на ней каѳедральной церкви, архіепископскаго дома со всѣми жилыми комнатами для миссіонеровъ и семинаріи. Нечего и говорить о томъ, что прежде всего къ тому времени будетъ здѣсь учреждено австрійское консульство.

Ставъ крѣпкою ногою въ Скоплѣ — въ центрѣ западной Румеліи, ревностный фра Фульгенцій *въ единеніи духа* съ епископомъ Бонетти въ Солунѣ, считающемся центромъ Македоніи, при солидарномъ содѣйствіи свѣтскихъ представителей латинскихъ державъ, Австріи и Франціи, усиленно и успѣшно продолжитъ начатое уже имъ здѣсь дѣло католиченія православныхъ. Архіепископъ Фульгенцій покатоличилъ уже одного священника *Константина* изъ *болгароманов* (*) Скопля, со всею его семьею, состоящею изъ 5 душъ. Одного сына онъ отправилъ въ Римъ, другаго въ Солунь къ Бонетти, а также къ сему послѣднему послалъ и двухъ дочерей его для помѣщенія въ латинскомъ пансіонѣ и для приготовленія ихъ въ учительницы католическаго будущаго здѣсь (въ Скоплѣ) женскаго училища.

Если Солуньскій фра Бонетти покатоличилъ нѣсколько болгарскихъ селъ, устроилъ большую семинарію для болгаръ, не оставшуюся пустою, и пансіонъ для дѣвицъ изъ болгарокъ съ порядочнымъ въ немъ числомъ новобранокъ, не останется назади и Скопльскій фра Фульгенцій, а пожалуй и другой какой либо протестантскій миссіонеръ появится здѣсь для сѣянія сѣмянъ иновѣрія. Почва для таковыхъ *дѣятелей* готова... по милости схизмы.

Успѣху иновѣрной пропаганды поможетъ полнѣйшее невѣжество духовенства православнаго. Нечестное его отношеніе къ канонамъ церковнымъ теперь не въ диковинку встрѣтить. Можно сказать даже,

*) Я *такъ* называю всѣхъ славянъ западной Румеліи, бывшей Старой Сербіи, а еще прежде Дарданіи, потому что они не болгары, а старо-сербы. Съ признаніемъ только болгарскаго экзархата они начали явно называть себя болгарами и въ школахъ учиться по болгарски.

что нарушеніе тѣхъ законовъ увеличилось еще больше, чѣмъ это было при греческихъ митрополитахъ. Эти послѣдніе, по крайней мѣрѣ, въ силу не совсѣмъ правильно понимаемой ими и паствою епископской власти, допускали отступленія отъ правилъ церковныхъ и даже явныя беззаконія. Теперь простые попы, ненавидѣвшіе за то епископовъ, усвоили сами тотъ порядокъ вещей, а народъ слѣдовательно ничего не выигралъ съ отреченіемъ отъ признанія епископовъ греческихъ. Одно для него *отрадно*, что не платитъ митрополичьяго налога и чувствуетъ себя свободнѣе въ объясненіяхъ съ попами, отъ нихъ зависящими.. Въ хулѣ на греческую церковь болгароманы, не зная ни чести, ни совѣсти, дошли до индиферентизма къ православію. Недавно два села Тетовскаго уѣзда вздумали было перейти гуртомъ въ католичество потому только, что женихъ изъ одного села и невѣста изъ другаго села должны были, въ силу турецкаго распоряженія, исполнить требуемую новымъ закономъ Порты формальность—заручиться напередъ роспискою намѣстника греческаго митрополита въ полученіи имъ *вѣнчальной таксы* (за брачное свидѣтельство) для внесенія въ казначейство уѣзднаго правленія. Болгарствующимъ тетовцамъ показалось это требованіе посягательствомъ на ихъ полнѣйшую эмансипацію изъ подъ ферулы греческаго духовенства и они перешли бы въ латинство, еслибы подвернулся въ удобный для того моментъ какой нибудь ксендзъ или фра... (*)

Не считаю удобнымъ описывать всѣ дрязги, какія замѣчаемъ между православными, и раздоръ, посѣянный между ними экзархатомъ. Отмѣчу только фактъ, который бросился мнѣ въ глаза и который довольно характеристиченъ для настоящаго времени.—Чтобы увеличить число своихъ кліентовъ, духовенство, признающее болгарскую экзархію, за одно съ чорбаджіями (болѣе или менѣе зажиточные мужики - кулаки) принуждаетъ всякаго грекомана (держащагося греч. патріарха), желающаго вѣнчаться на болгароманкѣ, дать росписку въ отреченіи отъ *греческаго* православія и вмѣстѣ съ тѣмъ обязательство уплатить не малую сумму денегъ въ случаѣ неустойки, т. е. если измѣнитъ *болгарскому* православію, т. е. экзархіи. Это напоминаетъ образъ дѣйствія латинскаго духовенства въ Албаніи къ православнымъ. Въ случаѣ смѣшанныхъ браковъ католиковъ съ православными ксендзы требуютъ отъ сихъ послѣднихъ отреченія отъ православія прежде, чѣмъ православный обвѣнчается на латинкѣ.

Въ какомъ же положеніи при такихъ обстоятельствахъ находится въ Скопльской губерніи меньшинство православныхъ грекомановъ и самый ихъ митрополитъ?

Маститый архипастырь Паисій доживаетъ свой вѣкъ въ здѣшней греческой митрополіи. Вмѣстѣ съ небольшимъ числомъ семействъ оплакиваетъ новое направленіе, по которому пошли его бывшіе пасомые. Жалѣетъ онъ о томъ, что не имѣютъ они мало-мальски честныхъ епископовъ, которые по крайней мѣрѣ могли бы сколько нибудь устранить разные безпорядки, отступленія отъ древняго благочестія. Митрополитъ Паисій, хотя поздно, но понялъ, что его пасомые имѣли право отступиться отъ него за то небреженіе о паствѣ, какимъ обыкновенно отличаются всѣ греческіе пастыри, вслѣдствіе фарисейскаго о своихъ достоинствахъ понятія и бурсацкаго воспитанія и односторонняго развитія въ Халкинской семинаріи.

Грекоманы въ Скоплѣ имѣютъ свою школу. Къ сожалѣнію, продолжаютъ учить своихъ дѣтей по гречески, вмѣсто своего роднаго сербскаго языка. И въ церкви поютъ по гречески. Suum cuique! Привычка—другая натура.

Латинскій архіепископъ Фульгенцій, видя не особенно отрадное для православія настроеніе въ славянахъ скопльскаго округа, при отсутствіи епископскаго контроля надъ дѣйствіями духовенства, не отвѣчающаго своему призванію, нашелъ теперешнее время самымъ благопріятнымъ для миссіонерской своей дѣятельности и хлопочетъ о перенесеніи своей каѳедры сюда изъ Призрѣна.

Турки не находятъ никакого препятствія для осуществленія его намѣренія тѣмъ болѣе потому, что въ фирманахъ, выдаваемыхъ латинскимъ епископомъ въ Призрѣнѣ, въ силу стараго обычая, эти епископы называются не призрѣнскими, а *скопльскими*.

*) Новый законъ турецкій относится не только къ признающимъ экзархію, но и къ грекамъ и самимъ туркамъ.

Именно на то обстоятельство указываетъ фра Фульгенцій для достиженія своей цѣли. Для турокъ и этого довольно, еще потому, что въ Скоплѣ есть дѣйствительно католики. Старый титулъ его: *archiepiscopus justinianopolitensis* только запуталъ бы его дѣло.

И не турки должны признать за фра Фульгенціемъ право, на которое онъ указываетъ.

Скажу здѣсь слова два для объясненія этого права.

Со времени разоренія города Скопля (Scupi-Prima Justiniana) варварами-сербами не было вопроса о возстановленіи здѣсь архіепископіи Примы Юстиніаны въ языческій періодъ славянъ. Они, впрочемъ, не замедлили возобновить ее въ Охридѣ при помощи *Македонскаю* царя Самуила въ концѣ X вѣка. При византійскомъ царѣ Василіи Македонцѣ болгароктонѣ (уничтожившемъ Трновскую *болгарскую* патріархію) мы видимъ, что въ составѣ славяно-*сербской* Охридской *) (Примы Юстиніаны) вошла и епархія скопльская (ипечьская. см. его Хрисовулъ 1019 г.). Римъ, отдѣлившійся въ то время окончательно отъ греческой церкви и не имѣя католиковъ ни въ Охридѣ, ни въ Скоплѣ, удовольствовался назначать въ Охриду епископовъ съ титуломъ archiepiscopus justinianopolitensis. Эти епископы in *partibus infidelium* проживали въ Римѣ. Только 1666 г. въ Скоплѣ появился архіепископъ латинскій *Андрей* Богдановичъ, по происхожденію изъ сербскаго потомственнаго дворянства. (См. истор. Формата, t. VII).

Ему было поручено папою Александромъ VII управленіе скопльскою епархіею. Онъ прежде того былъ Охридскимъ (*in partibus infidelium*) архіепископомъ въ силу декрета папы Иннокентія X въ 1651 г. При вступленіи въ управленіе епархіею Андрей Богдановичъ нашелъ во всей епархіи только 300 душъ католиковъ (см. ibid.). Послѣ бѣгства отсюда въ 1677 г. вслѣдствіе турецкихъ гоненій и преслѣдованій преемники его тоже не могли ужиться здѣсь по тѣмъ же причинамъ. Здѣсь не мѣсто представлять перечень ихъ. Католическій элементъ уменьшался здѣсь съ каждымъ днемъ, а въ 1690 г. при нашествіи австро-венгровъ или, лучше сказать, при отступленіи ихъ отсюда, католики были всѣ перерѣзаны, какъ въ Качаникѣ и Призрѣнѣ. Въ началѣ XIX столѣтія латинская каѳедра отсюда принесена въ с. Яньево (см. на картѣ между между Приштиною и Богакомъ). Она тамъ находилась до 1821 года. Въ этомъ же году перенесена была въ Призрѣнъ. Теперь римская курія желаетъ снова перенести ее на старое мѣсто въ Скопле, гдѣ снова появились католики, а съ ними возродилась надежда на ихъ умноженіе посредствомъ пропаганды...

Не сочтете, думаю, лишними и тѣ краткія свѣдѣнія о латинской призрѣнской (скопльской) епархіи, какія сообщу ниже т. е. ея статистическія данныя.

Въ этой епархіи состоитъ на лицо 14 священнослужителей, включая сюда и самого архіепископа. Изъ нихъ трое славяне изъ Далмаціи, четверо итальянцы, а остальные семеро—албанцы. Впрочемъ, всѣ, кромѣ архіепископа и одного попа изъ Зары, знаютъ по албански.

Всѣхъ католиковъ въ епархіи насчитывается немного больше 10 т. душъ. Изъ нихъ немного меньше половины принадлежатъ къ славянскому происхожденію и говорятъ по сербски. Большинство—албанцы переселенцы изъ албанскихъ горъ и г. Скутари. Сербы латины живутъ въ с. Яньево (см. выше), Лѣтницѣ, Шишари и Вернезѣ. Эти три села находятся въ верхней Моравѣ Гиланскаго округа (см. мою статью «Нешто о горноj Морави» въ Гласникѣ, 60 кн. за 1885 г.). Въ Призрѣнѣ около 40 семействъ тоже принадлежатъ къ сербскому племени. Остальные всѣ латины въ Дьяковскомъ уѣздѣ, Ипекскомъ, Гиланскомъ *) и Призрѣнскомъ — или чистые албанцы или сперва поарнаутившіеся, а потомъ покатоличившіеся сербы.

---

*) Не удивляйтесь, что Охридскую архіепископію называю славяно-*сербскою*. Въ то время въ Охридѣ и Пелагоніи вообще жили славяносербскія племена. Если она не была греческою, то отнюдь не могла быть и болгарскою; таковую не потерпѣлъ бы Василій Болгаробойца, уничтожившій въ то именно время трновскую *болгарскую* патріархію.

*) Въ Гиранскомъ уѣздѣ латины албанцы живутъ въ селахъ: Стубля, Врнаколо и Бинячъ—въ верхней Моравѣ, которую латины прозвали Черногорою.

Здѣсь въ Скоплѣ для малочисленной пока парохіи имѣется одинъ мирскій священникъ дон-Антоній изъ природныхъ албанцевъ для прихожанъ иностранцевъ и албанцевъ и помощникъ его покатоличившійся попъ Коста. Несмотря на то, что приходъ состоитъ только изъ 80 душъ, дон-Антоній обезпеченъ своими прихожанами. Онъ имѣетъ средства къ независимому существованію. Попу же Косту архіепископъ положилъ на содержаніе его самого и жены его по 10 піастровъ въ день (т. е. по 75 коп.).

Для католиковъ въ верхней Моравѣ — для сербовъ—дон-Францеско исправляетъ требы, а для албанцевъ—францисканецъ Томазо. Имѣютъ приличное помѣщеніе при церкви въ с. Лѣтницѣ. Живутъ на добро вольные прилоги прихожанъ и на извѣстную таксу за исправленіе требъ, какъ и другіе католическіе священники въ Албаніи. Само собою разумѣется, они получаютъ еще отъ ліонской пропаганды, чрезъ своего архіепископа, вспомоществованіе въ случаяхъ нужды. Католикамъ и горя мало до церковной утвари, церковныхъ книгъ, облаченій и даже построенія капеллъ, церквей и школъ. Какъ все это получается ихъ духовенствомъ и откуда—католики здѣшнихъ странъ даже не заботятся знать. Все для нихъ готово по волѣ папы—и весь сказъ тутъ.

Въ Яньевской парохіи тоже два священника: одинъ *донъ*, а другой *падре*. Церковь просторная и считается лучшею церковью, чѣмъ Призрѣнская и Лѣтницкая. Прихожане богаты, но не особенно щедры, зная, что не ихъ разума дѣло вести попеченіе о благолѣпіи церкви и клира. Они знаютъ только одно, что должны во всемъ слушаться того клира.

Въ Ипекѣ живутъ тоже два священника: и *don* и *padre* Въ самомъ городѣ не много католиковъ; большинство ихъ живутъ по разнымъ селамъ округа. Всѣ тамъ католики—албанцы изъ племени *Фанды*. Въ Ипекѣ небольшая домашняя капелла, точно также, какъ и въ Дьяковѣ. И здѣсь два священника—*don* и *padre*. Католики разсѣяны по селамъ; всѣ природные албанцы изъ Фандовъ. Въ дьяковскомъ округѣ ихъ больше, чѣмъ въ ипекскомъ. Потому есть еще въ томъ округѣ особый *padre* въ с. *Зумби* въ Хассахъ на правомъ берегу Дрима. Эта парохія считается у католиковъ самой старой во всемъ діоцезѣ. Въ Зумби есть небольшая церковь на подобіе продолговатаго дома низкаго, ничѣмъ не отличающагося отъ обыкновенныхъ постоялыхъ дворовъ. Различіе только въ томъ, что на ней есть крестъ. При церкви имѣется небольшой домъ съ помѣщеніями для монаховъ. Собственно говоря, это монастырь католическій въ призрѣнской епархіи и самый бѣдный. Padre Емиліо пропитывается какъ и остальные его коллеги въ епархіи доброхотными пожертвованіями извнѣ, но скорѣе своимъ ремесломъ медика. Онъ смыслитъ нѣчто въ медицинѣ и, имѣя при себѣ небольшую домашнюю аптеку, помогаетъ всѣмъ безъ различія вѣры своимъ знаніемъ. За это онъ получаетъ посильныя приношенія даже мусульманъ, на которыя и живетъ онъ.

Въ Призрѣнѣ, кромѣ архіепископа, имѣются два священника — *дон* и *падре*. Они обязаны совершать требы не только въ городѣ, но и въ уѣздѣ по селамъ, по которымъ живутъ католики. Въ самомъ городѣ насчитываютъ до 130 семействъ католическихъ. Изъ нихъ до 40 семействъ не забыли еще свой сербскій языкъ, а особенно женщины. Къ большой радости сихъ послѣднихъ, самъ архіепископъ принялъ на себя обязанность исповѣдывать ихъ на ихъ родномъ языкѣ. Теперь бѣдный Фульгенцій не имѣетъ отъ нихъ отбою. Почти каждую недѣлю принужденъ исповѣдывать ихъ, такъ какъ и онѣ, какъ и ихъ подруги альбанки, любятъ часто пріобщаться святыхъ таинъ.—

Архіепископъ часто говоритъ въ церкви проповѣди по сербски. Всѣ католики понимаютъ его, хотя многіе уже переставали говорить по сербски, считая этотъ языкъ синонимомъ ереси.—

Католическая церковь, а при ней архіепископскій домъ, школы и пристройки для клира занимаютъ больше двухъ десятинъ земли. Все это пространство земли съ простройками церкви, школы и домовъ не стоило католикомъ ни копѣйки, по счастливому для нихъ стеченію обстоятельствъ. Во время Крымской войны французскій въ Скутари консулъ *Гекаръ*, пользуясь въ то время всемогущимъ вліяніемъ Франціи, при посѣщеніи имъ Призрѣна, принудилъ турокъ согласиться на то, чтобы

католики оградили все то пространство земли въ свою пользу для архіепископіи и церкви. Цѣль католиковъ была этимъ вполнѣ достигнута еще и потому, что на этомъ мѣстѣ они овладѣли развалинами старинной православной церкви святаго Димитрія, чтобы на фундаментахъ ея построить свою теперешнюю кирку. Церковь святаго Димитрія была оставлена православными, вслѣдствіе извѣстныхъ въ Турціи причинъ и они не могли и не смѣли протестовать противъ французскаго консула, хотя тѣ же турки ихъ подстрекали на то.

Въ Зумби, Дьяковѣ и Ипекѣ нѣтъ особыхъ католическихъ школъ; но священники учатъ дѣтей въ церквахъ въ извѣстные часы дня. Обучаютъ ихъ только молитвамъ по албански и *страху Божію*, въ которомъ несомнѣнно состоитъ истинная премудрость. Въ Призрѣнѣ же, Лѣтницѣ и Яньевѣ есть особыя школы. Прежде учили дѣтей по итальянски, что оказалось совсѣмъ безполезно, по усмотрѣнію настоящаго архіепископа, прибывшаго въ епархію въ 1879 году. Онъ не замедлилъ ввести въ школахъ преподаваніе на сербскомъ языкѣ только *латиницею*, а не кириллицею. Дѣти учатся катихизису, ариѳметикѣ и географіи.

Только на содержаніе учителя въ Призрѣнѣ высылается Австріею скопльскому архіепископу 300 гульденовъ, въ силу конкордата Австрійскаго императора съ Ватиканомъ 18 августа 1855 г.; другія школы (Яньево и Лѣтница) не имѣютъ еще пособій; священники учатъ дѣтей безмездно.

Кстати скажу здѣсь и о томъ, сколько и откуда получаетъ архіепископъ скопльскій на свое содержаніе и на нужды клира.

Въ силу конкордата австрійское правительство (черезъ консула) шлетъ 420 гульденовъ, кромѣ указанной школьной суммы. Конечно, этой суммы крайне мало для пропитанія; потому самъ императоръ изъ своихъ собственныхъ средствъ высылаетъ ему ежегодную субсидію въ 1000 гульденовъ (Навѣрное впрочемъ не знаю). При томъ римская курія шлетъ ему по 200 скуди, какъ и другимъ 6 епископамъ въ Албаніи. Кромѣ того, архіепископъ скопльскій получаетъ свою часть изъ суммы, которою посылаетъ ліонская пропаганда на содержаніе епископовъ—56 т. гульденовъ, т. е. 8 тысячъ гульденовъ на каждаго. Едва ли нужно сомнѣваться въ томъ, что онъ всегда найдетъ доброхотныхъ дателей въ средѣ высокопоставленныхъ лицъ въ Австріи на удовлетвореніе нуждъ своей паствы. Задавшись мыслью перенести свою резиденцію сюда, т. е. въ Скопле, онъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ полную надежду на субсидіи для устройства здѣсь лагеря обсерваціонному своему (онъ изъ ордена Observantes minores) отряду, съ достодолжною обстановкою воинствующей церкви.

Ястребовъ.

Скопле, 14-го декабря 1885 г.

Очерки сербской литературы.

I.

Юрій Якшичъ (1832—1838).

Окончаніе.

Повѣсти Якшича можно раздѣлить, по содержанію ихъ, на нѣсколько отдѣловъ. Меньше всего у него *сатирическихъ* повѣстей. Изъ нихъ остановимся прежде всего на повѣсти изъ учительскаго сербскаго быта, называющейся *«Чича Тима»* (*«Дядя Тимъ»*). Мѣсто дѣйствія—городъ Перковацъ, который географы забыли помѣстить на картѣ Сербіи на томъ основаніи, что въ немъ нѣтъ ничего замѣчательнаго.

Но въ этомъ совсѣмъ не замѣчательномъ городкѣ однако есть достопримѣчательный переулокъ, въ одномъ изъ домовъ котораго проживаетъ нѣкая гречанка, супруга одного изъ мѣстныхъ учителей - Киръ-Николы. Она героиня повѣсти и играетъ почти такую-же роль, какъ въ повѣсти Гоголя «Ночь предъ Рождествомъ» Солоха, къ которой захаживалъ и голова, и богатый казакъ Чубъ, и дьякъ и другіе, причемъ каждый изъ посѣтителей былъ убѣжденъ, что только онъ одинъ пользуется ея расположеніемъ. Ловкая, пронырливая и хитрая—она полная противоположность своему супругу мучителю, который такъ глупъ, что при всевозможныхъ обстоятельствахъ только хо-

хочетъ отъ полноты души, даже когда его прекрасная половина ругаетъ его на чемъ свѣтъ стоитъ. Прекрасная гречанка, родившая своему супругу семерыхъ дѣтей, все еще считаетъ себя молодой и очаровательной, хотя больше смахиваетъ на набѣленную вѣдьму, не прочь однако поживиться на счетъ своихъ поклонниковъ. Какъ жертву, она избираетъ себѣ стараго учителя дядю Тима, схоронившаго уже двухъ женъ и имѣющаго молодую дѣвушку дочь; чтобы удобнѣе обобрать своего поклонника, г-жа Іоханида переселяетъ его въ свой домъ, а молодую его дочку, противъ ея воли, выдаетъ за плутоватаго учителя, который жаждетъ денегъ и въ хитрости и пронырствѣ не уступаетъ самой гречанкѣ. Послѣ свадьбы, Іоханида, убѣдившись, что не всѣ ея разсчеты удались, прогоняетъ отъ себя дядю Тима и находитъ новаго поклонника, а бѣдный Тимъ, лишившись ея любви и дочери, сходитъ съ ума.

Таково содержаніе повѣсти. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ ея особенно хорошо описаніе «бесѣды» (нѣчто въ родѣ нашихъ литературно-музыкальныхъ и танцовальныхъ вечеровъ), устроенной въ Перковцѣ г-жей Іоханидой, затѣмъ описаніе свадьбы дочери дяди Тима съ учителемъ Папрагомъ; недурны сценки гаданія гречанки у одной колдовки и любовнаго объясненія ея съ духовной особой.

Рядъ типовъ въ этой повѣсти замѣчательно удался Якшичу. Тутъ видно, что онъ дѣйствительно хорошо изучилъ эту среду. Какъ хорошъ напр. этотъ мѣстный начальникъ (городничій своего рода) Букванъ Сургжичъ; онъ былъ такъ толстъ, что два человѣка не могли обхватить его стана, и такъ глупъ, что старая вѣдьма-учительница, враждовавшая съ гречанкой и находившаяся въ близкихъ сношеніяхъ съ высшими учебными сферами въ Бѣлградѣ, никакъ не могла внушить ему, что «бесѣда», устроенная Іоханидой, направлена противъ правительства. Хорошо схвачены и другіе типы: дяди Тима, ограниченнаго и влюбленнаго педагога, весьма склоннаго къ ракіи, плута Папрага, его зятя, старой учительницы, враждующей съ Іоханидой, духовной особы влюбленной въ гречанку. Повсюду разсыпано много остроумія и юмора. Если къ этому прибавить прекрасный языкъ, то можно считать эту повѣсть за одно изъ лучшихъ произведеній Якшича.

Къ этой повѣсти примыкаетъ другая маленькая повѣстушка также изъ быта маленькаго городка—«*Кусочекъ швейцарскаго сыра*». Остроумно, кратко, сжато рисуетъ писатель неприглядные нравы городка, пользуясь для этого небольшой сценой въ мѣстной кофейнѣ; тутъ на первомъ планѣ красуется смѣшная фигура «культуртрегера» въ цилиндрѣ (какъ и подобаетъ всякому такому лицу), воспѣвающаго свой «фатерландъ»; нѣсколько торговцевъ и ростовщиковъ, чиновникъ, кой-какіе еще людишки наполняютъ кофейню (въ Сербіи, какъ извѣстно, сильно развита жизнь въ этихъ «благодѣтельныхъ» учрежденіяхъ), бесѣдуютъ о своихъ дѣлахъ, спорятъ, бранятся. Все это представлено живо, образно, просто, въ одной сильной картинкѣ. На этомъ фонѣ выдвигается и легкій очеркъ борьбы двухъ представителей двухъ разныхъ политическихъ партій; этотъ очеркъ полонъ ѣдкаго юмора и воочію, такъ сказать, представляетъ все шутовство этой «политики» въ мелкомъ городкѣ. Оба политика взаимно лгутъ и себѣ и другимъ, въ этомъ весь смыслъ, вся соль ихъ жизни и на этой лжи они сошлись другъ съ другомъ, побратались; они философы: живутъ, чтобы ѣсть, а лгутъ, чтобы имѣть что ѣсть; оба имѣютъ тонкій нюхъ, и скажи ты только что нибудь, сейчасъ перетолкуютъ по своему: а, скажутъ, ты противъ князя, противъ правительства, постойте, мы сейчасъ на тебя кому слѣдуетъ донесемъ! Изъ самыхъ ничтожныхъ пустяковъ они сейчасъ готовы создать великое дѣло. Видятъ они, что двумъ посѣтителямъ кофейни подаютъ кусочекъ швейцарскаго сыра, завернутый въ бумагу на подобіе конверта съ депешей; а, думаютъ они, дѣло не ладно, не шпіоны ли эти двое? да и то шпіоны, одного, говорятъ, видѣли въ Австріи съ Милетичемъ. И вотъ вопросы, что это за депеши, откуда, не слѣдуетъ ли заблаговременно извѣстить власть, «для блага отечества», не знакомы ли потребители швейцарскаго сыра съ этимъ республиканцемъ Милетичемъ; за вопросомъ слѣдуетъ покушеніе: политикъ хочетъ завладѣть опасной де-

пешей — сыромъ, который, разумѣется, съѣдается голодными знакомцами Милетича, а политикъ вопрошаетъ собратовъ: «Видѣли, какъ они съѣли депешу? Теперь скажите мнѣ, развѣ чистое это дѣло? Депешу съѣсть! Вѣрно говорю вамъ, что тутъ политическія шпиони!...» И начинаются, разростаются нелѣпые толки, подобно клеветѣ, о которой поетъ Донъ-Базиліо въ Россиніевскомъ «Севильскомъ цирюльникѣ». И только слова прислужника кофейни разсѣеваютъ въ нихъ подозрѣнія.

Все это не болѣе какъ картинка нравовъ, но она такъ хороша, такъ остроумна и правдива, что подъ ней не отказался бы подписаться самъ Диккенсъ. Она была написана въ 1871 году; въ томъ же году Якшичъ написалъ небольшую сатирическую пьеску «*Моя любовь. Письмо къ покойной цензурѣ*». Эта вещицa отличается какъ своеобразіемъ замысла, такъ и недурнымъ выполненіемъ, но не переходитъ за предѣлы милой шутки; но среди этой шутки поэтъ даетъ образъ *свободы*, за которую самъ нѣкогда сражался и которой служилъ, и этотъ образъ свободы, «сестры солнца» написанъ чисто лирическими красками.

Въ своихъ *романтическихъ* повѣстяхъ (*Кралица*, *Сынъ страго Гамзы*, *Плѣнникъ*, *Невѣста*, *Невѣрная Тіяна*, *На планинѣ*, *Два престола*) Якшичъ является тонкимъ поэтомъ, замѣчательнымъ разскащикомъ и живописцемъ. Романтизмъ въ сербской литературѣ явленіе еще далеко не отжившее и недавно игравшее въ ней весьма важную роль, особенно въ періодъ времени съ 1858 по 1868 годъ. Такое преобладаніе романтизма легко объясняется условіями, въ какихъ жилъ сербскій народъ, твердо помнившій былую славу и мечтавшій о болѣе лучшемъ будущемъ. Историческая повѣсть легко впадала въ преувеличеніе романтизма, ибо не было надлежащаго знанія прошедшей исторіи сербскаго народа, приходилось прибѣгать къ помощи фантазіи и къ вымыслу. Такой сильный и правдивый талантъ какъ, Якшичъ, съумѣлъ и въ этой области дать рядъ прекрасныхъ вещей, не прибѣгая къ запутаннымъ завязкамъ и развязкамъ и къ искаженію исторіи. Эти повѣсти Якшича не увлекутъ читателя ни богатствомъ содержанія, ни интереснымъ сочетаніемъ историческихъ событій, ни вѣрнымъ освѣщеніемъ историческихъ лицъ и событій, но онѣ плѣнятъ его дивными картинами, глубокими и правдивыми лирическими изліяніями., тонкою поэзіею смутныхъ но въ самой своей смутности живыхъ образовъ, наконецъ прелестнымъ языкомъ, красотою и сжатостью стиля. Во всемъ видишь поэта.

Въ повѣсти «*Кралица*» (написанной въ 1860 году) поэтъ воспользовался стариннымъ сербскимъ обычаемъ, сохранившимся еще отъ языческихъ временъ; этотъ обычаій состоитъ въ томъ, что около Духова дня собираются нѣсколько дѣвушекъ, одѣваются какъ можно лучше и идутъ по селу, распѣвая «Краличны пѣсни». Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самая красивая изъ этихъ дѣвушекъ пляшетъ съ кинжаломъ и цѣлуетъ тѣхъ изъ зрителей, кто не боится ея кинжала и готовъ одарить ее за поцѣлуй. Повѣсть начинается прекраснымъ вступленіемъ, въ которомъ поэтъ обращается къ своей родинѣ—Банату. «О, благословенная земля банатская! Неоглядная, богатая равнина, поросшая цвѣтами, плодовыми деревьями и всякими растеніями! Ты садъ, по которому путникъ могъ бы гулять до самой смерти, не чувствуя тяжкой усталости, ты коверъ, по которому бѣлѣютъ многочисленныя хаты, села и деревни; тяжко тому, кто на полѣ родился, смотрѣть на холодные утесы мрачныхъ планинъ *), а не только что тратить на нихъ свою силу»... Въ этой глубокой любви къ родной степи, въ этомъ высшемъ пониманіи ея красоты Якшичъ напоминаетъ Гоголя, который въ такихъ описаніяхъ является великимъ лирикомъ. Въ старомъ заброшенномъ монастырѣ живетъ отшельникъ; къ нему приходятъ больные, и приносятъ ихъ. Была тутъ и молодая дѣвушка съ больной матерью, когда-то дивной красавицей. Эта мать умираетъ предъ отшельникомъ. Она и есть Кралица. Въ молодости она любила этого самого отшельника; разъ, когда она пѣла въ деревнѣ краличны пѣсни среди восхищенныхъ слушателей турки схватили ее и увели въ гаремъ Джевера. Ея милый отомстилъ Джеверу, но, не найдя Кралицы, сдѣлался монахомъ отшельникомъ. И вотъ

*) Планинами назыв. горы, поросшія лѣсомъ.

ему на старости приходится снова увидѣть свою Кралицу съ тѣмъ, чтобы схоронить ее навсегда. «Когда, такъ заключаетъ поэтъ свою повѣсть, овладѣло мною желаніе снова увидѣть богатыя равнины Баната, я побывалъ тамъ, посѣтилъ и могилу Кралицы. Рядомъ съ ней теперь и отшельникъ мирно почиваетъ; а крестьяне разсказываютъ, что онъ сталъ святымъ и что къ нему на могилу приходитъ плачущій ангелъ. Это та самая красивая дѣвушка, сирота, дочь несчастной любви...»

Въ повѣсти *«Плѣнникъ»* встрѣчаются чудеснѣйшія картины, всюду видѣнъ замѣчательный лирикъ. По содержанію же она напоминаетъ Кралицу. Другая повѣсть—*«Сынъ стараго Гамзы»* еще выше и блестящѣе предъидущихъ. Это исторія любви язычника Гамзы-сына къ христіанкѣ дочери перваго Нѣмани - съ трагической развязкой. Остальныя романтическія повѣсти Якшича не представляютъ въ сравненіи съ этими чего-либо выдающагося. Онѣ проникнуты тѣмъ же духомъ чего-то полусказочнаго, но плѣнительнаго. Онѣ не отличаются реализмомъ и жизненностью типовъ. Ихъ прелесть заключается въ общемъ впечатлѣніи, въ ихъ колоритѣ, въ ихъ чудесномъ языкѣ. Онѣ не оставятъ глубокаго впечатлѣнія, но могутъ дать читателю много наслажденія.

Не менѣе интереса представляютъ тѣ повѣсти Якшича, содержаніе которыхъ взято *изъ жизни Сербовъ венгерскихъ*. Сюда относятся отрывки повѣсти *«Помѣщикъ»*; первый отрывокъ написанъ въ 1867 году; второй въ 1871 г., нѣкоторые еще не напечатаны. Судя по этимъ отрывкамъ, можно утверждать, что эта повѣсть была бы одною изъ лучшихъ, наиболѣе законченныхъ и правдивыхъ произведеній Якшича. Тамъ, въ этой венгерской Сербіи прошло дѣтство поэта, его юность, тамъ этотъ пѣвецъ свободы, «дочери солнца», видѣлъ и всѣмъ сердцемъ своимъ чувствовалъ, какъ мало дѣйствительной свободы даетъ писанная конституція, тамъ онъ видѣлъ страданія своихъ земляковъ подъ мадьярскимъ и нѣмецкимъ игомъ. Любовь къ родному народу, ненависть къ его угнетателямъ сказались живыми и яркими чертами въ этихъ повѣстяхъ. Поэтому, именно въ этихъ повѣстяхъ всего лучше виденъ духъ поэта и потому на нихъ остановимся нѣсколько долѣе. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе повѣсть изъ жизни самого Якшича: это его *«Воспоминанія о 1848 годѣ»*, посвященныя его другу Іовановичу. «Всякая жизнь, такъ начинаетъ поэтъ, есть книга. Начинается она плачемъ и облеченіемъ въ крестильную рубашку; кончается опять плачемъ и облеченіемъ въ саванъ. Но между колыбелью и могилой есть и разныя разности, какъ-то, бабочки, цвѣты, розмаринъ, дѣвушки, борьба съ оружіемъ въ рукахъ, лавровые вѣнки... А потомъ?... Послѣдній листъ той скорбной книги печаленъ: на немъ начертаны высокія ели, мрачные лѣса, угрюмыя скалы, а у подножія этихъ камней... могила и мертвая голова...

«Да, дорогой другъ, жизнь печальна! И тяжко тому, кто рѣшится перечитать тѣ грустныя страницы въ цѣлой книгѣ жизни. Взглядъ на прошлое терзаетъ тебѣ сердце, настоящее наполняетъ душу горечью; а будущее?... Ахъ!... «благо тому, кто во что-нибудь-вѣритъ», но я не смѣю о немъ и подумать. Прошлое и настоящее своимъ холоднымъ движеніемъ оледѣнили всякую надежду въ моей душѣ, и я — я не имѣю надежды и не имѣю будущности!»

Въ этихъ словахъ поэтъ высказался вполнѣ. Въ нихъ онъ является по преимуществу *славянскимъ* поэтомъ. Не тоже ли самое мы читаемъ въ произведеніяхъ Льва Толстаго, Тургенева, Гоголя? Не та ли же самая струна звучитъ особенно сильно въ чудныхъ аккордахъ лиры Пушкина, Лермонтова и Мицкевича?

Поэтъ пересматриваетъ свой дневникъ. Что же? Два-три пріятныхъ дня, вечера, а остальное — все горе, печаль и тоска... Былъ ноябрь, грустный мѣсяцъ 1849 года, не слышно болѣе шума битвы, а лишь звукъ цѣпей, въ которыхъ скованы тѣ, что кричали: «Смерть или свобода!» Настало время кроваваго суда надъ сербами, возставшими противъ мадьярскаго владычества.

— Ты добиваешься освобожденія всего сербства?.. опьяненный гнѣвомъ дикаго звѣря яростнымъ голосомъ кричалъ судья.

На костлявыхъ рукахъ оборонителя сербской свободы тяжело зазвенѣли цѣпи, но вѣрный сынъ народа спокойно и съ достоинствомъ отвѣчалъ:—да.

— Ты бунтовщикъ! ты измѣнникъ отчизнѣ! вопилъ судья.

— Я оборонитель народа, борецъ за правду людскую и божескую!.. я, господа члены кроваваго суда, борецъ за свободу!

— Такого борца за свободу и правду законно поставленный судъ земли мадьярской присуждаетъ: ...къ висѣлицѣ.

Такъ гибли доблестные защитники сербскаго народа безъ праваго суда. Отецъ поэта также былъ осужденъ на смерть за проповѣдь къ народу въ страстной четвергъ. Его выдали мадьярамъ нѣмцы, которые во время венгерскаго возстанія ухитрялись ладить какъ съ сербами, такъ и съ мадьярами. Страницы воспоминаній, посвященныя отцу поэта, полны захватывающей скорби и горькой ироніи, но, за невозможностью привести ихъ здѣсь вполнѣ, я перейду къ разсмотрѣнію другихъ повѣстей Якшича изъ быта венгерскихъ сербовъ.

«*Сирота Банатьянка*» есть неоконченный соціальный романъ. Героиней его является молодая дѣвушка, дочь хорошихъ и честныхъ родителей, которую голодъ и бѣдность осуждаютъ на гибель. Она сама разсказываетъ печальную повѣсть своей жизни. Романъ начинается чудеснымъ описаніемъ бурнаго, дождливаго дня. Наводненіе разоряетъ и безъ того бѣдствующее крестьянство: бѣдой пользуются къ своему обогащенію купцы и лавочники, дающіе крестьянамъ хлѣбъ подъ жестокіе проценты. Все сильнѣе буря, мостъ на рѣкѣ снесенъ волнами, изъ одной прибрежной хаты слышенъ вопль о помощи. Нѣсколько смѣльчаковъ изъ толпы, стоявшей на берегу, бросаются туда и спасаютъ женщину съ ребенкомъ. Богатый трактирщикъ смотритъ на эту сцену и диву дивится, съ чего это вздумалось людямъ спасать какую-то нищую. Но вотъ вода добирается и до его подваловъ. И ему приходится просить о помощи, онъ обѣщаетъ толпѣ деньги и обильную выпивку, но никто не трогается съ мѣста. Толпа оставляетъ его на произволъ судьбы и бѣжитъ спасать находящуюся въ опасности больницу. Спасаютъ больныхъ отъ гибели и относятъ ихъ пока въ присутственныя мѣста. Тамъ ихъ положили въ широкихъ корридорахъ съ украшенными мраморомъ стѣнами. Между больными была женщина съ прекраснымъ, блѣднымъ лицомъ, на которое смерть уже наложила свою печать. На вопросъ поэта, она горько жалуется на свое прошлое, на отчаяніе за будущее; она сирота; не кому о ней заботиться. Она разсказываетъ свою жизнь. Отецъ ея умеръ не отъ ранъ, полученныхъ въ 1848 году въ борьбѣ съ мадьярами, а отъ тяжкой раны, нанесенной ему жандармами компсара. Его схоронили въ маѣ... «Хорошъ этотъ мѣсяцъ май!.. И кладбище тогда выглядитъ красивѣе: на могилахъ цвѣтутъ розы, васильки испускаютъ свой тяжелый ароматъ. Но на его могилѣ все было тоскливо: черная, наскоро выкопанная земля покрыла мертвеца: поставили простой не крашеный крестъ, вѣнокъ изъ желтой травы повѣсили на него...» Бѣдная сирота осталась одна съ теткой (матери она и не помнила). Настала грустная и голодная жизнь. Съ ней вмѣстѣ пришла и первая любовь. Свиданія въ лунныя ночи, все очарованіе страсти, все это она испытала тогда. Насталъ голодный 63 годъ. Солнце все выпекло, къ Ильину дню люди съ голоду чуть не умирали. Городская дума устроила безплатную раздачу хлѣба, нажился отъ этого казначей, но бѣдняки все страдали. При раздачѣ хлѣба на красивую сироту г. казначей удостоилъ обратить особое свое вниманіе и не замедлилъ обратиться съ двусмысленными предложеніями. Бѣдняжка еле дошла до дому и разсказала все своему жениху Алексѣ. Тотъ досталъ хлѣба и запретилъ ей ходить туда, гдѣ раздавался онъ отъ думы. Тутъ умираетъ ея тетка. Все продали. Алекса, выведенный изъ терпѣнія, сдѣлалъ нападеніе на жилище казначея, былъ раненъ и посаженъ въ тюрьму. Пошла было она въ услуженіе, но вездѣ отказъ. Тогда она рѣшила идти въ Сербію. Описаніемъ этого путешествія оканчивается отрывокъ. Какъ она жила въ Сербіи, какъ мало по малу бѣдность и голодъ привели ее къ пороку, а порокъ къ смертельной болѣзни, все это осталось, къ сожалѣнію, тайной писателя. Отрывокъ, содержаніе котораго разсказано, относится къ 1874 году.

Еще печальнѣе другая повѣсть изъ того же круга:—*Сербскій пастушекъ*; она написана въ 1878 году и осталась неоконченной. Пусть читатель перенесется во-

ображеніемъ въ Банатъ, въ мадьярское село Факидъ. Знойный лѣтній полдень. Овцы прячутся гдѣ нибудь въ тѣни подъ прибрежными ветлами. Мадьяръ-пастухъ, лежитъ въ тѣни; весь онъ какой-то грубый, неотесанный человѣкъ. Недалеко отъ него стоитъ его подпасокъ, мальчикъ лѣтъ семнадцати и задумчиво глядитъ въ пустынную степь. Сейчасъ видно по его красивой, стройной и тонкой фигурѣ, что онъ не мадьяръ. На лбу однако морщина, губы складываются въ горькую усмѣшку. Хорошъ ли твой Банатъ, спрашиваетъ его пастухъ? Нѣтъ лучше земли въ мірѣ, отвѣчаетъ тотъ. А есть ли у тебя мать? Нѣтъ, а есть мачиха. Этого довольно. Старый пастухъ понимаетъ, отчего морщины на лбу и горькая усмѣшка у мальчика, отчего оставилъ онъ родное сербское село и пасетъ здѣсь на чужбинѣ овецъ. Но не по одной только причинѣ разстался онъ съ роднымъ селомъ. Другая причина — это любовь. Сынъ его мачихи влюбился въ ту же дѣвушку, что и онъ. Ее и выдали за него противъ ея воли. Пришлось ему уйти на чужую сторону... Когда онъ впервые пришелъ въ Факидъ, заглядѣлась на него дочка теперешняго его хозяина. И вотъ онъ начинаетъ забывать для живой мадьярки свою первую несчастную любовь. Однажды ихъ, среди поцѣлуевъ и объятій, застали самъ отецъ ея съ сыновьями; правда, они пасли по другой сторонѣ рѣки и могли среди пыли и не разглядѣть живописной сцены. Ловкая дочка, благодаря снохамъ, кое-какъ благополучно выпуталась изъ непріятныхъ объясненій съ отцемъ и съ братьями. Но послѣдніе рѣшились отомстить бѣдному подпаску: они хорошо разглядѣли, что съ нимъ была именно ихъ сестра, а не другая дѣвушка, какъ увѣряли ихъ жены. На помощь ему является старая цыганка, одинъ изъ лучшихъ типовъ Якшича. Она темною ночью приходитъ къ нему и предостерегаетъ отъ опасности. Картина этой ночи восхитительна. Но люди, рѣшившіеся погубить подпаска, не тронуты красотой ночи; они сдѣлали свое мрачное дѣло; они избили свою жертву до полусмерти; цыганка и старый пастухъ нашли бѣднаго подпаска безъ чувствъ. Цыганка лѣчитъ его и ухаживаетъ за нимъ, привезя его, при помощи стараго пастуха, въ свой таборъ. Картины цыганской привольной жизни въ степяхъ Венгріи мастерски написаны Якшичемъ: столько тутъ наблюдательности, тонкаго юмора и удивительнаго знанія этой полудикой, воровской и въ тоже время свободной и поэтической жизни. Благодаря хорошему уходу, больной поправился, но вмѣсто прежняго спокойнаго расположенія духа явились у него мрачныя, мстительныя, злыя мысли; изъ мягкаго, славнаго мальчика вышелъ суровый человѣкъ, рѣшившійся жестоко отомстить. Ночью онъ пробрался къ дому своего хозяина и поджигаетъ его. Все это поразительно, правдиво и сильно изображено у Якшича. На этомъ прерывается грустная повѣсть: смерть помѣшала Якшичу окончить ее.

Болѣе отрадное впечатлѣніе производитъ повѣсть *Попъ Тихомиръ*. Въ ней поэтъ изображаетъ, какъ хорошій священникъ изъ дурнаго села дѣлаетъ хорошее. Это село, само по себѣ, прелестное мѣсто, все въ зелени. Поютъ птицы, раздаются народныя пѣсни, всюду довольство и счастіе. Церковь и школа сіяютъ одна лучше другой; школа полна учениковъ, а церковь по праздникамъ—прихожанъ. Такъ село выглядитъ только теперь. Прежде было не то: бѣднота и запустѣніе царили тамъ, пока не пріѣхалъ новый священникъ. Первымъ дѣломъ его было устроить на селѣ школу. Это ему удалось скоро. Вторымъ дѣломъ его было—уменьшить повальное пьянство. Съ этимъ сладить было труднѣе. Этого онъ достигалъ мало по малу путемъ проповѣди. Затѣмъ онъ охранялъ сербовъ отъ нѣмцевъ какъ только могъ; не могъ онъ допускать, чтобы сербская земля переходила въ руки нѣмцевъ. Послѣдніе, съ мѣстнымъ помѣщикомъ во главѣ, конечно, пожаловались консисторіи и хорошо ей заплатили; та призвала его къ отвѣту за «соблазны», яко-бы чинимые имъ въ приходѣ. Консисторія приговариваетъ его къ покаянію въ монастырѣ и къ перемѣщенію на другой приходъ. Помѣщикъ даетъ въ честь этого событія праздникъ. Несчастный священникъ, на обратномъ пути изъ города, гдѣ находится консисторія, схватываетъ тифъ и умираетъ. Все село горько по немъ плачетъ.

Таково содержаніе этой простой, но жиз-

ненной повѣсти. Въ ней — краткая исторія судебъ православной церкви въ Австріи. Грустная исторія...

Въ повѣсти, или, какъ самъ Якшичъ называетъ ее, «картинѣ» — изъ событій 1848 года «*Миланъ*» Якшичъ возвращается къ любимой своей задачѣ — описать борьбу сербовъ за свободу. Во главѣ одной дружины въ Кикиндѣ сталъ одинъ молодой человѣкъ, отца котораго мадьяры повѣсили за то, что онъ осмѣлился говорить, будто въ Венгріи не одни мадьяры, а и сербы живутъ. Эту дружину мадьяры уничтожили. Въ борьбѣ остался раненый двухлѣтній ребенокъ. Его воспитала одна добрая женщина и назвала его Миланомъ. Грустная судьба этого ребенка превосходно изображена Якшичемъ. Это одинъ изъ лучшихъ перловъ его поэзіи.

Повѣсти Якшича изъ сельскаго быта Сербіи (*Крестьяне*, *Бѣлая хатка*, *Одна ночь*, *Кривосечскій шинокъ*) написаны въ періодъ времени отъ 1875 до 1878 года. Деревня для него всегда была источникомъ, въ которомъ онъ почерпалъ миръ и спокойствіе и новыя силы къ дѣятельности. Онъ всегда съ благодарностью вспоминалъ о своихъ деревенскихъ впечатлѣніяхъ. Такъ, въ повѣсти «*Одна ночь*» онъ говоритъ: ...«Отчего мнѣ такъ жалко этихъ сербскихъ планинъ? Что для меня эти влахи и сербы?.. Не что иное какъ гостепріимные хозяева; и я былъ ихъ гостемъ, изъ далека пришедшимъ, они принимали меня и угощали. А по тѣмъ мрачнымъ планинамъ я гулялъ, какъ наши господа по паркамъ, съ тою разницею, что мои мысли никогда не нарушала ни музыка, ни болтовня нахальныхъ городскихъ дамъ». Эти повѣсти Якшича далеки отъ дѣйствительности. Добродѣтель тутъ у него торжествуетъ, порокъ наказывается. Самая жизнь народа въ Сербіи ему мало знакома Зато ему прекрасно удаются характеристики сельскаго начальства: разные кметы, сборщики податей, сотскіе, шинкари, весь этотъ то начальствующій, то обирающій крестьянъ людъ превосходно изображенъ имъ. Кромѣ повѣсти «*Одна ночь*», всѣ другія изъ этого круга *счастливо* оканчиваются; уже по этому одному легко заподозрить ихъ художественное значеніе. Сейчасъ видно, что Якшичъ употреблялъ натяжки, чтобы привести такія повѣсти къ благополучному концу. И не смотря на чудесный языкъ, на изобиліе роскошныхъ картинъ и лирическихъ отступленій, эти повѣсти его—слабыя произведенія. Нѣкоторые типы очень удачны. Таковъ старый учитель въ повѣсти «*Бѣлая хатка*», сельскій торговецъ Миладинъ въ повѣсти «*Одна ночь*», дядя Марко въ повѣсти «*Крестьяне*». Описанія природы замѣчательно поэтичны. Но въ общемъ, повторяю, эти повѣсти слабы. Еще ниже ихъ стоятъ его повѣсти изъ военнаго быта. Сюда относятся: *На мертвой стражѣ*, *Дядя Митар*, *Ускокъ*, *Капитанъ Михаилъ Иличъ*, *Рускиня*, *Капитанова могила*, *Раненый* Онѣ написаны за время съ 1876 по 1878 годъ. Здѣсь Якшичъ опять является романтикомъ, что объясняется его незнакомствомъ съ войной 1877 года, которой онъ своими глазами не видѣлъ. Особенно слаба повѣсть «*Рускиня*», гдѣ будто бы русская сестра милосердія влюбляется въ сербскаго гайдука, выходитъ за него замужъ и привозитъ его въ Россію: тутъ фальшь сначала до конца. Однако и въ этихъ повѣстяхъ поэта выручаетъ чудный языкъ и дивныя картины. При всемъ томъ во всѣхъ повѣстяхъ Якшича, при всѣхъ его недостаткахъ, широко разлита яркая поэзія Этого одного достаточно, чтобы увлекаться ими. Вездѣ въ каждой строкѣ вы чувствуете истиннаго поэта, тонкаго художника, такъ что самое невѣроятное становится вѣроятнымъ, самое фальшивое правдивымъ. Такова сила поэзіи.

Наконецъ есть еще у Якшича три трагедіи *): *Переселеніе Сербовъ* (написана въ 1862 году), *Елизавета, княгиня черногорская* (написана въ 1868 году), и посмертное его произведеніе *Станой Главашъ*. Первая изъ этихъ драмъ—лучшая. Вотъ ея содержаніе: Любиша, сербскій жупанъ (дѣйствіе происходитъ въ VII вѣкѣ) уходитъ съ частью народа съ прадѣдины своей Бойки, чтобы избавиться отъ преслѣдованій и ненависти своего брата Владиміра. Пространствовавъ 5 лѣтъ между Бойкой и Өессаліей, онъ снова идетъ въ Бойку, куда влечетъ его любовь къ красивой дѣвушкѣ Лалѣ. Но придя на берега Савы и Дуная останавливается. Главарь Белушъ и другіе хотятъ его свергнуть.

*) См. VIII, IX и X томы полн. собр. его соч.

Тогда онъ призываетъ весь народъ на совѣтъ и рѣшаетъ остаться на берегахъ Дуная. Затѣмъ побѣждаетъ брата Владиміра и аваровъ. Невѣста Белуша любитъ Любишу и Белушъ рѣшается подкупить жреца и съ его помощью отравить Любишу. Послѣдній гибнетъ, но и его убійцы тоже гибнутъ. Народъ провозглашаетъ жупаномъ стараго воеводу Драгоша.

Въ этой драмѣ много жизни, есть прекрасныя драматическія положенія; она могла бы дать отличный сюжетъ для драматической оперы.

Въ трагедіи *«Елизавета»* Якшичъ изображаетъ, какъ Черногорія страдаетъ, благодаря браку ея князя съ дочерью венеціанскаго дожа, вышедшею не по любви, а изъ политическихъ разсчетовъ.

Въ посмертной драмѣ Якшичъ выводитъ на сцену Главаша Станоя, сербскаго гайдука, прославившагося въ 1804 году, но послѣ несчастнаго 1813 года перешедшаго на сторону турокъ, хотя и притворно. Содержаніе драмы построено на борьбѣ его за свою невѣсту. Онъ гибнетъ въ бою, но невѣста его спасена. Князь Милошъ поднимаетъ знамя возстанія. Эта драма значительно слабѣе двухъ предъидущихъ.

Такимъ образомъ Якшичъ испробовалъ себя во всѣхъ родахъ поэзіи и вездѣ остался истиннымъ *поэтомъ*. Въ сербской литературѣ онъ является можетъ быть самымъ оригинальнымъ талантомъ и значеніе его въ будущемъ еще болѣе увеличится, хотя и теперь оно уже высоко. Сильная фантазія, картинность изображенія, глубокое лирическое чувство, славянская тоска по невѣдомому идеалу, порывы къ свободѣ, разочарованность въ жизни, своеобразный и красивый языкъ — вотъ главныя черты его прекраснаго дарованія. Якшичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ истинныхъ поэтовъ, произведенія которыхъ тѣмъ больше нравятся, чѣмъ больше ихъ изучаешь.

У насъ его почти не переводили или переводили очень мало. Я даже думаю, что врядъ-ли найдутся у насъ журналъ или газета, которые бы рѣшились напечатать что нибудь изъ Якшича. На этотъ счетъ у насъ особыя понятія: мы съ удовольствіемъ напечатаемъ какую угодно чепуху, если она носитъ на себѣ клеймо парижскаго или берлинскаго издѣлія, но не скоро еще придетъ время, когда мы рѣшимся преодолѣть свои несправедливыя предубѣжденія и познакомиться съ литературой славянскихъ народовъ. Будемъ же ждать терпѣливо, помня пословицу: тише ѣдешь, дальше будешь. А что мы ѣдемъ очень тихо, въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ...

Димитрій Никольскій.

С.-Петербургъ, 24 апрѣля 1886.

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

Изъ чешской печати.

1001 годъ.—Еще одно средство къ сближенію славянъ.—П. Л. по поводу пасхальнаго прекращенія занятій въ Имперскомъ сеймѣ.—Земскій запасъ.—Языковое предложеніе бар. Конрада.—Нѣмецкія фабрики въ Чехіи.—Юбилей двухъ коронацій.

Уже и 1001 годъ прошелъ со дня смерти великаго учителя славянъ, прошелъ также цѣлый годъ съ тѣхъ поръ, какъ мы праздновали тысячелѣтіе этого дня. Что же принесъ этотъ годъ, какіе слѣды оставило это празднованіе по себѣ въ славянскомъ мірѣ? Неужели прошло оно безслѣдно? Неужели теперь, когда мы отдѣлены отъ него уже цѣлымъ годомъ, не можемъ мы указать еще никакихъ послѣдствій этого дня? Нѣтъ, великія годины не проходятъ безслѣдно! И если онѣ не оставляютъ тотчасъ же видимыхъ, сразу ощутимыхъ слѣдовъ на верхнихъ слояхъ, то они тѣмъ и отличаются отъ простыхъ годинъ, что проникаютъ глубже до самыхъ низовъ и, пуская тамъ корни, даютъ болѣе надежные ростки. Такъ было и здѣсь, думается намъ. Были мы въ этомъ 1001 году свидѣтелями братоубійственной войны, воздвигнутой забывшимъ свой долгъ и свое званіе онѣмечившимся славянскимъ правителемъ, были свидѣтелями, какъ въ Австріи на Имперскомъ сеймѣ братья и «союзники» оставили своихъ братьевъ чеховъ одниxъ въ вопросѣ первой важности и значенія для всѣхъ австрійскихъ славянъ, — въ вопросѣ о государственномъ языкѣ, — теперь мы являемся свидѣтелями вражды къ Россіи, раздуваемой въ бол-

гарскомъ обществѣ извѣстной партіей болгарской печати съ нѣмцемъ - княземъ во главѣ. Но князья-нѣмцы и онѣмечившіеся правители, партіи и представители, забывающіе свое призваніе, не вѣчны и не только не вѣчны, даже не долговременны, долговѣченъ только народъ, сознающій себя и свое призваніе; будущее принадлежитъ только ему и потому мы болѣе придаемъ значенія явленіямъ, исходящимъ изъ его лона, выраженіямъ его убѣжденій; потому-то навсегда останется для насъ памятною та минута, свидѣтелями которой были мы въ памятный день 6 апрѣля этого года. Проповѣдникъ съ каѳедры Исакіевскаго собора напомнилъ слушателямъ жизнь виновника торжества и его значеніе для славянъ. «Будемъ надѣяться, что благодаря молитвамъ свв. Кирилла и Меѳодія, заключилъ проповѣдникъ, настанетъ время, когда всѣ славяне составятъ едино стадо, вси пріидутъ ко Господу и призовутъ имя Его вкупѣ». И, не смотря на то, что проповѣдь еще была не кончена, не одна сѣрая рука поднялась кругомъ меня и размашистымъ русскимъ православнымъ крестомъ оградила свое чело и грудь. Нельзя было невольно не послѣдовать этому примѣру русскаго сѣраго мужика и солдата, молившаго Бога о скорѣйшемъ наступленіи этого времени. Вотъ такія проявленія чувства народнаго на нашъ взглядъ важнѣе всѣхъ этихъ шатаній и колебаній правителей и партій и стало-быть для русскаго народа прошлогодній праздникъ не прошелъ даромъ. Не прошелъ даромъ онъ, думается намъ, и для другихъ славянъ. Единодушіе всѣхъ славянъ въ сужденіяхъ о войнѣ между Болгаріей и Сербіей (см. Изв. 85. X, 441 — 443); чувства болѣе или менѣе одинаковыя, при гробѣ Аксакова (Изв. 86, II, 67 — 75); голоса въ пользу кириллицы (см. Изв. 85, X, 444, 86, III, къ которымъ слѣдуетъ еще присоединить недавно высказавшійся на стр. Parlamentär'а), и все чаще и чаще раздающіеся голоса о необходимости сближенія славянъ между собою (Изв. 85. XI—XII, 500—502; 86, I, 21 - 24) и предлагающіе средства, могущія способствовать такому сближенію—все это, думаемъ мы, указываетъ, на то, что 1001 годъ прошелъ для славянъ не безслѣдно. Вотъ между прочимъ еще голосъ объ этой необходимости и еще одно средство достигнуть этого сближенія. «Въ наши времена очень много говорится о такъ называемой взаимности славянской, говоритъ «Вѣстникъ», временникъ чешско-славянскихъ обществъ въ Вѣнѣ. Что такое взаимность славянская? Каждый представляетъ ее по своему и предлагаетъ разныя средства къ ея достиженію. Мы, однако, думаемъ, что здѣсь самое главное и самое первое—знакомство съ языкомъ и литературой извѣстнаго славянскаго народа. Къ несчастію, мы это мало гдѣ замѣчаемъ. Сколько занимающихся знаютъ французскій и англійскій языки, между тѣмъ какъ не имѣютъ никакого представленія о языкахъ славянскихъ. Обратимъ только вниманіе на то, сколько чеховъ находятъ себѣ убѣжище въ Россіи и другихъ славянскихъ земляхъ. Совсѣмъ противоположное этому находимъ у словенцовъ. Въ люблянской семинаріи усердно изучаютъ богословы чешскій языкъ, слѣдятъ за нашей литературой и получаютъ чешскіе временники: «Квѣты», «Свѣтозор» и «Славянскы Сборник». А спросите-ка какого нибудь чешскаго студента о славянской литературѣ и писателяхъ, хоть ихъ и очень мало! Вотъ это мы считаемъ существеннымъ препятствіемъ, мѣшающимъ настоящему сближенію славянскихъ народовъ. Прежде всего мы должны взаимно познакомиться со всѣми языками. То ли бы было дѣло, еслибы у насъ былъ одинъ языкъ! А теперь... Станемъ въ такомъ случаѣ учиться славянскимъ языкамъ, что бы могли сблизиться отдѣльныя вѣтви на священной липѣ славянской!»

Съ удовольствіемъ отмѣчаемъ, что этотъ голосъ, раздавшійся на страницахъ уважаемаго временника, не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Въ номерѣ 18 «Вѣстника» подъ тѣмъ же заглавіемъ (Учме се слованским языком) находимъ слѣдующій отголосокъ одного изъ почитателей «Вѣстника»: «Статья подъ этимъ заглавіемъ въ прошломъ номерѣ была напечатана вполнѣ умѣстно. Но было бы желательно, чтобы дѣло не ограничилось одной статьей, а шло далѣе. Не одинъ изъ насъ, вѣнскихъ чеховъ, сталъ бы съ удовольствіемъ учиться какому либо славянскому языку. Но возможно-ли это? Для

этого нужно только немного старанія. Что если бы какое нибудь изъ нашихъ обществъ взялось за это дѣло и основало для насъ хоть какую нибудь вечернюю школу славянскихъ языковъ, какая недавно была основана въ Прагѣ въ память славнаго чешскаго педагога І. Л. Машка. Рѣшительныхъ и способныхъ на жертвы учителей нашлось бы достаточно, а прилежныхъ и воодушевленныхъ дѣломъ учениковъ еще болѣе. Отважимся на что нибудь дѣятельное и покажемъ, что и въ этомъ дѣлѣ мы добудемъ чего нибудь рѣшительнаго, если на другихъ путяхъ мы, вѣнскіе чехи, добились не малаго. И такъ, не станемъ откладывать, не станемъ ссылаться на то, что настаетъ лѣтнее время и что подобныя попытки были между нами въ Вѣнѣ, можетъ быть, до сихъ поръ напрасны. Обсудимъ это дѣло, обнародуемъ свои мнѣнія и предложенія о немъ и приступимъ скорѣе къ дѣлу! Пусть за это примутся какъ можно горячѣе представители нашихъ здѣшнихъ образовательныхъ обществъ».

Станемъ учиться славянскимъ языкамъ, скажемъ и мы со своей стороны, но не будемъ и затруднять дѣла этого изученія, примемъ одинъ общій алфавитъ, освященный именами нашихъ великихъ апостоловъ, это великое наслѣдіе, этотъ голосъ изъ ихъ тысячелѣтней могилы. Но этого мало, примемъ и по одному общему началу выработанное этимологическое правописаніе, оставивъ звуковой способъ письма только для цѣлей языковѣдѣнія при изученіи народныхъ говоровъ. Это голосъ не противъ одной латиницы, уже совсѣмъ непригодной ни для какихъ цѣлей славянства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ того правописанія, которое основывается часто на несовсѣмъ непогрѣшимомъ историческомъ преданіи. Пора отнестись разумно и къ правописанію. Намъ думается, что славянское языковѣдѣніе стоитъ уже на достаточной высотѣ, чтобы потребовать отъ него разумнаго общеславянскаго письма, которое, само собою разумѣется, разъ оно общеславянское, не можетъ быть звуковымъ, а должно подходить какъ можно ближе къ *старославянскому*, подобно тому какъ этотъ языкъ даетъ почти всегда обликъ, совпадающій съ научно построяемымъ *праславянскимъ*. Вотъ эта то старославянская кирилловская азбука всего и удобнѣе для общеславянскаго *письма*, которое на нашъ взглядъ одно только и возможно въ языковомъ вопросѣ какъ нѣчто общеславянское, по крайней мѣрѣ въ самое ближайшее къ намъ время, такъ какъ объ общеславянскомъ *языкѣ* вопросъ можетъ быть развѣ только тогда, когда славяне ближе взаимно познакомятся съ братскими языками, когда такимъ образомъ выработается, можетъ быть, самъ собою этотъ общеславянскій книжный языкъ.

Отъ средства къ сближенію славянъ, предлагаемаго чешскимъ временникомъ перейдемъ къ самой чешской общественной жизни.

Вниманіе чешскаго общества въ послѣднее время сосредоточено было преимущественно на дѣятельности Имперскаго сейма. 5 апрѣля засѣданія сейма временно прекратились по случаю пасхальныхъ праздниковъ. Вотъ что замѣчаютъ «Народни Листы» по этому поводу, подводя итоги дѣятельности этихъ засѣданій для чешскаго народа. Въ началѣ года чешскіе представители оставляли здѣсь сеймъ, чтобы дѣйствовать по закону Квичалы для охраненія нашей молодежи отъ германизаціи, чтобы дѣйствовать въ смыслѣ вопроса Шмерлинга относительно порядка выборовъ, чтобы въ самомъ основаніи отвергнуть дерзкое предложеніе Пленера о раздѣленіи Чехіи. А какъ оставляютъ они Вѣну теперь? Съ пустыми руками, съ усмѣшкою враговъ: «Несчастное большинство»!... «Какъ воронъ за всадникомъ въ холодной пустынѣ, такъ летитъ теперь за возвращающимися изъ Вѣны представителями мрачная, смутная тѣнь наступающей германизаціи – обезпеченіе нѣмецкаго государственнаго языка. Такимъ образомъ надежда на равноправность языковъ въ государственныхъ учрежденіяхъ и судахъ, такъ чтобы чешскій языкъ господствовалъ въ чешскихъ земляхъ въ качествѣ внутренняго правительственнаго языка наравнѣ съ нѣмецкимъ, надежда эта теперь блѣднѣе и призрачнѣе, чѣмъ была до настоящаго времени»... «За то чешскій клубъ вмѣстѣ съ остальной правой согласился на новую дань кровью и при томъ дань, которая тяжелѣе всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ. Только что приведенный законъ о «земскомъ запасѣ» (zemské goto-

вости) на самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ расширеніе и продолженіе воинской повинности на всякій случай, «если будетъ грозить ойна»; всѣ мужчины отъ 19 до 38 лѣтъ, и тѣ, которыя уже выслужили, и тѣ, которые, по существующимъ постановленіямъ военнаго закона по важнымъ семейнымъ причинамъ были освобождены отъ военной службы въ войскѣ, теперь могутъ быть призваны въ войско, находящееся на поляхъ битвы и даже внѣ государственной границы. Но тѣмъ существенно замѣчательно и разнится только что допущенный чешскими представителями законъ о нашемъ земскомъ запасѣ отъ подобныхъ законовъ всѣхъ военныхъ государствъ Европы, что у насъ повинность земскаго запаса не ограничена только защитою родной земли, когда въ нее вторгнется непріятель, а служитъ и къ дополненію войска, хотя бы оно было послано противъ какого угодно врага». Далѣе «На́родни Листы» упрекаютъ чешскихъ представителей въ томъ равнодушіи, съ какимъ они отнеслись къ предложенію д-ра Кронаветтера о томъ, что было бы справедливо, чтобы правительство въ замѣнъ этой послѣдней народной жертвы дало народамъ представительство въ парламентѣ на основаніи всеобщаго равнаго права подачи голосовъ съ устраненіемъ привилегованныхъ курій. Предложеніе это было поддержано изъ всего чешскаго клуба только пятью голосами.

Въ общихъ чертахъ вопросъ о «земскомъ запасѣ» можетъ считаться рѣшеннымъ, остаются только нѣкоторые частности, такъ напр. вопросъ о языкѣ и командѣ. Весьма сомнительно, чтобы и эти вопросы рѣшены были въ желательномъ для славянъ направленіи. Нѣмцы въ Государственномъ Совѣтѣ выражали уже желаніе, чтобы въ законѣ тотчасъ же было отмѣчено, что земскій запасъ долженъ возникнуть на нѣмецкомъ основаніи, съ нѣмецкою командою, нѣмецкимъ служебнымъ языкомъ и т. д. На это министръ впрочемъ отвѣтилъ, что языкъ арміи нельзя считать за какую-то народную привилегію, что въ арміи онъ не предметъ борьбы, а средство къ пониманію и слѣдуетъ предоставить высшему правительству установить этотъ языкъ, руководясь потребностями. «На́родни Листы» выражаютъ поэтому надежду, что «эти темныя слова нужно по всей вѣроятности понимать въ томъ смыслѣ, что высшее начальство арміи разберетъ дѣло основательно и въ виду своей задачи не дѣлать изъ языка арміи одну народную привилегію, а всегда только руководиться неизбѣжною необходимостью, установить для чешскаго земскаго запаса чешскую команду и чешскіе военные термины». Но это выраженное въ видѣ надежды желаніе «Народнихъ Листовъ» едва ли исполнимо. Вѣнскій корреспондентъ «Народн. Лист.» передаетъ, что военный министръ учредитъ для земскаго запаса особый отдѣлъ при своемъ министерствѣ, а между тѣмъ «во всемъ этомъ министерствѣ нѣтъ ни души, которая бы знала чешскій языкъ»... «Справедливость требовала бы, пишетъ этотъ корреспондентъ, чтобы въ высшихъ кругахъ военнаго министерства былъ по крайней мѣрѣ хотя бы одинъ чехъ! Но нѣтъ никакой надежды, чтобы это такъ стало: уже извѣстно, что главою новаго отдѣленія будетъ—нѣмецъ An-der Lalm.— Итакъ, въ новомъ учрежденіи онѣмеченіе получаетъ новую поддержку: 300 тысячъ лишнихъ солдатъ, 23 года проведшихъ подъ нѣмецкою командою и при нѣмецкой служебной рѣчи, могутъ составить лакомый кусочекъ для всеобъемлющаго нѣмецкаго желудка!

Между прочимъ, объ этой «служебной рѣчи». Такъ называется въ скоромъ времени имѣющій явиться на свѣтъ Божій изъ высшей палаты въ Вѣнѣ, уже для чеховъ въ третьемъ своемъ видѣ, deutsche Staatsprache. «Центръ высшей палаты, такъ называемый Меттерниховъ клубъ», телеграфируютъ «Народн. Листамъ» изъ Вѣны отъ 15 апрѣля, «въ которомъ при министрѣ Таафе кромѣ другихъ находится бывшій министръ Конрадъ, глава министерства внутреннихъ дѣлъ въ отставкѣ, чехъ Кубинъ, рѣшился сдѣлать въ языковомъ вопросѣ рѣшительный шагъ. Они подаютъ въ дворянскій сеймъ не только резолюцію, но предложеніе закона объ упорядоченіи языковаго вопроса въ Австріи. Это предложеніе не заключаетъ въ себѣ выраженія «государственный языкъ», а въ причинахъ къ предложенію говорится, что названіе «государственный языкъ» производило бы смущеніе и потому постановле-

но названіе «служебной рѣчи центральныхъ учрежденій». Этою служебною рѣчью будетъ нѣмецкій языкъ, на которомъ и будетъ вестись дѣло съ центральными учрежденіями. Законъ этотъ установилъ положеніе, что въ выгодахъ общихъ сношеній слѣдуетъ поддерживать знаніе нѣмецкаго языка во всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ и потому изученіе нѣмецкаго языка имѣетъ быть обязательнымъ не только въ среднихъ училищахъ, но и въ высшихъ классахъ общихъ школъ.

Предложеніе этого закона будетъ состоять только изъ нѣсколькихъ статей, такъ какъ Меттерниховъ клубъ стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что приведеніе въ исполненіе предложенія бр. Шаршмидта входитъ въ вѣдѣніе исполнительной власти правительства и должно остаться такимъ, такъ какъ языковыя сношенія нельзя установить на всѣ случаи и на всякое время путемъ закона. Главный представитель этого предложенія центра—бар. Конрадъ, министръ народнаго просвѣщенія въ отставкѣ. Меттерниховъ клубъ надѣется (!!) что онъ достигнетъ согласія правой сейма представителей». И такъ чехи должны будутъ во очію убѣдиться, что правительство далеко не на ихъ сторонѣ, что нѣмцы день ото дня захватываютъ у нихъ все болѣе и болѣе, все сильнѣе и сильнѣе хотятъ сжать ихъ въ своихъ нѣмечащихъ тискахъ, отнимая у нихъ не только права, но и народъ, причемъ австрійскимъ нѣмцамъ въ этомъ случаѣ подаютъ руку и прусскіе, ведя между прочимъ такую же политику, какъ и у насъ въ западномъ краѣ, т. е. наводняя край своими фабриками.

Вотъ какъ описываетъ эту нѣмечащую дѣятельность фабрикъ *Посел з Подгори* въ своей статьѣ «Германисаце въ Подкрконоши». (Корконоши-Исполиновыя горы). Принося небольшую пользу бѣдному чешскому люду тѣмъ, что даютъ ему заработокъ, фабрики нѣмецкія приносятъ несравненно большій вредъ обезнароживаніемъ его: «при нашемъ нынѣшнемъ народномъ движеніи», говоритъ Посел з Подгори, «нѣмецкія фабрики стали нередовыми піонерами нѣмецкой «культуры», въ которой никто въ Чехіи не нуждается. Обыкновенно, гдѣ въ чешскомъ поселеніи возникнетъ нѣмецкая фабрика, тотчасъ является тамъ совершенно безъ надобности и нѣмецкая школа, которую основала либо сама фабрика, либо шульферейнъ. Кромѣ занятія промыслами, фабрики основываютъ также склады съѣстныхъ припасовъ и купеческихъ товаровъ и черезъ то подрываютъ мелкихъ чешскихъ торговцевъ, потому что фабричный, если онъ не хочетъ быть прогнанъ съ работы, принужденъ покупать товаръ въ складѣ на чистыя, такъ какъ фабрика у него тотчасъ все вычитаетъ, выдавая ему все на книжку. У чешскихъ мелочныхъ торговцевъ работникъ обыкновенно беретъ въ долгъ, послѣдствія чего часто бываютъ весьма печальны, потому что очень много торговцевъ разоряются такимъ образомъ въ конецъ. Къ этимъ двумъ бѣдствіямъ присоединяется третье – распространеніе нѣмецкихъ поселеній среди чешскихъ обитателей и обезнароживаніе чеховъ. Обезнароживаніе очень часто идетъ насильственнымъ путемъ подъ угрозами лишенія работы, а полуобразованная молодежь, прельщенная мишурнымъ блескомъ, очень часто сама кидается въ объятія германства, и дѣлается самыми фанатическими агитаторами нѣмечества и главнымъ образомъ шулеферейна. Кромѣ того, фабрики привлекаютъ къ себѣ чешскихъ рабочихъ еще и другимъ способомъ, а именно рождественскими подарками. Учащіяся дѣти получатъ узелокъ платья или учебныя пособія, а рабочій какую нибудь тряпку для себя, и фабрика пользуется за это незаслуженной благодарностью, потому что бѣдняки продаютъ за кусокъ слишкомъ дорогой тряпки свою честь и народность своихъ дѣтей. Кромѣ того, важно и то обстоятельство, что въ нѣмецкихъ фабричныхъ школахъ не взимается платы за ученіе, что тоже привлекаетъ многихъ родителей.

«Вообще если основательно разберемъ все устройство нѣмецкихъ фабрикъ, то увидимъ, что слѣдствіемъ всей ихъ дѣятельности является *уничтоженіе чешскаго элемента и заведеніе нѣмечества.* Въ тѣхъ областяхъ, гдѣ находятся нѣмецкія фабрики, постепенно умираетъ чистота духа, уничтожается народное сознаніе и погибаетъ вся жизнь, потому что рабочіе живутъ въ непрестанномъ страхѣ и опасности, что они вслѣдствіе вопроса націо-

нальнаго потеряютъ часть или весь свой доходъ». Фабрики подрываютъ и мѣстныя ремесла. Мальчикъ безъ продолжительнаго ученія можетъ заработать на фабрикѣ до 40 крейц., а путь къ ремеслу несравненно долѣе и труднѣе. «А какая будущность представляется нашему люду въ нѣмецкихъ фабрикахъ»? спрашиваетъ Посел з Подгори «Необычайное разстройство здоровья и очень часто—нищета»! отвѣчаетъ онъ.

Мало всего, этого чешскіе рабочіе принуждены собственными своими руками ковать на себя цѣпи нѣмеченія, такъ какъ должны, изъ боязни лишиться заработка, о новомъ годѣ удѣлять часть изъ своихъ скудныхъ заработковъ на цѣли шульферейна. «Но это еще не все», говоритъ Посел з Подгори: «мы вслѣдствіе нѣмецкихъ заводовъ теряемъ и родную почву, которая остается для насъ потерянною навсегда... Польза, которую приносятъ нѣмецкія фабрики нашему рабочему люду, никогда не сравняется съ тѣмъ вредомъ, какой терпитъ отъ нихъ народъ! Словомъ: нѣмецкія фабрики чехамъ никогда ничего добраго не приносили и никогда не принесутъ. Единственное средство избавиться отъ этого вреда Посел з Подгори видитъ въ необходимости перенести торговлю и промышленность въ Чехіи скорѣе въ чешскія руки.

Настоящій обзоръ чешской печати заключенъ извѣстіемъ о праздновании 800 лѣтняго юбилея первой коронаціи чешскаго короля и 50-лѣтняго послѣдней. Первымъ королемъ чешскимъ былъ Вратиславъ II (1061—1092), получившій этотъ титулъ отъ Генриха IV въ 1086 г. въ благодарность за помощь, оказанную ему чешскимъ княземъ въ войнахъ противъ папы. Полученный Вратиславомъ II титулъ сопровождался вмѣстѣ съ тѣмъ и освобожденіемъ чешскихъ князей отъ дани, которую они платили отъ 928 года со времени св. Вячеслава (пам. 26 сент.) нѣмецкимъ государямъ. Чехія была тогда вполнѣ самостоятельною и независимою въ нѣмецкой имперіи; за чешскими государями оставалась только почетная обязанность доставлять при путешествіи нѣмецкихъ императоровъ въ Римъ свиту изъ 300 чешскихъ воиновъ. Послѣдній разъ короновался въ Прагѣ Фердинандъ V въ 1836 г. Первою взялась за проведеніе празднества «Еднота обчанов пражскых», рѣшивъ выслать представителей къ мѣстному начальству для просьбы позволенія устроить на приличномъ мѣстѣ выставку коронаціонныхъ принадлежностей и сокровищъ храма св. Вита во время юбилейнаго коронаціоннаго торжества.—Пожелаемъ чехамъ счастливо праздновать ихъ юбилей и пусть ихъ послѣдняя относительно нашего времени коронація не будетъ послѣднею въ ихъ исторіи.

Изъ болгарской печати.

«Независимость» и ея программа. Овація г. Бурмову и отношеніе къ Россіи.—«Т. Конституція» и новый ея тонъ.—Цанковисты и Пловдивская народная партія. — Состояніе Болгаріи. — Созывъ избирателей.

Число представителей болгарской печати въ послѣднее время растетъ все болѣе и болѣе. Къ «Търновской Конституціи» и «Славянину» присоединились: «Правда» греч. «Филипуполисъ», «Домакинъ», «Руссенскій Курьеръ», «Болгаринъ», «Независимость», «Напредъ», «Драгоманъ», «Демократъ», «Срѣдецъ», переименованный потомъ въ «Свѣтлина», «Съединеніе», «Зора», «Народътъ», ожидается изданіе «Положенія» и турецкаго «Хилялъ». Но, право, недоумѣваешь, можно ли ко многимъ изъ этимъ представителей отнести почетное слово печать, до того они грязны, такъ стараются они перещеголять одинъ другаго площадною (говорю ничуть не преувеличивая) перебранкой. Благо, жизнь страны какъ будто вовсе забылась: нерѣдко листъ сначала до конца наполненъ ругательствами, щедро расточаемыми на всѣ стороны. Особенно подвизается на этомъ почетномъ поприщѣ «Независимость», редактируемая г. З. Стояновымъ, Д. Петковымъ и Д. Ризовымъ. Это замѣчено даже и дикими представителями болгарской печати какъ «Търновска Конституция». «Независимость» между прочимъ выдается среди другихъ вѣдомостей болгарскихъ и тѣмъ, что она поставила своей задачей разбирать внутреннія распоряженія русскаго правительства. Вотъ ея программа, помѣщенная въ 1 числѣ отъ 18 января. 1) «Относительно Болгаріи мы желаемъ прежде всего, что-

бы она была *наша*», а что это значитъ тому слѣдуютъ пункты: «Если мы хороши съ Румыніей, Сербіей, Турціей и Греціей, если народы въ этихъ послѣднихъ странахъ пользуются тѣми же правами, то мы будемъ обезпѣчены и отъ приближенія *русской* крѣпкой десницы и отъ культуртрегерства Австріи». И даже, знаете ли: «если бы мы были принуждены дѣлать выборъ между союзомъ и поддержкой Австріи и Россіи, то мы, съ солдатской готовностью, предпочли бы Австрію» (бр. 2); 2) «Мы будемъ поборники и защитники нашей конституціи». 3) «Наша священная обязанность поддерживать и защищать Его Высочество во всѣхъ его дѣлахъ до тѣхъ поръ, пока онъ не измѣнитъ настоящаго своего поведенія». 4) «Мы окончательно объявляемъ себя противъ всякихъ распоряженій русскаго правительства». 5) «Мы того мнѣнія, что гдѣ партіи, тамъ и свободная жизнь и контроль надъ управляющими». 6) «Относительно войскъ, нашихъ храбрыхъ войскъ мы желаемъ, чтобы они остались въ нашихъ собственныхъ рукахъ, въ рукахъ народа, изъ котораго они происходятъ. Нѣсколько спеціалистовъ, если они нужны для ихъ обученія, пусть законтрактуются, но только изъ державъ, которыя не думаютъ обращать Болгарію въ свое собственное помѣстье... Чтобы быть въ состояніи исполнять эту задачу, наши войска должны стоять внѣ всякой политической партіи».

Посмотримъ, какъ исполняется эта программа и какъ она понимается. Какъ понимаютъ гг. редакторы свое первое положеніе, мы уже видѣли. Относительно втораго они говорятъ, что они являются поборниками и защитниками конституціи единственно потому, что «она является желѣзной гарантіей нашей (болгарской) свободы и независимости». Какъ же понимается эта свобода и независимость? А вотъ какъ. «Мѣсяцъ тому назадъ», пишетъ «Независимость» отъ 8 марта, «г. Бурмовъ», бывшій болгарскій министръ президентъ, «отправился въ Петербургъ. Зачѣмъ съ какой цѣлью отправился г. Бурмовъ, мы не могли узнать. По однимъ, онъ повезъ какія-то письма отъ русскаго агентства, по другимъ — онъ былъ посланъ цанковистами, чтобы представить русскимъ дипломатамъ истинное положеніе Болгаріи и указать имъ планъ, какъ превратить «несчастную Болгарію въ Задунайскую губернію». Словомъ, г. Бурмовъ поѣхалъ въ Питеръ, а зачѣмъ, Господь знаетъ, но вотъ «по частнымъ свѣдѣніямъ гг. редакторы узнаютъ, что онъ былъ на аудіенціи у г. Гирса, а г. Гирсъ представлялъ его Императору «на тайной аудіенціи», и гг. редакторы восклицаютъ (приводимъ въ дословномъ переводѣ это восклицаніе изъ бр. 2, опуская только площадныя ругательства, на которыя «Независимость» большая мастерица): «Но когда ты явишься въ Болгарію, мы съ тобой расправимся и за революціи и за тѣ угощенія, которыя приготовлялись въ твоемъ домѣ на 7 ноября для сербовъ, и за множество другихъ дѣлъ, которыя ты... предпринималъ». Къ 22 марта планъ расправы уже окончательно сложился въ головахъ гг. редакторовъ: «Мы ожидаемъ, что наши пловдивскіе друзья, пишутъ они въ 6 номерѣ, въ виду чрезвычайныхъ услугъ г. Бурмова, оказанныхъ нашему несчастному отечеству въ Петербургѣ, не замедлятъ устроить ему *овацію*». Дѣйствительно, овація была устроена и вотъ что доноситъ услужливый пловдивскій корреспондентъ «Независимости» отъ 24 марта: «Г-нъ Бурмовъ вернулся изъ Россіи черезъ Царьградъ и 19 ч. этого мѣсяца прибылъ въ нашъ городъ. Въ тотъ день, когда онъ отправлялся въ Софію, въ концѣ города, близъ областнаго острога, его встрѣтило нѣсколько человѣкъ и послѣ небольшаго разговора по поводу его путешествія въ Россію и о цѣли этого путешествія, славно его поколотили, пустивъ ему кровь изъ головы» (бр. 7). Вотъ вамъ и конституціонная свобода и независимость, поборники которой и накинулись на городскаго кмета Димитрова, зачѣмъ онъ арестовалъ виновниковъ этой чисто конституціонной расправы, не пощадили даже самого Каравелова, который по телеграфу позволилъ этотъ арестъ.

Ну, а на основаніи чего же пришла «Независимость» къ такому отрицательному отношенію ко «всякимъ распоряженіямъ русскаго правительства»? А вотъ почему: въ Болгаріи народъ особь статья и правительство особь статья, ergo и въ Россіи тоже: «правительство и народъ это еще не одно и то же. Да и зачѣмъ далеко ходить за примѣромъ? Не бывало ли и у

насъ такъ, что являлись у власти такія правительства, которыми была недовольна вся страна» (бр. 7). Какъ видите, вполнѣ логично; да и можетъ ли быть не логично у Захаріи Стоянова, который съ друзьями знаетъ Россію еще лучше, чѣмъ «интелигентенъ момъкъ» Търновской Конституціи и Финляндію смѣшиваетъ съ Прибалтійскимъ краемъ (бр. 3). Э! да велика важность, хорошо, что гг. редакторы знаютъ, что есть Балтійское море и гдѣ-то около него Финляндія: гдѣ бы она ни была, это ихъ нисколько не безпокоитъ, а ихъ гораздо болѣе безпокоитъ и возмущаетъ то обстоятельство, что гдѣ-то тамъ «въ Прибалтійскомъ краѣ»—въ «Финляндіи» заключаютъ гг. редакторы—полиція изымается изъ вѣдѣнія ландтаговъ и ландратовъ и на общемъ основаніи передается въ вѣдомство мин. внутр. дѣлъ. «Нека се крѣпятъ сега нещастнистѣ финляндци»! восклицаютъ гг. редакторы, а нещастнитѣ финляндци» ничего такого и не подозрѣваютъ. Но еще болѣе возмущаются духомъ гг. Стояновъ и К° тѣмъ, что Св. Сvнодъ нашелъ неприличнымъ ношеніе вѣнковъ передъ гробомъ въ погребальныхъ процессіяхъ, что еванг.-лютер. приходскія и сельскія училища въ Прибалтійскомъ краѣ подчиняются министерству нар. просвѣщ., что правительство рѣшилось поддерживать въ Рижской епархіи 4 православныя церкви («конечно и вмѣстѣ съ ихъ колоколами» съ усмѣшечкой замѣчаетъ К°) и что главное управленіе по дѣламъ печати будетъ имѣть непосредственный надзоръ за типографіями въ Вильнѣ, Кіевѣ, Ригѣ и Одессѣ. «Кто знаетъ, каковы отправленія мин. нар. просвѣщ. въ Россіи», замѣчаетъ по этому поводу К°, тотъ легко пойметъ человѣчность и пользу нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ измѣненій». А каковы же эти отправленія?! Во всякомъ случаѣ, позволительно думать, не таковы, какъ отправленія «Независимости», которая возбуждаетъ гимназистовъ въ Пловдивѣ и Ломѣ противъ учителей и съ распростертыми объятіями даетъ на своихъ страницахъ мѣсто мальчишескимъ выходкамъ 6-ти классниковъ и 4-роклассниковъ противъ своего гимназическаго начальства. Это по всей вѣроятности она дѣлаетъ въ виду 5 положенія своей программы увеличивать число партій. Пусть-де съ малолѣтства привыкаютъ къ крикунству: потомъ выйдутъ изъ нихъ славные и преполезные для отечества дѣятели, такимъ-де образомъ легче дойдемъ и до 6 положенія программы и скорѣе поставимъ войска свои внѣ всякой политической партіи. Да, мудръ независимый тріумвиратъ! а вотъ все славянство до чего глупо, такъ просто ужасъ! Видите ли, послѣ перваго своего номера «Независимость» принуждена была замолчать на цѣлые $1^1/_2$ мѣсяца и вотъ во время ея молчанія и болгарскій и славянскій народъ натворили массу глупостей, а именно: «въ Москвѣ въ это время умеръ И. С. Аксаковъ, глава славянофиловъ въ Россіи. По случаю этой смерти у насъ пѣлись панихиды, произносились рѣчи, посылались соболѣзновательныя депеши, возлагались вѣнки на могилу покойнаго и пр. Мы считаемъ, что дань эта памяти Аксакова у насъ ничѣмъ не заслужена имъ и какъ люди, не держащіеся... правила: «de mortuis aut nihil aut bene», мы въ особой статьѣ постараемся разсмотрѣть эти «заслуги» Аксакова передъ Болгаріей, которыя дали право большинству нашей интеллигенціи признавать его и провозглашать *неутомимымъ борцомъ за нашу свободу.* Къ несчастію, этой статьи до сихъ поръ изъ-подъ пера почтенной К° не появилось, появилось только *открытое письмо* г. Стоянова къ покойному Ивану Сергѣевичу. Ну да вѣдь чтоже? невозможное для другихъ возможно для К°. Письмо (бр. 3), само собою разумѣется, написано въ духѣ «Независимости» и содержитъ не мало грязныхъ выходокъ, какъ лично противъ Ивана Сергѣевича, такъ и противъ Россіи. Эти выходки «Независимости» противъ Россіи до того грязны, что сама «Търновска Конституция» наконецъ выступила противъ неумѣреннаго ея усердія и заявляетъ, что «каждый народъ для самаго себя есть достойный народъ и каждое правительство для своего народа вполнѣ достойное правительство» и что-де постоянно вертѣться съ вѣчнымъ повтореніемъ колоколовъ, самоваровъ и кнутовъ совсѣмъ неприлично, что «у болгаръ-де есть буклица, у англичанъ бифштексъ, а у итальянцевъ макароны, но никто же не донкихотничаетъ съ ними, да и въ русской культурѣ есть кое-что и кромѣ ко-

локоловъ и самовара. «Какъ хотите, заключаетъ свою передовую статью въ 18 номерѣ (отъ 29 марта) «Т. К.», а услуга «Независимости» при настоящихъ обстоятельствахъ не различается отъ услуги, о которой говоритъ пословица: «кучето (собака), като (если) не знае да лае, само (только) вкарва (зазываетъ) вълка въ кошарата (хлѣвъ)». «Независимость со своимъ донкихотствомъ и ребячествомъ является безсознательно мостомъ для того вліянія, противъ котораго она борется», заканчиваетъ съ грустью Т. К.

Наконецъ-то стали догадываться гг. народные руководители, что народъ обманывать нельзя, что онъ тотчасъ же разгадаетъ цѣну всѣхъ этихъ «интеллигентныхъ момковъ» и всѣхъ донкихотствующихъ публицистовъ и самъ отыщетъ правду, какъ ее ни прячутъ эти руководители. Стали догадываться народные вожди, стали и мѣнять свой голосъ; теперь появилась и русская культура, прекратились и нападки, а вѣдь давно ли еще они давали на своихъ страницахъ мѣсто разнымъ интеллигентнымъ момкамъ, давно ли толковали народу, что Россія преслѣдуетъ свои цѣли и не желаетъ болгарамъ добра (бр. 13), что русскіе офицеры развращали болгарскія войска, что послѣднія «дѣлались разсадниками въ болгарскихъ хижинахъ, селахъ и городахъ чужаго языка и чужихъ дурныхъ пріемовъ, что военная служба до сихъ поръ подрывала отчизництво, разрушала связи между солдатомъ и отечествомъ и наполняла села людьми съ испорченнымъ языкомъ и чужими примѣрами (разумѣется худшими) (бр. 14)».

Давно ли еще на страницахъ «Т. К-ціи» находилъ себѣ мѣсто «одинъ полякъ, но никакъ не аристократъ», за которымъ она съ достоинствомъ и ученымъ видомъ знатока повторяла, «что поляки во время своего возстанія въ 1863 г. требовали, чтобы во владѣніе крестьянъ была передана обрабатываемая ими земля и этимъ способомъ заставили русское правительство не только признавать въ Польшѣ это преобразованіе, но и ввести его въ Россіи. Безъ этого дѣла польской аристократіи и безъ польскаго возстанія 1863 г., очень вѣроятно, что до сихъ поръ еще существовало бы невольничество и крѣпостничество крестьянъ въ Россіи и въ русской Польшѣ» (бр. 14). Вожди «на народната либерална партия» и забыли, что они живутъ не до Р. Х., а послѣ и что потому 1863 годъ никакъ не могъ вліять на 1861. Впрочемъ, какъ и не забыть: цанковисты и народная партія въ Пловдивѣ пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе сторонниковъ, вездѣ собираются митинги, на которыхъ заявляется настоятельная необходимость возобновленія прежнихъ отношеній къ Освободительницѣ, и приходится этимъ вождямъ довольно таки жутко, вотъ и начинается новое пусканіе пыли въ глаза народу: мы-де вовсе не порывали связей съ Россіей, а виноватъ въ этомъ Цанковъ и русская дипломатія (бр. 23). А съ противной стороны между тѣмъ твердятъ, что соглашеніе князя Александра съ Турціей есть униженіе и продажа болгарскаго народа. Князь, чтобы остаться правителемъ южной Болгаріи на новыя пять лѣтъ, долженъ будетъ заискивать у султана, а черезъ это послѣдній будетъ вліять на Баттенберга не только какъ на правителя Восточной Румеліи, но и какъ на правителя Сѣверной Болгаріи. Князю слѣдовало бы прежде заключенія этого соглашенія спросить совѣта у Великаго Народнаго Собранія. Забывъ объ этомъ, онъ нарушилъ свою присягу, и потому вся отвѣтственность падаетъ на него одного. «За то, что мы рѣшились на революцію, полную опасности, что мы въ жертву своему соединенію принесли свой матеріальный достатокъ, такъ что наша земля не придетъ въ себя цѣлыхъ десять лѣтъ, за то, что мы потеряли болѣе 10,000 людей, за то, что мы обременили весь свой народъ — за все это чего мы добились? Ничего другаго, какъ только оскорбительной дѣйствительности, что князь болгарскій сдѣлался турецкимъ чиновникомъ... Это вовсе не было цѣлью нашихъ желаній!.. Отъ Александра мы ожидали приведенія въ дѣйствительность нашихъ идеаловъ, нашего спасенія и счастія. Вмѣсто того мы ввергнуты въ пропасть. Есть люди, которые говорятъ, что наименованіе князя Александра турецкимъ управляющимъ есть только форма, а соединеніе въ сущности дѣло совершившееся. Но только дѣтей можно этимъ обмануть. Ложью народъ не удовлетворишь!

Вотъ какова неприглядная картина болгарской печати! Не менѣе неприглядна

и самая жизнь. «Въ сѣверной и южной Болгаріи смута на смутѣ, пишетъ софійскій корреспондентъ «Нȁродныхъ Листовъ», хаосъ, который только прикрывается кажущимся порядкомъ. Уже плохо для Болгаріи то, что небольшое, недавно только созданное государство, которое такъ настоятельно нуждается въ установленіи своихъ разрушенныхъ отношеній, хочетъ упорно проводить политику великихъ задачъ, только чтобы князь его могъ играть слишкомъ видную роль въ исторіи Балканскаго полуострова, между тѣмъ какъ внутри не прекращаются неурядицы и несогласія. Ни одинъ болгаринъ, по европейски образованный или хватившій по крайней мѣрѣ цивилизаціи, не хочетъ успокоиться на томъ, чтобы быть простымъ гражданиномъ своего отечества: каждый хочетъ имѣть участіе въ правленіи или прямое, или съ помощію своихъ друзей; но главной и прямой причиной этой жажды правленія служитъ желаніе пожить на счетъ государства и заключить съ нимъ выгодный торгъ.»

Изъ распоряженій болгарскаго правительства заслуживаютъ вниманія два княжескіе указа отъ 29 марта о введеніи военнаго положенія и о созывѣ избирателей представителей въ народное собраніе на 11 и 18 мая. По поводу послѣдняго указа «Независимость» обращается съ воззваніемъ къ населенію Южной Болгаріи, въ которомъ убѣждаетъ ихъ не забывать, что люди восхищались ихъ дѣйствіями, что *англійскій вѣстникъ «Пальмаль-Газетъ» взялъ* ихъ *въ примѣръ*, что и англичане изгонятъ своего перваго министра, какъ и они пашу 6 числа—*похвала*, которая *во сто разъ выше всякаго императорскаго благоволенія»*, убѣждаетъ ихъ избирать такихъ людей, «которые были бы прежде всего болгары, а потомъ уже славяне и православные», убѣждаетъ наконецъ помнить, «что эта Ѳракія дала болгарскому народу тѣ свѣтила свободы, которыя боролись и умерли не за покровительскую десницу, не за *порядокъ* и за православіе, а за свободу и независимость Болгаріи». Подъ воззваніемъ подписалась вся независимая К°. Хорошая проповѣдь! Можно при ней ожидать долговѣчности государства!

И. Ш.

Изъ сербской печати.

Министерскій кризисъ въ Сербіи по преимуществу занималъ сербскую печать. Всѣ независимыя сербскія газеты единодушно привѣтствовали слухъ о новомъ министерствѣ Ристича. Имя Ристича, говоритъ *Србобран* въ № 65, есть символъ другаго начала въ управленіи, болѣе согласнаго съ интересами Сербіи. Отъ его твердаго управленія Сербія можетъ ожидать только добра. Около его имени могутъ сойтись всѣ сербскія партіи, что особенно важно теперь для Сербіи, въ виду тревожнаго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ. Когда пришла депеша о неудачѣ Ристича и о назначеніи министерства Гарашанина, Србобран не хотѣлъ даже этому вѣрить. Но пришлось повѣрить. Новое министерство, въ составъ котораго вошли *три адъютанта* короля, имѣетъ военный характеръ. Характерно, что военный министръ Хорватовичъ въ то же время сдѣланъ главнокомандующимъ арміей, а Гарашанинъ министромъ - президентомъ и внутреннихъ дѣлъ. Первымъ дѣломъ этого министра было объявить о распущеніи скупщины и о назначеніи на апрѣль и май новыхъ выборовъ. На сколько эти выборы будутъ свободны, можно судить уже изъ предписанія о конфискаціи всѣхъ независимыхъ сербскихъ газетъ (*Застава* № 48).

Назначенію новаго министра предшествовали переговоры короля съ австрійскимъ посланникомъ Кевенгюллеромъ. Послѣдній далъ въ честь счастливаго событія банкетъ, противъ котораго готовилась было демонстрація, предупрежденная однако полиціей (*Србобран* № 66)

Въ виду предстоящихъ выборовъ въ скупщину, либералы соединились съ радикалами. Ожидается жестокая избирательная борьба (*Србобран*, № 72).

По мнѣнію *Заставы* (№ 41) Сербія находится предъ революціей, которая расчиститъ удушливый воздухъ и покончитъ борьбу короля съ народомъ. Тутъ не помогутъ никакія временныя мѣры въ родѣ смѣшаннаго министерства; нужна сильная власть, которой король бы не мѣшалъ. Между тѣмъ король ставилъ не

премѣннымъ условіемъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ напредняки не предавались суду, чтобы прежняя не народная политика оставалась безъ перемѣны, чтобы и не думали о возвращеніи митрополита Михаила. Понятно, что на такія условія Ристичъ не могъ согласиться. Печальнѣе всего то, что король отождествляетъ политику Гарашанина съ своей собственной, что онъ стоитъ не выше партій, а самъ составляетъ антинародную партію (*Застава*, № 42).

Въ рядѣ интересныхъ статей эта послѣдняя газета доказываетъ что для Сербіи единственное спасеніе—Россія, которая можетъ ее избавить отъ короля Милана, какъ можетъ избавить Болгарію отъ Баттенберга. Миланъ и Баттенбергъ, по ея мнѣнію, погубятъ эти страны, если не прервать ихъ дѣятельности. (*Застава* №№ 43, 44). Новое министерство *Застава* считаетъ объявленіемъ войны народу и передаетъ извѣстіе, что Австрія обѣщала дать Сербіи еще денегъ, т. е. втянуть ее въ новый заемъ.

Въ венгерскомъ сеймѣ обсуждался законопроектъ о переустройствѣ въ городахъ и общинахъ (*Србобран*, № 60). Коммисія церковнаго сербскаго собора имѣла нѣсколько засѣданій.

Српски Лист (№ 12) высказался въ такомъ же духѣ, какъ *Србобран* и *Застава*.

Д. И—скій.

Изъ словинской печати.

«Slovenski Narod» въ № 33, отъ 14 февраля, помѣстилъ передовую статью, посвященную памяти покойнаго И. С. Аксакова. Позволяемъ себѣ воспроизвести ее въ извлеченіи на страницахъ «Извѣстій»:

«Въ прошлый понедѣльникъ ударъ поразилъ сердце, которое носило въ себѣ и радости и горе всего славянства: умеръ въ Москвѣ гражданинъ, всему славянскому и неславянскому міру извѣстный публицистъ и политикъ Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ, на 63 году своей жизни.

«Смерть его—великая утрата для Россіи и для всего славянства; одинаково сильно ощущается она, какъ ощущалась въ свое время и утрата Скобелева, ибо Аксаковъ всю свою жизнь посвятилъ дѣлу на пользу славянской идеи, которой онъ былъ главнымъ представителемъ и своимъ вліяніемъ пріобрѣлъ себѣ столько приверженцевъ, что даже высшая власть не оставляла безъ вниманія его мнѣній и мнѣній его сторонниковъ, главный станъ которыхъ находился въ старославной Москвѣ.

«Добрыхъ 33 года подвизался Аксаковъ на общественномъ поприщѣ, до самаго конца неуклонно проводя свои идеи, отступиться отъ которыхъ не могли его заставить даже строгія мѣры власти, которымъ онъ двукратно подвергался. Уже въ 1852 г., по подозрѣнію въ принадлежности къ тайному политическому обществу, онъ былъ лишенъ права издавать въ Россіи какой бы то ни было журналъ и обязанъ былъ представлять всѣ свои рукописи въ Петербургскую цензуру.

«Но это наказаніе не было продолжительнымъ. Подобно тому какъ у насъ послѣ Маджента и Сольферино, такъ и въ Россіи послѣ крымской войны измѣнилось теченіе внутренней жизни; потянуло свободнымъ воздухомъ, и журналистика вздохнула свободнѣе; и это не осталось безъ послѣдствій: подоспѣла оживленная дѣятельность, въ которой Аксаковъ принялъ горячее участіе. Между другими его дѣлами было и водительство въ извѣстномъ намъ кружкѣ «Общества Славянофиловъ», которое въ 1855 году снова ожило и позднѣе преобразовалось въ «Московскій Славянскій Благотворительный Комитетъ.

«Какую силу имѣло это Общество, видно было во время сербско-турецкой и позже во время русско-турецкой войны; оно снабжало деньгами и оружіемъ добровольцевъ, толпами прибывавшихъ въ Сербію на бой съ турками; милліоны рублей жертвовало оно на освобожденіе юго-славянъ и цѣлыя батареи крупповскихъ орудій поставило на поле битвы, ибо, кромѣ обильныхъ приношеній московскихъ купцовъ и милліонеровъ, вся Россія поддерживала названное Общество, во главѣ котораго стоялъ Аксаковъ».

Упомянувъ затѣмъ о второй карѣ, постигшей Аксакова по поводу его извѣст-

ной рѣчи о берлинскомъ трактатѣ, и сказавшейся въ удаленіи его въ деревню Варварино вмѣстѣ съ закрытіемъ Общества, статья продолжаетъ:

«Позже, будучи помилованъ, Аксаковъ, ранѣе искусившійся уже въ публицистической дѣятельности (онъ издавалъ сначала «День», затѣмъ «Москву», а потомъ первыйі русскій политическій журналъ, полученный словинцами) сталъ и здавать новый политическій журналъ «Русь», отличавшійся своими обстоятельными статьями и разсужденіями, въ которыхъ ясно и неуклонно проводилась самостоятельная политика».

Упомянувъ затѣмъ объ отношеніи Аксакова къ пловдивскому перевороту и о неодобрительномъ отзывѣ его о русской дипломатіи, навлекшемъ на него упреки въ отсутствіи патріотизма, статья говоритъ: «какъ кажется, эти обстоятельства, въ связи съ неурядицей на Балканахъ, ускорили его кончину. Онъ умеръ отъ разрыва сердца, который столь обыченъ въ жизни публициста.

«О его жизни и дѣятельности много можно было бы написать, но обстоятельства намъ того не дозволяютъ, ибо и такъ уже кто нибудь на насъ будетъ смотрѣть, зачѣмъ мы написали этотъ скромный некрологъ умершему славянскому родолюбцу. Извѣстно вѣдь, что нѣкоторымъ не нравится слово «славянинъ», другихъ возмущаетъ названіе «православный», третьимъ не понутру оба слова вмѣстѣ.

«Но мы увѣрены, что большинство читателей и безъ того настолько хорошо знаютъ Аксакова, что намъ не пришлось бы повѣдать ничего новаго. Заключаемъ статью пожеланіемъ, чтобы судьба дала намъ подобныхъ ему родолюбцевъ славянскихъ и восклицаемъ: *Вѣчная ему память»!*

Изъ событій текущей жизни словинцевъ занимаютъ теперь вновь изданный законъ о народномъ ополченіи и вопросъ о «Шармидовскомъ законѣ». О томъ, какъ отнеслись они къ этимъ событіямъ, сообщимъ въ слѣдующій разъ.

Ѳ. И.

Галичина.

Народныя волненія среди мазурскаго населенія западной части Галиціи привлекли общее вниманіе, доставили газетамъ обильный матеріалъ и коментировались ими на разные лады.—Само польское общество всего менѣе было приготовлено къ внезапно разыгравшимся событіямъ. Нынѣшніе хозяева Галиціи съ такимъ вниманіемъ и усердіемъ ведутъ свою политику по отношенію къ Руси, такъ много находятъ въ ней работы для себя, что естественно отвлеклись отъ собственныхъ дѣлъ. И вдругъ, среди мазуровъ, гдѣ нѣтъ ни Наумовича, ни «Науки», ни общества Качковскаго, ни «Русской Рады», ни читаленъ, гдѣ заботы о народѣ предоставлены всецѣло спеціально польскимъ учрежденіямъ, въ родѣ Мацѣржы, Людовой Освяты, Вѣньца и Пщулки кс. Стояловскаго; гдѣ, повидимому, немыслима антипольская, антишляхетская, «москалефильская» агитація (Н. Пр. 324), вдругъ въ этой благодатной странѣ волненія! Очень естественно, что въ первую минуту удивленія заподозрили и здѣсь вездѣсущій «рубль». Конечно, «рубль»—это лишь привычно-безсознательное, невозможное восклицаніе галиційскихъ дѣятелей, обращенныхъ къ грустной дѣйствительности отъ сладкихъ грезъ о полномъ спокойствіи и тишинѣ, по крайней мѣрѣ, на время заключенія участниковъ «шизматицко-панрусскаго» Кирилло-Меѳодіевскаго юбилея въ Петербургѣ. Однако, поиски въ этомъ направленіи были производимы, хотя и оказались совершенно напрасными: не открыто нигдѣ ни слѣда заграничной агитаціи. Пришлось, такимъ образомъ, вникнуть въ живую дѣйствительность, дать себѣ въ ней отчетъ и отъ великихъ замысловъ объ осуществленіи Ягеллоновскихъ идей перейти къ трудной и для польской шляхты весьма непріятной работѣ—изученію быта и положенія хлопа. Въ нѣкоторыхъ польскихъ органахъ послышались трезвые голоса, старающіеся выясненіемъ дѣйствительнаго положенія вещей содѣйствовать устраненію зла. Заговорили о бѣдственномъ положеніи польскихъ крестьянъ, о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ, не покидающихъ традиціонной эксплоатаціи хлопа, о полномъ устраненіи послѣдняго отъ дѣлъ края. «Если бы, говоритъ, пр. «Нов. Реформа» *), рань-

---

*) Свѣдѣнія о мазурскихъ волненіяхъ беремъ изъ газеты «Край» №№ 16 и 17.

ше и энергичнѣе заняться народными школами, еслибы дать въ нихъ народу просвѣщеніе, еслибы земледѣльческія общества существовали не три лишь послѣдніе года, но были устроены раньше и въ большемъ количествѣ, если бы школа общественной жизни не оканчивалась всего чаще выборной агитаціей, поддерживаемой весьма нерѣдко прямо деморализирующими средствами, если бы уставъ народныхъ гминъ не положилъ китайской стѣны между крестьяниномъ и помѣщикомъ, если бы народъ въ наиболѣе важныхъ дѣлахъ чувствовалъ дѣйствительно благожелательную опеку, не было бы теперь проявленій столь сильнаго недовѣрія и даже вражды». О, если бы!.. Казалось, поляки Галиціи, послѣ столь внушительнаго вразумленія, обратятся отъ безпрерывнаго вмѣшательства въ чужое хозяйство къ своему собственному. Могло казаться, но плохо вѣрилось, а теперь положительно можно утверждать, что отрезвленіе было лишь минутнымъ. Нѣкоторыя нѣмецкія газеты не безъ основанія увидѣли въ волненіяхъ результаты польскаго хозяйничанья. Такое указаніе немедленно произвело свое дѣйствіе, и органъ руководящей польской партіи «Часъ» обратился къ своимъ первымъ товарищамъ съ упреками въ раздуваніи пустыхъ сплетенъ. Можно бы подумать, говоритъ краковскій руководящій органъ, что мы празднуемъ свѣтлые праздники на вулканѣ, а вѣдь вотъ—съ наивнымъ недоумѣніемъ продолжаетъ онъ—все спокойно; между тѣмъ «извѣстное и по извѣстнымъ (?) причинамъ возникшее безпокойство въ умахъ крестьянъ (это особенно хорошо) получило грозное названіе крестьянскихъ волненій, слухи о немъ дошли до Парижа, Лондона, Берлина, Петербурга, на край брошена мрачная тѣнь. О, бабьи сплетни, бабьи сплетни! Такимъ образомъ, руководящая часть польскаго общества уже успокоилась, другую часть скоро успокоятъ патетическія «если бы!», и ягеллоновская идея будетъ по прежнему привлекать всѣ силы націи, быть можетъ даже, вслѣдствіе извѣстныхъ уроновъ въ другихъ частяхъ Польши, стремленіе къ ея осуществленію станетъ болѣе напряженнымъ. Признаки этого стали замѣтны давно, и мы ихъ уже указывали. Въ прошломъ обозрѣніи мы старались сообщить главнѣйшіе факты, касающіеся учрежденія новой Станиславовской епархіи и перваго ея епископа Пелеша. Не можемъ не замѣтить, что съ его именемъ, съ его программой, провозглашенной въ пастырскихъ посланіяхъ, какъ-то необыкновенно тѣсно связываются идеи, горячимъ провозвѣстникомъ которыхъ является проповѣдникъ свято-юрской каѳедральной церкви о. Л. Бобровичъ, постаравшійся связать свое изданіе съ именемъ еп. Юліана, поздравляя его въ первомъ нумерѣ со вступленіемъ на епископскій престолъ и смиренно прося у него пастырскаго благословенія *). Какой же трудъ, какія задачи имѣетъ въ виду новый органъ? Въ отвѣтъ на это мы приведемъ весьма яркую передовую статью образцоваго нумера, заслуживающую тѣмъ большаго вниманія, что посланіе еп. Пелеша является въ существенныхъ пунктахъ лишь ея эхомъ.

Чтобы дать болѣе наглядное представленіе о новомъ органѣ, мы приведемъ ее въ подлинникѣ.

«Русь! Кому же въ грудяхъ не ударить живѣйше сердце па се миле слово? Русь—то наша отчина съ своею исторіею, преданіями, звычаями и обычаями, то народъ самъ съ своею мовою, литературою, пѣснями и надѣями на щастливѣйшу будучность!.. Русь свята—то вѣрна дочка церкви вселеньскои, съ цѣлою дружиною святыхъ, съ своимъ пречудеснымъ обрядомъ и богослужебнымъ языкомъ, съ своими храмами и особенностями святыми. Русь—то мати родна, то браты и сестры мили, то цѣла родина наша, то все наше, що по Бозѣ на землѣ наймилѣйше сердцю!

Русь — то та родинна землиця, такъ красна и цвѣтуча, а такъ бѣдна и безталанна, мовъ заплакана вдова, що своимъ дѣточкамъ ніякои рады дати не може... А тыхъ дѣтокъ у нея богато, та що зъ того, коли не всѣ, якъ треба. Мало такихъ, що ю щиро любять. Одни до ней признають ся тогды лишень (лишь), коли имъ того треба, други цураються (чуждаются), инши отрекши ся бѣднои, идуть до богатшихъ сусѣдовъ и передъ ними еще на ню ворогують. А сусѣды у неи не зовсѣмъ добры. Одна сусѣдка еще

---

*) О «Руси» кс. Л. Бобровича см. «Извѣстія» за прошлый годъ, № 11—12.

яко тако, бо хотя часомъ сварлива и на паню хора, то все таки своячка и сама бѣдна вдова... Можна бы съ нею жити въ згодѣ, а при згодѣ добитися якоись лѣпшой долѣ.

Кобы не другій сусѣдъ-ворогъ було бы все добре. Зайшовъ пройдисвѣтъ, выдеръ вдовиче майно (добро) та еще подюджуе (подстрекаетъ) одну на другу, щобы середъ сварнѣ (вражды) еще що запопасти (заполучить).

Ой, бѣдна ты, бѣдна земле родинна! Ктожъ тебе оборонить отъ гибели, на яку наважився твой ворогъ!? Кто розкаже твоимъ дѣточкамъ про твою славу, твои болѣ (скорби), та пригодае цѣль, якои достигнути маешь? Кто стане на сторожѣ твоего слова, твоихъ олтаровъ и народныхъ святощей? Яко вѣрни сыны матери Руси, чимъ можемо, идемо ей служити, а коли годѣ (нельзя) инакше, то письмомъ прислужитись еи дѣтямъ хочемо. Заводимо нову часопись (изданіе), надаючи ей миле и всѣмъ русскимъ сердцямъ дороге материнске имя «Русь.» До того дѣла спонукуе насъ не партійна пристрасть, або гоненье за популярностью, но передо всѣмъ горяча любовь для св. католическои церкви. Колись нашъ народъ, майже цѣлый, належавъ до сеи великои родины, маючи за Отца Намѣстника Христоваго на землѣ, но — зъ причинѣ сумныхъ (печальныхъ) политичныхъ и суспольныхъ (общественныхъ) обставинъ (обстоятельствъ) прійшло до того, що нынѣ ледви (едва) маленька часть его подъ владѣньемъ августѣйшеи династіи Габсбурговъ, остояла ся передъ напоромъ раскола.

Споглядаючи теперь съ радостю на великодушни змаганья (усилія) князѣвъ нашои рускои церкви, съ апостольскою ревностью стремячихъ до цѣли указанои Спасителемъ «да будутъ едино» и не опускаючихъ зъ ока, що находяться еще «ини овцы, яже не суть отъ двора сего, и тыи... подобаетъ привести», мы зъ нашои стороны, о сколько силъ, до тыхъ спасительныхъ змагань, нашъ трудъ прилучити хочемо.

Побочь (кромѣ) любови для вѣры, церкви и нашого обряду,—въ сердцѣ нашомъ стоить любовь для дорогои отчины – для Руси. Видѣти еи единство въ вѣрѣ подъ верховнымъ пастыремъ вселенскои церкви, бачити еи силу и славу въ народномъ разцвѣтѣ и радовати ся еи побѣдою надъ всѣми противностями, то наше наисердечнѣйше божанье (желанье). Съ самоотверженьемъ и цѣлымъ пожертвованьемъ себе, вступаемо отже на арену публицистичнои дѣятельности, щобы рука въ руку съ правдивыми сынами Руси вѣрно и честно послужити нашому народови; радовати ся его радостьями, журити ся (печалиться) его журбою, слѣдити всѣ проявы его житья и поступу (развитія)—то предметъ нашего труду. Стоячи отже (и такъ) на становищи единства католическои церкви и интересовъ австрійскои державы, повторяемо, що ставимо яко цѣль нашого труда: нормальный и самостойный (самостоятельный) розвой нашои народности, приготовляючи ся до такого посланництва, яке еи провидѣнье Боже середъ народами повѣрити (повѣрити) зволить. Не спускаючи съ очей сеи единственно понятнои цѣли, для которои народъ нашъ существуе, будемо слѣдити за всякими проявами нашего церковного, политичного и суспольного житья, за развоемъ нашои литературы и въ загалѣ (вообще) за всѣмъ тымъ, що насъ до тои цѣли приближае, або отъ неи отдаляе.

Кто признае потребу часописи въ такомъ направленью, кто сочувствуе выраженнымъ выше желаньямъ, кого упередженье (предубѣжденіе) и партійни пристрасти не морочать, кому вже надоѣли негативни усилія самозванныхъ народныхъ проводировъ и хотѣвъ бы вже разъ станути на твердой подставѣ реального труду для хосна (пользы) Руси,— тому наша часопись вай служить за органъ, въ котромъ свои гадки и погляды буде могъ смѣло высказати».

Не то-ли самое говоритъ въ посланіяхъ новый епископъ, указывая народу на его принадлежность римской церкви, какъ на его величайшее благо, призывая паству смирить свой національный патріотизмъ, помнить, что всѣ — дѣти одного отца-папы и т. д.? Такимъ образомъ, идеи «Руси» дѣйствительно получили пастырское освященіе; для цѣлой епархіи онѣ становятся руководящими. Пожеланія, высказываемыя «Русью», какъ будто начинаютъ сбываться. Іезуиты все болѣе и болѣе расширяютъ свою дѣятельность: въ Хировѣ, недалеко отъ Добромиля, они основываютъ новое

учебное заведеніе въ большихъ размѣрахъ, въ которомъ между прочимъ будутъ преподавать и литературный русскій (т. е. великорусскій) языкъ. Вся Галичина, безъ малѣйшаго исключенія, давно уже громко заявила свое отношеніе къ іезуитамъ, но, въ глазахъ новыхъ дѣятелей, они единственные спасители и обновители уніи; всенародные громкіе протесты противъ нихъ—лишь «злостная клевета» («Русь» № 5, см. объ этомъ «Слово» № 35). Дѣятельность лицъ, всѣ силы посвятившихъ служенію народу, заслужившихъ его полное довѣріе и уваженіе, но имѣющихъ смѣлость не идти покорно въ поводу оо. змартвыхвстанцевъ, вызываетъ со стороны новыхъ дѣятелей самыя ожесточенныя нападки. Въ томъ же образцовомъ № «Руси» говорится, пр., слѣдующее: «Удивительно, что русскія газеты, прямая обязанность которыхъ остерегать публику передъ всякими покушеніями на народныя сокровища, столь упорно молчатъ о посягательствахъ на «русскій» языкъ «московско-схизматицкой» «Науки»?

«Горяча бо уже пора, заключаетъ кс. Бобровичъ, щобы Русь, проснувшись съ апатичнои дремоты и побачивши въ яку то матню мними еи проводиры, народъ русскій загнати хочутъ, яки сокровища еи выкрасти силують ея, щобъ ихъ, нибы подкрадаючихъ ся злодѣевъ, геть отъ себе прогнала!» Вдохновителями «Руси» въ этомъ случаѣ являются, конечно, тѣ, которые благоразумно предоставивъ ей первый голосъ, теперь и сами взываютъ къ исключительнымъ мѣрамъ. Приведя довольно подозрительныя цифры суммы, получаемой якобы о. Іоанномъ въ Россіи, «Штандарь» (онъ же «Стражница») восклицаетъ: «въ виду такой пропаганды не слѣдуетъ-ли примѣнить к. н. исключительнаго права, не слѣдуетъ-ли административнымъ органамъ взять подъ болѣе строгій (?!!) надзоръ московскихъ конспираторовъ въ Галиціи?» (Сл. 30). И.... карканье воронъ оправдало народную примѣту. Въ 39—49 № «Слова» встрѣчаемъ извѣстіе о запрещеніи «Науки» изданномъ митр. Сильвестромъ и подтвержденномъ еп. Пелешомъ для Станиславовской епархіи. По поводу этого запрещенія о. Іоаннъ помѣстилъ въ томъ же № «Слова» замѣтку, гдѣ, между прочимъ, говоритъ слѣдующее: «по-моему, прекращеніе «Науки», очевидно, желательное въ извѣстныхъ кругахъ, отразится неблагопріятно на массѣ русскаго народа, такъ какъ она, существуя уже 14 лѣтъ, стала для него авторитетомъ, удерживающимъ отъ чтенія гораздо болѣе опасныхъ для католицизма и даже для христіанства брошюръ, какими въ настоящее время наводняется наша Галичина.. Пишу эти строки не pro domo sua... Могу всякаго увѣрить, что я былъ бы готовъ сейчасъ передать «Науку» въ болѣе опытныя руки, если бы онѣ нашлись. Даже разница въ догматахъ меня не стѣсняетъ. Я вѣрю въ будущность русской церкви, а настоящее время считаю переходнымъ. Я желалъ бы видѣть преемникомъ хотя бы и уніата, но только не іезуита. Найдется таковой, я буду ему весьма благодаренъ за принятіе на себя моего труда. Но пока онъ не явился, я считаю священнымъ долгомъ продолжать изданіе до тѣхъ поръ, пока уже рѣшительно не хватитъ средствъ, а для меня насущнаго хлѣба и надо будетъ искать его на широкомъ пространствѣ св. Руси, гдѣ онъ, безъ сомнѣнія, найдется».

Всего этого однако новымъ дѣятелямъ мало. Если бы къ о. Іоанну немедленно примѣнены были самыя исключительныя мѣры, останутся его идеи, его духъ. Его произведенія составляютъ и, безъ сомнѣнія, будутъ составлять любимѣйшее чтеніе галицкаго народа; долго, долго еще они будутъ служить для него главнѣйшимъ источникомъ просвѣщенія. Надо поэтому подвергнуть строгой очисткѣ народныя читальни, вопіютъ устами кс. Бобровича змертвыхъвстнцы, и... какъ свѣтскія, такъ и духовныя власти усердно слѣдятъ теперь за этимъ. Власти то стараются убѣждать русскихъ крестьянъ, что для нихъ читальни не нужны — къ чему такая роскошь?—то требуютъ, чтобы основатели ихъ были непремѣнно грамотны, хотя въ дѣйствительности нерѣдко бываетъ, что въ читальни собираются неграмотные послушать чтеніе и такимъ образомъ узнать что нибудь полезное, то наконецъ прямо налагаютъ на нихъ свою руку и притомъ уже не только въ Галиціи, но даже въ Буковинѣ. Такъ, напримѣръ въ селѣ Бергомети нѣсколько лѣтъ мирно существовала русская читальня.

Вдругъ, по какому-то доносу, изъ нея забираютъ всѣ книжки, печатанныя въ Львовѣ и Черновцахъ, уже прошедшія благополучно всякія чистилища, препровождаютъ ихъ въ Черновцы, держатъ тамъ и въ это же время останавливаютъ доставку свѣжихъ русскихъ книгъ и газетъ (Сл. 31).

А вотъ, напримѣръ, картинка изъ области административныхъ польскихъ порядковъ. Громада Пронятинъ Тернпольскаго повѣта рѣшила въ административной переписке употреблять русскій языкъ. Несмотря на ясное распоряженіе министерства отъ 11 іюня 1869 г., по которому «den Corporationen und Gemeinden in dem Verkehre mit der K. K. Behörden und Aemtern die Freiheit des Gebrauches einer der drei Sprachen (ruth poln. deutsh) gewahrt und andrerseits die Verpflichtung der Behorden aufrecht bleibt in der ämtlichen Ausfertigung an dieselben sich der betreffenden Sprache zu—bedienen»—несмотря на это — административнымъ повѣтовымъ властямъ рѣшеніе громады не понравилось, и въ отзывѣ къ громадѣ по этому поводу, онѣ поучаютъ ее, что въ сношеніяхъ съ властями обязателенъ языкъ польскій, и что въ противоположномъ случаѣ, онѣ обратятся къ старосту «aby we wspólnem porozumieniu zapobiedz *systematycznie prowadzonemu podzurbaniu* (!!) gminy przeciw istniejącym ustwom i wadzom przetozonym». Польскіе администраторы прямо заявляютъ, что они «придушатъ» вольнодумную громаду, въ чемъ, конечно, врядъ ли можно сомнѣваться.

Кончаемъ: нѣтъ силъ заносить новые факты! Приведемъ только содержаніе одной изъ каррикатуръ «Страхопуда (№ 2), прекрасно изображающей современное состояніе Галичины. Передъ оградой церкви съ трираменными крестами стоитъ Страхопудъ, украшенный калитой съ пресловутыми «rublami moskiewskimi», поднявъ свою сатирическую метлу. Стремительно кидается на него іезуитъ, высоко поднявъ кропило, очевидно, желая этимъ отогнать отъ церкви непрошеннаго охранителя. За іезуитомъ мальчики держатъ листъ бумаги съ надписью — «Миръ» — газета для porządnych ksidęzów»... и съ напряженнымъ любопытствомъ смотрить — co to z tego będzie; тутъ же и «Русь» о. Бобровича въ видѣ гуся, далеко впрочемъ нелапчатаго, а надъ всѣмъ этимъ паритъ по направленію къ той же церкви цѣлая стая вороновъ, покрытыхъ іезуитскими шляпами, совершенно заслоняя свѣтъ солнца. Сверху подпись: «послѣ приказа изъ Рима, щобы римскіе и уніатскіе епископаты старались примирити русскихъ съ поляками въ Галичинѣ».

И. Ф.

Редакціей газеты «Parlamentär» отдѣльно издана брошюра — Nomenclation der österreichisch—ungarischen Russen».

Считаемъ не лишнимъ привести изъ нея содержаніе наиболѣе интересныхъ мѣстъ. Древнерусское—«русинъ» (подобно какъ—болгаринъ, сербинъ, гречинъ, армянинъ) въ греческомъ языкѣ могло быть выражено единственно въ формѣ — Ρουθηνος; собирательная форма οἱ Ρῶς (Русь), а отсюда названіе страны Ρωσια. Въ латинскомъ языкѣ Ρουθηνος = Ruthenus, склоняясь какъ всякое прилагательное, приняло во множественномъ числѣ форму Rutheni.

Названіе это не вытѣснило и не замѣнило другихъ синонимическихъ выраженій—Russus, Russi (Rusci, Ruszi, Ruizi, Ruzzi) и названіе страны является лишь въ формѣ производной отъ этихъ словъ—Russia, Ruscia, Ruszia, Ruzzia (напримѣръ M. D. Lithuaniae et Russiae; Russia hungarica; metropolita totius Russiae).

На всемъ пространствѣ территоріи, занятой русскимъ племенемъ народъ вездѣ говоритъ «по русски», называетъ себя—«русинъ» или прилагательнымъ «русскій»; для обозначенія женскаго рода употребляется исключительно форма—«русска(я)», и совершенно чуждъ другихъ обозначеній, а если и допускаетъ таковыя, то заимствуетъ ихъ исключительно отъ названій мѣстныхъ центровъ—москвичи, новгородцы, галичане. Даже выдѣляющіеся изъ сплошной русской массы—лемки (др. бѣлохорваты) и бойки (др. бѣлосербы) и тѣ говорятъ «по русски», называютъ все свое, даже духовенство и церковь — русскими», вовсе не подозрѣвая существованія выраженій—рутены, русины и т. п. Согласно съ этимъ, при Іосифѣ II и до 1810 г. лекціи во львовской высшей школѣ читались на языкѣ «русскомъ».

Съ этимъ совершенно согласны выдающіеся слависты, начиная съ Шафарика. Даже пр. Бидерманъ считаетъ австро-угорскихъ русскихъ—ёchte eigentliche Russen. Тѣмъ не менѣе онъ совѣтуетъ имъ усвоить названіе «рутеновъ», въ отличіе отъ великороссовъ, которые, по его мнѣнію, представляютъ финско-татарскую помѣсь. Совѣтъ, возражаетъ авторъ брошюры, идущій въ разрѣзъ съ глубоко укоренившимся въ общенародномъ употребленіи названіемъ, тѣмъ болѣе несостоятеленъ, что опирается на мнимую чистоту и безпримѣсность племени, лишенную всякаго основанія. Примѣсь польскихъ, финскихъ, татарскихъ и монгольскихъ элементовъ въ восточной вѣтви русскихъ столь же несомнѣнна, какъ примѣсь литовцевъ, хазаръ, печенѣговъ, половцевъ, татаръ и черкесовъ — въ западной. Разница лишь въ томъ, что первая вѣтвь продолжаетъ активное ассимилированіе и теперь, а вторая закончила его въ XIII вѣкѣ и теперь сама подвергается ассимиляціи. Сѣверо-восточные германцы поглотили не мало славянскихъ и литовскихъ элементовъ, поглащаютъ ихъ и до настоящаго времени, но это вовсе не даетъ повода южнымъ германцамъ отдѣлять себя отъ своихъ собратьевъ, называть себя тевтонами, названіемъ совершенно аналогичнымъ рутенамъ и столь же вполнѣ основательнымъ въ латинскомъ языкѣ. Передъ 1848 г. въ австрійской монархіи выработалась практика называть австро-угорскихъ русскихъ—рутенами; румынъ Угріи, Седмиградіи и Военной Границы—валахами, а буковинскихъ—молдаванами; сербовъ—иллирами. Относительно другихъ народовъ это оставлено ужс давно; русскіе же въ этомъ, какъ и въ безчисленномъ множествѣ другихъ случаевъ составляютъ исключеніе.

Въ латинскомъ языкѣ названіе—Teuto для нѣмца, Ruthenus—для русскаго имѣютъ полное основаніе, но не въ нѣмецкомъ, тѣмъ болѣе въ русскомъ. По русски всякій отдѣльный русскій можетъ называться – русинъ, но окончаніе *ин* никакъ не можетъ оставаться въ множественномъ числѣ. Австрійская Русь основательно называется Малою, но совершенно неумѣстно переносить это названіе на всю страну даже за Днѣпръ. Кіевъ не Малая Русь, а бывшій центръ общерусской жизни. Во всякомъ случаѣ какъ бы великъ или малъ ни былъ объемъ Малой Руси, не можетъ быть рѣчи о малорусскомъ языкѣ. И у поляковъ есть Великая и Малая Польша, но нѣтъ велико и мало-польскаго языка.

И. Ф.

Галицкіе іезуиты имѣютъ полное право ликовать, въ виду успѣховъ своихъ нравственныхъ правилъ среди, къ счастью пока, лишь польскихъ представителей. Въ № 34 «Дѣла» встрѣчаемъ интересное сообщеніе о двухъ публичныхъ лекціяхъ извѣстнаго гр. В. Дзѣдушицкаго «О Руси во времена Рѣчи Посполитой». Общіе взгляды графа, въ послѣднее время весьма усердно старающагося пріобрѣсти возможно больше приверженцевъ своей исторіософіи, заключаются въ превознесеніи шляхетства и благъ западной культуры. Оба эти начала торжествують на Руси до XVI вѣка. Съ этого времени Русь представляетъ много фактовъ, которые графъ счелъ за лучшее обойти молчаніемъ, не забывъ однако послать не мало укоровъ по адресу Баторія за его отношенія къ казачеству и русской церкви. Эти отношенія послужили зерномъ, изъ котораго впослѣдствіи, къ великому огорченію лектора, возникла Сѣчь и братства, и вотъ въ настоящемъ графъ видитъ между русской демократіей и польской шляхтой цѣлую бездну, и теперь еще духъ русскаго народа считаетъ золотую шляхетскую вольность равной неволѣ и тираніи. Эту-то бездну и стремится загладить графъ, а средство для этого — «zblizenie sie do ludu». «Болѣе просвѣщенные, говоритъ онъ, должны безъ чванства изучать народъ, сближаться съ нимъ, равнять съ собой и народъ, и, языкъ и обрядъ, въ полной увѣренности, что вольность все соединитъ братски и въ этомъ братствѣ доставитъ навѣрно побѣду тому, что лучше и выше.»

Къ чему насилія?

Польскія, или даже утраквистическія школы, польскій языкъ въ судѣ и администраціи, уѣздные совѣты, волостные писаря, ссудныя кассы съ польскими капиталами, организованные кружки, реформированные базиліане и кадры кс. Калинки — вотъ средства, долженствующія

безъ насилій и криковъ привести къ уничтоженію бездны, къ «тихой ассимиляціи.»

На всякаго мудреца довольно простоты, и гр. Дзѣдушицкій раскрылъ свои карты.

Галичане, конечно, удивлены весьма мало, но они все таки, благодарны графу, ярко доказавшему, что изъ двухъ польскихъ партій — умѣренной и крайней — послѣдняя, пожалуй, гораздо безвреднѣе.

Въ фельетонахъ «Дѣла» (№№ 18, 33) помѣщенъ переводъ статьи г. Э. Огоновскаго: «Русины (?!) въ отношеніи этнографіи, языка, исторіи и литературы».

(Статья эта появилась раньше въ «Allgemeine Encyklopädie d. Wissenschaften u Künste v. Ersch u Gruber. II Section, v. Ang. Leskien, 37 Theil).

Въ первой главѣ (этнографія) здѣсь высказываются мысли, составляющія основу предисловія къ отдѣльному труду того же автора—«Studien auf dem Gebiete der ruthenischen Sprache», подробному и основательному разбору котораго посвящена значительная часть статьи А. Н. Пыпина (Вѣстн. Евр. апрѣль, стр. 765—775). Мы указываемъ галицкимъ украйнофиламъ на эту статью; съ своей стороны, считаемъ не лишнимъ привести ея заключеніе:

«Относительно сравненія литературы южно-русской съ голландской или датской можно замѣтить, что положенія весьма различны. Во-первыхъ, южно-русская литература у галичанъ почти или совсѣмъ забыла преданія древняго и средняго періода, строится вновь на народномъ языкѣ, который однако и до нынѣ еще не можетъ установиться, а въ громадномъ большинствѣ южноруссовъ, находящихся въ Россіи, является провинціализмомъ, тогда какъ для высшихъ цѣлей науки и литературы для малоруссовъ въ Россіи существуетъ уже богатый матеріалъ на русскомъ языкѣ. Во-вторыхъ, важнымъ въ высшей степени факторомъ литературнаго развитія языка бываетъ его значеніе государственное: только оно дѣлаетъ народъ *націей* и этого условія не имѣютъ «рутены» въ сравненіи съ Даніей и Голландіей.

Что же касается до того, что русскій языкъ «не есть еще всемірный», то во всякомъ случаѣ его литература есть самая обширная по объему и богатая по содержанію славянская литература; и если ея поэтическія произведенія получаютъ въ послѣднее время такое широкое распространеніе въ Европѣ и если русская наука даетъ уже свои самостоятельные вклады въ содержаніе науки европейской, то, думаемъ, они могли бы съ пользой послужить и для галичанъ: *имъ естественнѣе было бы примкнуть* къ *этому родственному движенію*, чѣмъ нуждаться въ «всемірной литературѣ» чужаго языка, которая огромному большинству будетъ все таки недоступна, а вмѣстѣ будетъ имѣть на слабую народность подавляющее вліяніе». **И. Ф.**

Письма изъ Парижа *).

II.

Вашъ корреспондентъ Н. Барсовъ проситъ меня сообщить ему нѣкоторыя свѣдѣнія о «Musée Slave» въ Парижѣ и о русскихъ іезуитахъ въ этомъ городѣ. Я охотно это дѣлаю. Уже съ давнихъ лѣтъ въ іезуитскомъ орденѣ существуетъ извѣстное число русскихъ, принявшихъ католицизмъ. Около двадцати лѣтъ тому назадъ, у нихъ возникла мысль составить славянскій отдѣлъ въ общественной библіотекѣ, который они и назвали: «Musée Slave des Saints Cyrille et Methode»; эта библіотека, благодаря пожертвованіямъ и пріобрѣтеніямъ, стала одной изъ самыхъ богатыхъ въ Парижѣ, по этой части; вслѣдствіе распущенія ордена іезуитовъ, библіотека раздѣлилась на двѣ части; одна была перенесена въ частный домъ, занимаемый нѣсколькими русскими іезуитами, другая была отдана на храненіе библіографическому обществу, которое издаетъ обозрѣніе «Polybiblion»; въ этомъ сборникѣ состоитъ сотрудникомъ отецъ Мартыновъ (изъ Казани) и одинъ изъ его русскихъ соотечественниковъ, отецъ Пирлингъ. Вслѣдствіе распущенія общества Іисуса, издаваемый ими сборникъ:

*) См. Извѣстія № 11—12 1885 г.

«Etudes religieuses, philosophiques, historiques et litteraires» пересталъ выходить. Съ тѣхъ поръ русскіе іезуиты сотрудничаютъ въ двухъ сборникахъ, имѣющихъ *оба* католическій оттѣнокъ, въ «Polyblion» и въ Revue des questions historiques», сборникѣ, выходящемъ черезъ три мѣсяца. Отецъ Мартыновъ помѣщаетъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, въ Revue des questions historiques», подъ заглавіемъ: «Courrier Russe»—свѣдѣнія о главнѣйшихъ ученыхъ и археологическихъ изданіяхъ современной Россіи. Эти свѣдѣнія сослужили большую услугу русской наукѣ. Съ нѣкотораго времени отецъ Мартыновъ, занятый въ Римѣ работами исключительно теологическаго характера, долго не помѣщалъ «Courrier Russe» въ Revue des questions historiques. И только въ № отъ 1-го апрѣля появилась его статья; нужно надѣяться, что онъ по прежнему будетъ писать отъ времени до времени. Въ настоящее время онъ занятъ изданіемъ *большаго* труда о славянскихъ апостолахъ Кириллѣ и Меѳодіи, отрывки котораго уже появились, и трудъ этотъ обѣщаетъ быть весьма интереснымъ. Въ 1881 г. онъ напечатанъ въ Петербургѣ, въ журналѣ: «Памятники древней письменности и искусства»—Бдинскій Сборникъ, рукопись гентской библіотеки. Прежде этого, онъ издалъ въ Парижѣ: «Annus ecclesiasticus graeco—slavicus», приложеніе къ сборнику Bollandistes и La description des manuscrits slaves de la Bibliothèque Jmperiale de Paris. Это одинъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ и ученыхъ людей; покойный И. И. Срезневскій очень цѣнилъ его достоинства, и, пріѣзжая въ Парижъ, всегда навѣщалъ его. Рядомъ съ нимъ, самый ученый изъ русскихъ іезуитовъ отецъ Пирлингъ: онъ занимался особенно изученіемъ отношеній Россіи къ Римской церкви. Мы ему обязаны слѣдующими изданіями: *Rome et le Faux Dmitri*, въ одномъ томѣ: *Etudes sur la Sorbonne et Russie*, одинъ томъ, и цѣлой серіей маленькихъ томиковъ, изданныхъ книгопродавцемъ Леру (Leroux), объ извѣстномъ сочиненіи «*Missio-Moscovitica*» отца Поссевина, посланнаго римскимъ дворомъ къ Іоанну Грозному. Эти томики носятъ слѣдующія заглавія: «Possevini *Missio-Moscovitica, Rome et Moscou* (1567—1579). *Un nonce du pape en Moscovie, Une mediation du Saint Siege au seizieme siècle.* Послѣдній томъ появился въ Брюсселѣ. Сочиненія отца Пирлинга были разобраны недавно профессоромъ Успенскимъ, въ журналѣ «Министерства Народнаго Просвѣщенія.» Подобно отцу Мартынову, отецъ Пирлингъ пишетъ въ «Revue des questions historiques» и въ «Polybiblion.» Маленькія книжки отца Пирлинга, появились всѣ, за исключеніемъ одной, въ сборникѣ, озаглавленномъ: «Bibliothèque Slave Elzevirienne»; всѣ онѣ посвящены Россіи, кромѣ апрѣльскаго №, посвященнаго Кириллу и Меѳодію. Этотъ сборникъ кажется, назначенъ замѣнить библіотеку русскую и польскую, издаваемой прежде книгопродавцемъ Герольдомъ (Herold), изданія котораго нынѣ весьма рѣдки. Ваши читатели, конечно, знаютъ имя М. Е. Лавелэ (Laveleye), ученаго профессора политической экономіи въ Ліежскомъ университетѣ. Г. Лавелэ очень интересуется славянскими народами, онъ уже имъ посвятилъ интересное сочиненіе въ двухъ томахъ, которые онъ когда-то напечаталъ подъ заглавіемъ: «la Prusse et l'Autriche depus Sadova (книгопродавецъ Hachette). Онъ предпринялъ путешествіе въ 1883г. на Востокъ, съ цѣлью изучить положеніе дунайскихъ государствъ. Онъ только что издалъ свои путевыя впечатлѣнія въ двухъ объемистыхъ частяхъ въ 8-ю долю листа: «La Peninsule des Balkans» (Парижъ, книгопродавецъ Abkan). Въ этомъ сочиненіи онъ излагаетъ вкратцѣ впечатлѣнія путешествія своего въ Австріи, Кроатіи, Босніи, Сербіи, Болгаріи, Румеліи, Турціи и Румыніи. Эти впечатлѣнія носятъ крайне либеральный характеръ и благопріятный славянской эмансипаціи. Г. Лавелэ не сторонникъ гегемоніи ни германской, ни мадьярской, онъ требуетъ для славянъ независимости и федераціи. Самая интересная часть этого сочиненія та, которую авторъ посвятилъ Болгаріи и особенно Македоніи. Г. Лавелэ не былъ самъ въ этой послѣдней провинціи, гдѣ путешествовать неудобно и даже опасно, но онъ собралъ о ней подробныя свѣдѣнія, и главная его заслуга въ томъ, что онъ раскрылъ въ англійской и французской прессѣ, ужасное положеніе болгаръ македонскихъ.

Въ итогѣ, его книга заключаетъ серьезные и интересные документы, она особенно будетъ полезна восточнымъ дипломатамъ, малосвѣдующимъ въ историческихъ и этнографическихъ вопросахъ.— Рекомендуя вамъ сочиненіе г. Лавеле, я не могу не отмѣтить въ обратномъ смыслѣ брошюру озаглавленную: *«Les slaves méridionaux»*, Г. Прико (Pricot de Sainte Marie) французскаго консула въ Салоникахъ (книгопродавецъ Tetscherin въ Парижѣ). Эта брошюра ничто иное, какъ новое изданіе съ перемѣной заглавія того же самаго сочиненія, напечатаннаго въ первый разъ въ 1874 г. Авторъ этого труда въ такой степени невѣжда, что считаетъ Трансильванію славянской страной; славяне этой страны, по его мнѣнію — шеклеры, (szeklers) происходящіе отъ печенѣговъ. Risum teneatis! Вся книга въ этомъ родѣ; она совершенно негодна. Не имѣя болѣе указать вамъ серьезныхъ сочиненій, перехожу къ области фантазіи.

Вотъ, напримѣръ, романъ съ русскимъ заглавіемъ: *Tatiana Leilof*, Эдуарда Родъ (книгопродавецъ Plon). Авторъ позаботился прибавить, что это парижскій романъ, но героиня русская. Романъ построенъ на слѣдующемъ фактѣ, сдѣлавшимъ, нѣсколько тому лѣтъ, много шуму въ Парижѣ: молодая дѣвушка, русскаго происхожденія, г-жа Фейгина (Feygine), вообразивъ, что обладаетъ сценическимъ талантомъ, дебютируетъ въ Comedie Française, гдѣ не имѣетъ успѣха вслѣдствіе своего иностраннаго акцента; она сблизилась съ молодымъ джентельменомъ, бывшимъ въ то время въ большой модѣ, герцогомъ М... (въ жилахъ котораго, по матери, течетъ тоже русская кровь); вслѣдствіе происшедшей между ними сцены ревности, герцогъ застрѣлился въ ея гостиной. Этотъ трагическій эпизодъ г. Родъ растянулъ въ довольно безцвѣтномъ романѣ. Его героиня уроженка самарской губерніи, она ѣдетъ изъ Самары въ Парижъ по желѣзной дорогѣ на Казань (?) Москву, Петербургъ. Очевидно, что эта молодая особа мало знакома съ системой желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Она встрѣчается въ Парижѣ съ студенткой-нигилисткой, типъ которой слабо скопированъ съ Машуриной Тургенева. Длинная глава подъ заглавіемъ Кощей (Kostchei), гдѣ героиня поступаетъ на сцену и становится въ интимныя отношенія съ герцогомъ М., предназначена насъ убѣдить, что г. Родъ хорошо изучилъ русскія сказки. Кощей—эгоистичный любовникъ, который разбиваетъ сердце молодой дѣвушки; сомнѣваюсь, чтобъ французская публика что нибудь поняла въ этомъ неожиданномъ развитіи славянской миѳологіи. Въ сущности, Россія не играетъ большой роли въ этомъ сочиненіи; героиня вмѣсто того чтобъ быть русской, могла бы одинаково быть венгеркой или валашкой; романъ отъ этого не измѣнился бы и не былъ бы менѣе скученъ. Болѣе интересное сочиненіе—это разсказъ г-жи Генри Гревиль (Henri Greville): *Cléopatre* (книгопродавецъ Plon). Все дѣйствіе происходитъ въ Петербургѣ; Клеопатра, молодая дѣвушка, благородная, но бѣдная; ея красота возбуждаетъ симпатію въ одномъ высокопоставленномъ лицѣ, которое не можетъ или не хочетъ на ней жениться; съ досады, она становится женой стараго генерала, влюбляется въ одного молодаго красиваго шведа, получаетъ разводъ и умираетъ въ то время, когда выходитъ замужъ за своего возлюбленнаго. Интрига романа весьма не сложная, она прикрашена пріятными описаніями русской жизни въ Петербургѣ. Г-жа Гревиль относится очень симпатично къ русскому обществу, которое она описываетъ въ лучшемъ свѣтѣ; дамамъ въ особенности нравятся русскіе романы, которые вообще ставятся выше французскихъ. Нѣкоторые выдерживали до 40 изданій.

Я вамъ какъ-то говорилъ уже о томъ любопытствѣ, съ какимъ встрѣчаются переводы русскихъ романовъ и объ интересѣ, который нынѣ придаютъ нѣкоторымъ изъ нихъ. Наша читающая публика стала почти руссоманской. Вотъ довольно интересное этому доказательство. Въ 1878 г. книжный магазинъ Didier пустилъ въ продажу переводъ повѣсти графа Льва Толстаго «Семейное счастье», названной «Катя». Этотъ переводъ прошелъ почти незамѣченнымъ—съ 1878 по 1886 г, въ 8 лѣтъ едва было продано 600 экземпляровъ; издатель, видя успѣхъ «Войны и Міра», возымѣлъ мысль сдѣлать новую обертку «Кати» и выдать ее

за новое сочиненіе. Въ двѣ недѣли онъ продалъ 1,500 экземпляровъ и принужденъ сдѣлать новое изданіе. Кромѣ того, послѣ «Войны и Міра» и «Анны Карениной», книгопродавецъ Hachette недавно напечаталъ: «Казаки», «Воспоминанія о Севастополѣ». Этотъ томъ, имѣющій для французовъ въ нѣкоторомъ родѣ историческій интересъ, будетъ принятъ не хуже, чѣмъ предъидущіе. Другой русскій романистъ, входящій въ моду, уже послѣ своей смерти—это Писемскій. Я его хорошо зналъ лично: завѣтной его мечтой было видѣть свои сочиненія во французскомъ переводѣ, и лѣтъ 12 тому назадъ, онъ мнѣ преподнесъ полное собраніе своихъ сочиненій, въ надеждѣ, что я что нибудь переведу. Къ сожалѣнію я былъ тогда занятъ другимъ. Послѣ перевода Достоевскаго, г. Дерели (Derely) пришла мысль перевести также Писемскаго. Онъ перевелъ при жизни автора «Въ водоворотѣ»; а послѣ его смерти онъ напечаталъ «Тысяча душъ». Къ сожалѣнію г. Дерели, никогда не бывшій въ Россіи, довольствуется своими переводами, не сообщая ничего отъ себя, въ особыхъ примѣчаніяхъ или литературныхъ помѣткахъ, объ авторахъ, которыхъ онъ переводитъ. Писемскій былъ въ такомъ восторгѣ видѣть свои сочиненія въ переводѣ, что онъ смотрѣлъ на своего переводчика, какъ на самаго замѣчательнаго писателя современной литературы.

Другой славянскій писатель, или по-крайней мѣрѣ принимаемый за таковаго, стяжающій нынѣ любовь нашей публики, это галиційскій еврей Захеръ Мазохъ. Лѣтъ 12 тому назадъ въ «Revue de deux Mondes» появился переводъ нѣскольких его разсказовъ и съ тѣхъ поръ почти всѣ наши журналы печатали его. Всѣ его разсказы были собраны въ одинъ томъ Гашетомъ, который издалъ нѣсколько тому лѣтъ «Le lege de Pain» и печатаетъ нынѣ «Sacha et Sachka» и «La Mère de Dieu». Эти романы не дадутъ парижской публикѣ точнаго понятія ни о жизни, ни о нравахъ славянъ; но романы Захеръ-Мазоха нравятся нашей публикѣ, потому что описываютъ въ невыгодномъ цвѣтѣ нѣмцевъ.

Два года назадъ, процессъ Крашевскаго привлекъ вниманіе на знаменитаго польскаго романиста; на него смотрѣли, какъ на жертву прусской политики и этимъ обстоятельствомъ онъ пріобрѣлъ многочисленныя симпатіи нашей публики. Его соотечественники воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ издать по-французски нѣкоторыя изъ его сочиненій. Переводъ «Ulana» появился у книгопродавца Кольманъ Леви; издатель Гашетъ выпустилъ романъ «Sur le Sprée», переведенный M. A. H. Этотъ томъ входитъ въ собраніе лучшихъ иностранныхъ романовъ. Интересно отмѣтить, что почти никто изъ французовъ, выказывавшихъ столько симпатій полякамъ, не далъ себѣ труда изучить польскій языкъ. Я знаю только двухъ французовъ, которые могутъ прочесть польское сочиненіе въ оригиналѣ; одинъ изъ нихъ г. Лежѐ (Leger), профессоръ славянской литературы въ Collège de France, другой, профессоръ, поселившійся въ Краковѣ—г. Юлій Міенъ (Mien); онъ издалъ на французскомъ языкѣ нѣсколько переводовъ польскихъ поэтовъ, преимущественно Словацкаго.

Еще одинъ польскій романистъ, обратившій на себя вниманіе нашей публики—это Сенкевичъ; «Nouvelle Revue» напечаталъ переводъ его «Bartek vainqueur» (это исторія одного познанскаго крестьянина). Сочиненіе это, льстящее нашимъ германскимъ антипатіямъ, имѣло извѣстный успѣхъ; оно появилось въ новомъ изданіи съ замѣчательнымъ предисловіемъ одного изъ соотечественниковъ автора, подписавшимся *De Wyzewa.*

Не только въ однихъ литературныхъ предѣлахъ начинаютъ интересоваться славянами; начинаютъ подозрѣвать, что есть славянская наука, и что она заслуживаетъ изученія. Въ Парижѣ появился новый журналъ подъ заглавіемъ: «Archives Slaves de Biologie» (цѣна подписки 30 фр. въ годъ, 111, Boulevard Saint-Germain); онъ издаетъ или неизданныя сочиненія, редактируемыя ихъ авторами, спеціально для французской публики, или переводы, или разборы сочиненій, напечатанныхъ въ журналахъ русскихъ, чешскихъ, польскихъ, библіографическіе отчеты, библіографію новыхъ изданій славянскихъ, хронику. Въ этомъ журналѣ состоятъ редакторами: M. Maurice Mendelssohn и Charles Richet. Г. Мендельсонъ русскаго про-

исхожденія, г. Рише профессоръ меди цинскаго факультета, одинъ изъ нашихъ выдающихся ученыхъ.

Весьма было бы желательно, чтобъ этотъ трудъ имѣлъ успѣхъ. Между всѣми славянскими языками, понятно, русскій мы болѣе изучаемъ. Вотъ фактъ чисто статистическій, позволяющій дать отчетъ о распространенности этого изученія. На французскомъ языкѣ существуютъ три русскія грамматики, изъ которыхъ одна напечатана въ Германіи, а двѣ другія въ Парижѣ. Самая употребительная покойнаго Рейфа. Третье изданіе этой грамматики, напечатанной въ 1,500 экземплярахъ, появилось въ 1861 г.; оно разошлось только въ 1878 г Въ теченіе этого времени она продавалась менѣе чѣмъ по 100 экземпляровъ въ годъ. Въ 1878 г. Леже выпустилъ исправленное и дополненное изданіе этой грамматики; оно состояло изъ 1,500 экземпляровъ, которые разошлись въ 1885 г., значитъ продажа въ теченіе этого періода повысилась до 300 экземпляровъ въ годъ; въ 1886 г. этотъ же самый профессоръ только что выпустилъ пятое изданіе той же самой грамматики (книгопродавецъ Maisonneuve) и этотъ разъ въ числѣ 3,000 экземпляровъ. Данныя цифры удостовѣряютъ вполнѣ распространеніе русскаго языка.

Въ прежнія времена Collège de France въ Парижѣ было единственнымъ госу дарственнымъ учебнымъ заведеніемъ, гдѣ преподавался русскій языкъ (поочередно съ другими славянскими языками). Нынѣ русскій языкъ, между прочимъ, преподается въ школѣ восточныхъ языковъ, въ высшей военной школѣ (academie d'état major) и въ школѣ политическихъ наукъ—институтъ частный, но имѣющій значеніе государственнаго учрежденія.

Слафянофилъ.

Изъ Праги.

(Корреспонденція).

Къ вопросу о томъ: «Какъ поднять чешскую народную литературу». См. «Извѣстія» 1885. № 11—12.

(Athenaeum. 3-й годъ, № 2 и 3. 1885 г.).

Проф. Резекъ начинаетъ съ того, что статья Т. Г. Массарика возбудила большое движеніе въ чешскомъ интеллигентномъ обществѣ. Та откровенность, съ которою проф. Массарикъ указываетъ на недостатки чешской литературы, вѣроятно, оцѣнена по достоинству образованными чехами, потому что самовосхваленіе служитъ главнымъ препятствіемъ прогресса, а сознаніе недостатковъ—первымъ шагомъ къ отстраненію ихъ.

Что касается средствъ къ поднятію чешской научной литературы, то въ этомъ пунктѣ г. Резекъ исправляетъ путь, намѣченный проф. Массарикомъ.

Онъ считаетъ болѣе практичнымъ расширить дѣятельность уже 100 л. существующаго «королевскаго богемскаго ученаго общества». На отдѣльную чешскую академію наукъ потребуется много денегъ, а взять ихъ неоткуда. По примѣру другихъ патріотическихъ предпріятій, можно бы было устроить сборъ на академію въ чешскомъ народѣ, но это было бы уже грѣшно. И безъ того чешскій народъ жалуется на тяжесть пожертвованій на «центральную чешскую школьную Матицу», на «Пошумавское общество» *), на «Сѣверо-чешское общество» **) и на разныя и разныя обще-чешскія и мѣстныя нужды.

На чешскихъ меценатовъ плохая надежда. Тогда какъ поляки и хорваты имѣютъ меценатовъ изъ аристократіи, русскіе и болгары—изъ купцовъ, чехи ни того, ни другаго. Только архитекторъ Іосифъ Главка изъ Вѣны пожертвовалъ 20,000 гульд. (около 16,000 руб.) на «королевское богемское учное общество», въ пользу *чешской* научной литературы. Да еще раньше него князь Юрій Лобковичъ далъ на то же учрежденіе 2,000 гульд., какъ субсидію на сочиненіе о сельскомъ людѣ и подданническихъ отношеніяхъ въ Чехіи. Вотъ и всѣ дары чешскихъ меценатовъ.

Отъ правительства, при теперешнихъ обстоятельствахъ многаго нечего ждать. Съ 1885 г. оно положило ассигновать ежегодно 5,000 гульд. на «королевское богемское ученое общество», что и вы-

---

*) Оно имѣетъ цѣлію оказывать не только духовную, но и, главнымъ образомъ, матеріальную поддержку чешскому элементу въ Шумавскомъ краю (Богемскій лѣсъ). См. объ немъ въ «Изв. Сл. Бл. Общ.» въ №№ за іюнь—іюль въ статьѣ: «отъ Праги до Вѣны».

**) Такое же общество для сѣверной части Чехіи.

ставляется какъ субсидія исключительно въ пользу чешскаго народа, хотя указанное общество есть собственно утраквистическое, т. е. оно общее учрежденіе обоихъ народовъ Чехіи: чеховъ и нѣмцевъ. Въ силу всего этого нужно чехамъ воспользоваться существующимъ «королевскимъ богемскимъ ученымъ обществомъ». Правда что у чешскихъ ученыхъ младшаго поколѣнія существуетъ нерасположеніе къ теперешней постановкѣ упомянутаго ученаго общества: оно утратило связь съ чешскимъ обществомъ, но все же нужно помнить. что съ основаніемъ его связано возрожденіе научнаго движенія въ Чехіи; въ немъ работали великаны чешскаго народа: Добровскій, Шафарикъ, Палацкій, Пуркинье и др. Потомъ библіотека общества считаетъ 13,000 томовъ, большею частію изданій и публикацій австрійскихъ и заграничныхъ ученыхъ обществъ. Въ настоящее время указанное общество обмѣнивается своими изданіями съ 233 учеными обществами (съ 5-ю русскими). Наконецъ, годовой доходъ его около 12,000 гульд. Остается похлопотать въ рейхсратѣ только объ увеличеніи правительственной субсидіи.

Въ возможности пользоваться существующимъ утраквистическимъ ученымъ обществомъ для поднятія чешской научной литературы авторъ не сомнѣвается. Вѣдь и въ силу предшествующей практики ученый можетъ печатать свое изслѣдованіе въ актахъ общества на томъ языкѣ, на которомъ ему угодно. Потомъ г. Резекъ совершенно согласенъ съ проф. Массарикомъ въ томъ, что чехи нуждаются въ научномъ органѣ на какомъ-либо европейскомъ языкѣ для ознакомленія ученаго свѣта съ чешскими работами.

Еще въ одномъ вопросѣ расходится г. Резекъ съ мнѣніемъ Т. Г. Массарика, именно въ изданіи академіей наукъ чешскихъ учебныхъ пособій для студентовъ и вообще для общества. По предметамъ, по которымъ всегда бываетъ много слушателей, такія пособія разойдутся сами собою, т. е. будутъ покупаться слушателями. На изданіе же пособій по предметамъ, которые обыкновенно изучаетъ небольшое число студентовъ, а также на изданіе переводовъ особенно важныхъ иноязычныхъ сочиненій, достаточно одной субсидіи отъ академіи наукъ.

А преобразованному «королевскому богемскому ученому обществу», или, если хотите, назовите: «чешской академіи наукъ» должна быть предоставлена исключительно научная, т. е. монографическая работа.

II.

Статья проф. Массарика коснулась, такъ сказать, назрѣвшаго вопроса въ чешской интеллектуальной жизни, чѣмъ и объясняется горячій интересъ, возбужденный ею... Въ III статьѣ по указанному вопросу, статьѣ глубоко прочувствованной, выступаетъ проф. Сейдлеръ Онъ еще рѣзче, чѣмъ г. Массарикъ, выставляетъ то положеніе, что «въ широкихъ слояхъ чешскаго народа замѣчается полное отсутствіе всякаго научнаго интереса». Чешская литература — пишетъ онъ — до сего времени носитъ «идиллическій характеръ» эпохи нашего возрожденія (первой половины нынѣшняго столѣтія), когда разными задушевными стихотвореніями, общедоступными разсказами и повѣстями изъ чешской исторіи нужно было подогрѣвать въ чешскомъ народѣ любовь къ своему заброшенному языку, къ своей исторіи. Цѣль эта блестяще достигнута, а между тѣмъ чешская литература все еще продолжаетъ питаться уже исчерпаннымъ источникомъ. Множество пустыхъ стихотвореній и повѣстей «застилаетъ чешскій взоръ отъ того широкаго свѣта, въ которомъ цвѣтетъ могущественнѣйшая, чехами мало понятая поэзія, въ которомъ кипитъ міровая жизнь въ ея самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ духовнаго и матеріальнаго развитія». Если шумъ міроваго культурнаго теченія иногда слышится и въ чешскомъ народѣ, то очень слабо. Великая міровая культура, такъ сказать, скользитъ по поверхности чешскаго народа и не проникаетъ въ глубь его духовной жизни. Конечно, волна всемірной культуры грозитъ заплеснуть слабую идиллическую чешскую литературу, если чешскій народъ не приметъ мѣръ къ поднятію своей литературы, если онъ не будетъ стоять на одномъ уровнѣ образованія съ другими народами.

Могущественными факторами къ просвѣщенію чешскаго народа являются, ко-

нечно, печать и чешскіе ученые. Но чешская печать, чтобы удовлетворять своей высокой цѣли, должна подвергнуться коренному преобразованію. Въ настоящее же время чешскіе журналы и газеты не только не знакомятъ съ всемірнымъ научнымъ движеніемъ, но не подаютъ полныхъ отчетовъ и о сравнительно маломъ чешскомъ научномъ движеніи. Что касается чешскихъ ученыхъ, то каждому изъ нихъ нужно работать за двоихъ для того, чтобы чешскій народъ только могъ стоять на уровнѣ міровой культуры, не говоря уже объ отличіи на поприщѣ науки сравнительно съ другими народами. Теперь чешскому ученому приходится не только писать ученыя книги, но и популяризировать открытія науки въ доступной для народа формѣ, такъ какъ у чеховъ не отыскивается такихъ людей, которые-бы излагали ученый матеріалъ въ общепонятной формѣ.

Расширеніе научныхъ знаній, конечно, благопріятно отразится и на изящной чешской литературѣ. Чѣмъ болѣе литераторы и художники будутъ слѣдить за наукой, тѣмъ болѣе глубокія идеи они будутъ имѣть для воплощенія въ прекрасной формѣ.

На статью пр. Резека отвѣчалъ пр. Массарикъ. Онъ не соглашается съ планомъ проф. Резека, что «королевское богемское ученое общество» можетъ замѣнить для чеховъ предполагаемую академію наукъ. Указанное общество есть утраквистическое и хочетъ остаться такимъ и на будущее время, что видно и изъ заявленія его предсѣдателя І. Иречка, сдѣланнаго въ 1884 г. Такой характеръ его, можетъ быть, дѣйствительно отвѣчаетъ этнографическому и историческому состоянію Чехіи. По своему происхожденію, данное «общество» есть собственно нѣмецкое, а по своей внѣшности и теперь является такимъ, хотя большинство членовъ въ немъ чехи. Большинство работъ чешскихъ ученыхъ издается на нѣмецкомъ языкѣ, а если иногда и на чешскомъ, то съ нѣмецкимъ резюме содержанія. Съ 1867-84 въ 12 актовыхъ томахъ Общества» находится 95 нѣмецкихъ разсужденій и 22 чешскихъ. Изъ послѣднихъ 19 по философско историко-филогическому отдѣленію и только 3 по математическо-естественному.

Поэтому г. Массарикъ остается при своемъ прежнемъ положеніи, что только чешская академія наукъ можетъ содѣйствовать поднятію чешской научной литературы; она дастъ средства чешскимъ ученымъ на изданіе своихъ работъ на чешскомъ языкѣ.

Что касается поднятія чешской научной литературы, то вопросъ этотъ чуть-ли не главнымъ образомъ экономическій. Если хотите, литературу можно уподобить товару. Если рынокъ для сбыта произведеній ученой литературы широкъ, то найдутся и писатели и издатели такихъ произведеній. А у малаго народа, конечно, такой рынокъ будетъ незначителенъ сравнительно съ большими культурными народами. А между тѣмъ и малому народу придется очень много издавать сочиненій, чтобы поставить свою научную литературу на уровень съ большими литературами. Чешская академія наукъ, если удастся основать ее, должна быть очень богата, чтобы имѣть возможность издавать не только самостоятельныя работы чешскихъ ученыхъ, но и переводы выдающихся произведеній чужихъ ученыхъ. Спеціальныя же изслѣдованія во всякомъ случаѣ не обѣщаютъ много читателей, а слѣд. и покупателей. Ихъ будутъ читать спеціалисты по извѣстной наукѣ, а такихъ у народа съ двумя высшими учебными заведеніями и приблизительно 10-ю гимназіями классическими и реальными будутъ немного, сравнительно съ народами, которые десятками считаютъ высшія учебныя заведенія и сотнями-среднія.

Въ силу этого многіе чехи и особенно молодые, болѣе чуткіе ко всему, скептически смотрятъ на возможность созданія чешской научной литературы. Они говорятъ, что и теперь книгъ, журналовъ и газетъ выходитъ на чешскомъ языкѣ въ два раза больше, чѣмъ требуетъ чешскій народъ, и большинство писателей пишетъ изъ любви къ искусству, безъ вознагражденія за трудъ. Но беллетрическая чешская литература и популярная научная еще могутъ существовать, равно и ученыя сочиненія по чешской исторіи и литературѣ также пойдутъ. Но врядъ ли чехамъ удается создать ученую литературу по такимъ наукамъ, какъ математика, естествознаніе, астрономія и пр. Научнымъ языкомъ по этимъ предметамъ теперь слу-

жить для чеховъ нѣмецкій и, вѣроятно, будетъ служить, если они не сочтутъ за лучшее присоединиться къ славянскому культурному міру и похлопотать объ общеславянскомъ научномъ языкѣ, чѣмъ тонуть въ нѣмецкомъ культурномъ морѣ.

III.

Въ ноябрской книжкѣ «Athenaeum'а» за 1885 г. явились двѣ статьи о Кириллѣ и Меѳодіи. Одна статья проф. исторіи въ университетѣ г. Калоуска, озаглавлена такъ: «О противорѣчіяхъ Кирилло - Меѳодіевскихъ». Въ ней онъ дѣлаетъ сводъ разныхъ мнѣній по разнымъ вопросамъ о Кириллѣ и Меѳодіи и старается указать болѣе научное изъ нихъ. Его безпристрастіе заходитъ такъ далеко, что онъ еще задается такими вопросами: «Съ какого языка св. Кириллъ и Меѳодій переводили библію и богослужебныя книги—съ греческаго или латинскаго?» Было-ли славянское богослуженіе, которое они завели, восточнаго или западнаго обряда?» На вопросъ о томъ, были ли Кириллъ и Меѳодій православными или католиками, авторъ отвѣчаетъ, что они «были тѣми и другими, они знали только одну церковь. По своему происхожденію и воспитанію и, скорѣе всего, по обряду, который завели между славянами, они принадлежали къ восточному христіанству. Но также не менѣе принадлежатъ они и западному христіанству, потому что они самымъ торжественнымъ образомъ свидѣтельствовали свою подчиненность главѣ римской церкви, въ Римѣ приняли посвященіе и епископскую юрисдикцію, давали отчетъ папѣ въ своемъ ученіи и дѣлахъ». Но авторъ не поясняетъ того, признавали ли св. Кириллъ и Меѳодій власть папы надъ всею церковью или только надъ Моравіей, какъ областью, принадлежащей къ сферѣ дѣятельности римской церкви.

По вопросу о Кирилло-Меѳодіевскихъ крестахъ въ Моравіи, которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, суть памятники Кирилло-Меѳодіевской старины, г Калоусекъ держится отрицательнаго взгляда, такъ какъ ничего не извѣстно о времени происхожденія ихъ.

Другая статья: «Наша новѣйшая Кирилло-Меѳодіевская литература» написана доцентомъ Поливкой. Въ ней авторъ старается коротко обозрѣть всю новѣйшую Кирилло - Меѳодіевскую литературу, не только западно, но и восточно-славянскую. Западно-славянская литература о Кириллѣ и Меѳодіи—говоритъ авторъ—есть главнымъ образомъ плодъ католическаго духовенства, которое настойчиво работаетъ въ этой области. Свѣтская западная литература относится къ этому вопросу довольно пассивно, тогда какъ въ Россіи во главѣ этого стоятъ профессора высшихъ учебныхъ заведеній. Въ силу своего происхожденія, западно-славянская литература о Кириллѣ и Меѳодіи носитъ «особенный характеръ», который г. Поливка все-таки не соглашается признать одностороннимъ. Такъ, напр., онъ вполнѣ согласенъ съ мнѣніемъ каноника Прохазки, что «сами папы формально никогда не уничтожали митрополіи св. Меѳодія и славянской литургіи» (Велеградскій Сборникъ, 236 стр.). Если даже и такъ, то косвенно всегда стремились вытравить славянское богослуженіе. Они всегда смотрѣли на него, какъ на временное зло.

Сваливать всю вину на нѣмцевъ въ уничтоженіи славянскаго богослуженія у западныхъ славянъ, — какъ это стараются доказать славяне-католики,—значитъ противорѣчить исторіи. Вѣдь если славянское богослуженіе не стоитъ въ противорѣчіи съ принципомъ папства, то почему теперь папа не дозволяетъ славянское богослуженіе, чего такъ желаютъ славяне-католики?

IV.

Интересно, какъ отнесся старочешскій «Pokrok» къ вопросу о принятіи чехами кирилло меѳодіевской церкви, поднятому вѣнскими чешскими органами «Vestnik»-омъ и «Parlamentär»-омъ.

Какъ извѣстно, эти органы доказываютъ ту мысль, что радикальнымъ средствомъ для спасенія чешской націи есть народно-церковная организація. Тогда дѣти чеховъ, принадлежащія къ кирилло-меѳодіевской церкви, не могли бы ходить въ нѣмецкія школы, а слѣдовально и онѣмечиваться. Это средство «Pokrok» *) считаетъ

*) „Pokrok" 1886 г., № 11.

«непрактичнымъ». «Мы сомнѣваемся—пишетъ онъ—чтобы можно было надѣяться на проведеніе этой попытки. Въ наше время и при теперешнемъ положеніи она стала бы невозможной и вредной, когда бы приступили къ практическому осуществленію ея». Нужно считаться съ фактами, а не гоняться за утопіями». Для чеховъ въ Вѣнѣ—по мнѣнію этой газеты—прежде всего требуется хорошая организація и постоянство въ преслѣдованіи своихъ цѣлей.

Но мы знаемъ, что не всѣ пражскіе чехи думаютъ такъ, какъ «Pokrok». Другіе чехи, которые смотрятъ не на то только, что подъ ногами, а заглядываютъ и въ будущее, — говорятъ, что вѣнскіе чехи опередили чеховъ королевства чешскаго въ пониманіи истинныхъ интересовъ своего народа. Что младочехи имѣютъ право такъ говорить и бояться за кой-какіе временные успѣхи, достигнутые чехами въ рейхсратѣ, это доказываетъ и слухъ, проникшій въ печать, о заведеніи въ Австріи клерикальной (конфессіональной) школы на мѣсто теперешней народной.

Теперь, по школьному закону 1869 г., народными школами въ Австріи управляютъ земства подъ надзоромъ правительственныхъ инспекторовъ народныхъ школъ. По 2 § закона 1868 г. церковь вѣдаетъ обученіе закону Божію въ школахъ. Земство въ Австріи есть учрежденіе состоящее изъ выборныхъ представителей, или изъ депутатовъ *каждой «земли» или области* (Land). Чехія имѣетъ свое земство, Моравія—свое, Галиція—также и пр. Чехія раздѣлена на чешскіе и нѣмецкіе школьные уѣзды («okresy»), которые иногда и не сходятся съ административнымъ дѣленіемъ на уѣзды. Въ чешскихъ школьныхъ уѣздахъ школы—чешскія, а въ нѣмецкихъ—нѣмецкія. Уѣздные училищные совѣты, завѣдующіе школами своего уѣзда, состоятъ изъ чеховъ или изъ нѣмцевъ, смотря по тому, какой это уѣздъ. При такомъ отдѣленіи чешскихъ школъ отъ нѣмецкихъ, каждая изъ нихъ воспитываетъ дѣтей въ своемъ народномъ направленіи. Чешскіе и нѣмецкіе учителя школъ являются патріотами, каждый своей націи. Сепаратизмъ, борьбу между двумя народностями, которая развивается уже въ школѣ, правительство, какъ кажется, хочетъ ослабить посредствомъ клерикальной школы, посредствомъ отдачи народной школы въ вѣдѣніе католической церкви. Слухъ объ этомъ поддерживается опредѣленіемъ новаго министра народнаго просвѣщенія Гауча о возвышеніи платы низшему духовенству и многими другими обстоятельствами, изъ которыхъ видно, что Австрія хочетъ сильно опереться на католичество, которое бы умиротворило католическіе народы Австріи и чрезъ обращеніе въ католичество ассимилировало православные.

Противъ предполагаемой конфессіональной школы выступаютъ въ печати младочешскіе голоса. Предъ нами брошюра: «O škole konfessionelni». Прага. 1886 г. Авторъ ея говоритъ, что конфессіональная школа грозитъ уничтоженіемъ чешской народности, такъ какъ чешская исторія показываетъ, что римскіе клерикалы и ретроградная шляхта были «всегдашними непріятелями» чешской націи въ ея славянской жизни. А между тѣмъ этимъ именно врагамъ чешскаго народа наши мнимые спасители чешскаго народа (Ригеръ, Цейтхамеръ, Иречекъ и др.) «вручили все вліяніе на устройство и судьбу его». И вотъ клерикалы и шляхта вооружаются противъ теперешней школы и стараются ввести конфессіональную школу.

Потомъ въ Австріи нѣтъ народной церкви, какъ нѣтъ господствующаго по числу народа. «Когда бы какъ въ Россіи, насколько это касается русскихъ, государство, народъ и Кирилло Меѳодіевская церковь составляли одно цѣлое, тогда бы можно было завести въ такомъ государствѣ конфессіональную школу, потому что тогда понятія: государство, народъ и церковь вполнѣ покрывали бы другъ друга, это была бы троица въ одномъ существѣ (37 стр.). Не то совсѣмъ въ Австріи.

Наконецъ было бы нарушеніемъ правъ государства—переносить центръ управленія народными школами внѣ государства, въ Римъ.

Въ силу всего этого авторъ приглашаетъ чешскій народъ стоять на стражѣ своихъ интересовъ, и всѣми силами защищать теперешнюю народную школу.

Чешскія учебныя заведенія, въ которыхъ преподается русскій языкъ.

Чехи начинаютъ все болѣе и болѣе понимать пользу отъ знанія русскаго языка, и потому изученіе его среди нихъ шире и шире распространяется. Многіе родители считаютъ уже обязательнымъ для себя научить своихъ дѣтей русскому языку. Находится уже довольно не только мужчинъ, но, кажется, столько же женщинъ, которые читаютъ въ оригиналѣ прекрасныя произведенія русской литературы, покупаютъ русскихъ авторовъ, выписываютъ иллюстрированную «Ниву». Въ прошломъ году чрезъ одинъ только книжный магазинъ въ Прагѣ выписывалось ея около 10 экземпляровъ. Большія кофейни обыкновенно получаютъ «Новое Время», которое почти всегда бываетъ въ рукахъ. Видно, что многіе изъ военныхъ также читаютъ его. Русскій языкъ изучается не только частнымъ образомъ, но онъ уже введенъ и въ нѣкоторыя школы.

Кромѣ чешскихъ университета и политехники, гдѣ читается русскій языкъ, онъ преподается для желающихъ въ чешскихъ коммерческихъ училищахъ въ Прагѣ и въ Хрудимѣ, въ земледѣльческой школѣ въ Таборѣ. Изъ женскихъ учебныхъ заведеній русскій языкъ уже давно преподается на профессіональныхъ 2-хъ годичныхъ женскихъ курсахъ («Женскіи выробны сполекъ») въ Прагѣ, куда поступаютъ дѣвицы, уже кончившія курсъ въ народныхъ или городскихъ школахъ. Съ нынѣшняго учебнаго года русскій языкъ введенъ и въ высшую женскую школу въ Прагѣ («вышши дивчи школа»). Это среднее учебное заведеніе, съ нынѣшняго года 6-ти классное, куда поступаютъ дѣвицы не моложе 11 лѣтъ, по окончаніи ими 5 го класса народной школы. Оно имѣетъ цѣлію давать серьезное общее образованіе для дѣвицъ средняго городскаго и сельскаго сословія.

Въ первомъ учебномъ заведеніи изучаютъ русскій языкъ въ нынѣшнемъ году 20 учеиицъ и во второмъ 10.

Какъ видите, русскій языкъ главнымъ образомъ преподается въ учебныхъ заведеніяхъ профессіональнаго характера, что указываетъ на практическую пользу знанія русскаго языка. Жаль только, что руководители чешскаго народа въ послѣднее время какъ то плохо удовлетворяютъ потребности знанія русскаго языка и русской литературы. Они и въ этомъ отношеніи должно быть держатся сепаративной политики. Такъ, въ библіотеку музея королевства чешскаго и въ публичную университетскую библіотеку получается самая жалкая частица русскихъ книгъ и журналовъ. Въ музейной библіотекѣ находятся только тѣ книги, которые жертвуются; изъ журналовъ тѣ, которыя получаются въ обмѣнъ на «Часописъ» музея. Вы не найдете ни въ музейной, ни въ университетской библіотекѣ почти никакихъ изслѣдованій ни по исторіи Россіи, ни по исторіи русской литературы, ни даже полныхъ собраній сочиненій нашихъ классиковъ: Тургенева, Достоевскаго, Л. Толстаго и пр. Въ частныхъ библіотекахъ нѣкоторыя изъ этихъ собраній существуютъ.

Въ прежнее время, при Ганкѣ, въ музеѣ гораздо болѣе получалось русскихъ книгъ Изъ старыхъ русскихъ книгъ вы найдете очень много рѣдкихъ изданій нашихъ писателей и ученыхъ. Поэтому не безосновательно «Narodni Listy» замѣчали иногда, что въ этомъ отношеніи чехи сдѣлали шагъ назадъ.

---

1 января (по н. ст.) нынѣшняго года, самая распространенная чешская газета младочешскіе «Narodni Listy» праздновала свой 25-ти-лѣтній юбилей. Юбилейный нумеръ ея разошелся въ огромномъ количествѣ. Утренняго изданія этой газеты расходится болѣе 10,000, а вечерняго— до 15,000. Съ новаго года въ вечернемъ изданіи этой газеты мы замѣтили одно важное нововведеніе, рубрику подъ заглавіемъ: «Изъ славянскаго міра». Потомъ эта газета пріобрѣла очень дѣльнаго корреспондента изъ чеховъ, жившихъ въ Россіи, очень вѣрно изображающаго настроеніе русскаго народа по извѣстному вопросу и вообще русскую жизнь.

Волянинъ.

Славянскія арабесни.

III. Светозаръ Милетичъ и его газета «Застава».

9 февраля текущаго года исполнилось двадцатилѣтіе одного изъ лучшихъ органовъ сербской печати: газеты «*Застава*», а за шестьдесятъ лѣтъ до того, именно 10 февраля 1826 года, родился знаменитый сербскій патріотъ и основатель этой газеты *Светозаръ Милетичъ*. Начальное образованіе онъ получилъ въ мѣстѣ своего рожденія въ Мошаринѣ, а нѣмецкую школу прошелъ въ Тителѣ, откуда поступилъ въ Новосадскую гимназію. Въ гимназіи онъ содержалъ себя уроками (между прочимъ онъ давалъ уроки и извѣстному сербскому дѣятелю и оратору Политу-Десанчичу). Послѣдніе два класса онъ оканчивалъ въ Пожунѣ, гдѣ нерѣдко голодалъ, чтобы имѣть возможность что нибудь посылать своей матери и сестрамъ. Послѣ бурнаго 1848 года, когда онъ не мало потрудился для своего народа, Милетичъ поступилъ въ Вѣнскій университетъ на юридическій факультетъ; въ 1854 году онъ получилъ степень доктора правъ. Даровитому юношѣ въ это время помогалъ князь Михаилъ Обреновичъ.

Въ 1848 году двадцатидвухлѣтній Милетичъ воодушевлялъ народъ пламенными рѣчами, привелъ изъ Сербіи добровольцевъ, участвовалъ въ народной майской скупщинѣ и былъ секретаремъ народнаго одбора (коммисіи) *).

Послѣ революціи власти повсюду разыскивали Милетича, но ему удалось спастись. Въ университетѣ Милетичъ собралъ около себя кружокъ даровитой молодежи, на которую имѣлъ огромное вліяніе. Благодаря ему, студенты, вмѣсто пустыхъ удовольствій, много и серьезно работали, такъ что вскорѣ могли выступить на поле политики вполнѣ подготовленными дѣятелями.

Въ 1856 году Милетичъ выдержалъ испытаніе на право заниматься адвокатурой и скоро сталъ самымъ извѣстнымъ въ Новомъ Саду адвокатомъ. Адвокатурой онъ занимался вплоть до 1866 года, когда сталъ издавать «Заставу».

*) Предлагаю ввести въ русскій языкъ слово «одборъ» вмѣсто «коммисія».

Съ 1861 года до самой болѣзни Милетичъ былъ народнымъ представителемъ на всѣхъ сеймахъ и сербскихъ собраніяхъ (за исключеніемъ, конечно, того времени, когда сидѣлъ въ тюрьмѣ). Въ «Заставѣ», въ «Сербскомъ Дневникѣ» и въ другихъ газетахъ и журналахъ Милетичъ помѣстилъ по крайней мѣрѣ до 1000 своихъ статей, отличающихся блестящимъ слогомъ, вдохновеніемъ, поразительнымъ знаніемъ народа и политическихъ обстоятельствъ. Какъ у него доставало времени на такую кипучую и политическую дѣятельность, трудно понять; но этимъ онъ не ограничивался и досуги свои посвящалъ занятіямъ поэзіею. Его пѣснь «Уже сербское знамя всюду свободно развѣвается» получила значеніе народнаго гимна.

Послѣ изданія извѣстнаго октябрьскаго диплома въ 1860 году, Милетичъ писалъ въ «Сербскомъ Дневникѣ»:—.... «Сербскія желанія состоятъ въ томъ, что мы въ Австріи, какъ народъ, хотимъ имѣть политическое бытіе и политическія обезпеченія. Политическое бытіе будетъ обезпечено намъ, если мы будемъ имѣть обособленную область и если намъ будетъ даровано право употреблять родной языкъ во всѣхъ отправленіяхъ этой области». Эти мечты, какъ извѣстно, не сбылись, и Милетичъ писалъ въ той-же газетѣ: «Воеводину похоронили. Мы не жалѣемъ о Баховомъ воеводствѣ. Но кромѣ Баховскаго развѣ нельзя было устроить какое либо иное? Раздѣлили ризы наши. Австрія предала насъ венгерскому сейму на милость и немилость.»

Въ 1864 году «Сербскій Дневникъ», вслѣдствіе уголовнаго преслѣдованія, долженъ былъ прекратить свое существованіе. Вмѣсто него Милетичъ основалъ «Заставу». Милетичъ обладалъ огромнымъ ораторскимъ дарованіемъ и говорилъ чуть не въ каждомъ засѣданіи тѣхъ сеймовъ и собраній, въ которыхъ участвовалъ. Хорошо бы было, еслибы его друзья и почитатели издали полное собраніе его политическихъ рѣчей: этимъ они оказали бы великую услугу славянскому міру. Изъ его рѣчей особенно памятны слѣдующія: въ 1866 году, 10 февраля Милетичъ говорилъ на венгерскомъ сеймѣ при обсужденіи вопроса объ адресѣ. Онъ требовалъ, чтобы въ адресѣ выраженіе «народъ мадь-

ярскій» было замѣнено выраженіемъ «народъ мѣстный», и осуждалъ тѣхъ мадьяръ, которые соединились съ нѣмцами противъ славянъ. 12 декабря 1872 года Милетичъ сильно нападалъ на венгерское безправіе; безпрестанными запросами на сеймѣ онъ раздражилъ правительство въ высшей степени. Въ 1875 году на томъже сеймѣ, говоря противъ государственной росписи, противъ повышенія налоговъ, Милетичъ произнесъ свое знаменитое изреченіе: «Здѣсь все совсѣмъ какъ въ Турціи!» Но терпѣніе министра Тиссы лопнуло, когда 3 декабря того же года Милетичъ представилъ запросъ о причинахъ закрытія «Матицы». Тисса сталъ возражать и между прочимъ сказалъ: «бываютъ такія животныя, которыя, чѣмъ больше боятся, тѣмъ пуще кричатъ». Милетичъ на это замѣтилъ: «Я не дружился съ животными, но слыхалъ отъ своихъ учителей, что есть одно животное, которое, когда ему ужъ слишкомъ хорошо, од беса иде на лед те игра»!

Въ послѣдній разъ Милетичъ говорилъ на венгерскомъ сеймѣ 10 февраля 1882 г., уже больной, говорилъ недолго, закончивъ слѣдующими словами: «Пора бы было намъ уходить изъ Босны и Герцеговины».

Много пришлось претерпѣть Милетичу отъ всякаго рода подлыхъ людей. Вотъ главные его процессы. Въ 1869 году въ № 118 «Заставы» появилась статья: «Кирилица у Загребачком политичном Хербергу», написанная противъ бана Рауха. За эту статью 18 августа 1870 года Пештскій судъ присудилъ Милетича къ годичному тюремному заключенію и къ денежному взысканію въ 500 гульденовъ. Оффиціальный переводчикъ перевелъ тогда сербскую пословицу (помѣщенную въ статьѣ)— «Карити и палити» такъ: Sengen und brennen, т. е. опустошать огнемъ и мечемъ! Это, конечно, должно было повліять на приговоръ. Еще 22 февраля 1870 г. на большой сходкѣ въ Новомъ Саду рѣшено было требовать отъ сейма, чтобы Милетича не предавали суду, а 14 марта 1871 г., когда Милетичъ еще томился въ тюрьмѣ въ Вацѣ, такая же сходка рѣшила протестовать отъ имени народа противъ дальнѣйшаго заключенія Милетича; тѣмъ не менѣе послѣдній высидѣлъ въ тюрьмѣ съ ... ября 1870 г. по 8 октября 1871 г.

Жители Ваца и доселѣ дивятся, когда вспоминаютъ, сколько сербовъ приходило туда навѣстить Милетича, отдать честь «Вацкому мученику». Ко дню его освобожденія многие города послали привѣтственныя депутаціи, которыя въ числѣ 70 лицъ явились къ дверямъ Вацкой тюрьмы. Правительство по этому поводу объявило чуть не осадное положеніе въ Новомъ Саду.

Другой процессъ Милетича кончился для него благополучно, за то третій былъ для него роковымъ: въ ночь съ 4 на 5 іюня 1876 года 14 солдатъ явились въ домъ Милетича, схватили его прямо съ постели и отвезли въ тюрьму, а оттуда въ Пештъ, гдѣ онъ пробылъ 18 мѣсяцевъ въ предварительномъ заключеніи. Послѣдовавшій затѣмъ знаменитый процессъ длился 8 дней и такъ какъ весь основанъ былъ на ложныхъ свидѣтельскихъ показаніяхъ и такъ какъ рѣшено было осудить Милетича, во что бы то ни стало, то, несмотря на блистательную защиту Полита-Десанчича *), Милетичъ былъ обвиненъ въ государственной измѣнѣ и присужденъ *къ пятилѣтнему одиночному тюремному заключенію*. Въ средніе вѣка жгли, колесовали, заливали горло растопленнымъ свинцомъ и тому под., но 19 вѣкъ изобрѣлъ болѣе утонченное и жестокое средство наказанія — одиночное заключеніе, которое лишаетъ человѣка разсудка. Сами мадьяры сознавали, что съ Милетичемъ было поступлено несправедливо и жестоко, и это убѣжденіе сказалось въ статьяхъ мадьярскихъ газетъ. Это было въ 1878 г. Въ 1879 году нѣкоторые депутаты сейма въ тайномъ засѣданіи рѣшили, противъ воли самого Милетича, просить о его помилованіи. Милетичъ, вмѣсто 5 лѣтъ, высидѣлъ въ казематахъ Вацкой тюрьмы *только 3½ года*. Только 3½ года одиночнаго заключенія! Эти 3½ года свели его съ ума. Каждыя три недѣли разъ и то только на нѣсколько минутъ позволяли ему видѣться съ семьей, при чемъ полицейскій чиновникъ стоялъ тутъ-же и по часамъ считалъ, какъ бы не продлилось свиданіе на лишнюю минуту. Душевное разстройство все усиливалось и въ 82 г. приняло опасный характеръ. Съ тѣхъ

*) Смотри мою статью «Славянинъ на парламентскомъ поприщѣ» въ «Изв.» въ 1885 г.

поръ и доселѣ Милетичъ не поправился.... Теперь онъ лечится въ одной Пештской больницѣ и подаетъ надежду на выздоровленіе.

Милетичъ женился въ 1858 году на Аннѣ Милутиновичъ изъ Новаго Сада. Изъ 6 сыновей и 3 дочерей въ живыхъ остались только одинъ сынъ и одна дочь, которыхъ онъ страстно любитъ. Свою мать Милетичъ любилъ до обожанія. Зная эту любовь его, сербскій народъ увѣковѣчилъ его, собравъ капиталъ на устройство въ Новомъ Садѣ высшей женской школы.

Теперь нѣсколько словъ о «Заставѣ».

Исторія двадцатилѣтняго существованія «Заставы» есть исторія борьбы сербскаго народа за двадцать лѣтъ. Эта газета стояла за народъ, народъ же за нее. Изъ современныхъ сербскихъ газетъ «Застава» старѣйшая. Ни одна газета не имѣла въ сербскомъ народѣ такого сильнаго вліянія какъ «Застава». Мысль объ основаніи ея возникла во второй половинѣ 1865 года. Эту мысль не замедли привести въ исполненіе; сначала (именно съ 9 февраля 1856 г. по 21 мая 1867 г.) «Застава выходила въ Пештѣ, потомъ переведена была въ Новый Садъ, гдѣ и теперь издается. Съ 1875 года она выходитъ по четыре раза въ недѣлю.

Эта газета и ея сотрудники не мало вытерпѣли разныхъ невзгодъ за свое народное направленіе. Еще 27 октября 1865 года она была запрещена въ Сербіи и это запрещеніе потомъ неоднократно возобновлялось. Въ Австріи ее постигала такая же участь. Она была запрещена въ Боснѣ и Герцеговинѣ. *Теперь она запрещена въ Карловацкой митрополіи.*

Изъ сотрудниковъ ея, кромѣ Милетича, пострадали: редакторъ «Заставы» Стева Поповичъ (Вацкій) осужденъ былъ на 18 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія и штрафъ въ 500 флориновъ за статью о мадьярской реформѣ (см. № «Заставы» отъ 3 февраля 1871 года); Георгій Петровичъ, сотрудникъ, присужденъ былъ къ 8 мѣсячному тюремному заключенію и взысканію въ 300 флориновъ за статью «Мадьярскій конституціонализмъ», написанную по поводу выборовъ въ Панчевѣ (см. № 2 «Заставы» за 1874 годъ); Лаза Нанчичъ, сотрудникъ, за статью «Омладина» приговоренъ 8 іюня 1885 года къ годичному тюремному заключенію. Онъ и теперь еще сидитъ въ тюрьмѣ *) и т. д.

«Застава» всегда защищала дѣло сербскаго народа и всегда стояла на стражѣ славянскихъ интересовъ. Можно только пожелать, чтобы и на будущее время она держалась того же строго народнаго и славянскаго направленія, а что это будетъ такъ, за это ручается имя ея собственника, которымъ является ни кто иной, какъ дочь Светозара Милетича.

Аксановъ и его политичеснія убѣжденія.

(Статья Э. Марбо).

Печатая статью Марбо о. И. С. Аксаковѣ, мы не можемъ не оговориться, что передача словъ И. С. во многихъ случаяхъ намъ кажется невѣрною. Авторъ или не понялъ вполнѣ того, что говорилъ И. С., или позабылъ, что вовсе не удивительно, потому что онъ видѣлъ покойнаго И. С. въ 1883 году. Сомнительно, чтобы И. С. называлъ себя главою партіи, считалъ чеховъ болѣе нѣмцами, чѣмъ славянами и пр. Мы дѣлаемъ это общее замѣчаніе, не считая нужнымъ отмѣчать всякую неточность и невѣрность французскаго автора, будучи увѣрены, что онѣ не ускользнутъ отъ вниманія читателей и безъ нашего упоминанія. Думаемъ, что статья, не смотря на ея ошибки, не лишена всетаки интереса. ***Ред.***

Только что скончался Аксаковъ! Этотъ русскій патріотъ, имя котораго прославлено по всему славянскому міру, былъ самый авторитетный представитель славянофильской партіи. Многіе видѣли въ немъ вѣрнѣйшаго охранителя той особенной русской, національной идеи, составляющей символъ вѣры славянофиловъ и отзывающейся понынѣ такъ чутко на судьбахъ Россіи.

Будучи въ Москвѣ въ 1883 г, я посѣтилъ г. Аксакова, который высказалъ мнѣ, въ интимной бесѣдѣ, главныя идеи, со-

---

*) Процессъ его описанъ въ брошюрѣ «Парница Лазе Нанчића» за чланак «Омладини» од С-Д-На у Вршцу 1885 г.»

ставляющія основу его ученія и проводимыя имъ въ печати.

Прежде всего Аксаковъ спросилъ меня, въ силу какихъ элементовъ можетъ произойти возрожденіе Франціи. «Мнѣ казалось, сказалъ онъ, что вашъ французскій мужикъ слишкомъ богатъ, чтобы жертвовать собою въ пользу политической идеи. Это заключеніе я вывелъ изъ множества разговоровъ, бывшихъ у меня съ крестьянами на прогулкахъ въ окрестностяхъ Виши, гдѣ я однажды былъ на водахъ». Затѣмъ, онъ мнѣ говорилъ объ ученіи славянофиловъ, съ полнымъ авторитетомъ главы партіи.

Привожу его слова буквально.

Выраженіе «славянофилъ» устарѣло. Шишковъ, бывшій статсъ-секретарь 12 г., любилъ заимствовать свои поговорки изъ древне-славянскаго языка, и имя славянофилъ было ему дано, какъ смѣшное прозвище. Позднѣе, около 1840 г., когда въ Москвѣ возникли двѣ группы: восточниковъ и западниковъ, которые хотѣли придать различное направленіе русской цивилизаціи, группа, отстаивающая русскія тенденціи, была прозвана славянофильской. Это имя — смѣшное прозвище вначалѣ, со временемъ приняло серьезное значеніе и означаетъ нынѣ цѣлую національную партію.

У васъ весьма странно относятся къ русской пропагандѣ, вы видите повсюду лазутчиковъ. Но этотъ подпольный трудъ совершенно излишенъ; одинъ лишь фактъ существованія Россіи заставилъ обратить къ ней взоры всѣхъ народностей. Это должно было совершиться. Имя Россіи пробудило во всѣхъ славянахъ національное чувство.

Могущество Петра Великаго было тоже сигналомъ перваго пробужденія славянскаго народа, онъ завязалъ сношенія съ Черногоріей. Одинъ славянскій поэтъ, далматскій іезуитъ, прославилъ даже это явленіе.

И намъ вовсе нечего заботиться о приверженцахъ Запада, у которыхъ нѣтъ ничего общаго съ народомъ, способныхъ только подражать тому, что дѣлается у другихъ, и не имѣющихъ ни силы внутренняго убѣжденія, ни убѣжденія партіи панславизма; потому что мы славянофилы—мы просто русскіе.

Испытанія, которыя такъ доблестно перенесъ народъ, доказываютъ, что онъ имѣетъ могущественную жизненность, и въ этомъ то и состоитъ доказательство той миссіи, которая ему предназначена судьбою. Смотрите, что произошло: едва только мы — великороссіяне, избавились отъ татарскаго ига, какъ Петръ Великій подчиняетъ насъ вліянію Запада, оскорбляя въ народѣ его нравы и стремленія. Въ то время запрещалось носить бороду, и встрѣчались люди, которые въ насмѣшку носили металлическіе ярлыки съ надписью: «Борода слишкомъ тяжелое бремя». Это было также то время, когда ссылались въ Сибирь портные, шившіе платье по русскому образцу. Національныя традиціи вынесли жестокое нападеніе; гдѣ же тогда укрывался геній націи? Въ народѣ.

Вотъ почему я и говорю, что народъ нашъ учитель, а мы его ученики.

Аксаковъ продолжаетъ:

Что за странная судьба славянскихъ народовъ! Нѣтъ ни одной вѣтви этой семьи, которая бы не теряла на короткое время своей независимости, и не была бы принуждена употребить усиліе, чтобы ее возвратить; и такъ какъ въ этомъ мірѣ оцѣниваютъ по достоинству только утраченное, то и самобытное вдохновеніе національнаго духа скорѣе всего возвысится въ цѣлой расѣ при потерѣ независимости.

У народа есть внутреннее чувство долга, требующее, чтобъ онъ оказывалъ покровительство другимъ славянамъ. Когда русскій крестьянинъ говоритъ о болгарахъ, онъ ихъ называетъ «меньшей братьей», и достаточно было Славянскому Комитету издать воззваніе, разослать его сотнями тысячъ духовенству, которое прочло его въ церквахъ, и вся Россія стала на ноги. Въ Самарской губерніи, міръ рѣшилъ отправить по 10 человѣкъ изъ каждой деревни. Мы видѣли этихъ крестьянъ, прибывшихъ въ Славянскій Комитетъ.

— «Вы насъ призвали—и мы явились.

— «Но, ребята, сказалъ я имъ, вы не умѣете даже держать ружья.

— «Но мы все таки хотимъ ѣхать», отвѣчали славные крестьяне, и со слезами на глазахъ, они мнѣ говорили: «мы желаемъ принять мученическій вѣнецъ».

Аксаковъ, случайно увлекшись, по по-

воду вторженія въ Россію германскаго элемента, отступилъ отъ предмета разговора. Онъ изъявилъ мнѣ свои опасенія относительно этого непрерывнаго вторженія нѣмцевъ, которые спекулируютъ землями Царства Польскаго, чтобы затѣмъ пріобрѣтать имѣнія въ Малороссіи, гдѣ они дешевле. Быть можетъ, мы будемъ вынуждены, для своей защиты, воспретить кому бы то ни было, кромѣ русскихъ, покупать земли на границахъ. Это не есть чрезвычайный законъ, въ Англіи существуютъ подобныя запрещенія.

Говоря такимъ образомъ, онъ навелъ свой разговоръ на характеръ германскаго народа, и сравнивалъ его съ характеромъ русскаго народа. Германскій геній, продолжалъ Аксаковъ, способенъ постичь одно лишь юридическое право—письменное, въ отличіе отъ абсолютнаго; онъ преклоняется передъ авторитетомъ письменнаго устава; отсюда вытекаетъ это повиновеніе, эта покорность государственнымъ законамъ. У славянина же понятіе о нравственномъ законѣ, о высшей справедливости беретъ верхъ надъ закономъ письменнымъ. И вотъ почему для русскаго крестьянина, человѣкъ осужденный—уже не преступникъ, это несчастный,котораго должно сожалѣть; когда поѣзда съ ссыльными направляются къ Сибири, то на протяженіи всего пути можно видѣть крестьянъ, сбѣгающихся имъ на помощь и подающихъ имъ милостыню. Мнѣ говорили, что въ годахъ, слѣдующихъ за 1812 г., одна деревня цѣликомъ пришла торжественно въ церковь для очищенія; эти люди совершали жестокости надъ непріятелями, и вотъ деревня требовала покаянія. Эти примѣры, лучше всякаго объясненія, дадутъ вамъ понятіе о натурѣ и характерѣ славянскомъ».

Аксаковъ былъ страстный приверженецъ общиннаго самоуправленія:

«Общинная жизнь во Франціи подчинена цѣлому регламенту, который ограничиваетъ права, назначаетъ засѣданія, подчиняетъ контролю центральной власти. У насъ мѣстныя собранія сходятся тысячами, не обращая на себя чьего либо вниманія. Вѣрьте мнѣ, эта мѣстная жизнь хорошо устроена, чтобъ поддержать патріотизмъ, и во Франціи національное чувство много бы выиграло, еслибъ тамъ предоставлена была большая свобода автономіи общинъ и департаментовъ. Ваша система французской централизаціи, равно какъ и система государственной дисциплины, одерживающая верхъ въ Германіи, не привилась бы къ намъ».

«Это не вѣрно, что въ Россіи существуетъ группировка партій. Существуютъ двѣ школы: одна—вдохновляемая съ Запада, другая—требующая нормальнаго и логическаго развитія русскаго народа, сообразно его генію. Славянофиловъ нѣтъ, а есть національная русская группа».

«Мы не имѣемъ притязаній что нибудь изобрѣсти и кѣмъ нибудь руководить: народъ хранитъ въ себѣ тайну своей силы, своей свободы, своей энергіи, врожденное понятіе о своей миссіи. Повторяю: народъ—нашъ воспитатель,нашъ хозяинъ, мы-же—только его ученики».

«Этотъ національный инстинктъ, внезапное и блестящее пробужденіе котораго мы видѣли въ этомъ столѣтіи у чеховъ, даетъ себя знать нынѣ съ могущественной силой, во всей русской массѣ. Національное чувство возрождается съ тѣмъ большей силой, чѣмъ больше удаляется отъ момента, когда было лишено этого блага. Такъ какъ вы во Франціи давно свободны въ своемъ развитіи, то вамъ суждено видѣть у себя ослабленіе патріотизма, и ваши заботы направлены преимущественно на матеріальные интересы. Быть можетъ, слѣдовало-бы вашей націи испытать бѣдствія и ощутить нужду, чтобы оцѣнить независимость и узнать настоящую цѣну жертвъ, которыя заслуживаетъ отечество».

«Русскому народу нечего бояться внѣшнихъ опасностей, онъ не достаточно богатъ, чтобы бояться что-нибудь потерять, и какъ въ 12 г., онъ съумѣетъ сжечь, не колеблясь, свою избу, если это потребуется для спасенія отечества. Что касается внутреннихъ опасностей,— испытаніе, выдержанное при Петрѣ Великомъ, есть достаточная гарантія. Нашъ народъ, главнымъ образомъ, ревниво охраняетъ неприкосновенность славянскаго духа, а подъ славянскимъ духомъ слѣдуетъ разумѣть: православную вѣру, демократическую идею и мѣстное самоуправленіе».

Аксаковъ перешелъ потомъ къ религі-

озному вопросу. «Славянинъ религіозенъ и въ такой степени и такимъ образомъ, что его религія есть элементъ національной индивидуальности. Такимъ образомъ, крестьяне уважаютъ другъ друга, какъ дѣти одной церкви; и тогда какъ во Франціи, въ какомъ-либо воззваніи, скажутъ: «Французы» или «Граждане», въ Россіи обращаясь къ народу говорятъ: «Православные», и крестьяне между собою зовутся христіанами. Славянскій духъ не постигается безъ примѣненія къ церкви и не къ церкви всеобщей, а къ національной; эта причина заставляетъ каждый славянскій народъ, достигающій независимости, учреждать національную церковь.

«Русская вѣра не воспринимаетъ ничего отъ клерикальныхъ идей, придавая этому слову значеніе духовной власти, и наше духовенство лишено политическаго вліянія въ странѣ; но у каждаго есть личное чувство, что онъ принадлежитъ Церкви. Мы составляемъ Церковь собою; это происходитъ оттого, что православная Церковь сообразовалась съ характеромъ славянина. Славянинъ—демократъ, Церковь сдѣлалась демократической. Такимъ образомъ, когда Пій IX пригласилъ архіепископовъ на унію, они отвѣчали: у насъ патріархъ не имѣетъ никакой власти, безъ согласія народа, который составляетъ плоть Церкви.

«Духъ единичнаго церковнаго авторитета исходящаго изъ единой высшей папской власти совершенно чуждъ славянскому духу. Лишь у православнаго славянина осталось представленіе о церкви демократической автономной, представленіе соотвѣтствующее духу славянской Россіи и вполнѣ чуждое представленію папскому, римскому. У него славянскій духъ сохранился въ цѣлости, тогда какъ славяне, сдѣлавшіеся католиками, какъ поляки и чехи, потеряли чрезъ это основной характеръ славянства. Послѣдствіемъ борьбы между этими двумя тенденціями было движеніе гуситовъ въ Богемію противъ папской власти; потерявъ гуситскія традиціи, чехи почувствовали въ себѣ искаженіе духа славянскаго. Поэтому-же чехи, болѣе близкіе намъ по племенному родству, чѣмъ болгаре, въ то же время болѣе отдалены по духу. Въ силу принятія католицизма, чехи представляютъ изъ себя оторванную вѣтвь отъ великаго дерева славянской расы. Они менѣе славяне, чѣмъ нѣмцы, пишущіе по чешски».

Я долженъ извиниться передъ чехами и передъ г. Ригеромъ въ особенности, понимая, какъ огорчится онъ за тѣхъ, которые боролись противъ нѣмцевъ, какъ поступали чешскіе писатели, услышавъ мнѣніе Аксакова, что они болѣе нѣмцы, чѣмъ славяне. Но приводя въ точности разговоръ г. Аксакова, считаю своею обязанностію ничего не выпускать и внести безъ комментарій его сужденіе. Чтобы успокоить чеховъ, прибавлю отъ себя, что на Западѣ мы ихъ считаемъ за истыхъ славянъ.

Аксаковъ говорилъ мнѣ также о журналѣ «Русь», который онъ велъ и въ которомъ въ точности отражались его мысли. Извѣстно, что подписка на этотъ журналъ непревышавшая 4,000 экземпляровъ, съ каждымъ годомъ уменьшалась. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, она не достигала даже 800 подписчиковъ, тогда какъ «Голосъ» въ послѣднее время имѣлъ болѣе 20,000 читателей. Тѣ, которые смотрѣли на Аксакова, какъ на мѣщанскаго публициста, съ узкимъ взглядомъ, лишеннаго политическихъ наклонностей, тѣмъ не менѣе, признавали въ немъ самыя честныя намѣренія и самый искренній фанатизмъ; они утверждали, что партію Аксакова составляютъ: онъ самъ, его семья и нѣсколько московскихъ негоціантовъ. Намекая на это мнѣніе, Аксаковъ сказалъ мнѣ, въ разговорѣ о своемъ журналѣ: «Мнѣ ставятъ въ упрекъ, что у меня мало читателей, меня это ничуть не тревожитъ! Я довольствуюсь тѣмъ, что выражаю чувства славянскихъ массъ, и за меня стоятъ всѣ тѣ, которые не читаютъ меня».

Это философское заключеніе показалось мнѣ страннымъ въ устахъ главнаго редактора журнала, имѣвшаго притязаніе руководить общественнымъ мнѣніемъ. Дѣло въ томъ, что Аксаковъ не былъ публицистъ, а проповѣдникъ. Дѣйствительно, національный вопросъ много пережилъ съ 1840 г. и онъ уже не требовалъ болѣе теоретической защиты русской національности отъ пропаганды западниковъ; великій прогрессъ совершился въ

народѣ; прежніе ученики стали въ свою очередь вожаками русской партіи; Аксаковъ-же, между тѣмъ, оставался вѣрнымъ формуламъ прошлаго полустолѣтія; онъ выражался языкомъ смутнымъ и таинственнымъ, подобнымъ языку древнихъ мудрецовъ; искренно вѣря въ правоту своихъ взглядовъ, онъ былъ убѣжденъ, что лишь онъ одинъ постигъ тайную силу, движущую массой. Его теоріи казались большинству неуловимыми и однако всякій преклонялся предъ его геніемъ. Въ немъ чествовали наслѣдника великой традиціи и его почитали, какъ единомышленника и повѣреннаго знаменитыхъ патріотовъ. Крестьяне приходили къ нему за благословеніемъ, онъ бесѣдовалъ съ ними какъ духовный отецъ, и его преклонныя лѣта придавали еще больше авторитета его рѣчамъ».

Преклоняясь предъ отчизной, предъ идоломъ своимъ: народъ—крестьянинъ, Аксаковъ былъ оракулъ, сознававшій въ себѣ силу передавать точно скрытыя мысли толпы, но эта толпа слышала только отдаленное эхо его пророчествъ, она падала ницъ, клала земные поклоны, восклицая: «Это великій богомолецъ, молящійся за святую Русь».

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Стананикъ или Коладникъ.

Сбирка отъ коладни старо-народни обичаи, станануванія, коладни пѣсни по разни страни отъ нашенско. Събралъ *Ил. Р. Блъсковъ*. Варна 1886 г.

Небольшая (32 стр.) довольно опрятно, даже можно сказать съ нѣкоторою изящностью, изданная книжечка, вошедшая кромѣ того съ приложеніемъ еще новыхъ 2 колядокъ въ составъ приложеній къ «Учителски Вестникъ» Година I. Шуменъ 1886, стр. 1—16 и ‹Современни Книжки› за прочитание на сѣкиго. Книжка десета. Рута Варна 1886 стр. 1—16, представляетъ описаніе народныхъ болгарскихъ обычаевъ, связанныхъ съ праздникомъ Рождества Христова и употребляемыхъ народомъ колядокъ. Первая ея статья «Бѣдни вечерь» есть, по замѣчанію собирателя ‹прѣводъ по подражаніе изъ книгъ страданій Българскаго племени А. Л. Каравелова›, а прочія представляютъ образцы колядокъ изъ разныхъ мѣстъ Болгаріи. Нѣкоторыя изъ нихъ были уже напечатаны ранѣе, но въ мало извѣстныхъ изданіяхъ, такъ на стр. 23—26 перепечатано «Станануване по Кюстендилско» изъ издававшагося въ Царьградѣ Славейковымъ журнала ‹Гайда› год. III, 1886 г., а стр. 17—19. ‹Станануване› авторъ видѣлъ 35 лѣтъ тому назадъ въ одной очень старой книгѣ, названія которой теперь не помнитъ. Всѣ колядки можно раздѣлить на слѣдующіе разряды: съ характеромъ церковнымъ таковa «Пѣснь на Рождество Христово», легендарнымъ, гдѣ къ народной основѣ приплелась церковная въ видѣ христіанскихъ именъ и обрядовъ, стр 15; народная, гдѣ христіанскій характеръ проскальзываетъ развѣ только въ имени ‹Божя мойка›, каковое впрочемъ можетъ быть принадлежностью и чисто языческаго разсказа, стр. 10—15; 27-28; есть такія колядки, гдѣ нѣтъ и этого имени, таковы на стр. 16—19, 21—23, 28—32. Совершенно изъ ряду вонъ выходитъ ‹Станануване по Кюстендилско», стр. 24—26, которое отличается отъ другихъ шуточнымъ характеромъ.

Церковный характеръ ‹Пѣсни на Р. Х.» сказывается и въ самомъ языкѣ, совершенно отличномъ отъ разговорнаго и напоминаетъ собою наши южно-русскія схоластическія вирши: въ языкѣ тутъ слѣдуетъ искать не церковнославянизмовъ, а

наоборотъ болгаризмовъ, которыхъ въ 25 строчкахъ и находимъ всего только 4 въ обликахъ словъ, оставшихся въ им. п. (вм. ожидаемаго вин. и род.), сюда же, пожалуй, слѣдуетъ отнести обликъ *воздадемъ* (стихъ 22). Самый церковный языкъ этой пѣсни есть языкъ русской церкви, подвергшійся вліянію русскому, какъ показываютъ это замѣна ъ черезъ *о* (возко и др.) и ѫ черезъ *у* (заступилъ); болгаризмы въ звукахъ проявляются только въ замѣнѣ ы черезъ *и* (подъ лѣти, отъ тми, предвѣчни и др.) рядомъ съ написаніемъ ы (предвѣчный, мы и др.); заслуживаетъ вниманія обликъ отъ дѣв*ъ*, не слѣдуетъ ли впрочемъ читать дѣв*и*?

Колядка, названная нами легендарною, разсказываетъ, какъ «Божья майка» заболѣвшая съ Игнатьева дня (отъ Игната 20 декаб.) «на Коледа» «роди млада Бога», положила его въ золотыя полы и пошла къ Іордану искать кума. Св. Николай, къ которому она обращается, встрѣтивъ на дорогѣ, посылаетъ ее къ Іоанну Крестителю. Золото выводится и въ другой колядкѣ (на 27 ст.), гдѣ «Божя майка», болѣвшая то же время, по рожденіи моетъ «млада Бога» въ золотыхъ котлахъ. Послѣ этого омовенія «Божя майка» вѣшаетъ люльку «о два сламца (слъбца-ствола) босилкови» и начинаетъ его качать бѣлыми, какъ сыръ, руками (стр. 27 и 10), а сыръ этотъ собранъ осенью въ новыя яворовыя ведра; яворъ, изъ котораго сдѣланы ведра, осенью (зимой) шумѣлъ какъ жукъ въ горахъ, а весной жужжалъ какъ пчела по ульямъ (стр. 10 и 27), какъ дѣвушка на дворахъ (стр. 10); начала качать Господа Божья матерь и все стихло: вода перестала течь, вѣтеръ дуть, птицы пѣть, деревья качаться, не перестала только кукушка и дерево триперушка (качалка (осина?)). Проклала ихъ «Божя майка» и оттого кукуетъ кукушка «среди лѣтѣ по Еневъ день» (22 сент.), а осина «трипери (дрожитъ) зимѣ и лѣтѣ» (стр. 14 — 15). За няньченье новорожденнаго «Божя майка» награждаетъ ризой, у которой на груди ясное солнце, на плечахъ ясный мѣсяцъ, на рукавахъ денницы, на полахъ звѣзды и говоритъ при этомъ: «когда сотчешь такое полотно, тогда ходи на бесѣды, тогда люби милыхъ» (стр. 27—28). Любовь вообще занимаетъ видное мѣсто въ тѣхъ колядкахъ, гдѣ нѣтъ никакого христіанскаго слѣда: темный «облакъ» находитъ на юнака и готовъ надъ нимъ разразиться. «Стой, почакай, тъменъ облакъ, не ударай, тъменъ облакъ, не убивай», проситъ юнакъ 300 возами отцевскаго жита и 300 ведра материнскаго ройна вина. Но «тъменъ облакъ не се спира (не останавливается), но си гръми, но си влече», и только, когда обѣщаетъ ему юнакъ дать добра дарба—малка мома съ тьнко дари (подвѣнечное платье), «тъменъ облакъ зарадва се (обрадовался), че сей запрялъ тъменъ облакъ» (стр. 16 — 17). Въ другой колядкѣ: дѣвушка посѣяла «ранъ босилекъ», «малко момче» (молодой парень) началъ рвать его, но дѣвушка подкараулила, поймала и связала его русыми косами, убила его бѣлымъ лицомъ и застрѣлила черными глазами» (стр. 32 (15). Въ третьей колядкѣ (стр. 21—23) описывается, какъ утопающая дѣвушка зоветъ на помощь отца и брата, но тѣ заходятъ по колѣно и по поясъ въ воду и струсивъ возвращаются назадъ; тогда она зоветъ своего «пьрво либе». Милый бросается въ потокъ, заходитъ по шею, спасаетъ дѣвушку, ведетъ въ свой домъ и беретъ ее «за своя стопанка» (хозяйка). Бракъ тоже является предметомъ и другихъ колядокъ: дѣвушку приходятъ сватать за Срѣбрю его сестра и мать, но дѣвушка требуетъ, чтобы пришелъ самъ Срѣбрю. Приходитъ Срѣбрю, беретъ дѣвушку за правую ручку и вскидываетъ на коня позади себя (стр. (16)). Въ одной колядкѣ (стр. 21; намъ кажется, издана она плохо), обращаясь къ хозяину, колядники говорятъ, что они встрѣтили у хозяина раствореныя ворота, выведенныхъ совершенно готовыхъ коней и что братъ хозяина отвѣчалъ на ихъ вопросъ, куда тотъ отправляется, что пришли ему три извѣстія, три приглашенія вѣнчать молодыхъ, крестить маленькихъ грудныхъ дѣтей, и *постригать трехгодовалыхъ*.

Послѣдній мотивъ повторяется и въ немѣрныхъ «станановаяньяхъ», въ видѣ пожеланій хозяину, чтобы онъ былъ извѣстенъ и чтобы получалъ приглашеніе за девять селъ въ десятое крестить дѣтей и вѣнчать молодыхъ, но *пострипи* уже исчезли (стр. 12 и 29) Эти послѣднія немѣрныя «станануванія» (ихъ приведено 4)

состоять изъ одинаковыхъ частей: приглашеніе «стананина» (произносящаго с—ніе) прославить Бога и пожелать добра хозяину, обилія въ его хозяйствѣ въ наступающемъ году (стр. 11, 28), разсказъ о томъ, какъ колядники совершили далекій и трудный путь, думали найти хозяина недовольнымъ, но нашли его очень любезнымъ и гостепріимнымъ (стр. 11, 12, 17, 24, 28, 29); засучилъ онъ бѣлые рукава, заткнулъ *золотыя полы* и вынесъ имъ хорошіе дары: вино, витой коровай, сыръ, повѣсмо льна, шелка или конопли и деньги, пожеланіе, чтобы все это у хозяина умножалось вдвое и даже болѣе и чтобы онъ былъ счастливъ въ семействѣ и знатенъ въ людяхъ (стр. 12, 18, 29). Затѣмъ идетъ весьма интересный разсказъ о томъ, что Господь далъ хозяину «криво ралце» (плугъ) и «босникова ко пралка (костыль), которымъ онъ распахалъ долгую ниву; на долгой нивѣ копны переваливаются, на маленькой снопы перекладываются, а при концѣ ея груша, «а на грушѣ-то люлька, а въ ней мальчикъ, какъ золотой Божій крестецъ, а на плечѣ у него кованая булава, его отецъ послалъ его по высокимъ горамъ, по глубокимъ долинамъ пасти стада, но онъ бѣгаетъ по теплымъ зимовкамъ, по черноокимъ дѣвушкамъ, какъ его отецъ въ молодыя лѣта» (стр. 18, 30). Послѣдній образъ намъ кажется ужъ очень прозрачно намекаетъ на родившееся съ зимы на лѣто, солнце, которое въ молодости своей еще очень плохо исполняетъ свою работу, рѣдко является на небѣ. Шутливое Кюстендильское станануваніе (стр. 24—26) содержитъ всѣ обычныя части станануванія и всѣ его принадлежности: и трудный путь, и жито и «мужко дете», только желанія и разсказы по поводу ихъ выражены въ шутливой формѣ.

Н. Ш.

Словарь Болгарскаго языка. По памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати составилъ *А. Дювернуа*. Выпускъ II. Москва 1866, стр. I—XXIV, 273—512. На страницахъ «Извѣстій» уже было говорено объ этомъ трудѣ покойнаго профессора. Изв. 1885 стр. 367. Настоящій выпускъ кромѣ продолженія словаря снабженъ еще введеніемъ, представляющимъ «Обзоръ гласныхъ Болгарскаго языка» и потому мы намѣрены остановиться на немъ нѣсколько подробнѣе. Авторъ введенія прежде всего изъ разбора звуковыхъ явленій языка *), хочетъ рѣшить вопросъ о ближайшемъ родствѣ болгарскаго языка среди остальныхъ славянскихъ нарѣчій. Останавливаясь на томъ явленіи, что удареніе между прочимъ, вліяетъ на физіологическое качество гласныхъ въ болгарскомъ языкѣ, вызывая своимъ отсутствіемъ «ихъ слабое углубленное въ соотвѣтствующемъ органѣ, или имъ притупленное ихъ произношеніе», авторъ старается всѣ звуковыя явленія болгарскаго языка поставить въ связь съ этимъ закономъ ударяемости, что необходится безъ крайнихъ натяжекъ. Придавая въ болгарскомъ языкѣ громадное значеніе ударенію, авторъ признаетъ за нимъ и рѣшающій голосъ и въ вопросѣ и о взаимномъ отношеніи славянскихъ нарѣчій; «ступень родства прямо и безусловно рѣшается топикой ударенія», говоритъ авторъ (стр. V). Сравнивая между собою ударенія болгарское и сербское, авторъ «не можетъ не признать въ нихъ дѣйствія двухъ полярно противоположныхъ принциповъ» (стр. IV) и отсюда дѣлаетъ выводъ объ отсутствіи ближайшайшаго родства между сербскимъ и болгарскимъ. Считая болѣе древнимъ удареніе въ сербскомъ языкѣ, сохранившемъ нетронутымъ физическое качество гласныхъ и количественное различеніе гласныхъ моръ, авторъ болгарскому языку вмѣстѣ съ русскимъ приписываетъ замѣну «тѣхъ просодическихъ оттѣнковъ, которые связаны съ количествомъ гласныхъ, силлабическимъ положеніемъ ударенія» (стр. IV). Такъ авторъ говоритъ, что «тонкому просодическому оттѣнку въ акцентуаціи» сербскихъ обликовъ пȍле и пȍла «въ нашемъ отечественномъ языкѣ соотвѣтствуетъ весьма грубое смѣщеніе акцента, или его пониженіе»: пȍле, поля. Болгарскій языкъ, благодаря вліянію сво-

*) При разнообразіи говоровъ болгарскаго языка, авторъ за болѣе правильный принимаетъ Калоферскій и на основаніи его дѣлаетъ свои выводы.

его члена, «привлекающему на себя акцентъ въ словахъ односложныхъ и понижающему въ двусложныхъ, пошелъ въ этомъ отношеніи еще далѣе и «не охраняй его чрезвычайно выразительная подвижность какъ многочисленныхъ дериватовъ именныхъ, такъ и глагольныхъ его образованій» внесъ бы пожалуй въ свою «среду тотъ мертвящій духъ однообразія коимъ скованъ языкъ польскій» (стр. VII). Рядомъ съ этой чертой, роднящей языки болгарскій и русскій, родство между ними авторъ усматриваетъ и въ отсутствіи въ нихъ гласныхъ *р* и *л* и въ общемъ явленіи полногласія. Недостатокъ мѣста и характеръ журнала не позволяютъ намъ подвергнуть эти взгляды болѣе подробной критикѣ, которую мы сдѣлаемъ въ другомъ мѣстѣ, здѣсь же замѣтимъ только, что правильность взгляда автора на сербское удареніе въ виду явленій хорватскаго (чакавскаго) ударенія еще подлежитъ сильному сомнѣнію. Кромѣ этого едва-ли слѣдуетъ придавать просодіи то громадное, рѣшающее значеніе, какое придается ей авторомъ. Языки очень близкіе и даже нарѣчія одного и того же языка могутъ имѣть нерѣдко совершенно различныя по своему характеру ударенія: близость языка лужичскаго къ польскому, можно сказать, очевидна, а между тѣмъ ударенія ихъ довольно таки разнятся; падая въ первомъ, подобно чешскому, на первый слогъ спачала, а во второмъ—на второй отъ конца; одинъ изъ говоровъ галицкихъ русскихъ, говоръ лемковъ ударяетъ, подобно полякамъ, также второй слогъ, обладая такимъ образомъ односложнымъ удареніемъ, а чакавское нарѣчіе сербскаго языка сходится по мѣсту своего ударенія съ русскимъ, отличаясь отъ послѣдняго только присутствіемъ количества гласныхъ. Существованіе количества на ряду съ удареніемъ наблюдается и въ чешскомъ языкѣ, а между тѣмъ, это ничуть не говоритъ въ пользу ближайшаго родства его съ сербскимъ. Присутствіе же гласныхъ *р* и *л* въ болгарскомъ языкѣ ниже (на стр. XVII) признается самимъ авторомъ, гдѣ онъ говоритъ, что «ъ по своей сліянности съ плавными *р* и *л* составляетъ съ ними ***единий и нераздѣльний гласний звукъ***», даже будучи производнымъ изъ ѫ. Наконецъ «болгарское полногласіе» совсѣмъ нельзя ставить на одну доску съ полногласіемъ русскимъ: въ болгарскомъ оно встрѣчается только въ случаяхъ *чрѣ* подударнаго и имѣетъ видъ *черѣ*, что указываетъ на позднѣйшее избѣжаніе трудно произносимаго сочетанія *чр* путемъ вставки бѣглаго *е* (изъ ь), тогда какъ русское полногласіе имѣетъ видъ *tеpеt*, гдѣ *t* означаетъ любой согласный, видъ, не связанный никакимъ удареніемъ, между тѣмъ, какъ безударное *tрѣt* въ болгарскомъ обращается tрѣt, а подударное t (—ч) рѣt (—ч) остается безъ измѣненія. Такимъ образомъ, древнѣйшія звуковыя явленія, выставляемыя авторомъ какъ доказательство, говорятъ противъ ближайшаго родства болгарскаго языка съ русскимъ, а ихъ-то голосу вмѣстѣ съ голосомъ обликовыхъ и слѣдуетъ придавать значеніе въ вопросѣ объ отношеніяхъ языковъ одного къ другому. А голосъ ихъ вотъ каковъ: *ра*, *ла*, при русс. *оро*, *оло*,—*рѣ*, *лѣ*, при русс. *ере*, *еле*, роднятъ болгар. яз. со старославянскимъ, словенскимъ, сербскимъ и чешскимъ; *жд*, при русскомъ *ж* (галицкомъ *дж*) и шт (при руссскомъ *ч*) роднятъ его со старославянскимъ, а остатки твор. пад. ед. ч. муж. р. на *ом*: радомъ, виком, редом, деном (всѣ изъ народныхъ произведеній), при малорусскомъ *ом* (тогда какъ прслв. омь даетъ ім), сближаютъ болгарскій языкъ съ сербскимъ и словинскимъ (происхожденіе в.—и н.—лужицкаго *ом* и великорус. *ом*—неопредѣленно, хотя послѣднее въ виду малорусскаго предполагаетъ вѣроятнѣе ъмь). Изъ этихъ, на нашъ взглядъ, болѣе вѣскихъ свидѣтельствъ слѣдуетъ, что болгарскій даже далѣе отъ русскаго, чѣмъ отъ чешскаго, такъ какъ съ послѣднимъ онъ имѣетъ хоть одну точку соприкосновенія (*ра* на мѣстѣ русскаго *оро*), весьма характерную, тогда какъ съ русскимъ буквально ни одной общаго происхожденія и потому существенной.

Изъ обзора гласныхъ болгарскаго языка видимъ, что безударные звуки переходятъ: *а* въ *ъ*, *е* въ *и*, *о* въ *у*, *ѣ* въ *е*; послѣдній звукъ подъ удареніемъ переходитъ въ *я*, если стоитъ передъ твердымъ слогомъ или въ концѣ слова, передъ мягкимъ слогомъ

онъ и сочетаніе ja (я) переходитъ въ *е*. Интересно вліяніе *р* на гласные: всякій безударный гласный съ нимъ произносится какъ *ръ*. Такимъ образомъ, ни одинъ гласный болгарскаго языка не проченъ въ извѣстныхъ случаяхъ; исключеніе, по словамъ автора, составляетъ только ъ. «Глухое ъ въ отношеніи къ звучнымъ гласнымъ является въ вокализмѣ болгарскаго языка органаческимъ его элементомъ, произносимымъ въ опредѣленныхъ этимологіей рѣченіяхъ и слогахъ безъ всякихъ просодическихъ колебаній—какъ подъ удареніемъ, такъ и внѣ его. Въ силлабическомъ составѣ болгарскаго языка мѣсто полугласной ъ столь прочно, что языкъ нерѣдко переноситъ явственно имъ произносимый полугласный звукъ изъ одного слога въ другой, болѣе благозвучный, съ тою цѣлью, чтобы въ противномъ случаѣ, элизіей полугласнаго элемента не произошло слоговаго ущерба въ реченіи (стр. XIII), и только «исходъ реченій не оказываетъ въ болгарскомъ языкѣ той чуткости къ этому гласному элементу неполной моры». Это «иное примѣненіе законовъ фонетическихъ къ исходу рѣченій, чѣмъ къ ихъ внутреннему, среднему составу», было причиной искаженія или исчезновенія въ большинствѣ случаевъ этимологическихъ флексій болгарскаго языка. Но за то, по ученію автора, онѣ замѣнялись «разнаго рода формальными знаменіями, каковы мѣстоименія и предлоги». Такъ и casus generalis въ склоненіи именъ существительныхъ и прилагательныхъ муж. р. е. ч. былъ пополненъ выразительнымъ присоединеніемъ къ его темѣ указательнаго мѣстоименія въ видѣ постпонированнаго члена (стр. XIV). Но членъ и самъ долженъ былъ подчиниться закону, дѣйствующему въ исходѣ рѣченій, а потому обратиться въ *т*, но тутъ, по словамъ автора, было исключеніе по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) «самое прибавленіе члена было вызвано незвучностью основнаго слога имъ пополненной формы»; 2) «элизія этого ъ въ членѣ произвела бы очень рѣзкое колебаніе въ силлабическомъ составѣ столь многочисленной въ языкѣ категоріи, какова категорія именъ существительныхъ и прилагательныхъ муж. р.». Исключеніе было въ слѣдующемъ: оба закона, по ученію автора, какъ бы сошлись на взаимныхъ уступкахъ: и законъ «исхода рѣченій» взялъ свое тѣмъ, что удалилъ ъ съ конца и законъ «силлабической полноты состава» также не остался въ накладѣ, сохранивъ слогъ: этого они достигли «перенесеніемъ явственно произносимаго полугласнаго звука» съ конца въ начало члена, «введя въ тематическій составъ именъ мужскаго рода членъ въ формѣ *ът*, или *от*, для темы мягкой—*ят*». Матеріальный составъ члена (*т*) можетъ выпадать. Законъ «силлабической полноты состава» произвелъ и перестановки въ *ър*, *ъл* вм. *ръ*, *лъ* въ глаголахъ *цъвтѫ* и *съне* и въ *добър* вм. *добръ*.

Но существованіе особаго болгарскаго (въ другихъ языкахъ его мы не замѣчаемъ) «закона силлабической полноты состава» подлежитъ большему сомнѣнію, такъ какъ, существуй онъ, онъ долженъ былъ бы сохранить всякій глухой звукъ, по крайней мѣрѣ стоящій въ серединѣ слова и въ началѣ, если ужъ на концѣ ему препятствовалъ болѣе сильный «законъ исхода рѣченій; существуй онъ, мы бы не имѣли обликовъ въ родѣ *всичко*, а имѣли бы *вьсичько*, не имѣли бы *малка*, а *малъка*, не было бы *меки*, а *мекъки* но такихъ обликовъ не существуетъ, стало быть не существуетъ и закона, да вѣдь такой законъ не позволилъ бы и Прѣображение обратить въ пребрзне (см. стр. II). Не менѣе сомнителенъ и особый «законъ исхода рѣченій» (такъ для краткости называли мы: «иное примѣненіе законовъ фонетическихъ къ исходу рѣченій»). Развѣ въ обликахъ вьсичько, малъка, мекъки, обращая ихъ въ (в)сичко, малка, меки, дѣйствовалъ не тотъ же законъ, что въ пѫть, градъ, обращенныхъ въ пѫт, град? Наше объясненіе явленій, толкуемыхъ авторомъ, посредствомъ законовъ «исхода рѣченій» и «силлабической полноты состава», а равно и разсмотрѣніе вопроса о членѣ мы дадимъ въ другомъ мѣстѣ.

Переходя отъ введенія къ самому словарю, въ общемъ мы не можемъ не согласиться съ авторомъ отзыва о первомъ выпускѣ, но все-таки должны немножко ограничить его похвалы. Въ словарѣ г. Дювернуа, какъ и въ каждомъ громадномъ трудѣ, неизбѣжны и слабыя сторо-

ны: прежде всего у г. Дювернуа довольно странное расположеніе буквъ. Мы, будучи вообще врагами звуковаго письма въ книжномъ языкѣ, тѣмъ не менѣе все-таки убѣждены, что при составленіи словаря такого языка, гдѣ правописаніе еще далеко не установилось, для удобства читающихъ нельзя не принимать во вниманіе звуковъ языка. Отъ того мы крайне удивляемся, почему авторъ, разъ принявъ во вниманіе звуки, не проводитъ этого начала послѣдовательно: вѣдь онъ рѣшился же поставить вмѣстѣ, въ одинъ рядъ, слова, пишущіяся и черезъ *е* и черезъ *ѣ*, почему же этого онъ не дѣлаетъ для словъ, пишущихся черезъ ъ и черезъ ѫ; вѣдь тутъ совпаденіе въ звукахъ ужъ совсѣмъ полное: оба они равны одному глухому звуку ъ, между тѣмъ какъ *е* и *ѣ* по звукамъ не всегда равны. Впрочемъ тутъ у автора что-то въ родѣ вавилонскаго столпотворенія: напр. слово врѫчѫ (стр. 301) авторъ пишетъ уже послѣ *врясъкъ* *). Ни однимъ изъ изданныхъ до него словарей авторъ не пользовался. Мы не имѣли возможности сравнить трудъ автора со всѣми ими и ограничились только словаремъ Богорова (Богоровъ «Бѣлгарско-Френски Рѣчникъ». Дѣлъ вторни. Віена 1871), уже одно поверхностное сравненіе показываетъ, что словарь этотъ для автора какъ бы не существовалъ. Такое воздержаніе отъ матеріала, собраннаго другимъ может быть, даже часто имъ самимъ созданнаго, имѣетъ свои хорошія стороны, давая въ томъ случаѣ слова только несомнѣнныя, но несомнѣнны также и дурныя его стороны въ отношеніи практическомъ. Мы, впрочемъ, далеки отъ того, чтобы ставить это невниманіе къ чужимъ словарямъ въ упрекъ автору; напротивъ, въ научномъ отношеніи это даже достоинство, но намъ кажется, что можно было бы сдѣлать такъ, чтобы и волки были сыты и овцы цѣлы, отмѣчая слова, заимствованныя изъ словарей, указаніемъ на мѣсто заимствованія, а не просто выбрасывать ихъ: такихъ словъ набралось бы очень не мало: можно было бы цѣлыя страницы исписать значеніями и словами изъ Богорова, которыхъ нѣтъ въ словарѣ Дювернуа. Даже въ словарчикѣ Шаркова мы отыскали слова, которыхъ или совсѣмъ нѣтъ у Дювернуа, или приведены съ другимъ значеніемъ. И при чтеніи болгарскихъ книгъ не рѣдко наталкивались мы на слова, не отмѣченныя авторомъ. Иногда дается невѣрное толкованіе слова напримѣръ: гъонъ не—носокъ сапога, а подошва. Встрѣчаются и такіе случаи, что нѣтъ толкованій словъ, помѣщенныхъ въ текстѣ статей самого словаря, напр. *шепне* стр. 343 въ статьѣ *гатанка*: нѣтъ также нѣкоторыхъ и такихъ словъ, которыя встрѣчаются въ источникахъ самого автора: мы просмотрѣли нѣсколько страницъ прелестнаго перевода Бончова «Тарасъ Бульба» и не нашли въ словарѣ нѣсколькихъ словъ, встрѣчающихся въ переводѣ. Мѣстами, намъ кажется, авторъ создаетъ

*) По нашему его слѣдовало бы поставить ва стр. 280 послѣ *врѣскамъ*, а здѣсь только упомянуть со ссылкой, вѣдь *врѣда*, *врѣдувамъ* авторъ отнесъ къ написанію *ѣ*, хоть здѣсь и слышится *я*, а стало быть и послѣ словъ со звукомъ *рч* (282—300), а слово ничѣмъ ни худшее, ни лучшее *гръдъ* (грѫдь) стоитъ среди этихъ словъ и словъ съ *грѫ* уже нѣтъ, также не различаются и *гл* и *глѫ*, между тѣмъ такое хранепіе на оба колѣна представляетъ существенное неудобство, не говоря уже о томъ, что оно совершенно непроизводительно мѣстами увеличиваетъ объемъ книги (см. напр. *гъба* на стр. 434 и гѫбата стр. 440; врѣскомъ па стр. 280 и врясками стр. 301) и такимъ образомъ отнимаетъ время у автора и наборщиковъ, оно отнимаетъ его и у писателей: признаюсь, что слово *гъдъличкахѫ* я нашелъ въ словарѣ г. Дювернуа только на другой день въ статьѣ *гѫделичкамъ*, отыскавши его предварительно у Шаркова въ видѣ гъдъличкам; вполнѣ увѣренъ, что стой ѫ и ъ вмѣстѣ, я бы нашелъ его навѣрное тотчасъ же. Полнота словаря то же только относительная, впрочемъ я даже сомнѣваюсь, имѣлъ ли авторъ въ виду эту задачу: цѣль его была не собрать весь словесный запасъ языка, а только то, что нашло себя мѣсто въ печати, въ книгѣ. Авторъ составляетъ словарь по памятникамъ, разумѣется, изданнымъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати и самое позднее произведеніе, приводимое авторомъ въ спискѣ источниковъ, относится къ 1879 году, изъ позднѣйшихъ авторъ приводитъ только Периодическо списание до 1884 года; самое раннее относится къ 1849 году. (Чюдосіи тѣ на Робенсына Крусо, побългарени отъ И. Андреевъ).

несуществующіе облики: едва ли существуютъ въ единств. числѣ облики: гологанъ—бей*овецъ*, господин*овецъ*, готован*овецъ*, град*овецъ*, грош*овецъ*, дсбел*овецъ*; авторъ какъ будто бы забылъ ту подмѣченную Цанковыми и подтвержденную Миклошичемъ (Срв. Морф. В. II, стр. 235) особенность болгарскаго языка, что въ немъ нѣкоторыя имена образуютъ множ. число отъ основъ на овьц. Но всѣ эти недостатки не умаляютъ значенія важнаго труда покойнаго и благодарность за этотъ трудъ на долго останется въ сердцахъ людей, которымъ дорого все болгарское и русское. Трудъ покойнаго не только словарь, но и богатый матеріалъ для изученія такъ мало еще изслѣдованной болгарщины. Пожелаемъ только, чтобы почитатели и ученики покойнаго, взявшіе на себя трудъ продолженія словаря, отнеслись къ дѣлу съ тѣмъ же жаромъ, какъ и покойный ихъ учитель.

Н. Шляковъ.

Памяти П. А. Лавровскаго († 28 февр. 1886).

Славяновѣдѣніе, русская наука и литература понесли тяжкую потерю съ преждевременною смертью Петра Алексѣевича, которому черезъ двѣ недѣли исполнилось бы только 59 лѣтъ. Съ оставленіемъ Одессы и поста попечителя Новороссійскаго края, Лавровскій, казалось, вновь обратится къ своимъ прежнимъ независимымъ учено-литературнымъ занятіямъ. Поселившись съ осени прошлаго года въ Петербургѣ, онъ уже и приступилъ къ нимъ, къ великой радости всѣхъ его знакомыхъ, умѣвшихъ цѣнить его знанія и дарованія Незадолго передъ смертію онъ успѣлъ окончить изслѣдованіе объ итальянской легендѣ, посвященное главнѣйше критическому разбору недавно о ней высказанныхъ мнѣній патера Мартынова и проф. Ягича. Охотниковъ и притомъ свѣдущихъ и умѣлыхъ заниматься наукою, славяновѣдѣніемъ въ особенности, у насъ немного. Въ любителяхъ же и искусникахъ распоряжаться и заправлять учебнымъ дѣломъ и такъ называемымъ народнымъ просвѣщеніемъ недостатка у насъ, благодареніе Богу, никогда не было и, къ сожалѣнію, по всей вѣроятности, никогда не будетъ. Пишущій эти строки долго бесѣдовалъ нынѣшнею осенью съ покойнымъ Лавровскимъ о новѣйшемъ преобразованіи русскихъ университетовъ и особенно историко-филологическихъ факультетовъ. Во взглядахъ на это дѣло онъ совершенно сходится, какъ и слѣдовало ожидать съ большинствомъ всѣхъ лучшихъ русскихъ профессоровъ и ученыхъ, дорожащихъ успѣхами историко-филологическаго образованія въ нашемъ отечествѣ. Ни администрація, ни дѣло русскаго просвѣщенія не имѣли такимъ образомъ причины жалѣть о выходѣ Лавровскаго въ отставку какъ попечителя Новороссійскаго края. Въ интересахъ русскаго просвѣщенія и русской науки и литературы, приходится только жалѣть, что по оставленіи Варшавскаго университета, въ концѣ 1872 г., Лавровскій не удалился навсегда къ мирнымъ ученымъ трудамъ, а принялъ въ 1875 г. должность попечителя вновь открытаго Оренбургскаго округа, а въ 1880, вступилъ въ управленіе округа Новороссійскаго. Мѣста попечителей учебныхъ округовъ праздными у насъ никогда не остаются, мѣсто же самолично себѣ завоеванное въ наукѣ и литературѣ ученымъ и писателемъ принадлежитъ ему исключительно, ни по чьей чужой прихоти, ни упразднено, ни занято другимъ быть не можетъ.

П. А. Лавровскій принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые сами и единственно достойными всякаго уваженія трудами пріобрѣтаютъ себѣ почетное имя и положеніе въ обществѣ, совершенно независимое ни отъ внѣшнихъ знаковъ отличія, ни отъ количества отпускаемыхъ изъ казны на человѣка денегъ, подчиненныхъ ему служебныхъ и неслужебныхъ лицъ, входящихъ и исходящихъ съ его именемъ бумагъ Нельзя не считать рѣшительнымъ несчастіемъ какъ для науки, такъ и лично для Лавровскаго, что онъ, по оставленіи Варшавы, не былъ избранъ въ члены академіи. Онъ бы обогатилъ науку капитальными трудами, принесъ бы честь академіи, сохранилъ бы себѣ на много лѣтъ силъ и здоровья и не брался бы за дѣло управленія учебными округами, которое надрывало его силы и съ неменьшимъ успѣхомъ могло бы быть выполняемо людьми хорошими и опытными, но съ гораздо низшими способностями и безъ его знаній.

Сынъ сельскаго священника Новоторжскаго уѣзда, Петръ Алексѣевичъ родился 13 марта 1827 г. въ селѣ Выдропускѣ. Въ 1841 г. поступилъ въ Педагогическій Институтъ, откуда этотъ первый и самый дѣльный изъ учениковъ незабвеннаго профессора Срезневскаго вышелъ съ золотою медалью въ 1851 г. Въ томъ же году онъ былъ опредѣленъ въ Харьковскій университетъ исправляющимъ должность адъюнкта. Онъ защитилъ въ 1851 г. въ Петербургскомъ университетѣ изслѣдованіе на степень магистра славянской филологіи «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей», въ 1854 г. въ Харьковскомъ—диссертацію докторскую «О лѣтописи Якимовской». Въ 1856 г. Лавровскій получилъ командировку въ Петербургъ для занятія рукописями въ Публичной Библіотекѣ. Результатомъ этихъ работъ было замѣчательное изслѣдованіе: «Описаніе семи рукописей Императорской С.-Петербургской Публичной Библіотеки» (Чт. М Общ. Ист. 1858, кн. 4). Весною 1859 г. Лавровскій отправился въ западнославянскія земли, гдѣ пробылъ до января 1861 г. До конца 1868 г. Лавровскій оставался профессоромъ въ Харьковскомъ университетѣ.

За все это время съ 1851 по 1868 г., сверхъ упомянутыхъ изслѣдованій, Лавровскій напечаталъ болѣе 60 работъ и статей, изъ коихъ полны высокаго интереса, богаты новыми наблюденіями и изложены съ большею обстоятельностью.

Въ 1869 г. Лавровскій былъ приглашенъ во вновь открытый, новый русскій университетъ въ Варшавѣ, не только профессоромъ, но и ректоромъ. Назначеніемъ этого замѣчательнаго слависта, пріобрѣвшаго себѣ почетную извѣстность въ западномъ славянскомъ мірѣ, на постъ ректора въ Варшавскомъ университетѣ русское правительство хотѣло, безъ сомнѣнія, показать, что, давая русскому языку въ русской Польшѣ права языка государственнаго, оно не имѣетъ ни мысли, ни желанія истребить польскую народность, эту важную и даровитую вѣтвь славянскую, или губить польскій языкъ, одно изъ прекраснѣйшихъ и обработаннѣйшихъ нарѣчій славянскихъ. Лавровскій строго и послѣдовательно желалъ проводить въ Варшавѣ единственно правильное русское воззрѣніе, что, не накладывая рукъ на свое купленное дорогою кровью народное единство, Россія не можетъ терпѣть исторической Польши, но имѣетъ величайшій интересъ въ сохраненіи и дальнѣйшемъ развитіи Польши этнографической, какъ одной изъ даровитѣйшихъ соплеменныхъ ея народностей. Въ отдѣльныхъ случаяхъ частныхъ сношеній и примѣненій на практикѣ начала общаго могли, безъ сомнѣнія, быть у Лавровскаго нѣкоторыя неровности, уклоненія и ошибки, но въ цѣломъ онъ, конечно, дѣйствовалъ разумно и съ достоинствомъ. Само собою, Лавровскій яснѣе разумѣлъ и ближе принималъ къ сердцу задачи русскаго народа и государства въ Польшѣ, чѣмъ тогдашніе варшавскій попечитель Витте и намѣстникъ графъ Бергъ. Разводя и культивируя съ особенною любовью нѣмецкій элементъ въ Польшѣ, эти два нѣмецкіе оберегателя *русскаго дѣла* (какъ любилъ выражаться Витте), умѣли представляться полякамъ друзьями и защитниками. Настоящихъ же русскихъ дѣятелей, желавшихъ спасти польскую народность отъ онѣмеченія и излѣчить ее отъ сновъ возстановленія исторической Польши отъ моря до моря — а къ такимъ дѣятелямъ несомнѣнно принадлежалъ Лавровскій,—они умѣли выставлять проницатель-

ному Петербургу людьми невозможными, которые-де только мѣшаютъ успѣхамъ обрусенія, совершаемаго нашими *кровавыми* русскими патріотами въ сопредѣльной Пруссіи окраинѣ Русскаго государства.

П. А. Лавровскій долженъ былъ оставить Варшаву, гдѣ онъ былъ и ученымъ (профессоромъ) и администраторомъ. Ему предстоялъ опять выборъ возвратиться исключительно къ ученой дѣятельности или продолжать административную.

Очень возможно, что экономическія соображенія, а не честолюбіе рѣшили главнѣйше его дальнѣйшую карьеру. Вѣроятно, самъ Лавровскій отъ мѣста академика не отказался бы. Мы не знаемъ, была ли объ немъ рѣчь во II отдѣленіи? Да и былъ ли бы онъ еще окончательно избранъ. Были ли же забаллотированы Гильфердингъ, Менделѣевъ, Коркинъ. Лавровскій конечно былъ не на лучшемъ счету у тогдашнихъ заправилъ академіи.

Слѣдовательно, нельзя укорять Лавровскаго, человѣка безъ состоянія, что онъ съ 1873 г. не могъ предаваться, какъ прежде, ученымъ занятіямъ. Объ этомъ можно только жалѣть. Въ этомъ частномъ случаѣ выразилось довольно общее явленіе русской жизни: неумѣніе дорожить людьми большихъ способностей и употреблять ихъ удачно въ дѣло.

Не отрицая за Лавровскимъ и способностей административныхъ, полагаемъ однако, что не какъ попечитель, а какъ ученый, писатель и профессоръ, онъ займетъ въ особенности видное мѣсто въ лѣтописяхъ русской науки и просвѣщенія. Онъ занимался различными отраслями славяновѣдѣнія и по всѣмъ почти оставилъ работы и изслѣдованія часто очень цѣнныя и достойныя вниманія. Такъ по грамматикѣ славянской и русской имъ написано до 14 статей и изслѣдованій. Къ самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ относятся: 1) О русскомъ полногласіи. 2) Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями. 3) Записка о второмъ изданіи первой части Исторической грамматики Буслаева. 4) О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. 5) Значеніе настоящаго времени (praesentis) въ классификаціи славянскихъ глаголовъ и образованіе его сравнительно съ родственными языками. Изъ работъ Лавровскаго надъ составомъ языка или словарныхъ отмѣтимъ слѣдующія: 1) Коренное значеніе въ названіяхъ родства у Славянъ. 2) Сербско-русскій словарь. 3) Русско-сербскій словарь. По славянской палеографіи Лавровскій также оставилъ нѣсколько очень полезныхъ работъ, напр.: 1) Описаніе семи рукописей. 2) Житіе царя Лазаря. 3) Старорусское тайнописаніе. По славянскимъ древностямъ какъ бытовымъ, такъ и религіознымъ есть также нѣсколько дѣльныхъ статей, напр.: 1) Объ обрядѣ постриженія у древнихъ славянъ. 2) Изслѣдованіе о языческихъ вѣрованіяхъ славянъ въ облако и дождь, въ связи съ другими подобными же вѣрованіями у древнихъ родственныхъ народовъ. 4) Разборъ изслѣдованія Потебни: О миѳическомъ значеніи нѣкоторыхъ повѣрій. По славянской исторіи особенно литературной и культурной вообще, Лавровскій оставилъ нѣсколько видныхъ и крупныхъ работъ, напр.: 1) Изслѣдованіе о лѣтописи Якимовской. 2) О Кириллѣ и Меѳодіи (книга и нѣсколько статей), и мн. др. Наконецъ русская литература обязана Лавровскому цѣлымъ рядомъ иногда бѣглыхъ, а часто и подробныхъ обзоровъ новѣйшей исторіи и современнаго положенія различныхъ народностей славянскихъ, какъ сѣверныхъ, такъ и юго-западныхъ. Подробный и, кажется, полный списокъ статей изслѣдованій приложенъ А. Ѳ. Бычковымъ къ его некрологу (Ж. М. Н. Пр. апрѣль 1886). Такихъ статей написано Лавровскимъ до 28. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются замѣчательною полнотою и новизною данныхъ, какъ напр. статьи (въ Днѣ) о Галицкой Руси.

Пишущій эти строки былъ знакомъ съ Лавровскимъ давно хотя никогда не бывалъ съ нимъ въ особенно близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ, но всегда, когда имѣлъ съ нимъ сближеніе, устное или письменное, выносилъ впечатлѣнія пріятныя и нынѣ сохраняетъ о немъ отрадныя воспоминанія, какъ о человѣкѣ глубоко убѣжденномъ и преданномъ своимъ идеямъ и своему дѣлу.

Да будетъ же почтена его память.

14 мая 1886. **В. Ламанскій.**

Александръ Львовичъ Дювернуа.

(Некрологъ).

Славянская каѳедра старѣйшаго изъ русскихъ университетовъ — московскаго, осиротѣла: 16 марта скончался 47 лѣтъ ординарный профессоръ Александръ Львовичъ Дювернуа, преемникъ и ученикъ О. М. Бодянскаго, положившаго начало преподаванія славистики въ Москвѣ.

А. Л. Дювернуа и по рожденію, и по воспитанію принадлежалъ Москвѣ. Среднее образованіе онъ получилъ въ одной изъ московскихъ гимназій, если не ошибаемся въ первой, высшее—въ московскомъ университетѣ. Сначала онъ поступилъ на юридическій факультетъ, но вскорѣ перешелъ на историко-филологическій, въ которомъ въ то время пользовался особенною славою преемникъ Грановскаго—П. Н. Кудрявцевъ. Александръ Львовичъ предался было занятіямъ исторіей, но вскорѣ его научныя симпатіи выяснились, и онъ весь отдался лингвистикѣ. Замѣчательная личность Кудрявцева, умершаго еще во время студенчества А. Л. Дювернуа, произвела глубокое впечатлѣніе на будущаго профессора славянскихъ нарѣчій. Окончивъ курсъ со степенью кандидата въ 1861 г., А. Л. Дювернуа три года состоялъ при университетѣ профессорскимъ стипендіатомъ и усердно занимался древне-русской литературой, славянскими нарѣчіями и сравнительной грамматикою индоевропейскихъ языковъ. Въ 1865 г. молодой ученый отправился въ ученую командировку въ университеты западной Европы и провелъ тамъ почти два года, до весны 1868 г., когда, вернувшись въ Москву, напечаталъ свою магистерскую диссертацію: «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», обнаружившую въ ея авторѣ громадную эрудицію. За границей покойный славистъ слушалъ, между прочимъ, въ Тюбингенѣ лекціи проф. Рота по санскриту, который изучалъ еще въ Москвѣ, подъ руководствомъ покойнаго профессора П. Я. Петрова. Что касается славянскихъ странъ, то въ эту поѣздку онъ долѣе всего пробылъ въ Чехіи, занимаясь въ Прагѣ въ библіотекахъ чешскаго лицея и пражскаго университета, а также и въ архивахъ. Во время этого своего путешествія онъ провелъ нѣкоторое время въ Вѣнѣ, работая въ библіотекахъ. О его работахъ этого времени свидѣтельствуютъ обильныя выписки изъ различнаго рода рукописей, оставшіяся въ его бумагахъ. Въ это время вполнѣ уже обнаружилось лингвистическое направленіе занятій славистикою покойнаго ученаго.

Впослѣдствіи А. Л. Дювернуа еще два раза ѣздилъ въ славянскія земли: въ первый разъ въ 1870 г. въ Чехію, во второй разъ въ 1880 г. въ юго-славянскія страны: онъ посѣтилъ Новый Садъ, Фрушкую гору и ея монастыри, Бѣлградъ, сдѣлалъ поѣздку по Сербіи и чрезъ Нишъ и Пиротъ проѣхалъ въ Софію. Въ Болгаріи онъ тогда провелъ всего болѣе времени, посѣтивъ различные ея пункты: посѣщеніе Болгаріи составляло въ эту поѣздку главную цѣль покойнаго ученаго, ибо онъ былъ занятъ въ это время работами надъ послѣднимъ увы! и самымъ капитальнымъ трудомъ «Словаремъ болгарскаго языка». Основательный лингвистъ и знатокъ-филологъ славянскихъ нарѣчій, покойный профессоръ былъ особенно склоненъ къ словарнымъ работамъ.

Вскорѣ послѣ защиты магистерской диссертаціи А. Л. Дювернуа занялъ каѳедру сравнительной грамматики въ московскомъ университетѣ, но читалъ лекціи всего полтора года, ибо зимою 1868-69 года, послѣ выхода въ отставку О. М. Бодянскаго, ему предложено было занять каѳедру славянскихъ нарѣчій. Пишущій эти строки слушалъ курсъ славянскихъ нарѣчій во время своего студенчества полтора года у О. М. Бодянскаго, а затѣмъ такое же время у А. Л. Дювернуа. Покойный профессоръ отличался крайнею заботливостью относительно преподаванія. Можно сказать, что каждая его лекція стоила ему большихъ предварительныхъ работъ и тщательной подготовки. Въ высшей степени добросовѣстный исполнитель своихъ профессорскихъ обязанностей, покойный А. Л. Дювернуа отличался крайнею добротою и желаніемъ помочь студенту, облегчить его трудъ, указать ему пути для самостоятельныхъ занятій. Строгій къ себѣ и своимъ трудамъ, онъ чрезвычайно внимательно относился къ работамъ и занятіямъ

своихъ учениковъ, которые всегда чувствовали душевную связь со своимъ учителямъ. Обладая глубокими свѣдѣніями по лингвистикѣ въ самомъ широкомъ смыслѣ этого именованія, покойный А. Л—ичъ особенно цѣнилъ въ своихъ ученикахъ лингвистическіи познанія, и его лекціи главнымъ образомъ посвящались сравнительной грамматикѣ славянскихъ нарѣчій, церковно-славянскому языку и т. д.

А. Л. Дювернуа былъ чистый сердцемъ человѣкъ. Въ нравственномъ отношеніи покойный профессоръ производилъ глубокое впечатлѣніе на своихъ учениковъ. Истинно благородный по духу, покойный А. Л—ичъ не терпѣлъ лжи и интриги, относился самъ искренно къ людямъ и требовалъ того же въ отношеніяхъ къ себѣ.

Это былъ строго православный и русскій человѣкъ. Онъ понималъ ту глубокую связь между русскимъ народомъ и православіемъ, которая отмѣчена во всей исторіи Россіи. Живя болѣе внутреннею жизнью, онъ не выступалъ на арену широкой публицистической или политической дѣятельности и находилъ въ своемъ семейномъ кругу, который онъ горячо любилъ, свой отдыхъ и утѣшеніе въ трудностяхъ жизни.

Покойный профессоръ былъ замѣчательно трудолюбивый ученый. Его ученикамъ извѣстно, что онъ чуть не со студенческой скамьи собиралъ матеріалъ для древне-русскаго словаря, почерпая его изъ громадныхъ рукописныхъ богатствъ московскихъ библіотекъ. Кажется, слухъ о томъ, что покойный И. И. Срезневскій собирался приступить даже къ изданію составленнаго имъ древне-русскаго словаря, былъ причиною, почему покойный А. Л—ичъ замедлилъ или пріостановилъ свои работы. Но мы можемъ смѣло утверждать, что трудъ и матеріалы покойнаго профессора во всякомъ случаѣ представляли бы прекрасное дополненіе къ словарю Срезневскаго, если суждено ему когда нибудь появиться въ печати.

Въ заключеніе этого краткаго некролога представляемъ списокъ его трудовъ. Писать и печатать началъ покойный Александръ Львовичъ еще студентомъ: статьи, относящіяся къ тому времени, свидѣтельствуютъ о способностяхъ ученаго и его ранней обширной начитанности.

1) Критическая статья: «Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, herausgegeben von Dr. Lazarus und Dr. H. Steinthal. Band. 1, Heft 1.» — Лѣтописи русской литературы и древности, издаваемыя подъ редакціей Н. С. Тихонравова, 1859 г., т. II (стр. 44—60).

2) Разборъ нѣкоторыхъ филологическихъ объясненій г. Костомарова въ статьѣ «Начало Руси» — ibidem, т. III, за 1861 г. (стр. 81—85).

3) О годѣ изобрѣтенія славянскихъ письменъ въ «Чтеніяхъ въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ» за 1862 г. № 2 (стр. 157—171).

4) «О происхожденіи Варягъ — Руси». Ibidem, 1862 г., IV.

5) «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи». Москва, 1867 года (магистерская диссертація).

6) «О методѣ и успѣхахъ сравнительнаго языковѣдѣнія». «Московскія Университетскія Извѣстія», № 11, за 1867 годъ. (Вступительная лекція).

7) «Тюбингенскіе акты славянской книгопечатни въ Виртембергѣ». «Московскія Унив. Извѣстія.», № 3, за 1868 г., стр. 275—315.

8) «Станиславъ Зноешскій и Янъ Гусъ» (двѣ главы объ исторіи пражскаго университета). Москва, 1870 г. (стр. 1—213).

9) «Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій». Москва, 1872 г. (стр. 1—167). (Докторская диссертація).

10) «Практическія руководства къ изученію старо-славянскаго языка и славянскихъ нарѣчій», которыя издавалъ покойный профессоръ для своихъ слушателей въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, начиная съ 1872 г., подъ заглавіямъ: церковно-славянское чтеніе, польское чтеніе, чешское чтеніе, сербское чтеніе. Въ этихъ «чтеніяхъ» покойный профессоръ иногда печаталъ отрывки изъ памятниковъ неизданныхъ, переписанныхъ имъ во время своихъ путешествій по славянскимъ странамъ.

11) Изслѣдованіе о критическомъ достоинствѣ и историческомъ значеніи Архангельскаго Евангелія. «Журналъ Мин. Народн. Просв.» за 1879 г.

12) Записка, содержащая археологическое

обозрѣніе части «Изборника вел. кн. Святослава 1073 года», изданной покойнымъ О. М. Бодянскимъ — Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей. 1882 г., кн. 4, стр. 1—23, какъ предисловіе къ изданію.

14) Словарь болгарскаго языка, по памятникамъ народной словесности и произведеніямъ новѣйшей печати», вып. I. Москва, 1885 г., стр. 1—272.

14) Второй выпускъ этого словаря, составляющій вмѣстѣ съ первымъ одинъ томъ, вышелъ на дняхъ послѣ кончины А. Л. Дювернуа. Онъ оканчивается словомъ *Длъбъ* (долото). При немъ приложено введеніе: «Обзоръ гласныхъ болгарскаго языка». Корректуру этого тома еще держалъ самъ составитель.

Покойный ученый приготовилъ матеріалъ для цѣлаго изданія. Какъ мы знаемъ, изданіе болгарскаго словаря, столь нужнаго и полезнаго въ данное время, не остановится. Оно поручено одному изъ лучшихъ учениковъ покойнаго профессора, магистранту славянскихъ нарѣчій П. А Лаврову, которому обѣщали свою дѣятельную помощь профессора Ѳ. Е. Казинъ и М. С. Дриновъ. Можно лишь пожелать, чтобы московскій университетъ далъ средства для окончанія этого важнаго изданія.

«Словарь болгарскаго языка» покойный А. Л. Дювернуа посвятилъ «памяти глубоко чтимаго наставника Петра Николаевича Кудрявцева».

Въ бумагахъ покойнаго А. Л. Дювернуа отыщется, вѣроятно, еще нѣсколько статей, которыя желательно было бы видѣть въ печати. Такъ, еще не напечатана его рѣчь, произнесенная имъ 6 апрѣля 1885 года, въ день тысячелѣтія со дня кончины св. Меѳодія. Намъ сообщаютъ также, что А. Л. Дювернуа держалъ самъ корректуру своей статьи: «Кого называло русское законодательство Колобягомъ», приготовленный имъ, вѣроятно, для «Чтеній въ обществѣ исторіи и древностей».

Sit tibi terra levis, magister!

П. А. Кулаковскій.

Варшава.
15 апрѣля 1886 г.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ СПб. Славянск. Благотв. Обществѣ продаются слѣдующ. книги:

— **Славянская Христоматія**. Сборникъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Составилъ **Г. Воскресенскій**, экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи. Выпускъ первый: языки древній церковно-славянскій и древне-русскій, Москва, 1882 г. стр. III+110	— р. 75 к.
— Тоже, вып. II: языки болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій. Москва 1883 г. стр. III+292 . . . . . . , ...	1 » 50 »
— Тоже, выпускъ III, отдѣлъ I: языки чешскій и словацкій. Москва 1884, стр, II+218	1 » 50 »
— Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, сочиненіе **Франца Миклошича**, переводъ Ник. Шлякова, **подъ редакціею Романа Брандта**. Выпускъ I. Старословенскій языкъ. Москва. 1884	1 » 50 »
— Тоже, вып. II: языки словенскій, болгарскій и сербскій. М. 1885.	1 » 50 »
— Тоже, вып III: языки малорусскій и русскій	1 » 50 »
— Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ**. Вильна. 1884 г. XXXII и 371 стр.	2 » 50 »
— Карта западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ**. Вильна. 1884.	1 » — »
— Та же карта, наклеенная на холстѣ.	1 » 50 »
— Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ. Сост. **Я. Головацкимъ**. 1884. .	— » 60 »
— Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя **Я. Ѳ. Головацкимъ**. 3 тома, въ IV частяхъ. Москва. 1878.	12 » — »
— **Россія и Европа**. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому. **Н. Я. Данилевскаго**. Спб. 1871. X и 542 стр.	3 » — »
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго и литературныя объясненія **А. Степовича**. Кіевъ. 1884 . . .	1 » — к.
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго **А. Степовича** (съ литературными объясненіями). Выпускъ II. .	— » 70 »
— **Славянскія нарѣчія**. Статья профессора **Гебауера**. Переводъ и примѣчанія **А. Степовича**. Кіевъ. 1882	— » 50 »
— **Анти энциклика** или братское слово къ славянамъ католикамъ. Харьковъ. 1882	1 » — »
— Сочиненія **П. Т. Морозова**, Москва 1883 г., 462 стр. .	— » 60 »
— Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 78 гг., бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія **Де-Прерадовича**. Спб. 1881. 362 стр.	1 » 50 »
— **Михаилъ Андреевичъ Влугьянскій**, Статсъ-Секреоарь, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ. (1769—1847). Біографическій течркъ. 1882. 44 стр. Ц. 1 руб.	1 » — »

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

на 1886 годъ (27-й съ начала изданія).

Принимается въ Москвѣ у редактора, протоіерея *В. Нечаева*, въ Толмачахъ, также у книгопродавцевъ Ѳерапонтовыхъ; въ С.-Петербургѣ у книгопродавца Тузова. Цѣна за 12 книжекъ 3 руб. 50 коп., съ доставкой и пересылкой 4 руб.

Оставшіеся не разобранными полные экземпляры «ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ» за 1864 и 1865 годы продаются въ Редакціи по 1 руб. 50 коп. за экземп., съ пересылкою въ Европейскую Россію по 2 руб., на Кавказъ и въ Сибирь по 2 руб. 50 коп. Полные экземпляры «ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ» за 1869, 1870, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1878 гг. продаются въ Редакціи по 2 руб. 50 коп., за 1877, 1879, 1880, 1882, 1883, 1884 и 1865 годы съ пересылкою по 4 руб.

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ.. — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшихся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и руссихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky**. S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ** А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія.** . . . . 2 » 80 »

Примѣчанія: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Бла[redacted]ьное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ раззоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

Редакторы К. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 6

ІЮНЬ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
226	столб. 1 стр. снизу 14—Рута	Ружа
»	» » » » 9—Бѣдни	Бъдни
»	» » » » 9 и 8—пõле и пõла	пõлѣе и пõлѣа
»	» » » » 6—поля	поля̑
229	» 2 » сверху 13—14 { t(—ч) *рњ* t(—ч)	(t—ч) *рњ* (t—ч)
»	» » » » 27—*пч*	*ж*
»	» » » » »—шт	*шт*
230	» » » » 15—*рѣ, лъ*	*рѣ, лъ,*
231	» 1 » » 24—*врясъкъ* *).	*врясъкъ* *),
»	» » » снизу 14—въ примѣчан. шится *я*,	шится *я*. Все дальнѣйшее слѣдуетъ внести въ текстъ послѣ *врясъкъ* *).
»	» 2 » » 28—*шепне* въ текстѣ словаря гнепне, но теперь мнѣ ясна эта *опечатка* въ словарѣ, а потому съ 26 стр. со слова: «встрѣчаются» до 29 до слова «*гатанка*»: слѣдуетъ выкинуть, замѣтивъ только объ *опечаткахъ въ словарѣ*.	
	Въ заглавіи № 2 и на страницѣ 86. 1 столб. 16 строка сверху—Н. П. и В. Барсовъ	Н. И. Барсовъ
	№ 1, стр. 6, 1 столб., 2 стр. сверху—Миланъ.	Милошъ.
	№ 3, стр. 111, столб. 2, строка 15 сверху—военнаго.	восточнаго.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 6. **Іюнь.** **1886 г.**

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшихся 4 и 18 мая, между прочимъ, постановлено: *въ первомъ*: а) выдать въ пособіе семейству одного чеха, одному сербу, одному черногорцу и двумъ добровольцамъ 150 р.; б) просить В. И. Аристова и В. Г. Чубинскаго взять на себя трудъ обревизованія отчетности редакціи «Извѣстій» за 1884 и 1885 годы в) утвердить расходы, произведенные съ 19 апрѣля по 4 мая на 447 р. 27 к. *во второмъ*: а) выдать въ пособіе двумъ добровольцамъ 68 р.; б) назначить одной болгаркѣ стипендію на два года по 300 р. въ годъ; в) просьбы одного лица, о пособіи, и одного серба, о назначеніи стипендіи, отклонить; д) просьбу одного добровольца, объ оказаніи ему содѣйствія къ полученію сербской пенсіи за февраль, мартъ и апрѣль сего года передать на зависящее распоряженіе въ сербское посольство въ Петербургѣ и е) утвердить расходы произведенные съ 4 по 18 мая на 1168 р. 26 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 апрѣля по 1 іюня 1886 г. поступило: а) изъ церковныхъ кружекъ г. С.-Петербурга: изъ кружки № 23, въ 3-й гимназіи — 2 р. 9 к.; чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: Скорбященской церкви, прот. В. Гиляровскаго—61 р. 17 к.; б) иногороднія: Бендерскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Гинкулова—11 р. 10 к.; г. Вильны, Литовской духовной консисторіи — 1 р. 67 к.; г. Владивостока, прот. Н. Смирнова — 10 р. 14 к.; Вятскаго уѣзда, 1 округа, прот. А. Емельянова — 5 р. 83 к.; Городокскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Малиновскаго — 5 р. 10 к.; г. Грязовца, прот. В. Землисына—3 р.; г. Екатеринбурга, духовной консисторіи—11 р. 6 к.; г. Калуги, духовной консисторіи—69 р. 99 к.; Камышловскаго уѣзда, 6 округа, свящ. Ѳ. Наумова — 9 р.; Котельническаго уѣзда, 2 округа, прот. М. Изергина—12 р.; Лаишевскаго уѣзда, свящ. Ф. Петрова — 5 р., Летичевскаго уѣзда, 2 округа, прот. О. Лазаркевича—4 р.; Ливенскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Переверзева—3 р. 58 к. Лугскаго уѣзда, 1 округа, прот. Н. Сперанскаго — 5 р. 92 к.; г. Минска, духовной консисторіи — 4 р. 48 к.; Могилевскаго уѣзда, 5 округа, свящ. І. Корчина—6 р 6 к.; г. Николаевска (на Амурѣ) прот. А. Протодіаконова—8 р. 50 к.; Нолинскаго уѣзда, 2 округа, прот. С. Сергіева—35 р.; г. Петрозаводска, Олонецкой духовной консисторіи—65 р. 8 к.; г. Орла, свящ. Н. Никольскаго — 12 р. Приморской области, свящ. І. Гомзякова — 10 р.; свящ. С. Петролотнова — 1 р. 85 к.; Роменскаго уѣзда, свящ. В. Скитскаго—6 р.; Рѣчицкаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Старчикова—5 р. 85 к.; Сольвычегодскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Д. Либровскаго—1 р. 50 к. и изъ г. Чернигова, отъ духовной консисторіи—58 р. 6 к.; **итого 435 р. 3 к., а съ прежде поступившими — 3,424 р. 62 к.**

Въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество въ *издательскій капиталъ имени Ивана Сергѣевича Аксакова* съ 1 мая по 1 іюня поступило: отъ Я. Г. Карташевскаго 25 р., чрезъ редакцію «Русь» отъ подписчиковъ 75 р. 25 к., отъ П. А. Воронцова-Вельяминова 3 р., отъ М. И. Иванова 100 р., отъ Ѳ. П. Корнилова 50 р., отъ В. С. Россоловскаго 8 р., отъ преосвященнаго Доната, епископа рижскаго и митавскаго 25 р., отъ П. Д. Чулкова 25 р., отъ М. К. Сидорова 100 р., отъ М. И. Семевскаго 50 р., отъ попечителя Кавказскаго учебнаго округа, К. П. Яновскаго 20 р., отъ В. П. Рославлева 100 р., отъ Л. С. Кривенко 10 р., отъ Д. С. Самарина 500 р., отъ попечителя варшавскаго учебнаго округа, А. Л. Апухтина 25 р., отъ высокопреосвященнаго Платона, митрополита кіевскаго и галицкаго 300 р., отъ М. Н. Раевскаго 100 р. и отъ князя А. М. Дондукова-Корсакова 50 р., итого 1,566 р. 25 к., а всего съ прежде поступившими 3,620 р. 75 коп.

По предложенной почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества О. Ѳ. Миллеромъ подпискѣ въ пользу малолѣтней дочери умершаго раненаго добровольца штабсъ-капитана Демченко (оставшейся безъ всякаго обезпеченія) въ общихъ собраніяхъ Славянскаго Общества, состоявшихся 23-го марта и 6 апрѣля, поступило: отъ О. Ѳ. Миллера 5 р., М. Н. Супрунова 1., А. В. Васильева 1 р., П. Г. Моравека 1 р., П. П. Дурново 25 р., И. И. Соколова 1 р., О. А. Новиковой 10 р., В. Г. Чубинскаго 3 р., И. И. Домонтовича 3 р., М. П Розенгейма 3 р., П. А. Васильчикова 5 р., Г. П. Галагана 5 р., Н. В. Кидошенкова 2 р., А. П. Ильяшенко 1 р., А. Т. 3 р., П. Д. Чулкова 5 р., П. Е. Мансветова 1 р., В. П. Гастева 1 р., П. П. Менделѣева 2 р. и И. С. Пальмова 1 р., всего 79 р., которые и отправлены по назначенію 27-го марта и 10 апрѣля.

II. Славянское обозрѣніе.

Слово въ недѣлю 5-ю по Пасхѣ и въ день памяти св. первоучителей Словенскихъ Меѳодія и Кирилла,

произнесенное протоіереемъ **П. А. Матвѣевскимъ** 11-го Мая 1886 года въ Исаакіевскомъ соборѣ въ С.-Петербургѣ.

> *Всякъ, піяй отъ воды сея, вжаждется паки: а иже піетъ отъ воды, юже Азъ дамъ ему, не вжаждется во вѣки; но вода, юже Азъ дамъ ему, будетъ въ немъ источникъ воды, текущія въ животъ вѣчный* (Іоан. 4, 13. 14).

Въ бесѣдѣ съ женою Самарянскою у колодезя Іакова, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, возводя тяготѣющую къ чувственному и земному мысль ея горѣ — къ божественному и сверхчувственному, указываетъ въ Себѣ Самомъ источникъ воды живой, могущей утолить навсегда жажду безсмертной души.

Чудныя слова, исполненныя глубокаго, таинственнаго смысла! Но колодезь Божественной премудрости недосягаемъ для нашего сокращеннаго почерпала, и мы не могли бы проникнуть въ глубину его, если бы самъ Господь не открылъ того, что сокрыто въ словахъ Его. Проповѣдь о Себѣ, какъ источникѣ воды живой, Онъ повторилъ въ слухъ всего народа въ храмѣ іерусалимскомъ, приглашая всѣхъ идти къ Нему и вѣрою почерпать отъ Него воду жизни въ такой полнотѣ, чтобы и самимъ изливать живоносныя струи ея: *сіе же*, замѣчаетъ св. Евангелистъ, *рече о Дусѣ, Его же хотяху пріимати вѣрующіи во имя Его* (Іоан. 7, 37—39). Этимъ же выразительнымъ образомъ пользуются и древніе пророки, предсказывая о благодати св. Духа, очищающей и омывающей грѣховныя скверны чадъ новозавѣтной Церкви (Ис. 44, 2. Іез. 36, 25. Іоил. 2, 28, 29).

Такъ, благочестивые слушатели, Господь Іисусъ Христосъ, ***Начальникъ и Совершитель*** нашей ***вѣры*** (Евр. 12, 2), ***Глава*** (Еф. 1, 22) ***и Архіерей великій*** (Евр. 4, 14) св. православной Церкви, есть источникъ или, лучше сказать, море безбрежное благодатныхъ даровъ, которые вѣрующіе во имя Его получаютъ отъ Духа Святаго. Изъ этого моря благодати протекли по всему міру многоводныя рѣки—св. Апостолы, которые распространили повсюду ученіе Христово и въ основанныхъ ими церквахъ поставили преемниковъ своего служенія. Посредствомъ этихъ-то священныхъ лицъ церковной іерархіи животворныя струи благодати Божіей достигаютъ и насъ, очищаютъ, освящаютъ и соединяютъ во едино тѣло вселенской Церкви Христовой, не знающей предѣловъ времени и мѣста.

Каждая частная церковь, каждый народъ, исповѣдующій православную вѣру, имѣютъ священныхъ мужей, которые, исполнившись благодати по преемству отъ св. Апостоловъ, были первыми проповѣдниками Евангелія для своихъ соплеменниковъ. Мы, славяне, сегодня празднуемъ память своихъ св. первоучителей Меѳодія и Кирилла, и этотъ праздникъ, повторяемый годичнымъ теченіемъ времени, каждый разъ внушительно говоритъ намъ о томъ, что сдѣлали для славянства св. братья, а вмѣстѣ съ тѣмъ побуждаетъ насъ подумать и о томъ, что нужно и намъ дѣлать, чтобы достойно пользоваться наслѣдіемъ ихъ.

Достославны, многоплодны и достойны вѣчной памяти подвиги св. братьевъ на указанномъ имъ Промысломъ Божіимъ мѣстѣ служенія. По выраженію священныхъ пѣснопѣній, они облетѣли славянскія страны, подобно «орламъ скоропарящимъ» [1], и «апостольски подвизаясь» [2], явились «Апостолами Церкви Словенскія» [3], «просвѣтителями и учителями языковъ и странъ Словенскихъ» [4]. Неисчислимы заслуги ихъ для вѣры, языка и народности славянства. Вопреки суемудрію латинскому, воспрещавшему въ богослуженіи употребленіе понятнаго народу языка славянскаго, св. братья начали съ того, что заговорили съ народомъ на его родномъ языкѣ и дали ему славянскія письмена. Изобрѣтеніемъ славянской грамоты открылась — скажемъ языкомъ св. Церкви—«затворенная» для народа «дверь спасенія» [1]. Народный языкъ послужилъ для славянскихъ первоучителей могучимъ средствомъ распространенія и утвержденія православной вѣры. Составивъ переводъ необходимыхъ церковныхъ службъ, св. Меѳодій и Кириллъ «напитали манною ученія богомудраго языки словенскія, погибавшія гладомъ Слова Божія» [2], или, какъ еще выражается св. Церковь, «ими начася на сродномъ намъ языцѣ словенскомъ литургія божественная и все церковное служеніе совершатися» [3]. Такимъ образомъ св. братья сдѣлались «истинными столпами и основаніемъ Церкви славянской» [4], нашею «славянскою славою» [5], которую не помрачатъ никакія враждебныя усилія.

Тысячелѣтіе прошло съ того времени, какъ славянскіе Апостолы проповѣдали Евангеліе въ Моравіи и Панноніи. Много сокрушительныхъ бурь пронеслось послѣ нихъ надъ головами славянъ; государственное устройство нашей части свѣта, гдѣ славянское племя занимаетъ сѣверъ, юго-востокъ и средину, неоднократно подвергалось важнымъ измѣненіямъ; много было сдѣлано попытокъ, и, какъ извѣстно, далеко не безуспѣшныхъ, лишить славянъ народныхъ сокровищъ — языка и вѣры православной. Но, благодареніе Господу, среди самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, когда, повидимому, все ополчалось противъ славянства, оно устояло, — и нашимъ днямъ суждено видѣть, какъ мало по малу оживаетъ, развивается и крѣпнетъ славянское самосознаніе тамъ, гдѣ оно доселѣ едва выказывало слабые признаки жизни. Мы, сыны великой Имперіи, уже запечатлѣли свое племенное единство съ южными родичами тяжкими жертвами и, смѣшавъ кровь свою съ родственною на поляхъ брани, подняли изъ

[1]) Служб. 11 мая на хвалит. стихир. 1.
[2]) На Господ. воззв. стихир. 4.
[3]) На стиховнѣ стихир. 3.
[4]) На Госп. воззв. стихир. слава.

[1]) Стихир. 4.
[2]) Сѣдал. по поліелеи.
[3]) Сѣдал. по 2 каѳ. кан. п. 8.
[4]) Икосъ.
[5]) На стиховнѣ стихир. 2.

праха рабства христіанъ балканскихъ. Это достославное дѣло показало всему свѣту, что мы истинные ученики славянскихъ первоучителей, вѣрные завѣту ихъ. И тѣ наши родичи, которые воспользовались нашими трудами, стряхнувъ съ себя пыль вѣковаго рабства и начавъ самостоятельную жизнь, надѣемся, никогда не забудутъ, что они вѣтви одного дерева. Да и всѣ члены великой славянской семьи, пользующіеся духовнымъ наслѣдіемъ св. первоучителей, не могутъ не чувствовать, что они родственны между собою, и эта врожденная племенная близость, оживляемая мыслью, стремленіями сердца, молитвою и вѣрою, выражается въ отличительныхъ чертахъ народности и не всегда исчезаетъ даже съ утратою этихъ признаковъ, вытѣсняемыхъ чуждою народностію. Въ первобытныя времена христіанства ученый Гамаліилъ говорилъ гонителямъ св. Апостоловъ: *отступите отъ человѣкъ сихъ и оставите ихъ, яко аще будетъ отъ человѣкъ совѣтъ сей или дѣло сіе, разорится; аще ли же отъ Бога есть, не можете разорити его, да не како и богоборцы обрящетеся* (Дѣян. 5, 38. 39) Но и дѣло славянскихъ Апостоловъ есть то же самое дѣло христіанства: оно отъ Бога—и протекшій рядъ вѣковъ не истребилъ его; пройдутъ и еще *времена и лѣта, яже Отецъ* небесный *положи во своей власти* (1,7), оно не погибнетъ. Съ нами остается навсегда неотъемлемое наслѣдіе св. первоучителей — славянскій языкъ, принятый въ употребленіе въ славянскихъ церквахъ; насъ одушевляетъ воспитанное этимъ языкомъ чувство славянской народности. Какія-бы новыя бѣдствія ни постигли славянство, какіе-бы новые удары судьбы ни разразились надъ родственными народами, но люди, привыкшіе къ опасностямъ и препятствіямъ, и въ горькіе дни испытаній не могутъ перестать быть тѣмъ, что они суть, не могутъ отказаться отъ самихъ себя.

Для насъ, сыновъ благословенной Россіи, ведомой къ предназначенной ей Промысломъ Божіимъ судьбѣ могучею самодержавною волею Отца отечества, молитвенное воспоминаніе св. славянскихъ первоучителей имѣетъ особый глубокій смыслъ и проясняетъ обязанности, не всегда и не всѣми живо сознаваемыя. Мы—граждане величайшаго въ мірѣ государства, построеннаго тысячелѣтнимъ трудомъ нашихъ мудрыхъ предковъ, и, при благотворномъ дѣйствіи въ настоящее время правомѣрнаго и устойчиваго развитія законности и порядка, справедливо можемъ гордиться успѣхами дорогаго отечества на разныхъ поприщахъ жизни гражданской, военной, научной, художественной. Не забудемъ же, что настоящее есть слѣдствіе и прямой выводъ изъ прошедшаго, а въ прошедшемъ нашей исторіи—начатки принадлежатъ просвѣтительному дѣлу св. первоучителей. Но какъ сдѣлать память о св. братьяхъ многоплодною для себя, поищемъ наставленія у св. Апостола Павла. Заповѣдуя *поминать наставниковъ* по духу, онъ убѣждаетъ подражать имъ,—*подражать вѣрѣ ихъ* (Евр. 13,7). Безъ сомнѣнія, подражаніе не требуетъ равенства съ первообразомъ, которое можетъ оказаться даже не подъ силу подражателямъ. Досточтимый образъ св. братьевъ свѣтитъ намъ изъ глубины вѣковъ славою добродѣтелей и величіемъ равноапостольныхъ подвиговъ ублажаемыхъ первоучителей нашихъ. Ничто не препятствуетъ снять съ него нѣкоторыя черты, доступныя намъ, и наше подражаніе не будетъ лишено ни достоинства, ни пользы.

Чему же научаетъ насъ приснопамятный примѣръ св. первоучителей?

Св. Меѳодій и Кириллъ были проповѣдниками православной вѣры между славянами Моравіи и Панноніи. И тогда какъ въ тѣхъ странахъ, въ теченіе вѣковъ, при обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ, свѣтъ вѣры помрачился примѣсью инославнаго ученія, въ нашемъ богохранимомъ отечествѣ, пріявшемъ богослужебныя книги св. братьевъ, православіе сіяетъ въ неповрежденной чистотѣ отъ лѣтъ древнихъ донынѣ. На насъ лежитъ священная обязанность хранить сокровнще, которымъ владѣемъ, чтобы передать его, какъ лучшее наслѣдіе, своимъ потомкамъ. Чтите св. православную Церковь, будьте истинными сынами ея, готовыми на всякое общеполезное и благое дѣло, да всегда и вездѣ, въ васъ и чрезъ васъ, прославляется имя Христово.

Св. первоучители наши составили сла-

вянскую азбуку, перевели для славянъ необходимыя церковныя службы, проповѣдали народу Слово Божіе и учили дѣтей на родномъ языкѣ. Не есть-ли это священный завѣтъ ихъ, который мы должны принять къ сердцу особенно въ нынѣшнее время, когда при сельскихъ церквахъ открываются церковно-приходскія училища для народа, нуждающіяся, какъ и всякое новое учрежденіе, въ сочувствіи и вещественной поддержкѣ людей образованныхъ и надѣленныхъ достаткомъ? Эти училища продолжаютъ то же самое дѣло, надъ которымъ трудились наши св. первоучители у южныхъ славянъ, а посему мы сдѣлаемъ угодное имъ, если примемъ посильное участіе въ просвѣщеніи народа на вѣковѣчныхъ устояхъ нашей народной силы—вѣрѣ въ Бога, любви къ Царю и отечеству.

Славянскіе Апостолы, проповѣдавъ православную вѣру нашимъ единоплеменникамъ и изобразивъ языкъ ихъ на письмѣ, обособили славянскую народность и упрочили существованіе ея среди другихъ народностей. Благоговѣйно чтя труды св. первоучителей, будемъ любить свою народность,—тотъ духовный обликъ, который слагается изъ добрыхъ качествъ русскаго человѣка, и эту любовь будемъ свидѣтельствовать самымъ дѣломъ, вполнѣ честно и добросовѣстно исполняя обязанности своей службы и во всемъ предпочитая личной пользѣ пользу общую.

Св. Меѳодій и Кириллъ *подвигомъ добрымъ подвизалисъ* (2 Тим. 4.7) за предѣлами нашего отечества, среди южныхъ славянъ. Эти единоплеменные и единовѣрные родичи наши разсѣяны по разнымъ странамъ Европы и съ полнымъ сочувствіемъ относятся къ великой и могущественной Россіи. Среди изобилія, которымъ мы окружены, среди выгодъ и удобствъ, которыми пользуемся, не забудемъ соплеменниковъ, нуждающихся въ нашей помощи, и сохранимъ въ сердцахъ своихъ братскую любовь къ нимъ, готовую на безкорыстныя жертвы, слѣдуя увѣщанію св. Апостола — *дѣлать благое ко всѣмъ, паче же къ приснымъ въ вѣрѣ* (Гал. 6, 10).

Вы, достопочтенные члены Славянскаго Благотворительнаго Общества, самымъ участіемъ въ благотворительныхъ дѣлахъ этого Общества ясно свидѣтельствуете что не вотще носите имя славянъ. Но святое дѣло братской помощи нуждающимся можетъ остаться не чуждымъ и для всѣхъ васъ, благоговѣйно чтущихъ память славянскихъ Апостоловъ. И не нужно изобрѣтать для сего какіе-либо новые способы благотворенія, измышлять наивѣрнѣйшія средства помощи, или же останавливать благодѣющую руку по незнанію, куда и какъ направить свою жертву. Славянское Благотворительное Общество, поставляющее своею цѣлью вспомоществованіе, по мѣрѣ силъ и средствъ, нуждающимся славянамъ, есть вполнѣ надежное посредствующее учрежденіе, которое дѣйствуетъ уже многіе годы и принесло значительную пользу. Помолимся св. первоучителямъ, чтобы они и на будущее время не лишили насъ своего благословенія, а также вознесемъ общую усердную молитву, да предстательствомъ ихъ Владыка всѣхъ Господь «утвердитъ въ православіи и единомысліи вся языки Словенскія, умиритъ міръ и спасетъ души наша». *) Аминь.

Какъ возникъ и развивался на Руси восточный вопросъ.

Посвящается Константину Николаевичу Бестужеву-Рюмину.

I.

Выступая съ новой попыткой развитія довольно старой темы, авторъ прежде всего желалъ бы передать благосклонному читателю хотя частицу своего убѣжденія, что въ нашей литературѣ въ сущности нѣтъ пособій для ознакомленія съ исторіей восточнаго вопроса. Недостаткомъ историческаго изученія предмета должны быть объясняемы довольно различные, а часто и противоположные взгляды, которые высказывались по поводу восточнаго вопроса въ нашихъ газетахъ и журналахъ за послѣдніе годы. Не можетъ быть сомнѣнія, что и въ русскомъ обществѣ, не смотря на переживаемыя событія, не составилось еще твердо установлен-

*) Тропарь.

наго воззрѣнія на восточный вопросъ. Такъ, недавно мы присутствовали и даже принимали живое участіе въ событіяхъ на Балканскомъ полуостровѣ, но развѣ опредѣлилось этимъ наше отношеніе къ восточному вопросу на будущее время, развѣ не двоилось и не двоится наше сознаніе, развѣ не хромаемъ мы на оба колѣна, наконецъ развѣ мы отдали себѣ строгій отчетъ въ причинахъ, вызвавшихъ народное русское движеніе десять лѣтъ тому назадъ?.. Было ли это въ самомъ дѣлѣ, какъ подсказывали нѣкоторые наши и заграничные органы, искусственное возбужденіе, руководимое партіей славянофиловъ, или же естественное пробужденіе народнаго чувства, вызванное сознаніемъ историческихъ задачъ?

По отношенію къ восточному вопросу мыслящему русскому человѣку нельзя двоиться. Каковы бы ни были дальнѣйшія фазы развитія восточнаго вопроса, Россія не можетъ держаться отъ него въ сторонѣ, если только какое-либо непредвидѣнное потрясеніе не дастъ ей способности забвенія, не отшибетъ у нея память о томъ, чѣмъ она жила, къ чему стремилась и отъ чего страдала.

У насъ главнымъ образомъ мало было обращено вниманія на зарожденіе и первоначальное развитіе на Руси идеи восточнаго вопроса. Такимъ образомъ, является настоятельной потребностью разсмотрѣть историческое происхожденіе русскихъ воззрѣній на этотъ вопросъ. Уже въ первичной стадіи развитія восточный вопросъ оказывается такъ тѣсно сросшимся съ нашими историческими задачами и такимъ необходимымъ элементомъ въ Русской имперіи, что роковая неизбѣжность участія Россіи въ разрѣшеніи его не только живо сознавалась самими русскими, но и была имъ внушаема извнѣ. Восточный вопросъ оказывается далѣе центромъ, вокругъ котораго группируются крупнѣйшіе факты Русской исторіи, главнымъ рычагомъ и стимуломъ нашего общественнаго развитія: *вмѣстѣ съ восточнымъ вопросомъ изучается исторія развитія русскаго національнаго самосознанія*. Если въ предлагаемой статьѣ намъ удастся доказать эти положенія, то вмѣстѣ съ тѣмъ мы надѣемся достигнуть и основаній для болѣе устойчивыхъ взглядовъ на восточный вопросъ.

Внѣшніе факты, относящіеся къ развитію турецкаго могущества въ Европѣ, въ изобиліи могутъ быть почерпаемы изъ политическихъ исторій Турціи, Австріи, Италіи, Венеціи и славянъ Балканскаго полуострова. Но факты являются выраженіемъ внутреннихъ силъ и воплощеніемъ идей; исторія состоитъ въ объясненіи фактовъ, та или другая комбинація послѣднихъ придаетъ особый характеръ самой исторіи. Какъ выраженіе дѣйствующей живой силы, фактъ можетъ былъ запоздалымъ, недостаточно выраженнымъ, или наконецъ неправильно понятымъ. Въ исторіи много ложно истолкованныхъ событій, не мало роздано историками незаслуженныхъ лавровыхъ вѣнковъ. Составляютъ исторію люди, внося въ нее свои воззрѣнія, страсти, симпатіи и антипатіи.

Прежде всего во внѣшней исторіи восточнаго вопроса не отмѣченъ или мало выясненъ одинъ изъ выдающихся фактовъ европейской исторіи: тысячелѣтняя борьба Европы съ Азіей. Кто изъ европейскихъ историковъ считался съ тѣмъ фактомъ, что въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ греки и славяне защищали Европу отъ азіатскихъ хищниковъ, что Византійская имперія и славяне южные и восточные, находясь на рубежѣ Европы и Азіи, честно и грозно держали знамя, какъ европейскій авангардъ и передовой постъ цивилизаціи? Несомнѣнно, они отстали отъ своихъ западныхъ сосѣдей, но этимъ послѣднимъ слѣдовало-бы помнить, что греки и славяне страдали, слабѣли и погибали, исполняя то дѣло, которому иначе пришлось-бы посвятить свои силы германцамъ, французамъ и итальянцамъ. Послѣдствія недостаточной оцѣнки этого положенія громадны. Они обнаруживаются въ несправедливыхъ приговорахъ и заключеніяхъ о причинахъ отсталости восточной Европы отъ западной, о культурной неспособности славянъ сравнительно съ западными ихъ сосѣдями. Въ частности, этимъ-же нужно объяснять почти распространенное у насъ воззрѣніе на характеръ древней Руси, на ея внѣшнюю политику и международныя сношенія. Если подъ внѣшней политикой мы будемъ понимать исключительно западно-европейскую, то конечно до XVI вѣка трудно указать роль Россіи въ западной Европѣ; но если

перенестись въ международныя отношенія восточной Европы, то роль Россіи опредѣлится весьма отчетливо, именно окажется, что и въ древній періодъ своей исторіи она не пренебрегала внѣшней политикой. Восточная Европа главнѣйше имѣетъ задачей восточную политику, и въ этомъ отношеніи восточный вопросъ измѣряется для нея тысячелѣтіемъ.

Если расширить историческій кругозоръ и взглянуть подъ однимъ угломъ зрѣнія на разнообразные и разновременные факты сношеній Европы съ азіятскимъ востокомъ, то мы придемъ къ слѣдующимъ наблюденіямъ. Чрезъ всю исторію проходитъ рядъ болѣе или менѣе крупныхъ движеній восточныхъ народовъ на Европу. Цѣль этихъ движеній та же, какая замѣчается въ эпоху великаго переселенія народовъ: поголовное истребленіе и этнографическіе перевороты. Напомню про движеніе аваровъ, арабовъ, половцевъ и печенѣговъ, турокъ-сельджуковъ и монголовъ. Какъ разсматриваются въ исторіи эти народныя движенія, т. е. какъ невыгодно для восточно-европейской исторіи поставлены въ наукѣ факты, объясню на одномъ примѣрѣ.

Всѣмъ извѣстно про побѣду Карла Мартелла надъ арабами въ 732 году. Еще изъ школы выносимъ мы благодарную память къ тому франкскому майордому, который спасъ Европу и христіанство отъ магометанъ. Между тѣмъ здѣсь требуется историческая поправка. Магометане въ 732 выступили противъ франковъ далеко уже не съ прежнимъ довѣріемъ къ своимъ силамъ, которыя они незадолго передъ тѣмъ растратили подъ стѣнами Константинополя. Слѣдовательно, по справедливости, ослабленіе арабскаго элемента въ VIII в. нужно приписать и грекамъ и франкамъ. Далѣе, движеніе восточныхъ народовъ въ Европу оказывается далеко не случайнымъ, а хорошо задуманнымъ и правильно комбинированнымъ. Мысль о завоеваніяхъ въ Европѣ родилась въ Азіи задолго до XIV вѣка. Говоря объ азіатскихъ народахъ, мы привыкли употреблять выраженія: народы тюркскаго племени. Эти тюркскіе народы, называемые то тюрками, то турками, то туркменами, или торками—далеко не такъ различны между собой по языку и происхожденію, какъ обыкновенно думаютъ. Половцы и печенѣги — родные братья туркменамъ. Господствуя въ южной Россіи и на европейскомъ востокѣ, половцы не теряли связей съ соплеменниками своими между Каспійскимъ и Аральскимъ моремъ и далѣе на востокъ. Уже у печенѣговъ замѣчаемъ одновременныя движенія на Византію съ Балканскаго полуострова и изъ Малой Азіи, гдѣ подавали имъ руку турки-сельджуки. Болѣе близкій намъ примѣръ—крымскіе татары, которые предпринимали набѣги на Россію, сообразуясь съ указаніями турецкаго султана. Политическая и религіозная связь народовъ татарскаго или тюркскаго племени всегда была подобна той, которая существуетъ теперь между турками и татарами. Такъ, извѣстно, что половцы Бухары и Киргизскихъ степей помогали сельджукамъ овладѣть Грузіей, Арменіей, Сиріей и Месопотаміей. Также извѣстно, что въ войскѣ Саладина были турки, куманы или половцы, кипчаки и туркмены.

У восточныхъ народовъ уже съ XI в. замѣчается стремленіе освободить Азію и Европу отъ подчиненія христіанскому царю и стать во главѣ народовъ Азіи и Европы. Живучесть этой идеи въ особенности свидѣтельствуется недавно найденными монетами сельджукскихъ эмировъ Малой Азіи. Они титулуютъ себя государями Романіи и Востока.

Историческая тенденція мусульманъ ступить твердой ногой въ Европѣ осуществлена была въ XIV вѣкѣ османскими турками, которымъ съ тѣхъ поръ принадлежитъ господствующая роль въ магометанскомъ мірѣ. Нужно признать, что тенденція эта не была осуществлена ранѣе, благодаря лишь усиліямъ восточной Европы, т. е. славянъ и грековъ.

Мы не предполагаемъ слѣдить за распространеніемъ османскаго могущества въ Европѣ, остановимся только на двухъ самыхъ выдающихся моментахъ: на завоеваніи Галлиполи въ 1353 году и Константинополя въ 1453 году. По выраженію тогдашнихъ политиковъ, Галлиполи былъ ключемъ въ Европу, онъ не утратилъ своего важнаго стратегическаго значенія и понынѣ. Кто владѣетъ этой крѣпостью, у того въ рукахъ весь восточный вопросъ. Занятіе турками Галлиполи мо-

жетъ считаться исходнымъ моментомъ восточнаго вопроса. Мы воспользуемся здѣсь словами Цинкейзена. У Орхана созрѣлъ планъ основать свое господство въ Европѣ завоеваніями по ту сторону Геллеспонта. Исполненіе этого плана онъ поручилъ сыну своему Сулейману, который, будучи не одинъ разъ посылаемъ на помощь византійскому императору и хорошо ознакомившись съ положеніемъ Ѳракіи, лучше всѣхъ могъ осуществить смѣлое намѣреніе. «Съ Божіей помощью и съ благословеніемъ Орхана, говорилъ Сулейманъ, я надѣюсь вырвать корону и скипетръ изъ рукъ невѣрныхъ». Посовѣтовавшись съ высшими сановниками, Сулейманъ нашелъ, что прежде всего нужно занять какой-либо важный пунктъ по ту сторону Геллеспонта, откуда уже легко будетъ распространяться внутрь страны. По близости отъ Галлиполи находился небольшой замокъ Цимпи (нынѣ Джеменликъ), на которомъ и остановился выборъ Сулеймана. Османскіе вожди Аджебегъ и Газивасиль въ ту же ночь со всѣми предосторожностями пустились въ легкомъ суднѣ черезъ Геллеспонтъ, чтобы собрать точныя свѣдѣнія о положеніи крѣпости и состояніи гарнизона въ ней. Около самой крѣпости они наткнулись въ виноградникѣ на одного грека, котораго взяли съ собой и представили Сулейману. Плѣнный грекъ далъ удовлетворительныя показанія, что замокъ плохо защищенъ, доступъ къ нему не труденъ, и что онъ самъ берется провести османовъ къ укрѣпленію. Не имѣя достаточно судовъ, Сулейманъ приказалъ наскоро сколотить два плота, на которые помѣстилъ 80 человѣкъ, и въ слѣдующую же ночь переправилъ ихъ въ Европу. Къ утру турки овладѣли замкомъ. Въ теченіе трехъ послѣдующихъ ночей Сулейманъ перевезъ сюда до 3,000 человѣкъ. Посаженный въ Цимпи турецкій гарнизонъ началъ дѣлать набѣги на окрестныя селенія, горсть турокъ подступила къ Галлиполи, греческій начальникъ крѣпости Калопулъ не могъ отстоять ее и сдалъ туркамъ. Сулейманъ оцѣнилъ значеніе этого пункта, немедленно занялся укрѣпленіемъ его и перевезъ въ него новыя силы изъ Азіи. Такъ какъ здѣсь предполагалось основать первую турецкую колонію, то приглашены были въ Галлиполи турецкіе поселенцы, которымъ обѣщаны почести и богатства. Мѣстное греческое населеніе частію переведено было въ Малую Азію, частію разбѣжалось. Завоеваніемъ Галлиполи положено было прочное основаніе турецкому господству въ Европѣ.

Если бы нужно было задаваться объясненіемъ причинъ, обусловливавшихъ успѣхи турокъ на Балканскомъ полуостровѣ XIV вѣка, то я могъ бы иллюстрировать свою мысль указаніемъ на состояніе полуострова въ нынѣшнее время. Три государства греческое, сербское и болгарское — каждое видѣло въ туркахъ хорошаго союзника противъ ненавистнаго сосѣда. Если бы я имѣлъ въ виду излагать исторію вопроса, то долженъ бы былъ установить, что съ первыхъ же шаговъ въ Европѣ турки начали пользоваться силами мѣстныхъ населеній, что въ войскахъ турецкихъ на рѣкѣ Марицѣ и на Коссовомъ полѣ (1371 и 1389 годы) противъ славянскихъ патріотовъ Вукашина, Шишмана и Лазаря бились славянскіе же князья со своими дружинами, измѣнившіе христіанскому дѣлу, что западная Европа очень поздно догадалась объ угрожающей отъ турокъ опасности. Наконецъ, мнѣ бы слѣдовало, вмѣстѣ впрочемъ со всей Европой XV вѣка, признать, что военныя дѣла при Никополѣ и Варнѣ потому не были роковыми для турокъ, что христіанскому дѣлу помѣшали морскія державы Венеція и Генуя, и что многократныя попытки составить лигу противъ турокъ потому не имѣли успѣха, что многія европейскія государства считали для себя полезнымъ турецкое господство въ Европѣ. Словомъ, мнѣ настояла бы необходимость перенестись въ западно-европейскую политику и международныя отношенія и показать, что по тѣмъ же причинамъ не справились съ турками греки и славяне, по которымъ не могли обуздать ихъ и народы западной Европы. Но обо всемъ этомъ можно прочесть въ подробныхъ сочиненіяхъ, посвященныхъ исторіи турокъ въ Европѣ.

Сами турецкіе властители очень хорошо понимали, на чемъ основывается ихъ сила въ Европѣ, и было бы большой ошибкой предполагать, будто они удерживали за собой власть огнемъ и мечемъ. Турки обезпечивали за сельскимъ населеніемъ тѣ же

права, какими оно пользовалась до турецкаго завоеванія, въ особенности турки нашли себѣ помощниковъ въ лицѣ греческихъ и славянскихъ вельможъ, измѣнившихъ вѣрѣ и народности. Многіе изъ нашихъ соотечественниковъ въ минувшую войну убѣдились, что сельское населеніе въ Болгаріи трудолюбиво, привязано къ своему клочку земли, не обременено податями и довольно зажиточно. Нельзя думать, что такъ жило только послѣднее поколѣніе. Со времени первыхъ завоеваній въ Европѣ политика султановъ по отношенію къ иновѣрнымъ населеніямъ была опредѣленная: они не желали истреблять ихъ, а хотѣли владѣть ими и пользоваться отъ нихъ доходами. Для ознакомленія съ политикой султановъ я предполагаю остановиться на нѣкоторыхъ чертахъ завоеванія Константинополя.

Не многіе факты въ европейской исторіи могутъ сравниться съ паденіемъ Константинополя. Напрашивается на сравненіе завоеваніе Рима готами. Но завоеватели столицы западной римской имперіи скоро усвоили римскую культуру, смѣшались съ туземцами и перенесли на себя политическія задачи императоровъ римскихъ. Не то было съ завоеваніемъ Константинополя турками. Утвердившись въ столицѣ восточной имперіи, турки неослабно продолжали преслѣдовать свои національные интересы и задачи. Они не благоговѣли, какъ готы, передъ титуломъ императора, напротивъ съ высокомѣріемъ и презрѣніемъ относились къ европейскимъ государствамъ, угрожая двинуться изъ Константинополя на Вѣну и Римъ. Турки измѣнили политическій строй Европы на цѣлыя столѣтія; турецкій султанъ, овладѣвъ Константинополемъ, сталъ могущественнѣйшимъ между государями Европы.

Самый любопытный, хотя и печальный фактъ въ завоеваніи Константинополя представляетъ то обстоятельство, что имперія не имѣла людей для защиты послѣдняго оплота греческой національности. Въ городѣ, безспорно первомъ по населенію во всей тогдашней Европѣ, нашлось не больше десяти тысячъ защитниковъ, тогда какъ населенія въ немъ было по меньшей мѣрѣ 100 тысячъ. Когда уже началась осада, всѣ надежды царя Константина Палеолога сосредоточивались на ожидаемой помощи изъ Европы, куда онъ трижды отправлялъ посольства. Между тѣмъ въ Пелопонесѣ были два его брата, остававшіеся холодными зрителями предсмертной агоніи Византіи. Изъ западной Европы отвѣчали обѣщаніями, какъ будто можно было ждать, когда враги были уже подъ стѣнами города. Наконецъ прибылъ кардиналъ Исидоръ, бывшій митрополитъ Россіи, съ порученіемъ отъ папы присоединить грековъ къ латинству. Враги били стѣны, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, а въ Константинополѣ на улицахъ и площадяхъ тысячная толпа вела жаркіе споры и толки о преимуществахъ греческой вѣры передъ латинской. Горсть защитниковъ выбивалась изъ силъ, защищая стѣны, а праздная толпа наблюдала теченіе звѣздъ и старалась вычитать въ старыхъ книгахъ разгадку судьбы отечества. Выходило, что будетъ знаменіе, и городъ спасется чудомъ. Одна только свѣтлая личность и выдается во всей исторіи защиты — это самъ царь Константинъ, который благоразумно воспользовался наличными средствами и до конца довелъ свое трудное дѣло. Извѣстно, что царь былъ убитъ при послѣднемъ штурмѣ 29 мая 1453 года. Въ исторіи завоеванія Константинополя для меня имѣетъ значеніе лишь заключительный моментъ—распоряженія Магомета II послѣ взятія города и трехдневнаго грабежа его, сопровождавшагося убійствомъ 4 тысячъ и плѣненіемъ 50 или 60 тысячъ.

На четвертый день Магометъ вступилъ въ Константинополь и приказалъ совершить своимъ имамамъ благодарственное молебствіе въ храмѣ святой Софіи. Съ тѣхъ поръ св. Софія обращена была въ мечеть. Съ этимъ вмѣстѣ прекращены были грабежи войска и приступлено къ организаціи гражданскаго быта въ новой столицѣ. Мѣры приняты были очень разумныя и практическія. Думая основаться на всегда въ Константинополѣ, городѣ христіанскомъ и населенномъ чуждою народностью, султанъ рѣшился предоставить грекамъ вѣроисповѣдныя и гражданскія права. Между греками была сильная партія, которая предпочитала турецкую чалму римской тіарѣ; во главѣ ея стояли лучшія силы націи, черное и бѣлое духовенство и образованные патріоты, напримѣръ, историкъ

Франца. Магометъ II идетъ на встрѣчу желаніямъ этой партіи, поддерживая ея надежды на спасеніе греческой національности. Между всѣми народами, приходившими въ соприкосновеніе съ исламомъ, не было болѣе вѣрнаго національнымъ традиціямъ народа, чѣмъ греки. Вслѣдствіе своей многовѣковой и высокой культуры греки всегда давали сильный отпоръ чужеземнымъ притязаніямъ, на ихъ народную и религіозную старину не посягнули даже римляне. Несомнѣнно, Магометъ сознавалъ это, ибо выказалъ замѣчательный административный и политическій тактъ въ дѣлѣ упроченія своего господства надъ греками. Уже въ первыхъ его распоряженіяхъ по вступленіи въ Константинополь замѣтна мысль, что съ греками нельзя поступать также, какъ относились османы къ другимъ народамъ. За греками нужно было оставить неприкосновенность вѣры и церкви, чѣмъ упрощалась задача господства надъ греческимъ народомъ посредствомъ духовныхъ властей. Этимъ достигалось также и то, что христіанская Европа могла не сильно тревожиться переходомъ Константинополя подъ власть турокъ. Эти соображенія диктовали тотъ указъ, которымъ разбѣжавшіеся или скрывшіеся жители приглашаемы были возвратиться къ своимъ домамъ, причемъ имъ обѣщано было сохраненіе свободы и собственности и неприкосновенности вѣры. Затѣмъ сдѣлано было предложеніе избрать *по уставамъ церковнымъ* патріарха соборомъ мѣстнаго духовенства при участіи клира и народа. Въ патріархи былъ избранъ крупный представитель національной партіи и дѣятель въ народномъ духѣ, извѣстный Геннадій. Султанъ обезпечилъ за цареградскимъ патріархомъ высокія права и преимущества: право устроить церковь по каноническимъ правиламъ, безъ вмѣшательства Порты во внутреннія дѣла церковной администраціи. Патріархъ облеченъ и гражданскою властью, его суду подлежали нѣкоторыя гражданскія дѣла, возникающія между исповѣдниками греческой вѣры. Султану принадлежало только право утвержденія патріарха, или, что называется, право инвеституры. Наконецъ, всѣ будущіе патріархи, равно какъ епископы и ихъ преемники, освобождены отъ податей и налоговъ.

Желая показать греческому населенію характеръ отношеній своихъ къ главѣ православной церкви, султанъ пригласилъ къ себѣ патріарха Геннадія и принялъ его съ величайшимъ почетомъ; высшіе турецкіе сановники сопровождали и встрѣчали патріарха, какъ царственную особу. Султанъ разговаривалъ съ нимъ о дѣлахъ церкви, обласкалъ и одарилъ его. Нельзя не признать, что подобныя отношенія къ патріарху свидѣтельствуютъ о большомъ политическомъ тактѣ султана: этимъ онъ умиротворилъ и успокоилъ взволнованные умы.

Константинополь былъ международный городъ, въ немъ жили десятки тысячъ иностранцевъ. Весьма разумны мѣропріятія Магомета и по отношенію къ этой части населенія. Въ то время, какъ турки грабили городъ, генуэзцы и венеціанцы обратились къ султану съ просьбой о помилованіи для населяемыхъ ими кварталовъ. Саганъ-паша далъ имъ охранную грамоту слѣдующаго содержанія. «Городъ Пера не подвергается разграбленію, жители его остаются въ спокойномъ владѣніи своимъ имуществомъ: домами и магазинами, товарами и кораблями, виноградниками и проч. Жены ихъ не подвергаются насилію, дѣти не зачисляются въ корпусъ янычаръ. Въ церквахъ ихъ будетъ продолжаться христіанское богослуженіе, только новыхъ церквей не будутъ строить. Предоставляется имъ право безпошлинной торговли на сушѣ и на морѣ во всѣхъ турецкихъ владѣніяхъ. Торговыя дѣла они рѣшаютъ посредствомъ выборныхъ изъ своего общества лицъ».

На пятый день по завоеваніи города, султанъ самъ посѣтилъ Перу. Произведена была перепись населенія. Такъ какъ многіе дома оказались запертыми и лишенными жителей, султанъ приказалъ переписать покинутое имущество и назначилъ трехмѣсячный срокъ, въ который разбѣжавшееся населеніе должно было возвратиться къ мѣсту жительства и вступить во владѣніе имуществомъ, въ противномъ случаѣ терялось право собственности. Чтобы иностранная колонія, въ случаѣ возстанія, не могла опираться на помощь западно-европейскаго флота, Пера лишена укрѣпленій и стѣны ея были срыты. Положеніе иностранной колоніи въ Констан-

тинополѣ, такимъ образомъ, почти не измѣнилось: ничего нельзя было желать лучшаго торговымъ людямъ. Правда, впослѣдствіи турки пытались ограничить право самосуда, но иностранцы откупались отъ этихъ притязаній деньгами.

Итакъ, турки поступили въ высшей степени умѣренно съ городомъ, взятымъ приступомъ. Ихъ требованія по отношенію къ побѣжденнымъ должны быть признаны самыми скромными. Много грековъ, правда, разбѣжалось въ Италію, Францію и Россію, но пережившіе разгромъ и оставшіеся на мѣстѣ не имѣли основанія жаловаться на безчеловѣчіе. Я долженъ признать, что турки въ 1453 году поступили съ большею мягкостью и гуманностью, чѣмъ крестоносцы, взявшіе Константинополь въ 1204 году. Послѣдніе ужь подлинно не давали пощады ни божескому, ни человѣческому.

II.

Перенесемся теперь въ Россію XV вѣка и попытаемся отвѣтить на слѣдующіе вопросы. Можно-ли уловить въ русскомъ общественномъ сознаніи слѣды пониманія совершившагося факта—завоеванія Константинополя турками? Можно-ли подмѣтить у русскихъ общественныхъ дѣятелей сознаніе той мысли, что восточный вопросъ есть вопросъ русской политики, и именно потому, что въ XV вѣкѣ Россія была единственной силой, которая могла принять на себя осуществленіе задачъ восточно-европейской политики? Наконецъ, нельзя ли указать по связи съ восточнымъ вопросомъ признаковъ національнаго самосознанія въ русскомъ обществѣ и опредѣленія роли Россіи въ дальнѣйшихъ судьбахъ восточнаго вопроса? — Легко могу предполагать, что эти вопросы покажутся странными. Развѣ можно серьезно говорить о русскомъ національномъ самосознаніи въ XV вѣкѣ, скажетъ читатель?

Я не буду утверждать, что мы правильно, послѣдовательно и умѣло выполняли свою роль по отношенію къ восточному вопросу. Вообще мы очень медленно приходимъ къ твердой рѣшимости и долго соображаемъ, прежде чѣмъ приступимъ къ осуществленію замысла. Извѣстная доля косности, неподвижности и нерѣшительности должна быть отнесена къ исконнымъ чертамъ русскаго характера, которыя очень рельефно документируются и въ нашей внѣшней исторіи. Извѣстныя слова поэта: «и думаетъ свою онъ крѣпку думу безъ шуму» находятъ себѣ примѣненіе во многихъ явленіяхъ внутренней и внѣшней исторіи Россіи, какъ выраженіе сознательной и долго сдерживаемой силы. И относительно восточнаго вопроса мы дѣлали много ненужныхъ остановокъ, скачковъ въ сторону. Очень рѣдко наша политика направляема была здѣсь сознаніемъ одной идеи и руководилась осуществленіемъ строго обдуманныхъ плановъ. Чаще всего мы исполняли предпринятую задачу лишь на половину и ставили себя въ необходимость снова къ ней возвращаться. Гдѣ другой шелъ бы напроломъ, мы останавливались на полдорогѣ, соображая требованія совѣсти. Мы внесли въ восточный вопросъ политику сердца на мѣсто политики холоднаго разсчета. Кто не понимаетъ, что наши отношенія къ Балканскому полуострову могли быть безповоротно опредѣлены еще при Екатеринѣ Великой? Кто не знаетъ, что при Императорѣ Николаѣ I не разъ складывались тѣ же отношенія не менѣе для насъ благопріятно? Наконецъ, развѣ хоть одинъ европейскій государь могъ сдѣлать что нибудь подобное тому, что сдѣлалъ императоръ Александръ II по отношенію къ Болгаріи? Между тѣмъ мы рукоплещемъ политикѣ сердца, намъ она понятна и симпатична, и конечно потому, что въ ней также документируется національная черта. Русское народное чувство понимаетъ подвигъ безъ соображенія выгодъ, во имя одной высокой идеи. — Мнѣ кажется, что *русскіе въ XV вѣкѣ поняли идею восточнаго вопроса* и согласно съ тѣмъ опредѣлили свои отношенія къ восточному вопросу.

Было бы излишне доказывать, что наши предки съ самыхъ отдаленныхъ временъ не только живо интересовались событіями въ юговосточной Европѣ, но и имѣли средства получать хорошія свѣдѣнія о томъ, что происходило у сосѣдей. Это легко объясняется между прочимъ и тѣмъ, что съ юговосточной Европой у насъ были постоянныя сношенія по дѣламъ церковнымъ, не говоря уже объ издавнихъ род-

ственныхъ и религіозныхъ связяхъ съ Византіей. Сношенія съ Константинополемъ поддерживались и благочестивымъ чувствомъ русскаго народа, — разумѣю не безыменную массу паломниковъ, но образованныхъ и наблюдательныхъ путешественниковъ, которые ходили въ Царьградъ съ цѣлью изученія тамошнихъ порядковъ и оставили замѣчательныя, можно сказать, образцовыя описанія Константинополя. Независимо отъ того, изъ славянскихъ странъ Сербіи и Болгаріи былъ постоянный притокъ людей, то назначаемыхъ на церковныя мѣста, то добровольно приходившихъ къ намъ съ предложеніями книгъ духовнаго или свѣтскаго содержанія. Постигшія грековъ и славянъ бѣдствія отъ турокъ доведены были до свѣдѣнія русскаго общества очень скоро не путемъ, конечно, дипломатическихъ сношеній, а самими пострадавшими отъ турецкаго погрома, которые обратились въ Москву съ жалобами и просьбами о помощи. Уже въ самый годъ взятія Константинополя митрополитъ Іона составляетъ окружное посланіе, рекомендуя православнымъ оказать помощь нѣкоему несчастному греку Дмитрію. Въ наши лѣтописи могли поэтому попадать весьма обстоятельныя замѣтки объ успѣхахъ турецкаго оружія на Балканскомъ полуостровѣ. Весьма живой разсказъ о завоеваніи Константинополя или извѣстная повѣсть о Цареградѣ принадлежитъ несомнѣнно очевидцу, который самъ пережилъ въ Константинополѣ грозные дни турецкой осады. Давая соотечественникамъ подробный отчетъ о видѣнномъ, авторъ повѣсти вставляетъ въ разсказъ свои личныя замѣчанія, высказываетъ политическіе и нравственные идеалы, которые имѣютъ большой интересъ для характеристики общественной мысли. Паденіе Цареграда вызвало далѣе въ русскомъ сознаніи весьма любопытное движеніе, выразившееся въ цѣломъ рядѣ литературныхъ произведеній, которыя имѣютъ цѣлью, съ одной стороны, дать отчетъ о переживаемыхъ событіяхъ, съ другой *обосновать поведеніе мыслящаго человѣка по отношенію къ нарождающемуся для Руси восточному вопросу.* Чуть-ли не въ первый разъ историкъ съ удивленіемъ наблюдаетъ здѣсь то, что называется общественнымъ сознаніемъ. Обнаруживаются попытки формулировать національные идеалы, выразить въ общедоступной формѣ политическіе взгляды и выяснить противоположность своего къ чужому, русскаго къ нерусскому. Ни на минуту нельзя колебаться, какъ назвать это движеніе: своимъ или навѣяннымъ извнѣ. Если бы это движеніе исходило отъ грековъ, сербовъ или болгаръ, оно не выразилось бы въ тѣхъ формахъ, о которыхъ сейчасъ будемъ говорить.

Въ народномъ творчествѣ, которое развивается независимо отъ правительственныхъ и научныхъ теорій, Константинополь вѣчно пребываетъ подъ православнымъ царемъ Константиномъ Боголюбовцемъ. Народному богатырю Ильѣ Муромцу и его товарищамъ всегда открыта туда дорога: «въ гунѣ сорочинской и въ шляпѣ земли греческой» Илья посѣщаетъ Константинополь, какъ и многіе русскіе, въ качествѣ паломника. Поприще дѣятельности богатырей—Кіевъ и Цареградъ (былины объ идолищѣ и о семи богатыряхъ), когда ему угрожаетъ опасность. Но пока живъ старый казакъ Илья Муромецъ, нечего бояться и Цареграду. Разъ повстрѣчался Илья съ могучимъ Иванищемъ и спрашиваетъ его: «Да все ли у васъ во Цариградѣ по старому?» Тотъ отвѣчаетъ: «Ужь ты свѣтъ-государь, Илья Муромецъ! Да у насъ во Цариградѣ не по старому, не по старому, не по прежнему, овладѣло де поганое Издолище, да въ церквахъ образа всѣ исприколоты, и золотая де казна запечатана, да и царь Константинъ Боголюбовичъ да и со своей княгинею во стольникахъ!» Илья идетъ въ Константинополь: «да ударилъ поганаго Издолища, да отшибъ у поганаго голову» и потомъ обращается къ царю: «Ужь ты царь Константинъ Боголюбовичъ! Живи ко ты во Цариградѣ по старому, да моли-ко Бога за Илью за Муромца, онъ на славу приходилъ въ славный Царь-отъ градъ!» Отмѣтимъ любопытную черту въ былинахъ по отношенію къ Цареграду. Онѣ рисуютъ тѣ отношенія Руси къ Византіи, которыя установились послѣ просвѣщенія Руси христіанствомъ, когда положенъ былъ предѣлъ завоевательнымъ походамъ на юго-востокъ.

Литературныя произведенія, дающія матеріалъ къ характеристикѣ движенія, выз-

ваннаго паденіемъ Цареграда, весьма разнообразны по своему содержанію и направленію.

Прежде всего обращаютъ на себя вниманіе извѣстія русской лѣтописи (главнѣйше Никоновской и Воскресенской). Авторъ обширнаго сказанія о взятіи Цареграда есть очень важный лѣтописецъ, если даже поставить его рядомъ съ греческими и латинскими источниками, касающимися завоеванія Константинополя. Теперь уже можно утвердительно говорить, что это сказаніе не есть переводъ съ какого-либо греческаго описанія, а есть оригинальный русскій разсказъ. Онъ составленъ очевидцемъ, который самъ переживалъ страшный періодъ осады Константинополя, всей душой сочувствовалъ единовѣрнымъ грекамъ и глубоко скорбѣлъ по случаю успѣховъ Магомета II. Въ нашихъ глазахъ особенно возвышаетъ автора то, что онъ оказывается хорошо знакомымъ съ европейской политикой. Такъ онъ понималъ всю неискренность западноевропейскихъ державъ, которыя до послѣдняго момента давали грекамъ обѣщанія, а на самомъ дѣлѣ не предприняли ничего серьезнаго для освобожденія Константинополя отъ осады. «Латиняне, говоритъ онъ, не хотѣли оказать помощи, и думали въ себѣ: пускай турки возьмутъ городъ, у нихъ намъ легче будетъ отнять его». Въ сказаніи мы находимъ очень подробное описаніе осады, состоянія города, который погибалъ оттого, что «людскаго собранія не бѣ въ градѣ и братьимъ царевымъ не сущимъ ту». Въ особенности важны черты, обличающія въ авторѣ очевидца и наблюдателя. Таково напримѣръ слѣдующее мѣсто: «Отъ шума, отъ пушечнаго боя и пищальнаго стуку и звуку звоннаго и отъ гласовъ воплей и отъ трескоты ружей не бѣ слышати другъ друга что глаголютъ». Или еще: «Отъ множества огня и стрѣлянья пушекъ и пищалей — дымное куренье сгустився покры градъ и войско все, яко не видѣти другъ друга съ кѣмъ ся бьетъ; и съ зельнаго духу многимъ умрети». Чего авторъ самъ не видалъ, о томъ сообщаетъ слухи: «отъ иныхъ же тако слышахомъ».

Въ нашу лѣтопись вошли не только извѣстія о завоеваніи Цареграда, составленныя очевидцемъ, но въ ней можно находить достаточно матеріала для заключеній о томъ, какъ вообще книжные русскіе люди отнеслись къ этому событію, какъ они судили о немъ и какіе уроки извлекли въ поученіе современникамъ. Я останавливался ранѣе на характеристикѣ политики Магомета II по завоеваніи Константинополя. Припомнимъ, что эту политику нельзя иначе квалифицировать, какъ очень гуманной и въ высшей степени благоразумной. Во всѣхъ описаніяхъ константинопольскаго погрома, какъ греческихъ, такъ и итальянскихъ, можно встрѣчать двоякую оцѣнку событія: или, съ точки зрѣнія религіозной и національной исключительности, писатели громятъ турокъ укоризнами и упрекаютъ ихъ въ безпощадности и ненужныхъ кровопролитіяхъ, или, болѣе обращая вниманіе на политическую сторону событія, примиряются съ совершившимся фактомъ и видятъ нѣкоторый просвѣтъ въ гуманной политикѣ Магомета. Въ русской лѣтописи можно находить обѣ эти струи, но что въ особенности поражаетъ наблюдателя—это оригинальность воззрѣній въ той части сказаній, которая можетъ быть названа сочувственной Магомету (Никоновская лѣтопись, т. V, стр. 231—277). Паденіе Цареграда послужило для составителя канвой, по которой онъ вышиваетъ весьма оригинальные узоры своихъ политическихъ и общественныхъ идеаловъ. Нѣтъ сомнѣнія, авторъ бросаетъ тутъ упреки частію и тому обществу, среди котораго онъ живетъ, задѣвая стороной и русскій монашескій чинъ и боярство. Но вообще онъ старается разъяснить законность и историческую необходимость паденія Константинополя, причину чего указываетъ въ гнѣвѣ Божіемъ за грѣхи монашескаго сословія, а главное за *грѣхи бояръ*. «Они изъ-за лихоимства и нечистаго собранія отъ слезъ и отъ крови христіанской захотѣли разбогатѣть, продавали праведный судъ и осуждали невиннаго, получивъ взятку. Увидѣвъ же, что царь Константинъ хочетъ обратить должное вниманіе на правительственныя дѣла, они подумали: а намъ, пожалуй, будетъ плохо и начали его опутывать лукавствомъ и кознями и мудрость его укротили и ересью своею ухитрили.

Наслаждаясь неправедно пріобрѣтенными богатствами, они облѣнились, тяготи-

лись въ смертную игру играть и выдали невѣрнымъ на поруганіе царство и вѣру христіанскую, впали въ ересь и въ крестномъ цѣлованіи грѣха не ставили. Царь Константинъ вельможамъ своимъ волю далъ и сердце ихъ веселилъ, они же о томъ радовались и нечисто свое богатство сбирали, а *земля* и царство пропало и въ бѣдахъ купалося, и за то Богъ разгнѣвался на царя Константина и на вельможъ его и на все царство греческое. *Въ которомъ царствѣ люди порабощены и въ томъ царствѣ люди не храбры и къ бою противъ недруга не смѣлы, ибо рабъ срама не боится и чести себѣ не добываетъ*, а думаетъ такъ: хотя богатырь или небогатырь, но я холопъ государевъ и къ силѣ имени не прибудетъ. А въ царствѣ Констаниновѣ у вельможъ его всѣ лучшіе люди были въ неволѣ — и красиво было смотрѣть на полки его вельможъ, да только они противъ недруга крѣпкаго бою не держалися, смертною игрой не играли и съ бою утекали». Не видите ли здѣсь безпощадной критики того положенія, которое замѣчено и другими писателями, что въ городѣ съ сотней тысячъ населенія нашлось не больше десяти тысячъ готовыхъ пролить кровь за отечество. Разбирая недостатки правительственной системы грековъ, нашъ авторъ вездѣ выставляетъ Магомета II какъ такого государя, который при организаціи государства счастливо избѣжалъ ошибокъ греческой системы. Если бы заключаетъ авторъ, къ той вѣрѣ христіанской, т. е. греческой, придать турецкую правду, то съ такимъ народомъ бесѣдовали бы ангелы, и если бы къ той турецкой правдѣ да приложить вѣру христіанскую—и съ турками бы бесѣдовали ангелы.

Я привелъ эти выдержки изъ лѣтописей, чтобы показать, что въ 15 вѣкѣ русскіе не только интересовались событіями восточной Европы, но и понимали ихъ очень здраво.

Но можетъ быть скажутъ, что безыменное свидѣтельство, занесенное въ лѣтопись, еще не можетъ служить доказательствомъ того положенія, что въ русскомъ обществѣ было распространено пониманіе политическихъ событій.

Я могу раздвинуть поле зрѣнія и указать еще болѣе любопытные факты на основаніи другихъ матеріаловъ. Лѣтописныя извѣстія о завоеваніи Цареграда проникнуты, вмѣстѣ съ сочувствіемъ къ порабощеннымъ турками единовѣрцамъ, высокимъ національнымъ самосознаніемъ. Это чувство національнаго подъема коренится въ самомъ фактѣ турецкихъ успѣховъ надъ всѣми христіанами восточной Европы. Не осталось болѣе свободнаго христіанскаго народа, разсуждали русскіе, все вѣрное восточному православію должно обратить взоры къ Москвѣ. Только чрезъ русскихъ порабощенные турками христіане могутъ ожидать избавленія. *Сознаніе религіозныхъ и политическихъ задачъ, перешедшихъ съ паденіемъ Константинополя на Москву* есть, безъ сомнѣнія, очень важный моментъ въ развитіи на Руси восточнаго вопроса. Къ счастію, и эта сторона засвидѣтельствована въ русской письменности.

Иллюстраціей могутъ служить *многочисленные памятники мистическаго содержанія*. У грековъ распространенъ былъ циклъ сказаній, имѣющихъ отношеніе къ будущимъ судьбамъ имперіи. Эти сказанія сохранились въ видѣ загадокъ, ямбическихъ стиховъ, видѣній благочестивыхъ мужей и разнаго рода предсказаній. Они пользовались значительнымъ довѣріемъ, переписывались и тщательно хранились не только частными лицами, но и правительствомъ. Въ трудныя годины было въ обычаѣ обращаться къ нимъ за совѣтами и указаніями. Константинопольская чернь до самаго послѣдняго дня осады города ждала обѣщаннаго свыше чуда освобожденія. Извѣстны предсказанія Льва Мудраго, патріарховъ Меѳодія и Геннадія и наконецъ Сивиллины книги пророчествъ. Основной мотивъ всѣхъ подобныхъ сказаній одинъ и тотъ же: Византію посѣтятъ бѣдствія отъ внѣшняго врага, но она будетъ спасена чудесно, посланнымъ свыше царемъ. Не было недостатка въ попыткахъ пріурочить темные факты и неопредѣленные намеки къ опредѣленнымъ эпохамъ и историческимъ лицамъ, вслѣдствіе чего разростался основной циклъ, унося въ позднѣйшія эпохи болѣе или менѣе значительные наросты изъ пережитыхъ фактовъ и отношеній. Такъ, въ X в. пророчества примѣнялись то къ арабамъ, то къ славянамъ, въ XII в. къ норманнамъ и крестоносцамъ, въ XIV и XV в. къ тур-

камъ. Развитіе этого мистическаго творчества остановилось лишь послѣ завоеванія Константинополя турками—послѣдній моментъ, къ которому пріурочена большая часть сохранившихся предсказаній. Эти предсказанія хранились между прочимъ въ царской библіотекѣ, и цари нерѣдко сообразовались съ ними въ своихъ дѣйствіяхъ. Греческіе писатели и поэты оставили довольно подробное описаніе означенныхъ пророческихъ сборниковъ, равно какъ символическихъ фигуръ и знаковъ, которыми они были украшены. Нѣтъ сомнѣнія, что предсказанія не оставались въ теченіе среднихъ вѣковъ въ одной разъ сложившейся формѣ. И въ самой легендѣ и въ сопутствующихъ ей иллюстраціяхъ должна быть предполагаема нѣкоторая подвижность и измѣняемость, которая обезпечивала пророчествамъ удобопримѣнимость къ разнымъ эпохамъ, лицамъ и положеніямъ. Большая часть этихъ предсказаній хранится въ библіотекахъ: ватиканской, парижской, палермской и венеціанской, нѣкоторыя однако уже изданы.

Такъ какъ русскіе интересовались Константинополемъ и заимствовали оттуда литературныя произведенія, то конечно и памятники мистическаго содержанія стали извѣстны на Руси довольно рано. Во всякомъ случаѣ знакомство съ ними было раньше половины XV вѣка, ибо въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о взятіи Царьграда встрѣчаемся уже съ пророчествами о судьбахъ имперіи и съ русскими на нихъ толкованіями. Плоды византійской метафизики и мистики распространялись у насъ и въ частныхъ сборникахъ, каковы: «Цвѣтникъ», «Лебедь», «Книга Льва царя премудраго» и принимались въ оффиціальные памятники, напримѣръ въ Степенную книгу. Это были не всегда переводы съ греческаго, но и вольныя толкованія оригинала.

У насъ особенно пришлись по вкусу пророчества Льва Мудраго и Меѳодія, а также истолкованная патріархомъ Геннадіемъ символическая надпись на гробницѣ Константина Великаго. Въ пророчествѣ Льва говорится, что турки не долго будутъ владѣть Цареградомъ, ибо явится нѣкій народъ—ξανθὸν γένος, который побѣдитъ измаильтянъ и овладѣетъ Седмихолміемъ. Русскимъ книжникамъ полюбился этотъ изводъ, ибо въ немъ находило удовлетвореніе національное чувство. Въ переводѣ на русскій ξανθὸν γένος значитъ «русый народъ» — развѣ не соблазнительно было русскому читателю увидѣть здѣсь «русскій народъ»? Поэтому въ лѣтописи находимъ греческое сказаніе передѣланнымъ въ смыслѣ издавна предсказанной русскимъ миссіи — освободить Константинополь отъ турокъ. Но что это толкованіе не было слишкомъ смѣлое и насильственное, а, напротивъ, совпадало съ чаяніями всего православнаго міра, доказывается однимъ мѣстомъ грузинской лѣтописи, которое, по объясненію академика Броссе, также объясняетъ пророчество объ избавленіи Византіи отъ власти турокъ въ смыслѣ русской миссіи. — Пророчество Меѳодія приписываетъ освобожденіе Константинополя какому-то доброму царю, который придетъ изъ влажной страны. Въ русскихъ передѣлкахъ къ этому пророчеству приложено такое толкованіе: полуночный сей самодержецъ есть царь и великій князь московскій; сей бусурманскую магометанскую скверную ересь и богопротивный законъ истнитъ и потребитъ и погубитъ до конца.—Въ томъ же національномъ смыслѣ истолкована была русскими и надпись на гробницѣ Константина. Составители лѣтописныхъ сказаній, давъ отчетъ о завоеваніи турками Константинополя, имѣли такимъ образомъ свои основанія сейчасъ же успокоить читателя ссылкой на мистическую литературу. Обращаясь съ угрозой къ Магомету II, лѣтописецъ имѣлъ за собой, такъ сказать, факты: если исполнились предсказанія о судьбѣ Константинополя въ другихъ частяхъ, то почему же не исполниться и тѣмъ, по которымъ русскому царю суждено окончательно побѣдить турокъ и воцариться въ Константинополѣ.

Такимъ образомъ, въ лѣтописи и въ памятникахъ мистической литературы мы видимъ уже двѣ струи, которыми вливается въ московское царство политическая идея восточнаго вопроса. Этимъ путемъ приходило въ движеніе народное чувство, подготовлялось въ русскомъ обществѣ сознаніе задачъ по отношенію къ восточному вопросу. Русскіе грамотные люди стали задаваться мыслью разъяснить для себя и для другихъ значеніе миссіи, ко-

торая указывалась Россіи императоромъ Львомъ и патріархомъ Меѳодіемъ. Внѣшними стимулами въ этой философской работѣ были внѣшніе факты и для всѣхъ очевидные, ибо на лицѣ земли остается одинъ свободный православный народъ—русскіе. Сюда, въ Москву, послѣ паденія Константинополя, бѣжали многіе греки, здѣсь нашла пріютъ и гонимая исламомъ православная церковь; не здѣсь-ли, итакъ, на будущее время должны рѣшаться судьбы человѣчества?

Результаты подобной внутренней работы и тоже происходившей исключительно на русской почвѣ сказались въ блистательномъ развитіи *фикціи о Москвѣ—третьемъ Римѣ.* И нынѣ, говорится въ лѣтописи, греки хвалятся царствомъ благовѣрнаго царя русскаго отъ того взятья Магометова и до сихъ лѣтъ.—Что это за похвала греческая русскимъ царствомъ?

Писатель, которому первому принадлежитъ честь ясно формулировать съ русской точки зрѣнія провиденціальную миссію Россіи въ восточномъ вопросѣ, несомнѣнно былъ хорошо начитанъ въ лѣтописяхъ и мистической литературѣ. Это былъ, однако, весьма скромный монахъ, жившій въ одномъ изъ псковскихъ монастырей. «Человѣкъ я сельскій, говоритъ онъ о себѣ, хотя и знаю грамоту, но еллинской науки не проходилъ, ораторскихъ сочиненій не читалъ и съ мудрыми философами въ бесѣдѣ не бывалъ». Слѣдовательно, это человѣкъ русской почвы, мы знаемъ только имя его—старецъ Филоѳей. Въ высшей степени любопытно—и это стоитъ особенно подчеркнуть—что русская религіозная и политическая миссія выражена была въ первый разъ въ псковскомъ монастырѣ, вскорѣ послѣ присоединенія Пскова къ Москвѣ. Старецъ Филоѳей изложилъ свои воззрѣнія въ формѣ писемъ къ великому князю Василію Ивановичу и дьяку Михаилу Григорьевичу. Какъ можно замѣтить изъ содержанія этихъ писемъ, грамотныхъ людей весьма занимала тогда мысль: какъ объяснить паденіе греческаго царства, естественными или сверхъестественными причинами. Отвѣта на этотъ вопросъ искали то въ библейскихъ книгахъ, то въ хронографахъ, то въ комбинаціи чиселъ отъ Адама и до XV вѣка, наконецъ, въ небесныхъ знаменіяхъ. Псковскій монахъ старается предостеречь современниковъ отъ подобныхъ разслѣдованій, ибо они не могутъ привести къ рѣшенію трудныхъ вопросовъ. Причина паденія греческаго царства, по мнѣнію его, заключается въ томъ, что греки измѣнили своей вѣрѣ и перешли въ латинство. Есть большая разница между отпаденіемъ отъ православія латинянъ и турецкимъ порабощеніемъ православныхъ грековъ. Первые добровольной измѣной православію при императорѣ Карлѣ и папѣ Формозѣ дѣйствительно ослабили вселенскую церковь; вторые же, завладѣвъ греческимъ царствомъ, не повредили вѣры, не принимаютъ насильственныхъ мѣръ къ обращенію грековъ и не уничтожили вселенской церкви. По существу дѣла даже *нельзя и говорить о паденіи православнаго греческаго царства.* Оно только перемѣстилось и продолжаетъ существовать тамъ, куда нынѣ перенесена вселенская церковь, гдѣ безъ перемѣны сохраняются апостольскія преданія и гдѣ блюстителемъ церковнаго чина является свободный царь. Нынѣ не можетъ быть рѣчи ни о римскомъ царствѣ, ни о константинопольскомъ. Въ Римѣ нѣтъ царя, и какъ столица вселенскаго христіанства онъ пересталъ имѣть значеніе еще съ VIII вѣка; второй или новый Римъ, т. е. Константинополь послѣ турецкаго завоеванія также не можетъ считаться главой православія, ибо и въ немъ недостаетъ преемства царской власти. Въ силу такихъ соображеній, русскій патріотъ послѣдовательно приходитъ къ постановкѣ своей знаменитой фикціи: *третій Римъ есть Москва,* которую и развиваетъ весьма остроумно. Хотя прежнія христіанскія царства погибли, но вселенская церковь должна быть вѣчна. А какъ старыя пророчества и предсказанія прямо усвояютъ русскому народу освобожденіе Константинополя и господство въ немъ, то ясно, что *нинѣшнее ромэйское царство есть россійское царство,* въ которомъ какъ въ фокусѣ сосредоточились всѣ христіанскіе народы. Два Рима пали, третій, то-есть Москва, во всей вселенной блистаетъ какъ солнце, а четвертому Риму не бывать.—Нашедши для себя разрѣшеніе трудной задачи, русскій книжникъ старается ознакомить другихъ съ своими выводами и сообщаетъ ихъ великому князю и прибли-

женнымъ къ нему лицамъ. Правда, съ новымъ званіемъ Москва должна принять на себя и новыя задачи, которыя старцемъ Филоѳеемъ не затронуты; эти задачи будутъ потомъ выяснены другими грамотными людьми на основаніи новыхъ матеріаловъ. Только въ титулѣ великаго князя Филоѳей намѣчаетъ и политическую сторону своей фикціи: «Православному христіанскому царю и владыкѣ всѣхъ. браздодержателю святыхъ божіихъ престолъ святыя вселенскія и апостольскія церкви, возсіявшей на мѣсто римской и константинопольской, державному царю святой соборной и апостольской церкви третьяго Рима, которая въ концахъ вселенной паче солнца свѣтится».

Прежде чѣмъ продолжать о дальнѣйшемъ развитіи и разработкѣ этой теоріи, замѣчу, что она всецѣло была воспринята московскимъ правительствомъ и обратилась, такъ сказать, въ оффиціальную формулу. Практическое примѣненіе ея можно наблюдать въ XV и XVI вѣкѣ. Оффиціальное же ея значеніе доказывается въ особенности тѣмъ, что она почти дословно внесена въ акты, относящіеся къ учрежденію на Руси патріаршества и повторена почти буквально цареградскимъ патріархомъ Іереміей.

Фикція о Москвѣ—третьемъ Римѣ, получаетъ для себя освѣщеніе въ фактахъ всеобщей исторіи; въ двухъ-трехъ словахъ попытаюсь намѣтить, сколько она выигрываетъ съ общеисторической точки зрѣнія. Европейскіе народы, основавъ государства на развалинахъ Римской имперіи, до тѣхъ поръ чувствовали себя не на мѣстѣ, пока не создали своей имперіи. Имперія Карла Великаго есть фикція, теоретически разработанная Алкуиномъ и Эйнгардомъ. Франкскій король и его ученые сотрудники понимали, что возстановлять Римскую имперію, при существованіи таковой въ Византіи, нельзя, а между тѣмъ для осуществленія политическихъ задачъ Карла необходимо было обосновать права его на императорскій титулъ. Въ оффиціальныхъ извѣстіяхъ того времени выставлены слѣдующія основанія, которыми обусловлено право Карла В. на императорскій титулъ: вакантность трона, хотя на престолѣ византійскомъ сидѣла царица Ирина, фактическое обладаніе Римомъ, ибо императоромъ долженъ быть тотъ, кто владѣетъ Римомъ. Но какъ слабы были эти основанія, видно изъ того, что Карлъ В. и его преемники употребляли всѣ усилія подкрѣпить свои права на новый титулъ родственными связями съ византійскими царями. Послѣ Каролинговъ императорскій титулъ усвояютъ себѣ Оттоны. Наконецъ, входитъ въ употребленіе фикціи: Римскій императоръ германской націи.—Московская фикція должна быть разсматриваема въ связи съ указанными западноевропейскими и, по моему мнѣнію, обставлена лучше ихъ.

Московская теорія не можетъ быть разсматриваема какъ pium desiderium частнаго человѣка. Она воспринимается и разработывается въ разнообразныхъ направленіяхъ и служитъ основаніемъ для политическихъ притязаній московскаго правительства; словомъ, она *получила у насъ государственно-правовое значеніе*.

Ѳ. Успенскій.

(До слѣдующаго №).

Россія по мадьярскимъ воззрѣніямъ.

Мадьярскій ученый докторъ Л. Таллоци издалъ въ (1884) книгу на мадьярскомъ языкѣ, — «Россія и наше отечество» въ которой, въ видѣ очерковъ, сообщаетъ своимъ соотчичамъ впечатлѣнія, вынесенныя имъ изъ Россіи, этой «весьма важной для венгерскаго государства сосѣдки». Ученый туристъ путешествовалъ по этой «славянской державѣ» цѣлый годъ, причемъ свои экскурсіи ограничилъ преимущественно южными губерніями. Въ «бѣлокаменномъ» городѣ «современныхъ вавилонскихъ персовъ», въ Москвѣ, провелъ г. докторъ тоже продолжительное время, чтобъ лично осмотрѣть открытую тогда выставку, о которой русская печать надѣлала столько «приводящаго въ остолбенѣніе шуму». Совершить это *продолжительное* для этюдовъ путешествіе дали возможность мадьярскому патріоту primo loco его покровитель, бывшій министръ Венгріи, графъ Кемѐнь; затѣмъ слѣдующіе покровители и друзья его:

гг. Рабиновичъ, Рафаловичъ, Эксльбиртъ, Фишеръ, Шпонеръ, Шнирерь и др.

Мадьярская «*Книга*» о Россіи до сихъ поръ большая рѣдкость. Парламентскія и не парламентскія нападки то съ самоувѣренной улыбкой, то съ желчной насмѣшкой, рисующія Россію не «въ розовыхъ краскахъ» и пр. тутъ, разумѣется, не входятъ въ разсчетъ. Это не этюды о Россіи. Но книга г. Таллоци является съ претензіями на объективно-научный «безпристрастный» трудъ. И дѣйствительно, трудъ даетъ мадьярскому читателю много интереснаго. Тутъ онъ встрѣтитъ статистическія и обильныя критическія данныя изъ области хозяйства, промышленности, торговли, культуры и, чему вовсе нельзя удивляться,—политики. Высокая политика была всегда любимымъ конькомъ-горбункомъ мадьярскихъ интеллигентныхъ и неинтеллигентныхъ людей. Безъ политической примѣси (а ея въ книгѣ много, очень много, даже тамъ, гдѣ ей вовсе нѣтъ мѣста), безъ этой, говорю, политической примѣси не можетъ быть понятна и книга наблюденій надъ жизнью сѣверной славянской «сосѣдки», не упускающей никогда изъ виду «своихъ братьевъ» въ Венгріи, «свободно распѣвающихъ» на «запрещенномъ въ Россіи славянскомъ языкѣ» національныя пѣсни, братьевъ, недовольныхъ «идеей мадьярскаго государства». Въ «Книгѣ» встрѣтитъ читатель и заботы и опасенія и надежды и самоувѣренность патріота. Основной тонъ книги носитъ характеръ подчасъ весьма забавной, даже шутовской насмѣшки. Цѣль книги, по словамъ автора, *одна*: побудить къ основательному изученію важной для Венгріи державы; но читатель замѣтитъ и *другую*, разсчитанную болѣе на тѣхъ «братьевъ» Россіи, которые такъ свободно распѣваютъ славянскія пѣсни, воспрещенныя на почвѣ русско-славянскихъ братьевъ, чѣмъ на мадьяръ, патріотовъ вполнѣ надежныхъ Эта цѣль назиданіе «независимыхъ сербовъ», «распѣвающихъ рутеновъ», «благочестивыхъ словаковъ», румынскихъ дакомановъ, пожалуй и «костлявыхъ» чеховъ, извѣстной формулой: Extra Hungariam non est vita, et si est vita, non est ita. Поэтому...

Но послушаемъ самого автора, заслуживающаго, по моему мнѣнію, полнѣйшаго вниманія и «мыслящей» русской публики.

«Для насъ, мадьяръ, — гласитъ предисловіе,—одинъ изъ самыхъ важныхъ сосѣдей—Россійское государство. О Россіи и ея обществѣ никогда нельзя довольно написать на мадьярскомъ языкѣ: будь это вопросы историческіе, политическіе, экономическіе или литературные. Узнать основательно условія этой страны—это нашъ первостатейный интересъ». — Нѣмецъ съ давнихъ лѣтъ предвидитъ свою громадную борьбу съ русскимъ славяниномъ, англичанинъ усматриваетъ въ русскомъ мрачную тѣнь, падающую на Индію и восточную Азію; но эта борьба не касается вопроса о племенномъ существованіи. «Относительно Венгріи развитіе Россіи и ея политическія стремленія представляютъ такую «неизвѣстную», рѣшеніе которой касается племеннаго существованія». — Авторъ увѣряетъ далѣе своихъ читателей, что его книга хочетъ быть вѣрной и безпристрастной картиной того, что онъ, свободный отъ предразсудковъ мадьяръ, самъ въ Россіи видѣлъ, слышалъ и испыталъ. «Мадьярское *) общественное мнѣніе о Россіи—что весьма естественно—не очень лестно» для этой славянской державы. У насъ господствуетъ «ужасный страхъ передъ длинно-копійными казаками. Еще помнятъ многіе съ 1848 года эти московскія, незнавшія мѣры въ удовлетвореніи своего аппетита, полчища; еще многіе дрожатъ безъ причины передъ польской судьбиной, между тѣмъ, какъ другіе шутя кидаютъ камнями въ глиняныя ноги мѣднаго колосса».

Не думаетъ авторъ, чтобъ ему удалось одной книгой разсѣять многіе предразсудки о Россіи; но ожидаетъ, что онъ своей попыткой вызоветъ своихъ земляковъ къ болѣе основательному изученію этой страны.

Главное вниманіе авторъ обращаетъ на хозяйство и промышленность «и на разборъ тѣхъ условій, которыя при параллельномъ развитіи Россіи и нашего отечества представляютъ интересъ по отношенію къ будущему». Особенно интересуется г. докторъ русской хлѣбной торговлей. Русская конкурренція въ этой сферѣ интересуетъ Венгрію болѣе непосредственно, «чѣмъ Московскій Славянскій Комитетъ».

Вотъ суть предисловія.—Теперь перей-

*) Двусмысленное слово подлинника „magyar“ передаю словомъ «мадьярское», хотя авторъ могъ подразумѣвать «венгерское».

демъ къ самимъ очеркамъ, которыми ученый наблюдатель за русской жизнію желаетъ разсѣять многіе предразсудки своихъ соотечественниковъ о Россіи. Россія у мадьярскаго туриста представлена въ девяти очеркахъ: I. Россія и наше отечество въ прошломъ и теперь. II. Очерки русской публицистики. III—VII. Государственное хозяйство, аграрныя условія и крѣпостное право;—торговля хлѣбомъ;—скотоводство;—вывозъ вина;—промышленность.—Все это авторъ сравниваетъ съ соотвѣтственными венгерскими условіями. VIII. Русская колонизаціонная политика и ея восточная миссія. IX. Воспоминанія путешественника (съ иллюстраціями): Одесса, Кіевъ, Москва, Н. Новгородъ, Казань, Астрахань, Киргизская степь, Кавказъ, Крымъ.—Къ очеркамъ прибавлены статистическія данныя о экономическихъ перемѣнахъ Венгріи послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, о русско-венгерскомъ вывозѣ хлѣба, и торговыхъ оборотахъ.

Въ первомъ — политико-историческомъ очеркѣ (занимающемъ всего двѣ страницы) выставляетъ Таллоци на видъ слѣдующіе характеристическіе моменты. Въ интересѣ своего существованія вступили мадьяры въ борьбу съ московскими стремленіями съ 1849 года. «Россія, среди своихъ стремленій на востокъ, никогда не забывала о той немадьярской стихіи, для которой Венгрія, какъ *мадьярское* *) государство, сучецъ во оцѣ». (Слѣдовало сказать: бревно!) Всегда Россія заботилась о томъ, какъ-бы «втянуть эту стихію въ сферу своихъ интересовъ». Мадьярское общественное мнѣніе съ инстинктивной заботливостію смотритъ на образующійся на востокѣ славянорусскій міръ. «Подобно каждому малому племени, и мадьяры (при большомъ аппетитѣ на славянскія племена короны св. Стефана) предчувствуютъ вражескій (разумѣй—русскій) толчекъ, и для нихъ особенно интересно знать, какого мнѣнія объ нихъ тѣ (портящіе аппетитъ русскіе), съ которыми они уже свели однажды трагическую битву».

Статья, какъ видитъ читатель, оканчивается мрачно. Мрачныя воспоминанія о русскихъ вызываетъ въ душѣ истиннаго мадьярскаго патріота роковой 1849 годъ, поелику въ этомъ году вырыта могила мадьярской свободѣ «длиннокопійными казаками». А была свобода непростая, вся скорлупка золотая, ядро — чистый изумрудъ.—Difficile est satiram non scribere, когда видишь въ числѣ панегиристовъ «мадьярской борьбы за свободу» и не одного русскаго, порицающаго русскій походъ 49 года, именно съ этой точки зрѣнія: этотъ-де неполитичный походъ, направленный противъ борцевъ свободы, повредилъ популярности Россіи въ глазахъ либеральныхъ людей Европы. Не понять въ теченіе 30 съ лишнимъ лѣтъ вандализмъ мадьярскаго либерализма, знающаго только пули, тюрьмы да висѣлицы для всякаго немадьяра, заявляющаго права на жизнь, этого не понимать, значитъ и заднимъ-то умомъ быть не особенно крѣпкимъ.

Не съ такимъ печальнымъ настроеніемъ, какъ о трагической борьбѣ за свободу 49 года, воспоминаетъ г. докторъ о другомъ болѣе свѣтломъ историческомъ фактѣ. «Исторія, молъ, такъ хотѣла, чтобъ среди поляковъ, грознѣйшимъ громителемъ русскихъ былъ—мадьяръ, Степанъ Батори». Пѣсня на подобную тему, понятно, пріятнѣе звучитъ для мадьяра, чѣмъ грустная мадьярская пѣсня на погибшую свободу 49 года, съ частымъ припѣвомъ: «пропала свобода». Но намъ невполнѣ понятенъ, исторіей якобы нерѣшенный, вопросъ, который ставитъ авторъ, вслѣдъ за тріумфаторскими подвигами русогромителя, мадьяра, Степана Батори. Мадьярскій ученый спрашиваетъ: были-ли бы симпатіи мадьяръ къ сильной польской державѣ точно также живы, какъ къ разбитой русскими конфедераціи. Неужели писатель хочетъ пояснить суть стишка «Węgier, Polak dwa bratanki? Z mocnym Polakiem do Korda, s stabym Polakiem do szklanki»?

Еще одинъ интересный моментъ помѣщается въ историческомъ изложеніи. Ракоци, солдаты котораго, въ числѣ нѣсколькихъ сотенъ, состояли на службѣ Петра Великаго, не выхлопоталъ у русскаго царя, въ мадьярскихъ интересахъ, ничего, не смотря на геніальные, дипломатическіе переговоры своего совѣтника Берчини. Увѣренія царя остались обманчивыми.

*) Здѣсь эпитетъ «magyar» въ оригиналѣ подчеркнуто, чтобъ дать понять, что авторъ говоритъ недвусмысленно, а называетъ, говоря греческой поговоркой, фигу—фигой, венгерское государство мадьярскимъ.

Единственный положительный результатъ всѣхъ трудовъ—личное расположеніе Петра Великаго къ мадьярскому князю, которому царь сдѣлалъ и визитъ въ Парижѣ.

Вотъ чему учитъ Венгрію исторія ея сношеній съ Россіей.—Но исторія сверхъ того учитъ и тому, что «православнымъ», сербскимъ элементомъ, занявшимъ опустошенную турками часть Венгріи, причиненъ и причиняется до сегодняшняго дня вредъ мадьярскому. Наконецъ учитъ исторія и тому, что послѣ смерти Іосифа II Австрія была наивѣрнѣйшей сосѣдкой Турціи, Русское государство, напротивъ, ея послѣдовательнымъ врагомъ «во имя христіанства».

За историческимъ изложеніемъ слѣдуетъ описаніе современныхъ русскихъ. На первомъ планѣ стоитъ чиновничья Русь; на второмъ soi-disant интеллигенція, которая желаетъ другаго, чѣмъ чиновничье сословіе; третье мѣсто занимаютъ «милліоны управляемыхъ душъ».

Чиновничья Россія знаетъ только австромадьярскую монархію, національныхъ воззрѣній ни во грошъ не ставитъ; на бумагѣ лояльна почти до невозможнаго. Съ этой Русью можно бы ладить вполнѣ, еслибъ только оффиціальная и неоффиціальная сферы не были подчасъ связываемы политикой «оппортунизма».—Ужъ не рекомендуетъ ли г. докторъ русскимъ «оффиціальнымъ кружкамъ» политику,—аналогичную дѣйствіямъ мадьярскихъ и мадьяронскихъ оффиціальныхъ кружковъ, отталкивающихъ отъ себя всѣ славянскія націи короны Св. Стефана?

Если г. докторъ замѣтилъ въ русскихъ оффиціальныхъ кружкахъ что-то въ родѣ лукавства, а въ неоффиціальныхъ что-то опасное, съ чѣмъ ладить трудно, за то въ русскомъ простолюдинѣ видитъ и похвальныя качества. «Русскій простолюдинъ въ сущности.... добродушенъ, сравнительно старателенъ и чрезвычайно послушенъ. Его слабости: недостатокъ энергіи въ предпріятіяхъ и склонность къ пьянству. Политическаго сознанія въ немъ нѣтъ; его мѣстный патріотизмъ выражается много въ привязанности къ семьѣ, къ уѣзду. Non plus ultra его сновъ—Москва, святой Кіевъ, отчасти Невскій Парижъ. Онъ знаетъ только русскаго и слышитъ, какъ его баринъ говоритъ по французски (Въ этомъ пунктѣ надо мадьярскому дворянину и интеллигенту отдать честь: совъ въ Аѳины не носитъ. Для него играетъ въ жизни первую роль—языкъ націи мадьярской).—Русскій мужикъ знаетъ и нѣмцевъ, потому что съ ними живетъ, и ненавидитъ ихъ, потому что они богаче его. Эта ненависть естественна, какъ она вообще естественна между умнымъ и глупымъ, бѣднымъ и богатымъ, прилежнымъ и лѣнтяемъ. Настоящій русскій человѣкъ преданъ своей религіи фанатически, зато его духовенство вовсе не заражено фанатизмомъ. Съ своей паствой обращается оно такъ, какъ это требуетъ интересъ его, а не паствы. За деньги открываетъ широкій просторъ и приверженцамъ другихъ вѣроисповѣданій. «Вотъ настоящая причина, почему Россія, это par excellence «русской вѣры» государство, можетъ похвастаться самымъ большимъ количествомъ сектъ».—Русскій отождествляетъ русскую вѣру съ русской національностью. Поляка ненавидитъ не изъ-за его національности, а изъ-за его латинской вѣры. Эта ненависть, впрочемъ, произведеніе высшихъ сферъ.

Къ мадьярамъ русскій простолюдинъ не питаетъ ни симпатіи, ни антипатіи, просто потому, что ихъ слишкомъ мало знаетъ. Еще менѣе извѣстны ему его «мнимые братья рутены и словаки».—Русскій солдатъ, участвовавшій въ походѣ 1849 года распространяетъ о мадьярахъ только хорошее. Найдется и одинъ-другой грамотей, который насъ, на основаніи газетъ, считаетъ варварскимъ, жестокимъ и великимъ племенемъ, но вообще на русскаго человѣка національными агитаціями не подѣйствуешь.—По немъ—прославляй братъ сербъ да болгаринъ Бога хоть по турецки, ему все равно.—Можно сказать, полагаетъ писатель, что москаль, благодаря своей, съ татарской перемѣшанной, крови, стоитъ съ своими симпатіями гораздо ближе къ турку, чѣмъ сѣверный или южный славянинъ. Въ лачугахъ да корчмахъ можно видѣть между иконами Св. Николая да портретами Царя и Скобелева,—и портретъ Османа паши, котораго москвичъ идолопоклоннически почитаетъ.

«О мадьяризаціи и тому подобныхъ вещахъ,—хотя въ Россіи руссификація и тому подобныя вещи считаются такимъ

дѣломъ, которое само собой разумѣется,— знаетъ и пишетъ только печать да славянская партія». Но пишетъ съ плохимъ успѣхомъ: о всеобщей ненависти къ мадьярамъ нѣтъ и помину. Когда докторъ спрашивалъ русскихъ гимназистовъ: знаютъ ли они Венгрію? то сынъ одного знатнаго семейства въ Москвѣ ему отвѣчалъ, что ихъ преподаватель толкуетъ то и дѣло о мадьярахъ; ихъ онъ любитъ больше даже, чѣмъ русскихъ. — Оказалось, что этотъ преподаватель сынъ полковника совершившаго походъ въ Венгрію. Въ Одессѣ, напротивъ того, услышалъ г. докторъ, къ сожалѣнію, не то. Здѣсь ему ученикъ на подобный вопросъ отвѣтилъ, что онъ отъ своего преподавателя слышалъ о мадьярахъ только худое. А что оказалось здѣсь? Что этотъ клеветникъ былъ сынъ какого то мелкаго, рутенскаго ех-попа, который такую репутацію дѣлаетъ своей родинѣ въ средѣ молодаго русскаго поколѣнія.

Много подобныхъ случаевъ могъ-бы константировать г. Таллоци, но онъ ограничивается только слѣдующей проповѣдью: наши ренегатскіе земляки. сербы, рутены, словаки, хорваты, валахи (румыны), придя на московскую почву, стараются создать себѣ положеніе клеветой и «грязненіемъ» мадьяръ.

Къ этой проповѣди, произнесенной безъ ренегатской клеветы и безъ примѣси политики оппортунизма, пусть намъ уважаемый читатель позволитъ присовокупить коротенькій, критико-историческій комментарій.

Какія добродѣтели и преимущества мадьярскаго племени побудили русскихъ патріотовъ, полковника и преподавателя, больше полюбить мадьяръ, чѣмъ русскихъ, мы не знаемъ, въ чемъ состояла клевета обвиняемыхъ г. докторомъ не русскихъ преподавателей, тоже не знаемъ; но знаемъ достовѣрно, что вся мадьярско-мадьяроманская политика цѣлаго XIX (отчасти и XVIII) столѣтія враждебна и вредна славянамъ короны св. Стефана; знаемъ, что политика, администрація, журналистика, высшія и низшія школы и т. д. направлены къ систематическому мадьяризованію всѣхъ немадьярскихъ элементовъ Венгріи; знаемъ, что мадьяризмъ XIX столѣтія останавливаетъ ходъ цивилизаціи какъ славянскихъ, такъ и румынской національностей, на почвѣ венгерской. Не можетъ этого не знать и не видѣть и мадьярскій ученый. О подобныхъ деликатныхъ вопросахъ, однакожъ, предпочелъ докторъ осторожно умолчать. Оно понятно неудобно къ «идеѣ мадьярскаго государства» прицѣплять, хоть бы и королевское Discite justitiam, mortales. А помнитъ вѣдь мадьярскій патріотъ и королевское завѣщаніе и трагическую Варну не хуже трагической борьбы 49-го года..

Д-ръ Таллоци признаетъ долю правды въ нашихъ словахъ, но вообще найдетъ наши gravamina «преувеличенными», субъективными, лишенными историческаго основанія. Сгруппируемъ нѣсколько историческихъ воспоминаній.

Мадьяризмъ мучилъ тюрьмами и палками въ Лайошкамаромѣ словаковъ за то, что они хотѣли слушать въ своемъ словацкомъ храмѣ слово Божіе на языкѣ словацкомъ (въ 1827 г.);—мадьяризмъ, въ Веспримской же губерніи, благославлялъ тѣхъ изъ словацкихъ христіанъ, которые молились въ своемъ храмѣ по мадьярски; тѣхъ, напротивъ, которые молились по словацки, посылалъ съ мѣста свята «къ черту»; мадьяризмъ, въ лицѣ ренегатскаго архіепископа Колочскаго Патачича (еще въ XVIII столѣтіи) палками колотилъ православныхъ сербовъ за то, что они смѣли другъ съ другомъ говорить по сербски; мадьяризмъ опредѣлилъ также взымать штрафъ въ размѣрѣ 12 гульденовъ съ каждаго серба, если таковой будетъ бесѣдовать на языкѣ сербскомъ; мадьяризмъ въ лицѣ публицистики (см. Minerva 1829, Jelenkor 1840, Tàrsalkodò 1841, Tudományos Gyüjtemény 1841 и т. д.) хотѣлъ всевозможными средствами и мѣрами истребить славянскую національность, между прочимъ при помощи мадьярскихъ гусаръ, запрещеніемъ куренія табаку и другими deliria trementia; мадьяризмъ раздражалъ славянское чувство, бросая грязью во все славянское съ каѳедръ университетскихъ (Дугоничъ, ренегатскій профессоръ въ Пештѣ), факультетскихъ (профессоръ Грегуштъ въ Пресбургѣ *), не говоря о гим-

*) Еще здравствуетъ не одинъ словакъ, помнящій «клевету» этого профессора латинскихъ временъ Венгріи: Carissimi. In Europa octogies millies millia slavorum sunt octogies millies millia sclavorum, hoc est, servorum.

назіяхъ; мадьяризмъ восторгался словацкимъ ренегатомъ Кошутомъ, громившимъ въ парламентѣ русскаго Бріарея и провозгласившимъ смерть венгерскимъ славянамъ; мадьяризмъ выгналъ изъ Пресбурга словацкихъ студентовъ въ сороковыхъ годахъ (въ томъ числѣ и брата знаменитаго въ славянскомъ мірѣ Людевита Штура—Самуила); мадьяризмъ повторилъ ту же тираннію съ словацкими юношами въ текущемъ учебномъ году (см. протоколъ Пресбургскаго лицея); мадьяризмъ повѣсилъ патріотическихъ словацкихъ юношей Голуба и Шулека, не желавшихъ сдѣлаться ренегатами, мадьяризмъ назначилъ преміи за головы лучшихъ словацкихъ патріотовъ Годжи, Гурбана и Людевита Штура; мадьяризмъ таскалъ въ тюрьму и порѣшилъ убить словацкаго поэта Браксаториса-Сладковича и не заслуга мадьяръ — нежданное, негаданное спасеніе поэта Детвана и Марины; мадьяризмъ закрылъ еще и тѣ немногія словацкія гимназіи, которыя содержало не правительство, а наша лепта; мадьяризмъ закрылъ на глазахъ г. доктора матицу словацкую, присвоивъ себѣ ея деньги, книги, другія цѣнности per jus fortioris; мадьяризмъ вытѣснилъ родную рѣчь словака изъ сферы, не говорю, парламентской, но даже общественной жизни.—Эти субъективныя жалобы славянъ на идею мадьярскаго государства можетъ г. Таллоци объективно подкрѣпить и увеличить самъ. Ему въ Пештѣ удободоступны и рѣчи и газета Кошута, и рѣчи и сочиненія Этвеша, благороднаго графа Сеченя, діарій парламента, и прежняго и нынѣшняго; вышеупомянутые и неупомянутые журналы; учебные планы министра Трефорта; изъ славянскихъ источниковъ: Колларъ, Шафарикъ, Гурбанъ, Червенакъ, М. Догнани; петиція словаковъ о матицѣ на Высочайшее имя; исторія сербовъ съ Анджеличемъ, Милетичемъ; хорватовъ съ вывѣсками и Старчевичемъ; прошу тоже прочитать жалобы румынъ въ парламентѣ и министерскіе отвѣты на нихъ, также и Národnie Noviny (словацкія), и все нелестное въ нихъ для мадьярскаго либерализма обьективно опровергнуть, или, если словацкой прессѣ «пріятно лгать», какъ и русской (см. стран. 200), то исходатайствовать слѣдствіе у мадьярскихъ властей, которыя «отеческими глазами бодрствуютъ» надъ благонравіемъ славянской прессы.

Недостойныя доктора фразы о славянскихъ преподавателяхъ смѣняются «обстоятельнымъ» анализомъ русской публицистики. (Очеркъ II).

«Настоящая литературная горячка охватила теперь многочисленную интеллигенцію средняго класса, которая похожа на бывшій привилегированный культъ музы лишь тѣмъ, что ей и теперь некогда черпать изъ русскаго національнаго генія; интеллигенція переводитъ впопыхахъ, усвоиваетъ многое изъ чужихъ языковъ, толкуетъ, дробитъ, поглощаетъ, но переваривaетъ только въ исключительныхъ случаяхъ. «Теперь ни у кого не хватаетъ времени написать книгу, углубиться въ свой предметъ. Все надо ассимилировать, что производитъ всемірная литература». «На скорую руку написанная, на скорую руку прочитанная журналистика господствуетъ въ духовной жизни Россіи и характеризуетъ жизнь неспѣлую, поверхностную». О возникновеніи русскаго славянофильства разсуждаетъ мадьярскій авторъ слѣдующимъ образомъ:

Наступило время, когда русскій писатель началъ чувствовать, что изъ механическаго пересаживанія иностранныхъ образцевъ не можетъ развиться настоящая національная литература, что источники послѣдней надо искать въ жизни, традиціяхъ народа. — Реакція появилась въ Москвѣ. Тамошніе литературные кружки, хотя они вкусомъ и привычками такого же аристократическаго пошиба, какъ и петербургскіе, скоро противопоставили себя придворной и чиновничьей атмосферѣ и выставляли на видъ, съ нѣкоторымъ хвастовствомъ народное направленіе. «Здѣсь мы находимся у самаго начала славянофильства». Родилась обличительная литература, «нездоровый плодъ которой—нигилизмъ.»

Изъ дѣятелей славянофильскаго направленія удостаиваетъ авторъ своей обстоятельной критикой преимущественно гг. Каткова и Аксакова.

Первый—мужъ великихъ способностей, отличнаго образованія, прекрасный стилистъ и ловкій редакторъ «Московскихъ

Вѣдомостей», этой любимѣйшей газеты всего московскаго чиновничьяго, консервативнаго и знатнаго свѣта, благодаря ловкой редакціи. Это единственная нелиберальная ежедневная газета съ тѣхъ поръ, какъ у славянофиловъ нѣтъ ежедневнаго вѣстника.—Но этотъ г. Катковъ, по словамъ г. Таллоци, словно соединяетъ въ одной своей персонѣ ненависть русскаго человѣка къ полякамъ. Если противопольскіе громы, раздававшіеся изъ Москвы, не имѣли больше успѣха, въ этомъ виноватъ не г. Катковъ. Но онъ получилъ свою награду: популярность и вліяніе. Конечно, Катковъ съ тѣхъ поръ часто находился въ такомъ положеніи, въ которомъ онъ долженъ былъ выбирать между вліяніемъ и популярностью, и онъ послѣднюю, безъ обиняковъ, принесъ въ жертву своему вліянію.

Весьма ловко, гласитъ дальше о томъ же публицистѣ мадьярскій рецензентъ,—плавалъ Катковъ въ бурное время 1876—1877 гг. Понявъ минуту московскаго воодушевленія, онъ «въ трубу рати трубилъ громче всѣхъ прочихъ трубачей». Онъ опять былъ въ согласіи съ московской народной партіей, съ которой его, впрочемъ, не связывали ни принципы, ни симпатіи, ни традиціи. Его вліяніе, между тѣмъ, росло постоянно, потому что, по французской поговоркѣ, на его лукѣ есть двѣ струны.

Но наконецъ поплатился и г. Катковъ передъ трибуналомъ общественнаго мнѣнія. Общественное мнѣніе поставило его.—post multum cras, cras,—«на то мѣсто, которое ему подобаетъ». Ибо напрасно ищутъ руководящихъ принциповъ даже друзья его. У него противорѣчіе смѣняется противорѣчіемъ, притомъ въ промежуткахъ времени до того короткихъ, что даже людямъ, одареннымъ слабой памятью, не трудно ихъ прослѣдить.

. . . .

Славянофилы не любятъ Каткова, какъ журналиста безъ серьезнаго направленія. Въ глазахъ большинства Катковъ & Comp. лишь владѣлецъ университетской типографіи, издатель «Московскихъ Вѣдомостей» да «Русскаго Вѣстника» и только.

Нарисовавъ такой портретъ «знаменитаго русскаго публициста» передъ глазами читающей Венгріи, г. Таллоци посвящаетъ нѣсколько словъ—разумѣется,—и И. С. Аксакову, такъ какъ его имя неразлучно связано съ короткой, но многознаменательной исторіей славянофильства». «Ивану Аксакову выпала на долю роль, познакомить общество съ тѣми идеями, самымъ горячимъ представителемъ которыхъ состоитъ онъ самъ». «Не будетъ ли —спрашиваетъ въ пророческомъ предчувствіи г. Таллоци,—не будетъ ли участь, которую должны пережить славянофильскія идеи, по крайней мѣрѣ, по скольку это касается ихъ преувеличеній, и впредь изображена символически судьбой Аксаковскаго семейства, послѣднимъ побѣгомъ котораго пребываетъ И. С.» Но мы, немадьяры, увѣрены, что Россія «одарена не столь слабой памятью и soi-disant интеллигенціей», чтобъ предать забвенію, въ угоду извѣстнымъ своимъ «доброжелателямъ», завѣщаніе одного изъ благороднѣйшихъ патріотовъ и лучшихъ мыслителей своихъ.

Но г. доктору показалось уже при жизни незабвеннаго для славянъ Ивана Сергѣича, что русскому обществу надоѣло это направленіе, которое шумѣло, кричало и чужіе (въ томъ числѣ и сосѣдки Венгріи) углы подметало. Тѣмъ не менѣе, продолжаетъ г. докторъ, та сила, которая находилась въ Аксаковѣ, свое дѣло сдѣлала. «Растравила *) національный фанатизмъ до такой степени и такимъ образомъ, какимъ это въ состояніи сдѣлать только русскій человѣкъ.

Въ послѣднихъ строкахъ статьи узнаемъ и то, что мадьярофилъ Таллоци вступилъ и въ словесный диспутъ съ славянофиломъ Аксаковымъ и поставилъ его, разумѣется, въ тупикъ.

«Вы (т. е. мадьяры),—говорилъ Аксаковъ,—ловко, могу сказать азіатски, уничтожаете ваши національности, нашихъ братьевъ, славянъ. Ваше правительство даетъ русскому, сербу, словаку и т. д. право кричать, позволяетъ имъ наслаждаться ничтожностями; но на самомъ дѣлѣ достигаетъ лишь того, что оно ихъ

---

*) Въ мадьярскомъ текстѣ употреблено болѣе характерное слово: felkorbacsolta привела въ движеніе кнутомъ.

освѣжаетъ уменьшающимся собственно мадьярскимъ элементомъ (magyarsàg)».

Замѣчаніе Ивана Сергѣича г. докторъ уничтожилъ вотъ какимъ лаконическимъ, но многознаменательнымъ вопросомъ: коли мадьяры ассимилируютъ другіе элементы, доказываетъ ли это слабость мнимо уменьшающагося мадьярскаго народа?

Какъ отвѣчала діалектика Аксакова на риторику доктора, объ этомъ умалчиваетъ мадьярскій собесѣдникъ; но мы думаемъ, что знатокъ чужихъ угловъ, Аксаковъ нашелъ, чѣмъ перекрыть и эту козырную двойку. Стоило ему сослаться ну хоть на мадьярскаго, въ славянофильскихъ излишествахъ никѣмъ незаподозрѣннаго патріота Кошута. Бывшій диктаторъ Венгріи жалуется въ письмѣ (о. Герману, 1877 г.), что въ 1848 г. было въ одной деревнѣ сто тридцать мадьярскихъ домовъ, а теперь ихъ тамъ только десять. Причина этого явленія та, что 120 мадьяръ женились на румынскихъ дѣвушкахъ, которыя и обрумынили 120 мадьярскихъ домовъ. Вѣдь отъ румынской матери родится только румынъ, а не мадьяръ». Заявленіе мадьяризатора à la Кошутъ могло бы, кажется, пояснить г. доктору вопросъ: въ какой степени обладаетъ мадьярскій элементъ, безъ гальванизма политическихъ интригъ, ассимилирующей силой по отношенію къ другимъ элементамъ Венгріи.

Критическій разборъ экономическихъ условій Россіи и Венгріи (оч. III—VII) приводитъ автора къ тому заключенію, что интересы венгерской торговли требуютъ непосредственныхъ сношеній съ Россіей; что главными рынками для венгерскаго купца должны служить Кіевъ, Москва, Варшава и Одесса; что туда слѣдуетъ высылать надлежащихъ агентовъ. Правительство же должно похлопотать объ ограниченіи русско-таможеннаго тарифа.

Статьи, поскольку позволяетъ характеръ разбираемаго матеріала, написаны довольно живымъ слогомъ; но еще больше жизни и пикантности придаютъ имъ, въ глазахъ конечно венгерскаго читателя, слѣдующаго рода картинки и размышленія.

«Водку русскій мужикъ пьетъ, безъ преувеличенія будь сказано, какъ у насъ пьютъ виноградное вино. Въ праздничные дни, какихъ въ Россіи много, пьянство принадлежитъ къ bonton'у. Въ праздники св. Николая, св. Екатерины и другихъ популярныхъ святыхъ—всѣ пьютъ».—Въ Одессѣ и «русскомъ Іерусалимѣ, Кіевѣ» всякій, кто безпокоитъ пьянаго, заплатитъ 50 рублей».

«Еврея русскій человѣкъ не любитъ, какъ не любитъ вообще никакой религіи, за исключеніемъ своей «православной» вѣры. Но эта причина была бы недостаточна для того, чтобъ преслѣдовать жидовъ; такъ какъ попы легко справились бы съ народомъ, еслибъ имъ, за эти труды успокоиванья, дать денегъ».

«Въ 1881 году люди, желавшіе удить рыбу въ мутной водѣ, нигилисты и ненигилисты, все едино, воспользовались антипатіей мужика къ еврею и бунтовали народъ. Славянофилы, полагая, что послѣ жидовъ дойдетъ очередь до нѣмцевъ и что этимъ славянство лишь выгадаетъ, сначала тоже поддерживали бастонады».

«Русскій человѣкъ, по устраненіи крѣпостничества, никакъ не хотѣлъ понять, что это такое — свобода. Толковали ему, но напрасно, пока ему власти пушечными ядрами не доказали, что они серьезно намѣрены помочь его горю».—Эти сцены выражены въ оригиналѣ циничнѣе.

Очеркъ VIII, озаглавленный «Русская колонизаціонная политика и восточная миссія Россіи», не можетъ быть, понятно, тоже лишенъ *аттической* соли. Авангардъ русской цивилизаціи казаки. Начальникъ маленькой крѣпости продаетъ номадамъ Азіи водку и трубки. А что выходитъ изъ этого? Расширяются предѣлы господства потихонечку, точно сами собой, пока на эти благопріобрѣтенныя земли не наложитъ руку гражданская администрація. Эти маневры сыновъ Марса въ союзѣ съ тогой, очевидно, нравятся мадьярскому автору, и онъ былъ бы готовъ ихъ сравнить съ римскими колонизаціонными маневрами, если бы только буряты и чукчи не были смирными финскими народами, непріятели римлянъ, напротивъ того,—даками.

На похвалахъ, воздаваемыхъ невѣжественнымъ и испорченнымъ попамъ, да всемогущимъ чиновникамъ, въ Азіи грубому русскому мужику (часто микроке-

фалу), который лучше самоѣда или тунгуза, но — только «однимъ волоскомъ» и под., останавливаться не будемъ; лучше посмотримъ, какъ это г. доктору удалось разсѣять одинъ изъ многихъ предразсудковъ его соотчичей о Россіи.

Относительно положенія ссыльныхъ въ Сибири писатель знаетъ, что оно въ Европѣ считается за non plus ultra человѣческихъ страданій; но онъ увѣряетъ, съ своей стороны, что оно лучше положенія тѣхъ узниковъ, которые помѣщаются въ тюрьмахъ центральной Россіи. Тутъ читатель ожидаетъ, вѣроятно, описанія этого болѣе отраднаго положенія сибирскихъ каторжниковъ, и не ошибется. Вотъ нѣсколько словъ, долженствующихъ разсѣять венгерскіе предразсудки о Россіи. Тамъ, въ Сибири, «каторжникъ часто дѣлается жертвой смерти; одинъ спитъ голый въ кучѣ навоза, другой поддерживаетъ свою жизнь мясомъ околѣвшей собаки». Чтобы описать, послѣ этого, сцены, «вопіющія о мести» изъ центральныхъ тюремъ, для этого требуется новый Данте, in specie dr. Таллоци.

При всемъ томъ г. докторъ предвѣщаетъ Сибири будущее, хотя русская политика и подвинула русскую стихію отчасти на сѣверъ, отчасти на западъ и вздумала полировать поляковъ, финновъ, рутеновъ, грузинъ, армянъ, между тѣмъ какъ она къ Сибири примѣнила принципъ: fara da se.

Объективно рисуетъ авторъ поразительные успѣхи русской политики на Кавказѣ. Для поясненія этой отрадной для Россіи, но для иныхъ «доброжелателей», можетъ быть, и неотрадной картины, присовокупляетъ мадьярскій патріотъ, что онъ рисовалъ такими красками не для того, чтобъ выставить московскія завоеванія «въ розовыхъ краскахъ», но по той причинѣ, что нельзя закрывать глаза передъ успѣхами.

Среди этихъ разсужденій о русскихъ колоніяхъ и русской миссіи на востокѣ приходитъ писателю невольно на умъ культурная миссія Австро-Венгріи на югѣ. Разница между этими двумя миссіями бьетъ, молъ, въ глаза. Россія цивилизуетъ на Кавказѣ азіятовъ, и забираетъ ихъ себѣ; Босна, напротивъ того, требуетъ правительства, обладающаго величайшимъ политическимъ тактомъ, чтобъ ее навсегда удержать въ сферѣ интересовъ Австріи. Для этой цѣли рекомендуетъ Таллоци прежде всего сѣть путей сообщенія, но, сверхъ того, такую колонизаціонную политику, какую завела Россія: «по кусочкамъ», но «послѣдовательно». При этомъ умствованіи, г. доктора вовсе не безпокоитъ ни юридическая сторона сей поштучной политики, ни то элементарное соображеніе, что босняки, рутены, сербы, словаки, въ сравненіи съ высоко-культурнымъ нѣмецко-мадьярско-еврейскимъ тройнымъ союзомъ, далеко не буряты или чукчи.

Отъ «невольной» экскурсіи въ Босну, переходитъ туристъ къ «добровольному» описанію войны съ туркменами.

Война Скобелева съ туркменами, съ этими «честь знающими, въ словѣ твердыми, рыцарскими хищниками» была весьма забавная война. Москали одержали побѣду только благодаря своему лучшему оружію. У осаждаемыхъ не было пушекъ; попробовали они себѣ вылить тоже пушки по образцу русскихъ, но вылили слишкомъ большія. Наконецъ-то управился съ непріятелемъ Скобелевъ съ помощію динамита. Да и то понадобилось четверо русскихъ, чтобы обуздать одного туркмена. Это произведенное Скобелевымъ «кровавое крещеніе» показываетъ, что еще ожидаетъ русскихъ въ Азіи.

Съ забавнаго театра криваваго крещенія въ Азіи перенесемся на почву европейской Россіи и будемъ созерцать, конечно, подъ руководствомъ «Воспоминаній» весело настроеннаго туриста, театръ мирныхъ занятій русскаго гражданина. Начнемъ съ «русскаго Іерусалима», Кіева.

Передъ монастыремъ туриста встрѣчаетъ, протягивая руки, несмѣтная масса нищихъ всѣхъ разрядовъ и чиновъ. Горе тому европейцу, восклицаетъ растроганный туристъ, горе европейцу, у котораго есть слабость милосердія! Ему понадобилось бы съ тысячу кармановъ, да еще въ добавокъ бумажникъ Фортуната. Дальше слѣдуютъ солдаты, которые, по крайней мѣрѣ, не просятъ. Зато возлѣ нихъ ожидаетъ путешественника новое горе въ лицѣ торгующаго монашества. Купить образокъ необходимо, а то на тебя посмотрятъ, да

еще какъ посмотрятъ. Но съ «добрыми попами» можно намъ хоть поторговаться. При этомъ авторъ характеризуетъ и патріотизмъ русскихъ монаховъ. «По случаю крымской кампаніи монастырь одолжилъ правительству значительную, молъ, сумму «добровольно».

Авторъ, выйдя изъ церкви, былъ опять «свидѣтелемъ интереснаго явленія». Два русскихъ монаха держали пари, кто изъ нихъ разобьетъ пустую бутыль, поставленную дномъ на земь. Пробуютъ большой дубиной: все напрасно. Остальная братія, съ мала до велика, смѣясь, смотрѣла на этихъ единоборцевъ. Наконецъ бутыль перевернулась и дребезги полетѣли тысячами. «Это несправедливо» вскрикнула «черная армія». Баталія ужъ загоралась Но—являются ангелы мира. «Святые обитатели катакомбъ» увидѣли приближающихся туристовъ, въ томъ числѣ г. Таллоци и—успокоились.

Вотъ какіе типы монаховъ русскаго Іерусалима нарисовалъ карандашъ мадьярскаго художника. Если нашъ мадьярскій сосѣдъ разсчитывалъ на хорошій сбытъ подобнаго рода образковъ на рынкѣ венгерскихъ покупателей, то онъ не ошибся.

Къ высшимъ идеямъ, къ «великимъ комбинаціямъ» подало потомку 7 мадьярскихъ полководцевъ поводъ венгерское поле. Стоя на «верхушкѣ» монастырской башни, онъ смотрѣлъ съ удовольствіемъ на безконечную, кіевскую равнину, на «мадьярскую» равнипу, Какъ тутъ не подумать о томъ, о семъ. Но что именно думалъ г. докторъ, что это были за выводы изъ «традиціонно-историческихъ комбинацій» Кіева, объ этомъ читатель не узнаетъ ни слова. Даже нить разсужденій прервалась у автора потому, что среди «великихъ размышленій» потревожили его хохотавшія русскія дѣвицы-ученицы съ короткими волосами, короткими юбками, очками и въ небрежномъ облаченіи. При видѣ этихъ дѣвушекъ докторъ бросаетъ свои историческія комбинаціи, чтобъ дать мѣсто своимъ замѣчаніямъ о русскихъ ученицахъ вообще. Обращеніе, говоритъ, ученицъ съ ихъ коллегами мужскаго пола такое, что съ точки зрѣнія европейскаго общества, его можно назвать, пожалуй, безнравственнымъ.

Въ Кіевѣ завтракъ (онъ же и обѣдъ) русскаго рабочаго состоитъ изъ сухихъ корокъ, одного огурца и илистой воды, да и это единственно въ скоромные дни. Крестьянинъ бѣдствуетъ постоянно. Голодая отправляется боготворить своего защитника, своего святаго: русскіе вѣдь не молятся, а только боготворятъ. Икона поможетъ, молъ, его горю. Интеллигенція соперничаетъ съ вавилонянами: наслаждается, забавляется, мотаетъ до съумасшествія. Надъ этимъ отечески бодрствуетъ правительство: народъ пусть поживаетъ, какъ знаетъ, остальные же пусть наслаждаются настоящимъ, только—пусть не мыслятъ!

Недостатокъ твердости въ характерѣ «истинно русскаго» приписываетъ авторъ его фаталистическому міровоззрѣнію, которое лишь тѣмъ отличается отъ турецкаго, что мусульманинъ относитъ все къ Аллаху, между тѣмъ какъ возлѣ русскаго Бога играетъ роль и большая гвардія святыхъ, да множество суевѣрій, что и поддерживаетъ «православнаго». Въ развитіи этого свойства, въ значительной степени, виновата восточная церковь.

Въ бѣлокаменной Москвѣ докторъ находитъ, что истинный сынъ сего города иностранныя формы презираетъ и слѣпо имъ подражаетъ. На русскій народъ нельзя дѣйствовать идеями, а только матеріей. Поэтому правительство, для ограниченія пьянства, даромъ раздаетъ картинки, на которыхъ восьмихвостные, красноязычные, вилами вооруженные черти уносятъ пьянаго мужика въ адъ.

Другаго сорта человѣкъ—москвичъ-мѣщанинъ. Онъ торгуетъ, строго моралeнъ, у него дѣтей, какъ песку морскаго. Купецъ А—въ пріобрѣлъ, отъ единственной супружницы, 27 человѣкъ дѣтей; но до тридцати хочетъ довести цифру — благочестивецъ. - (Мародерское правило мадьярскихъ супружницъ, rectius супруговъ, гласитъ: Unum — sed leonem.)

Въ Москвѣ—знать ночью всевозможныя варіаціи любви, и жить на турецкій манеръ—мода. Даже попы не смѣютъ говорить о такъ называемой морали. Стоитъ посмотрѣть на воспитательный домъ. Здѣсь содержатъ сиротъ княжески, лѣтъ 5—6; послѣ ихъ отсылаютъ въ деревню, гдѣ о ихъ смерти позаботится кормилица.

Московская выставка подаетъ мадьяру поводъ къ интереснымъ замѣчаніямъ. Вотъ нѣсколько изъ нихъ.

Русскія газеты возвѣщали о первой на Святой Руси выставкѣ съ леденящимъ хладнокровіемъ. Западъ, молъ, удивляйся и дрожи. Но западъ и не удивлялся и не дрожалъ.

Румянцевскій музей служитъ отличнымъ аргументомъ для тѣхъ, коихъ интересуетъ вопросъ: насколько близки другъ къ другу славянскіе народы, представленные здѣсь, въ видѣ восковыхъ фигуръ и въ національныхъ костюмахъ. Они помѣщаются очень мирно другъ возлѣ друга, но только sub specie—куколокъ. Для насъ, мадьяръ, нѣтъ ничего интереснѣе, какъ видѣть, марціальнаго южнославянина, тихаго болгарина, гордаго краковяка, благочестиваго словака, костляваго чеха и въ серединѣ меньше всѣхъ выразительнаго великоросса, въ жилахъ котораго течетъ кровь азіатская. Вокругъ киргизы, вотяки, черемисы и т. д. угрюмо посматриваютъ на своихъ господъ, угнетателей братской малорусской крови. (Ecce! какіе психическіе процессы подмѣтилъ мадьярскій психологъ въ восковыхъ головахъ киргизовъ да черемисовъ!)... Нѣтъ сомнѣнія, что русское племя представляетъ наибольшую силу, но до сихъ поръ нельзя констатировать чтобы это была наибольшая сила духа.

Въ Москвѣ мадьяръ persona ingrata. Русскій понимаетъ лишь одно: кто угнетаетъ православнаго, тотъ врагъ; но вѣрно ли это или нѣтъ, онъ не разбираетъ. Русскіе ненавидятъ нѣмца, потому что онъ ихъ конкуррентъ на русской же почвѣ, ненавидятъ турка, потому что онъ язычникъ, ненавидятъ мадьяра, потому что онъ, будто, угнетаетъ, рутена, которому въ Малороссіи и пѣть-то воспрещено.

Въ Москвѣ всѣ хотятъ достичь совершенства; только въ томъ бѣда, что шанцы высоки, и штурмующіе ихъ отстаютъ—одинъ за другимъ. Первыми отстаютъ перворазрядники, т. е. французско-нѣмецкаго образованія интеллигенты; вторыми, чередуясь, отстаютъ полуобразованные полки второразрядниковъ, т. е. людей образованныхъ на русскій ладъ; что же касается народа, тотъ въ шанцахъ—спитъ. Но устраивать коммиссіи, это искусство и въ Москвѣ мастерски изучили. Только артели, быть можетъ, честно занимаютъ свой постъ. Все остальное живетъ себѣ, хочетъ многаго, но остается при одной теоріи.

Изъ множества остальныхъ воспоминаній мадьярскаго путешественника пусть намъ уважаемый читатель разрѣшитъ помѣстить еще одно, объ одесскихъ евреяхъ. Именемъ сего племени изобилуетъ книга г. Таллоци, какъ земля ханаанская медомъ и молокомъ. Этихъ братьевъ новомадьяръ преслѣдуетъ въ Россіи мужикъ, преслѣдуетъ нигилистъ, преслѣдуетъ ненигилистъ, преслѣдуетъ, косвенно, попъ, преслѣдуетъ славянофилъ, полиція, солдатъ. Что еще новаго скажетъ въ своей элегіи отъ предразсудковъ свободный сосѣдъ мадьяръ? Вотъ что! Преслѣдуемый, презираемый жидъ (zsidó) вынужденъ своими недоброжелателями броситься на денежные гешефты и торговлю. На этомъ поприщѣ онъ теперь несомнѣнный властелинъ. (Бѣдный!) Но до сигнала Игнатьева жилъ еврей въ довольно хорошихъ отношеніяхъ съ христіаниномъ. Въ касту превратилъ жидовъ Игнатьевъ. И теперь нѣтъ примѣра, чтобъ еврей принялъ христіанскую вѣру. Впрочемъ, со времени «паденія» Игнатьева горизонтъ отчасти проясняется. Все дышетъ свободнѣе.

Если съ этой лукавствующей тирадой доктора сличить хоть бы то, что онъ самъ въ другомъ мѣстѣ (о экономическихъ симптомахъ въ Венгріи) говоритъ, то невольно вспомнимъ полузабытый нѣмецкій отвѣтъ на подобное vermaledeites Grau.

Auf diese Logomachie des Candidaten Jobses,
Entstand allgemeines Schütteln des Kopfes:
Der Herr Rector sagte: hem, hem, hem,
Und die übrigen—secundum ordinem.

Въ концѣ концевъ, проводя параллель между русскими и венгерскими условіями жизни, г. Таллоци даетъ понятно, предпочтеніе венгерскимъ. Только одно можетъ, молъ, обезпокоить мадьяра.—Ужь не панславизмъ-ли? спроситъ читатель. Вовсе нѣтъ! Панславизмъ невозможенъ, какъ доказалъ наглядно Румянцевскій музей.—Мадьярскаго патріота тревожитъ то обстоятельство, что мадьярскій элементъ экономически часто падаетъ и вступающій

на его мѣсто элементъ, къ сожалѣнію, не всегда мадьярскій.—Скажемъ sans gêne, г. докторъ. Этотъ элементъ, забирающій мадьярскую, — а ужъ, конечно, и рутенскую, и словацкую землю (дворянскія помѣстья, аристократическіе дворцы, крестьянскую пахатную землю, горы, луга), этотъ элементъ, говоря точно,—евреи. Но объ чемъ тутъ горевать мадьярскому патріоту? Вѣдь переходитъ же мадьярское имущество въ сущности опять-таки въ руки мадьярскія. Помѣстье графа Баттяни, положимъ, перешло въ полнѣйшее владѣніе опять господина фонъ-Баттяни. Правда, недавнія фамиліи этихъ 50 крейцеровыхъ фонъ-Баттяни звучатъ нелестно для венгерскаго уха. Но всетаки эти olim Шмули, Срули, Ицки, Іейтелесы теперь благозвучные Баттяни, Пальфи, Подманицкій, Эстергази,—ergo мадьяры!—Чувствуемъ, что аргументы не убѣдительны для вашего патріотическаго чувства. Кто виноватъ, однакожъ, въ этомъ закабаленіи столь значительной части Венгріи? Вашъ анти-славянскій, мадьярскій либерализмъ!—Вмѣсто того, чтобъ посвятить силы идеальнымъ и реальнымъ интересамъ солидныхъ, въ дни грозы, испытанныхъ элементовъ страны, вмѣсто этого, словно жиды вокругъ золотаго тельца, пляшете вы въ компаніи вашихъ ветхозавѣтныхъ компатріотовъ, въ дикой оргіи, вокругъ фантастическаго молоха мадьяризма. А теперь начинаете пѣть вы, какъ уже давно поемъ мы, о худыхъ плодахъ худаго дерева! Чтожъ вы не пѣли раньше:

Das ist der Fluch der bösen That,
Dass sie forzeugend Böses muss gebären?

Россія прошедшаго и настоящаго, какъ видитъ русскій читатель изъ предлагаемыхъ выдержекъ, представлена послѣднимъ, до сихъ поръ, мадьярскимъ туристомъ, докторомъ Лайошемъ Таллоци въ краскахъ далеко не розовыхъ. А мы пропустили не одну пикантность, весьма вкусную для венгерскихъ читателей. Мы не говорили о «бѣдной идеями русской журналистикѣ» (за исключеніемъ, молъ, немногихъ листовъ); не характеризовали русской цензуры, уничтожающей невинныя извѣстія и оказывающей подчасъ милость поджигательнымъ статьямъ; пропустили русскую полицію, шпіонящую, констатирующую несчастіе, но не предупреждающую горя; не упомянули о тягостной атмосферѣ, которая вынуждаетъ и пріятеля не говорить откровенно даже съ лучшимъ пріятелемъ; умолчали о русской юстиціи, при которой слетишь съ мѣста, и весьма виднаго, безъ юридическихъ доказательствъ, просто, по наущенію и т. д.

При подобномъ пониманіи сѣверной славянской державы, мадьяръ Таллоци, конечно, не удивитъ ни русскаго, ни мадьярскаго читателя своимъ прощальнымъ словомъ: «съ извѣстнымъ успокоеніемъ оставилъ я это странное государство противуположностей, въ которомъ жизнь столь легка и столь тяжела».

Книга мадьярскаго патріота,—въ этомъ нечего сомнѣваться,—должна быть пріятна для мадьярскаго вкуса; но на славянскихъ земляковъ доктора,—въ этомъ мы точно также увѣрены—«съ плохимъ успѣхомъ» дѣйствуетъ подобное мадьярское перо.

Матвѣевъ-Соколичанскій.

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

По сербскимъ и болгарскимъ.

Сербія.—Министерство адъютантовъ.—Напредняцкая выборная трагикомедія. — Учитель въ роли кондуктора. — Чья побѣда? — Будущая скупщина.—Боснія и Герцеговина.—Гайдуки.—«Не отчаявайтесь».—Два слова о лжепатріархѣ Анджеличѣ.—Ересь назаренства.—Изъ Драшкова Рабоша.—Еврейская продѣлка.—Болгарскія дѣла.

Сербское министерство, составленное изъ любимыхъ приспѣшниковъ короля Милана, начало дѣйствовать по военному. Прежде всего оно прогнало со службы тѣхъ чиновниковъ, которые во время министерскаго кризиса осмѣливались говорить противъ Гарашанина. Затѣмъ оно принялось за печать. Органъ Ристича «*Уставност*» подвергся запрещенію; но издатели не прекратили изданія, только перемѣнили имя, такъ что съ 13 апрѣля стала выходить «*Нова Уставност*» по прежней программѣ «Уставности». Газета «*Нови Бео-*

градски Дневник» въ № 69 говоритъ, что пусть уже читатели не сердятся на нее, когда вмѣсто передовыхъ статей читаютъ объявленія и когда вмѣсто статей о сербской и болгарской политикѣ читаютъ мало интересныя для нихъ свѣдѣнія о Бисмаркѣ и Гладстонѣ. Тоже говоритъ «Нова Уставност» въ № 9, отъ 4 мая: «пока царила цензура, мы писали, она запрещала, а мы пополняли пустыя мѣста объявленіями, ибо цензура не терпитъ, чтобы были видны пустыя бѣлыя мѣста. Но теперь все обстоитъ иначе». На столько иначе, что надъ «Уставностью» уже наряжено судебное слѣдствіе за 2 статьи, въ которыхъ о Гарашанинѣ были нѣсколько рѣзкіе отзывы. Такое же судебное слѣдствіе возбуждено противъ газеты радикальной партіи—«*Одјек*».

Выборная кампанія началась блистательно. Первымъ застрѣльщикомъ явился сынъ Гарашанина. Онъ 26 апрѣля разослалъ по всей Сербіи открытую депешу, чтобы всѣ чиновники, учители и священники подавали голоса за правительственныхъ кандидатовъ; пассивное отношеніе къ выборамъ также запрещалось. Самые выборы представили собою такую картину насилія, предъ которой ничто всѣ предъидущія. Министерство чувствовало, что ему необходимо во что бы то ни стало провести своихъ депутатовъ въ скупщину. Для этого оно дало самыя точныя наставленія полиціи и войсковымъ начальникамъ, какъ поступать на выборахъ. Положеніе напредняковъ было тѣмъ хуже, что обѣ оппозиціонныя партіи дѣйствовали за-одно: еще въ началѣ апрѣля газета «Нова Уставност» напечатала въ № 2 програму соединенной оппозиціи. Во внутренней политикѣ эта программа требуетъ развитія производительныхъ силъ народа и его экономической самостоятельности, требуетъ свободнаго народнаго представительства и права для скупщины контролировать дѣйствія правительства, требуетъ финансовыхъ реформъ и бережливости въ расходахъ. Для осуществленія всего этого программа требуетъ новой конституціи, основанной на свободныхъ выборахъ и отвѣтственности министровъ передъ скупщиной. Итакъ, правительство дѣйствовало рѣшительно; *осадное положеніе* во время выборовъ дѣйствовало во всей силѣ. Наиболѣе подверглись правительственному насилію тѣ избирательные округи, которые посылали отъ себя лишь довѣренныхъ въ главный пунктъ, гдѣ производились непосредственные выборы. Въ «Новой Уставности» (№ 5) помѣщенъ рядъ свѣдѣній о такихъ насиліяхъ. Такъ въ Арандьеловцѣ полиція не допускала гражданъ до голосованія, а сама назначала, кого выбирать. Въ Крагуевцѣ мѣстный кметъ самъ себя выбралъ. Сопротивлявшихся такимъ незаконнымъ поступкамъ сажали подъ арестъ, той же участи подвергались и оппозиціонные кандидаты. Въ нѣкоторыхъ округахъ, гдѣ выбраны уже были оппозиціонные депутаты, мѣстныя власти отмѣняли эти выборы и замѣняли оппозиціонныхъ кандидатовъ своими. Благодаря такимъ болѣе или менѣе остроумнымъ пріемамъ, напреднякое правительство получило, по словамъ его органа «Видело», 61 депутата, а на долю оппозиціи пришлось 60. Большинство въ 1 голосъ! Печальный результатъ! Но король Миланъ, самъ стоящій во главѣ напреднякой партіи, прибавилъ къ этимъ 61 еще 40 депутатовъ, которыхъ, въ силу конституціи, онъ имѣетъ право *назначать*. Въ число этихъ 40 вошли провалившіеся на выборахъ напреднякіе депутаты, которые нѣкогда на прежнихъ скупщинахъ затыкали ротъ противникамъ Милана. Любопытно, что правительство потерпѣло неудачу въ главныхъ *городахъ*, въ томъ числѣ и въ столицѣ своей *Бѣлградѣ*, гдѣ это первый такой случай за 28 лѣтъ. Отсюда легко видно, что выдѣлывали агенты Гарашанина въ селахъ среди беззащитнаго народа.

Къ чиновникамъ, учителямъ и священникамъ остроумное министерство примѣнило даруемое ему конституціею право— перемѣщать, *для пользы службы*, чиновниковъ съ высшихъ мѣстъ на низшія. Три года тому назадъ король особенно ловко пользовался этимъ правомъ. Въ этомъ году пока еще только одинъ *учитель реальной гимназіи сдѣланъ кондукторомъ на почтѣ*, т. е. по просту кучеромъ, три года же тому назадъ кондукторами пришлось сдѣлаться многимъ уѣзднымъ «начелникамъ», не угодившимъ пратeльству во время выборовъ, а такъ какъ большая часть ихъ по старости лѣтъ не

могла быть кучерами, то подали въ отставку, а министры радовались, что у нихъ есть такой удобный способъ «спускать» неугодныхъ людей.

Само собою разумѣется, что вѣнскія и пештскія нѣмецко-еврейско-мадьярскія газеты радовались мнимой побѣдѣ на предняковъ и привѣтствовали эту побѣду на всѣ лады. Эта побѣда, по ихъ мнѣнію, доказываетъ, что сербскій народъ, не смотря на Сливницу и Пиротъ, преданъ правительству; Австрія же теперь можетъ быть вполнѣ спокойна, чего не было бы, если бы во главѣ сербскаго правительства сталъ Ристичъ, на котораго Австрія не можетъ положиться, тогда какъ напредняки *на дѣлѣ* уже доказали свою преданность Австріи.

Какъ бы то ни было, но результатъ выборовъ равносиленъ полному пораженію напредняковъ, такъ какъ, не смотря на систему устрашенія народа (въ Ужицкомъ округѣ прибѣгли къ вооруженной силѣ), они получили всего одинъ голосъ больше оппозиціи, да и это еще по ихъ мнѣнію, на самомъ же дѣлѣ число ихъ депутатовъ, какъ доказываютъ органы радикальной и либеральной партіи, не превышаетъ 57. Поэтому австрійскимъ газетамъ рано еще торжествовать побѣду. Зато король Миланъ подумываетъ о новомъ займѣ, который ему вотируетъ, по его соображеніямъ, новая скупщина и который ему необходимъ... на коронацію Да, этотъ важный обрядъ еще не исполненъ, а король честолюбивъ и любитъ блескъ. Теперь какъ разъ настоящій моментъ для этого: послѣ Сливницы, Пирота, послѣ всѣхъ напреднякихъ подвиговъ надо увѣнчать храмъ славы короной. «Застава» (№ 58) желаетъ ему хорошенько повеселиться на этомъ праздникѣ.

. . . .

Трудно описать, какъ удастся напреднякамъ оправдаться въ своихъ дѣйствіяхъ предъ будущей скупщиной. Одно только можно сказать, что всѣ мѣры, которыя предложитъ правительство, будутъ приняты *«большинствомъ голосовъ»*. Эта конституціонная трагикомедія не приведетъ однако Сербію къ добру.

Отъ Сербіи перейдемъ къ ея «покровительницѣ» Австро-Венгріи и къ той части сербскаго народа, которой живетъ въ предѣлахъ Босніи и Герцеговины. Положеніе этихъ «оккупованныхъ», но еще не присвоенныхъ окончательно земель, по общему признанію сербской печати, весьма печально. Въ цѣломъ рядѣ статей «Застава» жестоко упрекаетъ австро-венгерское правительство за то зло, которое оно приносило, приноситъ и будетъ приносить этимъ несчастнымъ провинціямъ. Народъ страдаетъ отъ жестокаго управленія, отъ непомѣрныхъ налоговъ, отъ неправеднаго суда, а за эти страданія являются мстители. Вотъ отчего пострѣливаютъ то тамъ, то сямъ ружья даже въ такое время, когда бы всего менѣе можно было этого ожидать. Недавно еще, когда воевода эрцгерцогъ Альбрехтъ торжественно въѣзжалъ въ Мостаръ, у самыхъ воротъ чета гайдуковъ напала на военный патруль, при чемъ одинъ солдатъ былъ убитъ, другой раненъ («Нов. Уст.» № 11 и «Застава» № 69). Это совсѣмъ неудобный для австрійскихъ и мадьярскихъ властей случай и они поспѣшили свалить его на голову Черногоріи. «Пештскій Ллойдъ» съ чисто еврейскимъ нахальствомъ заявилъ, что это гайдуцкое нападеніе есть не что иное какъ настоящее, не дипломатическое и притворное, а искреннее привѣтствіе отъ Черногоріи высокому австрійскому посѣтителю Босніи! Между тѣмъ Черногорія тутъ не причемъ и несомнѣнно, что гайдуки изъ герцеговинцевъ и что они только находятъ убѣжище въ Черногоріи, гдѣ всегда его находила удалая вольница Балканскаго полуострова. Изъ этого мнѣнія полуоффиціальной мадьярской газеты можно заключить, что отношенія Черногоріи къ Австро-Венгріи очень натянуты. Это подтверждается также тѣмъ, что далматинское правительство запретило газетѣ *«Српски Лист»* напечатать статью, написанную по поводу словъ князя Николая, сказанныхъ редактору этой газеты («Застава» № 73 и «Српски Лист» № 17); князь сказалъ ему: «Не отчаявайтесь...» и прибавилъ къ этому еще нѣсколько утѣшительныхъ и знаменательныхъ словъ, которыхъ австрійская цензура не допустила, но благодѣтельная рука доставила намъ обреченную на гибель статью. Князь сказалъ: «Не надо отчаяваться! И я это говорю не для того, чтобы утѣшить свой народъ, хотя это моя обязанность, какъ государя, утѣ-

шать свой народъ. Но говорю это совершенно серьезно. Больше ничего не могу сказать!» Въ дальнѣйшемъ разговорѣ князь сказалъ, что «если Черногоріи придется вступить въ войну, то она будетъ добиваться, чтобы за ней оставили только то, чѣмъ она овладѣетъ. И Черногорія не одна готовится къ страшной борьбѣ съ врагомъ славянства; по словамъ редактора «Српски Лист», за ней стоитъ 103 милліона *русскихъ*». Вотъ отчего австрійская цензура испугалась словъ: «Не отчаявайтесы!»

Не смотря на неустойчивое положеніе въ Босніи, Австрія (см. «Уставност» № 45) интригуетъ въ Старой Сербіи и Македоніи, стремясь всячески пробраться къ Солуню. Интрига ведется австрійскими консулами и латинскимъ духовенствомъ. Консулы и патеры странствуютъ по Старой Сербіи и Македоніи и деньгами и разными обѣщаніями склоняютъ сербовъ въ пользу латинской вѣры и австрійской имперіи. Что касается до австрійскихъ обѣщаній, то всего лучше цѣну имъ знаютъ въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ ни одно обѣщаніе доселѣ не исполнено, гдѣ тяжелые турецкіе налоги остались не только безъ измѣненія, но еще увеличены, такъ что положеніе народа еще тяжеле, чѣмъ при туркахъ. Довольно сказать, что народъ жалѣетъ о временахъ турецкаго владычества. Особенно печально положеніе *православнаго сербскаго народа* въ Босніи («*Застава*» № 51).

Не менѣе оно печально и въ Венгріи, гдѣ «наименованный» патріархъ Анджеличъ творитъ всяческія беззаконія. Въ газетѣ «*Застава*» приведено любопытное посланіе къ Анджеличу четырехъ священниковъ, въ которомъ они перечисляютъ всѣ его пороки и преступленія и доказываютъ, что нѣтъ ни одного серба въ Венгріи, который бы не презиралъ и не ненавидѣлъ его («*Застава*» № 66 и слѣд.). На сколько почтенна личность этого «патріарха», достаточно видно изъ того, что онъ чуть не открыто держитъ нѣсколько любовницъ! Отъ коммисіи церковнаго сбора, засѣдающей въ Карловицахъ, онъ скрывается въ другое мѣстечко, созванію собора противится, рѣшеній коммисіи не признаетъ. Немудрено, что у такого «патріарха» и духовенство не лучше, а этимъ объясняется развитіе *ереси назаренства*, отрицающей церковную іерархію и поклоненіе въ храмахъ. Нашлись люди, полагающіе, что ересь эта развивается потому, что народъ не понимаетъ церковно-славянскаго языка и что нужно поэтому послѣдній замѣнить народнымъ сербскимъ. Но «Застава» въ № 59 справедливо осуждаетъ такое объясненіе, доказываетъ важность и понятность церковно-славянскаго языка и объясняетъ невѣжество народа только тѣмъ, что духовенство не учитъ народъ вѣрѣ. А какъ оно будетъ учить, пока Анджеличъ патріархомъ. И потому «Застава» громитъ этого величайшаго врага сербства, она не находитъ достаточныхъ словъ, чтобы выразить ему все свое негодованіе и презрѣніе (см. № 76 этой газеты).

Мадьяризація и германизація славянъ въ Австріи идетъ своимъ чередомъ. Венгерское правительство выписало изъ Буковины мадьярское племя чанговъ, которыми и заселяетъ одну плодородную равнину, занятую сербами, послѣднимъ же предлагаетъ значительныя деньги за поселеніе ихъ въ другихъ мѣстахъ Венгріи. (*Застава*, *№ 67*).

Сербская интеллигенція, нѣкогда стойкая въ борьбѣ за права сербскаго народа, теперь мало дѣлаетъ на этомъ поприщѣ. Еще въ 1875 году Свѣтозаръ Милетичъ въ «Заставѣ» и Іованъ Павловичъ въ «Граничарѣ» жаловались на пассивное отношеніе сербской интеллигенціи къ выборамъ, на ея слишкомъ большую приверженность къ выгодамъ правительственной службы. Такія же жалобы и упреки слышны и теперь (см. «Застава» № 68). Такъ «Драшков Рабош» въ № 61 отъ 2 апрѣля въ статьѣ о сербской «Матицѣ» указываетъ вполнѣ основательно, что «Матица» не исполняетъ, какъ слѣдуетъ, своей просвѣтительской задачи: издаваемыя ею книги слишкомъ дороги и потому недоступны массѣ сербскаго народа, чѣмъ пользуются враги народа и снабжаютъ его дешевой, но отравляющей духовной пищей. Въ томъ же «Драшковомъ Рабошѣ» помѣщена прекрасная статья объ Иванѣ Сергѣевичѣ Аксаковѣ подъ именемъ надгробной рѣчи «Игумена Стефана». Самъ воевода Драшко, въ прочувствованной рѣчи, въ великій пятокъ вспоминаетъ о

временахъ славы сербскаго царства, отъ которой теперь, увы, ничего не осталось, кромѣ горя да народныхъ измѣнниковъ; пришли такія времена для сербства, когда приходится защищать дорогое достояніе— кириллицу, противъ коей воздвигнуто въ Далмаціи настоящее гоненіе. Тамъ же находимъ два анекдота о напреднякахъ— «налимовцахъ», какъ ихъ величаетъ Драшко. Встрѣчается Гарашанинъ съ своимъ недавнимъ другомъ, а теперь врагомъ,—Пирочанцомъ. Побесѣдовали весьма крупно, такъ что Гарашанинъ наконецъ сказалъ: Ты черный воронъ! — А! я черный воронъ! Такъ берегись же, знаешь, вѣдь, что вороны питаются стервятиной! Другой анекдотъ: одинъ напреднякъ, восхваляя министерство Гарашанина, сравнилъ его съ Ноевымъ ковчегомъ, переполненнымъ всякой благодати Божіей. — Жаль, что онъ переполненъ, отвѣчалъ ему нѣкій либералъ, и что всякой скотинѣ нашлось тамъ мѣсто, а то они могли бы для дополненія и тебя посадить въ тотъ ковчегъ. Между королемъ Миланомъ и кн. Николаемъ воевода Драшко нашелъ, между прочимъ, такое различіе: князь Николай пишетъ драмы, а король Миланъ ставитъ комедіи. Та-же газета восторженно привѣтствуетъ обращеніе въ православіе редактора «Parlamentär'a»—доктора Живнаго и его друзей; это дѣйствіе она считаетъ высоко самоотверженнымъ, ибо въ Австріи оно считается чуть-ли не государственной измѣной (см. №№ 62 и 63).

Въ Далмаціи, по сообщенію «Сербскаго Листа», основано славянское политическое общество. Оно образовалось въ Сплетѣ и уставъ его, о которомъ мы скажемъ подробнѣе въ слѣдующемъ № «Извѣстій», уже утвержденъ правительствомъ. Главная цѣль этого общества — заботиться объ охраненіи и развитіи сербской народности и языка. «Драшков Рабош» не забылъ и о галицкихъ пожарахъ и безпорядкахъ, говоря о которыхъ, мы не можемъ забыть ловкую продѣлку австрійскихъ жидовъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Незадолго до Пасхи въ вѣнскихъ и пештскихъ газетахъ стали появляться разные туманные слухи и намеки о какой-то таинственной опасности, угрожающей государству. Мнимая опасность шла изъ Галиціи: народъ тамъ, говорили эти газеты, крайне взволнованъ и готовится къ возстанію. Министерство изумилось. Какъ такъ? Готовится возстаніе, а оно, министерство, ничего объ этомъ не знаетъ. Посылаютъ туда - сюда узнать, въ чемъ дѣло, но перепуганныя вопросами мѣстныя власти говорятъ, что все спокойно, ничего опасаться нельзя, и министерство успокаивается. Но вотъ въ сообщеніяхъ газетъ, вмѣсто неясныхъ и туманныхъ намековъ, появляются уже болѣе или менѣе опредѣленныя указанія на виновниковъ предполагаемаго возстанія въ Галиціи. Кто-же эти виновники? *Панславиcты*! Вотъ слово страшное для Венгріи и мадьяръ, такое слово, что самому безстрашному Тиссѣ не даетъ спать спокойно. Министерство снова переполошилось, въ этотъ разъ уже совсѣмъ не на шутку. Полетѣли депеши, предписанія, разспросы. Полицію подняли на ноги, двинули войска, похватали нѣсколькихъ бѣднягъ-крестьянъ и упрятали ихъ на всякій случай въ тюрьму. Между тѣмъ, газеты все подливали масла въ огонь и за грознымъ призракомъ панславистовъ всталъ другой еще болѣе грозный призракъ—*Россія!* Да, ни больше, ни меньше какъ Россія! Она бунтуетъ галицкихъ крестьянъ, это все ея штуки, ея происки. И мѣстныя власти изъ кожи лѣзли вонъ, чтобы открыть хоть что-нибудь въ этомъ родѣ. Но увы! Искали и не находили. Спокойствіе продолжалось, народъ не возставалъ, полиція взирала всюду бдительнымъ окомъ, войска ждали, что вотъ-вотъ заставятъ ихъ усмирять «хлоповъ». А между тѣмъ все и вся, начиная съ министерства и кончая послѣднимъ солдатомъ и городовымъ, были нагло одурачены. Въ чемъ же секретъ? Какъ открыть тайну? Какъ ни старательно она закутана, но раскутать можно. Вотъ въ чемъ дѣло. Въ Галиціи пропасть жидовъ. Тамъ Израиль сидитъ въ безчисленныхъ шинкахъ и корчмахъ и опаиваетъ водкой народъ. Съ тѣхъ поръ, какъ часть его переселилась изъ Россіи послѣ недавнихъ погромовъ, жидовъ развелось тамъ такъ много, что народу стало не втерпежъ. Чаша терпѣнія переполнилась. До какой изобрѣтательности дошли они въ своихъ «шпекуляціяхъ», видно изъ слѣдующаго примѣра. Нанимаетъ жидъ 300—400 ра-

бочихъ; за работу онъ берется ихъ кормить и выдавать мѣсячину. Затѣмъ онъ ведетъ этихъ рабочихъ къ помѣщику или купцу, они работаютъ тамъ, а жидъ заработную плату кладетъ себѣ въ карманъ. Мѣсячину выдаетъ рабочимъ водкой и обыкновенно часть впередъ, такъ что рабочіе всегда у него въ долгу. Вотъ такими то мѣрами доведя народъ до отчаянія, жиды почувствовали, что дѣло плохо, что они могутъ пострадать. Но какъ отвратить грядущую опасность? Какъ бы заручиться на всякій случай содѣйствіемъ полиціи и войска? Но имъ не хотѣлось предъ всѣми открыть истину. Какъ сознаться, что грядущіе безпорядки направлены противъ нихъ? А возбужденіе еврейскаго вопроса, пожалуй, привело бы къ ограниченіямъ еврейскихъ правъ. Вотъ жиды и придумали ловкое средство—ввести на сцену призракъ панславизма и русскую интригу. «Pesther Lloyd» и «Neue Freie Presse» стали писаться въ этомъ направленіи, и еврейская продѣлка удалась какъ нельзя лучше. Высокоумные и проницательные государственные люди Венгріи остались одураченными. (*«Застава»* № 59).

Еще нѣсколько словъ *о Болгаріи*. Въ первый день Пасхи Шакиръ-паша передалъ князю Александру фирманъ, въ силу котораго князь назначается генералъ-губернаторомъ В. Румеліи. Такимъ образомъ, князь обратился въ турецкаго пашу. Въ В. Румеліи крайне недовольны этимъ и выборы въ народное собраніе показали, что оппозиція весьма сильна. Но правительство паши-Баттенберга этимъ не смущалось и примѣнило систему устрашенія не хуже Гарашаниновской. (*Застава* № 58). Газета *«Hrvatska»* въ № 70 сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о болгарскихъ партіяхъ. Первая партія—*консерваторы*. Это любимцы князя. Образъ ихъ дѣйствій—государственные перевороты и распущенія народныхъ собраній въ народѣ не пользуются сочувствіемъ. Противники конституціи и утверждаютъ, что народъ ея не хотѣлъ. Всѣ хорошо нажились на службѣ: лучшіе дома въ Софіи принадлежатъ имъ. Главные виновники теперешняго раздора съ Россіей - по профессіямъ—все врачи, адвокаты и чиновники. Изъ нихъ выдаются: Стоиловъ, Грековъ, Начовичъ, Вулковичъ. Газеты своей эта партія уже съ годъ какъ не имѣетъ. Вторая партія — *лже-либералы*, иначе *Цанковисты*. Они требуютъ пересмотра конституціи, съ цѣлью ограниченія свободы. Цанковъ, будучи во главѣ правительства, удалялъ изъ Болгаріи русскихъ генераловъ. Теперь онъ стоитъ за русскую оккупацію изъ ненависти къ господствующей партіи. Цанковисты противились объединенію Болгаріи. Враждебно относясь къ князю, они располагаютъ 20—25 голосами въ народн. собраніи. По профессіямъ: адвокаты, учителя, священники. Выдаются: Цанковъ, Балабановъ, Сарафовъ, Поменовъ, Моловъ. Третья партія—*либералы* - господствующая. Сторонники теперешней конституціи и враги чужеземнаго, особенно русскаго вліянія. Имѣютъ въ собраніи 150 голосовъ. Выдаются: Каравеловъ, Славейковъ, Стамбуловъ, Родославовъ, Иванчовъ. Партія издаетъ газету «Търновская Конституція», «Славянинъ» и «Зоря» (въ Силистріи). Что касается *радикаловъ*, то это не партія, а группа, держащаяся той же программы. Это самые ярые враги Россіи. Выдаются: Зах. Стояновъ, Петковъ и Ризовъ. Издаютъ газету «Независимость».

Оппозиція, въ лицѣ своихъ печатныхъ органовъ—газетъ *«Свѣтлина»* и *«Соединеніе»* открыто требуетъ русской оккупаціи. *«Търновская Конституція»* (№ 27) возмущается этимъ и совѣтуетъ болгарскому народу брать примѣръ съ Сербіи, гдѣ народъ, не смотря на всѣ страданія, претерпѣваемыя отъ правительства, не взываетъ однако къ иностранной оккупаціи. Газета сама не сознаетъ, какою жестокою ироніею дышетъ этотъ совѣтъ. Газета *«Застава»* сообщаетъ въ № 60, будто на послѣднихъ совѣщаніяхъ русскихъ пословъ въ Ливадіи доказано неопровержимыми данными, что князь Александръ обѣщалъ Турціи пропустить ея войска чрезъ Болгарію въ случаѣ войны Турціи съ Греціею. Паша-Баттенбергъ мечтаетъ скоро провозгласить себя королемъ и недавно объѣзжалъ съ Каравеловымъ В. Румелію. Каравелова въ одномъ городѣ прибили. Для встрѣчи князя полиція приготовляла тріумфальная арки и сгоняла народъ. По свѣдѣніямъ *«Търновской Конституціи»* (№ 25), князя повсюду встрѣчали восторженно, но оппозиціонныя га-

зеты говорятъ совсѣмъ другое. Во всякомъ случаѣ на выборахъ правительственная партія взяла верхъ, такъ что на народномъ собраніи будетъ имѣть подавляющее большинство.

Д. И—скій.

Болгарская печать и жизнь.

Нравственный обликъ покровителей молодежи и новыя клеветы на Россію.—Временная тактика «Търновской Конституціи» и народныя чувства къ Россіи. — Выборы въ народное собраніе. — Нѣсколько статистическихъ данныхъ о Южной Болгаріи.

Въ прошломъ обзорѣ болгарской печати мы уже имѣли случай познакомить читателей съ болгарскою газетою «Независимость», привели ея программу и указали на способъ ея выполненія; тогда же мы говорили, что она имѣетъ цѣлую тройку редакторовъ, которые составляютъ свой особый кружокъ. На что же, спрашивается, опирается этотъ кружокъ, гдѣ онъ старается найти себѣ поддержку и каково его вліяніе на страну? Отвѣтъ на эти вопросы мы находимъ въ послѣднихъ №№ газеты.

«Независимость» мутитъ и развращаетъ учащуюся болгарскую молодежь, впуская въ нее свои растлѣвающіе корни, она и думаетъ удержаться на этой довольно-таки зыбкой почвѣ. Она выдаетъ себя за покровительницу этой «слабой» молодежи, которую притѣсняютъ «сильные» учителя. Подъ свою высокую руку беретъ она эту молодежь и каждая телеграмма и корреспонденція отъ ученика принимается съ распростертыми объятіями, особенно, если тамъ ругается что-либо русское. Гимназисты являются даже источникомъ, откуда черпаются свѣдѣнія объ общественныхъ дѣлахъ (№ 14, стр. 1). Наскучили какому-то шестикласснику уроки, да и праздникъ пришелся, садится онъ и пишетъ въ «Независимость», что учитель-де отобралъ у учениковъ, «пріятельски» читавшихъ во время урока «нѣколко броя отъ «Независимость», а другой «учителя—Бешковъ—продължава (о великое преступленіе!) по своему да учи ученици-тѣ повече-то (по большей части) на русски пѣсни, чрѣзъ които вселява въ ученици-тѣ любовь-та къмъ (къ) официялна Русия», говоря объ избавленіи болгарскаго народа русской плотью и кровью. «Ето (вотъ) такъвъ е плода отъ наши-тѣ просвѣтители»! вопіетъ съ негодованіемъ «тройка» редакторовъ вслѣдъ за шестиклассникомъ. Понятно, что принимаемыя съ такими объятіями телеграммы и корреспонденціи о притѣсненіяхъ учениковъ оказываются далеко не всегда заслуживающими довѣрія. А какими замѣчаніями редакціи сопровождаются они!

«Мы привѣтствуемъ пловдивскихъ и варненскихъ учениковъ за этотъ ихъ благородный поступокъ», говорятъ гг. редакторы, приводя посланныя министру гимназистами телеграммы съ просьбою за исключенныхъ вслѣдствіе принадлежности къ политическимъ партіямъ ломскихъ гимназистовъ. «А ломскимъ ученикамъ мы предлагаемъ слѣдующій рецептъ: пусть они опозорятъ публично виновника своихъ несчастій г. Бочеварова (директоръ Ломской гимназіи), осыпавъ его плевками; если дѣло приметъ полицейскій оборотъ, то пусть идутъ на крайность, не забывая спасительнаго болгарскаго *боя*... *) Это лекарство очень радикально по своему составу, но за то радикально и по своимъ результатамъ». Гг. редакторы знаютъ это по опыту: «мы его практиковали въ 1873 г. въ Пловдивѣ съ однимъ изъ учителей и оно дало великолѣпные результаты: черезъ 3 дня учитель былъ замѣщенъ новымъ»! («Незав.», № 14, стр. 4). Характерно для руководителей и просвѣтителей общества! Блестяща должна быть будущность страны, воспитываемой такими руководителями! Къ счастію, въ Болгаріи еще есть молодежь, которой противны «такива цѣрове (лѣкарства), като (какъ) «*прогрессивни-тѣ*», «*български бой*» и «*хуманна-та*» тояга (палка)» и которая открыто заявляетъ, что она совсѣмъ не причастна тѣмъ прошеніямъ, которыя отъ ея имени печатаются на страницахъ гостепріимной «Независимости» («Т. К.» № 28, стр. 3). А какъ высока нравственная сторона этихъ руководителей болгарскаго общества и молодежи! «Нигилизмъ, радикализмъ, *православіе*, *вѣра*», гремитъ З. Стояновъ со страницъ своей «Незави-

---

*) Курсивъ подлинника.

симости», «не дѣлаютъ денегъ, не волнуютъ, не увлекаютъ, не создаютъ. Подъ ихъ знаменемъ собираются только тѣ, которые стоятъ одной ногой въ могилѣ, у которыхъ мозгъ пересталъ работать ужъ 20 лѣтъ тому назадъ» (№ 16, стр. 2). Бѣдная Болгарія, куда-то ты придешь съ такими руководителями?! А вѣдь эти руководители пользуются уваженіемъ, довѣріемъ народнымъ, имена ихъ читаемъ среди выбранныхъ представителей въ народное собраніе: Стояновъ выбранъ въ Пловдивѣ, а Ризовъ въ Чирпанѣ. Впрочемъ, чего это имъ и стоило! Они пыхтѣли, собирали всѣ силы, не брезгуя никакими средствами; трубили о себѣ на всѣхъ путяхъ и распутіяхъ, весьма скромно и непринужденно заявляя: «ний сме» (мы есьмы), *съ солидно* *) образованіе човѣкъ», искали повсюду, за неимѣніемъ русскихъ даже и черногорцевъ, чтобы обвинить ихъ, затоптать въ грязь, объявить бунтовщиками; то клеветали повсюду на Россію и русскихъ, то вопили на митингахъ «за да се устано вятъ и подобрятъ отношення-та на България съ освободителка-та Русия» **). Въ чемъ только не обвиняли Россію! «Гирсъ и русская дипломатія» — вопили они, — «ихъ агенты, ихъ *звонкая*, съ помощью нѣсколькихъ нашихъ черныхъ душъ — они сѣютъ революціонныя сѣмена въ Болгаріи, они волнуютъ и интригуютъ» и тутъ же прикрывались передъ народомъ любовью къ Россіи, говоря о русской дипломатіи: «ихъ орудіе — *святое имя русское*, которое они безчестятъ, съ которымъ они имѣютъ столько же общаго, на сколько народная воля въ Персіи является верховнымъ владыкою въ странѣ» (№ 15). Русскіе вошли, по ихъ словамъ, въ сношенія съ Цанковымъ и получили отъ него «положительныя обѣщанія, что онъ будетъ стараться объ осуществленіи русской оккупаціи (13). Напослѣдокъ, наканунѣ самыхъ выборовъ, они кричали: «Наконецъ интриги, дѣла и происки нашихъ *покровителей* ***) начали выходить на свѣтъ Божій. Препятствія и пакости, которыя они причиняли дѣлу соединенія, интриги, которыя заводили среди другихъ державъ, не помогли имъ нисколько. Старались они взбунтовать населеніе, не удалось. Пытались устраивать митинги—и тутъ ударились о камень. Въ концѣ концевъ прибѣгли къ средству, насколько подлому, настолько и позорному для чести державы— средство это было слѣдующее: образовали *шайку* съ цѣлію схватить живымъ или убить князя, чтобы этимъ способомъ произвести революцію и послѣ того вызвать русскую оккупацію. Во главѣ этой шайки были нѣкто *русскій капитанъ Набоковъ и черногорцы* *) съ разными другими личностями изъ лжесоединистовъ и цанковистовъ, которые давно рѣшились на продажу своего отечества. И когда эта шайка была уже схвачена и арестована, то *покровительный русскій консулъ* отправился протестовать противъ ареста и требовать ихъ освобожденія у правительства. Таковы-то *покровители и доброжелатели* болгарскаго народа!» Русскіе подкупали Гешовцевъ разослать вездѣ агентовъ, чтобы тѣ убѣждали населеніе избирать представителями людей, которые имѣли-бы цѣлью улучшеніе отношеній Болгаріи къ Россіи, и покровительствовали цанковцамъ, говорила эта тройка и кричала: «мы совѣтуемъ населенію Ю. Болгаріи не руководиться умами этихъ людей, которые являются просто *проводниками* чужихъ русскихъ идей. Не слушайте этихъ предателей отечества! Не слушайте этихъ алкателей власти, которые продадутъ и васъ и вашу независимость»... (№ 11, стр. 2). «Наши братья во Ѳракіи должны открыть глаза. Они должны доказать русскимъ агентамъ, которые, съ цѣлью разрушенія всего дѣла, сыплютъ во Ѳракіи рублями, — что интересы отечества, его честь и его общее соединеніе имъ въ милліонъ разъ милѣе частныхъ интересовъ нѣсколькихъ проголодавшихся бывшихъ директоровъ... Они должны избрать людей, которые бы поддержали народное дѣло объединенія. Дилемма ясна: *сохранить ли честь отечества, болгарскаго народа или интересы нѣсколькихъ лицъ, которыя дни*

*) Курсивъ подлинника. «Незав.», 14, стр. 2.
**) Протоколъ Рущукскаго митинга 30 апр. См. «Незав.», 16, стр. 3.
***) Курсивъ подлинника.

*) Курсивъ подлинника. Незав. № 17 отъ 10 мая.

ствуютъ по побужденію русскихъ интригъ» *). Мало того, мало этихъ клеветъ на оффиціальную Россію, тройка и «иже съ нею», пыталась доказать, что и остальная-то Русь тоже не лучше. Разсказывали о русскихъ невозможныя вещи: въ Браиловѣде на русскомъ пароходѣ надсмѣялись надъ выдающимися болгарскими гражданами и священникомъ, пришедшими привѣтствовать первый въ этомъ году вступившій въ Дунай пароходъ. Въ Рущукѣ помощникъ капитана того-же парохода «Русь» оскорбилъ пришедшихъ поздравить съ благополучнымъ прибытіемъ болгарскихъ офицеровъ, а въ Свищовѣ русскій учитель, обманувъ священника, сдѣлалъ изъ молебна посмѣщище по прибытіи того же парохода, заявивъ, что «братушки» служатъ молебенъ русскому флагу. «Значитъ дѣло идетъ впередъ! Братскія узы усилятся, австрійцы погибнутъ, славянство будетъ цвѣсти. Многіе увѣряютъ, что цѣль русскихъ пароходовъ бунтовщическая. Покрайней мѣрѣ факты подтверждаютъ это. Хорошо, если бы мы ошибались», заканчиваетъ свое баснословное повѣствованіе рущукскій *дописникъ* «Независимости» (№ 15, стр. 3). И все это говорится, прикрываясь отъ народа заявленіями о святости русскаго имени (№ 15), требованіями «да положатъ сгрупиранитѣ партии всички усилия, както намѣрятъ (найти) за добрѣ, за да се установятъ и подобрятъ отношеніята на България съ Освободителка та Руссия». (№ 16, стр. 3).

«Търновска Конституція», органъ Каравелова, какъ мы говорили, измѣнила свой образъ дѣйствій, принявъ нѣсколько благообразный видъ. Изъ положенія нападающей со времени выступленія «Независимости» она перешла къ самозащитѣ: въ охлажденіи Россіи правительство не виновато, политика Россіи не искренна и въ дѣйствительности она едва-ли желаетъ добра болгарскому народу. На страницахъ ея дается мѣсто и голосу сочувствія Россіи. «Българскій народъ отъ всей души привязанъ къ своей Освободительницѣ», гласитъ телеграмма изъ Разграда, напечатанная въ № 24. «Противъ русскихъ не было ни одного болгарина, и никто изъ насъ не противъ русскихъ. Мы любимъ русскихъ, благодарны имъ и почитаемъ, какъ отцовъ, говорилъ по сообщенію «Т. К.» и *не*цанковецъ на митингѣ въ Софіи (№ 14, стр. 2). Не скрываются тѣ святыя чувства, которыя вдохновляютъ русскихъ къ своей страдающей братьѣ болгарской: цѣликомъ приводится письмо, которое послалъ съ пожертвованіемъ въ пользу раненыхъ «единъ отъ най добритѣ и способни русски офицери». На долго-ли только это? не до окончанія ли выборовъ? Уже въ № отъ 13 мая «Подлистникъ» звучитъ въ иную ноту.

Во всякомъ случаѣ эти, мелькомъ проскальзывающія въ «Т К» голоса изъ самаго народа, эти въ самой «Т. К.» сообщаемыя подъ часъ свѣдѣнія объ удачѣ цанковцевъ на митингахъ, все это, вмѣстѣ взятое, бросаетъ свѣтъ на чувства самаго народа и послѣ этого получаютъ весьма большую вѣроятность извѣстія изъ Болгаріи, встрѣчаемыя въ чешскихъ «Нáродныхъ Листахъ», которые сообщаютъ о многочисленныхъ митингахъ по всей Болгаріи, на которыхъ была осуждена политика нынѣшняго правительства, прервавшая связи съ Освободительницей, хотя «Независимость» и «Търновска Конституція» и говорятъ о постоянныхъ неудачахъ цанковцевъ (см. прилож. «Нáр. Лист.» № 142, 145). Невольно послѣ этого не имѣешь повода не довѣрять и извѣстіямъ, которыя приводятся «Нáродными Листами» и о путешествіи князя по Южной Болгаріи.

«Александру Баттенбергу, новому турецкому губернатору Восточной Румеліи, населеніе этой провинціи устроило нѣсколько весьма непріятныхъ неожиданностей, заявляющихъ о недовольствѣ жителей его политикою. Въ *Клиссурѣ* поставили ему торжественныя ворота, на которыхъ красовалась надпись: «Боже, царя храни и князя соблюди!» Вошли въ храмъ, гдѣ священникъ громко молился «за Государя Императора Всероссійскаго, болгарскаго покровителя и хранителя». Когда князь прибылъ въ *Карлово*, какой-то молодой человѣкъ, по имени Еленковъ, закричалъ изъ среды представителей. «Да здравствуетъ Россія! Долой правительство!» Люди изъ свиты турецкаго генералъ-губернатора бросились на него и избили. Когда раненаго уводили, представители

*) Курсивъ подлинника, № 16, стр. 1.

кричали: «Да здравствуетъ Россія и русскій царь!» Въ *Пловдивѣ* жители совсѣмъ не вышли на встрѣчу князя, кромѣ нѣкоторыхъ чиновниковъ. Въ *Татаръ-Базарджикѣ* Каравеловъ хотѣлъ говорить къ народу и защищать правительство противъ обвиненія во враждѣ къ Россіи. Когда онъ сказалъ: «Вѣдь и я воспитанникъ Россіи, гдѣ прожилъ цѣлыхъ 17 лѣтъ, какъ-же я могу быть ненавистникомъ русскихъ», какой-то крестьянинъ изъ среды представителей замѣтилъ: «и сатана сначала былъ въ раю, а все-таки возсталъ противъ Бога». Каравеловъ хотѣлъ говорить далѣе, но представители прервали его криками: «Долой правительство!»

Отмѣчая эти неудовольствія, которыя день ото дня все ростутъ около Батенберга, заключаютъ Нáродни Листы, «мы совершенно не вѣримъ извѣстію о заговорѣ, который, по словамъ, былъ открытъ въ Бургасѣ и имѣлъ цѣлію убить Александра. Мы при этомъ ссылаемся на одинъ надежный источникъ славянскихъ свѣдѣній, который до сихъ поръ не упомянулъ объ этомъ заговорѣ. Потому намъ кажется, что передъ нами простой маневръ, цѣль котораго помочь князю и Каравелову во время выборовъ въ виду потери ими народнаго расположенія». (Прилож. къ № 146).

«Правительство, чтобы удержать въ уздѣ безпокойный народъ южной Болгаріи посылаетъ туда своихъ надежнѣйшихъ чиновниковъ изъ сѣверной Болгаріи, которые дѣйствуютъ весьма сурово. Они съ большою охотою дѣйствуютъ противъ безпокойствъ силою. Сыщики и тайная полиція съ полнымъ знаніемъ дѣла исполняютъ свои обязанности, которыя наложило на нихъ правительство князя Александра. Южно-болгарскіе чиновники или смѣняются или переводятся въ сѣверную Болгарію. Всякій, произнесшій о Россіи справедливое слово, подвергается преслѣдованіямъ сторонниковъ правительства». (Прилож. къ № 140).

«Хрватска», бывшая «Слобода» говоритъ: «весь болгарскій народъ за Россію; за князя только «интеллигенція» и «молодые болгары». Такимъ образомъ, какъ только дойдетъ до живаго, князь погибнетъ и Россія выиграетъ». Хрв. № 83.

«Таково настроеніе болгарскаго народа передъ выборами въ народное собраніе», говорятъ «Нáродни Листы» отъ 3 мая «Личная агитація Александра въ Восточной Румеліи немного принесла пользы... При всемъ томъ мы не хотимъ предсказывать, что князю Александру не удастся получить въ народномъ собраніи большинства. Болгары еще новички въ конституціонной жизни, они еще незнакомы со всѣми утонченными способами, какими правительство пользуется, толкуетъ волю народа, и дѣлаетъ правительственныхъ представителей, а потому и едва-ли не попадутся на удочку. Но если князь Александръ, пользуясь правительственной силою и вліяніемъ, и обезпечилъ себѣ большинство, этимъ онъ не удаляетъ причины къ смутѣ, которую произвела его политика, но даетъ ей еще болѣе пищи» (№ 134). Дѣйствительно, правительственной партіи удалось получить на выборахъ 11 и 18 мая большинство, но, понятно при такомъ настроеніи народа, они не могли пройти тихо. Въ одномъ округѣ, вслѣдствіе безпорядковъ, выборы не состоялись. Изъ 89 избранныхъ представителей 10 враждебны правительству, 20 не имѣютъ опредѣленной окраски, а остальные благопріятны правительству. Во время выборовъ произошли во многихъ мѣстахъ безпорядки. Въ Новой Загорѣ дѣло дошло до военнаго вмѣшательства, жертвою котораго были 7 раненыхъ и 8 убитыхъ, между послѣдними былъ и офицеръ, командовавшій ротою. Описаніе въ Т. К. смерти этого офицера проливаетъ значительный свѣтъ, на обстановку этихъ выборовъ: «послѣ (?!) избранія бюро въ Новой Загорѣ предсѣдатель двумя письмами, отправленными одно за другимъ. сообщилъ околійскому начальнику, что между избирателями есть нѣсколько лицъ, которыя производятъ въ залѣ выборовъ и внѣ ея такія смуты, которыя кроютъ въ себѣ очень опасные замыслы и просилъ устранить возмутителей. Но прошло не мало времени и предсѣдатель пошелъ самъ къ начальнику въ околійское управленіе и устно потребовалъ полицейской и военной помощи для водворенія тишины на мѣстѣ выборовъ, гдѣ волненія и смущенія приняли уже угрожающій видъ. Было отправлено нѣсколько солдатъ и стражниковъ. Какъ только явились солдаты и

стражники, взволнованная толпа встрѣтила ихъ криками: «долой правительство! долой князя! ура!» и въ солдатъ полетѣли дрова и каменья. Начальникъ и поручикъ вышли поспѣшно изъ управленія, поручикъ далъ своей ротѣ сигналъ къ тревогѣ; разъяренная толпа загородила дорогу ротѣ и *одинъ* изъ толпы тяжело ранилъ въ грудь поручика Сербезова. «Стрѣлять»! — было послѣдней командой поручика и онъ палъ мертвымъ на землю. Рота послѣ успѣла разогнать толпу и поймать убійцъ капитана Сербезова. Убійцы *два* брата: Славо и Георгій Камбуровы». Такъ описывается это въ правительственномъ органѣ, а и то недурная картинка выборовъ.

Опредѣленіе числа представителей вызвало напечатаніе въ Державномъ Вѣстникѣ статистическихъ свѣдѣній о народонаселеніи южной Болгаріи. Считаемъ не лишнимъ познакомить читателей съ важнѣйшими изъ нихъ. Южная Болгарія по переписи къ 1 января 1885 года имѣла всего 942,680 человѣкъ, изъ которыхъ 476,462 насчитывается мужчинъ и 466,218 женщинъ. По 6 округамъ народонаселеніе это распредѣляется такимъ образомъ: Пловдивскій: мужчинъ 113,598, женщ. 112,657, всего 226,255, Татаръ-Базарджикскій: мужчинъ 66,491, женщинъ 65,284, всего 131,775; Хасковскій: мужчинъ 62,505, женщинъ 59,590, всего 122,095; Старо-Загорскій: мужчинъ 97,262, женщинъ 78,080, всего 194,441, Сливенскій: мужчинъ 78,249. женщинъ 78,080, всего 156,329 чел. Бургасскій: мужчинъ 58,357, женщинъ 53,428, всего 111,785 человѣкъ.

Н. Ш.

Изъ чешской печати и жизни.

Словинцы и чехи.—Чувства чеховъ по поводу увлеченія русской литературой во Франціи и воскрешенія черноморскаго флота.—Переходъ въ православіе д-ра Живнаго.—«Извѣстія» въ чешской печати. — «Ческослованска́ Еднота в Празѣ».

«Блестящее доказательство славянской взаимности», пишетъ словенскій вѣстникъ «Слова́н», «далъ намъ банкъ «Славія»: именно общее собраніе его въ этомъ году назначило пособія «Слове́нскему писа́тельскему дру́жству въ Люблянн» 200 гульденовъ и «Дружбѣ св. Цирила пн Метода въ Люблянн» 300 гульденовъ». (Слова́н, № 11). Дѣйствительно, сознаніе славянскаго единства все болѣе и болѣе растетъ въ чешскомъ народѣ: мы имѣли уже не мало случаевъ приводить доказательства этому на страницахъ «Извѣстій», а не далѣе какъ въ прошломъ номерѣ упоминали о «школѣ славянскихъ языковъ Машка («Машкова школа слованских языков»). Школу эту рѣшило открыть 30 января настоящаго года общее собраніе педагогическаго общества (Педагогицке́ едноты) въ память славянскаго педагога Яна Машка. Число посѣщающихъ школу постоянно увеличивается. Въ школѣ изучаютъ между прочимъ и словинскій языкъ, который преподаетъ безплатно Янъ Лего. Уроки даются каждый вторникъ отъ 6 до 8 часовъ вечера (Нар. Л. № 123). Начало было довольно удачное: между слушателями оказалось 37 чешскихъ учителей и 33 учительницы. Г. Лего старается всесторонне познакомить своихъ слушателей со словинцами; такъ, между прочимъ 6 мая въ Машковой школѣ прочитана была имъ лекція о «характеристикѣ словинскаго народа». Нисколько поэтому не удивительно, что чехи усердно слѣдятъ и за русскою литературою и жизнью. Съ какою любовью и радостью отмѣчаютъ На́родни Листы, что «русская литература во Франціи торжествуетъ теперь надъ самою французскою литературою». Въ виду всеславянскаго интереса этого вопроса позволю себѣ привести слѣдующее за этимъ мѣсто изъ На́родных Листо́в (Приложеніе къ № 153): «Имена Гоголя, Достоевскаго, Толстаго и Тургенева стали популярнѣе самыхъ звучныхъ именъ англійскихъ, которымъ до сихъ поръ давали французы первое мѣсто. Сарсэ пишетъ объ этомъ въ «Annales politiques»: «Не безъ боязливой-ли нѣкоторой меланхоліи слѣдуетъ смотрѣть на этотъ успѣхъ у насъ, впрочемъ, вполнѣ заслуженный успѣхъ, русскаго искусства и литературы? Съ сѣвера идетъ къ намъ свѣтъ. Это проникновеніе русскаго искусства обнаруживается множествомъ признаковъ, возбуждающихъ въ людяхъ

прозорливыхъ справедливое опасеніе за побѣдную пальму интеллектуальнаго преимущества французовъ. Русскіе романы пользуются у насъ такою славою, какую имѣли нѣкогда въ Петербургѣ романы Бальзака, а теперь Золя. Не повѣрите, съ какою жадностью читаютъ теперь парижане, а особенно парижанки, романы Толстаго и Достоевскаго. Это ужасно»! Французскій критикъ признаетъ, что это увлеченіе не слѣпо, оно опирается на дѣйствительное превосходство русскихъ романовъ. Сарсэ кончаетъ свою статью такъ: «И такъ, русскій романъ пересаженъ къ намъ! Я убѣжденъ, что и русскіе драматическія произведенія отличаются необычайной оригинальностью и что скоро увидимъ въ Парижѣ и русскія театральныя пьесы, а пріятель-композиторъ уже давно говорилъ мнѣ: «Увидите, что черезъ двадцать лѣтъ въ Парижѣ будутъ играть только русскія оперы! Россія – резервуаръ прекрасныхъ мелодій и замѣчательныхъ голосовъ». Вся Европа будетъ черпать оттуда. Ахъ, какъ мы удалились отъ того времени, когда императрица Екатерина II преклонялась передъ Вольтеромъ и оказывала поддержку Дидеро! Тогда Франція царила надъ свѣтомъ.» Въ Приложеніи къ № 156 Нáродни Листы говорятъ: «Русская романическая литература нашла кромѣ Сарсэ своего поклонника и въ критикѣ Вогюэ, который въ предисловіи къ книгѣ: о «реальной литературѣ» такъ характеризуетъ французскій и русскій реализмъ. Флоберовъ «Bouvard et Pécouchet», говоритъ онъ, былъ послѣднимъ словомъ реализма безъ вѣры, надежды и любви. Такой реализмъ кончаетъ каррикатурой. И Поль-де-Кокъ является дѣйствительно отцемъ этого каррикатурнаго реализма. Флоберъ и его послѣдователи оставили полную пустоту въ душѣ своихъ читателей. Въ душѣ ихъ не осталось ничего, кромѣ пессимизма. У насъ явились другія нужды, но всѣ наши фонды изсякли. Мы начали одолжаться въ Англіи и Германіи, но скоро опять пришли времена голода и безпріютности. Русскіе явились во время на помощь. Тѣмъ, кто бы стыдился одолжаться у «варваровъ», мы напомнимъ, что человѣчество — широкое взаимно помогающее общество. Въ коранѣ есть прекрасное мѣсто. «На основаніи чего можно узнать, что наступилъ конецъ свѣта?» — «Когда ни одна душа человѣческая не будетъ въ состояніи подать помощь другой»». Итакъ, кончаетъ французскій критикъ, русская душа сдѣлаетъ весьма много для нашей!» Изъ обозрѣнія болгарской печати мы видѣли уже, какъ относятся «Нáродни Листы» къ забвенію славянской мысли, каждое же проявленіе ея привѣтствуется ими съ неподдѣльнымъ восторгомъ. Съ восторгомъ встрѣчено было ими и великое въ исторіи Россіи дѣло воскресенія черноморскаго флота. Въ № 147 «Нáродни Листы» посвящаютъ свою передовую статью этому событію подъ заглавіемъ: «Православны кржиж на хрáму св. Жофіе». Статья такъ хороша, и на столько заслуживаетъ вниманія русской публики, что мы не рѣшаемся сокращать ее или передавать своими словами, а потому приводимъ ее цѣликомъ.

«Выходило солнце 14 мая 1453 года, когда послѣдній царь Византійской имперіи Константинъ вступалъ въ послѣдній разъ въ величественный храмъ св. Софіи въ Цареградѣ, чтобы снова взывать здѣсь къ Богу о побѣдѣ надъ азіатскими варварами, которые ужъ 40 дней громили цареградскія стѣны. Жены, дѣвы и дѣти, которыя искали убѣжища въ святынѣ, соединили свои молитвы съ молитвою послѣдняго царя Византіи. Для того раззвонились колокола величественнаго храма, чтобы созвать на стѣны всѣхъ способныхъ къ бою мужей на послѣднюю оборонительную борьбу... Только черезъ нѣсколько часовъ трескучая музыка и побѣдный крикъ турокъ заглушили гласы колоколъ. Послѣдній Палеологъ и вождь венеціанцевъ Джюстиніани пали, и варвары черезъ проломъ ворвались въ городъ. Въ сопровожденіи своихъ янычаръ въѣхалъ побѣдоносный Махметъ на черномъ конѣ въ храмъ св. Софіи къ самому главному алтарю и сѣкирою снесъ съ него могучій крестъ, произнося громкимъ голосомъ: «Нѣтъ Бога кромѣ Аллаха и Магометъ его пророкъ»!

А между тѣмъ, какъ янычары оскорбляли женщинъ и грабили церковныя сокровища, снятъ былъ крестъ съ вершины гигантскаго купола и водружено

вмѣсто него желтое знамя съ турецкимъ полумѣсяцемъ. Крикъ невыразимой боли вырвался тогда изъ груди всего греко-славянскаго міра; это поруганіе, произведенное надъ его вѣрою варваромъ, осталось незаживимою раною на вѣки; глубокая боль искала вылиться въ народныхъ пѣсняхъ и повѣстяхъ не только югославянъ, румыновъ и грековъ, но и всего православнаго русскаго народа, который со временъ Кирилла и Меѳодія, отъ крещенія вдовы Игоревой, княгини Ольги, въ храмѣ св. Софіи, смотрѣлъ на Царьградъ такъ же, какъ западное христіанство на Римъ. Тамъ пылалъ свѣточъ его вѣры и высшая святыня цареградская была первѣйшей, материнскою святыней его церкви. Что-же удивительнаго въ томъ, что мысль людей и съ теченіемъ времени не могла примириться съ утратою этой своей святыни и притомъ съ такой оскорбительной утратой; что же удивительнаго, что въ русской и юго-славянской пѣснѣ такъ сильно звучала нота вѣры и надежды, что сами магометане были поражены и создали преданіе, что какъ только опять снесутъ христіане полумѣсяцъ со святой Софіи, должны будутъ дѣти Магомета навсегда удалиться въ Азію.

Къ несчастію, злой рокъ вѣками препятствовалъ славянству осуществить горячее желаніе своего сердца. Напрасно императрица Екатерина II убѣждала императора Іосифа II, чтобы онъ въ союзѣ съ нею ударилъ на Турцію, и, подѣливъ съ Россіею земли побалканскія, помогъ бы русскимъ снова водрузить православный крестъ на куполѣ храма св. Софіи. Дѣйствительно, ближе была Россія къ своей цѣли въ концѣ 20-хъ годовъ этого столѣтія, когда храбрый вождь Дибичъ-Забалканскій съ 30,000 войскомъ поразилъ на голову послѣднюю турецкую армію у Кулевца и дошелъ до Адріанополя. Тутъ самъ дѣеписецъ османской имперіи турка Ахмедъ-Люфти признается: «Военная сила турецкаго войска была сломлена, дальнѣйшее отдѣльное противодѣйствіе болѣе не могло ничего доказывать. Царьградъ лежалъ передъ побѣдителемъ какъ легкая добыча, безоружный и открытый, едва въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія».

. . . .

Но три года спустя снова оказалось такое удобное мгновеніе: 8 декабря 1832 года сынъ египетскаго вице-короля, Ибрагимъ-паша, настолько уничтожилъ турецкія войска въ Коніахской битвѣ, что султанъ Махмудъ дрожалъ за свой тронъ и за свою голову. Въ страхѣ звалъ онъ на помощь противъ египтянъ, шедшихъ на безоружный Царьградъ, русскаго царя Николая—и царь Николай подалъ эту помощь точно также какъ въ 1849 году Австріи. Въ концѣ марта 1833 г. пристало 50,000 русскихъ къ Царьграду (къ Гункіаръ-Скелесси), гдѣ они стояли лагеремъ отъ 24 марта до 28 іюня пока египетскій вице-король не заключилъ съ султаномъ мира, послѣ чего русскіе опять — почтительно отплыли! Сдѣлали-бы это нѣмцы или вообще какой-нибудь другой неславянскій народъ?

А въ послѣднюю великую турецко-славянскую войну въ третій разъ увидали русскіе эту чарующую цѣль своихъ стремленій на выстрѣлъ передъ собою. Опять геройствомъ русскаго солдата сломлена была сила турокъ, опять Царьградъ безоружнымъ лежалъ передъ побѣдными арміями славянскими, одинъ скачекъ—и смѣлый герой С к о б е л е в ъ *) могъ-бы сдѣлаться его господиномъ. Растерявшіеся турки уже ждали этого послѣдняго удара и грозили ужъ только жалкимъ, вандальскимъ мщеніемъ, — взрывомъ храма св. Софіи на воздухъ, но отъ этого ихъ могла-бы удержать одна рѣшительная угроза изъ русскаго лагеря. Однако, къ несчастію, и тогда не было въ Россіи славянскаго Бисмарка, и такимъ образомъ третій разъ отступили со скрежетомъ зубовъ русскіе офицеры, по приказанію изъ Петербурга, отъ самыхъ вратъ царьградскихъ.

Прошло цѣлыхъ 8 лѣтъ послѣ этого невыразимаго удара; восемь лѣтъ, въ теченіе которыхъ мы, славяне, должны были до дна испить чашу самыхъ горькихъ насмѣшекъ нашихъ враговъ, напыщенныхъ тою славою и силою, которую пріобрѣла бисмарковская Германія, благодаря добровольной помощи и защитѣ Россіи. Но слушайте, вдругъ весь свѣтъ

*) Разрядка въ подлинникѣ.

приведенъ въ движеніе «таинственнымъ словомъ изъ русской степи».

Императоръ русскій Александръ III, какъ мы знаемъ, недавно уѣхалъ въ свое давно сиротствовавшее лѣтнее мѣстопребываніе на берегу Чернаго моря, въ Ливадію, и при этомъ случаѣ произошло важное событіе: Россія во время крымской войны лишилась своего военнаго флота на Черномъ морѣ; начиная съ 1870 года, когда она въ «отплату за свои неоцѣнимыя услуги», оказанныя Германіи, снова пріобрѣла былую свободу, постоянно заботилась она о новомъ военномъ черноморскомъ флотѣ, а 6 и 8 мая н. г. спущены въ присутствіи Императора два сильнѣйшіе броненосца этого новаго флота въ волны Чернаго моря. Уже имена обоихъ этихъ военныхъ великановъ: «Чесма» и «Екатерина II» были знаменательны: у Чесмы праздновалъ созданный Петромъ Великимъ «военный флотъ» русскій свою первую и при томъ счастливую битву на греческихъ водахъ противъ Хія (Xios).—«Екатерина же II» полагаетъ начало освобождающей политикѣ Россіи на Востокѣ, той политикѣ, послѣднею предначертанною цѣлью которой есть православный крестъ, водруженный на турецкой мечети — православной св. Софіи въ Царьградѣ. Съ яснымъ же указаніемъ на это издалъ и Императоръ Александръ III въ день славнаго крещенія новаго черноморскаго флота слѣдующій военный, исполненный благородной гордости, указъ *).

Если уже все это было способно пробудить радостное движеніе во всемъ славянствѣ, то слова, которыми голова бѣлокаменной матушки Москвы привѣтствовалъ возвращающагося царя, производятъ сенсацію во всемъ свѣтѣ. Представитель самаго народнаго города русскаго великаго государства привѣтствовалъ царя, который «возвратилъ къ жизни Черное море морскою русскою силою», говоря отъ имени Москвы: «эта новая русская сила на морѣ русскомъ окрыляетъ нашу надежду и крѣпитъ нашу вѣру, что Крестъ Христовъ засіяетъ на св. Софіи въ Царьградѣ, такъ мыслитъ, такъ уповаетъ вся Москва!»

. . . .

Мы видѣли уже, что чехи являются выразителями славянской идеи не только на словахъ, но и на дѣлѣ, а вотъ и еще новое доказательство этого: одинъ изъ достойныхъ сыновъ чешскаго народа, предсѣдатель политическаго общества (Политцкé едноты) редакторъ «Parlamentář'а», зять покойнаго Яна Скрейшовскаго, который для болѣе успѣшной борьбы съ враждебной нѣмецкой журналистикой началъ съ 1862 г. изданіе вѣстника «Politik», д-ръ Карлъ Живный перешелъ недавно въ православіе (Прилож. къ «Вѣстнику» № 21), а 2 мая послѣдовалъ его примѣру и братъ его жены, единственный сынъ Яна Скрейшовскаго, Ярославъ Скрейшовскій. Еще зимою этого года нѣмцы обвиняли Живнаго въ агитаціи въ пользу православія среди чеховъ въ Вѣнѣ, теперь своимъ переходомъ въ лоно православной церкви онъ, такъ сказать, запечатлѣлъ свое славянское убѣжденіе, что только подъ знаменемъ славянскихъ перво-апостоловъ, только «стопамъ и дѣлу учителей послѣдуя», найдетъ славянство лучшую будущность. Привѣтъ вамъ, дорогіе братья по вѣрѣ и племени, не остановившіеся на полдорогѣ, на дѣлѣ доказавшіе, что живъ въ васъ духъ славянскій! Привѣтъ и вашему народу, въ которомъ хранятся завѣты свв. Людмилы и Вячеслава и преданія Констанчскаго мученика и въ которомъ, убѣждены мы, «жіе, жіе дух слованскы, буде жить на вѣки»!

Заканчивая наше обозрѣніе чешской печати замѣтимъ, что она съ интересомъ слѣдитъ за нашими «Извѣстіями». «Нáродни Листы» съ удовольствіемъ отмѣчали, что «Извѣстіями» были заимствованы отзывы чешской печати по поводу смерти Аксакова, а «Посел з Подгор(ж)и» черпаетъ въ этомъ новую силу для своей дѣятельности, прибавляя: «очевидно, наша газета пользуется за границею большимъ вниманіемъ, чѣмъ тамъ, гдѣ должны бы имъ болѣе дорожить, въ ближайшихъ рыхновскихъ окрестностяхъ» (№ 17). Теперь «Посел з Подгор(ж)и» въ № 21 въ своей передовой статьѣ (Ситуаце в Булгарску), говоря объ отношеніяхъ

*) Газета приводитъ полный текстъ Императорскаго приказа Черноморскому флоту.

русской печати къ болгарской, переводитъ выписку изъ нашей статьи (стр. 125, 126), а въ № 22 переводитъ корреспонденцію «Извѣстій» изъ Бѣлграда. Народни Листы переводятъ почти цѣликомъ (стр. 106 — 112 съ небольшими пропусками) статью «Славяне и нѣмецкое стремленіе на востокъ», подъ заглавіемъ «Drang nach Osten», предпосылая ей слѣдующее замѣчаніе: «Даемъ подлинную выдержку изъ этой статьи «Извѣстій», чтобы указать, какъ русскіе смотрятъ на остальной славянскій міръ. У насъ распространено мнѣніе, будто-бы русскіе вовсе не принимаютъ во вниманіе интересовъ и политической и духовной жизни остальныхъ славянскихъ народовъ, что, однако, неправда. Конечно, нельзя думать, чтобы въ такомъ большомъ народѣ, какъ русскій, всѣ люди безъ различія были славянскаго образа мыслей и всѣ проникались славянской идеей, если и мелкіе славяне не всѣ присоединяются къ этой идеѣ съ равнымъ увлеченіемъ, хотя болѣе нуждаются въ этомъ и менѣе могутъ держаться сами собою и своей собственной силой. Но славянская взаимность должна прежде всего проявляться въ томъ, что журналистика, которая призвана къ этому, будетъ отмѣчать явленія, которыми вызывается къ жизни славянская идея. Кто изъ славянъ принимаетъ къ свѣдѣнію только тѣ голоса, которые противорѣчатъ славянской взаимности и умалчиваетъ о тѣхъ, которые толкуютъ ее и указываютъ, того нельзя назвать человѣкомъ знающимъ».

Закончимъ извѣстіемъ объ открытіи въ Прагѣ новаго общества въ томъ-же духѣ славянской взаимности это «Ческослованска Еднота в Празѣ», уставъ которой былъ утвержденъ 15 февраля настоящаго года, а общее собраніе было 26 апрѣля. Цѣль общества преслѣдованіе культурныхъ интересовъ чешско-славянскихъ и поддержка бѣдной славянской молодежи (§ 2), чего общество старается достигнуть покупкой литературныхъ произведеній и устройствомъ библіотекъ, назначеніемъ стипендій и пособіями славянской молодежи въ Прагѣ, ищущей научнаго, техническаго, художественнаго или другаго какого образованія, общественными лекціями и разсужденіями, кромѣ политическихъ, и устройствомъ общественныхъ увеселеній (§ 3). Члены раздѣляются на почетныхъ, выбираемыхъ общимъ собраніемъ за заслуги обществу, членовъ устроителей, платящихъ 100 гульденовъ единовременно или по 10 ежегодно; дѣйствительныхъ, платящихъ 5 гул. и вспомогателей—не менѣе 1 гул. въ годъ. Права всѣхъ членовъ одинаковы, всѣ могутъ подавать голосъ (§ 5) и быть избраны въ выборъ, состоящій изъ предсѣдателя и 11 членовъ (§ 6). Членскіе взносы принимаетъ казначей Ед. Валечка, книгопродавецъ въ Прагѣ, а переписку секретарь Руд. Покорный, писатель въ Прагѣ. **Н. Ш.**

Изъ Словинской печати.

«Словенски Народ» и «Слован» по поводу 6 и 14 мая. — Общество св Кирилла и Меѳодія.— Направленіе Слована.

На словинцевъ событія въ Россіи 6 и 14 мая произвели тоже сильное впечатлѣніе. «Словенски Народ», выходящій въ Люблянѣ, выражается по поводу указа слѣдующимъ образомъ: «Искреннее миролюбіе и заявленіе о силѣ Россіи соединены въ этихъ немногихъ словахъ, которыя возбуждаютъ чувство удовольствія въ друзьяхъ Россіи и страшны ея тайнымъ и явнымъ врагамъ. Этотъ твердый и выразительный голосъ разнесся по всей Европѣ и напомнилъ ей, что какъ Россія ни миролюбива, все-таки она готова защищать свое достоинство «вооруженною силою» (№ 125). Въ передовой же статьѣ, говоря объ отношеніяхъ между собою Германіи, Франціи и Россіи по поводу событій 6 и 14 мая «Словенски Народ» довольно сдержанно пишетъ: «Настоящій указъ заявляетъ, что снова воскресъ черноморскій флотъ и вмѣстѣ съ тѣмъ разбились оковы, въ которыя 30 лѣтъ тому назадъ заковала Россію западная Европа.

. . . .

Изъ событій среди словинцевъ отмѣтимъ, что 10 мая имѣла первое общественное собраніе. «Пр̂ва Люблянска подружница дружбе св. Цирила ин Метода». Мы уже не разъ имѣли случай говорить объ этомъ достойномъ сочувствія обществѣ.

(Изв. 885 г. стр. 92 — 93, 446). Изъ отчета, прочитаннаго на общемъ собраніи, мы узнаемъ что въ поддружницѣ 80 членовъ, всѣхъ доходовъ ея отъ членскихъ взносовъ и пособій было 957 гул. 96 кр., чистаго прихода осталось 949 гульд. 58 кр., которые и были положены въ сберегательную кассу. Эти цифры свидѣтельствуютъ о хорошемъ состояніи поддружницы. «Дѣятельность поддружницы, говоритъ «Слове́нски На́род», до сихъ поръ была очень успѣшна, пусть члены заботятся, чтобы эта дѣятельность и на будущее время осталась такою-же сильною и чтобы поддружница была такою, какая приличествуетъ Люблянѣ». Отъ души желаемъ преуспѣянія какъ поддружницѣ, такъ и всему юному обществу, да процвѣтаетъ оно на славу славянства молитвами святыхъ своихъ покровителей!

По случаю такъ называемаго къ католической церкви св. года вышло въ католическомъ мірѣ пастырское посланіе, гдѣ рядомъ съ другими условіями полученія отпущенія приводится и милостыня съ благотворительною цѣлью. Папа же выразилъ желаніе, чтобы она шла на католическія *школы* и семинаріи. Епископъ Люблянскій предлагаетъ сбирать *на миссію въ Болгаріи и Босніи.* Но «Слова́н» указываетъ другую цѣль—жертвовать деньги обществу св. Кирилла и Меѳодія, цѣль котораго тоже всесторонне поддерживать словенскія школы на католическо - народномъ основаніи. «Вѣру пашу въ Каринтіи подкапываютъ нѣмцы, говоритъ «Слова́н» Тамошніе законоучители жалуются, что дѣти не умѣютъ читать уже словинскихъ катихизисовъ, что дѣло вѣроученія тамъ безуспѣшно и даже невозможно. Вѣру нашу притѣсняютъ съ юга карбонарскіе итальянцы. Вотъ наша миссія! На нее пусть стекаются деньги словинскихъ святогодниковъ!» (Слова́н, № 11). Добрая мысль — деньги, собираемыя во вредъ славянству, употребить на пользу ему и на дѣйствительно доброе дѣло! Въ томъ-же нумерѣ «Слова́н» говоритъ о будущемъ столкновеніи Россіи—славянства съ нѣмечествомъ. «Война эта будетъ страшна, 2 милліона пѣхоты и 360,000 конницы регулярнаго войска ожидаетъ повелѣнія «бѣлаго царя», чтобы идти въ бой за «отечество», «православіе» и «славянскую честь». За этимъ сильнымъ войскомъ стоитъ огромная сила государства въ видѣ ополченія». «Враги Россіи успокоиваютъ себя тѣмъ, что финансы Россіи въ очень слабомъ состояніи.... но финансы Россіи едва-ли слабѣе, чѣмъ во всякомъ другомъ государствѣ».... А съ какимъ воодушевленіемъ приводитъ онъ извѣстіе «Кавказа» о развитіи Кизил-Арвата подъ русскимъ владычествомъ: «Мы уже много разъ имѣли случай отмѣчать, какъ въ отдаленныхъ азіятскихъ степяхъ начинаетъ успѣшно распространяться образованіе подъ русскимъ вліяніемъ. Доказательствомъ этого служитъ невѣроятно быстрый ростъ городовъ въ тѣхъ краяхъ, куда только проникаетъ русская власть. Нѣкоторые города ростутъ почти по-американски, а развитіе въ нихъ идетъ ужъ дѣйствительно по-американски». Приводится изъ «Кавказа» извѣстіе о Кизил-Арватѣ гдѣ главная улица освѣщается электричествомъ. «Электрическое освѣщеніе въ Азіи! На это способны только русскіе «варвары!» (№ 11). Съ неменьшимъ воодушевленіемъ говоритъ «Слова́н» и о томъ значеніи, какое пріобрѣтаетъ Россія и русская литература во Франціи и въ этомъ черпаетъ новую силу для своей дѣятельности: «изъ сказаннаго видно, какъ повсюду ростетъ значеніе славянства. Пусть будетъ это въ ободреніе намъ, «забытымъ словинцамъ». Отъ души совѣтую каждому, для кого дорого славянство и авторитетъ Россіи среди него, оказать поддержку прекрасному словинскому журналу *).

Н. Ш.

*) «Слова́н» издается Иваномъ Хрибаремъ и Иваномъ Тавчаромъ, а редактируется Антономъ Терстенякомъ. За 4 гульдена 60 крейцеровъ, представленныхъ въ газетную экспедицію Спб. почтамта, вы получаете 24 номера «Слова́на» на прелестной бумагѣ, съ двумя-тремя рисунками въ каждомъ, не говоря уже о довольно большомъ количествѣ матеріала для чтенія».

Адресъ редакціи: Oesterreich, Laibach, Ljubljana, Slavnemu Upravništvu časnika «Slovan» na Kongresnem trgu, štev. 7.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Круговая порука у славянъ по древнимъ памятникамъ ихъ законодательства. Ивана Собѣстіанскаго. Прага. 1886.

Авторъ задался цѣлію собрать данныя древнихъ памятниковъ славянскаго права, говорящія о круговой отвѣтственности разныхъ общинъ въ тѣхъ или другихъ случаяхъ, и представить необходимыя объясненія этихъ данныхъ. Хотя онъ, очевидно, болѣе или менѣе знакомъ съ славянскими языками и съ литературой предмета на этихъ языкахъ, тѣмъ не менѣе, вездѣ, гдѣ можно, онъ уклоняется отъ перевода и толкованія славянскихъ текстовъ и довольствуется тѣмъ, что представляетъ переводы и толкованія, сдѣланныя другими. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ученые переводятъ и понимаютъ славянскія законоположенія различно, мы не находимъ у г. Собѣстіанскаго его собственнаго сужденія. Онъ приводитъ въ томъ или другомъ видѣ существующіе въ литературѣ переводы и толкованія и предоставляетъ читателю самому выбрать то, что ему кажется лучшимъ; личное мнѣніе автора о значеніи того или другаго слова, выраженія, законоположенія по большей части остается неизвѣстнымъ для читателя. Такимъ образомъ, трудъ г. Собѣстіанскаго имѣетъ значеніе только какъ сводъ славянскаго матеріала и относящихся къ нему толкованій, и притомъ сводъ отнюдь неполный. Наиболѣе бросается въ глаза неполнота данныхъ древне-русскаго права, одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ котораго, заключающій въ себѣ прямыя указанія на круговую отвѣтственность Новгорода и Смоленска за жизнь и безопасность живущихъ въ этихъ городахъ нѣмецкихъ купцовъ и уясняющій многое въ другихъ памятникахъ одного съ нимъ характера,—договоръ Смоленска съ Ригою,—остался совершенно неизвѣстенъ автору, вѣроятно, по той причинѣ, что онъ открытъ и изданъ сравнительно недавно и что его не могли знать наши старые ученые, въ родѣ Бѣляева, касавшіеся вопроса о круговой отвѣтственности въ древней Руси. **А. С.**

Замѣтки.

I.

Въ предъидущемъ № «Извѣстій» П. А. Ровинскій совершенно основательно обратилъ вниманіе на любопытный памятникъ, напечатанный въ «Русскомъ Архивѣ» (въ 1886 г. № 4) подъ заглавіемъ «Журнальная записка происшествіямъ во время экспедиціи князя Ю. В. Долгорукова въ Черную Гору 1769 г.». Памятникъ этотъ, появившійся впервые въ русской печати еще въ 1841 году («Русскій Вѣстникъ», 1841 г. томъ 3) *), оставался до такой степени неизвѣстнымъ, что Д. Л. Мордовцевъ въ статьѣ о Степанѣ Маломъ изъявлялъ сожалѣніе, что никто изъ спутниковъ князя Долгорукова не велъ записокъ. Жаль, что П. И. Бартеневъ не соблюлъ библіографической точности: вновь издавать памятникъ, который помѣщенъ въ рѣдкомъ мало распространенномъ изданіи, конечно, слѣдовало, но слѣдовало бы при этомъ помянуть, что онъ былъ уже изданъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

II.

Въ засѣданіи Славянскаго Общества 6-го сего апрѣля г. Ровинскій въ своемъ прекрасномъ, какъ и всѣ его статьи о Черногоріи, чтеніи въ началѣ жаловался на рѣшительное отсутствіе свѣдѣній документальныхъ о первоначальной исторіи Черногоріи. Изъ этого его замѣчанія, а равно и изъ всего чтенія я вывелъ заключеніе, что ему, какъ и многимъ другимъ изслѣдователямъ по исторіи славянства, вовсе не извѣстна масса драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ по этому предмету, помѣщенныхъ въ печати, именно въ изданіи св. Синода «Описаніе документовъ и дѣлъ архива св. Синода» (5 томовъ). Не входя въ подробное перечисленіе статей о славянствѣ, содержащихся въ названномъ изданіи, укажу лишь на рядъ свѣдѣній—документовъ о Черногоріи, изъ эпохи Петра; въ 1-й части 2-го тома на цѣлыхъ 145 страницахъ, во 2-й части 2-го тома стр. 318 и сл. **Н. Барсовъ.**

Примѣчаніе. Мы сообщали эту замѣтку П. А. Ровинскому, который приноситъ Н. И. Барсову искреннюю благодарность за нее. ***Ред.***

---

*) Въ моей Русской Исторіи (Томъ I. Введеніе, 66) вкралась прискорбная опечатка: вмѣсто т. 3 напечатано т. 8.

Въ СПб. Славянск. Благотв. Обществѣ продаются слѣдующ. книги:

— **Славянская Христоматія.** Сборникъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Составилъ **Г. Воскресенскій**, экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи. Выпускъ первый: языки древній церковно-славянскій и древне-русскій, Москва, 1882 г. стр. III+110	— р. 75 к.
— Тоже, вып. II: языки болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій. Москва 1883 г. стр. III+292	1 » 50 »
— Тоже, выпускъ III, отдѣлъ I: языки чешскій и словацкій. Москва 1884, стр, II+218	1 » 50 »
— Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, сочиненіе **Франца Миклошича**, переводъ Ник. Шлякова, **подъ редакціею Романа Брандта**. Выпускъ I. Старословенскій языкъ. Москва. 1884	1 » 50 »
— Тоже, вып. II: языки словенскій, болгарскій и сербскій. М. 1885.	1 » 50 »
— Тоже, вып III: языки малорусскій и русскій	1 » 50 »
— Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ**. Вильна. 1884 г. XXXII и 371 стр.	2 » 50 »
— Карта западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ**. Вильна. 1884.	1 » — »
— Та же карта, наклеенная на холстѣ.	1 » 50 »
— Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ. Сост. **Я. Головацкимъ**. 1884. .	— » 60 »
— Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя **Я. Ѳ. Головацкимъ**. 3 тома, въ IV частяхъ. Москва. 1878.	12 » — »
— **Россія и Европа.** Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому. **Н. Я. Данилевскаго.** Спб. 1871. X и 542 стр.	3 » — »
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго и литературныя объясненія **А. Степовича**. Кіевъ. 1884 . . .	1 » — к.
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго **А. Степовича** (съ литературными объясненіями). Выпускъ II. .	— » 70 »
— **Славянскія нарѣчія**. Статья профессора **Гебауера**. Переводъ и примѣчанія **А. Степовича**. Кіевъ. 1882	— » 50 »
— **Анти энциклика** или братское слово къ славянамъ католикамъ. Харьковъ. 1882	1 » — »
— Сочиненія **П. Т. Морозова**, Москва 1883 г., 462 стр. .	— » 60 »
— Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 78 гг., бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія **Де-Прерадовича**. Спб. 1881. 362 стр.	1 » 50 »
— **Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій**, Статсъ-Секреоарь, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ. (1769—1847). Біографическій течркъ. 1882. 44 стр. Ц. 1 руб.	1 » — »

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1886 ГОДУ ОБЩЕДОСТУПНАГО ЖУРНАЛА-ГАЗЕТЫ,

„БЛАГОВѢСТЪ",

Выступить въ провинціи на поприще такой литературной дѣятельности, которая, доставляя общедоступный и назидательный матеріалъ для чтенія, служила бы религіознымъ и патріотическимъ интересамъ нашего дорогаго отечества—Россіи, дѣло не легкое, чтобы не сказать много-трудное, среди того фальшиваго положенія, въ которомъ очутилась русская интеллигенція, благодаря давней среди насъ враждебной пропагандѣ. Проходя уже молчаніемъ мѣстныя дрязги, мы не можемъ не отмѣтить и другой трудности существовать въ провинціи такому изданію, какъ напр., журналъ-газета «Благовѣстъ». Наша всероссійская отвычка отъ серьезнаго чтенія и пристрастіе къ этому пустому «легкому чтенію» испортили вообще у насъ вкусъ къ чтенію; изданія же, ратующія за интересы Православія, Самодержавія и Русской народности, среди органовъ фальшивой печати на Руси,—изданія подобныя «Благовѣсту», заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ сыновъ отечества. Не смотря, однако, на трудность своего настоящаго положенія, журналъ-газета «Благовѣстъ», въ сознаніи своей благовременности и полезности, будетъ съ Божіею помощью издаваться и въ слѣдующемъ 1886 г., т. е. **четвертомъ** уже со дня своего начала. Уповаемъ, что настанетъ время, когда притихнутъ въ Россіи иноземщина и иновѣрщина, когда згинетъ этотъ русскій либерализмъ, т. е. всеобщая наша распущенность, а пока.... мы находимъ нужнымъ благовѣстить о Православной-русской и вѣрноподданнической правдѣ и чуждой кривдѣ на святой Руси.

Программа нашего журнала-газеты «Благовѣстъ» и на слѣдующій годъ остается прежняя:

I. Обозрѣніе текущей Церковно-общественной жизни въ Россіи и за-границею, въ ея современныхъ проявленіяхъ, мѣропріятіяхъ и пр.

II. Корреспонденціи о замѣчательныхъ почему-либо новостяхъ и событіяхъ въ области духовно-нравственной.

III. Очерки, разсказы, жизнеописанія, путешествія, краснорѣчіе, церковная старина, стихотворенія и пр.

IV. Обозрѣніе современной печати, отечественной и иностранной, по вопросамъ духовно-нравственнымъ, рецензіи книгъ и т. п.

V. Отвѣты редакціи и объявленія.

Журналъ-газета «Благовѣстъ» выходитъ по прежнему два раза въ мѣсяцъ, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе **ПЯТЬ руб. сер.**, съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднымъ, а за полугодіе **ТРИ руб. сер.** Розничная продажа по 25 к. с. за №. Объявленія для напечатанія въ журналѣ-газетѣ «Благовѣстъ», оплачиваются по 8 коп. сер. за строчку петита.

Допускается разсрочка подписной платы, по соглашенію съ Редакціею.

Подписка на журналъ-газету «Благовѣстъ» принимается **исключительно** въ г. Харьковѣ, въ Конторѣ Редакціи журнала-газеты «Благовѣстъ», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Священника П. С. Мигулина, № 57/76. Контора открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни. Личныя объясненія по дѣламъ Редакціи могутъ быть ежедневно, отъ 12 часовъ дня до 4 часовъ пополудни.

Всякую переписку просимъ отправлять исключительно на имя Редактора-Издателя.

Редакторъ-издатель **Гр. Кулжинскій.**

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

Типографія К. Куденикова. В Итальянская, № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ.. — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky.** S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ** А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія.** . . . . 2 » 80 »

Примѣчанія: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ раззоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

Редакторы Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 7—8

ІЮЛЬ—АВГУСТЪ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№№ 7—8. Іюль—Августъ. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіи Совѣта С.-Петербургскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 8-го іюня, между прочимъ, постановлено: а) просить В. К. Саблера, уѣзжающаго въ Москву, привѣтствовать высокопр. Іоанникія, митрополита Московскаго, съ 25-ти лѣтіемъ его архипастырскаго служенія; б) просить доктора П. А. Франка завѣщанный членомъ Общества Елизаветою Алексѣевною Кублицкою-Піотухъ 5% билетъ Государственнаго Банка въ 1000 р. доставить въ Совѣтъ Общества; в) выдать въ пособіе одному сербу 30 р., одному галичанину 50 р. и 4 добровольцамъ 45 р.; г) назначить двумъ сербамъ, воспитывающимся на казенный счетъ въ Спб. Духовной Академіи, ежемѣсячное пособіе по 5 р. каждому, съ 1 іюля 1886 г. по 1 іюля 1890 г.; д) просьбы одного серба о назначеніи стипендіи, и другаго о выдачѣ пособія отклонить и е) утвердить расходы, произведенные съ 18-го мая по 8-е іюня на 890 р. 51 к.

Въ «С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество» въ «*Издательскій капиталъ имени Ивана Сергѣевича Аксакова*», съ 1 іюня по 10 іюля поступило: отъ П. А. Ровинскаго—10 р., отъ В. Ф. Гильфердингъ—25 р., отъ К. Н. Бестужева-Рюмина — 10 р., отъ преосвященнаго Неофита, епископа Туркестанскаго и Ташкентскаго—100 р., отъ Н. П. Писаревскаго—10 р., отъ А. М. Мичатекъ—5 р., отъ А. С. Авинова — 10 р., отъ Ад. Реммертъ—5 р., отъ Г. А. Вульферта—25 р., отъ кн. А. Д. Чавчавадзе—5 р., отъ С. А. Левицкой-Леонтьевой — 100 р., отъ свящ. Е. В. Соловьева—25 р., отъ Н. В. Поташева — 3 р., отъ В. Н. Бестужева-Рюмина—10 р., отъ Ѳ. Ѳ. Радецкаго—25 р. и отъ И. Ѳ. Зубарева—3 р., итого 371 р., а всего съ прежде поступившими 3,991 р. 75 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 іюня по 1 іюля 1886 г. поступило: а) изъ церковныхъ кружекъ г. С.-Петербурга: 2-й гимназіи — 9 р. 45 к.; причта Почтамтской церкви—1 р. 63 к.; б) иногородныя: чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: г. Вельска, прот. П. Вознесенскаго—5 р. 50 к.; Волковыскаго уѣзда, подоросскаго свящ. В. Пучковскаго—3 р. 56 к.; Вяземскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Соколова—4 р. 60 к.; Гжатскаго уѣзда, 2 округа, свящ. I. Богоявленскаго—2 р. 17 к.; 3 округа, свящ. К. Уклонскаго—3 р.; Глазовскаго уѣзда, 5 округа, свящ. М.

Кувшинскаго — 11 р.; 2 округа, свящ. В. Рѣпина—3 р.; г. Казани, прот. П. Малова—10 р. 4 к.; г. Кобеляковъ, прот. С. Боровскаго—9 р. 55 к.; Лепельскаго уѣзда, 1 округа, свящ. С. Квятковскаго—1 р. 41 к.; Мценскаго уѣзда, 1 участка, прот. М. Троицкаго 5 р. 13 к.: г. Орла, духовной консисторіи—10 р. 64 к.; Петербургскаго уѣзда, 2 округа, прот. Н. Травинскаго—7 р. 70 к.; Рославльскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Розова — 4 р. 80 к.; Сарапульскаго уѣзда, 2 округа, свящ. М. Никольскаго—12 р. 75 к.; Слонимскаго уѣзда, коссовскаго свящ. I. Михайловскаго—5 р. 22 к.; Сычевскаго уѣзда, свящ. I. Брянцева — 4 р. 30 к.; Тотемскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Ф. Яблонскаго—2 р. 15 к. Усманскаго уѣзда, 3 округа, свящ. В. Милютина—13 р.; 5 округа, прот. Т. Орлова—3 р. 20 к. и изъ Ушицкаго уѣзда, 1 округа, свящ. I. Маркевича—5 р. 50 к.; итого 139 р. 30 к., а съ прежде поступившими — 3,563 р. 92 к.

Библіотека Общества.

Въ библіотеку Общества поступили съ 1-го марта по 15-е іюля 1886 г., кромѣ журналовъ и газетъ, получаемыхъ Обществомъ въ обмѣнъ на «Извѣстія», слѣдующія книги: 1) Отъ православнаго Палестинскаго Общества: а) «Странствованія В. Г. Барскаго по св. мѣстамъ востока» съ 1723 — 1747. Вып. 24, 25, 26 и 27. б) «Православный Палестинскій Сборникъ», вып. II. 2) «Seznam antikvárnich Knih, jež ma na skladě st Pražák». Cis. I. Ur. 1. Vidni. 1886 г. 3) «Славяне ихъ взаимныя отношенія и связи», соч. Первольфа. T. I. 4) Отъ Кузминскаго изъ Болгаріи— Стихи, посвященные памяти И. С. Аксакова. 5) Отъ Комарова (ред. «Свѣтъ») а) «Девятый Валъ», ром. Г. П. Данилевскаго, часть I, II, III, б) «Каторжникъ», в) «Петербургскія Трущобы», ром. Крестовскаго, в) отъ Н. Живкова: «Елмазена Табакера», траги-комедія въ пяти дѣйствіяхъ. 7) Отчетъ Правленія Одесскаго Славянскаго Общества имени Св. Кирилла и Меѳодія за 1885 г. 8) Отъ *Его Императорскаго Высочества принца Петра Ольденбургскаго*, словарь шести славянскихъ языковъ, Миклошича. 9) Чрезъ Сербское посольство: «Критика на закониг судског поступка у кривичним делами». 10) а) «Сборникъ стихотвореній», И. С. Аксакова, съ портретомъ автора. б) «Сборникъ статей», И. С. Аксакова. 11) Отъ ред. «Церковно-общественнаго Вѣстника»—«Календарь для духовенства на 1886 г.». 12) «Русская Исторія», Бестужева-Рюмина, T. II, вып. I. 13) «О Каноничким Зборницима Православне Цркве», Написао Др. Никодим Милаш. Архимандрит. 14) Отъ Московскаго археологическаго общества: «Древности», т. XI, вып. I. 15) «Словарь Болгарскаго языка», вып. II. 16) Изъ Вашингтона— «Smithsonian Report», 1883, 1884 г. 17) «Христјани на Балканском полуострову и њихова судбина». 18) Отъ Тютчева — «Новый Завѣтъ» на греческомъ языкѣ. Лондонъ 1819 г. 19) Отъ Е. Валечки: а) «Stanovy Českoslavanské Jednoty v Praze», b) «Poeticke Besedy. Čislo XXVI. Čechuv Přichod. Básen Julia Zeyera». c) «České Květy výbor Naši Lyriky». d) «Zuzana černinová z harasova. Dopisi české šlechtičny z polovice 17 stoleti vydal František Dvorsky». 20) «Časopis Mačicy Serbskeje 1886 г. Lětnik XXXIX Zešiwk I и II. 21) Отъ Владимірова: «Великое Зерцало» (изъ исторіи русской переводной литературы XVII вѣка). 22) «Некоји Пријатељи Милетићеви у оврану». Написала Милица Томић pot. Милетић. 23) Отъ Ил. Блъскова: а) «Съврѣменни книжки за прочитание на Сѣкиго». Книжка десета. б) «Учитѣлски Вѣстникъ». Година I, съ приложение: а) «Каладникъ», b) «Описание за селото Рижъ», c) «Кратки очерки по дѣятельность та на покойния Д. Войниковъ, d) изъ «Дневникъ тъ на единъ старъ учитель». 24) Отъ Н. Милаш—«Једна отворена риjer». 25) «Периодическо Списание на Българското книжовно дружество въ Срѣдецъ». Книжка XVII. 26) «О простомъ предложеніи въ русскомъ языкѣ», Ѳ. В. Ржига. 27) «Литературный Сборникъ», изд. Галицко-Русскою Матицею, подъ редакціею Богдана А. Дѣдицкаго 1885 г. Вып. IV. 28) Отъ Ястребова: «Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ (въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ). Спб. 1886 г. 29) отъ Дацова: «Черницитѣ и Коприната» (Кратко руководство за сѣянье и отгледванье черници и храненье свилени буби). b) «Зайчаръ и неготово население». (Единъ отъ Българскитѣ предѣли въ Сърбия). 30) «Zrěvy thráckych Bulharu», Jan Wagner, 1886 г. v Pardubicich. 31) «Отчетъ о дѣятельности состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Ма-

ріинскаго Попечительства для призрѣнія слѣпыхъ за 1884 и 1885 гг.». 32) «Z powodu jubileusza profesora Duchińskiego przez Jana Baudouin'a de Courtenay». Krakow. 33) «Очеркъ исторіи чешской литературы», Степановича. Изданіе Кіевскаго Славянскаго Общества. 34) Отъ Анны Өеодоровны Аксаковой—«Первый томъ сочиненій И. С. Аксакова», 30 экз. (для разсылки въ Славянскія земли).

Мы весьма часто пользовались въ нашемъ журналѣ извѣстіями изъ газеты «Parlamentär», которую усердно рекомендуемъ русскимъ людямъ. Въ Parlamentär'ѣ славянское дѣло имѣетъ горячаго и талантливаго защитника своихъ интересовъ. Нельзя не пожелать этому органу самаго широкаго распространенія между всѣми славянскими народами. Невысокая цѣна дѣлаетъ его доступнымъ для многихъ читателей. Надѣемся, что русскіе люди, сочувствующіе интересамъ славянства не оставятъ газету Parlamentär своей нравственной и матеріальной поддержкой. Цѣна газеты въ Россіи 10 р. Адресъ редакціи: Австрія, Вѣна. Газета Parlamentär. Oesterreich, Wien VII. Lerchenfelderstrasse, 25, Zeitung «Parlamentär». Издатель Parlementär'a—Д-ръ Карлъ Живный.

Ред.

II. Славянское обозрѣніе.

Сближеніе славянъ.

О практическомъ направленіи дѣйствія для сближенія славянъ.

(*Отъ заграничнаго славянина*).

(Письмо въ редакцію „Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества").

Редакціею «Извѣстій Славянскаго Благотворительнаго Общества» была получена изъ-за границы статья, озаглавленная «Сближеніе славянъ» и указывающая на средства, которыя наиболѣе вѣрно и быстро могутъ привести къ сему сближенію.

Авторъ статьи безусловно присоединяется къ программѣ, выставленной въ извѣстномъ сочиненіи Данилевскаго (Россія и Европа). Такъ какъ программа эта извѣстна всему славянскому міру, то мы, между прочимъ и по этой причинѣ, не считаемъ удобнымъ ее перепечатывать, но вотъ между прочимъ тѣ мѣры къ сближенію, которыя рекомендуетъ нашъ случайный корреспондентъ, для тѣснѣйшаго сближенія славянъ. Изложивши программу Данилевскаго, авторъ продолжаетъ:

Вотъ этими-то извлеченіями я означилъ, *какая должна быть программа* и modus procedendi у русскихъ славянофиловъ. Если русскіе славянофилы признаютъ эту программу (Данилевскаго), такъ и спору не можетъ больше быть между русскими и славянами. Ниже скажу я, какимъ способомъ и какими средствами надо бы дѣйствовать, чтобы сблизить славянъ и русскихъ другъ съ другомъ и чтобы потомъ подготовить ихъ для главной цѣли и лучшей будущности — для славянскаго союза. Сколько времени и какими средствами и жертвами работали итальянцы и нѣмцы для національнаго объединенія. Уже Данте пѣлъ объ объединенной Италіи!... 500 лѣтъ тому назадъ! Сближенію славянъ препятствуетъ вся Европа; она ненавидитъ славянъ, ибо смотритъ на нихъ, какъ на низшую расу, на культурный матеріалъ; она сочувствуетъ самоѣдамъ больше, чѣмъ русскимъ и славянамъ, замѣчаетъ вѣрно Данилевскій. Къ этому надо прибавить еще и безтактность славянъ въ отношеніяхъ между собою: постоянныя взаимныя обвиненія peccatur extra et infra muros iliacos. «Человѣкъ хорошо только то понимаетъ, что онъ дѣйствительно извѣдалъ, что было имъ испытано, что наконецъ было имъ сдѣлано, или что сдѣлалось въ немъ». *Русскій Вѣстникъ 1862 г., стр. 832.* «У насъ есть философы всѣхъ разрядовъ, у насъ есть политическія партіи всѣхъ оттѣнковъ: консерваторы, умѣренные либералы, прогрессисты, конституціоналисты и демократы и демагоги и коммунисты; но у насъ нѣтъ ничего похожаго на политическую жизнь. *У насъ есть слова и нѣтъ дѣла*». «Русскій Вѣстникъ» 1862 г., стр. 833. До сихъ поръ было довольно словъ и въ «Извѣстіяхъ Славянскаго Бла-

готворительнаго Общества», но мало дѣла; я послѣ скажу объ этомъ. Если у свободныхъ русскихъ такъ, какъ же не быть у заграничныхъ славянъ, живущихъ подъ чужимъ игомъ. Но есть еще разница между ними въ характерѣ и самой натурѣ. Я не согласенъ совсѣмъ съ г. Леонтьевымъ, который пишетъ о русскихъ и славянахъ «Востокъ, Россія и славянство», томъ I, стр. 284: «Въ самомъ характерѣ русскаго народа есть очень сильныя и важныя черты, которыя гораздо больше напоминаютъ турокъ, татаръ и другихъ азіатовъ, или даже вовсе никого, чѣмъ южныхъ и западныхъ славянъ. Въ насъ больше лѣни, больше фатализма, гораздо больше покорности властямъ, больше распущенности, добродушія, безумной отваги, непостоянства, *несравненно больше* наклонности къ религіозному мистицизму (даже къ творчеству религіозному, къ разнымъ сектическимъ выдумкамъ), чѣмъ у сербовъ, болгаръ, чеховъ и хорватовъ». Это и не оригинально, ибо давно намъ проповѣдывали за границей поляки, въ особенности Духинскій изъ Парижа, что русскіе не славяне, а финно монголы. Кромѣ того, проповѣдуетъ г. Леонтьевъ, что Россія не была и не будетъ славянскимъ государствомъ, а какимъ-то космополитическимъ и что Россія не имѣетъ славянской миссіи. Если бы г. Леонтьевъ съ своимъ гнилымъ византизмомъ и симонійскимъ фанаріотствомъ имѣлъ въ Россіи много приверженцевъ или вліятельную партію, то сближеніе славянъ было бы невозможно; если бы русскіе славянофилы согласились съ нимъ на счетъ византизма и фанаріотства, то на славянъ разсчитывали бы-напрасно, ибо они предпочитали бы византизму и фанаріотству турцизмъ и германизмъ съ его іезуитизмомъ. Вообще надо замѣтить, что г. Леонтьевъ сербовъ плохо знаетъ, а хорватовъ и чеховъ во все не знаетъ, развѣ изъ газетъ либеральныхъ и жидовствующихъ и враждебныхъ славянамъ. Но при всемъ томъ онъ, какъ мнѣ кажется, разсуждаетъ лучше о славянахъ, чѣмъ о русскомъ народѣ и его характерѣ. Vera cum falsis mixta, можно сказать о его книгѣ.

«У нихъ (славянъ), пишетъ онъ на стр. 284, больше выдержки, терпѣнія, гораздо больше трезвости физической и умственной; скромныя семейныя добродѣтели у нихъ несравненно крѣпче, чѣмъ у русскихъ людей; они мало расположены къ какимъ-нибудь нигилистическимъ крайностямъ, но за то ихъ индифферентизмъ въ религіи поразителенъ; ихъ максимальное, сухое охраненіе *кой-чего*, къ чему они привыкли или что имъ дорого только въ политическомъ отношеніи, безъ всякой буры и боли «исканія», очень непріятно поражаетъ русскаго, когда онъ съ ними близко знакомится. Они всѣ расположены болѣе или менѣе *къ умѣренному либерализму*, который, къ счастію нашему, въ Россіи такъ неглубокъ *и такъ легко можетъ быть до тла раздавленъ между двумя весьма не либеральными силами*: между изступленнымъ нигилистическимъ порывомъ и твердой, безтрепетной защитой нашихъ великихъ историческихъ началъ».

Изъ этого видитъ тотъ, кто знаетъ славянъ что г. Леонтьевъ знаетъ только болгаръ и то не всѣхъ. Qui male distinguit, male docet. Я написалъ по поводу его книги слѣдующее: vera cum falsis mixta; vivos-slavos-voco, mortuos—Byzantinos et illorum partisanos plango». Кто серьезно думаетъ о сближеніи славянъ, тотъ долженъ бросить византизмъ и отстранять всякій *дуализмъ между славянами вообще**) Что за монополизмъ и непогрѣшимость во взглядахъ политико-національныхъ и церковныхъ внѣ церковнаго собора! По моему, «умѣренный либерализмъ» вовсе не зло, ибо онъ значитъ: «leben und leben lassen», т. е. допускаетъ развиваться, а безъ этого какъ возможенъ славянскій союзъ? Развѣ вы желаете изъ живыхъ людей сдѣлать мумій?! Я повсюду въ Россіи, слава Богу, нахожу умѣренный либерализмъ, даже и у такъ называемыхъ реакціонеровъ и клерикаловъ. Правда «das bessere der Feind des guten». Кто желаетъ лучшихъ, чѣмъ теперь въ Россіи судей, учителей, священниковъ, администраторовъ, губернато-

*) Чехи стремятся, чтобы словаки съ ними составляли и представляли одинъ народъ съ однимъ литературнымъ языкомъ. Тоже самое желаютъ всѣ лучшіе хорваты и Даничичъ филологъ утверждаетъ, что сербы-хорваты одинъ народъ, какъ были латины и римляне, или какъ жиды и евреи, Deutsche und Schwaben, Gaulois et français; габсбургскій гоффилологъ Миклошичъ дѣлаетъ разницу, между велико—и малорусскими, и что же? Русскіе на всѣ лады поддерживаютъ этотъ *враждебный дуализмъ!!!..*

ровъ, министровъ, офицеровъ, купцовъ и т. д., тотъ *другъ развитія* т. е. *умѣреннаго либерализма* ipso facto et ipsa natura! Какъ видите, славяне и русскіе всѣ умѣренные либералы!... Въ этомъ находится отвѣтъ на одинъ изъ пунктовъ статьи г. А. Кирѣева о сближеніи славянъ. Теперь, оставляя гг. Данилевскаго и Леонтьева, обращаюсь къ статьѣ г. А Кирѣева, въ «Извѣстіяхъ С.-Петербургскаго Благотворительнаго Общества», №№ 5, 6.

Въ заграничныхъ славянскихъ газетахъ въ особенности въ хорватскомъ «Pózor'ѣ, были на эту статью сдѣланы замѣчанія, но кто знаетъ обстоятельства славянъ и ихъ теперешнее печальное положеніе, не можетъ ожидать нолнаго и свободнаго отвѣта. Обыкновенно бываетъ такъ, что славянская газета, получивъ корреспонденцію изъ Россіи, вычеркиваетъ и прибавляетъ кое-что, чтобы миновать опасности прокурорской строгой цензуры.

Сближенію славянъ, и даже рѣшенію, т. е. подготовкѣ и облегченію рѣшенія славянскаго вопроса препятствуютъ ***невѣдѣніе и недоразумѣнія между славянами***; ***мы другъ друга не знаемъ и вслѣдствіе этого другъ друга не понимаемъ***. Это замѣтно при чтеніи почти каждой русской газеты о славянскихъ дѣлахъ. Я не буду ни несправедливъ, ни одностороненъ, если скажу, что славяне лучше знаютъ Россію и русскихъ, чѣмъ русскіе славянъ. О злости и зависти поляковъ я не говорю здѣсь. Они обыкновенно все русское злобно исковеркиваютъ (verdrehen), въ пользу свою и своихъ мечтаній!... Славяне съ любовью говорятъ и пишутъ, насколько смѣютъ, о Россіи, этой надеждѣ и звѣздѣ денницы свободы всѣхъ славянъ. Ни одна славянская газета (когда я употребляю слова славянинъ, славянскій, всегда исключаю поляковъ), не писали и не пишутъ въ такомъ духѣ о Россіи и русскихъ, какъ напр. «Новое Время» и его вѣнскій корреспондентъ «Argus» о славянахъ. Славяне надѣялись, что «Славянскія Извѣстія» напишутъ что-нибудь противъ искаженій «Новаго Времени», чтобы показать себя настоящимъ органомъ «Славянскаго Благотворительнаго Общества». Нѣтъ! Если въ Россіи есть чиновники, которые дурно служатъ и берутъ взятки etc., славяне не обвиняютъ всего русскаго народа; а если какой славянинъ чиновникъ, офицеръ, епископъ или тщеславный священникъ, желающій быть епископомъ и т. п., сдѣлаютъ какую-нибудь анти-славянскую и анти-русскую мерзость, то русскія газеты сейчасъ готовы осуждать весь народъ или всю интеллигенцію того племени. Сербы напр. виноваты у русскихъ что король Миланъ дѣлаетъ въ Сербіи, что баронъ Николичъ, сербъ, служитъ въ Босніи въ качествѣ губернатора? Архіепископъ въ Сараевѣ, урожденный нѣмецъ, Штадлеръ, дѣлаетъ какъ австрійскій и ватиканскій слуга свое дѣло, и что же? Такъ какъ онъ посланъ туда изъ Славоніи, виноваты хорваты въ этомъ настолько же въ глазахъ русскихъ, даже больше, чѣмъ русскіе на счетъ поведенія рижскаго и ревельскаго бюргермейстеровъ, нѣмецкихъ бароновъ etc. Вотъ что значитъ невѣдѣніе и недоразумѣніе!

Но я хотѣлъ сдѣлать замѣчанія по поводу статьи г. Кирѣева о сближеніи славянъ. Прежде всего замѣчу, что напр. въ хорватскихъ газетахъ было обращено особенное вниманіе на статьи гг. Кирѣева, Н. Я. Данилевскаго и В. Л. Соловьева) и всѣ удивлялись не только начитанности ихъ по дѣламъ церкви и религіи, но еще больше, что они горячѣе защищаютъ эти дѣла, чѣмъ архіереи или епископы между католиками. Въ этомъ, правда, большая разница между славянами и русскими.

Чтобы легче отвѣтить на статьи «Извѣстій» и г. Кирѣева, я раздѣлю свои замѣчанія на вѣру, церковь, государство, политику и конституціонализмъ; газеты и журналы корреспондентовъ, книги, литературныя общества (Матицы), типографіи литераторовъ, стипендіи и молодежь славянскую, школы и агентовъ съ народнымъ славянскимъ духомъ.—Я буду по возможности кратокъ по всѣмъ этимъ предметамъ.

1. Въ религіи и церкви между славянами существуетъ давнымъ давно дуализмъ, какъ и въ судьбахъ просвѣщенія и характерѣ Запада и Востока, славянъ и русскихъ. Во время Гуса, Лютера и 30-лѣтней войны можно было встрѣтить еще такихъ защитниковъ вѣры и церкви, какихъ еще нынѣ имѣетъ Россія; но теперь между заграничными славянами господствуетъ полная вѣротерпимость (telerantia)

и рѣдко кто изъ мірянъ занимается вѣроисповѣдными вопросами, и никакъ не такъ, какъ напр. Монталамберъ или de Maistre. Исключеніе дѣлается только тогда, когда религія нужна для національныхъ или политическихъ дѣлъ. У славянъ теперь вся борьба ведется ради обезпеченія національности (борьбу эту русскимъ трудно понять, такъ какъ Россія независимое государство), для освобожденія изъ-подъ чужаго ига и для созданія національныхъ славянскихъ государствъ и литературъ. Міряне ради этого даже не читаютъ церковныхъ журналовъ, издаваемыхъ на ихъ языкѣ. Поэтому удивляются, какъ русскіе публицисты могутъ употреблять и терять время на церковные и вѣроисповѣдные вопросы, вѣдь, это дѣло синода и церковныхъ соборовъ. Поэтому ожидали славяне, что «Славянскія Извѣстія» будутъ заниматься только политическими и литературными вопросами, а никакъ не религіозными и если «Извѣстій» славяне не выписываютъ и не читаютъ, то по приведеннымъ причинамъ.

До тѣхъ поръ надо озаботиться о двухъ вещахъ: чтобы каждый русскій православный священникъ проповѣдывалъ народу по примѣру св. апостоловъ и чтобы увеличить доходы клира русскаго такъ, чтобы нигдѣ не было священника, имѣющаго менѣе 1,000 руб. въ годъ, а протоіерея 1,200 руб. Тогда будетъ можно отъ священника требовать, чтобы онъ заботился и занимался народомъ и приходскими школами; иначе не выйдетъ ничего порядочнаго. Въ «Извѣстіяхъ» стр. 259 примѣчаніе г. Кирѣева о церковной организаціи и обрядахъ обрадовала каждаго. Итакъ, терпимость: veniam damus petimusque vicissim». Если станутъ утверждать: что «прежде рѣшенія церковнаго вопроса невозможно рѣшеніе славянскаго вопроса» то изъ этого не стоитъ начинать полемику. Прежде надо имѣть ребенка, а потомъ будемъ его—крестить.

2. И въ политическихъ отношеніяхъ и въ спеціальныхъ вопросахъ должно соблюдать полную терпимость. Славяне воспитанники абсолютизма и деспотизма и въ Турціи и въ Австріи; поэтому они ни какъ не влюблены въ конституціонализмъ и не враги и не противники самодержавія. Славянамъ въ Австро-Венгріи подъ чужимъ игомъ и при отсутствіи свободы, парламентаризмъ и избирательная система только средство, а не цѣль для блага и благоденствія народа. Австрія онѣмечивала славянъ при абсолютизмѣ въ особенности при Іосифѣ II, Меттернихѣ до 1848 г. и 1850—60 г. при министерствѣ Баха. При конституціонализмѣ это теперь невозможно. Въ Хорватіи и въ Военной Границѣ гораздо довольнѣе были при господствѣ генераловъ, напр. Ромберга, чѣмъ при гражданскихъ банахъ и лже-конституціализмѣ. Тоже самое въ Далмаціи. Сербы въ Хорватіи и Венгріи избираютъ себѣ митрополита, что русскимъ ненравится съ русско-церковной точки зрѣнія, но это нужно и крайне полезно для обезпеченія національности и церкви подъ чужимъ, не единовѣрнымъ, не единоплеменнымъ правительствомъ. Поэтому русское самодержавіе не составляетъ ни малѣйшаго препятствія для сближенія славянъ съ русскими и Россіей.

3. Русскіе газеты и журналы должны бы заниматься серьезно и подробнѣе славянскими дѣлами, чтобы не видѣть опять сюрпризовъ, какъ было въ Болгаріи. Большія петербургскія и московскія газеты должны дѣлать извлеченія изъ славянскихъ газетъ и журналовъ и вести рубрику: «среди славянскихъ газетъ и журналовъ». Тѣ же русскія газеты должны имѣть постоянныхъ корреспондентовъ въ славянскихъ столицахъ, а также въ Вѣнѣ, Пештѣ и Букарестѣ.—За 500 рублей въ годъ найдется по всюду такой корреспондентъ для 2—3 газетъ вмѣстѣ между литераторами, университетскими профессорами и учителями среднихъ учебныхъ заведеній. Они могутъ прекрасно корреспондировать не только о политикѣ, но и о литературныхъ произведеніяхъ. Только тогда будетъ русская публицистика, и публика à jour и въ состояніи безпристрастно и справедливо разсуждать, а не такъ какъ теперь, по статьямъ Neue Freie Presse, Pester Lloyd—и прочимъ враждебнымъ органамъ. Чтобы русскіе сказали, если бы славяне стали о нихъ разсуждать по такимъ враждебнымъ и невѣрнымъ источникамъ. Все это относится также и къ «Славян. Извѣстіямъ» У славянъ есть руссо-фильскіе газеты и журналы Каждой «Матицѣ» славянской и подобному обществу довольно бы ежегодно

давать 500 — 600 рублей; литерато рамъ (10 человѣкъ всего 400—500 руб лей каждому). Православный священникъ Іов. Сундечичъ хотѣлъ издать свои сочиненія — и славянскій комитетъ ни копѣйки—(куда 500 руб.) не хотѣлъ ему дать. А Кухачу въ Заграбѣ?! На эти деньги можно бы помогать съ гораздо большею пользою славянскимъ газетамъ. Ежегодно 10,000 руб. было бы довольно. Въ Царьградѣ издаютъ протестанты журналъ на болгарскомъ языкѣ, и никому изъ русскихъ не приходило еще въ голову, что русскіе были бы должны сдѣлать тоже самое.

У славянъ можетъ газета или журналъ существовать при 800—1,000 постоянныхъ подписчиковъ, при 1,500 или 2,000 подписчиковъ газета очень счастлива, при всемъ томъ редакціи нерѣдко учителямъ, ученикамъ, даже капеланамъ (діаконамъ) даютъ газету или журналъ за половину обыкновенной цѣны.!... По городамъ, даже по большимъ селамъ славяне имѣютъ кофейни и читальни и газету съ 1,000 подписчиковъ читаетъ 5 — 6,000 человѣкъ.

Понятна польза, если бы русскія редакціи присылали 60 - 100 нумеровъ разнымъ славянскимъ редакціямъ, читальнямъ, въ особенности университетскимъ и студенческимъ. Славяне просили присылать имъ русскіе журналы (Ниву, Всемір. Иллюстр.) и газеты, но ничего не получили. Въ русскомъ тарифѣ должно бы сдѣлать исключеніе для славянскихъ и русскихъ литературныхъ произведеній и ничего не брать въ почтамтѣ.

4. Въ каждой славянской столицѣ нашелся бы агентъ—человѣкъ, который бы раздавалъ русскіе книги и журналы съ газетами вмѣстѣ, пока нѣтъ славяно-русск. книжн. магазиновъ; хорошія русскія книги должно бы посылать по крайней мѣрѣ разнымъ библіотекамъ, въ особенности университетамъ и духовнымъ семинаріямъ по 3 экземпляра (1 для профессоровъ и 2 для ученической библіотеки). Благотворительный комитетъ славянскій долженъ бы давно послать изъ всѣхъ своихъ книгъ, въ особенности Данилевскаго: «Россію и Европу». Надо по 100 экземпляровъ лучшихъ писателей русскихъ сочиненій купить и послать. Съ большимъ удовольствіемъ читали бы Данилевскаго: «Россія и Европа» и почему не пошлетъ комитетъ, хоть бы 50 экземпляровъ? Я знаю, какъ одинъ генералъ-губернаторъ и нѣкоторые писатели и политики за большія деньги желали имѣть Данилевскаго и какъ трудно было его получить!... Благотворительный комитетъ долженъ бы послалъ 100 экз. сочиненій Соловьева *«Исторія паденія Польши»*, такъ какъ славяне читали объ этомъ нѣмецкія, польскія и другія Россіи враждебныя сочиненія о Польшѣ. Если комитетъ дастъ какому чеху, сербохорвату, болгару 500 рублей (всего 1,500 руб.), то они сдѣлаютъ переводъ и напечатаютъ Соловьева: «Исторію паденія Польши». - Комитетъ долженъ бы издать для русскихъ исторію всѣхъ славянскихъ племенъ. Можно просто на просто перевести сочиненіе директора табарской гимназіи (въ Чехіи) Кржижека. Комитетъ долженъ бы также издать книжку 10 — 15 листовъ по географіи, этнографіи и статистикѣ о славянахъ и Россіи. Русскихъ грамматикъ не имѣется на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ!.. Комитетъ долженъ издавать ежегодно славянскій календарь въ родѣ русскаго Кал. Суворина пожалуй въ меньшемъ объемѣ. Это былъ бы источникъ доходовъ комитета!...«Славянскія Извѣстія» должны бы выходить ежедневно, или по крайней мѣрѣ, *еженедѣльно*, а не разъ въ 1 даже и въ 2 мѣсяца. «Извѣстія» должны бы быть политико-литературной, а не церковной газетой!... Пересылка въ Австро-Венгрію на Балканы и обратно должна быть безплатна. Россія при этомъ очень мало потеряетъ, а очень много выиграетъ.

5. Разнымъ славянскимъ *школамъ* можно литературно и денежно помогать. Въ Царьградѣ существуетъ американскій протестанскій Robert's College, въ которомъ воспитываются молодые болгаре; почему нѣтъ подобнаго русскаго заведенія въ Стамбулѣ, чтобы противодѣйствовать чужой пропагандѣ, въ духѣ православія и славянства. Тамъ моглибы воспитываться разные южные славяне и болгаре!—Подобное заведеніе стоило бы ежегодно около 50,000 рублей, а развѣ Россія при *800.000.000* доходахъ не можетъ пожертвовать этой суммы?!.. Если нѣтъ, то это бѣдное государство.

6. *Стипендіи* въ славянскихъ земляхъ и въ Россіи для славянъ и *славянокъ*.

Изъ каждой славянской земли или по крайней мѣрѣ, національности должны бы 2 — 4 степендіата воспитываться въ разныхъ заведеніяхъ и обучаться разнымъ ремесламъ. Это были бы учителя въ славянскихъ земляхъ русскаго языка, они были бы настоящіе апостолы и посредники для сближенія славянъ; они бы писали послѣ воспитанія корреспонденціи, книги и выясняли бы разные вопросы, устраняя предразсудки и заблужденія; ex oriente lux et sal terrae Slavico-russicae были бы эти учители и учительницы. Если бы нѣкоторые остались въ Россіи, это ничего, въ этомъ также была бы польза для связи ихъ съ родиной; это опять таки посредники.

Въ русское войско должно бы привлекать славянъ и отпускать ихъ на мѣсяцъ, на два на родину, чтобы разсказывали своимъ о Россіи. Эти стипендіи стоили бы ежегодно 20—30,000 рублей. Вотъ общій счетъ для австрійскихъ славянъ:

Слав.	Церквамъ ежегодно	5,000 р.
»	Школамъ »	4— 5,000
«	Матицамъ по 500 р.	4— 5,000
»	Газетамъ и журналамъ 10 ежегодн.	1— 5,000
»	Литераторамъ и кореспонд. ежегод.	5,000
»	Библіотекамъ книг.	4— 5,000
»	Стипендіат. ежег.	20—30,000
	Итого.	50—60—70.000 р.

Значитъ 50—60—70,000 рублей ежегодно для австрійскихъ славянъ; но довольно было бы и 40—50,000 руб.!.. Но гдѣ взять и эти деньги, скажутъ? Спросите въ Вѣнѣ, Берлинѣ (Reptilienfond) и Лондонѣ для чего тамъ (Dispositionsfond) запасные фонды!? и откуда у нихъ деньги? Всѣ неуспѣхи Россіи происходятъ главнѣйшимъ образомъ отъ того, что Россія не употребляетъ тѣхъ же средствъ, какія употребляютъ враги ея противъ нея.

Надо спросить, откуда милліоны капиталовъ у берлинскаго протестантскаго «Gustav - Adolf - Verein'а, который сотни тысячъ раздаетъ ежегодно, большою частію въ Австро-Венгріи между славянами!

Пруссія и Италія, какъ и Румынія, дѣлаютъ свое дѣло въ Австро-Венгріи большими деньгами, отчего бы и Россіи не послѣдовать этому примѣру уже ради равноправности? Quod licet Prussiae in Austria, licet et Russiae. Fes qua divisio non conturbat fratres.

Книги «Матицъ», журналы и славянскія газеты можно выписывать, и раздавать русскимъ библіотекамъ и заведеніямъ, университетамъ, музеямъ—годныя книги, журналы etc., а не годныя бросать, но главное дѣло остается, чтобы славяне деньги получали. Румянцовскій музей и безъ того бѣднякъ in slavicis, онъ долженъ бы сдѣлаться русскимъ «British Museum'омъ».

7. Русскіе путешествуютъ, но очень мало по славянскимъ землямъ. На многихъ богатыхъ русскихъ патріотовъ и путешественниковъ можно въ томъ духѣ подѣйствовать частнымъ путемъ!

8. Русскіе конгрессы и собранія не обращаютъ вниманія на славянъ. Русскія желѣзныя дороги и пароходныя общества при этомъ не даютъ билетовъ за половину цѣны, какъ это дѣлается за границей!.. Русскіе ученые не участвуютъ въ славянскихъ конгрессахъ, скупщинахъ, праздникахъ и т. п.,—а этимъ-то и подвигали впередъ нѣмцы и итальянцы сближеніеми соединеніе!..

Въ Загребѣ праздновали основаніе университета въ 1874 г., нѣмцы въ 1874 г. послали изъ Берлина извѣстнаго профессора Руд. Гнейста въ Загребъ—Россія никого! Въ Прагѣ были открыты чешскій университетъ и театръ, русскихъ тамъ не было тогда, какъ представителей!.. Однимъ словомъ — 100.000,000 русскихъ нигдѣ нѣтъ... гдѣ бы имъ слѣдовало занимать первое мѣсто! и потомъ удивляются русскіе, что сочувствій и связи нѣтъ и пишутъ острыя статьи, что такъ неблагодарны эти пренебрегаемые славяне и что сближенія нѣтъ! А какъ ему быть?! Русскіе, какъ самостоятельные и старшіе братья, виноваты, что сближенія нѣтъ, что господствуетъ въ Россіи ужасное невѣдѣніе о славянахъ и о средствахъ для исполненія славянской миссіи Россіей, при которую многіе съ г. Леонтьевымъ не хотятъ ничего знать! Pernicies tua ex te Israël! Даже и телеграммъ не посылаютъ русскіе къ славянскимъ праздникамъ.

9. Въ Хорватіи желаютъ, чтобы богослуженіе было повсюду на славянскомъ языкѣ, какъ это искони въ Далмаціи и

хорватскомъ приморьѣ въ католическихъ церквахъ. Въ этомъ видятъ русскіе — по невѣдѣнію своему опасность для православія, хотя хорваты не фанатики, какъ поляки, и гораздо болѣе прозелиты, чѣмъ русскіе. Исторія хорватовъ не знаетъ до сихъ поръ мучениковъ и не имѣетъ ни одного святаго изъ національныхъ, какъ русскіе, чехи, поляки, сербы и болгары! Такой терпимости въ мірѣ нѣтъ. Ни одного хорвата нѣтъ въ іезуитскомъ орденѣ, но однако русскіе кричатъ объ іезуитахъ-хорватахъ и ихъ будто іезуитской пропагандѣ! Quae vos dementia cepit! Братія мои!

Гагаринъ—русскій—сдѣлался въ Римѣ іезуитомъ, византійцы хуже іезуитовъ—и г. Леонтьевъ какъ византіецъ не стыдится защищать гнилыхъ византійцевъ. Въ Хорватіи и Чехіи іезуитовъ католическое духовенство терпѣть не можетъ, о мірянахъ нечего говорить, и однако русскіе видятъ въ католическихъ хорватахъ и чехахъ—поляковъ и іезуитовъ! Какъ быть, чтобъ угодить!. In hoc aut ignorantia, aut malitia. aut ambae—causa!

10 Русскія школьныя книги по исторіи и географіи должно бы исправить, чтобы г. Иловайскій, по крайней мѣрѣ, писалъ такъ справедливо и такъ много и ясно о славянахъ, какъ онъ пишетъ о гуннахъ, готахъ и даже вандалахъ, нѣмцахъ и испанцахъ! Въ этихъ 10 пунктахъ (gravamina) я сказалъ главныя вещи и указалъ на пути и средства; всего тутъ нѣтъ, какъ всего не найдешь ни въ 10 tabule Romanorum decemvirorum ни 10 praecepta (dekaloga) Judoeorum. Другіе могутъ больше и лучше сказать. Я очень доволенъ, что чрезъ обмѣнъ мыслей кое-что могъ внести въ дѣло сближенія славянъ. Эти мысли и чувства я ношу въ своемъ сердцѣ уже болѣе 20 лѣтъ, особенно съ Кирилло-Меѳодіевскаго празднества въ 1869 г.

Русскіе не имѣютъ въ Европѣ друзей, кромѣ славянъ. Не только родство, но и взаимные интересы и оборона противъ 200.000,000 враговъ должны сблизить ихъ другъ съ другомъ. Dixi et levavi animam—meam.

Отвѣтъ «Заграничному Славянину».

Не смотря на рѣзкость, съ которою «Заграничный Славянинъ» ведетъ со мною споръ, и на значительную разность въ нашихъ взглядахъ на нѣкоторые существенные вопросы, я признаю, однако, не только полезнымъ, но и необходимымъ отвѣтить ему на главнѣйшіе его аргументы (на сколько это окажется возможнымъ, по условіямъ, въ которыхъ поставлено наше изданіе) признаю потому, что расхожусь съ моимъ почтеннымъ оппонентомъ не въ той конечной цѣли, къ которой мы оба стремимся, а лишь въ оцѣнкѣ средствъ, условій, при которыхъ она можетъ быть достигнута! Цѣль наша, повторяю, одна и та же —благо славянства. Въ тождественномъ ея пониманіи мы сходимся, а это и даетъ мнѣ надежду на возможность и окончательнаго соглашенія; вѣдь иначе намъ не стоило-бы и полемизировать, какъ не стоитъ полемизировать съ атеистомъ о религіи, съ матеріалистомъ объ этикѣ, или о политикѣ съ нигилистомъ.

Итакъ цѣль одна и та же, разногласіе лишь въ средствахъ, въ условіяхъ.— Въ чемъ же оно заключается? Отчего средства предлагаемыя для достиженія одной и той же цѣли, различны? Оттого, что у насъ различныя исходныя точки, что мой оппонентъ стоитъ на почвѣ Рима и Европы, а я—на почвѣ Греціи и Россіи, что мы принадлежимъ къ различнымъ культурнымъ типамъ.

Главная наша забота, говоритъ «Заграничный Славянинъ», должна состоять въ освобожденіи славянъ отъ ига, которое они несутъ въ настоящее время. Иго это троякое: религіозное, политическое и, если можно такъ выразиться, — этнографическое (о сторонѣ экономической дѣла я не говорю; это не существенно). Многимъ изъ зарубежныхъ славянъ приходится не вмоготу отъ наглой католической пропаганды, поддерживаемой насиліемъ и обманомъ и преслѣдующей православную вѣру, другимъ (и это большинство) приходится не вмоготу отъ преслѣдованій ихъ свободы политической и общественной, ихъ языка, ихъ народности. Въ нѣкоторыхъ славянскихъ земляхъ иго это налагается извнѣ, иностранными правительствами, въ другихъ, оно

налагается своими собственными правительствами состоящими въ услуженіи и подчиненіи (даже, говорятъ, на содержаніи) у правительствъ иностранныхъ.

Освобожденію славянъ, конечно нельзя не сочувствовать: ему, конечно, и сочувствуетъ всякій русскій, ежели онъ не какой нибудь выродокъ, и я вполнѣ понимаю, что мой почтенный оппонентъ относится очень жестоко къ тѣмъ, которые отвлекаются отъ нея заботами о какихъ-то обще-европейскихъ интересахъ, до которыхъ намъ нѣтъ никакого дѣла и которымъ мы и такъ уже сдуру не мало послужили; еще болѣе понимаю я его негодованіе на тѣхъ близорукихъ, матеріалистовъ-политиковъ, которые преслѣдуютъ лишь такъ называемые «реальные интересы»; точно въ жизни есть что нибудь заслуживающее вниманія ежели это «что нибудь» не связано съ интересами идеальнаго свойства: точно матерія имѣетъ свое какое нибудь значеніе внѣ мысли, которую она выражаетъ!

Заявленія Шенерера и его единомышленниковъ отрезвили, кажется, многихъ, даже въ Прагѣ, гдѣ повидимому слишкомъ часто забываютъ о близости Берлина; забываютъ что Шенереровъ въ Австріи очень много: но объ этомъ послѣ. И въ этомъ отношеніи между мною и моимъ оппонентомъ нѣтъ разномыслія; все это высказывалъ я не разъ и въ «Извѣстіяхъ» и (когда не имѣлъ возможности писать въ «Извѣстіяхъ») въ «Руси» у И. С. Аксакова. Въ чемъ же именно заключается существенное между нами разномысліе? Въ томъ, что мы не одинаково смотримъ *на условія*, при которыхъ общая намъ цѣль — благо единокровныхъ народовъ *), можетъ быть достигнута, *на самыя средства и условія* ея достиженія, на послѣдовательныя ступени ведущія къ ней. Освобожденіе отъ ига иноземца не есть еще конечная цѣль, къ которой долженъ стремиться народъ сознающій свою будущность, оно не можетъ быть цѣлью самой по себѣ, an und für sich, свобода есть только рамка, внѣ которой достиженіе цѣли — если не невозможно, то крайне затруднительно, самая же цѣль — благо народа состоитъ въ доставленіи каждому отдѣльному гражданину наибольшей возможности достигнуть наивысшей, въ данное время, степени развитія нравственнаго, умственнаго эстетическаго. Заслуга народа, находящагося подъ иноземнымъ игомъ, заключается въ томъ, чтобы, неся его, не утратить своей индивидуальности, не дать врагу - притѣснителю исказить дорогаго національнаго облика, не дать ему возможности помутить тѣ родники живой воды, которыми исцѣляются всѣ, самыя тяжелыя раны, той воды, которая по русскимъ сказаніямъ, возвращаетъ даже и жизнь убитому богатырю Только народъ, способный перенести суровое иго и всякія другія невзгоды и испытанія достоинъ свободы и лучшей участи, но для этого онъ долженъ крѣпко держаться своихъ историческихъ основъ, своихъ преданій, своего прошлаго. Вотъ въ чемъ должна заключаться главнѣйшая забота. Правда, современное иго, налагаемое на порабощенныхъ — гуманными, «цивилизованными» народами и правительствами, гораздо опаснѣе и хуже ига, налагаемаго какой нибудь дикой ордой; дикій, необузданный властелинъ грабитъ и разрушаетъ имущество порабощенныхъ, убиваетъ тѣло, но не вылущиваетъ душу; онъ менѣе опасенъ, точно такъ-же, какъ и свирѣпый волкъ или левъ менѣе опасны нежели ядовитыя бактеріи, незамѣтно вкрадывающіяся въ организмъ! Но тутъ-то и нужно не поддаваться, крѣпко отстаивать свое дѣло, не идти на уступки, даже *съ виду несущественныя*.

«Сытый голоднаго не понимаетъ, можетъ мнѣ, не безъ досады, возразить Заграничный Славянинъ». Вамъ легко философствовать, есть ли свобода цѣль, an und für sich, или условіе, или средство, вамъ Богъ помогъ освободиться отъ ига татаръ, помогайте же и намъ, не мудрствуя лукаво, не лѣнитесь!» Я далекъ отъ мысли защищать чью бы то ни было лѣнь, чей бы то ни было эгоизмъ (да впрочемъ было бы и несправедливо обвинять русскаго человѣка въ эгоизмѣ, во всемъ пожалуй окажемся мы виноватыми— но не въ этомъ). Я стараюсь только объяснить моему оппоненту, почему мы такъ осмотрительны даже на словахъ, такъ неуступчивы въ такихъ, по его мнѣнію, *не-*

*) Необходимо замѣтить, что намъ одинаково дорога судьба и народовъ намъ единовѣрныхъ.

существенныхъ, второстепенныхъ вопросахъ, какъ вопросъ вѣроисповѣдный, такъ упорны въ ихъ обсужденіи, что *повидимому* забываемъ даже не терпящіе отлагательства вопросы политическіе! Бросьте вы вашъ filioque, говоритъ мнѣ гнѣвно мой оппонентъ, не раздувайте существующій между нами «дуализмъ», освободите насъ, а затѣмъ, уже, пожалуй, занимайтесь богословіемъ; вы, кажется, генералъ, такъ и предоставьте богословіе духовенству, у насъ вотъ и духовенство занимается политикой: всякія католическія миссіонерскія общества, всякія протестантскіе Gustav-Adolf Verein'ы преисправно занимаются политикой и помогаютъ кто графу Кальноки, кто Бисмарку, а вы, міряне, занимаетесь религіей въ ущербъ политикѣ. Прежде, нежели перейти къ подробному разбору предмета нашего спора, я долженъ замѣтить моему почтенному собесѣднику, живущему за границею и повидимому не знающему условій, въ которыхъ живетъ наше Общество (Славянское Благотворительное), что мы не имѣемъ никакой возможности выходить изъ рамокъ нашего устава и что мы находимся въ несравненно менѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели наши заграничные враги и конкурренты, безпрепятственно обходящіе свои уставы и спокойно преслѣдующіе свои политическія цѣли. Вообще «заграничный Славянинъ» склоненъ повидимому взваливать на наше общество и на нашихъ единомышленниковъ отвѣтственность за такія дѣла, которыя лежатъ положительно внѣ сферы нашей дѣятельности; впрочемъ, въ этомъ часто бываютъ виноваты и не одни заграничные, а и свои, русскіе, славяне, которымъ стыдно не знать настоящаго положенія дѣлъ.

Такъ напр., почтенный мой оппонентъ обращается къ намъ съ такими обвиненіями: «какъ могло сдѣлаться», упрекаетъ онъ насъ, «что то, что совершилось въ Болгаріи, было для васъ сюрпризомъ?» Для насъ это нисколько сюрпризомъ не было; все, что случилось, было результатомъ первоначальныхъ ошибокъ и негодности того политическаго устройства, которое было дано, конечно не нами, освобожденной Болгаріи. Принцъ Баттенбергъ конечно не нашъ кандидатъ; а что политическое устройство Болгаріи было негодно, это съ самаго начала было заявлено не только нами, но и нѣкоторыми другими, понимавшими положеніе дѣлъ, напр., «Московскими Вѣдомостями». Опасность положенія была ясна для всѣхъ, мало-мальски знакомыхъ съ положеніемъ освобожденныхъ странъ.

Замѣчательно, что то, что случилось нынѣ съ Болгаріею и Сербіею, случилось полстолѣтія тому назадъ съ Греціею. Главнымъ факторомъ ея освобожденія была конечно и безъ сомнѣнія Россія; когда, забывъ преданія своей великой бабки, вѣчно колеблющійся, Императоръ Александръ I-ый былъ обойденъ старой лисицей Меттернихомъ и сталъ «таскать изъ огня каштаны» для Австріи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ отдаляться отъ Греціи (1823 годъ). Наши соперники (Англія) тотчасъ же этимъ воспользовались и захватили наше мѣсто. «Если Россія покидаетъ свой постъ», писалъ Каннингъ, «Англія должна занять ея мѣсто». И она дѣйствительно заняла его, «на долго сдѣлавъ изъ Греціи «Европейскій Афганистанъ». Но сходство этимъ, къ сожалѣнію, не ограничилось; нѣсколько лѣтъ спустя, для свободной Греціи нужно было придумать подходящій образъ правленія. Геніальный Каподистріа понималъ, конечно, непригодность для Греціи парламентаризма; онъ намѣревался установить въ ней крѣпкое монархическое правленіе, опирающееся на совѣщательное собраніе и органически, неразрывно соединить юное государство съ православной церковью (вполнѣ славянофильская программа!) и что-же? нашъ представитель — M-r de Ribeaupierre посовѣтовалъ ввести въ Греціи парламентарную конституцію, вліяніе церкви было сведено на нуль, и созданная нами Греція оказалась устроенною на совершенно враждебныхъ намъ началахъ! По странной ироніи судьбы, какъ замѣчаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» № 5 г. Татищевъ, устройство православной церкви въ Греціи было ввѣрено англиканину, протестанту и католику *) (Лондонская конференція).

*) Императоръ Николай I, который былъ такъ чутокъ къ интересамъ православной церкви, мечталъ о другомъ—онъ думалъ устроить три полуавтономныя греческія княжества, коихъ представителемъ былъ бы цареградскій патріархъ, поставленный подъ охрану международнаго права!

Но я возвращаюсь къ моему оппоненту. «Что вы за буквоѣдъ, говоритъ онъ мнѣ. Вы готовы изъ за одной буквы (*и. — que.*) изъ за одного слова (filio) отдать насъ на съѣденіе нашимъ общимъ врагамъ! Бросьте вы это. *Вы изъ за второстепеннаго забываете главное!*» Многознаменательныя слова! повидимому мой почтенный критикъ и не подозрѣваетъ до какой степени они многознаменательны! Не останавливаясь на этомъ упрекѣ, онъ идетъ далѣе, онъ утверждаетъ, будто его сограждане придаютъ очень мало значенія вѣроисповѣднымъ вопросамъ, что у нихъ религія играетъ лишь второстепенную (субсидіарную) роль, что у нихъ царитъ полная «tolerantia» (повидимому «Заграничный Славянинъ» отождествляетъ это выраженіе съ индифферентизмомъ); у насъ, де, никто изъ мірянъ не занимается вѣроисповѣдными вопросами, исключеніе дѣлается лишь тогда, когда религія можетъ служить для достиженія политическихъ цѣлей. Мы удивляемся, какъ вы можете заниматься этими вопросами, предоставьте это Синоду. И на славянскомъ западѣ можно было, когда-то, въ давно прошедшія времена Гуса, встрѣтить такихъ защитниковъ церкви, какіе есть и до сихъ поръ въ Россіи; но теперь этого у насъ нѣтъ, добавляетъ онъ какъ бы съ нѣкоторымъ чувствомъ самодовольства! Да отвѣчу я, и слава Богу что у насъ на Руси великій мученикъ Гусъ найдетъ себѣ подражателей; бѣда тому обществу, тому народу, среди котораго не найдется людей, готовыхъ идти на костеръ за свою вѣру! Мнѣ, конечно, возразятъ, что мы теперь, слава Богу, живемъ въ эпоху «прогресса», «толеранціи», «цивилизаціи и гуманности», а не въ варварскія времена какихъ-то Крестовыхъ походовъ, Гуса и Лютера; намъ, де, не надо ни такихъ «фанатическихъ» мучениковъ, ни такихъ «жестокихъ» добродѣтелей; теперь ни гдѣ уже за религіозныя идеи на костры не взводятъ! Пусть будетъ такъ—для Запада, но мы будемъ надѣяться, *будемъ увѣрены*, что для насъ, русскихъ, эти времена еще *не прошли*, что мы еще въ нихъ живемъ. Спѣшу дополнить мою мысль: счастіе, великое счастіе, что у насъ не возводятъ на костры за разногласіе въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, но еще гораздо большее счастіе заключается въ томъ, что у насъ на Руси найдутся люди, которые, мы въ этомъ увѣрены, будутъ готовы взойти на костеръ для защиты своей вѣры! Мой уважаемый оппонентъ очевидно писалъ сгоряча, подъ впечатлѣніемъ происходящей у него передъ глазами борьбы между римской церковью и гражданскимъ обществомъ; но его откровенныя, чуть было не сказалъ — хвастливыя, слова могутъ служить страшнымъ симптомомъ того болѣзненнаго, безвыходнаго состоянія, въ которое поставлено западное общество католическою церковью. На западѣ даже люди, горячо преданные своей родинѣ и отнюдь, повидимому, не враждебные христіанству, перестали понимать, что лишь въ союзѣ съ Церковью можетъ государство находить свою крѣпость, силу, способность переносить невзгоды, и *что атеистическое государство съѣдаетъ самаго себя.*

Позволю себѣ остановиться нѣсколько на этомъ важномъ предметѣ. «Заграничный Славянинъ» стоитъ, конечно, на почвѣ чисто римской, западной, и, не смотря на свою любовь къ Россіи (которую однако знаетъ, кажется, по наслышкѣ) не вполнѣ понимаетъ ея глубочайшія, нравственныя потребности. Онъ мѣряетъ ихъ на свой западный аршинъ, и недоволенъ тѣмъ, что его исчисленія почему-то не удаются; вотъ и сдается ему, что у *насъ* какая то ошибка, какіе то лишніе элементы, мѣшающіе его ученымъ выкладкамъ вылиться въ ихъ обычную формулу. И дѣйствительно, есть коренная разница между тѣми данными, надъ которыми приходится работать и размышлять западному человѣку — и человѣку русскому. Вся исторія запада построена на постоянной борьбѣ всѣхъ противъ всѣхъ, а въ особенности всѣхъ противъ правительства, а такъ какъ государство безъ правительства немыслимо, то и борьба эта можетъ кончиться лишь атомизаціею и уничтоженіемъ самаго Государства, превращеніемъ его въ какую то компанію на акціяхъ, преслѣдующую однѣ свои матеріальныя цѣли. Борьба эта кровавой нитью тянется черезъ всю исторію Западной Европы. Отъ войнъ великихъ бароновъ съ королями, отъ борьбы императоровъ съ папами, до войнъ средняго сословія съ аристократіею — и до

послѣдней дикой драки парижскихъ коммунаровъ съ «буржуазной» арміей m-r Thiers'а въ виду нѣмецкихъ аванпостовъ *). Борьба эта не только сдѣлалась нормальнымъ состояніемъ запада, но представляется даже западному человѣку, какъ нѣчто совершенно обычное, даже какъ нѣкоторый признакъ здоровой жизни; она нашла даже своихъ апологетовъ—философовъ (Гоббсъ, Штирнеръ) и повліяла на другія науки, не имѣющія ничего общаго съ соціологіею (Дарвинъ, Геккель) и, отуманивъ умы мыслителей, низвела соціологію и антропологію на степень біологіи первичныхъ организмовъ **); параллельно съ этимъ, область умозрѣнія неудержимо захватывается постоянно распространяющимся пессимизмомъ (Гартманнъ), приводящимъ наконецъ человѣчество къ буддійской Нирванѣ, какъ къ единственно возможному благу. Но тамъ, гдѣ происходитъ борьба, является и стремленіе найти изъ нея выходъ, установить если не миръ, то перемиріе, главной гарантіею котораго является *право*, jus (элементъ совершенно отрицательнаго свойства); далѣе права общество западное, разорвавшее свою связь съ церковью, идти не можетъ, такъ какъ философія—удѣлъ лишь немногихъ избранныхъ; девизъ západнаго общества—Justitia regnorum fundamentum (Іосифъ II), другаго основанія у него нѣтъ. На западѣ всѣмъ и каждому нужно крѣпко помнить, твердо знать, до чего кто доборолся, «додрался», кто дальше какого права идти не долженъ. Но вѣдь и самое положительное право основано на болѣе или менѣе вынужденномъ соглашеніи между побѣжденной стороной и стороною побѣдившей, въ сущности стало быть оно есть не что иное, какъ освященіе насилія, насиліе же, какъ его ни величай, или ни освящай, напр давностію, все же остается насиліемъ и не имѣетъ въ себѣ самомъ элемента категорическаго императива, а стало быть и вообще обязательности. (Такова судьба всякаго отрицательнаго принципа; онъ не можетъ стать основою жизни, можетъ лишь исправлять нѣкоторыя уклоненія отъ истины). Вотъ тамъ—на западѣ, и живутъ настоящіе буквоѣды (а не у насъ), ибо право безъ буквоѣдства немыслимо! Этимъ отчасти и объясняется, почему у насъ въ Россіи строгія и правильныя юридическія понятія прививаются такъ трудно къ массамъ; почему даже въ основаніи нашего новаго судоустройства легли антиюридическія основанія, представляющія разительный примѣръ того, что называется въ логикѣ contradictio in adjecto (судъ — «*милостивый*»); мы хотимъ въ область права ввести не свойственный ему, взятый изъ другой сферы, элементъ любви (намъ трудно отдѣлить ихъ одинъ отъ другаго). Отъ этого смѣшенія неминуемо происходитъ пагубная путаница понятій, вслѣдствіе которой и являются у насъ иногда такіе чудовищные, возмутительные по своей несправедливости вердикты. (Хотя конечно въ этомъ много виновата и оплачиваемая преступленіемъ адвокатура, болѣе и болѣе затемняющая этическія понятія общества).

Борьба, которая на западѣ является состояніемъ нормальнымъ, вытекающимъ изъ самой его жизни, у насъ, въ Россіи является какъ противорѣчіе общему строю нашей жизни. Этого за границей не понимаютъ, не понимаютъ даже и тѣ, которые относятся къ намъ сочувственно! Бѣдные, говорятъ они про насъ, у нихъ нѣтъ ни борьбы, ни партій! Внутренній органическій миръ кажется западнику или очевиднымъ признакомъ слабости жизненныхъ силъ, или результатомъ страшнаго давленія деспотическаго правительства. Западные люди большею частію не даютъ себѣ труда разобрать, дѣйствительно-ли борьба эта необходима, сообразить тѣ условія, при которыхъ Россія устраивалась и при которыхъ она живетъ и нынѣ. Тамъ, гдѣ есть насиліе, должна быть ненависть и борьба, и если этой борьбы нѣтъ, то конечно отсутствіе ея служитъ признакомъ отсутствія и самой жизни, но зачѣмъ же быть борьбѣ тамъ, гдѣ не существуетъ

*) Скоро начнется еще болѣе жестокая вооруженная борьба между капиталистами и рабочими. Она уже началась (Бельгія). Только бы мы у себя на Руси ее не завели, какъ завели было борьбу противъ какого-то не существующаго клерикализма!

**) Замѣчательно, что лучшимъ критикомъ воинствующаго дарвинизма—является ученый миролюбивой славянофильской школы — Данилевскій. Но повторяю и Struggle por life и Левіаѳанъ и homo homini lupus — все это *должно* было явиться именно на Западѣ, не могло тамъ не явиться.

ея причинъ, гдѣ не существуетъ этой ненависти ни между классами, или слоями народа, ни между народомъ и правительствомъ, ни въ особенности между Церковью и государствомъ?! Развѣ борьба есть какое-то благо само по себѣ, безъ котораго не можетъ быть счастія, быть прогресса въ наукѣ, въ искусствахъ, въ нравственности! У насъ совсѣмъ другія условія, у насъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ настоящая борьба, то и тутъ она, къ великому огорченію западниковъ, совершается не по ихъ шаблону, и наша исторія повѣствуетъ о многовѣковой борьбѣ, и не легкая борьба предстоитъ еще намъ и въ будущемъ, но она направлена противъ врага внѣшняго, мы болѣе шести вѣковъ боролись успѣшно, дастъ Богъ не оскудѣетъ наша сила и впредь, только-бы не усомниться намъ въ самихъ себѣ.

Обвиненіе «Заграничнаго Славянина», направленное противъ тупой неуступчивости въ «несущественныхъ» вѣроисповѣдныхъ вопросахъ, доказывающей равнодушіе къ общей нашей цѣли—напоминаетъ мнѣ другое подобное же обвиненіе (тоже идущее съ дружественной стороны), за ту же неуступчивость въ вѣроисповѣдныхъ вопросахъ и несочувствіе соединенію. Изъ за границы намъ пишутъ (въ «Извѣстія»): «что вы за сторонникъ соединенія славянъ, когда вы не хотите пожертвовать для этой высокой цѣли вашей узкой православностію! время-ли толковать о какомъ нибудь filioque, когда австровенгръ штурмуетъ нашу народность и хочетъ ее уничтожить! Достигнемъ прежде главной цѣли, а затѣмъ уже будемъ разбирать, кто правъ—кто виноватъ въ filioque и прочемъ; а въ «Православномъ Обозрѣніи» намъ пишутъ: что вы за сторонники соединенія церквей и славянъ, когда вы не хотите пожертвовать для этой высокой цѣли вашей узкой православностію; время-ли толковать о какомъ нибудь filioque, когда атеистъ-биржевикъ штурмуетъ нашу церковь и хочетъ ее уничтожить! Достигнемъ прежде главной цѣли, а потомъ уже и будемъ разбирать кто правъ — кто виноватъ въ filioque и прочемъ. Обвиненія тождественны—и отвѣтъ на нихъ — одинъ и тотъ-же!

Страннымъ, чуть не смѣшнымъ кажется моему заграничному оппоненту, что вотъ, молъ, ни Данилевскій, ни Соловьевъ, ни Кирѣевъ, не священники, не монахи, а вмѣсто того, чтобы заниматься политикой, занимаются богословіемъ, не представляютъ этого дѣла Св. Синоду *), и загадочнымъ это ему кажется и непонятнымъ, потому что онъ забываетъ, что мы, вопервыхъ, сыны православной церкви а за тѣмъ уже русскіе и славяне, что и Россія-то получила свой особенный обликъ, свою индивидуальность лишь благодаря тому, что она неразрывно, органически соединена съ православной церковью; что Россія, именно благодаря своему двойственному характеру, и есть для насъ *«Святая Русь»*, а не какая нибудь *«merry England»* или *«bella Italia»*; она для меня родина не только въ политическомъ, но и въ церковномъ, въ этическомъ отношеніи. Мы очень легко можемъ себѣ представить Италію безъ того или другаго прелестнаго вида или памятника, привлекающаго иностранцевъ, можемъ еще легче представить себѣ Англію, переставшую веселиться, но все же, и та и другая, сдѣлавшись нѣсколько менѣе красивой или менѣе веселой, останутся Италіею или Англіею, того-же нельзя сказать про «Святую Русь»: отдѣлите въ ней, по желанію нѣкоторыхъ либеральныхъ псевдорусскихъ, государство отъ церкви, попробуйте удалить ее отъ церкви, и она превратится въ нѣчто совершенно новое, совершенно иное — и отнюдь не симпатичное! Для русскаго человѣка - религія, и притомъ въ ея православной формѣ, заключаетъ въ себѣ всю сумму его этическихъ идеаловъ и понятій, церковь—представляетъ ту сферу, гдѣ они вырабатываются, гдѣ принимаютъ конкретную форму—государство, ту область, гдѣ они

*) Такое мнѣніе, извинительное въ иностранцѣ и иновѣрцѣ, я, къ стыду нашему, слыхалъ и отъ нѣкоторыхъ псевдо-православныхъ русскихъ, находившихъ, что намъ, мірянамъ, совсѣмъ не слѣдъ хлопотать о церковныхъ дѣлахъ; точно мы католики, сдавшіе это дѣло непогрѣшимому папѣ, точно мы не сыны церкви а какіе-то ея подданные! точно ея интересы не наши тоже интересы. Но, слава Богу, православная церковь не сдана еще въ канцелярію и не находится въ вѣдѣніи спеціально-богословскихъ чиновниковъ!

находятъ практическое примѣненіе. Россія не можетъ и не хочетъ жить безъ Христа и его церкви, она не довольствуется *миромъ съ церковью*, а стремится къ *тождеству съ нею*, она съ негодованіемъ отвращается отъ западныхъ взглядовъ на религію, съ ихъ «гражданской моралью», съ ихъ гражданскимъ бракомъ (?) съ ихъ confessions-losigkeit, съ ихъ конечнымъ лозунгомъ—«Ni Dieu ni maitre»! Русскій человѣкъ хочетъ жить не только *съ церковью*, но и *въ церкви*, и при томъ самолично, а не черезъ духовныхъ делегатовъ. Мы, русскіе, и считаемъ себя призванными показать міру возможность совмѣстной жизни, совмѣстной и благотворной дѣятельности церкви и государства, призванными развить религіозную этическую сторону культурной жизни современныхъ народовъ; въ этомъ *преимущественно* заключается наша міровая задача, точно такъ-же, какъ міровая задача Греціи заключалась въ развитіи стороны философской и эстетической, задачи Рима — стороны правовой, а задача племенъ германо-романскихъ—въ преимущественномъ развитіи стороны экономическо-общественной. Чѣмъ труднѣе наша задача, тѣмъ болѣе должны мы заботиться о томъ, чтобы не оказаться недостойными ея. Преимущественно мы русскіе, и соединенные съ нами славяне призваны и обязаны возвысить въ глазахъ человѣчества значеніе этической стороны нашей культуры, показать, что эта наша задача — выше всѣхъ остальныхъ, въ особенности выше задачи соціально-экономической, которая, къ несчастію, начинаетъ все болѣе и болѣе заслонять собою всѣ остальныя. Пусть насъ «въ цѣлой Европѣ» обзываютъ и клерикалами, и Донъ-Кихотами и чѣмъ угодно; мы этимъ смущаться не должны, и въ этомъ отношеніи le Grand concert européen—пустое привидѣніе (точно такъ же, какъ и во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ). Можемъ-ли мы послѣ всего сказаннаго относиться къ нашей церкви, къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ, такъ какъ думаетъ (и совѣтуетъ намъ) «Заграничный Славянинъ»? Мы не можемъ дать вѣроисповѣднымъ вопросамъ второстепенное мѣсто, отложить ихъ на время въ сторону, пока рѣшаются другіе, будто-бы болѣе важные! Мой почтенный оппонентъ повидимому не замѣчаетъ, что вѣдь они-то именно имѣютъ нормирующее значеніе для всѣхъ остальныхъ; по этому-то и отзывается такъ больно въ нашемъ сердцѣ то, что происходитъ на Западѣ; по этому-то, напримѣръ, и ставимъ мы въ главную вину сербскому правительству изгнаніе митрополита Михаила *); по этому-то и горько намъ видѣть притѣсненія православной церкви католическими миссіонерами въ Босніи и Герцеговинѣ...

Повидимому мой почтенный оппонентъ упустилъ изъ виду одно важное обстоятельство; онъ, кажется, не сознаетъ, что забота о дѣлахъ церковныхъ нисколько не мѣшаетъ намъ заботиться и о другихъ дѣлахъ, относящихся до славянства; даже совершенно на оборотъ: вѣдь хорошо-ли, дурно-ли направленіе принятое восточными дѣлами, все же Сербія спасена и увеличена, Болгарія создана, Черногорія, благодаря впрочемъ преимущественно доблести своихъ сыновъ, увеличена; если положеніе Босніи и Герцеговины ухудшилось, то вѣдь не на долго (будемъ надѣяться). Все же, стало быть, улучшеніе есть; пусть же поразмыслитъ «Заграничный Славянинъ», было ли бы все это совершено, если бы мы не заботились о вѣроисповѣдныхъ, «средневѣковыхъ» «вышедшихъ изъ моды» вопросахъ? Интересы всѣхъ славянъ безъ изъятія намъ конечно дороги, будь они католики, или протестанты или даже мусульмане (боснійскіе беги); мы должны неустанно денно и нощно заботиться о ихъ освобожденіи, это должна быть и есть наша постоянная мечта, къ осуществленію которой мы, съ Божіею помощію, и приближаемся, но пусть подумаетъ мой почтенный оппонентъ, могли ли бы быть такъ сильно, такъ глубоко взволнованы народныя массы въ 1876 и 1877 г. могли ли бы онѣ такъ чутко отозваться на мольбу о помощи задунайскихъ славянъ, если бы дѣло шло не о нашихъ православныхъ братьяхъ? Отвѣтъ, кажется, не можетъ подлежать сомнѣнію! Будь дѣло поставлено иначе — конечно — нищіе, стоявшіе на паперти нижегородскихъ церквей, не отдавали бы моему покойному брату

*) Возвращеніе беззаконно изгнаннаго архипастыря и было-бы конечно первымъ дѣйствительнымъ шагомъ къ возобновленію дружественныхъ сношеній съ сербами.

такъ охотно, со слезами умиленія, свои послѣдніе собранные ими Христа-ради гроши! Повѣрьте, почтенный единоплеменникъ—собранное ими они отдавали Христа-ради, а не этнографіи ради! Ставить крѣпко религіозный вопросъ, нисколько не значитъ «раздувать дуализмъ»! Нежеланіе поступиться своими идеалами, но даже и временно отложить ихъ въ сторону, ни сколько не значитъ навязывать ихъ другимъ, это было высказано нами—при самомъ появленіи нашихъ «Извѣстій», а что это не помѣшаетъ намъ исполнить наше историческое призваніе—въ этомъ можетъ служить порукой вся наша исторія.

Къ спеціально политическимъ нашимъ идеаламъ самодержавіе, (выслушивающее свободный голосъ страны *) и общины, пользующіяся широкой автономіею) «Заграничный Славянинъ» относится повидимому не только снисходительно но даже какъ-бы сочувственно, но и тутъ у него проглядываетъ желаніе большей «жизни» большей «борьбы». Въ этомъ конечно отражается западное воспитаніе почтеннаго моего оппонента. На западѣ смотрятъ на политическую борьбу, какъ на нѣчто такое, безъ чего немыслима и самая жизнь; тамъ думаютъ, что политическая неурядица—признакъ благоденствія (невольно припоминается: «Polska nieladem stoi»), тамъ думаютъ что сила, интенсивность жизни народа измѣряется силой политической борьбы: чѣмъ больше политикановъ фельетонистовъ**), депутатовъ, избирательныхъ съѣздовъ, митинговъ, «платформъ», баррикадъ — тѣмъ лучше, тѣмъ жизнь полнѣе. Точно, подумаешь, жизнь человѣка исчерпывается политикой; точно нѣтъ ни наукъ, ни искусствъ, ни жизни семейной, ни жизни религіозной (созерцательной или активной); точно все это возможно лишь при такъ называемыхъ свободныхъ политическихъ учрежденіяхъ! Подумаешь, право, что господа критики не знаютъ, при какихъ условіяхъ жили Бэконъ и Шекспиръ, Гете и Кантъ, Паскаль и Мольеръ, а у насъ Пушкинъ, Гоголь, Грибоѣдовъ и Глинка *)! Ихъ омороченному уму и не вдомекъ, что политическая свобода не имѣетъ ничего общаго съ разными митингами и парламентской болтовнео. Я, конечно, весьма далекъ отъ мысли, что генію удобно развиваться лишь подъ сѣнію самодержавія (Греки, Данте) но утверждаю, что между политикой съ одной стороны и наукой или искусствомъ съ другой, нѣтъ никакого соотношенія, что онѣ совершенно несоизмѣримы, и что политика охватываетъ лишь очень не большую и притомъ весьма второстепенную область народной жизни (вдобавокъ и наименѣе интересную и наитѣснѣйше связанную съ интригами и подлостями). «А бѣдность народа, а эксплоатація его большими землевладѣльцами, а неравенство передъ закономъ? и т. д....» возразятъ мнѣ. Все это очень скверно; и слава Богу, что многое изо всего этого исправлено, но вѣдь равенство или неравенство передъ закономъ можетъ одинаково существовать и въ монархіи и въ республикѣ, бѣдность или богатство народныхъ массъ зависитъ не отъ формы правленія, а скорѣе отъ умѣлости или неумѣлости министра финансовъ, что же касается до эксплоатаціи, то богатый всегда будетъ эксплоатировать бѣднаго, ежели богатый не будетъ излѣченъ отъ своего эгоизма религіею; противъ такой эксплоатаціи другаго лѣкарства нѣтъ, есть лишь палліативы, но и ихъ нужно искать не на западѣ а опять-таки у насъ, въ общинномъ владѣніи извѣстной неотчуждаемой части земли и въ русской артели. Парламентаризмъ тутъ ни причемъ, даже совершенно на оборотъ: парламен-

*) Разумѣю дѣйствительный ея голосъ, голосъ настоящихъ народныхъ силъ, а не случайныхъ выдуманныхъ псевдо-общественныхъ силъ, разумѣю тѣ, которыя выслушивалъ и Іоаннъ Грозный и Алексѣй...

**) Нисколько не думаю умалять ту пользу, которая можетъ приносить пресса, но она полезна лишь тогда, когда она серьезна, не фельетонна, когда она возвышаетъ, а не понижаетъ уровень общественнаго самосознанія общественной совѣсти—когда она честный органъ гласности (безъ которой общество существовать не можетъ), а не органъ для распространенія сплетень и всякаго рода оффенбаховщины.

*) Странныя, дѣтскія эти идеи занесены къ намъ изъ Франціи, а, кажется, вѣдь именно Франція-то и могла бы намъ служить въ этомъ отношеніи устрашающимъ примѣромъ (abschreckendes Beispiel). И Людовикъ XIV и Жюль Греви—французы, но, признаюсь, мнѣ было бы пріятнѣе встрѣтиться въ Версальской пріемной съ Мольеромъ, Боссюэтомъ и Корнелемъ, нежели въ салонѣ г-на Греви съ Зола, Ришпеномъ и Поль-Беромъ!

тарная борьба, съ ея выборами и митингами, прямо вредитъ благосостоянію народа; на нее мнѣ горько жаловались мужики (да и не одни мужики) окрестностей Видина, объясняя мнѣ, что политика разстроила ихъ крѣпкій мирный сельскій бытъ, ихъ семейныя отношенія и начинала даже разстраивать ихъ благосостояніе. Впрочемъ, никто, хотя поверхностно знакомый съ такъ называемыми славянофильскими теоріями, не заподозритъ насъ въ равнодушіи къ судьбѣ народа: эти теоріи тѣмъ то и сильны, что онѣ находятъ откликъ, не ясный, но тѣмъ не менѣе весьма сильный въ душѣ сѣраго, православнаго люда. Мы стоимъ за широкую автономію общины, но конечно не за ту автономію, которая распространяетъ кабаки, рѣшаетъ мірскія дѣла большинствомъ голосовъ и ведеръ водки, которая расшатываетъ семейный бытъ; община, за которую мы стоимъ, есть распространенное семейство, а не сокращенный парламентъ.

Замѣчательно, что именно тѣ, которые по преимуществу сочувствуютъ западнымъ идеаламъ государства, которые боготворятъ его (по примѣру древнихъ римлянъ) не замѣчаютъ, что именно парламентаризмъ, за который они такъ стоятъ, и ведетъ государство къ погибели, отдаетъ его въ руки анархистовъ, и что очень не далеко то время, когда парламентаризмъ будетъ отжившая форма государственной жизни, даже въ Англіи, гдѣ онъ выросъ и созрѣлъ, и гдѣ далъ такіе блестящіе результаты. Наши нигилисты, при всей своей дикости и неразвитости, сообразили однако, что безсмысленныя убійства, посредствомъ которыхъ они намѣревались достигнуть своихъ цѣлей, только отдаляютъ ихъ отъ искомыхъ результатовъ и рѣшили всѣми средствами добиваться конституціи какъ вѣрнѣйшаго, хотя и медленнаго, средства достиженія анархіи и разрушенія государства (это было заявлено, по заграничнымъ свѣдѣніямъ, въ ихъ органѣ «Народная воля» нынѣшней зимой), и въ этомъ дикій ихъ инстинктъ ихъ не обманываетъ. Парламентаризмъ, въ гнилости котораго убѣдился, подъ конецъ, и самъ молившійся на него Герценъ, сбившій у насъ съ толку цѣлое поколѣніе, доживаетъ свой вѣкъ... скоро, великія тѣни Мирабо, Питтовъ, Фоксовъ будутъ одиноко бродить по опустѣлымъ заламъ величественныхъ дворцовъ, гдѣ когда-то гремѣло ихъ могучее слово, двигавшее народы и сокрушавшее царства! Послѣдній изъ великихъ представителей парламентарной эпохи—Гладстонъ, самъ, силою вещей, вынужденъ наносить парламентаризму тяжелые удары. Наиболѣе прозорливые изъ англійскихъ публицистовъ сознаютъ это вполнѣ. Ссылаюсь на замѣчательную статью Стэда въ Contemporary Review. — «Управленію журнализмомъ» и отвѣтъ на нее О. К. въ Pall-Mall.

Относительно значенія народности между «Заграничнымъ Славяниномъ» и мною разницы конечно, нѣтъ и быть не можетъ. Оба мы признаемъ, что народность есть основаніе государства, причина, смыслъ его бытія (raison d'être) и что лишь народность даетъ государству право на существованіе. Тамъ, гдѣ ея нѣтъ, т. е., гдѣ государство состоитъ изъ безправной массы и изъ правящей орды, или правящей организаціи (напримѣръ въ Турціи или въ Индіи), или гдѣ оно состоитъ изъ разныхъ мелкихъ враждебныхъ другъ другу и случайно, искусственно сопоставленныхъ народностей (напримѣръ, въ Венгро-Австріи) и самыя такія государства существуютъ лишь благодаря случайности. Исчезновеніе такихъ государствъ, конечно, не должно застать насъ врасплохъ: мы должны быть приготовлены ко всякимъ случайностямъ. Но какія бы ни были новыя отношенія, въ которыя мы будемъ поставлены судьбой, будутъ ли они согласны съ тѣми, о которыхъ думаетъ «Заграничный Славянинъ» или иныя, во всякомъ случаѣ эгида, которой Россія готова покрыть родственные ей народы—по вѣрѣ ли или по крови—все равно, будетъ и *сильна*. и *безкорыстна*. Какъ бы ни устроились наши отношенія къ православной и славянской федераціи, мы понимаемъ, что народамъ, вступающимъ (конечно лишь добровольно) въ такую федерацію, ни сколько не нужно отказываться отъ своего прошлаго, отъ своей многовѣковой исторіи: именно мы, приверженцы такъ называемой народной, славянофильской партіи *) мы, кото-

*) Считаю необходимымъ повторить не разъ уже сказанное мною: ни «славянофильской» ни какой иной *партіи* у насъ въ смыслѣ, который придается этому слову на западѣ, не сущест-

рые дорожимъ нашимъ прошлымъ, уважаемъ и можемъ уважать лишь тѣхъ, которые относятся къ своему прошлому такъ же, какъ и мы сами, т. е. съ любовію и преданностію и уваженіемъ.

Не нами, стало быть, могутъ быть за явлены такія условія, которыя могли бы имѣть хоть малѣйшій характеръ насилія; конечно, мы не можемъ терпѣть образованія *) новыхъ «Афганистановъ» въ славянскихъ земляхъ, но хотя бы мы съ свѣтлой радостью въ сердцѣ увидали возвращеніе боснійскихъ беговъ къ христіанству, уніатовъ къ православію, чеховъ и моравань къ гуситству (если не къ православію), увидали бы съ непритворной радостью прекращеніе конституціонныхъ неистовствъ въ Болгаріи и Сербіи.., но всего этого мы и не думаемъ достигать насиліемъ, нравственнымъ ли или инымъ. Мы требуемъ лишь одного, чтобы, идя къ свободѣ, развиваясь и умственно, и нравственно, и эстетически, славяне оставались славянами, и не превращались въ иностранцевъ, чтобы они не разрывали связь съ своими преданіями съ своимъ прошлымъ (которыя у нихъ тождественны съ нашими). Что все это такъ, именно такъ, а не иначе, этому должны повѣрить тѣ, которые насъ знаютъ не по наслышкѣ, не по газетнымъ статьямъ а по собственному наблюденію. Западная Европа намъ не вѣритъ и не можетъ вѣрить, потому что она насъ не понимаетъ и не можетъ понять. Да она и самое себя не понимаетъ когда думаетъ о своемъ прошломъ; не понимаетъ она, что въ XIX столѣтіи можетъ быть совершено другими то, что сама же она совершила восемь сотъ лѣтъ тому назадъ; но мы понимаемъ тѣ чувства, которыя вели первыхъ крестоносцевъ ко гробу Господню! Умная и практическая Европа считаетъ ихъ Донъ-Кихотами, не понимаетъ ихъ, потому что изъ вѣрилась въ свои старинные идеалы и замѣнила ихъ новыми, на которые самодовольно молится. Непонятна была западу и война наша 1876 — 1878 годовъ и печаль наша, послѣ заключенія мира въ 79 году; не вѣрилъ онъ намъ и думалъ, что тутъ есть какая нибудь хитрость съ нашей стороны, какое нибудь притворство; заботу нашу о славянахъ считали на Западѣ ложью. Одинъ изъ выдающихся участниковъ берлинскаго конгресса высказывалъ по этому поводу свое удивленіе (это было на коронаціи): «Мы рѣшительно не понимаемъ о чемъ вы, русскіе, тужите, говорилъ онъ, на что вы негодуете? Вѣдь вы получили часть Бессарабіи, Батумъ, Карсъ, 300.000,000 франковъ контрибуціи; въ прежнія войны вы получали не болѣе этого. Неужели вамъ не все равно, что мы немного поурѣзали вашихъ славянъ (vos Slaves), что мы полъ-Болгаріи отдали Турціи, Боснію и Герцеговину утвердили за Австріею, уменьшили пріобрѣтенія Черной Горы, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ хлопотали за вашихъ братушекъ (pour vos petits frères)? Но то, чего могутъ не понимать австрійцы, французы или англичане, то должны знать славяне: они должны знать и вѣрить, *что пока они сами не отрекутся отъ своихъ принциповъ, не перейдутъ во враждебный и намъ и имъ самимъ лагерь*, мы отъ нихъ не откажемся, какъ бы ни кричали противъ такого «глупаго» безкорыстія поборники такъ называемыхъ «реальныхъ интересовъ».

Заканчивая мой отвѣтъ «Заграничному Славянину», я долженъ дать ему объясненіе на два его замѣчанія. Онъ повидимому считаетъ г. Леонтьева славянофиломъ, а насъ стало быть отвѣтственными, до нѣкоторой степени, за высказываемыя имъ мнѣнія. Это ошибка, г-нъ Леонтьевъ человѣкъ умный, строго православныхъ мнѣній, и много на своемъ вѣку видѣвшій; понятно, стало быть, что онъ во многомъ съ нами сходится (такъ между прочимъ онъ съ большимъ недовѣріемъ смотритъ на благодѣянія западнаго такъ называемаго «прогресса») но онъ не славянофилъ и мы никакой отвѣтственности за высказываемыя имъ мнѣнія нести не можемъ (ни о примѣси къ намъ, русскимъ, большаго или меньшаго коли-

вуетъ.—Организованныхъ партій, могущихъ поставить свои партійные интересы выше интересовъ общихъ, у насъ, благодареніе Богу, нѣтъ (въ этомъ смыслѣ не разъ высказывался И. С. Аксаковъ, см. его письмо князю болгарскому, стр. 403); у насъ есть лишь представители извѣстныхъ мнѣній. Къ чести русскаго общества должно сказать, что мнѣнія эти, отличающіяся подъ часъ дѣтской наивностію, при всей своей задорности, не имѣютъ того корыстнаго характера, которымъ отличаются въ особенности новѣйшія партіи на западѣ.

*) Подъ руководствомъ нашихъ мнимыхъ союзниковъ!

чества туранской крови *), ни о характерѣ славянъ, ни о многомъ другомъ). Второе обвиненіе «Заграничнаго Славянина» еще страннѣе: онъ негодуетъ на насъ (на редакцію «Извѣстій») за то, что мы оставили безъ возраженія враждебную славянамъ статью, появившуюся нынче зимой въ «Новомъ Времени». На это я долженъ замѣтить, во 1-хъ, что редакція «Извѣстій» не можетъ посвящать много времени на полемику; мало ли кто что пишетъ! Въ Россіи есть лица относящіяся недоброжелательно къ славянамъ (по весьма различнымъ причинамъ), всѣмъ имъ возражать невозможно; во 2-хъ, что «Извѣстіямъ» бываетъ иногда очень трудно возражать на «инспирированныя» статьи; что они, для такой полемики, находятся въ такихъ же невыгодныхъ условіяхъ, въ которыхъ находятся славянскія газеты въ Австріи (и на которыя жалуется «Заграничный Славянинъ»); въ 3-хъ, наконецъ, что одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ — П. А. Васильчиковъ—отвѣчалъ весьма обстоятельно «Новому Времени» («Русь»), выяснивъ всю неумѣстность и всю несправедливость означенной статьи, бросавшей грязью въ цѣлый народъ, за то что въ немъ нашлось нѣсколько негодяевъ!

А. Киреевъ.

Павловскъ. 6 іюля. 1886.

Какъ возникъ и развивался на Руси восточный вопросъ *).

И прежде всего изъ московской теоріи сдѣлано было остроумное примѣненіе къ *возвеличенію царскаго достоинства*. Въ Степенной книгѣ появляется родословное дерево, берущее корни отъ Августа и доказывающее родственныя связи между домомъ Рюриковичей и Юліевъ. Затѣмъ стали искать и нашли другія основанія сблизить русскую царскую власть съ императорскою. Эти поиски въ высшей степени любопытны и характерны для исторіи русскаго развитія. Понадобились разныя внѣшнія формы, безъ которыхъ прежде обходились; такъ усвоенъ былъ византійскій гербъ съ изображеніемъ двуглаваго орла. Вспомнили старину, стали изучать ее и сдѣлали важныя открытія.

Между особенно древними и чтимыми предметами въ княжеской сокровищницѣ оказались такіе, о которыхъ ходили темныя преданія о греческомъ ихъ происхожденіи и которые по своему значенію выдѣлялись изъ другихъ. Въ духовныхъ грамотахъ князей, начиная съ Ивана Калиты, съ особымъ почетомъ упоминаются: златая шапка, животворящій крестъ, хрещатая цѣпь, бармы и сердоликовая коробочка. Эти предметы обыкновенно не смѣшивались съ другими и передавались старшимъ сыновьямъ и наслѣдникамъ престола. Для Москвы—третьяго Рима, въ которой долженъ быть свой царь, чувствовалась настоятельная потребность выразить въ вещественныхъ знакахъ связь между константинопольскимъ и московскимъ царствомъ. Царскія регаліи греческой работы дали поводъ къ другой фикціи—*о греческихъ регаліяхъ, присланныхъ Мономахомъ* русскому великому князю. Сказаніе о вѣнчаніи русскихъ царей Мономаховскими регаліями (П. С. Р. Л. IX. 144) несомнѣнно составлено въ концѣ XV или въ началѣ XVI вѣка. Въ чинѣ царскаго вѣнчанія Ивана Грознаго бармы именуются уже Мономаховскими бармами. Въ духовной грамотѣ Грознаго о знаменитой золотой шапкѣ говорится въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Сына своего Ивана благословляю царствомъ Русскимъ, шапкою Мономаховскою, что прислалъ прародителю нашему царю и великому князю Владиміру царь Константинъ Мономахъ изъ Цареграда». Герберштейнъ упоминаетъ о Мономаховскихъ регаліяхъ въ 1497 году.

Такова-же политическая идея, диктовавшая не менѣе извѣстное *сказаніе о Новгородскомъ бѣломъ клобукѣ*. Хотя въ этомъ сказаніи заявлено, что оно составлено русскимъ толмачемъ Дмитріемъ въ Римѣ въ 1492 году, на основаніи матеріаловъ, найденныхъ въ папской библіотекѣ, но не можетъ быть сомнѣнія въ ея домашнемъ происхожденіи, что сейчасъ

---

*) Должно замѣтить, что сильныя расы или, вѣрнѣе, сильные народы всегда слагались изъ разныхъ этнографическихъ элементовъ,—это аксіома, при томъ вѣдь народы не табуны лошадей, не стада барановъ, въ человѣкѣ кромѣ крови есть и душа.

*) См. «Слав. Изв.», 1886 г., № 6.

увидимъ. Бѣлый клобукъ, говоритъ легенда, данъ былъ императоромъ Константиномъ римскому папѣ Сильвестру. Папы хотѣли истребить этотъ святой клобукъ, но, напуганные грознымъ откровеніемъ, принуждены были отослать его въ Константинополь. Здѣсь тоже эта святыня подвергалась опасности. Тогда святой папа Сильвестръ и царь Константинъ явились ночью къ цареградскому патріарху Филоѳею и посовѣтовали ему отправить святой клобукъ въ Новгородъ къ владыкѣ Василію. Такъ перешла въ Россію важная святыня. Любопытенъ мотивъ этого перенесенія, также указанный въ легендѣ: «Какъ отъ Рима отнята уже благодать, слава и честь, такъ она скоро отнимется и у Константинополя вслѣдствіе турецкаго завоеванія, и тогда вся святыня передана будетъ Богомъ въ великую русскую землю». Уже изъ сказаннаго видно, что не нужно было ходить въ Римъ для составленія такого произведенія. Но наивность въ повѣсти «О бѣломъ клобукѣ» идетъ гораздо дальше. Эта святыня, изъ Рима и Константинополя перешедшая въ Новгородъ, оказывается украшенною шитыми изображеніями русскихъ святыхъ Варлаама Хутынскаго (XII в.) и Сергія Радонежскаго (XIV в.). Далѣе легенда увѣряетъ, что въ первый разъ бѣлый клобукъ сталъ носить владыка Василій, жившій въ XIV вѣкѣ, между тѣмъ на самомъ дѣлѣ онъ былъ въ употребленіи у новгородскихъ архіепископовъ еще въ XII вѣкѣ.

«Сказаніе о бѣломъ клобукѣ» есть весьма любопытная иллюстрація къ разсмотрѣнной выше теоріи старца Филоѳея. Какъ первое, такъ и послѣдняя направлены къ *обоснованію преемственности царской и епископской власти между Москвой и Римомъ*. Въ концѣ XV вѣка нужно было выразить символически созрѣвшую уже идею о Москвѣ — третьемъ Римѣ. Если въ Московскомъ царствѣ сосредоточилась вселенская церковь, то надо было доказать и продолжающуюся въ ней преемственность въ аттрибутахъ свѣтской и духовной власти. Это выражено въ повѣсти о бѣломъ клобукѣ: «въ древнія бо лѣта изволеніемъ земнаго царя Константина отъ царствующаго сего града царскій вѣнецъ данъ бысть русскому царю; бѣлый-же сей клобукъ изволеніемъ небеснаго царя Христа нынѣ данъ архіепископу великаго Новгорода». Должно признать, что русскіе въ концѣ XV вѣка ничѣмъ не хуже обставили свои историческія притязанія, чѣмъ римляне, когда они создавали свои этіологическіе миѳы, или германцы, когда они обставляли теорію перенесенія императорскаго титула на своихъ королей.

III.

Разсмотрѣнными теоретическими построеніями не исчерпывается вопросъ о зарожденіи на Руси восточнаго вопроса. Понятно, что не одно и то-же сознавать политическую идею и принимать мѣры къ ея осуществленію. Практически идея восточнаго вопроса должна была выразиться въ стремленіи освободить христіанскія народности отъ турецкаго ига. Мысль, что Россія обязана принять на себя эту задачу, появляется весьма рано, хотя разработка ея шла медленно. Здѣсь я предпочитаю остановиться на *знаменитой теоріи константинопольскаго наслѣдства*, которая исходитъ *изъ права московскихъ царей на византійскую имперію, какъ на свою вотчину*.

Фактическая подкладка этой тенденціи основывается на родственныхъ отношеніяхъ между императорской семьей Палеологовъ и русскимъ государемъ Иваномъ III.

Семья Палеологовъ, послѣднихъ византійскихъ царей, послѣ паденія Константинополя, состояла изъ двухъ братьевъ —Дмитрія и Ѳомы, которые были, такъ сказать, удѣльными князьями въ Пелопонессѣ. Султанъ не могъ, конечно, оставить въ покоѣ братьевъ царя Константина XII, погибшаго при защитѣ столицы. Въ 1460 году Дмитрій попался въ плѣнъ и отведенъ въ Константинополь, гдѣ ему назначили пенсію, а дочь его взяли въ гаремъ къ султану. Живыхъ дѣтей послѣ него не осталось, когда онъ умеръ въ Адріанополѣ въ 1470 году, принявъ монашеское имя Давида.

Другой братъ, Ѳома, тоже не находя возможности держаться въ Мореѣ, гдѣ было его княженіе, предпочелъ бѣжать подъ защиту венеціанской республики на островъ Корфу. Султанъ обѣщалъ и ему

пенсіонъ, если онъ откажется отъ притязаній на независимое господство, но Ѳома надѣялся на лучшія обстоятельства, въ чемъ его поддерживали и греческіе патріоты, нашедшіе пріютъ въ Италіи и Франціи. Скоро онъ получилъ предложеніе побывать въ Римѣ, гдѣ имѣлъ весьма вліятельнаго ходатая по своимъ дѣламъ въ лицѣ кардинала Виссаріона. Ѳома принесъ папѣ Пію II въ даръ цѣнный подарокъ — главу апостола Андрея и встрѣтилъ въ Римѣ почетный пріемъ. Ближайшій вопросъ для бывшаго морейскаго деспота и наслѣдника византійскаго царства заключался въ томъ, чтобы изыскать средства для себя и семьи, которая оставлена была въ Корфу. Римская курія назначила ему въ ежегодное содержаніе 3,600 дукатовъ, коллегія кардиналовъ присоединила къ этому 2,400 дукатовъ и наконецъ Венеція 500, всего такимъ образомъ 5,500 дукатовъ, т. е. около 20 тысячъ рублей. Но Ѳома явился въ Римъ претендентомъ на императорскій титулъ, а потому желалъ жить роскошно, и милостыней папы и кардиналовъ остался недоволенъ, какъ можно заключить изъ жалобы его довѣреннаго лица, историка Франца, который разсматриваетъ эту пенсію какъ очень неважную сумму, едва достаточную на удовлетвореніе самыхъ необходимыхъ потребностей. Ѳома пробылъ въ Римѣ около четырехъ лѣтъ, дѣятельно хлопоталъ въ Римѣ и Венеціи о возстановленіи своихъ правъ на царскій престолъ, съ послѣднею заключилъ даже на сей случай договоръ. Но онъ умеръ 12-го августа 1462 года, не дождавшись вмѣшательства Венеціи; нѣсколькими мѣсяцами раньше умерла и жена его.

Семейство деспота Ѳомы, на которое теперь перешли притязанія Палеологовъ, состояло изъ двухъ сыновей его, Андрея и Мануила, и двухъ дочерей Елены и Зои. Первая умерла въ 1474 году, вторая-же вмѣстѣ съ братьями воспитывалась на счетъ папы, который предоставилъ дѣтямъ Ѳомы Палеолога ежемѣсячный пенсіонъ въ 1,000 рублей. Насъ интересуетъ собственно судьба двухъ лицъ изъ этой семьи, Андрея и Зои, потому что Мануилъ скоро бѣжалъ въ Константинополь, гдѣ ему пожалованъ былъ гаремъ и приличное содержаніе и гдѣ отъ него пошла вѣтвь Палеологовъ, перешедшихъ въ мусульманство.

Андрей и Зоя воспитывались по плану, начертанному кардиналомъ Виссаріономъ и сохранившемуся до настоящаго времени. Царевичи имѣли дворъ изъ родовитаго дворянства; при нихъ находился медикъ, учитель грекъ, учитель итальянецъ, одинъ или два латинскихъ священника. Говоря о латинскихъ священникахъ, Виссаріонъ дѣлаетъ оговорку, что деспотъ Ѳома просилъ воспитать его дѣтей въ лонѣ латинской церкви. Царевна Зоя сосватана была за одного знатнаго венеціанца изъ рода Caraccioli, а Андрей вышелъ довольно безпутнымъ человѣкомъ, женился на служанкѣ, но дѣтей отъ нея не имѣлъ. Таковы греческія и латинскія извѣстія о послѣднихъ Палеологахъ. Они пополняются данными, почерпаемыми изъ Русской лѣтописи. Съ 1469 года начинается пересылка посольствами между Римомъ и Москвой, слѣдствіемъ чего былъ бракъ Ивана III съ греческой царевной Зоей или Софьей по нашей лѣтописи, племянницей послѣдняго византійскаго царя.

Въ исторіи этого брака многое остается до сихъ поръ темнымъ. Несомнѣнно, что мысль пристроить греческую царевну въ Москвѣ пришла кардиналу Виссаріону, но въ его сочиненіяхъ нѣтъ объ этомъ ни единаго намека. Странно между прочимъ и то, что сваты увѣряли, будто царевна отказала въ своей рукѣ королю французскому и герцогу миланскому, потому что не хочетъ быть въ латинствѣ, а между тѣмъ оказывается, что она уже была въ замужествѣ за Caracciolo, да и воспитана была въ латинской вѣрѣ. Наводятъ на большія сомнѣнія и другія обстоятельства, разсказанныя въ нашей лѣтописи. Не странно-ли напримѣръ, что главнымъ довѣреннымъ лицомъ царя Ивана, которое послано было въ Римъ посмотрѣть невѣсту и которое принесло ея портретъ, оказалось католикомъ, жившимъ нѣкоторое время въ Москвѣ, втершимся въ расположеніе великаго князя и для вида принявшимъ православіе. Это былъ нѣкій проходимецъ Иванъ Фрязинъ, очевидно человѣкъ безъ имени, ибо фрязинъ просто означаетъ иностранца латинскаго происхожденія. Не совсѣмъ разъяс

нено и то обстоятельство, что Фрязинъ, по возвращеніи въ Москву съ Софьей, былъ посаженъ въ оковы. Всѣ эти сомнѣнія могутъ быть, по всей вѣроятности, разъяснены посредствомъ тщательнаго пересмотра Московскаго архива иностранныхъ дѣлъ и поисковъ въ Ватиканской библіотекѣ. Бракъ съ Софьей Палеологъ во всякомъ случаѣ служитъ обоснованіемъ теоріи *Константинопольскаго наслѣдства*. Я имѣю здѣсь въ виду не то, что, въ силу этого брака, Иванъ III могъ себя считать наслѣдникомъ престола византійскихъ царей, а нѣчто болѣе реальное, именно *актъ передачи титула и правъ на Византію* со стороны дѣйствительнаго наслѣдника престола Андрея Палеолога. Изъ того, что извѣстно объ этомъ царевичѣ, можно судить, почему онъ оттолкнулъ отъ себя папу и своихъ доброжелателей въ Италіи. Андрей былъ скорѣе искатель приключеній, чѣмъ политическій дѣятель, способный съ достоинствомъ и тактомъ взяться за дѣло. Породнившись съ московскимъ великимъ княземъ, онъ, конечно, могъ бы переселиться въ Россію, по примѣру своихъ соотечественниковъ: Палеологовъ, Ралли, Ласкарисовъ и Траханіотовъ, которые вступили въ ряды русскихъ бояръ. Но любопытно, что онъ не пріѣхалъ или, лучше, его не отпустили изъ Рима на свадьбу своей сестры. Потомъ два раза онъ пріѣзжалъ (въ 1480 и 1490 г), но гостилъ въ Москвѣ не по долгу. Извѣстія объ немъ въ нашей лѣтописи очень кратки и сухи; мимоходомъ разъ замѣчено, что на него много потратила казны великаго князя царица Софья (П. С. Р Л. VI стр. 235).

Что русскіе не очень охотно говорятъ о семьѣ Палеологовъ, это объясняется извѣстной въ Москвѣ ролью царицы Софьи и личными качествами Андрея. Но важнѣе всего здѣсь то мистическое и литературное движеніе, о которомъ было говорено выше. Живой наслѣдникъ титула византійскихъ царей, претендующій на возвращеніе себѣ имперіи, былъ въ Москвѣ не къ мѣсту, самая его личность краснорѣчиво протестовала противъ того литературнаго движенія, въ которомъ выразился подъемъ русскаго національнаго чувства. Съ Андреемъ въ Москвѣ могли вступить въ переговоры объ его дѣлахъ, но мы знаемъ, что подобные переговоры велись московскими дипломатами очень осторожно—намеками и окольными путями. Образецъ московской дипломатіи представляютъ переговоры объ учрежденіи патріаршества, въ которыхъ все направлено было къ тому, чтобы ничего не запрашивать и ничего не открывать, а только вывѣдывать мысли нужнаго лица и по нимъ соображать дальнѣйшіе ходы. Другая черта этихъ переговоровъ — высочайшая тайна: предложенія бояръ патріарху Іереміи не вносились, наприм., въ акты. Еще большая осторожность и тонкость должна была соблюдаться въ переговорахъ съ Андреемъ, изъ которыхъ до сихъ поръ ничего еще не открыто. Андрей могъ уступить свои права на имперію Ивану III, но за это онъ требовалъ значительнаго вознагражденія, которое не соотвѣтствовало важности уступаемаго права. Пока не найдется въ русскихъ архивахъ матеріаловъ для выясненія этой стороны дѣла, мы должны удовлетвориться догадками и указаніемъ основаній, которыя вели насъ къ высказаннымъ выше соображеніямъ. Идея о Константинопольскомъ наслѣдствѣ впервые высказана не въ русскихъ памятникахъ, а, такъ сказать, подсказана намъ изъ Рима въ началѣ XVI вѣка. Въ Римѣ, конечно, имѣли основаніе приписывать русскимъ князьямъ притязанія на Константинопольскую вотчину, о которыхъ сами русскіе князья, по крайней мѣрѣ, въ подобной формѣ не заявляли еще, ибо легко понять, что съ теоріей о Константинопольской вотчинѣ соединяется идея правъ на обладаніе землями Византійской короны. Такъ далеко русскіе не шли въ началѣ XVI вѣка. Они выработаютъ формулу и для этого права, но нѣсколько позже. Въ Римѣ, высказывая теорію о наслѣдіи русскими князьями Константинополя, могли отправляться отъ извѣстныхъ тогда въ папскихъ архивахъ и до-нынѣ сохранившихся нѣсколькихъ актовъ передачи или продажи Андреемъ Палеологомъ своихъ царскихъ правъ съ титуломъ и землями византійской короны.

Приведемъ одинъ изъ любопытныхъ актовъ, тѣмъ болѣе что онъ напечатанъ былъ болѣе ста лѣтъ назадъ и теперь почти забытъ. Это есть условіе, заключен-

ное между Андреемъ Палеологомъ и французскимъ королемъ Карломъ VIII, сторону котораго представлялъ кардиналъ Раймондъ. Содержаніе его слѣдующее.

Въ субботу 6 сентября 1494 года, послѣ божественноii службы въ церкви святаго Петра in Montorio, кардиналъ Раймондъ и свѣтлѣйшій Андрей Палеологъ, деспотъ Романіи, ставъ на мѣстѣ, гдѣ блаженный клиръ апостоловъ принялъ вѣнецъ мученичества, въ присутствіи свидѣтелей и нотаріевъ составили сей актъ. Деспотъ Романіи сказалъ, что по смерти Константина Палеолога, его дяди, умершаго бездѣтнымъ, онъ остался единственнымъ наслѣдникомъ византійской имперіи. Но будучи изгнанъ изъ своего отечества уже 30 лѣтъ, лишенный своего деспотства Мореи, оставленный всѣми христіанскими князьями, которыхъ напрасно умолялъ о помощи, онъ признаетъ себя безсильнымъ къ осуществленію своихъ законныхъ притязаній и потерялъ надежду увидать когда либо освобожденымъ свое отечество. Но теперь, узнавъ по дошедшимъ слухамъ, что христіаннѣйшій и непобѣдимый король франковъ соглашается принять оружіе для освобожденія христіанства, онъ рѣшился употребить всѣ зависящія отъ него средства, чтобы оказать содѣйствіе этому предпріятію. Самымъ лучшимъ къ тому средствомъ онъ находитъ слѣдующее: уступить свои права на императорскую константинопольскую корону Карлу, какъ государю, который всѣхъ способнѣе осуществить таковыя. Посему, руководясь своимъ свободнымъ желаніемъ и волей и находясь въ полномъ и совершенномъ сознаніи, онъ уступаетъ и безвозвратно переноситъ на христіаннѣйшаго короля франковъ и его законныхъ наслѣдниковъ всѣ права, какія онъ имѣетъ и можетъ имѣть на имперію константинопольскую и трапезунтскую, на деспотство Сербію и на всѣ владѣнія, герцогства и графства, зависимыя отъ названной имперіи, со всѣми титулами, инсигніями привилегіями и прерогативами, съ ними соединенными.—Слѣдуетъ подпись нотаріевъ и свидѣтелей. Кардиналъ Раймондъ, заступающій мѣсто короля, давалъ слѣдующія обязательства. Со времени утвержденія королемъ этого акта деспоту Андрею уплачиваема будетъ пожизненная пенсія въ 4,300 дукатовъ. Кромѣ того, въ распоряженіе деспота дается сотня улановъ, которые будутъ содержаться на счетъ французскаго правительства и во главѣ которыхъ онъ обязывается являться на службу короля. Не позже шестимѣсячнаго срока король подаритъ Андрею Палеологу въ Италіи или въ другой землѣ участокъ доходностью не меньше 5000 дукатовъ; употребитъ всѣ средства для возвращенія Палеологу его власти въ Мореѣ и Пелопоннесѣ; настоитъ на правильной уплатѣ ему пенсіи въ 1800 дукатовъ, назначенной римскимъ престоломъ.

Въ высшей степени любопытно, что этотъ актъ, какъ составленный въ Римѣ, не могъ остаться неизвѣстнымъ папскому правительству. Между тѣмъ, когда Карлъ VIII дѣйствительно явился въ Италію съ цѣлью осуществленія давно всѣми желаемаго, повидимому, предпріятія противъ турокъ, французы встрѣчены были весьма недоброжелательно. Въ первый разъ тогда въ политикѣ итальянскихъ государей обнаруживается сознаніе, что турецкая гроза еще не столько страшна, сколько страсть къ завоеваніямъ со стороны французскаго короля. Въ первый разъ тогда выяснилось, что Европа скорѣй войдетъ въ лигу съ турками, чѣмъ образуетъ анти-оттоманскую лигу. Первый измѣнилъ общехристіанскому дѣлу и въ частности дѣлу Андрея Палеолога папа Александръ VI, вошедшій въ сношенія съ султаномъ и организовавшій въ Италіи движеніе противъ французовъ. Скоро раздадутся голоса противъ Венеціи, которая также явно измѣнитъ христіанскому дѣлу.—Актъ продажи правъ на византійскую имперію Карлу VIII едва-ли получилъ законную силу. Въ 1502 году Андрей передавалъ свои права испанскому королю.

Выходя изъ того основанія, что въ первый разъ о константинопольской вотчинѣ великаго князя заявили римскіе дипломаты, мы приходимъ къ заключенію, что одинъ изъ подобныхъ актовъ продажи титула и правъ на византійскую имперію русскому царю долженъ находиться въ архивахъ Ватикана. Сами русскіе начали дѣлать практическія примѣненія изъ этой теоріи въ XVI и XVII вѣкѣ.

Заканчивая этимъ первую часть статьи—о зарожденіи на Руси восточнаго вопроса, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько

обобщеній и вывести заключеніе. Въ *народныхъ былинахъ и въ лѣтописи* нашли мы достаточно указаній, что русскіе поняли и были въ состояніи хорошо оцѣнить великій историческій переворотъ, произведенный завоеваніемъ турками Константинополя. И въ массѣ народа, и въ грамотныхъ людяхъ и въ правительствѣ оказалась хорошо подготовленная почва для воспріятія идеи восточнаго вопроса. *На образцахъ толкованій мистической литературы* мы могли убѣдиться, что русскіе грамотные люди имѣли достаточно литературнаго и политическаго образованія, чтобы сдѣлать изъ пророчествъ и предсказаній примѣненіе къ національнымъ и историческимъ потребностямъ Россіи. Въ высшей степени любопытна та послѣдовательность, съ которою проведенъ былъ принципъ перенесенія на Москву государственнаго и церковнаго значенія Рима. *Государственно-правовая фикція о Москвѣ—третьемъ Римѣ*, подкрѣпленная символическими легендами о Мономаховскихъ регаліяхъ и о Бѣломъ клобукѣ перенесла уже идею восточнаго вопроса снизу вверхъ и сообщила ей форму и содержаніе государственной системы. Литературныя, философскія и правовыя построенія завершаются, наконецъ, теоріей, по которой *византійская имперія* разсматривается какъ *принадлежащая русскому царю по праву наслѣдства*, какъ его *вотчина*, которую слѣдуетъ добывать. Русскіе не спѣшили однако осуществлять свое право, ибо въ XV и XVI вѣкѣ имъ далеко еще было до Константинополя, такъ какъ настояла необходимость защищать Москву отъ татаръ. Но царь Грозный имѣлъ полное право сказать, завоевавъ Казань и Астрахань, что онъ уже началъ освобождать христіанъ отъ мусульманства.

Итакъ, со времени своего зарожденія восточный вопросъ оказался для насъ живымъ принципомъ, въ разработкѣ и въ примѣненіи котораго въ жизни участвовали разнородные элементы общества. Важная роль, которую играютъ въ сознаніи русскихъ людей указанныя выше теоретическія построенія, оправдываютъ, на нашъ взглядъ, положеніе, что вмѣстѣ съ восточнымъ вопросомъ на Руси *изучается исторія развитія національнаго самосознанія*. Въ самомъ дѣлѣ, если намъ удалось въ народномъ творчествѣ и въ письменности, а равно въ государственной и церковной практикѣ отыскать проявленія одной и той же идеи, то конечно эта идея должна быть признана коренной и формирующей жизнь общества. Если далѣе эта идея въ своемъ развитии и приспособленіяхъ вызывала потребность внутренней работы и напряженія умственной дѣятельности, то конечно такая идея должна быть признана руководящей поведеніемъ русскаго общества. Если наконецъ на пространствѣ всей русской исторіи отношенія къ восточному вопросу составляютъ у насъ самый вѣрный—скажу даже единственный—критерій для различенія общественныхъ и литературныхъ движеній и партій, политическихъ симпатій и антипатій какъ правительства, такъ и разныхъ общественныхъ группъ, то ужели же не признать, что въ восточномъ вопросѣ лежитъ фундаментальная часть политическаго и національно-историческаго развитія русскаго народа?

IV.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію внѣшнихъ и внутреннихъ условій, вліявшихъ на развитіе восточнаго вопроса. Если восточный вопросъ возникъ органически изъ историческихъ и національныхъ потребностей Россіи, если онъ не есть случайный наростъ въ нашей исторіи, то естественно ожидать, что *онъ будетъ оказывать громадное вліяніе на гражданскую жизнь общества и на внѣшнюю политику московскаго государства.*

Притязанія русскихъ на политическое и церковное главенство въ греко-славянскомъ мірѣ представляются по меньшей мѣрѣ юнымъ задоромъ или дѣтскими фантазіями, если вспомнить положеніе Россіи въ XVI вѣкѣ: необезпеченность восточныхъ и южныхъ окраинъ, открытыхъ ежегоднымъ вторженіемъ татаръ, въ особенности же замѣтную слабость ея по сравненію съ ближайшимъ сосѣдомъ на западѣ — Польшей. Можно ли было серьезно разсуждать о миссіи освобожденія славянъ и грековъ такому государству какъ Россія, страна далеко еще не собранная воедино, не имѣющая внутренней организаціи и далеко отставшая отъ сосѣдей? Кто смѣлъ думать тогда о Царьградѣ, объ отдален-

ныхъ военныхъ экспедиціяхъ, о расширеніи московской территоріи до Чернаго моря? Да развѣ Польша хуже понимала свою историческую роль и не сознавала, что каждый шагъ, сдѣланный изъ Москвы на югъ и западъ, затрогивалъ ея жизненные интересы? Польша зорко слѣдила за Москвой и въ состояніи была наложить грозное veto на внѣшнюю политику царей. Я долженъ согласиться, что наши предки не совсѣмъ оцѣнили всю сложность задачъ, стоящихъ въ связи съ восточнымъ вопросомъ, вообще не доросли до пониманія политическаго западноевропейскаго смысла, соединяемаго съ восточнымъ вопросомъ. Но къ чести ихъ нужно сказать, что они и не спѣшили заявлять о своихъ притязаніяхъ, не пускались въ авантюру и не играли смѣшной роли. Прежде всего они занялись послѣдовательнымъ примѣненіемъ въ гражданской и церковной жизни тѣхъ принциповъ, которые необходимо было усвоить Москвѣ, какъ наслѣдницѣ Константинополя. Остальное предоставлено было времени и обстоятельствамъ.

Чего не могли понять сами русскіе, тому научили ихъ западные сосѣди. Съ началомъ XVI вѣка одновременно съ двухъ сторонъ начинаются посвященія Россіи въ европейскую политику восточнаго вопроса: со стороны императора и папы. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что единственный поводъ, вызвавшій въ европейскихъ народахъ желаніе ознакомиться съ Россіей, заключается въ восточномъ вопросѣ; съ точки зрѣнія роли Россіи въ восточной Европѣ смотрѣли на московское правительство европейскіе дипломаты. Такъ данъ былъ дипломатическими сношеніями съ папой и императоромъ толчокъ тому національному движенію, которое мы установили для XV вѣка. Можно отсюда понять, какъ важно выяснить, что приходившіе изъ Рима и Вѣны послы *своими совѣтами и практическими указаніями лишь разъясняли, развивали и облекали въ реальную форму отвлеченныя идеи и теоретическія построенія, созданныя на русской почвѣ.*

Съ конца XV вѣка и до вступленія на престолъ дома Романовыхъ можно прослѣдить почти безпрерывный обмѣнъ посольствами между Римомъ и Москвой. Если я скажу, что въ Римѣ сосредоточивались всѣ нити европейской политики, что римскіе дипломаты были самыми искусными и вліятельными въ Европѣ и что по преимуществу въ Римѣ составлялись проекты крестовыхъ походовъ противъ турокъ, то легко понятна будетъ важность сношеній Москвы съ Римомъ для нашего вопроса. Благодаря просвѣщеннымъ взглядамъ нынѣшняго папы Льва XIII на науку, сокровища Ватиканскаго архива дѣлаются доступны изученію, а въ самое послѣднее время появилось уже нѣсколько капитальныхъ изданій и спеціальныхъ изслѣдованій, безусловно необходимыхъ въ изученіи восточнаго вопроса. Эти вновь открывающіеся матеріалы, бросаютъ новый свѣтъ на многое въ исторіи XVI и XVII вв. и *вызываютъ потребность пересмотрѣть установившіяся у насъ мнѣнія объ этомъ періодѣ.*

Сношенія Рима съ Москвой имѣютъ своимъ мотивомъ восточный вопросъ и направлены къ просвѣщенію Россіи на счетъ ея обязанностей по разрѣшенію этого вопроса. Чѣмъ дальше турки забирались въ Европу, чѣмъ грознѣй становились они для Вѣны и Рима, тѣмъ яснѣе представлялась для европейской дипломатіи мысль о привлеченіи Россіи къ передовой роли въ борьбѣ съ турками. Въ силу этого сознанія, которое раздѣляли всѣ европейскія державы, за исключеніемъ Польши, императорскіе и папскіе послы не только находили полезнымъ разъяснять русскимъ ихъ политическое значеніе на европейскомъ юговостокѣ, но и подстрекать ихъ національную честь, шевеля честолюбіе Москвы. И нужно признать, что московская миссія поручалась людямъ очень умнымъ и даровитымъ, которые весьма умѣло брались за дѣло. Но драматизмъ положенія заключался въ томъ, что во исполненіе европейскихъ плановъ, по картинному выраженію того времени, Россія должна была «обломать рога султану». Какъ извѣстно, бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ, поэтому римской куріи нужно было обсудить средства, съ которыми Россія вступитъ въ борьбу съ турками. Средства, пожалуй, и были въ наличности, но, давъ ихъ въ распоряженіе Россіи, Римъ долженъ былъ поступиться правами католицизма и интересами государствъ латинской церкви въ пользу схизма-

тической Московіи. Но развѣ возможно было Риму пожертвовать Польшей ради Россіи?

Инціатива въ сношеніяхъ съ Москвой всегда принадлежала правительству папы, которое весьма рано въ своихъ комбинаціяхъ разрѣшенія восточнаго вопроса назначило Москвѣ опредѣленное мѣсто и главную роль. Можно даже утверждать, что нѣкоторыми политическими уроками и указаніями изъ Вѣны и Рима, московское правительство съ успѣхомъ воспользовалось въ восточномъ вопросѣ. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе цѣлой сотни лѣтъ намъ внушаютъ мысль о передовой роли на востокѣ, объ обязанности взять въ свои руки разрѣшеніе восточнаго вопроса, объ единовѣрныхъ и родственныхъ по языку народахъ, томящихся подъ турецкимъ господствомъ, наконецъ объ отысканіи константинопольскаго наслѣдства, о королевскомъ вѣнцѣ и учрежденіи независимаго патріаршества —развѣ не эти идеи составляли узелъ развитія восточнаго вопроса на Руси, развѣ не эти мысли разработываются и осуществляются практически въ Московскомъ государствѣ XVI вѣка? Ужь не есть ли восточный вопросъ на Руси продуктъ западной цивилизаціи, или можетъ быть русскіе бояре, окольничіе и дьяки оказались такими тупыми и ограниченными, что не могли стать на высоту пониманія открываемыхъ имъ заманчивыхъ перспективъ? Я долженъ прямо высказаться, что хотя подсказываемая намъ роль въ восточномъ вопросѣ вполнѣ соотвѣтствовала нашимъ чаяніямъ и выражала въ конкретной формѣ правительственные и общественные идеалы, но если бы мы усвоили ее себѣ въ рекомендуемой формѣ и со всѣми ея послѣдствіями, то навѣрное утратили бы безвозвратно свою роль въ исторіи и потеряли бы всякую возможность дѣятельно участвовать въ разрѣшеніи восточнаго вопроса. Россія поняла, что ей пришлось бы загребать жаръ своими руками для другихъ, практическій смыслъ спасъ московскихъ людей отъ увлеченія западноевропейскими планами.

Самымъ знаменательнымъ для насъ фактомъ служитъ то, что о константинопольскомъ наслѣдствѣ впервые сталъ говорить посолъ папы въ 1519 году. Чтобы поощрить великаго князя Василья III къ политической роли въ восточномъ вопросѣ, папа наказывалъ черезъ своего посла Николая Шомберга сказать въ Москвѣ, между прочимъ, слѣдующее. «Папа уразумѣлъ великаго князя силу, и правую и вѣрную мысль, коею мыслью кипитъ христовѣрно и на невѣрныхъ на татаръ свирѣпуетъ. По сему онъ хочетъ его и всѣхъ людей русской земли приняти въ единачество и согласіе римскіе церкви, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, но хочетъ покрѣпити и грамотою апостольскою утвердити и благословити вся та... Занеже церковь греческая не имѣетъ главы и патріархъ константинопольскій и все царство въ турецкихъ рукахъ, и онъ (папа) вѣдаетъ, что духовнѣйшій митрополитъ есть на Москвѣ, то хочетъ его и кто по немъ будетъ повысити и учинити патріархомъ, какъ былъ прежде константинопольскій, а наияснѣйшаго и непобѣдимѣйшаго царя всея Руси хочетъ короновать въ христіанскаго царя, и того папа отъ сердца желаетъ. А отъ того папа не проситъ ничего прибытка и только хочетъ хвалы Божьей и соединенія христовѣрныхъ и чтобы совершеннѣе то дѣло противъ турскаго впередъ шло. А нѣчто *похочетъ князь великій за свою отчину константинопольскую стояти*, занеже турецкій вотчину великаго князя держитъ, и онъ имѣетъ нынѣ пригоденъ путь да и помощь, что ни за 100 лѣтъ отъ сѣхъ мѣстъ наслѣдники константинопольскіе не имѣли, а то и отъ своего разума и отъ многихъ рѣчей вѣдати можетъ»...

Можно удивляться настойчивости, съ которою папа и императоръ преслѣдовали планъ привлеченія Москвы къ войнѣ съ турками. Эта настойчивость, весьма странная въ такихъ практическихъ и снабженныхъ способами знать Россію политикахъ, объясняется однако весьма сочувственными объ насъ отзывами, помѣщенными въ сочиненіяхъ о Россіи барона Герберштейна и Павла Іовія. Оба эти писателя имѣютъ для насъ громадное значеніе, и можно пожалѣть, что съ ними недостаточно знакомятъ насъ въ школѣ. Подъ вліяніемъ ихъ записокъ, очень распространенныхъ въ западной Европѣ, было составлено въ особенности венеціанцами нѣсколько донесеній и реляцій о Россіи—съ указаніемъ политическаго значенія этого государства

на востокѣ. Одна изъ такихъ записокъ подана была папѣ Клименту VII. Въ ней изложено слѣдующее. Я не могу довольно надивиться равнодушію, съ которымъ предшественники вашего святѣйшества оставляли доселѣ безъ вниманія Московію, страну многолюдную, различествующую съ нами въ самыхъ маловажныхъ догматахъ, и нисколько не заботились о привлеченіи ея обратно въ лоно истинной церкви. Чѣмъ можетъ болѣе обезсмертиться ваше имя въ позднемъ потомствѣ, какъ не воспоминаніемъ о томъ, что въ ваше управленіе московиты обращены къ истинной вѣрѣ. Обращеніе Московіи гораздо важнѣй, чѣмъ всѣ выгоды, какія доставило бы намъ покореніе оружіемъ Азіи и Африки.—Не должно отнюдь вѣрить тѣмъ, которые утверждаютъ, будто намъ нужны только деньги москвитянъ, славящихся богатствомъ, а будто помощь ихъ, по причинѣ отдаленности отъ турокъ, вовсе безполезна. Изъ Смоленскаго княжества, черезъ землю сопредѣльнаго и дружественнаго москвитянамъ народа Руссовъ, путь ведетъ прямо въ Валахію и Болгарію, а оттуда черезъ Ѳракію въ Константинополь. Этотъ путь весьма удобенъ для слѣдованія войскъ и для атаки, ибо изъ всѣхъ границъ Турціи самая слабая есть та, которая находится со стороны Московіи.— Кромѣ приведенныхъ чертъ, въ этомъ документѣ въ первый разъ указано на христіанскія народности Балканскаго полуострова, которыя могутъ оказать содѣйствіе въ войнѣ съ турками и въ особенности *откровенно высказана необходимость завязать прямыя сношенія съ Москвой, при устраненіи всякаго въ этомъ дѣлѣ посредничества польскаго короля.* — Причину этого условія мы скоро поймемъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что главный мотивъ, поддерживавшій настойчивость римской куріи, заключался именно въ тѣхъ обстоятельствахъ, которыя указаны въ приведенной запискѣ: турецкая гроза, «лютеранская чума», чувствительныя потери католической церкви и надежда вознаградить эти потери пріобрѣтеніями въ лоно церкви схизматиковъ. Знакомить русскихъ царей съ этими мотивами было неудобно, потому въ императорскихъ и папскихъ письмахъ и инструкціяхъ весьма подробно *развивается идея восточнаго вопроса и выясняется политическая роль Россіи.* Хотя въ краткихъ чертахъ приведу нѣкоторыя инструкціи и письма. Распространеніе турецкаго господства въ Европѣ весьма скоро затронетъ существенные интересы Московскаго государства. Положеніе Москвы далеко небезопасно, разстояніе ничего не значитъ, ибо татаре, раздѣляющіе теперь Турцію отъ Московіи, по вѣрѣ и обычаямъ мало отличаются отъ турокъ и будутъ дѣйствовать по внушенію султана. Если турки подвинутся и овладѣютъ какой-либо страной, очередь будетъ прямо за Москвой (Герберштейнъ). Война Россіи съ Турціей выставляется то какъ неизбѣжная необходимость, то какъ, почетное право—и въ послѣднемъ случаѣ сулитъ много выгодъ России. Сколько Москва можетъ пріобрѣсти отъ союза съ Римомъ— это самая обычная и богатая тема переговоровъ. Будь только откровененъ великій князь, и ему предоставлена будетъ такая честь и прерогативы, на него польются такія милости, о которыхъ онъ даже не помышлялъ. Ему предлагали королевскій вѣнецъ, освобожденіе изъ подъ церковной зависимости константинопольскому патріарху, возведеніе русскаго митрополита въ патріархи, возвращеніе константинопольскаго наслѣдства, которымъ не по праву владѣетъ султанъ (Шомбергъ, Герберштейнъ, Францискъ, и папскія письма).

Трудно сказать, на сколько считались обязательными широкія обѣщанія и какъ бы они были выполнены. Но римскія руссофильскія тенденціи, прежде чѣмъ перейти къ практическому выраженію, встрѣтили сильное противодѣйствіе въ польскомъ королѣ Сигизмундѣ-Августѣ, который прямо назвалъ ихъ римской интригой. Извѣстно, какъ натянуты были отношенія между Москвой и Польшей и какъ всякій успѣхъ Москвы затрогивалъ существенные интересы Польши. Польскіе короли не могли смотрѣть сквозь пальцы на международныя отношенія; восточный вопросъ для Польши былъ также свой вопросъ и она не могла допустить передачи главной роли въ этомъ дѣлѣ въ руки Россіи. Сначала король подсмѣивался по поводу авансовъ, дѣлаемыхъ Москвѣ папой и императоромъ, но потомъ рѣшился раскрыть всѣмъ глаза и поставить вопросъ прямо:

Польшѣ или Москвѣ принадлежитъ будущее на востокѣ. — По откровенности, страстности и энергіи нижеприводимый документъ (инструкціи послу въ Римѣ *Крыйскому* отъ 15 февраля 1553 года) далеко оставляетъ за собой все, что намъ извѣстно изъ другихъ источниковъ о политикѣ Польши. И такъ какъ развитіе на Руси восточнаго вопроса находится въ тѣсной связи съ нашими отношеніями къ Польшѣ, то нахожу необходимымъ познакомить съ этимъ документомъ.

Ни со стороны интересовъ польскаго народа, говорилъ король, ни съ точки зрѣнія пользы католической вѣры и достоинства апостольскаго престола нельзя одобрить римскіе взгляды на Москву. Невозможно, чтобы московиты, для которыхъ нѣтъ ничего ненавистнѣй Римской церкви и имени папы, искренно и сердечно обратились къ католической вѣрѣ. Московскаго князя охватила какая-то безумная страсть къ новымъ титуламъ, на которые онъ даже и посягнулъ безъ всякаго права и изъ-за которыхъ заводитъ безконечные споры съ сосѣдями. Извѣстно изъ лѣтописей, что Московскіе князья давно уже домогаются королевскаго вѣнца, но папы, у которыхъ они просили этой чести, были таковы, что не хотѣли ничѣмъ поступиться, что относится къ достоинству католической вѣры и къ приращенію Римской церкви. Прирожденное московитамъ упорство въ схизмѣ всегда служило препятствіемъ къ осуществленію ихъ домогательствъ. У насъ много послѣдователей греческой секты, и мы имѣли не разъ случай наблюдать, какъ упоренъ въ своихъ обрядахъ этотъ народъ. — Отсюда его святѣйшеству слѣдуетъ внимательно обсудить: какой пользы достигнетъ онъ отъ московитовъ для себя, для церкви и христіанскихъ князей.

Что касается Польши, то жизненный интересъ нашъ—противиться всѣми способами возведенію московскаго князя въ короли. *Ибо навѣрное можно опасаться, что находящіяся подъ польской властью русскія области перейдутъ тогда къ московскому князю, какъ къ своему патрону и единовѣрцу, въ особенности если увидятъ расположеніе къ нему папы и какъ бы одобреніе его догматовъ.* Наши счеты съ Москвой слишкомъ велики и стары. Ужели вы думаете, что мы можемъ вступать въ лигу противъ турокъ съ другими государями, не устроивъ наше собственное дѣло съ Москвой! Ужели московскій князь можетъ ввязаться въ войну съ турками, не заручившись прочнымъ миромъ съ нашей стороны! Но надежды на миръ Москвы съ Польшей напрасны, пока намъ не удастся взять то, что принадлежитъ намъ.—Наши предшественники всегда являлись вѣрными стражами чести и достоинства Римской церкви и обличителями московской лжи, они всегда предупреждали апостольскій престолъ противъ довѣрчивости пустымъ обѣщаніямъ. И нынѣ, слѣдуя этому обычаю предковъ, обращаемъ вниманіе на московское дѣло и питаемъ увѣренность, что наши заявленія будутъ оцѣнены по достоинству. Или думаетъ апостольскій престолъ увеличить тѣло христіанской церкви однимъ членомъ и отсѣчь другіе, или предпочитаетъ его святѣйшество испытанную вѣрность Польши уклончивымъ обѣщаніямъ Московіи! Но пусть раскроютъ глаза на дѣйствительное положеніе дѣлъ. Москва *не имѣетъ никакого значенія въ восточномъ вопросѣ за дальностью разстоянія отъ Турціи*, за необходимостью въ случаѣ войны проходить черезъ польскія области, въ которыхъ ее ожидаетъ масса затрудненій. Что до морскаго пути, то московиты совсѣмъ несвѣдущи въ морскомъ дѣлѣ. Кто же держится того мнѣнія, что они могутъ скоро привыкнуть къ мореплаванію, тотъ не видитъ обратной стороны медали. *Покажите московитамъ море, они сдѣлаются еще вреднѣй и опаснѣй.*—Наконецъ, папѣ слѣдуетъ взвѣсить и то, *что его московская политика въ корнѣ подрываетъ всѣ виды на увеличеніе Римской церкви пріобрѣтеніями въ восточной Европѣ*: тогда Молдавія и Валахія, подающія теперь нѣкоторую надежду на обращеніе въ католичество, утвердятся въ своихъ заблужденіяхъ. Если-бы въ Римѣ не обратили вниманія на эти энергичныя представленія, *то король приказывалъ сказать, что онъ готовъ разорвать сношенія съ папой и искать союза съ турецкимъ султаномъ.*— Но до этого въ Римѣ не довели дѣла.

Протестъ польскаго короля раскрываетъ намъ весь трагизмъ хорошо извѣстныхъ печальныхъ отношеній между двумя сѣверо-восточными славянскими державами.

Нужно вдуматься въ тогдашніе политическіе взгляды, чтобы понять неизбѣжность постановки роковой дилеммы между Россіей и Польшей: *ты или я, а вмѣстѣ намъ тѣсно.* Связь между политическимъ и религіознымъ вопросомъ не есть продуктъ восточно-европейскихъ воззрѣній, а есть единственная господствующая теорія, которая такъ вліяетъ на развитіе восточнаго вопроса. Пока Москва была въ черномъ тѣлѣ, пока ею владѣли татаре, вопросъ о сліяніи съ ней единовѣрныхъ народовъ, которые были подъ Польшей, не выступалъ наружу. Но когда римская курія стала обѣщать московскому князю титулъ и церковное независимое устройство, ужасъ охватилъ польскаго короля передъ картиной неизбѣжнаго отдѣленія отъ Польши непольскихъ элементовъ и передъ политической миссіей Россіи въ восточномъ вопросѣ.

Въ Римѣ не могли не принять къ свѣдѣнію заявленія Польши и стали гораздо осторожнѣй высказываться въ сношеніяхъ съ Москвой. Съ одной стороны пытаются успокоить короля завѣреніями, что всѣ будущія выгоды отъ разрѣшенія восточнаго вопроса даже московскими руками обратятся въ пользу Польши, съ другой продолжаютъ подстрекать самолюбіе русскихъ тайными посольствами (*Джиральдо* совѣтовалъ отправить посольство sotto abiti simulati), о которыхъ не давалось знать въ Польшу. Риму приходилось, ставъ на этотъ путь, играть очень незавидную роль и быть въ истинно комическомъ положеніи. Не желая поставить противъ себя короля, который угрожалъ союзомъ съ турками, римскіе дипломаты сулили увеличить Польшу Трансильваніей, Молдавіей и Валахіей, если король двинетъ свою кавалерію противъ турокъ (въ 1571 и 1580 г.) Побуждая же царя взять въ свои руки восточный вопросъ, развивали мысль о константинопольскомъ наслѣдствѣ и указывали на тѣже Молдавію и Валахію съ придачей Болгаріи и Цареграда. Можно судить, какъ эта двойная игра дискредитировала папу въ глазахъ русскихъ людей.

Въ послѣдніе годы Ивана Грознаго и при его преемникѣ Өедорѣ Ивановичѣ восточный вопросъ вступилъ въ роковую фазу развитія. Событія, на которыя я имѣю указать, довольно извѣстны, но они получаютъ особенный смыслъ въ связи съ занимающимъ насъ вопросомъ. Хорошо образованный, изучившій исторію Россіи даровитый Антоній Поссевинъ привнесъ новыя точки зрѣнія въ политику восточнаго вопроса. Онъ первый обосновалъ мысль, что *восточный вопросъ долженъ быть разрѣшенъ силами юговосточной Европы*; подъ вліяніемъ болѣе практичныхъ и широкихъ венеціанскихъ взглядовъ, онъ способствовалъ къ тому, что въ Римѣ стали склоняться къ мысли отдѣлить, хотя на время, религіозный моментъ отъ политическаго въ восточномъ вопросѣ. Наконецъ онъ же теоретически и практически началъ подготовлять почву для движенія на Балканскомъ полуостровѣ, въ Малой Азіи, между малороссійскими казаками и грузинами. Съ Поссевина восточный вопросъ пріобрѣтаетъ высочайшій, хотя у насъ еще мало выясненный интересъ. Я остановлюсь только на одномъ эпизодѣ миссіи Поссевина. Отправляя его въ Москву, римская курія внушила ему успокоить польскаго короля завѣреніемъ, что въ сущности миръ между Москвой и Польшей обратится къ выгодѣ этой послѣдней, ибо не можетъ-де быть сомнѣнія, что папа всегда предпочитаетъ Баторія Грозному. Ручательствомъ въ этомъ служила Валахія, обѣщанная Польшѣ. Между тѣмъ вотъ что поручено было ему развить передъ царемъ Грознымъ. Если вы соединитесь съ христіанскими князьями противъ султана, это будетъ сопровождаться великой для всѣхъ славой и расширеніемъ вашего царства. Про васъ всѣ христіанскіе народы будутъ говорить, какъ про тѣхъ героевъ, которые освободили Сирію и Іерусалимъ. *Предки вашего величества счастливо ходили въ Азію и въ Цареградъ, но не удержали за собой этихъ странъ.* Между тѣмъ *предопредѣлено свыше, что восточныя страны будутъ вѣчно за вами, ибо святѣйшій апостольскій престолъ имѣетъ на то прямыя указанія* и потому желаетъ возвеличить васъ честью и титулами. Выскажите только вашу волю, и всѣ государи предоставятъ вамъ начальство въ турецкой войнѣ. Въ виду подобныхъ заявленій, не естественно ли задаться слѣдующимъ вопросомъ: а что если-бы и въ самомъ дѣлѣ Грозный увлекся прекраснымъ планомъ и присоединился къ взглядамъ римскаго дипломата? Теоретическими

соображеніями я не доказалъ-бы, правильно или нѣтъ взглянули Грозный и бояре на свои обязанности въ восточномъ вопросѣ. Къ счастію, въ настоящее время возможно сослаться на документальныя данныя.

Стефанъ Баторій, котораго такъ недолюбливалъ Иванъ Грозный и называлъ турецкимъ посаженикомъ, поколебалъ господствовавшіе на западѣ взгляды на восточный вопросъ и создалъ смѣлый, грандіозный планъ разрѣшенія его. По его воззрѣнію, римскіе дипломаты слишкомъ идеализировали Россію, возлагая на нее такія надежды, какихъ она никоимъ образомъ не могла осуществить. Единственно чѣмъ бы Россія оказала пользу общеевропейскому дѣлу — это взять Азовъ, но она не способна къ тому при существующихъ обстоятельствахъ. Въ сущности Россія препятствуетъ разрѣшенію восточнаго вопроса и потому первымъ истинно полезнымъ и христіанскимъ подвигомъ было бы устраненіе съ дороги этой вредной державы. Таковы исходные пункты Баторія, которые весьма напоминаютъ намъ разсужденія итальянцевъ, французовъ и германцевъ, находившихъ, что Византійская имперія препятствуетъ достиженію цѣли крестовыхъ походовъ. Чуть-ли не первый, кому Баторій сообщилъ свои соображенія—былъ легатъ папы Антоній Поссевинъ, человѣкъ даровитый, страстный и давно уже занимавшійся восточнымъ вопросомъ. Онъ увлекся планомъ Баторія и сдѣлался истолкователемъ его передъ папой. На основаніи *донесеній Поссевина, записки канцлера Замойскаго и инструкцій польскимъ посламъ въ Римъ является* теперь возможность ознакомиться съ планомъ Стефана Баторія во всѣхъ подробностяхъ. Вопросъ представляется въ такомъ видѣ съ точки зрѣнія поляковъ.

Всѣ предшествующіе переговоры по восточному вопросу приводятъ къ убѣжденію, что Россія только въ томъ случаѣ будетъ полезна христіанамъ въ борьбѣ съ турками, *если во главѣ ея станетъ католическій государь*. Если эта обширная страна, соприкасающаяся съ Каспійскимъ моремъ и океаномъ и простирающаяся до азіятскихъ предѣловъ, подпадетъ власти католическаго государя, ближайшимъ слѣдствіемъ того будетъ широкое распространеніе католической вѣры и устройство римскихъ епископій и церквей по всей Московіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдуетъ усиленіе христіанъ передъ мусульманами. Самый чувствительный ударъ Турціи можно нанести съ тылу. Средства для того имѣетъ одна Московія, какъ по громадному протяженію земель, съ которыхъ можно собирать войско, такъ по важности своего положенія и пограничности съ населеннѣйшими христіанскими землями. Она можетъ вступить въ союзъ съ персами, въ ея владѣніяхъ находится Каспійское море, въ Астрахани слѣдуетъ устроить флотъ, а окрестное населеніе дастъ хорошихъ моряковъ. Владѣющій флотомъ на Каспійскомъ морѣ и стоящій въ союзѣ съ персами будетъ держать ключъ отъ восточнаго вопроса. Онъ подчинитъ себѣ черкесовъ и грузинъ, двинется на Константинополь со стороны Малой Азіи и постарается быстро овладѣть проливами. Сами турки прекрасно поняли значеніе этого пункта и намѣреваются соединить каналомъ Волгу и Донъ. Если имъ это удастся, они рѣшительно упрочатъ свое положеніе въ Европѣ, завоюютъ Москву и безъ труда наложатъ руку на Польшу и Германію. Для предупрежденія этого, а также чтобы обратить средства Москвы на службу христіанскому дѣлу, король находитъ одно средство: *завоевать Московію, устроивъ изъ нея операціонный базисъ для предпріятій противъ Турціи*. Ради общей пользы, король готовъ посвятить себя на исполненіе этого плана и не пощадитъ для того ни средствъ, ни самой жизни, если только папа заблагоразсудитъ воспользоваться имъ къ славѣ Божіей, какъ своимъ орудіемъ.—Лучшимъ моментомъ для осуществленія этого плана было время послѣ смерти Грознаго. Пользуясь интригами бояръ и слабостью преемника Ивана Грознаго, Баторій надѣялся безъ особеннаго труда *исполнить задачу въ три года*, канцлеръ Замойскій смотритъ на всю операцію какъ на военную прогулку. Признается необходимымъ имѣть въ распоряженіи корпусъ въ 24 тысячи пѣшаго и коннаго войска, король принимаетъ на себя половину расходовъ, если папа покроетъ другую. Денежная субсидія предпочтительнѣй, ибо людей предполагается вербовать въ Московскихъ провинціяхъ, привычныхъ къ климату и условіямъ страны.

Таковъ въ краткихъ чертахъ безпримѣрный планъ разрѣшенія восточнаго вопроса, выработанный въ Польшѣ и сообщенный въ 1584—1585 годахъ въ Римъ. По внѣшней комбинаціи онъ долженъ быть признанъ весьма остроумнымъ и дальновиднымъ. Очень хорошо извѣстно, что въ общихъ чертахъ подобный планъ проводимъ былъ въ нашихъ послѣднихъ войнахъ съ турками и весьма вѣроятно, что наши успѣхи на востокѣ не менѣе, чѣмъ со стороны Балканскаго полуострова обусловливаютъ развязку восточнаго вопроса. Но для меня любопытнѣй другая сторона дѣла. Какъ приняла римская курія предложеніе Баторія? Съ своей точки зрѣнія она поступила последовательно, она усвоила себѣ взглядъ Поссевина, а этотъ послѣдній положительно былъ очарованъ геніальнымъ планомъ короля. Извѣщая папу и рекомендуя ему мысли Баторія, осторожный Поссевинъ желалъ только одного, чтобъ можно было одобрить предпріятіе короля, ничѣмъ не связавъ себя на тотъ случай, если планъ не удастся: *нужно всемѣрно остерегаться*, прибавляетъ онъ, *заронить въ Москвѣ подозрѣніе, будто св. престолъ замышляетъ противъ нея недоброе.* На это отвѣчали ему изъ Рима въ слѣдующемъ уклончивомъ тонѣ. Его святѣйшество не желаетъ давать совѣтовъ королю по поводу его предпріятія и вполнѣ предоставляетъ этотъ вопросъ на волю его величества, въ предположеніи, что будетъ имъ избрано самое мудрое и сообразное обстоятельствамъ рѣшеніе. Папа разрѣшаетъ вести и переговоры съ христіанскими князьями о субсидіи, но такъ *чтобы даже и подумать никто не могъ, что это дѣло идетъ изъ Рима.* Пусть *самъ король безъ шуму и секретно* отъ своего имени переговаривается съ князьями; какъ они поступятъ, къ ихъ рѣшенію присоединится и папа Такимъ образомъ, *планъ крестоваго похода противъ Россіи* не только не былъ отвергнутъ папой, но нашелъ у него одобреніе, и даже исполненъ въ той по крайней мѣрѣ части, которая касалась лично папы. Баторій получилъ изъ Рима первый взносъ субсидіи на войну съ Россіей, что не помѣшало однако въ то же почти время диктовать римскому первосвященнику очень любезное письмо къ царю Ѳеодору Ивановичу. Неожиданная смерть Баторія въ декабрѣ 1586 года разстроила замыселъ противъ Москвы, который уже былъ разработанъ въ подробностяхъ. Папа Сикстъ V сдѣлалъ такую оцѣнку Баторія въ рѣчи, сказанной по случаю его смерти: «Душа моя потрясена скорбію объ утратѣ короля великодушнаго, храбраго и католическаго. Онъ постоянно стремился къ возвышеннымъ подвигамъ, и *даже въ самое послѣднее время въ его головѣ зрѣли благородные и смѣлые замыслы.* Ни опасность, ни неудачи не могли отклонить его отъ задуманныхъ предпріятій и ослабить его энергію. Я *возлагалъ на него возвышенныя надежды и послалъ ему добрую сумму банковыми билетами* — въ намѣреніи направиться съ его помощію черезъ Московію въ Турцію».

Этимъ можно ограничиться въ разборѣ сношеній Москвы съ Римомъ по поводу восточнаго вопроса. Мнѣ кажется излишнимъ подбирать новыя краски. И приведенные факты достаточно убѣждаютъ, что на западѣ играли съ нами въ двойную игру, насъ хотѣли подкупить дарами данайцевъ и въ концѣ концовъ надъ Москвой висѣлъ Дамокловъ мечь, готовый разгромить ее. Было бы ошибочно думать, что съ Баторіемъ умерла идея завоеванія Россіи съ цѣлью устроить въ ней базисъ противъ Турціи. Этой идеей жили государственные люди Польши и дѣлали попытки осуществить ее въ иной формѣ, но также подъ ауспиціями папы. Такъ они добились разъ того, что на Московскомъ царствѣ появился дѣйствительно католическій государь. Смутное время конечно нельзя понять безъ связи съ изучаемымъ нами вопросомъ.

Позволительно теперь остановиться на изложенныхъ обстоятельствахъ и вывести нѣсколько заключеній. Опытные европейскіе дипломаты, взвѣсивъ положеніе Россіи на востокѣ, провели въ практическую жизнь и возвели въ политическій принципъ тѣ отвлеченныя и довольно фантастическія построенія русскихъ людей, о которыхъ мы говорили выше. Поклонись мнѣ, не разъ искушали Москву римскіе дипломаты, и весь юго-востокъ Европы съ Константинополемъ мы отдадимъ въ твою власть. Почему же русскіе дѣятели не приняли съ благодарностью ту почетную роль, которая такъ настойчиво рекомендована

была изъ Рима, и которая такъ соотвѣтствовала національнымъ чаяніямъ? Вѣдь они не знали, въ большинствѣ случаевъ, фактовъ, обличающихъ двоедушіе западной политики. А между тѣмъ тогда чувствовалась настоятельная необходимость въ сношеніяхъ съ иностранцами; начиная съ Ивана III, изъ Москвы постоянно отправляли просьбы на западъ о присылкѣ врачей, архитекторовъ, машинистовъ, военныхъ людей и разнаго рода ремесленниковъ. Чѣмъ же объяснить, что Русь не увлеклась блистательной перспективой, открываемой ей на томъ пути, на который приглашали ее римскіе первосвященники? Что предохранило Русь отъ увлеченія римскими планами и отъ смѣлой авантюры?

Ѳ. Успенскій.

(До слѣдующаго №).

Очерки сербской литературы.

II. Іованъ Суввотичъ (1817 — 1886).

Имя Субботича — одно изъ дорогихъ именъ для сербскаго народа. Субботичъ жилъ и дѣйствовалъ среди австрійскихъ сербовъ; посему его политическая дѣятельность имѣетъ особенное значеніе только для этой части сербскаго народа. Но, какъ писатель, Субботичъ имѣетъ большое значеніе для всего сербскаго народа. Подобно Якшичу, онъ пробовалъ свои силы на разныхъ отрасляхъ литературы. Какъ эпическій поэтъ, онъ стоитъ весьма высоко, но какъ лирикъ уступаетъ Якшичу. Краткій очеркъ его жизни изложенъ мною въ некрологѣ, помѣщенномъ въ мартовской книжкѣ «Извѣстій». Давать болѣе пространное жизнеописаніе теперь, когда еще не изданы многія его сочиненія, а въ томъ числѣ и автобіографическія записки, было бы несовсѣмъ удобно. Поэтому въ настоящей статьѣ я остановлюсь только на литературной дѣятельности Субботича, причемъ долженъ предупредить читателя, что доселѣ напечатано всего *девять* томовъ сочиненій Субботича, т. е. не болѣе половины всѣхъ его сочиненій, остальные же пока хранятся въ рукописяхъ.

Субботичъ написалъ множество лирическихъ пьесъ большихъ и малыхъ, составившихъ цѣлый томъ *). Мы разсмотримъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ сгруппированы самимъ авторомъ—въ XI отдѣлахъ.

Первый отдѣлъ посвященъ дѣтскимъ пѣсенкамъ, которыя не болѣе какъ бездѣлки или игра словъ. Во второмъ отдѣлѣ — пѣсни плясовыя и работныя (пѣсме за посао и игру). Изъ нихъ недурны жатвенная пѣсенка и «На жатвѣ»—обѣ написаны въ 1855 году. Изъ плясовыхъ недурна пѣсня «Коло», написанная въ 1856 г. Третій отдѣлъ посвященъ пѣснямъ въ честь вина. Ихъ очень мало и ничѣмъ особеннымъ онѣ не отличаются; лучше другихъ послѣдняя: «Вино и драга».

Любовныя пѣсни, помѣщенныя въ четвертомъ отдѣлѣ, выше предъидущихъ. Очень мила и граціозна пѣсенка «Дѣвушка и роза», написанная въ 1842 году. На нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣтно вліяніе народныхъ пѣсенъ. Такова «Несгода у калоперу», «Ночь и заря» и нѣкоторыя другія. Особенно хороша маленькая пѣсенка «Ель и боръ». Но вообще въ этихъ первыхъ, названныхъ авторомъ сельскими любовными пѣснями, мало сельскаго. Рядомъ же съ сельскими стоятъ еще «гражданскія» любовныя пѣсни, т. е. поэтъ хочетъ дать образцы, такъ сказать, городскихъ любовныхъ пѣсенъ. Но разницы между сельскими и городскими пѣснями о любви не замѣтно. Среди послѣднихъ, особенно среди написанныхъ Субботичемъ въ юности, въ тридцатыхъ годахъ, есть милыя вещицы, если не по мотивамъ, то по искреннему чувству, что у него уже не такъ часто встрѣчается въ 50-хъ годахъ, когда лирика отошла для него на второй планъ. Такъ, очень недурно стихотвореніе «Послѣдняя надежда», относящееся къ 1837 году и отъ того же года— «Спокойной ночи». Это послѣднее написано такимъ легкимъ, воздушнымъ, порхающимъ стихомъ, что какъ-бы чувствуешь теплое дыханіе темной лѣтней ночи. Въ 1840 году онъ написалъ четыре стихотворенія подъ названіемъ «Phases amoris». Первое изъ нихъ изображаетъ появленіе любви,

---

*) Сочиненія Іована Субботича. Книга I. Пѣсни лирическія. Въ Карловцахъ 1858. (Дѣла Іована Субботића. Книга I. Пѣсме лирске. У Карловци 1858).

второе любовную тоску, третье любовную силу и четвертое счастье любви. Съ этого года по 1856 г. мало стихотвореній, но въ 1856 и 1857 гг. Субботичъ особенно много написалъ ихъ. Содержаніе тутъ самое разнообразное. Онъ воспѣваетъ и черныя очи красавицы, подъ видомъ талисмана и амулета, и руки и уста ея и т. д. совершенно въ романтическомъ, даже наивномъ духѣ. Эти стихотворенія по большей части слабы, хотя форма ихъ и недурна. Сонеты, помѣщенные въ V отдѣлѣ, также не представляютъ ничего особеннаго. Но за то рядъ стихотвореній подъ заглавіемъ *«Видосава»*, помѣщенныхъ въ VI отдѣлѣ, замѣчательно хорошъ. Всѣ они проникнуты искреннимъ и глубокимъ чувствомъ и несомнѣнно отражаютъ на себѣ случай изъ жизни поэта. Маленькая Видосава, дивное по красотѣ своей дитя, умираетъ въ этомъ дѣтскомъ возрастѣ. Поэтъ описываетъ ея жизнь отъ колыбели до этой безвременной могилы. Послѣднее стихотвореніе изъ этого цикла особенно поэтично: поэтъ обращается къ матери-землѣ и проситъ её беречь его маленькую Видосаву.

«Вѣнскія элегіи», помѣщенныя въ VII отдѣлѣ, мало оправдываютъ такое названіе. Онѣ писаны тяжелыми многостопными стихами и вообще весьма тяжеловѣсны. Лучшая изъ нихъ XII-я подъ названіемъ «Афродита».

Въ VIII отдѣлѣ, озаглавленномъ «Космосъ», есть прекрасныя вещи, напримѣръ «Облака», «Пѣсня смерти». Эта послѣдняя очень характерна. Всѣ боятся смерти, но онъ, поэтъ, не боится ея, напротивъ, онъ хочетъ воспѣть её, какъ молодые люди воспѣваютъ своихъ невѣстъ. Смерть—это прекрасная бѣлая вила, она уноситъ человѣка въ чудные края, со звѣзды на звѣзду, въ дивный таинственный міръ.

Въ IX отдѣлѣ собраны различныя стихотворенія. *«Элегія на Косовѣ»* наиболѣе глубокое изъ нихъ. Задумано оно превосходно: тихая ночь на Косовомъ полѣ, на томъ самомъ страшномъ полѣ, гдѣ когда-то погибли два царя — Мурадъ и Лазарь. И встаютъ предъ поэтомъ тѣни тѣхъ славныхъ, доблестныхъ витязей. Это стихотвореніе написано было въ 1835 году. Иногда Субботичъ любилъ блеснуть своеобразіемъ формы. Такова его *«Вила»*. Это прелестное стихотвореніе своимъ прозрачнымъ стихомъ даетъ прекрасное понятіе объ этомъ таинственномъ лицѣ сербской миѳологіи. Въ 1840 году онъ написалъ пѣсню «Србинъ», которая сдѣлалась одною изъ любимѣйшихъ въ народѣ. Это нѣчто въ родѣ гордаго гимна, гдѣ сербъ высказываетъ твердую любовь къ своему народу и языку. Въ 1845 году онъ написалъ рядъ отрывковъ о славянскихъ богахъ: Прекрасны стихотворенія, въ которыхъ онъ воспѣлъ свою родину, село Добринцы и своего отца. Все оно полно горячей любви и искренняго чувства.

Второй томъ сочиненій Субботича содержитъ въ себѣ эпическія его произведенія, доставившія ему особенную славу. Первая изъ этихъ поэмъ называется: *«Сабля-Момче, Цвѣтъ-Дѣвойче»*. Вотъ ея содержаніе. Любили другъ друга юноша Сабля-Момче и дѣвушка Цвѣтъ-Дѣвойче. Любили и годъ, и два и третій до Святой. Но въ вербное воскресенье заболѣлъ Сабля-Момче, и ходила за нимъ его милая, да не помогли ея заботы. Говоритъ онъ ей: Не поправиться мнѣ, умру я въ эту пятницу, въ субботу меня отпоютъ, а въ воскресенье схоронятъ; хотѣлось бы мнѣ только предъ смертью узнать, выйдешь-ли ты за кого потомъ замужъ. Въ отвѣтъ на это подруга клянется, что не измѣнитъ ему. «Не клянись,—говоритъ ей женихъ ея—Погубишь тѣмъ свою душу. Если ты мнѣ измѣнишь, то въ первую же брачную ночь я въ вихрѣ явлюсь тебѣ». На это она говоритъ, что готова тогда будетъ послѣдовать за нимъ, если бы пришлось ей такъ или иначе выдти снова замужъ. Умеръ ея суженый и похоронили его. Въ «водяной» понедѣльникъ пришли парни, «поливачи», а съ ними и красивый черноокій юноша Момче-Голобрадо. Дѣвушка, которая не хочетъ, чтобы ее парни облили водой, должна откупиться отъ этого поцѣлуемъ. Цвѣтъ-Дѣвойче рѣшилась откупиться отъ поливки и поцѣловала черноокаго юношу.

Во вторникъ собралась молодежь на лугъ поиграть и поплясать. Тутъ плясали и «коло», и «кетуше», и «паргара помогарца», и веселый «ястучичъ». Но всѣхъ перещеголялъ въ пляскѣ Момче-Голобрадо, и старыя женщины прочили его себѣ въ зятья, а молодые дѣвушки — въ женихи.

Но онъ смотрѣлъ на одну только Цвѣтъ-Дѣвойче, очень полюбилась она ему и всѣ пляски онъ плясалъ только съ нею одною. Краснѣетъ она отъ его страстныхъ словъ, а не можетъ отойти отъ него, а когда плясали «*ястучичъ*» (живая и веселая пляска, въ родѣ нашего трепака), снова поцѣловала она черноокаго юношу. Ночью ей является тѣнь ея покойнаго жениха и упрекаетъ въ измѣнѣ, но она утѣшаетъ себя разными извиненіями.

Пришло и *ружичало* (у насъ *радуница*, второй понедѣльникъ послѣ Пасхи, когда на кладбищахъ совершаютъ тризну по покойникамъ). Встрѣтились они на кладбищѣ, да и дали другъ другу слово пожениться». Не бойся своего мертваго жениха, утѣшалъ ее Момче-Голобрадо, женятся и выходятъ замужъ только на этомъ свѣтѣ, а когда лягутъ въ черную могилу, ужъ не думаютъ объ этомъ».

И вотъ въ свѣтлый Духовъ день веселый свадебный поѣздъ привезъ молодыхъ изъ церкви, обсыпали ихъ житомъ, да и засѣли пировать. А какъ пробило полночь, кумъ мигнулъ воеводѣ (свадебные чины на сербской свадьбѣ), а воевода молодымъ, и повели ихъ спать. Мѣсяцъ стоялъ въ небѣ на полпути, пѣтухъ во снѣ встрепенулся и дворовый цѣпной песъ безпокойно заворчалъ. Не успѣлъ молодой обнять невѣсту, какъ зашумѣлъ страшный вихрь, разбилъ окно, погасилъ огонь, и предъ окаменѣвшими отъ страха молодыми явился мертвый Сабля-момче въ саванѣ. «Ты мнѣ измѣнила и я пришелъ за тобой, мы съ тобой отпразднуемъ свадьбу, у насъ будетъ славный пиръ, самъ покойный царь Стефанъ будетъ у насъ кумомъ. И долго будетъ длиться наша первая ночь, въ моемъ домѣ не увидишь ты ясной зари». Такъ сказалъ мертвецъ. Тутъ запѣлъ пѣтухъ, снова зашумѣлъ вихрь, и, когда женихъ пришелъ въ себя, невѣсты его уже не было съ нимъ...

Таково содержаніе этой поэмы. Разработка этого общеизвѣстнаго мотива сдѣлана Субботичемъ чисто въ народномъ духѣ. Стихъ поэмы легкій, звучный и изящный. Написана она въ 1841 году.

Вторая поэма, подъ названіемъ «*Врдничва Кула*», т. е. «Вердницкая Башня» прямо относится къ богатырскому эпосу: тутъ мы видимъ и Марко Кралевича, и Юговичей, и другихъ знаменитыхъ богатырей сербскаго народнаго эпоса.

Пишетъ письмо воевода Мирко къ разнымъ славнымъ богатырямъ, въ разные города сербской земли. Пишетъ онъ въ этомъ письмѣ, что есть у него дочь Иконія, которую онъ хочетъ выдать замужъ. Но мужемъ ея будетъ лишь тотъ, кто побѣдитъ ее на состязаніи въ чистомъ полѣ. Пусть всѣ славные богатыри съѣдутся къ нему въ бѣлый Вердникъ къ Иванову дню

И вотъ съѣзжаются славные и сильные богатыри со всѣхъ концовъ сербской земли, кто посмотрѣть на красавицу, а кто и помѣряться съ ней въ чистомъ полѣ. Тутъ и воевода Воинъ съ тремя сыновьями, и Бранковичъ, и Обиличъ, и Марко Кралевичъ, этотъ любимый витязь народныхъ эпическихъ пѣсенъ, и старый Югъ-Богданъ съ девятью сынами, Юговичами, словомъ, весь цвѣтъ сербскаго богатырства.

Сбираются всѣ на поле, приходитъ туда и воевода Мирко съ дочерью, такой красивой, какъ горная вила. Всѣ юнаки, какъ взглянули на нее, такъ и не могли спустить очей съ нея. И говоритъ Мирко: непригоже быть мужу слабѣе жены, а дочь моя привыкла охотиться съ братомъ Радованомъ, котораго ужъ нѣсколько лѣтъ и слѣдъ простылъ. И хочетъ она найти себѣ такого-же доблестнаго мужа, каковъ былъ ея братъ Радованъ. Кто побѣдитъ ее, тотъ получитъ её себѣ въ жены съ великимъ приданымъ. Начинается состязаніе въ стрѣльбѣ, въ метаніи палицы, въ гоньбѣ за оленемъ, но богатыри только дивятся на ея юначество и не принимаютъ участія въ битвѣ. Иконію однако побѣждаетъ невѣдомый старикъ, одѣтый въ рубище, съ болгарскимъ плащемъ на плечахъ. И горько плачетъ Иконія: не хочется ей выходить за старика съ нечесаной сѣдой бородой, плачетъ она, что не нашлось въ сербской землѣ молодаго юнака, который-бы смогъ побѣдить ее. Она рѣшается на свадебномъ пиру отравить своего нежеланнаго стараго жениха. Пируютъ богатыри у воеводы Мирко, на свадьбѣ его дочери. Старый женихъ хочетъ пить за здоровье не царя и короля, а красавицы-невѣсты. А она подноситъ ему два кубка съ виномъ. Если бы было вино

это отравлено, говоритъ онъ, и тогда бы я выпилъ изъ твоихъ рукъ, и выпиваетъ чару единымъ духомъ, а она выпиваетъ свою. Но тутъ не выдержало у него сердце: сбрасываетъ онъ съ себя рубище, накладную бороду и брови и болгарскій плащъ, и является во всемъ блескѣ молодости. Кто же онъ? А это ея братъ Радованъ, вернувшійся съ похода. Задумалъ онъ пошутить надъ сестрой и вышла худая шутка; на другой день и его, и сестру, и стараго отца принимаетъ къ себѣ на вѣки мать сыра-земля.

И теперь еще стоитъ подъ Вердникомъ старая башня. Вокругъ разстилаются поросшія роскошными цвѣтами равнины Срѣма. Въ полночь, когда цвѣтетъ ясень, въ нее сбираются вилы, купаются въ быстромъ потокѣ и чешутся при мѣсяцѣ и пляшутъ, пока не устанутъ. А если въ ихъ хороводъ попадетъ незваный гость, замучаютъ его пляской; если же онъ имъ понравится, научатъ его многимъ тайнамъ.

«Было ли это, или никогда не было, а пѣсня спѣта, чтобы веселились люди. Отъ меня всѣмъ пѣсня, а отъ Бога здоровье.»

Такъ оканчиваетъ поэтъ свою пѣсню. Хороша она сначала до конца. Какая сжатость, какая картинность, какъ все это насквозь проникнуто эпической силой и простотой и народностью. Въ каждой строчкѣ чувствуется великій мастеръ, великій знатокъ народной поэзіи, народнаго духа. Эта прекрасная поэма написана въ 1843 году.

Третья поэма *«Дабрацъ»* посвящена брату поэта, Василію Субботичу. Содержаніе ея взято изъ Срѣмской старины.

Картина Дуная, полная широкой и ясной красоты. Подъ бѣлой хаткой, подъ яблоней сидитъ молодецъ съ дѣвушкой. Оба красивы и похожи другъ на друга какъ братъ на сестру. Онъ одѣтъ богато, по царски. Она въ сельскомъ нарядѣ. Думаютъ они, что никто ихъ не видитъ. Но видитъ ихъ глазъ злого шпіона и идетъ шпіонъ къ царю Драгутину и разсказываетъ ему, какъ его сынъ Владиславъ водитъ любовь съ крестьянкой. Воспылалъ гнѣвомъ грозный царь. Велитъ представить къ себѣ совратившую его сына дѣвушку вмѣстѣ съ ея старой бабкою. Затѣмъ призываетъ къ себѣ сына и жестоко укоряетъ его за то, что онъ позоритъ своей связью свѣтлое имя Нѣманичей. Владиславъ умоляетъ его согласиться на бракъ съ этой дѣвушкой. Но царь неумолимъ и велитъ слугамъ отвести ее и обвѣнчать съ пастухомъ. Владиславъ не пускаетъ слугъ исполнить это приказаніе и даже въ припадкѣ гнѣва поднимаетъ свою руку на своего отца-краля. Послѣдній велитъ тогда его схватить и отвести на судъ, а бѣдную Владисаву обвѣнчать какъ сказано. Тогда старая бабка Владисавы открываетъ царю тайну. Сама она зовется Гоисавой, была первой любовью великаго Уроша, отъ котораго имѣла дочь, а отъ этой дочери и потомка Нѣманичей имѣетъ теперь эту внуку. Выслушалъ это Драгутинъ, поклонился низко старой Гоисавѣ и пошелъ въ судъ старѣйшинъ судить своего сына, покусившагося на убійство короля-отца. Судьи изрекли смертный приговоръ. Владислава уводятъ на казнь. Судъ продолжается и вдругъ черезъ часъ отворяются двери и входитъ Владиславъ съ Владисавой—уже его женой; краль-отецъ простилъ его, вспомнивъ и свои великіе грѣхи и то, какъ онъ самъ подымалъ на своего отца руку...

И все это было, и прошло, и быльемъ поросло, едва видны развалины на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ дворецъ Драгутина. И зовется это мѣсто *Градъ*, а недалеко оттуда село Добринцы - родина поэта, гдѣ еще ребенкомъ онъ бѣгалъ по этимъ развалинамъ, не зная всего ихъ минувшаго величія. Пусть же теперь его земляки узнаютъ то, что нѣкогда было на этомъ мѣстѣ, и пусть пѣснь поэта переживетъ его самого.

Въ этой поэмѣ, написанной въ 1843 г., много глубокаго чувства, драматизма и высокой поэзіи. Она отличается прекраснымъ колоритомъ и роскошнымъ стихомъ.

Объ остальныхъ поэмахъ Субботича, въ томъ числѣ объ его «Ивановской ночи», о его повѣстяхъ и драмахъ до другого раза.

Димитрій Никольскій.

29 мая, 1886. С.-Петербургъ.

Стефанъ Митровичъ Любичъ.

16-го сентября 1885 года на кладбищѣ св. Маркса, въ Вѣнѣ гдѣ находится кладбище и для православныхъ, состоялось, въ присутствіи многихъ проживающихъ въ Вѣнѣ сербовъ *перенесеніе тѣла* сербскаго писателя и патріота С. М. Любича. По этому поводу позволяю себѣ въ нѣсколькихъ словахъ познакомить читателей «Извѣстій» съ жизнью и дѣятельностью Любича.

I.

Стефанъ Митровичъ Любичъ родился въ Будвѣ, въ Боккѣ ди Катаро, 28-го февраля 1824 года, а умеръ 11-го ноября 1878 года въ Вѣнѣ.

У его родителей до него дѣти всѣ умирали. Городскія бабы и лекаря совѣтовали его матери выложить на перекрестокъ первое дитя мужскаго пола, которое родится, чтобы такимъ образомъ найти настоящаго воспріемника для ребенка. Мать его послушалась этихъ совѣтовъ и рано утромъ, какъ только разсвѣло, холодной зимою, передала новорожденнаго, еще не крещеннаго, повивальной бабкѣ, чтобъ та унесла его на перекрестокъ. Въ холодную бурную погоду, нашелъ его какой то путешественникъ и чуть-чуть не растопталъ малютку, если бы повивальная бабка не закричала изъ-за угла: «Возьми, воспріемникъ, ребенка во имя Бога и святаго Іоанна!» И этотъ человѣкъ дѣйствительно былъ воспріемникомъ малаго Стефана. Это вовсе не будетъ удивительно, если мы вспомнимъ, что сербское народное преданіе считаетъ самымъ большимъ грѣхомъ, если кто не хочетъ крестить ребенка, и «кумство» играетъ большую роль въ сербской жизни.

Митаръ Лукшичъ, отецъ Стефана Митровича, прожилъ почти всю жизнь на морѣ; онъ былъ человѣкъ умный, уважаемый всѣми товарищами. Стефанъ Митровичъ остался вскорѣ безъ отца. Какъ единственный сынъ, былъ онъ избалованъ и даже не умѣлъ почти читать, а былъ ужь большой мальчикъ. Это объясняется и тѣмъ, что въ Будвѣ не было хорошихъ школъ, а ту, которая была, мальчикъ посѣщалъ неправильно. Но когда его отецъ умеръ, началъ онъ старательно читать и учиться—одинъ; онъ читалъ съ какой-то жадностію все, что попадало въ его руки, само собой разумѣется, что его чтеніе состояло изъ италіянскихъ книгъ, которыя, по счастію, попадались хорошія. Онъ самъ говоритъ одному изъ своихъ пріятелей: «пока еще я не былъ женатъ, я очень мало обращалъ вниманіе на сербскую литературу. Моя голова была полна италіянскихъ и французскихъ мыслей и не могла никакимъ образомъ любить своего собственнаго, точно такъ-же, какъ дитя, если перестало сосать молоко матери, съ трудомъ можетъ опять къ нему привыкнуть, если уже вкусило другой, болѣе сладкой пищи. Но когда я женился, частые выговоры моей жены принудили меня обратить вниманіе на родную литературу. Меня удивило и богатство, и оригинальная мудрость народныхъ произведеній, а послѣ того знакомство съ сочиненіями Вука Караджича, повседневное общеніе съ народомъ изъ Черной Горы и Приморья, заставило меня жарко полюбить то, на что прежде я почти не обращалъ вниманія; такъ молодой человѣкъ находитъ сотни ошибокъ въ дѣвушкѣ, а потомъ пристрастится къ ней, повѣнчается и находитъ въ ней все свое счастье. Изъ этого можно увидѣть, что первыя книги прочитанныя были не на родномъ языкѣ: сербскій языкъ въ Далмаціи жилъ только въ народѣ, а повсюду—и въ школѣ, и въ судѣ, и въ общинѣ, языкъ итальянскій господствовалъ.

Прилежаніе молодаго Любича скоро дало свои плоды. Въ 1843 году видимъ его секретаремъ общества города Будвы, а нѣсколько лѣтъ послѣ того, въ 1848 г., онъ уже былъ кандидатомъ вѣнскаго рейхсрата; онъ боролся за соединеніе съ Хорватіей и Славоніей, и кромѣ того настоялъ, чтобъ дали права сербскому языку и отмѣнили полицейскій приказъ отъ 1828 г., по которому православные должны были праздновать католическіе праздники; это возбудило со стороны правительства, особенно со стороны итальянской партіи, ненависть къ нему и во время Баховской реакціи онъ былъ постоянно преслѣдуемъ. Какъ депутатъ въ далматійскомъ сеймѣ, затѣмъ въ вѣнскомъ рейхсратѣ, защищалъ онъ всегда народное право; въ рейхсратѣ говорилъ всегда по сербски, стоялъ за рав-

ноправность языковъ всѣхъ народовъ, которые въ этомъ сеймѣ имѣли представителей, защищалъ равноправность народностей и вѣръ и т. д. Послѣдствія этого, само собою разумѣется, были благодѣтельны.

Чехи, въ клубъ которыхъ онъ вступилъ въ рейхсратѣ, очень его полюбили и часто выказывали ему свои симпатіи; особенно во время путешествій его въ Прагу и Моравію былъ онъ предметомъ блестящихъ овацій.

Какое значеніе имѣлъ Любичъ среди депутатовъ, показываетъ слѣдующій случай. Въ началѣ 1870 г., въ январѣ мѣсяцѣ, слѣдовательно непосредственно послѣ возстанія въ Боккѣ, собрался рейхсратъ въ Вѣнѣ и графу Шпигелю было поручено составить проектъ отвѣта на тронную рѣчь. Шпигель не хотѣлъ касаться бунта въ Боккѣ и ожидалъ Любича; а когда онъ пріѣхалъ, предложилъ и его въ члены комиссіи для составленія отвѣта. Здѣсь Стефанъ Митровичъ показалъ свое парламентарное искусство, отражая клеветы Вагнера, Гискры и др. Наконецъ онъ предложилъ предать суду все министерство. Каждый, кто бы хотѣлъ написать исторію возстанія въ Боккѣ, долженъ познакомиться съ воззрѣніями и замѣчаніями Любича.

Въ теченіе всей жизни, онъ всегда дѣйствовалъ согласно съ своими убѣжденіями. Каждая рѣчь свидѣтельствуетъ это, а сербскій народъ въ Далмаціи чувствуетъ послѣдствія его неустрашимаго образа дѣйствій.

Много разъ нападали на него не только итальянскія газеты, но и хорватскія. Особенно ожесточенны и пристрастны были нападки послѣднихъ. Любичъ никогда не вступалъ въ полемику съ ними, никогда не велъ процессовъ, и, когда его пріятели спрашивали, зачѣмъ онъ этого не сдѣлаетъ, отвѣчалъ: «Кто хочетъ избѣжать похвалы и порицанія газетъ, пусть остается дома и занимается своимъ дѣломъ. Но если кто, по собственной волѣ выступитъ на политическое поприще, тотъ отдаетъ себя на судъ печати и это лучшій контроль, безъ котораго не можетъ быть конституціонной жизни. Жизнь и политическая дѣятельность человѣка должны служить лучшимъ отвѣтомъ журналистикѣ. Только тѣ политики, дѣла которыхъ не говорятъ сами за себя, могутъ отвѣчать на нападки газетъ и вступать въ полемику; кто защищается, на половину виноватъ... Я всегда думалъ, что народный представитель не подлежитъ другому суду, кромѣ суда своихъ избирателей. Самый лучшій отвѣтъ тѣмъ, кто нападалъ на меня, дали мои избиратели, шесть разъ избиравшіе меня».

Стефанъ Митровичъ любилъ свою православную вѣру. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что только вѣра православная — вѣра славянская и что спасеніе всѣхъ славянъ лежитъ въ вѣрѣ православной. Кромѣ того, жарко любилъ онъ свой народъ, и очень болѣло его сердце, что сербскій народъ раздѣленъ вѣрой на три части: православную, католическую и магометанскую, и что католическая часть, т. е. ея вожди іезуиты и другіе фанатики ненавидятъ самое народное имя свое, чтобъ удовлетворить желаніямъ папы и его окружающихъ и положить прочное основаніе для утвержденія габсбургскаго или германскаго вліянія въ сербскомъ народѣ. Они забыли при этомъ ту связь, которая крѣпко соединяетъ три части въ одно цѣлое: народные обычаи и языкъ. Любичъ видитъ залогъ единенія въ языкѣ и обычаяхъ, особенно послѣднихъ, которые у православныхъ тѣсно связаны съ вѣрой, сохранились и у другихъ сербовъ, какъ талисманъ, данный имъ дѣдами.

II.

Среди своей политической дѣятельности, Стефанъ Митровичъ не оставлялъ и литературныхъ занятій, въ которыхъ выказался его несомнѣнный талантъ. Какъ кн. Черногорскій Николай образецъ сербской поэзіи, такъ С. М. Любичъ—сербской прозы. Къ сожалѣнію, надо признать, что среди сербскихъ литераторовъ еще не нашелся никто, кто бы вполнѣ выяснилъ значеніе сочиненій этого литератора, который будетъ всегда жить въ памяти народа.

Любичъ былъ горячимъ борцемъ за чистоту сербскаго литературнаго языка.

Интересны его собственныя слова, сказанныя имъ одному изъ пріятелей. «Никогда», говоритъ онъ, «я не думалъ писать для печатанія, ни наполнять и такъ совершенно полныхъ шкафовъ книжныхъ лавокъ книжками сухаго содержанія; гро-

мадное искаженіе, которому подвергался нашъ красивый языкъ, оскорбило меня и я рѣшился писать въ защиту языка, какъ протестъ противъ этого искаженія Успѣю ли? — сомнѣваюсь, потому что слишкомъ сильной струей вошли къ намъ обороты чужихъ «культурныхъ» языковъ, такъ же намъ идущіе, какъ герцеговинцу французскій фракъ!»

Долго колебался онъ, пока не рѣшился познакомить публику съ своими сочиненіями. Онъ началъ съ переводовъ. Переводилъ съ итальянскаго и латинскаго. Изъ Аріоста перевелъ нѣсколько сатиръ и напечаталъ въ «Народномъ Листѣ» 1862 года. Еще перевелъ изъ Горація «Похвалы крестьянской жизни», которыя напечатаны тоже въ «Народномъ Листѣ»; въ «Дубровачкомъ Забавникѣ» напечатана «Смерть Уголино» изъ Данте.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ началъ онъ печатать свои оригинальныя произведенія: то были повѣсти. Онѣ истинное зеркало народной жизни. Каждое лицо въ нихъ узнаешь, потому что на немъ ничего выдуманнаго, преувеличеннаго; все просто, естественно. Ни о чемъ нельзя сказать: это не въ духѣ сербскаго языка или несогласно съ сербскими обычаями. Я бы долго не кончилъ, если бы сталъ подробно говорить о его повѣстяхъ. Въ краткомъ письмѣ нѣтъ для этого мѣста. Упомяну только, что напечатано въ «Забавникѣ»: «Лажни цар Штьепан мали», «Каньош Мацедоновичъ», «Поп Андровичъ», «Продая патрнаре Бркича», «Крадя и прекрадя звона»; въ «Отаджбинѣ»: «Проклети Кам»; въ «Далматинскомъ Коледарѣ»: «Скочи дѣвойка»; въ «Орлѣ»: «Горде или како Црногорка люби»; въ «Српской Зорѣ»: «Причаня Вука Дойчевича». Кромѣ того, отдѣльно вышли послѣ его смерти: «Низ српских приповједака»; «Народне хумористичне чаталице и варалице», «Божичъ» и т. д.

Неисчерпаемое богатство народныхъ выраженій и обиліе словъ—вотъ достоинство его сочиненій. Онъ учился языку самаго народа изъ устъ его, а не изъ грамматикъ и словарей, онъ проникъ въ самое горнило народнаго творчества. Его «Приганя Вука Дойчевича» сдѣлались предметомъ изученія филологовъ и любителей чистаго народнаго языка.

Въ Любичѣ находитъ народный эпосъ свое вѣрное выраженіе, что свидѣтельствуетъ о его несомнѣнномъ талантѣ.

Сколько я знаю, до сихъ поръ переведено по русски его: «Приганя Вука Дойчевича» въ «Славянскомъ мірѣ». Кажется, что еще что-то въ прошломъ году переведено, но не помню, что и гдѣ?

Н. О. В.

Обозрѣніе нѣкоторыхъ новѣйшихъ явленій въ области изящной словесности чеховъ и другихъ славянъ.

(Продолженіе).

II.

«Альбумъ вытечныхъ повідекъ» (выдающихся повѣстей). Это превосходное изданіе предпринято въ самое послѣднее время (въ 1884 году) и выходитъ отдѣлами въ четыре выпуска каждый. Книгопродавческій домъ Грегра и Валечки, которому принадлежитъ это изданіе, видимо, не жалѣетъ средствъ сдѣлать его какъ можно болѣе изящнымъ и въ то же время доступнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, взявши въ руки любой выпускъ этого изданія, вы будете пріятно удивлены тѣмъ щегольскимъ видомъ и тонкой отчетливостью печати, которыми блещетъ это изданіе, и вмѣстѣ крайне доступною цѣною при подобномъ изяществѣ (40 крейцеровъ, т. е. 30 коп. съ небольшимъ за выпускъ въ 80 страницъ, прекрасно отпечатанныхъ на очень хорошей бумагѣ!)

Въ названномъ «альбомѣ» издатели, сообразно его назначенію, стараются помѣщать выдающіяся повѣсти, какъ самобытныя чешскія, такъ и переводныя. Насколько успѣютъ въ своемъ дѣлѣ издатели, трудно сказать, по новости дѣла, но мысль, руководящая ими, во всякомъ случаѣ удачная и хорошая. Изданіе открыто прекрасной повѣстью (или, пожалуй, романомъ, какъ она названа въ «альбомѣ») Святополка Чеха «Кандидатъ несмертельности» (Кандидатъ на безсмертіе), которая положительно заслуживаетъ русскаго

перевода, каковой и приготовляется мною къ печати. Повѣсть оканчивается уже въ третьемъ выпускѣ, который, вмѣстѣ съ частью четвертаго занятъ нѣсколькими «дробными (мелкими) повідками» того же писателя. Во второй половинѣ четвертаго выпуска и въ первой пятаго помѣщенъ «японскій» романъ (!) г. Ю. Цейера «Гомпачи и Комурасаки», а съ конца пятаго выпуска начинается рядъ повѣстей г. Богуслава Чермака, подъ заглавіемъ «Зъ нашi дѣдины» (дѣдина — родина, наслѣдство). Всѣ помѣщенныя пока въ «Альбомѣ» произведенія дѣйствительно весьма любопытны въ томъ, либо другомъ отношеніи, и чешская словесность должна съ благодарностью отнестись къ этому изданію, въ которомъ она получаетъ весьма цѣнный вкладъ для своей сокровищницы.

III.

«Кабинетні книговна», изданіе Фр. Шимачка. Это собраніе «нейлѣпшихъ (наилучшихъ) спису вѣршемъ и прозой» начало выходить съ 1884 года, открывшись роскошной по яркости красокъ, силѣ вдохновенія, горячему славянскому чувству поэмой г. Святополка Чеха «Славія». Въ вышедшихъ доселѣ выпускахъ этого изданія находятся, кромѣ уже названнаго, слѣдующія произведенія, нерѣдко блещущія первоклассными достоинствами:

Вып. II. «Повідкы Алоиза Йираска» (Краянка (т. е. землячка) и Гетманска слава), по отзывамъ чешской критики отличающіяся замѣчательнымъ мастерствомъ.

Вып. III. «Саломена», трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, соч. Богумила Адамка.

Вып. IV. «Подъ Витковымъ камнемъ», Адольфа Гейдука — произведеніе, принадлежащее къ лучшимъ плодамъ музы этого даровитаго писателя.

Вып. V. «Маломѣстске гуморескы», Фр. Геригдеса.

Вып. VI. «Вьяны въ пруду», Елиз. Красногорской.

Вып. VII—VIII. «Дагмаръ», поэма Святополка Чеха въ семи пѣсняхъ.

Вып. IX. «Фельетоны», Яна Лира.

Вып. X. «Гудба (музыка) въ души». Стихотворенія Ярослава Верхлицкаго.

Вып. XI. «Милада», трагедія Вячеслава Волчка.

Изъ всѣхъ этихъ произведеній, изданныхъ, къ слову сказать, весьма изящно и сравнительно очень не дорого, особенно привлекли наше вниманіе поэмы г. Святополка Чеха и между ними «Славія», о которой мы и скажемъ нѣсколько словъ, отлагая болѣе подробный отчетъ о ней, равно какъ и о «Дагмарѣ» до другаго раза. Содержаніе ея вертится, какъ вокругъ оси, около одной основной мысли: какова будущность славянъ? Оно полно разнообразныхъ поэтическихъ картинъ и блещетъ нерѣдко и глубиною мыслей и выраженіемъ страстнаго и мужественнаго славянскаго чувства. Современный разбродъ славянскихъ племенъ, ихъ явные и тайные раздоры и взаимная вражда съ горестнымъ чувствомъ подчеркиваются авторомъ и не однажды показываются въ его вдохновенномъ стихѣ чрезвычайно наглядно и выпукло...

«Славія» — это корабль, несущій по бурному морю представителей всѣхъ славянскихъ народностей. Разговоры, которые ведутся на немъ преимущественно чехомъ и двумя «русами» (русскими: Иваномъ и Владиміромъ) и носятъ главнѣйше политико-соціальный характеръ, составляютъ весьма значительную часть поэмы; они перепутываются съ другими, касающимися любви русскаго (Ивана) къ полькѣ Ядвигѣ и вмѣстѣ со всѣми обстоятельствами, сопровождающими эту любовь, составляютъ главное содержаніе поэмы. Дѣло въ томъ, что взаимная склонность Ивана и Ядвиги долго остается безысходной, вслѣдствіе, во-первыхъ, страшной вражды, которую положили неумолимыя судьбы исторіи между двумя народами (общественная сторона), а во-вторыхъ, по причинѣ ненависти къ русскимъ графа (отца Ядвиги), сынъ котораго, Станиславъ, раненъ въ борьбѣ съ послѣдними, взятъ въ плѣнъ и находится невѣдомо гдѣ, быть можетъ, въ далекой и страшной Сибири (личное обстоятельство). Ненависть, раздѣляющая оба братскіе народа, мѣшаетъ и Ядвигѣ подчиниться склонности, влекущей ее къ Ивану, и побуждаетъ эту дѣвушку всячески противиться влеченіямъ сердца и даже обнаруживать по отношенію къ милому совершенно непріязненныя чувства. О

графѣ и говорить нечего: онъ непреклоненъ и страшной клятвой клянется никогда не выдавать дочь за русскаго *).

Обо всемъ этомъ узнаемъ мы изъ разсказа Ивана чеху. На кораблѣ, гдѣ плывутъ они, случайно находится и графъ съ дочерью, ѣдущіе, какъ узналъ Владиміръ отъ слуги ихъ Мазура, оплакать смерть Станислава, о которой они узнали. Въ своихъ политическихъ разговорахъ представители славянъ высказываютъ мысли такого рода: Иванъ стоитъ за то, что славянамъ необходимо сплотиться въ одно «оборонительное войско», на подобіе того, какъ это дѣлаютъ и другія великія племена.

Чехъ соглашается съ этимъ, но требуетъ, чтобы въ этомъ общемъ таборѣ каждое изъ племенъ славянскихъ получило возможность свободнаго развитія своихъ особенностей

«Чи до поробы (рабства) другъ ма (имѣетъ) друга влеци»?..
Не, буди жъ душе слованства *якъ лира*,
Ежъ (которая) розне струны златой споной (связью) сбира.
Некъ (пусть) кажда (т. е. струна) ту свымъ *властнимъ* (собственнымъ) *гласемъ гуде*.
Вшакъ (однако же) *една мысль* ать (пусть) е (ихъ) въ соузвукъ лади»...

Владиміръ (русскій, братъ Ивана) является носителемъ какихъ-то разрушительныхъ идей и ненавистникомъ современнаго строя вещей... Для него не существуетъ, разумѣется, и славянскаго вопроса. Это, очевидно, представитель отрицательныхъ силъ, дѣйствующихъ въ русскомъ обществѣ и задерживающихъ его правильное поступательное движеніе на народной основѣ. Плывущіе на «Славіи» представители славянскихъ племенъ, находятся почти въ постоянной враждѣ, какъ и ихъ народы: сербъ и хорватъ съ пѣною у рта даже хватаются за оружіе, но ихъ разнимаютъ братья. «Гле (вотъ) образъ вѣрный слованске биды, нашъ то осудъ (судьба) черны! — замѣчаетъ горестно поэтъ...

— То твоя лира слованска! Слышь, брате,
О слышь тенъ (тотъ) еи соузвукъ велькалѣны!

Говоритъ Иванъ и заявляетъ, что струны славянской лиры слѣдовало бы связать *желѣзной* скобкой, и это сдѣлать суждено Руси: она приведетъ всѣхъ славянъ къ единству, съ однимъ оружіемъ, однимъ крестомъ и одною рѣчью для слуха враговъ.. Чехъ возражаетъ на это, что даже исполинская Русь не въ силахъ совершить такого дѣла, что внутри ея самой заводится неладица, чему свидѣтельствомъ служатъ мнѣнія Владиміра. Иванъ на это заявляетъ, что эти мнѣнія по существу своему мертвы, лишены всего святаго и не могутъ вліять на будущее...

Тѣмъ временемъ, однако, Владиміръ успѣлъ посѣять смуту въ сердцахъ матросовъ, но въ происшедшей сумятицѣ нашелъ и себѣ смерть, защищая Ядвигу, которую онъ тоже любилъ. Во время бури матросы убиваютъ капитана и собираются, заставъ врасплохъ пассажировъ, овладѣть ихъ имуществомъ и въ случаѣ чего не поцеремониться и съ жизнью ихъ. Но ихъ замыселъ разстраивается Иваномъ, случайно бывшимъ свидѣтелемъ всего случившагося. Происходитъ общая свалка и пожаръ на кораблѣ, во время котораго Петръ (глава матросовъ) старается уйти съ матросами съ корабля въ лодкѣ и захватить съ собою Ядвигу. Она бросается въ море, но ее спасаетъ Иванъ, а Петра убиваетъ графъ. Ядвига приходитъ къ чувству лишь подъ вліяніемъ поцѣлуя и горячей слезы Ивана. Графъ еще долго не соглашается отдать свою дочь за русскаго, хотя уже разъ въ минуту опасности и призналъ его первенство (это случилось послѣ убійства капитана, когда славяне стали выбирать изъ своей среды для управленія кораблемъ, причемъ, по обыкновенію, раздѣлились: одни стояли, по предложенію черногорца, за Ивана (русскаго), другіе за графа (полякъ); споръ разрѣшился тѣмъ, что самъ графъ, признавая бурю крайне опасною, уступаетъ первен-

*) Не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести нѣсколько мѣстъ этой клятвы, чудной по своей силѣ и неотразимой энергіи:

...Присягамъ на ту ряду гордыхъ дѣду(въ),
На витѣзна ихъ збранѣ, трофее,
На славу зашлу, притомности (настоящаго) бѣду,
На матну (слабую) въ дали гвѣзду надѣе...
Присягамъ славнѣ: докудъ буде грятн (грѣть)
Едина житі искра мои плецъ (плечи),
Ме дцеры живе (моей дочери живой) руку не ухвати
Проклете пуды (почвы, земли) руске зрозенецъ (уроженецъ).

ство Ивану). Впрочемъ, въ концѣ концевъ и онъ согласился, и на славянскомъ кораблѣ воцарился миръ и тишина. Увидѣвъ взаимныя объятія Ивана и графа, чехъ восклицаетъ: О, счастливая минута, когда соединяется «та вабна (очаровательная) Польска съ рускымъ обремъ (великаномъ) (у)жаснымъ ...вольной дружбой, связкемъ ласки краснымъ»!

Умирающій Владиміръ также благословляетъ брата и, какъ бы сознавая, что рано еще, со своими слабыми силами взялся за рѣшеніе мудрой задачи, пророчествуетъ, что славянамъ, соединившися въ мирѣ и любви, суждено возстановить на землѣ чистоту ученія Христова и обновить міръ, поставивши на мѣсто жесткаго эгоизма жизнь въ духѣ любви, равенства и братства.

Читатель уже по этому краткому изложенію содержанія поэмы можетъ судить, какъ глубоко захватилъ авторъ суть современныхъ политическихъ и общественныхъ отношеній, какъ мѣтко съумѣлъ онъ охарактеризовать славянскіе народы въ лицѣ ихъ представителей и въ какомъ духѣ является у него рѣшеніе мудренаго славянскаго вопроса въ связи съ общею исторіей человѣчества. Дальше я не останавливаюсь здѣсь на этой замѣчательной поэмѣ, намѣреваясь поговорить о ней обстоятельнѣе въ другомъ мѣстѣ, какъ она этого заслуживаетъ.

Что касается поэмы *«Дагмара»*, то въ ней поэтически воспроизведена исторія сватовства датскаго короля Вольдемара за чешскую королевну Драгоміру, дочь Премысла I (онъ-же Отокаръ I, современникъ германскаго императора Фридриха II Гогенштауфена) и замужества Драгоміры, превращенной Датчанами въ Дагмару (т. е. зарю). По средневѣковому обычаю, посолъ-сватъ долженъ былъ выиграть партію въ шахматы у невѣсты своего короля, и только тогда сватовство могло считаться удачнымъ. Игра посла Странче съ Дагмарою и составляетъ содержаніе первой пѣсни («Гра о невѣсту»), послужившею, какъ извѣстно, темою и для картины извѣстнаго чешскаго живописца *Брожика*. Въ остальныхъ шести пѣсняхъ опоэтизированы преданія о дальнѣйшей судьбѣ и смерти чешской королевны на далекой чужбинѣ. Поэтъ чрезвычайно удачно справился въ своей большой поэмѣ съ этимъ, казалось-бы, несложнымъ содержаніемъ и сумѣлъ поддержать въ читателѣ интересъ до конца.

III. *«Либуше»—матице забавы и вѣдѣні.* Уже 15 лѣтъ выходитъ это чрезвычайно дешевое и вмѣстѣ весьма полезное изданіе. Конечно, оно не блещетъ изящною внѣшностію, но этого трудно и требовать отъ изданія, годовая цѣна котораго (за *семь книгъ*)—одинъ гульденъ (80 коп.)! Пересматривая произведенія, помѣщаемыя на страницахъ этого изданія, охотно признаешь за редакціей большое знаніе своей публики и умѣнье доставить ей разнообразное чтеніе какъ можно болѣе цѣлесообразнымъ способомъ. Перваго редакція достигаетъ съ помощью большаго запаса произведеній самаго разнообразнаго содержанія, а втораго — разсылая книги преимущественно зимою, когда для чтенія представляется наиболѣе благопріятствующихъ обстоятельствъ. Конечно, многое изъ печатаемаго «Любушей» довольно посредственно, но немало было издано и дѣйствительно капитальныхъ вещей. Вотъ перечень наиболѣе важнаго, изданнаго «Любушею» за послѣдніе два года: 1) «Колемъ (кругомъ) свѣта» путешествіе Анны Брассей, чешское изданіе котораго приготовлено было проф. Муркомъ. Это путешествіе, помѣщавшееся въ нѣсколькихъ выпускахъ, въ концѣ концовъ составило довольно большую книгу въ 336 стр. большаго формата, снабженную 118 довольно порядочными рисунками и меркаторской картой съ обозначеніемъ всѣхъ направленій путешествія Книга вышла довольно любопытная; написана она очень бойко и живо, но нѣкоторыхъ описаній нельзя не назвать нѣсколько поверхностными или слишкомъ бѣглыми, а потому и блѣдными и зачастую односторонними.

2) «Королевна Дагмара», историческій романъ соч. Вячеслава Бенеша-Требизскаго (содержаніе его однородно съ указанною выше поэмою г. Святополка Чеха).

3) «Сусѣде», историческій романъ изъ прошлаго вѣка, соч. Алоиза Йираска (съ портретомъ его); посвящено профессору и извѣстному историку города Праги, Владивою Томку. По истинѣ мастерское произведеніе.

4) «Злато въ огні», романъ соч. Вяче-

слава Волчка въ пяти частяхъ, отдѣльное изданіе общества «Любуша», поражающее своею дешевизною: книга въ 852 стр. стоитъ всего 1 гульденъ!

5) «Покладъ» (кладъ, сокровище), историческія картины изъ прошлаго вѣка, соч. Ал. Йираска.

6) «Таемстві (тайна) стрыце (дяди) Іосифа», соч. Фр. Геритеса (съ портретомъ автора).

7) «Подъ прапоремъ надѣе», соч. Вячеслава Рѣзничка.

8) Повѣсти, соч. Вячеслава Бенеша-Шумавскаго.

9) Повѣсти, Елиз. Красногорской.

10) Очерки, Фр. Странецкой и др.

Какъ видитъ читатель, дѣятельность почтеннаго издательскаго общества «Любуша» довольно внушительна по достигнутымъ результатамъ и заслуживаетъ полнѣйшаго одобренія и подражанія.

На 1886 годъ «Любуша» обѣщаетъ издать слѣдующія произведенія: 1) *Буря жизни* (Буре живота), романъ *Геллера,* 2) *Наше весь* (село) йинды а днесь (прежде и нынѣ), повѣсть Фр. *Халупы*, 3) *Пандурекъ*, повѣсть Ал. *Йираска*, 4) *Хлумы* (холмы), повѣсть Вѣнцеславы *Лужицкой*, 5) *Гра съ огнемъ*, разсказъ Яна *Ліера*, 6) *Мотылёве въ путехъ* (сѣтяхъ), двѣ повѣсти госпожи *Мюльштейновой*. Ни одного изъ этихъ произведеній мнѣ еще не привелось видѣть, и потому сказать о нихъ пока еще не могу ничего.

IV.

«Нова библіотека списовъ (сочиненій) вершемъ (въ стихахъ) и прозой», изд. *Іосифа Вилимка*. Этого изданія вышло уже болѣе 8 выпусковъ, изъ которыхъ въ первомъ помѣщены были разсказы г. *Яна Червенки*, во второмъ стихотворенія Юлія Цейера (о немъ скажу ниже, по поводу нѣкоторыхъ отдѣльно изданныхъ произведеній этого писателя, впрочемъ не очень выдающагося), въ третьемъ повѣсти и очерки г. *От. Мокраго*, въ четвертомъ баллады и сказанія г. Авг. *Мужика*, въ пятомъ военные разсказы изъ времени 1792—4 годовъ, соч. Павла Альбіери, въ шестомъ «Младый свѣтъ» стихотворенія г. Алоиза *Шкампы*, въ седьмомъ разсказы г. Іосифа *Штольбы*, въ восьмомъ пѣсни г. Адольфа Гейдука (съ портретомъ поэта). Это изданіе, какъ видитъ читатель изъ моего перечисленія, стоитъ по своему содержанію ниже прежде отмѣченныхъ мною сборниковъ: въ немъ печатаются, за исключеніемъ г. *Гейдука*, весьма мало извѣстныя и дѣйствительно посредственныя силы. На «пѣсняхъ» Гейдука слѣдовало бы остановиться, но я это сдѣлаю ниже, когда буду говорить объ этомъ замѣчательномъ писателѣ по поводу другихъ произведеній его, болѣе крупныхъ.

V.

«Оттова лацина (дешевая) *книговна народни»* и Оттова же *«Салонни библіотека*, выборъ нейлѣпшихъ списувъ (сочиненій) вершемъ (въ стихахъ) и прозой». Г. Отто— одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ пражскихъ издателей (особенно въ прежнее время; нынче онъ какъ-то затирается другими). Произведенія, появлявшіяся на страницахъ его «Дешевой библіотеки», почти всегда принадлежатъ перу такихъ выдающихся чешскихъ писателей, какъ г. Вячеславъ *Бенешъ-Требизскій* (наприм., тамъ были помѣщены его историческіе романы «Стадицкій краль» и «Зъ лѣтописувъ сазавскихъ»), Алоизъ *Йирасекъ* (его романъ «На дворѣ веводскемъ», историческія картины «Зъ бурьливыхъ добъ (временъ)» и др.), а изъ переводныхъ, напр., І. *Крашевскій* (его повѣсть *Ульяна* въ переводѣ г. Целест. Фрича). «Дешевая библіотека» началась изданіемъ довольно давно, и число изданныхъ въ ней произведеній достигло нѣсколькихъ десятковъ. Что касается *«Салонной библіотеки»*, то это изданіе имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ исторіи чешской словесности: въ немъ увидѣли свѣтъ такія дѣйствительно крупныя вещи, какъ *«Эпицке баснѣ»* (стихотворенія) г. Ярослава *Верхлицкаго, Духъ и свѣтъ*, его же, *«Симфоніи»*, *«Миѳы»* и *«Рокъ* (годъ) *на йиху»* (югѣ), его же, *«Павідкы, арабескы а гуморескы»*, соч. Святополка Чеха (2 книги), *«Нальжовскій»*, романъ госпожи Софіи *Подлипской*, разсказы г. *Проспера Мериме* (въ переводѣ г. Фриды) и пр. Значеніе гг. Верхлицкаго и Св. Чеха въ чешской словесности на столько велико, что важность изданія, гдѣ помѣщены такія крупныя

произведенія ихъ, очевидна. Распространяться подробнѣе объ этихъ произведеніяхъ я не буду, потому что они составляютъ предметъ моей спеціальной работы объ этомъ предметѣ.

VI

Произведенія изящной словесности издаются и «*Матицей Лиду*»—обществомъ для изданія дешевыхъ чешскихъ книгъ. Это почтенное общество выпустило въ свѣтъ уже болѣе сотни книгъ самаго разнообразнаго содержанія; между ними за прежніе годы слѣдуетъ отмѣтить такія крупныя произведенія, какъ «Черна Гора», очерки Іосифа Голечка, повѣсти Фр. Дворскаго, а изъ переводныхъ «Рудинъ», Тургенева, «Потемкинъ на Дунаѣ», повѣсть Г. Данилевскаго (перев. Яроміра Грубаго). Изъ произведеній, печатавшихся уже въ восьмидесятыхъ годахъ, укажемъ въ особенности: «Изъ златаго вѣка въ Чехіи», соч. Ал. Йираска, «Петръ Хельчицкій» соч. Фердиданда Шульца, «Русскіе дома», очерки г. Мэкензи-Уоллесъ (переводъ І. Вани) и «Босна и Герцеговина», соч. Іос. Тужимскаго и др. Вообще изданія этой Матицы носятъ скорѣе научный или поучительный характеръ, чѣмъ беллетристическій, что̀, впрочемъ, выразилось и во внѣшнемъ знакѣ, украшающемъ каждую книжку, изданною Матицею и снабженномъ лаконическою подписью «*Освѣтой* (просвѣщеніемъ) *къ свободѣ*».

Внѣшность книжекъ довольно проста и неизящна, но этого трудно избѣжать при той крайне незначительной цѣнѣ, какая назначена за годовое изданіе (1 гульд. за 5 книжекъ!). Какъ уже было сказано выше, «Матица люду» преслѣдуетъ болѣе просвѣтительныя цѣли, чѣмъ собственно художественныя, и потому произведеній изящной словесности въ ея изданіяхъ помѣщается мало.

Этимъ мы заканчиваемъ на сей разъ обзоръ литературныхъ сборниковъ и переходимъ къ разсмотрѣнію болѣе выдающихся явленій въ другихъ областяхъ чешско-славянской литературы.

А. Степовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

По сербскимъ и болгарскимъ.

Сербская скупщина.—Сербская печать о событіяхъ въ Россіи.—Недоразумѣнія между Австро-Венгріей и Черногоріей.—Болгарскія дѣла.—Славяне въ Австро-Венгріи.

30 іюня открыта сербская скупщина. Открытію ея предшествовало сильное броженіе въ странѣ, проявлявшееся какъ во внутреннихъ безпорядкахъ, такъ и въ печати. Сербское правительство, по окончаніи выборовъ, не церемонилось съ неугодными ему лицами. Напрасно газета «Нова Уставност» (№ 14, 15 мая) указывала на примѣръ Швейцаріи, гдѣ правительство не имѣетъ права дѣлать насилій надъ личной гражданской свободой, боясь суда присяжныхъ, тогда какъ въ Сербіи гражданинъ беззащитенъ противъ произвола властей. Министерство напредняковъ не внимало этимъ воплямъ. Такъ, оно уволило отъ службы архимандрита *Дучича* за то, что онъ подалъ 26 апрѣля голосъ за оппозиціоннаго кандидата; такъ награждена тридцатилѣтняя служба Дучича. Онъ родился въ Герцеговинѣ, сражался за освобожденіе Сербіи, воевалъ въ Черногоріи (въ 1862 году), потомъ, по приглашенію сербскаго князя Михаила, явился въ Сербію, гдѣ съ 1868 по 1876 годъ трудился на политическомъ, литературномъ и просвѣтительномъ поприщѣ. Въ 1876 году онъ даже былъ командиромъ отряда добровольцевъ и 26 іюля былъ раненъ въ сраженіи подъ Яворомъ. Кромѣ того, Дучичъ исполнялъ разныя порученія сербскаго министерства иностранныхъ дѣлъ, былъ предсѣдателемъ коммисіи о школахъ и учителяхъ, былъ товарищемъ предсѣдателя апелляціонной консисторіи, библіотекаремъ народной библіотеки, основателемъ археологическаго общества («Нова Уставност», № 17).

Кромѣ Дучича, многіе чиновники и учителя получили также или отставку или перемѣщеніе на низшія мѣста. Такая политика вызвала чрезвычайно рѣзкіе отзывы въ сербской печати. Такъ «Србобран» (№117, 19 мая) говоритъ, что Гарашанинъ съ напредняками давно потеряли разсудокъ, но пока еще не власть, а потому могутъ еще

много зла натворить. Гарашанинъ, говоритъ эта газета, опьяненъ властью, ибо иначе не сказалъ-бы корреспонденту Times'a, что, «когда дойдетъ дѣло до крайности, то *сербы примутъ всякое другое имя, только не сербское и не славянское*». Если такія слова говоритъ обыкновенный человѣкъ, то его можно только презирать, но, когда ихъ говоритъ сербскій министръ, то тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ измѣнникъ народу. Онъ способенъ предать врагамъ даже самое имя своего народа. Не смотря на свое ничтожество, Гарашанинъ, однако, мечтаетъ о сербской коронѣ! Въ теченіе своей дѣятельности онъ постоянно подличалъ и унижался. Когда либералы держались Австріи, онъ стоялъ за Россію, когда тѣ стали на сторону Россіи, онъ отдался Австріи. При дворѣ онъ ругалъ предъ Миланомъ либераловъ за навязанную ими во время его малолѣтства конституцію, а самъ стороной велъ переговоры съ Карагеоргіевичемъ и партіей радикаловъ. Наконецъ онъ создалъ эту чудовищную партію напредняковъ и сербское княжество обратилъ въ королевство, предложеніе о которомъ читалъ на скупщинѣ нѣкій Поповичъ, обвинявшійся въ подлогѣ реквизиціонныхъ квитанцій и однако бывшій предсѣдателемъ скупщины! Потомъ насталъ извѣстный крахъ Бонту. Гарашанинъ вышелъ въ отставку, но выборы, доказавшіе истинные взгляды народа, остались сами по себѣ, а во главѣ правительства сталъ противозаконнымъ образомъ *Христичъ*, alter ego Гарашанина. Это привело къ кровавой трагедіи 1883 года, къ чернорѣченскому бунту. Тюрьмы наполнились, эмиграція возросла до неслыханныхъ размѣровъ. Снова Гарашанинъ сталъ во главѣ правительства и наградилъ Сербію долгомъ въ 500 милліоновъ франковъ, несчастной болгарской войной и теперешнимъ печальнымъ состояніемъ страны. Въ дополненіе этой характеристики «Србобранъ» прибавляетъ, что Гарашанинъ черезъ Грекова велъ переговоры съ Каравеловымъ о выдачѣ сербскихъ эмигрантовъ, поселившихся въ Болгаріи. Газета называетъ его и его партію за такія дѣянія, *могильщиками* сербства.

Поступки Гарашанина въ послѣднее время заставляютъ газету «Нова Уставност» сказать, что въ Сербіи подъ словомъ *право* разумѣется *неправда*, подъ закономъ и правиломъ — беззаконіе и самоволіе. Особенно беззащитны чиновники. Ихъ положенію эта газета посвятила большую передовую статью (№ 24, 12 іюня). Сербскимъ чиновникамъ поневолѣ приходится заниматься политикой и всѣмъ поголовно обращаться въ напредняковъ изъ опасенія иначе умереть съ голоду. Чиновникъ въ Сербіи—это нижайшій слуга министра, его рабъ, существо униженное и безправное.

Въ западной Сербіи явилось много политическихъ «гайдуковъ». О нихъ сербскимъ газетамъ запрещено писать. Гайдуки не грабятъ жителей, а убиваютъ агентовъ правительства, особенно же полицейскихъ чиновниковъ. Самыя сильныя четы гайдуковъ появились въ Чачанскомъ, Рудничскомъ, Вальевскомъ и Крагуевачскомъ уѣздахъ. Въ Чачанскомъ дѣйствуетъ чета братьевъ Солдатовичей, состоящая изъ 150 человѣкъ, въ Рудничскомъ шайка гайдуковъ состоитъ изъ 70 человѣкъ. Головы братьевъ Солдатовичей оцѣнены въ 500 дукатовъ.

Въ средѣ либеральной партіи произошелъ расколъ. Часть радикальной партіи отдѣлилась отъ нея и составила особую группу. Такимъ образомъ на скупщину оппозиція явилась разстроенною. Самъ глава ея, Іованъ Ристичъ, принужденъ былъ уѣхать съ семьей на воды. Въ послѣднее время его отношенія къ королю были крайне натянуты, благодаря тому, что въ одной статьѣ газеты «Нова Уставност» упомянуто про записку, поданную въ декабрѣ прошлаго года королю Ристичемъ, Новаковичемъ и Пирочанцемъ. Эта записка указывающая на желаніе короля прекратить слишкомъ тѣсныя отношенія къ Австріи, встревожила австрійскаго посланника. Вотъ почему теперь, при появленіи намековъ на нее, немедленно послѣдовало опроверженіе со стороны дворцовой канцеляріи, а Ристичу запрещенъ былъ доступъ ко двору. Тѣмъ не менѣе газ. «Србобранъ» (№ 115) утверждаетъ, что королева Наталія противъ политики Гарашанина и поддерживаетъ тѣсныя сношенія съ Ристичемъ и его партіей.

На скупщинѣ правительство заявитъ о дефицитѣ въ 11 милліоновъ франковъ, но, по словамъ «Заставы» (№ 77), дефицитъ

гораздо больше. Пирочанцъ и Новаковичъ отказались отъ назначенія ихъ королевскими депутатами.

Скупщина открыта 30 іюня при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Утромъ въ 8½ часовъ лже-митрополитъ отслужилъ въ старой Нишской церкви благодарственное молебствіе, а потомъ освятилъ воду въ зданіи скупщины. Въ 10 часовъ началось предварительное засѣданіе скупщины. Но тутъ случился одинъ характерный эпизодъ. Еще ночью наканунѣ этого дня полиція распорядилась арестовать нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ депутатовъ. Въ день же засѣданія, еще не успѣла скупщина избрать провѣрочную коммисію, какъ полиція потребовала, чтобы нѣкоторые депутаты вышли изъ залы, а когда тѣ вздумали протестовать, то *жандармы бросились на нихъ и силой вывели изъ залы*. Потомъ эти злополучные депутаты были препровождены въ участокъ и засажены подъ арестъ. Такую мѣру правительство объясняетъ тѣмъ, что означенные депутаты *) явились съ ложными полномочіями. Если даже это и правда, то все же вопросъ о законности выборовъ того или другаго депутата рѣшается не полиціей, а скупщиной, такъ что въ данномъ случаѣ правительство прямо нарушило конституцію.

Послѣ этого прискорбнаго событія скупщина приступила къ выбору предсѣдателя. Депутатъ Кундовичъ отъ имени оппозиціи предложилъ выбрать Туцаковича. Но поименное голосованіе, которое предложилъ произвести министръ-президентъ Гарашанинъ, дало Туцаковичу только 68 голосовъ, тогда какъ кандидатъ напреднякской партіи Магазиновичъ получилъ 80 голосовъ. Занявъ предсѣдательское мѣсто, Магазиновичъ предложилъ въ члены провѣрочной коммисіи девять лицъ, принадлежащихъ къ напреднякской партіи. Всѣ они были выбраны большинствомъ. Такимъ образомъ изъ оппозиціи ни одинъ депутатъ не попалъ въ члены провѣрочной коммисіи. (См. «Нова Уставност», № 33. «Видело» №№ 140, 141, 142 и 143).

*) Вотъ ихъ имена: Попъ Витя (изъ Терновскаго округа), попъ Срета (изъ Подгорскаго округа), Топаловичъ (изъ Колубарскаго округа), Даничичъ (изъ Мачванскаго), Владиславъ Павловичъ (изъ Крагуевацкаго) и Тивоинъ Величковичъ (изъ Зайчарскаго округа).

Такое начало сербской скупщины предрѣшаетъ дальнѣйшій ходъ ея дѣятельности. Въ свое время мы представимъ подробный отчетъ объ этомъ, а теперь перейдемъ къ сужденіямъ сербской печати о событіяхъ въ Россіи.

Путешествіе Государя Императора на югъ Россіи, Высочайшій приказъ по флоту, рѣчи московскаго головы и митрополита Іоанникія возбудили чрезвычайное вниманіе въ славянской печати. Газета «Српски Лист» въ № 20 посвящаетъ цѣлую статью пребыванію Государя въ Москвѣ и говоритъ, что московскія рѣчи—откликъ царскаго приказа по флоту; ихъ серьезное значеніе въ томъ, что онѣ заключаютъ въ себѣ весьма важныя пожеланія и тѣмъ еще болѣе придаютъ значеніе и безъ того уже многозначительному царскому приказу; потому-то эти рѣчи и произвели такое огромное впечатлѣніе, такъ что всѣ попытки изъ Вѣны и Берлина ослабить это впечатлѣніе остались напрасны. При этомъ газета вспоминаетъ недавнія слова одного англійскаго государственнаго человѣка, который сказалъ, что, если въ нынѣшнемъ году войны съ Россіей и не будетъ, за то въ будущемъ 1887 году она непремѣнно возгорится. Въ газетѣ «*Застава*» по поводу тѣхъ же статей помѣщена прекрасная статья подъ заглавіемъ: «опять громъ изъ Россіи» (см. № 82, 28 мая). Манифестъ русскаго царя къ черноморскому флоту, говоритъ эта газета, сильно потрясъ враговъ Россіи и славянства и навелъ на нихъ ужасъ. Но вслѣдъ за этимъ послѣдовало еще подобное же событіе: рѣчь московскаго городскаго головы, означающая въ недалекомъ будущемъ войну и завоеваніе Россіею Цареграда. Съ начала нынѣшняго царствованія Россія, повидимому, совсѣмъ оставила самостоятельную политику и дѣлала лишь то, что диктовали ей изъ Берлина. Въ Австріи еврейскіе газетчики уже радовались, что роль Россіи кончена навсегда и что славянство больше ничего не значитъ. Ужъ они дѣлили Балканскій полуостровъ и замѣняли въ Бѣлградѣ славянскую рѣчь нѣмецкою. А между тѣмъ Россія готовилась потихоньку и наконецъ настолько приготовилась, что стали возможны не только манифесты, но и самая война; притомъ въ будущемъ для нея виднѣется перспектива тѣснаго союза съ Франціей.

Еще сочувственнѣе отзывъ находимъ въ газетѣ «Нова Уставност». Органъ Ристича говоритъ, что Россія отъ обновленнаго и усиленнаго черноморскаго флота ждетъ крѣпкой помощи для исполненія своего историческаго призванія. Русскій царь выразилъ въ своемъ рескриптѣ все, чего жаждетъ русское сердце, при чемъ выяснилось, что въ Россіи царь и народъ одинаково думаютъ и чувствуютъ, а въ этомъ—лучшій залогъ развитія Россіи. Говоря о рѣчи московскаго головы, газета горячо привѣтствуетъ Москву, какъ сердце Россіи, какъ наилучшій органъ выраженія общаго ея сознанія. Хотя Царь ничего не сказалъ на тѣ слова головы, которыя относились къ св. Софіи, но онъ ничего не сказалъ и противъ. А изъ того, что онъ сказалъ о Москвѣ, легко заключить, что онъ принимаетъ къ сердцу и раздѣляетъ убѣжденія, высказанныя въ этой рѣчи.

Газета восторженно привѣтствуетъ оба эти событія, видя въ нихъ «небесный голосъ, возвѣщающій скорое счастье, скорое спасенье сербскаго народа». Эти надежды сербскаго народа раздѣляютъ и всѣ прочіе народы Балканскаго полуострова. Всѣ они ждутъ и не дождутся, когда Россія водрузитъ на св. Софіи православный христіанскій крестъ, вмѣстѣ съ которымъ заблещетъ и свѣтлая будущность балканскихъ народовъ. А тогда черно-желтое знамя развѣвающееся теперь въ Босніи и Герцеговинѣ, по неволѣ уступитъ мѣсто сербскому знамени. Свѣтъ православнаго креста на св. Софіи обратитъ во мракъ и туманъ всѣ австрійскіе планы насчетъ Солуня. Это будетъ освобожденіемъ всего Востока, который только въ Россію вѣритъ, только отъ ней одной ждетъ спасенія. *Не легко* исповѣдывать эту вѣру сербамъ, ибо имъ приходится приходить въ столкновеніе съ близорукими людьми, правящими Сербіею. Тѣмъ не менѣе эта вѣра сербовъ *тверда* и *постоянна*. Балканскіе народы не легкіе пуки соломы, которую Баттенберги и Миланы могутъ гнуть по своему, а стѣна, о которую разобьются головы такихъ себялюбцевъ. Народы эти никогда не оставятъ своего истиннаго пути и всегда будутъ вѣрить въ Россію, а не въ когонибудь другого. Только такая вѣра спасетъ ихъ. Въ заключеніе газета шлетъ горячій привѣтъ Царю, флоту и матушкѣ Москвѣ.

Таковы отзывы и прочихъ сербскихъ газетъ. Наиболѣе сдержанно высказался органъ напредняковъ «Видело». Въ своей статьѣ «Видело», указывая вообще на критическое положеніе дѣлъ въ Европѣ, ограничивается только упоминаніемъ событій въ Россіи и ихъ необыкновеннаго характера, не выводя отсюда никакихъ заключеній.

Отношенія между Черногоріей и Австро-Венгріей за послѣднее время были довольно натянуты. Походъ противъ Черногоріи начали «Pol. Corr.» и другія австрійскія газеты, указывавшія на агитаторскія покушенія Черногоріи, съ которыми въ связи стоятъ стремленія князя Петра Карагеоргіевича низвергнуть съ престола короля Милана и занять его мѣсто. По словамъ этихъ газетъ, князь Петръ Карагеоргіевичъ устроилъ въ Никшичѣ демонстрацію въ пользу «объединенія всѣхъ сербовъ», что происходило въ присутствіи князя Черногорскаго; если первый предъ Европой не отвѣчаетъ за свои дѣйствія, то за то отвѣчаетъ князь Черногорскій. Кромѣ того, эти газеты обвиняли Черногорію въ томъ, что въ Цетиньи занимаются посторонними дѣлами, что въ Герцеговинѣ разбойничество пользуется поддержкой Черногорскаго князя, что послѣдній въ своемъ конакѣ радушно принимаетъ этихъ разбойниковъ и т. д. На эти обвиненія съ достоинствомъ отвѣчала черногорская оффиціальная газета «Глас Црногорца» статьею, обратившею на себя общее вниманіе (см. № 23, 10 іюня). «Уже не впервые, говоритъ эта газета, раздаются подобныя обвиненія; но при этомъ обвинители забываютъ, что правительство Черногорское въ своей политикѣ всегда руководится исключительно интересами Черногоріи, а эти интересы прежде всего требуютъ поддержки существующихъ международныхъ отношеній. Политика эта не могла измѣниться отъ того, что князь Черногорскій вступилъ въ родственный союзъ съ княжескимъ домомъ Карагеоргіевичей. Князь же Петръ, конечно, въ правѣ выступать претендентомъ на свой страхъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ бракъ съ черногорской княжной, онъ живетъ вотъ уже 4 года тихо и мирно въ Черногоріи

и не думаетъ оправдывать зловѣщія предсказанія австрійской печати. Если бы онъ выступилъ на активное поприще, то Черногорія будетъ на это смотрѣть спокойно, не вмѣшиваясь въ это дѣло и ограничиваясь пожеланіями, чтобы исходъ такого предпріятія послужилъ на пользу Сербіи, къ которой Черногорія всегда питала и питаетъ истинное расположеніе.

Черногорія всегда сочувствовала Сербіи и старалась дѣйствовать ей на пользу и въ интересахъ самой Сербіи, а не такъ какъ самозванные «друзья» Сербіи, заботящіеся прежде всего о собственныхъ интересахъ. Черногорія не призвана къ тому, чтобы мѣнять правительство и королей въ Сербіи; въ этомъ дѣлѣ она вполнѣ полагается на сербскій народъ, и всякая династія, угодная сербскому народу, тѣмъ самымъ угодна и Черногоріи. Поэтому Черногорія, конечно, не допуститъ вмѣшательства своихъ подданныхъ въ предпріятія клонящіяся къ перемѣнѣ династіи въ Сербіи,—это дѣло самого сербскаго народа,—но она готова согласиться на всякую перемѣну, если таковая ведетъ ко благу Сербіи.

Что касается до пріема княземъ въ своемъ конакѣ «разбойниковъ» изъ Герцеговины, то князь имѣетъ полное право оказывать у себя гостепріимство кому угодно, и никто не смѣетъ ему въ этомъ дѣлать какихъ-либо указаній.

Въ Болгаріи выборы въ народное собраніе увѣнчались полнымъ успѣхомъ для правительственной партіи. Въ южной Болгаріи изъ 91 депутата 60 приходится на долю народной либеральной (правительственной партіи, 24 принадлежатъ къ оппозиціи и отъ 4—5 неопредѣленныхъ мнѣній. Выборы сопровождались безпорядками. Въ Новой Загорѣ оппозиція составила свое особое бюро и произвела безпорядки, во время которыхъ убитъ поручикъ Сербезовъ и нѣсколько человѣкъ съ той и другой стороны убито и ранено.

Народное собраніе открылось 2 іюня. Въ тронной рѣчи князь Александръ представилъ соединеніе Болгаріи съ Восточной Румеліей какъ окончательное объединеніе и весьма рѣзко отзывался о Сербіи. Отвѣтный адресъ болгарскаго народнаго собранія представляетъ собою пересказъ тронной рѣчи, кромѣ того мѣста, гдѣ говорится о симпатіяхъ, гуманности и великодушіи великихъ державъ, *а въ особенности великой Россіи*, осыпавшей болгарскій народъ столькими благодѣяніями. Князь Александръ въ тронной рѣчи сказалъ, что *объединеніе Болгаріи — окончательное*. Тоже сказано и въ адресѣ, такъ что когда депутатъ Вулчевъ (принадлежащій къ правительственной партіи) въ рѣчи своей случайно назвалъ себя «румелійскимъ депутатомъ», на него жестоко напали со всѣхъ сторонъ, и предсѣдатель долженъ былъ закрыть засѣданіе, а Вулчеву пришлось со слезами извиняться предъ собраніемъ въ своей *ошибкѣ*, допущенной имъ противъ воли.

Если судить по отзывамъ иностранныхъ газетъ, то все въ Болгаріи идетъ какъ нельзя лучше, и оппозиція теряетъ подъ собой почву. Но на самомъ дѣлѣ положеніе вещей не на столько благопріятно для князя Александра и его правительства и оппозиція совсѣмъ не такъ ничтожна, какою ее хотятъ представить. Оппозиція весьма энергично и съ большимъ достоинствомъ защищала свой проектъ адреса въ отвѣтъ на тронную рѣчь. Депутатъ Черневъ въ своей рѣчи не пощадилъ даже самой личности князя Александра, за что и призванъ былъ къ порядку. Обратила на себя также вниманіе рѣчь румелійскаго депутата Величкова, одного изъ лучшихъ ораторовъ собранія. Жестоко осуждая образъ дѣйствій князя и его правительство, онъ утверждалъ, что теперешняя политика Болгаріи относительно Россіи ошибочна и вредна для болгарскаго народа. Вообще ораторы оппозиціи проявили много достоинства, мудрости и убѣдительности въ своихъ рѣчахъ. Если принять во вниманіе образъ дѣйствій правительства во время выборовъ, то придется сознаться, что большинство собранія не представляетъ истинныхъ воззрѣній болгарскаго народа. (См. «Нова Уставност», № 29). Не даромъ «Тырновская конституція» величаетъ оппозицію—«отчаяни и систематични съзаклетници». Не даромъ, для успѣха въ выборахъ, пущено было въ ходъ даже такое отчаянное средство, какъ мнимый заговоръ противъ князя въ Бургасѣ; причемъ осмѣлились даже арестовать русскаго офицера Набокова. Съ самаго же начала

всѣ славянскія газеты скептически отнеслись къ слухамъ объ этомъ заговорѣ. Въ «Заставѣ» (№ 76, 21 мая) напечатано интересное письмо изъ Бургаса; авторъ этого письма прямо говоритъ, что въ Болгаріи въ существованіе этого заговора не вѣрятъ, а объясняютъ его лишь избирательнымъ маневромъ правительства. Въ самомъ Бургасѣ оказывается не болѣе 20—25 чисто болгарскихъ семействъ, остальное населеніе частью греческое, частью турецкое, весьма равнодушное къ князю. Встрѣтили послѣдняго въ Бургасѣ крайне холодно. Только австрійскія суда оказали ему честь поднятіемъ флаговъ. Русскій консулъ, послѣ арестованія Набокова, немедленно потребовалъ его освобожденія, что и было исполнено. Авторъ названнаго письма очень хвалитъ энергическое поведеніе нашего консула въ этомъ дѣлѣ.

При этомъ надо замѣтить, что болгарское правительство не забываетъ пропаганды въ Македоніи.

Въ Австріи, послѣ извѣстныхъ пештскихъ безпорядковъ, наступило относительное спокойствіе. Впрочемъ, толки объ окончательномъ присоединеніи Босны и Герцеговины не прекращаются. Такъ Pesther-Lloyd помѣстилъ у себя депешу изъ Загреба отъ 7 іюня, въ которой сообщается что императоръ Францъ Іосифъ въ сентябрѣ текущаго года поѣдетъ въ Босну и Герцеговину, вмѣстѣ съ чѣмъ совершится окончательное присоединеніе этихъ провинцій къ Австро-Венгріи. Въ обѣихъ провинціяхъ появились гайдуки. Извѣстны въ особенности четы Ильи Викала и Луки Сѣнича. Викало убилъ іезуита Валентина Лаха. Жандармы не смотря на всѣ усилія, не могли схватить Викала. На жандармовъ напали въ Ластвѣ (въ Требиньскомъ округѣ), по словамъ оффиціальной газеты «Bosnische Post», Черногорцы, цѣль нападенія были—доставить возможность Лукѣ Сѣтичу вернуться въ Черногорію.

Въ Хорватіи окончено переустройство страны. Въ число новыхъ великихъ жупановъ назначено нѣсколько православныхъ сербовъ.

P. S. Въ Сремскихъ Карловцахъ виноградари *братья Кунджуличи* изобрѣли *средство противъ филоксеры*, которое примѣнено ими было къ собственнымъ виноградникамъ съ полнымъ успѣхомъ. Назначена комиссія для испытанія этого средства. Обращаемъ вниманіе русскихъ виноделовъ на эту новость.

Д. Н—скій.

Изъ чешской печати и жизни.

Общественная славянская библіотека въ Прагѣ.—Русское искусство и языкъ у чеховъ.—Древнія рукописи.—Современное гоненіе нѣмцевъ на св. Кирилла и Меѳодія.—Просвѣщеніе славянъ въ Австріи.—Итоги дѣятельности послѣдняго рейхсрата.

Прошлыя наши отмѣтки изъ чешской печати и жизни (стр. 278—282) мы окончили извѣстіемъ объ открытіи въ Прагѣ новаго общества «Ческослованска́ Еднота в Празъ», теперь мы снова съ величайшимъ удовольствіемъ пользуемся случаемъ напомнить читателямъ объ этомъ юномъ дѣятелѣ на поприщѣ славянской взаимности по поводу его весьма важнаго для этой взаимности предпріятія.

Давно уже чувствовалась въ Прагѣ необходимость общественной славянской библіотеки, которая могла бы доставлять нужный матеріалъ для изученія славянства всѣмъ, кто этимъ занимается. Въ августѣ прошлаго года появилось предложеніе въ этомъ смыслѣ на страницахъ «На́родных Листо́в» и, надо сознаться, предложеніе это не осталось безъ отклика: книготорговецъ г. Валечка тогда же объявилъ, что онъ даритъ общественной славянской библіотекѣ все свое богатое собраніе русскихъ книгъ. Но первый откликъ г. Валечки былъ и послѣднимъ: его примѣру слѣдовать никто не рѣшился, но не смотря на то, вопросъ объ общественной славянской библіотекѣ, разъ возбужденный, не заглохъ, и въ февралѣ однѣ изъ политическихъ пражскихъ вѣдомостей посвятили ему статью, въ которой, сочувствуя этому дѣлу, высказали и невозможность привести его въ исполненіе, такъ какъ на это понадобилось бы не менѣе 30,000 гульденовъ, назначить которыхъ городъ никоимъ образомъ не могъ. Юное общество нашло возможность счастливо

выйти изъ этихъ затрудненій. Оно видѣло въ Прагѣ рядъ меньшихъ общественныхъ библіотечекъ, доступныхъ только узкому кругу читателей и потому не приносящихъ той пользы, какая была бы желательна. Обыкновенно онѣ не могутъ быть въ нужной степени дополняемы вслѣдствіе недостатка средствъ, да и дѣло не можетъ быть достаточно правильно, потому что ведется по желанію. По почину «Чесословanской Едноты» нѣсколько такихъ библіотекъ соединяются вмѣстѣ, такъ что каждое общество одолжаетъ свою библіотеку, но не даритъ ея, оставаясь постоянно ея владѣльцемъ и заботясь по возможности объ ея увеличеніи. Въ возмездіе за это одолженіе обществу предоставляется свободное пользованіе библіотеками остальныхъ кружковъ и обществъ, изъявившихъ желаніе присоединиться ко взаимному союзу, въ которомъ дѣло будетъ упорядочено въ достаточной мѣрѣ, такъ какъ общая библіотека будетъ поручена отвѣтственнымъ наемнымъ служащимъ. Библіотека будетъ заключать два отдѣленія: чешское и славянское. Въ чешскомъ отдѣленіи будетъ находиться беллетристика и общедоступныя научныя произведенія. Оно будетъ открыто для образованныхъ читателей всѣхъ состояній, которыя будутъ собираться въ просторномъ удобномъ помѣщеніи съ достаточнымъ притокомъ воздуха. Домой книги будутъ отпускаться только членамъ обществъ, приступившихъ ко взаимному союзу. Во второмъ отдѣленіи будетъ славянская беллетристика и наука. Такъ какъ для чеховъ чтеніе и славянской беллетристики будетъ занятіемъ, требующимъ сосредоточенности, то и славянское отдѣленіе будетъ въ особомъ помѣщеніи рядомъ съ первымъ.

Говорить о пользѣ и важности предпріятія «Чесословanской Едноты» было бы совершенно излишне. Этой возникающей *славянской библіотекой*, рядомъ съ Машковой *школой славянскихъ языковъ*, Прага можетъ гордиться въ дѣлѣ славянской взаимности: это два учрежденія взаимно другъ друга дополняющія, которыя не мало могутъ оказать услугъ дѣлу славянскаго самосознанія. Они вполнѣ заслуживали бы подражанія и у насъ: наша Публичная Библіотека, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, была очень бѣдна славянскими, а о библіотекѣ Славянскаго Общества и говорить нечего: это нѣчто ужасное и находящееся безъ всякаго призора и присмотра, хотя въ ней встрѣчаются вещи и довольно цѣнныя. Достать славянскую книгу у насъ, въ Россіи трудъ необычайный и потому мысль проф. И. В. Ягича объ особомъ славянскомъ отдѣленіи, какъ мы это слышали, при академической библіотекѣ заслуживала несравненно большаго вниманія, чѣмъ было ей, говорятъ, оказано; во всякомъ случаѣ нуждалась бы въ осуществленіи другая его мысль,—не знаю была ли она имъ высказываема кому либо изъ членовъ Славянскаго Общества, но она была имъ высказываема въ частномъ разговорѣ пишущему эти строки—мысль о томъ, чтобы Славянское Общество дало мѣсто въ своемъ книжномъ складѣ изданіямъ на другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, беря ихъ на коммисію и являясь такимъ образомъ посредникомъ между инославянскими издателями и русской интересующейся славянствомъ частью общества, а нужда въ такомъ посредникѣ чувствуется и настоятельно чувствуется. Да и Машкова школа славянскихъ нарѣчій въ Прагѣ, въ которой изучается какой нибудь словинскій языкъ, вовсе не прихоть, а настоятельная потребность и не для однихъ чеховъ.

Но отъ предметовъ всеславянскихъ перейдемъ, по обычаю, къ болѣе частному предмету—къ русскому искусству и языку у чеховъ. Какъ чехи относятся къ русскому искусству видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго. Въ началѣ іюня въ Прагѣ поставлена была опера Глинки «Русланъ и Людмила». Вотъ что пишутъ «Нáродни Листы» объ этомъ представленіи: «Чрезъ шесть лѣтъ снова появилось въ репертуарѣ это выдающееся произведеніе первѣйшаго русскаго композитора... Глинка побѣдилъ и на этотъ разъ и побѣда его была полнѣе, чѣмъ когда либо». Не смотря на то, что исполненіе оперы артистами было не совсѣмъ-то образцовое, но «въ весьма большомъ числѣ собравшееся общество было въ восхищеніи, казалось, уже отъ первыхъ тактовъ увертюры; по окончаніи ея, а равнымъ образомъ и послѣ актовъ и явленій не было конца шумнымъ рукоплесканіямъ» (№ 171). Это въ области музыки, а вотъ и изъ области живописи.

«Умѣлецка́ бесѣда въ Прагѣ обратилась съ просьбою къ извѣстному русскому художнику Василію Верещагину, своему почетному члену, о его согласіи устроить въ Прагѣ выставку его картинъ. Верещагинъ отвѣчалъ съ величайшимъ удовольствіемъ. Открытіе выставки будетъ возможно въ началѣ осени» (Прилож. къ Н. Л. № 160). А вотъ нѣчто о русскомъ языкѣ. «На́родни Листы» пишутъ: «*Въ Загребѣ* въ настоящемъ году пріятнымъ образомъ распространяется изученіе русскаго языка. Какъ передаютъ хорватскія вѣдомости, за это дѣло взялись загребскія *дамы*, которыя хотятъ *ввести русскую книгу и рѣчь въ свои салоны*, вмѣсто старомодной нѣмечины. Ихъ девизомъ сдѣлалось, что хорватку, незнающую по-русски, онѣ не будутъ считать образованною. Во главѣ стоитъ г-жа Будмани, супруга славянскаго филолога, продолжателя словаря Даничича, графиня Воиновичъ и г-жа Ройцъ (—чъ?)» (Прилож. къ № 183). Изъ «Н. Листов» это извѣстіе перепечатываетъ (въ № 29) «Вѣнскій Вѣстникъ», прибавляя отъ себя: «Когда же дождемся въ Вѣнѣ такъ давно желаннаго русскаго кружка?» Рыхновскій (см. «Изв.» за февраль) «Посел съ Подгор(ж)и (въ № 31), перепечатывая уже изъ «Вѣстника», прибавляетъ: «Этотъ примѣръ заслуживаетъ подражанія и у насъ въ Чехіи, и навѣрно наши барышни сдѣлаютъ лучше, если будутъ говорить по-русски, вмѣсто того чтобы болтать по нѣмецки, что у многихъ считается признакомъ «bon ton'а», особенно въ Прагѣ, гдѣ въ ходу «та нейкра̀снѣйши нѣмечина. Впрочемъ, кому что нравится». Чехи, напримѣръ, никакъ не могутъ успокоиться, со своими древними рукописями: Краледворская рукопись недавно подверглась новому, химическому и микроскопическому изслѣдованію профессоровъ Войта Шафаржика и Ант. Бѣлогу́бка, уполномоченныхъ музейной рукописной комиссіей. Изслѣдованія ихъ, говорятъ, подтвердили подлинность рукописи. А. Патера, кустосъ чешскаго музея, осматривая архивы и библіотеки въ Бернѣ, Оломуцѣ, Кромѣрижѣ, Микуловѣ и Райградѣ, нашелъ въ Бернѣ въ архивѣ святояковлевскаго храма Пресвятой Богородицы на переплетѣ одной латинской книги еще чешскую рукопись XIV вѣка, заключающую легенды о св. Юріи и Ансельмѣ въ нѣсколько сотъ стиховъ. Будучи мало знакомы съ древнечешскимъ языкомъ и литературою о Краледворской рукописи, мы не беремся судить о томъ, какое значеніе имѣетъ это микроскопо-химическое изслѣдованіе ея, но должны сознаться, что въ дѣлѣ возбужденія чешскаго самосознанія заслуга ея не мала. А потому и немудрено, что чехи такъ ревностно стараются отстоять ея подлинность; въ этомъ видно хорошее чувство благодарности. То-же чувство благодарности за великую услугу, оказанную ихъ предкамъ внесеніемъ народной церкви православной, которую разрушили неразуміе князей и алчность и любоначаліе папъ, несомнѣнно побуждало чеховъ въ числѣ, какъ говорятъ, не менѣе 20,000 изъ близка и далека собраться на праздникъ свв. апостоловъ славянскихъ Кирилла и Меѳодія въ Велеградъ и въ нынѣшнемъ году, на который приходится тысячелѣтіе того событія, печальнаго для православныхъ восточныхъ обрядовъ и догматовъ въ Моравіи, когда «злодѣйственнымъ Вихингомъ изгнанъ былъ великій архіепископъ моравскій, ученикъ св. Меѳодія, мораванъ Гораздъ» («Вѣстн». № 24). Въ Велеградѣ прелатъ и аббатъ Райградскаго монастыря Корчіанъ служилъ въ день памяти свв. Кирилла и Меѳодія «въ Велеградскомъ храмѣ *торжественную* литургію при многочисленномъ присутствіи духовенства и народа» («Вѣстн.» № 29). Служа литургію по римскому обряду, произнося сvмволъ вѣры «vіопаторцевъ», и на *латинскомъ* языкѣ, навѣрно, съ чувствами тѣхъ, по поводу которыхъ молился умирающій св. Кириллъ о славянахъ: «вѣрное стадо свое сохрани, избавляя ихъ отъ всякія поганскія злобы, и отъ многорѣчиваго и хульнаго языка, глаголюща на Тя хулу и погуби *тріязичную ересь*», католическій аббатъ дѣйствительно могъ *торжествовать изгнаніе св. Горазда*, а каковы должны были быть чувства предстоящаго народа?! Нерадостны должны быть эти чувства, а особенно сильно должны были они пробудиться при гробѣ св. Меѳодія при вѣстяхъ изъ правящей Вѣны, а отъ избытка сердца и уста глаголютъ, потому-то вотъ по жалобѣ и доносу *нѣмца* нотарія Прокпа Берненскіе *жиды* и постановили ксендза г. Ичинскаго за его рѣчь о Кириллѣ и Меѳодіи въ Крумловѣ предать суду. Очень

ужъ не по вкусу *нѣмцамъ* свв. Кириллъ и Меѳодій, такъ-же какъ не по вкусу они и ярымъ католикамъ-полякамъ. Въ прошломъ году въ Австріи, а особенно въ Галиціи, арестованы были брошюры Славянскаго Общества о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, а теперь уже по распоряженію *«справедливаго нѣмца»*, (такъ отозвался о немъ гр. Тааффе), барона Гауча, новоназначеннаго министра народнаго просвѣщенія, и на чешскомъ языкѣ книжка о свв. Кириллѣ и Меѳодіи запрещена для школьныхъ библіотекъ «потому-де, что въ ней говорится о неразлучномъ единеніи Чехіи, Моравіи и Силезіи и о королѣ чешскомъ, который, какъ таковой, есть и маркграфъ моравскій. Это ученіе о государственномъ правѣ отечества для нашей молодежи», пишутъ «Нáродни Листы» (№ 169), г. министръ народнаго просвѣщенія совсѣмъ въ согласіи съ вѣрнымъ уставамъ депутатомъ Фуссомъ призналъ «неудобнымъ» и приказалъ исключить книжку изъ школьныхъ библіотекъ». Несчастные чехи такъ легковѣрны, и такъ самомнительны, что думаютъ, будто Kaiser von Oesterreich нуждается еще въ титулѣ «краля Ческéго и маркграбете Моравскéго».—Баронъ Гаучъ впрочемъ находитъ, что австрійскимъ славянамъ не только излишне знать о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, но даже и вовсе излишне много знать, а такъ какъ желаніе знать побольше врождено каждому, то и единственная возможность отбить такое желаніе возвысить плату, за которую дается это знаніе, а потому баронъ Гаучъ и рѣшилъ *удвоить* школьную плату въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ, такъ что «духовная пища, доставляемая средними школами, удорожается кромѣ Вѣны въ городахъ, насчитывающихъ болѣе 25,000 жителей, на 20 гульд. въ полугодіе, а въ городахъ меньшихъ на 15 гульд.» «Зажиточную нѣмецкую и жидовскую часть не отяготятъ эти 40 или 30 гульденовъ въ годъ, они по прежнему будутъ отдавать своихъ сыновей въ гимназіи и реальныя школы, а чешскій мелочникъ, чешскій земледѣлецъ, промышленникъ и чиновникъ, а особенно если у него побольше мальчиковъ, съ печалью смотритъ на это постановленіе, говорятъ «Нáродни Листы» (№ 180), и каждый знатокъ нашего положенія согласится съ нами въ томъ, что это поведетъ къ печальному состоянію, къ печальному упадку общественнаго образованія у насъ и у всѣхъ народовъ славянскихъ». Ну что же?—меньше будутъ знать, да рѣже воспоминать о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, вотъ и сдѣлаются удобоваримѣе для ненасытнаго нѣмецкаго желудка. А и безъ того вѣдь для австрійскаго правительства славяне въ дѣлѣ народнаго образованія были далеко не родными сыновьями, какъ и слѣдовало ждать, а только пасынками. «Теперь въ Предлейтьи, говорятъ «Н. Л.», на неполныхъ 8 милліоновъ нѣмцевъ 156 среднихъ школъ, такъ что одна средняя школа приходится приблизительно на 51,000 нѣмцевъ, а у 5 мил. чеховъ нѣтъ и 50 среднихъ школъ, такъ что одна средняя школа едва приходится на 100,000 чеховъ; далѣе у остальныхъ славянъ: 1 средняя школа приходится на 123,000 поляковъ, на 360,000 словинцевъ, на 120,000 сербо-хорватовъ и одна на 2.800,000 русскихъ!!» Вотъ ужъ подлинно пасынки, да и по-дѣломъ имъ: зачѣмъ ихъ братья занимаютъ цѣлыхъ полсвѣта! «Отвѣчаетъ ли это», спрашиваютъ далѣе «Н. Л.» «основному государственному закону, обѣщающему всѣмъ народностямъ, что государство старается съ равной справедливостью о томъ, чтобы каждая могла получать достаточное образованіе на своемъ языкѣ и въ своихъ собственныхъ училищахъ? Въ настоящее время государство въ Чехіи для неполныхъ двухъ милліоновъ нѣмцевъ содержитъ 22 гимназіи и 9 полныхъ реальныхъ училищъ, а на три съ половиной милліона чеховъ только 28 гимназій и 6 реальныхъ училищъ. На Моравѣ для 3/4 народонаселенія чешскаго 6 гимназій и 3 реальныхъ училища, а для 1/4 нѣмецкаго 15 гимназій и 12 реальныхъ училищъ. Въ Силезіи для 270,000 нѣмцевъ 4 гимназіи и 1 прогимназія, 4 полныхъ реальныхъ училища, 4 учительскія семинаріи, 1 промышленная школа и 2 земледѣльческія школы, а для 281.000 славянъ *ни одной средней школы!!* Итого для 2 1/2 мил. нѣмцевъ 67, а для 5 мил. чеховъ 43 среднихъ школы! Можно ли представить болѣе вопіющей неправды!?» восклицаютъ «Нáродни Листы» (№ 180). А между тѣмъ въ рейхсратѣ «противникъ славянъ д-ръ Штурмъ съ удовольствіемъ заявлялъ, что объ учрежденіи славянскихъ школъ или

о принятіи ихъ въ государственное вѣдѣніе *не можетъ быть болѣе и рѣчи*, но за то со стороны правительственныхъ органовъ *дѣятельность Шульферейна* вызываетъ открытую похвалу и благодарность» (тамъ же).

И сверхъ этихъ пріятныхъ новостей чехи наслушались въ Вѣнѣ на рейхсратѣ не мало и еще не менѣе пріятныхъ. Доказано было статистическими данными, что правительство вовсе не заботится о проведеніи закона равноправности ни въ почтовомъ, ни въ судебномъ управленіи, назначая въ эти вѣдомства въ Чехіи (а у другихъ славянъ и подавно) чиновниковъ, совсѣмъ не знающихъ мѣстнаго языка, даже предпочитая ихъ передъ чиновниками знающими чешскій и нѣмецкій, и понятно, почему: завзятый нѣмецъ почешски учиться не будетъ, а на незавзятаго положиться трудно. Почтовыя печати съ двуязычными подписями замѣняются, обнаружено было въ рейхсратѣ, съ подписями на одномъ нѣмецкомъ, отказано было и въ чешскихъ подписяхъ на маркахъ и на кредиткахъ. На славянъ наложена была еще дань въ видѣ земскаго запаса, о которой самъ военный министръ сознался, что она является для народа *тяжчайшей жертвой*. И за все за это народъ чешскій не получилъ даже возможно справедливыхъ условій для выбора въ мѣстные сеймы, особенно на Моравѣ, такъ что чехи по поводу минувшаго 21 іюня двадцатилѣтія со дня Кралевоградецкой *) битвы должны были сознаться, что «сегодня двадцать лѣтъ спустя (см. «Нар. Лист.» № 182 отъ $^{3}/_{21}$ іюня) приходится отмѣтить, что не исполнились надежды, съ которыми особенно народъ нашъ началъ смотрѣть на Ракýско (Австрію) послѣ градецкой битвы... Народы славянскіе, большинство ракýскаго населенія, до сихъ поръ не пользуются тѣмъ государственнымъ значеніемъ, которое принадлежитъ имъ по ихъ нравственной, культурной и матеріальной силѣ и значенію. Особенно народъ нашъ имѣетъ тысячу причинъ жаловаться, что самымъ естественнымъ, неопровержимымъ правамъ его не удѣляется большаго вниманія и исполненія, чѣмъ двадцать лѣтъ тому назадъ. На оборотъ теперь намъ приходится отражать стремленія онѣмечить еще съ большею силой, чѣмъ до 21 іюня 1866 г. такъ какъ будто Ракýско должно стать по крайней мѣрой отдѣленіемъ прусскаго государства, если ужъ не могло отнять у него пальму первенства въ пангерманскомъ союзѣ!» А наивные чехи этого и не подозрѣвали, будучи увѣрены, что представляемое ими «Ракýско» и Oesterreich одно и то же и не вѣрятъ еще, что «между понятіями *deutsch* и *österreichisch* нѣтъ никакой разницы», какъ это открыто заявилъ въ своей рѣчи глава нѣмецко-австрійскаго клуба Пленеръ (см. «Нар. Л.» № 182 Пол. спр. дом.). Видите-ли, они, чехи, наивно «зная и испытавъ, какую неестественную и извращенную политику проводила Австрія у себя дома и за границею съ 1815 года, только чтобы добиться перваго мѣста между соединенными нѣмецкими государствами, послѣ 21 іюня 1866 г. надѣялись, что Австрія умудрится такимъ погромомъ и матеріальнымъ ущербомъ и все будущее время, все дальнѣйшее усиліе начнетъ посвящать только самой себѣ и своимъ домашнимъ народамъ, ихъ матеріальному и нравственному благу, ихъ спокойствію и счастію. Въ этомъ смыслѣ битву 21 іюня 1866 г. мы, говорятъ «Н. Л.» (№ 182), вовсе не считали несчастіемъ для Ракýска, а только окончаніемъ ложнаго пути, которымъ шло это государство въ теченіе 50 лѣтъ, посвящая всѣ свои силы интересамъ чужихъ народовъ и государствъ... Теперь черезъ 20 лѣтъ, которыя минули послѣ градецкой битвы и наполнены пестрой смѣсью министерскихъ именъ, мы, чехи, до сихъ поръ взываемъ о справедливости, домогаемся законной охраны противъ усилій онѣмеченія въ государствѣ, у котораго нѣтъ болѣе опаснаго непріятеля и пагубы, какъ нѣмечащая политика». O sancta simplicitas? Простачки чехи вообразили, что нѣмецъ, побитый нѣмцемъ, перестанетъ быть нѣмцемъ и изъ Oesterreicher'а обратится вдругъ въ Ракýсана. Нѣтъ, воронъ ворону глаза не выклюетъ и политика Oesterreich'а не можетъ быть иною, да и требовать этого было бы равносильно требованію отъ «ёстеррейхскихъ» нѣмцевъ отреченія отъ ихъ народности: «дѣло наше среди остальныхъ нѣмцевъ не проиграно: на насъ

*) Крȁлов Градец по нѣм. Кёнигрецъ (Königratz).

только наложена великая и важная задача переработать въ свои организмъ славянскіе народы вмѣстѣ съ мадьярскимъ (послѣдній затрудненій не представляетъ); будемъ-ли мы въ силахъ исполнить ее, тогда первенствующее мѣсто среди остальныхъ нѣмцевъ обезпечено за нами: народъ рѣшившій эту задачу, не можетъ быть послѣднимъ—первое мѣсто принадлежитъ ему *); да среди братьевъ можетъ ли быть и вопросъ о мѣстахъ», долженъ разсуждать австрійскій нѣмецъ, а потому нѣмеченіе для него conditio sine qua non его жизни. Правъ поэтому фельетонистъ «Нар. Л.», когда говоритъ: «Мы рисовали бы свое печальное состояніе слишкомъ розово, если бы думали, что нашъ народный ростовщикъ оставитъ намъ въ концѣ концовъ по крайней мѣрѣ пристойную одежду на тѣлѣ и любезно позволитъ сорвать на память, по крайней мѣрѣ, розочку на своемъ проморганномъ наслѣдствѣ. Онъ выгонитъ насъ нагими, выброситъ насъ въ самую горькую минуту нашей жизни, обдастъ насъ позоромъ и насмѣшкою. «Н. Л.» № 174. Въ объединенной Германіи австрійскій нѣмецъ будетъ имѣть опору для этого; и на этотъ разъ, можетъ быть, приготовляясь къ киссингенскому свиданію, поднялъ онъ повыше свою голову, и, пожавъ лавры на счетъ славянъ въ рейхсратѣ, попытается, можетъ быть, пожать на ихъ-же счетъ лавры и въ открытомъ полѣ; не даромъ прусскіе подданные въ Польшѣ стараются, вѣроятно, по знаку Бисмарка, поскорѣе принять русское подданство (см. «Свѣтъ» № 163, стр. 41), чтобы на случай войны, въ видѣ авангарда германской арміи, сохранить за собою русскую почву.

Н. Ш.

Изъ словинской печати и жизни.

Три свѣжіе гроба.—Трехсотлѣтіе смерти Трубаря.—Торжественное собраніе общества свв. Кирилла и Меѳодія. — Отвѣтная телеграмма Штроссмайера. — Голосъ за кириллицу у словѣнцевъ.—«Словѣнски На́род.»

Настоящую статью начнемъ печальнымъ извѣстіемъ о смерти трехъ словинскихъ отчизниковъ и этимъ почтимъ ихъ дорогую для славянства память.

25 мая въ Люблинѣ неумолимая смерть похитила у словинцевъ ихъ лучшаго дѣятеля, горячаго отчизника *Божидара Раича*. Покойный родился у св. Томажа въ словинской Штиріи 29 января 1827 года, гимназію кончилъ въ Вараждинѣ, философію слушалъ въ Загребѣ, гдѣ и былъ свидѣтелемъ оживленія хорватскаго самосознанія и литературы, здѣсь же проникся онъ любовью къ хорватскому или «илирскому» языку, и воодушевилъ своимъ идеаломъ единенія хорватовъ и словинцевъ. Богословіе слушалъ въ Градцѣ. Въ 1850 г. поступивъ въ духовное званіе, служилъ въ Лютомерѣ и Сливницѣ близъ Марибора, гдѣ и познакомился съ языковѣдомъ Орославомъ Цафомъ, у котораго учился славянскимъ языкамъ. Въ 1853—60 годахъ былъ учителемъ въ Мариборѣ, а съ 1860 г. до самой смерти былъ сначала капланомъ, а потомъ жупникомъ у св. Варвары въ Галюзахъ, близъ Птуя (Pettau). Еще въ 1852 году Радославъ Разлагъ писалъ о Раичѣ: «Молодъ, но старъ въ отчизничествѣ и дѣятельности». Отъ его быстраго ума, по истинѣ «чешскаго» трудолюбія и сердечности, которую нельзя ничѣмъ устрашить, съ теченіемъ времени можно ожидать обильныхъ плодовъ. Главная цѣль его дѣятельности была охраненіе и укрѣпленіе словинской народности. Оттого онъ былъ прежде всего политикомъ. Не было въ словинской Штиріи удобнаго случая, который бы онъ опустилъ, чтобы не хлопотать о своемъ народѣ и его правахъ; не было собранія, въ которомъ бы онъ не воодушевлялъ своихъ земляковъ. Отслуживши утреннюю службу въ своемъ приходѣ, онъ часто отправлялся, какъ истинный апостолъ, на нѣсколько часовъ учить и проповѣдывать толпамъ собраннаго народа, и дѣйствительно не было равнаго ему въ краснорѣчіи; при взглядѣ на его величественную фигуру, невольно приходила на мысль латинская пословица: mens sana in corpore sano. Для народа онъ жертвовалъ всѣмъ, что имѣлъ, даже самой жизнью. Когда его земляки убѣдили его принять на себя представительство въ государственномъ и краевомъ сеймѣ, онъ сказалъ: «я знаю, что я иду на смерть, но если хотите, пусть это будетъ ради народа». Программой его политики было: «равноправность словинцевъ

съ другими народами, согласная Словѣнія и славянская взаимность въ лучшемъ смыслѣ слова». Но, будучи политикомъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ ученымъ и писателемъ. «Особенно онъ занимался славянскимъ языкознаніемъ и исторіей, говоритъ «Словѣнски На́род». Рѣдко кто среди столькихъ служебныхъ, хозяйственныхъ и другихъ занятій, такъ серьезно и съ такой охотой читалъ старославянскіе сборники, съ такимъ рвеніемъ изучалъ спеціальныя произведенія Копитара, Миклошича, Шлейхера и др. Рано взявшись за перо, онъ не оставлялъ его до смерти. Его безчисленныя статьи разсѣяны по различнымъ словинскимъ повременнымъ изданіямъ, а нѣкоторыя ученыя и по нѣмецкимъ. Изъ всѣхъ литературныхъ обществъ онъ особенно благоволилъ къ Матицѣ Словѣнской, членомъ совѣта которой онъ состоялъ до самой смерти, и въ трудахъ которой помѣщалъ не мало своихъ статей. По «Славянству» напр. онъ составилъ почти по первымъ источникамъ статью «Болгари». Вслѣдствіе его учености не рѣдко домъ его посѣщали ближніе и дальные ученые... И въ церкви онъ былъ славяниномъ, требуя возвращенія въ родную церковь *священнаго старославянскаго языка*. Съ удовольствіемъ собиралъ онъ около себя учащуюся молодежь, и она въ немъ потеряла лучшаго своего защитника и друга. Когда онъ замѣчалъ молодой талантъ, онъ возбуждалъ его, дарилъ книгами и вмѣстѣ съ другими воодушевленными товарищами привлекалъ въ свой гостепріимный домъ. Часто онъ говаривалъ: «Смотрите, уважаемая молодежь, когда насъ не будетъ, займите наше мѣсто, какъ «sanguis martyrum, semen christianorum». Отчизничство Божидара Раича сказалось и въ его завѣщаніи: главными наслѣдниками его имущества оказались «Народный домъ» въ Птуѣ и Читальница въ Орможѣ. Кромѣ того, значительныя суммы онъ отказалъ своей матери, сестрамъ и народнымъ учрежденіямъ. «Словѣнско писательско друштво» получило 300 гульд., а «Словѣнска Матица» 100 гульд. Въ похоронной процессіи участвовали представители обществъ, города, учащаяся молодежь и съѣхавшіеся со всей Штиріи отчизники; на гробъ покойнаго возложенъ былъ 41 вѣнокъ, между которыми были отъ Чешскаго Клуба въ государственномъ сеймѣ, отъ банка «Славіи», и отъ «Клуба праваго центра».

Въ тотъ же день, 25 мая, въ Тріестѣ на 46 году жизни умеръ другой словѣнскій отчизникъ Иванъ Долинаръ, мужъ едва ли замѣнимый въ Тріестѣ, редакторъ «Юрія с пушо́», основатель многихъ словѣнскихъ обществъ въ Тріестѣ и выдающійся, неутомимый агитаторъ въ пользу своего роднаго народа.

6 іюня въ Птуѣ раскрылась новая могила, унесшая еще одного отчизника словѣнскаго *Алойзія Грегорича*, ученика Ранчева, адвоката въ Птуѣ, дѣятельнаго члена и защитника многихъ птуйскихъ народныхъ учрежденій. Его адвокатская контора была средоточіемъ, такъ сказать, главнымъ станомъ всего народнаго движенія въ этомъ населенномъ и важномъ словѣнскомъ краю.

Отъ свѣжихъ гробовъ перейдемъ къ старымъ. 16 іюня исполнилось 300 лѣтъ со дня смерти въ Дерендингѣ въ Виртембергѣ литературнаго словѣнскаго Колумба Приможа Трубаря, который положилъ основной камень новословѣнской литературѣ. Въ 1555 году изданы были имъ на словѣнскомъ языкѣ катихизисъ и ев. отъ Матѳея; въ 1557 г. «Та први дѣл тига новига тестамента», въ 1560 г. «Та други дѣл тига нов. тест.», въ 1575 г. «Есус Сирах» — первыя книги на словѣнскомъ языкѣ. «Онъ не имѣлъ, говоритъ «Словѣнски На́род», передъ собой предшественника, который бы дѣйствовалъ въ томъ же направленіи; онъ собственнымъ здравымъ разумомъ постигъ, что съ народомъ должно говорить на его языкѣ и написалъ самыя необходимыя словѣнскія книги, заботился объ ихъ распространеніи и непосредственно, какъ справедливо замѣчаетъ А. Феконя въ «Звонѣ», дѣйствовалъ въ смыслѣ югославянской взаимности, обнимающей словѣнцевъ, хорватовъ и сербовъ». Трубарю дорогъ былъ народъ, дорого его развитіе, его языкъ, потому что онъ былъ плоть отъ плоти и кость отъ кости его; потому-то языкъ его произведеній и дышалъ такой простотой и чистотой, что и доселѣ еще не утерялъ своей жизни, не смотря на то, что пронеслись надъ нимъ цѣлые три вѣка. «Его дѣя-

тельность вызвала сильное противодѣйствіе, говоритъ «Сл. Н.», началась извѣстная, или, лучше сказать, злоизвѣстная реакція, которая уничтожила сотни словѣнскихъ книгъ, не смотря часто на совсѣмъ невинное содержаніе, но сѣмя, посѣянное въ народную лядину, пустило ростки; за Трубаремъ наступилъ цѣлый рядъ новыхъ писателей: католическіе священники и протестанскіе проповѣдники обрабатывали по его примѣру словѣнскій языкъ и такимъ образомъ приготовляли почву, на которой впослѣдствіи должна была возникнуть у словѣнцевъ настоящая литература, а вмѣстѣ съ нею и народное образованіе. Оттого Трубарь оказалъ неоцѣненныя заслуги словѣнской книгѣ и счастливой можно назвать небольшую деревушку Рашица, въ которой протекло его дѣтство; оттого слѣдовало бы, чтобы трехсотлѣтіе его смерти праздновалось торжественнѣе и обширнѣе чѣмъ въ узкомъ кругу «Словѣнскаго писательскаго дружства», чтобы имя его чествовалось и прославлялось, какъ требуетъ этого должная благодарность къ народному благодѣтелю. И если при нашемъ положеніи, заключаетъ «Словѣнски На́род» это не легко устроить, если ужъ «духъ бодръ, а плоть немощна», то вспомянемъ сегодня основателя нашей словесности, сохранимъ благодарное воспоминаніе о немъ въ нашихъ сердцахъ, будемъ продолжать въ народномъ духѣ его дѣло и заключимъ изъ глубины сердца: «Вѣчна сла́ва Трубаревему спомину»!

Миръ праху вашему, добрые борцы за народъ: вы любили свой народъ, любили его языкъ, любили все Славянство, мужественно боролись съ его исконными врагами и пали въ непосильной борьбѣ, но пали съ сознаніемъ правоты своего дѣла, съ убѣжденіемъ, что вы жили и боролись не напрасно, но жаль вамъ народъ, который *не смѣетъ* даже *чтить* достойнымъ образомъ *вашей памяти*!

Отъ оставившихъ жизнь перейдемъ къ еще только что начинающимъ ее. Юное общество св. Кирилла и Меѳодія, о Люблянской поддружницѣ котораго мы говорили въ прошлой книжкѣ «Извѣстій» (стр. 283), 23 іюня (5 іюля) имѣло свое первое общее собраніе въ Люблянѣ. Славяне-католики празднуютъ въ этотъ день память св. Кирилла и Меѳодія. Собраніе было открыто въ 11 часовъ утра послѣ литургіи въ костелѣ Іисусова Сердца рѣчью предсѣдателя основного выбора г. Светца, въ которой онъ заявилъ, что послѣ устраненія многихъ препятствій, съ которыми пришлось бороться юному обществу, оно находится наконецъ теперь въ такомъ положеніи, что можетъ начать дѣло. Дѣло будетъ стоить большаго труда и жертвъ, но тѣмъ больше будетъ славы небольшому словѣнскому народу въ глазахъ ихъ братьевъ. Большая опасность угрожаетъ словѣнскому народу съ тѣхъ поръ какъ «злогласни Шульферейнъ» началъ свою дѣятельность: съ нѣмецкой пропагандой распространялся духъ невѣрія и извѣстно, что народные отщепенцы вмѣстѣ съ тѣмъ самые сильные враги церкви и вѣры. Вотъ противъ этой-то пропаганды и учреждено общество, которое и надѣется найти себѣ поддержку въ народѣ и братьяхъ прочихъ славянахъ, которые уже начали оказывать ее въ лицѣ банка «Славіи» (см. стр. 278). «Солидарность славянъ необходима, говорилъ витія.—Солидарности слѣдуетъ учиться намъ у нашихъ противниковъ и когда солидарность такъ проникнетъ всѣхъ славянъ, что чешскіе и польскіе представители будутъ также дѣйствовать за словѣнцевъ, какъ дѣйствуетъ Плѣнеръ за неугнетенныхъ нѣмцевъ въ Люблянѣ, тогда мы съ полнымъ правомъ вскрикнемъ: «In hoc signo vinces!» (Симъ побѣдиши!) Въ концѣ рѣчи предсѣдатель обѣщалъ, что юное общество будетъ руководиться въ дѣятельности примѣромъ своихъ святыхъ покровителей. Затѣмъ исправлявшій должность секретаря и казначея проф. Томо Зупанъ прочелъ отчетъ, въ которомъ коротко изложилъ исторію возникновенія общества, его цѣли и состояніе. Уставъ общества утвержденъ мин. внутр. дѣлъ 9 апрѣля 1885. Общество имѣетъ цѣлью вспомоществовать словѣнскому образованію на католическо-народномъ основаніи. Оно не знаетъ политики и есть всеславянское. Отчетъ не приводитъ числа всѣхъ поддружницъ (корреспондентъ «Русскаго Курьера» насчитываетъ ихъ 50), такъ какъ «онѣ являются подобно росту травы въ весеннюю пору»; онъ приводитъ только счетъ поддружницъ по главнымъ городамъ, которые составляютъ, такъ сказать, окружность мѣста дѣятельности общества.

Это 2 поддружницы въ Градцѣ, 1 въ Цѣловцѣ, 1 въ Горицѣ, 1 въ Тріестѣ, богатѣйшая по числу членовъ и 3 въ Люблянѣ. Общество разослало по словѣнскимъ окрайнамъ до 600 писемъ, а получило болѣе 200. Доходы общества составляютъ 1160 гул. 50 кр., расходы 145 гул. 75 кр., т. е. чистый доходъ составляетъ 1014 гул. 75 кр., изъ которыхъ 910 гульд. положены въ краинскій банкъ. Но это не весь еще капиталъ общества, такъ какъ сюда еще не включены 300 гул., подаренныхъ банкомъ «Славія» и кромѣ того весьма многими поддружницами еще не прислано свѣдѣній (деньги присланы и въ отчетѣ помѣщены отъ 11 поддружн.). Корреспондентъ «Русскаго Курьера» всего капитала насчитываетъ до 4000 гул., капиталъ разумѣется, ничтожный сравнительно съ тѣми сотнями тысячъ, которыми располагаетъ Шульферейнъ, но молодое общество, какъ Давидъ, съ пращою выходитъ противъ нѣмецкаго Голіаѳа, надѣясь на помощь св. апостоловъ славянскихъ. Послѣ чтенія отчета произошли выборы и предложенія. Г. Доленецъ предложилъ какъ можно скорѣе основать дѣтскій садъ въ Тріестѣ при приходѣ св. Якова, насчитывающемъ до 20000 душъ, тоже сдѣлаетъ Тержачская поддружница, которой обѣщана для этой цѣли значительная сумма однимъ патріотомъ. Слѣдующее общее собраніе предложилъ въ 1887 году устроить въ Тріестѣ. Графъ Обицци описалъ печальное состояніе нѣкоторыхъ краевъ въ Горичской области, которымъ угрожаетъ полное разсловѣненіе. Ейншпилеръ доложилъ отъ имени Цѣловской поддружницы о состояніи образованія въ Хорутаніи. Въ странѣ 120—130,000 словѣнцевъ, но нѣтъ ни одной словѣнской школы. Всѣ просьбы, резолюціи и жалобы до сихъ поръ были напрасны, да и на будущее время не обѣщаютъ быть плодотворнѣе и потому онъ просилъ главное общество позаботиться о наймѣ ходатая, который бы отвоевалъ Хорутанскимъ общинамъ словѣнскія школы. Г. Вершецъ совѣтовалъ обратить особенное вниманіе на края близъ границы и туда, гдѣ открылъ свои школы Шульферейнъ, и привелъ въ примѣръ успѣшнаго дѣйствованія Севничанъ, которымъ удалось въ одинъ годъ трехклассную Шульферейнскую школу обратить въ двухклассную, и число учениковъ ея изъ 80 въ 20. Затѣмъ предложено было: 1) измѣнить § 1 устава въ смыслѣ расширенія круга дѣйствій общества «на всѣ австрійскія земли въ виду осуществленія цѣли въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ и Приморьи», такъ какъ не позволено было открыть поддружницу въ Вѣнѣ въ виду ограниченія § 1-мъ круга дѣйствій только словѣнскими землями; 2) устраивать по временамъ увеселенія въ пользу общества; 3) учредить ученическія кухмистерскія съ цѣлью освобожденія словѣнской молодежи отъ зависимости отъ нѣмцевъ. Всѣ рѣчи были приняты съ одушевленнымъ одобреніемъ. Собраніе окончилось въ часъ дня. Послѣ собранія состоялся въ читальничной ресторацін обѣдъ на 50 особъ, во время котораго Иваномъ Хрибаремъ предложено было послать телеграммы капелану Верховнику, первымъ подавшему мысль къ основанію общества, въ виду его заслугъ по его учрежденію, и владыкѣ Штроссмайеру. На послѣднюю 28 іюня полученъ былъ «слѣдующій очень почетный», по словамъ «Словѣнскаго Народа», «для общества и особенно въ нѣкоторомъ отношеніи весьма важный письменный отвѣтъ» на имя предсѣдателя общества: «Многоуважаемый Государь! Сейчасъ получилъ вашу телеграмму и, еще до завтра отправляясь въ дорогу, спѣшу поблагодарить васъ. Меня очень радуетъ, что братья словинцы такимъ прекраснымъ способомъ чтятъ память славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія, а еще болѣе меня радуетъ, что я могу сообщить дорогимъ братьямъ словинцамъ, что наше *дѣло* въ смыслѣ *соединенія всѣхъ славянъ въ единой церкви Христовой находитъ отзывъ и въ ученѣйшихъ русскихъ кругахъ*. Усердно прошу васъ, Многоуважаемый Государь, какъ самимъ принять горячую мою благодарность за сегодняшнее дружественное привѣтствіе, такъ и передать эту благодарность всѣмъ вашимъ поддружницамъ и всѣмъ достойнымъ членамъ. Съ особеннымъ почтеніемъ вашъ братъ и пріятель Штроссмайеръ Л. Р. епископъ. Въ Дьяковѣ на св. Кирилла и Меѳодія 1886.

Мы всегда чтили въ еп. Штроссмайерѣ горячаго отчизника и славянина и думаемъ, что уважаемый католическій *епископъ не допуститъ лжи*, а такъ какъ среди русскаго общества *въ дѣлѣ вѣры нѣтъ*, да и

не можетъ быть *раздѣленія* на неученыхъ и ученыхъ, а послѣднихъ на болѣе и менѣе ученыхъ, такъ какъ *русское общество всегда* въ дѣлѣ вѣры *оставалось вѣрнымъ преданіямъ св.* апостоловъ славянскихъ *Кирилла и Меѳодія, боровшихся противъ ереси гопаторской* (см. древнюю службу св. Меѳодію), передъ смертію *молившихси о погубленіи тріязычной ереси* и знавшихъ только единаго Главу Церкви—Христа, то мы и склонны поэтому думать, что дьяковскій епископъ не только оставилъ мысль объ обращеніи Милана и сербскаго народа въ католицизмъ и о приведеніи ихъ къ лобызанію туфли римскаго епископа, но и самъ рѣшилъ, оставивъ мудрованія римскія, послѣдовать стопамъ и дѣлу св. Кирилла и Меѳодія, ученики которыхъ, а вмѣстѣ съ ними и славянское богослуженіе, *съ благословенія папы Стефана VI, были изгнаны нѣмецкимъ духовенствомъ* изъ Моравіи. *Иному единенію* всѣхъ славянъ *въ единой Перкви Христовой* ученѣйшіе, менѣе ученые и совсѣмъ неученые круги сочувствовать, а равно и давать на него отзывъ не могутъ, такъ какъ это значило бы измѣнить преданіямъ св. Кирилла и Меѳодія, знамя которыхъ высоко держитъ Русь православная. Итакъ, если тысячу лѣтъ тому назадъ союзъ нѣмцевъ съ папой произвелъ изгнаніе славянскихъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія, а теперь тотъ-же союзъ производитъ добровольное оставленіе Рима славянскимъ епископомъ, то мы привѣтствуемъ этотъ шагъ славянскаго отчизника и видимъ въ этомъ особое милосердіе Божіе къ роду славянскому, благодаря молитвамъ его свв. апостоловъ. Думаемъ, что ложь,—какова бы ни была ея цѣль,—несовмѣстима съ званіемъ епископа! Если мы не ошибаемся, то привѣтствуемъ епископа также сердечно, какъ и автора статьи въ № 141 «Словѣнскаго На́рода», подписавшагося кириллицей «Горски Нахилист». Статья носитъ названіе: Упелюймо цирилицо? (Введемте кириллицу). Въ виду того, что это голосъ славянина, пишущаго латиницей, приводимъ статью въ переводѣ цѣликомъ:

«Соча» (временникъ, выходящій въ Горичскомъ краю) писала въ своемъ № 24, какія услуги оказалъ словѣнскій языкъ бывшему министру Пинату, когда онъ пришелъ въ сношеніе съ братскимъ намъ народомъ р у с с к и м ъ *). Этимъ случаемъ она доказала своимъ читателямъ, что со словѣнскимъ языкомъ легко можно пройти далеко по свѣту, да! половину Европы и огромной Азіи можно обойти почти исключительно только съ милымъ намъ языкомъ словѣнскимъ. Насъ, славянъ, насчитывается 100.000,000 и однако съ замѣчательной легкостью можемъ мы сноситься другъ съ другомъ только на одномъ домашнемъ языкѣ!—Таже «Соча» выразила сожалѣніе, что мы, славяне, не едины въ... письмѣ, что въ говорѣ мы легко понимаемъ другъ друга, но не взяли письма огромнѣйшаго числа славянъ, что нашъ народъ не знаетъ к и р и л л и ц ы!

То и дѣло бьютъ намъ въ ухо прекрасныя, золотыя слова: «*Славяне, познаемъ другъ друга, сблизимся, сдружимся!*» **) Жаль, что большею частію это только пустыя фразы, — такъ какъ въ дѣйствительности дѣлается мало, мало, что почти столько же, сколько: *ничего*, самое печальное н и ч е г о!

Славнѣйшій нашъ *всеславянинъ* М а я р ъ понялъ эти слова совсѣмъ иначе! Къ прелестной своей книгѣ «Свѧта брата Цирил ин Метод» ***), которую въ прошломъ году издало уважаемое Мохорево общество, приложилъ и печатныя буквы кириллицы, а для упражненія въ чтеніи еще и «Отче Нашъ» и одну пѣснь. Съ тысячелѣтіемъ Меѳодіевой смерти мы можемъ начать новую эпоху въ исторіи нашей литературы: *эпоху введенія кирилловскаго письма. Что началъ нашъ многоуважаемый староста Маяръ, пусть это продолжаютъ всѣ наши журналы!!* Издатели, редакторы словѣнскихъ повременныхъ изданій, послушайте гласъ вопіющаго «съ границы ве-

---

*) Разрядка вмѣсто курсива подлинника.

**) Курсивы вмѣсто разрядокъ подлинника.

***) Передаемъ печатанное въ статьѣ латиницей, тѣмъ правописаніемъ кириллицы, которое наиболѣе близко къ первоначальному кирилло-меѳодіевскому и по нашему наиболѣе удобно въ качествѣ *всеславянскаго*. Ѧ читай по рус. *я*, по-слов., болг., серб. е, пол. ię, чеш. въ извѣстныхъ всегда строго опредѣл. случаяхъ *я*, а, е, (здѣсь *я*). Луж. je.

неціанской» (об мєђи бенетски) *) и *введите въ незначительномъ скромномъ размѣрѣ кирилловскую букву?* Я увѣренъ, что вамъ будетъ благодарна сначала вся словѣнская интеллигенція, а въ будущемъ весь народъ, милая наша родина! Два слова объ этомъ важномъ дѣлѣ! Къ моему величайшему удовольствію я многократно замѣчалъ, какъ какой нибудь простой человѣкъ, мужчина, парень даже и ребенокъ старался *прочитать «Отче Нашъ» и стихотвореніе «К части св. Цирилу и Методу»* (К чьсти св. Цириллу и Методу написали бы мы **) *въ вышеупомянутой книгѣ.* Иной, взявъ въ руки такую книгу, наткнется на кирилловскія буквы, которыхъ не понимаетъ, какъ вообще на первый взглядъ не понимаетъ какого нибудь *ребуса логогрифа* и что вообще является слѣдствіемъ незнакомства. И сколько времени старается иной, чтобы рѣшить предложенную задачу, ребусъ, логогрифъ?! Кирилловскія буквы не доставили бы ему такого труда? Что же дѣлать, для достиженія цѣли? Очень немногое.

У насъ два иллюстрованные временника! Пусть они начнутъ это самымъ легкимъ способомъ, что никого не смутитъ: слѣдующимъ нумеромъ они начнутъ вторую половину настоящаго года. Пусть начнутъ они эту новую половину нѣкоторымъ торжественно образомъ: *пусть сдѣлаютъ для своихъ подписчиковъ пріятную неожиданность, напечатавъ сначала кирилловскія буквы, пусть во всякомъ нумерѣ будетъ какое нибудь стихотвореніе или какая другая мелочь — напечатанная кириллицей,* какъ началъ хорватскій «Вѣнац» (Вѣньц ***).

Многимъ, которые хотѣли бы научиться кириллицѣ и до сихъ поръ не имѣли къ этому никакого случая, чтобы учиться (напр., по сербски), всѣмъ этимъ дается прекрасный случай удовлетворить свое желаніе. Очень многіе научатся кириллицѣ изъ одной любознательности, что говорится въ этомъ кириловскомъ отдѣленьицѣ; а другіе, какъ будто отъ скуки рѣшая какую нибудь предложенную задачу, которой полнехоньки современныя повременныя изданія, что доказываетъ, что они нравятся читающему обществу!

Наши политическіе временники пусть бы постепенно цѣлое отдѣленіе, хоть бы, напр., домашнія извѣстія стали печатать кириллицей. Если бы съ этой цѣлью пришло на помощь общество св. Мохора (дружба св. Мохора), (которая могла-бы печатать кирилловскими буквами небольшіе разсказцы, стихотворенія и т. д.), тогда ручаюсь, что въ короткое время достигнемъ того, *что большинство читающаго общества будетъ хорошо знать кириллицу. Учительскимъ окрайнымъ конференціямъ* было бы не трудно опредѣлить, *чтобы въ высшихъ отдѣленіяхъ предоставить достаточный просторъ и кириллицѣ.* Если бы чего такого теперь и не дозволило наше высокое и заботливое правительство, то должна начать наша печать: это правительство не могло бы запретить! Народъ самъ бы ея потребовалъ!

Для «Слова̀на» это было бы нѣкоторымъ образомъ приготовленіе къ *русской* грамматикѣ, которую ужъ мы ожидаемъ дѣйствительно съ нетерпѣніемъ! Разумѣется, оба наши иллюстрованные временника должны бы дать сначала печатныя буквы, а два года спустя въ своемъ первомъ нумерѣ снова отпечатать «печатныя» и письменныя кирилловскія буквы, чтобы они были въ рукахъ у каждаго новаго подписчика.

Надѣюсь, что я говорилъ не напрасно! Надѣюсь, что оба наши иллюстрованныя временника сдѣлаютъ намъ сюрпризъ, выйдя съ азбукой и съ примѣрнымъ краткимъ кирильскимъ чтеніемъ. Пусть и Словѣнски Наро̀д удѣлитъ небольшое мѣстечко, гдѣ бы день ото дня воздѣлывалась кириллица въ честь и славу апостоламъ.

Какая польза была бы отъ этого?

---

*) ђ по рус. (жд. цркcл.), *j*, серб. ђ, болг. *жд*, чеш., пол., луж. *z*. Наставка скъ съ предыдущей согласной не плавной по слов. читается *шки*.

**) Напечатано гражданицей въ подлинникѣ ь читается въ рус. е, слов. е, а (здѣсь *а*), серб. *я*, болгар., чеш., луж. е, польск. іе.

***) ѣ читается по русски е, серб. *ије*, слов. е близкое къ *и*, чеш., луж. *je*, пол. болг. *я* передъ твердымъ и *е* передъ мягкимъ слогомъ.

Господинъ Подгорникъ подробно и вполнѣ основательно писалъ объ этомъ въ Parlamentär'ѣ. Если бы мы, словенцы, со времени св. Меѳодія сохранили въ своей церкви словѣнскій языкъ и кириллицу, никогда бы не почуждались у насъ цѣлые рода, никогда бы не потеряли мы цѣлыхъ долинъ и на берегахъ иной рѣки все еще раздавалась бы словѣнская рѣчь, гдѣ теперь такъ мощно господствуетъ чужой языкъ!! Если бы мы доселѣ остались въ письмѣ тѣсно соединенными съ остальными славянами, намъ никогда бы не пришлось оплакивать такого ренегатства, такъ какъ духовнаго образованія мы искали бы гораздо чаще у чуждыхъ намъ почти теперь братьевъ! Гораздо съ большей надеждой обращали бы мы къ нимъ свои глаза, отъ нихъ бы ждали помощи и избавленія. Недавно разсказалъ нашъ пріятель Кретановъ *), *какъ гордится истый сербъ своей кириллицей*? Тоже было бы и съ нами! Языки сербскій, болгарскій и русскій уже не были бы намъ настолько чужими,—и здѣсь бы мы чаще искали дальнѣйшаго образованія что даетъ намъ теперь главнымъ образомъ швабщина, которая и наполняетъ иныхъ швабскимъ духомъ!

Если бы мы заботились у себя о кириллицѣ, тогда гораздо болѣе образованныхъ словѣнцевъ учились бы по русскому, сербскому и болгарскому языку, *такъ какъ одна трудность—чтеніе—было бы устранено*. Никто не будетъ мнѣ противорѣчить, если я скажу, что нужно прежде время и упражненіе, чтобы достигнуть бойкаго чтенія. Писать и при томъ довольно хорошо можно легко научиться въ два дня.

На словѣнскомъ языкѣ можно великолѣпно писать кирилловскимъ почеркомъ, да и читай только такъ, какъ написано. Разумѣется, что въ одномъ случаѣ слѣдовало бы наше такое различное *е* писать кириллицей особеннымъ образомъ, это пусть пополнятъ уже спеціалисты!

Какая была цѣль этихъ моихъ строкъ? Чтобы съ теченіемъ времени у насъ получила право гражданства и кириллица и чтобы каждый грамотный словѣнецъ зналъ обѣ азбуки. Какую пользу принесло бы, это вполнѣ опредѣленно показала бы лучшая будущность, которой мы теперь такъ безуспѣшно и такъ упорно добиваемся.

Пусть примѣромъ въ этомъ дѣлѣ послужитъ намъ самъ желѣзный канцлеръ князь Бисмаркъ, о которомъ извѣстно, что онъ не беретъ ни нѣмецкаго письма, ни нѣмецкой книги, если она написана латиницей. Правда мы не можемъ и не смѣемъ бросить латиницы, но наша обязанность знать и употреблять первоначально славянское правописаніе — кириллицу».

Какъ можемъ отнестись мы къ статьѣ Горскаго Нихилиста, мы, которые на страницахъ этого журнала проводили тѣ-же самыя мысли о кириллицѣ, какъ только не радоваться тому, что тѣ-же мысли слышимъ и отъ славянъ, употребляющихъ латиницу. Мы можемъ только прибавить со своей стороны, что въ виду большей пользы всего славянства звуковое правописаніе было бы не желательно ни у одного славянскаго народа въ книжномъ языкѣ, такъ какъ оно только бы затрудняло изученіе отдѣльныхъ славянскихъ языковъ и потому изъ всѣхъ видовъ кириллицы мы для всеславянской азбуки въ печати предлагали бы ея древнѣйшій видъ, какой она имѣла при святыхъ апостолахъ славянскихъ съ прибавленіемъ къ ея знакамъ сербскихъ знаковъ для звуковъ, происшедшихъ изъ праславянскихъ іотованныхъ *д* и *т*. Письменная славянская азбука могла бы остаться безъ измѣненія, кромѣ нѣкоторыхъ дополненій по отдѣльнымъ языкамъ. Общее правописаніе значительно подвинуло бы дѣло сближенія славянъ, а съ теченіемъ времени, можетъ быть, произвело бы и единый книжный языкъ, разумѣется, для глазъ: для уха это вещь едвали возможная, чтобы не сказать болѣе.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о «Словѣнскомъ Народѣ», изъ котораго исключительно черпали мы на этотъ разъ приводимыя свѣдѣнія. «Словѣнски Нѧ́род»

---

*) Авторъ статей Пѫтописнѧ арабескѫ (ѫ читается по рус., серб., чеш. я луж. *у*, по пол. ę, ą; по слов. о, смахивающее на у, по болгар. своеобразный звукъ въ родѣ франц. *eu*, англ. *u* въ but.) въ подлинникахъ (Словѣнскаго На́рода).

издается въ Люблянѣ каждый вечеръ, исключая праздники и стоитъ на мѣстѣ въ годъ 13 гульденовъ, при пересылкѣ за границу причитываются почтовые расходы по таксѣ почтоваго вѣдомства. Издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ состоитъ Иванъ Желѣзникарь. Временникъ стоитъ на стражѣ выгодъ своего народа и ведетъ горячій бой съ его врагами. Отношеніе временника къ Россіи уже отчасти извѣстно нашимъ читателямъ. Временникъ сильно интересуется Россіей и знакомитъ своихъ читателей съ ходомъ дѣлъ въ ней, а равно и съ ея литературой. Редакціей Словѣнскій Нȃродъ изданы переводы русскихъ произведеній Толстаго: «Князь Серебряный», Пушкина «Дубровскій», Лермонтова «Герой нашего времени», Тургенева «Записки охотника». Въ послѣднихъ нумерахъ помѣщены разсказы Тургенева «Андрей Колосовъ» и «Три портрета». Въ Россіи «Словѣнскій Нȃродъ» имѣетъ собственнаго корреспондента, который подписывается Круторогову. Корреспондентъ добросовѣстно и довольно часто даетъ свои статьи изъ Россіи. «Будьте убѣждены, пишетъ онъ, что, если я буду живъ и здоровъ, сообщу вамъ о всемъ изъ Россіи, что бы васъ могло занимать. Мнѣ здѣсь все виднѣе, чѣмъ пискунамъ въ Wollzeile и ихъ наемникамъ въ Болгаріи, которые днемъ разнашиваютъ коробы по улицамъ, а ночью пишутъ и телеграфируютъ въ жидовскія вѣнскія вѣдомости—Sensationsberichte. И дѣйствительно, онъ добросовѣстно пишетъ о всемъ, что можетъ интересовать славянина на Руси и пишетъ очевидно съ желаніемъ принести посильную пользу Славянству и указать на значеніе среди него Россіи. Корреспондента интересуютъ не одни русскія дѣла, но и польскія, описывая которыя онъ, разумѣется, принимаетъ сторону порабощеннаго низшаго класса населенія противъ шляхты.

Н. Ш.

Народный театръ въ Загребѣ.

Дѣло о постройкѣ народнаго театра въ Загребѣ тянется съ 1881 г. Въ началѣ этого года была созвана коммисія для постройки театра; предсѣдателемъ ея былъ выбранъ Деренчичъ. Коммисія, получивъ дозволеніе отъ тогдашняго бана Поячевича производить оффиціальный сборъ, сдѣлала воззваніе къ народу для содѣйствія дѣлу постройки театра. Воззваніе сильно подѣйствовало на хорватовъ, пожертвованія полились рѣкою, такъ что черезъ мѣсяцъ послѣ обнародованія воззванія можно уже было приступить къ самой постройкѣ. Былъ составленъ планъ и сдѣланъ приблизительный разсчетъ въ 470,000 зл.; было назначено мѣсто и заготовленъ матеріалъ. Но вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ положеніе дѣла измѣнилось. Мадьяры никакъ не хотѣли позволить хорватамъ построить народный театръ и тѣмъ самымъ поднять ихъ національное самосознаніе. Не имѣя возможности прямо отказать хорватамъ, они стараются затянуть это дѣло на долгое время, чтобы у хорватовъ прошелъ весь энтузіазмъ къ постройкѣ.

Въ половинѣ 1882 г. коммисія обращается съ просьбой къ правительству о начатіи постройки театра. Правительство отвѣчаетъ молчаніемъ. Коммисія снова обращается, но правительство опять игнорируетъ ея просьбу. Въ 1883 г., во время народнаго движенія противъ мадьяръ, коммисія опять употребляетъ всѣ средства, но по прежнему ничего не можетъ добиться.

Въ настоящемъ году дѣло о постройкѣ ведется повидимому дѣятельнѣе, составляются частыя собранія, возникаютъ споры изъ-за мѣста постройки. Одни предлагаютъ на Сейлищѣ, другіе на Еланчичевомъ рынкѣ, предлагаются различныя смѣты, расходы и пр. и пр., и пр., а все до сихъ поръ опредѣленнаго ничего неизвѣстно.

Н. С.

Хорватскій ежедневникъ «Хрватска» по поводу 6 и 14 мая выражается слѣдующимъ образомъ: «Очи всего политическаго свѣта обращены снова къ Москвѣ, гдѣ

теперь находится Царь Всея Россіи. Послѣ многозначущаго указа, который далъ Царь флоту при удаленіи изъ Крыма, вышли на свѣтъ два проявленія, которыя хотя не исходятъ изъ устъ Царя, но весьма важны, потому что, безъ сомнѣнія, сказаны съ его изволенія. Уже вчера мы сообщили привѣтствіе московскаго головы, сказанное царю, когда онъ вступалъ на почву «матушки Москвы», которая въ исторіи русскаго народа исписала много блестящихъ страницъ. Теперь же мы можемъ сообщить слова митрополита Іоанникія, которыми онъ привѣтствовалъ царя, когда тотъ вступалъ въ московскій соборъ... Эти характерныя слова о важномъ значеніи черноморскаго флота, произнесенныя при вратахъ церковныхъ *), въ связи со словами московскаго головы «крѣпнетъ наша вѣра, что крестъ Христовъ засіяетъ на Святой Софіи»—уже откликнулись въ Европѣ и къ нимъ не нужно комментарій.

*) Разрядка подлинника.

Изъ Праги.

(*Корреспонденція*).

Прекращеніе выхода старочешскаго органа «Pokrok».—Изданіе вмѣсто него газеты «Hlas Národa» и ея направленіе.—По поводу статьи: «Воззрѣнія Достоевскаго и Тургенева на русскій народъ» въ иллюстрированной чешской газетѣ «Zlatá Praha».—Мелкія извѣстія.

20-го марта (нов. ст.) прекратилъ свое существованіе старошечскій органъ «Pokrok», какъ говорятъ, по недостаточному числу подписчиковъ, которое будто бы пало въ послѣднее время до 2,000. Конечно, такое число подписчиковъ для ежедневной политической газеты съ вечернимъ и утреннимъ изданіемъ было недостаточно. «Pokrok» не могъ удержаться, не смотря на то, что въ концѣ прошлаго года отъ имени и за подписью старочешскаго клуба взывалъ къ чешскому народу, чтобъ онъ не выписывалъ «Народныхъ Листовъ» младочешскаго органа, какъ всегда и вездѣ вредящихъ интересамъ чешскаго народа, вносящихъ раздоръ въ политику чеховъ. Поводомъ къ такому воззванію послужили надѣлавшіе въ свое время много шуму выборы членовъ пражской городской думы въ декабрѣ прошлаго года. Дѣло въ томъ, что и младочешскій и старочешскій клубы въ «старомъ городѣ «Праги — каждый подавалъ голоса за своихъ кандидатовъ, въ силу чего чешскіе голоса раздѣлились между многими кандидатами и только 3 чеха получили требуемое большинство голосовъ, а остальные 5 изъ получившихъ большинство голосовъ были нѣмцы. При окончательныхъ выборахъ изъ 8 кандидатовъ нужно было избрать 4. При всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, т. е. если бы и старочехи и младочехи сосредоточили свои голоса на 3 чешскихъ кандидатахъ, все таки 1 нѣмецъ долженъ былъ пройти въ число членовъ думы въ «старомъ городѣ» Праги. И вотъ старочехи обвиняли младочеховъ въ томъ, что благодаря имъ, всюду вносящимъ раздоръ, въ городской думѣ будетъ нѣмецъ, ради котораго въ собраніяхъ думы, пожалуй, придется обсуждать дѣла по-нѣмецки. Что же тогда скажетъ чешскій народъ и другіе славяне о *славянской* Прагѣ? Нужно замѣтить, что въ послѣднее время въ числѣ членовъ городскихъ думъ старой и новой частей Праги не было ни одного нѣмца. Года 3—4 тому назадъ, когда бывшій городской голова д-ръ права Черный назвалъ Прагу *славянской*, нѣмцы не вынесли этого, и члены ихъ вышли изъ городской думы.

Младочехи, конечно, обвиняли въ избраніи нѣмца старочеховъ за то, что они не подавали голосовъ за кандидатовъ младочешскаго клуба и совѣтовали при окончательныхъ выборахъ не подавать голоса за нѣмца, въ силу чего онъ не получилъ бы законнаго числа голосовъ и не могъ бы попасть въ члены городской думы, хотя бы по тому же закону изъ 8 указанныхъ кандидатовъ нужно было избрать четырехъ членовъ. Дѣйствительно, такъ и случилось. Нѣмецъ былъ забаллотированъ, и четвертое мѣсто до сего времени остается празднымъ.

Такъ разрѣшилась эта исторія по своимъ прямымъ результатамъ. Но старочешскій клубъ воспользовался ей для того, чтобы обвинять младочеховъ въ измѣнѣ народу и подорвать довѣріе къ органу ихъ, «Народнымъ Листамъ». Но копавшіе яму сами ввалились въ нее. Чешскій народъ

въ цѣломъ своемъ составѣ не такъ глупъ, какъ его считаютъ старочехи. Онъ видитъ, кто защищаетъ его интересы: старочехи ли со своими органами: «Pokrok'омъ», «Politik'ой» и др., или наоборотъ младочехи со своимъ главнымъ органомъ «Народными Листами». Онъ понимаетъ, что тѣ, которые идутъ со «шляхтой», съ клерикалами, братаются съ поляками и мадьярами, ради нихъ бросаютъ грязью въ словаковъ, хорватовъ, отрекаются отъ Россіи, стѣны славянства, что такіе люди не спасутъ чешскаго народа. Онъ понимаетъ, что только благодаря такому сильному славянскому государству, какъ Россія, еще дышутъ малые славянскіе народы и что, не будь ея, ихъ уже давно бы придавили.

Вотъ почему инсинуація старочешскаго клуба на «Народные Листы» не имѣла успѣха. Они не только существуютъ, но пріобрѣтаютъ для себя все больше и больше послѣдователей. Нѣкоторые изъ тѣхъ, которые еще идутъ съ старочешскимъ клубомъ, какъ господствующимъ, всё болѣе и болѣе сознаютъ ложь и безплодность его пути и въ душѣ сочувствуютъ направленію «Народныхъ Листовъ». Что союзъ съ поляками въ рейхсратѣ не сулитъ чехамъ добра, въ этомъ они убѣдились изъ того, что первые согласились допустить на обсужденіе особой коммисіи предложеніе Шаршмида о введеніи нѣмецкаго государственнаго языка въ Австріи, вмѣсто того, чтобы рѣшительно отвергнуть его и поддержать въ этомъ отношеніи чешскій клубъ. Семь лѣтъ чехи до самозабвенія служили полякамъ, поддерживали каждое требованіе послѣднихъ, а когда дошло до помощи чехамъ со стороны поляковъ, послѣдніе измѣнили чехамъ, какъ объ этомъ прямо писали «Народные Листы». Поляки стараются выгородить только свое царство, Галицію, изъ полномочія нѣмецкаго языка, о чемъ они и пишутъ въ своихъ газетахъ. Положимъ, что законъ о нѣмецкомъ государственномъ языкѣ не пройдетъ, но самая исторія съ нимъ ясно показала чехамъ, что на поляковъ плохая надежда.

Словомъ, политика старочешскаго клуба не оказала прогресса, почему и органъ ихъ «Pokrok», что означаетъ «прогрессъ», палъ. Но старочехи еще не пали духомъ. Они задумали издавать новый органъ и подъ новой редакціей, чтобы убѣждать чешскій народъ въ плодотворности своей политики. Для пущей важности они дали ему громкое названіе «Hlas Národa», первый нумеръ котораго вышелъ 21 марта (н. ст.). Разумные люди говорятъ, что шумное названіе «Hlas Národa» не совсѣмъ удобно для органа клуба, который, вопреки истиннымъ интересамъ чешскаго народа, идетъ въ сдѣлку съ кѣмъ угодно, хотя бы съ врагами чешскаго народа и всего славянства, который продаетъ за чечевицу дѣйствительные чешскіе интересы. Свой оппортунизмъ новая газета прекрасно выставляетъ въ своей программѣ, «отыскивать поддержку своему народу *вездѣ*, гдѣ возможно, такъ какъ собственная чешская сила недостаточна для все болѣе и болѣе усиливающагося напора» (нѣмцевъ). Мы не понимаемъ, какъ съ такой оппортунически-эгоистической политикой, въ которой чехи (старочехи) братаются даже съ мадьярами, отчаянными врагами и словаковъ, самыхъ близкихъ чехамъ, и всѣхъ славянъ, — какъ возможно примирить съ такой политикой то восхваленіе себя среди славянства, то «чистое, идеально-высшее положеніе, въ которомъ-де чешскій народъ относится» ко всѣмъ славянамъ «съ одинаковой любовью, не искаженной ни какимъ эгоистическимъ желаніемъ. *Къ сожалѣнію*,—продолжаетъ газета, — *теперь только мы одни стоимъ съ такимъ* чистымъ пониманіемъ славянскаго вопроса, и въ этомъ отношеніи большіе и могущественные славянскіе народы могли бы поучиться у насъ.» (№ 1 «Hlas Národa»).

На такое самовосхваленіе, на такое выставленіе себя въ примѣръ другимъ славянамъ, особенно Россіи, что видно по эпитетамъ: «большіе и могущественные славянскіе народы», на это можно замѣтить словами писанія: «Никто же самъ отъ себе пріемлетъ честь». Хвалить себя всякій можетъ, но нужно добиться того, чтобы другіе похвалили. А въ этомъ отношеніи мы услышимъ совсѣмъ другіе отзывы о старочешской политикѣ. Не только русскіе, но и сербы, и хорваты, и самые близкіе чехамъ словаки обвиняютъ ее въ эгоизмѣ, въ отреченіи отъ славянства ради эфемерныхъ чешскихъ интересовъ. Да и самъ чешскій народъ все болѣе и болѣе перестаетъ вѣрить въ то, что старочехи, дѣлающіе

теперь политику, суть защитники интересовъ чешскаго народа.

Подобно своей сестрѣ «Politik» и умершему предшественнику «Pokrok'у», «Hlas Národa» видитъ свою идеальность и въ отношеніи къ вопросу о болгарскомъ соединеніи въ томъ, что де чехи съ самаго начала стали за объединеніе и что они осуждаютъ эгоистическую политику Россіи, которая сначала защищала status quo ante, а теперь препятствуетъ прекрасному турецко-болгарскому соглашенію. Замѣчательно, какъ въ этомъ отношеніи сходится старочешская печать съ нѣмецко-жидовскими газетами, напр. съ «Bohemia»—главнымъ органомъ богемскихъ нѣмцевъ и жидовъ. Жидовско-нѣмецкая печать теперь уже перемѣнила свой фронтъ. Она уже не стоитъ на сторонѣ разбитой и опозоренной Сербіи противъ Болгаріи и ея покровительницы Россіи. Когда не удалась интрига взять для Сербіи Виддинскій округъ и за эту цѣну доставить возсоединеніе Болгаріи помимо и наперекоръ Россіи, когда не посчастливилось разомъ застрѣлить двухъ зайцевъ, то жидовско-нѣмецкая печать нѣсколько перемѣнила свою тактику. Чисто по-жидовски она прекращаетъ дѣло съ обанкротившейся Сербіей и изо всѣхъ силъ защищаетъ болгарско-турецкое соглашеніе, «самостоятельность и независимость» Болгаріи, конечно, отъ Россіи.

Но другіе разумные чехи со своимъ органомъ «Народные Листы» смотрятъ на турецко-болгарское соглашеніе иначе. Съ самаго начала они по простотѣ сердечной тоже привѣтствовали возсоедиенніе Болгаріи и желали, чтобы Россія поддержала его; но теперь они поняли, куда клонится все это дѣло; они раскусили политику Баттенберга и его партіи; они сказали, что Баттенбергъ слишкомъ далеко зашелъ, что высвобожденіе Болгаріи изъ-подъ вліянія Россіи было бы губительно для всего славянства; оно сдѣлало бы огромный шагъ въ раздѣленіи и безъ того раздѣленнаго славянства, чего всѣми силами и добиваются враги славянства.

Въ чешской иллюстрированной газетѣ «Zlatá Praha» за нынѣшній годъ напечатанъ рядъ статей подъ заглавіемъ: «Возрѣнія Достоевскаго и Тургенева на русскій народъ». Авторъ ихъ является ярымъ западникомъ. Онъ видитъ будущность русскаго народа въ воспитаніи его по западному образцу.

На это надо замѣтить, что уже и въ западной литературѣ замѣчается разочарованіе въ теперешней системѣ образованія. Многіе передовые люди уже перестали вѣрить въ то, что будто одно напичкиваніе учащихся всевозможными знаніями, особенно техническими, размноженіе фабрикъ и заводовъ, чтобы одно это только значило все для человѣчества, чтобы одно это осчастливило его. Нѣтъ! жалобы на испорченность молодаго поколѣнія, на недостатокъ честности и характера, на одряхлѣніе юношества вслѣдствіе преждевременной жизни, эти жалобы все громче и громче раздаются на западѣ. Объ этомъ читаютъ въ университетахъ сами профессора чехи (напр. Массарикъ). Да въ этомъ скоро убѣдится каждый русскій самъ, когда поживетъ на хваленомъ западѣ и поближе вникнетъ въ его жизнь. Подъ видомъ честности, васъ самымъ тонкимъ образомъ обдуваютъ чуть не на каждомъ шагу. Не условившись впередъ въ цѣнѣ, нельзя ничего заказывать или пользоваться какой либо услугой; иначе оберутъ безсовѣстнымъ образомъ. Если на западѣ не крадутъ такъ общественныхъ суммъ, какъ у насъ, то только потому, что люди стали хитрѣе, менѣе довѣряютъ другъ другу, въ силу чего контроль гораздо строже. При нашихъ же условіяхъ растратъ было бы еще больше.

Гуманность, конечно, должна проявляться и въ обращеніи съ животными. Но стоитъ только погулять, напр., по Прагѣ и посмотрѣть на обращеніе съ рабочими лошадьми, чтобы наткнуться на раздирающія сердце картины. При подъемахъ въ гору (Прага лежитъ на холмахъ), особенно въ грязь такъ жестоко бьютъ длинными бичами неповинныхъ животныхъ, падающихъ подъ непосильнымъ возомъ, бьютъ не только по спинѣ, но, что всего возмутительнѣе, по головѣ, какъ никогда у насъ въ городахъ. За грубое обращеніе съ животными у насъ сейчасъ вступается полиція, а если она не обращаетъ на это вниманіе, то проходящая публика защищаетъ безсловесныхъ животныхъ. Въ Прагѣ же полицейскіе смотрятъ на это равнодушно, какъ будто и закона не существуетъ относительно того, что нельзя бить

лошадей по головѣ. Можетъ потому и публика не вступается за нихъ.

Авторъ вышеуказнной статьи выбираетъ изъ произведеній Достоевскаго и особенно Тургенева самыя темныя проявленія въ русскомъ народѣ и на основаніи этого дѣлаетъ выводъ о не высомъ нравственномъ уровнѣ его, о недостаткѣ техническихъ познаній, отсюда о необходимости западной школы для него.

Противъ сообщенія народу техническихъ знаній мы ничего не имѣемъ, но нравственнаго закала не даетъ и теперешняя западная школа, какъ мы выше сказали. По своей прямотѣ, добротѣ, великодушіи русскій народъ стоитъ много выше цивилизованныхъ народовъ запада, какъ свидѣтельствуютъ не только чехи, но и нѣмцы, долго наблюдавшіе русскую жизнь. Авторъ, самъ не изучившій русскій народъ, могъ быть введенъ въ заблужденіе сочиненіями Тургенева и Достоевскаго, проникнутыми пессимизмомъ, какъ вообще и вся русская литература и русскіе люди. Мы пессимисты съ ногъ до головы, а западные люди оптимисты. Русскій человѣкъ привыкъ все свое хаять, будь это отмѣнно хорошо, а западный человѣкъ—нѣмецъ, французъ, чехъ... все свое вос хваляетъ, будь это изъ рукъ вонъ плохо. Конечно, такая самокритика полезна для нравственнаго усовершенствованія, но она вводитъ въ заблужденіе западныхъ людей въ ихъ сужденіяхъ относительно русскаго народа.

Что съ приходомъ теперешней западной цивилизаціи приходитъ къ намъ и нравственное развращеніе, это видно уже изъ того, что въ городахъ и около нихъ, куда скорѣе всего проникаетъ западная культура, народъ испорченнѣе, чѣмъ вдали отъ нихъ.

Въ указанной статьѣ есть и прямо невѣрные факты. Такъ, о православіи, которое будто бы составляетъ высокую отличительную черту русскаго народа, авторъ пишетъ, что русскіе уніаты принимали его или по принужденію или по корыстнымъ разсчетамъ; что латыши и чухны принимаютъ его также по корыстнымъ побужденіямъ. Авторъ, очевидно, не знакомъ съ вопросомъ объ уніи, съ многовѣковой борьбой такъ называемыхъ уніатовъ за свое православіе; не знаетъ и того, что приходилось испытывать, а можетъ и теперь еще приходится, латышамъ и чухонцамъ за обращеніе въ православіе.

Наконецъ авторъ этой статьи пишетъ, что въ Россіи священники не говорятъ проповѣдей (!).

Но да не подумаетъ авторъ, что мы стоимъ противъ образованія народа. Мы стоимъ только противъ западной школы въ ея теперешнемъ видѣ. Мы стоимъ за школу, которая бы, сообщая познанія, давала высокіе нравственные идеалы и развивала бы добрые навыки.

Протипольская рѣчь Бисмарка произвела крайне тяжелое впечатлѣніе на чеховъ. Они мрачно смотрятъ на свою будущность и удивляются, почему до сихъ поръ поляки не стремятся сблизиться съ Россіей. Чехи не могутъ понять того, что поляки продолжаютъ ненавидѣть Россію даже болѣе, чѣмъ Германію, гдѣ прямо говорятъ полякамъ, что ихъ погубятъ окончательно. Послѣ этого поляки еще могутъ писать брошюры, въ которыхъ доказываютъ, что политика Бисмарка для нихъ спасительна; что въ награду за онѣмеченіе прусской Польши Бисмаркъ самъ поможетъ возстановить польское королевство на счетъ Россіи и Австріи. Статья объ этомъ была напечатана въ «Народныхъ Листахъ» (6 марта нов. ст. вечернее изданіе), но была признана нарушающею народное спокойствіе въ Австріи, въ силу чего этотъ нумеръ газеты былъ конфискованъ.

Чехи недовольны корреспонденціями Карловича, напечанными въ петербургскомъ «Краѣ». Въ нихъ, говорятъ и пишутъ чехи, указанный авторъ смотритъ на чеховъ сквозь нѣмецкія очки и черпаетъ свои свѣдѣнія изъ нѣмецкихъ пражскихъ газетъ.

---

2 марта (н. ст.) въ пользу выгнанныхъ изъ Германіи поляковъ былъ устроенъ балъ въ Прагѣ, который далъ 500 гульд. чистаго дохода. Устройствомъ бала завѣдывалъ польскій клубъ «Kolo», въ Прагѣ, а деньги главнымъ образомъ собраны по подпискѣ между чехами.

По послѣднему отчету, чешскій купеческій клубъ въ Прагѣ «Меркуръ» собралъ на раненыхъ сербовъ и болгаръ деньгами

331 гульд. 38 крейц., 417 кусковъ полотна, приготовилъ довольно корпіи. Въ послѣдній разъ пожертвованія были отправлены въ 8 тюкахъ, поровну для обоихъ народовъ. Въ концѣ февраля дальнѣйшій сборъ пожертвованій прекращенъ. Ни о какихъ другихъ сборахъ на этотъ предметъ намъ не приходилось читать, хотя мы и слѣдили за этимъ.

Изъ Бѣлграда.

(Корреспонденція).

Много говорятъ и пишутъ въ иностранныхъ газетахъ о результатѣ послѣднихъ выборовъ въ нашу скупщину. Вѣнскія и пештскія газеты, *дружественно* относящіяся къ Гарашанину и вообще къ напреднякамъ, утверждаютъ, что правительство одержало побѣду на выборахъ 26-го апрѣля, т. е. получило большинство голосовъ въ свою пользу. Понятно, что редакціи вѣнскихъ и пештскихъ газетъ получаютъ свѣдѣнія въ Бѣлградѣ изъ правительственныхъ сферъ. Потому-то въ Пештѣ и въ Вѣнѣ хотятъ, чтобы въ Сербіи постоянно стояли во главѣ правительства «напредняки», ибо никто кромѣ ихъ не можетъ такъ продавать народные интересы чужеземцу, какъ это дѣлаютъ «напредняки».

Но дѣла обстоятъ совсѣмъ не такъ, какъ представляютъ ихъ «напредняки» и ихъ вѣнскіе и пештскіе пріятели. Результатъ выборовъ въ народную скупщину не совсѣмъ-то благопріятенъ для правительства Гарашанина, такъ какъ оппозиція на выборахъ получила большинство въ свою пользу. Не смотря на всѣ беззаконія и сильное давленіе на выборахъ, правительство не могло побѣдить и потерпѣло пораженіе.

Замѣчательно, что Бѣлградъ, столица Сербіи, выбралъ депутатами въ народную скупщину оппозиціонныхъ кандидатовъ. Правительство въ Бѣлградѣ располагаетъ большими средствами, которыя всѣ до одного были пущены въ ходъ, и все таки оно потерпѣло пораженіе.

Замѣчательно и то, что Гарашанинъ потерпѣлъ пораженіе въ родномъ своемъ уѣздѣ—Грочанскомъ. Онъ тамъ употреблялъ неслыханныя насилія и давленіе, тѣмъ не менѣе его кандидатъ провалился на выборахъ, а выбранъ былъ оппозиціонный (либералъ), родомъ изъ села Ритопека, Анта Нешичъ, котораго Гарашанинъ предъ выборами арестовалъ, мучилъ и грозилъ даже убить.

Но какъ смотрѣть на результаты выборовъ? Какъ оцѣнить ихъ настоящее значеніе? Результаты выборовъ есть народный протестъ, во первыхъ, противъ измѣнической австрофильской политики Гарашанина и К°, и во вторыхъ, противъ расточительности и беззаконно-насильственной, чисто янычарской внутренней политики Гарашанина. Напрасно такъ настойчиво старается король Миланъ удержать Гарашанина чтобы тѣмъ угодить Австріи; народъ сербскій не хочетъ дружбы съ Австріей, такъ какъ знаетъ, что она величайшій его врагъ. Если-бы король Миланъ имѣлъ хоть сколько-нибудь ума, то понялъ бы урокъ, данный ему народомъ 26 апрѣля. А результатъ выборовъ въ Бѣлградѣ былъ бы для него самымъ яснымъ *аминемъ*. Бѣлградъ также выразился въ 1858 году противъ Австріи и ея вліянія, какъ и теперь, а тотъ, кто открылъ дверь этому вліянію и содѣйствовалъ распространенію его, долженъ былъ оставить сербскій престолъ. Исторія можетъ повторяться, да она и повторяется вездѣ, гдѣ народъ обладаетъ здравымъ смысломъ и сознаніемъ собственныхъ интересовъ и призванія. Сербскій народъ умѣетъ казнить всякаго измѣнника,—а тотъ, кто служитъ Австріи, въ глазахъ народа измѣнникъ. *Memento mori*, король Миланъ!

Что результаты выборовъ дѣйствительно неблагопріятны правительству, это видно и изъ того, что до сихъ поръ не созвана скупщина. Сами «напредняки» сознаются другъ предъ другомъ, что правительство не можетъ разсчитывать даже на 30 человѣкъ изъ выбранныхъ своихъ депутатовъ. Говорятъ, что Гарашанинъ не явится на скупщину, и что будетъ образовано какое-то военное министерство съ Хорватовичемъ во главѣ, каковое съ обнаженными саблями явится на скупщину и объявитъ ее въ осадномъ положеніи. Еще предполагается поставить пушки вокругъ зданія скупщины, чтобы

можно было бомбардировать его въ случаѣ *непокорности*. Но и это врядъ-ли поможетъ. Если король Миланъ надѣется на армію, что она его поддержитъ въ дальнѣйшей продажѣ Сербіи Австріи, то онъ горько ошибается, ибо сербская армія состоитъ не изъ однихъ только Хорватовичей, Франасовичей, Орѣшковичей и Беничкихъ, а въ ней большинство офицеровъ хотятъ послужить своему отечеству какъ честные сыны Сербіи. Настоящій ребенокъ нашъ король Миланъ, если думаетъ что можетъ постоянно играть огнемъ и не обжечься.

Послѣ выборовъ у насъ настали настоящія времена инквизиціи. Повсюду полицейскія власти арестуютъ, бьютъ и мучатъ народъ за то, что онъ подавалъ голоса и избиралъ оппозиціонныхъ кандидатовъ. Люди отъ насилія оставляютъ дома и семьи и бѣгутъ въ горы. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что уже убито 4 полицейскихъ чиновника. Зло перешло всякую границу. Въ то время какъ я пишу вамъ эти строки, изъ Бѣлграда отправляется отрядъ вооруженныхъ жандармовъ въ Чачинскій округъ, такъ какъ тамъ народъ взбунтовался.

И на чиновниковъ правительство воздвигло гоненіе, а все за то, что они подавали голоса за оппозиціонныхъ кандидатовъ. Нѣсколько преподавателей гимназіи сдѣланы почтовыми кондукторами. Живоинъ Іовичичъ, протоіерей, преподаватель семинаріи, бывшій студентъ Кіевской духовной академіи, переведенъ преподавателемъ въ Княжевацкую прогимназію; Сима Живковичъ, директоръ гимназіи въ Крагуевцѣ, переведенъ преподавателемъ въ прогимназію во Враньѣ; архимандритъ Никифоръ Дучичъ, библіотекарь народной библіотеки и товарищъ предсѣдателя апелляціонной консисторіи, уволенъ отъ службы на основаніи § 76 закона о чиновникахъ и «*въ интересъ государственной службы*». Архимандритъ Дучичъ родомъ герцеговинецъ и прибылъ въ Сербію по приглашенію князя Михаила. Онъ боролся, какъ герой, въ герцеговинскомъ возстаніи 1862 года, а потомъ, когда война перешла въ Черногорію, сражался вмѣстѣ съ черногорскими витязями противъ турокъ. Въ обѣ наши войны за свободу и независимость 1876 и 1877 — 78 годовъ онъ геройски сражался какъ начальникъ отряда добровольцевъ.

Дучичъ пріобрѣлъ извѣстность и на литературномъ поприщѣ. Онъ работаетъ болѣе тридцати лѣтъ на полѣ народныхъ сербскихъ интересовъ и оказалъ много услугъ сербскому народу. Но такъ какъ 26 апрѣля онъ подалъ голосъ за оппозиціоннаго кандидата, то и уволенъ отъ службы. Кто не служитъ интересамъ «напредняковъ», кто не хочетъ поддерживать ихъ и помогать имъ, тотъ, будь хоть разпатріотомъ, непремѣнно понесетъ наказаніе. «Напредняки» не знаютъ, что такое любовь къ отечеству, они знаютъ только любовь къ партіи. Естественно, что ни одинъ патріотъ и честный человѣкъ не можетъ служить «напреднякамъ», ибо не можетъ быть измѣнникомъ своей родинѣ и своему народу.

Ненависть «напредняковъ» простирается и на сербское ученое общество. Теперешній министръ народнаго просвѣщенія Миланъ Куюнджичъ-Абердаръ, извѣстный своей безнравственной и легкомысленной жизнью, своими *скандалами*, учиненными имъ въ Римѣ, гдѣ онъ былъ жалкимъ сербскимъ посланникомъ и предметомъ насмѣшекъ населенія итальянской столицы, задумалъ уничтожить сербское ученое общество, такъ какъ большинство членовъ его — либералы и управленіе дѣлами общества находится въ ихъ же рукахъ. Это показываетъ, что большинство сербской интеллигенціи — либералы, а это ясно говоритъ противъ «напредняковъ» и бросаетъ на нихъ невыгодную тѣнь, почему они и хотятъ это общество «онапреднячить», закрывъ его, а потомъ назначивъ въ него членовъ королевскимъ указомъ. Сербское ученое общество и потому еще ненавистно имъ, что устраивало панихиду по покойномъ Аксаковѣ, такъ что тогда еще поговаривали, что оно будетъ закрыто. Секретарь ученаго общества Іованъ Бошковичъ, профессоръ великой школы, лишенъ трехмѣсячнаго жалованья, хотя, какъ профессоръ, ни въ чемъ не провинился, но вѣдь онъ секретарь ученаго общества и 26 апрѣля подавалъ голосъ за оппозиціоннаго кандидата.

У нашего короля и у его перваго министра Гарашанина появилась одна опасная болѣзнь, выражаясь по-нѣмецки —

«Grosse-Wahn». У Гарашанина его болѣзнь очевидна. Теперешній министръ финансовъ г. Чедомиръ Міятовичъ, фантастическій историкъ, легкомысленный дипломатъ и расточительный финансистъ, извѣстный пріятель союза съ Австріей и продолженія несчастной политики Бранковича, написалъ «*историческій этюдъ*», который скоро выйдетъ въ свѣтъ; въ этомъ этюдѣ онъ доказываетъ, что теперешній король Миланъ и королева Наталія ведутъ свой родъ отъ Балшичей. Гм! Катарджи и Кешко и Балшичи-Цинцары, армяне и сербскіе вельможи! Какова иронія! Но бумага все терпитъ. Но еще худшая иронія, что Гарашанинъ стремится къ почестямъ. Ему хочется получить титулъ *князя*. Говорятъ, что ему было обѣщано это, когда войдетъ побѣдоносно въ Софію, но роковая Сливница погубила эту его надежду. Д-ръ Драгиша Станоевичъ помѣстилъ въ одномъ здѣшнемъ журналѣ нѣсколько статей, доказывающихъ ничтожество Гарашанина во всѣхъ отношеніяхъ, даже и въ семейномъ; онъ доказываетъ, что Гарашанинъ родомъ цыганъ. Между тѣмъ это не новость, это убѣжденіе живетъ въ народномъ преданіи и самая наружность Гарашанина выдаетъ его происхожденіе; Гарашанинъ долженъ былъ проглотить эту горькую пилюлю. Напрасно карликъ старается взобраться на высоту.

Въ нашей церкви множится соблазнъ. Никаноръ Ружичичъ, ректоръ семинаріи, показалъ себя измѣнникомъ святому завѣту—онъ принятъ и поставленъ лже-епископомъ въ Нишской епархіи. Я вамъ давно писалъ объ этомъ человѣкѣ, что онъ измѣнилъ своему законному архипастырю и нарушилъ церковные каноны. Теперь онъ далъ объясненіе министру народнаго просвѣщенія Куюнджичу и говоритъ въ этомъ объясненіи, что признаетъ каноничнымъ теперешнее положеніе сербской церкви, а всѣ прежнія свои дѣянія считаетъ безсознательными, ибо не зналъ тогда, будто бы, что дѣлалъ. Говорятъ, что много полученныхъ отъ митрополита Михаила писемъ онъ передалъ правительству. Вошелъ дьяволъ въ Іуду и тотъ соблазнился сребренниками и выдалъ своего учителя, но зато потомъ и самъ удавился. Ружичичъ очень злоупотреблялъ своею властью, когда былъ ректоромъ семинаріи. Его уличили въ безнравственныхъ дѣяніяхъ. Чтобы избавиться отъ отвѣтственности, онъ вступилъ въ дьявольскій хороводъ, вошелъ въ совѣтъ нечестивыхъ. Можетъ красть и отнимать и творить всякія беззаконія и злочинства, какъ напреднякъ, вполнѣ безнаказанно. «*Напредняштво*» по истинѣ настоящее «*refugium peccatorum*». **Ж.**

25 мая 1886 г.

Письмо въ Редакцію.

Милостивый Государь!

Въ 4—5 № Вашего уважаемаго журнала помѣщена корреспонденція изъ Праги, въ которой почтена короткою замѣткою между прочимъ и моя статья «Наша новѣйшая литература Кирилло-Меѳодіевская» напечатанная въ октябрьской книжкѣ Athenae'а чешскаго (а не въ ноябрьской, какъ написано въ Вашемъ журналѣ стр. 217). Уважаемый пражскій корреспондентъ Вашего журнала излагалъ мою статью такъ, какъ бы я совершенно соглашался и сочувствовалъ католическо-клерикальному направленію нашей новѣйшей, т. е. *чешской* новѣйшей литературы Кирилло-Меѳодіевской. Противъ этого долженъ я протестовать. Вся моя статья только полемика противъ нашихъ, т. е. чешскихъ писателей по Кирилло-Меѳодіевскому вопросу изъ лагеря католическаго духовенства. Признаюсь, я не могу не признавать литературную дѣятельность нѣкоторыхъ русскихъ профессоровъ, напр. А. С. Будиловича по этому вопросу тенденціозною, но я—уже apriori, какъ протестантъ—не ближе къ католическому направленію. И я въ моей статьѣ доказываю, что Римъ и его дѣятели «всегда стремились вытравить славянское богослуженіе».

Самое большое число читателей весьма уважаемаго Вашего журнала не читаетъ чешскаго Athenae'а и потому изъ Вашей корреспонденціи плохо бы могло понять мою статью. Какъ человѣкъ начинающій ученую свою дѣлательность по славяновѣдѣнію, я не желаю, чтобы люди, занимающіеся такими вопросами, считали меня принадлежащимъ къ лагерю поборниковъ западнаго католическаго панславизма и прошу покорно, чтобы Вы изволили въ Вашемъ

журналѣ напечатать мой протестъ противъ отзыва Вашего пражскаго корреспондента.

Впрочемъ, долженъ я еще замѣтить, что я не старался обозрѣть въ моей статьѣ *всю* новѣйшую Кирилло-Меѳодіевскую литературу, но только нашу *чешскую*.

Имѣю честь быть Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Юрій Поливка.

Прага 28-го іюня 1886 г.

Къ статистикѣ Босніи и Герцеговины*).

Недавно вышла статистика мѣстъ и жителей въ Босніи и Герцеговинѣ; книга интересна и, въ виду полнаго незнакомства, даже въ ученыхъ кругахъ, съ этими областями—поучительна.

Боснія и Герцеговина имѣетъ пространства 9799 квадратныхъ миль, считаетъ 77 городовъ, 31 мѣстечко, 5261 деревню, 215,429 домовъ и 226,699 зданій.

Примитивная степень народнаго хозяйства высказывается въ томъ, что каждая семья имѣетъ свой домъ. Жителей насчитывается 1.336,091 душа, а именно мужчинъ 705,025, а женщинъ 631,066. Число жителей мужскаго пола значительно преобладаетъ въ каждомъ округѣ.

Мужчинъ способныхъ носить оружіе нас читываютъ 200,000, чѣмъ объясняется тотъ отпоръ, который народоселеніе могло оказывать нелюбимымъ властямъ.

Если распредѣлить народонаселеніе по вѣроисповѣданію, то окажется слѣдующее: православныхъ 571,250 (42,75 проц.) магометанъ 492,710 (36,88 проц.) католиковъ 265,788 (19,89 проц.) и евреевъ 5,805 (0,44 проц.)

Магометане живутъ въ средней части области, православные на сѣверѣ и въ сосѣдствѣ съ Черногоріей и Сербіей, католики живутъ въ сосѣдствѣ съ Далмаціей и Славоніей.

*) Въ виду поднятаго вопроса объ окончательномъ присоединеніи Босніи и Герцеговины къ Австріи считаемъ не лишнимъ превести статистическія данныя объ этихъ провинціяхъ, заимствуемыя нами изъ чешскихъ «Народныхъ Листов.»

Болѣе третьей части народоселенія женаты, вдовыхъ 72,272 и разводныхъ 871.

По призванію распредѣляются жители такъ: духовныхъ 2,271, государственныхъ чиновниковъ 1,239, общественныхъ и другихъ чиновниковъ 347, учителей 498, докторовъ 88, дворянъ (беговъ и ага) 8,162. землевладѣльцевъ 117,466, кметовъ*) 197, 833, владѣльцевъ домовъ и реттъ 7,610 фабрикантовъ, купцовъ и ремесленниковъ 15,454, рабочихъ, поденщиковъ и слугъ 34,268.

Самыя населенныя мѣста слѣдующія: Сараево 26,268 жителей, Мостаръ 12,665, Баньялука 11,357 Бѣлина 7,807, Нижняя-Тузла 7,189.

Изъ культурной статистики приведемъ только школы. Государственныхъ и общественныхъ насчитываютъ 671, православныхъ 59, католическихъ 27, магометанскихъ 760 и еврейскихъ 13.

Въ прибавленіе къ статистикѣ приведемъ слѣдующія числовыя данныя: лѣсопильныхъ заводовъ 93, фабрикъ 87, винокуренныхъ заводовъ 2,900, пивоваренныхъ 9, мельницъ 10,490, известковыхъ печей 165, кирпичныхъ заводовъ 41, каменоломень 146.

Далѣе 17 теплыхъ и 23 цѣлебныхъ, и 38 минеральныхъ источниковъ. Металлы добываются въ 61 мѣстности, уголь въ 34, и соль въ 3 мѣстностяхъ.

Сербы въ Лужицѣ.

(Переведено изъ Parlamentär'a изъ № 20).

Послѣ кошубовъ, у которыхъ почти и признаковъ нѣтъ славяно-національной жизни, лужицкіе сербы самое незначительное изъ славянскихъ племенъ. Почти тысячу лѣтъ будучи лишены всякой политической самостоятельности, не достигая еще и цифры 20,000 душъ, естественно должны были мы по этому отречься какъ славянское племя отъ желанія играть какую-либо политическую роль. Наша политика — политика нѣмецкаго государства, и сербы не

*) Кметомъ, въ Босніи называется крестьянинъ, который живетъ на чужой землѣ и въ чужомъ домѣ.

разъ доказали это такъ, что ихъ причисляютъ къ вѣрнѣйшимъ подданнымъ королей саксонскаго и прусскаго. Но при всемъ этомъ мы твердо держимся нравовъ и обычаевъ нашихъ отцевъ и мы не позволимъ отнять у насъ нашего милаго отцевскаго славянскаго языка, но стремимся всѣми дозволенными закономъ средствами къ тому, чтобы удержать по крайней мѣрѣ дома, въ церкви и школѣ сербскій языкъ. Такъ какъ эта цѣль у насъ, составляющихъ, такъ сказать, только небольшой славянскій островокъ въ великомъ морѣ германства, волны котораго омываютъ насъ со всѣхъ сторонъ, достигается несравненно труднѣе и только съ гораздо большими усиліями, чѣмъ у всѣхъ другихъ, по численности даже превосходящихъ насъ славянскихъ племенъ, потому и наши національныя учрежденія заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Первое и важнѣйшее изъ нихъ есть основанное въ 184⁶|₇ году съ соизволенія королевскихъ саксонскаго и прусскаго правительствъ сербское литературное общество «Мачица Сербска» въ Будишинѣ.

Съ 1872 года пользуется она въ качествѣ признаннаго общества съ ограниченной правоспособностью правами юридическаго лица съ мѣстопребываніемъ въ Будишинѣ, духовномъ центрѣ сербовъ вообще и верхне-лужицкихъ сербовъ въ частности и имѣетъ своею цѣлью изданіемъ общедоступныхъ и научныхъ сербскихъ произведеній и одного научнаго временника заботиться по мѣрѣ силъ о сербскомъ народномъ образованіи. Членами общества «Мачицы Сербскеје» могутъ быть и не сербы и иностранцы въ качествѣ чрезвычайныхъ членовъ. Годовой взносъ—4 марки=2 рубля серебромъ. Другихъ обязанностей сочлены общества могутъ совсѣмъ не принимать на себя, но пользуются правомъ безплатно получать по крайней мѣрѣ одинъ экземпляръ общественнаго временника того года, за который они сдѣлали членскій взносъ. Общее обычное собраніе общества происходитъ ежегодно въ среду послѣ Пасхи въ Будишинѣ.

Послѣднему общему собранію нашего общества «Мачица Сербска», о которомъ я хочу вамъ ниже сдѣлать сообщеніе, благопріятствовала прекрасная весенняя и праздничная погода и потому на немъ было, сверхъ обыкновенія, много посѣтителей. Присутствовало 74 члена и гостя, между которыми много нижне-лужицкихъ сербовъ, одинъ даже изъ Берлина и изъ-за границы, двое учащихся въ Лейпцигѣ поляковъ и вашъ землякъ Людвигъ Куба изъ Подѣбрадъ въ Чехіи, который, не смотря на свою молодость, пріобрѣлъ уже имя въ славянскомъ свѣтѣ изданіемъ своимъ «Слованство ве своіх зпѣвех», въ которомъ онъ и нашимъ верхне и нижне-лужицкимъ народнымъ пѣснямъ посвятилъ двѣ тетради.

Въ своей привѣтственной рѣчи предсѣдатель общества, извѣстный въ болѣе отдаленныхъ славянскихъ кругахъ, г. пасторъ Михаилъ Горникъ въ Будишинѣ, припомнилъ, какъ на томъ-же самомъ мѣстѣ происходило 40 лѣтъ тому назадъ первое собраніе сербскихъ патріотовъ съ цѣлью основанія Матицы, и представилъ при этомъ отчетъ о дѣятельности общества въ истекшемъ 39 году его существованія. Въ пяти засѣданіяхъ представительство и выборъ Мачицы дѣятельно старались споспѣшествовать по силамъ цѣлямъ общества; ихъ совѣщанія преимущественно имѣли цѣлью упорядоченіе дѣлъ общественнаго имущества, которое было пріобрѣтено обществомъ покупкою 10 лѣтъ тому назадъ съ цѣлью возведенія сербско-національнаго музея. Если вы мнѣ позволите это, я возвращусь подробнѣе въ отдѣльномъ письмѣ и къ этому общественному дому. Что касается литературной дѣятельности общества, то оно въ прошломъ году издало 2 выпуска общественнаго журнала «Часопис Мачицы Сербскеје», въ которомъ мы находимъ работы гг. М. Горника, который состоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и редакторомъ этого выдающагося временника, Косыка, д-ра Муки, проф. д-ра Пфуля, Радысерба (Вели) и Вѣлана. Особенный интересъ представляетъ этотъ годовой выпускъ потому, что въ немъ продолжается объемистый трудъ сербской статистики нашего преданнаго и усидчиваго писателя д-ра Муки. «Часопис Мачицы Сербскеје», приведя въ 1884 г. статистику нижне-лужицкихъ сербовъ, въ 1885 году дастъ «Статистику верхне-лужицкихъ сербовъ въ королевствѣ прусскомъ»; окончаніе этой работы представляетъ теперь «Статистика верхне-лужицкихъ сербовъ въ королевствѣ Саксонскомъ» въ только-что вышедшей 1886

году Часописи, которая вслѣдствіе большаго объема этой работы, появилась въ двойномъ объемѣ. Этотъ выдающійся, съ дѣйствительно пчелинымъ прилежаніемъ собранный, совершенно спеціальный трудъ сербской статистики горячо слѣдуетъ рекомендовать каждому другу славянства. Къ 1886 году Часописи Мачицы Сербскеје приложена раскрашенная, тѣмъ-же д-ромъ Мукой приготовленная, карта сербскихъ Верхней и Нижней Лужицъ, которая въ отдѣльной продажѣ стоитъ 75 пфенниговъ.—Далѣе общество издало въ истекшемъ году: разсказъ для народа, народный календарь «Пшедженак» (Прѧдєнакъ = прядунъ) въ 6000 экземплярахъ и великолѣпное собраніе хоровыхъ пѣсенъ для 4 мужскихъ голосовъ единственнаго значительнаго сербскаго композитора Коцора.

«Мачица Сербска» владѣетъ богатой сербославянской библіотекой, которая, какъ видно изъ годоваго отчета библіотекаря, господина старшаго учителя Фидлера, увеличилась въ прошедшемъ году на 98 нумеровъ, между которыми 63 нумера такихъ научныхъ обществъ и учрежденій, съ которыми Мачица обмѣнивается изданіями. Какъ благотворно дѣйствуетъ наше общество на сербское народное образованіе, ясно изъ того, что оно въ теченіе прошлаго года изъ своего книжнаго склада распространило въ народѣ 7764 экземпляра своихъ изданій. Касса общества имѣетъ дохода 2413 марокъ, а расхода 2364 и кромѣ того владѣетъ имуществомъ въ 2893 марки. Сборъ на возведеніе сербскаго народнаго дома (народнаго музея) принесъ въ прошедшемъ году 1226 марокъ и составляемъ вмѣстѣ съ прежними 4075 марокъ. Самъ принадлежащій обществу участокъ далъ чистаго дохода болѣе 400 марокъ. Такъ какъ на этомъ участкѣ, который въ свое время былъ купленъ за 60000 марокъ, находится еще значительная часть долга, то и было рѣшено вышеуказанныя пожертвованія 4000 марокъ употребить на его погашеніе, послѣ чего все еще осталось подъ залогомъ дома на участкѣ 39000 марокъ. При печальномъ народномъ положеніи въ Нижней Лужицѣ дѣйствительно благодѣтельно дѣйствіе лѣтъ 6 существующаго нижнелужицкаго отдѣленія «Мачицы Сербской», которая поставила себѣ задачей помогать по мѣрѣ силъ большой духовной и особенно церковной нуждѣ среди нижнелужичскихъ сербовъ. И это отдѣленіе, имущество котораго не превышаетъ 300 марокъ, издало въ прошломъ году тетрадь сербскихъ пѣсенъ и распространило среди народа около 1000 своихъ изданій.

По окончаніи годовыхъ отчетовъ послѣдовали нѣкоторыя свободныя предложенія, при которыхъ явились нѣкоторыя просьбы помочь въ томъ или другомъ отношеніи. Наша милая «Мачица» охотно помогаетъ, гдѣ только и какъ только можетъ, и охотно желала бы исполнить каждую обращенную къ ней просьбу, но ея средства очень ограничены.

Въ теченіе года общество пріобрѣло 7 новыхъ членовъ, а именно 2 верхнелужичскихъ и 2 нижнелужичскихъ сербовъ, 1 чеха, 1 словака и 1 поляка, а во время засѣданія приняло 6 верхнелужичскихъ сербовъ и 1 чеха.—Не могу закончить этого извѣстія безъ обращенія къ сердцамъ нашихъ славянскихъ братьевъ. Нашъ народъ слишкомъ бѣденъ и слишкомъ малъ, чтобы помогать себѣ изъ собственныхъ средствъ въ крайнихъ духовныхъ нуждахъ, которыя господствуютъ между сербами. О если бы только соплеменные намъ славяне, сербы, болгары, словенцы, хорваты, русскіе, особенно сосѣдній намъ чешскій народъ теплѣе взялись за поддержку нашего народнаго учрежденія и особенно чаще стали бы приступать къ нашему литературному обществу, нашей «Мачицѣ Сербской»! Вѣдь жертва, которой обусловлено вступленіе въ это общество, очень незначительна, такъ какъ годовой взносъ равняется только 4 маркамъ или 2 гульденамъ. Деньги прямо можно посылать только по слѣдующему адресу: An der Verein Maćica Serbska in Bautzen, Königreich Sachsen. Желающіе что либо пожертвовать на Мачицу Сербскую въ Россіи могутъ присылать свои пожертвованія на имя г. Вильгельма Богуславскаго (Петербургъ, у Аларчина моста, д. 176); или въ редакціи «Края» (Kraja) въ Петербургѣ, а въ Варшавѣ въ редакцію «Тыгодника Иллюстрованего» (Tygodnika Illustrowanego). Адресъ общественнаго казначея слѣдующій: Kaufmann M. Mörbe, Bau-

tzen, Königreich Sachsen. За отвѣтомъ относительно вопросовъ, касающихся общества, слѣдуетъ обращаться по адресу: M. Hornik, Bautzen, Königreich Sachsen. Адресы отправляемые сюда, должны быть написаны непремѣнно *по нѣмецки*.

Янъ Б. Шолта.

Лужица 5 мая 1886 г.

Чехи и лужичскіе сербы.

Въ № 25. Parlamäntär'ä находимъ новую корреспонденцію г. Яна Б. Шолты, посвященную на этотъ разъ вопросу о воздѣйствіи на лужичанъ чеховъ. Считаемъ не лишнимъ познакомить съ нею нашихъ читателей, въ виду важности этого воздѣйствія въ вопросѣ существованія небольшаго, окруженнаго со всѣхъ сторонъ всепожирающимъ нѣмечествомъ, славянскаго племени, симпатичнаго и по истинѣ достойнаго удивленія по тѣмъ громаднымъ усиліямъ, которыя дѣлаетъ оно при всей своей слабости и при всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ къ сохраненію своей народности, своихъ славянскихъ чертъ, которыя связываютъ его съ остальнымъ славянствомъ.

Сказавъ по поводу недавно появившейся въ продажѣ въ коммиссіи Марка Смоляра въ Будишинѣ (адресъ An des Commission des Herrn Marko Schmaler in Bautzen), книжка І. Г. Ренча «Исторія церкви и прихода Кетлицъ» о распространеніи въ Лужицахъ христіанства чешскими миссіонерами, изъ извѣстнаго Созаво-Еммаузскаго монастыря, г. Шолта говоритъ слѣдующее о воздѣйствіи чеховъ на лужичанъ.

«Во всякомъ случаѣ, можно или нельзя доказать того, что первые проповѣдники христіанства пришли къ намъ изъ Чехіи, не подлежитъ сомнѣнію то, что воздѣйствіе Чехіи весьма замѣтно какъ на наши церковныя дѣла, такъ и вообще на все наше культурное развитіе, безпрерывно въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ. Я припомню только о вліяніи самой чешской библіи на древнѣйшіе сербскіе переводы ея. Взаимныя отношенія между нашими и чешскими церковными пѣснями также можно не рѣдко доказать. Какъ старѣйшіе сербскіе грамматики уже брали за образецъ чешскихъ, такъ и въ новѣйшее время составитель такого труда Либшъ *) (для своего «Syntax der serbischen Sprache in der Oberlausitz» взялъ въ образецъ «Млувницу языка словенскѣго» Гатталы. Подобнымъ-же образомъ проф. д-ръ Пфуль свой большой «Лужиски сербски словник» **), обработанный въ сообществѣ съ Горникомъ и Цейлеремъ († 1872), расположилъ по составляющему эпоху Юнгманову.

Можно утверждать, что весь новѣйшій періодъ развитія, какъ и расцвѣта нашей маленькой литературы идетъ рука объ руку съ усиленіемъ народной идеи въ Чехіи съ начала 40-хъ годовъ. Многіе выдающіеся ученые и чешскіе патріоты поддерживали въ то время сношенія со своими единомышленниками въ Лужицахъ и такимъ способомъ возбудили въ нѣкоторыхъ молодыхъ сербахъ народное самосознаніе и любовь къ своему материнскому языку. Два года тому назадъ умершій вождь лужичскихъ сербовъ и Несторъ сербской литературы, нашъ незабвенный Янъ Арностъ Смоляръ получилъ первое и главнѣйшее побужденіе къ своей, послѣдствіи настолько плодоносной дѣятельности въ области славянской филологіи и публицистики, еще будучи студентомъ въ Бреславлѣ со стороны профессоровъ Пуркини и Челяковскаго. Въ ежедневныхъ интимныхъ сношеніяхъ съ обоими названными чешскими учеными, имѣлъ Смоляръ случай основательно познакомиться съ направленіемъ Матицы чешской въ Прагѣ. По уставу этого общества предложилъ онъ, по возвращеніи сюда, къ отношеніямъ своей родины приспособленный уставъ, на основаніи котораго и явилась къ жизни «Мачица Сербска» въ Будышинѣ. — Пѣвецъ «Слàвы дцери» вызвалъ у насъ прекраснѣйшій отголосокъ въ нашемъ въ 1872

---

*) См. о немъ «Изв.» 1884, IV, 37. Н. Ш.

**) Пользуюсь счастливымъ случаемъ, указать на превосходныя во всѣхъ отношеніяхъ достоинства этого неоцѣнимаго труда. Полное заглавіе его: Lužiski Serbski Slownik. Spisał a pod sobuskutkowanjow H- Seilerja a E. Hórnika wudał Dr. Pful. W. Budyšinje 1886 г. 8° стр. VII—XXXVI+1—1210. Стоитъ онъ 12 марокъ. Выписывать можно черезъ казначея Матицы Сербской. Адресъ: *Herrn Kaufmann Mörbc in Bautzen. Saxe, Allemagne.* Н. Ш.

году удалившемся отъ земли, но безсмертномъ Зейлерѣ, этомъ отмѣченномъ перстомъ Божьимъ поэтѣ, котораго мы охотно называемъ «нашимъ Шиллеромъ», и которымъ можетъ гордиться каждая культурная народность. Для изданія сочиненій Зейлеря (Handrija Zejlerja zhromadźene spisy), которыхъ до настоящаго времени вышло 2 томика *) оказали вновь большія услуги чешское искусство и чешское меценатство, такъ какъ чехъ Примусъ Соботка отгравировалъ на свой счетъ по фотографіи портретъ Зейлеря и безвозмездно передалъ клише для приложенія къ I тому сочиненій изображенія поэта. Точно также и богатое сокровище чешской литературы не разъ служило источникомъ для гораздо болѣе бѣдной сербской. Различные годы «Лужичана», представляютъ множество доказательствъ этого. Въ чистенькомъ изданіи появился нѣсколько времени тому назадъ и удачный переводъ прелестнаго разсказа «Бабичка» чешской писательницы, Божены Нѣмцовой, подъ заглавіемъ «Наша вовка» **).—Съ чешской стороны, какъ переводчики съ сербскаго, выдавались; Вымазалъ, Елинекъ и покойный Р. Доуха.

Разъ заговоривъ о всестороннемъ воздѣйствіи, которое оказала на все наше культурное развитіе сосѣдняя Чехія, я не могу не упомянуть учрежденія, которое оказало особенныя заслуги поддержанію нашей народности: это сербская католическая богословская семинарія въ Прагѣ. При сравненіи сербовъ лютеранскаго и католическаго вѣроисповѣданія (большинство 150,000 сербскихъ лютеранъ противостоитъ 12,000 католикамъ), уже на первый взглядъ оказывается, что послѣдніе тверже держатся народныхъ нравовъ и обычаевъ, чѣмъ первые. Католики—сербы раздѣляются на 7 приходовъ: Будышинъ, Хросчицы, Небельчицы, Радворъ, Кальбицы и Вотровъ въ саксонскихъ и Куловъ (Wittichenau) въ прусскихъ Верхнихъ Лужицахъ. Съ точки зрѣнія народныхъ особенностей, напримѣръ, въ народной одеждѣ, по крайней мѣрѣ что касается женщинъ, — во всѣхъ этихъ приходахъ до сихъ поръ менѣе всего порчи. Тогда какъ во всѣхъ лютеранскихъ сербскихъ церквахъ совершается богослуженіе на двухъ языкахъ, ни въ одномъ католическомъ приходскомъ костелѣ и однажды въ годъ не говорятъ проповѣди по нѣмецки.

Но что католическіе сербы крѣпче держатся своей народности, это по большей части слѣдуетъ приписать вліянію клира. Тогда какъ лютеранскіе сербскіе богословы получаютъ свое образованіе въ нѣмецкихъ гимназіяхъ и университетахъ, молодые сербскіе духовники-католики выходятъ почти исключительно изъ сербской богословской семинаріи въ Прагѣ. Постоянное вращаніе съ родственными чехами, естественно, должно оказывать свое вліяніе и въ томъ направленіи, что сербскіе юноши учатся любить свой славянскій языкъ и народность.

Основателями сербской семинаріи въ Прагѣ были два брата Мерчинъ (Мартинъ) и Юрій Шимонъ изъ Чемерецъ (Temmritz), деревушки близъ Будишина. Юрій Шимонъ былъ *cand. cap.* senior деканата въ Будишинѣ, когда его братъ Мерчинъ, будучи капланомъ у кармелитокъ въ Прагѣ имѣлъ случай посѣтить такъ благословенно дѣйствующее архіепископское учрежденіе, которое существовало тогда для молодыхъ чешскихъ богослововъ. Тотчасъ явилась въ немъ мысль основать въ сообществѣ съ своимъ братомъ Юріемъ подобное учрежденіе, въ которомъ доставлялась бы не имѣющимъ средствъ молодымъ католическимъ сербамъ возможность приготовляться къ духовному призванію. Но такъ какъ приведенію этой мысли въ исполненіе въ Саксоніи представлялись непреодолимыя препятствія, то и рѣшились оба брата основать это учрежденіе въ Чехіи. Мерчинъ скоро послѣ этого умеръ, поручивъ все свое имущество младшему брату. Тогда взялъ это дѣло въ руки самъ Юрій. Послѣ многихъ трудностей и непріятностей удалось ему наконецъ въ 1704 году купить у Пражской городской думы на маленькой сторонѣ мѣсто для постройки. Быстро возвелъ онъ здѣсь скромное зданіе, въ которое были приняты нѣкоторые молодые сербы, выказывавшіе влеченіе къ духовному призванію. Но зданіе оказалось очень мало и узко. Когда поэтому въ 1716 году представился слу-

*) Можно выписывать изъ администраціи «Łužicy», по 4 марки брошюрованный и по 5 марокъ въ роскошномъ переплетѣ. Адресъ: Lehrer Adolf Sommer, Bautzen, Sachsen. H. III.

**) Недавно вышелъ и нѣмецкій переводъ «Бабички» въ Лейпцигѣ.

чай купить рядомъ большій кусокъ земли, Юрій пріобрѣлъ и этотъ и построилъ большой домъ для своего учрежденія, которое онъ назвалъ «сербскою семинаріей». Онъ былъ первымъ ректоромъ этой семинаріи. Подъ его руководствомъ процвѣтало юное учрежденіе; въ 1728 году въ немъ было уже 19 студентовъ. Въ слѣдующемъ году умеръ Юрій Шимонъ, его учрежденіе благотворно дѣйствуетъ еще и по настоящее время. Такъ какъ въ Саксоніи нѣтъ католическаго богословскаго факультета, то въ сербскую семинарію въ Прагѣ принимаются пансіонерами и саксонскіе нѣмцы, которые посвящаютъ себя католическому богословію. Чтобы и юноши-нѣмцы изъ саксонскихъ земель могли быть принимаемы сюда, выхлопоталъ въ свое время апостолическій викарій еп. Мауерманъ, чтобы учрежденію ежегодно выдавалось изъ государственной кассы пособіе въ 400 талеровъ, которые сохранены саксонскимъ министерствомъ и сословіями и до настоящаго времени. Учрежденный братьями основной капиталъ приращеніями, которыя онъ получилъ съ теченіемъ времени отъ пожертвованій отдѣльныхъ сербскихъ благодѣтелей и между другими и чешскаго графа Краковскаго изъ Коловрата, образовалъ желѣзный фондъ доходовъ, который не можетъ быть переведенъ въ Саксонію. Оттого и пользуется учрежденіе нѣкоторыми преимуществами какъ со стороны австрійскаго правительства, такъ и со стороны чешскихъ краевыхъ и пражскихъ государственныхъ судовъ. Надзоръ надъ семинаріей съ самаго начала до послѣдняго времени принадлежитъ Будышинской консисторіи. Ректоромъ учрежденія въ настоящее время состоитъ г. Я. Лусчанскій, который въ свое время назначенъ былъ княземъ-кардиналомъ Шварценбергомъ въ епископскіе нотаріи.

Такимъ образомъ, какъ благодаря великодушному отчизническому дару братьевъ Шимоновъ сдѣлалось возможнымъ и не имѣющимъ средствъ сербскимъ юношамъ посвятить себя изученію богословія, такъ далѣе старались дать имъ и случай къ образованію на своемъ материнскомъ языкѣ. Уже престарѣлый чешскій патріархъ Добровскій заботился о томъ, чтобы сербскіе семинаристы получали образованіе на сербскомъ языкѣ.

Въ октябрѣ 1846 года, съ согласія духовныхъ властей, основалось въ сербской семинаріи домашнее общество подъ именемъ «Сербовка», которое и поставлено было подъ наблюденіемъ Вячеслава Ганки. По принятому тогда уставу, который въ общихъ чертахъ существуетъ и до настоящаго времени, члены «Сербовки» собирались разъ въ недѣлю за исключеніемъ тѣхъ мѣсяцевъ, когда производились экзамены въ университетѣ и гимназіи. Въ собраніяхъ декламировали, читали и объясняли сербскую грамматику; отъ членовъ требовался рядъ законченныхъ сербскихъ работъ, читались сообщенія на сербскомъ языкѣ и изучались родственные славянскіе языки. Протоколы засѣданій и тетрадь собственноручно написанныхъ авторами сообщеній хранились на вѣчную память въ библіотекѣ семинаріи, которая въ то время была одной изъ полнѣйшихъ сербскихъ библіотекъ. «Сербовка» воспитала цѣлый рядъ трудолюбивыхъ сербскихъ писателей, изъ которыхъ назовемъ здѣсь только прежде всего извѣстнаго образцоваго знатока славянскихъ языковъ достойнаго предсѣдателя Мачицы Сербской пастора *Михаила Горника*, трудолюбиваго составителя многихъ молитвенниковъ и другихъ назидательныхъ сочиненій для народа пастора *Андрея Дучмана*, равно какъ и брата его д-ра медицины *Дучмана*, главнаго врача Будышинской больницы, д-ра *Лараса*, который издалъ отличный переводъ псалмовъ съ еврейскаго, и каплана *Кубаша*, который умѣетъ такъ общедоступно писать, какъ рѣдко кто другой, наконецъ изъ болѣе молодыхъ: *Яна Либша*, составителя съ выдающимся трудомъ обработаннаго, полнаго «Синтаксиса» сербскаго языка въ Верхнихъ Лужицахъ, и М. Бедриха, выдающагося юмориста.

Изъ чешскихъ отчизниковъ особенныя заслуги «Сербовкѣ» оказали: прежде всего Ганка, который отъ 1846 до 1866 года исправлялъ должность попечителя общества и за немногими исключеніями посѣщалъ всѣ часы упражненій; послѣ него попечителемъ былъ до 1870 г. Ербенъ; за нимъ слѣдовалъ въ той же должности Гаттала, который особенно всегда старается образовать изъ своего питомника доблестныхъ пастырей и учителей, а равно и трудолюбивыхъ писателей.

Въ № 27 «Parlomentär'a» сообщаютъ интересныя свѣдѣнія объ обществѣ для вспомоществованія учащимся сербамъ, находящимся въ Будишинѣ. Немногочисленный бѣдный народъ сербовъ лужицкихъ отстаиваетъ всѣми силами свою народность отъ напора германизма, хотя и слышатъ свой языкъ только дома, въ церкви и школѣ, такъ какъ въ судѣ господствуетъ языкъ нѣмецкій. Даже позволеніе при личномъ судоговореніи имѣть переводчика для лицъ непонимающихъ по нѣмецки остается мертвой буквой. Чтобы не нуждаться хотя въ учителяхъ и священникахъ сербахъ основано въ 1880 г. Tawarstwo pomocy za studowacych serbow. Цѣль общества помогать учащимся сербамъ безъ различія вѣроисповѣданія, готовящимся къ занятію мѣстъ священника, школьнаго учителя, адвоката и доктора. Общество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, соревнователей, пожизненныхъ и почетныхъ. Дѣйствительные члены вносятъ не менѣе 1 марки въ годъ, пожизненные 100 марокъ. Всѣ члены имѣютъ наблюденіе за воспитанниками общества; членами соревнователями (взносъ 1 марка) могутъ быть и иностранцы. Изъ годоваго отчета общества видно, что его дѣла ограничиваются по необходимости весьма тѣснымъ кругомъ. Число пожизненныхъ членовъ напр. 11. За годъ общество выдало 4 сербамъ 405 марокъ, за 6 лѣтъ существованія истратило 2000 марокъ. Корреспондентъ Parlamentär'a». справедливо замѣчаетъ при этомъ: «Для великихъ культурныхъ народовъ это конечно ничтожная сумма, но для нашего маленькаго и бѣднаго народа нѣсколько сотъ марокъ, ежегодно употребляемыхъ для національныхъ цѣлей, уже много денегъ, особенно когда они составляются изъ ежегодныхъ членскихъ взносовъ. Несмотря на незначительное число членовъ, неприкосновенный капиталъ общества составляетъ 14.290 марокъ. Пока капиталъ не достигнетъ до 15.000 марокъ, проценты съ него не расходуются, а причисляются къ капиталу, равно и всѣ пожертвованія не менѣе 50 м. Корреспондентъ выражаетъ справедливое сожалѣніе на неаккуратность членскихъ взносовъ и незначительность доходовъ общества, приглашаетъ тѣхъ, кто можетъ, помочь народному дѣлу.

Деньги можно посылать: Kaufmann E. Mierset in Bautsen (Sachsen). Am Kornmarkt.

Отъ всей души желаемъ успѣха обществу. Не откликнется ли на его нужды кто-либо изъ русскихъ людей?

Н. Г.

Славянская печать.

(Изъ № 27-го газеты «Parlamentär»).

Безплодность и даже можно сказать безсиліе славянскихъ народовъ въ осуществленіи своихъ желаній надо приписать въ главной мѣрѣ отсутствію единства въ славянской печати.

Славянской печати, которая служила бы интересамъ всѣхъ славянъ, почти вовсе не существуетъ теперь, послѣ прекращенія «Руси» И. С. Аксакова, кромѣ развѣ нашего «Парламентера». Всѣ газеты служатъ интересамъ одного племени, и это обстоятельство производитъ пагубное вліяніе даже на отношенія славянъ между собою.

Положительно необходимо, чтобы всѣ славянскія газеты, служа каждая преимущественно интересамъ своего народа, сходились бы въ одномъ пунктѣ, въ защитѣ интересовъ обще-славянскихъ, забывая частныя несогласія, если того требуютъ обстоятельства, если надо послужить одной высшей идеѣ.

Высшимъ принципомъ обще-славянской печати должно быть служеніе и защита интересовъ всѣхъ славянъ, а не одного какого либо народа. Къ этой цѣли должна стремиться славянская печать, если желаетъ исполнить свою патріотическую задачу. Всякій органъ печати долженъ прежде всего сознавать себя славянскимъ, а потомъ лишь уже служить частнымъ, своимъ интересамъ. Нѣтъ въ славянской печати единства духа, направленія. Часто славянская печать на своихъ столбцахъ допускаетъ грубѣйшія, величайшія ошибки въ отчетахъ о ходѣ дѣлъ у славянъ; это происходитъ вслѣдствіе того, что печать заимствуетъ свои свѣдѣнія изъ совершенно невѣрныхъ отчетовъ враждебныхъ славянству газетъ. Причина этого печальнаго являнія заключается въ томъ, что редакторы славянскихъ газетъ не изучаютъ

всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Въ этомъ отношеніи и надо стараться помочь дѣлу. Славянскіе публицисты должны обладать высокимъ образованіемъ, они должны обладать совершеннымъ и глубокимъ познаніемъ славянской лингвистики, славянской исторіи, славянской культуры, для того чтобы ихъ дѣятельность не оставалась безплодной. Когда это осуществится, тогда славянскія газеты, служащія интересамъ отдѣльныхъ славянскихъ народовъ могутъ завести у себя славянскія обозрѣнія и этимъ поддерживать и развивать славянскую взаимность. Въ этихъ видахъ всѣ славянскія газеты должны мѣняться между собой, не смотря на различіе въ цѣнѣ или объемѣ. Честь служить общему дѣлу должна быть побужденіемъ для славянской печати, а не погоня за деньгами, какъ это мы видимъ въ печати западно-европейской. Славянская печать не должна служить предметомъ наживы.

Славянская публицистика должна стараться быть благородной и безукоризненной. Она таковой будетъ, если правильно будетъ обсуждать все происходящее среди славянъ и честно держать принципъ взаимной помощи. Національное дѣло каждаго народа должно быть общимъ и всѣ газеты словомъ и дѣломъ должны помочь ему. Если одинъ славянскій народъ обращается къ другимъ за матеріальной помощью, всѣ славянскія газеты должны всячески поддержать этотъ призывъ. Тогда славяне будутъ знать взаимное свое положеніе, нужды, желанія, и это знаніе утвердитъ и укрѣпитъ сознаніе славянской взаимности.

Познай самого себя! А славянство себя не знаетъ, его печать почти ничего не даетъ для этого знакомства, а о матеріальной взаимной поддержкѣ нечего и говорить. Мы должны даже сказать, что между славянскими газетами есть и приносящія только зло, тѣмъ что стараются сдѣлать «націи» изъ небольшихъ племенъ, и тѣмъ служатъ сепаратизму. Эти газеты называютъ себя славянскими, но онѣ не суть таковыя. О нихъ нечего и говорить. Вотъ какія газеты суть истинно славянскія и должны непремѣнно мѣняться другъ съ другомъ. Изъ періодической славянской политической печати назовемъ слѣдующіе органы: 1) Чешскія газеты: Народные Листы (Прага), Naše Hlasy (Böhmisch Brod), Moravska Orlice (Brünn, Mähren). Našinec (Olmutz, Mähren). Kroměřižski noviny (Kremsier Mähren), Hlasy z Hane (Prosnitz Mähren), Moravska Slovač (Ungarisch-Hradisch, Mähren). Opavsky Tydennik (Teplitz, Schlesien). Словинская печать — Народные Новины (Турашъ св. Мартина). Словѣнская печать: Slovan, Slovenski Narod (Laibach Krain), Sača (Gärz). Сербскія газеты: Српски лист, (Зара, Далмація), Драшковъ Рабош (Сплетъ, Далмація). Србобронъ (Загребъ, Хорватія). Застава (Neusatz Ungarn), Браник (тамъ-же). Новая Уставность — (Бѣлградъ). Хорватскія газеты: Hrvatska, Obsor и Agramer Tagblatt (Загребъ). Болгарская - Светлина (Болгарія, Софія). Русская печать — Listok (Unghrar Ungarn), Слово и Новый Проломъ (Львовъ), Варшавскій Дневникъ, Извѣстія Славянскаго Общества, Московскія Вѣдомости, Современныя Извѣстія и Русское Дѣло. Польскія газеты: Kraj, Chwila. Эти газеты должны войдти между собою въ сношенія, помогать другъ другу, цитировать другъ друга. Только тогда славянская публицистика исполнитъ свою задачу, и достигнетъ хорошихъ результатовъ. Если желаемъ получить плоды, надо намъ работать всѣмъ вмѣстѣ.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова *томъ первый*. Москва. 1886.

Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова. Москва. 1886.

Сборникъ статей, напечатанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ *по случаю кончины* И. С. Аксакова. Москва. 1886.

Со смѣшаннымъ чувствомъ открываетъ читатель лежащій передъ нами томъ сочиненій Аксакова: тяжело думать, что краснорѣчивый голосъ искренняго гражданина болѣе не раздастся, что въ минуты унынія, такъ часто на насъ нападающія, сердечное слово болѣе не поддержитъ и не пріободритъ насъ: помните, что одна изъ послѣднихъ статей Аксакова оканчивалась пожеланіемъ бодрствованія для русскаго общества; тяжело думать, что въ минуты раздумья, которыя тоже могутъ наступить, не раздастся болѣе голосъ человѣка, понимающаго и чувствующаго, къ чему надо стремиться и что дороже всего; если когда-либо наступитъ минута торжества тѣхъ идей, на служеніе которыхъ Аксаковъ отдалъ всю свою жизнь, грустно будетъ думать, что не раздастся его радостный голосъ, что не отдохнетъ наконецъ «пахарь», весь день свой проведшій на бороздѣ нивы; не порадуется онъ всходу имъ брошенныхъ сѣмянъ. Тяжело все это чувствовать; но рядомъ съ чувствомъ грусти встаетъ въ душѣ читателя чувство гордости за то племя, которое производитъ такихъ дѣятелей, встаетъ вѣра въ то, что недаромъ появлялись они, что не безплодны ихъ труды, что слова ихъ, собранныя вмѣстѣ, подѣйствуютъ сильнѣе, найдутъ себѣ отзвукъ въ тысячахъ душъ: «то только слово — говорилъ когда-то кн. Одоевскій — сильно надъ человѣкомъ, которое будитъ въ его душѣ — его внутреннее слово». Надѣемся и вѣримъ, что существуетъ такое созвучіе, что вырвется оно наконецъ на свѣтъ Божій; надѣемся и вѣримъ, что умственное сокровище, дарованное намъ и вызывающее уже чувство удивленія къ себѣ и у чужестранцевъ, служитъ залогомъ наступающаго великаго дня, дня торжества тѣхъ мыслей, которымъ служили московскіе славянофилы вообще и Аксаковъ въ частности. Мысли эти цвѣтъ нашего развитія, плодъ не можетъ быть слишкомъ отсроченнымъ послѣ цвѣта.

Нашей замѣткой мы только привѣтствуемъ начало изданія полнаго собранія сочиненій великаго борца за Русь и за правду; полная характеристика его дѣятельности принадлежитъ будущему; мы же благодарны за доставляемую намъ возможность снова перечесть его горячія страницы, снова убѣдиться въ томъ, что въ продолженіе всей своей дѣятельности онъ оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же началамъ и служилъ имъ, не отвлекаясь ни на-право, ни на-лѣво. Первый томъ даетъ намъ рядъ статей о славянскомъ вопросѣ изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», а также рѣчей, произнесенныхъ въ Московскомъ Славянскомъ Благотворительномъ Комитетѣ (а потомъ Обществѣ). Благодаря издателей за дарованную намъ возможность перечесть многія статьи Аксакова, мы не можемъ однако не попенять за ненужную систематизацію этихъ статей: у Аксакова иногда въ одной статьѣ соединяются разные вопросы, куда же отнести эту статью? не лучше ли было бы прямо держаться хронологическаго порядка, тогда не было бы ссылокъ на статьи, которыхъ приходится искать въ другомъ томѣ (напр. на стр. 173, да и въ другихъ мѣстахъ). Теперь же когда редакція взяла на себя новый трудъ систематизаціи и при томъ задалась мыслью скорѣе издать томъ, и могло явиться помѣщеніе въ изданіи чужой статьи (Н. П. Гилярова-Платонова)· Несмотря однако на этотъ недостатокъ, изданіе все-таки въ высшей степени своевременно и, надѣемся, принесетъ плодъ свой сторицею.

Не будемъ говорить здѣсь о стихотвореніяхъ Аксакова, ибо еще недавно говорилось о нихъ въ нашемъ журналѣ пр. Миллеромъ и въ Обществѣ пр. Ламанскимъ. Стихотворенія эти, вѣроятно, скоро будутъ оцѣнены по достоинству. Уже и теперь одинъ изъ критиковъ замѣтилъ, что они прошли не безъ вліянія на музу Некрасова.

Третья, названная нами книга, хотя и не заключаетъ въ себѣ полнаго собранія всѣхъ статей, посвященныхъ Аксакову, но все-таки служитъ нагляднымъ свидѣтельствомъ того высокаго значенія, которое придавали покойному и въ Россіи и за границей, служитъ памятникомъ той незабвенной поры, когда общее горе связало во едино столькихъ противоположныхъ во всемъ остальномъ людей.

Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Louis Leger. **Nouvelles Etudes Slaves.** *Deuxieme série. Paris* 1886.

Еще недавно журналъ нашъ давалъ отчетъ своимъ читателямъ о книгѣ парижскаго профессора Леже: La Bulgarie; еще раньше знакомилъ онъ ихъ съ вступительною лекціею того же профессора въ курсъ славянскихъ литературъ, который онъ открылъ въ Collége de France, назначенный въ преемники Ходзько Теперь мы должны сказать нѣсколько словъ о новомъ сборникѣ его статей, появившемся недавно, куда вошла и извѣстная уже намъ вступительная лекція.

Сборникъ открывается обширною статьею о нигилизмѣ, представляющей главнымъ образомъ критическій этюдъ надъ типами нигилистовъ, выведенныхъ Тургеневымъ въ его романахъ. Къ истинному пониманію корней нигилизма подошли и изъ русскихъ писателей очень немногіе, ближе всѣхъ къ истинѣ былъ Н. Я. Данилевскій; много правды встрѣчается и у Достоевскаго и въ рѣчи о Пушкинѣ и въ «Бѣсахъ»; глубокомысленъ былъ въ своихъ взглядахъ и Н. Н. Страховъ. Французскій писатель какъ бы онъ много ни зналъ страну, ея исторію и литературу, какимъ бы сочувствіемъ онъ ни былъ проникнутъ къ племени, всегда остается французомъ, какъ нѣмецъ остается нѣмцемъ и англичанинъ – англичаниномъ. Оттого какъ ни интересны замѣтки иностранца; они никогда не могутъ заключать въ себѣ полнаго уясненія дѣла. Для него вопросъ этотъ по преимуществу политическій и общественный; для насъ, главнымъ образомъ,—религіозный и нравственный. Потому вопросъ о поднятіи значенія церкви, объ особенностяхъ православія для него вопросъ чуждый; для насъ же онъ лежитъ «во главѣ угла»; о немъ у насъ и говорятъ; съ него многіе и начинаютъ оздоровленіе. Религіозный характеръ народа, высказавшійся ясно въ движеніи 1876 г., чуждъ пониманію современнаго европейца. У нихъ рядомъ съ жалобами на современную цивилизацію часто появляется радость, что къ ней пріобщаются молодые народы славянскіе (см. Лавелэ) Въ нигилизмѣ мы (вмѣстѣ съ Данилевскимъ) не можемъ не видѣть крайняго развитія нашего европейничанія. Вотъ смыслъ Аксаковскаго: «домой», которое казалось такъ забавнымъ нашимъ западникамъ. Самые благосклонные къ намъ писатели запада спѣшатъ указывать намъ на тотъ путь, которымъ шли народы запада. Иначе они и не могутъ поступать. Такъ, даже понимая, что съ ихъ цивилизацiей идетъ къ народамъ славянскимъ неизбѣжность паденія многаго (сербской задруги, напримѣръ), они (Лавелэ) все-таки проповѣдуютъ эту цивилизацію. Впрочемъ, опять повторяемъ, что статья профессора Леже стоитъ прочтенія, хотя не слѣдуетъ забывать высказаннаго нами выше.

Вторая статья: les Ecrivains français et la Russie представляетъ краткій, но чрезвычайно живой обзоръ успѣховъ, которые сдѣлало въ современной Франціи изученіе Россіи, русской исторіи и литературы.

Третья статья представляетъ живой и симпатическій этюдъ объ *Янѣ Кохановскомъ*, великомъ польскомъ поэтѣ XVI в.

Четвертая статья передаетъ, на основаніи изслѣдованій Томичка, повѣренныхъ собственными чтеніями автора, біографію Жижки въ связи съ исторіей того времени. Статья эта, написанная со свойственною лучшимъ французскимъ писателямъ живостью, простотою и ясностью принадлежитъ къ числу наиболѣе удачныхъ этюдовъ автора, который съумѣлъ, соблюдая черты отдаленной эпохи, сдѣлать ихъ доступными современному читателю.

Пятая статья — мастерской пересказъ чешскаго романа Vesnicky Roman, написаннаго г-жею *Мужакъ Свѣтлой*. Романъ этотъ, живо рисуя сельскую жизнь съ ея обрядами, повѣрьями, заботами, касается искусно глубокихъ таинъ человѣческаго сердца (и въ Сильвѣ и въ Антохѣ). Пр.

Леже сохранилъ всю прелесть оригинала въ своемъ сокращенномъ пересказѣ. Такъ умѣютъ передавать французскіе эссеисты.

Шестая статья представляетъ краткое изложеніе Славянской миѳологіи. Статья эта заключаетъ въ себѣ много мѣткихъ и вѣрныхъ мыслей какъ о самой миѳологіи, такъ и о характерѣ трудовъ, ей посвященныхъ. Замѣтимъ только, что отдѣленіе божествъ русскихъ отъ другихъ славянскихъ, если нѣтъ противныхъ свидѣтельствъ, входитъ уже въ обычай; прибавимъ еще, что послѣ статьи Бодянскаго и въ виду яснаго указанія Слова о Полку Игоревѣ (Великому Хърсова путь перерыскаша) едва ли можно сомнѣваться въ солнечномъ характерѣ Хорса; а на основаніи указанія Гильфердинга можно и должно сближать его имя съ корнемъ кръс, крѣсъ, что означаетъ огонь. Велеса (Волоса) тоже слѣдуетъ считать солнечнымъ божествомъ (о чемъ сказано и въ моей «Исторіи»). Съ интересомъ прочитавъ статью высокоуважаемаго профессора, я вполнѣ присоединяюсь къ высказанному имъ убѣжденію: «полагаю, что единственное средство правильно поставить науку Славянской миѳологіи — издать алфавитный сборникъ, въ которомъ заключались бы подлинные тексты, точное описаніе каждаго божества, изложеніе всѣхъ вѣрованій; при чемъ слѣдуетъ тщательно отстранить всѣ сближенія, всѣ гипотезы, всѣ обобщенія».

Книга заключается извѣстною уже нашимъ читателямъ вступительной лекціей.

Пожелаемъ автору продолжать свою полезную и поучительную дѣятельность, пожелаемъ его ученикамъ научиться отъ него возможному для западнаго человѣка безпристрастію, искреннему сочувствію къ чуждымъ народностямъ; а талантъ его уже останется при немъ и никому, имъ необладающему, переданъ быть не можетъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Журналъ „**Научно-Описание**“ *(прѣводъ). Излиза ежемѣсечно. Година първа.* Габрово, 1886. № 1 и 2.

Подъ только-что приведеннымъ заглавіемъ началъ издаваться въ Габровѣ двумя учителями тамошней реальной гимназіи (Н. Райновымъ и З. Бояджіевымъ) небольшой ежемѣсячный журнальчикъ на болгарскомъ языкѣ. Цѣль журнала, по словамъ редакторовъ-издателей, состоитъ въ распространеніи между народомъ и учащейся молодежью полезныхъ книгъ (по исторіи, естествознанію, технологіи, педагогикѣ и другимъ отраслямъ наукъ), которыя иначе не могли бы появиться на болгарскомъ языкѣ, такъ какъ отдѣльное изданіе ихъ требовало бы значительныхъ затратъ, а спросъ на нихъ былъ бы крайне незначителенъ. «Научно Списание» будетъ выходить ежемѣсячно брошюрами въ 2 печатныхъ листа въ осьмушку. Судя по слову ***прѣводъ*** нужно думать, что главнѣйшее мѣсто въ журналѣ займутъ произведенія переводныя, что впрочемъ вполнѣ понятно, при бѣдности болгарской литературы и при отсутствіи въ Болгаріи ученыхъ силъ. Первое время будутъ напечатаны въ отдѣлахъ: ***исторіи*** — пространная «Исторія болгаръ», К. Иречка; ***естествознанія*** — «Жизнь растеній», Луи Фигье съ 415 роскошными рисунками; ***технологіи*** — о производствахъ кожевенномъ, гончарномъ и др. Цѣна журнальчика 4 лева (1 р. 60 к.) въ годъ, что составитъ $16^2/_3$ стотинки (7 коп.) за печатный листъ, сравнительно весьма незначительная. Бумага довольно хорошая.

Въ первыхъ двухъ книжкахъ напечатаны 3 листа исторіи Иречка («Geschichte der Bulgarien»): История-та на Българитѣ съчинение на д-ра. Конст. Иос. Иречка (профессоръ въ Пражский-тъ университетъ) и 1 листъ статей о кожевенномъ производствѣ «Кожепроизводство». О достоинствахъ труда Иречка распространяться было бы излишне. Настоящій переводъ этого труда сдѣланъ самими редакторами-издателями; онъ будетъ включать въ себѣ поправки и дополненія самого автора и будетъ снабженъ исторической картой. Польза такого перевода для болгаръ очевидна. Думаемъ, что не менѣе полезна для нихъ и нѣкоторая систематизація свѣдѣній по кожевенному производству, такъ какъ кожа въ различныхъ ея видахъ составляетъ въ Болгаріи одну изъ выдающихся статей ея отпуска за границу *).

---

*) Въ 1883 году цѣнность вывозимой изъ восточной Румеліи кожи во всѣхъ ея видахъ доходила до 3.204,425 грошей (ок. 300,000 руб.) и такимъ образомъ кожа составляла 4-ю по важности статью вывоза (хлѣбъ, шерстяныя

О достоинствахъ этой систематизаціи, даваемой журналомъ, не будучи спеціалистами, сказать ничего не можемъ. Вообще мы отъ души привѣтствуемъ появившійся журнальчикъ и желаемъ ему блестящей будущности и долголѣтняго существованія, чего преимущественно и не достаетъ болгарскимъ повременнымъ изданіямъ.

Н. Ш.

«Листокъ» духовно-литературный журналъ.

Въ Унгварѣ для угорскихъ русскихъ издается съ конца прошлаго года, небольшой журнальчикъ «Листокъ»; выходитъ онъ два раза въ мѣсяцъ.

Каждый нумеръ содержитъ въ себѣ передовую статью и статьи, которыя могутъ принести пользу простому люду, объясняя притомъ религію и обрядность, а священниковъ знакомя съ болѣе серьезными вопросами о религіи и церкви. Такъ, напр., въ вышедшихъ 10 нумерахъ помѣщены статьи: *Богъ Творецъ вселенной*, — *и Дарвинизмъ*, *Государственные законы и рѣшенія властей*, *относящіяся къ церковнымъ дѣламъ*, а затѣмъ въ каждомъ нумерѣ есть отдѣлъ новостей и смѣси. Кромѣ того, въ видѣ приложенія печатаются еще церковныя проповѣди. Помѣщаются и беллетристическія произведенія, писанныя какъ прозой, такъ и стихами. Такъ помѣщена оригинальная повѣсть Уріила Метеора «Бѣда—нѣтъ жида» и переводная со словацкаго «Марина Грузъ». Стихи, помѣщаемые въ «Листкѣ», принадлежатъ большей частію перу русскихъ писателей, Глинки, Лермонтова, Хомякова и друг. Изъ мѣстныхъ поэтовъ мы нашли только одно стихотвореніе Вашковича. Передовыя статьи посвящены большею частію интересамъ угро-русскаго народа, положеніе котораго далеко не приглядное. Вотъ что, между прочимъ, говоритъ редакторъ Евгеній Фенцикъ въ № 1: «Кончился 1885 годъ, погрузился въ бездну минувшаго; былъ—и нѣтъ его. Принесъ-ли онъ для насъ что нибудь хорошее? Призадумываюсь, припоминаю всѣ важнѣйшія событія, случившіяся въ немъ,—но для насъ, для нашего бѣднаго угро-русскаго народа не нахожу въ немъ ни одного радостнаго воспоминанія; не нахожу въ немъ просто ничего, что могло-бы засвидѣтельствовать о нашей жизни.

«Угро-русскій народъ, числящій до *500,000* душъ, коснѣетъ, спитъ, не трогается, не стремится преуспѣвать съ прочими народами, — не пламенѣетъ ни къ чему хорошему, благородному, великому; онъ влечетъ свои унылые дни подобно растеніямъ, прозябаетъ будто обвороженный и заколдованный. Конечно, это летаргическое состояніе имѣетъ свои причины: насъ придавила нищета; и потому мы должны заботиться всегда—лишь объ одномъ: какъ провесть день за днемъ. Подумать о томъ, чтобы двинуться впередъ, чтобы заняться письменностью, промышленностью, просвѣщеніемъ, у насъ нѣтъ охоты».

произведенія, скотъ, кожа), а въ 1882 г. даже 3-ю доходя до 2.032,725 грошей (ок. 200,000 руб.: хлѣбъ, шерстяныя произведенія, кожа). Важность этого промысла будетъ еще яснѣе, если мы примемъ во вниманіе, что въ 1883 году вывозъ сырыхъ кожъ увеличился сравнительно съ 1882 г. на сумму 970,968 грошей (ок. 95,000 руб.), а выдѣланныхъ только на 200,732 гроша (ок. 20,000 руб.), между тѣмъ какъ ввозъ ихъ увеличился на 1.660.421 грошъ (ок. 166,000 руб.: въ 1883 г. ввезено на 2.310,384 гроша а въ 1882 г. на 649,963 гроша), а ввозъ сырыхъ только на 471,490 грошей (ок. 47,000 руб.). При этомъ оказывается, что Восточная Румелія въ послѣднее время сама нуждалась въ выработанныхъ кожахъ, такъ какъ ввозъ превышалъ вывозъ въ 1883 г. на 642,214 грошей (ок. 64,000 руб.) а въ 1882 г. отношенія были обратныя, такъ какъ вывозъ превышалъ ввозъ на сумму 816,475 грошей (ок. 80,000 руб.), такимъ образомъ хозяйство Восточной Румеліи потерпѣло въ видѣ расхода на выдѣланныя кожи за 1883 годъ ущерба на 1.485,689 грошей (ок. 145,000 руб.), котораго навѣрное не было бы, если бы, кожевенное производство въ странѣ было болѣе развито, такъ какъ излишекъ вывоза сырой кожи сравнительно со ввозомъ ея за тотъ же годъ увеличился на 399,478 грошей (ок. 40,000 руб.) въ сравненіи съ 1882 годомъ. См. Годишна Статистика на Источна Румелия за 1883 г. Пловдивъ, 1885 г., стр. 4 и 5. Насколько нуждается въ кожевенномъ производствѣ С. Болгарія, не имѣя подъ руками статистическихъ свѣдѣній, сказать не можемъ, укажемъ только, что вывозъ сырья изъ Восточной Румеліи въ 1883 году значительно превосходилъ ввозъ (на 331,952 гроша), тогда какъ излишекъ ввоза выдѣланной кожи доходилъ только до суммы 71,020 грошей.

Угрожая судомъ исторіи и излишностью духовенства въ случаѣ уничтоженія народа, обращается редакторъ къ своимъ коллегамъ: «Братья! съ сегодняшнимъ днемъ вступили мы въ новый 1886 годъ. О если-бы съ этимъ новымъ годомъ начали мы новую дѣятельность!

Возьмемся за дѣло: наука, просвѣщеніе, и возбужденіе ко всему благородному и честному да будетъ нашимъ девизомъ, чтобъ воспитать потомковъ, которые были-бы намъ на славу и на пользу церкви каѳолической, и отчеству» (№ 1-й). Дѣйствительно, «Листокъ» и старается твердо держаться своего девиза, ратуя въ пользу просвѣщенія народа и ратуя притомъ очень разумно, а народное образованіе находится у угро-руссовъ въ самомъ печальномъ положеніи. Въ школахъ угро-руссовъ буквально отсутствіе учебниковъ. «Листокъ» жалуется на это отсутствіе и вмѣстѣ съ тѣмъ высказываетъ, каковы должны-бы быть эти ученики. «Нѣтъ даже порядочной «азбуки», потому, что «Русская азбука» и первая читанка», употребляемая теперь въ нашихъ школахъ портятъ только и губятъ нашъ языкъ.

«Мы желали-бы имѣть «азбуку«, которая бы была написана на простомъ, вразумительномъ, народномъ языкѣ, но въ которой бы однако хранились правила правописанія и соблюдались-бы правила грамматики. — Школа должна образовывать, а не портить и губить языкъ.—Дальше желали-бы мы, чтобъ въ этой книгѣ находились поучительныя чтенія; а—главное—чтобъ на концѣ ея были напечатаны молитвы, необходимыя для каждаго православнаго христіанина, и краткій катихизисъ. Говори кто что хочешь, но мы прежде всего желали-бы обучить нашихъ дѣтей элементарнымъ знаніямъ вѣры.

«Но не только «азбуки» нѣтъ у насъ, у насъ нѣтъ никакихъ школьныхъ книгъ. Возможно-ли, чтобы при такихъ обстоятельствахъ наши школы преуспѣвали, и что-бы нашъ бѣдный народъ когда-нибудь освободился отъ темноты, и сталъ преуспѣвать равно съ прочими образованными народами?» Съ этой цѣлію и обращается «Листокъ» къ обществу св. Василія Великаго: «просимъ начальниковъ и настоятелей общества св. Василія Великаго, чтобы какъ можно скорѣе изволили созвать общее собраніе членовъ общества, чтобы на этомъ собраніи могли быть приведены въ порядокъ дѣла общества,— и чтобы послѣ долгаго бездѣйствія, общество занялось составленіемъ учебниковъ для нашихъ народныхъ школъ». (№ 7-й).

Отсюда уже мы видимъ, между прочимъ, то равнодушіе къ дѣлу просвѣщенія и благосостоянія, которое господствуетъ въ высшихъ, образованныхъ слояхъ угро-русскаго общества. Противъ этого-то равнодушія интеллигенціи и старается бороться «Листокъ». «Подъ Карпатомъ», говоритъ онъ, «полное обѣднѣніе народа и его душепастырей».

«Эту крайнюю бѣдность причиняетъ не одно только безплодіе земли, и не одни только общественные налоги и подати, и лѣнь нашего народа, и не безмѣрная наклонность къ пьянству, такъ какъ хоть порою онъ и повеселится, — онъ между племенами старой Европы можетъ считаться трезвымъ народомъ;—не можетъ о немъ кто-нибудь говорить, что онъ не имѣетъ наклонности и чувства къ изящному, ибо между нимъ находятся разнаго рода музыканты, ремесленники и архитекторы самоучки, о чемъ свидѣтельствуютъ деревянные храмы, изъ которыхъ одинъ (грибовскій) въ видѣ охотничьяго павильона и на всемірной выставкѣ вѣнской удивлялъ зрителей, и о которомъ г. Легоцкій, адвокатъ и археологъ въ 1860-хъ годахъ много говорилъ въ журналѣ «Vasárnapi Ujság»:... но конечно причиною этого худаго положенія подкарпатскихъ угро-руссовъ безсомнѣнно есть равнодушіе интеллигенціи къ судьбѣ народа. Ибо у насъ къ благимъ предріятіямъ не находимъ никакой охоты. Напримѣръ, прекрасныя предпріятія Дулишковича и прочихъ, изданныя съ затратою и трудомъ, находятся или только въ нѣсколькихъ рукахъ, или вслѣдствіе холодности публики, еще и теперь не напечатаны.

Мы не учимся отъ братьевъ нашихъ римскаго обряда! Тѣ основали почти въ каждомъ селѣ общества, въ которыхъ прихожане, съ одной стороны, могутъ много заимствовать полезнаго, а съ другой стороны охраняются отъ безбожія.

«У насъ такихъ обществъ не найдешь!

«Эта ошибка всею силою падетъ на главу нашей интеллигенціи. Наша интеллигенція могла-бы дѣлиться на духовныхъ и мірскихъ; но хотя у насъ есть и мірская интеллигенція, но она вслѣдствіе малодушія отреклась не только отъ своего народа, но и къ вѣрѣ сдѣлалась холодна; и такъ нашъ народъ можетъ положиться только на духовныхъ. Духовные питаютъ въ сердцѣ похвальную наклонность къ ввѣреннымъ себѣ духовнымъ дѣтямъ, но она останется пустымъ намѣреніемъ, потому что среди столь многихъ противоположныхъ обстоятельствъ они, отягощенные бурей либеральныхъ вѣяній, даже совѣта не могутъ дать своимъ прихожанамъ.

«Оттого и открыта передъ неученымъ бѣднякомъ дорога къ гибели.

«А для этого нужно убѣдиться, что намъ нужна мірская интеллигенція и для того отцамъ духовникамъ необходимо открыть путь своимъ сынамъ къ мірскимъ должностямъ.

«Но чтобы и этимъ—уже въ качествѣ чиновниковъ—удержать въ сердцѣ любовь и приверженность къ народу, ихъ нужно уже съ дѣтства ко всему пріучать.

«Посмотримъ на семейство духовника. Мальчикъ, едва начинаетъ развиваться его языкъ, слышитъ русское слово и запечатлѣваетъ его; съ этимъ же словомъ онъ долженъ-бы запечатлѣть и любовь къ народу и своему языку.

«Отчего однако во взросломъ чиновникѣ, окончившемъ курсъ ученія, не находимъ любви къ материнскому языку и своему народу, только съ помощію и хлѣбомъ котораго могъ онъ достигнуть своей цѣли?!

Могъ-ли бы кто нибудь думать, что боязнь за будущность заставляетъ ихъ утаивать свое, или что школы передѣлываютъ юношу, чтобы онъ сталъ ненавидѣть воспоминанія дѣтства?!

«Не самъ, однако, измѣнившійся, но и равнодушіе отцовъ бываетъ причиною, что мальчикъ, когда подростетъ, забываетъ воспоминанія своего дѣтства, и искореняетъ изъ своего сердца вѣру, языкъ и любовь къ своему народу!

«Отецъ хорошо долженъ знать, что просвѣщеніе безъ роднаго языка есть «только свѣтильникъ, въ которомъ нѣтъ свѣта»; а однако и въ началѣ обученія, малютку отдаютъ у другихъ учиться материнскому языку. И по этой-то причинѣ, наша интеллигенція къ намъ — и ко всему, что наше—не показываетъ ни малѣйшей привязанности, т. е. выходитъ то, «что у насъ интеллигенціи — кромѣ духовной — нѣтъ. Дальше выходитъ, что и въ духовный санъ вступившіе юноши—«честь изъятіямъ»—по большей части незнаютъ при вступленіи въ духовную семинарію ни элементарныхъ правилъ языка, на которомъ впослѣдствіи должны проповѣдывать Слово Божіе; а когда выходятъ изъ семинаріи, то меньше знаютъ, чѣмъ ихъ прихожане».

Какъ такіе будутъ вести народъ?

Какъ научатъ такіе «неимѣющіе дипломовъ» учителя разнаго рода знаніямъ, когда это невозможно въ чисто русскихъ селахъ безъ знанія своего языка?

Поэтому отцамъ необходимо: а) малютку водить въ храмъ Божій, чтобы любовь къ св. обряду своему глубоко и неизгладимо вкоренилась въ сердцѣ его, нужно б) учить его въ дѣтствѣ прежде всего своему материнскому языку, давъ въ руки азбуку и безпрестанно говорить ему, что только вѣра и просвѣщеніе въ состояніи поставить милое отечество въ лучшее положеніе; в) въ свободное отъ занятій время, надо подростающему юношѣ повторять сказанное: и тогда онъ какъ семинаристъ облегчитъ настоятелямъ обязанность обученія нашему прекрасному св. обряду; а если будетъ свѣтскимъ человѣкомъ, будетъ любить и поддерживать свое.

Наша интеллигенція сдѣлается тогда теплѣе къ народу и ко всѣмъ народнымъ предпріятіямъ и настанетъ время для насъ, которое назовемъ «зарницею будущаго благодатнаго дня».

Въ противномъ случаѣ, если останемся въ летаргическомъ снѣ бездѣлія, то не пойдемъ впередъ—а назадъ: тогда будетъ то, что «нашъ и такъ отягощенный народъ и напослѣдокъ попадетъ со своимъ имуществомъ во власть бездушныхъ піявокъ» (№ 4).

«Листку» не нравится и современное стремленіе угро - русскаго духовенства оставить свой прежній образъ жизни, когда онъ жилъ просто, довольствовался тѣмъ, что Богъ далъ; не расходовалъ много на кофе, сахаръ, мясо, вино, и проч., одѣ-

вался тоже просто,—въ будни мало отличался отъ мужика; если у него было семейство—дѣти его и супруга, они жили тоже просто, не лакомились на «панскіе» уборы и на «панскую» пищу. Сыновей своихъ училъ самъ отецъ грамотѣ, посылалъ въ Мукачево, гдѣ въ короткое время они оканчивали богословскія науки, епископъ посвящалъ ихъ, и они дѣлались такими же священниками, какъ и самъ ихъ батюшка.

Если же имъ не удавалось сдѣлаться священниками, то и это была не бѣда: занимались хозяйствомъ, и оставались простыми людьми; тогда между священникомъ и мужикомъ такой вопіющей разницы не было.

Дочерей своихъ выучивалъ тоже самъ отецъ грамотѣ, матушка учила шить бѣлье, готовить вкусный обѣдъ, и держать въ порядкѣ огородъ: этимъ и кончалось воспитаніе.

Простое, но практическое воспитаніе, которое не наполняетъ голову сумасбродшими мечтаніями. Окончивъ такимъ образомъ воспитаніе дочерей, отецъ выдавалъ ихъ замужъ, если удавалось за священника, если нѣтъ—за дьячка, или даже за сына сельскаго хозяина. Это не было для семьи несчастіемъ; самъ отецъ всегда былъ въ дружбѣ съ простыми людьми и не возвышался передъ ними. Разницы между ними никакой не было.

Теперь все перемѣнилось. Священники не могутъ обходиться своими домашними продуктами, и тратятъ большія деньги на кухню. Одежду носятъ тоже не домашней работы, и для этого также тратятъ большія суммы. Для воспитанія сыновей тоже нужны большія деньги. А хорошее воспитаніе дочерей какую сумму поглощаетъ! И не смотря на все это, дѣти однако не всѣ счастливы. — Кто попалъ въ чиновники или священники,—тому еще хорошо; а кто не могъ окончить курса въ гимназіи, что будетъ изъ того? чтобы работать, чтобы сдѣлаться честнымъ ремесленникомъ, или даже сельскимъ учителемъ, онъ даже и мысли такой гнушается.—А это не нужно и доказывать, что всѣ священническіе сыновья не могутъ быть священниками А что съ дочерьми будетъ? Послѣ воспитанія нужно выходить замужъ,—но гдѣ взять столько клириковъ, сколько въ епархіи священническихъ дочерей? — Итакъ, не смотря на огромныя издержки для образованія, семейство однако находится въ безвыходномъ положеніи.—Вотъ что принесло намъ желаніе сдѣлаться «панами» (№ 9).

Не стремленія къ «панской» жизни, не заботы о внѣшнемъ лоскѣ и блескѣ обстановкой требуетъ «Листокъ» отъ угрорусскаго духовенства, а заботы о просвѣщеніи народа и занятія наукою, заботы о чистотѣ православнаго греко-каѳолическаго обряда.

У насъ, слава Богу, много глубокоученыхъ мужей; но—увы—многіе изъ нихъ,—честь изъятіямъ,— какъ-то холодно относятся къ нашему обряду. Намъ случалось слышать не одну жалобу на продолжительность службы нашего обряда! Если бъ мы понимали смыслъ, духъ нашего обряда, о тогда не допустили бы испещрять и портить его, и не жаловались бы на долготу его.

Греко-каѳолическая церковь ожидаетъ отъ своихъ ученыхъ сыновъ, чтобъ они занимались своими домашними дѣлами, между прочимъ изученіемъ, объясненіемъ и храненіемъ ея святаго обряда. «Если римско-католическіе богословы занимаются объясненіемъ своего обряда,—тогда мы въ правѣ требовать, чтобы и наши богословы занимались своимъ; потому что вмѣсто насъ никто не станетъ заниматься нашими спеціальными дѣлами» (№ 8).

Кромѣ изученія обряда «Листокъ» требуетъ также и изученія исторіи и самъ обѣщаетъ давать на своихъ страницахъ мѣсто подобнымъ историческимъ изслѣдованіямъ.

«Первое, что требуется отъ человѣка, это, чтобъ зналъ себя; такъ необходимо знать и одному народу себя: свою минувшую судьбу, чтобы поведеніемъ и дѣлами своими обезпечить свою будущность; для этого будемъ стараться помѣщать кое-что на столбцахъ «Листка» изъ нашей древней, и намъ по большей части незнакомой исторіи». (№ 10).

Въ томъ же № 10 дѣйствительно «Листокъ» уже и приводитъ въ исполненіе свое обѣщаніе, давая распредѣленіе исторіи угро-русскаго народа на періоды. Признаются три періода: 1-й славянскій отъ появленія славянъ до основанія русскаго

государства въ 862; 2-й періодъ отъ основанія русскаго государства въ 862 до 1338 года, когда часть русскаго народа съ княземъ Ѳеодоромъ Корьятовичемъ выселилась въ Угорщину и поселилась вкругъ Мукачева; 3-й періодъ отъ 1338 года до настоящаго времени. Уже изъ такого раздѣленія исторіи видно, что «Листокъ» признаетъ единство русскаго народа, а единство языка этого народа. «Листокъ» лучше всего доказываетъ своимъ языкомъ, который очень немногимъ отличается отъ чистаго книжнаго языка Русскаго государства.

«Листокъ» редактируется на письменномъ русскомъ языкѣ»; отвѣчаетъ редакція одному изъ предлагающихъ сотрудничество, «потому могутъ помѣщаться въ немъ только такіе стихи, которые составлены по правиламъ классическаго русскаго стихотворенія».

Понятно поэтому, что «Листокъ» возмущается нѣмецкой изобрѣтательностью; открывшей какихъ то Рутеновъ (Ruttenen). «У насъ есть древнее названіе,—нѣтъ никакой надобности замѣнять его новымъ».

«Мы назвали себя «русинами», людьми «русскими», народомъ «русскимъ», языкъ свой — языкомъ русскимъ; а потому хотимъ навсегда остаться при этомъ названіи. Соотечественники наши мадьяры зовутъ насъ «orosz-ами»,—и, безъ сомнѣнія, останутся навсегда при этомъ названіи, такъ какъ новомодное «руѳенское» названіе и имъ незнакомо и непонятно».

«Оттого тщетно усиливаются нѣкоторые ученые люди навязать намъ новое имя; ни мы, ни сосѣди наши не воспользуемся ихъ услугами, и рѣшительно отклонимъ этимологическія ихъ заключенія, держа предъ очами то правило, что каждаго человѣка, а точно также и цѣлый народъ, слѣдуетъ такъ называть, какъ онъ самъ называетъ себя, такъ какъ о каждомъ человѣкѣ должно предполагать, что онъ самъ лучше знаетъ свое имя».

Изъ всего сказаннаго видно, какое благодѣтельное значеніе можетъ имѣть «Листокъ» для угро-русскаго народа и какого уваженія заслуживаетъ онъ со стороны людей, которымъ дорого не только русское, но и славянское дѣло. Болѣе же всего заслуживаетъ онъ признательности со стороны насъ, русскихъ. И вся-то эта благодарность и признательность должна быть направлена почти на одного только редактора *Евгенія Фенцика*, такъ какъ журнальчикъ ведется и поддерживается почти исключительно одними его трудами; его сотрудниковъ можно счесть по пальцамъ, а журналъ между тѣмъ высоко держитъ знамя русской народности и не падаетъ подъ непосильной тяжестью, которая въ послѣднее время сдѣлалась еще значительнѣе, такъ какъ, со смертію редактора другой угро-русской газеты «Карпата», «Листокъ» одинъ остался на стражѣ интересовъ угро-русскаго народа. Позволимъ себѣ посвятить нѣсколько строчекъ памяти, заимствуя свѣдѣнія изъ того же «Листка».

О. Николай Гомичковъ, поч. каноникъ, редакторъ «Карпата» 16-го (28) апрѣля 2/4 3 часа утромъ, скончался на 53 году жизни. Покойный былъ въ продолженіе 30 лѣтъ законоучителемъ въ унгварской гимназіи. Большая часть духовенства обѣихъ нашихъ епархій, даже нѣкоторыя и въ Галиціи пріобрѣли посредствомъ его уроковъ первыя элементарныя знанія изъ закона Божія. Мы должны признать и засвидѣтельствовать о томъ, что онъ былъ всегда покровителемъ русскихъ юношей, учащихся въ унгварской гимназіи. Кромѣ закона Божія, онъ давалъ сначала уроки русскаго языка, и обучалъ насъ книжному русскому языку; и, безъ сомнѣнія, ему принадлежитъ та заслуга, что у насъ на Угорской Руси не привилась фонетическая ороографія, и что у насъ нѣтъ «народівців». Онъ перевелъ и издалъ «Догматическое Богословіе» по Каетану Гейсту, на довольно правильномъ языкѣ; издалъ «Малый сборникъ или собраніе разныхъ моленій и пѣсней, для юношества» и въ теченіе 13 лѣтъ редактировалъ еженедѣльную газету: «Карпатъ» въ которой съ начала отстаивалъ наши природныя права: языкъ, азбуку, чистоту обряда и проч., но въ послѣднее время руководился оппортунизмомъ, и часто глубоко оскорблялъ наши природныя чувства. Во всякомъ случаѣ онъ принадлежитъ къ числу русскихъ дѣятелей.

Евг. Алашеева.

Оравнительная морфологія славянскихъ языковъ. Соч. Ф. Миклошича. Перев. Н. Шляковъ подъ редакціей Р. Брандта. Вып. III. Языки малорусскій и русскій. Москва. *886 г. Отдѣльный оттискъ изъ Изв. Нѣж. Ист. Фил. Института.

Къ малорусскому языку, или, точнѣе говоря, къ малорусскому нарѣчію Миклошичъ, какъ извѣстно, отнесъ нарѣчіе бѣлорусское, какъ говоръ малорусскаго. Такимъ образомъ въ настоящемъ выпускѣ находимъ морфологическія свѣдѣнія по 3 нарѣчіямъ русскаго языка: малорусскому, бѣлорусскому и великорусскому.

Выпускъ этотъ по количеству примѣчаній значительно превосходитъ предыдущіе. Примѣчанія большей частію сдѣланы редакторомъ, только въ великорусскомъ отдѣлѣ есть нѣсколько примѣчаній и переводчика. Характеръ ихъ тотъ-же самый, что и въ предыдущихъ выпускахъ: поправки, дополненія и полемика съ авторомъ. Въ словахъ тщательно вездѣ проставлены ударенія, что далеко не будетъ лишнимъ и для русскихъ, не говоря уже объ иностранцахъ. Въ малорусскомъ отдѣлѣ Миклошича латиница замѣнена кулишовкой.

На основаніи имѣющихся выпусковъ можно смѣло сказать, что переводъ части Миклошичева капитальнаго труда, снабженный Брандтовскими примѣчаніями, имѣетъ болѣе интереса и значенія, чѣмъ самый подлинникъ.

Н. Сарычевъ.

Бѣлорусскій Сборникъ Романова. Томъ I. Губ. Могилевская. Выпускъ 1-й и 2-й, пѣсни, пословицы и загадки, Кіевъ 1886 г. 468 стр. въ обоихъ выпускахъ.

Собираніемъ произведеній народнаго творчества бѣлоруссовъ г. Романовъ, судя по его словамъ, сталъ заниматься съ 1876 г. Матеріалъ, накопившійся въ теченіе этого времени, онъ распредѣляетъ въ 4-хъ выпускахъ: 1-й и 2-й составляютъ пѣсни, пословицы и загадки, 3-й—сказки и 4-й — словарь и сводъ особенностей бѣлорусскаго нарѣчія. Пока вышли изъ печати только первыя два выпуска, заключающіеся въ настоящемъ сборникѣ. Сборнику этому Романовъ предпосылаетъ краткое предисловіе (въ 10 стр.), которое главнымъ образомъ посвящено оцѣнкѣ предшедствующихъ бѣлорусскихъ сборниковъ: Гильтебрандта — Гродненская и Виленская губ. (1866 г.),—Дмитріева—Минская (1869), Безсонова—Могил. (1871), Носовича—Минская и отчасти Могил. (1874), Шейна—Витебская (1874) и Дембовецкаго—Могилевская (1882). О своемъ собственномъ сборникѣ авторъ говоритъ весьма мало. Онъ даже умалчиваетъ, какимъ образомъ были записываемы пѣсни: съ голоса или пересказа. Упомянуть объ этомъ совсѣмъ не было-бы лишнимъ, потому что рѣдкій пересказчикъ можетъ правильно сообщить пѣсню. Онъ непремѣнно гдѣ нибудь ее перековеркаетъ или вставитъ лишнее слово, или не соблюдетъ размѣра. Примѣры несоблюденія размѣра встрѣчаются кое-гдѣ въ сборникѣ Романова; камъ на стр. 6: «а чуи и жены бѣлыя якъ лебедки», ст. 56: «охъ, вы хлопцы, проудалы молойцы, уставайте вы рано, новые возы мажте».

Дѣленіе пѣсенъ авторъ сборника принялъ искусственное и притомъ одно изъ неудачныхъ. Онъ сожалѣетъ, что поздно додумался до естественнаго дѣленія, хотя и имѣлъ примѣръ такого дѣленія въ сборникѣ Дембовецкаго. Какъ мѣстный житель, онъ вполнѣ могъ-бы воспользоваться этимъ дѣленіемъ. Естественное дѣленіе несомнѣнно имѣетъ преимущество надъ искусственнымъ. Далеко не безразлично знать, въ какое время года поется извѣстная пѣсня. Своевременность пѣнія пѣсенъ строго соблюдается народомъ. Пѣть пѣсню въ необычное время считается предосудительнымъ.

Всѣхъ пѣсенъ въ сборникѣ Романова 1,210. Распадаются онѣ на слѣдующіе отдѣлы: семейныя (163 №), чумацкія (14), арестанскія, разбойничьи (9), рекрутскія, военныя (82), любовныя (182), дѣтскія, колыбельныя, игорныя, шутливыя (79), юмористическія (95), припѣвы (300), веснянки, купальскія, толочныя, живныя (95), волочейныя (11), свадебныя (145), духовныя (8), хороводныя (19), щедровки (8).

Ради экономіи мѣста авторъ помѣстилъ по два и даже по три стиха въ строчкѣ. Въ большинствѣ пѣсенъ отмѣчено мѣсто записи (непомѣченныхъ пѣсенъ около 200), отмѣчены варіанты и кое-гдѣ сходныя

великорусскія и малорусскія пѣсни. Если-бы авторъ взялъ на себя трудъ сравнить пѣсни, то увидѣлъ-бы, что добрую половину его сборника можно отнести то къ великорусскимъ, то къ малорусскимъ пѣснямъ. Нѣкоторыя представляютъ значительные варіанты, а другія никакого, напр., «удоль по мору, мору синяму».

По содержанію многія изъ пѣсенъ весьма интересны: въ однихъ мы видимъ остатки сѣдой старины, другія поражаютъ своимъ глубокимъ лиризмомъ.

Пословицъ въ сборникѣ 757 и загадокъ 450. И тѣ и другія распредѣлены не по содержанію, какъ, напр., у Даля, но по начальнымъ буквамъ, въ алфавитномъ порядкѣ, что крайне неудобно для справокъ. При такомъ дѣленіи довольно часто повторяются однѣ и тѣ-же пословицы. Примѣровъ у г. Романова есть нѣсколько; такъ: «коса на камень трапила» и «трапила коса на камень».

Подводя итогъ, мы должны повторить слова автора: «Обращаясь къ издаваемой части нашего скромнаго труда, находимъ нужнымъ, ни мало не колеблясь, заявить, что мы относимъ себя въ дѣлѣ собиранія произведеній устной народной поэзіи бѣлоруссовъ къ чернорабочимъ». Конечно, собираніе пѣсенъ дѣло не легкое; но все-таки отъ десятилѣтняго труда мѣстнаго жителя можно ожидать большаго.

Н. С.

Редакціи газетъ и журналовъ, получающія „Извѣстія“ въ обмѣнъ на свои изданія.

1) Петербургскихъ.

«Библіографъ». Измайловскій полкъ, 1 рота, д. 22, кв. 5.
«Вѣдомости С.-Петербургскаго Градоначальства». Казанская ул., 46.
«Вѣстникъ Министерства Финансовъ». Въ зданіи Минист. Фин., Дворцовая площадь.
«Дневникъ Писателя». Николаевская ул., д. 65. А.
«Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Большая Мастерская, 11, кв. 4.
«Игрушечка». Бассейная ул., 21, кв. 8.
«Извѣстія Императорскаго Географическаго Общества». У Чернышева моста, зданіе 6-й гимназіи.
«Иллюстрированный Міръ». Невскій просп., д. 76.
«Книжный Вѣстникъ». Б. Конюшенная, 29, кв. 7.
«Kraj». Площ. Большаго театра, 10.
«Морской Сборникъ». Вас. Остр. 9 лин., д. 2. Ред. Г. Зеленому.
«Народная Школа». Поварской пер., 5.
«Недѣля». Ямская ул., 6.
«Новое Время». М. Итальянская, 18, кв. 18.
«St. Petersburger Zeitung». Невскій просп., 20.
Православное Палестинское Общество. Дворцовая Набережная, 32.
«Родина». Пушкинская ул., 10.
«Родникъ». Никольская площ., 4.
«Русская Старина». Б. Подъяческая, 7.
«Русскій Начальный Учитель». М. Мастерская, 10, кв. 5.
«Русскій Слѣпецъ». Казанская ул., 5.
«Свѣтъ». Фонтанка, 74.
«Странникъ». Невскій просп., 167.
«Сѣверный Вѣстникъ». Уголъ Николаевской ул. и Кузнечнаго пер., д. 26, кв. 6.
«Христіанское Чтеніе». Александро-Невская лавра. Духовная Академія.
«Церковный Вѣстникъ». Александро-Невская лавра. Духовная Академія.
«Церковно-общественный Вѣстникъ». Владимірскій просп., 13, кв. 8.

2) Редакціи газетъ и журналовъ иногородныхъ.

«Варшавскій Дневникъ». Варшава, Медовая, 18.
«Виленскій Вѣстникъ». Вильна.
«Вѣра и Разумъ». Харьковъ.
«Душеполезное Чтеніе». Москва.

«Дѣтская Помощь». Москва.
«Заря». Кіевъ.
«Извѣстія Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко». Нѣжинъ, г. Черниг. губ.
«Кіевлянинъ». Кіевъ.
«Кіевская Старина». Кіевъ, Трехсвятительская, 8.
«Кіевскія Университетскія Извѣстія». Кіевъ. Университетъ.
«Kłosy». Варшава, Новый Свѣтъ, 41. Г-ну С. Левенталь.
«Литовскія Епархіальныя Вѣдомости». Вильна.
«Московскія Вѣдомости». Москва.
«Московскія Церковныя Вѣдомости». Москва.
«Новороссійскій Телеграфъ». Одесса, Херсонской губ.
«Одесскій Вѣстникъ». Одесса, Херсонск. губ. Воронцовскій пер., 8.
«Пастырскій Собесѣдникъ». Воронежъ, губ. г.
«Православный Собесѣдникъ». Казань.
«Рижскій Вѣстникъ». Рига, г. Лифляндской губ.
«Русская Библіотека». Москва. Петровка, д. Кредитнаго Общества.
«Русскій Курьеръ». Москва.
«Русское Дѣло». Москва, Б. Дмитровка, д. Солодовникова.
«Современныя Извѣстія». Москва.
«Творенія Святыхъ Отцовъ». Сергіевскій пос. Моск. губ.
«Филологическій Вѣстникъ», Варшава.
«Церковно-Археологическое Общество». Кіевъ. Духовная Академія.
«Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія». Москва.
«Южный Край». Харьковъ.

3) Редакціи газетъ и журналовъ заграничныхъ.

«Amerikán». North America. United States. Chicago.
«Буковина». Oesterreich. Czernowitz.
«Вѣстникъ Народнаго Дома». Oesterreich. Lemberg.
«Věstnik». Wien. Breitegasse, 4.
«Věstnik obchodnické omladiny česko-slovanské». Oesterreich. Böhmen. Prag.
«Věstnik Hrvatskoga Arkeologickoga družtva». Zagreb.
«Глас Црногорца». Montenegro. Zetinje.
«Гласник Србскога Учепог Друштва». Serbien. Belgrad.
«Драшков Рaбош» Dalmazien. Спльет. Јово Метличић.
«Държавенъ Вѣстникъ». Bulgarie. Sophia.
«Застава». Neusatz. Нови Сад, уредништву Заставе.
«Изданія Общества Качковскаго». Oesterreich. Lemberg.
«Истина». Oesterreich. Dalmatien. Zadar.
«Květy». Oesterreich. Böhmen. Prag.
«Listy filologické a pedagogické». Oesterreich. Böhmen. Prag
«Листокъ». Poroskó Ungmegye.
«Narodnie Noviny». Turoč-Szent-Marton.
«Научно Списание». Bulgarie. Gabrovo.
«Независимость». Bulgarie. Sophia.
«Новый Проломъ». Oesterreich. Lemberg.
«Odjek». Serbie. Београд. Обилићев венац бр. 22.
«Osvěta». Oesterreich. Böhmen. Prag. Praha ve Vinohradech, v ulici Čelakovského, čis, 165.
«Parlamentär». Wien, I, Reichsrathsplatz, 8.
«Pokrok Západu». North America. Nebraska. Omaha. Ser. W. J. Joung.
«Politik». Oesterreich. Böhmen. Prag.
«Posel z Podhoří». U Rychnově nad Kněžnu.
«Rogač». Oesterreich. Laibach. Ljubljana na Kongrešnem trgu, v. Rud. Kirlischevi hiši.
«Slovan». Oesterreich. Laibach. Ljubljana na Kongrešnem trgu, štev 7.
«Slovanský Sbornik». Oesterreich. Böhmen. Prag. Karlové nam. č. 34.
«Slovenskè Pohlady». Ungarn, Turocz—Szent.—Marton.
«Слово». Oesterreich. Lemberg.
«Slovenski Narod». Oesterreich. Laibach.
«Сбобран». Oesterreich. (Agram) Zagreb, Месничка ул. бр. 1.
«Србски Лист». Oesterreich. Dalmatien. Zadar.
«Старообрядецъ». Oesterreich. Galicien. Kolomea.
«Страхопудъ». Oesterreich. Lemberg.
«Търновка Конституція». Bulgarie. Sophia. Срѣдецъ.
«Уставност». Serbien. Belgrad.
«Hrvatska». Oesterreich. Kroatien. Agram. Zagreb.
«Янтра». Bulgarie. Tirnov.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВѢСТНИКЪ

ФИНАНСОВЪ, ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ,

УКАЗАТЕЛЬ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХЪ РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО МИНИСТЕРСТВУ ФИНАНСОВЪ,

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Будетъ издаваться въ 1886 году по прежней программѣ, состоящей изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I) Правительственныя распоряженія по министерству финансовъ.—II) Обозрѣнія важнѣйшихъ отраслей государственнаго и народнаго хозяйства въ Россіи и въ первостепенныхъ державахъ. Законодательство. Статистическія свѣдѣнія.

Въ настоящій отдѣлъ войдутъ слѣдующіе предметы:

1) Финансы.—2) Кредитъ и кредитныя учрежденія. Биржи.—3) Обработывающая промышленность.—4) Внутренняя и внѣшняя торговля.—III) Консульскія донесенія о состояніи торговли и промышленности въ иностранныхъ государствахъ.—**IV) Библіографія.—V) Корреспонденціи** изъ заграницы и изъ провинціи.—**VI.) Балансы** государственныхъ и частныхъ кредитныхъ учрежденій.—**VII) Отчеты** кредитныхъ учрежденій, торговыхъ и промышленныхъ обществъ и товариществъ.—**VIII) Объявленія.**

Газета будетъ выходить разъ въ недѣлю.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки 6 руб., съ доставкою 7 руб., съ пересылкою во всѣ мѣста Имперіи 7 руб., съ пересылкою за границу 12 руб.

Подписка принимается только на годъ.

Съ требованіями обращаться въ редакцію (въ Министерствѣ Финансовъ, зданіе Главнаго Штаба) и къ главнѣйшимъ книгопродавцамъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на

„ВАРШАВСКІЙ ДНЕВНИКЪ“

въ 1886 году.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Въ Варшавѣ:				Съ пересылкою:			
На годъ	9 руб.	60 коп.		На годъ	12 руб.	— коп
» полгода	4 »	80 »		» полгода	6 »	— »
» три мѣсяца	2 »	40 »		» три мѣсяца	3 »	— »
» мѣсяцъ	— »	80 »		» мѣсяцъ	1 »	— »

За границу (подъ бандеролью), на годъ — 15 руб., полгода — 7 руб. 50 коп., три мѣсяца — 3 руб. 75 коп., мѣсяцъ—1 руб. 25 коп.

Для уѣздныхъ и гминныхъ управленій, магистратовъ и гминныхъ судей по 10 руб., а для лицъ изъ православнаго духовенства и начальныхъ учителей по 8 руб.

Годовые подписчики, внесшіе не-уменьшенную подписную сумму по 1-е будущаго февраля, получаютъ въ видѣ преміи повѣсть К. Каренина изъ эпохи 60-хъ годовъ

„НА ПОЧВѢ ПЛЕМЕННОЙ БОРЬБЫ“.

Требованія, съ приложеніемъ денегъ, адресуются въ Контору Редакціи «Варшавскаго Дневника», Варшава, Медовая, № 20.

Корреспонденціи о мѣстныхъ дѣлахъ принимаются съ признательностью и, по требованію корреспондента, оплачиваются по мѣрѣ ихъ важности.

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Θ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Θ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ. . — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Θ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky.** S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ** А. Θ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Θ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія.** . . . . 2 » 80 »

Примѣчанія: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ раззоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе дес[illegible] руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общ[illegible] собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ вс[illegible] сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собран[illegible] печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются однов[illegible]менно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества"**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

Редакторы Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 9

СЕНТЯБРЬ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 9. Сентябрь. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшихся 6 и 17 іюля, 3 и 19 августа, между прочимъ, постановлено: *въ первомъ:* а) выдать въ пособіе: 1 добровольцу, 1 вдовѣ добровольца съ дѣтьми и 1 женѣ добровольца 60 р.; 1 болгарину 25 р. и 1 сербу 50 р.; б) просьбы 2 болгаръ и 1 черногорца, о пособіи, отослать, на зависящее распоряженіе, въ Азіатскій Департаментъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ; и в) утвердить расходы, произведенные съ 8 іюня по 6 іюля, на 1051 р. 10 к.; *во второмъ:* а) выдать въ пособіе: 1 галичанину 100 р. и 1 болгарину 25 р. и б) утвердить расходы, произведенные съ 6 по 17 іюля на 1000 р.; *въ третьемъ:* а) выдать въ пособіе: 2 добровольцамъ 30 р., 1 болгарину 25 р. и одной славянской православной церкви 250 р.; б) просьбу 1 вдовы добровольца, о назначеніи ей пенсіи, передать въ Сербское Посольство въ Петербургѣ; в) просьбы 2 чеховъ, о доставленіи имъ какихъ либо мѣстъ, отклонить; г) по просьбѣ 1 галичанина, о пособіи, просить ректора Волынской духовной семинаріи доставить его заключеніе—и д) утвердить расходы, произведенные съ 17 іюля по 3 августа на 1755 р. 71 к. и *въ четвертомъ:* а) выдать: заимообразно 1 черногорцу 150 р., 1 сербу, 1 галичанину и 2 добровольцамъ 95 р.; б) отложить до слѣдующаго засѣданія обсужденіе просьбы 1 стипендіата, о назначеніи ему пособія; в) просьбу 1 добровольца, о высылкѣ ему пенсіи за май, іюнь и іюль, отослать, по принадлежности, къ Сербскому посланнику; г) просьбу 1 лица, о пособіи, какъ невходящую въ кругъ дѣятельности Славянскаго Общества, отклонить и д) утвердить расходы, произведенные съ 3 по 9 августа на 262 р. 85 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 іюля по 1 сентября 1886 г. поступило: а) изъ церковныхъ кружекъ г. С.-Петербурга: № 32, въ церкви Вознесенія Господня—16 р. 31 к.; Малоохтенской Маріинской церкви, свящ. П. Троицкаго — 10 р.; чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: протоіерея Скорбященской церкви, В. Гиляровскаго—36 р. 49 к., Васильеостровскаго округа, прот. І. Исполатова — 13 р. 29 к.; Выборгско-Петербургскаго округа, прот. Д. Приселкова—17 р. 30 к.: б) иногородныя: чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: Александровскаго уѣзда, 4 округа, свящ. Н. Бѣляева—6 р. 38 к.; настоятеля Лукіанской пустыни, игумена Митрофана—1 р.; Ардатовскаго уѣзда, свящ. І. Нарциссова—2 р. 50 к.; г. Арзамаса, прот. І. Страгородскаго—12 р. 92 к., изъ уѣзда,

2 округа, свящ. М. Яхонтова—7 р. 77 к.; г. Архангельска, епархіальнаго управленія — 78 р. 90 к.; г. Балахны, свящ. В. Тріумфова—3 р. 88 к.; изъ уѣзда, 4 округа, свящ. А. Василькова—3 р.; Балтскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Д. Пашкова—13 р. 47 к.; Бобруйскаго уѣзда, 4 округа, свящ. А. Смолича—4 р.; Болховскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Васильевскаго—3 р. 69 к.; Боровскаго уѣзда, свящ. П. Георгіевскаго — 3 р. 55 к.; Брянскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Діесперова - 3 р. 63 к.; г. Бѣлаго, прот. П. Синявскаго—8 р. 85 к.; изъ уѣзда, 3 округа, свящ. І. Медвѣдкова—3 р.; 2 округа, свящ. А. Михаловскаго—10 р. 35 к.; 4 округа, свящ. В. Руженцева—7 р. 35 к.; Волковскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Лобковскаго—6 р. 10 к.; Вельскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Птохова—1 р. 79 к.; губ. г. Владиміра, архіерейскаго домоправленія—2 р.; настоятельницы Успенскаго монастыря, игуменіи Агланды—2 р.; изъ уѣзда, свящ. В. Баскакова—5 р. 50 к.; свящ. І. Бесѣдина—6 р.; 3 округа, свящ. І. Талантова—5 р.; г. Вологды, духовной консисторіи—7 р. 65 к.; каѳедральнаго Софійскаго собора—2 р. 55 к.; свящ. К. Голубева—93 к.; Волчанскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Ефимова—18 р. 59 к.; Вяземскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Баронова—6 р. 83 к.; г. Вязниковъ, прот. І. Смирнова—3 р. 19 к.; изъ уѣзда, 2 округа, прот. О. Вишневецкаго—5 р. 70 к.; 3 округа, свящ В. Малинина — 5 р. 1 к.; г. Вятки, настоятельницы Преображенскаго монастыря, игуменіи Иментіаны—4 р. 65 к.; Успенскаго Трифонова монастыря—2 р. 80 к; изъ уѣзда, 3 округа, свящ. А. Заворохина — 4 р.; 2 округа, прот. К. Спасскаго—5 р.; г. Гадяча, прот. І. Пивоварова - 2 р. 3 к.; изъ уѣзда, 2 округа, свящ. І. Мартиновича—1 р. 80 к.; и свящ. В. Назаревскаго—2 р. 15 к.; г. Гжатска, свящ. І. Сенковскаго - 5 р. 25 к.; Глазовскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Дернова—3 р. 55 к.; Горбатовскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Д. Коронатова—2 р.; Гороховецкаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Алявдина—5 р. 30 к.; 3 округа, свящ. А. Харизоменова—5 р.; г. Градижска, прот. В. Зѣньковскаго — 1 р. 60 к.; г. Дорогобужа, прот. А. Медвѣдкова — 8 р.; изъ уѣзда, 3 округа, свящ. Е. Попова—4 р. 45 к.; 2 округа. свящ. С. Чулкова—5 р.; Духовщинскаго уѣзда, 4 округа, свящ. М. Кулагина — 2 р. 20 к.; свящ. А. Насѣдкина—4 р. 50 к.; Егорьевскаго уѣзда, намѣстника Николае-Радовицкаго монастыря, игумена Нестора — 9 р. 45 к.: Елабужскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Казаринова — 4 р.; 2 округа, свящ. В. Лагунова—4 р. 30 к.; 1 округа, прот. Н. Макарова — 17 р. 85 к.; 3 округа, свящ. Н. Тукмачева—5 р. 5 к.; г. Ельца, свящ. П. Илеховцева — 7 р. 60 к.; изъ уѣзда, 3 округа, свящ. П. Вуколова—20 р.; и 1 округа, свящ. Н. Макарьева—4 р. 55 к.; г. Ельни, прот. В. Пашина — 50 к.; изъ уѣзда, свящ. М. Волочкова—4 р.; 1 округа, свящ. Д. Пляшкевича—2 р. 47 к.; Жиздринскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Архангельскаго—19 р.; Зміевского уѣзда, 1 округа, прот. А. Сильванскаго—13 р.; и 3 округа, свящ. І. Чудновскаго—4 р. 3 к.; г. Золотоноши, прот. Г. Билинскаго—5 р. 45 к.; изъ уѣзда, свящ. С. Андріевскаго—1 р. 79 к., 3 округа, свящ. А. Роменскаго—2 р.; г. Зѣнькова, прот. В. Гринько—4 р. 48 к.; изъ уѣзда, свящ. Ѳ. Павловскаго - 8 р. 80 к.; Изюмскаго уѣзда, 3 округа, прот. А. Литвинова — 7 р.; 2 округа, прот. Ѳ. Любарскаго—2 р. 67 к.: 1 округа, свящ. С. Роменскаго—4 р. 21 к.; г. Казани, духовной консисторіи—79 р. 23 к., г. Каменецъ-Подольска, прот. І. Левицкаго—1 р. 69 к.; изъ уѣзда, 2 округа, прот. І. Гайдзулевича—14 р.; Карачевскаго уѣзда, 2 округа, прот. Д. Азбукина - 9 р. 80 к.; 1 округа, прот. В. Любомирскаго—34 р. 90 к., г. Кишинева, духовной консисторіи—15 р. 10 к.; Княгининскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Бутурлина—4 р. 40 к.; 4 округа, свящ. І. Лебедева — 2 р.; Кобелякскаго уѣзда, свящ. І. Яковскаго — 2 р. 82 к.; г. Коврова, прот. А. Радугина — 88 к.; изъ уѣзда, свящ. П. Дебрскаго—1 р. 40 к.; 3 округа, свящ. І. Миловидова—3 р. 10 к.; свящ. Е. Стурницкаго — 2 р. 50 к.; Кологривскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Лебедева—1 р. 71 к.; Константиноградскаго уѣзда, 2 округа, прот. Н. Иванова — 4 р.; 4 окр. свящ. Ѳ. Сребницкаго—2 р. 4 к.; Костромскаго уѣзда, свящ. П. Селитскаго—2 р.; Котельничскаго уѣзда, 1 округа, прот. С. Кувшинскаго—11 р. 20 к.; 4 округа, свящ. Д. Овчинникова—4 р. 70 к.; г. Краснаго, свящ. Г. Жданова — 1 р. 50 к.; изъ уѣзда, 3 округа, свящ. М. Криницкаго—5 р. 11 к.; 2 округа, свящ. А. Лебедева—4 р. 25 к.; свящ. А. Полканова—7 р.; Кромскаго уѣзда, 1 округа, прот. Васильева—8 р.; 3 округа, свящ. Г. Троепольскаго—7 р. 29 к.; 2 округа, свящ. В. Успенскаго—2 р. 30 к.; Лаишевскаго уѣзда, свящ. Ф. Петрова—12 р.; Лебединскаго уѣзда, 3 округа; свящ. М. Лободовскаго — 21 р.; 1 округа, свящ. К. Щелкунова—9 р. 90 к., Летичевскаго уѣзда, 5 округа, прот. М. Гербановскаго - 6 р.; Ливенскаго уѣзда, 1 округа, свящ. С. Тезавровскаго — 9 р. 60 к., Литинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Н. Писаревскаго—11 р., г. Лохвицы, свящ. Н. Негеевича—4 р. 40 к.; изъ уѣзда. свящ. Ѳ. Михайловскаго—7 р. 5 к. свящ. Е. Черницкаго—1 р. 85 к; Лубенскаго у., 2 окр., свящ. Н. Бельговскаго—2 р.; свящ. С. Михайловскаго—2 р. 75 к.; свящ. І. Новицкаго—4 р. 84 к.; Лукояновскаго уѣзда, 1 округа, свящ. Н. Лебединскаго—3 р. 3 к.; Любимскаго уѣзда, свящ. І. Волкова — 3 р. 40 к.; свящ. Н. Волкова—2 р. 30 к.; Макарьевскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Глазкова—1 р 80 к.; 4 округа, свящ. А. Лебедева—3 р. 90 к.; Малмыжскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Лупцова — 3 р.; 1 округа, свящ. В. Люперсольскаго — 7 р. 45 к.; Малоярославскаго уѣзда, свящ. Н. Ремизова—7 р. 86 к.; г. Меленокъ, прот. В. Попова - 2 р. 60 к.; изъ уѣзда, свящ. П. Дмитревскаго—3 р. 60 к.; 3 округа, свящ. П. Миртова—7 р. 60 к.; 3 округа, свящ. В. Смиренина — 1 р. 27 к.; Минскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Д. Смолича—5 р.; Миргородскаго уѣзда, прот. Ѳ. Акимовича—2 р. 50 к.; Мозырскаго уѣзда, 1 округа, прот. А. Савича—10 р.; г. Мологи, прот. А. Красносельскаго—1 р.; Моршанскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Воскресенскаго—13 р.; г. Мурома, игуменіи Троицкаго монастыря Персиды—1 р.; прот. А. Аменицкаго—5 р. 50 к.; прот. А. Орфанова—2 р.; изъ уѣзда, 3 округа, прот. Г. Валединскаго—1 р. 45 к.; 2 округа, свящ. Е. Варваринскаго—5 р. 30 к.; 1 округа, свящ. В. За-

колпскаго—9 р. 50 к.; Мценскаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Кедрова—5 р.; г. Нарвы, прот. І. Любимова — 3 р. 22 к.; Невельскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Бобровскаго—6 р.; г. Нейшлота, 2 округа, прот. С. Скородумова—95 к.; Нижняго-Новгорода, прот. Д. Страхова—19 р. 46 к.; изъ уѣзда, 3 округа, свящ. П. Коридалина—4 р. 80 к.; 4 округа, свящ. Ѳ. Счастнева—10 р.; Никольскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Копосова—12 р. 10 к.; 4 округа, свящ. А. Прокошева—11 р.; 1 округа, свящ. В. Ушакова—3 р. 35 к.; Новоладожскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Землянскаго—10 р. 32 к.; 4 округа, свящ. А. Лаврова—9 р. 75 к.; Нолинскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Люминарскаго—11 р. 71 к.; г. Орлова, настоятеля Спасо-Орловскаго зашт. монастыря, архимандрита Антонія—1 р. 10 к.; изъ уѣзда, 1 округа, свящ. І. Емельянова — 5 р. 26 к.; 2 округа, прот. В. Мышкина—5 р. 2 к.; Переяславскаго уѣзда (Владимірской губ.), свящ. С. Громова — 3 р. 15 к.; 3 округа, прот. І. Добротворскаго—10 р.; 2 округа, свящ. І. Парійскаго — 7 р. 42 к.; свящ. А. Успенскаго — 15 р.; Переяславскаго уѣзда (Полтавской губ.), свящ. В. Коничковскаго— 3 р. 25 к.; 7 округа, свящ. І. Лонгинова—3 р.; свящ. І. Триннольскаго—4 р.; свящ. Н. Фесенко—3 р. 75 к.; г. Петергофа, причта Свято-Троицкой церкви—2 р.; Пирятинскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Ѳ. Болгарскаго — 5 р. 61 к.; 2 округа, свящ. А. Куклярскаго — 2 р. 59 к.; 4 округа, свящ. А. Манжевскаго — 2 р. 45 к.; Покровскаго уѣзда, 2 округа, прот. Т. Соколова—15 р.; Полтавскаго уѣзда, 4 округа, свящ. В. Курдиновскаго—2 р.; Порѣчскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Каченовскаго—3 р.; 3 округа, свящ. І. Руженцева—1 р. 67 к.; 2 округа, свящ. А. Савинскаго—2 р. 40 к.; зашт. г. Починнокъ, прот. К. Писарева—10 р. 76 к.; Прилукскаго уѣзда, свящ. С. Иваницкаго — 2 р. 15 к.; 5 округа, свящ. І. Концевича—2 р. 20 к.; свящ. Т. Тройницкаго — 1 р. 70 к., Приморской области, свящ. С. Петролотнова — 3 р.; Роменскаго уѣзда, свящ. В. Скитскаго — 7 р. 10 к.; Рославльскаго уѣзда, свящ. Н. Полубинскаго—6 р.; г. Ростова (Ярославской губ.), свящ. А. Розова—1 р. 50 к.; Рыбинскаго уѣзда, свящ. А. Полетаева - 3 р.; г. Рязани, духовной консисторіи—102 р. 87 к.; Сарапульскаго уѣзда, 4 округа, свящ. В. Раевскаго—8 р.; Свіяжскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Муратовскаго - 9 р.; 2 округа, свящ. Д. Смирягина—5 р. 30 к.; Семирѣченской области, свящ. І. Боголюбова— 5 р.; Сергачскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Добротворскаго—8 р. 72 к.; 4 округа, свящ. Ѳ. Лаврова — 2 р. 75 к.; 2 округа, свящ. П. Серебровскаго—2 р.; намѣстника Крестовоздвиженскаго монастыря, игумена Агаѳангела— 1 р. 10 к.; настоятельницы Христорождественскаго монастыря игуменіи Маріи—2 р. 50 к.; прот. Н. Пинегина—6 р. 84 к.; 4 округа, свящ. Н. Шкляева—5 р. 52 к.; г. Слуцка, прот. Чулковскаго—2 р.; г. Смоленска, духовной консисторіи—67 к.; свящ. К. Вишневскаго—3 р. 55 к.; изъ уѣзда, 2 округа, прот. І. Волочкова—5 р. 40 к.; 3 округа, свящ. П. Чаплина— 3 р.; Сольвычегодскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Пахолкова — 2 р. 70 к.; Спасскаго уѣзда (Казанс. губ.), 1 округа, прот. А. Преображенскаго—2 р. 25 к.; 3 округа, свящ. Д. Чудновскаго—4 р.; Старобѣльскаго уѣзда, 5 округа, свящ. В. Алексѣевскаго—4 р. 61 к.; 2 округа, свящ. В. Попова—6 р. 30 к.; 1 округа, свящ. Н. Шокотова—4 р. 50 к.; 3 округа, прот. Н. Ѳедорова — 1 р. 30 к.; Стерлитамакскаго уѣзда, 3 округа, свящ. Н. Геллертова — 5 р.; г. Судогды, прот. А. Бѣляева — 1 р. 28 к.; изъ уѣзда, 2 округа, свящ. І. Сергіевскаго — 4 р. 75 к.; свящ. І. Смирнова — 4 р. 71 к.; Суздальскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Георгіевскаго—3 р. 40 к.; 3 округа, свящ. І. Семеновскаго—8 р.; 4 округа, свящ. П. Тихомирова — 7 р. 60 к.; Сумскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Никольскаго—21 р. 20 к.; г. Сычевки, свящ. В. Крапухина — 1 р. 5 к.; прот. А. Мирленкова—1 р. 30 к.; Сычевскаго уѣзда. 2 округа, свящ. І. Попова—2 р. 35 к.; 1 округа свящ. Е. Маторина—5 р. 85 к.; Сѣвскаго уѣзда, 3 округа, прот. М. Крылова—4 р. 44 к.; 2 округа, свящ. М. Милосердова—5 р.; 5 округа, свящ. Д. Радина—6 р. 42 к.; 1 округа, прот. І. Святскаго—5 р. 90 к.; Темниковскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Реморова—4 р. 31 к.; Тетюшскаго уѣзда, 2 округа, свящ. В. Давыдова— 6 р. 47 к.; Тотемскаго уѣзда, 2 округа, свящ. П. Богородскаго—3 р. 50 к.; Трубчевскаго уѣзда, 3 округа, свящ. П. Богословскаго—5 р. 23 к.; 2 округа, свящ. А. Генерозова—12 р. 30 к.; г. Тюмени, свящ. Д. Космакова—12 р. 80 к.; свящ. А. Соколова—6 р. 25 к; свящ. І. Тихомирова— 11 р. 70 к.; г. Углича, настоятельницы Богоявленскаго монастыря игуменіи Измарагды—4 р. 20 к.; изъ уѣзда, свящ. В. Морева—3 р. 15 к.; свящ. І. Троицкаго — 5 р. 50 к.; Уржумскаго уѣзда, 1 округа, прот. И. Мышкина—9 р. 90 к.; 3 округа, свящ. І. Поршнева—3 р. 55 к.; Устюгскаго уѣзда, 1 округа, свящ. А. Попова—1 р. 48 к.; Устьсысольскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Н. Доброумова—1 р.; 1 округа, свящ. Г. Мысова—7 р. 20 к.; 2 округа, свящ. М. Попова— 3 р. 95 к.; Ушицкаго уѣзда, 4 округа, прот. І. Гордецкаго—10 р. 18 к.; 3 округа, свящ. А. Лазаркевича—6 р. 40 к.; Хорольскаго уѣзда, свящ. П. Волкова—3 р. 46 к.; 1 округа, свящ. П. Клепачевскаго—1 р. 72 к.; Царевококшайскаго уѣзда, 1 округа, прот. В. Воздвиженскаго—4 р.; Чердынскаго уѣзда, свящ. В. Черепанова—8 р. 50 к.; г. Шуи, прот. Ф. Дунаева— 3 р. 40 к.; изъ уѣзда, свящ. А. Благосклонова—3 р. 6 к.; 4 округа, свящ. П. Виноградова—2 р.; г. Юрьева-Польскаго, настоятеля Архангельскаго монастыря архимандрита Модеста—1 р.; изъ уѣзда, 4 округа, свящ. А. Бережкова—2 р. 40 к.; 5 округа, прот. А. Благонравова—7 р.; 6 округа, свящ. А. Вишнякова—2 р. 83 к.; 3 округа, свящ. П. Воскресенскаго—2 р. 50 к.; свящ. А. Лебедева—2 р. 40 к.; Юхновскаго уѣзда, 1 округа, свящ. В. Бѣлавенцева—5 р.; прот. Е. Городецкаго—2 р.; свящ. П. Заболотскаго—2 р. 25 к.; свящ. В. Овсянникова—3 р. 75 к.; Ямпольскаго уѣзда, 6 округа, свящ. А. Княжицкаго—6 р.; 3 округа, прот. М. Коричковскаго — 11 р.; Яранскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Дернова - 6 р. 51 к.; 1 округа, прот. М. Никольскаго—10 р. 51 к.; Ярославскаго уѣзда, прот. І. Немірова—1 р. 75 к.; и свящ. Ѳ. Пеликанова—4 р. 60 к. **Итого 1744 р. 95 к., а съ прежде поступившими 5,308 р. 87 к.**

II. Славянское обозрѣніе.

Болгарія съ русской точки зрѣнія.

(Изъ Pall Mall Gazette) *).

«Русскіе, снова я читаю, азіатская орда». На этотъ разъ слова эти встрѣчаются на столбцахъ Daily-News, газеты обыкновенно вѣжливой и либеральной. Странно допускать подобную риторику; на первый разъ она поражаетъ и кажется не особенно практически полезной; но послѣ перваго пораженія нервы успокоиваются, и мы можемъ оцѣнить истинныя основы этихъ нелѣпыхъ нападеній. Когда русскіе согласны съ англичанами, эти послѣдніе говорятъ объ нихъ такъ, какъ прилично цивилизованнымъ людямъ говорить другъ о другѣ; но лишь только случится намъ имѣть свой взглядъ по одному изъ тысячи тѣхъ вопросовъ, по которому естественно возможны различные взгляды, англичане немедленно приходятъ къ тому заключенію, что мы воплощаемъ собой жестокое, закоренѣлое варварство Въ настоящее время дѣла въ Болгаріи идутъ совсѣмъ не такъ, какъ имъ хочется, и потому, конечно, органы всѣхъ партій забавляются выраженіемъ негодованія и угрозъ противъ Россіи. Если великій, могущественный народъ можетъ быть уничтоженъ крѣпкими словами и холостыми выстрѣлами газетъ, мы, конечно, должны безпокоиться, но это обстрѣливанье бранью перестало быть и забавнымъ и оскорбительнымъ. Употреблять средства парижскихъ мальчишекъ, чтобы усилить политическія несогласія—англійское народное свойство; но самая страшная гримаса не остановитъ теченія исторіи, и, быть можетъ, когда нибудь англичане поймутъ, какъ мало они выигрываютъ, подражая тактикѣ китайцевъ и ведя войну каррикатурами. Россія даже не пошевелится отъ такихъ нападеній, она улыбнется и съ яснымъ лицомъ пойдетъ своей дорогой.

Для такого славянина, какъ я, трогательно видѣть новорожденную преданность англійскихъ газетъ дѣлу болгарской свободы. Когда это дѣло было въ опасности, не англичане спасли Болгарію. Англійскій первый министръ шутилъ надъ тѣми убійствами, которыми турки старались задавить болгарскую народность. Англійское правительство поощряло турокъ отказывать болгарскому народу въ самоуправленіи. Англійская печать, англійскій посланникъ и англійскій адмиралъ поощряли пашей сопротивляться до послѣдней крайности освободительнымъ русскимъ войскамъ, а когда война была кончена и Болгарія была свободна отъ Дуная до Эгейскаго моря, Англія снова вмѣшалась и снова обратила въ рабовъ южныхъ славянъ. Главнымъ образомъ виною всего этого невѣжество; они ничего не знаютъ и потому нисколько не заботятся о страданіяхъ болгаръ, которыхъ такъ старательно принесли они въ жертву восемь лѣтъ тому назадъ на Берлинскомъ конгрессѣ. Даже принцъ Баттенбергскій больше сочувствуетъ южнымъ славянамъ, чѣмъ его хвалители въ Лондонѣ.

Въ то время, какъ англійскія газеты простодушно утверждаютъ, будто Болгарія Санъ-Стефанскаго договора возстановлена, князь Александръ, прощаясь съ болгарами, говоритъ имъ: «я первый буду просить допустить меня добровольцемъ въ случаѣ похода на Македонію!» Надѣюсь, не походъ только, но свобода, освобожденіе. Для каждаго славянина это ясно, какъ то, что каждый день солнце всходитъ. А почему? Потому что когда-либо, рано или поздно, должны быть по волѣ Россіи уничтожены и будутъ уничтожены послѣдніе слѣды вреда, произведеннаго въ Берлинѣ лордомъ Биконсфильдомъ.

Когда одна треть болгаръ повержена Англіей подъ пяту турецкихъ пашей, нелѣпо требовать отъ насъ, славянъ, чтобы мы вѣрили преданности Англіи дѣлу болгарской свободы. Уничтожьте прежде сдѣланный вредъ! Возвратите милліонамъ

*) Извѣстная русская писательница О. А. Новикова, до сихъ поръ помѣщавшая свои статьи въ англійскихъ журналахъ съ подписью О. К., нынѣ открывшая свое имя, помѣстила статью подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ въ названномъ журналѣ. Глубоко уважая дѣятельность этой писательницы, принесшей своими трудами такъ много пользы русскому дѣлу въ Европѣ, мы спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями этой замѣчательной статьей. *Ред.*

болгаръ свободу, дарованную ей Россіей и вами у нихъ отнятую. Когда это совершится, но никакъ не прежде, говорите славянамъ о вашей безкорыстной ревности къ болгарской свободѣ и къ интересамъ болгарской народности. Для славянъ, для которыхъ слово Македонія полно тяжелаго и волнующаго смысла, толки о живыхъ симпатіяхъ къ «возрождающимся народностямъ кажутся нестерпимымъ лицемѣріемъ. Точно ли Англія желаетъ помочь Болгаріи? Какимъ путемъ? Даже принцъ Баттенбергскій, который пользуется преимуществомъ родства съ королевской англійской фамиліей, получилъ только «нравственную» поддержку. Посланы были телеграммы, даже совѣты, настаивали на томъ, чтобы «несчастный» воротился къ своимъ бунтовавшимся подданнымъ; но можно ли основать династію телеграммами, можно ли платоническимъ сочувствіемъ поддержать колеблющійся строй. Въ частной жизни много значитъ доброе, любвеобильное слово, но въ политикѣ оно можетъ показаться насмѣшкой.

О послѣднемъ эпизодѣ болгарскихъ дѣлъ, о которомъ такъ много и широко разглагольствуютъ въ Европѣ, мнѣ не приходится много говорить; онъ только подтверждаетъ то, что я писала въ предшествующихъ письмахъ. Въ частности, онъ ясно выдвигаетъ тотъ центральный фактъ положенія, что Россія и Германія болѣе тѣсно соединены между собою, чѣмъ желательно допустить кому либо внѣ Россіи. Германія, а не Россія потребовала обезпеченія безопасности «заговорщиковъ», Германія, а не Россія посовѣтовала дурно направленному принцу отказаться отъ престола. Въ дѣлѣ Болгаріи Россія и Германія очевидно добрые друзья, — это центральный фактъ европейскаго положенія; надѣюсь, что англичане оцѣнятъ его значеніе. Обѣ политическія партіи, лордъ Салисбери и лордъ Росбери провозглашали, что истинная политика Англіи заключается въ исканіи германскаго союза. Конечно, это дѣло очень хорошее: Германія представляется сильнымъ, прочнымъ правительствомъ, не зависящимъ отъ капризовъ толпы, не боящимся идти впередъ, показывать дорогу. Все это очевидно, но союзники одной державы должны быть союзниками и другой. Вотъ почему и могу я сказать и лорду Салисбери и лорду Росбери, что они логически обязаны къ союзу англо-русскому, который, я не устану повторять это,—единственный ключъ къ миру на востокѣ. Что касается до бывшаго князя Болгаріи, отреченіе котораго захватило насъ неожиданно, то говорить о немъ рѣзко было бы непріятно. Онъ былъ нашъ ставленникъ; нашъ государь часто поддерживалъ его; онъ служилъ въ рядахъ нашихъ войскъ, но какъ правитель молодой страны онъ не оправдалъ нашихъ ожиданій, онъ не привелъ къ добру. Для насъ это источникъ большаго сожалѣнія, чѣмъ для кого нибудь въ Европѣ. *Говорятъ ad nauseam о томъ*, будто государь нашъ питаетъ личное нерасположеніе къ принцу. Если бы знали факты, не разсказывали бы такого вздора. Никому не извѣстно, какого пожертвованія личными чувствами стоило государю такое отношеніе къ принцу.

Молодой принцъ былъ племянникъ и любимецъ покойной императрицы, женщины высокаго ума и возвышеннаго благородства характера. Она была образцовой супругой, всѣми уважаемой, а дѣтьми обожаемой. Государь благоговѣетъ передъ ея памятью. Для него лично ея желаніе священно, онъ знаетъ лучше, чѣмъ кто либо другой, какія надежды возлагала она на несчастнаго принца. Но есть точка, за которой долгъ сыновній долженъ замолчать передъ долгомъ государя великаго народа. Когда эта точка была достигнута, государь «лучшій изъ русскихъ», какъ его иногда называютъ, не имѣлъ передъ собою выбора. Мы видимъ результаты, но не видимъ тѣхъ горькихъ сожалѣній, тѣхъ жестокихъ личныхъ страданій, которыя слѣдовали за неудачами повторявшихся попытокъ нашего государя примирить противоположные интересы Болгаріи и принца Баттенберга.

Легко говорить въ самоувѣренномъ тонѣ, что принцъ поступалъ «превосходно». Въ Англіи его не знаютъ,—вотъ и все. Это очевидно, ибо иначе не удивились бы его послѣдней телеграммѣ. Въ Англіи воображаютъ, что онъ неожиданно выразилъ небывалую преданность къ нашему императору. На дѣлѣ всѣ его телеграммы въ С.-Петербургъ составлялись въ почтитель-

номъ тонѣ. Въ послѣдней, какъ новость, поразилъ только легкій оттѣнокъ ироніи, который, я убѣждена въ томъ, съ негодованіемъ замѣтила вся Россія. Но я не полагаю, чтобы намекъ на назначеніе князя Долгорукаго имѣлъ какое нибудь вліяніе на тонъ отвѣта Его Величества, прочитаннаго всей Европой. Причина въ неискренности, двусмысленности, недобросовѣстности телеграммы. Въ Англіи всѣ кричатъ, что смиреннопреданный документъ не согласенъ съ дѣйствіями принца Баттенбергскаго; но онъ никогда иначе и не дѣйствовалъ, никогда не было согласія между его дѣлами и словами. Хроническое лицемѣріе сотенъ телеграммъ могло бы быть показано, если бы эти телеграммы могли быть напечатаны.

Могла ли Россія вдругъ сдѣлаться холодной къ благосостоянію Болгаріи? Болгарія ея созданіе, за которое она отвѣтственна и должна быть отвѣтственна. Къ сожалѣнію, это созданіе не вполнѣ удачно.

Каждая изъ европейскихъ державъ приняла на себя обязанность улучшить нѣкоторую часть султанскихъ владѣній: Франція взяла Тунисъ, Англія—Египетъ, Австрія—Боснію, Россія—Болгарію. Мы одни попробовали исполнить обязанности опекуновъ безъ оккупаціонной арміи. Неужели чрезмѣрно съ нашей стороны требованіе, чтобы правитель, черезъ посредство котораго мы пробуемъ совершить такое дѣло, какое другіе народы находятъ слишкомъ труднымъ даже при собственной арміи, былъ-бы человѣкъ, на слово котораго хоть сколько-нибудь можно положиться, честность котораго была-бы несомнѣнна, котораго силы не могли-бы быть направлены съ одной стороны на интригу противъ насъ, а съ другой написаніе телеграммъ съ увѣреніями въ глубокой преданности нашимъ цѣлямъ. Между Софіей и С.-Петербургомъ должно существовать согласіе, иначе раздоръ неизбѣженъ въ Болгаріи. Послѣ, когда Болгарія достигнетъ своихъ естественныхъ границъ, какъ достигла Сербія, явится возможность для болгарскаго патріота поддерживать правителя, который пораждалъ-бы рознь между его страной и Россіей. До тѣхъ поръ такая политика не можетъ быть терпима; пока дѣло Македоніи не выиграно, до тѣхъ поръ каждый болгаринъ знаетъ, что первѣйшій его долгъ относительно своего отечества заключается въ поддержаніи добрыхъ отношеній съ тою единственной державой, на которую можно положиться для окончательнаго освобожденія его братьевъ. Наше преобладаніе въ Софіи есть логическое послѣдствіе англійскаго преступленія въ Берлинѣ. Россія, конечно, должна руководиться интересами тѣхъ, благосостояніе и свобода которыхъ зависитъ отъ ея услугъ; но она одна должна рѣшать, какъ ей дѣйствовать, она одна можетъ выбрать нужное время для новыхъ жертвъ, новыхъ усилій. Неблагодарность—плохой залогъ для дарованія новыхъ милостей. Не знаю, какъ много правды въ томъ предположеніи, будто ничто такъ не помогло согласію трехъ державъ въ вопросѣ объ отреченіи, какъ-то, что принцъ Баттенбергъ замышляетъ походъ на Македонію? Мечты! Новое возстаніе въ Турціи въ сущности новая война между христіанами и мусульманами. Этого одного довольно для того, чтобы соединить между собой не только Россію, Германію и Австрію, но и всѣхъ друзей мира. Новая война съ Турціей нисколько не соблазнительна, да еще въ пользу популярности принца Баттенбергскаго!

Множество жалобъ болгаръ на князя и его дѣйствія достигли Петербурга. Его подданные увѣряли, что онъ составилъ большое личное состояніе изъ доходовъ болгарскаго княжества. Они опасались за исходъ его новаго займа, представляющаго сильное искушеніе для корыстолюбиваго высочества. Они заявляли, что въ то время, когда принцъ увѣрялъ нашего государя въ своей преданности и вѣрности Россіи, онъ проводилъ австрійскую интригу, поддерживалъ римскую пропаганду и дѣлалъ все, что могъ, чтобы гнести интересы славянъ, нападая на самый важный изъ этихъ интересовъ, на интересъ церкви. Православіе есть сильнѣйшая связь между славянами; — это признаютъ даже свободомыслящіе, хотя-бы фактъ этотъ имъ и не нравился. Въ то время, когда Европа болѣе всего нуждается въ мирѣ, принцъ Баттенбергскій неожиданно сталъ во главѣ переворота въ Восточной Руме-

ліи. Въ войнѣ, которая затѣмъ послѣдовала, онъ оказалъ мужество, но то, что онъ раздѣлялъ опасности съ славянами, не сдѣлало его стремленія болѣе славянскими, и даже конституціонная свобода, такъ любовно восхваляемая людьми запада, была имъ раздавлена.

Тогда случилось то, что обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ: правитель, который раздавилъ законъ и оперся на революцію, палъ жертвою беззаконнаго дѣйствія насилія отъ рукъ своихъ подданныхъ. Способъ дѣйствія былъ революціонный и потому защищать его невозможно. Прежде чѣмъ дѣйствовать, они не спросили совѣта у Россіи, они схватили принца и высадили на русскую территорію. Лишь только онъ высадился, онъ былъ принятъ со всей той вѣжливостью и тѣмъ уваженіемъ, къ которымъ обязывало положеніе только что имъ потерянное. Характеристично, что онъ и не подумалъ отрицать клеветы, распространяемой въ печати, о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ онъ будто-бы подвергался по пути во Львовъ. Быть можетъ онъ былъ слишкомъ занятъ, и эти бездѣлицы ему не были извѣстны. Достигнувъ Львова, онъ получилъ телеграмму изъ Англіи, приглашающую его воротиться.

Россія заявила свое намѣреніе сохранять пассивное положеніе. Мы отстранились отъ правителя, которому не довѣряемъ и торжественно объявили, что оставляемъ его. Затѣмъ онъ отрекается,—почему? Потому, что лучше чѣмъ кто нибудь другой онъ зналъ, что самъ по себѣ онъ держаться не можетъ, и что для него болѣе невозможно продолжать интригу противъ славянскихъ интересовъ подъ прикрытіемъ видимаго покровительства и поддержки славянскаго міра. Бѣдные славяне встрѣчали—въ томъ нѣтъ сомнѣнія—на своемъ пути много волненій, много трудностей, борьбы, но будемъ надѣяться, что они душа въ душу, соединенные, смѣшанные, довѣрчивые, торжествующіе, озаренннные возблистаютъ».

О. К.

Отвѣтъ Русскаго Царя принцу Александру Баттенбергскому.

Властное слово русскаго Царя—произнесено! На хитростный вопросъ принца Баттенбергскаго послѣдовала ясная, честная, сильная отповѣдь, сразу поставившая дѣло на его настоящую почву, прекратившая всякія сомнѣнія и колебанія. Такъ называемое «общественное мнѣніе Европы» сейчасъ-же перемѣнило тонъ, какъ мѣняетъ его всегда, когда начинаетъ опасаться, что нашему долготерпѣнію настанетъ конецъ. «Ну что-же, говоритъ оно намъ, если наши запугиванія и угрозы на васъ не подѣйствовали, если страшилища, нарисованныя на страницахъ нашихъ журналовъ и газетъ, васъ не испугали, и вы снова и дѣйствительно почувствовали себя русскими, славянами, православными, снова почувствовали себя призванными къ дѣятельности, не соглашаетесь «абдицировать» и ползти въ Центральную Азію, то, конечно, мы съ вами спорить не будемъ... Вы вѣдь знаете, что мы дорожимъ вашей дружбой... и т. д. и т. д... на всѣ лады. Тоже самое происходило не разъ, и всегда будетъ происходить, когда заслышится слово русскаго Царя, когда почувствуется, что оно выражаетъ хотя, можетъ быть, и не вполнѣ сознанное, но неудержимое стремленіе стомилліоннаго народа.

Всѣ мы, русскіе, возрадовались доброй вѣсти, возрадовались ей не потому только, что царское слово положило конецъ страшнымъ недоразумѣніемъ, какой-то обидной для нашего патріотическаго чувства трагикомической борьбы между Русскимъ Царемъ и принцемъ Баттенбергскимъ, но и потому въ особенности, что въ немногихъ словахъ Государя мы находимъ отвѣтъ на наши сокровеннѣйшія надежды, наши несокрушимѣйшія чаянія, что мы находимъ въ нихъ *цѣлую программу нашей дѣятельности на Востокѣ.*

Важныя политическія событія подготовляются медленно, совершаются не сразу. Понятно, стало быть, что между программой и ея фактическимъ примѣненіемъ можетъ пройти не мало времени; мы не должны стало быть ожидать немедленнаго осуществленія всего того, что заключается въ многознаменательномъ отвѣтѣ Царя. Мы должны ждать, но теперь легко ждать: въ немногихъ словахъ Государя

мы видимъ выраженіе несокрушимой воли и ясной мысли. Читая безхитростный отвѣтъ нашего Царя, припоминается англійская поговорка: «No policy—best policy!» Это не осторожный диплотатическій циркуляръ съ разными, часто вынужденными лазейками «на всякій случай», это не крючкотворная адвокатская рѣчь, съ ея обычнымъ стремленіемъ captare benevolentiam; нѣтъ, здѣсь чувствуется, что отвѣчающій обо всемъ этомъ ни мало не заботится; у человѣка, прочитавшаго этотъ отвѣтъ, не останется и тѣни сомнѣнія на счетъ его значенія.

. . . .

Сердце Царя—въ рукѣ Божіей; какъ и когда будетъ исполнена царская программа—мы не знаемъ, но, повторяю, мы можемъ теперь съ спокойной душею ожидать дня и часа спокойно, ибо знаемъ, что рано или поздно программа *будетъ* исполнена. Не намъ, конечно, указывать, что слѣдуетъ теперь дѣлать; но намъ не возбранено выражать наши думы, наши надежды, не возбранено подвести итоги событіямъ послѣднихъ лѣтъ; эти итоги могутъ научить насъ многому.

Послѣ тяжкой, но славной борьбы, славный Санъ-Стефанскій договоръ былъ подписанъ; вскорѣ однако, подъ мнимымъ давленіемъ «европейскаго концерта», подъ угрозою войны со стороны Англіи, привезшей для нашего устрашенія цѣлыхъ два полка сипаевъ изъ Индіи въ Мальту, условія Санъ-Стефанскаго мира были измѣнены; эти новыя условія, хотя и очень для насъ тягостныя, свято и честно были нами соблюдаемы, даже въ явный ущербъ нашимъ прямымъ интересамъ. Болгарія по берлинскому договору, вопреки всякому человѣческому смыслу и всякой справедливости, была раздвоена, и лучшая ея часть возвращена Турціи (за эту мнимую услугу бѣдному падишаху пришлось дорого заплатить своимъ покровителямъ: Франція взяла Тунисъ, Австро-Венгрія—Боснію и Герцеговину, Англія Египетъ и Кипръ; онъ слишкомъ поздно сообразилъ, что берлинскій трактатъ стоитъ ему дороже Санъ-Стефанскаго) *территоріальный* вопросъ былъ такимъ образомъ разрѣшенъ, хотя и неудачно.

Вопросъ *организаціи* Болгаріи и Румеліи тоже былъ рѣшенъ; но какъ?! Подъ давленіемъ уже неизвѣстно чего, или кого, мы снабдили болгарскій народъ совершенно невѣроятной, никуда не годной конституціей; вмѣсто простаго, хорошаго полупатріархальнаго правительства съ самой широкой автономіею крестьянской общины, мы надѣлили Болгарію такимъ государственнымъ устройствомъ, которое повело его къ полному разоренію и полной анархіи.

Наконецъ, съ согласія, правда, Европы, мы рѣшили и вопросъ о томъ, кому быть правителемъ Болгаріи; выборъ палъ на принца Александра Баттенбергскаго; мы въ немъ ошиблись—онъ скоро перешелъ на сторону враговъ Россіи, а стало быть и славянства. Опредѣлять размѣры его вины и довольно сложныя ея причины, едва-ли своевременно, да это и не нужно, фактъ тотъ — что нашъ ставленникъ вскорѣ оказался ставленникомъ королевы Викторіи, и началъ устраивать «европейскій Афганистанъ».

Вотъ въ какомъ видѣ представлялось дѣло нѣсколько времени тому назадъ; все это измѣнено филиппопольскимъ переворотомъ. Румелія фактически соединена съ Болгаріею, принцъ Александръ удалился, полная анархія охватила освобожденныя нами страны. Народъ болгарскій, зная, гдѣ ему должно искать помощи, снова почувствовавъ свою солидарность съ Россіею, обращается къ ея Государю, и ожидаетъ отъ него властнаго слова. Отвѣта на обращеніе болгарскаго народа *) еще не послѣдовало, но слово это уже сказано въ Царской телеграммѣ князю Александру помощь уже обѣщана. Вотъ эта телеграмма:

Ai reçu télégramme de Votre Altesse.

---

*) Софія, 3-го (15-го) сентября, вечеромъ. Собраніе вотировало слѣдующій адресъ Государю Императору: «Депутаты возносятъ Господу Богу горячія молитвы о ниспосланіи Государю Императору долгоденствія и благополучія и повергаютъ предъ Его Величествомъ чувства искренней и безпредѣльной преданности. Депутаты надѣются, что послѣ всего происшедшаго охлажденіе Россіи къ Болгаріи минуетъ, и что Государь Императоръ приметъ, какъ было прежде, болгарскій народъ и народное дѣло подъ свое высокое покровительство для объединенія болгаръ и независимаго, самостоятельнаго ихъ существованія». Адресъ этотъ депутація представила русскому консульству. Затѣмъ собраніе занялось разсмотрѣніемъ финансовыхъ вопросовъ. Завтра оно будетъ обсуждать отвѣтъ на рѣчь регентства. Румеліотскіе полки возвратились въ Филиппополь, за исключеніемъ одного, оставшагося въ Софіи.

Ne puis approuver Votre retour en Bulgarie, prévoyant conséquences sinistres pour le pays, déja si éprouvé. La mission du Prince Dolgoroukof devient inopportune. Je m'abstiendrai de toute immixtion dans le triste état des choses auquel la Bulgarie a été réduite, *tant que Vous y resterez*. Votre Altesse appréciera ce qu'elle a à faire. Je me reserve de juger ce que me commandent la mémoire vénèrée de mon Père, les intérêts de la Russie *et la paix de l'Orient*

Особеннаго вниманія заслуживаютъ слова напечатанныя нами курсивнымъ шрифтомъ. Въ словахъ этихъ—цѣлая программа, вызывающая насъ къ дѣятельности, почетной, великой, достойной нашего прошлаго, и нашего будущаго. Словами «tant que Vous y resterez» положенъ конецъ надеждамъ тѣхъ, къ счастію, немногочисленныхъ людей, которые думали, что мы «развязались наконецъ съ этой Болгаріею, съ этимъ Востокомъ, которые стоятъ намъ такъ дорого и такъ не кстати мѣшаютъ намъ исправлять наши финансы, заниматься «болѣе нужными, болѣе серьезными дѣлами!» Люди эти забываютъ, что кромѣ интересовъ матеріальныхъ есть еще и другіе, высшіе, и что правители народовъ, понимающіе свои обязанности, руководятся не одной только ариеметикой. Слова «tant que Vous y resterez» выражаютъ мысль, что народъ болгарскій не будетъ нами оставленъ, что нашему бездѣйствію будетъ положенъ конецъ, какъ только князь Александръ удалится. Но вотъ удалился, настало время дѣйствовать.... Посмотримъ-же, при какихъ условіяхъ намъ приходится дѣйствовать, что мы унаслѣдовали! Мы находимся передъ вакантнымъ престоломъ, передъ фактомъ (не облеченнымъ еще въ право) возсоединенія Румеліи съ Болгаріею, и передъ полнѣйшей анархіею.

Неудавшійся правитель болгарскаго народа понялъ, что онъ не вверсту обстоятельствамъ и удалился, не смотря на поддержку польскихъ и другихъ дамъ и венгерскихъ магнатовъ... О преемникѣ его ничего еще неизвѣстно; дай Богъ, чтобы новый правитель былъ болѣе стоекъ, менѣе хитеръ и болѣе прозорливъ; хорошаго кандидата найти не легко, ужъ лучше допустить продолжительный «интеримъ» (при всѣхъ его неудобствахъ), нежели сдѣлать опрометчивый выборъ.

Факту возсоединенія мы можемъ, конечно, лишь сочувствовать, вѣдь онъ возстановляетъ то, что нами самими было сдѣлано, объ этомъ не можетъ, конечно, быть и спора; намъ стало быть нужно будетъ стараться лишь о томъ, чтобы этому желанному результату (достигнутому, правда, не нормальнымъ, не юридическимъ путемъ) была придана юридическая санкція—какого нибудь европейскаго концерта или хоть квинтета (если ужъ безъ этого нельзя обойтись). Конечно, территорія Болгаріи была утверждена на берлинскомъ конгрессѣ, мы честно держались его постановленій; но теперь постановленія эти фактически упразднены; нужно думать, что квинтетъ не потребуетъ ихъ возстановленія и именно — по двумъ соображеніямъ: во-первыхъ другіе участники конгресса безнаказанно нарушали его не разъ, и на это намъ, при случаѣ, можно будетъ указать, во-вторыхъ, пока была надежда сдѣлать изъ Болгаріи «Европейскій Афганистанъ», всѣ находили, что соединеніе Румеліи и Болгаріи прекрасное дѣло и не разъ высказывали это... совѣстно же будетъ вдругъ перемѣнить тонъ и находить, что это дѣло преступное; и тутъ стало быть, вѣроятно, не трудно будетъ придти къ соглашенію; правда, кто-нибудь снова можетъ потребовать компенсацій, за которыя снова придется разсчитываться бѣдному владыкѣ правовѣрныхъ, какъ и на берлинскомъ конгрессѣ, но тогда видно будетъ, за какую цѣну будутъ намъ продавать дружбу...

Остается самая главная забота, главная бѣда — анархія, пустившая глубокіе корни въ несчастномъ краѣ; исправить le triste état dex choses, какъ сказано въ телеграммѣ, конечно труднѣе, нежели найти правителя, или добиться санкціи возсоединенію!

Все сдѣланное до сихъ поръ политиканами захватившими въ свои руки правленіе Болгаріи, оказалось никуда не годнымъ, все сдѣланное нами они испортили: прекрасная армія организованная нами съ такой любовью, и такимъ трудомъ, занимается митингами и рѣшаетъ дисциплинарные вопросы большинствомъ голосовъ; богатая казна, переданная нами князю Александру оказывается пустою; трудолюбивые болгарскіе крестьяне отвлечены отъ своей прямой дѣятельности, вы-

нуждены политиканствовать и обременены податями; школа попала въ нечистыя руки; *сама церковь сдвинута съ своихъ устоевъ и устранена отъ дѣлъ*. Я выше сказалъ, что правители-политиканы болгарскіе все нами оставленное въ наслѣдство, все нами сдѣланное испортили; къ несчастію, это невѣрно, мы имъ подарили конституціонное устройство—и его они тщательно соблюли и усовершенствовали! мы видимъ, къ чему это устройство привело несчастную Болгарію, видимъ, что всюду царствуетъ анархія, что со всѣхъ сторонъ грозитъ бѣда,—кажется, обязанность наша очевидна, а между тѣмъ, вопреки элементарнѣйшей логикѣ намъ совѣтуютъ оставить неприкосновеннымъ тотъ порядокъ вещей, который вызвалъ всѣ эти бѣды; должно быть насъ считаютъ совсѣмъ ослѣпшими!? Передъ своимъ отъѣздомъ принцъ Александръ говорилъ, что русское правительство гарантировало будто бы неприкосновенность нынѣшней конституціи—вотъ ужъ по истинѣ отравленная стрѣла убѣгающаго пареянина! Но это неправда: не могъ онъ отъ русскаго правительства получить такихъ гарантій; напротивъ, оно могло гарантировать свободу Болгаріи, а не подчиненіе ея кликѣ своекорыстныхъ политикановъ. Правительство наше не могло гарантировать анархію. Неприкосновенность конституціи! Отчего же быть ей неприкосновенной? отчего же не отмѣнить того, что оказалось никуда не годнымъ? въ особенности ежели дѣйствительная, а не фиктивная Болгарія только этого и желаетъ! Если мы ясно сознаемъ и долгъ нашъ и интересы Болгаріи, то неужели намъ останавливаться передъ криками политикановъ, эксплоатирующихъ бѣдственное положеніе своего отечества, передъ бранью жидовской журналистики Пешта и Вѣны, которой настоящее положеніе съ руки и которая разсчитывала сдѣлать съ Болгаріею то же, что она сдѣлала съ Сербіею; но, слава Богу г. Ваддингтонъ не занимаетъ еще у насъ министерскаго кресла! Но вотъ бѣда—съ врагами справляться намъ не трудно, но лишь подъ условіемъ вѣры въ себя самихъ, въ правоту своего дѣла, а у насъ уже слышатся малодушные голоса, смущающіе своими рабскими сомнѣніями тѣхъ, которые призваны дѣйствовать: «Какъ же это, шепчутъ они, вотъ мы сами же дали имъ конституцію, полную политическую свободу, а теперь хотятъ на нее посягнуть; хотятъ лишить болгаръ человѣческихъ правъ; лучше ужъ пускай они сами какъ нибудь тамъ устроятся!

Все это ложь, лукавые извороты трусливой лѣни, или суевѣрное раболѣпство передъ чужими доктринами! *) При поддержкѣ представителей церкви и подавляющаго большинства народа мы справимся съ бѣдой, и исправимъ нами самими сдѣланныя ошибки; въ своихъ ошибкахъ сознаваться не стыдно. Но, приступая, къ дѣлу, не должно повторять ошибки, сдѣланной нами при утвержденіи конституціи, не нужно искусственно создавать *мнимыхъ* представителей народа, а прямо обратиться къ людямъ, которые дѣйствительно могутъ служить зеркаломъ народа, которые и суть *самый народъ*. Вмѣсто того чтобы измышлять разныя избирательныя системы для избиранія такихъ представителей, которые представляютъ только самихъ себя, нужно прямо взять тѣхъ, которые дѣйствительно имѣютъ авторитетное положеніе въ краѣ, которые съ нимъ искони были связаны и понимаютъ дѣйствительные его интересы тѣхъ, наконецъ, которые на дѣлѣ, а не одними рѣчами доказали свою преданность отечеству, которые ему дѣйствительно послужили отвоевывая ему свободу! Съ кѣмъ намъ совѣтоваться, кого слушаться? Кто эти люди? — Это высшее духовенство, деревенскіе старѣйшины изъ числа домохозяевъ, военачальники, принимавшіе участіе въ войнѣ за освобожденіе вообще нѣкоторыхъ наиболѣе выдающихся людей дѣйствительно связанныхъ съ краемъ, какого бы то ни было образца мыслей! Никого больше не нужно. Пожалуй, для того чтобы слышать и противорѣчивые голоса, можно пригласить на совѣщаніе всѣхъ бывшихъ и настоящихъ министровъ; та-

---

*) Къ крикамъ поборниковъ «правъ человѣка» и «великихъ принциповъ 1792 года» присоединяются и болѣе скромные протесты нѣкоторыхъ Salons politiques: mais c'est horrible, пищатъ они, on veut que nous soutenions la démocratie! que nous organisions un état gouverné par des popes et des moujiks... Que nous font, après tout, ces Slaves, ces ennuyeux Bulgares, tout cet orient si barbare, avec le quel nous n'avons, au fond, rien de commun! и т. д.

кого рода представительное собраніе конечно не захочетъ играть въ парламентъ, всегда съумѣетъ дать умный и добрый совѣтъ, которому можно будетъ и послѣдовать! Но, конечно, къ какимъ бы лицамъ мы не обратились за помощію и совѣтомъ, въ одномъ должны они быть непоколебимо увѣрены—въ томъ, что, принимая въ свои руки устройство ихъ отчизны, Россія не имѣетъ въ виду никакихъ себялюбивыхъ цѣлей, что она не воспользуется ни одной пядью болгарской земли, что она будетъ дѣйствовать вполнѣ безкорыстно! Но вѣдь мы и не намѣрены дѣйствовать иначе, стало быть намъ и не трудно будетъ дать всѣ эти обѣщанія: мы не нуждаемся ни въ какихъ «аннексаціяхъ». Единственная забота Россіи состоитъ въ томъ, что бы славяне Балканскаго полуострова сохранили неприкосновенными свою вѣру и свою народность; но Россія можетъ и должна недопускать въ жизнь этихъ народовъ чуждыхъ имъ началъ, не должна допускать посторонняго вмѣшательства.

. . . .

Но переустройствомъ и умиротвореніемъ Болгаріи не исчерпывается смыслъ знаменательной телеграммы Царя принцу Батненбергскому; она оканчивается словами... ce que me commandent..... et la paix *de l'Orient*. Никогда еще Русскій Царь, ни даже Екатерина Великая, которую Вольтеръ не даромъ называлъ Catherine le Grand, не говорилъ съ такимъ *сознаніемъ своего права*, *своей обязанности*, не установлялъ съ такой ясностію своихъ отношеній къ Востоку.

Чтобы ни совершилось, какъ бы обстоятельства ни были намъ враждебны, какъ бы ни была хитра западная хитрость, уже одно сознаніе, что миръ Востока (а не *на востокѣ*, какъ неточно переведено по русски) ввѣренъ судьбою Царю есть уже великое дѣло, великое счастіе, ибо ясное сознаніе есть начало и условіе всякой плодотворной дѣятельности! Итакъ— будемъ ждать, будемъ ждать терпѣливо— вѣдь терпѣть легко, когда знаешь, что правда, однажды ясно сознанная, уже не можетъ исчезнуть, а напротивъ рано или поздно должна проявиться *и восторжествовать!*

А. Кирѣевъ.

Какъ возникъ и развивался на Руси восточный вопросъ *).

(*Окончаніе*).

V.

На эти и подобные вопросы нельзя отвѣтить *безъ разсмотрѣнія такъ называемыхъ устоевъ*, на которыхъ строилась русская жизнь. По господствующему воззрѣнію русскіе потому съ недовѣріемъ относились къ римскимъ внушеніямъ, что у нихъ преобладали гражданскіе и политическіе идеалы, полученные отъ Византіи. Весь періодъ до Петровской реформы принято поэтому считать временемъ господства византійскихъ вліяній. Это не совсѣмъ вѣрно, и *я попытаюсь сдѣлать характеристику нашихъ отношеній съ греками въ XVI и XVII вѣкѣ*. Интересъ бывшей у насъ греческой іерархіи митрополитовъ и епископовъ, правда, заключался въ томъ, чтобы держать Русь въ удаленіи отъ западныхъ вліяній, такъ какъ папскіе и императорскіе послы часто выдвигали вопросъ о національной и религіозной чести русскаго государя, о неудобствѣ подчиненія въ церковныхъ дѣлахъ патріарху-посаженнику султана и о поврежденіи греческой вѣры мусульманами. Нѣтъ сомнѣнія поэтому, что греческое духовенство должно было тщательно оберегать Россію отъ папистовъ и возбуждать нетерпимость ко всему латинскому. Такъ и объясняютъ нерасположеніе къ Риму Павелъ Іовій, Олеарій и др. иностранные писатели. Но не нужно забывать, что весьма рано возникли у насъ сомнѣнія на счетъ авторитета греческаго духовенства; эти сомнѣнія одинаково подрывали и право грековъ на занятіе въ Россіи высшихъ церковныхъ должностей и чистоту греческой вѣры. Обширная, такъ называемая политическая, литература, появившаяся въ XVI вѣкѣ, свидѣтельствуетъ, что среди русскаго общества былъ большой запросъ на сочиненія, трактующія о правдѣ греческой, но она же предполагаетъ распространенность и противоположныхъ мнѣній, съ которыми нужно было бороться. Безвѣстный рядъ дѣятелей — нѣмчины и фрязины—проникаютъ въ Москву, нѣкоторые дѣлаются нужными людьми при го-

*) См. «Слав. Изв.», 1886 г., № 6, 7—8.

сударѣ и боярахъ и успѣваютъ достигнуть значительнаго вліянія. Таковъ, напримѣръ, врачъ Николай Люевъ, противъ котораго полемизируетъ Максимъ Грекъ. Даже почтенная дѣятельность сейчасъ названнаго лица не поддержала въ России престижа греческаго духовенства и не осталась чистой отъ нареканій и подозрѣній. Извѣстно, что XVI вѣкъ завершился полной эмансипаціей Москвы отъ греческой іерархіи.

Причины нашего отчужденія отъ грековъ кроются прежде всего въ развитіи народнаго самосознанія. А какъ исторія русскаго самосознанія идетъ рука объ руку съ развитіемъ на Руси восточнаго вопроса, то мнѣ слѣдуетъ теперь показать— *въ чемъ была разница русскихъ и греческихъ воззрѣній на этотъ предметъ*. Болѣе образованные и вліятельнѣйшіе греческіе патріоты, какъ кардиналъ Виссаріонъ, совершенно опустили изъ виду Россію какъ носительницу греческой вѣры и естественную надежду угнетенныхъ турками народностей. Виссаріонъ доказывалъ, что послѣ завоеванія Константинополя для востока нѣтъ спасенія внѣ союза съ Римомъ, ибо основанная Христомъ церковь, которую не одолѣютъ врата адовы, не можетъ быть представляема въ обрывкахъ восточныхъ патріархатовъ, со дня на день умаляемыхъ и приходящихъ въ ничто. Какъ блѣдны и малосодержательны въ этомъ отношеніи представляются и мысли Максима Грека, дѣйствовавшаго словомъ и перомъ въ странѣ, гдѣ разработывалась фикція о преемственности Риму и Цареграду и гдѣ волновала умы идея о передовой роли въ восточномъ вопросѣ! Въ разныхъ сочиненіяхъ Максима встрѣчаются поощренія русскаго царя къ политической миссіи: «о, если бы намъ нѣкогда быть освобожденнымъ тобой; о, если бы ты явился наслѣдникомъ отеческаго твоего престола въ Константинополѣ»! но это *были*, *по его же выраженію*, *прельщающія суетныя надежды*, а не вѣра и убѣжденіе. Нужно вспомнить, что русскій взглядъ на задачи Москвы въ восточномъ вопросѣ исходилъ напротивъ изъ глубокаго убѣжденія въ неизбѣжности провиденціальной миссіи, изъ увѣренности въ избранничествѣ русскаго народа. Развѣ гордые своей вѣковой культурой и историческимъ прошлымъ греки могли стать на эту точку зрѣнія?

Были еще другія причины слабости греческаго вліянія на развитіе у насъ восточнаго вопроса.

Приливъ греческихъ выходцевъ въ Россію былъ громадный послѣ паденія Константинополя. Отовсюду изъ греческихъ, славянскихъ и восточныхъ странъ потянулись въ Московское царство люди разнаго, по преимуществу духовнаго чина. Одни изъ нихъ оставались въ Россіи на житье, другіе, получивъ милостыню, удалялись на родину. Въ настоящее время издано уже достаточно матеріаловъ, чтобы составить опредѣленное представленіе объ этихъ людяхъ, объ ихъ цѣляхъ и желаніяхъ, а главное о впечатлѣніи, которое они оставили на Руси. Мнѣ можно сослаться на прекрасныя изданія и сочиненія, посвящаемыя этому вопросу: *Муравьева*, Сношенія Россіи съ востокомъ; *Каптерева*, Характеръ отношеній Россіи къ православному востоку и *Николаевскаго*, Объ учрежденіи патріаршества. Кто же были эти пришельцы, жаловавшіеся на притѣсненія мусульманъ и старавшіеся возбудить къ себѣ состраданіе? За весьма немногими исключеніями, эти такъ называемые митрополиты, епископы, архимандриты и игумны—были проходимцы, принявшіе ложныя званія и искавшіе въ Россіи карьеры и наживы. На востокѣ скоро поняли, что, играя на одной и той же струнѣ, т. е., разсказывая о турецкихъ насиліяхъ, въ Россіи всегда можно найдти доброхотныхъ жертвователей и кое-что нажить. Вслѣдствіе этого Москва наводнена была толпами честолюбцевъ, искателей приключеній или даже бродягами. Многимъ удавалось обмануть довѣріе русскихъ: получать потерянныя мѣста по рекомендаціи государя, входить въ письменныя сношенія съ московскимъ дворомъ и выпрашивать ежегодныя правильныя подаянія, наконецъ получать хорошія мѣста въ Россіи. Само собой разумѣется, отъ этихъ людей трудно ожидать воспитательнаго и образовательнаго вліянія на русское общество. Правда, льстивыхъ словъ говорили много греческіе пришельцы; такъ патріархъ антіохійскій (1586) желалъ «посмотрѣть на старости своей великаго православнаго государя, ибо кто не видѣлъ

солнца, ничего еще не видалъ, солнце же правовѣрныхъ христіанъ въ нынѣшніе дни ваша царская милость». Но принять участіе въ организаціи русскаго политическаго развитія они едва ли были способны.

На аренѣ дѣйствуютъ не Максимы Греки, а такія лица, какъ Паисій Лигаридъ и ему подобные. Нѣсколько данныхъ изъ жизни въ Россіи этого послѣдняго будутъ здѣсь умѣстны. Это былъ запрещенный архіерей, лишенный каѳедры и сана, но очень ловкій и находчивый человѣкъ; онъ явился въ Россію съ подложными грамотами и другими документами и долго разыгрывалъ у насъ роль Газскаго митрополита. Вотъ нѣсколько челобитныхъ его къ царю. Онъ-де уговорился вносить ежегодно за свою епархію 500 ефимковъ туркамъ и потому проситъ выдать ему эту сумму, чтобъ православнымъ христіанамъ его области нечестивые турки притѣсненій не дѣлали и не обратили въ свою турецкую вѣру. Въ томъ же году онъ проситъ: отпускаемаго ему жалованья и корму едва достаточно для него одного, а между тѣмъ при немъ состоитъ нѣсколько служекъ и три лошади; чтобы не поморить людей и скота, проситъ прибавить жалованья. Отъ того же года челобитная о пожалованьи новыхъ архіерейскихъ одеждъ. Государь подарилъ ему кафтанъ, рясу суконную бѣличью, да шубу соболью. Въ слѣдующемъ году Паисій проситъ дать ему карету и лошадей съ новой сбруей, назначить жалованье состоящему при немъ дьякону, обмѣнять 250 рублей мѣдныхъ на серебряные; заявляетъ желаніе получить 1,700 ефимковъ на уплату какихъ то податей патріарху и туркамъ. Наконецъ, проситъ вообще выдавать ему жалованье золотомъ «для ради легкости, послать доведется». Таковъ типъ приходившихъ къ намъ на житье грековъ.

Громадное большинство приходило однако не съ пустыми руками. Какъ скоро на востокѣ узнали, что Москва, претендующая на титулъ столицы православія, полагаетъ особенную честь и стараніе въ привлеченіи къ себѣ греческой святыни и платитъ за нее деньгами и соболями, со всѣхъ сторонъ явились предложенія древнихъ иконъ, мощей, орудій крестныхъ страданій и другихъ чтимыхъ православными предметовъ. Русское правительство ассигновало громадныя суммы на пріобрѣтеніе восточной святыни и нерѣдко само отправляло запросы въ восточные монастыри и къ патріархамъ относительно самыхъ цѣнныхъ предметовъ почитанія. Открылась настоящая мѣновая торговля. Греки предлагали небольшія части мощей черезъ извѣстные промежутки времени, причемъ приходилось платить десять и даже двадцать разъ за нѣкоторыя святыни. Въ 1561 году одинъ старецъ предлагалъ крестъ съ мощами, но по осмотрѣ мощей не оказалось и ему крестъ отдали назадъ. Но скоро онъ возвратился назадъ и объяснилъ, что онъ дѣйствительно вынулъ было мощи въ намѣреніи предложить ихъ особо. Рекомендуя русскому правительству ту или другую святыню, обыкновенно излагали ея исторію, указывали ея спеціальное значеніе и разъясняли ея, такъ сказать, вселенскій смыслъ.

Такъ напримѣръ, иноки аѳонскаго Иверскаго монастыря, посылая мощи священномученика Василія, писали: «а мы съ тою св. рукою хаживали въ міру, освятя воду съ нея, и исчезала всякая гадина въ поляхъ, сѣмя ядущая саранча, мыши и всякая иная гадина, и сбираемъ съ православныхъ христіанъ много милостыни». Не разъ предлагаемы были въ Москву святыни, такъ сказать, государственнаго свойства, напр. часть «животворящаго древа», которымъ никому не подобаетъ владѣть кромѣ православнаго царя «яко великій царь Константинъ». Подобныя святыни посылались съ выясненіемъ ихъ исторической важности и съ указаніемъ, что ихъ домогались многія иновѣрныя лица и предлагали большія деньги, но что надлежащее имъ мѣсто въ православномъ царствѣ. Уже весьма рано московское правительство, приведенное въ сомнѣніе, стало требовать гарантій, что предлагаемая святыня есть подлинная, а не подложная. Появляется рядъ патріаршихъ свидѣтельствъ любопытнаго содержанія. Константинопольскій патріархъ Калиникъ свидѣтельствуетъ: «всякая вещь хотя иногда и истинна есть, однакожь люди ея въ подозрѣніи имѣютъ и для многихъ иныхъ приключившихся причинъ, а наипаче того ради, что не вѣдаютъ ту вещь чрезъ

искусство и подлинное испытаніе. Посему свидѣтельствую, что сіи священныя мощи суть истинны, они сами имѣютъ свидѣтельство своей истинности въ пребогатомъ благоуханіи, которое отъ нихъ исходитъ». Свидѣтельство подлинности иконы Влахернской Богоматери, составленное патріархомъ Паисіемъ, передаетъ исторію этой чтимой святыни, какъ она сохранилась послѣ турецкаго завоеванія и имѣетъ важный археологическій смыслъ. Портной, которому она досталась покупкой у турка за 500 ефимковъ, много разъ имѣлъ видѣнія, въ которыхъ Богородица совѣтовала не держать у себя эту икону, а препроводить ее въ страну, гдѣ царствуетъ благочестивый царь. Когда турки разорили Влахернскую церковь, изъ того мѣста, гдѣ стояла икона, потекла и теперь течетъ вода. Близъ того мѣста находятся двѣ церкви, Іоанна Богослова и Дмитрія Солунскаго. Въ великій постъ, когда бываетъ акаѳистъ пресвятой Богородицѣ, и 2 іюля греки приходятъ къ той святой водѣ во множествѣ. устрояется къ источнику крестный ходъ, и бываютъ въ то время исцѣленія отъ всякой болѣзни тою святою водой, и берутъ ее греки въ домы. *Святой источникъ сей течетъ подъ городскую стѣну* въ море, и 2 іюля, когда бываетъ праздникъ, въ *морѣ, гдѣ потонули кагана скиѳскаго корабли*, вода бываетъ кровавою до 1 сентября, а съ сентября опять по прежнему. Оберегаетъ все тѣ мѣста, откуда течетъ святая вода, *русская полонянка*, для того, что ей указано съ тѣхъ людей, кто къ святой водѣ придетъ, брать по деньгѣ съ человѣка, и тѣмъ она питается, а полонянка сія обусурманена.

Систематической передачей своей святыни Москвѣ греки, сами того не сознавая, лишали себя твердаго, вѣками сложившагося положенія въ Россіи. Русскіе не жалѣли денегъ въ полной увѣренности, что сосредоточеніе православныхъ святынь въ Москвѣ служитъ лучшимъ залогомъ къ осуществленію ихъ притязаній стать во главѣ православія. Москва хорошо поняла, что для того, чтобы сдѣлаться третьимъ Римомъ, ей необходимы всѣмъ понятные внѣшніе аттрибуты древняго благочестія. Пользуясь расточительностью и—скажемъ прямо — корыстолюбіемъ грековъ, русскіе постепенно сосредоточили у себя то, въ чемъ полагали существенное отличіе и видимый характеръ православія и скоро воспользовались этимъ противъ самихъ же грековъ. *Антигреческое направленіе*, развившееся у насъ еще до Петровской реформы, *есть логическій выводъ изъ разсмотрѣнныхъ отношеній грековъ къ Россіи и отмѣчаетъ собой новый шагъ въ развитіи восточнаго вопроса.* У насъ поняли слабыя стороны грековъ и перестали питать къ нимъ довѣріе. А нынѣ, говорится въ одномъ изъ указовъ Ѳеодора Алексѣевича, они гречане стали пріѣзжать къ намъ самые молодчіе люди, и буде у которыхъ объявятся товары, и тѣ худые, и вмѣсто алмазовъ поддѣланныя стекла, да изъ нихъ многіе учали воровать, товары привозить тайно, для кражи пошлинъ, и въ томъ во всемъ многіе обличены. А посему гречанъ всѣхъ, которые на Москвѣ, выслать, и впредь имъ останавливаться въ Путивлѣ, а къ Москвѣ не ѣздить.

Наступила пора, когда русскіе сочли возможнымъ рѣзко измѣнить свои отношенія къ грекамъ. Чувство преимущества передъ народомъ, который такъ часто злоупотреблялъ довѣріемъ русскихъ и нѣкоторое пренебреженіе ко всѣмъ грекамъ, сказывается и въ правительствѣ и въ обществѣ. Мысль о нравственномъ превосходствѣ передъ греками, развившаяся въ теорію избранничества русскаго народа, сопровождалась важными политическими и литературными фактами. У насъ перестали удивляться грекамъ, не находили причинъ подражать имъ, напротивъ уже въ XVI вѣкѣ стали относиться къ нимъ критически. Необходимо хорошо взвѣсить это обстоятельство, особенно въ виду часто повторяющихся заявленій о господствѣ византинизма въ дореформенной Руси. Чтобы не оставаться голословнымъ, укажу нѣсколько фактовъ. Въ 1586 году русскій митрополитъ Діонисій, «мудрый грамматикъ», встрѣчая патріарха антіохійскаго Іоакима, первый даетъ ему благословеніе вопреки всѣмъ обычаямъ церковной практики. Самымъ типическимъ примѣромъ того презрительнаго отношенія, въ которое стали у насъ греки, служатъ отзывы объ нихъ Павла Алеппскаго, Юрія Крижанича, Арсенія

Суханова и священника Лукьянова. «Москвичи вовсе не хотятъ къ себѣ пускать грековъ, говорилъ первый. Что это за выродившійся народъ и что за поведеніе? Гдѣ они ни появятся, совершаютъ множество преступленій. Такъ въ Москву прибылъ патріархъ Паисій (1649). Въ свитѣ его было не болѣе 35 человѣкъ: архимандритовъ, священниковъ и монаховъ, его племянниковъ и братьевъ, а также архонтовъ, пожалованныхъ имъ въ это званіе изъ купцовъ. Но этимъ патріархъ не удовлетворился, онъ набралъ въ свою свиту разнаго сброда, назвавъ его въ спискѣ священниками, архимандритами и монахами разныхъ монастырей, и все это для того, чтобы получить больше прибыли, такъ какъ всѣ пожертвованія на свою свиту и на разные монастыри бралъ себѣ. Чѣмъ греки лучше насъ, думали русскіе; былъ у нихъ царь благочестивый, а нынѣ нѣту, въ то мѣсто возсталъ царь на Москвѣ. Какая честь патріарха? Гдѣ монастыри? Всего этого нѣтъ. Было у нихъ мощей много, и ихъ разносили по разнымъ землямъ и у самихъ ничего не осталось, а у насъ ихъ много. Богъ прославилъ въ нашей землѣ своихъ угодниковъ». «Корыстолюбивые греки, говоритъ Крижаничъ, волочатся по нашимъ странамъ безъ нужды. Всякія святыни превращаютъ въ товаръ и стараются тысячу разъ продать намъ Христа, котораго Іуда продалъ однажды. За деньги посвящаютъ свинопасовъ и мясниковъ, которыхъ въ Руси не посвятили епископы. За деньги разрѣшаютъ всякіе браки, прощаютъ грѣхи безъ исповѣди, ради денегъ скитаются и выдумываютъ предлоги для нищенства и выпрашиванья милостыни, не будучи епископами, посвящаютъ поповъ»!

«Плачутъ, жалуется Лукьяновъ, обижены отъ турка. А кабы обижены, забыли бы простые старцы носить рясы суконныя по три рубля аршинъ. Напрасно турка старцы греческіе оглашаютъ, что насилуетъ: а мы сами видѣли, что имъ насилія ни въ чемъ нѣтъ, ни въ вѣрѣ, ни въ чемъ: все лгутъ на турка»! Просматривая длинный рядъ фактовъ и отношеній между Русью и греками, мы должны придти къ заключенію, что политическая сторона восточнаго вопроса весьма мало затронута была греческими выходцами. Нельзя сказать о грекахъ, что они развивали въ Москвѣ идею политическаго преобладанія Россіи на востокѣ, подстрекали русскаго царя къ осуществленію русскихъ плановъ въ восточномъ вопросѣ. Точно также слѣдуетъ отрицательно высказаться и въ томъ отношеніи, что греки вліяли на измѣненія въ гражданскомъ и церковномъ устройствѣ Московскаго государства, измѣненія, подготовлявшія русскаго царя къ главенствующей роли въ православномъ мірѣ. Максимъ Грекъ высказываетъ по этому поводу свои чаянія и надежды, но не формулировалъ вопроса яснѣй, не показалъ, какъ при настоящихъ обстоятельствахъ Москва точно могла быть полезной порабощенному турками востоку. Константинопольскій патріархъ, утверждая царское вѣнчаніе Ивана Грознаго, называетъ его «надеждою и упованіемъ» всѣхъ родовъ христіанскихъ, которыхъ онъ избавитъ отъ варварской тяготы и горькой работы, отъ скверныхъ варваръ, страшныхъ агарянъ. Александрійскійскій патріархъ Іоакимъ писалъ тому же Грозному, что вся его надежда на солнце-царя, что его рукою избавится когда-либо востокъ отъ руки злочестивыхъ. Въ разговорѣ съ московскимъ посломъ въ Цареградѣ онъ же выражался опредѣленнѣе: нынѣ достигъ я великой старости и не велитъ мнѣ Богъ видѣть, какъ Господь Богъ подастъ московскому государю наслѣдіе царя Константина и покоритъ всѣ царства къ подножію его, а мы чаемъ того у Бога, что подастъ ему государю Господь въ наслѣдіе Костантина царя въ недолгое время, такъ *написано въ откровеніи Іоанна Богослова*. Синайскій митрополитъ Іеремія говорилъ: молимъ Бога и весь порабощенный родъ греческій, чтобы намъ сподобилъ Богъ видѣть на Константинопольскомъ престолѣ царя царей, великаго государя Михаила Θеодоровича. Если взвѣсить всѣ эти заявленія, они почти ничего не прибавляли къ тому, что уже было въ сознаніи русскихъ съ конца XV вѣка. Такъ что мы должны признать, что греки подобными заявленіями думали лишь льстить русскимъ, сказать имъ любезность, а на самомъ дѣлѣ нисколько не содѣйствовали практическому осуществленію провиденціальной миссіи Россіи. Ибо несомнѣн-

но, что источникъ греческихъ чаяній есть мистическая литература, о которой говорено было выше. Тѣ греки, которые пространнѣе изложили свой взглядъ на это дѣло, ссылались то на книги, въ которыхъ написано, что отъ страны Московскія сядетъ царь въ Константинополѣ, то на пророчества (Паисій Лигаридъ), то на знаменія, которыя совершаются и толкуются самими турками въ смыслѣ близкаго изгнанія ихъ изъ Цареграда и святой Софіи. Только въ самомъ концѣ XVII вѣка и то подъ вліяніемъ движенія у южныхъ славянъ и малороссовъ греки въ первый разъ высказываютъ болѣе или менѣе опредѣленныя воззрѣнія на осуществленіе Россіей политическаго переворота на востокѣ. (Программа Паисія). Въ связи съ этими заявленіями нужно поставить Прутскій походъ Петра I.

Словомъ, греки шагу не сдѣлали дальше того, что вошло въ сознаніе русскаго общества въ концѣ XV вѣка. Это была странная ошибка, ибо въ русскомъ сознаніи восточный вопросъ развивался и грекамъ нельзя было игнорировать это движеніе. Мы должны слѣдовательно заключить, что не въ византійскихъ вліяніяхъ была причина, удержавшая русскихъ отъ увлеченій и соблазна, представляемаго сношеніями съ Римомъ.

Какъ же развивались національныя воззрѣнія на восточный вопросъ? Устраняя западноевропейскія вліянія и не получая равномѣрныхъ воздѣйствій со стороны грековъ, не обрекли ли мы себя въ восточномъ вопросѣ на праздныя мечтанія, косность и безполезную трату времени?

VI.

Въ развитіи восточнаго вопроса на Руси было нѣчто оригинальное. Мы не усвоили цѣликомъ подсказанной намъ роли со стороны римскихъ и вѣнскихъ дипломатовъ, не оставались и на мистической, а частію фантастической почвѣ, съ которой не сошли и греки, болѣе насъ старая нація, несомнѣнно лучше образованная. Греки и въ Россіи не подмѣтили внутренняго развитія, не подсказали ни одного практическаго шага, которымъ бы воспользовались русскіе государи, какъ не были они организаторами національнаго движенія среди славянъ. Самыя крупныя пріобрѣтенія, сдѣланныя русскими на пути развитія восточнаго вопроса, были противоположны греческимъ воззрѣніямъ, такъ сказать насильно вырваны у грековъ. Я не имѣю нужды здѣсь входить въ подробности внутренняго развитія московской идеи восточнаго вопроса. Она остается вѣрна тѣмъ исходнымъ моментамъ, которые указаны были ранѣе. Москва замѣнила Константинополь, такова была фикція въ XV вѣкѣ, теперь Москва снаряжается восточными святынями и украшается мощами и святыми угодниками. Русскій князь есть естественный преемникъ царей, и московскіе великіе князья принимаютъ соотвѣтствующій титулъ и вѣнчаются на царство по обычаю цезарей. Церковная власть московская есть преемница римской, и митрополиты московскіе возводятся въ санъ патріарха. Православіе блистаетъ сонмомъ святыхъ, появляются русскія Четьи Минеи, и Стоглавый Соборъ узаконяетъ автономное церковное управленіе на Руси. Если вдуматься въ эти крупныя явленія развитія XVI вѣка, то въ нихъ нельзя не усмотрѣть очень послѣдовательнаго проведенія принциповъ, теоретически заявленныхъ въ XV вѣкѣ. *Греческіе выходцы нисколько не участвовали въ этомъ движеніи*, напротивъ тормозили его: патріаршество выиграно было русскими, благодаря искуснымъ переговорамъ и щедрымъ милостынямъ. По поводу признанія царскаго достоинства за Грознымъ шли продолжительные переговоры съ патріархами и съ трудомъ доведены были до желаемаго конца. Русскіе очень толково сообразили—чего имъ искать на востокѣ и зачѣмъ обращаться на западъ. Изъ Рима постоянно указывали на возвеличеніе чести и достоинства русскаго царя, но у насъ были свои воззрѣнія на этотъ предметъ и намъ совсѣмъ не лестно было получить оттуда королевскій вѣнецъ. Изъ Рима подстрекали насъ къ передовой роли въ задачѣ обломать рога султану; мы не отказывались отъ чести, но понимали, что эта шутовская роль намъ однимъ не подъ силу и что подъ знаменемъ латинской церкви нельзя поднять востокъ къ движенію противъ Турціи. Намъ очень прямо указывали на константинопольское наслѣдство, но мы чувствовали, что это на-

слѣдство скорѣй бы досталось польскому королю и что на западѣ хотятъ загребать жаръ чужими руками. Главное же, русскіе поняли прежде всѣхъ — въ чемъ заключается единственная жизненная сила въ разрѣшеніи восточнаго вопроса. Разъ усвоивъ себѣ идею главенства на православномъ востокѣ, они не рѣшались поступиться ни единой пядью на занятой почвѣ. Исторія показала, что *позиція была выбрана вѣрная; если бы насъ выбили изъ нея въ XVI вѣкѣ, то карта восточной Европы была бы теперь совсѣмъ другая.*

Идея восточнаго вопроса не оставалась въ Россіи предметомъ чаяній и благочестивыхъ упованій, но проявлялась въ политикѣ. Новизна и оригинальность постановки восточнаго вопроса обнаруживается съ одной стороны *въ народныхъ движеніяхъ и заявленіяхъ, вытекающихъ изъ признанія первенствующей роли Россіи среди порабощенныхъ турками народностей*, съ другой—и въ самой внѣшней политикѣ царей. Вслѣдствіе историческаго изученія восточнаго вопроса Антоніемъ Поссевиномъ и венеціанскими государственными людьми предъ изумленными глазами европейцевъ предстала идея панславизма подъ гегемоніей Россіи. Эта идея далеко не устрашила европейскую политику, напротивъ въ ней видѣли сначала панацею противъ всѣхъ золъ и смѣло открывали Россіи глаза на тѣ громадныя силы, которыя ждутъ только ея мановенія. Появилось множество записокъ и меморій, посвященныхъ разсмотрѣнію этнографическаго состава населенія Балканскаго полуострова и соображеніямъ о числѣ войскъ, которое можетъ быть выставлено славянами. Тогда было оцѣнено и политическое значеніе Россіи на востокѣ. Въ концѣ XVI в. дѣлается общераспространеннымъ мнѣніемъ, *что разрѣшеніе восточнаго вопроса можетъ послѣдовать только изъ Россіи, которая найдетъ точку опоры среди народностей Балканскаго полуострова — въ силу неограниченнаго довѣрія къ ней Болгаръ, Сербовъ и Грековъ.*

Царь Иванъ Грозный, завоевавъ Казань и Астрахань, положилъ начало къ ослабленію мусульманства; въ сношеніяхъ своихъ съ папой онъ постоянно указываетъ на это обстоятельство: «при всеблагой помощи Божіей доселѣ ратуя на невѣрныхъ, мы и впредь готовы стоять противъ нихъ». Въ самый важный моментъ своей жизни, призывая вмѣшательство папы въ споры съ Баторіемъ, онъ отправлялся изъ того же положенія, и въ переговорахъ съ Поссевиномъ выставлялъ: «что папа наказывалъ, чтобъ скорѣй къ миру межь всѣми государи и противъ бы бусурманъ заодинъ сопротивляться, ино и мы того любительно хотимъ, да только не поставя межь собой мира какъ противъ бусурманъ стоять»?—Что Грозный не даромъ выставлялъ свои заслуги, это доказывается положеніемъ, которое пріобрѣла Россія среди славянъ и даже во мнѣніи турокъ. Въ Турціи были хорошо извѣстны проекты лиги и планы для изгнанія ихъ изъ Европы. Султанъ просто издѣвался надъ европейскими государями и въ сознаніи своей силы презиралъ папу и императора, котораго даже считалъ своимъ данникомъ. Но отношенія къ Россіи были иныя. Сулейманъ I въ 1569 году въ первый разъ убѣдился въ важности этой соперницы, когда посланное имъ войско для изгнанія русскихъ изъ Астрахани было разбито царемъ Грознымъ. Политическое значеніе Россіи на востокѣ въ первый разъ было оцѣнено венеціанскими дипломатами—*именно съ точки зрѣнія неограниченнаго довѣрія болгаръ, сербовъ и грековъ къ Россіи.* Въ концѣ XVI в. дѣлается общераспространеннымъ мнѣніемъ, что освобожденіе порабощенныхъ турками народностей можетъ послѣдовать только изъ Россіи, которая и сама обладаетъ достаточными къ тому средствами, и можетъ найти сильную точку опоры среди народовъ Балканскаго полуострова. Это первенствующее положеніе Россіи было замѣчено въ Константинополѣ, и султанъ старался поддерживать дружественныя отношенія съ Московскимъ царемъ, принимая отъ него ходатайства за несправедливо обижаемыхъ и заступничество за единовѣрцевъ. Неожиданный свѣтъ на эти отношенія проливаютъ донесенія венеціанскихъ пословъ. Оказывается, что ходившіе въ Константинополь русскіе послы обращали на себя большое вниманіе европейскихъ дипломатовъ, которые старались и—иногда удачно—вывѣдывать ихъ мысли. Оказывается далѣе, что уже въ XVI в. мы принимали мѣры

къ упроченію нашего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Венеціанцы говорятъ о движеніи нашихъ отрядовъ въ Молдавію, чтобы посадить тамъ на престолъ русскаго приверженца; сообщаютъ о переворотахъ въ Валахіи, производимыхъ московской партіей. Если вспомнить, что Молдавія и Валахія во всѣхъ проектахъ движенія противъ турокъ предназначаются напой тому, кто приметъ на себя руководительство въ войнѣ, то легко будетъ понять важность венеціанскихъ извѣстій.

Итакъ, нужно признать, что Русь шла правильной дорогой по отношенію къ восточному вопросу. Въ намѣченномъ направленіи *идетъ русская политика и народное сознаніе*. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ вспомнить добрымъ словомъ *малороссійскихъ казаковъ*. Въ 1585 году венеціанскому дожу была представлена записка: какую пользу можно извлечь изъ союза съ казаками въ случаѣ войны съ Турціей. Авторъ записки (Гамберини) передаетъ собственно разговоръ свой съ гетманомъ, съ которымъ онъ познакомился въ Вильнѣ. Гетманъ высказался передъ тѣмъ, что казаки одушевлены желаніемъ воевать съ турками «во славу Божію и на вѣчную память казацкаго имени», и что имъ въ высшей степени непріятна принятая на себя Польшей роль оберегать Турцію отъ казаковъ и даже казнить послѣднихъ за набѣги ихъ на турецкія крѣпости. Гетманъ увѣрялъ, что при первой надобности онъ наберетъ до 15 тысячъ казаковъ. На вопросъ, съ которой стороны лучше напасть на Турцію, гетманъ отвѣчалъ: для насъ это все равно, это зависитъ отъ воли государей, которые окажутъ намъ помощь; послѣдствія будутъ тѣ же самыя, начнешь ли съ татаръ или съ турокъ. Казаки въ союзѣ съ сосѣдними народами легко могли бы проникнуть врасплохъ до самаго Константинополя, ибо турки нынѣ столь ослаблены и истощены, что не могли-бы оказать серьезнаго сопротивленія. Гетманъ всего болѣе разсчитываетъ на *дружественный союзъ съ московскими казаками, живущими на Дону и съ черкесами*, храбрѣйшими воинами. Наконецъ, валахи, молдаване, болгаре и сербы при первомъ появленіи сильнаго казацкаго войска, безъ сомнѣнія, пристанутъ къ нему. Нѣтъ сомнѣнія, что на казаковъ обращено было вниманіе на западѣ именно вслѣдствіе наблюденій, сдѣланныхъ надъ ними венеціанскими дипломатами. По крайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ венеціанскіе агенты въ Польшѣ и Константинополѣ сообщаютъ весьма тщательно собранныя свѣдѣнія о казакахъ.— Для насъ во всемъ этомъ вопросѣ получается новая черта къ иллюстраціи значенія восточнаго вопроса. Нѣтъ сомнѣнія, что на дѣло казаковъ нужно отнести значительную часть того престижа, которымъ *русскіе пользовались у южныхъ славянъ и въ Молдавіи и Валахіи*.

Почти наканунѣ эпохи самозванцевъ въ юговосточной Европѣ обнаруживается сильное освободительное движеніе, подготовленное венеціанскими и римскими эмиссарами. Уже были распредѣлены роли въ имѣвшемъ начаться возстаніи. Обращено было вниманіе на русское населеніе на Дунаѣ, на Болгаръ, Албанцевъ. Мѣстное движеніе должно было подать руку одновременному вооруженію Трансильваніи, Молдавіи и Валахіи. Въ то же время казаки имѣли сдѣлать диверсію. Отъ ихъ возстанія ожидали многаго, и прежде всего эта стая орловъ, какъ они названы въ современныхъ документахъ, должна была нейтрализовать Молдавію и Валахію, если бы султанъ захотѣлъ опереться на силы названныхъ государствъ. Далѣе, они должны были занять турецкія и татарскія силы и отвлечь вниманіе турокъ отъ настоящаго очага возстанія. Смѣлымъ ударомъ казаки должны были добыть себѣ славу и добычу. Отыскивали только вождя, который бы сталъ руководить всѣмъ предпріятіемъ, и имя котораго пользовалось бы популярностью среди заинтересованныхъ въ дѣлѣ народовъ.

Такимъ вождемъ представился Московскій царь. Во всей относящейся сюда литературѣ я не имѣю ничего болѣе выразительнаго и болѣе напоминающаго роль Россіи конца 18 или 19 вѣка, какъ слѣдующія слова въ наказѣ аббату Комуловичу, отправленному въ Москву въ 1594 году. Царю весьма легко будетъ отправить войско изъ Смоленска въ Подолію и отсюда въ Молдавію, чтобы вести съ турками войну во Ѳракіи и занять города на Средиземномъ морѣ. Эта экспедиція доставила бы русскимъ славу передъ всѣми

народами и обогатила бы ихъ военной добычей. Но что особенно важно, русскіе получили бы вмѣстѣ съ тѣмъ возможность изучить на мѣстѣ военное дѣло, наблюдая военное искусство нѣмцевъ, угровъ и итальянцевъ, которые будутъ участвовать въ этой войнѣ. Кромѣ того, *овладѣвъ нѣкоторыми городами на Черномъ морѣ*, что не представитъ особенныхъ затрудненій, *они могли бы тамъ укрѣпиться и основать надежду на распространеніе своей власти въ этомъ мягкомъ и счастливомъ климатѣ* и открыть себѣ дорогу къ завоеванію самаго Константинополя, согласно древнимъ притязаніямъ на Константинопольское наслѣдство. Слѣдуетъ разъяснить царю, *что угнетенныя націи говорятъ тѣмъ же или мало отличнымъ отъ русскаго языкомъ* и что всѣ онѣ умоляютъ небо послать имъ свободу чрезъ своихъ соплеменниковъ и ничего такъ пламенно не желаютъ, какъ увидѣть въ русскихъ своихъ избавителей и патроновъ. *Христіане всѣхъ этихъ странъ соблюдаютъ греческій обрядъ*, это служитъ самымъ лучшимъ результатомъ широкаго и блистательнаго успѣха русскихъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Такова реальная почва, на которую постепенно сведенъ былъ восточный вопросъ. Нужно отдать честь папскому правительству: оно своевременно поняло, что восточный вопросъ *не можетъ быть рѣшенъ безъ участія православнаго восточно-европейскаго населенія, тянувшаго къ Россіи своими симпатіями*. Высочайшей политической ошибкой папъ было то, что они не хотѣли отдѣлить религіозной стороны отъ политической, и что католическая пропаганда тормозила выполненіе самыхъ остроумныхъ комбинацій. Но почва, на которой будетъ разрѣшаться восточный вопросъ, опредѣлена была вѣрно, и главные факторы отмѣчены безошибочно. На сознаніи твердости этой почвы основывается, какъ мы видѣли, и русская программа разрѣшенія восточнаго вопроса.

Русскіе люди XV и XVI вѣка, которые повидимому такъ тупо и безсмысленно отстаивали обряды, касающіеся титула и чести государевой, и которые упорно держались своихъ теорій и традицій, въ сущности *создавали историческія основанія для Москвы* въ восточномъ вопросѣ.

Миссія аббата Комуловича была наканунѣ эпохи самозванцевъ—за пять или за шесть лѣтъ до той поры, какъ появились первые слухи о Московскомъ царевичѣ, спасшемся отъ подосланныхъ Годуновымъ убійцъ. Это въ послѣдній разъ Римъ дѣйствовалъ на Россію согласно своимъ обычнымъ пріемамъ, наблюдаемымъ черезъ все XVI столѣтіе. Послѣ смутной эпохи нельзя уже было прикрываться ни гуманными, ни доброжелательными къ Москвѣ цѣлями, ибо тайна двойной игры слишкомъ явно обличилась въ началѣ XVII вѣка. Въ Польшѣ нашли средство положить конецъ недоразумѣніямъ и заставить папу высказаться прямо—чью сторону онъ будетъ держать, московскую или польскую?—Личность перваго самозванца до сихъ поръ не выяснена. Недавно въ Русской Исторической Библіотекѣ напечатанъ новый документъ, относящійся къ этому вопросу: письмо изъ Архангельска отъ 4 іюля 1605 года. Въ немъ находитъ себѣ сильную поддержку извѣстное мнѣніе академика Миллера и воззрѣнія Костомарова, изложенныя въ исторіи смутнаго времени. Въ нашемъ письмѣ говорится: нѣкоторые бояре, понявъ намѣренія и планы Бориса Годунова утвердиться на царствѣ, нашли средство удалить изъ страны младшаго сына императора Ивана Васильевича, по имени Дмитрія Ивановича, въ его юношескіе годы, приказавъ вмѣсто него умертвить другое дитя. Ходитъ слухъ, что со всевозможными предосторожностями его препроводили въ Италію, а потомъ онъ жилъ въ Польшѣ.

Но пусть тождество перваго самозванца съ Дмитріемъ царевичемъ остается подъ сомнѣніемъ. Не подлежитъ спору то обстоятельство, что съ первымъ самозванцемъ Польша осуществила часть знаменитаго проекта Стефана Баторія, посадивъ на Московское царство *католическаго государя*. Въ литературѣ вопроса довольно уже выяснено, кто старается извлечь для себя пользу изъ эпохи самозванцевъ. Всматриваясь въ новые матеріалы о первомъ самозванцѣ, сообщенные въ книгѣ г. Пирлинга, нельзя не проникаться сожалѣніемъ къ самозванцу, какъ къ неосторожному расточителю, надѣлавшему долговъ на честное слово и осаждаемому неумолимыми кредиторами, которые не внимаютъ его

просьбамъ— извинить и обождать. Римскіе и польскіе совѣтники самозванца, въ ослѣпленіи неожиданнымъ успѣхомъ, и не взирая на деликатное его положеніе въ Москвѣ, спѣшатъ учредить въ Россіи постоянное дипломатическое представительство папы, т. е. навязываютъ самозванцу легата, составляютъ проекты объ іезуитскихъ школахъ, жалуются на медленность проведенія уніи! Не успѣлъ еще самозванецъ основаться въ Москвѣ, а ему уже внушаютъ планъ кампаніи съ турками, т. е. создаютъ изъ Россіи базисъ Баторія для разрѣшенія восточнаго вопроса и требуютъ категорически, чтобы онъ не забылъ полученное благодѣяніе и обѣтъ, и объявилъ скорѣй унію съ Римской церковью! За два дня до катастрофы, погубившей самозванца, вошелъ къ нему іезуитъ Савицкій и нашелъ его въ спальнѣ сильно озабоченнымъ и взволнованнымъ. О чемъ же говоритъ этотъ руководитель и совѣтникъ? Опять о пользахъ Римской церкви: объ іезуитскихъ школахъ въ Россіи, о дѣлахъ своего ордена и испрашиваетъ разрѣшеніе имѣть болѣе свободный доступъ во дворецъ и не въ урочный часъ.

Смутная эпоха—крайне важный моментъ въ исторіи восточнаго вопроса. Въ Римѣ и Польшѣ слишкомъ поторопились торжествовать побѣду и заставили насъ еще *энергичнѣе держаться своихъ старыхъ устоевъ*. Въ политическомъ отношеніи смутная эпоха побудила Россію покинуть на время восточную политику; на мѣсто турецкаго настоятельно выдвинулся для *насъ польскій вопросъ*. Пока онъ не былъ разрѣшенъ, въ восточномъ вопросѣ мы были обречены на пассивную роль. Такимъ образомъ, почти на полтораста лѣтъ восточный вопросъ перестал быть для Россіи первостепеннымъ — въ томъ по крайней мѣрѣ значеніи, какъ онъ понимался въ концѣ XVI вѣка. Я имѣлъ въ виду изложить происхожденіе и развитіе восточнаго вопроса, и считаю свою задачу оконченною. Въ заключеніе сдѣлаю нѣсколько общихъ выводовъ.

Почти триста лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ того періода, на которомъ мы остановились въ изложеніи нашего предмета. Съ тѣхъ поръ утекло много воды; выдвинулись новыя народности съ своими интересами, очень значительно измѣнилась карта Европы. Но возможно-ли сказать, что измѣнились отношенія Россіи къ восточному вопросу?

Внутренніе факторы восточнаго вопроса остаются въ Россіи и нынѣ тѣ же самые, что были прежде. Измѣнилась арена и внѣшніе дѣятели. Венеція передала свое могущество и морское вліяніе Англіи, на мѣсто Польши, ревниво оберегавшей свои права противъ Россіи, появилась Австрія, которая не менѣе прежней Польши и въ сущности по тѣмъ же причинамъ заинтересована въ восточномъ вопросѣ. Вспомнимъ, что въ концѣ XVI в. восточный вопросъ сведенъ былъ къ политическимъ интересамъ завоеванныхъ турками христіанскихъ народностей. Эти интересы нынѣ частію удовлетворены, что свидѣтельствуетъ группа политическихъ организмовъ на Балканскомъ полуостровѣ, возникшихъ изъ прежнихъ порабощенныхъ народностей. Новое время принесло однако и существенныя осложненія въ занимающій насъ вопросъ. Европейская политика, подстрекавшая прежде Россію во имя славянской идеи къ передовой роли въ восточномъ вопросѣ, теперь сама ужаснулась ею же громко провозглашенныхъ прежде принциповъ. Слѣдствіемъ этого съ одной стороны было уклоненіе отъ гуманнаго принципа, выразившееся въ захватѣ двухъ провинцій турецкихъ Австріей, а съ другой—туркофильская политика Великобританіи, направленная къ охраненію неприкосновенности Оттоманской Порты. Западно-европейская точка зрѣнія на восточный вопросъ указана еще въ XVIII вѣкѣ и донынѣ сохраняетъ свою силу. «Оттоманская имперія обязана своимъ существованіемъ взаимной зависти нѣкоторыхъ христіанскихъ государствъ, которыя въ сущности опасаются не столько паденія этой имперіи, сколько усиленія тѣхъ, кто подѣлитъ ея обломки. Интересы мореходства и торговли съ востокомъ играютъ въ этомъ отношеніи рѣшительную роль.»

Таковы вообще отношенія западной Европы къ восточному вопросу, для которыхъ впрочемъ могутъ быть указаны иллюстраціи въ XV и XVI вѣкѣ.

Русскіе съ своей стороны имѣютъ въ восточномъ вопросѣ извѣстнаго рода наслѣдіе, которое они приняли отъ предковъ и въ свою очередь должны будутъ

завѣщать грядущимъ поколѣніямъ. Какъ же смотрѣть на это наслѣдство мыслящему человѣку? Представимъ себѣ, что намъ попался въ руки послужной списокъ нашего предка, въ которомъ отмѣчена его служебная карьера, и вообразимъ себѣ политику Россіи въ восточномъ вопросѣ какъ служебный списокъ всѣхъ предшествующихъ поколѣній русскихъ людей. Найдется ли для насъ что поучительное и достойное подражанія въ исторіи восточнаго вопроса? Можемъ ли мы сказать съ спокойной совѣстью про нашихъ предковъ: да, они исполняли свой долгъ?

Прежде всего приходитъ на память, что Россія выработала въ восточномъ вопросѣ свои преданія. Съ точки зрѣнія западноевропейской политики, освобожденіе христіанскихъ народностей немыслимо безъ территоріальныхъ расширеній въ пользу того государства, которое приметъ на себя задачу руководить всѣмъ движеніемъ. У насъ принято было за правило еще въ прошломъ столѣтіи слѣдующее положеніе: *Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи*. Россія сочла необходимымъ содѣйствовать образованію независимыхъ христіанскихъ государствъ, и настойчиво проводила эту мысль. Такова была была идея Екатерины II въ первую турецкую войну, такова же была мысль знаменитаго греческаго проекта—образованіе самостоятельнаго дакійскаго государства и возстановленіе греческой имперіи безъ всякой возможности соединенія съ россійской. Этому правилу Россія осталась вѣрна и въ XIX вѣкѣ. Графъ Кочубей, въ запискѣ, поданной императору Александру I (1802 г.), въ первый разъ формулировалъ мысль, что «интересы Россіи въ восточной политикѣ не тѣ же, что Франціи и Австріи. Независимо отъ того, что Россія не имѣетъ нужды въ расширеніи, нѣтъ сосѣдей покойнѣе турокъ, и сохраненіе сихъ естественныхъ непріятелей нашихъ должно дѣйствительно впредь быть кореннымъ правиломъ нашей политики». Роль Россіи въ освободительномъ движеніи грековъ, сербовъ и болгаръ хорошо извѣстна и можетъ быть оцѣниваема по результатамъ. Лично для себя Россія не пріобрѣла никакихъ выгодъ.

Итакъ, мы поступились исконной теоріей константинопольскаго наслѣдства и не думаемъ о расширеніи своихъ владѣній на счетъ освобождаемыхъ христіанскихъ народностей. Это, конечно, не можетъ быть признано политическимъ успѣхомъ въ восточномъ вопросѣ, а потому завѣщанное предками наслѣдство покажется, пожалуй, обременительнымъ, соединеннымъ съ тяжелыми обязательствами. Но насъ не должны смущать эти обязательства столько же потому, что исторія народовъ не всегда слагается изъ суммы выгодъ, которыя можно взвѣсить и оцѣнить, сколько и въ виду весьма опредѣленныхъ традицій и принциповъ, которыми достигаются высшія цѣли національнаго развитія.

Безспорно, что наше положеніе по отношенію къ восточному вопросу и нынѣ оцѣнивается съ точки зрѣнія громаднаго вліянія Россіи среди единоплеменныхъ и единовѣрныхъ народностей Балканскаго полуострова. Взгляды Польши XVI и XVII вѣка восприняты западноевропейскими государствами, что очень рельефно выразилось въ Крымскую войну. Мнѣ стоитъ лишь напомнить минувшую войну съ турками, сопровождавшуюся образованіемъ новаго политическаго тѣла на Балканскомъ полуостровѣ, и всякій почувствуетъ, что этимъ подвигомъ Россія документировала какъ памятованіе исконныхъ традицій относительно восточнаго вопроса, такъ и вѣрность усвоеннымъ ею принципамъ.

Въ какомъ направленіи пойдемъ далѣе развитіе восточнаго вопроса? Очень любопытная загадка, которую однако я не буду пытаться разрѣшать. Мнѣ кажется, что нельзя дать *готовую формулу* разрѣшенія восточнаго вопроса, которая должна получиться какъ результатъ взаимодѣйствія громаднаго множества элементовъ. Чтобы эти элементы сложились въ благопріятномъ смыслѣ, необходимо мыслящему русскому человѣку опредѣлить свое отношеніе къ такому важному въ историческомъ и общественномъ смыслѣ вопросу, какъ восточный. Сознательное къ нему отношеніе можетъ стать руководящимъ въ поведеніи каждаго принципомъ и предохранитъ отъ двоевѣрія, вялости и косности. Какъ теоретикъ, пишущій эти строки могъ задаваться и дѣйствительно предположилъ себѣ не политическую и практическую

цѣль, а чисто теоретическую: по мѣрѣ силъ содѣйствовать общественному сознанію по отношенію къ восточному вопросу. Было бы большой ошибкой все значеніе для насъ восточнаго вопроса измѣрять политическимъ горизонтомъ. Какъ въ XV XVI вѣкѣ въ развитіи русской общественности положены были основанія восточнаго вопроса, такъ и нынѣ въ общественномъ сознаніи усматривается указатель нашихъ отношеній къ восточному вопросу.

Въ русскомъ сознаніи, какъ оно проявляется въ общественныхъ и литературныхъ группахъ, преобладаютъ у насъ два всѣмъ извѣстныя направленія—*западническое и славянофильское*. По моему мнѣнію, внѣ идеи восточнаго вопроса, понимаемаго конечно въ широкомъ смыслѣ, этимъ такъ называемымъ партіямъ нельзя найдти объясненія и оправданія въ русской жизни. А это въ свою очередь приводитъ къ заключенію, что идея восточнаго вопроса и доселѣ не утратила того важнаго значенія въ русской жизни, какое показано для XV и XVI вѣка. Въ оцѣнкѣ фактовъ древней исторіи и въ опредѣленіи цѣлей русскаго общественнаго развитія и внѣшней политики, славянофильское направленіе безспорно стоитъ на твердой исторической почвѣ, опираясь на опредѣленныя традиціи и вѣками складывавшіяся воззрѣнія. Указываютъ—и не безъ основанія—на недостатокъ ясныхъ формулъ у славянофиловъ и на отвлеченность ихъ построеній. Такова, между прочимъ, и недавно выставленная формула: «возвратиться домой». По своей абстрактности она подаетъ руку фикціямъ XV вѣка о Москвѣ, третьемъ Римѣ, или о перенесеніи въ Россію изъ Константинополя символовъ свѣтской и духовной власти. Противники славянофиловъ имѣли полное право недоумѣвать и спрашивать: какіе же общественные и историческіе идеалы московскаго періода, чтобы можно было къ нимъ возвратиться въ XIX вѣкѣ? Въ упомянутой формулѣ есть однако реальный смыслъ, какъ и въ фикціи старца Филоѳея, если разсматривать ее съ точки зрѣнія національныхъ русскихъ задачъ по отношенію къ восточному вопросу. Она является предупрежденіемъ, что въ восточномъ вопросѣ намъ не нужно слѣдовать западноевропейскимъ внушеніямъ, иначе мы утратимъ положеніе, въ созданіи котораго участвовали многія предшествующія поколѣнія. Она благовременно напоминаетъ далѣе о знамени, безъ котораго русская исторія не имѣетъ центра и главнаго рычага, ибо несомнѣнно, что до сихъ поръ восточный вопросъ является организаторомъ нашей внѣшней исторіи и стимуломъ нашего общественнаго развитія. Нѣкоторая поправка въ этой формулѣ должна быть сдѣлана въ томъ смыслѣ, что, и находясь у себя дома, Москва не пренебрегала западомъ и охотно слѣдовала западнымъ образцамъ, когда считала это полезнымъ.

Каковы бы ни были дальнѣйшія фазы развитія восточнаго вопроса, Россія не можетъ держаться отъ него въ сторонѣ. Это налагаетъ обязанность на мыслящаго русскаго человѣка ясно формулировать свои отношенія къ восточному вопросу.

Ходъ дѣлъ у славянъ направляется къ тому, что они должны скоро почувствовать то же положеніе, которое мы переживали въ XV и XVI вѣкѣ. Когда славяне придутъ къ сознанію, что съ запада имъ несутъ дары Данайцевъ, и поймутъ необходимость въ мѣрахъ къ охраненію народностей, они должны будутъ искать противовѣса въ русской наукѣ, русскомъ языкѣ, литературѣ и образованности. Русская же наука, а равно и русская общественность не можетъ пренебрегать западно-европейскими образцами... Въ этомъ мы полагаемъ нашу національную и культурную задачу относительно будущаго развитія восточнаго вопроса.

Ѳ. Успенскій.

Очерки сербской литературы.

III. Іованъ Субботичъ (1817 — 1886).

(Продолженіе).

Поэма *«Ивановская ночь»* написана Субботичемъ въ 1845 году; она состоитъ изъ двухъ пѣсенъ и по содержанію принадлежитъ отчасти къ богатырскому сербскому эпосу, отчасти къ міру народной фантазіи и народныхъ вѣрованій. Цвѣтетъ желтый ясень среди черной горы Шары, надъ нимъ сіяетъ полный мѣ-

сяцъ, подъ нимъ спитъ добрый юнакъ. Легкій вѣтерокъ сдуваетъ цвѣты съ ясеня, цвѣты падаютъ на юнака и будятъ его отъ сладкаго сна. Снился ему славный сонъ: бѣлоликая стройная дѣвушка снимала съ груди бѣлые цвѣты и осыпала ими его. Онъ приглядывается и видитъ ее уже на яву: сидитъ она у ручья и чешетъ свою черную косу, что разсыпалась по ея плечамъ до самой земли. Смотритъ на нее ясный мѣсяцъ и шепчетъ сосѣдней звѣздѣ: видѣлъ я блистающій снѣгъ на высотахъ этой горы, но бѣлѣе всякаго снѣга грудь этой дѣвушки—полуночницы, а звѣзда въ отвѣтъ говоритъ, что лицо ея прекраснѣе бѣлой зари, когда та въ ясное юрьевское утро идетъ по цвѣтамъ и по жемчужной росѣ. Все, что есть прекраснаго на этой прекрасной черной горѣ Шарѣ, все должно преклониться предъ ея красотою. Какъ нѣжно шепчутъ серебряные листья тополя, какъ пріятно журчатъ струи ручья при блѣдномъ свѣтѣ мѣсяца, какъ сладко пахнетъ липовыми цвѣтами, но все это ничто предъ сладостью чаръ этой дивной дѣвушки, сами звѣзды нѣмѣютъ при взглядѣ на нее. И хочется юнаку страстно обнять ее, да боится, не улетѣлъ бы дивный сонъ. А она встаетъ, набираетъ пукъ росистыхъ цвѣтовъ у потока и садится у изголовья юнака, плететъ вѣнокъ и поетъ пѣсню.—Спи, дорогой мой, да приснится тебѣ сладкій сонъ. Онъ спитъ, а она плететъ вѣнокъ и проситъ вѣтерокъ, чтобы освѣжалъ милаго; а мѣсяцъ молитъ, чтобы онъ разбудилъ ея милаго. . Все стихло, все слушаетъ ея пѣсню и не можетъ наслушаться. Она сплела вѣнокъ и надѣла его на голову юнаку, любуясь на него и сладко смѣясь. И спрашиваетъ его: любишь ли меня, душа моя? А если любишь, то отчего не обнимаешь?.

Плыветъ по небу мѣсяцъ ясный, его провожаютъ золотыя звѣзды; подъ ясенемъ спитъ юнакъ въ объятіяхъ дѣвушки, а на ясенѣ сидитъ вила, золотымъ крыломъ вѣтеръ направляетъ и сдуваетъ вѣтеръ цвѣты съ ясеня, цвѣты падаютъ на дѣвушку и будятъ ее изъ сладкаго сна.—Пусти, душа, я уйду.—Подожди, милая, еще рано, еще вся спитъ черная гора.—Нѣтъ, пора, ужъ жаворонокъ поетъ и бѣлая заря подходитъ.—Нѣтъ, то не жаворонокъ, а соловей учитъ пѣть дѣтей своихъ. Подожди еще!—Не могу, вотъ ужъ звѣзды гаснутъ и яркое солнце идетъ. Прощай, дорогой. Не забывай этотъ часъ! Когда на Шарѣ, горѣ черной, снова зацвѣтетъ ясень, и на небѣ появится мѣсяцъ со звѣздой—спутницей, приду опять къ тебѣ въ тихую полночь. Такъ говоритъ она, цѣлуетъ его, наводитъ на него сонъ и, раскрывъ золотыя крылья, летитъ къ голубому небу и скрывается въ золотыхъ облакахъ.

Встало яркое солнце и осыпало золотомъ лучей своихъ гору. Слышатся охотничьи рога и ржаніе коней—вдали идетъ юнакова охотничья дружина, и онъ пробуждается отъ сладкаго сна. Встаетъ онъ и не можетъ надивиться, не можетъ понять, былъ ли это сонъ, или все это было на яву. Гремятъ рога въ отвѣтъ на его призывъ, бѣгутъ его охотничьи псы и отъ радости визжатъ и лижутъ ему руки.

Доцвѣлъ желтый ясень, мѣсяцъ на ущербѣ. Каждую ночь спалъ подъ нимъ бодрый молодецъ, да не увидѣлъ болѣе того дивнаго сна.

Вторая пѣснь этой поэмы начинается прекраснымъ обращеніемъ къ Иванову дню. «Ивань-дане! какъ хорошъ ты и въ поляхъ, и въ горахъ, но нигдѣ ты такъ не прекрасенъ, какъ на Шарѣ, горѣ черной, гдѣ подъ разцвѣтающимъ ясенемъ и день и ночь сидитъ добрый молодецъ, смотритъ на ясень и ждетъ, скоро ли разцвѣтетъ онъ и появится ясный мѣсяцъ съ звѣздою-спутницей.

Дождался. И снова спитъ онъ тамъ въ такую же ночь. И снится ему райскій садъ, гдѣ течетъ вѣчная жизнь любви и счастья, гдѣ живутъ дивныя облачныя вилы въ беззаботныхъ пѣсняхъ, играхъ и плясках, пока не придетъ пора любви и для нихъ. А та, что въ ту ночь была дѣвушкой, теперь стала бѣлой вилой. Падаетъ золотая коса на ея бѣлоснѣжныя плечи, изъ очей ея заря смѣется, лицо ея сіяетъ какъ солнце, а грудь какъ мѣсяцъ. Шумъ ея крыльевъ походитъ на райскій и ангельскіе чистые голоса. Она держитъ похожую на себя дѣвочку и похожаго на него мальчика. Спрашиваетъ юнакъ вилу: зачѣмъ ты милая такъ долго мучила меня, зачѣмъ ты не приходи-

ла. Отвѣчаетъ она: не могла я. Всякой вилѣ суждено узнать любовь и послужить ей и пасть въ объятія мужа; но это ей дано только одинъ разъ, когда она хочетъ быть матерью. Если она въ другой разъ обниметъ своего милаго то ужъ не проснуться ему живымъ! Вотъ отчего не пришла я къ тебѣ, но много я горя приняла въ борьбѣ между страстью и жалостью къ тебѣ. Но истинная любовь къ тебѣ побѣдила мою страсть.

И говоритъ юнакъ: лучше умереть, лишь бы умереть среди такого райскаго блаженства. Все отдамъ я, и свою корону, и богатство, и царство, только бы остаться съ тобою, глядѣть въ твои очи, цѣловать твои уста.—Нѣтъ, это невозможно, отвѣчаетъ она; неумолимая смерть не дастъ этого. Я съ радостью отдала бы всю свою славу и силу за то, чтобы съ тобой на землѣ вѣкъ вѣковать, да не совладать мнѣ съ силой смерти.

Смѣло и гордо встаетъ юнакъ и говоритъ что, не боится онъ страшной смерти. Смотритъ на него бѣлая вила, бьется сердце въ ея груди и усмѣхаются уста. Слушай, говоритъ она, все мнѣ служитъ, и вѣтеръ, и яркое солнце, и ясный мѣсяцъ, но не могу сдѣлать невозможное. Оставь времени дѣлать свое дѣло. Придетъ часъ, когда мы снова встрѣтимся, чтобы болѣе уже не разставаться. Люди живутъ какъ цвѣты, день живутъ, а потомъ вянутъ. Вилы живутъ дольше, подобно дубамъ, живутъ они тысячу лѣтъ, но и они умираютъ, и ихъ потомъ ждетъ лучшая судьба, чѣмъ въ облакахъ, въ теперешнемъ ихъ царствѣ. Прощай, милый, вспоминай меня, душой будь всегда со мной; твоя же любовь будетъ думою моихъ дней, моихъ словъ, моихъ мыслей и пѣсенъ. Когда меня отзовутъ въ иной, лучшій міръ, останется царицей вилъ вмѣсто меня вотъ эта дѣвочка, вѣчно юная, вѣчно прекрасная. А тебѣ я дарю сына, во всемъ подобнаго тебѣ, а по крыльямъ мнѣ. Когда захочетъ онъ видѣть мать и обнять сестру, то поднимется въ облака, въ мое царство. Но и тебя я не забуду и, когда будетъ можно, буду уносить тебя въ царство облаковъ, чтобы укрѣпить тебя неземною силою. Прощай, дорогой мой, пора намъ разстаться. Она плачетъ, обнимаетъ его и дѣтей, наводитъ на него сонъ. Сквозь сонъ слышитъ онъ плѣнительную музыку и пѣсню вилъ, отъ которой таетъ сердце и видитъ въ облакахъ на солнечномъ престолѣ дивную мать съ ея дочкой, сіяющихъ невыразимой красотой.—Проснувшись, онъ видитъ подъ ясенемъ крылатаго мальчика, который весело смѣется. И несетъ его король въ свой дворецъ, и воспитываетъ и холитъ, одѣваетъ въ шелкъ и золото; скоро растетъ мальчикъ, красивѣе всякой дѣвушки, храбрѣе всякаго богатыря. Дали ему имя *Релья*, *Крилатичемъ* его назвали». Таково содержаніе этой прекрасной поэмы. Въ ней вѣрно переданъ духъ сербской народной поэзіи и поэтично разсказано происхожденіе одного изъ славнѣйшихъ богатырей сербскаго народнаго эпоса. Общій колоритъ поэмы во многомъ напоминаетъ дивныя страницы украинскихъ повѣстей Гоголя («Майская ночь», «Вій»). Стихъ поэмы легкій и изящный, она представляетъ богатый матеріалъ какъ для картины, такъ и для симфоническаго произведенія.

Поэма «*Манастирлиjа*», написанная въ 1857 году содержаніемъ своимъ имѣетъ борьбу сербовъ съ турками. Приходятъ со всѣхъ сторонъ вѣсти къ храброму срѣмскому воеводѣ, что турки съ большими силами идутъ на него, что хотятъ они завладѣть непокорнымъ городомъ Ирригомъ, открыто смѣющимся надъ турками и поющимъ про султана насмѣшливыя пѣсни. Вскочилъ воевода съ мѣста при этихъ вѣстяхъ, быстро одѣлся въ роскошный нарядъ, поцѣловалъ свой мечъ и сказалъ: пока цѣла моя голова на плечахъ, не оставляй, другъ, моей правой руки, а когда найдешь новаго господина, вѣрно служи и ему. Жена его умоляетъ остаться дома, не ходить въ бой съ турками, говоритъ ему про злой сонъ, который видѣла ночью. Но онъ смѣется ея рѣчамъ и проситъ только, въ случаѣ его смерти, хорошенько воспитать его сына Тодора, чтобы и онъ, какъ отецъ, храбро боролся съ турками. Жена плачетъ, а воевода идетъ на крѣпостную стѣну, гдѣ его юнаки уже приготовляются какъ слѣдуетъ встрѣтить враговъ. Воевода говоритъ къ нимъ рѣчь.—«Не дадимся въ руки турокъ, отстоимъ Ирригъ. Все равно, рано или поздно придется умирать, такъ лучше же умереть со славою, чѣмъ безславно. Погибъ славный князь Лазарь, погибъ и Милошъ Обиличъ,

погибъ и Марко Кралевичъ, но не погибло ихъ имя, всегда будутъ ихъ помнить, пока останется хоть одинъ сербъ на свѣтѣ». И поклялись храбрые юнаки сражаться до послѣдней капли крови. Развѣвается боевое знамя на стѣнахъ города—пусть видятъ турки, что тутъ всѣ рѣшились сложить буйныя головы. Грозно ударила на городъ турецкая сила, но тотчасъ же пришлось ей отступить съ огромнымъ урономъ. Не мало турецкихъ головъ повѣсили славные потомки косовскихъ богатырей на зубцы стѣнъ своего города. Снова ударяетъ турецкая сила, все доблестные молодые албанцы; полилась на этотъ разъ и сербская кровь, и жестокъ былъ рукопашный бой, но снова побѣдили храбрые юнаки и прогнали турецкую силу. Воевода благодаритъ своихъ храбрецовъ и ободряетъ ихъ къ новому бою, а турецкій паша блѣднѣетъ отъ страха, видя, сколько погибло изъ его войска. Знаетъ Курди-паша, что ему надо или взять Ирригъ, или самому принести въ Стамбулъ свою голову. Посылаетъ онъ на приступъ непобѣдимыхъ янычаръ, обѣщаетъ имъ за то богатую награду. Зашумѣли сильные янычары, готовятся къ смертному бою, а имамы поятъ ихъ виномъ и водкой, берутъ грѣхъ на свою душу. Ничто не удержитъ янычаръ: ни холодъ зимняго дня, ни наступающій вечеръ. Они стремятся какъ потокъ на крѣпость. Видитъ ихъ воевода и говоритъ юнакамъ своимъ:—«ну, братцы, теперь или вамъ, или туркамъ пасть въ бою, никто живымъ не давайся въ ихъ руки. Живо на стѣну и стяжаемъ себѣ славное имя»! Завязалась страшная борьба. Сербамъ дуетъ вѣтеръ въ глаза и наноситъ дымъ и пыль, не видать, гдѣ другъ, гдѣ врагъ, но все же твердо стоятъ они на своихъ мѣстахъ и храбро бьются. Тяжко приходится сербамъ, около каждаго по 10 турокъ, наконецъ всѣ полегли они въ честномъ бою, дошла очередь и до самаго воеводы, злая пуля угодила ему прямо въ сердце. Янычары отрубили ему голову и отдали Курди-пашѣ, а тотъ оковываетъ ее въ серебро и золото и посылаетъ въ Бѣлградъ. Тѣло же его сербы схоронили въ Хотовѣ у бѣлой церкви.

Въ 1858 году Субботичъ написалъ поэму *«Губикапа Марко»*. Вотъ ея содержаніе. Пируютъ сербскіе воеводы въ славномъ городѣ Беркасовѣ. Въ сторонѣ отъ нихъ сидитъ Губикапа Марко, самъ себя угощаетъ и ни съ кѣмъ не разговариваетъ. Но не веселъ главный воевода Илья Змаевичъ, нужно ему или сдать свой городъ туркамъ, или погибнуть. Не боится онъ съ такими храбрыми товарищами турокъ, а боится срама, боится, что ему, уже устарѣвшему, не выдержать единоборства съ самымъ сильнымъ борцомъ изъ турокъ, который завтра выйдетъ съ нимъ на бой и тѣмъ рѣшитъ судьбу Беркасова. Воеводы наперерывъ предлагаютъ замѣнить его въ бою. Но Змаевичъ отказывается.

Наступило утро. Выходитъ сильный турецкій борецъ, черный арабъ и вызываетъ на бой Змаевича. Вызывается на борьбу вмѣсто Змаевича Никола Гибарацъ. Арабъ совѣтуетъ ему сначала причаститься, а потомъ идти на вѣрную смерть, но Никола говоритъ, что причастится его арабскою кровью. Началась битва. Пустилъ копьемъ Никола въ араба, да тотъ на лету схватилъ копье и сломалъ его пополамъ. Бьются на сабляхъ, бьются наконецъ въ рукопашную. Убиваетъ арабъ Николу, плачутъ по немъ въ городѣ юнаки. На утро снова арабъ вызываетъ Змаевича, тотъ шлетъ за Маркомъ Губикапой, но Марко не слушается и выходитъ на бой Андрей Кубура, хочетъ онъ отмстить за смерть своего друга острой саблей сильнаго Дель-али, что гремѣла по всей Боснѣ. Начинается отчаянная сѣча, длится она уже три часа, а все ни одинъ изъ бойцовъ не одолѣваетъ, и въ рукопашную ни тотъ ни другой не сдаются. Да обманулъ его арабъ, заставилъ взглянуть на городъ, а самъ воспользовался этимъ и зарѣзалъ его, а голову бросилъ въ городъ. Возопили отъ радости турки, заплакали юнаки.

На утро снова вызовъ. Выходитъ Милько Видоевичъ. А Марко опять не хочетъ идти по приказанію воеводы: сердится онъ, зачѣмъ смѣялись надъ нимъ товарищи за то, что онъ въ бою потерялъ свою шапку (капу). Дивится арабъ красавцу Видоевичу, сравниваетъ его съ дѣвушкой. Тотъ сердится и начинается бой. Не посчастливилось сербскому юнаку и беретъ его въ плѣнъ черный арабъ. Слышитъ объ этой участи своего друга Губикапа Марко, беретъ онъ саблю и па-

лицу боевую и выходитъ на поединокъ, вызываетъ чернаго араба, но тотъ уклоняется отъ боя и ведетъ въ свой таборъ плѣнника. Тогда Марко схватываетъ палицу и бросаетъ ее въ араба. Далеко ужъ былъ арабъ, и стрѣла бы его не настигла, а Маркова палица настигла, да и угодила въ затылокъ, убила араба на мѣстѣ. Марко отсѣкаетъ ему голову и отдаетъ Видоевичу снести въ городъ, а самъ начинаетъ бой съ турками; юнаки изъ города бѣгутъ къ нему и начинается битва. Прогнаны турки, разбиты. Снимаетъ Змаевичъ съ своей головы шапку, красную съ золотымъ перомъ, надѣваетъ на Марка и говоритъ: «Пока я живъ, не снимай съ себя этой шапки. Когда сядемъ пить, пировать, никому не дамъ пить, пока Марко не напьется, если Марко первый въ бою, то пусть будетъ первый и въ пиру».

Къ этому же циклу примыкаетъ и его знаменитая поэма *«Юришичъ Никола»*, написанная въ 1858 году. Она состоитъ изъ трехъ пѣсней, запѣвки и припѣвки. Запѣвка прелестна. Поэтъ хочетъ воспѣть славнаго сербскаго богатыря, что устоялъ противъ сильнаго оттоманскаго царя и его войска; онъ не будетъ ни пить, ни ѣсть, ни умываться, ни цѣловать ни жены, ни дѣтей, пока не воспоетъ храбраго богатыря, пока не пронесетъ въ пѣснѣ его славу по всѣмъ сербамъ. Онъ проситъ, чтобы свѣтлая муза, слетающая къ нему съ золотыхъ облаковъ въ ночные часы, и въ этотъ разъ помогла ему написать пѣсню въ честь славнаго богатыря.

Пѣснь первая. Идетъ страшное турецкое войско, идетъ отъ Пешта къ Вѣнѣ и наводитъ на всѣхъ ужасъ. Послѣ картиннаго описанія турецкаго нашествія поэтъ обращается къ Ильину дню. «Ильинъ день, радость лѣта, полны твои руки червоннаго золота, что сыплешь ты и на поля, и на гумна; все-то тебѣ радо, и человѣкъ, и звѣрь, и птицы, и богачи за золотыми столами, и бѣдная сиротливая райя. Всегда у тебя ясное чело, и очи смѣются какъ ясная зорька... Зачѣмъ ты теперь такъ понахмурился, что по челу твоему вѣютъ облака, изъ очей дождь льетъ, а изъ устъ громъ гремитъ? Да какъ ему и не хмуриться, когда его золотые дары вездѣ огнемъ горятъ, когда всѣ они обращаются въ пепелъ и прахъ!...»

Турки осадили Кисегъ. Въ страшной тревогѣ бѣгаютъ по городу жители, плачутъ дѣти, плачутъ жены, молятъ Николу Юришича, чтобъ онъ спасъ ихъ отъ гибели. Отговаривается Никола: мало у него ружей и пушекъ, мало и войска; наконецъ онъ рѣшается защищать городъ, раздѣлилъ своихъ 700 юнаковъ на отряды и послалъ трехъ вѣстниковъ — двухъ съ просьбою о помощи, а третьяго къ своей матери за благословеніемъ, а побратима Радича послалъ къ своей невѣстѣ отнести ей обручальный перстень и позволеніе выдти замужъ черезъ годъ послѣ его смерти. Потомъ онъ усердно молится Богу, чтобы укрѣпилъ его душу. Не успѣлъ кончить молитвы, загремѣла турецкая пушка. Бѣшено вскакиваетъ Никола и стремится въ бой.

Пѣснь вторая. Картина осады. Поэтъ сравниваетъ ее съ грозою. Три дня грохотали турецкія пушки, на четвертый стихли. Лѣзутъ турки, какъ муравьи, на приступъ, приставляютъ къ стѣнамъ лѣстницы и взбираются, держа въ зубахъ сабли, да встрѣчаютъ страшный отпоръ. Двѣнадцать страшныхъ приступовъ отбилъ Юришичъ. Говорятъ самому султану Сулейману. Дивится султанъ геройству Кисега и призываетъ къ себѣ Юришича. Побратимъ приходитъ къ Юришичу и говоритъ, что на помощь нельзя разсчитывать, что мать горюетъ о немъ, а невѣста даетъ слово, что не переживетъ погибели своего жениха. Утромъ онъ одѣвается въ роскошный нарядъ и ѣдетъ къ султану. Дивятся турки герою, что погубилъ такъ много ихъ войска. Съ султаномъ онъ говоритъ спокойно и съ достоинствомъ. И больно нравится Сулейману его умная, смѣлая рѣчь.—Неужели ты думаешь отстоять противъ меня Кисегъ? спрашиваетъ султанъ. — Отстоять не могу, но могу за-то славно въ немъ погибнуть, отвѣчаетъ герой. Напрасно султанъ предлагаетъ ему славу и великія почести, лишь бы онъ отступился отъ Кисега, Юришичъ остается непреклоннымъ.

Даетъ султанъ великому визирю своему три недѣли, чтобы непремѣнно взялъ Кисегъ, иначе лишится головы, а тотъ созываетъ другихъ визирей и даетъ имъ для того же срокъ въ двѣ недѣли. Под-

вели турки мины, взорвали ихъ. Новый приступъ и новая неудача.

Страшно разъяренъ султанъ, но снова зоветъ къ себѣ храбраго воеводу, снова упрашиваетъ его не идти на вѣрную погибель.

Пѣснь третья. Сулейманъ предлагаетъ ему только на одинъ день выставить турецкое знамя надъ Кисегомъ. Юришичъ проситъ ночь на размышленіе, чтобы посовѣтываться съ жителями города. А въ эту ночь Сулейманъ видитъ сонъ, что на яркое солнце налетаетъ черное облако и вспоминаетъ, что Мурадъ видѣлъ такой же сонъ и погибъ; предчувствуетъ султанъ что-то недоброе. Защитники Кисега между тѣмъ рѣшаютъ держаться до послѣдней крайности, и воевода возвѣщаетъ это рѣшеніе султану. И говоритъ ему грозный султанъ: «Тебя поддерживаетъ десница Божія, не хочу я идти противъ Бога. Оставляю тебѣ Кисегъ, возьми отъ меня на память эту острую саблю, помни, что я тебѣ всегда защита».

Когда утро развѣло, подъ Кисегомъ остались только тѣ турки, что заснули вѣчнымъ сномъ.

Въ ***припѣвкѣ*** поэтъ воспѣваетъ славу этого маленькаго города.

Таковы героическія поэмы Субботича, объ остальныхъ его поэмахъ—***Акмечетская звѣзда*** и ***Цыганка*** до слѣдующаго №.

Димитрій Никольскій.

(До слѣдующаго №).

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

По сербскимъ и болгарскимъ.

Сербія. — Взаимное отношеніе сербскихъ партій. — Тронная рѣчь короля Милана. — Отвѣтные адресы.—Торжество напредняковъ.—Гайдуки. — Общество св. Саввы. — Разговоръ Ристича съ корреспондентомъ частной газеты «Народни Листи». — Замѣна Кевенгюллера Бигелебеномъ. — Босна и Герцеговина. — Воззваніе Саввы Косановича.—Толки объ аннексіи.—Хлопоты объ уніи. — Анджеличъ — Смерть Райковича. — Болгарскій переворотъ.

Выборы въ сербскую скупщину 26 апрѣля дали явный перевѣсъ оппозиціи. Послѣдняя составилась изъ двухъ партій — ***либеральной*** и ***одной части радикальной партіи***, сгруппировавшейся подъ предводительствомъ Таушановича около газеты «*Одјек*». Что касается другой части радикальной партіи, предводительствуемой Перой Тодоровичемъ (издателемъ газеты «*Самоуправа*»), то она отдѣлилась отъ оппозиціи и примкнула къ партіи «напредняковъ». Эта группа радикальной партіи сблизилась съ королемъ и заняла положеніе дружественное къ Австро-Венгріи и враждебное къ Россіи. Тодоровичъ, чрезъ одного изъ своихъ друзей, пытался доказать на страницахъ газеты «P. Lloyd», что вообще вся радикальная партія въ Сербіи расположена враждебно къ Россіи и дружески къ Австріи; но газета «Одјек», органъ большей части радикальной партіи, въ большой статьѣ опровергла этотъ взглядъ и доказала, что однимъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ радикальной партіи является сближеніе съ Россіею, на которую только и можетъ опереться Сербія («*Србобран*», № 174, 12 августа).

Сербская скупщина ***на*** *1885* ***годъ*** открыта была *7* ***іюля*** *1886* ***года*** тронною рѣчью короля Милана. Въ этой рѣчи, послѣ вступительнаго привѣтствія, король объясняетъ, что онъ рѣшился на войну съ Болгаріей во имя жизненныхъ интересовъ страны и для охраненія ея чести, вѣрный «исконной политикѣ своего дома и съ согласія народа, выразившагося въ рѣшеніи прошлогодней народной скупщины». Далѣе, благодаря народъ и войско за жертвы, принесенныя во время войны, король говоритъ, что онъ, заключая миръ съ Болгаріей, повиновался голосу благоразумія, требовавшаго подчиненія желаніямъ великихъ державъ. Отношенія къ княжеству Болгаріи, по словамъ тронной рѣчи, остались тѣ же, какія были до войны; отношенія къ остальнымъ ***сосѣднимъ*** державамъ правильны и дружественны. Далѣе говорится, что скупщинѣ предложены будутъ законопроекты по всѣмъ отраслямъ общественной жизни. Кромѣ того, скупщина приглашается ***принять къ свѣдѣнію*** законы и постановленія, изданныя правительствомъ во время чрезвычайныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ находилась страна. Особое вниманіе скупщины обращается на финансы страны, причемъ обѣщается на будущее время бережливость въ расходахъ.

Тронную рѣчь прочиталъ самъ король. Въ этотъ день (7 іюля) правительство уже было увѣрено, что все, что оно ни предложитъ скупщинѣ, будетъ принято, ибо оппозиціонное большинство обратилось въ меньшинство, благодаря, во-первыхъ, насильственному изгнанію нѣкоторыхъ оппозиціонныхъ депутатовъ и, во-вторыхъ, благодаря уничтоженію 25 выборовъ, предложенному провѣрочною коммисіею, которая была составлена исключительно изъ «напредняковъ». Президентомъ и вице-президентомъ скупщины избраны были «напредняки» Павловичъ и Жуньичъ.

Отъ этой скупщины многаго ожидали. Тѣмъ не менѣе, эти ожиданія не сбылись. Часть оппозиціи предлагала, правда, выйти изъ скупщины, но другая осталась. Однако, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, оппозиція же сдѣлала все, что могла. Наиболѣе оживленныя пренія вызваны были отчетомъ провѣрочной коммисіи, проектами отвѣтнаго адреса и финансовыми проектами правительства.

11 іюля въ скупщинѣ попъ Марко Петровичъ прочиталъ отъ имени оппозиціи проектъ ея адреса. Въ этомъ проектѣ, послѣ вступленія, говорится, что народные представители «съ болью въ душѣ сожалѣютъ», что война съ Болгаріей, не смотря на общіе интересы обѣихъ странъ, вызвана была дѣятельностью болгаръ на пути къ ихъ объединенію. Далѣе выражается негодованіе на то, что, не смотря на великія жертвы, война не увѣнчалась успѣхомъ; въ этомъ виновата вся политика сербскаго правительства послѣднихъ лѣтъ и система его управленія. Потомъ выражается желаніе, чтобы Сербія была въ мирѣ и дружбѣ не только съ сосѣдними, но и со всѣми прочими народами, особенно же съ *родственными* ему, и чтобы съ Болгаріей возстановлены были дружескія и искреннія отношенія, какихъ требуетъ единство интересовъ обоихъ этихъ народовъ. Далѣе въ адресѣ выражается желаніе, чтобы военное положеніе снято было со всѣхъ мѣстностей Сербіи, чтобы приняты были реформы, обезпечивающія личныя и имущественныя права гражданъ, чтобы ограничено было усиливающееся со дня на день беззаконіе власти, и чтобы общинамъ дарована была автономія. Главнымъ средствомъ къ достиженію этихъ задачъ является, по словамъ адреса, измѣненіе теперешней, несовершенной конституціи. Адресъ указываетъ затѣмъ, что платежная сила народа очень ослаблена, въ виду чего необходима строгая бережливость въ государственномъ хозяйствѣ. Выражается надежда, что на будущее время правительство не будетъ прибѣгать къ беззаконнымъ и насильственнымъ мѣрамъ, примѣры которыхъ были и на выборахъ и на самой скупщинѣ, и что оно строго будетъ охранять депутатскую неприкосновенность.

Этотъ адресъ, подписанный 40 членами оппозиціи, однако не былъ принятъ скупщиною, а принятъ былъ адресъ, предложенный большинствомъ. Подъ этимъ въ концѣ концовъ подписались и всѣ представители оппозиціи, оговоривъ, что они соглашаются только на тѣ его мѣста, въ которыхъ выражается преданность королю. Адресъ большинства не что иное, какъ перефразировка тронной рѣчи.

Пренія объ адресѣ были весьма бурны. Безъ сомнѣнія, еслибы скупщина приняла проектъ меньшинства, открыто выражающій недовѣріе къ правительству, министерству Гарашанина пришлось бы подать въ отставку. Изъ рѣчей выдались рѣчи Кундовича, Таушановича и другихъ видныхъ представителей оппозиціи. Президентъ совѣта министровъ Гарашанинъ произнесъ длинную рѣчь въ защиту правительства, причемъ особенно старался оправдаться отъ обвиненія въ томъ, что во время войны употребилъ недостаточныя военныя силы.

По его словамъ, правительство не могло употребить на войну всѣхъ войскъ, ибо боялось бунта, который старались произвести сербскіе эмигранты при помощи болгаръ. Въ подтвержденіе этого Гарашанинъ прочелъ письма и воззванія Пашича и Пеко Павловича. На другой день въ оффиціальной газетѣ «Српске Новине» появилась телеграмма, приписывающая успѣхъ правительства именно этимъ разоблаченіямъ, будто-бы указывающимъ на роль оппозиціи при началѣ войны. Вслѣдствіе этого депутатъ Риста Поповичъ отъ имени оппозиціи представилъ запросъ, дѣйствительно-ли эта депеша имѣетъ оффиціальный характеръ. И Гарашанинъ принужденъ былъ сказать, что правительство другаго

мнѣнія и признаетъ, что оппозиція во время войны съ Болгаріей дѣйствовала патріотически.

Не менѣе оживленныя пренія возбудилъ и отчетъ провѣрочной комиссіи. Послѣдняя признала правильными всѣ выборы напреднякцихъ депутатовъ и неправильными 23 выбора оппозиціонныхъ депутатовъ и сверхъ того о двухъ выборахъ въ Бѣлградѣ предложила нарядить слѣдствіе. Всѣ постановленія комиссіи, за двумя—тремя исключеніями скупщина приняла большинствомъ голосовъ, не смотря на энергическія рѣчи представителей оппозиціи. 15-го іюля указомъ короля открыта была сессія на 1886 годъ, причемъ продѣлана была та же комедія съ выборами предсѣдателя, его товарища и секретарей, при пассивномъ отношеніи оппозиціи.

По поводу печальнаго положенія сербскихъ финансовъ правительству Гарашанина пришлось выслушать немало горькихъ истинъ отъ оппозиціи. Еще во время преній объ адресѣ его финансовая политика подверглась жестокому осужденію. Такъ, депутатъ Кундовичъ сказалъ, что, если и на будущее время дефицитъ каждый годъ будетъ въ 11 милліоновъ франковъ, причемъ на платежъ однихъ только % по займамъ выходитъ по 15 милліоновъ (т. е. почти 1/2 всѣхъ доходовъ—въ Турціи на это выходитъ 1/3 всѣхъ доходовъ), то страна скоро будетъ доведена до полнаго банкротства. Сербія съ ея 300 милліоннымъ государственнымъ долгомъ теперь въ худшемъ положеніи, чѣмъ сама Турція.

Въ особенности же бурны были пренія по поводу финансовыхъ проектовъ правительства. Такъ, оно предлагало заложить фонды школьный и врачебный, находящіеся въ распоряженіи государственнаго банка (подъ залогъ ихъ, составляющихъ 12 милліоновъ, предполагается получить 9 милліоновъ). Этотъ законопроектъ подвергся жестокой критикѣ оппозиціи (см. Видело, № 174 и слѣд.). Особенно хороши были рѣчи Марка Петровича и Кундовича. Тѣмъ не менѣе скупщина приняла этотъ законопроектъ въ общихъ чертахъ. Добившись этого, правительство однако потерпѣло пораженіе въ законопроектѣ о продленіи соляной монополіи и, убоявшись дальнѣйшихъ пораженій, предложило скупщинѣ избрать комиссію для просмотра всѣхъ отчетовъ министерства финансовъ. Въ эту комиссію избрано 15 человѣкъ; изъ нихъ 11 напредняковъ и 4 радикала.

Такимъ образомъ партія напредняковъ восторжествовала на всѣхъ пунктахъ. Тѣмъ не менѣе, сломивъ оппозицію, они никакъ не могутъ того же сдѣлать съ народомъ, который выражаетъ свой протестъ гайдучествомъ. Особенною смѣлостью отличается чета братьевъ Солдатовичей. Братья Солдатовичи—Іованъ и Станко родомъ изъ села Лиси (Драгачевскаго уѣзда). Станко учился въ Чачанской гимназіи. Ихъ подвиги весьма безпокоятъ сербское правительство. Недавно еще они сожгли товаръ изъ лавки Жуньича, товарища предсѣдателя скупщины. Гарашанину недавно они прислали по почтѣ письмо, въ которомъ заявляютъ, что ни ему, ни напреднякамъ не сносить своихъ головъ. Такъ какъ всѣ мѣры къ ихъ поимкѣ не повели ни къ чему, то правительство рѣшило выселить жителей изъ Драгачевскаго уѣзда въ Пиротъ, что и совершено съ чрезвычайною жестокостью и разореніемъ ни въ чемъ неповинныхъ крестьянъ. Правительство даже выпустило изъ тюрьмы преступниковъ, чтобы тѣ поступили въ чету Солдатовичей и потомъ выдали бы ихъ. Но Солдатовичи заранѣе узнали про эту хитрость и приняли свои мѣры (см. *Застава* № 121).

Вообще положеніе вещей въ Сербіи весьма печальное. Всѣ сербскія газеты, кромѣ «Видело», сознаютъ это и указываютъ разныя мѣры, помощью которыхъ Сербія могла бы выдти изъ этого положенія. Поэтому всѣ эти газеты привѣтствовали возникновеніе въ Бѣлградѣ *общества св. Савы*. Это общество имѣетъ цѣлью просвѣщать народъ, устраивать школы и помогать существующимъ и вообще заботиться объ интересахъ всего сербства. Членомъ его можетъ быть всякій сербъ и всякій другъ сербства. Въ такомъ-же духѣ въ Бѣлградѣ начато изданіе еженедѣльной газеты «Српство».

Глава сербской оппозиціи Ристичъ недавно разговаривалъ съ сотрудникомъ чешской газеты «Народни Листи». Въ этомъ разговорѣ онъ осуждалъ экономическую

политику сербскаго правительства, вредную для народа внѣшнюю политику, нарушеніе конституціи и свободы внутри страны. Послѣдніе выборы сопровождались всяческими насиліями; еслибы выборы были свободны, то ни одинъ человѣкъ изъ «напредняцкой» партіи не былъ бы выбранъ. На вопросъ собесѣдника на счетъ внѣшней политики, Ристичъ сказалъ, что оппозиція считаетъ нужнымъ сохранить прежнія отношенія къ Австріи, но вмѣстѣ съ тѣмъ возстановить дружескія отношенія къ Россіи и къ прочимъ балканскимъ державамъ, а съ Болгаріей даже заключить союзъ противъ Турціи.

Австрійскій посланникъ въ Бѣлградѣ Кевенгюллеръ получилъ назначеніе въ Бухарестъ, а на его мѣсто назначенъ консулъ въ Софіи Бигелебенъ. Если отъѣзду перваго сербскія газеты, называющія его «злымъ духомъ» Сербіи, очень радуются и желаютъ, чтобы онъ никогда болѣе не возвращался въ Сербію, то пріѣзду Бигелебена они не только не радуются, но считаютъ его назначеніе прямымъ оскорбленіемъ для Сербіи; онѣ не хотятъ забыть, какъ Бигелебенъ устраивалъ оваціи пиротскому побѣдителю (см. *Србобран.* № 165).

Не лучше положеніе оккупированныхъ Австріею Босніи и Герцеговины. Совершившіяся тамъ административныя перемѣны (замѣна барона Николича барономъ Кучерой) не только не обѣщаютъ ничего лучшаго этимъ провинціямъ, но напротивъ обѣщаютъ еще больше тяжестей несчастному народу, такъ какъ баронъ Кучера отъявленный врагъ славянъ. «Застава» говоритъ, что теперь Боснія попала изъ огня да въ полымя.

Огромное впечатлѣніе въ славянскомъ мірѣ произвело недавно появившееся въ Бухарестѣ и Рущукѣ «воззваніе» Это воззваніе настоящій обвинительный актъ противъ Австріи. Приведемъ изъ него главные пункты. Берлинскій договоръ навязалъ Босніи и Герцеговинѣ австрійскую оккупацію съ тѣмъ, чтобы она водворила тамъ порядокъ, хотя всей Европѣ было хорошо извѣстно, что Австрію тамъ ненавидѣли, и что австрійская администрація никогда не отличалась ни справедливостью, ни честностью. Австрія заняла Боснію, введя полчища іезуитовъ, чиновниковъ и аристократовъ; ея войска сейчасъ же стали грабить народъ, который съ оружіемъ въ рукахъ отбивался отъ нечаянной оккупаціи. Христіанскіе янычары творили такія неистовства, какихъ и при туркахъ не бывало.

Такъ, они выжгли города Баньюлуку, Сараево, Берчку, Шамацъ, не говоря уже о деревняхъ. Благодаря австрійскимъ притѣсненіямъ, экономическое состояніе народа ухудшилось; тоже произошло съ просвѣщеніемъ и свободой, ибо эти блага не достигаются умноженіемъ числа іезуитовъ, шпіоновъ, жандармовъ и палачей. Выстроенныя въ Боснѣ желѣзныя дороги выстроены съ цѣлью ограбленія народа. Возстановлена не существовавшая при туркахъ уже 50 лѣтъ смертная казнь, причемъ палачей пришлось взять на сторонѣ —въ Боснѣ ни одного человѣка не нашлось, желающаго заняться этимъ ремесломъ. Разумѣется, насиліе вызвало насиліе въ формѣ повстанческихъ шаекъ, бороздящихъ страну по всѣмъ направленіямъ и мстящихъ за поруганіе и попраніе правъ народа. На издателей газетъ возложено не существовавшее при туркахъ обязательство вносить залоги. Введена стѣснительная штемпельная пошлина. Введены страшно тяжелыя соляная и табачная монополіи. Запрещено имѣть портреты сербскихъ героевъ, запрещено даже читать исторію сербовъ, написанную австрійскимъ министромъ Каллаемъ. Водворена цѣлая армія жандармовъ и другихъ войскъ (однихъ гарнизоновъ 26,000 человѣкъ), содержаніе которыхъ обременительно для народа. Народныя школы при туркахъ пользовались большею свободою, чѣмъ теперь, когда права общины стѣснены и привозъ книгъ изъ Сербіи запрещенъ. Тюрьмы теперь полнѣе, чѣмъ при туркахъ. Общинное самоуправленіе, существовавшее при туркахъ, теперь уничтожено. Свобода печати, сходокъ и обществъ совершенно уничтожена. Такимъ образомъ, австро-венгерское «освобожденіе» хуже турецкаго рабства.

Австрія — это палачъ Босны. Въ 1881 году она взыскивала налоги силою; такихъ случаевъ насильственнаго взиманія было болѣе 12 тысячъ и на сумму болѣе

22 милліоновъ гульденовъ. Число осужденныхъ за преступленія и проступки страшно возросло при австрійскомъ господствѣ. Народъ лучше желалъ бы снова перейти подъ власть Турціи, чѣмъ нести невыносимое австрійское иго. Въ заключеніе авторы этого краснорѣчиваго манифеста взываютъ къ помощи всѣхъ просвѣщенныхъ людей, чтобы они помогли Боснѣ и Герцеговинѣ избавиться отъ Австріи и занять положеніе автономной провинціи, подобное тому, какое имѣла В. Румелія до Пловдивскаго переворота.

Безъ сомнѣнія, это воззваніе вызвано особенно усилившимися въ послѣднее время толками объ окончательной аннексіи Босніи и Герцеговины къ Австріи.

. . . .

Хлопоча объ аннексіи, Австрія не забываетъ чрезъ вѣрныхъ своихъ помощниковъ іезуитовъ постепенно подготовлять унію. Нѣкоторыя данныя объ этой пропагандѣ собраны газетами «Српски Лист», «Србобран» и «Застава. Однимъ изъ дѣятельныхъ агентовъ является нѣкій боснійскій попъ Іованъ С. Поповичъ. Онъ служитъ посредникомъ между Германомъ Анджеличемъ и австрійскимъ правительствомъ съ одной стороны, и сербскимъ министромъ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ Куюнджичемъ—съ другой. Послѣдній прямо сказалъ ему: «Развѣ вѣкъ нашъ быть слугами этой глупой Россіи? Мы должны держаться запада, если не хотимъ утонуть въ русскомъ морѣ. Признавъ папу духовнымъ главою, мы окрѣпнемъ и получимъ еще большую поддержку Австріи». Въ Босніи и Герцеговинѣ уже вводится церковная утварь по католическимъ образцамъ.

Германъ Анджеличъ предпринималъ на дняхъ путешествіе таинственнаго свойства, которое объясняютъ разно. Одни говорятъ, что онъ ѣздилъ въ Римъ на поклоненіе папѣ, другіе, что въ Вѣну, куда вызванъ былъ къ императору по телеграфу бывшій боснійскій митрополитъ Савва Коссановичъ. Во всякомъ случаѣ это путешествіе было не безъ цѣли. Анджеличъ попрежнему всячески препятствуетъ продолженію засѣданій церковнаго собора и мститъ его дѣятелямъ и всѣмъ сочувствующимъ дѣятельности собора. Въ газетѣ «Србобран» помѣщенъ рядъ статей, содержащихъ не мало пикантныхъ разоблаченій въ этомъ родѣ *).

Сербская литература понесла утрату въ лицѣ Георгія Райковича, скончавшагося 28 іюля въ городѣ Н. Садъ. Покойный въ 1825 году, издавалъ журналы и газеты и немало написалъ по исторіи и литературѣ. Весьма интересны его статьи о Вукѣ Караджичѣ, Мушичномъ, генералѣ Микашиновичѣ и др. Какъ человѣкъ, это была одна изъ симпатичнѣйшихъ личностей. Кончина его встрѣчена всеобщимъ и искреннимъ сожалѣніемъ.

Болгарскій переворотъ, низвергнувшій принца Баттенбергскаго, не былъ неожиданностью для лицъ, внимательно слѣдившихъ за событіями въ Болгаріи. Уже въ іюлѣ выяснилась чрезвычайно энергическая дѣятельность оппозиціи, и оппозиціонныя газеты («Соединеніе», «Свѣтлина» и др.) открыто проповѣдывали, что главное зло Болгаріи князь Александръ и что его необходимо свергнуть. Это было ясно видно изъ того, что оппозиція въ полномъ составѣ вышла изъ залы Народнаго Собранія при обсужденіи законопроекта о чрезвычайномъ военномъ кредитѣ. Органъ правительства «Тырновская Конституція» еще 18 іюля указывала на тревожные слухи, ходившіе въ странѣ и старалась, но очень неувѣреннымъ тономъ, опровергать ихъ.

Переворотъ 9 августа произвелъ особенное впечатлѣніе въ Сербіи. Король немедленно созвалъ совѣтъ министровъ и вызвалъ по телеграфу Гарашанина изъ Пешта, куда тотъ ѣздилъ совѣтоваться съ Тодоровичемъ. Немедленно запрещенъ былъ ввозъ иностранныхъ газетъ, даже дружественныя Сербіи австрійскія и венгерскія газеты не допускались. Вся славянская печать съ восторгомъ встрѣтила извѣстіе о низверженіи князя Александра и разсма-

*) Вотъ одинъ примѣръ. Извѣстно, что Анджеличъ болѣе привязанъ къ женскому полу, чѣмъ подобаетъ патріарху. Недавно онъ рѣшился отомстить даже барышнямъ города Карловцы за то, что тѣ приняли участіе въ иллюминаціи этого города при выборахъ кандидата на соборъ. Онъ отомстилъ имъ, запретивъ воспитанникамъ семинаріи быть на городскомъ балу и тѣмъ лишивъ ихъ кавалеровъ!...

тривала это событіе какъ напоминаніе и королю Милану, что и его можетъ постигнуть такая же участь, если онъ будетъ продолжать вести не славянскую политику и относиться враждебно къ Россіи.

Д. Н—скій.

31 августа 1886.

Изъ болгарской печати.

Послѣднія событія въ Болгаріи подобно 6 сентября прошлаго года, вызвали также прекращеніе нѣкоторыхъ повременныхъ изданій, такъ что мы теперь снова не имѣемъ никакихъ вѣдомостей изъ Болгаріи кромѣ «Държавнаго Вѣстника». Тѣмъ не менѣе, думаемъ, небезъинтересно будетъ для нашихъ читателей узнать то настроеніе печати и общества, которое предшествовало 9 августа и которое поэтому можетъ пролить отчасти свѣтъ и на самыя эти событія; оттого-то мы и останавливаемъ вниманіе читателя на этихъ событіяхъ до 9 августа, которыя могутъ показаться теперь уже вполнѣ заслоненными болѣе важными позднѣйшими.

Уже въ прошломъ обозрѣніи болгарской печати мы отмѣтили перемѣну тона правительственной «Търновской Конституціи», хотя и сомнѣвались въ долговременности этого новаго тона, считая болгарское правительство болѣе сильнымъ и менѣе нуждающимся для своей поддержки въ лицемѣрныхъ заявленіяхъ своихъ чувствъ къ Россіи. На дѣлѣ оказалось не то: новый тонъ сохранила «Търновская Конституція» до самыхъ послѣднихъ минутъ Каравеловскаго правительства. Само собой разумѣется, что искренность этого тона подлежитъ большому и большому сомнѣнію; но что же дѣлать, Каравеловъ убѣдился, что хоть на сердцѣ-то и ледъ, да на устахъ-то долженъ быть медъ и что противъ рожна прати невозможно, такъ какъ народъ болгарскій еще не послѣдовалъ примѣру своихъ правителей и не потерялъ своего славянскаго народнаго сознанія и чувства благодарности къ освободителямъ.

Въ концѣ мая въ Болгаріи вышла политическая брошюра уважаемаго и маститаго писателя П. Р. Славейкова Размышленіѥ вьрхꙋ положеніѥ-то ны. «Търновская Конституція» отнеслась къ брошюрѣ сочувственно и привела обширныя выписки изъ нея. Вотъ, между прочимъ, что пишетъ Славейковъ объ отношеніяхъ къ Россіи: «При такомъ положеніи дѣлъ какое временно установилось теперь, наша обязанность вести политику къ Россіи, не забывая, что мы болгаре, а къ Европѣ, что мы славяне и православные. Религія и единоплеменность всегда и повсюду были великими дѣятелями въ общей политикѣ и особенно послѣдняя никогда не бывала такимъ великимъ дѣятелемъ, какъ теперь въ эпоху и начало народностей. Намъ слѣдуетъ знать и помнить, что «кровь не вода» и что «свой своѥго нѥ глѧда, ама(но) тѧжко кой ѥго нѣма*). И князь нашъ, который отчуждился отъ своихъ соплеменниковъ, ставъ княземъ Болгаріи, и въ качествѣ болгарина—носителя судебъ болгарскаго народа, не долженъ выходить изъ границъ этой политики. Чтобы мы ни говорили, мы не можемъ скрыть, что благоволеніе Россіи желательнѣе, милѣе и пріятнѣе для болгаръ, чѣмъ благоволеніе князя и что въ купонахъ народнаго нашего сознанія Россія имѣетъ перевѣсъ и громадный перевѣсъ надъ княземъ. Таково общее расположеніе народа, отъ котораго мы ни на іоту не можемъ отдѣлаться; и если этого мы не выскажемъ, то солжемъ, чего не можемъ сдѣлать, если искренно любимъ своего князя. Разумѣется, балансъ купоновъ можетъ измѣняться, какъ играющій на обѣ стороны; но въ сущности и въ данный моментъ, онъ не можетъ не склоняться къ Россіи. Политика, основанная поколѣніями отъ рода въ родъ, не можетъ перевернуться и измѣниться такъ, въ минуту». Но этими послѣдними словами авторъ не оправдываетъ партію Цанкова, которая только обвиняетъ правительственную партію и правительство, что они отторгнулись уже отъ Россіи и не умѣли правильно обходиться съ Россіей. Эти напоминанія авторъ считаетъ

*) ѧ произносится въ болг., серб., слов.—*е*, въ польск. *е* носовое, чеш., луж. *я* (передъ твердыми и въ началѣ слова) и *е* передъ мягкими, русск. *я*; *е*, отмѣченное знакомъ краткости, не произносится.

излишними». Всѣ болгаре сознаютъ и исповѣдуютъ, что за все мы обязаны Россіи и что безъ Россіи мы ничто и не можемъ ничего — Россія для насъ свѣтъ, Россія для насъ живительный огонь, безъ нея мы были бы, можетъ быть, въ вѣчной темнотѣ, замерзли бы на вѣки. То, что мы сказали, такая явная и неоспоримая истина, что тотъ, кто бы сталъ ее отрицать, не имѣлъ бы человѣческаго разсудка». Можно судить о настроеніи болгарскаго народа, если уже такія выписки появляются на страницахъ «Търновской Конституціи», которая еще такъ недавно громила Россію и старалась подорвать ея значеніе среди болгаръ. Точно такъ же развязно и безъ зазора совѣсти (которой, кстати сказать, у него, нужно думать, и нѣтъ), говорилъ и Стамбуловъ во время преній въ Народномъ Собраніи, 10 іюня, по поводу отвѣта на тронную рѣчь Баттенберга. Въ отвѣтъ на рѣчь депутата Чернева, въ которой онъ обвинялъ правительство въ томъ, что оно прервало связи съ Россіей, что между Россіей и Болгаріей существуетъ холодность, что онъ глубоко скорбитъ и что князь долженъ употребить всѣ средства для примиренія съ Россіей, Стамбуловъ пустился фразерствовать и произнесъ, между прочимъ, слѣдующее: «То, гг., что существуетъ нынѣ, радуетъ всякаго изъ насъ, такъ какъ мы пріобрѣли еще одну часть того, что по праву принадлежитъ намъ и что намъ далъ нашъ Царь-Освободитель... Тотъ, кто повелъ доблестный русскій народъ, кто пролилъ кровь тысячей героевъ, тотъ начерталъ путь Болгаріи и сказалъ: вотъ путь, по которому ты пойдешь. (Голоса: слава! слава!). Санъ-стефанскій договоръ, гг. представители, не забытъ никѣмъ и уважаемая оппозиція при всякомъ случаѣ поднимаетъ вопросы, какъ сегодняшній, только, чтобы ставить препоны народному дѣлу... Въ тотъ день, когда былъ подписанъ этотъ договоръ, т. е. 19 февраля 1878 г., были посланы депутаціи и поздравленія Царю-Освободителю и мы еще тогда заявили самому нашему покровителю, что желаемъ, чтобы Болгарія осталась великою, какъ начерталъ ее онъ въ санъ-стефанскомъ договорѣ... Г. д-ръ Черневъ хочетъ увѣрить Народное Собраніе, а черезъ него и весь болгарскій народъ, что между правительствами освободителей и освобожденныхъ есть нѣкоторая натянутость въ отношеніяхъ. Я, гг., категорически отрицаю эти его слова. Это неправда. Будьте увѣрены, что никогда Россія не возненавидитъ свое дитя, Болгарію, и никоимъ образомъ не допуститъ пропасть тотъ народъ, за который пролила столько крови. (Рукоплесканія. Крики: вѣрно! вѣрно!). Оттого, гг., говорить о дурныхъ отношеніяхъ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, значитъ утверждать въ такомъ мѣстѣ, какъ Народное Собраніе, фактъ, который невѣренъ. Откуда знаетъ г. д-ръ Черневъ, что нѣкоторые поступки нашего покровителя не продиктованы высокой политической мудростью, чтобы послѣ не обвиняли Россію, что она имѣла участіе въ румелійской революціи или, что она стремилась къ нарушенію мира? Откуда знаетъ онъ, что въ своихъ попеченіяхъ русскій Царь не хотѣлъ оставить насъ одних, чтобы доказать свѣту, что освобожденные русской кровью болгаре достойны политической и самостоятельной жизни и сами могутъ охранять свою землю и интересы? Или у г. Чернева есть какія-нибудь свѣдѣнія отъ нашего покровителя? Или нашъ покровитель далъ ему право говорить въ палатѣ отъ его имени? Если принимать за вѣрныя подобныя сказки, то значитъ оскорблять того, кто стремился заботиться о насъ. Я никогда не могу помыслить, что русскій Царь можетъ когда-либо мыслить зло для Болгаріи: только добра и успѣха можетъ желать онъ болгарскому народу и болгарской державѣ». Ну можетъ ли быть что-нибудь нахальнѣе этого заявленія, что князь и каравеловское правительство не прерывало добрыхъ отношеній съ Россіей и ея правительствомъ. Правда, что Россія и русскій Царь не могли желать зла Болгаріи и ея народу, неправда только то, что само правительство болгарское не приписывало русскимъ этого желанія и не старалось увѣрить въ этомъ всѣхъ и каждаго, неправда то, что правительство болгарское было всегда на столько благородно, чтобы чувствовать благодарность къ своимъ освободителямъ, а не бросаться въ объятія своихъ и ихъ враговъ, и не начинать систематическую травлю противъ русскихъ, какъ дѣлали это они до мая.

Но народъ обмануть нельзя, его чувства не такъ низки, и убѣжденія не такъ шатки, какъ у Каравеловыхъ и Стамбуловыхъ, а потому и травля оказалась напрасною и сами травильщики вдругъ стали выдавать себя за единомышленниковъ и почитателей тѣхъ, противъ кого вели эту травлю народа. Народъ слушалъ, слушалъ возмущающія его до глубины души рѣчи и сталъ отворачиваться отъ этихъ ораторовъ, почва подъ ними зашаталась и такъ зашаталась, что они, забывъ всякій стыдъ, вдругъ стали отказываться отъ своихъ же вчерашнихъ словъ, стали хвататься за каждую соломинку, чтобы не рухнуть окончательно. Достаточно стало одного слова уже не правительства русскаго, безъ котораго они думали обойтись прежде, а только однихъ русскихъ академій, что тѣ открыты для болгарскихъ офицеровъ, чтобы затрубить объ этомъ и прокричать, какъ объ обстоятельствѣ, свидѣтельствующемъ о томъ, что связи съ Россіей не нарушены: «отмѣчая это въ своей лѣтописи», говоритъ Търновская Конституція, «мы не можемъ не высказать нашу радость, что допущеніемъ болгарскихъ офицеровъ въ русскія академіи между русской и болгарской арміей сохраняется единство въ воспитаніи и обученіи, и болгарское военное дѣло продолжаетъ крѣпнуть и развиваться на основахъ, которыя положены нашими инструкторами-учителями.» («Търновская Конституція» № 40, 4,з). Но не помогло и двуличіе; почва подъ ногами продолжала колебаться, въ самой правительственной партіи появляться щели, наконецъ, часть его съ министромъ юстиціи Радославовымъ во главѣ совершенно отщепилась и образовала собственный свой органъ «Народенъ Вѣстникъ», программа котораго сводится къ 4 пунктамъ: 1) неприкосновенность болгарской конституціи, 2) сближеніе съ русскими, 3) защита особы князя и 4) энергическая политика по вопросу о соединеніи. «Легкомысленно», писалъ органъ Радославова въ № 1, «подозрѣвать Россію въ томъ, что она насъ хочетъ поглотить. Россія ничѣмъ не выказала своего желанія поглотить освобожденныя ею Румынію, Грецію и Сербію. Послѣдняя пала въ тискахъ чужихъ интригъ и теперь она разорена экономически и потеряла всякій видъ славянской державы. Болгарію постигнетъ та же участь, если она не пріобрѣтетъ русскаго покровительства». Каравеловъ и тутъ выступилъ съ протестомъ, говоря, что эта программа и его программа и «знамя не большее; не меньшее знамени либеральной партіи». «Народная либеральная партія, во главѣ со своими вожаками никогда не была противъ правительства освободительницы и покровительницы Россіи, говоритъ «Търновская Конституція» № 42, да и не желаетъ, чтобы существовали какія-нибудь недоразумѣнія между нашимъ и русскимъ правительствомъ. Если нѣкоторые непріятности послѣдовали вслѣдъ за 6 сентября, то это, можетъ быть, дѣло высшей дипломатической мѣры, которую откроетъ само время». «Желательно знать, спрашиваютъ поэтому поводу пловдивскія «Новини» (№ 5), было ли болгарское министерство единомышленно, когда въ сентябрѣ болгаръ отправляли въ заточеніе за то, что они ходили къ русскому дипломатическому агенту?» Не правда ли, что вопросъ очень ловкій: не въ бровь, а прямо въ глазъ. Э! да что за бѣда: tempora mutantur et nos mutamur cum illis, а кто старое помянетъ, тому и глазъ вонъ. Впрочемъ, всѣ эти лавированія не принесли буквально никакой пользы. Народное Собраніе въ отвѣтъ на тронную рѣчь князя, въ которой объ Россіи даже не обмолвились, напомнило правительству, что Болгарія многимъ и очень многимъ обязана Россіи, что болгарскій народъ и «на будущее время имѣетъ полную вѣру въ человѣколюбіе и великодушіе великихъ силъ, а особенно великой Россіи, своей освободительницы, которая столько оказала ему благодѣяній». И только разбойничьимъ образомъ удалось выжать у Народнаго Собранія покупку Русе-Варненской желѣзной дороги, когда вся оппозиція вышла изъ залы засѣданія. По словамъ «Независимости», (№ 32), когда въ Народномъ Собраніи разбирался вопросъ объ этой покупкѣ, зданіе собранія было окружено двумя ротами войска и всей столичной жандармеріей; никакого назначенія по этому вопросу, собственно говоря, по словамъ газеты, не произошло: надъ многими представителями было употреблено нравственное, а надъ нѣкоторыми и физическое насиліе за то, что они противъ той покупки, за принятіе кото-

рой потомъ такъ благодарилъ князь. Дѣло не обошлось безъ скандала: часть оппозиціи, вмѣстѣ съ публикой, 8 іюля, во время тайнаго засѣданія, силою ворвалась въ залъ, разбивъ двери. Все это, думаемъ мы, ясно свидѣтельствуетъ о настроеніи болгарскаго народа. Онъ возмутился, наконецъ, этими нападками на Россію, этой противоестественной политикой правительства. Правительство принужено было заговорить о добрыхъ отношеніяхъ съ Россіей; сама «Независимость», очевидно, уступая общественному мнѣнію, принуждена была утишить свои порывы и ругательства, но было поздно. Уже въ началѣ іюля въ «Соединеніи» появилась громовая статья противъ князя, въ которой прямо говорилось, что князь долженъ быть изгнанъ: «Человѣкъ, не пощадившій ничего священнаго для болгарина, авантюристическимъ предпріятіемъ осмѣлившійся порвать святыя связи между двумя братскими народами, связи между освободителями и освобожденными, не заслуживаетъ никакой пощады, никакой милости».

Наконецъ часъ Баттенберга пробилъ: въ ночь на 9 августа его заставили подписать отреченіе. Затѣмъ послѣдовала извѣстная комедія, возвращенія съ декораціей изъ пятыковъ, новое, якобы почетное удаленіе 26 августа и назначеніе регенства вполнѣ достойнаго своего предмѣстника. Дѣйствительно трудно подыскать такую тройку какъ Стефанъ Стамбуловъ, Петко Каравеловъ и подполковникъ Савва Муткуровъ, которыхъ изволилъ назначить Баттенбергъ. Что такое хамелеонъ Каравеловъ, научившійся такъ безстыдно лгать передъ народомъ, прикрываясь именемъ Россіи—говорить излишне, а достойный его сотоварищъ princeps regentium живописуется такими красками въ недавно вышедшей книгѣ Спиридона Гопчевича *):

Стамбуловъ воспитывался въ семинаріи въ Одессѣ и, еще не достигши 16 лѣтняго возраста, былъ прогнанъ изъ Россіи за участіе въ нигилистическомъ заговорѣ. Потомъ шлялся по Румыніи, служилъ у одного торговца въ Бухарестѣ, обокралъ его и денежки спустилъ по бухарестскимъ «cafés-chantants». По освобожденіи Болгаріи, когда она сдѣлалась самостоятельнымъ государствомъ, открылось обширное поле для политической дѣятельности Стамбулова. На разныхъ народныхъ сходкахъ онъ обратилъ на себя вниманіе краснорѣчіемъ и въ 1880 г. еще 21 г. отъ роду избранъ былъ въ Тырновѣ представителемъ въ Народное Собраніе. Вопросъ о недостаточномъ возрастѣ (въ Нар. Собр. выбираются достигшіе 30 л.), возбужденный консерваторами, онъ отклонилъ тѣмъ, что онъ не знаетъ года рожденія и считаетъ себя способнымъ быть представителемъ. Вопросъ былъ пущенъ на голосованіе, и большинство признало его 30 лѣтній возрастъ. Стамбуловъ былъ демагогъ по призванію, и такъ какъ въ Болгаріи представителемъ не можетъ быть чиновникъ, то онъ и занимался защитою, для чего не нужно другихъ правъ, кромѣ болгарскаго подданства. Вслѣдствіе своего краснорѣчія онъ добился вліянія у министра юстиціи и года въ два разбогатѣлъ и накупилъ у турокъ значительныхъ имѣній въ тырновскомъ и тужлучскомъ округахъ. Въ политикѣ онъ всегда бралъ сторону стоящихъ у кормила правленія, къ русскимъ всегда питалъ вражду. Послѣднія событія еще болѣе раскрыли всю грязь этого молодаго по лѣтамъ, но стараго по порокамъ Баттенберожца. Таковы люди, которымъ ввѣрилъ управленіе страной Баттенбергъ. Но слѣдуетъ думать, что твердая, проникнутая любовью къ болгарскому народу политика Русскаго Императора не допуститъ, чтобы этимъ горящимъ любовію къ Россіи и Царю народомъ долго управляли и обманывали его, прикрываясь русскимъ именемъ, такія безнравственныя лица.

Н. Ш.

---

*) Bulgarien und Ostrumelien mit besonderer Berücksichtigung des Zeitraumes von 1878—1886 nebst militärischer Würdigung des serbo-bulgarischen Krieges von Spiridion Gopčević. Leipzig. Verlag von B. Elischer 1886,8°. S. 616. Pr. 10 mark.

Изъ словѣнской печати и жизни.

Еще нѣсколько словъ о дописникѣ «Словѣнскаго Нáрода» изъ Россіи. — Русскій языкъ у словѣнцевъ —Славянская идея у нихъ.—«Словѣнскій Нáродъ» и «Слован» по поводу болгарскихъ дѣлъ.—Словѣнцы о внѣшней и внутренней политикѣ Австріи.

Въ прошлой книжкѣ «Извѣстій» мы уже упоминали о статьяхъ г. Круторогова изъ Россіи, помѣщаемыхъ въ «Словѣнскомъ Нáродѣ»; позволимъ себѣ еще разъ вернуться къ нимъ, чтобы указать, на сколько важны эти статьи добросовѣстнаго корреспондента для проведенія здравыхъ понятій о Россіи среди славянскаго общества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и познакомить ближе читателей съ характеромъ этихъ статей.—Вотъ, напр., что пишетъ г. Крутороговъ по поводу нашего новаго положенія объ Императорской фамиліи: «Важнѣйшее измѣненіе—это уменьшеніе содержанія; если сосчитаете приведенныя уже суммы, то увидите, что расходы на семейство самого Царя уменьшаются въ годъ на добрый милліонъ рублей. Думаю, что къ этому не требуется комментарій; нашъ могущественный Царь лучше не могъ выразить своей любви къ русскому народу и на дѣлѣ подтвердить справедливость словъ депутата одной конституціонной державы, что «когда народъ терпитъ голодъ, тогда и правитель плохо кушаетъ—одинаково менѣе пищи». Да, Россія избрана Богомъ, чтобы указать такъ называемой «Европѣ», что такое — человѣколюбіе, и Самодержецъ «царь православный» даетъ всегда и повсюду первый примѣръ. За то и русскій народъ чтитъ и любитъ своего владѣтеля, оттого русскій народъ и готовъ всегда по первому слову царскому возстать, какъ единъ человѣкъ, и «не щадить живота своего до послѣдней капли крови (№ 73). По поводу майскихъ событій и Хижицкаго и Гостинскаго *) свиданій и криковъ, поднятыхъ ими за границей, г. Крутороговъ пишетъ: «Этимъ благороднымъ душамъ было не по вкусу, заявленіе Россіи, что она не думаетъ отречься отъ своей исторической задачи,—и потому всѣ писаки, оплачиваемые и неоплачиваемые, затрубили всему свѣту, что Россія приготовляется къ войнѣ. Она не приготовляется,—*она уже приготовлена*»... Россія не нуждается въ союзникахъ; «если бы она хотѣла, ей легко было бы найти ихъ, особенно въ настоящее время. Правда, что говорятъ нѣмецко-мадьярскіе газетники объ одиночествѣ Россіи; но эти господа забыли, вѣроятно, что починъ къ Гданскому и Скерневичскому свиданію сдѣлала *Германія*, а не Россія» (№ 181). Не правда-ли, что такъ можетъ говорить только русскій человѣкъ и не мудрено, что для благороднаго сердца словѣнца Россія не можетъ казаться чужою страной. Г. Крутороговъ не только старается распространить здравыя понятія о Россіи среди земляковъ: онъ хотѣлъ бы установить и прочныя сношенія словѣнцевъ съ Россіей, указывая имъ средства къ этому: такъ въ № 180 онъ горячо убѣждаетъ земляковъ воспользоваться для своихъ фруктовъ такимъ прекраснымъ рынкомъ, какой представляетъ собою Россія, принужденная въ три-дорога платить за нихъ Берлину, тогда какъ даже почтовая пересылка изъ Крайны стоитъ только 12 к. за фунтъ. Въ № 193, говоря о прусскихъ офицерахъ генеральнаго штаба, якобы изучающихъ у насъ въ Троицкой Лаврѣ да Смоленскѣ русскій языкъ, писатель обращается къ своимъ землякамъ: «прусскіе лейтенанты» отдаютъ своему русскому учителю все свое мѣсячное жалованье за ученье и при всемъ томъ такъ «любятъ» русскій языкъ, русскую литературу и т. д. А вы, вы, «господа славяне», вы учитесь по-русски? Вы учитесь языку, которымъ говорятъ 80 милліоновъ людей и который имѣетъ такую богатую литературу, что послѣдніе года и французы напали на нее и наперерывъ рвутъ другъ у друга изъ рукъ Тургенева, Достоевскаго, Писемскаго, Толстого, Гончарова и другихъ? Ваши заклятые враги тратятъ деньги и время и ѣздятъ въ Россію учиться, чтобы не сегодня такъ завтра вторгнуться въ Россію, какъ волкъ въ овечье стадо, чтобы побить ее, раздробить ее, а потомъ и васъ! Они учатся по-русски изъ вражды къ Россіи, къ славянству; учитесь же вы изъ *любви*! Узнавайте русскій языкъ, русскую литературу, русскіе нравы, русскій народъ! А первый путь къ тому — *словѣнское* отчизничество

*) Нѣм. von Kissingen und Gastein.

и поддержка словѣнскихъ, не по языку, *но по духу,* временниковъ». Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что г. Крутороговъ можетъ быть ужь напрасно такъ сильно нападаетъ на своихъ земляковъ: они и сами убѣждены въ пользѣ знанія русскаго языка и голоса за его изученіе раздаются среди нихъ нерѣдко. Вотъ, напр., что говоритъ «Слова́н» по поводу перевода поэмы Петра Петровича Нѣгуша «Горьскы Вѣньц» на нѣмецкій языкъ (№ 15, стр. 239). «Много и много славянскихъ книгъ переложено теперь на нѣмецкій и французскій языки; эти переводы благовѣстники славянской культуры; ухватимся за нихъ и мы обѣими руками, такъ какъ въ славянствѣ только наше спасеніе, наша будущность, наша жизнь. Станемъ учиться словянскимъ языкамъ, особенно русскому; что другихъ славянъ, пусть то будетъ и нашимъ; станемъ усваивать это, не будемъ отставать отъ другихъ славянъ, но скажемъ, что̀ русское— то и словѣнское, то наше славянское имущество. Книжная, духовная взаимность должна быть между славянами; такая взаимность существуетъ между всѣми нѣмцами въ Европѣ, и оттого они сильны въ расширеніи культуры внѣ; и когда между славянами будетъ такая взаимность, какъ между нѣмцами, тогда мы достигнемъ самаго горячаго желанія всѣхъ искреннихъ славянъ». По поводу рѣшенія загребскихъ дамъ *) ввести въ салоны русскій языкъ вмѣсто нѣмецкаго, «Слова́н» говоритъ: «Трудъ и стремленіе этихъ славянскихъ отчизницъ достоинъ полнаго сочувствія и изъ глубины души желаемъ, чтобы имъ удалось пріобрѣсти для своей возвышенной цѣли какъ можно большее число дамъ. Дѣйствительно, срамъ, что славяне сносятся между собой почти исключительно на нѣмецкомъ языкѣ и пора уже оставить эту дурную привычку». «Словѣнски На́род» въ № 200 въ статьѣ «Der Drang nach Osten», говоря о нѣмецкомъ языкѣ, которымъ пичкаетъ славянъ австрійское правительство, разсуждаетъ такъ: «Вопросъ еще, дѣйствительно-ли нуженъ нѣмецкій языкъ въ семейной или общественной жизни восточнымъ и южнымъ словянскимъ народамъ и особенно намъ?—Языкъ есть средство, при помощи котораго мы обмѣниваемся мыслями съ другимъ. Смѣшно было-бы утверждать, что въ нашей обычной семейной жизни необходимо употреблять другой языкъ кромѣ материнскаго. Если-бы нашлись такіе, которые-бы дѣйствительно утверждали это, то они осуждали бы самихъ себя, и всякая рѣчь о нихъ была бы излишня.—Возьмемъ нашу общественную жизнь! Необходимо ли намъ употреблять нѣмецкій языкъ въ церкви? Старое время говоритъ, что нѣтъ; необходимо ли употреблять его въ различныхъ учрежденіяхъ нашихъ странъ? Государственные основные законы естественно говорятъ намъ, что нѣтъ, такъ какъ для чего бы были послѣ этого всѣ наши жалобы по этому поводу, да и чиновникъ вѣдь живетъ для народа, а не народъ для чиновника. Можетъ быть необходимо намъ употреблять его въ войскѣ? Объ этомъ мы говорили и скажемъ еще въ другомъ мѣстѣ, на этотъ разъ скажемъ коротко: нѣтъ и въ томъ случаѣ, если команда и должна остаться нѣмецкою». Затѣмъ доказывается, что и въ хозяйственномъ отношеніи нѣтъ никакой надобности въ нѣмецкомъ языкѣ, такъ какъ нѣмцы сами гораздо болѣе нуждаются въ хлѣбѣ и кромѣ того доступъ на должности въ нѣмецкіе кружки невозможенъ для представителя иной народности. Нѣмцы наполняютъ у словѣнцевъ всѣ училища и служебныя должности во вредъ словѣнской интеллигенціи. Слѣдовательно и въ хозяйственномъ отношеніи знаніе нѣмецкаго языка не даетъ ничего, если при этомъ словѣнецъ не обращается въ нѣмца. «Но есть другое поле, говоритъ временникъ, гдѣ наша интеллигенція будетъ принята съ удовольствіемъ если сохранитъ свой славянскій обликъ. Это поле славянскій югъ и востокъ, это земли, которыя освободились отъ турецкаго ига. А эти земли — славянскія земли. Долго онѣ просыпаются отъ смертнаго сна и не могутъ сразу сбросить дѣтскія пеленки, а это при ихъ сохраненномъ здоровьи и силѣ вполнѣ обезпечиваетъ, что онѣ останутся славянскими и, вслѣдствіе ихъ богатыхъ естественныхъ средствъ, будутъ развиваться замѣчательно быстро. Этой естественной силы, опирающейся на вѣковѣч-

*) Наша поправка фамиліи г-жи Ройчъ оказалась вѣрною.

ные законы, не будутъ въ состояніи остановить ни нѣмецкіе жиды и корчмари въ Босніи и Герцеговинѣ, ни мадьярскія, ни англійскія, ни другія вліянія. А эта сила, которая, какъ можно видѣть изъ новѣйшихъ, хотя и запутанныхъ болгарскихъ происшествій, устранитъ всѣ противопоставляемыя препятствія, будетъ влiять и на сосѣдей возрожденныхъ народовъ и, если мы не хотимъ своей гибели, но своей матеріальной пользы, будетъ влiять и на насъ. Знаменитый нашъ землякъ славистъ Ярней Копытарь писалъ уже 60 лѣтъ тому назадъ, что на славянскомъ югѣ будутъ воевать за первенство языки сербскій и русскій; мы прибавимъ къ этому: здѣсь будетъ воевать германство и славянство. Держава, въ которой большинство составляютъ славяне, какъ въ Австріи, должна въ такихъ обстоятельствахъ такъ-же предвидѣть, что ей дѣлать, и можетъ быть не далеко уже то время, когда одно изъ будущихъ правительствъ распорядится, чтобы въ среднихъ школахъ изучали русскій и югославянскіе языки. Насъ печалитъ только одно: не будетъ-ли правительственный указъ въ нашу пользу, по обыкновенію, слишкомъ позднимъ, и потому народнымъ представительствамъ является обязанность дѣйствовать въ этомъ смыслѣ и, если нельзя иначе, самимъ провести свои училища съ такой наукой... Наша интеллигенція пусть учится въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ славянскимъ языкамъ, здѣсь мы указали, гдѣ ждетъ ее хлѣбъ, который, подобно другимъ краямъ, и у насъ добывается съ трудомъ и впередъ долженъ добываться все съ большимъ и большимъ трудомъ. Извѣстный демоническій страхъ передъ русскимъ языкомъ исчезъ уже, кажется, и въ правительственныхъ кругахъ; теперь произведенія русской литературы одинаково переводятся на французскій, нѣмецкій и другіе новѣйшіе языки, чтобы изъ нихъ снова черпать истинныя человѣческія чувства и исправлять свой больной и испорченный вкусъ. Передъ нами двоякое образованіе, два пути; если мы, словинцы, хотимъ остаться славянами,—пойдемъ по указанному, такъ какъ противоположный ведетъ назадъ въ то пагубное море, извѣстный девизъ котораго: der Drang nach Osten».

Здраво смотря на значеніе русскаго языка, словѣнцы не менѣе здраво относятся и къ остальнымъ явленіямъ славянской жизни и очень вѣрно, на нашъ взглядъ, понимаютъ славянскій вопросъ и правильно смотрятъ на отношенія славянъ между собою. Вотъ, напр., какъ обсуждаютъ они отношеніе между собою русскихъ, поляковъ и чеховъ:

«Недавно мы говорили, что *чехъ* д-ръ Троянъ имѣлъ разговоръ съ корреспондентомъ Дьнника Польскєго *) и совѣтовалъ полякамъ примириться съ русскими. Эти совѣты не понравились особенно Дьннику Познанскєму, и онъ упрекалъ чеховъ, что они всегда стоятъ за славянъ, когда ихъ угнетаютъ нѣмцы, а полякамъ не сочувствуютъ, когда ихъ угнетаетъ Россія. Д-ръ Троıан при случаѣ объяснилъ допиcнику Дьнника Познанскєго, что виною стѣсненія поляковъ русскими нѣмецкое вліяніе. Извѣстно всякому, какъ безкорыстно воевала Россія за освобожденіе болгаръ, чего Россія и достигла войною, во всякомъ случаѣ съ кровавыми и денежными жертвами. Россія приноситъ большія жертвы, а когда достигаетъ своей цѣли, ее побѣждаютъ вліянія чужихъ дворовъ. Она устранила своего сына Игнатьева и замѣнила его нѣмцемъ. Россія за всѣ свои старанія пожинаетъ только неблагодарность. Иначе нельзя назвать политику болгаръ, которую ведетъ прусскій офицеръ нѣмецъ. Недавно мы были врагами сербовъ, теперь мы не сочувствуемъ и болгарамъ. Мы радовались самостоятельности Болгаріи какъ славянской державы, а когда болгары подчинились австрійскому вліянію, чехи не могутъ болѣе сочувствовать имъ, такъ какъ теперешняя внѣшняя политика не славянская, а нѣмецко-мадьярская. Теперь почти всѣ австрійскіе дипломаты нѣмцы и мадьяры. Но Дьнник Познанскы и теперь не хочетъ

*) Д передъ ь, є, и, ѣ по польски читается дз., по в. луж. дж.; нл. ж, є читается какъ э въ пол., чеш. и слов.; его слѣдуетъ считать происшедшимъ изъ слiянія о съ є, а потому можно было бы и означать черезъ ͡оє; ı безъ точки = j и является замѣстителемъ онѣмѣлаго ь.

слушать мудрыхъ совѣтовъ, говоритъ Словѣнскы Народ, № 185, но заподазриваетъ австрійское отчизничство чеховъ. Такимъ поведеніемъ польскій народъ только повредитъ себѣ, онъ лишится дружбы чеховъ. Уже и теперь въ Австріи замѣчаются несогласія между чехами и поляками». По поводу содѣйствія напредняковъ католическимъ агитаціямъ и мнѣнія сербскаго министра народнаго просвѣщенія Куюнджича, что Сербія не смѣетъ унизиться до русскаго раба, что сербы, дѣ, должны опираться на западъ, чтобы не потонуть въ русскомъ морѣ, чего они легче, де, достигнутъ, если признаютъ папу верховной главой своей церкви, чѣмъ, де, сербы достигнутъ увеличенія и подкрѣпленія своего элемента и, опираясь на сильныхъ своихъ сосѣдей легче защитятся отъ своихъ враговъ, Словѣнскы Народ, № 184, замѣчаетъ: «Эта рѣчь ясно показываетъ, что сербскіе государственные люди вышли изъ ума и что слѣдуетъ жалѣть народъ, у котораго такіе министры». Словáн также, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо сожалѣетъ о томъ, что галицко-русскій представитель Ковальскій на собраніи избирателей объявилъ себя за нѣмецкій государственный языкъ и никто изъ избирателей не высказался противъ этой «неславянской политики». «Или дѣйствительно, восклицаетъ Словáн (№ 16, стр. 256), весь русскій народъ въ Австріи слѣпъ? Или дѣйствительно ненависть къ полякамъ завела его такъ далеко, что онъ охотнѣе опускаетъ свои собственныя языковыя права, только, чтобы ихъ потеряли и поляки? Осужденія достойно это поведеніе галицко-русскаго государственнаго представителя и потому, что онъ изъ низкой ненависти къ одному изъ своихъ братьевъ осудилъ на рабство и другихъ. Чехи, словѣнцы и хорваты, мы протестуемъ всѣми силами противъ Шаршмидова предложенія, о которомъ хорошо знаемъ, что оно для насъ не обѣщаетъ ничего иного, какъ народную смерть, а галицкіе русскіе, которые насъ должны бы поддерживать въ этомъ, въ крайнемъ своемъ ослѣпленіи становятся въ разрядъ наибольшихъ, наизлѣйшихъ нашихъ враговъ. Они, несчастные, не видятъ, что въ грязномъ болотѣ нѣмецкаго государственнаго языка рядомъ съ поляками и остальными австрійскими славянами погибли бы и сами они; они не думаютъ, что русской народности не опасенъ полонизмъ, а ненасытный, варварскій германизмъ». Можетъ быть Словáн и не совсѣмъ правъ, что галицкимъ русскимъ *не опасенъ полонизмъ*—нѣтъ полонизмъ вслѣдствіе галицкихъ условій и очень опасенъ, и тѣмъ болѣе опасенъ, что,—въ этомъ, надѣюсь, согласится и Словáн, — онъ искажаетъ славянскую природу, ожесточаетъ ее и почти губитъ для славянства — но тѣмъ не менѣе поддерживать нѣмецкій государственный языкъ и въ этомъ идти противъ братьевъ, изъ рукъ вонъ не хорошо и вредно, тѣмъ болѣе, что надобности и пользы въ этомъ для славянъ никакой, какъ вѣрно замѣтилъ въ вышеприведенномъ мѣстѣ Словѣнскы Народ. Словáн съ удовольствіемъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что мы, наконецъ, полагаемъ конецъ господству нѣмцевъ въ нашихъ прибалтійскихъ окраинахъ: «Это насъ радуетъ, да это правда; радуетъ тѣмъ болѣе, что русскіе государственные люди очень долго смотрѣли равнодушно и беззаботно, какъ распространялась по этимъ странамъ нѣмецкая пропаганда». Но благородное словѣнское сердце и тутъ считаетъ нужнымъ какъ бы извиниться: «Не хорошо радоваться несчастію другихъ, но нѣмцы своимъ столѣтнимъ угнетеніемъ славянскаго языка и славянскихъ особенностей уничтожили всякое сочувствіе къ себѣ въ славянскихъ сердцахъ» (№ 15). Но спѣшимъ успокоить уважаемыхъ братьевъ, что они могутъ радоваться, ни чуть въ этомъ не раскаиваясь, такъ какъ нельзя же стыдиться, если чувствуешь удовольствіе, когда у разбойника отнимаютъ оружіе, самого его совершенно оставляя на волѣ: нѣмцевъ мы не тронули, оставили ихъ свободно жить и развиваться, а только отняли у нихъ возможность пожирать финновъ и литовцевъ, предложивъ этимъ изучать языкъ господствующей de jure народности, вмѣсто господствовавшей надъ ними de facto. Истинно-славянскій духъ словинцевъ видѣнъ и въ отношеніи ихъ къ той части болгарскаго отвѣта на тронную рѣчь Баттенберга, гдѣ говорится о Россіи: «Враги славянства, пишетъ Словáн

(№ 15), уже радовались по поводу последнихъ событій въ Болгаріи, что нѣмецкій князь Александръ Баттенбергскій отвратилъ болгарскій народъ отъ Россіи и такимъ образомъ ослабилъ славянство, силы котораго они справедливо опасаются. Но эта радость была непродолжительна. Народное Собраніе въ Софіи, отъ котораго ожидали, что въ виду исхода выборовъ, происходившихъ въ тѣни правительственныхъ штыковъ, оно тѣмъ или другимъ способомъ выскажется противъ Россіи, не доставило имъ этого удольствія, но сдѣлало какъ разъ на оборотъ». Приводится часть отвѣта. «Изъ этого видно, что въ Болгаріи и самый ярый сторонникъ эксцентричныхъ политическихъ скачковъ князя не осмѣливается открыто высказать неблагодарность освободительницѣ Россіи. И это хорошій знакъ, такъ какъ поясняетъ намъ, что князь со своей противославянской политикой ободиночѣлъ и что Россіи слѣдуетъ только захотѣть, чтобы болгарскій народъ сказалъ ему гораздо не двусмысленнѣе и гораздо болѣе непріятнымъ для него образомъ, что «кровь не вода» и что нѣмецкія деревья на Балканскомъ полуостровѣ во всякомъ случаѣ не выростутъ до неба».

Нѣтъ ничего удивительнаго послѣ этого, что и Словѣнскы Народ и Слован встрѣтили извѣстіе о низложеніи Баттенберга съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Слован посвящаетъ этому событію цѣлую особую статью подъ заглавіемъ „Код Балкана—ево дьна!" *). Въ ней Слован въ паденіи принца доказываетъ побѣду русской политики надъ Бисмаркомъ, который де, напрасно хочетъ увѣрить что это обстоятельство произошло по «его милости». Вотъ что между прочимъ говоритъ по этому поводу Слован: «Въ виду этого въ новѣйшемъ болгарскомъ переворотѣ мы можемъ усматривать успѣхъ русской политики, усматривать великій шагъ впередъ въ исторіи славянскихъ народовъ. Князь Александръ имѣлъ много личныхъ достоинствъ и въ битвахъ съ Сербіей высказалъ себя настоящимъ героемъ **); но не доставало ему только одного прекраснаго качества — благодарности; не доставало у него пониманія нуждъ страны, во главу которой поставила его милость покойнаго Царя-Освободителя и — и это главное—славянскаго сознанія. Онъ, нѣмецъ, никакъ не могъ понять народныхъ особенностей болгарскихъ; онъ никакъ не хотѣлъ понять путей, которые предписала исторія болгарскому народу, какъ части великаго славянства. Нѣмцу отъ рожденія прирождена ненависть къ славянству. Это качество имѣлъ Александръ Баттенбергскій въ полной мѣрѣ; оттого и окружалъ себя при своемъ дворѣ одними прусскими «юнкерами». Ненависть къ славянству бросила Александра въ объятія Англіи; изъ ненависти къ славянству началъ онъ интриговать противъ Россіи.

. . . .

Мы со всѣми остальными славянами отъ чистаго сердца радовались прошлогоднему пловдивскому перевороту, но когда увидѣли, что онъ былъ предпринятъ безъ желанія и вѣдома Россіи и что изъ него извлекла бы пользу только Англія — наслѣдственный врагъ славянскаго величія и свободы, мы начали осуждать необдуманные, противославянскіе поступки князя Александра. Что мы особенно ставили ему во зло, это то, что онъ завелъ болгарскій народъ въ худшій изъ всѣхъ пороковъ — неблагодарность. Россія жертвовала для него тысячи и тысячи лучшихъ своихъ сыновей и освободила его своею кровью; она устроила его хозяйство, она основала его военную силу, давши ему лучшихъ своихъ офицеровъ учителями и подаривши ему въ изобиліи оружія; она на разныя пользы Болгаріи потратила около 40 мил., не ища за все это никакой награды. Если бы не было ея, болгаринъ все бы еще вздыхалъ подъ тяжелымъ турецкимъ ярмомъ. И все-таки Александръ Баттенбергскій началъ возбуждать народъ противъ Россіи, противъ той, которой онъ былъ такъ много обязанъ за свою судьбу. Это уже неблагодарность, которую трудно найти въ исторіи народовъ и дѣйствительно крокодильскія слезы тѣ, которыя проливаютъ теперь нѣкоторые временники о неблагодарности болгарскаго народа къ князю. Правда, что правительство Цанкова должно было уступить, что—

*) Сербск., На Балканѣ—вотъ день, ь читается по серб. д.

**) Въ послѣднее время начинаютъ въ этомъ сильно сомнѣваться.

какъ съ удовольствiемъ заявляютъ всѣ враждебныя славянамъ временники — въ Срѣдцѣ произошелъ переворотъ, во главѣ котораго бывшiй министръ-президентъ Каравеловъ. Но пусть никто не радуется этому преждевременно .. Увѣренность, которую мы недавно высказали, что народъ болгарскiй ни коимъ образомъ не позволитъ довести себя до неблагодарности къ Россiи —эту увѣренность имѣемъ мы и теперь». Словäн высказывается за оккупацiю Болгарiи Россiей въ случаѣ возникновенiя тамъ междоусобiя «такъ какъ Россiя не будетъ въ состоянiи допустить, чтобы за чужiе интересы, за особу нѣмецкаго князя, бились между собою, члены народа, которыхъ она освободила съ такими жертвами». «Главная цѣль достигнута срѣдечскимъ переворотомъ. Князь Александръ не будетъ уже болѣе сидѣть на княжескомъ столѣ болгарскомъ. Мѣсто его займетъ по всей вѣроятности человѣкъ, который будетъ и чувствовать по славянски. Этимъ будетъ закрытъ доступъ чужому влiянiю на Балканскiй полуостровъ, этимъ обезпечивается успѣшное развитiе балканскихъ славянъ».

Еще сильнѣе высказался по этому поводу въ томъ же смыслѣ Словѣнскы Народ. «Всякаго истиннаго славянина эта вѣсть должна исполнить истинной радости, такъ какъ Баттенбержецъ (Батенбержан) былъ единственною препоною, что Болгарiя до сихъ поръ не была въ единственно справедливомъ, славянскомъ движенiи, все-таки должно отдать справедливость болгарамъ, что какъ во время Пловдивскаго переворота 6 сентября прошлаго года, такъ и прошлую субботу *) выказали необыкновенную политическую ловкость и зрѣлость и все важное дѣло устроили такъ счастливо, что такой ловкости, зрѣлости и рѣшительности мы вполнѣ отъ души желали бы братьямъ сербамъ. Кто и какъ дѣйствовалъ при этомъ переворотѣ теперь еще не ясно, такъ же нельзя еще предвидѣть, какiя будутъ послѣдствiя этой коренной перемѣны, но можно было бы утверждать, что теперь Россiя въ Болгарiи опять прiобрѣла ту долго недостававшую Архимедову точку, на которой утвердить она свой политическiй рычагъ. Александра Баттенберга никто не будетъ жалѣть, такъ какъ онъ пришелъ въ среду европейскихъ владѣтелей, какъ Савлъ въ среду апостоловъ... Особенно прiятныхъ воспоминанiй Александръ не оставляетъ за собою. Правда, онъ оказалъ нѣсколько заслугъ на боевомъ полѣ, хотя въ рѣшительной битвѣ при Сливницѣ *его не было* *), но съ другой стороны его черная неблагодарность къ Россiи и его упрямство стоило болгарамъ много жертвъ и неудачъ и испортило всѣ плоды блистательныхъ побѣдъ. Съ тѣхъ поръ какъ онъ презрѣлъ легкомысленно расположенiе Царя, его дни были сочтены и хорошо, что его княженiю насталъ конецъ. Кто бы не занялъ его мѣста, онъ долженъ будетъ проводить славянскую политику, и это будетъ на пользу болгарамъ и всѣмъ славянамъ». О контръ-революцiи Словѣнскы Народ по справедливости отзывается очень не сочувственно. «Болгарское войско, а особенно стоящiе во главѣ его гвардейцы, которымъ нечего было бы ждать отъ новаго правительства, и «камарилья», которую воспиталъ Баттенбержецъ, свергли временное правительство. Ими руководила при этомъ не польза народная, а вполнѣ эгоистичные интересы, желанiе удержаться на верху и страхъ передъ русскими, съ которыми у иныхъ вожаковъ есть еще и счеты, какъ напримѣръ у Стамбулова, который былъ прогнанъ изъ Россiи вслѣдствiе нигилистическихъ шашней. Симпатiи, которыя прiобрѣли болгары государственнымъ переворотомъ 9 августа, опять охладѣли, такъ какъ вмѣсто единодушiя и согласiя, которыя одни бы вели къ успѣху, обнаруживаются передъ нами крайнiя вражда, распущенность, партiозность». Оправданiе для народа вѣстникъ видитъ еще въ его молодости и неопытности въ государственной жизни. Относительно Россiи Словѣнски Народ прямо заявляетъ, что Россiя «не смѣетъ и не должна успокоиться, пока не будетъ удаленъ принцъ, который послѣдовательно и упорно шелъ въ разрѣзъ ея политикѣ и этимъ велъ народъ къ погибели» (№ 194). Въ № 203 Сло-

*) Эта передовая статья помѣщена въ № 191 отъ понедѣльника 11 августа.

*) Курсивъ подлинника.

вѣнскы Народ очень вѣрно обсуждаетъ прощальную рѣчь князя отъ 24 августа, онъ называетъ ее лебединой пѣсней, но она совсѣмъ не производитъ трагическаго впечатлѣнія, а все происшествіе сильно напоминаетъ послѣдній актъ въ комедіи. Даже «если разсмотримъ подробнѣе эту рѣчь увидимъ такъ же, что она составлена не особенно удачно. Князь объявляетъ, что онъ постоянно заботился только о войскѣ и офицерахъ, признается, что онъ надѣялся и опирался на войско и что составитъ регентство, которое будетъ заботиться о выгодахъ офицеровъ. О народѣ во всей рѣчи нѣтъ ни словечка. Правда, забота о войскѣ нужна и при настоящихъ международныхъ отношеніяхъ вполнѣ оправдывается, но для всего есть границы. Рѣчь Баттенберга, такъ сказать, самоосужденіе, что въ правленіе князя Баттенберга въ Болгаріи настала «Säbelherrschaft», что управляли при помощи терроризма. Когда русскіе освободили Болгарію, они дали ей очень свободное устройство, а когда сѣлъ на престолъ Баттенбержецъ первымъ его дѣломъ было повернуть назадъ, обрѣзать у народа права и дать себѣ въ руки «чрезвычайную власть». Собраніе не было уже собраніемъ свободно избранныхъ представителей, а подъ давленіемъ составленное правительственное орудіе, которое дѣйствовало, какъ приказывали правительственные круги. Что это не наше личное, пристрастное мнѣніе, а мнѣніе самого болгарскаго народа въ этомъ легко убѣдится всякій изъ временника Съединеніе.

Переходя отъ славянской политики къ внутренней политикѣ Австріи мы прежде всего должны замѣтить полное недовольство словѣнцевъ этой политикой. 31 іюля исполнилось семь лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ графъ Тааффе взялъ въ свои руки кормило правленія. Разбирая это семилѣтіе въ передовой статьѣ № 183 Словѣнскы Народ приходитъ къ заключенію, что семь лѣтъ правленія Тааффе точь въ точь семь безплодныхъ фараоновыхъ лѣтъ. Славяне напрасно ждали исполненія обѣщаннаго программой нынѣшняго правительства успокоенія народовъ и общаго довольства. Несмотря на добросовѣстное отношеніе славянъ къ правительству и ихъ громадныя жертвы, они не получили ничего, «народы австрійскіе, за исключеніемъ нѣмцевъ и мадьяръ, не могутъ чествовать этого дня, такъ какъ народы не имѣютъ никакого повода быть довольными; даже «Politik» постоянная извѣстная и искренняя защитница правительства графа Тааффе недавно въ сенсаціонной статьѣ «So geht's nicht weiter!» отказала ему въ своей любви. Правда позже «Politik» старалась нѣсколько смягчить свою острую критику, но это ей не удалось: тайна ея сердца была открыта и если бы кто еще сталъ въ этомъ сомнѣваться, пусть прочитаетъ вчерашнюю передовую статью «Politik'и». Въ этой статьѣ органъ чешскаго клуба признаетъ, что взглядъ на 7-лѣтнее министерствованіе Тааффе не наполняетъ чеховъ довольствомъ. Изъ всѣхъ автономистичныхъ надеждъ съ 1879 года еще ни одна не исполнилась, еще вполнѣ слѣдуетъ утверждать, что централизація снова оказала нѣкоторые успѣхи. Если такъ пишутъ чехи, которые, какъ насчитываетъ самъ упомянутый вѣстникъ, пріобрѣли за это время чешскій университетъ, много среднихъ школъ, большинство на краевомъ сеймѣ и намѣстника, который не идетъ противъ народныхъ желаній, что можемъ сказать мы, словинцы?» «Хотя централистичная сторона и не имѣетъ привилегіи на веденіе государства, но девизомъ правительства является «Deutsch, nur deutsch!» и потому вѣстникъ думаетъ, что недовольные народы неизбѣжно должны пойти въ *оппозицію*. Сильный вредъ для своей идеальной Австріи словинцы видятъ въ дуализмѣ и потому настаиваютъ на его уничтоженіи. «Нѣмцамъ дозволено, говоритъ Фр. Подгорникъ, авторъ многихъ статей по внутренней политикѣ въ Словѣнскем Народу, *измышлять* опасности со славянской стороны, а намъ пусть будетъ дозволено не измышлять, а *дѣлами доказать*, что дуализмъ есть и будетъ главнѣйшимъ образомъ въ интересахъ Великогерманіи. Тактика Великогерманіи слѣдующая: Въ Предлейтьи пусть германизуютъ славянъ нѣмцы, а въ Залейтьѣ пусть *ослабляютъ и задерживаютъ* всякое развитіе славянъ мадьяры. Когда Предлейтье достаточно созрѣетъ, тогда мадьяре не нужны, тогда и въ Залейтьѣ нѣмцы начнутъ сами испол-

нять дѣло истребленія славянъ. Тогда и дуализмъ будетъ не нуженъ и если Австрія не уничтожитъ его прежде, Германія будетъ добиваться, чтобы Австрія совершенно измѣнилась и потомъ уничтожила дуализмъ; для славянъ, если дуализмъ будетъ уничтоженъ такъ поздно и въ великогерманскомъ интересѣ, такое уничтоженіе не будетъ имѣть значенія. Уничтоженіе дуализма, если хотятъ, чтобы оно принесло болѣе пользы славянамъ, нужно теперь же, такъ какъ дуализмъ подкапываетъ основаніе славянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самой Австріи» № 197. Да, идеальной, не существующей—правда, а въ существующей онъ только укрѣпляетъ нѣмецкое основаніе, а потому и ждать его уничтоженія напрасный трудъ, вѣдь сами же словѣнцы говорятъ, что девизъ австрійскаго правительства «deutsch, nur deutsch!» Во внѣшней политикѣ словинцы выражаютъ сожалѣніе по поводу Хыжицкаго свиданія и союза, «такъ какъ вслѣдствіе него Австрія чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе отчуждается отъ Россіи, которая по нашему убѣжденію, говоритъ Словáн, могла бы быть единственной естественной союзницей ея противъ нѣмецкой жадности». № 16. И Словѣнскы Нáрод (№ 209) и Словáн (№ 16 стр. 256) предостерегаютъ Австрію отъ войны съ Россіей. Что словинцы интересуются нашими «Извѣстіями» доказывается выдержкой изъ отчета издательской комиссіи Славянскаго Общества, помѣщеннаго въ № 15, стр. 240 Словàна.

Н. Ш.

Чешская печать о болгарскомъ переворотѣ.

Отлагая болѣе подробное обозрѣніе чешской печати за послѣднее время до другаго раза, теперь мы остановимъ вниманіе читателя на томъ впечатлѣніи, какое произвелъ болгарскій переворотъ на временники «Нáродни̑и Листы» въ Прагѣ и „Вѣстник“ въ Вѣнѣ *).

Нечего и говорить о томъ, что удаленіе нѣмца Баттенберга, встрѣченное единогласнымъ восторгомъ всей славянской печати, произвело самое отрадное впечатлѣніе и на чеховъ и здѣсь показали они себя истиными славянами. «Нàродни̑и Листы» въ № 234 въ передовой статьѣ, озаглавленной Велика̑а Удалості (событіе) въ свѣтѣ словянскем съ восторгомъ сообщаетъ своимъ читателямъ, что «народъ болгарскій сразу свергнулъ своего князя нѣмца-Баттенберга, такъ какъ онъ, подобно Милану, измѣнилъ славянскому дѣлу, стараясь въ выгодахъ чужбины, на радость англичанъ, нѣмцевъ и мадьяръ засѣять ядовитые плевелы неблагодарности и ненависти между южнымъ славянствомъ противъ Россіи, желая сдѣлать изъ Болгаріи враждебное орудіе въ рукахъ враговъ славянства, новый ножъ, который бы могли они въ данную минуту вонзить въ тылъ Россіи». Ободренный военнымъ счастіемъ, прусскій лейтенантъ Баттенбергъ имѣлъ по стараніямъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ гегемоновъ «историческо-то назначеніе», отнять Болгарію отъ славянства, чтобы сдѣлать изъ нея нѣмечско-мадьярскій «bollwerk» противъ движенія идеи славянской взаимности-сильную заручку славянской измѣны противъ Россіи... На самомъ дѣлѣ ловкіе игроки ошиблись въ расчетахъ, не ставя ни во что ту силу въ исторіи, съ которою и слѣдуетъ считаться, *здравый смыслъ и чувство народовъ*: они думали, что пріобрѣтши Милана и Баттенберга, они пріобрѣли Сербію и Болгарію. Но что тотчасъ возможно въ Нѣмечинѣ, то не случается еще, слава Богу, въ свѣтѣ славянскомъ. Баттенбергамъ же и Миланамъ не къ лицу говоритъ государство-это. Чувство и смыслъ болгаръ не дали подавить себя. Людъ болгарскій не вѣрилъ, чтобы та Россія, которая столѣтіями такъ много сдѣлала для болгаръ, была ихъ главнымъ врагомъ; онъ не былъ способенъ къ такому легкомыслію, чтобы враждой и недовѣріемъ отплачивать своимъ величайшимъ благодѣтелямъ и геройскимъ освободителямъ, и не далъ себя провести пріятными словами свободы и независимости изъ устъ людей, которые, гдѣ только могли, крали у народа свободу и продавали независимость отечества, то англичанину, то ту-

---

*) Ударенія въ чешскихъ словахъ означаютъ долготу слога, такъ какъ означеніе самаго ударенія для чешскаго языка излишне, потому что оно находится всегда на первомъ слогѣ)отъ начала); и̑и чит. и долгое а̑а чит. *а* долгое.

рецкому султану. Словомъ, славянскій духъ въ болгарскомъ народѣ не далъ себя одолѣть, но вспыхнулъ и взорвался подъ давленіемъ какъ динамитъ.» Въ статьѣ Кнѧжѧ бѫлгарскы сѫсаьен *) (№ 234, 2-е прил.) такъ говоритъ о политикѣ Баттенберга и его сверженіи: «Александръ Баттенбергъ показывалъ болгарамъ, что пловдивскій переворотъ дѣлается съ вѣдома русскихъ, но уже черезъ нѣсколько дней оказалось, что былъ направленъ именно противъ Россіи и что Россія не имѣла о немъ ни малѣйшаго свѣдѣнія. Здравый политическій смыслъ болгарскаго народа не колебался осудить этотъ безнравственный поступокъ своего правителя, въ слѣдъ за которымъ должна была явиться Немезида. Каждому болгарину должно быть извѣстно, что такое небольшое, молодое и неустойчивое государство, какъ Болгарія, не можетъ стоять собственною своею силою, но должно опираться на государство мощное, которое можетъ и хочетъ его охранить и обезпечить для него покойное развитіе. Такимъ государствомъ можетъ быть для болгаръ только Россія, уже не говоря ничего о благодарности, которою обязаны болгары русскимъ за свое освобожденіе. — Александръ Баттенбергъ засвидѣтельствовалъ себя въ Срѣдцѣ хорошимъ прусскимъ лейтенантомъ, но не государемъ. Съ устраненіемъ его настанутъ не только въ Болгаріи, но и на всемъ Балканѣ болѣе нормальныя, болѣе естественныя отношенія, хотя еще и пройдетъ нѣсколько времени, прежде чѣмъ они установятся. Это событіе является демонстраціей противъ нѣмецкаго вліянія на Балканѣ, горячимъ піонеромъ котораго былъ Александръ Баттенбергъ.

. . . .

Ужъ не личность Александра Баттенберга лежитъ у насъ на сердцѣ, а благо братскаго народа, которому отъ души желаемъ, чтобы черезъ бури и перевороты достигъ онъ до условій покойныхъ и могъ всѣ свои прекрасныя качества развить на пользу свою и всего словянства.—Нравоученіе, которое выведутъ себѣ болгары изъ правленія Баттенберга, будетъ навѣрное: «Не допускайте чужеземцевъ въ свою землю, не допускайте ихъ къ своему имуществу, не отрекайтесь своихъ естественныхъ друзей и союзниковъ!» Враги славянъ радовались подвигамъ Баттенберга въ Болгаріи» пусть теперь, говорятъ «Нáродни́ Листы» (№ 234), посмѣются они, если могутъ, что ***вліяніе Россіи на Балканѣ уничтожено*** и Германія имѣетъ въ Болгаріи свой «bollwerk» противъ движенія славянской идеи.—Нѣтъ, радость разлетится теперь по всему широкому славянскому свѣту: радость разумная и основательная, потому что каждый разсудительный политикъ пойметъ, что значитъ для славянства новѣйшій подвигъ болгарскаго народа, ***что это отвѣтъ, славный отвѣтъ*** за безконечныя оскорбленія и долгій позоръ и хулу, что это подвигъ ***освободительный***, побѣда славянской мысли надъ ея тайными и явными врагами, что изгнаніемъ чужеземца-владѣтеля «съ наиограждениѣйшей почвы Востока», Богъ дастъ, широко и счастливо рѣшено, кому будетъ принадлежать этотъ востокъ слoвянскій; словомъ, что день 9 августа 1886 года обнимаетъ одно изъ величайшихъ событій въ современныхъ дѣяніяхъ и борьбахъ славянства за лучшую, кровью заслуженную будущность! Народъ чешскій вмѣстѣ съ остальнымъ сознательнымъ славянствомъ, сердечно радуется этому событію, потому что враги наши намъ достаточно показали, какъ много наша собственная судьба зависитъ отъ блага, побѣды или паденія силы Россіи и остальныхъ братскихъ племенъ великаго нашего славянскаго семейства», оканчиваютъ Н. Л. свою передовую статью „Велика́ Ѹдалості въ свѣтѣ словѧнскем. Въ № 237, въ статьѣ Ꙗкы́ йма́ вызнам (смыслъ) па́д Баттенберго́в? На̀родни̑ Листы *)

*) Напомнимъ читателю, что ѣ въ чеш. чит. е, ѧ послѣ губныхъ *а*, передъ твердымъ слогомъ а, передъ мягкимъ и въ концѣ е, є долгое *е* ѧ̀ передъ мягкимъ слогомъ *и* долгое; ѣл чит. ул.; Б чит. русс. *ж.*, чеш., пол., луж. *з.*, болг. *жд*, словѣн. *j*.

*) Знакъ краткости указываетъ, что звукъ не произносится, а ставится только по требованію этимологіи, ó чит. въ чеш. и польск. какъ *у*, а у лужич. близко къ *у*; и͡и читай *и* долгое.

говорятъ, что «на почвѣ болгарской дѣло шло не объ интересахъ только болгарскихъ, но объ интересахъ всего славянства. Здѣсь не велся бой о мирѣ и о народной свободѣ болгарскаго народа», а о томъ, чтобы Россія, до сихъ поръ бывшая освободительницей и охранительницей балканскихъ славянъ, была отброшена назадъ, потеряла вліяніе на судьбы западнаго славянства и чтобы оно, не будучи въ состояніи разсчитывать на поддержку Россіи, само по себѣ будучи слабо, не могло одолѣть гнета окружающихъ его элементовъ: нѣмецкаго, мадьярскаго, итальянскаго и турецкаго. До сихъ поръ славянство на югѣ и западѣ нечто иное, какъ *только матеріалъ*, на счетъ котораго обогащается Англія, оброждаются и усиливаются то нѣмцы, то мадьяры... И вотъ оба эти элемента потерпѣли пораженіе въ изгнаніи князя Баттенберга изъ Болгаріи. Не освободился только княжескій престолъ болгарскій, но освободилось разомъ все славянство на всемъ Балканскомъ полуостровѣ и мощно подняло духъ у насъ, славянъ, ведущихъ бой о своемъ бытіи здѣсь на отдаленнѣйшемъ западѣ срѣдѣцкое событіе. И мы въ немъ пріобрѣтаемъ смѣлость и надежду на будущее, что какъ на Балканѣ положены предѣлы нѣмецкимъ и мадьярскимъ захватамъ, такъ положены будутъ и у насъ, что и для насъ настанетъ время, когда перестанемъ быть матеріаломъ нѣмецкой и мадьярской узурпаціи; что усиленіе славянства балканскаго и освобожденія его отъ чужихъ вліяній будетъ имѣть слѣдствіемъ усиленіе всего славянства въ Европѣ и освобожденіе и насъ, западныхъ славянъ, отъ гнета германизаціи и мадьяризаціи. Изгнаніе нѣмецкаго князя Баттенберга имѣетъ такимъ образомъ великій, выдающійся славянскій интересъ. Самая прокламація временнаго правительства ясно указала его истинное значеніе: «Князь Баттенбергъ проводилъ политику, *которая не согласовалась съ нашимъ славянскимъ происхожденіемъ и чувствомъ и соотвѣтствовала только планамъ нѣкоторыхъ европейскихъ силъ*. И хорошо сказала вчерашняя «Politik», что «болгары не хотятъ стать русскими, но *не хотятъ также перестать быть славянами*; *они не хотятъ допустить, чтобы Германія или Англія употребляли ихъ для того, чтобы они стали на пути истинному положенію славянъ въ Европѣ*. Славянство стало уже слишкомъ могучимъ, чтобы далѣе служить почвой другимъ народамъ; поражающія своею неожиданостью событія послѣднихъ дней служатъ подтвержденіемъ этой истины».— Судьба молодаго князя Баттенберга можетъ, правда, возбудить сострадание людей чувствительныхъ, но изгнаніе его изъ державы славянской не возбудитъ сожалѣнія ни въ одномъ разсудительномъ и прозорливомъ славянскомъ политикѣ. Выпровожденіе обратно къ нѣмцамъ этого нѣмецкаго князя, который на почвѣ чисто-славянской сталъ защитою чуженародныхъ, противославянскихъ сплетеній, есть и останется однимъ изъ наиутѣшительнѣйшихъ событій въ исторіи славянства!» Въ статьѣ «Русскый триумфъ» Н. Л. № 235 пишутъ: «Радостное обстоятельство уже одно то, что Болгарія избавилась отъ нѣмецкаго владѣтеля, который хотѣлъ сдѣлать изъ него орудіе и крѣпость противославянской политики на восточномъ полуостровѣ Балканскомъ и что этотъ переворотъ означаетъ поворотъ къ единой естественной, здравой, мудрой и практической политикѣ, которой можетъ слѣдовать болгарскій народъ, къ политикѣ русской». Это выражено въ манифестѣ новаго правительства, который служитъ яснымъ доказательствомъ, «что сверженіе князя Александра знаменуетъ блестящій тріумфъ русской политики надъ политикой, на службѣ которой дѣйствовалъ принцъ Баттенбергъ».

. . . .

При первомъ извѣстіи о контръреволюціи Н. Л. въ статьѣ Прѣкваненіе (неожиданность, изумленіе) за прѣкваненіем *) писали: «Всѣ заботы, всѣ грезы англо-мадьярско-нѣмецкихъ друзей Баттенберга останутся напрасными. Нѣмецъ Баттенбергъ никогда уже болѣе не увидитъ Балкана и тріумфъ Россіи на Востокѣ полнѣйшій. Всѣ же тѣ народы славянскіе, которые годы ежедневно вкушаютъ въ своей жизни горечь отъ мадьяръ и нѣмцевъ тѣмъ большую, чѣмъ менѣе боялись эти Россіи, всѣ эти народы должны

*) ѥ чит. *и*, їѥ чит. *и* долгое.

для себя разумно желать, чтобы Россія шла въ своей политикѣ отъ побѣды къ побѣдѣ черезъ Баттенберговъ, Милановъ и всѣхъ ихъ приверженцевъ». (№ 238). Посвящая въ № 251 статью окончательному удаленію Баттенберга изъ Болгаріи „Ресигнація княжжте Александра" *) „Н. Л." оканчиваютъ ее: «Но оставимъ ужъ качества (въ которыхъ "Н. Л." тоже признаютъ себя разочарованными) ушедшаго болгарскаго владѣтеля. Мы должны довольствоваться удовлетвореніемъ, что ту точку зрѣнія на событія, которую мы заняли съ начала нынѣшняго болгарскаго переворота и за которую въ разныхъ мѣстахъ подвергались преслѣдованію **), въ скоромъ времени приняли сами наши правительственные временники, и она вполнѣ оправдалась событіями. Выходя съ этой точки зрѣнія, мы провозглашали несчастное политическое желаніе вытѣснить Россію и русское вліяніе изъ Болгаріи, сдѣлать изъ освобожденныхъ Россіей болгарскихъ земель разсадникъ противо-русской политики и пользоваться болгарскимъ народомъ въ интересахъ Англіи, какъ орудіемъ противъ Россіи. Что же касается Болгаріи, то мы были и будемъ и далѣе за соединенную, самостоятельную и свободную Болгарію и это желаніе, навѣрно исполнится, такъ какъ Царь обезпечиваетъ это своимъ словомъ».

Въ выраженіи чисто славянскихъ мыслей не уступаетъ „Н. Л." и „Вѣстник." Въ № 35 онъ такъ изображаетъ политику принца Баттенбергскаго. «Какъ нѣмецъ и пруссакъ вообще, рѣшился Баттенбергъ сдѣлать изъ болгарской земли развалину на выгоду себѣ и на большую честь и славу великой Германіи. Съ долгами пришелъ этотъ прусскій офицеръ въ Болгарію, а въ послѣднее время имѣлъ милліоны, строилъ княжескіе дворцы, а болгары, какъ прежде во время турецкаго ига, ходили нагими. Но замыслы Баттенберговы шли еще далѣе: онъ хотѣлъ сдѣлать изъ Болгаріи ограду противъ славянства, особенно противъ Россіи, которая освободила своею кровью болгаръ. Чтобы стать сильнѣе, онъ провелъ пловдивскій переворотъ. Провелъ съ помощью военной силы въ болгарское собраніе своихъ депутатовъ и началъ господствовать въ томъ смыслѣ, чтобы отвратить болгаръ отъ Россіи. Народъ болгарскій семь лѣтъ сносилъ это правительство Баттенбергово, пока наконецъ исполнилась мѣра судьбы его». О дѣятеляхъ контр-революціи „Вѣстник" отзывается тоже весьма недружелюбно, какъ и слѣдуетъ ожидать отъ каждаго порядочнаго человѣка: «эти его приверженцы точно такіе же грабители, какъ и Баттенбергъ. Если случайно они снова получили власть, то это правительство не найдетъ поддержки въ болгарскомъ народѣ, а только въ Англіи и Германіи. Народъ болгарскій стоитъ на сторонѣ Царя-Освободителя, хочетъ стать въ союзѣ со святою Русью и русскимъ народомъ, а никакъ не хочетъ быть орудіемъ вражды противъ русскихъ братьевъ, которые проливали свою кровь за свободу болгаръ. Народъ болгарскій самъ по себѣ безъ всякаго вліянія сбросилъ съ себя прусское иго и хочетъ быть свободнымъ славянскимъ народомъ въ братскомъ союзѣ со святою Русью»... «Мы какъ твердые отчизники чехославянскіе, кончаетъ „Вѣстник", надѣемся, что наши болгарскіе братья, узнавши нѣмчиковъ и жидятъ и свергнувши съ себя ихъ господство, поведутъ болгарскій народъ къ былой славѣ на честь всему славянскому свѣту, на честь своему собственному имени, чтобы заблистала слава болгарская новымъ свѣтомъ, которымъ когда-то блестѣла во времена Симеона великаго царя болгарскаго, и Цареградъ пусть будетъ путеводной звѣздой храброму народу болгарскому»... *) По поводу незабвенной, въ каждомъ русскомъ сердцѣ нашедшей отзвукъ телеграммы Государя Императора „Вѣстник" (№ 36) говоритъ: «И такъ Царь Александръ III царемъ русскимъ, славянскимъ, у котораго нѣтъ милости для

---

*) ѧ въ чешск. читается *е*.

**) Н. Л. потерпѣли нѣсколько конфискатъ, такъ какъ явились, гдѣ, одобрителями революціонныхъ дѣяній. Интересна причина одной конфискаты «въ статьѣ совѣтуется полякамъ, чтобы они нашли какой нибудь modus vivendi съ заграничною державою и это предпріятіе можетъ содержать опасность для государства извнѣ, а потому и заключается въ ней подстрекательство къ государственной измѣнѣ (?!) См. Н. Л. № 251.

нѣмца Баттенберга... Славяне выходятъ изъ подъ нѣмеческихъ рукъ, свобода народная и политическая свитаетъ всѣмъ и храбрый богатырь Россъ обезпечиваетъ эту свободу». Послѣднюю статью свою „Вѣстник“ кончаетъ слѣдующимъ образомъ: «Изъ Срѣдцца телеграфируютъ, что чехи, живущіе въ Болгаріи, оказали еще болѣе любви къ русскому народу, чѣмъ сами болгаре. Въ послѣднемъ болгарскомъ переворотѣ болгарскіе чехи явились настоящими славянами, вѣрными братьями русскаго и болгарскаго народа. Для чеха быть славяниномъ, самымъ истымъ славяниномъ, составляетъ честь и славу. Вездѣ чехъ первый стражъ славянскаго свѣта противъ западной Европы. Пока чехъ чувствуетъ и выказываетъ себя славяниномъ, до тѣхъ поръ боится его непріятельскій свѣтъ. Славянское сознаніе — сила чеховъ. Чешская печать стала во время послѣдняго переворота болгарскаго на сторонѣ болгарскаго и русскаго народа, она— печать славянская. Итакъ, и братья наши, чехи въ Срѣдцѣ, показали себя славянами. Не будь славянской взаимности, не будь славянскаго сознанія, дикіе и суровые враги такъ насъ не боялись бы Да, мы признаемся, это всегда наша сила и спасеніе. Только въ союзѣ со славянскимъ свѣтомъ могутъ съ добрымъ успѣхомъ воевать чехи, болгаре, сербы и остальные славяне за свою народную жизнь, за будущность. И мы, чехи въ Вѣнѣ, ясно покажемъ свѣту, что мы славяне, какъ показали это наши братья, чехи въ Срѣдцѣ, которые встали на сторону угнетеннаго болгарскаго люда, и на сторону русскаго народа. Впередъ же съ этою мыслію, всѣ чехи, болгаре, сербы русскіе, славянцы, хорваты»!. Русскую оккупацію въ случаѣ смутъ на Балканскомъ полуостровѣ чехи считаютъ вполнѣ возможною и законною и даже требуютъ ея. Все таки, говорятъ „Н. Л.“ (№ 236), никакимъ образомъ не удастся ни чужимъ вліяніемъ, ни благодѣтелямъ, собраннымъ въ Болгаріи, ни продажнымъ исчадьямъ домашняго обывательства отмѣнить срѣдечскій государственный переворотъ, потому что если изъ противореволюціи возникнутъ въ Болгаріи важныя неурядицы и смуты, *навѣрно переправитъ Россія нѣсколько полковъ за Дунай и водворитъ этимъ порядокъ въ балканскихъ краяхъ.* *) „Н. Л.“ находятъ труднымъ утверждать то или другое относительно мира и преемника Баттенбергу, однако замѣчаютъ: «все таки есть одна положительная надежда, что Россія, которая нашла въ себѣ самой силу и тріумфъ, на этотъ разъ проведетъ свое дѣло твердо, побѣдоносно и славно»! (№ 235). Дѣйствительно, мы вѣримъ, что съ тѣхъ поръ, какъ раздалось твердое слово Русскаго Царя, заставившее враговъ склонить свои, уже слишкомъ поднявшіяся было, головы, нѣтъ больше мѣста колебаніямъ и шатаніямъ, претятъ они русскому народу, не понимаетъ онъ ихъ, такъ какъ привыкъ понимать только языкъ своихъ Самодержцевъ и вѣритъ онъ въ Нихъ, такъ какъ надѣется, что только отъ Нихъ идетъ благо, а потому и любитъ Ихъ тою любовью ѥѧ же большаѧ никтоже имать, то есть до готовности положить за нихъ дꙋшѧ своѧ.

Галичина.

Каникулярное время совпало въ Галичинѣ какъ разъ съ распущеніемъ парламентской сессіи, и обсужденіе ея результатовъ вызвало въ галицкой прессѣ, какъ русской, такъ и польской, большое оживленіе. Общее уныніе единитъ въ данномъ случаѣ органы самыхъ противоположныхъ направленій. Вотъ что говоритъ по этому поводу «Дѣло» (№ 66): «Парламентъ закрытъ до осени, и галицкіе послы вернулись домой съ пустыми руками; даже польская пресса сквозь свои очки не могла замѣтить никакихъ положительныхъ результатовъ шести-мѣсячной поддержки кабинета гр. Таафе. Улажено, правда, нѣсколько вопросовъ общегосударственныхъ, но для Галичины не только ничего не сдѣлано, но даже сильно нарушено ея и безъ того неотрадное экономическое положеніе: бюджетъ ея сокращенъ значительно, для развитія производительныхъ силъ страны не сдѣлано ничего, долгъ остался по прежнему, регуляція рѣкъ ожидаетъ лучшихъ временъ и новыхъ наводненій,

*) Курсивъ подлинника.

а вопросъ о реформѣ гражданскаго дѣлопроизводства даже не былъ поднятъ. Если прибавить къ этому, что поземельныя подати достигли небывалой высоты, что министерство финансовъ до сихъ поръ не попыталось открыть другихъ источниковъ дохода—обложеніемъ ли биржи, предметовъ роскоши или водочной монополіей, что для австрійскихъ фабрикъ не только не найдено новыхъ рынковъ, но и прежній сбытъ въ Румынію прекратился, что земледѣльческіе продукты не обезпечены отъ заграничной конкурренціи, что керосиновая промышленность подорвана, что вообще на развитіе промышленности не дано ничего, а на промышленныя школы брошена незначительная сумма—56 тыс. гульденовъ, что даже обученіе въ школахъ обложено высшей платой, что крестьянинъ въ долгахъ кругомъ, и крупные землевладѣльцы въ значительной ($^4/_5$) части, что земледѣльческое общество получило сильнаго конкуррента въ Alliance israélite, что сыны Израиля могутъ так. обр. забрать въ свои руки и землю, и мелкій промыселъ, то получимъ вѣрную картину современнаго нашего положенія.... Цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ засѣдалъ парламентъ, и изъ польскаго «koła» не вышло ни одного предложенія, направленнаго къ облегченію тяжелаго положенія края».... Недовольство положеніемъ дѣлъ общее; недовольны русины, поляки, *) чехи, нѣмцы... Тоже «Дѣло» (№ 70—71) приводитъ слѣдующую выдержку мюнхенской Allg. Zeit, прекрасно характеризующую внутреннія австрійскія отношенія: «національные вожаки въ Австріи сто разъ имѣютъ на устахъ свою народность, про Австрію упоминаютъ лишь по неволѣ. Окажутся они въ большинствѣ, они заявляютъ себя австрійцами лишь на половину, останутся въ меньшинствѣ, они являются врагами Австріи. Мадьяры не хотятъ и слышать про австрійскую державу, и однако эта держава, какъ страшный призракъ, виситъ надъ ними, не давая возможности осуществить свои центробѣжныя стремленія. и другія народности, подобно конямъ, запряженнымъ въ шестерикъ, отъ времени до времени становятся на дыбы, усиливаясь освободиться отъ упряжи, но, не встрѣчая поддержки въ товарищахъ, усталые, должны опять стать у дышла. Австрія задерживаетъ сепаративныя стремленія, но вмѣстѣ съ этимъ неизбѣжно распространяется недовольство въ составныхъ ея частяхъ». Въ другомъ мѣстѣ, говоря о результатахъ программы примиренія, семь лѣтъ назадъ столь громко провозглашенной гр. Таафе «Дѣло» (№ 72) приводитъ слѣдующую выдержку изъ чешской «Politik». «Національной раздоръ обострился въ Австріи столь сильно, что положеніе становится невыносимымъ. Нѣтъ нигдѣ и признаковъ какого бы то ни было примиренія. Народы, естественными условіями какъ бы предназначенные для сближенія, стремятся къ разрыву. Національный раздоръ изъ области политики проникаетъ уже въ жизнь общественную и даже семейную. Всюду одно—око за око зубъ за зубъ». И безъ того некрѣпкій политическій организмъ Австріи замѣтно расшатывается, каждому хочется получить самостоятельность короны св. Стефана. Чехи стремятся къ полному признанію своихъ политическихъ правъ, галицкіе вожаки видятъ свое спасеніе въ отдѣленіи Галиціи отъ Цислейтаніи, а тутъ еще временами возникаетъ ягеллоновская идея, темная, какъ темны головы, ее породившія. Каждая изъ національныхъ руководящихъ партій желаетъ гегемоніи у себя дома, опять такимъ образомъ мѣшая осуществленію программы примиренія. Національный сепаратизмъ и эгоизмъ — не говоря уже о духовной мертвенности—вотъ причины, что нынѣшнее парламентское большинство теряетъ почву подъ ногами». (Дѣло № 70). Неудивительно, что при такомъ положеніи является немало проектовъ, имѣющихъ въ воду скрѣпить расшатывающееся и оживить изжившееся, а при общемъ сознаніи крайней тягости положенія, всякій блуждающій огонекъ кажется яркимъ. живительнымъ свѣтомъ. Вѣнская «Deutcsh Zeit.»—органъ нѣмецкаго клуба (австрійскихъ пруссофиловъ) предлагаетъ признать самостоятельность Галиціи, т. е. отдѣлить ее какъ не нѣмецкую провинцію отъ остальныхъ провинцій Австріи, предоставивъ ей, права, какими, напр. пользуется Хорватія. Такимъ образомъ разсчитываетъ

*) Исключая, конечно нынѣшнихъ руководителей «станьчиковъ», но и они; по выраженію «Слова», стоятъ теперь, какъ обезоруженный воинъ, какъ зодчій безъ плана.

пруссофильская партія австрійскаго парламента обезпечить господство нѣмецкаго элемента въ западныхъ австрійскихъ провинціяхъ. Пруссофилы сумѣли сдѣлать свое предложеніе весьма заманчивымъ для поляковъ. Голосомъ сирены они поютъ имъ слѣдующую арію: «*не господства хотимъ, а мирнаго разграниченія нѣмецкаго и польскаго вліяній въ Австріи.* Школьнымъ закономъ поляки нанесли тяжкій ударъ нѣмецкимъ школамъ, но настаіъ день—dies irae, dies illa—когда поляки собственными руками должны были уничтожить единственный промыселъ своего края. Вотъ кривды, нанесенныя парламентскимъ большинствомъ; пора свернуть съ прежней дороги. Мы не Гербстовцы, не централисты, намъ не надо нѣмецкаго господства въ Цислейтаціи: мы національны и чтимъ каждую національность—мы отдѣлимъ Галицію отъ другихъ областей, мы и Чехію раздѣлимъ на двѣ территоріи—нѣмецкую и чешскую, но *не уступимъ славянству ни одной пяди изъ земель прежняго нѣмецкаго «бунда»* (Дѣло, № 69).

Это предложеніе, какъ сказано, пришлось очень по вкусу полякамъ. Обсуждая это предложеніе, русскія галицкія газеты («Н. Пр.» № 347, 349) и («Дѣло» № 69) тоже ничего противъ него не имѣютъ, при условіи или территоріальнаго раздѣленія Галиціи на русскую и польскую части («Н. Пр.» предлагалъ это еще въ началѣ текущаго года), или куріальнаго раздѣленія областнаго сейма. Нѣмецкій проектъ относительно Галиціи пришелся такимъ образомъ всѣмъ по вкусу. Скажемъ отъ себя, что и намъ проектъ этотъ весьма нравится. Раздѣленіе самостоятельной Галиціи на двѣ части—русскую и польскую—было бы капитальнымъ рѣшеніемъ галицкаго русско-польскаго спора, — оно дало бы возможность галичанамъ сберечь силы, затрачиваемыя въ настоящее время на борьбу съ польской гегемоніей; многое тогда въ собственномъ ихъ положеніи стало бы для нихъ яснѣе; дѣйствительныя нужды края и народа выступили бы ярче. Освобожденные отъ польской опеки и постоянныхъ подстрекательствъ, галичане, можетъ быть, покончили бы и свои домашніе раздоры. «Subwencyonowany «Миръ» jedyne w Galicyi pismo, ktore sprzyja polakom» и іезуитская «Русь» оказались бы, конечно, излишними—вотъ уже галицкое общественное теченіе очистилось бы отъ двухъ мутныхъ струй. Подъемъ благосостоянія страны несомнѣнно поднялъ бы ея умственный и нравственный уровень, и какимъ безобразіемъ показались бы галичанамъ ихъ теперешніе безпрерывные мелкіе перекоры, все-таки отнимающіе и время, и силы и создающіе крайне противное самомнѣніе маленькихъ кумировъ, занимающихся главнѣйше созерцаніемъ собственнаго воображаемаго величія. Большая устойчивость жизни внесла бы внутреннее спокойствіе и несомнѣнно оказала бы благотворное вліяніе на самый характеръ нынѣшнихъ галичанъ.

Для поляковъ отдѣленіе отъ Руси могло бы быть только полезнымъ. Безсмысленными оказались бы тогда всякія «ягеллоновскія идеи» и обусловливаемая ими высокая политика, тогда только столь громко провозглашаемый и столь въ дѣйствительности желательный «органическій трудъ» сталъ бы не фразой, а дѣломъ.

Но даже если бы, при самостоятельности Галиціи, справедливыя требованія русскихъ не были исполнены, и тогда, какъ вѣрно замѣчаетъ «Н. Проломъ» (№ 347), Галичина выиграла бы не мало. Если бы Галиція пріобрѣла самостоятельность и хозяевами ея остались поляки, русскіе только отъ нихъ могли бы требовать удовлетворенія своихъ желаній. Поляки, разумѣется, не исполнили бы требованій, и «Дѣло» съ своими сторонниками должно было бы разочароваться въ польской «демократіи»; между русскими партіями въ Галичинѣ могло бы тогда наступить согласіе.

Будемъ ждать рѣшенія этого интереснаго вопроса.

Парламентская сессія кончена; послы разъѣхались. Обыкновенно начинаютъ они пользоваться отдыхомъ лишь послѣ отчета о своей дѣятельности предъ избирателями. Такъ поступили нѣмецкіе и чешскіе послы, такъ поступилъ и русскій посолъ Ковальскій, дававшій отчетъ въ Сокалѣ, Равѣ русской и Куликовѣ. Но кромѣ Ковальскаго, единственнаго русскаго въ рейхсратѣ есть не мало нерусскихъ представителей интересовъ русскаго народа. Разумѣется, они поступаютъ иначе, прибѣгая къ средствамъ возможнымъ, лишь въ

странѣ «głów do pozłoty». Такъ нѣкто Давидъ Абрагамовичъ, польскій армянинъ, печаталъ въ «Газетѣ Народовой» и «Часѣ» письма о дѣятельности польскаго «koła» и затѣмъ обѣщалъ разослать ихъ своимъ избирателямъ отдѣльной брошюрой, «такъ какъ это стоитъ дешевле»! Между аргументами, приведенными Абрагамовичемъ въ свое оправданіе, почему онъ не является съ отчетомъ передъ избирателями, находится и такой, что они «nie byli by w stanie zrozumieć go»; такъ какъ оцѣнка требуетъ спеціальнаго ознакомленія съ дѣломъ («Слово» № 74).

«Слово» призываетъ избирателей настоятельно потребовать отчета отъ ихъ представителей; врядъ ли однако это приведетъ къ чему либо.

Школьное дѣло въ теченіе лѣта вызвало въ русской печати особенно оживленные толки въ виду близкаго начала новаго учебнаго года. Послѣ многихъ проволочекъ рѣшено наконецъ окончательно открыть въ Львовѣ русское 4-хъ классное училище имени Маркіана Шашкевича, и есть надежда, что скоро покончатъ съ пресловутымъ утраквизмомъ. Исторія этого утраквизма въ связи съ польской политикой въ школьномъ дѣлѣ весьма интересна и поучительна. По поводу ея находимъ въ «Словѣ» (№ 75, 76, 77) весьма дѣльную статью, сущность которой слѣдующая. Съ тѣхъ поръ, какъ въ 1867 г. большинствомъ полъ-голоса (?) польскій языкъ во львовскомъ сеймѣ былъ признанъ для Галичины оффиціальнымъ, послѣдняя стала безотвѣтной жертвой полонизма,—безотвѣтной, такъ какъ ея протесты не вели рѣшительно ни къ чему. Когда было указано, что не путемъ протестовъ, не черезъ Вѣну, а въ самомъ Львовѣ слѣдуетъ улаживать домашнія дѣла, русскіе послы внесли въ сеймъ предложеніе объ измѣненіи закона о преподавательномъ школьномъ языкѣ. Черезъ 3 года, казалось, достанется и русскимъ крупица съ богатой польской трапезы, какъ вдругъ выступилъ пр. Малецкій съ предложеніемъ утраквизма. Проектъ этотъ былъ передaнъ на разсмотрѣніе краковской академіи, которая высказалась противъ него; львовскіе ея члены — Петрушевичъ, Шараневичъ и Эм. Огоновскій — тоже, наконецъ общество учителей гимназій высказалось рѣшительно противъ утраквизма въ среднихъ школахъ. Ясно, что предложеніе имѣло въ виду исключительно только ut aliquid fecisse videatur.

Особеннаго вниманія въ этомъ случаѣ заслуживаетъ мнѣніе учителей гимназій, какъ наиболѣе близко стоящихъ къ дѣлу лицъ. Доказавъ полную невозможность примѣненія утраквизма въ средней школѣ, учителя о самомъ русскомъ языкѣ (т. е. галицкомъ нарѣчіи) говорятъ слѣдующее: «при всей нашей симпатіи къ русскому народу, при всемъ желаніи скорѣйшаго его развитія, мы должны сказать откровенно, что русскій языкъ не развился и не выработался на столько, чтобы стать наравнѣ съ языкомъ польскимъ. Русская литература, особенно научная, убога, по составленію учебниковъ начались труды едва лишь теперь. Правда, языкъ этотъ имѣетъ славное прошлое..., но съ теченіемъ времени знаніе того, такъ сказать классическаго русскаго языка пропало, и теперь въ потѣ лица приходиться работать надъ его возрожденіемъ. При настоящемъ положеніи дѣла, этотъ языкъ только развивается, а потому въ школьномъ преподаваніи онъ не можетъ стать наравнѣ съ польскимъ языкомъ». «Слово» видитъ въ этомъ заявленіи страшное memento для Галицкой Руси и вспоминая затѣмъ, что пѣсенку о «меньшей квалификаціи» русскаго языка, сравнительно съ польскимъ, для школьнаго преподаванія приходится слышать галичанамъ уже цѣлыхъ 38 лѣтъ, съ 48 года, рѣшительно протестуетъ противъ такого утвержденія (?) и заключаетъ статью требованіемъ для Руси русскихъ школъ и русскаго оффиціальнаго языка. Мы остановились въ этой статьѣ лишь на очеркѣ хода затронутаго вопроса и мнѣніи учителей гимназій, какъ на самомъ существенномъ.

Еслибы читатель потрудился вспомнить мнѣніе, высказанное въ сеймѣ по этому же поводу пр. Бобжинскимъ, онъ нашелъ бы въ немъ большое сходство съ мнѣніемъ учителей гимназій; въ одномъ изъ предъидущихъ обозрѣній мы приводили взглядъ А. Н. Пыпина на этотъ же вопросъ, и слѣдуетъ сказать, что, при всемъ различіи основныхъ точекъ зрѣнія указанныхъ лицъ, всѣ они сходятся въ одномъ—въ полной непригодности галицкаго нарѣчія для преподаванія въ среднихъ школахъ. Мы, съ

своей стороны, вполнѣ убѣждены, что ввести въ настоящее время галицкое нарѣчіе въ среднюю школу, значило бы понизить ея образовательный уровень больше чѣмъ на половину. Если не ошибаемся, львовскіе русскіе преподаватели принадлежатъ главнымъ образомъ къ составу «львовскихъ русиновъ»; вотъ почему ихъ заявленіе получаетъ въ нашихъ глазахъ особенно важное значеніе. Но что же дѣлать въ этомъ случаѣ галичанамъ? Неужели же серьезно разсчитываютъ они «выплекати свою мову» до высоты европейско-литературнаго языка.

Въ чаду мелкой борьбы маленькихъ партій, въ заколдованномъ кругѣ дорогихъ, близкихъ сердцу, но мелочныхъ вопросовъ возможны и простительны увлеченія и самообольщенія. Они однако должны были разсѣяться при столкновеніи съ дѣйствительными нуждами. И хорошо еще, что они разсѣялись; это показываетъ, что дѣло не окончательно потеряно. — Урокъ весьма поучительный! Такихъ уроковъ для «щирыхъ львовскихъ русиновъ» мы желаемъ больше. Только посредствомъ ихъ они найдутъ путь истиннаго разумѣнія.

И. Ф.

О Славянскихъ земляхъ.

I. Болгарія.

Краткій обзоръ католической миссіи «змартвыхстанцевъ» въ Малко-Тырновѣ.

Во Ѳракіи, къ востоко-сѣверо-востоку отъ Адріанополя, въ 21 верстѣ отъ него, лежитъ мѣстечко по имени «Малко-Тырново» въ 1,300 дворовъ.

Мѣстечко это, служа центромъ прилегающихъ къ нему деревень округа, оказываетъ на нихъ большое вліяніе, и такимъ образомъ служитъ для нихъ примѣромъ во всѣхъ политическихъ и религіозныхъ движеніяхъ.

Въ 1861 году, когда религіозно-политическое движеніе въ Болгаріи стало діаметрально противоположно прежнимъ народнымъ тенденціямъ, движеніе, корень котораго скрывался главнымъ образомъ въ агитаціи католическихъ миссіонеровъ, а именно лазаристовъ,—одной изъ отрасли іезуитовъ, и эмиссаровъ французскаго императора Наполеона III, тогда въ Малко-Тырновѣ примкнули къ уніи отпавшія отъ тогдашняго движенія первыя десять семействъ (дворовъ).

Въ унію они были приняты отц. Томашемъ Бржеско и Шимономъ Кобржыньскимъ,—священниками недавно учрежденной въ Адріанополѣ католической миссіи «змартвыхстанцевъ».

Съ этихъ поръ «змартвыхстанцы» стали внимательно посматривать на Малко-Тырново, имѣя въ виду какимъ-бы то ни было способонъ вовлечь мѣстное населеніе въ совсѣмъ не желательную и не нужную для него унію.

Съ этой цѣлью они удержали здѣсь болѣе вліятельныхъ миссіонеровъ, при которыхъ, въ видахъ привлеченія къ уніи возможно большаго числа приверженцевъ, употребляли всевозможныя средства; такъ, ими среди простаго народа раздавалось огромное количество брошюръ религіознаго содержанія на болгарскомъ языкѣ, печатанныхъ въ Римѣ въ Propaganda Fidei; между подобными брошюрами были, напримѣръ, такія, которыя носили заглавіе: «Чувства благоговѣнія передъ сердцемъ Іисуса». Но кромѣ этого рода брошюръ были и другія. Такъ, въ народѣ вращалась брошюра, называвшаяся такъ: «Что желаетъ Россія сдѣлать изъ Болгаріи?» въ ней положительно утверждалось, что со временемъ Россія подвергнетъ Болгарію той же участи, какой подвергла и Польшу; говорилось, что Россія—страна варваровъ, гдѣ правятъ только кнутомъ и Сибирью, и что во избѣжаніе подобной участи Болгаріи ничего больше не остается, какъ соединиться съ Римомъ, и такимъ образомъ получить защиту Австріи и Франціи.

Брошюра эта имѣла большой успѣхъ, въ особенности въ то время, когда католическіе миссіонеры пользовались покровительствомъ турецкаго правительства.

Кромѣ разнаго рода брошюръ, раздавались наплечники (skapularis) и четки, что очень нравилось простому народу, въ особенности женщинамъ, которыя, благодаря любви своей къ пестротѣ и прекрасной французской работѣ этихъ вещей, употребляли ихъ на свои украшенія.

Патеръ Шимонъ Кобржыньскій, руко-

водившій тамъ миссіонерствомъ въ то время, вмѣстѣ съ требникомъ всегда возилъ съ собой большое количество вина и водки, которыми онъ и угощалъ новичковъ-уніатовъ.

Малко-Тырновскій священникъ, по имени Гарузаль, и его діаконъ Нанчо Стайковъ были первыми примкнувшими къ уніи, причемъ, по словамъ очевидцевъ, какъ тотъ, такъ и другой, были совершенно пьяными, и въ такомъ видѣ присягали въ вѣрности уніи и пріобщались Св. Тайнъ.

По словамъ тѣхъ же очевидцевъ, за переходъ къ уніи Гарузаль получилъ 50, а его діаконъ 25 турецкихъ лиръ.

Это можетъ служить характеристикой того, какими низкими средствами пользовались «змартвыхстанцы» для достиженія своей цѣли. Подобнымъ путемъ имъ удалось въ короткое время обратить въ унію болѣе 600 семействъ.

Въ прежнее время Малко-Тырново представляло собою цвѣтущую и спокойную мѣстность; теперь же, по весьма вѣрному выраженію одного изъ старыхъ малко-тырновскихъ гражданъ, съ наступленіемъ на нашу страну бѣдствія въ лицѣ іезуитовъ-миссіонеровъ, у насъ очень не рѣдки драки между уніатами и православными, причемъ братъ возстаетъ противъ брата, сынъ—противъ отца, такъ что православное населеніе хотѣло даже распять на крестѣ измѣнившаго ему священника Гарузаля, но турецкое начальство не допустило этого.

Уніаты же, желая отмстить за себя православнымъ, рѣшились отравить колодцы, вслѣдствіе чего было много смертныхъ случаевъ среди православнаго населенія. Но, спрашивается, кто могъ дать имъ ядъ? Кто научилъ ихъ тому, чтобы отравлять своихъ братьевъ? Отвѣтъ совершенно ясенъ, каждый можетъ самъ его угадать.

Достовѣрность вышеизложеннаго подтверждается старыми и почтенными людьми, — малко - тырновскими и окрестными гражданами и очевидцами всего этого, на что они въ то время обращались даже съ жалобой къ турецкому начальству, но это послѣднее отклонило ее.

«Змартвыхстанцы» и всѣ другія іезуитскія конгрегаціи были посланы въ Болгарію папою Піемъ IX, чтобы обратить болгаръ въ истинную вѣру, какъ будто эти послѣдніе были какими-то язычниками; но вмѣсто того, чтобы цивилизовать народъ, какъ объ этомъ распространялись «змартвыхстанцы» въ іезуитскихъ журналахъ, они его только деморализировали и привили ему тлетворныя тенденціи, послѣдствія которыхъ видны уже и теперь. Вредное вліяніе іезуитовъ выразилось и на обыденной, домашней жизни болгаръ, такъ какъ, вслѣдствіе того, что одна часть населенія—уніаты, другая-же—православные, у нихъ зачастую бываетъ, что сынъ и отецъ, мать и дочь, сестра и братъ живутъ не только совсѣмъ отчужденными другъ отъ друга, но даже въ полной взаимной ненависти.

Доказано да и видно изъ приходскихъ книгъ Малко-Тырнова, что въ 1863 г. въ Малко-Тырновѣ было 3 случая смертоубійства и болѣе 30 случаевъ незаконнорожденій, тогда какъ въ прежніе годы этихъ убійствъ не случалось почти никогда, незаконнорожденія встрѣчались очень рѣдко; такимъ образомъ выходитъ, что за время только трехлѣтней дѣятельности миссіонеровъ святой апостольской римско-католической церкви обнаружились такія значительныя нравственныя послѣдствія.

Извѣстно, конечно, что «змартвыхстанцы» и лазаристы обнародовали въ 1864 г. брошюру и затѣмъ напечатали въ газетѣ католической миссіи о томъ, что, будто-бы, расколъ между македонскими болгарами скоро обратится въ огнепоклонство.

Подобное сообщеніе представляетъ собой ничто иное, какъ наглую ложь; обстоятельства же дѣла таковы:

Недалеко отъ Чернаго моря лежитъ 6 селъ, принадлежащихъ Малко - Тырнову. Населеніе этихъ селъ, будучи строго православнымъ, въ маѣ мѣсяцѣ празднуютъ въ честь св. Константина, Новенны (т. е. девять дней жгутъ костры), причемъ совершаются церемоніи, которыя, хотя и требуютъ нѣкоторой реформы, но все-таки имѣютъ историческое значеніе.

Церемонія этого воспоминанія состоитъ въ слѣдующемъ: собирается большое количество дровъ, которыя складываютъ вокругъ церкви, затѣмъ въ продолженіе 9 дней ежедневно дрова эти сжигаются по частямъ. Народъ выходитъ въ это время изъ церкви, неся передъ собою образъ своего покровителя — св. Константина, съ пѣніемъ благодарственныхъ молитвъ.

О происхожденіи этого воспоминанія пре-

красно разсказываетъ народная легенда. Въ 1-й половинѣ XVIII столѣтія турки рѣшили разграбить церковь этихъ 6 селъ, которая была очень богата. Жители, узнавъ объ этомъ, разсудили, что они лучше сами сожгутъ имущество своей церкви, чѣмъ допустятъ, чтобы онъ попало въ нечестивыя руки магометанъ.

Съ этой цѣлью обложили они церкви громаднымъ огнемъ, чтобы въ немъ сжечь все церковное имущество, положивъ предварительно въ огонь образъ св. Константина, котораго однако огонь не касался. Когда къ мѣсту пришли турки и увидѣли это, то ихъ обуялъ такой страхъ, что они разбѣжались, не причинивъ жителямъ никакого вреда.

Съ тѣхъ поръ ежегодно въ продолженіе 9 дней празднуется въ этихъ селахъ благодарственное воспоминаніе въ честь св. Константина, на которое стекаются даже поселяне изъ окрестностей за нѣсколько миль.

Изъ такого прекраснаго и поистинѣ христіанскаго воспоминанія, имѣющаго для македонскихъ болгаръ историческое значеніе, католическіе миссіонеры сдѣлали огнепоклонство на слѣдующихъ основаніяхъ.

Жители этихъ 6 селъ не только остались вѣрными религіи своихъ отцовъ, но осмѣяли и обезславили не только уніатовъ, но и самихъ «змартвыхстанцевъ. Такъ, когда однажды вновь прибывшій миссіонеръ, патеръ Лукашъ Вроновскій, пріѣхалъ къ нимъ съ цѣлью совершать тамъ свою миссію, то они его прямо спросили о томъ, что ему у нихъ надо; когда же онъ отвѣтилъ имъ на это, что онъ прибылъ съ тѣмъ, чтобы обратить ихъ въ истинную вѣру, то они ему отвѣтили коротко и категорически: 1) Кто далъ тебѣ право обращать насъ? 2) У насъ нѣтъ времени слушать лѣнтяя и 3) Непрошенныхъ гостей выгоняютъ.

Послѣ такихъ отвѣтовъ патеръ Лукашъ быстро удалился; православный же священникъ этихъ селъ приказалъ къ сельскимъ воротамъ прибить дощечки со слѣдующею на нихъ надписью: «Прокаженному животному и католическимъ миссіонерамъ входъ въ наши села воспрещается». «Змартвыхстанцы» же и лазаристы не переставали интриговать до тѣхъ поръ, пока имъ не удалось представить жителямъ Малко-Тырнова обитателей упомянутыхъ 6 селъ огнепоклонниками и язычниками, и такимъ образомъ заставить ихъ прекратить съ послѣдними всякія сношенія; а это обстоятельство снова давало поводъ къ разнымъ стычкамъ. И все это относится къ миссіонерской дѣятельности «змартвыхстанцевъ»; унія же между тѣмъ пріобрѣтала все большее и большее число приверженцевъ.

Православный митрополитъ Адріанопольскій, чтобы вразумить заблудшійся народъ, рѣшилъ въ свою очередь образовать въ Малко-Тырновѣ свою миссію, которая могла-бы возвратить народъ къ вѣрѣ его отцовъ, показавъ ему всю фальшь и низость догматовъ іезуитскихъ.

«Змартвыхстанцы» же не преминули раньше позаботиться о томъ, чтобы митрополитъ не могъ имъ особенно повредить; такъ 1) они распространяли о немъ разные ложные слухи о безнравственномъ образѣ жизни его, о томъ, что онъ тайно содержитъ цѣлый гаремъ и т. п., что, натурально, подорвало его авторитетъ у народа; 2) они пріобрѣли для уніи своего капеллана, который былъ хорошимъ проповѣдникомъ, и который до сихъ поръ живетъ въ Константинополѣ въ качествѣ секретаря при уніатскомъ болгарскомъ митрополитѣ.

Въ виду всего этого, когда митрополитъ прибылъ въ Малко-Тырново, то ему весьма мало удалось совершить что-либо противъ католическихъ миссіонеровъ.

Въ 1863 году въ Адріанополь прибылъ новый митрополитъ, по имени Анѳимъ, человѣкъ весьма образованный, энергичный и хорошій патріотъ къ тому же. Онъ, со всей свойственной ему энергіей и силой и съ помощью всѣхъ дозволенныхъ ему закономъ средствъ, рѣшился бороться съ распространявшимся все болѣе и болѣе католицизмомъ. Такъ, прежде всего онъ черезъ болгарскаго экзарха въ Константинополѣ подалъ турецкому министерству жалобу на «змартвыхстанцевъ», въ которой, указывая съ одной стороны на вредное господство и образъ дѣйствій ихъ, съ другой—на обремененіе, причиняемое ему вмѣшательствомъ ихъ въ его права, онъ просилъ объ удаленіи ихъ изъ его епархіи. Но, не смотря на это, онъ не могъ ничего добиться, такъ какъ «змартвых-

станцы» нашли себѣ защиту въ папскомъ нунціи и въ посланникахъ французскомъ и австрійскомъ. Мало того: поданная митрополитомъ жалоба была ему возвращена министерствомъ съ замѣчаніемъ о безосновательности ея, такъ какъ «змартвыхстанцы» весьма благотворно дѣйствуютъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, и что поэтому онъ не долженъ имъ ставить никакихъ преградъ.

Во-вторыхъ, митрополитъ разослалъ пастырское посланіе ко всѣмъ православнымъ своей епархіи, въ которомъ онъ призываетъ ихъ оставаться вѣрными вѣрѣ своихъ отцовъ, ясно доказывая имъ при этомъ ложь іезуитскихъ догматовъ.

Въ-третьихъ, рѣшился онъ основать въ Малко-Тырновѣ миссію противъ католицизма, для каковой цѣли вызвалъ архимандрита Пахомія изъ знаменитаго Рильскаго монастыря, лежащаго въ Витошскихъ горахъ и основаннаго въ X столѣтіи въ воспоминаніе покровителя Болгаріи, жителя македонскихъ степей, Іоанна Риля.

Архимандритъ Пахомій, будучи весьма основательнымъ теологомъ и обладая блестящимъ краснорѣчіемъ, былъ при этомъ очень хорошимъ патріотомъ и славистомъ и, какъ архимандритъ славнаго Рильскаго монастыря, пользовался у народа громаднымъ авторитетомъ.

Пахомій провожалъ митрополита Анѳима въ Малко-Тырново, гдѣ произнесъ нѣсколько блестящихъ проповѣдей. Доказывая въ нихъ съ одной стороны истинное, христіанское ученіе православной церкви, съ другой—фальшь іезуитскихъ догматовъ, онъ между прочимъ сказалъ: «посмотрите на бѣдныхъ уніатовъ русскихъ, какъ іезуиты и латинское духовенство угнетали ихъ во времена существованія Польскаго королевства, и какъ ихъ угнетаютъ еще и теперь въ Галиціи; таже участь можетъ постичь и васъ. Мы, болгаре, достигнуть нашей свободы можемъ только съ помощью и при посредствѣ Россіи; но Россія никогда не будетъ помогать болгарамъ, приверженцамъ Рима».

Такія прекрасныя проповѣди и присутствіе глубоколюбимаго и высокочтимаго митрополита Анѳима имѣли своими послѣдствіями то, что сначала священникъ Гарузаль, а затѣмъ и очень многіе другіе послѣдователи его ошибки, единодушно снова сдѣлались православными.

Съ ужасомъ увидѣли «змартвыхстанцы», что въ Малко-Тырновѣ осталось очень мало еще не обращенныхъ уніатовъ и что, если митрополитъ Анѳимъ и архимандритъ Пахомій будутъ долѣе продолжать свою дѣятельность, то ихъ миссіи угрожаетъ совершенное разрушеніе; а вслѣдствіе этого они пришли къ заключенію во чтобы то ни стало избавиться отъ этихъ двухъ опасныхъ противниковъ,—да и цѣль, вѣдь, освящаетъ средства.

Характерно обрисовывается при этомъ подлость «змартвыхстанцевъ», употребившихъ для достиженія своего плана самыя низкія средства.

Съ этой цѣлью начальникъ «змартвыхстанцевъ», патеръ Томашъ Бржеско, поѣхалъ въ Константинополь, гдѣ при содѣйствіи папскаго нунція и лазаристовъ удалось ему очернить благороднаго митрополита Анѳима въ томъ, что, будто-бы, онъ принадлежитъ къ революціонной партіи. Митрополитъ Анѳимъ былъ вызванъ въ Константинополь, гдѣ и долженъ былъ остаться. Священника Гарузаля за переходъ его въ православіе они наказали тѣмъ, что оторвали отъ него единственнаго его сына Бажила, котораго и послали въ Римъ.

Архимандритъ Пахомій примкнулъ тоже къ уніи, послѣдствіемъ чего было то, что впродолженіе 2 мѣсяцевъ присоединилось къ уніи болѣе 1,000 семействъ; а это обстоятельство зависѣло главнымъ образомъ оттого, что тотъ самый архимандритъ Пахомій, который такъ открыто разоблачалъ недостатки католической церкви, теперь, по переходѣ своемъ къ уніи, произнесъ въ Малко-Тырновѣ проповѣдь, въ которой сказалъ, что онъ убѣдился въ томъ, что только римская церковь есть единая истинная.

Но теперь небезъинтересно знать, какія же средства употребляли «змартвыхстанцы» для привлеченія Пахомія къ уніи.

Недавно умершій старый Малко-Тырновскій гражданинъ, Барилъ Ношровъ, приходившійся нѣсколько сродни Пахомію и оставшійся вѣрнымъ православній церкви, разсказываетъ такъ:

Патеръ Томашъ Бржеска чрезъ своего агента, члена ордена, Феликса Піехота,

предложилъ Пахомію, если онъ только перейдетъ въ унію, слѣдующія условія: 1) римское прелатство; 2) орденъ Св. Григорія; 3) чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ можетъ быть болгарскимъ уніатскимъ епископомъ, а потомъ сдѣлаться митрополитомъ; 4) 8,000 франковъ ежегоднаго содержанія отъ Propaganda Fidei и 5) теперь же 150 турецкихъ золотыхъ лиръ.

Разнымъ темнымъ личностямъ Адріанополя удалось уговорить бѣднаго Пахомія согласиться на эти условія.

И такъ, вотъ тѣ убѣдительные догматы «змартвыхстанцевъ», какіе склонили Пахомія примкнуть къ уніи, а не то, что, какъ они писали тогда въ своихъ миссіонерскихъ донесеніяхъ, будто, въ правотѣ Рима Пахомія убѣдили писанія патера Ганме. Когда же затѣмъ въ 1865 году русскимъ уніатскимъ митрополитомъ въ Константинополѣ, Іосифомъ Сембратовичемъ, былъ посвященъ въ санъ болгароуніатскаго епископа въ Адріанополѣ не Пахомій, а монсиньоръ Рафаилъ Поповъ, тогда этотъ послѣдній, какъ воспитанникъ Propaganda Fidei, получилъ полное довѣріе римской куріи и «змартвыхстанцевъ.

Пахомій, увидѣлъ себя обманутымъ «змартвыхстанцами», рѣшился покинуть ихъ; но, такъ какъ Рыльскій монастырь не хотѣлъ принять его снова къ себѣ, то онъ перешелъ къ туркамъ и сдѣлался хаджой, т. е. турецкимъ священникомъ. Но, въ виду того, что многія тайны «змартвыхстанцевъ» ему были не безъизвѣстны, они интриговали противъ него до тѣхъ поръ, пока турки не заключили бѣднаго Пахомія въ тюрьму, гдѣ онъ и былъ удавленъ. Въ этой быстрой смерти Пахомія «змартвыхстанцы» принимали дѣятельное участіе, такъ какъ при подобномъ исходѣ они могли быть увѣрены въ его молчаніи. И все это относится къ миссіонерской дѣятельности благочестивыхъ миссіонеровъ, проповѣдующихъ постоянно amor propinqui (любовь къ ближнему)!

Въ 1870 г. въ Малко-Тырновѣ «змартвыхстанцы» построили уніатскую церковь и поставили тамъ уніатскаго священника, родомъ болгарина, котораго они сами же и подготовили.

Въ слѣдующіе же затѣмъ года «змартвыхстанцы» пользовались меньшими успѣхами, въ виду поддержки, оказываемой Англіеи миссіи методистовъ.

1878 годъ нанесъ католической миссіи въ Болгаріи большія неудачи. Болгаре увидѣли, какія громадныя жертвы принесла великодушная славянская матушка-Россія за освобожденіе болгаръ. Это обстоятельство и присутствіе русскаго воина имѣли своимъ послѣдствіемъ то, что въ особенности македонскіе болгаре, понявъ, что всѣ тѣ злословія на русскихъ, какія распространяли католическія миссіонеры, были ничто иное, какъ наглая ложь, перешли большею частью снова въ православную церковь.

Тогда же учреждена была постоянная миссія, состоящая теперь изъ трехъ священниковъ, изъ которыхъ двое родомъ болгаре, но насквозь проникнутые іезуитскими тенденціями.

Характерно то, что одинъ изъ этихъ священниковъ, по имени Бажелъ-Гарузалъ,—сынъ вышеупомянутаго православнаго священника.

Гарузалъ, — отецъ здѣшній православный священникъ, тогда какъ сынъ его въ томъ-же самомъ мѣстѣ служитъ Уніи; такъ, что, слѣдовательно выходитъ, что сынъ считаетъ ложью то, за что ратуетъ его отецъ. Какой деморализующій примѣръ для другихъ дѣтей! Вотъ, слѣдовательно, какъ «змартвыхстанцы» умѣютъ воспитывать—что сынъ забываетъ свои обязанности относительно отца, — и это должно считаться христіанскимъ воспитаніемъ.

Заведенъ здѣсь также и пансіонъ, въ которомъ насчитывается уже болѣе 40 учениковъ; недавно же устроенная школа посѣщается болѣе, чѣмъ 150 дѣтьми.

Очень часто «змартвыхстанцы» обращаютъ къ Уніи воспитанниковъ своего пансіона, между которыми бываютъ дѣти отъ 10 до 11 лѣтъ, что дѣлается безъ вѣдома и желанія родителей.

Воспитаніе ихъ весьма одностороннe, при чемъ выражается въ слѣдующихъ главныхъ чертахъ: 1) они внушаютъ дѣтямъ ненависть къ православной церкви; 2) отчуждаютъ ихъ отъ народныхъ болгарскихъ идей, прививая въ замѣнъ ихъ тенденціи іезуитскія; 3) они стараются объяснить дѣтямъ, что славянской идеи въ дѣйствительности не существуетъ и 4) распространяютъ ненависть къ Россіи и

ко всему русскому, представляя имъ русскихъ варварами и тиранами.

Не безъинтересно привести имена «змартвыхстанцевъ», впродолженіи 26 лѣтъ работающихъ въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что почти всѣ они были поляки.

1) Покойный генералъ ордена патеръ Койсевичъ.

Затѣмъ патеры: Томашъ Бржеска, Шимонъ Кобржиньскій, Лукашъ Вроновскій, Валеріанъ Калиньскій, Павелъ Смуликовскій, Рафаэль Гаэтана, Валеріанъ Пржеволоцкій, Владиславъ Маршалкевичь, Константинъ Чоба (Czooba), Станиславъ Шиллеръ, Андрей Спецъ. Въ этомъ году прибудетъ въ Малко-Тырново женскій персоналъ «змартвыхстанцевъ» для устройства тамъ школы для дѣвочекъ.

Въ настоящемъ же году перешло въ унію цѣлое село «Блаза», одно изъ 6-ти вышеупомянутыхъ селъ. Само мѣстечко Малко-Тырново примкнуло къ уніи почти уже въ полномъ составѣ. Что касается македонскихъ болгаръ, то, говоря вообще, они относятся къ уніи весьма благопріятно.

Въ послѣднее время «змартвыхстанцы» получили поддержку со стороны французскаго ордена «ассомпціонистовъ», устроившихъ свои миссіонерства въ Адріанополѣ и Филиппополѣ.

Кромѣ того значительное количество болгаръ приготовляется заграницей въ католическіе священники; а именно: «змартвыхстанцы» въ своихъ коллегіяхъ въ Римѣ и Львовѣ; приверженцы Propaganda Fidei въ своей собственной коллегіи; ассомпціонисты въ коллегіи для католическихъ миссіонеровъ въ Парижѣ и въ коллегіи Пія IX въ Римѣ; наконецъ лазаристы— въ іезуитской коллегіи въ Лованіумѣ въ Бельгіи.

Каждые 3—4 года болѣе 50 католическихъ миссіонеровъ родомъ, всѣ болгаре, появляются въ Болгаріи и работаютъ тамъ для уніи. Спрашивается, какіе болгарскіе православные священники могутъ быть въ состояніи защитить свою церковь отъ уніи, если къ тому же принять во вниманіе, что ежегодно выходитъ 4—5 уніатскихъ священниковъ изъ уніатской духовной семинаріи, руководимой «змартвыхстанцами»?

Такимъ образомъ католицизмъ сплетаетъ надъ Болгаріею все болѣе и болѣе густую сѣть. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ послѣднее время появились даже богословскія книги собственно для уніатовъ—болгаръ; такъ «Исторія церкви» патера Лукаша Вроновскаго, «Катехизисъ», «Догматическое Богословіе» и «Католическая философія». Всѣ эти книги напечатаны на болгарскомъ языкѣ въ собственной типографіи змартвыхстанцевъ въ Адріанополѣ.

Пора бы дѣйствительно подумать болгарамъ объ угрожающей имъ опасности со стороны католицизма, пріобрѣтающаго все большее и большее число приверженцевъ и готовящаго для себя въ народѣ уніатскую католическую партію.

Болгаре должны были бы обсудить и понять то, что Болгарія въ единеніи съ Римомъ для Россіи не будетъ, да и не можетъ быть пріятною.

Они должны были бы постараться, объ образованіи въ ближайшемъ будущемъ возможно бо́льшаго числа своихъ хорошихъ богослововъ и проповѣдниковъ, и при томъ при русскихъ академіяхъ, въ чемъ наша великодушная Матушка-Россія конечно протянетъ имъ свою щедрую руку помощи.

Эти духовныя лица должны будутъ тогда бороться за свою православную церковь противъ вліянія католицизма, преимущественно въ слѣдующихъ мѣстностяхъ: въ Софіи, Филиппополѣ, Адріанополѣ и Малко-Тырновѣ. Но эта борьба будетъ трудная: уніатско-католическое движеніе имѣетъ уже своего митрополита и своего епископа, располагаетъ болѣе или менѣе значительнымъ духовенствомъ и наконецъ охраняется 4-мя хорошо организованными миссіонерскими орденами: «змартвыхстанцами», «лазаристами», «ассомпціонистами» и «капуцинами». Кромѣ того у него есть уже 2 духовныхъ академіи, 4 классическихъ гимназіи, 8 начальныхъ училищъ, 2 школы для ремеслъ и искусствъ и 3 типографіи.

Но, какъ бы то ни было, православнымъ болгарамъ не слѣдуетъ отступать предъ этими обстоятельствами, но мужественно бороться за свою православную церковь, — а милосердый Богъ не оставитъ ихъ, а также и всякій славянинъ постарается по мѣрѣ возможности придти къ нимъ на помощь.

Александръ Френкель
бывшій змартвыхстанецъ.

Школы змартвыхстанцевъ въ Адріанополѣ для миссіонерскихъ цѣлей.

27 лѣтъ тому назадъ, по приказанію папы Пія IX и подъ покровительствомъ Франціи, змартвыхстанцами было основано маленькое миссіонерство въ Адріанополѣ. Состоя первоначально изъ одной начальной школы, миссіонерство настолько возрасло съ тѣхъ поръ, что теперь оно обладаетъ 3-мя католическими болгарскими церквями, имѣетъ 1 духовную семинарію, 1 классическую гимназію, начальное училище и типографію.

Въ настоящее время, когда въ Болгаріи всплыла такая масса враждебнаго свойства идей по отношенію къ Россіи и славянству, невольно напрашивается вопросъ: Кто-же распространилъ здѣсь эти идеи? Я утверждаю и докажу это, что значительная доза ихъ исходитъ отъ бывшихъ учениковъ гимназіи змартвыхстанцевъ.

Миссіонерство змартвыхстанцевъ преслѣдуетъ не одну только религіозную, но и политическую цѣль, — распространеніемъ католицизма образовать враждебную Россіи партію: за такую сумму они получаютъ отъ Австріи и Франціи ежегодно по 5000 франковъ.

Всѣми своими учебными заведеніями змартвыхстанцы преслѣдуютъ не ту цѣль, чтобы изъ своихъ учениковъ сдѣлать образованныхъ и полезныхъ людей, но они злоупотребляютъ этими послѣдними, внушая своимъ ученикамъ совершенно ложныя мысли, которыя выражаются въ слѣдующихъ 2-хъ положеніяхъ, доказывающихъ всю низость ихъ образа мыслей; а именно:

1) Исторія церкви преподается ученикамъ совершенно превратно, чтобы такимъ образомъ имъ дать ложное понятіе о православной церкви.

2) При преподованіи всеобщей исторіи, Русская исторія читается въ такомъ видѣ, что она представляетъ собою только сплошную ложь.

3) Исторія Болгаріи преподается такимъ образомъ, что въ ученикѣ рождается мысль, что Болгаріи и болгарамъ принадлежатъ не только Македонія и Ѳракія, но даже Константинополь и часть Чернаго моря; но что единственное государство,—Россія воспрепятствуетъ этому, такъ какъ оно желаетъ обладать не только Чернымъ моремъ и Константинополемъ, но желаетъ также поработить и Болгарію.

Если-же при этомъ принять въ соображеніе, что гимназія змартвыхстанцевъ существуетъ уже 20 лѣтъ, при чемъ среднимъ числомъ было въ ней 100 ч. учениковъ ежегодно, которые по окончаніи гимназическаго курса получаютъ лучшія мѣста въ Македоніи и Румеліи, то окажется, что я былъ правъ, утверждая, что между теперешними руссофобами въ Болгаріи много встрѣчается бывшихъ учениковъ змартвыхстанцевъ и ихъ гимназіи.

Нѣсколько подробнѣе разсмотримъ мы теперь такія заведенія, какъ пансіонъ (интернатъ), гимназію и семинарію змартвыхстанцевъ, оставляя въ сторонѣ прочія ихъ учебныя заведенія, какъ заслуживающія меньшаго вниманія.

Въ интернатѣ имѣется около 130 чел. воспитанниковъ; всѣ они родомъ болгаре и должны принадлежать къ католической уніатской церкви.

Такъ какъ за пансіонъ не требуется никакой платы, при чемъ воспитанники получаютъ безплатно даже платья и книги, то очень многіе изъ православныхъ болгаръ отдаютъ сюда своихъ дѣтей; но эти послѣднія въ короткое время принимаются змартвыхстанцами въ католическо-уніатскую церковь, что обыкновенно продѣлывается безъ вѣдома и желанія родителей съ дѣтьми 10 и 11 лѣтняго возраста.

Все устройство дано интернату по образцу іезуитскихъ коллегій.

Классическая гимназія раздѣлена на 7 классовъ Богословіе играетъ здѣсь большую роль, при чемъ преподаются: богословская и нравственная догматика, исторія церкви и св. писаніе,—все по іезуитскимъ авторамъ и на болгарскомъ языкѣ.

Изъ древнихъ языковъ греческій языкъ совсѣмъ не преподается въ гимназіи; но въ замѣнъ его читается латинскій языкъ, и при томъ очень основательно; изъ новыхъ же языковъ, кромѣ болгарскаго, преподаются нѣмецкій и французскій языки.

Изъ другихъ предметовъ преподаются математика и геометрія, географія и всеобщая исторія, естественная исторія, физика, химія и физіологія, астрономія, философія и логика.

Въ семинаріи среднимъ числомъ бываетъ

только 12 ч. воспитанниковъ; здѣсь преподаютъ богословскую и нравственную догматику, исторію церкви и wulgata, св. Іеронима, литургію, реторику, логику, римское право, философію Θомы Аквина, богословскій катехизисъ Гауме, исторію литературы, церкви, латинскій и древне-славянскій яз.

Въ обоихъ учебныхъ заведеніяхъ ученикамъ прививаются іезуитскіе принципы, и они латинизируются, такъ какъ все-таки всѣ богословскія науки читаются по іезуитскитъ авторамъ.

Учащихся отчуждаютъ отъ всякихъ славянскихъ идей и воспитываютъ ихъ врагами православной церкви и Россіи.

Александръ Френкель,
бывшій змартвыхстанецъ.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Emile de Laveleye. **La Péninsule des Balkans.** Vienne, Croatie, Bosnie, Serbie, Bulgarie, Roumelie, Turquie, Roumanie. **Brux.** 1886, 2 vols.

Знаменитый бельгійскій экономистъ, люттихскій профессоръ Лавелэ совершилъ обширную и довольно продолжительную поѣздку по южно-славянскимъ странамъ. Онъ зналъ ихъ по своей прежней поѣздкѣ; на пути своемъ и въ Вѣнѣ, въ Загребѣ, въ Сараевѣ, въ Бѣлградѣ, въ Софіи, въ Пловдивѣ, въ Царьградѣ, въ Бухарестѣ, онъ встрѣчалъ и любезность и содѣйствіе мѣстныхъ властей и европейскихъ дипломатовъ. Извѣстная ученость автора, его большой талантъ излагать живо, ясно и привлекательно, масса свѣдѣній, доставленныхъ ему офиціальными и частными людьми, придавали бы книгѣ его большую занимательность, если-бы даже самый предметъ ея не былъ особенно интересенъ для насъ русскихъ. Проф. Лавелэ, какъ извѣстно, не принадлежитъ къ числу лицъ, слѣпо и упорно вѣрующихъ во всеспасительность западной цивилизаціи: «Положеніе нашего запада — говоритъ онъ въ своей новой книгѣ—не на столько завидно, чтобы нужно было усиливаться воспроизвести на Балканскомъ полуостровѣ причины, которыя породили осаждающія насъ со всѣхъ сторонъ затрудненія» (II, 44). Не разъ онъ указываетъ на опасность, угрожающую юнымъ государствамъ отъ заимствованія изъ Европы системы бюрократической и отъ излишнихъ расходовъ и займовъ. Вотъ что говоритъ онъ по поводу Сербіи: «Самую большую опасность для Сербіи, по моему мнѣнію, представляютъ чрезмѣрные расходы, по большей части непроизводительные, и вызываемые ими частые займы. Нельзя не желать обратить на этотъ пунктъ особенное вниманіе сербскихъ государственныхъ людей всѣхъ партій. Для обезпеченія уплаты по займамъ даютъ банкирамъ въ залогъ нѣкоторыя статьи доходовъ и, такимъ образомъ, даютъ имъ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла страны. Пусть такъ поступаютъ турки: они не пекутся о завтрашнемъ днѣ; имъ нужны деньги, во чтобы то ни-стало. Но можетъ ли быть что-нибудь печальнѣе вида молодаго государства, которому принадлежитъ будущее и которое отдаетъ себя въ распоряженіе безжалостныхъ банкировъ. Никакое западное государство не согласилось-бы на такое подчиненіе. Сербія повторитъ судьбу Египта: гордые и свободные сербы принуждены будутъ работать какъ феллахи, и если уплата запоздаетъ, *Лендербанкъ*, опираясь на всѣ европейскія биржи понудитъ Австрію занять Сербію, чтобы собрать тяжелую дань, которую требуютъ западные биржевики» (*тамъ же*). Авторъ оплакиваетъ паденіе задругъ, о которыхъ во всѣхъ земляхъ, гдѣ онъ былъ, онъ собиралъ тщательныя свѣдѣнія: горюетъ о томъ что красивые народные костюмы уступаютъ мѣсто европейскимъ модамъ Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ радуется проложенію желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ балканскія страны съ западомъ, дорогъ, открывающихъ новые пути для сбыта произведеній европейскихъ мануфактуръ, совѣтуетъ юнымъ государствамъ не развивать своихъ мануфактуръ, а заботиться

только о земледѣліи, жалуется на таможни и т. п. Политическій идеалъ его состоитъ въ томъ, чтобы народы балканскіе образовали конфедерацію, въ родѣ швейцарской, при чемъ авторъ считаетъ возможнымъ нѣкоторыя народности, какъ напр. албанцевъ разбить, на три кантона по вѣроисповѣданію большинства. Относительно Константинополя авторъ одобряетъ то мнѣніе, по которому слѣдуетъ обратить его въ вольный городъ въ родѣ Гамбурга, въ управленіи котораго приняли бы участіе всѣ народности конфедераціи (II, 222); съ другой стороны авторъ не безъ сочувствія относится къ возможности Австріи, въ силу своего Drang nach Osten, достигнуть до Константинополя. Онъ считаетъ это возможнымъ и, конечно, не ошибается, когда думаетъ, что Австрія болѣе Россіи можетъ разсчитывать на поддержку или содѣйствіе Европы (I, 266). Въ Австріи онъ видитъ преимущественно федерацію и рекомендуетъ увеличеніе правъ національностей. Къ Россіи авторъ обращается нѣсколько разъ: онъ выражаетъ сочувствіе къ послѣдней войнѣ, но далеко не чуждъ опасеній русскаго властолюбія и т. п. вздоровъ. Съ грустью русскій читатель закроетъ книгу Лавелэ: онъ увидитъ въ ней дѣятельность на Балканскомъ полуостровѣ разныхъ европейскихъ народовъ, пропаганду разныхъ вѣроисповѣданій, кипучую работу дипломатовъ, всякія учебныя заведенія, основанныя тѣми или другими иностранцами при поддержкѣ общества, а гдѣ же наша дѣятельность? Много причинъ, мѣшающихъ проявиться русскому почину и, конечно, главная изъ причинъ есть наше невѣдѣніе и малочисленность тѣхъ людей, которые заговариваютъ объ этомъ: англичанинъ и американецъ несетъ свою цивилизацію и религію впередъ, съ тѣмъ чтобы открыть себѣ новые рынки, о томъ же мечтаетъ и нѣмецъ; католикъ прежде всего хочетъ распространить свою всеспасающую церковь, а что же мы?

Намъ нѣкогда останавливаться подробно на содержаніи книги Лавелэ: было бы хорошо если бы наши журналы представили изъ нея обширное извлеченіе; если нельзя будетъ предпринять полнаго перевода. Представимъ только въ краткихъ чертахъ ея содержаніе. Авторъ начинаетъ свое путешествіе съ Вѣны гдѣ видится съ министрами и запасается рекомендаціями въ Боснію. Изъ Вѣны ѣдетъ онъ въ Хорватію и здѣсь въ Дьяковѣ останавливается у знаменитаго епископа *Штросмаера*. Величавая фигура этого славянскаго патріота нарисована съ большимъ сочувствіемъ и замѣчательнымъ искусствомъ въ занимающей насъ книгѣ. Значеніе Штросмаера извѣстно у насъ и, конечно, на страницахъ, посвящаемыхъ ему проф. Лавелэ съ особеннымъ вниманіемъ остановится читатель. Нельзя не удивляться неустанной дѣятельности, высокому безкорыстію, широкому уму Штросмаера; но конечно не разъ пожалѣетъ человѣкъ, преданный славянской идеѣ, о томъ, что такія великія качества духовныя посвящены не тому дѣлу, въ которомъ нельзя не видѣть будущности славянъ; вѣра въ Австрію и служеніе Риму могутъ только развить раздробленіе славянъ, а не вести къ сближенію между ними.

Изъ Дьякова Лавелэ ѣдетъ въ Боснію, гдѣ австрійскій чиновникъ представляетъ ему въ самомъ блистательномъ свѣтѣ результаты занятія Босніи и Герцеговины; авторъ вѣритъ даже тому, будто правительство не поддерживаетъ католической пропаганды.

За Босніею слѣдуетъ Сербія. По дорогѣ авторъ обращаетъ вниманіе на народныя требованія хорватовъ, сербовъ, словинцевъ. Вообще надо замѣтить, что авторъ старается собрать какъ можно болѣе свѣдѣній о странахъ, которыя онъ проѣзжаетъ: объ исторіи, этнографіи, бытѣ Для этого онъ читаетъ, что можетъ достать, вступаетъ въ разговоры съ возможно большимъ числомъ лицъ. Замѣчательно, что довольно безпристрастно взглянувъ на язвы современной Сербіи, бельгійскій экономистъ, какъ истый европеецъ, никакъ не можетъ понять сущности дѣла митрополита Михаила.

Послѣ Сербіи описывается Болгарія и Румелія. Здѣсь въ особенности много такого, съ чѣмъ не можетъ согласиться русскій читатель. Авторъ обвиняетъ русскую дипломатію въ томъ, въ чемъ она менѣе всего виновата: въ интригахъ, вмѣшательствѣ и т. п. Замѣчательно то стараніе, съ которымъ западные люди проповѣдуютъ Россіи полное безкорыстіе, какъ они стараются

внушить намъ, какъ высока наша чисто нравственная миссія. Medice cura teipsum! Любопытно, что бывшему болгарскому правительству люттихскій профессоръ указываетъ примѣръ Леопольда I, какъ будто не понимая того, что конституція, возможная въ Бельгіи, не возможна въ Болгаріи. Въ Македоніи авторъ не былъ; но собралъ о ней множество свѣдѣній, свидѣтельствующихъ какъ тяжело этой странѣ двойное ига, греческое и турецкое. Эти свѣдѣнія одно изъ главныхъ правъ автора на признательность всѣхъ друзей славянства.

Послѣднія главы посвящены Константинополю и Румыніи и тоже заключаютъ въ себѣ много любопытнаго, особенно важны факты о нравственномъ паденіи турокъ. День близится несомнѣнно.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Обычаи и пѣсни турецкихъ сербовъ.

(въ Призрѣнѣ, Ипекѣ, Моравѣ и Дибрѣ).

Изъ путевыхъ записокъ И. С. Ястребова. Спб. 86, стр. VII + 498.

Книга г. Ястребова *), только что вышедшая въ свѣтъ представляетъ въ высшей степени интересное явленіе и даетъ обильный матеріалъ для разрѣшенія одного спорнаго вопроса славянской этнографіи. Въ нашей литературѣ давно уже установилось и до послѣдняго времени держалось мнѣніе, что большинство народонаселенія въ Македоніи — болгары, причемъ подъ «Македоніей» разумѣли совокупность разнородныхъ земель, въ томъ числѣ Старую Сербію и Албанію. Изъ этого уже видно, что обобщеніе было слишкомъ широко, такъ какъ нельзя же считать *болгарскою* страною *Старую Сербію*, какъ нельзя считать Албанію страною сербскою. Уже въ XIV вѣкѣ, при знаменитомъ сербскомъ королѣ Душанѣ вся сѣверная Македонія была подъ властью Сербіи. Уже тогда города Скопія, Велесъ и др. были вполнѣ сербскими городами, равно какъ и населеніе въ тѣхъ мѣстахъ *). Съ тѣхъ поръ прошли вѣка, и вотъ въ концѣ XIX вѣка неутомимый изслѣдователь народнаго быта представляетъ намъ рядъ важныхъ доказательствъ въ пользу мнѣнія, противоположнаго установившемуся. На основаніи этихъ доказательствъ, которыя мы сейчасъ разсмотримъ, приходится признать, что въ Старой Сербіи, гдѣ находятся города, бывшіе свидѣтелями славы Душана, большинство населеніе *не болгарское*, а *сербское*. Вотъ фактъ въ высшей степени важный. Имъ разрушаются многія доселѣ воздвигнутыя теоріи и, конечно, вскорѣ не замедлятъ выступить въ ихъ защиту поборники болгаризма.

Г. Ястребовъ извѣстенъ уже многими трудами, отличительными чертами которыхъ всегда были—объективность и чрезвычайная точность въ сообщеніи фактовъ. Тѣми же драгоцѣнными свойствами отличается и разбираемое сочиненіе—плодъ многолѣтняго общенія автора съ тѣмъ славянскимъ народомъ, среди котораго ему пришлось дѣйствовать въ качествѣ русскаго консула.

Если у насъ, въ Россіи, ясно выразилось стремленіе искать болгаръ тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, подобно тому какъ въ Австріи стараются вездѣ отыскивать хорватовъ (сербовъ будто-бы нѣтъ, а есть лишь хорваты), такъ и въ собственной Сербіи за послѣдніе годы усиленно старались доказывать, что вся Македонія чисто сербская страна, при чемъ заходили такъ далеко, что чисто болгарскія мѣстности теперешней Болгаріи объявляли сербскими странами. Таковы напр. воззрѣнія сербскаго писателя Милоевича, о сборникѣ котораго («Пѣсни и обычаи сербскаго народа» Бѣлградъ 1875) упоминаетъ г. Ястребовъ въ предисловіи къ своей книгѣ. Но книга г. Ястребова далека отъ такой односторонности. Она указываетъ гдѣ большинство населенія сербы, а не болгары. Такова именно Старая Сербія. Правда, и тамъ за послѣдніе годы болгарская пропаганда сдѣлала успѣхи, благодаря содѣйствію Турціи, не пропускающей въ Македонію ни сербскихъ книгъ, ни сербскихъ учителей; од-

---

*) Настоящей статьей я желалъ бы, по возможности, не столько подвергать критикѣ названное сочиненіе. сколько познакомить читателей «Извѣстій» съ ея содержаніемъ.

*) (*Флоринскій,* Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка, выпускъ второй, стр. 187 и др.

нако эта пропаганда успѣваетъ только среди «интеллигенціи», главнымъ образомъ въ городахъ, масса же крестьянства по прежнему остается при своихъ стародревнихъ сербскихъ обычаяхъ и языкѣ.

Г. Ястребовъ чрезвычайно удачно распредѣлилъ богатый запасъ своихъ наблюденій по главнымъ моментамъ жизни народа, каковыми являются *праздники*. У сербовъ, какъ и у насъ на Руси, все времесчисленіе идетъ по праздникамъ, при чемъ наиболѣе уважаемыми считаются тѣ же праздники что и у насъ: Юрьевъ день, Никола лѣтній и зимній, масляница и т. д. Во главѣ всѣхъ этихъ праздниковъ стоитъ празднованіе «*Славы*». Этотъ исключительно сербскому народу свойственный обычай, отличающій его отъ всѣхъ прочихъ славянскихъ народовъ, состоитъ въ празднованіи каждымъ сербомъ-домохозяиномъ дня того святаго, котораго онъ считаетъ своимъ покровителемъ. По преданію, сербскія племена избирали себѣ въ покровители того святаго, въ день котораго они крестились по собственному желанію. Такъ какъ этотъ обычай исключительно сербскій, то, понятно, его старались искоренять (и нерѣдко съ успѣхомъ) греческіе владыки и особенно болгарскіе агенты. Въ Старой Сербіи (въ Призрѣнской области, Моравѣ и Дибрѣ) празднуютъ «Славы» въ слѣдующіе дни: въ Ильинъ день (20 іюля), въ день св. Пантелеймона (27 іюля), Успенія Богородицы (15 августа), св. Параскевы (14 октября), св. Луки (18 октября), св. Димитрія (26 октября), обновленіе храма св. Георгія (3 ноября), св. архангела Михаила (8 ноября), св. Мрата (11 ноября), Введенія Пресвятыя Богородицы (21 ноября), св. Андрея Первозваннаго (30 ноября), св. Варвары (4 декабря), св. Николая (6 декабря), св. Спиридона (12 декабря), св. архидіакона Стефана (27 декабря), св. Василія (1 января), св. Іоанна Крестителя (7 января), св. Аѳанасія (18 января), св. Ѳеодора Тирона (въ субботу 1-ой недѣли великаго поста), Лазареву субботу и въ Юрьевъ день (23 апрѣля).

Всего чаще—св. Николая, св. архангела Михаила и св. Димитрія. Празднованіе «Славы», иначе «крестнога имени» распадается на два момента — канунъ праздника и самый праздникъ. Оставляя въ сторонѣ любопытныя подробности о томъ, какъ приготовляется священный хлѣбъ («*Колачъ*»), коливо и другіе припасы для праздника, разскажемъ вкратцѣ самую суть праздника. Наканунѣ праздника часть припасовъ освящается въ храмѣ священникомъ, который затѣмъ въ самый день «Славы» является на домъ празднующаго, гдѣ на празднично убранномъ столѣ уже разставлены и колачъ, и вино, и все нужное для праздника. Послѣ разныхъ молитвъ и пожеланій урожая и счастья во всемъ всему дому и обряда, напоминающаго проскомидію, наступаетъ главный моментъ—разрѣзаніе колача. Разрѣзаетъ его священникъ при пѣніи «Слава тебѣ, Христе Боже, апостоловъ похвала», и поливаетъ его виномъ съ пожеланіями урожая, и счастья, и довольства. Разрѣзавъ, онъ съ хозяиномъ вмѣстѣ переламываетъ его и цѣлуетъ край своей половины, говоря:—«Христосъ посредѣ насъ»; на что хозяинъ овѣчаетъ: «Есть и будетъ». Послѣ еще нѣкоторыхъ обрядовъ читается отпускъ и церковная часть праздника оканчивается.

Затѣмъ начинается угощеніе родныхъ и близкихъ знакомыхъ. Родные и знакомые чаще всего приглашаются на ужинъ въ день «Славы». За ужиномъ хозяинъ торжественно пьетъ вино въ честь «Славы» и произноситъ при этомъ здравицу. Изъ того же стакана потомъ пьютъ всѣ цѣлуясь другъ съ другомъ. При этомъ гости поютъ сперва трижды «Господи помилуй», потомъ пѣсни, въ которыхъ желаютъ хозяину съ семьей и здоровья, и веселья, и чтобы у него и пшеницы и вина было въ изобиліи, чтобы дѣти все были мальчики («мушка дечица»). Потомъ всѣ садятся и ужинаютъ; тутъ также поютъ пѣсню, затѣмъ пьютъ за здоровье и хозяйки дома съ дѣтьми. Въ постные дни (среду и пятницу) ужинъ непремѣнно состоитъ изъ постныхъ яствъ. Часа черезъ два послѣ ужина гости расходятся.

Таковъ въ общихъ чертахъ этотъ прекрасный старинный праздникъ, олицетворяющій собою идею братства и любви. Тутъ во всемъ блескѣ является сербское гостепріимство, которымъ Сербы не даромъ славятся наравнѣ съ малороссами.

Празднованіе «Славы» исключительно сербскій обычай. Въ этомъ убѣждаютъ всѣ мелкія подробности этого праздника,

а равно и пѣсни, которыя по своему языку слѣдуетъ считать сербскими.

20 декабря народъ празднуетъ день св. Игнатія. Наканунѣ этого дня изо всѣхъ селъ Гилянскаго округа мужчины ходятъ въ поле, гдѣ паслись овцы. и приносятъ въ рукавицахъ землю; по дорогѣ заходятъ въ амбаръ, чтобы взять тамъ пригоршню пшеницы. Земля эта кладется на ночь въ квашню. Въ самый день св. Игнатія, рано утромъ, раньше всѣхъ вставшій входитъ въ хату съ вѣткой, взятой на дворѣ, будитъ всѣхъ и поздравляетъ съ праздникомъ. Онъ называется «полазач» Ему отвѣчаютъ пожеланіями всякаго благополучія, а вѣткой разгребаютъ очагъ и вѣшаютъ ее надъ нимъ. Священную землю мѣшаютъ съ пшеницею и пепломъ и даютъ курамъ, чтобы хорошо плодились и чтобы и сосѣднія куры сбѣгались на дворъ хозяйки.

Этотъ день такимъ образомъ является предвѣстникомъ весны, подательницы всякой жизни и плодородія *).

Сохранился и старинный обычай колядованья. Въ Гилянскихъ селахъ колядовать ходятъ четыре парня: изъ нихъ одинъ одѣтъ въ отрепье и высокую смушковую шапку, къ которой прицѣпленъ бараній хвостъ, съ бородой и усами изъ лошадинаго хвоста и козлиной шерсти. Наряженнаго называютъ «Дедица»; остальные парни въ праздничной одеждѣ съ бубенчиками на рукавицахъ. Они ходятъ по праздникамъ съ Николина дня до Крещенья съ пѣснями, въ которыхъ воспоминается и коляда и св. Никола—язычество вмѣстѣ съ христіанствомъ; хозяевамъ поются разныя пожеланія удачи и счастья во всемъ. «Дедица» при этомъ пляшетъ. Колядующимъ даютъ ветчины, яицъ и т. п. У племени міяковъ колядуютъ нѣсколько иначе и пекутъ особые хлѣбы и лепешки («Чиница» и «Колендари»). Колядуютъ у міяковъ и мальчики.

Подобно празднику «славы», ясно свидѣтельствующему о томъ, что народъ С. Сербіи дѣйствительно сербскій, а не болгарскій народъ, о томъ же свидѣтельствуетъ празднованіе рождественскаго Сочельника такъ называемаго «бадняго дня». «Баднякомъ» называется лиственное дерево, которое рубятъ 24 декабря и вмѣстѣ съ дровами привозятъ домой Полъ около очага устилается соломой, а сверху кладутъ *чергу*— коверъ изъ козьей шерсти. Передъ ужиномъ хозяинъ безъ шапки вноситъ баднякъ въ хату, при чемъ кудахтаетъ какъ насѣдка, а дѣти его пищатъ какъ цыплята. Войди въ хату, хозяинъ привѣтствуетъ всѣхъ, говоря: «добрый вечеръ! Поздравляю васъ съ боднимъ вечеромъ. На много лѣтъ!» Домашніе отвѣчаютъ аминь, а дѣти все пищатъ какъ цыплята. Баднякъ кладутъ на огонь и садятся ужинать. Передъ самымъ ужиномъ всѣ разуваются и разомъ сбрасываютъ опанки съ ногъ. Этотъ обрядъ, вѣроятно, имѣетъ символическое значеніе, имъ какъ бы сбрасывается прошлая жизнь, начинается новая, настаетъ новый годъ *). Отъ ужина небольшая часть сберегается на крещенскій сочельникъ, когда кромѣ этого ничего не ѣдятъ, отчего и сочельникъ называется «неѣдкомъ». Уголья отъ перегорѣвшаго бадняка сберегаютъ какъ священныя для разныхъ надобностей въ хозяйствѣ. А изъ остатковъ бадняка, не обуглившихся, дѣлаютъ крестики и ставятъ по нивамъ. Ночью, съ пѣтухами хозяинъ, вернувшись со двора съ вѣткою, поздравляетъ всѣхъ съ праздникомъ Рождества Христова и начинаетъ жарить на огнѣ поросенка, при чемъ совершаются еще нѣкоторые любопытные обряды. Разговляются обыкновенно жаренымъ въ свиномъ салѣ воробьемъ. На гумнѣ ѣдятъ разломанный на мелкіе кусочки пшеничный пирогъ, облитый горячимъ масломъ, для того чтобы дулъ хорошій вѣтеръ, когда потомъ будутъ сѣять хлѣбъ. Стулья и скамейки, ножи и игольчатыя орудія на 3 дня Рождества выносятся вонъ, по воспоминанію о Св. Богородицѣ и Св. Іосифѣ, у которыхъ при Рождествѣ Христовѣ не было скамеекъ, а ножи—потому, что они напоминали избіеніе. Иродомъ младенцевъ. Въ разныхъ мѣстахъ различныя подробности этого праздника. Особенно интересно празднованіе въ селахъ призрѣнскаго подгора:

*) Странно, что турецкіе сербы не празднуютъ ни Троицкой недѣли (зеленыхъ святокъ), ни Иванова дня—этихъ любимыхъ праздниковъ всѣхъ славянъ.

*) Многіе обряды г. Ястребовымъ не объяснены въ нхъ значеніи, потому что самое преданіе о нхъ старинномъ смыслѣ уже исчезло.

въ ночь на Рождество Христово на улицѣ разводятъ костры, сидятъ около нихъ и поютъ пѣсни, называемыя «на ранило». Восходъ зари также привѣтствуется пѣсней. Всѣ эти пѣсни вращаются около домашняго обихода и говорятъ о женской долѣ, да и поются большей частью дѣвушками и женщинами. Весьма интересно также празднованіе въ Дибрѣ, гдѣ въ первый день Рождества поютъ любопытныя пѣсни историческаго и миѳологическаго характера. Вотъ одна изъ нихъ:— «Марко Кралевичъ и гора»: «Гулялъ Марко (извѣстный богатырь сербскаго эпоса) по зеленой горѣ, что гулялъ—то онъ три дня и три ночи, да нигдѣ не нашелъ Марко воды ни себѣ, ни коню. Сердито проклинаетъ М. Кр.: «Убей тебя Богъ, зеленая горка, что гулялъ я три дня и три ночи, что не нашелъ студеной водицы. Возговоритъ зелена гора: Ой ли ты М. Кралевичъ, не кляни ты зеленой горы, а кляни ты Стойну Самовилу (русалку), что собрала она двѣнадцать ключей, да и унесла съ собою на планину *)».

1 января въ Старой Сербіи народъ празднуетъ Малое Рождество (Малый Божичъ) или «Василицу». И тутъ пекутъ особый хлѣбъ, а въ него кладутъ монету. Кому за обѣдомъ попадется кусокъ съ монетой, тому значитъ быть счастливымъ во весь годъ. Въ сочельникъ крещенскій вездѣ постъ. Въ ночь на Крещенье въ средской волости мужчины не спятъ и ждутъ въ полѣ зари, чтобы помолиться: въ эту ночь небо разверзается, и ихъ молитва будетъ услышана. Самый день Крещенія называется «водице». Въ Гилянскомъ округѣ въ этотъ день пьютъ воду, вскакивая на сошникъ, бросаютъ назадъ, черезъ голову, горячіе уголья. Въ одномъ селѣ Дибрскаго округа, послѣ обѣдни совершается крестный ходъ, при чемъ народъ поетъ свою пѣсню, прося Бога, чтобы былъ урожай на все и на вино и на хлѣбъ. У каждаго колодца крестный ходъ останавливается; послѣ обѣда же въ хороводахъ женщины поютъ полурелигіозныя пѣсни. Въ одной пѣснѣ св. дѣвы Марія посылаетъ седмокрылыхъ ангеловъ на землю устроить тамъ пиръ съ Иваномъ Крестителемъ, Георгіемъ вешнимъ, Петромъ лѣтнимъ, Ильей и т. д. Въ другой поется, какъ у Іордана «Божа майка» держитъ въ рукахъ маленькаго не крещенаго Бога; встрѣчается св. Георгій, она его зоветъ въ кумовья, тотъ отговаривается неумѣньемъ и указываетъ на св. Петра. Но и этотъ также отговаривается и указываетъ на болѣе достойнаго св. Илію, а тотъ въ свою очередь на І. Крестителя. Тотъ наконецъ говоритъ, что онъ «и смѣетъ и умѣетъ», и креститъ некрещенаго Бога. 7 января празднуютъ день Ивана Крестителя. Въ селѣ Средскѣ особенно роскошно празднуютъ этотъ день обѣдомъ для сосѣднихъ крестьянъ, пѣснями и хороводами. Въ пѣсняхъ вспоминается имя Ивана Крестителя.

Масляница («Бѣла недѣля»), вѣроятно, проводится и въ Сербіи весело. О томъ, какъ веселится народъ тамъ, г. Ястребовъ не сообщаетъ ничего. Въ его книгѣ есть только указанія на послѣдній день масляницы—«прощеное воскресенье» (по сербски «*прочка*»). Въ этотъ день жгутъ солому и перепрыгиваютъ черезъ огонь со словами «кара, кара вештице! ти си бабо, вештица!» (Т. е. черная вѣдьма! Ты, бабка, вѣдьма!») Очевидно, это то же, что у насъ на Руси сжиганіе чучелы масляницы. Вечеромъ въ прощеное воскресенье, какъ и у насъ, прощаются, причемъ за одно и угощаются на славу.

Въ великомъ посту, наканунѣ праздниковъ св. Ѳедора Тирона, 40 мучениковъ и Благовѣщенія на зарѣ жгутъ коровій калъ, а наканунѣ этихъ праздниковъ бываютъ дѣвичьи вечерницы, на которыхъ дѣвушки поютъ пѣсни до первыхъ пѣтуховъ, а съ пѣтухами встаютъ, выскакиваютъ вонъ, влѣзаютъ на крышу (что называется «на ранило») и тамъ поютъ пѣсню юмористическаго содержанія. На Лазареву субботу по селамъ ходятъ съ пѣснями дѣвушки—«лазарицы»; одна изображаетъ Лазаря, другая Лазарицу—обѣ въ цвѣтахъ, считаемыхъ священными, остальныя съ лукошками для сбора подаяній. Пѣсни Лазарицъ весьма разнообразны, въ нихъ турокъ честятъ не совсѣмъ лестными названіями Этотъ обычай выходитъ уже изъ употребленія.

Страстная недѣля проводится тихо; въ великій четвергъ запасаются водою для

*) Планина—гора, поростая лѣсомъ.

окраски въ ней яицъ, а предъ восходомъ солнца берутъ яйцо и по четыремъ сторонамъ его дѣлаютъ по кресту. Это яйцо называется «страшникъ», имъ жены гладятъ дѣтей по щекамъ, чтобы дѣти были краснощеки, здоровы и смѣлы.

Святое Христово Воскресенье называется Великъ-день (Велик - дан.). Послѣ утрени, совершаемой въ полночь и слѣдующей за ней обѣдни, разговляются прежде всего яйцомъ. Крестные ходы на другой день, потомъ игры, хороводы и пѣсни около церкви. Въ Средскѣ послѣ вечерни въ первый день поютъ разныя хороводныя пѣсни. Вотъ одна изъ нихъ: «Прилетѣла пчелка отъ Бога, вѣщаетъ богатое лѣто: великъ - день пестрый препестрый, Юрьевъ день съ травкой и лѣсомъ, Петровъ день съ бѣлымъ ячменемъ». Вообще пѣсни на святой отличаются и поэзіей и красивымъ, богатымъ языкомъ.

Юрьевъ день (23 апрѣля) празднуется въ Старой Сербіи повсемѣстно и считается однимъ изъ важнѣйшихъ праздниковъ. Избы въ этотъ день украшаются вѣтвями вербъ, нарванныхъ наканунѣ. Женщины собираютъ въ полѣ разныя травы, отличающіяся цѣлебными и чародѣйскими свойствами («Миломужница» и др.), и потомъ носятъ ихъ зашитыми въ платьѣ. Передъ вечеромъ въ полѣ пожилая женщина *знахарка* лечитъ отъ «страшницы» (болѣзнь, приключавшаяся отъ страха). Знахарка «мѣритъ» ниткой страшницу больного который ложится въ это время спиною на землю. Потомъ, покрывъ больнаго простыней и, посыпавъ опилками, «сметаетъ» вмѣстѣ съ ними и «страшницу» съ больнаго. Дѣвушки всю ночь не спятъ, показываются на зарѣ съ распущенными волосами, чтобы косы росли гуще,—иногда скачутъ верхомъ на веретенахъ вокругъ дома, чтобъ привлечь сватовъ; тоже дѣлаютъ женщины около овчаренъ, чтобы никто не кралъ молока и оно не портилось отъ жары. Въ этотъ день совершается не мало и другихъ разныхъ обрядовъ, перечислять которые было бы слишкомъ долго. Всѣ они направлены преимущественно къ разнымъ хозяйственнымъ цѣлямъ. Въ этотъ день также купаются, а дѣвушки качаются на качеляхъ. Цвѣты собираютъ съ пѣснями. Въ одной такой пѣснѣ описывается, какъ дѣвушка брала въ горахъ богородичну травку (смилье) и заблудилась; встрѣчаетъ гайдуцкаго (разбойничьяго) воеводу и проситъ вывести ее изъ горъ. Воевода вывелъ ее изъ горъ, привелъ къ студеной водѣ. И молится удалецъ—дай Боже темную ночку, чтобы любить мнѣ красивую дѣвушку. И далъ Богъ ему темную ночку, и любилъ онъ красивую дѣвушку, любилъ до полуночи, но въ полночь она обратилась въ змѣю и обвилась около его горла. И на всѣ мольбы воеводы не хочетъ она отпасть отъ его горла—пусть по всѣмъ селамъ видятъ его и пусть дивятся. Среди пѣсенъ Юрьева дня, приведенныхъ въ книгѣ г. Ястребова, много прелестныхъ и поэтичныхъ и во всѣхъ ихъ звучитъ богатая и звучная сербская рѣчь: нигдѣ и помину нѣтъ о жесткомъ и грубомъ говорѣ болгаръ *). Въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ миѳическій Лель вспоминается вмѣстѣ съ св. Георгіемъ.

1 мая (Іереміинъ день) дѣвушки сбираютъ цвѣты и травки и ставятъ въ воду, которою потомъ умываются, чтобы не болѣла голова, а цвѣтами и травками украшаютъ дома; въ этотъ же день на зарѣ пьютъ росу. Дѣвушки—невѣсты въ пѣсняхъ просятъ у Бога весеннихъ дождей и жениховъ.

Преполовеніе называется въ Старой Сербіи «Руса среда» и празднуется какъ настоящій праздникъ, особенно женщинами, которыя въ этотъ день не метутъ половъ, а дѣлаютъ это наканунѣ. Въ селахъ Моравы рано утромъ въ этотъ день мужчины, женщины и дѣвушки выходятъ въ поле, валяются нагишемъ по ячменнымъ засѣвамъ, а потомъ сбираютъ росу въ стклячочки на случай болѣзней.

Во время засухи женщины ходятъ изъ дома въ домъ съ пѣснями въ честь Додола, языческаго бога. Въ этихъ пѣсняхъ «додолицы» эти просятъ у него росы и плодородія на поляхъ. 15 іюня—Видовъ день—годовщина страшной битвы на Косовомъ полѣ. Особыхъ обычаевъ къ нему не пріурочено, если не считать вывѣшиванія на солнцѣ одежды изъ сундуковъ, хотя двадцать лѣтъ тому назадъ въ ночь на этотъ день пѣли разныя пѣсни. Одну изъ нихъ приводитъ г. Ястребовъ.

*) Слѣды болгарщины всего замѣтнѣе въ пѣсняхъ Дибрскаго округа. Тѣмъ не менѣе эти пѣсни слѣдуетъ считать сербскими.

Пѣсни во время жатвы отличаются разнообразіемъ содержанія. Въ одной поется, какъ ночью паша укралъ дѣвушку и провезъ чрезъ турецкое село, а звуки «зурлъ» заглушали ея крики, въ другой описывается, какъ горныя вилы принесли на крыльяхъ связаннаго Марка къ его матери и не хотѣли отдать его ей, пока не посулитъ она имъ черныхъ очей, еще въ одной парень жалуется матери, что отравила его дѣвушка травами, что набрала въ полѣ и т. д.

Въ первый день пахотьбы пахарямъ готовится на обѣдъ черный пѣтухъ; только они могутъ его ѣсть, кости его они зарываютъ въ землю. Женщины отводятъ бурю заклинаніями, обращенными къ утопленницамъ Марѣ, Стойкѣ и Магдалинѣ.

Размѣры настоящей статьи не позволяютъ остановиться здѣсь даже мелькомъ на множествѣ интереснѣйшихъ пѣсенъ, среди которыхъ не мало эпическихъ. Перейдемъ поэтому къ свадебнымъ обычаямъ, которые опять особенно выдвигаютъ впередъ сербскую народность, какъ господствующую въ С. Сербіи. Сербскія христіанки тамъ, по словамъ г. Ястребова, ведутъ затворническую жизнь и только въ самое послѣднее время это суровое положеніе начинаетъ, благодаря вліянію учителей, смягчаться. Впрочемъ, содержаніе первыхъ отдѣловъ книги, г. Ястребова отчасти умаляетъ это положеніе о затворничествѣ женщинъ: развѣ всѣ эти хороводы, коло, игры, качели и т. д. бываютъ безъ дѣвушекъ? Вѣроятно, затворничество развито только въ городахъ, а не деревняхъ. Сватовство начинается, по словамъ г. Ястребова, по почину не жениха, а отца его. Свата зовутъ «стройникомъ» (устраиваетъ свадьбу). Получивъ согласіе родителей невѣсты, сватъ беретъ отъ нихъ дукатъ, а имъ даетъ чулки. Это называется «малымъ белегомъ» («белегъ»—знакъ согласія). Тогда же назначается время и для «великаго белега»; когда наступитъ этотъ день, въ домахъ жениха и невѣсты собираются близкіе родственники и отъ жениха посылается въ домъ невѣсты большой золотой австрійскій талеръ, нѣсколько мелкихъ золотыхъ монетъ, одна старинная серебряная и серебряный перстень – все нечетнаго числа— чтобы дѣти были мужескаго пола. Этотъ большой белегъ несетъ самъ отецъ жениха, въ сопровожденіи кума и священника. Ихъ провожаютъ пѣсней и пѣсней-же встрѣчаютъ (когда они придутъ въ домъ жениха). «Белегъ» вручается отцу невѣсты при взаимныхъ благопожеланіяхъ и потомъ кладется на особое мѣдное блюдечко, а принесенный вмѣстѣ съ белегомъ сладкій горохъ и сухой виноградъ раздаются присутствующимъ тутъ парнямъ и дѣвушкамъ. Священникъ надѣваетъ обручальный перстень невѣстѣ и спрашиваетъ, согласна ли она, съ выборомъ ея родныхъ; та киваетъ головой въ знакъ согласія. При этомъ женщины поютъ пѣсни. Въ нихъ дѣвушка проситъ мать не выдавать ее за стараго, а за молодого юнака, съ молодымъ-де и камень милъ, а со старикомъ и подушки жестки. Свекру, куму и священнику даютъ подарки (обыкновенно чулки), а жениху особый подарокъ (шелковая рубашка и т. д.). Провожаютъ сватовъ пѣсней, а въ домѣ жениха опять съ пѣсней же и ликованіемъ встрѣчаютъ; потомъ всѣ вмѣстѣ обѣдаютъ у жениха. Сватаются по большей части въ мясоѣдъ предъ великимъ постомъ, а вѣнчаются осенью. За два-три мѣсяца до свадьбы невѣстѣ шьютъ вѣнчальное платье и приготовляется приданое. Тутъ поется не мало прекрасныхъ пѣсенъ.

За нѣсколько дней до свадьбы невѣстѣ красятъ волосы, при чемъ она плачетъ и причитаетъ въ предчувствіи своей будущей неволи, когда она разстанется съ привольной дѣвичьей жизнью. У жениха тоже происходитъ обрядъ просѣванія муки дѣвушками, тутъ и пѣсни и шалости. Въ тотъ же день готовятъ баклагу, такъ называемую *«здравицу»* и наполняютъ ее подслащенымъ виномъ, прицѣпивъ къ ней старинную монетку, при этомъ поется пѣсня. Съ этою здравицею женихъ съ дружкомъ идутъ къ куму и приглашаютъ его на свадьбу. Пѣсни и тутъ поются. Жениху въ домахъ близкихъ родственниковъ, — которыхъ онъ приходилъ приглашать на свадьбу, дарятъ чулки, рубашки и т. д. Онъ иногда отдариваетъ. Кумъ ему даритъ барана. Свадьба начинается вечеромъ въ пятницу, тѣмъ, что дружко (момакъ) приглашаетъ родныхъ жениха и невѣсты (мужчинъ) и знакомыхъ на свадебный ужинъ, женщинъ же при-

глашатъ дружка (момковица). Предъ вечеромъ, часа за два до захода солнца дѣвушки собираются въ домъ жениха, гдѣ и остаются до вечера субботы; ночью они пляшутъ подъ звуки цыганской музыки *). Въ тотъ же вечеръ и у невѣсты на дѣвичникѣ играетъ музыка. Невѣсту одѣваютъ и на голову набрасываютъ «*мафес*»— кисейный прозрачный платокъ, потомъ сажаютъ въ переднемъ углу. По сторонамъ ея садятся всѣ приглашенныя на дѣвичникъ дѣвушки. Онѣ церемонятся другъ передъ другомъ, манерничаютъ, показываютъ притворный стыдъ и т. д. Тутъ пляшутъ «коло» и поютъ хоровыя пѣсни до зари. Свадебныя пѣсни очень хороши. На зарѣ входитъ женщина, которую считаютъ самою счастливою, и начинаетъ расчесывать волосы невѣсты, потомъ заплетаетъ ихъ во множество косичекъ, которыя спускаются по плечамъ невѣсты, а дѣвушки въ это время поютъ пѣсни.

Въ домѣ жениха въ это время послѣ ужина мужчины расходятся по домамъ а женщины и дѣвушки приготовляютъ для невѣсты вѣнчальную одежду изъ краснаго сукна, шитую золотомъ.

Эту одежду на утро понесутъ къ невѣстѣ свекоръ, кумъ и священникъ. Ихъ у невѣсты торжественно встрѣчаютъ и отдариваютъ. Вернувшись въ домъ жениха, они обѣдаютъ, а невѣсту тѣмъ временемъ одна близкая къ ней женщина купаетъ въ сахарной водѣ, чтобы она была *сладка* мужу, а потомъ подружки одѣваютъ ее въ присланныя женихомъ одежды, при этомъ онѣ поютъ пѣсню, а невѣста горько въ голосъ плачетъ. Зачѣмъ, поется въ пѣснѣ, ты обманула своего отца, не сдержала слова, что не оставишь его, и покидаешь теперь его для свекора, а мать мѣняешь на свекровь (и т. д. перечислены члены семьи), зачѣмъ ты давала слово быть дѣвушкой, а сама идешь за милаго.

Невѣста одѣта: на шеѣ у нея ожерелье изъ монетокъ, на головѣ фесочка, украшенная червонцемъ, а надъ глазами спускаются золотыя цѣпочки, называются *перишанъ*. Въ мелкихъ косичкахъ вплетены старыя монетки.

*) Музыка эта вполнѣ варварская и рѣзко противорѣчитъ поэтическимъ напѣвамъ сербскихъ пѣсенъ.

Когда невѣста совсѣмъ одѣта, то прощается со своими подругами и плачетъ навзрыдъ, потомъ со всѣми домашними и у всѣхъ ихъ цѣлуетъ руку. Тутъ отъ родни приносятъ ей подарки. Въ сумерки и къ жениху и къ невѣстѣ собираются гости.

Кума женихъ въ этотъ день въ третій разъ приглашаетъ на свадьбу. Въ селахъ, кромѣ кума, на свадьбѣ играетъ большую роль тысяцкій—старый сватъ.

Кумъ приходитъ на свадьбу торжественно: впередъ идетъ молодой мальчикъ съ вѣнцами на блюдѣ, около которыхъ посыпаны пшеница и сладкій горохъ; кума встрѣчаютъ съ почетомъ и съ пѣсней.

Женихъ съ дружкомъ цѣлуютъ у него руки, а также у кумы и ихъ свиты. Потомъ кума со свитой уводятъ въ особую, куму тоже въ особую комнату. Кумъ и кума первыя лица на свадьбѣ, для нихъ особо играетъ музыка и имъ первымъ подаютъ кушанья и т. д. Послѣ ужина пляски и пѣсни до поздней ночи кумъ остается ночевать.

Въ воскресенье рано утромъ женихъ одѣвается подъ пѣсню; въ то же время одѣваютъ и невѣсту, тоже подъ пѣсню, а поѣзжане готовятся ѣхать по невѣсту изъ дома жениха. При отъѣздѣ ихъ поется пѣсня: «Бѣла вила градъ градила». Цыгане-музыканты открываютъ свадебный поѣздъ, потомъ идетъ кумъ съ отцомъ жениха, а предъ нимъ мальчикъ съ вѣнцами; женщины слѣдуютъ позади всѣхъ. У дома невѣсты поѣздъ жениха встрѣчается пѣснею, невѣста осматриваетъ ихъ чрезъ сито и перстень. Поѣзжане входятъ въ домъ, но женихъ съ дружкомъ остаются во дворѣ.

Послѣ разныхъ обрядностей, цѣлованія деверями рукъ у кума и отцовъ жениха и невѣсты, деверьевъ впускаютъ въ комнату невѣсты. Деверь надѣваетъ ей на ноги красные сапоги, а на голову дувакъ (красный конусообразный мѣшокъ изъ прозрачной кисеи), при чемъ поется пѣсня. Невѣста даритъ деверьямъ по платочку, вышитому шолкомъ и золотомъ.

Поѣзжане затѣмъ, подъ пѣсню, выходятъ на дворъ и тамъ ждутъ, пока невѣста простится съ родней. Это прощаніе происходитъ также подъ пѣсню, невѣста же горько навзрыдъ плачетъ. Вы-

водятъ ее подъ руки братья съ платочками на плечахъ, подаренными имъ невѣстой. За невѣстой идутъ молодки; шествіе медленно направляется къ церкви. Пѣсни поютъ и поѣзжане жениха и невѣсты, а цыганская музыка гудитъ впереди. Все это вмѣстѣ, конечно, не очень-то гармонично и еслибы не удалые цыгане, то, по словамъ автора, свадебную процессію можно бы признать за похоронную. Невѣстины поѣзжане, проводивъ невѣсту въ церковь и сдавъ дружкамъ жениха, сами возвращаются въ домъ невѣсты и тамъ угощаются, чѣмъ и кончается свадьба въ домѣ невѣсты.

Въ церкви, передъ вѣнчаніемъ, дружки и дру̀жки (момки и момковицы) развязываютъ узлы на одеждахъ жениха и невѣсты, чтобы они были способны къ брачной жизни.

Послѣ вѣнчанія молодые также медленно въ сопровожденіи поѣзжанъ, съ пѣснями, направляются въ домъ жениха, гдѣ ихъ дружко обсыпаетъ ячменемъ изъ рѣшета. Послѣ нѣкоторыхъ обрядностей, напримѣръ: ставленія на голову новобрачной пирога, растаскиваемаго затѣмъ по кусочкамъ всѣми присутствующими, чествованія свекрови и т. п., невѣсту ставятъ въ уголъ «говѣть», т. е. стоять неподвижно и цѣловать руку каждому проходящему мимо ея. Поѣзжанъ угощаютъ кофе и они расходятся по домамъ, а на обѣдъ остаются кумъ со свитой, деверь, дружко и всѣ женщины. За обѣдомъ женихъ угощаетъ кума и куму и гостей сладкой водкой краснаго цвѣта. За обѣдомъ женщины поютъ пѣсни. Послѣ обѣда и новаго угощенія кума виномъ въ сѣняхъ онъ уходитъ домой. Остаются только ближайшіе родные и пируютъ всю ночь. Около полуночи отводятъ молодыхъ въ спальню. На утро невѣста даритъ жениха, (а онъ ее) подарками и всѣмъ подходящимъ къ ней поливаетъ изъ рукомойника воду, за что получаетъ отъ нихъ подарки. Молодежь составляетъ «коло». Послѣдній моментъ свадьбы — посѣщеніе новобрачныхъ роднею; это называется *первичемъ*.

Обыкновенно бываетъ ужинъ, сопровождаемый взаимными подарками.

Такъ совершается свадьба въ Призрѣнѣ.

Въ другихъ мѣстахъ Сербіи свадебные обычаи тѣ же, съ нѣкоторыми отступленіями. Въ селахъ свадебные обычаи проще и тамъ свадьбы чаще совершаются по взаимному влеченію, такъ какъ дѣвушки тамъ свободнѣе, чѣмъ въ городахъ.

Любопытная книга г. Ястребова заключается описаніемъ нѣкоторыхъ обычаевъ при рожденіи дѣтей и при погребеніи умершихъ. Къ книгѣ приложенъ небольшой словарь мало понятныхъ для русскаго сербскихъ словъ и совсѣмъ не понятныхъ турецкихъ. Рядомъ съ описаніемъ обычаевъ въ книгѣ г. Ястребова приведено 560 сербскихъ пѣсенъ. Эти пѣсни крайне интересны и по содержанію, и по языку. Безъ сомнѣнія, болгароманамъ трудно будетъ найти въ этой массѣ сербскихъ пѣсенъ какіе либо доводы въ пользу ихъ теоріи. Что касается напѣвовъ этихъ пѣсенъ, то нѣкоторые можно найти въ сборникѣ Кухача. Тамъ можно найти такія прелестныя, истинно славянскія мелодіи, которыя какъ нельзя лучше опровергаютъ ложное мнѣніе о немузыкальности сербскаго народа.

Въ заключеніе остается только сказать, что книга г. Ястребова имѣетъ и политическое значеніе, такъ какъ вопросъ о племенномъ составѣ народонаселенія Македоніи есть вопросъ первостепенной важности. Ближайшему будущему предстоитъ сдѣлать практическіе выводы изъ новыхъ фактовъ, добытыхъ нашимъ неутомимымъ изслѣдователемъ, которому пожелаемъ полнаго успѣха въ дальнѣйшей его дѣятельности

Димитрій Никольскій.

С.-Петербургъ,
13 Сентября 1886.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Въ СПб. Славянск. Благотв. Обществѣ продаются слѣдующ. книги:

— **Славянская Христоматія.** Сборникъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Составилъ **Г. Воскресенскій**, экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи. Выпускъ первый: языки древній церковно-славянскій и древне-русскій, Москва, 1882 г. стр. III+110	— р. 75 к.
— Тоже, вып. II: языки болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій. Москва 1883 г. стр. III+292	1 » 50 »
— Тоже, выпускъ III, отдѣлъ I: языки чешскій и словацкій. Москва 1884, стр, II+218	1 » 50 »
— Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, сочиненіе **Франца Миклошича**, переводъ Ник. Шлякова, **подъ редакціею Романа Брандта**. Выпускъ I. Старословенскій языкъ. Москва. 1884	1 » 50 »
— Тоже, вып. II: языки словенскій, болгарскій и сербскій. М. 1885.	1 » 50 »
— Тоже, вып III: языки малорусскій и русскій	1 » 50 »
— Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ.** Вильна. 1884 г. XXXII и 371 стр.	2 » 50 »
— Карта западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ.** Вильна. 1884.	1 » — »
— Та же карта, наклеенная на холстѣ.	1 » 50 »
— Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ. Сост. **Я. Головацкимъ.** 1884.	— » 60 »
— Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя **Я. Ѳ. Головацкимъ.** 3 тома, въ IV частяхъ. Москва. 1878.	12 » — »
— **Россія и Европа.** Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому. **Н. Я. Данилевскаго.** Спб. 1871. X и 542 стр.	3 » — »
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго и литературныя объясненія **А. Степовича.** Кіевъ. 1884	1 » — к.
— **Горные разсказы А. Ираска.** Переводъ съ чешскаго **А. Степовича** (съ литературными объясненіями). Выпускъ II.	— » 70 »
— **Славянскія нарѣчія.** Статья профессора **Гебауера.** Переводъ и примѣчанія **А. Степовича.** Кіевъ. 1882	— » 50 »
— **Анти энциклика** или братское слово къ славянамъ католикамъ. Харьковъ. 1882	1 » — »
— Сочиненія **П. Т. Морозова**, Москва 1883 г., 462 стр.	— » 60 »
— Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 78 гг., бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія **Де-Прерадовича.** Спб. 1881. 362 стр.	1 » 50 »
— **Михаилъ Андреевичъ Влугьянскій**, Статсъ-Секретарь, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ. (1769—1847). Біографическій очеркъ. 1882. 44 стр. Ц. 1 руб.	1 » — »

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

О ПРОДОЛЖЕНИИ ВЪ 1886 ГОДУ

ОБЩЕДОСТУПНАГО ЖУРНАЛА-ГАЗЕТЫ,

„БЛАГОВѢСТЪ",

Выступить въ провинціи на поприще такой литературной дѣятельности, которая, доставляя общедоступный и назидательный матеріалъ для чтенія, служила бы религіознымъ и патріотическимъ интересамъ нашего дорогаго отечества—Россіи, дѣло не легкое, чтобы не сказать много-трудное, среди того фальшиваго положенія, въ которомъ очутилась русская интеллигенція, благодаря давней среди насъ враждебной пропагандѣ. Проходя уже молчаніемъ мѣстныя дрязги, мы не можемъ не отмѣтить и другой трудности существовать въ провинціи такому изданію, какъ напр., журналъ-газета «Благовѣстъ». Наша всероссійская отвычка отъ серьезнаго чтенія и пристрастіе къ этому пустому «легкому чтенію» испортили вообще у насъ вкусъ къ чтенію; изданія же, ратующія за интересы Православія, Самодержавія и Русской народности, среди органовъ фальшивой печати на Руси,—изданія подобныя «Благовѣсту», заслуживаютъ полнаго вниманія всѣхъ сыновъ отечества. Не смотря, однако, на трудность своего настоящаго положенія, журналъ-газета «Благовѣстъ», въ сознаніи своей благовременности и полезности, будетъ съ Божіею помощью издаваться и въ слѣдующемъ 1886 г., т. е. **четвертомъ** уже со дня своего начала. Уповаемъ, что настанетъ время, когда притихнутъ въ Россіи иноземщина и иновѣрщина, когда згинетъ этотъ русскій либерализмъ, т. е. всеобщая наша распущенность, а пока.... мы находимъ нужнымъ благовѣстить о Православной-русской и вѣрноподданической правдѣ и чуждой кривдѣ на святой Руси.

Программа нашего журнала-газеты «Благовѣстъ» и на слѣдующій годъ остается прежняя:

I. Обозрѣніе текущей Церковно-общественной жизни въ Россіи и за-границею, въ ея современныхъ проявленіяхъ, мѣропріятіяхъ и пр.

II. Корреспонденціи о замѣчательныхъ почему-либо новостяхъ и событіяхъ въ области духовно-нравственной.

III. Очерки, разсказы, жизнеописанія, путешествія, краснорѣчіе, церковная старина, стихотворенія и пр.

IV. Обозрѣніе современной печати, отечественной и иностранной, по вопросамъ духовно-нравственнымъ, рецензіи книгъ и т. п.

V. Отвѣты редакціи и объявленія.

Журналъ-газета «Благовѣстъ» выходитъ по прежнему два раза въ мѣсяцъ, въ объемѣ отъ одного до двухъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе **ПЯТЬ руб. сер.**, съ доставкою городскимъ подписчикамъ и съ пересылкою иногороднымъ, а за полугодіе **ТРИ руб. сер.** Розничная продажа по 25 к. с. за №. Объявленія для напечатанія въ журналѣ-газетѣ «Благовѣстъ», оплачиваются по 8 коп. сер. за строчку петита.

Допускается разсрочка подписной платы, по соглашенію съ Редакціею.

Подписка на журналъ-газету «Благовѣстъ» принимается **исключительно** въ г. Харьковѣ, въ Конторѣ Редакціи журнала-газеты «Благовѣстъ», на Екатеринославской улицѣ, въ домѣ Священника П. С. Мигулина, № 57/76. Контора открыта ежедневно, отъ 9-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни. Личныя объясненія по дѣламъ Редакціи могутъ быть ежедневно, отъ 12 часовъ дня до 4 часовъ пополудни.

Всякую переписку просимъ отправлять исключительно на имя Редактора-Издателя.

Редакторъ-издатель **Гр. Кулжинскій.**

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В Итальянская, № 11.

Въ помѣщенiи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующiя книги:

а) Изданiя Общества.

1. **Славянскiй Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехiя и Моравiя.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Боснiи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскiе ужасы и Восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнiя Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизацiя Балтiйскихъ Славянъ.** Изслѣдованiе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторiя Пряшевской епархiи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодiева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторiи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и Славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Iоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображенiемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ. . — » 10 »
13. **Русско-Сербскiй словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованiя С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собранiй его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссiйская этнографическая выставка и Славянскiй съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . — » 50 »
2. **Сказанiя мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстанiе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотворенiй, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованiи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношенiи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленiемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватiя, Славонiя, Далмацiя и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскiй Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгрiи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнiю**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссiи*, безъ уступки) . . . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky.** S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссiи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскiй мiръ** А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библiя.** . . . . 2 » 80 »

Примѣчанiя: 1. Православному духовенству, учебнымъ заведенiямъ и библiотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданiя и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданiй и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданiй и книгъ въ провинцiю и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

Редакторы Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

ИЗВѢСТІЯ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО

СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 10

ОКТЯБРЬ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 10. **Октябрь.** **1886 г.**

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотврительнаго Общества, состоявшихся 7 и 21 Сентября, между прочимъ, постановлено: *въ первомъ*: а) назначить въ пособіе по 25 р. въ мѣсяцъ, до 1 января 1887 г., 2 сербамъ, 1 черногорцу и 2 болгарамъ, слушающимъ курсы въ Военно-Медицинской Академіи и С.-Петербургскомъ Университетѣ, и за 3 изъ нихъ уплатить за слушаніе лекцій; б) продолжить стипендію 1 черногорцу, находящемуся въ 8 классѣ одной изъ петербургскихъ гимназій; в) выдать въ пособіе 3 добровольцамъ 155 р. и 5 сербамъ 125 р. и г) утвердить расходы, произведенные съ 19 августа по 7 сентября, на 1250 р. 15 к. и *во второмъ*: а) выдать въ пособіе: 2 болгарамъ, 1 сербу и 4 галичанамъ 605 р. и 4 добровольцамъ 30 р.; б) просьбы 2 сербовъ, о назначеніи имъ стипендій, отослать по принадлежности, на зависящее распоряженіе, въ Азіатскій Департаментъ; б) просьбу 1 болгарина, о пособіи, отослать въ Русское Консульство въ Рущукѣ, а просьбу другаго болгарина о пособіи отослать въ Правленіе Московскаго Университета, съ просьбою доставить по оной заключеніе и в) утвердить расходы, произведенные съ 7 по 21 сентября, на 1193 р. 35 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 сентября по 1 октября 1886 г. поступило: а) изъ церковныхъ кружекъ г. С.-Петербурга: причта Митрофановско-Кладбищенской церкви—12 р. 92 к. и С.-Петербургской духовной консисторіи—191 р. 28 к.; б) иногородныя: чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: Бѣльскаго уѣзда, свящ. П. Соколова—5 р. 65 к.; Вологодскаго уѣзда, 1 округа свящ. Н. Духовникова—6 р.; г. Вѣрнаго, Туркестанской духовной консисторіи — 20 р. 79 к.; г. Вятки, 2 округа, прот. А. Князева—4 р. 26 к.; Данковскаго уѣзда, 3 округа, свящ. І. Муратова—4 р. 25 к.; Ефремовскаго уѣзда, 1 округа, прот. Н. Гастева — 9 р.; Златоустовскаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Кострова—2 р.; Игуменскаго уѣзда, 1 округа, прот. І. Фалевича—5 р. 67 к.; г. Казани, прот. II. Воздвиженскаго—7 р. 40 к.; и изъ уѣзда, свящ. І. Черкасова—7 р. 30 к.; Кобелякскаго уѣзда, 4 округа, свящ. П. Киріева — 5 р. 40 к.; Ковровскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Н. Любимова — 6 р.; г. Костромы, духовной консисторіи—2 р. 35 к.; Котельничскаго уѣзда, 3 округа, свящ. М. Агафонинова — 10 р.; Лохвицкаго уѣзда, свящ. II. Колесникова—5 р. 39 к.; Лукояновскаго уѣзда, 2 округа, свящ. Г. Гуляева—1 р. 70 к.; Могилевскаго уѣзда, 4 округа, свящ. В. Стефановскаго—12 р.; Ольгопольскаго уѣзда, 5 округа, свящ. Литвиновскаго — 5 р. 4 к.; Орловскаго уѣзда, 3 округа, свящ. А. Острова—4 р. 50 к.; Петергофскаго уѣзда, прот. І. Ѳаворскаго—9 р. 50 к.; Рязанскаго уѣзда, 1 округа, прот. П. Павлова—14 р.; Сарапульскаго уѣзда, 1 округа, свящ. М. Напольскаго — 6 р.; г. Симферополя, Таврической духовной консисторіи—73 р. 42 к.; Солигаличскаго уѣзда, 2 округа, прот. А. Каллистова—3 р.; Судогож-

скаго уѣзда, 1 округа, свящ. П. Обтемперанскаго—4 р.; Тамбовскаго уѣзда, 1 округа, свящ. І. Боголѣпова — 5 р. 88 к.; изъ Финляндіи, священника П. Аннинскаго — 11 р. 49 к.; Цивильскаго уѣзда, 2 округа, свящ. А. Алтарева — 6 р. 90 к.; 1 округа, свящ. В. Ильинскаго—7 р. 45 к.; и г. Чернигова, отъ духовной консисторіи — 3 р. 68 к.; итого 474 р. 22 к., а съ прежде поступившими — 5,783 р. 9 к.

Кружечный сборъ въ православныхъ русскихъ церквахъ «въ пользу нуждающихся славянъ».

Святѣйшій Синодъ, по ходатайству Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, опредѣленіемъ отъ 21—29 декабря 1883 г., за № 2670, разрѣшилъ: выставлять въ церквахъ кружки для сбора пожертвованій „въ пользу нуждающихся славянъ“.

Во исполненіе сего опредѣленія мѣстными епископами, по просьбѣ Совѣта Славянскаго Общества, было предложено православному духовенству принять соотвѣтствующія мѣры къ разстановкѣ въ церквахъ кружекъ для сбора пожертвованій «въ пользу нуждающихся славянъ».

Тѣмъ не менѣе сборъ этотъ въ 1885 году производился не во всѣхъ епархіяхъ. Поэтому Совѣтъ Славянскаго Общества въ началѣ текущаго года вновь обратился къ епархіальнымъ преосвященнымъ съ почтительнѣйшею просьбою—сдѣлать зависящее распоряженіе о повсемѣстномъ производствѣ въ церквахъ кружечнаго сбора «въ пользу нуждающихся славянъ».

Изъ полученныхъ нынѣ сообщеній видно, что такія распоряженія сдѣланы до настоящаго времени высокопреосвященными: Исидоромъ, митрополитомъ Новгородскимъ, С.-Петербургскимъ и Финляндскимъ, архіепископами: Алексѣемъ, Литовскимъ и Виленскимъ, Амвросіемъ, Харьковскимъ и Ахтырскимъ, **Веніаминомъ**, Иркутскимъ и Нерчинскимъ, **Іоанномъ**, Полтавскимъ и Переяславскимъ, **Леонтіемъ**, Холмскимъ и Варшавскимъ, Митрофаномъ, Задонскимъ и Новочеркасскимъ, Палладіемъ, Волынскимъ и Житомірскимъ, Саввою, Тверскимъ и Кашинскимъ, Ѳеогностомъ, Владимірскимъ и Суздальскимъ и Ѳектистомъ, Рязанскимъ и Зарайскимъ и преосвященными: Александромъ, Костромскимъ, Антоніемъ, Пензенскимъ и Саранскимъ, Варсонофіемъ, Симбирскимъ и Свіяжскимъ, Веніаминомъ, Черниговскимъ и Нѣжинскимъ, Виталіемъ, Тамбовскимъ и Шацкимъ, Гермогеномъ, Псковскимъ и Порховскимъ, Евгеніемъ, Астраханскимъ и Енотаевскимъ, Израилемъ, Вологодскимъ и Устюженскимъ, Макаріемъ, Оренбургскимъ и Уральскимъ, Маркелломъ, Полоцкимъ и Витебскимъ, Мартиніаномъ, Таврическимъ и Симферопольскимъ, Михаиломъ, Курскимъ и Бѣлградскимъ, Наѳанаиломъ, Архангельскимъ и Холмогорскимъ, Неофитомъ, Туркестанскимъ и Ташкентскимъ, Несторомъ, Смоленскимъ и Дорогобужскимъ, Павломъ, Олонецкимъ и Петрозаводскимъ, Павломъ, Саратовскимъ и Царицынскимъ и Сергіемъ, Могилевскимъ и Мстиславскимъ.

Редакція «Извѣстій», по просьбѣ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, считаетъ долгомъ довести объ этомъ до свѣдѣнія гг. подписчиковъ на «Извѣстія».

Въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество въ «*Издательскій* капиталъ имени Ивана Сергѣевича Аксакова», съ 1 августа по 1 Октября поступило: отъ высокопреосвященнаго Іонаѳана, архіепископа Ярославскаго и Ростовскаго—25 р., отъ Я. П. Семенова — 10 р., отъ кн. В. Е. Дабижа — 10 р., отъ М. М. Янко — 5 р., отъ І. І. Вилямовскаго—3 р. и отъ кн. Н. І. Крапоткина—3 р., итого 56 р., а всего съ прежде поступившими 4.047 р. 75 к.

II. Славянское обозрѣніе.

Въ Болгаріи отъ 10 по 31 августа.

Мы ѣхали изъ Одессы на пароходѣ кн. Гагарина «Болгарія». — Въ воскресенье 10 авг. подошли къ Силистріи. — На пароходъ взошли вмѣстѣ съ агентомъ общества мѣстные околейскій начальникъ и приставъ и сообщили, что высаживаться на берегъ нельзя, такъ какъ обратно на пароходъ пассажиры не пускаются. — Почему такъ? Сначала отвѣчали незнаніемъ, но потомъ агентъ, когда ушли полицейскіе, сказалъ, что князь вчера низверженъ и въ странѣ объявлено военное положеніе.—Подробностей однако никакихъ извѣстно не было.

Правда, что положеніе князя съ 1883 года, т. е. со времени отставки генераловъ Соболева и Каульбарса въ сентябрѣ, когда онъ явно сталъ проявлять свои антирусскіе замыслы, стало колеблющееся, но все таки не вѣрилось, что онъ дѣйствительно низвергнутъ, такъ какъ окружающіе его были все люди дѣйствительно

связанные съ нимъ крѣпко, ибо ихъ счастіе безусловно зависѣло отъ него, и съ его паденіемъ и они должны были пасть безвозвратно. Вѣроятнѣе казалось, что его клевреты устроили какую нибудь комедію, т. е. фиктивно его арестовали и фиктивно призовутъ его чрезъ послушное имъ народное собраніе къ власти и такимъ образомъ какъ бы укрѣпятъ его шатающійся престолъ...

Слѣдующая станція Тутроканъ, но и тамъ то-же что и въ Силистріи, и узнать ничего не пришлось; вечеромъ пришли въ Джуржево (противъ Рущука); здѣсь пароходъ спитъ; здѣсь уже разсказывали подробности объ арестѣ князя, говорили, что онъ былъ на маневрахъ въ Видинѣ и его окружили крестьяне, или переодѣтыя крестьянами лица и заставили подписать отреченіе.—Другіе говорили, что онъ арестованъ въ Софіи, — такъ что положительнаго и здѣсь ничего не было. — Одно только знали, что съ праваго берега никого не выпускаютъ и туда не подпускаютъ.

Недалеко отъ пристани въ маленькой турецкимъ башмачкомъ выглядывающей лодочкѣ, сидѣли двое рыбаковъ, одинъ пожилыхъ лѣтъ съ большой бѣлесоватой бородой, другой мальчикъ; я остановился противъ нихъ, сказалъ по румынски buona serra (добраго вечера), они посмотрѣли и отвѣчали по—русски.

— Вы русскіе?

— Русскіе.

— Давно здѣсь живете?

— Годовъ пятьдесятъ будетъ. Мы выселенцы, значитъ мы Липованы, може слыхали? А вы куда ѣдете?

— Въ Болгарію.

— Въ Болгарію!? да тамъ теперь что творится, Господь одинъ вѣдаетъ. — Сегодня за нами гнались, гнались, какъ словно бѣлены объѣлись.—Ну не смогли, наша-то лодка не ихней чета. — Ужь народецъ; никакой, то есть управы нѣтъ, жилось только до той поры какъ русскіе были; а съ прошлой осени шабашъ, какъ словно ошалѣли; просто житья отъ нихъ нѣтъ.

Подъ туркой жили, ей—Богу, во сто разъ было спокойнѣе.

То войну, затѣяли съ Сербомъ, а то, вишь было съ турчиномъ подрались; а теперь князя выгнали;—выдумали какую то ликвизицію—а по этой ликвизиціи всё, вишь, отдай, что имъ потребуется, и хлѣбъ давай, и сѣно давай, и лошадь, облюбовали, давай, и буйвола и сыновей подай.—Ей—Богу подъ турецкой державой не было этакого времени. — Ждемъ не дождемся землячковъ, безъ нихъ у насъ толку не будетъ. — Не слыхали ли, не поговариваютъ ли у васъ чего нибудь, не собираются?

Я увѣрилъ собесѣдника, что скоро все должно кончиться и что придутъ ли землячки, не придутъ ли, но порядокъ будетъ возстановленъ.

— Дай-то, Господи, поскорѣеча.

Видимо, что у рыбака накипѣло на душѣ, что онъ такъ ждетъ землячковъ.—Но не онъ одинъ такъ думаетъ, его мысли—мысли всякаго болгарина; за исключеніемъ лишь тѣхъ, которыхъ князь, для того чтобъ поддержать себя на престолѣ, осыпалъ разными дарами; но къ симъ послѣднимъ принадлежатъ люди, не пользующіеся въ странѣ никакой популярностью.

Стемнѣло, туманъ палъ на воду, рыбаки, поставивши верши, уѣхали восвояси.

Въ понедѣльникъ въ 9 часовъ утра мы тронулись къ Рущуку. Тутъ узнали, что изъ города впускаются и выпускаются всѣ свободно. Я сходилъ въ русское консульство и тамъ узналъ, что отъ русскаго правительства есть отзывъ на донесеніе временнаго правительства о низверженіи Баттенберга. Въ немъ говорилось, что революціонныя движенія никогда не одобряются русскимъ правительствомъ; но тѣ изъ болгаръ, которые стремятся къ водворенію въ странѣ тишины и спокойствія, всегда могутъ разсчитывать на его поддержку и замѣчено также, что объ оккупаціи Болгаріи русское правительство и не думаетъ. Тутъ продавались уже прокламаціи новаго правительства къ народу, съ объявленіемъ членовъ правительства и членовъ министровъ; въ нихъ фигурировали лица, безусловно преданныя Россіи. Здѣсь узналось, что войска Рущука присягнули временному правительству. Составлялись разные планы объ очищеніи Болгаріи отъ негодяевъ; о способахъ не выпустить ихъ за границу, такъ какъ нѣкоторые убѣжали; такъ напримѣръ Захарій Стояновъ—авторъ 6 сентября—бѣжалъ въ Джуржево; бѣжали и

капитаны «Голубчика» и «Опыта»—капитаны, выписанные княжескимъ правительствомъ изъ Женевы, гдѣ они проживали какъ русскіе эмигранты. Всѣмъ какъ будто дышалось свободнѣе. Говорили даже о кандидатахъ на вакантный престолъ.

Въ часъ пароходъ отплылъ къ Систову,—куда присталъ въ $5^1/_2$ вечера,

Тутъ я долженъ былъ высадиться, такъ какъ по дѣламъ нужно было остаться въ Систовѣ недѣли двѣ. На вопросъ: что новенькаго? отвѣчали, что особеннаго ничего, но дружина еще не присягала и сейчасъ будетъ совершаться этотъ обрядъ въ лагерѣ; но всѣ были убѣждены, что все пройдетъ благополучно, такъ какъ въ воскресенье была сходка гражданъ, въ которой постановили выразить благодарность временному правительству за освобожденіе отъ князя и въ ней приняли участіе и офицеры, какъ охранители порядка, въ случаѣ возможнаго нападенія кого-либо изъ приверженцевъ измѣнника. Дѣйствительно, дружина присягнула. На слѣдующее утро, во вторникъ, говоря съ однимъ знакомымъ о текущихъ дѣлахъ, коснулись и присяги; онъ мнѣ сказалъ: да вѣдь, чиновники не присягали, а офицеры не стѣсняясь говорятъ, что они клялись адвокатски; т. е. что имъ можно быть, по данной ими клятвѣ, за кого они пожелаютъ. Изъ Софіи не получено никакихъ извѣстій отъ воскресенья. Неизвѣстность всѣхъ мучила. Строились самыя фантастическія предположенія. Наконецъ вечеромъ продаютъ телеграмму: Воинскому начальнику. Систово. «Главно-«командующій майоръ Груевъ и временное «правительство дало отставку, составилось «новое правительство подъ предсѣдатель-«ствомъ Каравелова; за всѣмъ относитесь «въ военное министерство. Военный ми-«нистръ майоръ Пановъ. Систовскій ко-«мендантъ капитанъ Николаевъ. 12 авгу-«ста 1884 г.»

Видимо было, что въ Софіи творится что-то неладное, такъ какъ майоръ Пановъ есть человѣкъ преданный князю. Часовъ въ 7 вечера пріѣхалъ изъ Тырнова Градинаровъ, одинъ изъ дѣятельныхъ помощниковъ Каравелова и извѣстилъ, что князь возвращается обратно въ Болгарію, такъ какъ его изгнаніе было совершенно несогласно съ видами русскаго правительства, и что тырновская дружина идетъ въ Систово, чтобъ его встрѣтить, такъ какъ онъ пріѣдетъ сегодня вечеромъ. Долго не колеблясь, наша дружина снова присягаетъ князю. Въ городѣ стоитъ какой-то гамъ, зачѣмъ-то билъ продолжительно барабанъ, зачѣмъ-то трубила какая-то труба, полицейскіе сновали, солдаты бѣгали, офицеры скакали, попы торопились, мальчишки галдѣли, мѣстами происходили драки. Смерклось и стемнѣло, но гамъ висѣлъ въ воздухѣ. Внизу на пристани, на берегу Дуная, столпилось множество праздныхъ зрителей, кофейни были полны офицерами, солдатами, чиновниками — которые почти всѣ были пьяны: они ждали князя, ибо Градинаровъ сказалъ, что онъ пріѣдетъ; но прождавши часовъ до 12, толпа разошлась по домамъ, ибо видѣла, что введена въ заблужденіе. И тырновская дружина, конечно, не пришла, и даже не думала трогаться съ мѣста. Серьезные люди задумались, въ особенности тѣ, которые брали живое участіе въ борьбѣ съ Каравеловымъ и кабинетомъ, а слѣдовательно и съ княземъ. Предчувствовалось что-то недоброе, никому не вѣрилось, что князь можетъ вернуться, но всѣ видѣли, что власть перешла въ руки приверженцевъ его, которые, будучи анархистами, не постоятъ ни предъ какими средствами лишь бы достигнуть возвращенія князя, ибо безъ него имъ нѣтъ спасенія.

Въ среду узнали, что князь былъ сданъ въ Рени въ понедѣльникъ, 11-го и оттуда уѣхалъ въ Австрію; узнали также, что майоръ Груевъ и капитанъ Бендеревъ, пытаясь бѣжать чрезъ Ряхово, были пойманы и содержатся подъ строгимъ арестомъ; услыхали, что митрополитъ Климентъ заточенъ въ тотъ монастырь, гдѣ сидѣлъ князь, и всѣ члены временнаго правительства сидятъ въ Черной джаміи. Всѣ задавали другъ другу вопросъ: *Что же дядо Иванъ?* *), такъ какъ кромѣ него и Бога ждать спасенія не откуда. Въ особенности трусили священники, которые уже поминали на ектеніяхъ и на великомъ выносѣ Императорскій домъ.

---

*) Подъ именемъ «*дядо Иванъ*» въ Болгаріи извѣстенъ русскій царь; говорятъ еще «*онъ*»; эти термины выдуманы въ турецкое время для того, чтобъ не было ясно туркамъ, что говорятъ о русскомъ.

Цѣлая недѣля прошла какъ кошмаръ. Ни одной депеши, ни одного частнаго письма ни откуда; газетъ не впускали; болгарскія же прекратились; питались одними только слухами, что тотъ-то арестованъ, такой-то битъ, такой-то изувѣченъ и умеръ, такой-то не подаетъ надеждъ, уже пріобщали и т. п. слухи; много лицъ эмигрировали заграницу.

Наконецъ, въ субботу, 16 числа появилась въ продажѣ телеграмма отъ окружнаго управленія: «Изъ Лемберга въ Трново. Предсѣдателю народнаго собранія Стамбулову: сообщите народу и войску, что завтра, въ воскресенье, рано пріѣзжаю въ Рущукъ, откуда поѣду въ Софію, чтобъ вступить въ данную мнѣ Божьею милостію и народною волею княжескую власть». Александръ.

Немногіе повѣрили въ истинность этой депеши; тѣмъ болѣе, что пріучились уже слышать изъ устъ державнаго главы только ложь.

Въ воскресенье барабанщикъ, ходя по городу, читалъ приказъ окружнаго управителя объ украшеніи города флагами, угрожая въ противномъ случаѣ штрафомъ въ 20 франковъ.—Готовились къ дѣйствительной встрѣчѣ.—Появилась слѣдующая прокламація:

Прокламація болгарскому народу.

Такъ какъ софійскій переворотъ былъ причиною невольнаго удаленія изъ предѣловъ нашего отечества на неизвѣстное время Нашего возлюбленнаго Государя Александра I, объявляю, что въ его отсутствіе, согласно 19 статьѣ конституціи, управленіе страною отъ имени Его Высочества возлагается на намѣстничество, состоящее изъ предсѣдателя народнаго собранія С. Стамбулова, какъ предсѣдателя намѣстничества, и изъ членовъ П. Славейкова и Д-ра Странскаго. — Главнокомандующимъ всего войска назначается подполковникъ Муткуровъ. Министерство образуется изъ слѣдующихъ лицъ: В. Радославовъ министръ-президентъ, Г. Начевичъ — иностранныхъ дѣлъ, исповѣданій и финансовъ, подполковникъ Николаевъ—военный, Д. Тучевъ—правосудія, Г. Живковъ—просвѣщенія.

Повѣряя именемъ Его Высочества вышепомянутымъ лицамъ защиту и управленіе отечества, объявляю, что употребятся всѣ зависящія отъ насъ старанія для сохраненія порядка и тишины, и для водворенія законнаго порядка въ странѣ и для обезпеченія жизни, имущества и чести всѣхъ живущихъ въ Болгаріи. До возвращенія Его Высочества князя Александра I на Болгарскій престолъ государство будетъ управляться именемъ Его Высочества и согласно съ дѣйствующими законами и обычаями. — Приглашаю болгарскихъ гражданъ подчиняться законно поставленнымъ властямъ и исполнять безпрекословно всѣ ихъ приказанія и распоряженія. Будучи глубоко убѣжденъ, что всѣ болгарскія граждане намъ подадутъ свою помощь, дабы спасти отечество отъ гибельной пропасти, въ которую вверглн его авторы софійскаго переворота, призываю Божью помощь на всѣ дѣла и начинанія. Да живѣе Болгарія! Да живѣе Его Высочество Болгарскій князь Александръ I. Предсѣдатель Народнаго Собранія С. Стамбуловъ.

Когда появилась эта прокламація, всѣ уразумѣли, что всѣ слухи о томъ, что князь снискалъ себѣ прежнее покровительство Государя, есть ложь, ибо всѣ члены новаго регентства и кабинета суть отъявленные враги Россіи; и въ числѣ ихъ этотъ злой геній Болгаріи Григорій Начевичъ, который есть причина или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ видныхъ факторовъ во всѣхъ послѣднихъ событіяхъ въ Болгаріи; я говорю о послѣднихъ трехъ годахъ, т. е. со времени удаленія генерала Соболева *). Онъ искреннiй другъ князя во всѣхъ его начинаніяхъ.

Рано утромъ, въ воскресенье читалась прокламація князя о возвращеніи въ Бол-

*) Есть люди, которые инстинктивно ненавидятъ другъ друга, не давая себѣ отчета, почему это такъ—это можно сказать и о Григоріи Начевичѣ; онъ ненавидитъ Россію и все русское. — Нѣсколько лѣтъ до освобожденія Болгаріи, въ Систовѣ, во время одного засѣданія горожанъ, гдѣ разсуждали о способахъ освобожденія отъ туровъ, священникъ Іоаннъ сказалъ, что пока живъ русскій царь, нечего намъ изыскивать средствъ; надо терпѣть и ждать; придетъ часъ, и онъ насъ освободитъ. Григорій Начевичъ, бывшій въ засѣданіи, едва не убилъ стуломъ священника за то, что онъ позволилъ произнести имя русскаго царя.

гарію; на площади служился торжественно молебенъ о благополучномъ спасеніи его. Не забудьте, что тѣ же священники, назадъ тому недѣлю въ присутствіи тѣхъ же властей служили молебенъ о счастливомъ избавленіи отъ ига ненавистнаго нѣмца. Какъ тогда, такъ и теперь войска присутствовали въ парадной формѣ.

Молебенъ заключили пушечные выстрѣлы. Вечеромъ пришли извѣстія, что князь прибудетъ въ Рущукъ,—и завтра утромъ, т. е. въ понедѣльникъ прибудетъ въ Систово.

Сдѣлаю отступленіе о пребываніи Баттенберга въ Рущукѣ. Я уже говорилъ раньше, что новое регентство распустило слухъ, что Государь не доволенъ переворотомъ 9 августа и помиловалъ князя, и, слѣдовательно, князь, возвращаясь въ Болгарію, долженъ былъ показать чѣмълибо, что онъ дѣйствительно пользуется расположеніемъ, или по крайней мѣрѣ нормальнымъ отношеніемъ къ русскому правительству. Будучи изощреннымъ въ искусствѣ въ глазахъ людей переметывать карты, и въ этотъ разъ онъ не преминулъ своимъ поведеніемъ помрачить всѣхъ, видѣвшихъ встрѣчу его. Онъ очень искусно воспользовался присутствіемъ русскаго генеральнаго консула на пристани. Онъ его сталъ лобызать Іудинымъ лобзаніемъ, и при этомъ, само собою разумѣется, проронилъ слезу умиленія, какъ это онъ имѣетъ обыкновеніе дѣлать, если хочетъ расположить къ себѣ человѣка; и это лобзаніе въ глазахъ толпы, конечно, было достаточно убѣдительнымъ, что князь возвращается волею Государя. И этого мало. Онъ, будучи приглашенъ отъ города на банкетъ въ честь его прибытія, отказался, говоря, что онъ принимаетъ русскаго консула. Это еще болѣе укрѣпило толпу въ мысли, что между русскимъ правительствомъ и княземъ существуютъ, по крайней мѣрѣ, нормальныя отношенія. Всѣ эти явленія были сообщены подробно по весямъ, селамъ и городамъ и телеграфически, и письменно, и устно. Рано утромъ въ понедѣльникъ пушечный выстрѣлъ оповѣстилъ Систово, что гость ѣдетъ; лавки затворились, колокола зазвонили, барабанъ забилъ, народъ засуетился; малые и большіе шли посмотрѣть, какъ пріѣдетъ князь и какой онъ? такой же ли все или перемѣнился послѣ 1881 года, когда устроилъ въ Систовѣ первый переворотъ. Чтобъ встрѣча была трогательная, роли встрѣчающихъ строго были распредѣлены. Князь пріѣхалъ на яхтѣ,—въ свитѣ его не было ни одного порядочнаго человѣка и замѣчательно, что не смотря на упорно распространявшіеся слухи о возстановленныхъ отношеніяхъ къ Россіи, почти никто изъ почтенныхъ лицъ города не вышелъ его встрѣтить, и князь замѣтилъ, что встрѣчаютъ его люди ему неизвѣстные. При выходѣ изъ яхты дружинный командиръ, не смотря на то, что князь былъ одѣтъ въ гражданское платье, въ то, которое надѣли на него послѣ ареста, подошелъ съ рапортомъ, но князь отклонилъ его. Окружный управитель, приказавшій назадъ тому недѣлю выкинуть изъ всѣхъ канцелярій портреты князя и молившійся на благодарственномъ молебнѣ о счастливомъ избавленіи отъ нѣмца, теперь говорилъ прочувствованную рѣчь о чувствахъ округа къ державному главѣ; городской кметъ, проливъ слезу умиленія, привѣтствовалъ князя отъ лица благодарныхъ гражданъ, назадъ тому недѣлю составившихъ сходку, въ которой благодарили временное правительство, что, наконецъ, выгнало народнаго убійцу Баттенберга и т. д., и т. д. По мановенію перста окружнаго управителя запасные, украшенные знаками отличія за братоубійственную войну, ринулись къ подножію ногъ Баттенберга, схватили его и, кажется, и его брата, и устремились по набережной; солдаты надрывались, крича ура; на половинѣ дороги посадили дорогую ношу въ фаэтонъ, выпрягли лошадей, и впряглись сами и такъ повезли ее въ соборную церковь, гдѣ принесли еще разъ благодарственную молитву за благополучное избавленіе отъ покушенія.

Изъ собора, князь поѣхалъ закусить къ Филиппу Марянову, куда собрались и его клевреты. Тамъ-то проливалъ онъ слезы раскаянія и воздыхалъ о освободительницѣ, покровительницѣ Россіи, о ея благоволеніи, о отличномъ пріемѣ сдѣланномъ ему въ Россіи и Австріи, о скоромъ пріѣздѣ въ Болгарію генерала Долгорукова, о пріѣздѣ офицеровъ и вообще объ скоромъ поправленіи всѣхъ золъ внѣшнихъ

и внутреннихъ. Слушатели умилялись, и скоро проводивши оратора, пустились распространять и провозвѣщать слышанныя изъ устъ его исповѣди. Одного никому никакъ не могли объяснить: *если князь пользуется благоволеніемъ Россіи, какимъ же образомъ ѣдетъ въ страну, окруженный анархистами? И зачѣмъ—выѣзжаетъ не въ Софію, какъ обѣщалъ въ депешѣ, а въ Тырново?*

Какъ бы то ни было князь въѣхалъ въ страну—и въ Тырновѣ продолжалъ увѣрять толпу, что онъ примирился съ Россіею и что теперь будетъ медъ и масло. Неистовства калифовъ на часъ начались повсюду. Въ Варнѣ выгнали митрополита Симеона, и онъ живетъ по сей день въ изгнаніи. Въ Рущукѣ били и истязали людей безъ всякихъ основаній и для этой цѣли былъ отчисленъ окружной управитель, и на его мѣсто назначенъ другой—бессарабецъ Мантовъ, выгнанный изъ Румыніи за конокрадство; этотъ безжалостно свирѣпствовалъ тамъ цѣлую недѣлю. Когда митрополитъ Григорій, какъ я слышалъ, по просьбѣ женъ заключенныхъ, пошелъ усовѣщивать правителя, онъ выгналъ архипастыря словами: «вонъ, оселъ, а то и тебѣ будетъ то-же». Нападали на улицахъ и били, призывали повѣстками въ канцеляріи и били; словомъ, ужасъ настадъ такой, какого не испытывали, какъ говорятъ, при Митхадѣ-пашѣ. Такъ шло до понедѣльника, т. е. до 25 августа нов. ст., дня, когда князь объявилъ, что онъ принужденъ оставить Болгарію. Но надежда на спасеніе пробудилась раньше, именно когда въ привезенныхъ изъ Румыніи газетахъ, прочитали телеграмму отъ Государя Императора къ князю, въ которой порицалось возвращеніе его въ Болгарію; эта депеша была напечатана во всѣхъ газетахъ крупнѣйшими буквами; но на болгарскомъ языкѣ или на русскомъ мнѣ не пришлось видѣть ни одного экземпляра; вообще отъ 6 сентября, болгарское правительство всѣми средствами скрывало отъ народа телеграммы русскаго правительства, такъ какъ въ нихъ народъ могъ увидать, что Россія противъ того, что продѣлываетъ князь, подкрѣпленный своимъ правительствомъ. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Содержаніе знаменитой депеши Русскаго Царя всѣмъ извѣстно.

Какъ же пало временное правительство, которое совершило патріотическій подвигъ низверженія князя? Можно думать, что виновникомъ всему Стамбуловъ, предсѣдатель народнаго собранія.

Вопросъ объ изгнаніи князя, вопросъ вовсе не новый—онъ существовалъ съ 1883 года; тогда еще предназначалось его низверженіе; но тогда, благодаря предательскому дѣйствію нѣкоторыхъ лицъ, взявшихъ участіе въ дѣлѣ, послѣднее не состоялось. И отъ той поры княженіе Баттенберга стало проблематично. Преслѣдуя свои личныя цѣли т. е. доставать себѣ больше денегъ, Баттенбергъ любилъ устраивать смуты, перевороты, перемѣны министерствъ, раздѣленіе партій на подпартіи, любилъ заниматься сплетнями между дипломатическими агентами; и надо замѣтить, онъ замѣчательно изощрился въ этихъ дѣлахъ. Онъ умѣлъ дѣйствовать на людей обаятельно; и многіе горько платились за свое заблужденіе. Онъ былъ человѣкъ, который способенъ обнимать одной рукой, а другой невидимо пронзать ножемъ. Какъ всѣ перевороты, такъ и филиппопольскій 6 сентября онъ затѣялъ съ цѣлью понажиться и пожалуй укрѣпить расшатанный тронъ. Что онъ сталъ во главѣ революціи—это безусловная истина. Въ августѣ 1885 г., путешествуя по Европѣ, онъ посѣтилъ г. Гирса въ Франценсбадѣ и безбожно лгалъ ему, что объ соединеніи нѣтъ и помину, и что онъ ничего не знаетъ; онъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ послалъ съ открытымъ письмомъ болгарскаго офицера Паницу въ Румелію, чтобъ поднимать населеніе противъ генералъ-губернатора, обѣщая соединеніе съ княжествомъ. Не чуждъ князь и македонскому движенію въ прошломъ году. Такъ что, говоря обыкновеннымъ языкомъ, Болгаріей 2 года и 2 мѣсяца владѣла шайка темныхъ людей; въ ней можно было найти какихъ угодно сортовъ преступниковъ и рецедивистовъ; я это говорю не для краснаго словца, а могу указать всѣхъ поименно, но только не стоитъ; и атаманомъ этой шайки былъ Александръ Баттенбергъ. И результатъ властвованія этой шайки извѣстенъ теперь всѣмъ: въ послѣдній день пребыванія Баттенберга въ Софіи, онъ объявилъ, что имѣетъ долги, которые ему нечѣмъ заплатить, до 1.500,000 франковъ. Обра-

тились въ казначейство, оттуда отвѣчаютъ: *въ кассѣ нѣтъ ничего*; . . . .

. . . .

Очистивъ такимъ образомъ казну, эта шайка проектировала въ послѣдней сессіи народнаго собранія рядъ займовъ на различныя потребности, приблизительно, кажется, милліоновъ на 150 франковъ. Видимо было, что отечество пропадаетъ и продается врагамъ славянства. Оппозиція рѣшила ускорить финалъ. Послѣ закрытія сессіи въ концѣ іюня, систовскій депутатъ Димитръ Анневъ, бывшій прежде въ числѣ защитниковъ князя и пользовавшійся его довѣріемъ, получилъ у князя аудеңцію, на которой, между прочимъ, князь сказалъ: *вамъ, болгарамъ, меня выгнать не придется, какая бы партія ни пришла на власть. Меня можетъ прогнать только Россія, но ей для этого нужно пройти чрезъ Вѣну, а это не такъ легко.* И именно употребилъ выраженіе ausjagen. Въ другомъ мѣстѣ князь сказалъ: *я оставлю Болгарію, но оболью ее кровью.*

Послѣ народнаго собранія Каравелову и Стамбулову, которые убѣдились, что дальше поддерживать князя нельзя и не стоитъ, ибо казна была уже пуста, хотѣлось поскорѣе сдѣлать разрѣшенные народнымъ собраніемъ займы и тогда уже объявить князю, что онъ долженъ отречься отъ престола.

Оппозиція ждать этого момента, т. е. займа, не могла, ибо эта новая пропасть для народа, и рѣшила покончить. Повидимому Каравеловъ и Стамбуловъ въ концѣ концовъ уже и на это согласились. Какъ бы то ни было, но заговоръ разрѣшился весьма спокойно, въ ночь съ 8 на 9 августа, т. е. съ пятницы на субботу, арестомъ Баттенберга. Главными дѣятелями явились капитанъ Бендеревъ—помощникъ военнаго министра, и майоръ Груевъ, директоръ военнаго училища; они, опираясь на Струмскій и 1 артиллерійскій полки и на нѣсколько кадетъ, совершили подвигъ, за который болгарскій народъ долженъ записать ихъ имена золотыми буквами на стѣнахъ залы народнаго собранія.

Какъ Струмскіе такъ и 1 артиллерійскій полки расформированы, и знамена уничтожены указомъ князя отъ 24 августа, и указомъ отъ того же числа закрыто военное училище.—А гг. Груевъ и Бендеревъ сидятъ въ тюрьмѣ; неизвѣстно гдѣ г. Димитріевъ, въ рукахъ котораго отреченіе князя.—По послѣднимъ свѣдѣніямъ, всѣ виновники будутъ выпущены, или теперь уже и выпущены, кромѣ главныхъ, которые будутъ судимы; но и судъ, по великой вѣроятности, не обвинитъ ихъ.

Какъ же такъ случилось, что не смотря на то, что въ изгнаніи князя согласились главные вожаки партій, могла явиться реставрація? — Именно предательствомъ Стамбулова, который изъ какихъ нибудь личныхъ видовъ,—пожалуйста не думайте, что для общаго блага—нашелъ нужнымъ дѣйствовать противъ переворота; прежде всего ему пришлось найти отзывъ въ Муткуровѣ, майорѣ румелійскихъ войскъ, въ Тырновской и Систовской дружинахъ *).—Муткуровъ въ понедѣльникъ вступилъ въ Софію съ вѣрными ему дружинами и арестовалъ всѣхъ членовъ временнаго правительства и образовалъ новое, прокламація котораго помѣщена выше.—Въ тѣхъ же частяхъ, на вѣрность которыхъ расчитывать было трудно, было отобрано оружіе.

Въ войскахъ далеко не всѣ части были за князя; положительно извѣстно было только за Систово, Рущукъ, Тырново, Габрово, Ловечь и Пловдивъ; а другія части подлежали сомнѣнію; даже и въ Тырновѣ, не смотря на то, что этотъ городъ былъ центромъ движеній за князя, войска встрѣтили его безъ ружей.—И это не безъ причины.—Поэтому-то князь и выбралъ путь на Рущукъ, Систово, Тырново, Габрово, Пловдивъ, Татарбазарджикъ и Софію; и на пути отъ Пловдива къ Татарбазарджику сдѣлано было покушеніе: на рельсы набросаны были бревна.

Въ воскресенье въ Систовѣ была получена депеша, что князь отказывается отъ престола; управителемъ эта депеша

*) Стамбуловъ, овладѣвъ телеграфной станціей въ Бѣлѣ, гдѣ пересѣкаются проволоки отвсюду, ввелъ въ заблужденіе всю страну; принималъ депеши отъ разныхъ учрежденій временному правительству, отвѣчалъ имъ отъ имени послѣдняго, и обратно временному правительству сообщалъ свѣдѣнія отъ имени разныхъ лицъ и учрежденій; и такимъ образомъ обезоружилъ правительство.

держалась въ секретѣ, но тѣмъ не менѣе вытянувшіяся физіономіи князистовъ свидѣтельствовали, что дѣло ихъ проиграно; къ заключеннымъ въ тюрьмѣ явились объявить, что они свободны: для формы взяли только поручительства безъ всякихъ вещественныхъ залоговъ.—Въ понедѣльникъ депеша министра внутреннихъ дѣлъ извѣщала: *Ею Высочество завтра отправляется изъ предѣловъ Болгаріи чрезъ Ломъ-Паланку на Турну-Северинъ; кто желаетъ ею провожать—можетъ выѣхать. Радославовъ.*—Однако желающихъ никого ненашлось, не смотря на то, что для этой цѣли была пущена яхта, чтобъ собирать желающихъ; она везла только одного Начевича изъ Бухареста (отъ Джуржева).—И въ два часа князь оставилъ болгарскій берегъ, сѣвъ на австрійскій пароходъ.—Въ Виддинѣ ему устроили овацію.

Вечеромъ появилась прокламація объ отреченіи отъ престола, начиненная ложью отъ первой строки до послѣдней. Будучи 9 августа позорно выгнанъ народомъ, подписавши отреченіе на всегда, Баттенбергъ съ большимъ конвоемъ былъ везенъ по землѣ болгарской двое сутокъ слишкомъ, и никто не думалъ его защищать, ни народъ, ни войско.—Послѣ всего этого, тѣмъ не менѣе, онъ рѣшается вернуться опять, надѣясь на что то.—Въ результатѣ оказалось, что его первое отреченіе державы приняли за fait accompli. — Тогда онъ, не смотря на свои прокламаціи при въѣздѣ въ Рущукъ, говоритъ дипломатическимъ агентамъ въ Софіи, что онъ пріѣхалъ, чтобъ отказаться законнымъ путемъ, и сочиняетъ съ своей шайкой прокламацію къ народу, въ которой говоритъ о какомъ-то недоразумѣніи между Россіей и Болгаріей; и этимъ какъ бы старается показать, что во всѣхъ несчастіяхъ, постигшихъ Болгарію за послѣдній годъ: а именно революція въ Пловдивѣ, сербская война, опустошеніе государственной кассы, отнятіе Румынами Арабъ-Табіи, взятіе турками Кирджали и Родопъ и т. д. виновата Россія; говоритъ о томъ, что онъ рѣшается отказаться отъ престола только теперь, но не отказывался раньше, потому что до сихъ поръ не былъ увѣренъ, что независимость Болгаріи останется неприкосновенна, что права и свобода гражданъ, т. е. конституція останутся неприкосновенными, что во внутреннія дѣла княжества никто не будетъ мѣшаться (подразумѣвай тутъ «Россія»); а теперь, получивши отъ русскаго правительства увѣреніе въ вышесказанныхъ пунктахъ, рѣшается исполнить волю освободительницы. Здѣсь ложь отъ начала до конца: никакихъ увѣреній онъ не получалъ, напротивъ самыя дѣла Россіи показали и показываютъ, что ея вліяніе укрѣпляется въ Болгаріи безусловно и вліяніе не писанное, а фактическое.

. . . .

. . . .

Это такъ, кажется, понятно, что не требуетъ никакого объясненія. Извѣстно также хорошо князю, что онъ самъ просилъ въ Рущукѣ, чтобы присланы были офицеры-инструкторы, чтобы управлять арміей; самъ онъ просилъ коммисара изъ русскихъ генераловъ для успокоенія страны; самъ неоднократно убѣждался, что теперешняя конституція есть источникъ многихъ золъ, и русское правительство, считая ее никуда непригодною, отказалось отъ нея еще въ 1881 году и въ 1883 желало замѣнить ее другою и до сихъ поръ остается того же мнѣнія. И знаетъ онъ хорошо депешу русскаго правительства, что миссія генерала Долгорукова становится не нужною, пока онъ, Баттенбергъ, находится на Болгарской землѣ. И послѣ всего этого, онъ рѣшается такъ нахально лгать въ своей прокламаціи. Въ ней онъ оставляетъ престолъ условно, т. е. до тѣхъ поръ онъ считаетъ не нужнымъ вступаться въ права, отъ которыхъ онъ отказался, пока Россіей принятыя ею обязательства будутъ исполняться, а разъ они нарушены, онъ сочтетъ своимъ долгомъ вернуться на тронъ. И въ Видинѣ, кажется, сказалъ: *«Я оставляю тронъ, по желанію Россіи; но она скоро убѣдится, что не я былъ причиною смутъ; придетъ время, и она меня сама позоветъ на тронъ»*.

Даже послѣдніе моменты своей политической жизни въ Болгаріи, онъ остался тѣмъ же шантажистомъ, какимъ былъ во время своего царствованія. И его приверженцы убѣждены, что соберется великое народное собраніе, и онъ опять будетъ избранъ и объ этомъ есть оффиціальная депеша подписанная подполковниковъ Муткуровымъ къ окружнымъ воинскимъ начальникамъ. Да и онъ самъ

сказалъ, что разъ его изберутъ, онъ престолъ приметъ.

30 августа — день его имянинъ; онъ протестантъ и имянинъ не имѣлъ, но все таки 30 августа обыкновенно праздновалъ. Въ Систовѣ городское управленіе 29 августа объявило, что 30 августа въ день тезоименитства царя-покровителя городъ празднуетъ; лавки закрываются на цѣлый день, зданія украшаются, на городской площади отслуживается молебенъ о здравіи Его Величества и вечеромъ иллюминація. Готовится праздникъ, дома украшаются флагами. Окружный управитель, кавалеръ св. Георгія, издаетъ приказъ, въ которомъ запрещаетъ праздновать русскій праздникъ: городовые бѣгаютъ по городу, приказывая снимать флаги; одинъ офицеръ, проходя мимо одной булочной, на которой развивался флагъ, ударилъ по древку обнаженной шашкой и свалилъ флагъ. Ночью изъ Софіи пришла депеша—день св. Александра Невскаго праздновать; городовые забѣгали по городу, заставляя затворять лавки и вывѣшивать флаги. И, о чудеса! на молебнѣ присутствовали всѣ чиновники; даже въ гораздо большемъ числѣ, чѣмъ когда либо. Но изъ военныхъ на молебнѣ присутствовалъ только воинскій начальникъ, украшенный георгіевскимъ крестомъ. Гдѣ же были остальные? Дружинный командиръ Мантаджіевъ, собравъ офицеровъ и солдатъ предъ казармами, предлагаетъ послать депешу поздравительную Его Высочеству князю. Предложеніе встрѣчено съ ура и депеша послана; привезено вино и дружина пила цѣлый день; офицеры тоже. Послѣдніе не стѣсняясь говорили, что если придутъ русскіе, мы дадимъ хоть два залпа, чтобы показать, что имъ отдаемся не добровольно. Посудите какой это народецъ! Вообще говоря какое прошлое болгарскаго офицера? Онъ до войны 1878 года былъ или башмачникъ, или продавалъ бузу (квасъ), или былъ бакалинъ (лавочникъ мелкій), или симиджня (продавщикъ леденцовъ), или вообще что нибудь подобное. И вдругъ всѣ эти господа возводятся нужды ради въ чины и въ короткій срокъ доходятъ до маіоровъ и подполковниковъ съ громадными окладами. И теперь, кончивши рядъ чудесныхъ подвиговъ въ Пловдивѣ, въ Кирджаліи, въ Родопахъ, въ Бургасѣ, въ Старой Загорѣ, въ Казанлыкѣ, въ Пиротѣ, въ Сливницѣ, въ Видинѣ и въ другихъ мѣстахъ, украсившись знаками отличій, надѣвши панталоны съ красными лампасами и шапки съ разноцвѣтными султанами, должны готовиться въ запасъ арміи!? Само собой разумѣется, кому же это захочется? Кто себѣ врагъ? Жертвовать собой можетъ не всякій. Не всякому быть Бендеревымъ, Груевымъ, Блесковымъ, Никифоровымъ, Енчевичемъ, Ванковымъ и т. д. Эти люди получили образованіе въ Петербургѣ и понимаютъ дѣло, а отъ дружинныхъ и ротныхъ такъ и пахнетъ тѣмъ ремесломъ, какимъ недавно они занимались; а поговорите съ ними, васъ будетъ безпокоить мысль, не съ обманщикомъ ли имѣете дѣло, который укралъ мундиръ и вводитъ васъ въ заблужденіе. Конечно есть исключенія, но они очень и очень рѣдки. Эти господа хорошо знаютъ, что живъ князь, и они живы, нѣтъ его, и ихъ въ запасъ; а потому бѣснуются и развращаютъ солдатъ.

Представители Систова уѣхали въ Софію въ народное собраніе и сообщаютъ оттуда, что вчера т. е. 30-го, Стамбуловъ послѣ молебна въ соборной церкви о здравіи и долгоденствіи Царя-покровителя, на которомъ присутствовали члены временнаго правительства и министерства, и чиновники, а также и депутаты и послѣ оффиціальнаго визита новому русскому представителю г. Неклюдову, собралъ всѣхъ представителей и изобразилъ предъ ними то печальное положеніе, въ которомъ находится отечество, и сказалъ, что спасенія ждать не откуда, кромѣ Россіи; и что малѣйшее движеніе въ странѣ можетъ повлечь за собою, одинъ Богъ знаетъ, какія слѣдствія, упрашивалъ водителей всѣхъ партій забыть старое и быть мирными въ виду критическаго положенія отечества. Говорилъ о созваніи Великаго Народнаго Собранія, которое выберетъ съ согласія Россіи новаго князя.

Это послѣднее извѣстіе изъ Софіи. Значитъ, теперь предстоятъ выборы представителей въ Великое Народное Собраніе, которое будетъ имѣть цѣлью выбрать князя.

Не многіе знаютъ, что такое выборы въ Болгаріи.

Разъ перемѣнилось правительство (я го-

ворю о всякомъ правительствѣ) оно спѣшитъ, прежде всего, перемѣнить начальниковъ учрежденій, т. е. окружныхъ управителей, околійскихъ начальниковъ (а эти послѣдніе приставовъ), предсѣдателей окружныхъ судовъ, прокуроровъ, начальниковъ телеграфныхъ станцій и т. п. И это зачѣмъ? Главнымъ образомъ за тѣмъ, чтобы на выборахъ кметовъ, предсѣдателей и членовъ постоянныхъ коммисій, училищнаго настоятельства, эти власти могли бы такъ вліять на населеніе, чтобы были бы выбраны непремѣнно лица, указанныя правительствомъ. Такъ сдѣлалъ и Каравеловъ въ 1884 году, утвердившись во власти въ Тырновскомъ народномъ собраніи. Въ два года своего властвованія онъ устроилъ такъ, что всѣ чиновники и всѣ должности по выборамъ въ настоящее время заняты его вѣрными холопами, которые за свои заслуги вознаграждались такъ, что въ концѣ концовъ не чѣмъ даже платить чиновникамъ жалованье, а въ дружинахъ (800 человѣкъ въ мирное время) не имѣется въ среднемъ выводѣ больше 250 человѣкъ, ибо кормить и одѣвать ихъ не чѣмъ и не во что.

Теперь, при такихъ условіяхъ должны произойти выборы представителей въ Великое Народное Собраніе.

Вотъ обыкновенная картина выборовъ. Публикуется указъ о выборахъ; кметы составляютъ списки лицъ, имѣющихъ право голоса—о злоупотребленіяхъ въ спискахъ говорить нечего, тамъ попадаются и несуществовавшіе и умершіе, и несовершеннолѣтніе, и вообще не имѣющіе права голоса. И возражающимъ противъ этого, въ особенности теперь, при военномъ положеніи, глотку зажмутъ живымъ манеромъ. Приближается день выборовъ, окружный управитель назначаетъ кандидатовъ, и имена ихъ пишутся въ канцеляріяхъ на билетикахъ и въ день выборовъ раздаются посредствующимъ органамъ, разнымъ чиновничкамъ, учителямъ городскихъ училищъ и т. п., раздается и извѣстная сумма денегъ. Задача посредствующихъ органовъ заключается въ томъ, чтобы передать билетики кметамъ и приказать непремѣнно класть ихъ въ урну, а не другіе; кметы приказываютъ въ свою очередь крестьянамъ. Также дѣлается и съ городскими избирателями. Оппозиціи въ большинствѣ случаевъ не принимается въ разсчетъ, и это по слѣдующей причинѣ. Въ день выборовъ, прежде всего выбирается бюро. Признать его законнымъ или нѣтъ, въ рукахъ управителя. Составилось оно изъ лицъ ему пріятныхъ—хорошо, нѣтъ—онъ составляетъ протоколъ о незаконности выборовъ и кончено дѣло; но въ большинствѣ случаевъ, бюро бываетъ изъ правительственниковъ. Я уже сказалъ о незаконности въ спискахъ, но этого мало; часто по окончаніи выборовъ, оказывается, что избирательныхъ билетиковъ больше, чѣмъ избирателей въ спискѣ; спрашивается, откуда же они? Очевидно бюро охулки на руку не клало. Но если случилось, что выборы состоялись не въ пользу правительства, опять въ рукахъ управителя есть средство признать ихъ незаконными, придравшись къ чему нибудь. Такъ что выборы въ Болгаріи, это ничто иное какъ комедія.

И теперь выборы будутъ происходить по этой программѣ. Не забудьте, что эти выборы дадутъ людей выбирающихъ князя, и слѣдовательно имѣютъ громадное значеніе. Не нужно обольщаться тѣмъ, что теперь не откуда взять для агитаціи денегъ; ихъ нѣтъ въ государственной кассѣ, но агитаторы наполнили ими свои кассы, такъ что на это дѣло найдутся.

Ожидать же отъ теперешняго правительства, что оно оставитъ выборы свободными и будетъ дѣйствовать искренно, нельзя, ибо въ его средѣ никого нѣтъ кромѣ и авантюристовъ.

Трудно объяснить себѣ, какъ признали его иностранные представители, когда оно явилось безъ всякихъ основаній. Если признавать, что князь отказался 9 августа, и его мѣсто заступило правительство митрополита Климента, какъ прямой преемникъ власти, что же толковать съ этими бунтовщиками и авантюристами? Отъ нихъ ждать можно только обмановъ и лжи, а другаго ждать и надѣяться непростительно. Болгарскій народъ вѣритъ, надѣется и любитъ Русскаго Царя, онъ знаетъ, что кромѣ Бога и Его ему обращаться не къ кому и не зачѣмъ; но онъ невольно, въ рукахъ мошенниковъ, дѣлается исполнителемъ ихъ воли и Богъ знаетъ, какой результатъ будетъ отъ вы-

боровъ; но всѣ убѣждены, что, при теперешнемъ порядкѣ, выберутся лица, которыя не стыдясь скажутъ противъ своей совѣсти, что они хотятъ Баттенберга.

Русскій.

Письма изъ Парижа.

III.

Самымъ важнымъ событіемъ относительно русской литературы заграницей было послѣ моего послѣдняго письма появленіе книги гр. Ежена-Мельхіора де-Вогюэ «Le roman russe». (1 vol. in 8°. Paris libr. Plon»). Гр. Вогюэ принадлежитъ къ одной изъ лучшихъ нашихъ аристократическихъ фамилій. Нѣкогда онъ былъ секретаремъ французскаго посольства въ Россіи, онъ женатъ на русской и хорошо знаетъ вашу страну, ибо онъ и жилъ въ ней, и послѣ нѣсколько разъ ее посѣщалъ. Онъ извѣстенъ двумя сочиненіями о Россіи: «Le fils de Pierre le Grand», исторія царевича Алексѣя, и «Histoires d'hivers» разсказы изъ русской жизни. Его трудъ о русскомъ романѣ уже появлялся отрывками въ «Revue des deux Mondes» и много способствовалъ возбужденію въ нашей публикѣ того любопытства къ русской литературѣ, которое нынѣ замѣтно. Сочиненіе не имѣетъ притязанія на полноту: гр. Вогюэ ограничился изученіемъ главныхъ представителей. За введеніемъ, занимающимъ тридцать страницъ и объясняющимъ предшествующія судьбы русской литературы, слѣдуетъ довольно краткая глава о романтизмѣ Пушкина, а затѣмъ идетъ подробное изложеніе жизни и твореній Гоголя, Тургенева, Достоевскаго и гр. Льва Толстаго. Онъ оставляетъ въ сторонѣ Писемскаго, Гончарова, Григоровича и многихъ другихъ. Не знаю, имѣетъ ли онъ намѣреніе издать позднѣе второй томъ; но въ настоящую минуту писатели, имъ забытые или пренебреженные, тѣмъ болѣе могутъ на это жаловаться, что гр. Вогюэ восторженный поклонникъ тѣхъ, кого онъ выбралъ, и что, благодаря его авторскому таланту, его восторженность сообщается читателю. Гр. Вогюэ не довольствуется тѣмъ, что знакомитъ насъ съ талантливыми или геніальными людьми, которыхъ онъ изучаетъ; но еще надѣется, что ихъ произведенія будутъ имѣть спасительное вліяніе на французскую литературу. Французское искусство, говоритъ онъ въ концѣ своего предисловія, истощилось и стало безсильнымъ: оно нуждается въ преобразованіи и обновленіи. Въ началѣ XVII в. французская литература была очень больна: Корнель отправился искать вдохновенія въ Испанію, Мольеръ — въ Италію. Въ началѣ XIX в. обратились къ Англіи и Германіи; теперь же снова наступило время голода и безсилія. Ежели наше умственное пищевареніе все еще можетъ дѣйствовать, мы возобновимъ нашу кровь при помощи русскихъ. Тѣмъ же, которые стыдятся быть чѣмъ нибудь обязанными *варварамъ*, напомнимъ, что умственный міръ есть обширное общество взаимнаго вспомоществованія». Конечно, когда Гоголь писалъ «Мертвыя души», или Достоевскій сочинялъ «Преступленіе и наказаніе», они и не думали, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ ихъ сочиненія считались необходимыми для обновленія истощенной французской литературы. Быть можетъ, гр. Вогюэ нѣсколько преувеличиваетъ; но его преувеличеніе полезно для русской литературы; переводчики кидаются на нее, какъ вороны на поле битвы. Достоевскій весь скоро будетъ переведенъ; теперь обращаются къ Гаршину. Продолжится ли эта мода?—отвѣчать на это нельзя съ полной увѣренностью. Настроеніе нашихъ парижскихъ аѳинянъ очень измѣнчиво. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ издателей, заказывая переводъ какого-то романа гр. Толстаго, ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы трудъ этотъ былъ конченъ зимою. «Кто знаетъ, прибавилъ онъ, будетъ ли публика покупать весною».

Во всякомъ случаѣ, если мода на русскіе романы и пройдетъ, все-таки въ нашемъ образованномъ обществѣ останется живое любопытство ко всему, что касается исторіи русскаго міра. Мы далеки отъ того времени, когда Монтескье писалъ, что надо снять кожу съ москвитянина, чтобы найдти въ немъ чувство, и когда m-me Сталь, во время своего пребыванія въ Петербургѣ удивлялась тому, что страшный человѣкъ съ большой боро-

дой ласкалъ маленькаго ребенка; «Развѣ вы думали, что мы ихъ ѣдимъ», замѣтила княгиня Варвара Долгорукая. Въ то время, когда стремятся завести взаимныя умственныя сношенія между двумя народами, любопытно взглянуть на то, каковы были отношенія въ прежнее время. Этотъ трудъ принялъ на себя буансонскій профессоръ Пинго, издавшій интересное сочиненіе «Les français en Russie et les russes en France (un vol. in 8⁰ libr. Perrin. Paris). Авторъ не знаетъ порусски и—сколько мнѣ извѣстно—никогда не былъ въ Россіи; но онъ употребилъ всѣ усилія собрать многочисленные матеріалы по этому предмету, писанные пофранцузски. Онъ останавливается преимущественно на нашествіи французовъ на Россію при Екатеринѣ II (артисты, учителя, іезуиты), на французскихъ волонтерахъ въ русской арміи, на роли, которую въ Россіи играли эмигранты. Въ послѣднихъ главахъ своей книги авторъ излагаетъ отношенія Александра I и Наполеона I, а также нашествіе французовъ на Россію и русскихъ на Францію. Съ особеннымъ удовольствіемъ указываетъ онъ на сочувствіе, которое, несмотря на несогласіе въ понятіяхъ и на разницу въ учрежденіяхъ, существуетъ между двумя народами.

Несмотря на неизбѣжные пропуски, кинга г-на Пинго очень хорошая книга и читается съ пользой. Не могу того же сказать о другомъ сочиненіи, недавно появившемся подъ заглавіемъ «La société de St.-Petersbourg, par le comte Vassili», un vol. in 8⁰, libr. de la Revue Nouvelle.

Этотъ графъ Василій выдается за бывшаго дипломата, русскаго по происхожденію, который посѣтилъ всѣ дворы Европы и передаетъ свои воспоминанія. Въ рядѣ статей, появившихся сначала въ «La Nouvelle Revue», а потомъ перепечатанныхъ отдѣльно, онъ описалъ общество Берлина, Вѣны, Лондона и Мадрида. Въ каждомъ изъ этихъ сочиненій встрѣчаются пикантныя, но вообще мало благосклонныя замѣтки о дворѣ, правительственныхъ лицахъ и аристократіи этихъ различныхъ городовъ. Кажется нѣсколько страннымъ, какъ это случилось, что одинъ дипломатъ такъ долго прожилъ въ каждой изъ этихъ столицъ, что узналъ подробно тѣ обстоятельства, которыя онъ разсказываетъ, и могъ слѣдить за измѣненіями въ обществѣ. Скептики утверждаютъ, будто знаменитый гр. Василій совсѣмъ не существуетъ и что подъ его именемъ скрывается кружокъ литераторовъ, изъ которыхъ каждый пишетъ о странѣ, ему наиболѣе извѣстной. Это предположеніе мнѣ кажется вѣроятнымъ. Какъ бы тамъ ни было, но авторъ знаетъ вашу столицу. Впрочемъ, его сочиненіе довольно поверхностно: это ни что иное какъ сборникъ сплетень. Оно даетъ весьма неполное понятіе о серьезныхъ сторонахъ петербургской жизни, какъ, напримѣръ, объ искусствѣ, наукахъ, литературѣ.

Я считаю гораздо болѣе серьезнымъ произведеніемъ книгу г-на Тихомирова «La Russie politique et sociale», un vol. in 8⁰. Nouvelle Revue parisienne. Не знаю, кто этотъ Тихомировъ, настоящее ли это его имя или псевдонимъ, но, не раздѣляя его понятій, я долженъ признать книгу его произведеніемъ очень серьезнымъ, фактическимъ и написаннымъ научно. Г. Тихомировъ бываетъ иногда чрезвычайно парадоксаленъ: такъ онъ посвящаетъ цѣлую главу доказательству того, что нигилизмъ не существуетъ и никогда не существовалъ въ Россіи. Книга эта, несмотря на свое направленіе, ясно отличается отъ тѣхъ памфлетовъ, которые русскіе издаютъ за границей и которые часто бываютъ ни чѣмъ инымъ, какъ рядомъ декламацій. Слѣдуетъ указать еще, какъ на книгу очень серьезную, на сочиненіе вашего соотечественника, г. Новикова «La politique internationale» un vol. Paris, libr. Alcan. Г. Новиковъ излагаетъ политику, цѣль которой группировать народы по національностямъ. Это политика идеалиста, но она изложена съ жаромъ и талантомъ. Событія, происшедшія въ прошедшемъ году на Востокѣ, послѣ провозглашенія болгарскаго соединенія, породили значительное число книгъ. Въ «Извѣстіяхъ» уже было говорено о сочиненіяхъ г. де-Лежэ о Болгаріи и г. Лавелэ о Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи знаменитый экономистъ посвятилъ цѣлую главу Босніи: онъ указываетъ на успѣхи, совершившіеся въ этой странѣ послѣ занятія ея австрійцами, и является горячимъ приверженцемъ это-

го занятія. Это, конечно, не понравилось сербамъ, которые полагаютъ, что Боснія въ будущемъ должна принадлежать имъ. Книга Лавелэ вызвала отвѣтъ Стояна Божковича, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, бывшаго предсѣдателя сербскаго ученаго общества и, какъ извѣстно вашимъ читателямъ, очень уважаемаго публициста. Этотъ отвѣтъ появился сначала въ флорентинскомъ журналѣ «Revue internationale», а затѣмъ изданъ отдѣльно подъ заглавіемъ: «La mission du peuple Serbe dans la question d'Orient. Considérations sur le passé et sur l'avenir des pays balcaniques in 8°. Paris, libr. Alcan. Г. Божковичъ въ своемъ сочиненіи съ азартомъ изображаетъ судьбы сербскаго племени, его усилія возродиться въ XIX в. Онъ указываетъ на то, что занятіе Босніи австрійцами нанесло роковой ударъ развитію сербской народности и удивляется тому, что либеральный писатель, защитникъ народностей, можетъ сочувствовать этому занятію. Онъ сѣтуетъ также и на то, что г. Лавелэ считаетъ Боснію населенною исключительно хорватами, и старается доказать, что наоборотъ она чисто сербская. Все это разсужденіе, о которомъ могутъ судить основательно ваши читатели, ведено талантливо и энергично. Г. Божковичъ старается выставить на видъ высокія качества сербскаго народа, его стремленія къ идеалу, засвидѣтельствованныя и женскими и юнацкими пѣснями. Въ своемъ сочиненіи сербскій писатель нападаетъ не только на г. Лавелэ, но и на другаго его соотечественника, г. Эмиля Борхграва, бывшаго прежде бельгійскимъ посланникомъ въ Бѣлградѣ, а теперь въ Константинополѣ, который недавно помѣстилъ въ запискахъ брюссельской академіи статью о сербскомъ кралѣ Душанѣ и Балканскомъ полуостровѣ. Ему же принадлежитъ и любопытный этюдъ о Сербіи съ экономической точки зрѣнія. Г. Борхгравъ обвиняетъ сербовъ въ недостаткѣ идеализма; г. Божковичъ отвѣчаетъ ему сурово. Его защитительная рѣчь «pro domo sua» въ сущности очень интересна.

Къ числу нашихъ журналовъ, наиболѣе занимающихся странами славянскими, принадлежитъ «Revue française de l'étranger et des colonies»; Paris, libr. Chaix. Журналъ этотъ основанъ г. Эдуардомъ Марбо, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ издалъ книгу, подъ заглавіемъ «Slaves et Teutons». Въ этомъ сочиненіи онъ указалъ на опасность, которой подвергается Европа отъ неперестающей германизаціи западныхъ славянъ. Г. Марбо нѣсколько разъ былъ въ Польшѣ и Россіи, и его журналъ имѣетъ сотрудниковъ въ большей части славянскихъ земель. Такъ, въ трехъ послѣднихъ нумерахъ, за августъ, сентябрь и октябрь, мы встрѣчаемъ статьи о Каравеловѣ (Любенѣ) и Гешовѣ, переведенныя изъ «Славянскаго Сборника», о германизаціи польскихъ провинцій, подписанныя Mravotny (Мартыновъ (?)) о еврейскомъ вопросѣ въ Россіи, а также разсказы о путешествіи г. Ривіэра ко словинцамъ и къ хорватамъ. Г. Ривіэръ, бывшій ученикъ г. Лежэ, выучился сербско-хорватскому языку, и его статьи о нравственной и политической жизни хорватовъ очень интересны. Вообще журналъ г. Марбо можетъ оказать услуги желающимъ изучить славянство. Онъ издается въ католическомъ духѣ.

Въ двухъ нумерахъ «Bibliotheque universelle de Génève», 1-го августа и 1-го октября 1886 года, помѣщены статьи г. Лежэ о происхожденіи русской народности. Авторъ излагаетъ здѣсь на основаніи новыхъ изданій нравственно-этнографическіе элементы, способствовавшіе образованію Россіи. Эти статьи доходятъ только до конца татарскаго періода. Въ парижскомъ журналѣ «Revue internationale de l'enseignement» тотъ же авторъ помѣстилъ статью о началѣ русской литературы. Онъ является очень сомнѣвающимся относительно Слова о полку Игореви и, кажется, не вполнѣ вѣритъ въ достовѣрность этого произведенія. Статьи эти составляютъ часть курса о цивилизаціи Россіи, который г. Лежэ читалъ въ прошломъ году въ Collége de France и къ которому надѣется возвратиться и въ настоящемъ году.

«La Nouvelle Revue», издававшаяся до сихъ поръ г-жей Аданъ, перешла въ руки русскаго израилита г-на Ціона, бывшаго нѣкогда профессоромъ въ С.-Петербургѣ. До сихъ поръ журналъ давалъ значительно много мѣста статьямъ о славянахъ и о Россіи. Недавно въ его сентябрьскихъ нумерахъ помѣщено любопыт-

ное произведеніе: хорватская повѣсть, подъ заглавіемъ: «Le Landgrave de Turovopolje». Повѣсть эта переведена не съ хорватскаго, а прямо написана по-французски г-жею Мара-Лангеръ Маректъ, урожденная Цопъ. Она родомъ хорватка, но вышла замужъ за бельгійца и живетъ въ Брюсселѣ. Событія, разсказанныя въ повѣсти, сценой которой служитъ то Хорватія, то Россія, довольно неправдоподобны, но разсказъ ведется съ истиннымъ талантомъ. Если за русскимъ романомъ послѣдуетъ у насъ хорватскій, то не пристрастится ли когда нибудь Парижъ къ вопросу о глаголицѣ? Chi lo sa?

Славянофилъ.

Три силуэта.

Въ исторіи старыхъ, но время отъ времени обновляющихся вопросовъ западно-русскаго и польскаго міра, нынѣшній годъ останется памятенъ... тремя смертями, послѣдовавшими очень скоро одна за другой: 5 января, въ хуторѣ Боркахъ черниговской губ., Остерскаго у. скончался Михаилъ Чайковскій (Садыкъ-паша); 22 марта телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти Богдана Залескаго въ Виллепре, и наконецъ 18 мая умеръ во Львовѣ Янъ Добжанскій, пользовавшійся громадной извѣстностью и вліяніемъ въ Галиціи. Одинъ за другимъ сошли въ могилу три старца, въ послѣдніе годы уже не оказывавшіе вліянія на дѣла, пропѣвшіе свою пѣсню; но въ этой пѣснѣ такъ много причудливыхъ тоновъ, такъ много поразительныхъ модуляцій, такое сильное дѣйствіе оказывала она въ свое время на многихъ... Мы бы желали хоть въ бѣгломъ очеркѣ напомнить о ней читателямъ.

Каждый изъ покойниковъ представляетъ собою величину особаго разряда; характеръ дѣятельности и ея значеніе вообще у каждаго изъ нихъ различны, но, при всемъ ихъ различіи, ихъ всѣхъ трехъ глубоко единитъ одно имя, одинъ идеалъ, составляющіе завѣтную цѣль ихъ всегдашнихъ мечтаній и думъ, одушевляющіе ихъ во всякой дѣятельности; это имя — цѣлый край отъ Чернаго моря до Балтійскаго и отъ Карпатъ до пороговъ Днѣпра, край, который они всѣ одинаково считали Польшей; ихъ идеалъ — то время, когда въ *этой* Польшѣ, по пророчеству Верныгоры, «не будетъ ни нѣмца, ни Москаля: i Polska będzie wielka, potężna po wieki wiekow»; всѣ три на осуществленіе этого идеала убили лучшія свои силы, не останавливаясь ни предъ какими затрудненіями—въ этомъ ихъ полное сходство.

Нѣкоторая разница между ними заключается въ отношеніи къ тому объекту ихъ дѣйствій и мысли, съ которымъ имъ неизбѣжно пришлось столкнуться, среди котораго они выросли и долгое время вращались, къ которому одинъ изъ нихъ— Добжанскій самъ принадлежалъ по рожденію — съ Русью.

Чайковскій и Залескій поступили въ этомъ случаѣ одинаково: у обоихъ Украина—любимѣйшее дитя фантазіи, Залескій со слезами молитъ Бога дать ему Украину въ небѣ; Чайковскій съ такою любовью рисуетъ браваго казака, вѣрнаго Польшѣ и проливающаго за нее свою кровь, онъ такъ вѣрилъ въ дѣйствительность и возможность этого казака, что не задумался надъ попыткой воскресить его: самъ сталъ атаманомъ—Чайкой и чего только не принесъ въ жертву своей фантазіи. Чуждый поэзіи Добжанскій смотрѣлъ на дѣло иначе, но и ему представлялся возможнымъ «porządny rusin», способный всего себя принести въ жертву на алтарь польской «ойчизны».—Русь—Украина дѣйствительная, съ живымъ русскимъ народомъ, съ русскими преданьями, между прочими, о тяжеломъ панскомъ гнетѣ, о кровавой расправѣ съ «Ляхами — панками», однимъ словомъ, Украина-Русь со всѣми тѣми своими природными особенностями, которыя полагаютъ и всегда полагали непроходимую бездну между нею и Польшей, для нихъ не существовала; если что нибудь подобное ими иногда и замѣчалось, то никоимъ образомъ не считалось органическимъ порожденіемъ Руси-Украины, а лишь заносными сѣменами того «орудія ада», которое, по ихъ мнѣнію, «присваиваетъ» себя названіе «Всея Руси», и къ которому всѣ они относились съ одинаковой ненавистью.—Объектъ ихъ дѣйствій, мыслей и чувствъ та Украина-Русь, которой, по чрезвычайно удачному, хотя, на первый взглядъ, лишенному всякаго

смысла выраженію г. Ад. (см. «Край» № 12 — замѣтка о кончинѣ Залескаго) *нѣтъ и не было* въ дѣйствительности, и которую несмотря на это польскій народъ понялъ (?!) и полюбилъ; (?) очевидно, эта Украина—мечта. Какъ мечта, какъ несуществующій въ дѣйствительности призракъ стояла она предъ глазами Чайковскаго, Залескаго и даже Добжанскаго. Сквозь повязку, расписанную фантастическими узорами, любовно смотрѣли они на нее, напрасно усиливаясь сообщить ей жизнь. Двое такъ и умерли съ повязкой, у одного подъ конецъ повязка спала съ глазъ, но онъ, увы!.. кончилъ хуже всѣхъ. Ослѣпилъ ли его яркій свѣтъ дѣйствительности, были ли другія какія причины, мы пока не знаемъ, знаемъ только, что 5 января въ тихомъ Черниговскомъ хуторѣ раздался роковой выстрѣлъ, прервавшій жизнь 84 лѣтняго старца! Ужасно!.. Если каждый самоубійца предлагаетъ оставшимся въ живыхъ почти всегда неразрѣшимую загадку, то какую же тайну унесъ съ собою въ могилу Чайковскій? Его жизнь такъ полна драматизма, что сама по себѣ скорѣе похожа на сказку, чѣмъ на недавнюю быль. Но и жизнь двухъ другихъ, до сѣдыхъ волосъ сохранившихъ вѣру въ мечту юности, неспособныхъ, при несомнѣнномъ умѣ, вразумиться самыми, кажется, вразумительными уроками дѣйствительности, представляетъ не мало интереса. Къ сожалѣнію, у насъ пока слишкомъ мало данныхъ для полной характеристики покойниковъ; но мы постараемся представить, по крайней мѣрѣ, ихъ силуэты.

— — —

I.

Янъ Добжанскій *).

Русинъ по происхожденію, греко-уніатскаго обряда, сынъ лѣсничаго Я. Добжанскій родился 1819 г. въ с. Чачевъ недалеко отъ Новаго Санча.

Кончивъ гимназію въ Перемышлѣ, Д. предполагалъ сначала посвятить себя духовному званію, но поступилъ затѣмъ во Львовскій университетъ, откуда однако черезъ годъ вышелъ и съ 1841 г. началъ работать въ редакціи «Газеты Львовской».—48-й годъ далъ возможность Д-му блистательно обнаружить таланты демагога-агитатора: на Маріинской площади во Львовѣ онъ произнесъ рѣчь къ народу, сдѣлавшую его кумиромъ толпы. Съ этого времени Д—аго стали называть Яномъ IV, къ чему, между прочимъ подала поводъ жена покойника, обратившаяся съ балкона къ шумѣвшей на улицахъ толпѣ съ словами: «народъ, успокойся, — твой Янъ спитъ!». Въ этомъ же 48 году Д. былъ организаторомъ «гвардіи народовой», основателемъ «рады народовой» и редакторомъ ея органа. По усмиреніи польскаго революціоннаго движенія, Д. попалъ въ солдаты, по благодаря заступничеству нѣкоторыхъ вліятельныхъ земляковъ, ему удалось освободиться отъ военщины, онъ вернулся во Львовъ и сотрудничалъ въ газетахъ.—Въ 1861 г. Д. сталъ редакторомъ «газеты Народовой», а въ 66 г. начинается его диктаторство въ Галиціи, намѣстникъ которой гр. А. Голуховскій очень часто, особенно въ русскихъ дѣлахъ, соображался съ мнѣніемъ всесильнаго редактора «Народувки». Само собою разумѣется, что во всѣ тревожныя минуты Д. раньше другихъ занималъ боевой постъ, больше другихъ хлопоталъ и дальше другихъ уносился въ своихъ мечтахъ: въ 63 году онъ былъ однимъ изъ предводителей «народоваго ржонда», а во время послѣдней освободительной войны—членомъ тайнаго комитета, долженствовавшаго организовать турецкій легіонъ и пытавшагося возбудить возстаніе противъ Россіи; былъ намѣченъ даже предводитель этого возстанія—гр. Голуховскій, братъ бывшаго намѣстника Галиціи.—Д. былъ человѣкъ неустаннаго труда, неутомимой и притомъ сконцентрированной энергіи, если прибавить къ этому организаторскіе таланты, которыми покойный обладалъ въ значительной степени и неразборчивость въ средствахъ къ достиженію цѣли, то его вліяніе и сила не представляли бы ничего особенно удивительнаго, если бы ограничивались однимъ кружкомъ, даже однимъ городомъ. Какимъ образомъ однако Д. могъ пользоваться, и притомъ въ теченіе долгаго времени, тѣмъ громаднымъ

*) См. о немъ: «Край» №№ 22, 23, 32 и 33, особенно 22 — ст. И. Франко; «Нов. Прол.» № 337 и «Дѣло» № 56.

вліяніемъ, какимъ онъ въ дѣйствительности пользовался особенно въ восточной Галиціи, импонируя администраціи, раздавая по своему усмотрѣнію посольскія мѣста и чины, а главное, служа оракуломъ для цѣлаго общества—это можно объяснить единственно состояніемъ и настроеніемъ послѣдняго. Съ 1772 г. въ теченіе полувѣка Галиція была погружена въ глубокій умственный сонъ. Тогда какъ, напр., въ русскихъ областяхъ Польши, присоединенныхъ къ Россіи, польская жизнь далеко не заглохла, а въ скоромъ времени даже усиленно пробудилась, Галиція безотвѣтно германизировалась по преимуществу чешскими чиновниками, типъ которыхъ такъ живо воспроизведенъ Я. Ламомъ въ лицѣ Прецличка. Польское общество не только не оказывало противодѣйствія германизаціи, но само нерѣдко являлось ея орудіемъ. Извѣстный гр. А. Голуховскій до 1850 г. не говорилъ иначе, какъ по нѣмецки, а нынѣшній видный членъ польской делегаціи, профессоръ Львовскаго университета Е. Черкавскій, тогдашній инспекторъ школъ, былъ однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ германизаторовъ.—48 годъ застигъ Галицію еще неочнувшейся отъ страшныхъ событій мазурской рѣзни, отрезвившей головы отъ романическаго патріотизма 30 гг., но не давшей возможности найти новые пути.

Отвыкшее отъ всякой самодѣятельности, въ особенности умственной, давимое нѣмцами, безъ вождей застигъ польское общество въ Галиціи 48-й годъ. Здравое пониманіе идеи народности, съ такой силой пробудившееся вездѣ въ этомъ году, парализировалось въ Галиціи всѣмъ памятной рѣзней. Среди общей смуты, капраломъ могъ стать только тотъ, кто первый взялъ палку, кто громче всѣхъ закричалъ «Jeszcze polska nie zginęła!» Это сдѣлалъ Д., и сталъ капраломъ.

Какая Польша—это въ дни смуты могла подсказать лишь смутная фантазія о давно минувшемъ, и потому казавшемся еще прекраснѣе, быломъ — Польша отъ моря до моря! Въ день объявленія конституціи, говоритъ И. Франко, не помня себя, въ бѣшенномъ экстазѣ, приступилъ Д. къ губернатору Стадіону съ вопросомъ: «а когда будетъ возстановлена Польша отъ моря до моря?». Опѣшившій Стадіонъ, пожимая плечами, могъ сказать, что пока ничего еще объ этомъ не слышно, а онъ по своему положенію, какъ австрійскій губернаторъ, можетъ знать только о той части Польши, которая принадлежитъ Австріи.

Мы думаемъ, что приведенное обращеніе Д. составляетъ такой моментъ, когда онъ и, въ лицѣ его, польское общество проговорилось именно тѣмъ, что составляло гдѣ-то глубоко на днѣ души таившееся наиболѣе завѣтное его желаніе, совершенно такъ-же какъ въ горячкѣ человѣкъ вспоминаетъ давнія, но сильно чѣмъ нибудь затронувшія его событія, и до тѣхъ поръ, пока продолжается горячка, и каждый разъ когда по какому нибудь поводу она вновь овладѣваетъ организмомъ, всплываетъ опять тоже желаніе, и всегда въ эти минуты Д. являлся самымъ энергичнымъ, самымъ экзальтированнымъ дѣятелемъ. Такъ было въ 48 г., тоже повторилось, какъ мы видѣли, въ 63 и 76 гг. Эта страстная погоня за вѣтряными мельницами составляла, какъ ни странно, всю силу Д—аго, также точно, какъ всю прелесть украинцевъ, Чайковскаго и Залесскаго, для поляка составляетъ возможность забыться на время въ сладкихъ снахъ о прошломъ, убаюкать себя розовыми надеждами на будущее, столь же хорошее, если еще не лучшее. — Но чѣмъ слаще сны, чѣмъ пріятнѣе надежды, тѣмъ горче и обиднѣе пробужденіе. Какъ бы ни была тяжела и неприглядна дѣйствительность, трезвое къ ней отношеніе избавляетъ всегда отъ многихъ разочарованій, но что дѣлать мечтателю — фантазеру, привыкшему къ воздушнымъ замкамъ, среди курныхъ избъ и общаго смрада? Хорошо еще, если результатомъ разочарованія будетъ только тихая грусть о быломъ; хорошо, потому что возможно гораздо худшее — остервененіе и безоглядная рѣшимость на все, что бы ни было; хорошо, если разочарованный ограничится молитвами о дарованіи ему желаемаго тамъ... въ небѣ, а что, если померещатся ему пророчества Вернигоры: «Польша, пропитанная кровью своихъ сыновъ, удобренная ихъ трупами, долго будетъ переносить его притѣснителей, но ударитъ часъ... поляки безчисленные какъ деревья литовскихъ лѣсовъ, какъ зерна песка береговъ Вислы, какъ бурьяны степей, встанутъ и будутъ бо-

роться съ врагами... одержать три побѣды... Днѣпръ потечетъ кровью и потащитъ разбивать о пороги трупы враговъ».—Не надо никакого усилія воображенія, чтобы представить, что можетъ произойти съ человѣкомъ, потерявшимъ сознаніе дѣйствительности, при почуянномъ запахѣ крови, не надо, потому что въ 63-мъ году мы видѣли это своими глазами, и чтобы ни говорили поляки о новыхъ путяхъ, на которые они ступили, о трудѣ какъ единственномъ условіи возрожденія, трудѣ, которому они якобы предались всецѣло, въ нихъ все таки всегда на днѣ души таится лучъ надежды на осуществленіе фантастическихъ пророчествъ, а въ иныя минуты онъ вспыхиваетъ, охватывая все ихъ существо. Пробиться этому лучу на свѣтъ божій въ Польшѣ русской и прусской теперь въ обычное время нѣтъ возможности, но развѣ онъ не пробивается постоянно въ Галиціи?

Д. былъ громкимъ эхомъ этой именно стороны польской души, и если нѣкоторые, писавшіе о немъ, утверждаютъ, что его цѣль заключалась не въ «отбудованіи» Польши, а въ «созданіи (?) и укрѣпленіи народа» и что никто въ этомъ дѣлѣ не положилъ столькихъ заслугъ, какъ онъ («Край» № 32), то это доказываетъ только, что его идеи живы еще и теперь, что подъ другимъ названіемъ будутъ жить среди поляковъ еще долго. — Д. держалъ польское общество въ постоянномъ возбужденіи, не давая ему успокоиться. Горячка и лихорадочный бредъ были его нормальнымъ состояніемъ, и онъ всѣми силами старался пріучить къ нимъ и польскій общественный организмъ. — Но у Д—аго было все таки столько здраваго смысла, столько простого, не затуманеннаго романтизмомъ національнаго чувства, что его отношенія къ Руси въ сущности гораздо понятнѣе и естественнѣе болѣзненныхъ фантазій Чайковскаго и Залескаго.

Всѣхъ вообще русскихъ онъ ненавидѣлъ, выдуманныхъ имъ «porządnych Rusinow» и украинофиловъ, съ которыми въ иныя минуты сближался, онъ долженъ былъ презирать. Это и просто, и понятно. Съ Д—имъ нельзя было говорить, но можно было бороться, видя въ немъ болѣе или менѣе равнаго противника.

Сравнительно съ нимъ въ этомъ отношеніи Чайковскій и Залескій—дѣти; вступать съ ними съ бой было бы жалко.

Эта, такъ сказать, элементарность чувствъ Д—аго, конечно, ложныхъ, но имѣющихъ извѣстное оправданіе въ историческомъ складѣ событій, дѣлали его иногда дѣйствительнымъ героемъ минуты, тогда какъ Чайковскій, напр. если и былъ героемъ, то во всякомъ случаѣ только театральнымъ.—Вотъ почему, безконечно уступая своимъ товарищамъ по талантамъ и образованію, Д. оказывалъ не только на ходъ дѣлъ, но даже на умы большее вліяніе, чѣмъ они оба.—«Каждый негаличанинъ, говоритъ И. Франко, которому приходилось вести споръ о важнѣйшихъ общественныхъ и народныхъ вопросахъ съ среднимъ галиційскимъ полякомъ, знаетъ по собственному непріятному опыту, какія трудности представляетъ подобная бесѣда, какое множество догматическихъ положеній и патріотическихъ pia desideria ставшихъ неоспоримыми аксіомами, преграждаетъ путь свободнаго развитія истинно гражданской мысли — всѣ эти поразительныя особенности и наросты галиційско-львовскаго ума въ значительной степени являются порожденіемъ духа и плодами трудовъ одного человѣка» — Я. Добжанскаго. Сѣмена, посѣянныя имъ на галиційской почвѣ дали обильный урожай. Главнымъ условіемъ успѣха его трудовъ былъ, конечно, прежде всего тотъ глубокій умственный сонъ Галиціи, о которомъ мы упоминали раньше и, какъ слѣдствіе, та отсталость, которая и теперь еще столь сильно замѣтна въ умственной жизни галиційско-польскаго общества. Этимъ въ значительной степени объясняется живучесть идей Д—аго и продолжающаяся до сихъ поръ травля русскихъ въ Галиціи, — крайне грустные пережитки, поддерживаемые лжепатріотическою дѣятельностью лицъ, подобныхъ Д—ому. «Нехай ему вже Богъ прощае» закончимъ мы словами «Дѣла» нашъ силуэтъ.

И. Филевичъ.

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

По сербскимъ и хорватскимъ.

Отзывы сербской и хорватской печати о событіяхъ въ Болгаріи.—Отношенія къ этимъ событіямъ сербскаго правительства. — Положеніе дѣлъ въ Сербіи. — Нѣсколько словъ о Боснѣ, Герцеговинѣ и Македоніи. — Борьба народностей въ Австро-Венгріи.—Польско-мадьярско-румынскіе восторги и разочарованія.—Чешско-польскій союзъ.—Мелочи и курьезы.

Болгарскія событія глубоко взволновали весь славянскій міръ, ибо снова поставили на сцену роковой вопросъ:—за кого стоять славянамъ, за Россію или за Европу. Никогда еще такъ рѣзко не сказалось глубокое различіе между славянскимъ міромъ съ одной и романо-германскимъ съ другой стороны, какъ по поводу болгарскихъ событій. За то Россія можетъ считать себя счастливой—за нее всталъ горой (за немногими исключеніями) весь славянскій міръ. Но, къ сожалѣнію, были и исключенія. Именно, поляки, какъ и всегда, заняли враждебное Россіи положеніе. Но обратимся къ ближайшему разсмотрѣнію отзывовъ славянской печати и въ частности сербской и хорватской (отзывы чешской и другихъ слав. газетъ читатель найдетъ въ другихъ отдѣлахъ «Извѣстій»).

Когда разнеслась вѣсть, что принца Баттенберга, изгнаннаго изъ Болгаріи, снова зовутъ туда, «Застава» объяснила это явленіе тѣмъ, что при переворотѣ 9 августа, Цанковъ и митрополитъ Климентъ опирались лишь на нѣсколько батальоновъ, народъ же относился пассивно къ перевороту. Поэтому, когда остальная часть болгарскаго войска узнала о переворотѣ, стала возможною и контрреволюція. Понятно, почему болгарскіе офицеры высказались за возвращеніе Баттенберга въ Болгарію: при немъ они выдвинулись впередъ изъ ничтожества. Благодаря удаленію русскихъ войскъ, имъ самимъ захотѣлось въ генералы. Этого не сообразилъ Цанковъ. Оба переворота, во всякомъ случаѣ, дѣло войска, а не народа. Враги Россіи и славянства теперь торжествуютъ, однако это торжество мнимое, если взглянуть на отношеніе Германіи къ Россіи въ болгарскомъ вопросѣ. Глаза Россіи теперь открыты, она увидала многое, чего раньше не подозрѣвала, *и въ этомъ-то и заключается главнѣйшій результатъ, достигнутый переворотомъ* (см. «Застава» 19 августа).

Князя Александра вернули въ Болгарію корыстолюбивые офицеры, а не народъ. Оваціи ему во Львовѣ со стороны поляковъ болѣзненно подѣйствовали на все славянство; поляки оказались вполнѣ славянскими отщепенцами (*Застава 22 августа*). Но Александръ скоро убѣдился, что ему невозможно удержаться въ Болгаріи противъ народа и Россіи. Чтобы задобрить Россію, онъ осмѣливается послать къ царю іезуитскую депешу; но она была оцѣнена по достоинству. На нее послѣдовалъ властный и непререкаемый отвѣтъ. Этимъ Россія одержала новую великую побѣду—унизила своихъ враговъ и враговъ славянства и доставила торжество славянскимъ интересамъ на Балканскомъ полуостровѣ. («*Застава*» 24 августа).

По прибытіи въ Софію, принцъ Баттенбергъ объявилъ офицерамъ, что онъ долженъ оставить Болгарію, *ибо того хочетъ русскій царь*. Офицеры пожалѣли о немъ, *но прочее населеніе осталось хладнокровно*. Иронически желая принцу Баттенбергу счастливаго путешествія въ его нѣмецкое отечество, «*Застава*» выражаетъ надежду, что Болгарія не послѣдуетъ примѣру Сербіи (оффиціальной) и не будетъ поприщемъ для дѣятельности враговъ Россіи и славянства. («*Застава*» 26 августа).

О возвращеніи принца Баттенбергскаго та-же газета сообщаетъ слѣдующее: Около князя постоянно вертѣлись офицеры Муткуровъ и Поповъ, которые силою заставили жителей устроить князю торжественную встрѣчу. Въ соборѣ князя встрѣтилъ митрополитъ Кириллъ и сказалъ ему: «Хвала Богу, ты вернулся и принесъ назадъ народу его славу. Ты такой князь, какимъ всякій народъ могъ-бы гордиться. Съ тобой народъ! Дай Боже, чтобы намъ можно было съ тобою быть счастливыми!» На эти слова князь отвѣчалъ поклономъ.

Офицерамъ князь сказалъ: «Семь лѣтъ я трудился для Болгаріи. Особенно же заботился о болгарскомъ войскѣ и его офицерахъ, которыхъ считалъ какъ бы своими собственными дѣтьми. Я всегда былъ спокоенъ, когда видѣлъ около себя офи-

церовъ (тутъ князь заплакалъ). Когда въ ту страшную ночь я услышалъ въ передней шумъ, то тотчасъ же спросилъ: есть ли тамъ войско?—И когда мнѣ сказали—есть, я успокоился, ибо я довѣряю войску. И теперь я еще не потерялъ довѣрія къ своимъ офицерамъ, такъ какъ, благодаря Муткурову и Попову, спасено доброе имя офицеровъ (обнимаетъ Муткурова и Попова). Я вижу около себя преданныхъ офицеровъ *и могу уѣхать изъ Болгаріи, гордясь ими*, ибо знаю, что они не нарушатъ мира. Но что бы ни было со мною, я буду заботиться о Болгаріи и молиться за нее. *Я не могу болѣе оставаться, ибо русскій царь не хочетъ этого, въ виду того, что мое пребываніе здѣсь можетъ принести землѣ несчастія. Я долженъ оставить Болгарію.* (Поповъ восклицаетъ: «мы были и останемся съ вами. Только смѣлѣе и впередъ!)» Независимость Болгаріи требуетъ, чтобы я уѣхалъ изъ страны, такъ какъ, если я этого не сдѣлаю, то русскіе займутъ Болгарію. Но прежде, чѣмъ уѣхать, я хотѣлъ бы посовѣтываться съ моими офицерами, чтобы поставить такое правительство, какое охраняло бы интересы офицеровъ. Во всякомъ случаѣ разсчитываю на войско.»

Эта рѣчь весьма характерна по своей откровенности. Уѣзжая, Баттенбергъ оставилъ баттенберговцевъ. Болгарія осталась безъ князя. Когда прогремѣло грозное слово русскаго царя, пали ницъ всѣ нѣмецкіе и англійскіе друзья Баттенберга и пожертвовали своимъ любимцемъ, лишь бы только не поссориться въ конецъ съ великою славянскою державою. Этимъ Россія доказала, что ея вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ могуче, что стоитъ только ей не на шутку разсердиться, и всѣ ея враги разбѣгаются, какъ воробьи предъ орломъ. Не помогли князю Александру ни польскія, ни мадьярскія оваціи. Что касается вопроса о новомъ князѣ для Болгаріи, то, по мнѣнію «Заставы» всего лучше было бы устроить личную унію Болгаріи съ Сербіей, *если бы на сербскомъ престолѣ сидѣлъ не Миланъ.* Но вопросъ о томъ, кто будетъ княземъ, второстепенный. Главное это то, что Россія и славянство одержали побѣду.

Другая сербская газета «Србобран» говоритъ въ № отъ 19 августа, что возвращеніе Баттенберга въ Болгарію—это величайшій срамъ и позоръ для Болгаріи. Но виноватъ въ этомъ не народъ, а виновата подлая и развращенная болгарская интеллигенція. Изъ Берлина будто бы пытаются помирить царя съ Баттенбергомъ. Но такое примиреніе невозможно: кто же послѣ этого былъ бы царь великой Россіи! Россія должна поддерживать славянство въ своихъ собственныхъ интересахъ и отнынѣ перемѣнить свое отношеніе къ сербамъ: разочаровавшись въ сыновьяхъ своихъ болгарахъ, она должна перестать смотрѣть на сербовъ какъ на пасынковъ.

Въ № отъ 22 августа та-же газета дѣлаетъ сравнительную характеристику Милана и Баттенберга. Прусскій юнкеръ, проникнутый нѣмецкимъ духомъ, Баттенбергъ хотѣлъ сдѣлать изъ Болгаріи своего рода новую Индію для нѣмцевъ, для чего онъ и соединилъ ее съ Румеліей и обратился въ турецкаго пашу и полицейскаго чиновника Германіи и Австріи. Въ его лицѣ Болгарія согрѣла на своей груди змѣю.

Въ Сербіи то-же самое, только тамъ еще не удалось Милану разстроить добрыя отношенія къ Россіи и славянству. Милану не разъ совѣтовали перестать быть главою напредняцкой партіи, бросить неславянскую политику и помириться съ Россіей и Черногоріей. Но этого онъ не дѣлалъ и не дѣлаетъ. Сербія страдаетъ отъ австрійскихъ жидовъ и проходимцевъ, которые какъ пауки и скорпіоны высасываютъ изъ нея соки и какъ вампиры пьютъ ея кровь.

Но этого мало. Миланъ побратался съ прогнаннымъ Баттенбергомъ. Почему? Потому, что оба борются только за свои престолы, а не за счастье своихъ народовъ, оба бѣгутъ отъ Россіи и предаются ея врагамъ.

Та же газета указываетъ, до какого безстыдства дошли баттенберговцы по отношенію къ Россіи. Одинъ изъ выдающихся приверженцевъ Каравелова, въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ этой газеты, сказалъ, что Россія вовсе не за освобожденіе Болгаръ воевала, а за тѣмъ, чтобы устроить для себя «задунайскую губернію»; но, къ счастью, это не удалось, благодаря Германіи, Австріи и Англіи. Россію не за

что благодарить Болгаріи, а благодарить слѣдуетъ Европу, которая заботится о ея освобожденіи отъ русскаго гнета. Это знаютъ Баттенбергъ и Карлъ румынскій и управляютъ согласно съ дружескими совѣтами Европы. Болгарія не боится Россіи, ибо Европа никогда не допуститъ занятія ея русскими войсками.

Справедливо возмущаясь подобными взглядами приверженцевъ Баттенберга, «Србобран» (30 августа) радуется отъѣзду его, причемъ, замѣчаетъ, что народъ остался къ этому событію вполнѣ равнодушенъ. Болгарія не много выиграла отъ паденія Баттенберга, котораго политика была противна Россіи и который и самое соединеніе съ Румеліей произвелъ по совѣту Англіи и во вредъ Россіи. Теперь, можно надѣяться, что Болгарія, руководимая мощной рукой, ее создавшей, опять пойдетъ по славянской дорогѣ, не потерявъ ни свободы, ни независимости, ни результатовъ объединенія. Но газета недовольна порядкомъ вещей, наступившимъ въ Болгаріи послѣ удаленія Баттенберга. Между прочимъ, она замѣчаетъ, что *ни Муткуровъ, ни Стамбуловъ, въ силу конституціи, не имѣютъ права быть* регентами.

Во всякомъ случаѣ, продолжаетъ *Србобран*, болгары выбрались теперь на вѣрную дорогу. *А сербы?* Когда они выберутся? Объединятся-ли они, и кто ихъ объединитъ?

Газета «*Српски Лист*» также посвятила болгарскимъ событіямъ рядъ статей. Такъ, въ № отъ 20 августа *Српски Лист*, говоря о восторгахъ мадьярской, вѣнской и англійской печати, по поводу возвращенія Баттенберга, замѣчаетъ, что рано еще врагамъ славянства радоваться этому, *ибо болгарскій народъ* не желаетъ возвращенія Баттенберга. Толпа людей совершила переворотъ, такая же толпа и подавила его, народъ тутъ не причемъ. Народъ радовался изгнанію Баттенберга, онъ же будетъ радоваться и возвращенію его послѣ 8-дневнаго изгнанія. Переворотъ совершенъ болгарскими офицерами; большинство послѣднихъ за Баттенберга. Но судьба Болгаріи и Баттенберга рѣшена въ Франценсбадѣ, гдѣ Бисмаркъ склонился предъ Россіей, которая теперь хозяинъ положенія.

Паденіе Баттенберга — величайшій успѣхъ Россіи. По мнѣнію «*Српскаго Листа*», это событіе тѣмъ болѣе важно, что бросаетъ свѣтъ на будущую политику Россіи на востокѣ. Россія не можетъ остановиться на этомъ, она не можетъ допустить другаго Баттенберга на болгарскій престолъ.

Та же газета дѣлаетъ характеристику болгарскихъ политиковъ, начиная съ Цанкова. Особенно любопытны замѣчанія о Каравеловѣ. Поведеніе послѣдняго объясняется вліяніемъ его жены, Екатерины Каравеловой. Послѣдняя получила образованіе въ Россіи, гдѣ усвоила нигилистическія воззрѣнія. Явившись въ Болгарію, она вращалась въ офицерскихъ кружкахъ и успѣла плѣнить Каравелова, если не красотой (она некрасива), то смѣлостью сужденій. Ставъ его женой, она взяла его подъ башмакъ и стала направлять его дѣйствія по своему усмотрѣнію. Она слѣдила за всѣми, кто приходилъ къ нему, была посредницей между нимъ и княземъ, являлась на совѣты министровъ, которые поневолѣ должны были соглашаться съ нею, словомъ она правила за Каравелова Болгаріей. Участіе ея въ переворотѣ 9 августа еще не выяснено.

Сопоставляя два адреса болгарскаго народнаго собранія—одинъ къ царю, другой къ регентству, *Српски Лист* (10 сентября) удивляется этому лицемѣрію болгарскихъ законодателей и видитъ въ этой двоякой игрѣ плодъ, выросшій изъ сѣмянъ, посѣянныхъ Баттенбергомъ. Россія встрѣтилась съ величайшею и незаслуженною неблагодарностью; поэтому ей теперь слѣдуетъ не только вернуть прежнее свое вліяніе, но и потребовать отъ Болгаріи рѣшительнымъ образомъ исполненія всѣхъ своихъ требованій. Болгарія не смѣетъ быть орудіемъ противъ славянства и Россіи. Поэтому и князь долженъ быть такой, который преданъ Россіи и славянству. Возвращеніе Баттенберга немыслимо. Обсуждая отношенія къ Россіи по поводу болгарскихъ событій со стороны иностранныхъ державъ, *Српски Лист* указываетъ на *видимое* попустительство Германіи и на почти нескрываемое недовольство Австріи, гдѣ уже открыто выражаютъ недовольство не только политикой Бисмарка, но и предполагаемымъ подѣломъ между нею и Россіею «сферъ вліянія» на Балканскомъ полуостровѣ: такой подѣлъ можетъ уси-

лить Россію и ослабить Австрію, въ которой и безъ того уже слишкомъ много разнородныхъ элементовъ.

Не менѣе сочувственно отнеслись къ Россіи по поводу болгарскихъ событій органы сербской оппозиціи *Нова Уставност* и *Одјек*. Подъ впечатлѣніемъ этихъ событій *Одјек* сталъ проповѣдывать союзъ балканскихъ народовъ, съ Россіей во главѣ, противъ западнаго вліянія. Къ сожалѣнію, эти дружественные намъ голоса скоро должны были смолкнуть подъ давленіемъ напреднякаго террора (о чемъ скажемъ ниже).

Прочувствованную статью посвятилъ болгарскимъ событіямъ *«Глас Црногорца»* (9 сентября). Весь славянскій міръ долженъ стать подъ одно общее *русское* знамя. Бѣда Болгаріи, если она выйдетъ изъ подъ этого знамени. Покойный великій Царь-Освободитель имѣлъ всѣ основанія разсчитывать, что посаженный имъ на болгарскій престолъ князь поведетъ молодое государство, созданное русскою кровью и великими жертвами русскаго народа, по дорогѣ, указываемой славянскою мыслью, что онъ будетъ заботиться о свободѣ и независимости Болгаріи и отнюдь не рѣшится отдѣлять ее отъ великой матери всего славянства—Россіи. Но князь Александръ скоро показалъ, что онъ не думаетъ слѣдовать благородному призыву Царя-Осводителя; скоро стало видно, чтовъ немъ течетъ не славянская кровь, такъ рѣзко сказались его германскія симпатіи. Онъ рѣшился употребить всѣ усилія, чтобы поссорить Болгарію съ Россіей и вовлечь ее въ опасный водоворотъ чужихъ интересовъ и разсчетовъ. Онъ такимъ образомъ довелъ Болгарію до крайне опаснаго положенія, изъ котораго она была выведена лишь удаленіемъ виновника всѣхъ бѣдствій ея. Конечно, такое болѣзненное состояніе страны не могло не вызвать наружу разныхъ вредныхъ явленій. Но теперь Болгарія вылѣчена и снова получила возможность быть полезной и самой себѣ и славянству. За излѣченіе отъ этой опасной болѣзни Болгарія опять должна благодарить Русскаго Царя, который одинъ только и могъ помочь ей. Теперь отъ Болгаріи требуется только одного, чтобы она слѣдовала совѣтамъ своего исцѣлителя и стала на *собственныя* ноги.

Для другихъ же славянъ балканскихъ пусть примѣръ Болгаріи будетъ живымъ напоминаніемъ, что нельзя безнаказанно идти противъ духа, крови и историческихъ воспоминаній народа, что нельзя прерывать естественной связи съ природными друзьями и опираться на враговъ, которые пользуются славянами какъ орудіемъ для достиженія своихъ эгоистическихъ цѣлей.

Изъ хорватскихъ газетъ чрезвычайно сочувственно отнеслась къ Россіи газета *«Hrvatska»*. Исчезли тріумфы, цвѣты, крики eljen, осталось одно униженіе Баттенберга предъ русскимъ царемъ. Такъ начинаетъ эта газета одну изъ своихъ прекрасныхъ статей о болгарскихъ событіяхъ (см. № отъ 3 сентября). И Баттенбергъ еще осмѣлился увѣрять въ преданности того, предъ кѣмъ столько малъ и кому столько измѣнялъ, противъ кого вступилъ въ заговоръ съ его врагами! Это ли не верхъ подлости! За то отвѣтъ русскаго царя вполнѣ достоинъ его. Этимъ отвѣтомъ заклеймлена по достоинству подлость человѣка, храбрившагося только предъ королемъ Миланомъ да львовскими «Ревекками», подносившими ему цвѣты. Депешу князя Александра эта газета подвергаетъ самому жестокому осужденію, какое только было высказано вообще со стороны славянской печати *).

Болгарскій народъ преданъ Россіи. Онъ никогда не согласится сдѣлать изъ своей страны то, чѣмъ стала Сербія, эта рабыня «Лендербанка». Совершенно изолгавшіяся вѣнскія и пештскія газеты боятся, что Россія сдѣлаетъ изъ Болгаріи свою губернію, но такая участь была бы для Болгаріи во сто разъ лучше, чѣмъ хозяйничанье какого нибудь Лендербанка или львовскихъ жидовъ.

Регентство Стамбулова съ товарищами *«Hrvatska»* считаетъ совершенно незаконнымъ и противнымъ конституціи. Говоря о взглядахъ, высказанныхъ бывшимъ министромъ народнаго просвѣщенія въ Италіи *Бони* въ его брошюрѣ «Nuova antologia», *«Hrvatska»* энергически защищаетъ Россію, облагодѣтельствовавшую Болгарію, отъ упрековъ въ посягательствѣ на неза-

---

*) По этому нечего удивляться, что эта газета какъ и «Србобран» подвергается постояннымъ конфискаціямъ.

висимость Болгаріи и называетъ Россію единственнымъ другомъ и защитникомъ славянъ. Русскія войска освободили въ 1878 году болгаръ отъ турецкаго ига, а теперь русская дипломатія освободила ихъ отъ ига еще болѣе тяжкаго, отъ окончательной гибели и развращенія *). Россія опять готова на великія жертвы для Болгаріи. Она не могла спокойно глядѣть на то, что творилось тамъ: ея великія историческія воспоминанія, ея славное недавнее прошлое, ея достоинство и честь, наконецъ принесенныя ею жертвы, все это требовало, чтобы она стала на пути недостойнымъ Баттенберговскимъ проискамъ и интригамъ его друзей. Россія хорошо знаетъ, что огромное большинство болгарскаго народа не виновато въ томъ, что случилось. Но она также хорошо знаетъ, что надо дѣлать, чтобы освободить окончательно болгарскій народъ. Слѣдующій за тѣмъ панегирикъ русскимъ офицерамъ и русскому войску ясно показываетъ на какое *освобожденіе* намекаетъ «*Hrvatska*».

Если присоединить къ этому единодушное сочувствіе къ Россіи *чешской* печати, то мы вынесемъ отрадное чувство и сознаніе, что въ правомъ дѣлѣ Россіи ей горячо сочувствуетъ весь славянскій міръ. Даже газета «*Politik*», всегда сдержанно относившаяся къ Россіи и защищавшая не столько славянскіе или чешскіе, сколько *австрійскіе* интересы, и та рѣшительно стала на сторону Россіи и доказываетъ (см. № 239), что Австріи во что бы то ни стало надо жить въ мирѣ съ Россіей; «*Politik*» осуждаетъ поляковъ за ихъ отношеніе къ Россіи въ послѣднее время *).

Болгарскія событія ясно показали, кто враги Россіи. Къ сожалѣнію, къ этимъ врагамъ причислили себя *оффиціальная* Сербія и *оффиціальная* Румынія, обѣ многимъ обязанныя Россіи. Этимъ открытымъ заявленіемъ своихъ враждебныхъ Россіи чувствъ оба правительства пошли въ разрѣзъ съ чувствами своихъ народовъ, которые вполнѣ преданы Россіи. Говоря объ этомъ странномъ отношеніи сербскаго правительства къ Россіи, газета «*Нова Уставност*» припомнила замѣчательное событіе, именно Бухарестскій съѣздъ 1870 года, на которомъ сербскіе и болгарскіе патріоты рѣшили соединить Сербію съ Болгаріей *личной уніей*. Указавъ затѣмъ на одну изъ причинъ нашихъ неудачъ подъ Плевной (состоявшую въ томъ, что тогдашніе «напредняки» или «каймакамцы» постарались удалить изъ Сербіи генерала Никитина, посланнаго подготовить сербское войско и тѣмъ лишили Сербію возможности въ надлежащее время задержать Османа-пашу на восточной границѣ Сербіи) *Н. Уставность* говоритъ, что вопросъ о *личной уніи* Сербіи съ Болгаріей снова возникъ въ 1881 году, но Австрія помѣшала этому, устроивъ войну Сербіи съ Болгаріей. Понятно, что теперешнее дружественное отношеніе сербскаго правительства къ баттенберговцамъ зависитъ не отъ надеждъ Милана на личную унію, а отъ боязни его испытать участь, подобную участи князя Александра. Этой боязнью объясняются и поздравительныя депеши короля Милана къ князю Александру, и посылки въ Софію Тодоровича для переговоровъ о сближеніи между Болгаріей и Сербіей.

При всемъ томъ никогда положеніе дѣлъ въ Сербіи не было такъ мрачно, какъ теперь. *) Скупщина ожидается съ величайшимъ нетерпѣніемъ и если эти ожиданія не сбудутся, то можно ожидать серьезныхъ послѣдствій. Финансовое разстройство страны достигло крайней степени. Къ этому присоединился жестокій правительственный терроръ. Въ короткое время нѣсколько газетъ были закрыты, редакторы ихъ посажены въ тюрьму (нѣкоторымъ, впрочемъ

---

*) Конецъ этой сильной статьи былъ вычеркнутъ австрійской цензурой.

*) Впрочемъ, въ оваціяхъ Баттенбергу во Львовѣ принимали участіе не столько поляки, сколько жиды и жидовки (см. «*Hrvatska*» 30 августа). При отъѣздѣ его въ Болгарію очаровательныя Сарры и Ребекки явились въ бѣлыхъ платьяхъ провожать его на главный вокзалъ съ надписями на вѣнкѣ: «польки славницкому герою»; но каково было ихъ разочарованіе, когда онѣ узнали, что князя провезли черезъ другой вокзалъ, такъ что онъ покинулъ Галицкій Іерусалимъ не принявъ вѣнка отъ нихъ!

*) Газета «*Србобран*» приводитъ слѣдующую статистику Сербіи: къ концу 1884 года въ Сербіи было 1.859.060 жителей; 1.407 общинъ; 3.160 селъ; 66 городовъ и городковъ; 527 церквей; 59 монастырей; 515 казенныхъ зданій; 689 мужскихъ школъ; 91 женская школа; 896 профессоровъ и учителей; 295 учительницъ; 42,574 учениковъ; 7831 ученица; 1022 священника, 99 монаховъ (см. «*Србобран*» отъ 17 сентября).

удалось бѣжать). За шуточное стихотвореніе про короля Абдалу редактора одной каррикатурной газеты посадили на 4 года въ тюрьму: мудрый судъ усмотрѣлъ, что король Абдала значитъ король—будала и ни кто иной, какъ самъ Миланъ. Поведеніе послѣдняго газета *«Odjek»* прямо называетъ и смѣшнымъ и грустнымъ; грустно и смѣшно видѣть эту полную растерянность, эту боязнь сдѣлать что нибудь такое, чтобы не нравилось Австріи.

Вопросъ о Боснѣ и Герцоговинѣ, не смотря на то, что главное вниманіе всѣхъ устремлено на Болгарію, продолжаетъ быть однимъ изъ самыхъ животрепещущихъ современныхъ вопросовъ и недавно былъ предметомъ разговора издателя газеты «Politik» съ однимъ русскимъ дипломатомъ. Въ этомъ разговорѣ любопытны указанія на то, что переворотъ 9 августа былъ для Россіи неожиданностью и что болгарскій вопросъ станетъ вопросомъ европейскимъ, коль скоро съ какой нибудь стороны попытаются взять у Россіи то, что принадлежитъ ей по праву. Не менѣе важно указаніе на то, что никакого подѣла здѣсь вліянія между Австріей и Россіей не было и никакихъ о томъ переговоровъ не велось.

Въ августѣ еще министръ Каллай путешествовалъ въ Сараево, и это путешествіе *«Застава»* (19 авг.) приводила въ связь съ вопросомъ объ аннексіи Босны и Герцеговины. Во время своего путешествія Каллай нисколько не обращалъ вниманія на нужды и жалобы населенія, а посѣщалъ однихъ только австрійскихъ чиновниковъ и съ ними только и имѣлъ сношенія. По словамъ той же газеты (см. № отъ 26 августа), положеніе вещей съ странѣ очень печально. Торговля въ полномъ упадкѣ, какъ и судоходство и желѣзная промышленность. Шпіонство развито въ высшей степени. Австрійцы, особенно австрійскіе жиды не только разоряютъ, но и развращаютъ народъ: такъ, благодаря имъ сильно развилась *торговля женщинами*, которой совсѣмъ не было во время турецкаго владычества. Администрація не стѣсняется произвольными мѣрами: такъ одну учительницу, Узельчеву, родомъ далматинку, выгнали изъ Босны «по политическимъ причинамъ», за ея будто бы сербскую пропаганду и выгнали чрезъ жандармовъ (см. *Застава* 20 авг.). Газета *«Србобран.»* (отъ 26 авг.), начала-было печатать интересную статью о печати въ Боснѣ, но, къ сожалѣнію, на самомъ интересномъ мѣстѣ печатаніе было прекращено цензурою. На сколько хороша введенная Австріею печать, доказываютъ статьи газеты *«Bosnische Post»*, которая не только проповѣдуетъ открытую вражду къ Россіи, но не менѣе враждебно относится и къ боснякамъ и герцеговинцамъ, рекомендуя правительству какъ можно больше вѣшать этихъ бездѣльниковъ—съ такимъ де народомъ иначе нельзя дѣйствовать (см. *Bosnische Post* №№ 73, 75, 78, 79 и 80). И дѣйствительно, тамъ вѣшаютъ исправно: еще недавно повѣсили 4 сербовъ, выданныхъ Сербіей.

О Македоніи имѣются весьма неполныя и отрывочныя свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что тамъ *Англія поддерживаетъ* дѣятельную *болгарскую пропаганду*. Шайки гайдуковъ бродятъ по странѣ: ихъ ловятъ турецкія войска. Такъ, недавно извѣстный Вессель - паша захватилъ шайку усташа Мишку, который прямо показалъ, что его чета содержится на болгарскій счетъ; въ составѣ четы есть и нѣкій русскій, продающій иконы и отлично знающій страну и ея жителей (*Hrvatska, 30 авг.*) Въ *Австро-Венгріи* снова начинается борьба народностей. Нѣмецкій элементъ снова возстаетъ на славянскій. На дняхъ въ Грацѣ, гдѣ живетъ до 30,000 славянъ, городское общественное управленіе постановило не принимать на городскую службу ни одного славянина. *Застава* (11 сент.) вполнѣ справедливо замѣчаетъ, что если и другіе австрійскіе города, гдѣ большинство жителей нѣмцы, послѣдуютъ этому примѣру, то это будетъ настоящая междоусобная война во время мира; но пусть нѣмцы не забываютъ, что славяне могутъ дѣлать съ ними тоже въ тѣхъ городахъ, гдѣ численностью превосходятъ нѣмцевъ.

О польскихъ восторгахъ по поводу возвращенія князя Александра въ Болгарію мы уже говорили выше. Теперь нужно сказать нѣсколько словъ о подвигахъ мадьяръ. Мадьярскіе магнаты снарядили отъ себя, подъ предводительствомъ пріятеля короля Милана, депутацію для поздравленія князя Александра въ Софіи. Депутація выѣхала въ Софію чрезъ Сербію (не постыдились

сербовъ) и, вѣроятно, потому на границѣ ее болгары не пропустили въ Болгарію, такъ что она поневолѣ должна была отправиться во свояси и имѣла счастье, не увидавъ ни Софіи, ни Александра, встрѣтить послѣдняго при обратномъ его путешествіи въ Германію въ Пештѣ. Тамъ графъ Зичи привѣтствовалъ его небольшой рѣчью, а мадьярская толпа неистово кричала: «Eljen Sándor! Le a muszkaval! Abczug Muszka!» (Да здравствуетъ Александръ! къ чорту русскихъ! Долой Царя)! Мадьяры этимъ не ограничились, а сейчасъ послѣ отъѣзда князя направились толпами (большинство были студенты) къ зданію русскаго консульства и тамъ устроили кошачью серенаду и чуть было не ворвались въ самое консульство и не перебили въ немъ оконъ, еслибы полиція не помѣшала. Что касается румынъ, то торжественныя встрѣчи Александра были дѣломъ Румыніи оффиціальной, въ чемъ она скоро раскаялась (повидимому).

Чешско-польскій союзъ, не смотря на разногласіе чеховъ съ поляками по болгарскому вопросу, вѣроятно, не разстроится въ виду ихъ общихъ интересовъ въ рейхсратѣ (недаромъ нѣмцы такъ радовались слухамъ о распаденіи этого союза).

Въ заключеніе двѣ мелочи: «*Драшков Рабош*» въ послѣднемъ № говоритъ, что вотъ вышли въ свѣтъ сочиненія И. С. Аксакова, всю жизнь положившаго на служеніе славянскому дѣлу, и однако Россія не посылаетъ ихъ къ славянамъ. *Посылай Россія больше книгъ къ славянамъ*, не пришлось бы ей вести кровопролитныя войны и тратить на нихъ сотни милліоновъ. Какъ жаль, что эта мысль не приводится въ исполненіе у насъ. *Слѣдовало бы напечатать сочиненія Аксакова дешевымъ изданіемъ* (какъ у насъ печатаются книги для народа) *и разсылать въ огромномъ количествѣ по славянскимъ землямъ, чтобы вѣщее слово великаго славянофила было роднымъ для каждаго славянина.*

Отъ серьезнаго къ смѣшному переходъ не далекъ. Вотъ одинъ курьезъ. Есть въ Германіи городъ «Prenzlau» и въ немъ издается газета «Uckérmärkische Courier». Газета эта, по примѣру другихъ также рѣшилась заняться болгарскимъ вопросомъ и помѣстила на своихъ страницахъ слѣдующую телеграмму: «За отсутствіемъ князя *Сербіи*, образовалось въ *Софіи* временное правительство. *Княгиня Ломпаленка поймана и скоро будетъ выслана заграницу!*»

Д. Н—скій..

2 октября 1886. С.-Петербургъ.

Чешская печать.

Народни Листы по поводу гаштейнскаго свиданія, современнаго настроенія мадьяръ и нѣмцевъ въ Австріи, и миссіи Черчиля.

Извѣстно, съ какою недоброжелательностью къ намъ относились враги славянства, когда императоры германскій и австрійскій въ Гаштейнѣ, а немногимъ ранѣе ихъ министры въ Киссингенѣ размѣнивались любезностями, клялись въ дружбѣ изаключали договоры противъ опасной восточной сосѣдки. Только славянская печать могла оцѣнить и понять настоящій смыслъ этихъ событій и ихъ значеніе для союзниковъ. Вотъ какъ, напр., отзывались о нихъ Нар. Л. въ статьѣ «Схôзе гостынскáя» № 220. Теперь государственные люди и делегаты австрійскіе могутъ видѣть, *кто кому былъ нужнѣе* *)—Австріи ли Германія, или Германіи Австрія. Насколько понимали это въ рѣшающую минуту при заключеніи новаго договора съ Бисмаркомъ, покажетъ будущее. Намъ остается только высказать въ эту минуту только давнее свое убѣжденіе, что мы считали бы весьма предосудительнымъ для Австріи, если бы она обязалась Германіи услугами помощи до такой мѣры, чтобы послѣднюю кровь нашу могла употреблять для своихъ цѣлей, т. е. на охрану своихъ интересовъ противъ Франціи или Россіи. Достаточно того, если она ужъ имѣтъ какъ опору и щитъ нравственный вѣсъ нашего имени, достаточно того, если она имѣетъ отдалять насъ отъ Россіи, тогда какъ *истинная безопасность и защита нашего отечества* въ будущемъ зависитъ именно только отъ счастливаго *мирнаго соглашенія* съ Россіей на Востокѣ, какъ во время скерневицскаго и кромѣрижскаго свиданій признавали это не только всѣ наши оффиціозы,

*) Курсивы подлинника.

но и важнѣйшіе противоположные журналы въ родѣ «Neue Freie Presse», такъ что единственными противниками русско-австрійскаго союза оказались въ Австріи только одни мадьяры. Теперь мадьяры радуются, тогда какъ Австрія едва не плачетъ! «Австрія, находясь въ срединѣ Европы, является язычкомъ европейскихъ вѣсовъ». «*Катастрофа приближается*, писали Народни Листы по тому же поводу (въ № 224), «*пусть 18 милліоновъ австрійскихъ славянъ не забудутъ, что они собственно являются этимъ язычкомъ на европейскихъ вѣсахъ, что наступаетъ ихъ время, что за грозовыми облаками, которыя собираются надъ Европой, кроется ихъ солнце, ихъ лучшая будущность!*» Болгарскія дѣла, послѣдовавшія вскорѣ за этими свиданіями, мощное слово русскаго царя, заставившее понизить свой тонъ оффиціальную Германію и еще съ большимъ бѣшенствомъ наброситься на Россію ея враговъ неоффиціальнаго калибра, вызвали новое проявленіе славянскихъ чувствъ въ чехахъ, о которыхъ уже мы сообщали читателямъ въ прошлой книжкѣ. Теперь мы познакомимъ читателей съ тѣми истинно славянскими мыслями, которыя вызвала у чеховъ эта подворотная брань и скрежетъ зубовъ на Россію славянскихъ враговъ. Вотъ что пишетъ изъ Вѣны отъ 9 сентября корреспондентъ Народныхъ Листовъ, (№ 264), обыкновенно доставляющій отчеты о засѣданіяхъ парламента. «Чѣмъ болѣе увѣряютъ, что тройственный союзъ служитъ ручательствомъ мира, тѣмъ менѣе заслуживаетъ это довѣрія... Далѣе авторъ указываетъ, что въ Австріи мало довольны союзомъ съ Германіей, а среди нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ господствуетъ ненависть и злость къ Россіи, кипящія въ печати даже въ то время, когда императоръ австрійскій поднимаетъ здравицу за своего друга, царя русскаго. «Но не менѣе характерно и то, что одинокіе голоса чешскихъ газетъ, которыя все-таки находятся въ явномъ согласіи съ политикой гр. Кальноки, пропадаютъ силою конфискаціи, когда предостерегаютъ передъ войной съ тѣмъ государствомъ, которое имѣетъ самое большее значеніе для сохраненія самостоятельной Австріи... Органъ станчиковъ польскихъ, навѣрно не изъ пустаго легкомыслія, указываетъ на русскія симпатіи чешскаго народа, какъ на клинъ, разщепляющій правую и на возможность соединенія нѣмцевъ съ поляками. Если побѣдитъ враждебное Россіи движеніе и если настоящія, покрайней мѣрѣ на видъ дружественныя отношенія къ Россіи уступятъ явному возбужденію, польско-нѣмецкій союзъ будетъ естественнымъ слѣдствіемъ этого. Однако мы не понимаемъ, чего-бы намъ, чехамъ, бояться такого союза и не можемъ согласиться, чтобы нѣмецко-австрійскій клубъ и поляки безъ насъ и словинцевъ представляли большинство, и если бы они искали дополненія его среди клерикаловъ, желаемъ откровенно нѣмцамъ счастія, чтобы они также близко узнали сладость и успѣшность такого союза, какъ и политика старочешская. Въ случаѣ противорусской заграничной политики мы бы и не желали, чтобы представители чешскаго народа были въ большинствѣ и несли отвѣтственность за такую политику. Слишкомъ опасною и угрожающею была бы такая политика для государства и нашего народнаго существованія, чтобы для мгновеннаго успѣха пуститься въ движеніе, настолько противорѣчащее нашимъ чувствамъ и убѣжденію». Да и самое-то большинство это пользы, въ цѣлыя семь лѣтъ правительства гр. Таафе не принесло почти что ни на грошъ. «Не видимъ поэтому, чѣмъ мы могли бы измѣнить задачамъ чешской народной политики, какъ онѣ поставлены были уже нашими воскресителями и нашими главнѣйшими политиками Гавличкомъ и Палацкимъ: мы имѣемъ въ виду *задачу славянской взаимности*, которая по нашему убѣжденію, на сколько касается Россіи, гораздо болѣе соотвѣтствуетъ и служитъ интересамъ австрійскимъ, чѣмъ политика семилѣтняго союза съ Германіей. Довольно печально и то, что практическая чешская политика должна была семь лѣтъ соглашаться съ нимъ. Но требовать отъ чешской политики, чтобы она сама поддерживала непріязненное Россіи движеніе и направляла его къ слѣдствіямъ, о которыхъ убѣждена, что они вели бы къ гибели Австріи, значило бы требовать отъ чеховъ величайшей интеллектуальной жертвы. Мы хорошо знаемъ, что мы здѣсь

слабы задержать или отвратить это движеніе... но ничто насъ не можетъ принудить къ тому, чтобы мы его поддерживали. Даже если бы считала это прекраснымъ и старочешская политика, то никто бы и ей не повѣрилъ, такъ какъ весь свѣтъ знаетъ наше истинное убѣжденіе».

Свои взгляды на восточный вопросъ и задачу Австріи въ немъ Народни Листы, этотъ глашатай политики младо-чеховъ, развиваютъ въ трехъ длинныхъ статьяхъ Чеховé а выходни политика ракýскá, (№ 270, 273, 278). «Во всемъ теченіи нынѣшней фазы развитія восточнаго вопроса, пишутъ Нар. Л., чешскій народъ сердцемъ и умомъ своимъ ободряетъ политику, которую проводитъ австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ въ согласіи съ Германіей *), политику *дружественную* Россіи, политику, которая поддерживала устраненіе изъ Болгаріи нѣмецкаго князя Александра и которая желаетъ Россіи снова получить то вліяніе и силу въ Болгаріи, которыя принадлежатъ ей и какъ передовой славянской державѣ, и какъ покровительницѣ Болгаріи и которыя она уже имѣла, а Австрія имъ не противилась и не имѣла отъ этого ущерба... За то однако чешское согласіе съ оффиціальною политикою государства вызвало необыкновенный гнѣвъ противъ чешскаго народа и намъ угрожаютъ, что слѣдствія этого чешскаго убѣжденія и чувства обнаружатся и въ близкихъ перемѣнахъ внутренней политики». Относительно оккупаціонной политики Нар. Л. говорятъ: «Поляки, часть чешскаго народа, а также представители моравскіе и словинскіе представители вообще въ союзѣ съ нѣмецкими консерваторами, поддерживали оккупаціонную политику. Поляки по причинамъ народнымъ, изъ вражды къ Россіи, другіе, чтобы наконецъ избавиться отъ безнадежнаго меньшинства и волною восточной политики подняться въ гору, до большинства... Чешскій народъ стоялъ на этотъ разъ еще совсѣмъ въ сторонѣ. Его симпатіи оккупаціонная политика не имѣла, не въ виду Турціи, этого архиврага славянскаго, паденія котораго онъ не могъ дождаться, но изъ опасенія, что занятіе земель поведетъ къ ихъ захвату, т. е. къ большему еще раздробленію сербско-хорватскаго элемента и такимъ образомъ ко вреду славянской идеи—въ оппозиціи всѣ чехи были чистыми славянами — и притомъ они знали, что оккупаціонная восточная политика должна рано или поздно привести къ враждѣ и войнѣ съ Россіей, въ которой нашъ народный инстинктъ чувствуетъ большую опасность для Австріи и нашего народнаго существованія. Чехи, за исключеніемъ моравскихъ представителей, съ самаго начала были такимъ образомъ противъ восточной политики Австріи и оттого собственно не старались на гребнѣ ея волны добраться до большинства». Въ концѣ концовъ большинство дало свое согласіе на оккупацію «нѣкоторые въ надеждѣ, что Австрія пойметъ свою пользу и не захватитъ этихъ земель. Можетъ быть также они льстили себя надеждою, что своимъ вліяніемъ они помогутъ вырвать государство изъ противорусскаго движенія». . . . .

. Бисмаркъ нуждался послѣ берлинскаго конгресса въ новомъ союзникѣ, Австрія тоже нуждалась въ союзникѣ, но о Россіи при *дуализмѣ* и при отвѣтственности министра иностранныхъ дѣлъ *мадьярской* делегаціи не могло быть и рѣчи, а потому Андраши и принялъ охотно предложеніе Германіи. Общее мнѣніе было, что союзъ заключенъ противъ Россіи. Война висѣла на ниточкѣ. Но вотъ при русскомъ дворѣ настал оборотъ болѣе благопріятный Германіи, между Германіей и Россіей установились дружескія отношенія, къ нимъ присоединилась и Австрія: Бисмаркъ устроилъ скерневицкое свиданіе. Скоро обстоятельства показали, что въ глазахъ Бисмарка дружба съ Россіей выше дружбы съ Австріей, и эта послѣдняя является только слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Бисмарка, для нея онъ пальцемъ не двинетъ». Теперь весь свѣтъ и самые ярые сторонники нѣмецко-австрійскаго союза знаютъ, что Германія гораздо болѣе цѣнитъ для себя дружбу съ Россіей, но это горькое разочарованіе имѣетъ весьма нелогичное и неразумное слѣдствіе: усиліе искать удовлетворенія во враждѣ или даже въ войнѣ съ Россіей. Не нужно быть чехомъ, а тѣмъ менѣе славяниномъ, что-

*) Писано 17 сентября; курсивы въ выпискахъ принадлежатъ подлиннику.

бы убѣдиться во вредѣ и опасности этого движенія, но оно такъ всеобще, что кто противъ него, тотъ считается плохимъ патріотомъ австрійскимъ, при чемъ забываютъ, что къ ихъ числу слѣдовало бы отнести и гр. Кальноки». Не будь однако его разсудительности и миролюбія императора, война была бы съ Россіей, въ которой нечего было бы Австріи пріобрѣтать, но можно, было бы много проиграть, такъ какъ произойди катастрофа въ государствѣ, оно, по пророчествамъ нѣмецкимъ, ушло бы съ нѣмецкими землями къ Германіи. «И тутъ-то, восклицаетъ Нар Л., можетъ служить доказательствомъ дурнаго патріотизма, если мы, чехи, предостерегаемъ передъ такой войной? Тутъ-то намъ могутъ выставлять симпатіи къ Россіи грѣхомъ и преступленіемъ. Тутъ-то намъ грозятъ, что слѣдствіемъ нашего сопротивленія согласной восточной политикѣ будетъ новое угнетеніе чешскаго элемента?.. Гдѣ достаточно большая цѣна, чтобы Австрія изъ могущественнаго сосѣда сдѣлала себѣ навсегда непримиримаго врага?.. Отвѣчаютъ: Востокъ, Балканы не смѣютъ быть русскими, восточная политика непремѣннымъ своимъ слѣдствіемъ имѣетъ войну съ Россіей. Какая это политика, чего она хочетъ достигнуть, съ какой цѣлью и какими средствами?» Цѣли восточной политики Австріи до сихъ поръ не опредѣлены, говорятъ Н. Л. «Неопредѣленность и неясность цѣли были до сихъ поръ знакомъ восточной политики. При этой неопредѣленности цѣли только одинъ девизъ чаще всего и громче всего можно услыхать отъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ газетъ, девизъ: *умалить и затереть Россію.* Но эти-то «недовѣріе и вражда къ Россіи и являются великимъ препятствіемъ успѣху восточной австрійской политики: они портятъ дѣло гр. Кальноки и отнимаютъ цѣну у оффиціальной дружбы австро-русской. Мадьяръ и поляковъ мы понимаемъ недовѣріе и вражду къ Россіи, но только у поляковъ мы не оговариваемъ; ихъ чувства вызваны подчиненіемъ и борьбой, хотя мы думаемъ, что тщательная разсудительность и ихъ должна заставить подчинить сердце разуму, а онъ у нихъ политически достаточно наученъ, чтобы видѣть всѣ тѣ опасности для нихъ и для государства, которыя ведетъ за собою эта вражда къ Россіи. Потому что, чтобы дружба Австріи съ Россіей вела за собою абсолютизмъ, самовластіе, угнетеніе всякой свободы въ австрійскомъ государствѣ, это пустая сказка. Россія въ освобожденныхъ земляхъ завела законность и дала свободное развитіе общественной свободѣ и самоуправленію, какъ же бы могла она мѣшаться во *внутреннія дѣла самостоятельнаго дружественнаго государства*? Какую причину имѣетъ Австрія къ явной враждѣ съ Россіей? Въ прошломъ ее напрасно искать». Россію ненавидятъ въ Европѣ, но Австріи напрасно было бы присоединяться къ этому всеобщему движенію. «Можетъ ли это государство, $^2/_3$ котораго составляютъ славяне, слѣдовать за врагами и противниками славянства? Но Россія, де, хочетъ всѣхъ, всѣхъ славянъ пожрать въ своемъ гигантскомъ глоткѣ и ея утвержденіе на Балканѣ было бы, де, смертью Австріи... Но развѣ Россія не освободила одинъ за другимъ балканскіе народы: Грецію, Румынію, Сербію, Болгарію и развѣ хоть одинъ изъ нихъ задавила она въ своихъ желѣзныхъ объятіяхъ, хотя ихъ соединяли съ нимъ право освободителя, общность вѣры и тождество племени? Не развиваются ли эти государства самостоятельно и даже не Россія была-ли творцомъ ихъ суверennаго положенія? А Болгарія!? Не хочетъ ли Россія подавить этотъ молодой народъ, взять его въ рабство? Не хочетъ, звучитъ честный не предвзятый отвѣтъ, потому что вся Русь говоритъ, что не хочетъ, она говоритъ это и нынѣ въ справедливомъ своемъ гнѣвѣ, когда интриги нѣмецкаго князя возбудили юный народъ къ враждѣ и недовѣрію къ освободителямъ. Не то, что говорятъ англійскіе, нѣмецкіе, мадьярскіе и всѣ остальные враги Россіи можетъ быть источникомъ ознакомленія съ замыслами Россіи, но то, о чемъ учитъ прошлое и что говоритъ сама Россія. Развѣ послѣдняя великая война русская не является самымъ лучшимъ доказательствомъ, что Россія не стремится къ смерти самостоятельности балканскихъ государствъ и особенно народа болгарскаго? Вела ли какая нибудь сила великую войну съ болѣе благородной цѣлью? Какую выгоду

извлекла Россія? Румынія, Греція, Черногорія, Сербія, Австрія, Англія, изъ которыхъ большинство и не воевали, получили свою выгоду, Россія никакой. Но та выгода, которой искало, будетъ искать и должна искать она: можетъ ли быть это рабство и уничтоженіе балканскихъ государствъ? Если бы Россія шла за этой цѣлью, могла ли бы она допустить, чтобы Румынія, которая лежитъ первою на пути къ Балканомъ и которая на половину врѣзывается въ гигантскую монархію могла достигнуть самостоятельности и усиленія, та Румынія, чужеплеменный народъ которой естественно долженъ былъ стать препоной *славянской* великой силѣ на пути къ Балканамъ? Со всѣхъ сторонъ кричатъ предвзятые и англійскими видами отравленные голоса: «Нѣтъ, Австрія имѣетъ не простую, по двойную причину къ враждѣ. Но всеобщность этого сужденія еще не ручается за истину». Россія не старается вредить Австріи и не ищетъ ея погибели «и только еслибы Австрія вполнѣ уступила влеченію мадьярской ненависти, еслибы вопреки своему очевидному благу сдѣлалась она непримиримымъ врагомъ Россіи, еслибы исчезла вся надежда найти въ Австріи добраго, надежнаго сосѣда, только тогда бы могла Россія видѣть свой интересъ въ томъ, чтобы идти по дурно скрываемымъ планамъ Германіи, имѣющимъ цѣлью уничтоженіе Австріи!» Н. Л. доказываютъ непрочность договоровъ съ Германіей. Бисмаркъ видитъ въ Австріи стараго врага Германіи и все его стараніе идетъ къ тому, чтобы обособиночить Австрію и Францію. «Географическое положеніе, историческія преданія, тождество не только племенное, но что гораздо болѣе—народное, необходимость великой нѣмецкой державѣ округлить свои границы, стратегическія требованія и потребность южной гавани, все это по естественному закону дѣлаетъ изъ Германіи противника и опаснаго пріятеля Австріи.» Пангерманизма, а не панславизма слѣдуетъ бояться Австріи. «Въ Австріи есть нѣмцы, но нѣтъ русскихъ *), а есть славяне, и Россія никогда не показывала, что хочетъ обезнародить и захватить *дружественныхъ* себѣ славянъ и славянскіе народы, не тѣ, которые имѣютъ самое разсудительное славянское сознаніе, не хотятъ быть русскими, какъ только тогда, когда бы они не смѣли быть тѣмъ, чѣмъ суть и когда имъ навязывавается *чужая* народность. Лучше русскими, чѣмъ нѣмцами — отвѣчаютъ всѣ славяне, но только въ случаѣ необходимости такого выбора, когда не имѣютъ свободы быть чехами, словаками, хорватами, сербами». Вести противорусскую восточную политику значило бы дѣйствовать на руку Германіи. У Австріи есть свои интересы на востокѣ, «но пусть она идетъ тѣмъ или другимъ путемъ, опаснымъ ли всегда путемъ *отвоеванія* или единственно ей полезнымъ *путемъ мира*, она не должна забывать *одной главной задачи*: дружественнаго соглашенія и честной прямой сдѣлки съ Россіей»... 3-я статья (№ 278) написана подъ впечатлѣніемъ отвѣта Тиссы. «Ясно, что суть этого отвѣта направлена противъ Россіи», говорятъ «Нар. Л.» «Мы сожалѣемъ объ этомъ въ интересахъ этой старой монархіи, для которой мадьярское главенство становится чѣмъ далѣе, тѣмъ предосудительнѣе. Австрія съ Россіей на Балканахъ состязаться не можетъ... Ужъ не думаютъ ли мадьяры, что они служатъ приманкою для симпатій балканскихъ народовъ? Самый ближайшій сосѣдъ мадьяровъ — румынъ уже ненавидитъ мадьяръ отъ глубины души... «Если же король Миланъ позволяетъ себѣ получать honneur'ы отъ мадьярскихъ магнатовъ и журналистовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Сербія хотѣла пуститься въ какое-нибудь общее дѣло съ мадьярами. Можетъ быть королю Милану и его современному правительству этого и очень хочется, такъ какъ Россія ничего не хочетъ предпринимать противъ австрійскаго вліянія въ Бѣлградѣ, но еслибы она вступила въ явную вражду съ Австріей, дѣла бы вполнѣ измѣнились, и король сербскій гораздо скорѣе будетъ за границами, чѣмъ Баттенбергъ; ему не придется даже испытать, подобно Александру, непріятность два раза платить прогоны... Въ случаѣ войны, Россія, безъ всякаго сомнѣнія, пошла бы въ битву съ сербской народной программой и имѣла бы на своей сторонѣ всѣхъ

*) Дѣйствительно процентъ русскихъ (нѣм. Ruthenen) не особенно значителенъ.

сербовъ... Во всемъ балканскомъ славянствѣ не нашла бы Австрія ни одного друга, да при политикѣ, которую проводятъ мадьяры въ Хорватіи и не можетъ быть иначе». Примѣромъ «славянской» политики Австріи «Нар. Л.» приводятъ дѣла въ Босніи и Герцеговинѣ, гдѣ, «по признанію самаго министра, вполнѣ ясно обнаруживается, что общественный порядокъ въ этихъ земляхъ не въ рукахъ Австріи, а чужихъ дѣятелей... Мы уже живемъ не въ средніе вѣка, но въ эпоху народнаго самосознанія; теперь нельзя, какъ прежде съ большими силами ворваться въ чужую землю, вести тамъ пропаганду чужимъ идеямъ или вносить тамъ культуру». «Народ. Л.» доказываютъ, что Боснія и Герцеговина прямо вредна для Австріи и съ ихъ потерей Австрія болѣе усилится, чѣмъ ослабнетъ...» «Неразумные политики обвиняютъ насъ, чеховъ, въ отсутствіи патріотизма за то, что мы враги присоединенія Босніи и Герцеговины къ Австріи, враги завоеваній на славянскомъ востокѣ, а между тѣмъ ясно, что еслибы мы думали только о своемъ личномъ благѣ, то мы должны бы были отъ полнаго сердца привѣтствовать всякое размноженіе австрійскихъ и угорскихъ славянъ, чтобы они помогли намъ своею массою уничтожить вѣковую ложь, что Австрія государство нѣмецкое, а Угрія—мадьярское». «Но мы видимъ опасность, которую приноситъ государству завоевательная политика. Мы ужасается чудовищности идеи, которая не съ 20 мил. подчиненныхъ славянъ, а съ 13 мил. владѣющихъ нѣмцевъ и мадьяръ хочетъ вести на востокѣ славянскую политику противъ Россіи, колосса съ 80 мил. славянъ!» Нужно устроить хотя бы мало-мальски сносное положеніе своихъ славянскихъ народовъ, вотъ задача Австріи. «Она должна даровать свободу своимъ народамъ, чтобы въ ея границахъ они чувствовали себя счастливыми и спокойными, и потомъ уже можетъ быть увѣрена, что непріятельскій напоръ откуда бы онъ ни пришелъ, будетъ побѣдоносно отраженъ свободными и довольными народами. Одна ея восточная политика правильна: не мѣшать балканскимъ народамъ, добиться ихъ довѣрія и расположенія, распространить по балканскимъ землямъ торговыя и промышленныя сношенія и ничѣмъ не посягать на ихъ самостоятельность. Только такимъ образомъ явится на ея южныхъ границахъ рядъ небольшихъ дружественныхъ государствъ, и эта дружба не была бы дорого куплена выдачей большей части захваченныхъ земель; а за тѣмъ, сколько нужно для округленія своихъ границъ, никто не постоитъ. Доброе сосѣдство съ Германіей, честная и довѣрчивая дружба съ Россіей, вотъ, по нашему мнѣнію, самая здравая иностранная политика Австріи. Къ несчастью, Австрія мадьярскими и нѣмецкими элементами двинута по противоположному направленію, на которомъ вѣроломная нѣмецкая политика приготовляетъ ей гибель, чтобы, усилившись обломками Австріи, быть въ состояніи отважиться на страшнѣйшую борьбу, которую обѣщаетъ будущее: борьбу между свѣтомъ германскимъ и славянскимъ о преимуществѣ въ Европѣ мы никакой цѣной—ни за улыбку сильныхъ, ни вслѣдствіе угрозъ и вражды—не можемъ и не будемъ содѣйствовать этому направленію... Мы руководимся своимъ чувствомъ, оно указываетъ намъ опасность будущаго и оттого мы честно хотимъ сохраненія этого государства, предостерегаемъ отъ теперешней «славянской» политики и непремѣннаго ея послѣдствія: войны съ Россіей, свистящія и бушующія предвѣстія которой разыгрываются надъ Балканами».

По поводу рѣчи лорда Черчиля при закрытіи англійскаго парламента «Н. Л.» слѣдующимъ образомъ выражаютъ свое нерасположеніе къ нахальнымъ выскочкамъ Англіи. «Англія не перестаетъ подливать масла въ возгорѣвшійся болгарскій вопросъ и прикрывается при этомъ величественнымъ покровомъ вольности и свободы народовъ. Какая это иронія! Англія, которая за свое вымогательство была выгнана собственными колонистами изъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Англія, которая держитъ ирландскій народъ въ тяжелѣйшей хозяйственной зависимости, Англія, которая стоитъ передъ зіяющимъ вопросомъ голодныхъ массъ своего собственнаго народа, Англія, которая противодѣйствовала усиліямъ къ освобожденію балканскихъ народовъ, какъ въ Греціи, такъ и въ Сербіи, какъ въ Румыніи, такъ и въ Болгаріи; Англія, которая своихъ поддан-

ныхъ въ Индіи тысячами ставитъ подъ жерла пушекъ и милліонами оставляетъ на голодную смерть; Англія, которая грубой силой уничтожаетъ домашній индійскій промыселъ, эта Англія выступаетъ вдругъ какъ протекторъ балканскихъ народовъ и указываетъ имъ свободу, если они будутъ подчиняться ей!.. Достаточно простаго воспоминанія о событіяхъ въ Болгаріи, предшествовавшихъ русско-турецкой войнѣ 1877 г., чтобы самый наивный простачекъ прозрѣлъ, какъ выглядываетъ въ дѣйствительности участіе Англіи въ освобожденіи народовъ!

Н. Ш.

Галичина.

Въ августѣ Львову очень посчастливилось: онъ вдругъ сталъ центромъ, обратившимъ на себя общее вниманіе, — въ немъ остановился принцъ А. Баттенбергъ. Львовскіе поляки встрепенулись: принцъ оказался ихъ родственникомъ не только по плоти (по матери-полькѣ), но и по духу; безъ манифестацій, конечно, обойтись не могло. Принцъ на вокзалѣ былъ встрѣченъ слѣдующимъ обращеніемъ: «Князь! тебя привѣтствуютъ тысячи польскихъ сердецъ, привѣтствуютъ потому, что въ тебѣ течетъ кровь богатырскихъ Босаковъ. Ты пріобрѣлъ у насъ искреннія симпатіи.— Живи! побѣждай!» Вечеромъ около гостинницы собралась большая толпа. Принцъ вышелъ на балконъ и сказалъ слѣдующее: «сердечно благодарю за сочувствіе. Наздаръ! За народъ мой сражался я подъ Пиротомъ и Сливницей, за народъ и страдаю; народомъ я избранъ, народомъ и изгнанъ». Въ толпѣ послышались громкія восклицанія «vivat B, pereant Moskale!» Одинъ львовянинъ кричалъ: «врагъ деспотизма, другъ свободы и поляковъ, князь Молдавскій (sic!) да здравствуетъ!» Для польскихъ шовинистовъ пребываніе принца Б. во Львовѣ составило своего рода эмоцію (НПр. № 362), вызвавшую со стороны чешскихъ, «Nasc Hlasy» справедливое упоминаніе о «египетской тьмѣ, царящей въ польскихъ мозгахъ».—Замѣчаніе это можетъ быть приложено, къ сожалѣнію, не лишь исключительно къ полякамъ: и среди русскихъ (см. Дѣло № 91, 92) оказались своего рода баттенберговцы, готовые брать примѣръ съ болгарскихъ приспѣшниковъ принца, изгнаннаго по его же собственнымъ словамъ, народомъ. Этотъ мимолетный инцидентъ нисколько, конечно, не измѣнилъ обычнаго положенія дѣлъ въ Галичинѣ. Общее недовольство прежнее; племенная и партійная вражда нисколько не улегается. Тѣмъ прискорбнѣе встрѣчать въ польскихъ газетахъ увѣренія въ благополучномъ обстояніи дѣлъ, увѣренія, вызываемыя самозащитой, но сопровождающіяся обличеніями и вразумленіями лицъ, желающихъ указать полякамъ ихъ дѣйствительные грѣхи. Корреспондетъ «Dzien. Pozn. (№ 179) приводитъ свой разговоръ съ чешскимъ посломъ Трояномъ, прямо выразившимъ свое негодованіе по поводу отношеній поляковъ къ русскимъ въ Галиціи. Такъ какъ посолъ Троянъ коснулся и существенныхъ причинъ непримиримой вражды поляковъ къ русскимъ-галичанамъ,то«D.P.». съ особеннымъ стараніемъ, достойнымъ лучшей участи, усиливается просвѣтить посла насчетъ истинныхъ отношеній Польши и Россіи, но въ этомъ случаѣ, если можно такъ сказать, по поводу Петра говоритъ весьма пространно объ Иванѣ. Обходы однако не достигаютъ цѣли. Галичане ихъ отлично понимаютъ и не позволяютъ провести себя («Н. Пр.» № 358, «Дѣло» № 86), да врядъ ли легко измѣнить и взгляды чеховъ. По крайней мѣрѣ въ томъ же «Dz. P.». (№ 319) находимъ интересные взгляды на интересующій насъ вопросъ одного изъ выдающихся представителей младочешской партіи Эд. Грегра. Трудно, говоритъ Грегръ, постороннему человѣку выяснить дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Галиціи; но есть одна сторона, по истинѣ печальная, замѣтная для всякаго, это - положеніе народа при господствѣ и настроеніи шляхты. Замѣчаніе корреспондента о томъ, что и шляхта бываетъ разная, Грегръ отклонилъ немедленно: «повѣрьте, что въ этомъ отношеніи мнѣ извѣстно очень много фактовъ; по моему мнѣнію, въ Галиціи еще господствуютъ предразсудки. Скажите, кого вы считаете лучшимъ представителемъ польскаго «кола» въ Вѣнѣ?» Корреспондентъ назвалъ Грохольскаго.—«Вотъ вамъ,

отвѣтилъ Грегръ, слѣдующій фактъ: во время обсужденія керосиноваго акциза держалъ рѣчь Гауснеръ, несомнѣнно личность выдающаяся; я сидѣлъ рядомъ съ Грохольскимъ. Выводы Гауснера меня убѣждали, а его смѣлость возбуждала удивленіе. Гауснеръ кончилъ, а Грохольскій сказалъ сосѣдямъ: «э, да вѣдь это хлопская кровь!» Какъ единственный комментарій къ этимъ словамъ «Dz. P.» указываетъ на то, что отношенія въ Галиціи улучшаются.—Каковы они на самомъ дѣлѣ, лучше всего покажутъ факты. Въ концѣ августа русскіе рѣшили собрать народное вѣче въ Коссовѣ для обсужденія мѣстныхъ дѣлъ самаго несчастнаго уголка Галицкой Руси—Гуцульщины. Зная заранѣе отношеніе властей къ подобнымъ собраніямъ, руководители вѣча поставили предложенія самого невиннаго характера—объ улучшеніи народнаго хозяйства, о поднятіи просвѣщенія, о трезвости, о мѣрахъ противъ опустошеній, причиняемыхъ дикимъ звѣремъ. Собралось множество народа, открылось вѣче, начались обсужденія; два реферата сошли благополучно, какъ вдругъ при третьемъ, по поводу фразы—«паны въ сеймѣ не занимаются подобными вопросами» (т. е. хозяйственными убытками, причиняемыми лѣснымъ звѣремъ)—встаетъ правительственный комисаръ, и не думая о соблюденіи обычныхъ въ этомъ случаѣ формальностей, закрываетъ собраніе, грозя, въ случаѣ непослушанія, жандармами, которые дѣйствительно скоро являются и, не найдя никого въ залѣ собранія, ходятъ по гостинницамъ, заставляя пріѣхавшихъ называть свои имена и записывая ихъ для какихъ-то надобностей. Гуцулы, при первой попыткѣ обсудить свое бѣдственное положеніе, получили хорошій урокъ,—онъ сталъ еще внушительнѣе, благодаря нѣкоторымъ посороннимъ обстоятельствамъ, обнаружившимъ отношеніе къ русскому народу поляковъ и евреевъ, т. е. политическихъ и денежныхъ распорядителей дѣлами края. Коссовскіе поляки, въ лицѣ старшины мѣстнаго клуба, согласились было сначала уступить русскимъ залъ для музыкально-танцовальнаго вечера; вѣроятно послѣ того угощенія, какое поднесъ русскимъ польскій правительственный комисаръ, вечеръ бы и не состоялся, но одной обиды русскихъ полякамъ показалось мало: послѣ обѣда распорядители вѣча получили отъ старшины письмо въ которомъ значилось, что вслѣдствіе заявленій отдѣльныхъ членовъ клуба, залъ не можетъ быть предоставленъ въ распоряженіе «неизвѣстныхъ пѣвцовъ». «Разумѣется, прибавляетъ «Дѣло» (№ 93) bracia Polacy должны были бы дезинфецировать залъ послѣ braci Rusinów; къ чему же лишніе расходы?» Даже нѣкоторые органы печати выразили по поводу закрытія вѣча весьма недвусмысленное удовольствіе, что крайне удивительно, такъ какъ вообще поляки весьма стараются и умѣютъ соблюдать внѣшнія приличія.

Евреи выступили противъ гуцульскаго вѣча съ крайнимъ ожесточеніемъ; во время собранія они пытались производить безпорядки, а по закрытіи его, довели свою наглость до небывалыхъ размѣровъ: во всѣ стороны посыпались доносы на руководителей и референтовъ, особенно на одного изъ нихъ г. Дорундяка, мѣстнаго адвоката, появились въ городѣ расклееные объявленія съ прямыми угрозами и приглашеніемъ евреевъ не обращаться къ г. Д. ни подъ какимъ видомъ за содѣйствіемъ въ дѣлахъ. Русскимъ, конечно, удастся собраться; теперь они готовятся къ такому же народному вѣчу въ Коломы; слѣдовательно поведеніе поляковъ и евреевъ ни къ чему другому повести не можетъ, какъ лишь къ возбужденію и безъ того уже сильныхъ страстей.—Впрочемъ, фактовъ, доказывающихъ, что поляки какъ будто нарочно раздражаютъ русскихъ такъ много, что, право, теряешься въ этомъ обиліи. Если даже при существующемъ режимѣ считать нормальными факты, сообщаемые «Словомъ» (№ 90—91) объ учительскихъ семинаріяхъ, изъ которыхъ нѣтъ ни одной утраквистической, хотя таковыхъ, изъ 9 существующихъ, должно быть 4; то какъ смотрѣть, напр., на назначеніе въ народную школу, основанную и содержимую громадой, учителя-*еврея*; какая горькая и обидная, впрочемъ не для русскихъ только, иронія звучитъ въ словахъ распоряженія по этому поводу школьной рады: «w braku innego (nauczyciela) mianowano izraelitę, ktory w... w r. 1886 skutecznie się, nauką, zajmywał bez względu na szabas i z dziećmi pacierz w

szkole mowił». («Слово» № 89—90); а фактъ оффиціальнаго, при содѣйствіи жандармовъ, вырытія креста, только потому, что, будучи трираменнымъ, онъ казался ксендзу схизматическимъ («Дѣло» № 90), Что это? Какимъ же образомъ, въ виду этихъ, несомнѣнно извѣстныхъ полякамъ фактовъ, у нихъ хватаетъ смѣлости утверждать, что галицкія отношенія улучшаются?! Все это однако нисколько не служитъ урокомъ для русскихъ. Братоненавистничество едва ли не усиливается. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ мы не слышали, чтобы церковная проповѣдь въ русскихъ храмахъ принимала характеръ партійной пропаганды; теперь проявились проповѣдники, вооружающіеся съ церковной кафедры не только противъ «Науки», но и противъ «Слова», «Нов. Пролома» и «Страхопуда». («Сл.» № 87, «Н. Пр.» № 364). Такою же слѣпой ненавистью отличаются и нападки «Дѣла» на ставропигію за то, что она записала нѣсколькихъ своихъ пансіонеровъ въ нѣмецкую гимназію «Н. Пр.» (№ 370) замѣчаетъ совершенно справедливо, что еслибы благо ставропигіи было дѣйствительно дорого руководителямъ редакціи «Дѣла», то они могли бы обратиться къ самой Ставропигіи за разъясненіемъ дѣла, хотя бы при посредствѣ своихъ же единомышленниковъ, состоящихъ членами этого института, и только, если-бы такое обращеніе не повело ни къ чему, публиковать свои жалобы въ газетахъ. Хотя вообще подобный совѣтъ слишкомъ отзывается «змѣиной» мудростью, нельзя не признать его однако и вполнѣ практичнымъ и сообразнымъ съ чувствомъ народнаго достоинства, но можно быть увѣреннымъ, что онъ никого не вразумитъ.

И. Ф.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова, т. II. Славянофильство и западничество. 1860—1886. М. 1886.

Изданіе сочиненій И. С. Аксакова продолжается весьма усердно; не прошло еще года со времени его кончины, а передъ нами уже второй объемистый томъ этого собранія. Говоря о первомъ томѣ, мы сдѣлали замѣчаніе о невыгодѣ систематическаго распредѣленія. Авось-либо когда окажется нужда во второмъ изданіи, а въ этомъ сомнѣнія быть не можетъ, это изданіе появится уже въ иномъ порядкѣ, причемъ, конечно, статьи будутъ объясняться одна другою.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ статьи, касающіяся междуславянскихъ отношеній, второй вводитъ читателя въ самую глубь славянскаго вопроса — въ немъ собраны статьи, излагающія по разнымъ поводамъ основы славянофильскаго ученія. Томъ этотъ представляетъ наиболѣе полное, наиболѣе изящное, наиболѣе общедоступное изложеніе ученія, развивавшагося съ конца 30-хъ годовъ до начала 60-хъ въ глубокомысленномъ кружкѣ уединенныхъ мыслителей, имена которыхъ для будущаго историка русской мысли будутъ знаменовать собою выходъ ея изъ школьнаго періода на широкое поприще всемірно-историческаго дѣланія. Не одна прелесть внѣшней формы, не одна новость предметовъ описанія, но и особенность міровоззрѣнія даютъ современной великимъ представителямъ русской литературы такое важное мѣсто во всемірной литературѣ нашего времени. Стремленіе стать самими собою и удалить на всегда горькое сравненіе Чацкаго «оригиналовъ» со «списками» вызвало и философскую мысль славянофиловъ и художественную дѣятельность нашихъ беллетристовъ. Русскіе ху-

дожники-реалисты не могли удовлетвориться одними фотографическими изображеніями, протокольными описаніями, ихъ не могла привлекать одна только внѣшняя правдивость, которая незамѣтно переходитъ во внутреннюю неправду; они устремились въ глубь существеннѣйшихъ для человѣческаго духа вопросовъ. Оттуда вынесли они глубоко-потрясающіе душу образы и хотя міровоззрѣніе ихъ (Толстой и Достоевскій) не вполнѣ тождественно и даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и очень различно, но глубокая искренность, но предпочтеніе внутренняго внѣшнему роднитъ ихъ между собою. Ученіе славянофиловъ имѣло значительную долю вліянія на поднятіе русскаго духа въ этой сферѣ, какъ и въ сферѣ практической. Глубоко жалѣемъ о томъ, что И. С. Аксакову не удалось совершить задуманнаго имъ труда по исторіи славянофильскаго кружка: его глубокій духъ, его изящный талантъ, его связи—все ручалось въ томъ, что эта страница умственной исторіи Россіи была бы написана неизгладимыми чертами на мѣди. За это ручается между прочимъ его біографія Тютчева, которая не иное что какъ эпизодъ этого для насъ погибшаго труда. Если такого труда мы не дождались отъ Аксакова, будемъ же изучать его оставшіяся сочиненія. Лежащій передъ нами томъ имѣетъ въ этомъ отношеніи особенную важность: во многолѣтней борьбѣ съ аристократизмомъ, демократизмомъ, бюрократизмомъ и разными другими *измами*, навѣянными на насъ учебными годами, Аксаковъ оставался вѣренъ однимъ и тѣмъ же мыслямъ, крѣпко держалъ въ рукѣ одно и тоже знамя. Онъ боролся за право духа надъ матеріей, жизни надъ мертвымъ правомъ, внутренняго надъ внѣшнимъ; призывая «домой» онъ призывалъ не къ отжившимъ свой вѣкъ формамъ жизни, а къ оживлявшему ихъ духу: въ московскомъ государствѣ онъ не видалъ олицетворенія идеала, но дорожилъ въ немъ оживлявшимъ его духомъ самостоятельнаго творчества. Онъ призывалъ насъ «къ духу жизни, къ жизни духа»; не останемся же глухими къ этому призыву.

Н. Бестужевъ-Рюминъ.

Болгарія, ея прошлое и настоящее религіозное пробужденіе

составленное и обработанное, по донесеніямъ католическихъ миссіонеровъ патеромъ-іезуитомъ Іосифомъ Голубовичемъ.

Въ настоящее время, когда образованные люди Европы узнали, что папа и вся римская курія со всѣми іезуитскими конгрегаціями, не смотря на все выставляемое ханжество напоказъ, скрываютъ подъ этой маской много демоническаго, когда самъ итальянскій народъ и патріоты его пришли къ тому вѣрному заключенію, что Римъ и его святость служили однимъ изъ главнѣйшихъ препятствій къ національному объединенію ихъ, почему они и отняли у папы свѣтскую власть, сдѣлавъ Римъ главнымъ городомъ своего королевства; когда католическія государства, какъ Франція и Испанія, ограничили власть римскаго духовенства и запретили сыновьямъ Игнатія Лойолы оставаться у нихъ; когда даже поляки, эти ревностнѣйшіе приверженцы Рима, въ Познани имѣли случай въ послѣднее время убѣдиться въ благодарности Рима, и весьма серьезно думаютъ теперь отдѣлиться отъ неблагодарнаго Рима и основать свою собственную національную церковь, въ это то время мы съ горечью должны замѣтить, что дѣятельность Рима и іезуитовъ въ Болгаріи и распространеніе тамъ уніи съ Римомъ очень скоро достигнетъ большихъ успѣховъ.

Сочиненіе іезуита Голубовича обращаетъ на себя вниманіе потому, что, представляя собой первое оффиціальное сочиненіе, оно бросаетъ свѣтъ на религіозное состояніе Болгаріи, разсматриваемое съ точки зрѣнія католическихъ миссіонеровъ.

Все-таки намъ слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что Голубовичъ, выходя изъ своей точки зрѣнія іезуита, и говоря какъ о началѣ уніатскаго движенія, такъ и вообще о безцеремонномъ распоряженіи католическихъ миссіонеровъ въ Болгаріи, описываетъ все это въ весьма выгодномъ для католицизма свѣтѣ; кромѣ того, приводимыя имъ статистическія данныя, указывающія на теперешнее количество болгаръ-католиковъ, вообще невѣрны; а потому на сочиненіе

это нельзя смотрѣть, какъ на нѣчто точное и вполнѣ опредѣленное, но просто какъ на руководство, способствующее болѣе опредѣленному изученію обстоятельствъ, истиннаго положенія уніи въ Болгаріи и тѣхъ средствъ, какія практикуются для распространенія ея.

Сочиненіе свое Голубовичъ начинаетъ словами папы Льва XIII. Въ виду того, что они не лишены нѣкотораго интереса, я ихъ привожу цѣликомъ:

«Славянскія земли, говоритъ папа Левъ XIII—предметъ величайшей заботы и нашего неустаннаго надзора, и мы ничего такъ страстно не желаемъ, какъ распространенія въ нихъ счастья и благосостоянія, какъ соединенія всѣхъ этихъ народовъ между собой и съ нами въ общемъ мирѣ, что является лучшимъ и вѣрнѣйшимъ ручательствомъ благосостоянія; чтобы только поддержалъ милосердый Богъ всѣ эти предпріятія и чтобы нашими ходатаями предъ Нимъ были свв. Кириллъ и Меѳодій,—апостольскіе учители славянства».

«Настало время поспѣшить на помощь славянскимъ народамъ, благосостояніе и спасеніе которыхъ лежитъ у насъ на сердцѣ. Къ этой цѣли стремимся мы всѣми силами и желаемъ, чтобы эти народы были просвѣщаемы возможно большимъ числомъ епископовъ и священниковъ, чтобы подкрѣпленные познаніемъ истинной вѣры и послушаніемъ церкви Христовой они ежедневно могли все болѣе и болѣе убѣждаться въ томъ, на сколько благодѣтельно и спасительно ученіе католической церкви вліяетъ на домашнюю и государственную жизнь». Энциклика Льва XIII...)

Эта энциклика папы Льва XIII, обращенная главнымъ образомъ къ Болгарамъ звучитъ дѣйствительно прекрасно; но, къ сожалѣнію, она лишена всякаго основанія, Подобное заявленіе, что католическая церковь должна такъ благодѣтельно вліять на домашнюю и государственную жизнь, легко теряетъ свое безапелляціонное значеніе при взглядѣ на коренныя католическія страны, какъ напримѣръ на Испанію, которая безпрестанно происходящими въ ней возстаніями и борьбой партій доведена почти уже до погибели; страна эта, вѣдь, католическая и имѣетъ массу епископовъ и священниковъ, но гдѣ же, спрашивается, это благодѣтельное вліяніе католицизма? Но что еще болѣе характерно, такъ это то, что извѣстное покушеніе на жизнь королевы Изабеллы было сдѣлано іезуитомъ Мерино, занимавшимъ должность инквизитора тайной инквизиціи въ Мадридѣ и который съ кинжаломъ въ рукахъ, во время церемоніи въ церкви св. Антонія въ Мадридѣ, хотѣлъ, было, уже нанести смертельный ударъ королевѣ, но былъ во время остановленъ маршаломъ Серрано.

Явленіе по истинѣ безнравственное и еще никогда небывалое въ православной церкви, или, какъ называетъ ее Римъ, въ схизмѣ.

Затѣмъ въ этой энцикликѣ говорится: «мы не желаемъ ничего болѣе, какъ соединенія всѣхъ славянскихъ странъ въ вѣчномъ мирѣ между собой и съ нами»; но при этомъ здѣсь слѣдовало бы указать, во-первыхъ, на то, представляетъ-ли собою Римъ примирителя, во-вторыхъ указать на положеніе уніатовъ-русскихъ въ Галиціи, въ-третьихъ, обратить вниманіе славянъ и въ особенности болгаръ на латинскую поговорку: *timeo Danaos et dona ferentes* (т. е. боюсь Данаевъ даже и тогда, когда они несутъ подарки).

Болгарамъ, примкнувшимъ въ послѣднее время къ уніи съ Римомъ, слѣдовало бы въ особенности ближе познакомиться съ условіями, въ какихъ находится уніатская церковь въ Галиціи, и тогда-бы они узнали, что всѣ эти прекрасныя рѣчи Рима и католическихъ миссіонеровъ, всѣ обѣщанія—ничто иное, какъ пустой блескъ, который со временемъ исчезнетъ, уступивъ мѣсто голой правдѣ римскаго эгоизма и нетерпимости его.

Въ 1861 году прибыла въ Римъ депутація отъ болгаръ, которая просила папу Пія IX принять ихъ въ лоно католической церкви, именно на основаніи уніи.

Делегація эта состояла изъ двухъ архимандритовъ Макарія и Іосифа, священника Ѳеодора и діакона *Бенадора*. Они привезли съ собой письмо папскаго делегата архіепископу Брунони и просили папу Пія IX о принятіи ихъ въ католицизмъ, но съ сохраненіемъ восточнаго церковнаго обряда и славянской литургіи.

Начало этого движенія, во-первыхъ, обязано своимъ происхожденіемъ агитаціямъ Франціи, пользовавшейся въ то время большимъ вліяніемъ на востокѣ и желавшей утвердить тамъ католическую церковь для своихъ католическихъ цѣлей; во-вторыхъ, къ этому присоединили еще свои старанія лазаристы, капуцины и другіе католическіе агенты, прельщая болгаръ увѣреніемъ, что если они соединятся съ Римомъ, то католическія власти предоставятъ имъ, если не тотчасъ свободу, то все-таки большія облегченія.

Въ-третьихъ, при этомъ виноваты и греки, не желавшіе давать болгарамъ никакихъ правъ въ управленіи своей церковью, и такимъ образомъ пожертвовавшіе своему эгоизму интересами православной церкви.

Вотъ истинныя начала происхожденія уніатскаго движенія въ Болгаріи, между тѣмъ какъ іезуитъ Голубовичъ говоритъ объ этомъ въ своемъ сочиненіи совершенно невѣрно; такъ, во-первыхъ, онъ пишетъ, что болѣе 120 болгарскихъ общинъ и очень много делегатовъ составили актъ подчиненія папѣ и передали его делегату Брунони; числа здѣсь во всякомъ случаѣ преувеличены; затѣмъ грековъ онъ обвиняетъ въ варварскомъ обращеніи съ болгарами.

Если даже и правда, что греки слишкомъ эгоистичны, то, вѣдь, надо подумать и о томъ, что въ самыя страшныя времена турецкаго ига они охраняли на всемъ востокѣ православную церковь и спасли ее отъ вѣрной гибели въ тѣ времена, когда ни одинъ іезуитъ не отважился-бы отправиться туда; почему же тогда Римъ не посылалъ въ Болгарію никакихъ миссіонеровъ?

Я бы еще напомнилъ патеру Іосифу Голубовичу слѣдующія слова евангелія: «въ чужомъ глазу сучекъ ты видишь, въ своемъ же не видишь и бревна»; при этомъ я подразумѣваю преимущества его товарищей патера Генриха *Яцковскаго*, Валеріана *Каминка*, *Баудиса*, наконецъ лигуристовъ Іосифа Любенскаго въ ихъ отношеніяхъ къ уніатамъ русскимъ и русской уніатской церкви въ Галиціи.

Тормозить народъ въ его умственномъ развитіи, давать ему митрополитовъ и епископовъ, которые бы дѣйствовали въ духѣ іезуитовъ, запрещать ихъ священникамъ самообразованіе, лишать возможности даже веденія и образованія своихъ монастырей и монаховъ, противозаконно и насильственно отнять монастырь, а принадлежащій ему капиталъ въ 200,000 австрійскихъ гульденовъ, утаить, употребивъ его на постройку собственнаго монастыря въ *Хировѣ*,—все это, разумѣется, очень хорошо и свято, такъ какъ, вѣдь, это совершено святыми сынами Лойолы и имѣетъ санкцію непогрѣшимаго папы.

Патеръ Голубовичъ съ ужасомъ говоритъ о значительной безнравственности греческаго и болгарскаго духовенствъ, причемъ заявляетъ, что она можетъ быть искоренена только помощью католицизма.

Если духовенство православной церкви въ Болгаріи и имѣетъ какія-либо погрѣшности относительно нравственности, то при этомъ надо принять во вниманіе, что оно не имѣетъ никакой возможности усвоить себѣ болѣе высокое образованіе и постоянно находится подъ вліяніемъ дурнаго примѣра магометанъ.

Я бы позволилъ себѣ спросить іезуита Голубовичу, не найдутъ ли іезуиты удобнымъ послать въ Болгарію своего союзника, *базилійскаго* провинціала, патера *Зарнецкаго*, оказавшаго имъ такія большія услуги при выдачѣ имъ *базилійскаго* монастыря въ Добромилѣ и проживающаго теперь совершенно спокойно въ своемъ имѣніи близь Львова, въ имѣніи, купленномъ имъ на тайкомъ взятыя деньги разныхъ базилійскихъ монастырей и который, будучи монахомъ и живя въ провинціи, совершенно не стѣсняясь живетъ тамъ съ своей женой и дѣтьми; онъ могъ бы отправиться въ Болгарію и, какъ живой примѣръ нравственности и чистоты нравовъ католическаго духовенства, конечно много способствовалъ бы необходимому, по мнѣнію патера Голубовича, искорененію тамъ безнравственности.

Если болгары желали освободиться отъ грековъ, то странно, отчего они при этомъ не обратились съ полнымъ довѣріемъ къ Россіи, которая явила достаточно примѣровъ великодушія по отношенію къ Болгаріи, не говоря уже о поддержкѣ, оказанной ею болгарамъ чрезъ своего посланника, князя Лобанова, въ учрежденіи ихъ собственнаго экзархата.

Спустя три мѣсяца послѣ первой депутаціи, прибыла въ Римъ изъ Болгаріи вторая, состоявшая изъ архимандрита Іосифа Сокольскаго, діакона Рафаила Попова и Драана Цанкова, редактора газеты «Болгарія» 14 апрѣля 1861 года папа Пій IX въ Сикстинской капеллѣ собственноручно посвятилъ архимандрита Іосифа Сокольскаго въ болгарскаго уніатскаго архіепископа.

Въ первыхъ числахъ мая мѣсяца архіепископъ Іосифъ Сокольскій прибылъ въ Константинополь, гдѣ съ торжественной свитой болгаръ уніатовъ и турецкихъ кавасовъ онъ былъ представленъ делегату *Брунони* и католическому армянскому примасу.

Въ то время унія въ Болгаріи задавалась широкими замыслами, въ особенности когда Цанковъ разрабатывалъ въ своей газетѣ «Болгарія» вопросъ о распространеніи ея.

5-го іюля 1861 г. новый архіепископъ, Іосифъ Сокольскій, внезапно исчезъ изъ Константинополя, что нанесло уніи въ Болгаріи почти смертельный ударъ.

Въ 1863 г. папскій делегатъ написалъ изъ Константинополя слѣдующее письмо въ Римъ, доставленное туда іезуитомъ Голубовичемъ и которое даетъ намъ понятіе о тогдашнемъ состояніи Болгаріи въ интересующемъ насъ вопросѣ: «Былъ моментъ, пишетъ делегатъ, когда мы опасались, не нанесло бы смертельнаго удара уніи исчезновеніе перваго уніатскаго епископа, несчастнаго Сокольскаго. Но до того еще не дошло; людская злоба была не въ силахъ уничтожить дѣяніе Божіе. Не смотря на исчезновеніе архіепископа, не смотря на недостатокъ въ денежныхъ средствахъ, на всевозможныя затрудненія, болгарская унія ростетъ своей численностью. Такъ, кромѣ общинъ, вначалѣ примкнувшихъ къ уніи, вскорѣ покинули схизму и села, лежащія близъ Адріанополя, городъ *Искижъ* и мѣстечко Малко-Тырново съ ближайшими къ нему общинами. Наконецъ, не только среди болгаръ и армянъ, но частью и среди грековъ замѣчается желаніе къ соединенію съ Римомъ; такъ, между прочимъ, недавно (1862 г.) примкнулъ къ уніи и со многими другими греками и греческій архіепископъ *Мелентій*».

Письмо это доказываетъ, что унія въ Болгаріи, къ сожалѣнію, снова ожила.

Такъ какъ послѣ Сокольскаго болгаре-уніаты остались безъ епископа, то Римомъ назначены временно исправляющими должность викарныхъ епископовъ священники: Петръ Арабадзиньскій и Францишекъ Мальчинскій *).

Въ это время въ Адріанополѣ змартвыхвстанцы и ассумпціонисты въ Филиппополѣ основали свои миссіи; послѣдніе, по желанію епископа, Канова, и подъ вѣдѣніемъ своего начальника, патера *Галаберта* завели школу, подъ именемъ св. Винцента, которую на первыхъ же порахъ посѣщало около 91 ученика.

Въ 1865 г., 19 ноября, въ церкви св. Іоанна Златоустаго, Р. Поповъ бывшій до того времени болгаро-уніатскимъ пасторомъ въ Адріанополѣ, былъ посвященъ въ санъ болгаро-уніатскаго епископа. Посвященіе совершалъ архіепископъ Іосифъ Сембратовичъ, въ присутствіи (при ассистентахъ) архіепископа Мелетія изъ Драмы и епископа Веніамина изъ Неаполя.

Уніатскій епископъ, Рафаилъ Поповъ, исправлялъ должность съ 1865 по 1876 годъ; за это время во Ѳракіи примкнули къ уніи восемь селъ и мѣстечекъ.

Онъ далъ возможность лазаристамъ, въ мѣстечкѣ «Монастырь», устроить школу для албанскихъ болгаръ, а затѣмъ изъ Франціи прибыли къ нему монахини, которыя учредили въ Адріанополѣ школу и воспитательное заведеніе для дѣвицъ. При его же содѣйствіи, съ помощью монаха Пантелеймона была организована болгароуніатская конгрегація монахинь, состоявшая только изъ однѣхъ болгарокъ. Словомъ, онъ много сдѣлалъ для уніи въ Болгаріи и умеръ отъ удара въ 1876 г. 6-го марта.

Принесши большую пользу своими услугами Риму, болгарамъ онъ въ то же время нанесъ только вредъ, такъ какъ унія сама по себѣ можетъ только вредить болгарамъ.

Послѣ смерти епископа Рафаила Попова уніатскимъ епископомъ былъ назначенъ епископъ Нилъ Изворовъ, бывшій

---

*) Оффиціальное назначеніе змартвыхвстанскихъ миссіонеровъ послѣдовало только въ 1863 г., но ранѣе того были здѣсь священники ихъ конгрегаціи; такъ напримѣръ, въ 1860 г. генераломъ ихъ ордена былъ Кассевичъ.

прежде православнымъ епископомъ, который въ 1874 г. экзархомъ Анѳимомъ былъ назначенъ епископомъ въ Салоникахъ, куда онъ и былъ посланъ; но онъ тамъ пробылъ недолго; вскорѣ изъ Константинополя прибылъ секретарь экзарха, уволилъ его отъ занимаемой имъ должности и отозвалъ въ Константинополь.

Епископъ Нилъ Изворовъ, неохотно разставшись съ своимъ саномъ и будучи кромѣ того обремененъ долгами, рѣшился примкнуть къ уніи, чтобы такимъ образомъ выйти изъ весьма непріятнаго и тягостнаго для себя положенія. Патеръ же Голубовичъ говоритъ въ своемъ сочиненіи, что Нилъ Изворовъ, переходя въ унію, руководствовался истиннымъ убѣжденіемъ и вдохновеніемъ свыше, что однако совершенно невѣрно.

Относительно своего перехода въ унію Нилъ Изворовъ вступилъ предварительно въ переговоры съ начальникомъ лазаристовъ, патеромъ Бенотти, и только послѣ того, какъ этотъ послѣдній представилъ ему достаточныя гарантіи въ томъ, что Римъ сдѣлаетъ его уніатскимъ епископомъ, и пообѣщалъ заплатить за него долгъ, лежавшій на его домѣ въ Рущукѣ, въ суммѣ 1,000 турецкихъ фунтовъ, тогда только Нилъ Изворовъ изъявилъ готовность примкнуть къ уніи.

Слухъ о переходѣ въ унію православнаго епископа, Нила Изворова, съ быстротою молніи распространился въ Салоникахъ и окрестностяхъ, при чемъ очень много болгарскихъ семействъ и даже цѣлыя мѣстечка, слѣдуя примѣру своего епископа, пожелали примкнуть къ уніи.

По наущенію Нила Изворова и лазариста Бенотти салоникскіе граждане послали епископу Рафалу Попову въ Адріанополь слѣдующую телеграмму: «Экзархатъ прислалъ намъ для Македоніи епископа Нила; теперь же правительство отнимаетъ его у насъ. Приметъ ли насъ римская церковь, какъ своихъ дѣтей? Если останется здѣсь епископъ Нилъ, то дѣло пойдетъ наилучшимъ образомъ. Просимъ немедленнаго отвѣта. Салоники, 29-го января 1874 г. Подписали: Николай Брирамъ изъ Кукуша; Аѳанасій Каридакъ и Нилъ изъ Струмницы; Константинъ Димитеръ изъ Малкова»*). Епископъ Рафаилъ на слѣдующій день отвѣтилъ на эту телеграмму: «Греко-уніатская церковь принимаетъ и поддерживаетъ каждаго, кто пожелаетъ принадлежать ей. Если Нилъ открыто заявилъ себя за унію, то пусть мнѣ телеграфируетъ и затѣмъ напишетъ, и тогда я похлопочу о немъ». Подписалъ Рафаилъ. 3-го февраля, епископъ Рафаилъ получилъ такую депешу: «Македонское населеніе вмѣстѣ со мною желаетъ принять унію. Я, волей-неволей, долженъ завтра ѣхать въ Константинополь. Прошу похлопотать о томъ, чтобы я могъ остаться здѣсь для лучшихъ успѣховъ. Вмѣстѣ съ симъ посылаю письмо». Подписано: епископъ Нилъ.

Получивъ эту депешу, епископъ Рафаилъ послалъ слѣдующую телеграмму на имя Митхада-паши, губернатора въ Салоникахъ: «Епископъ Нилъ изъ экзархата вышелъ и сдѣлался уніатомъ. Прошу ваше высочество о защитѣ его. Рафаилъ». Одновременно съ этой онъ послалъ другую телеграмму представителямъ македонскихъ уніатовъ такого содержанія: «Увѣдомляю васъ, что епископа Нила я принимаю въ болгаро-уніатскую церковь, а вмѣстѣ съ нимъ и населеніе Македоніи, которое проситъ объ этой милости. Митхадапашу я прошу объ охранѣ Нила. «Рафаилъ».

Телеграммамъ этимъ патеръ Голубовичъ придаетъ большую важность, между тѣмъ какъ на нихъ надо смотрѣть не иначе, какъ на за ранѣе обдуманное и втайнѣ условленное соглашеніе съ цѣлью придать всему дѣлу оффиціальный характеръ, такъ какъ въ противномъ случаѣ по какому праву могъ бы ренегатъ-епископъ Нилъ и даже нѣкоторые отдѣльные граждане такъ дѣйствовать, чтобы вся Македонія пожелала присоединиться къ уніи; кто далъ имъ на это право?

Епископъ Нилъ Изворовъ прибылъ въ Константинополь вмѣстѣ съ епископомъ Поповымъ и послалъ отсюда письмо папѣ въ Римъ, а затѣмъ разослалъ македонскимъ болгарамъ пастырское посланіе, въ которомъ предлагаетъ имъ соединиться съ Римомъ.

Обоимъ этимъ посланіямъ Голубовичъ

---

*) Кукушъ, Струмница и Малково—большія епархіи въ Македоніи.

придаетъ и говоритъ, что вмѣсто похищеннаго Сокольскаго Богъ имъ далъ Нила Изворова; но достовѣрно, что оба эти посланія были только подписаны Ниломъ Изворомъ, а составляли ихъ лазаристы.

Письмо папѣ было написано по латыни, на языкѣ, котораго незналъ Нилъ Изворовъ; что же касается пастырскаго посланія, то оно не имѣло никакого значенія въ виду того, что Нилъ былъ епископомъ безъ епархіи, при чемъ болгарскій экзархатъ весьма ясно лишилъ его епископскаго сана.

11-го апрѣля того же года, Нилъ Изворовъ открыто изложилъ на болгарскомъ языкѣ свое исповѣданіе вѣры передъ папскимъ делегатомъ Милани. Теперь онъ хотѣлъ поѣхать въ Македонію, но не могъ получить на это позволенія со стороны турецкаго правительства.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1875 г., епископъ Рафаилъ Поповъ ѣдетъ одинъ въ Македонію, гдѣ принимаетъ въ унію слѣдующія общины:

1) Юмджиларъ съ 50 семействами, т. е. $^1/_2$ всего населенія общины. Тамъ была уже выстроена на счетъ Propaganda Fidei уніатская церковь и священникомъ ея былъ воспитанникъ коллегіи Атаназа въ Римѣ, по имени Епифанъ Генчовъ.

2) Енидже-Вардаръ, лежащій въ 9 миляхъ отъ Салоникъ. Тамъ было только 30 уніатскихъ семействъ и одна уніатская церковь, построенная на счетъ Propaganda Fidei, съ двумя священниками, старикомъ Димо и его зятемъ Стояномъ Мокревымъ, бывшимъ ученикомъ лазаристовъ.

3) Городъ Кукушъ *) съ болѣе, чѣмъ 100 семействами. Тамъ православная церковь была обращена въ уніатскую и 60 семействъ изъ окружныхъ селъ присоединились къ уніи.

4) Село Бугаревъ съ 54 семействами.

5) » Струмница съ 56 семействами.

6) Городъ Малеховъ съ 66 семействами и 4-мя священниками.

7) Село Петричь почти со всѣмъ населеніемъ.

Приведенныя здѣсь числа и количество новыхъ уніатовъ, заимствованныя изъ книги Голубовича ничего особеннаго не доказываютъ собой, такъ какъ въ то время числа эти часто мѣнялись.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1876 г. Нилъ Изворовъ отъ имени папы, папскимъ делегатомъ въ Константинополѣ, Гразелли, былъ назначенъ адріанопольскимъ болгаро-уніатскимъ епископомъ.

На слѣдующій день Нилъ Изворовъ освятилъ новую болгаро-уніатскую церковь, построенную на счетъ «Католическаго общества распространенія вѣры».

Въ бытность его (Нила Изворова) адріанопольскимъ епископомъ къ уніи присоединились слѣдующія мѣстности Ѳракіи: 1) Топозларъ, 2) Елагина, 3) Акбунаръ, 4) Суджакъ и 5) Мастратле; въ восточной же Румеліи—много семействъ города Замполя и селъ: 1) Салиска и 2) Новое село.

Въ 1880 году была основана змартвыхвстанцами въ Адріанополѣ духовная семинарія, имѣвшая цѣлью приготовлять духовныхъ лицъ, бѣлаго духовенства для уніатовъ **).

Въ 1883 году по приказанію папы Льва XIII было предпринято важное измѣненіе въ болгаро-уніатской церковной іерархіи: Нилъ Изворовъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа съ мѣстопребываніемъ въ Константинополѣ, чтобы такимъ образомъ быть представителемъ и охранителемъ интересовъ уніатской церкви предъ Портой.

Для уніатовъ-болгаръ было назначено два викарія, изъ которыхъ одинъ былъ Михаилъ Петковъ для Ѳракіи, съ постояннымъ мѣстопребываніемъ въ Адріанополѣ, другой—Лазарь Младеновъ. Петковъ, бывшій воспитанникъ греческой коллегіи въ Римѣ, 20 апрѣля 1883 г., на 32 году жизни, былъ посвященъ архіепископомъ Ниломъ Изворовымъ въ санъ епископа, Младеновъ же, членъ конгрегаціи лазаристовъ, былъ въ томъ же году архіепископомъ Ниломъ посвященъ въ Салоникахъ въ санъ уніатскаго епископа для Македоніи, при чемъ самая церемонія посвященія его была весьма торжественна; на

*) Въ городѣ Кукушѣ приняты въ расчетъ только самыя знатныя семейства; считая же ихъ вмѣстѣ съ другими, было бы болѣе 180 семействъ.

**) Змартвыхвстанцы стали заниматься образованіемъ своего бѣлаго духовенства для уніатовъ съ 1867 года; въ 1880 же году они и основали оффиціальную, утвержденную правительствомъ, семинарію.

ней присутствовали: папскій делегатъ Ротелли, затѣмъ армянскій патріархъ Азаріанъ, епископы Евсевій, Кастелли, Алобати и Петковъ и, что всего замѣчательнѣе, такъ это то, что при этомъ былъ французскій посланникъ маркизъ де Ноайль, который пріѣхалъ изъ Константинополя въ Салоники собственно для того, чтобы оффиціально присутствовать при посвященіи.

18-го февраля 1865 г., архіепископъ Нилъ Изворовъ разослалъ пастырское посланіе, въ которомъ онъ предложилъ уніатамъ-болгарамъ избрать депутацію съ ихъ епископомъ Михаломъ Петковымъ во главѣ и послать ее въ Велиградъ на чествованіе 25 іюня (5-го іюля) 1,000-лѣтняго юбилея славянскаго епископа Меѳодія.

Теперь взглянемъ на уніатское движеніе въ Македоніи и на основаніи предпринятаго въ 1879 г. статистическаго вычисленія приведемъ числа для различныхъ мѣстностей.

Епархія Кукушъ.

Мѣстности.	Семействъ.	Священниковъ.	Церквей.	Школъ.
Кукушъ	1,050	4	2	2
Грамадна.	70	1	1	1
Росчислово.	60	1	1	1
Алеково	63	2	1	1
Марари	150	2	1	1
Дере-Лифликъ	25	—	—	—
Косово.	30	—	—	—
Тодорово	24	—	—	—
Илемница	62	—	—	—
Райново	60	—	1	—
Чорный Тодорокъ . .	46	2	1	—
Дольній Тодорокъ . .	180	2	1	1
Плоница	69	1	1	1
Мезду-Рѣкъ	80	1	1	1
Селево.	40	—	—	—
Мутолово	150	2	1	1
Неманце.	30	—	—	—
Стрезово.	23	—	—	—
Коо-Гамалье	48	1	1	1
Керсово	80	1	1	1
Новое Село	25	—	—	—
Ирпкле	35	—	1	—
Гарбонсесъ	24	—	1	—
Енельрево	58	1	1	1
Зіенско	80	1	1	1
Деміоново	35	1	1	1
Банльзи.	67	2	1	1
Орхово.	40	1	1	1
Имоль	35	1	1	1
Каре-Доле	65	1	1	1
Стоинковд	180	3	1	1
Богданцы	230	1	1	1
Діоволо	35	1	1	1

Епархія Виддинъ.

Сеово	80	1	1	1
Клонерцы	45	1	1	1
Макинцы.	38	1	1	1
Итого—36. . .	3,442	37	28	25

Къ этому еще надо прибавить 580 семействъ, разсѣянныхъ въ епархіи Водина и 310—въ епархіи Паліонино, и тогда получится всего 4332 семейства; считая же, что въ каждомъ семействѣ среднимъ числомъ 5 душъ, выходитъ, что всего будетъ 21,660 душъ.

Къ тому же въ 1881 г. приняло унію все село Гуманджа.

Вотъ, что пишетъ издающаяся въ Филиппополѣ болгарская газета «Марица» отъ 30 сентября 1881 года: «Печальное извѣстіе получили мы изъ Македоніи. Намъ пишутъ изъ Салоникъ, что за одну недѣлю, въ селахъ: Гуманджа, и округъ Енидже перешло въ унію 247 семействъ. Кромѣ того сообщаютъ о притѣсненіи со стороны греческаго духовенства. Къ сожалѣнію, это не первый переходъ въ католицизмъ нашихъ болгаръ въ несчастной родинѣ святыхъ Кирилла и Меѳодія».

Въ 1882 году перешло въ унію еще 3 села: Малгара, Пирава и Разлогъ.

На вышеприведенныя числа, заимствованныя изъ статистики Голубовича, я не могу смотрѣть, какъ на точныя данныя, такъ какъ числа, показывающія количество уніатовъ въ Македоніи, очень часто измѣняются.

Въ Римѣ, въ Propaganda Fidei я имѣлъ случай читать секретный отчетъ лазариста Горлина о положеніи уніатовъ въ Македоніи, помѣченный январемъ мѣсяцемъ 1885 года. Изъ него я беру слѣдующія данныя: въ Салоникахъ и другихъ 70 мѣстностяхъ при 35,000 уніатовъ-болгаръ имѣется около 80 священниковъ *), болѣе 40 церквей **), 35 школъ и одна гимназія.

Кромѣ того строится: одна большая церковь въ Салоникахъ, 5 маленькихъ церквей въ провинціи, одна семинарія для духовныхъ и учителей и 1 гимназія. Что же касается количества уніатовъ во Ѳракіи, то до сихъ поръ мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, но я думаю, что, судя по

*) Изъ нихъ болѣе 25 чел. миссіонеровъ.

**) Изъ которыхъ при 15 имѣются маленькія капеллы.

отчетамъ змартвыхстанцевъ, посылаемымъ въ Римъ, численное отношеніе будетъ приблизительно таково: при 30000 ***) душъ уніатовъ въ 30 мѣстностяхъ, вмѣстѣ взятыхъ, имѣется 12 церквей (изъ которыхъ въ одномъ Адріанополѣ 3), 35 священниковъ (изъ которыхъ 20 чел. миссіонеровъ), 15 начальныхъ училищъ, одна семинарія, гимназія, ремесленное училище, 3 женскихъ училища и одна типографія. Въ постройкѣ имѣются 3 небольшія церкви.

Въ Константинополѣ и окрестностяхъ 5,000 уніатовъ, при чемъ есть 3 церкви, 4 священника (не считая миссіонеровъ) небольшая семинарія лазаристовъ, одна гимназія, нѣсколько начальныхъ училищъ и женскихъ школъ и также одна типографія. Здѣсь кромѣ того есть небольшое количество латинскихъ болгаръ.

Въ Филиппополѣ, Софіи и въ окрестностяхъ живетъ болѣе 8,000 болгаръ, извѣстныхъ тамъ подъ именемъ павликановъ; всѣ они принадлежатъ къ римско-католической церкви. У нихъ есть свой епископъ, живущій въ Филипополѣ и избираемый всегда изъ капуциновъ, одна церковь, семинарія, гимназія, содержимая ассумпціонистами, нѣсколько начальныхъ училищъ мужскихъ и женскихъ и типографія.

Въ Софіи дѣти учатся въ школахъ капуциновъ.

Кромѣ того въ г. Никополѣ, Варнѣ, селѣ Белинѣ и другихъ мѣстностяхъ разсѣяно около 9,000 латинскихъ болгаръ.

Съ 1883 г. они имѣютъ своего епископа, живущаго въ Никополѣ, 3 церкви и нѣсколько школъ.

Дѣло миссіи ведутъ здѣсь пассіонисты, духовныя лица приготавливаются къ католической семинаріи въ Бухарестѣ.

И такъ въ Болгаріи около 70,000 уніатовъ и около 17,000 латинскихъ болгаръ.

Я приведу здѣсь еще два мѣста изъ книги Голубовича, въ которыхъ авторъ указываетъ на свою слабую сторону, и католицизма.

Въ 1878 году, во время русско-турецкой войны, пріѣхали въ Константинополь два миссіонера, которые должны были оставить Адріанополь. Бывшій въ то время священникомъ, а нынѣ армянскій архіепископъ, Азаріанъ говорилъ объ этомъ великому визирю, на что тотъ отвѣтилъ: «если-бы и вся Болгарія была страной католической, то намъ не приходилось-бы теперь вести войну и терять своихъ провинцій». Выходитъ, слѣдовательно, что католическая церковь въ Болгаріи имѣетъ цѣлью поддерживать господство турокъ надъ христіанами; нечего сказать,—цѣль по истинѣ благородная!

Сочиненіе патера Голубовича производитъ на насъ грустное впечатлѣніе, такъ какъ показываетъ, какіе уже глубокіе корни пустила католическая пропаганда въ Болгаріи и этому способствовали сами болгаре, которые, протянувъ въ данномъ случаѣ свою щедрую руку помощи, какъ измѣнники, получили вознагражденіе, подобно Іудѣ-предателю. Особенно грустно видѣть это Россіи, которая для освобожденія Болгаріи принесла такія громадныя жертвы и своею кровью, и деньгами.

Съ другой стороны книга патера Голубовича могла бы заставить болгаръ отнестись съ большимъ вниманіемъ къ той опасности, какой угрожаетъ имъ католицизмъ, и разбудить ихъ отъ той апатіи, какую они выказываютъ въ этомъ отношеніи; такъ какъ они должны помнить о томъ, что всѣ мы, славяне, только въ одной Россіи и можемъ найти поддержку и осуществленіе нашихъ идей. Говоря это, я имѣлъ въ виду конечно истинныхъ болгаръ, а не тѣхъ, которые играютъ роль орудія въ рукахъ государствъ, подобныхъ Англіи, враждебно настроенныхъ ко всему славянскому.

Особеннымъ предостереженіемъ въ глазахъ болгаръ должно служить положеніе, въ какомъ находятся уніаты русскіе въ Галиціи: и мы также получили отъ вѣроломнаго Рима различныя обѣщанія, но гдѣ они? теперь мы порабощены, латинизированы и ополячены; патріоты же наши, работающіе для нашего народа, преслѣдуются такъ, что должны покидать наше отечество.

Александръ Френкель.

***) Изъ нихъ большее число приходится па Адріанополь, Малко-Тырново и Каракашъ.

По поводу книги г. Ястребова *).

Въ пѣсняхъ, изданныхъ г. Ястребовымъ, чрезвычайно интересенъ и языкъ, потому что въ той мѣстности, гдѣ онѣ собраны, соприкасаются двѣ народности сербская и болгарская.

Въ собственно сербскомъ языкѣ главный діалектическій признакъ составляетъ произношеніе *ѣ*, которое на востокѣ и сѣверѣ произносятъ, какъ *е* широкое, а на западѣ и юго-западѣ, какъ *е* тонкое, іотированное или какъ двойной звукъ *іе*, а также и какъ *и*.

Первое произношеніе мы встрѣчаемъ и въ Старой Сербіи, древней Рашкѣ или Россіи, и чуть ли не здѣсь колыбель его, такъ какъ отсюда шло значеніе нынѣшняго королевства Сербіи, а также Воеводины и Бачнай, гдѣ оно господствуетъ.

Но въ сербскихъ пѣсняхъ г. Ястребова мы замѣчаемъ, что часто, хоть и не послѣдовательно, встрѣчается и другое произношеніе. Такъ рядомъ со словами: бело, лепо, две, видела и т. д., мы читаемъ: біела цркве, ліепа девойка, двије и др. и то иногда въ одной и той же пѣснѣ; лепога Стефана и ліепи Стефане; зафалисе звіезда Даница и свейко звезде по ведроме небу; донела и одніела; верна любо и мое вырне слуге. Есть даже форма, которой мы не знаемъ ни на западѣ, ни на юго-западѣ: діесна рука, міетла помела. Видно, что такое произношеніе чуждо жителямъ Старой Сербіи, которые однако прибѣгаютъ къ нему для варіаціи или для пополненія недостающихъ слоговъ и при этомъ дѣлаютъ ошибки.

Надобно замѣтить, что произношеніе *ѣ*, какъ широкое *е*, не свойственно не только большинству сербовъ, но и всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ, и является чѣмъ то чужимъ.

Кромѣ сербовъ однако г. Ястребовъ отличаетъ въ этихъ краяхъ «міаковъ», живущихъ въ Дибрскомъ округѣ, которыхъ онъ причисляетъ къ *славяно-сербскому племени* (стр. 29), и которое говоритъ не просто сербскимъ языкомъ, а *славяно-сербскимъ нарѣчіемъ* (стр, 1).

Признаемся, ни такого племени, ни такого нарѣчія мы не знаемъ и не понимаемъ, потому что всѣхъ сербовъ считаемъ славянами, а если до недавняго времени употреблялось имя славяно-сербовъ у насъ въ нѣкоторыхъ книжкахъ, то это происходило отъ нашего незнанія западныхъ и южныхъ славянъ вообще, которыхъ смѣшивали то съ нѣмцами, то съ турками, и прибавленія эпитета «славяно» устраняло подобнаго рода смѣшеніе.

Что же это за языкъ?

Г. Ястребовъ, устранивъ отъ себя этотъ вопросъ, не могъ однако воздержаться отъ нѣкоторыхъ замѣчаній относительно его. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ останавливается на слѣдующихъ строкахъ пѣсни:

«Шчо неси имав ушче (еще) една тьерка,
Ушче една тьерка, как бело Яна?»

и дѣлаетъ въ томъ (стр. 47) такое поясненіе: «Произношеніе *шчо*, *що* вм. *што*, напоминаетъ точно такой же выговоръ въ Тамбовской губерніи, въ селѣ Гаретовѣ напримѣръ». Конечно, это можно услышать не въ одной Тамбовской губерніи и особенно въ южной Россіи; но дѣло въ томъ, что такого произношенія нѣтъ ни въ одномъ діалектѣ сербскаго языка, гдѣ есть: *штокавци*, *чакавци* и *кайковци*, а тутъ прибавляются еще и *шчокавци*.

Далѣе подобное же замѣчаніе вырывается у него по поводу слова «нифни» вм. сербск. «нихни» или «њини», гдѣ *ф* стоитъ вм. *х*. «Отъ нашихъ мужичковъ— говоритъ г. Ястребовъ — часто слышите: нихни вмѣсто ихъ!» (стр. 64).

И наконецъ онъ сдѣлалъ еще одно замѣчаніе (стр. 135): «Слова, встрѣчающіяся въ пѣсняхъ съ окончаніями на *от*, какъ: босилек-от, каранефил-от, юнак-от и т. д., напоминаютъ слова, употребляемыя простонародіемъ Приволжія: напр. человѣкъ-отъ, картузъ-отъ и пр. см. повѣсти и разсказы В. Андреева-Бурлака «На Волгѣ» 1881 г. Частица эта употребляется русскими для усиленія указанія, какъ и въ приведенныхъ здѣсь пѣсняхъ слова съ такимъ же окончаніемъ для той же цѣли, напр.: нози-те, Маркова-та майка, потишта-та, гора-та».

И на это мы должны замѣтить, что такое соединеніе существительнаго съ ука-

---

*) Въ виду того, что вопросъ о населеніи и пѣсняхъ Дибрскаго округа принадлежитъ къ числу спорныхъ, мы представляемъ воспользоваться на страницахъ нашего журнала сторонникамъ обоихъ направленій. *Ред.*

зательнымъ мѣстоимѣніемъ распространено по всей Россіи, а не на одномъ Поволжьи, и слѣды его находятся въ нашей древней письменности.

Но всѣми подобнаго рода замѣчаніями нисколько не дается понять, составляетъ ли это исконную принадлежность сербскаго языка или заимствовано? Ни въ современномъ сербскомъ языкѣ, ни въ въ древнихъ памятникахъ его письменности, мы не находимъ ничего подобнаго. Откуда же это явилось? Не съ Поволжья же конечно и не изъ Тамбовской губерніи.

Чтобы составить себѣ понятіе объ языкѣ міаковъ, достаточно прочитать дибрскія пѣсни у г. Ястребова, которыя рѣзко отличаются языкомъ отъ пѣсенъ Призрена и Печи, а чтобы уяснить себѣ эту разницу, нужно собрать болѣе характерныя его особенности, какъ въ фонетикѣ, такъ во флексіи и сочетаньи словъ, имѣя въ виду сравненіе съ обще-сербскимъ языкомъ.

1) Сербскій языкъ вмѣсто глухихъ ъ и ь, а также вообще при сочетаніи согласныхъ любитъ ставить *а*: сан, дан, оган, танак, таман (таван, тавни), ветар, дробан, ручак, бошлек, песан и т. д. а здѣсь вмѣсто *а* вездѣ *о* или *е*: сон сонила; ден, оган, тенко; телени клисури; ветар, драбон, ручек, бошлек, песень (и песня); и даже трева вм. трава; смитанка.

2) Первый юсъ, перешедшій въ сербскомъ языкѣ въ *у*, здѣсь выражается звуками *о* и *я:* рока, рочица, кот (кут), два пота, потицча; строк бошлек; коде; мотка река; глобоко море; овде мома не можена (незамужняя), да ми можиш; да ми е стотнеш, да ми е згрмнеш; стигнала, притиснала, очи скримна, падна и т. д.

3. Встрѣчается и носовой звукъ: «Не тьюм те стари вонче» (2 раза) см. вуче (стр. 139); потомъ онъ является и въ чужихъ словахъ, гдѣ его не должно быть: трпенза (стр. 426, 450 и др.); Скандру (стр. 288) *).

4. *Л* вполнѣ удерживается, гдѣ въ сербскомъ языкѣ вм. него *у* и *о*, или онъ совсѣмъ отбрасывается: клнет, клни; слнце или слунце; млчими, золво Марійо!; яблко, яблкница; жлта дуньо; слузе; блва (бува, буха) кутья метет; пладне, полкоч; длна градина; убил, дошол, заспал, кал, покревал, соко; ливада потлачена и др.

5. *шч.* вм. *шт*; шчо, ошчо, пишчом.

6. *ф.* вм. *х* и *с:* оф; нифни; мафрама; сабаф зара, дьюл бафче; грефчок (грех); Офрида града; яфна (от яхати), легнаф (легнух); и совершенно измѣнено вставкой въ словахъ: вити ефли и ефла (іела, ель); фтасоват; дванаест бефценати камня (бесценати, драгоцѣнные).

7. Членъ двухъ родовъ: зет-от, юнак-от, байрак-от; на дрпна-та сребрна игла; силна-та вақска; силнійют огон; писанійот кавел (свирѣль); второ-то оро; пастарій-от девер; чисто-но сребро; десна на рока; фрушко-но ноже; мошко-но дете; остра-на сабья; триста-на твелія; се приста-на сеймени; шчо ми имаше до манастир-он (стр. 453).

8. Въ 3-мъ лицѣ настоящ. и будущ. вм. *т*: елен пливат по море; одит, немат, капет, велит, говоритъ, ответ, поет, викает; девойка трчат и викат.

9. Творительный падежъ выражается съ помощью предлога с, который иногда удваивается: со вода, со сизи вм. водом, сузом; сос мафрама вм. махрамом; сосе майками; се о друга; сесь ня.

10. Ослабленіе флексіи и вслѣдствіе того смѣшеніе падежей и вообще неправильное согласованіе словъ: я сом газив крвца до рамена; за девойка потви сеседедо; по девойка да иде; песня послушай те; на зелен рудина; я тыо моя тверка да му дадем; на сува рида без вода; увилит коня во гора зелена, за нова потковa; со твоя рада незнойка; дур да огреет слнце по ридови; мноч на свеча седала; со нейзините другачки (другарице); девойко ми босо прегазино; Марко цетало; я несум дошло; да ми одит у баба ни гости, и со него убава невести.

Множество словъ, употребляемыхъ въ такой формѣ, въ какой по духу сербскаго языка они не могли бы быть: дойде вм. додье; гройзе вм. грождье; нейзин вм. ньезин; лойзе (лозе), подеж. желездо; сакати (искати), сички. секакви (свакочки), назат. и т. д.

Пристрастіе къ употребленію уменьши-

*) Г. Ястребовъ полагаетъ, что это вм. Скандер-бегу; но это неправильно: во 1-хъ, онъ вездѣ называется Скендербег; во 2-хъ, этому отвѣчаютъ слова сначала: «на Босну», а потомъ «Румелія», слѣдовательно вездѣ названіе страны, а не лица.

тельныхъ: лофчок (лов), грефчок, копинка (купина) цветье; на гробчок; од коминки-те люта ракія; голем ти сончок сануваше; дремка; санче (отъ сахан); свекор те дарчокъ дарува; деверче; малки моми; Петрета, Павлета.

Превосходная степень образуется изъ соединенія частицы, *по* и положит. степени: побрго, поздрава пойде, поболка дойде.

Родит. пад. прилагат. *го* и *его*: чатнего кума; конь крилатнего, брзего коня, вм. *ога*.

Въ журнальной статьѣ нѣтъ возможности весь представляемый книгою г. Ястребова матеріалъ для языка краевъ, въ которыхъ онъ собранъ; но для насъ достаточно и этихъ примѣровъ, чтобы видѣть, что языкъ дибрскихъ пѣсенъ совсѣмъ не сербскій и при томъ не какой нибудь небывалый славяно-сербскій, а просто болгарскій, который сильно подмѣшанъ какъ и въ пѣсни средской и сиринической волостей и на Моравѣ, собственно называемой Бугар-Морава. Вліяніе это ощутительно даже на Косовомъ полѣ, да и вообще разстройство въ языкѣ старой Сербіи нужно приписать, по всѣмъ вѣроятіямъ, этому взаимнодѣйствію языковъ сербскаго и болгарскаго, между которыми тутъ и проходитъ граница.

Въ этомъ и заключается особенный интересъ въ изученіи какъ сербскаго, такъ и болгарскаго языковъ въ той мѣстности, и потому мы особенно должны быть благодарны за то, что онъ во всѣхъ пѣсняхъ постарался удержать всѣ оттѣнки мѣстныхъ говоровъ.

П. Р.

Ил. Р. Блъсковъ. Рѣдъ съврѣменни книжки за прочитание на сѣкиго. Книжка единайсета Калинка. Книжка дванайсета Криво-Лапе. Руссе 1886.

Г. Блъсковъ уже нѣсколько лѣтъ какъ началъ общедоступное изданіе «Рѣдъ съврѣменны книжки» и въ концѣ іюля нами получены уже 11 и 12 книжки. Издатель раздѣляетъ свое изданіе на Китки (букеты), каждая изъ трехъ книжекъ, которые носятъ названіе цвѣтовъ. Такимъ образомъ настоящія книжки составляютъ продолженіе и окончаніе IV книжки, началомъ которой служитъ «Роза», изъ которой нами уже и было сдѣлано сообщеніе о «Коладникѣ». Книжки эти содержатъ въ себѣ: произведенія народной словесности, стихотворенія, общедоступныя нравоучительныя разсказы, жизнеописанія болгарскихъ дѣятелей, полезные совѣты и разсужденія о дѣлахъ общественныхъ въ общедоступной формѣ. Настоящія книжки заключаютъ статьи (въ 11) Година-та 1876 въ сравненіе съ година-та 1886, Какъ дѣдо Дане учи съсѣда си Живка, да не ходи и въ кърчмытѣ и да не пиянствува, Венеаминъ Франклинъ, Нѣколько полезни разсужденія разсказецъ «Хитъръ Петъръ Народни пѣсни (5, въ 11 и 12), Дѣдо Добре, единъ отъ стари-тѣ наши истински народни мужіе. Первая и послѣдняя статьи, одна въ видѣ разсужденія, другая въ видѣ разсказа рисуютъ намъ Болгарію въ два противоположные періода: во время турецкаго ига и въ настоящее и далеко не въ пользу Баттенберга и «иже съ нимъ». Страдалъ тогда народъ и тяжело страдалъ: всякій помнитъ еще болгарскіе ужасы, у него отнимали и богослуженіе и языкъ, но крѣпокъ былъ онъ своимъ согласіемъ, силой характеровъ, вѣрой и уваженіемъ къ старшимъ, единствомъ цѣли и желаній, счастливъ надеждой на лучшее будущее, на освободительницу Русь святую. «Въ 1876 и 1877 годахъ всѣ мы, говоритъ издатель вмѣстѣ съ Вазовымъ съ сокрушеннымъ духомъ, умиленнымъ голосомъ, съ слезами на глазахъ, всѣ мы жалобно пѣли и говорили съ нимъ:

Россия
Тое имя свято, родно мило!
То въ мракъ бива намъ свѣтило, и пр.

А теперь какую пѣсню поемъ! Увы! подобную грязную богопротивную неблагодарность; теперь намъ... намъ показать такую нечеловѣческую неблагодарность. Великій грѣхъ, великій стыдъ! Но зачѣмъ говоримъ *намъ*. Развѣ весь болгарскій народъ такъ неблагодаренъ? Нѣтъ подобныя безсовѣстныя злобныя лица единицами считаются въ городахъ, а въ селахъ ихъ и совсѣмъ нѣтъ, такъ что ихъ голосъ подобенъ голосу громогласныхъ горластыхъ животныхъ, ко-

торыя заглушають стадо не давая слышать другіе голоса (11 стр. 9—10). Нынѣшняя Болгарія уже не произведетъ дѣдовъ Даневъ, такъ же какъ не дать ей даже и Живковъ: нынѣшняя молодежь не почитаетъ, не даетъ никакой почести своему соселянину сосѣду старцу» (12 стр. 33). Не дать ей и этихъ хоть и грубыхъ, но крѣпкихъ безкорыстныхъ народныхъ, народныхъ не въ нынѣшнемъ опошленномъ смыслѣ слова, характеровъ какъ дѣдо Добре. Но есть въ Болгаріи еще старцы, есть еще дѣды Волчи, дѣды Добри, есть еще сыновья дѣдовъ Добревъ, которые завели и обезпечили по селамъ церкви и училища, подняли ихъ матеріально и нравственно, да «кто ихъ ищетъ, кто ихъ спрашиваетъ, кто ставитъ хоть во что нибудь»? (стр. 34). Явились развращающіе агитаторы, интеллигенція и молодежь въ Добрево село «производятся здѣсь выборы, ссоры, брань, драки и скандалы, учатъ здѣсь крестьянъ клеветамъ, лжи, подлости, шарлатанству... и растлѣлось, развратилось прекрасное село! Противъ церкви теперь 7 корчемъ, тогда какъ въ дѣдово Добрево врѣмя не было ни одной. Въ церкви христіанъ разъ, два, да и обчелся, а кабаки всѣ полнехоньки. Изъ 4 учителей остались два, да и тѣ 2 года безъ жалованья, а 7 кабаковъ стоятъ!» (стр. 36). Агитаторы отняли у крестьянъ «самое для него святое и дорогое, чѣмъ онъ боролся противъ всѣхъ бѣдствій», «праотцеву его святую вѣру и—Бога» (36). И снова, думаемъ мы, получило смыслъ стихотвореніе Вазова!

— Изъ пѣсенъ первая (11 стр. 32) напоминаетъ нашу пѣсню о матери, отыскавшей въ плѣну татарскомъ свою дочь, только здѣсь вмѣсто дочери сынъ, берущій въ плѣнъ мать и женящійся на плѣнной сестрѣ. 2-я представляетъ варіантъ къ пѣснямъ объ Арнаутинѣ Нуво и Боигигичѣ Алѣ у Ястребова (стр. 232 и 268); только вмѣсто нихъ здѣсь Стоянъ, а вмѣсто людей ягнята, 5-я (12 стр. 2) по мысли напоминаетъ отдаленно Ястребовскую «Свадьба Ивана Капитона» (270). Женщина хитростью спасаетъ своего милаго отъ гайдуковъ. **Н. Ш.**

Безумiе на Руси Галицкой. Составилъ Θедоръ Ивановичъ *Досинчукъ* въ пользу страждущихъ Галичанъ. Житоміръ. 1886. Стр. 1—16. Цѣна 20 коп.

Эта только что вышедшая брошюрка принадлежитъ перу купца-галичанина, переселившагося въ Россію и здѣсь принявшаго православіе, и даетъ нѣсколько не безъинтересныхъ свѣдѣній о дѣятельности поляковъ и настроеніи умовъ въ Галиціи, а потому мы и считаемъ не лишнимъ подѣлиться этими свѣдѣніями съ нашими читателями.

Разъяреннымъ поклонникамъ папы, этимъ отщепенцамъ славянской семьи, полякамъ-шляхтѣ и іезуитамъ всегда противно было все русское, а особенно православіе. Понятны поэтому всѣ старанія этихъ господъ сбить съ толку и одурачить галицко-русскій уніатскій народъ, обрушиваясь ужасной бранью не только на православіе, но даже и на унію, ставя выше ея даже еврейскую вѣру, нападая на русскую азбуку, словомъ на все, что носитъ на себѣ русскій характеръ. Дѣло идетъ дальше: вѣру греческую ругаютъ уже не только католики, но и новопоставленный епископъ станиславовской галицкой епархіи въ своихъ подаваемыхъ папѣ будто бы отъ имени уніатскаго народа адресахъ. Католическое духовенство въ Россіи, какъ въ этомъ убѣдился изъ опыта авторъ, тоже не уступаетъ своимъ австрійскимъ братьямъ. Они убѣждаютъ пріѣзжающихъ уніатовъ пріобщаться въ костелѣ; если же не захотятъ этого, то лучше вовсе не пріобщаться, чѣмъ пріобщаться въ православной церкви, что это-де ужасный грѣхъ.

Житомирскій бискупъ Козловскій убѣждаетъ своихъ пасомыхъ даже не выходить замужъ за православнаго. «И ты дзецко хцеш прияти схизматицко вяр», говорилъ онъ католичкѣ и обѣщалъ ей свою помощь во всемъ лишь бы она не выходила за православнаго. Присоединившихся къ православію поляки считаютъ злѣйшими своими врагами и причиняютъ имъ много зла. Въ этомъ, пишетъ авторъ, я здѣсь убѣдился, не мало выстрадавъ отъ житомирскихъ поляковъ изъ-за ложныхъ доносовъ ихъ на меня правительству австрійскому. (Авторъ перенесъ 3 мѣсяца тюремнаго заключенія въ Тарнополѣ, гдѣ обращались съ нимъ весьма грубо, назы-

вая во всеуслышаніе схизматикомъ). Даже здѣшній низшій классъ поляковъ кажется по информаціи негодующимъ. Когда я присоединился къ православію, то въ содержимомъ мною въ г. Житомирѣ магазинѣ ночью выбивали окна, а владѣлица дома, гдѣ я живу, католичка Шерстетъ, въ часъ срока платежей сказала моей супругѣ: «я не прийму православных пендзій од пани и не хц в своем дому мец православных». Давленіе іезуитовъ и змартвыхстанцевъ мѣстами въ Галиціи сказывается на нѣкоторыхъ и другихъ недостойныхъ пастыряхъ уніатскихъ. Въ прощальное воскресенье настоящаго года они приказали уніатскому приходнику, извѣстному слабостью духа о. Іосифу Дудыкевичу говорить въ подгаецкой церкви (въ Галиціи) проповѣдь исключительно о православіи. Продажный проповѣдникъ безъ стыда ругалъ православную вѣру по указу змартвыхстанцевъ, говоря, что въ этой вѣрѣ чортъ воюетъ и т. д. Онъ просилъ беречь вѣру католическую уніатскую, бросилъ анаѳему на меня, пишетъ авторъ, и другихъ, говоря: «уже одна проклятая душа, извѣстная вамъ, сидитъ въ криминахъ, но я слышалъ, что и другіе такіе изъ моихъ прихожанъ недовѣрки будутъ завтра арестованы, тѣ, которые записали свою душу чорту присоединеніемъ къ православію». Въ заключеніе проповѣдникъ, просилъ указать, нѣтъ ли и среди нихъ ложныхъ пророковъ православія. Въ отвѣтъ на это прихожане выразили свое неудовольствіе. «За это онъ обругалъ своихъ прихожанъ разбойниками и кончилъ словами: вы желаете заступника св. Петра, т. е. св. отца въ Римѣ убить и распять». Слѣдствіемъ этой проповѣди было то, «что прихожане, прослушавшіе этотъ лай, выбрали изъ своей среды двухъ депутатовъ въ Россію съ просьбой, нельзя ли имъ присоединиться къ православію гдѣ нибудь вблизи границы»... Когда этимъ двумъ господамъ политическія власти не выдали паспортовъ, то одинъ изъ нихъ рисковалъ даже пріѣхать въ Житомиръ безъ таковаго (стр. 10 — 11). Вообще, по словамъ автора, эти выходки гг. поляковъ, іезуитовъ и змартвыхстанцевъ и вызвали «въ настоящее время сильное броженіе умовъ въ пользу православія среди Галицкой Руси, да и чехи массами присоединяются къ православію» (стр. 4). «У галичанъ, и даже уніятскихъ священниковъ, была и будетъ непримиримая ненависть къ папѣ. Они видятъ въ западной Галиціи за польскимъ городомъ Краковомъ католиковъ, такъ называемыхъ мазуровъ, которые сильно вооружены противъ польской шляхты и іезуитовъ» (стр. 1). Авторъ убѣжденъ, что іезуитскія выходки «впослѣдствіи принудятъ галичанъ положительно заявить свой переходъ въ праотеческую вѣру» (стр. 7). Даже болѣе: «мы свою несчастную автономію, говоритъ авторъ, охотно дадимъ въ обмѣнъ за абсолютизмъ въ Россіи и станемъ, по примѣру мазуровъ, врагами цѣлой Польши» (стр. 1). «Трехмилліонный галицкій народъ не захочетъ долго оставаться въ такомъ положеніи. Онъ долженъ сблизиться съ мазурами и покончить святое дѣло съ врагами на всегда, что давно слѣдовало бы сдѣлать» (стр. 3). Кромѣ мазуровъ, впрочемъ, и между галицкими поляками есть мирные и честные люди, а именно тѣ, которые происходятъ не отъ шляхты, а отъ народа; но польская, шляхта и іезуиты портятъ другихъ, о чемъ говорятъ сами участники повстанія бойцы за отчизну, которые убѣдились по опыту, на сколько ложны и безчеловѣчны наущенія іезуитовъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что если въ Галиціи происходитъ сильное движеніе въ пользу православія, то тамъ существуетъ и сильнѣйшее противодѣйствіе ему не только со стороны поляковъ, но и правительства. Въ настоящее время правительство австрійское дало тайное наставленіе митрополиту буковинскому, православному, и онъ, вслѣдствіе этого приказанія, запретилъ православному священнику въ Львовѣ способствовать переходу уніятовъ къ праотеческой вѣрѣ». (Стр. 4).

Въ послѣдней главѣ—«Бисмаркъ возстановитъ Польшу»—авторъ говоритъ о взаимныхъ отношеніяхъ поляковъ и русскихъ. Авторъ замѣчаетъ, что не смотря на поступки Бисмарка съ поляками, «вражда польскаго элемента къ Россіи и русскому народу не ослабѣла, напротивъ, поляки согласились бы съ Бисмаркомъ на германизацію всѣхъ коренныхъ польскихъ земель, лишь бы только онъ помогъ имъ побѣдить Россію и обратить русскія провинціи въ польское государство».

Таковы мысли Дзенника Познанскаго, и

Новой Реформы. Послѣдняя отъ имени *варшавскаго* поляка совѣтуетъ полякамъ въ Россіи соединиться со всѣми иноплеменными народами въ Россіи, т. е. чехами, нѣмцами, литовцами, азіатскими племенами, число которыхъ равно 40% всего населенія и этимъ достигнуть возстановленія Польши въ предѣлахъ имперіи Русской, а можетъ быть и отъ моря, до моря. Ужь не съ этой ли цѣлью и переселяются поляки въ Владивостокъ, какъ недавно писали газеты, чтобы между тамошними инородцами проповѣдывать повстанье противъ правительства? Замыслы, достойные польской шляхетской головы! А между тѣмъ галицкіе поляки говорятъ о томъ, «будто бы малоросовъ и чеховъ кнутъ царизма выселялъ въ Сибирь. Этотъ новый маневръ, говоритъ авторъ, думаетъ пугать малорусскій и чешскій народъ Сибирью, но здѣсь живущіе пруссы и чехи говорятъ, что они знаютъ хорошо Германію и Австрію, но хотятъ ради Христа принять русское подданство и здѣсь, хотя бы въ самой Сибири, умирать.... Здѣсь даже полякамъ скверно не живется между добродушнымъ и гостепріимнымъ русскимъ народомъ.» (Стр. 15—16). Авторъ упрекаетъ австрійское правительство, что оно допускаетъ въ Австріи, гдѣ еще нѣтъ королевства польскаго, такъ враждебно отзываться и самовольно печатать «маневры» противъ государства, особенно того, которое нужно благодарить, а не чепуху писать и кричать «на погибель москалю». Стр. 16). Авторъ недовѣрчиво относится, и къ брошюркѣ графа Замойскаго «Russie et Pologne» о польско-русскомъ примиреніи, зная прямо по опыту исторію «польско-русскихъ компромиссовъ «въ Галицкой Руси». Конклюзія потому такая, заключаетъ авторъ, что намъ малороссамъ и всѣмъ русскимъ не надо вѣрить въ панскую милость) цыганскую пріязнь и еврейскую честность-только молиться одному Богу и служить одной святой Руси».

И. Ш.

Редакторы { Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

Въ СПб. Славянск. Благотв. Обществѣ продаются слѣдующ. книги:

— **Славянская Христоматія**. Сборникъ по славянскимъ нарѣчіямъ. Составилъ **Г. Воскресенскій**, экстраординарный профессоръ Московской Духовной Академіи. Выпускъ первый: языки древній церковно-славянскій и древне-русскій, Москва, 1882 г. стр. III+110	— р. 75 к
— Тоже, вып. II: языки болгарскій, сербо-хорватскій и словинскій. Москва 1883 г. стр. III+292 . . . . . . , ...	1 » 50 »
— Тоже, выпускъ III, отдѣлъ I: языки чешскій и словацкій. Москва 1884, стр, II+218	1 » 50 »
— Сравнительная морфологія славянскихъ языковъ, сочиненіе **Франца Миклошича**, переводъ Ник. Шлякова, **подъ редакціею Романа Брандта**. Выпускъ I. Старословенскій языкъ. Москва. 1884	1 » 50 »
— Тоже, вып. II: языки словенскій, болгарскій и сербскій. М. 1885.	1 » 50 »
— Тоже, вып III: языки малорусскій и русскій	1 » 50 »
— Географическій словарь западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ**. Вильна. 1884 г. XXXII и 371 стр.	2 » 50 »
— Карта западно-славянскихъ и юго-славянскихъ земель. Сост. **Я. Головацкимъ**. Вильна. 1884.	1 » — »
— Та же карта, наклеенная на холстѣ.	1 » 50 »
— Этнографическая карта русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ. Сост. **Я. Головацкимъ**. 1884.	— » 60 »
— Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, собранныя **Я. Ѳ. Головацкимъ**. 3 тома, въ IV частяхъ. Москва. 1878.	12 » — »
— **Россія и Европа**. Взглядъ на культурныя и политическія отношенія Славянскаго міра къ Германо-Романскому. **Н. Я. Данилевскаго**. Спб. 1871. X и 542 стр.	3 » — »
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго и литературныя объясненія **А. Степовича**. Кіевъ. 1884 . . .	1 » — к.
— **Горные разсказы А. Ираска**. Переводъ съ чешскаго **А. Степовича** (съ литературными объясненіями). Выпускъ II. .	— » 70 »
— **Славянскія нарѣчія**. Статья профессора **Гебауера**. Переводъ и примѣчанія **А. Степовича**. Кіевъ. 1882	— » 50
– **Анти энциклика** или братское слово къ славянамъ католикамъ. Харьковъ. 1882	1 » —
— Сочиненія **П. Т. Морозова**, Москва 1883 г., 462 стр. .	— » 60
— Изъ воспоминаній о русско-турецкой войнѣ 1877 — 78 гг., бывшаго командира 1-й бригады болгарскаго ополченія **Де-Прерадовича**. Спб. 1881. 362 стр.	1 » 50
— **Михаилъ Андреевичъ Балугьянскій**, Статсъ-Секретарь, Сенаторъ, Тайный Совѣтникъ. (1769—1847). Біографическій очеркъ. 1882. 44 стр. Ц. 1 руб.	1 » —

Редакторы: { Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

ъ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія**. Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины**. Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ**. Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны**. Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ**. Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи**. Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и славянское дѣло**. Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ**. Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ. — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго**. 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II**. 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »
17. **Будиловичъ**: Обозрѣніе областей Западнаго и Южнаго Славянства . . . . . 1 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ**. Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ**. (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме**. В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне**. Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта**. Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи**. Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи**. Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя**. Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница**. Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ**. Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи**. Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise**. Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky**. S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ**, А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ**. А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго**. . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія** . . . . 2 » 80 »

Примѣчаніе: Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

20 ni vpisano 14/12 1886.
Knj. zap. št. 403.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 11

НОЯБРЬ

1886

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 11. Ноябрь. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшихся 5 и 19 октября, между прочимъ, постановлено: *въ первомъ*: а) назначить двумъ сербамъ, поступившимъ въ Императорскую Военно-Медицинскую академію и С.-Петербургскій Университетъ, стипендіи, по 25 р. въ мѣсяцъ, до 1 января 1887 г., заплатить за слушаніе ими лекцій въ первой половинѣ 1886—7 г. по 25 р. за каждаго и одному изъ нихъ выдать на покупку форменной одежды 50 р.; б) назначить 1 болгарину, находящемуся въ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, пособіе по 1 р. въ мѣсяцъ, до окончанія имъ семинарскаго курса; в) выдать 5 сербамъ въ пособіе 185 р. и 6 добровольцамъ 117 р. и г) утвердить расходы, произведенные съ 21 сентября по 5 октября, на 298 р. 26 к. и *во второмъ*: а) назначить 1 сербу и 1 болгарину, воспитывающимся въ Виѳанской Духовной Семинаріи, ежемѣсячное пособіе, по 3 р. въ мѣсяцъ каждому, до окончанія ими семинарскаго курса; б) выдать въ пособіе 4 добровольцамъ 62 р., 1 герцеговинцу 5 р. и 1 чеху 50 р. и в) утвердить расходы, произведенные съ 5 по 19 октября, на 1,045 р. 21 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 октября по 1 ноября 1886 г. поступило: чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: г. Варшавы, прот. 2 округа, К. Чеховича — 15 р.; Горбатовскаго уѣзда, 1 округа, прот. Н. Лебединскаго — 6 р. 40 к.; Ливенскаго уѣзда, 2 участка, свящ. А. Переверзева — 8 р. 24 к.; Мензелинскаго уѣзда, прот. В. Уводскаго—3 р. 69 к.; губ. г. Могилева, духовной консисторіи — 28 р. 82 к.; Мценскаго уѣзда, 1 участка, прот. М. Троицкаго — 8 р. 76 к.; Ноличскаго уѣзда, 2 округа, прот. С. Сергіева—8 р.; г. Порѣчья, прот. П. Ильенкова—2 р.; г. Салмы (Финляндія) свящ. I. Заболотскаго—5 р. 75 к.; С.-Петербурга, духовной консисторіи—23 р. 97 к.; г. Симферополя, Таврической духовной консисторіи — 14 р. 42 к.; Шацкаго уѣзда, 1 округа, прот. Г. Княжинскаго—7 р. и Шлиссельбургскаго уѣзда, свящ. Н. Разумовскаго — 9 р., итого 142 р. 55 к.; а съ прежде поступившими—5.925 р. 64 к.

Въ С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество въ *«Издательскій капиталъ имени Ивана Сергѣевича Аксакова»*, съ 1 октября по 1 ноября поступило: отъ И. Ѳ. Тутолмина — 5 р. и отъ двухъ неизвѣстныхъ членовъ—25 р.; итого 30 р., а всего съ прежде поступившими 4.077 р. 75 к.

II. Славянское обозрѣніе.

Преуспѣваетъ-ли на дѣлѣ идея сближенія славянъ, или-же она падаетъ, и почему?

(Соображенія о томъ съ чешской точки зрѣнія).

> «Выше всего на свѣтѣ стоитъ столь часто осмѣянная, простая и искренняя любовь, та любовь, которую лицемѣрный сантиментализмъ уже до того отодвинулъ на задній планъ въ человѣческомъ обществѣ, что ее часто, и при томъ совершенно неосновательно, называютъ любовью «чувственною».
>
> *Г. Бюргеръ.*

Много лѣтъ уже вопросъ о сближеніи всего славянскаго міра занимаетъ заграничныхъ славянъ, борющихся за свое національное существованіе; и понятно, что тамъ, гдѣ эта борьба была труднѣе и надежды на успѣхъ отдаленнѣе, тамъ идея «панславизма» (какъ за границею называютъ великую идею славянскую) развилась сравнительно сильнѣе. А потому у чехо-славянъ, живущихъ почти въ центрѣ враждебной Германіи, эта идея выразилась впервые болѣе сознательно (стоитъ только вспомнить состоявшіеся въ 40-хъ годахъ у чеховъ славянскіе съѣзды), и панславизмъ сразу занялъ у нихъ всѣ интеллигентные умы. При томъ онъ здѣсь получилъ наиболѣе чистый, идеальный оттѣнокъ, такъ какъ отчаянное и совершенно исключительное положеніе чеховъ допускало здѣсь въ этомъ отношеніи менѣе, чѣмъ гдѣ-либо, эгоизма или заднихъ мыслей.

Но панславизмъ, въ этой, почти до наивности идеальной формѣ, въ какой проповѣдывали его тогда у чеховъ, желая основать его на общихъ, положительно безусловныхъ, обязательствахъ по отношенію къ солидарности славянъ, не могъ имѣть много успѣха у другихъ родственныхъ народностей, вслѣдствіе различія историческаго ихъ прошлаго и вытекающихъ изъ этого особенностей настоящаго ихъ положенія.

Вообще это была первая, начальная форма панславизма на западѣ, въ его совершенно туманномъ, неясномъ видѣ, являющаяся результатомъ полной еще безпомощности славянскихъ народностей, послѣ перваго пробужденія національнаго сознанія. Но какъ скоро возродившіеся элементы юнаго панславизма немного «оперились», то у всѣхъ явились уже свои особые планы: сербы мечтали о самостоятельной, сильной Сербіи, хорваты и словинцы о великомъ тріединомъ королевствѣ, болгаре о свободной Болгаріи, чехи о коронѣ св. Вячеслава, и поляки, конечно, не переставали думать о великой Польшѣ. Панславизмъ-же отъ этихъ частныхъ плановъ началъ получать болѣе опредѣленныя формы федеративнаго свойства.

Въ тѣхъ земляхъ славянскихъ, которыя непосредственно не подвергались сильному культурному и политическому давленію со стороны сосѣдняго великаго народа и не входили еще въ узкую сферу ближайшихъ интересовъ германскаго міра,—идеи панславизма все болѣе уступали намѣченнымъ выше сепаратистическимъ стремленіямъ, пока наконецъ славяне, обитающіе въ этихъ, сравнительно болѣе счастливыхъ странахъ, твердо и окончательно не остановились на сепаратизмѣ.

При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что дѣло сближенія славянъ въ сущности не подвигалось впередъ такъ, какъ-бы слѣдовало. Всѣ выдающіяся лучшія силы заграничныхъ славянъ трудились на пользу своихъ болѣе узкихъ народныхъ интересовъ. Не могли же явиться тогда между ними дѣятели, которые поставили-бы панславизмъ на первый, а частныя стремленія своей народности на задній планъ.

Такъ очутились чехи, испытавшіе между тѣмъ цѣлый рядъ величайшихъ разочарованій, въ положеніи нѣсколько особомъ; они все еще носились съ прежнимъ своимъ панславизмомъ, который съ любовью лелѣяли они въ сердцахъ своихъ. Могущественный-же народъ русскій, къ которому они обращали свои взоры, жилъ своею собственною государственною и народною жизнью, и *этого* панславизма никогда не зналъ.

Семь лѣтъ тому назадъ, наконецъ, обстоятельства заставили и чеховъ отказаться отъ своего панславизма. Идеалъ панславизма, какимъ онъ съ тѣхъ поръ, въ общемъ, является у заграничныхъ славянъ, къ сожалѣнію, долго еще будетъ оставаться въ тѣни, заслоняемый сепаратистическими стремленіями каждой народности; но объ этомъ впослѣдствіи.

Съ тѣхъ поръ исторія ушла далеко впередъ, измѣнилась всюду обстановка подобно тому, какъ руководимыя вѣчными законами Всевышняго силы природы все перестраиваютъ, разрушая и вновь созидая. Какъ въ природѣ, такъ равно и въ исторіи каждая минута имѣетъ свое преобразовательное значеніе и что было вчера *однимъ, то сегодня является другимъ*. Къ тому-же по мѣрѣ того, какъ культурная жизнь наша становится все интенсивнѣе, исторія идетъ все скорѣе и скорѣе впередъ. За послѣднее время, почти незамѣтно для многихъ изъ насъ, она *сдѣлала такіе крупные шаги впередъ*, имѣвшіе прямое отношеніе къ будущимъ судьбамъ славянства, что вопросъ, поставленный въ заглавіи настоящей статьи, по моему мнѣнію, является не только своевременнымъ, но даже самымъ настоятельнымъ, самымъ жгучимъ вопросомъ дня для всѣхъ искреннихъ сторонниковъ великой славянской идеи.

Не мнѣ, конечно, анализировать исторію нашего вѣка для того, чтобы добиться отъ нея отвѣта на ближайшіе вопросы, которые мы, дѣти малыхъ народностей славянскихъ, ежедневно *ставимъ въ душѣ своей*.

Я желалъ бы лишь, съ точки зрѣнія сына одной изъ народностей западно-славянскихъ, искренно отвѣтить на вышепоставленный вопросъ, выходя изъ убѣжденія, что въ Россіи, гдѣ всеславянская идея, даже у самыхъ искреннихъ друзей славянъ, такъ часто нераздѣльна съ высшей политикою (въ политикѣ первую роль играетъ эгоизмъ, а не сердце), трудно снизойти на точку зрѣнія далекихъ, оторванныхъ отъ великаго славянскаго міра единоплеменниковъ, а между тѣмъ, быть можетъ, этимъ путемъ и надо искать ключа къ рѣшенію тѣхъ великихъ задачъ славянскихъ въ Европѣ, которыя выпали на долю перваго народа славянскаго, на долю русскихъ; по крайней мѣрѣ я едва ли ошибусь, если скажу, что у заграничныхъ славянъ преобладаетъ въ настоящее время убѣжденіе, что дѣло русскаго вліянія въ земляхъ славянскихъ шло бы гораздо успѣшнѣе, не смотря на политическія интриги враговъ Россіи, если бы русскіе болѣе основательно изучали и принимали во вниманіе точку зрѣнія своихъ славянскихъ единоплеменниковъ.

Этимъ я выразилъ собственно суть всего дѣла. Никто среди славянъ не оспариваетъ, что руководящая роль въ практическомъ рѣшеніи всеславянскихъ вопросовъ принадлежитъ Россіи, но съ другой стороны за границею не менѣе ясно, что успѣхъ обусловливается достиженіемъ, прежде всего, фактическаго сближенія, и потому полагаютъ, что всякій шагъ Россіи въ отношеніи къ другимъ славянамъ, предпринятый безъ надлежащей подготовки, т. е. тѣснаго сближенія, будетъ сопровождаться сомнительными, непрочными результатами, какъ это доказали нагляднымъ образомъ печальныя событія въ освобожденныхъ Россіею странахъ, Сербіи и Болгаріи, гдѣ единовѣрныя, столь близкія русскимъ народности, все таки, при помощи всевозможныхъ подпольныхъ и открытыхъ козней нашихъ общихъ враговъ, составляютъ въ рукахъ сихъ послѣднихъ не только предметъ безконечной политической интриги, но даже орудіе, направленное противъ самой Россіи, и ея великой миссіи.

Обращаясь прямо къ вопросу, служащему темою настоящей статьи, я полагаю, что, относясь къ нему безпристрастно, необходимо сознаться, что сближеніе славянъ фактически не только не дѣлаетъ успѣховъ, какъ бы слѣдовало, а даже замѣтно скорѣе противоположное явленіе. Правда, что при этомъ играютъ роль и политическія событія, сложившіяся со времени берлинскаго конгресса не въ пользу Россіи. Но не про политику здѣсь идетъ рѣчь; политическая обстановка можетъ перемѣниться каждый день: подобно тому, какъ берлинскій конгрессъ нанесъ несравненно большій ударъ панславизму, чѣмъ могло показаться на первый взглядъ; такъ, завтра удачный актъ русской политики, мѣткій ударъ въ самый центръ враждебнаго намъ міра сразу можетъ дать полный

ходъ панславизму и яркимъ свѣтомъ освѣтить горизонтъ славянской политической жизни. Не касаясь прямо политики, пути которой всегда останутся сопряженными съ рискомъ, я здѣсь говорю о томъ стремленіи къ дружбѣ и тѣсному сближенію, о томъ пути истиннаго уваженія, участія и любви, отъ котораго единственно можно ожидать болѣе прочныхъ результатовъ въ дѣлѣ единенія славянъ между собою.

Настоящее-то сближеніе славянъ на самомъ дѣлѣ еще и не началось. Выше я сказалъ, что въ первое, трудное время возрожденія славянъ нельзя было ожидать, что бы тогда уже появились настоящіе пророки великой идеи славянской. Но всетаки мнѣ кажется, что прежде весьма многіе лучше понимали эту идею и честнѣе относились къ ней, чѣмъ многіе передовые славяне нашего времени. Если внимательно разсмотрѣть исторію славянскаго движенія за послѣднія 30 лѣтъ, то мы увидимъ, что прежніе, сошедшіе уже въ могилу дѣятели разныхъ славянскихъ народностей относились къ этому дѣлу гораздо серьезнѣе, и ихъ стремленіе въ этомъ направленіи дышетъ такою чистотою и правдою, энергіею и добросовѣстностью, рядомъ съ которыми всѣ наши собственные порывы въ этомъ отношеніи не выдерживаютъ сравненія. Когда въ нашихъ вспоминаніяхъ предстанутъ передъ нами эти первые борцы наши за славянское будущее, намъ кажется, что въ насъ нѣтъ ни настоящей вѣры, ни воодушевленія!

Въ славянской печати, правда, мы находимъ иногда прекрасные отзывы, и на сочувственное Россіи настроеніе этой печати указываютъ, какъ на одно изъ самыхъ существенныхъ доказательствъ успѣха панславизма; но эти изліянія, по моему, скорѣе походятъ на вѣжливую корреспонденцію, на простую вѣжливость (convenance) двухъ родственниковъ, незнакомыхъ другъ съ другомъ. Кромѣ того, тѣ-же газеты иногда говорятъ и настоящій вздоръ по сему предмету. Говорятъ далѣе, что славяне взаимно изучаютъ другъ друга, слѣдятъ за литературными своими произведеніями, переводятъ ихъ на свой языкъ, вникаютъ вообще въ культурную жизнь своихъ соплеменниковъ, и т. п.—Но то-же самое имѣетъ мѣсто и въ отношеніи къ другимъ, иноплеменнымъ народамъ? Говорятъ, что учатся всюду другимъ славянскимъ языкамъ; но изучаютъ-же иноплеменные языки гораздо усерднѣе! И что бы тамъ еще ни говорили, всего этого слишкомъ мало для того, что бы доказать хоть существованіе серьезнаго только намѣренія и желанія, и твердой, честной воли. Словомъ, идея сближенія не выходитъ изъ границъ звучныхъ словъ и громкихъ фразъ; исключенія въ этомъ отношеніи слишкомъ малозначительны, въ сравненіи съ тѣмъ, что бы можно было сдѣлать, если было бы желаніе. Славянскіе дѣятели всѣхъ странъ и народностей погрязли въ высшей политикѣ, и отъ нея ожидаютъ всего; но дѣло сближенія отъ этого лишь проигрываетъ; оно не только остановилось, оно идетъ назадъ!

Я допускаю съ другой стороны, что одно уже сознаніе численности и силы славянъ способно много поддержать ихъ: то обстоятельство, что въ Европѣ, въ лицѣ Россіи, существуетъ великій, могучій народъ славянскій, представляющій собою внушительную политическую и культурную единицу среди народовъ цивилизованнаго міра, одно уже доставляетъ всѣмъ остальнымъ славянамъ, во всѣхъ отношеніяхъ огромную моральную поддержку. И не смотря на то, что это сознаніе, если злоупотребить имъ, можетъ сослужить также и дурную службу, повредить общему дѣлу, развѣ одного этого сознанія достаточно? Развѣ для успѣха славянскаго дѣла ни славяне, ни русскіе уже не нуждаются ни въ чемъ больше?

Говоря откровенно, мнѣ кажется, что, къ нашему стыду, среди заграничныхъ славянъ престижа панславизма никто такъ не поддерживаетъ, какъ сами враги наши, рисуя время отъ времени яркими красками призракъ панславизма, упоминая про фанатизмъ русскихъ панславистовъ, имѣющихъ рѣшающее вліяніе на политику, и про неисчислимыя тонкія нитки этого панславизма, развѣтвленныя будто, отъ русскаго центра по всѣмъ славянскимъ странамъ, и пр.

То-ли мы видимъ у нѣмцевъ, образъ дѣйствій которыхъ въ дѣлѣ соединенія съ австрійскими нѣмцами намъ такъ хорошо знакомъ? Но эти дѣйствія, правда, основываются на столь прочныхъ, горячихъ чувствахъ австрійцевъ, что конечно

къ намъ въ такой степени приложено быть не можетъ.

Но я увлекаюсь, и лучше обращусь къ причинамъ такого безотраднаго явленія, что послѣ столь продолжительной и энергической національной дѣятельности, такъ мало подвигается сближеніе, въ особенности славянъ съ русскими, отъ котораго, безъ сомнѣнія, зависитъ ихъ собственное будущее.

Я сознаю, что для того, чтобы отвѣтить на такой важный вопросъ какъ бы слѣдовало, нужны болѣе компетентные судьи и прежде всего болѣе обстоятельный и глубокій анализъ, чѣмъ здѣсь можетъ имѣться въ виду, тѣмъ не менѣе, и простой голосъ изъ массы иногда имѣетъ свою цѣну, въ особенности, если тѣ, голосъ которыхъ въ подобныхъ вопросахъ былъ бы болѣе компетентнымъ,—предпочитаютъ отмалчиваться.

Прежде всего, какъ чехъ, я долженъ указать то чувство, которое трудно побороть нашему брату, когда «заговоришь по—русски» съ русскими, *не зная русскихъ ближе, короче*, а зная ихъ только по наслышкѣ.

Пусть русскій читатель самъ судитъ о томъ, какъ, не смотря на славное прошлое чеховъ, неловко при томъ положеніе современнаго чеха; каково у него должно быть на душѣ, когда, обращаясь къ русскимъ, онъ вспомнитъ, что онъ принадлежитъ къ малочисленной, сравнительно, народности, заброшенной далеко на западъ, *стѣсненной* въ узкой территоріи среди нѣмцевъ; вспомнитъ, что онъ принадлежитъ къ полуумерщвленной въ тысячелѣтней борьбѣ славянской народности, очнувшейся недавно; эта народность—точно слабый юноша, воспитанный въ чужомъ, духѣ, чуть не утратившій свой родной языкъ, увидѣвшій себя, въ своемъ собственномъ домѣ, среди чужихъ хозяевъ, коихъ уже не выживешь, не прогонишь изъ дому.

Невольно онъ сопоставляетъ это положеніе съ положеніемъ русскаго, и послѣ нѣкотораго колебанія имъ овладѣетъ приблизительно чувство, что народъ русскій, въ его грандіозномъ и все таки естественномъ, сравнительно простомъ быту былъ бы ему весьма симпатичнымъ въ его цѣломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не можетъ преодолѣть возникающаго въ немъ опасенія, что интеллигенція этой страны, съ своей точки зрѣнія, не можетъ къ нему относиться безпристрастно, безъ односторонности, вслѣдствіе чего она не можетъ понимать настоящаго положенія и нуждъ его, не можетъ отнестись вполнѣ справедливо къ дѣйствіямъ, и сочувственно къ успѣхамъ его; онъ не упрекаетъ русскаго въ политическомъ эгоизмѣ, такъ, какъ упрекаетъ его въ каждомъ критическомъ словѣ, не вполнѣ справедливо обличающемъ его заслугу, и наконецъ додумается до того, что не ему убѣждать и поучать русскихъ, и что одна исторія въ состояніи указать русскимъ ихъ истинныхъ друзей и указать ихъ ошибки. Онъ чувствуетъ далѣе, что при такихъ обстоятельствахъ ему нельзя искать въ русскомъ своего руководителя.—Съ другой стороны, онъ вспомнитъ, что всѣмъ тѣмъ, чего онъ достигнулъ, не исключая и того, что онъ говоритъ еще своимъ собственнымъ языкомъ, онъ обязанъ исключительно своему собственному усилію и энергіи, а потому, въ заключеніе, является въ немъ склонность сдѣлаться, съ своей стороны, пристрастнымъ и онъ кончаетъ разсужденіемъ: «что спасти и сохранить на всегда народу чешскому славянскую національность не можетъ «ни русскій языкъ, ни православіе», а кромѣ этого русскіе, будто, ничего ему другаго не предлагаютъ».

Далѣе онъ вспоминаетъ, что Германія давно наложила руку на полумертвую Чехію, и эта Германія говоритъ теперь постоянно и ясно свое желѣзное «Veto» по адресу панславизма, если бы онъ вздумалъ серьезно включить въ свою программу также и Чехію, отъ полнаго обладанія которой Германія никогда не откажется, если не будетъ къ этому вынуждена силою, такъ какъ Чехія давно вошла въ тѣсную связь съ нею. Чтобы заступиться за чеховъ, нужно побороть Германію и связать ей руки на долго; да это нужно даже для того, чтобы чехамъ только дружески подать руку.

И удручающее сознаніе этого положенія исключительнаго, дѣйствительно много виновато въ отношеніяхъ чеховъ къ славянамъ, и въ особенности къ русскимъ; въ немъ несомнѣнно заключается одинъ изъ главныхъ мотивовъ всего, для рус-

скаго глаза страннаго и непонятнаго образа дѣйствій чешскихъ вождей и передовыхъ людей.

Вотъ почему, какъ я полагаю, душею большинства чеховъ, въ особенности, если они мало знаютъ Россію и русскихъ, овладѣетъ какое то смущеніе, дѣйствующее въ свою очередь на врожденное человѣку самолюбіе, когда сознаніе принадлежности къ великой славянской семьѣ и желаніе сблизиться съ нею возьметъ верхъ надъ сознаніемъ своего настоящаго положенія, и явится необходимость обратиться въ ту сторону, гдѣ носители и труженики великой славянской идеи находятся въ завидномъ положеніи, такъ какъ принадлежатъ къ могущественному народу, въ судьбахъ котораго, безъ всякаго сомнѣнія, лежитъ и вся судьба великой идеи.—И если теперь почти никогда ни одинъ компетентный голосъ чешскій не отзывается на возгласы передовыхъ друзей славянъ изъ русскихъ, то много этому содѣйствуетъ выше упомянутое сознаніе и сопровождающія его чувства. Разъ одинъ изъ моихъ соотечественниковъ замѣтилъ мнѣ приблизительно: «Право, трудно представить себѣ, до какой степени затруднительно должно быть положеніе знакомаго съ нашимъ положеніемъ и при томъ добросовѣстнаго русскаго панслависта (какъ на западѣ называютъ славянофиловъ), если бы ему предложили изложить подробно, какъ онъ представляетъ себѣ практическое осуществленіе программы будущаго панславизма въ отношеніи къ чешской народности, увязнувшей среди наложившихъ на нее свои мощныя руки нѣмцевъ? – Еслибы онъ не исключилъ эту народность совсѣмъ изъ своей программы, то не представляла-ли бы она для него, во всякомъ случаѣ, своего рода «enfant-terrible», съ которымъ неизвѣстно, что начать?»

Но кромѣ вышепоясненнаго горькаго сознанія, между чехами и русскими въ теченіе послѣднихъ 7—8 лѣтъ еще пропроизошло охлажденіе, вслѣдствіе замѣтнаго неудовольствія со стороны русскихъ по поводу перемѣны всего направленія чешскихъ политическихъ вождей и членовъ парламента, имѣвшей большое, и для русскихъ непріятное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ австрійской политики.

На это возразили мнѣ, кратко мои соотечественники слѣдующее:

Разсчитывать на мечъ, который единственно могъ вырвать чеховъ изъ безвыходнаго положенія они не могли, не смѣли и не желали. По мнѣнію руководителей чешской политики, не осталось, слѣдовательно, ничего въ виду ихъ исключительнаго, изолированнаго положенія, какъ положиться единственно на свои собственныя силы, то есть: продолжая трудиться надъ своимъ развитіемъ, спасаться отъ все энергичнѣе напирающей германизаціи, путемъ политическаго компромисса съ австрійскимъ правительствомъ, при чѣмъ, конечно *необходимо* было представителямъ чеховъ отвернуться отъ панславизма.»

Это случилось именно въ 1879-мъ году. Тогда въ Россіи осуждали чеховъ до того, что готовы были безусловно отдать ихъ нѣмцамъ, выставляя ихъ по надежности еще несравненно ниже, чѣмъ поляковъ.

Эта перемѣна политическаго направленія чешскихъ вождей была, «en miniature» что-то совсѣмъ похожее на то, что *после* случилось сначала съ сербами, а потомъ даже и съ болгарами. Но если не только единоплеменные и близкіе къ русскимъ, но и единовѣрные, и сверхъ того, дорогою цѣною русскими освобожденные южные славяне могутъ *спотыкаться* подобнымъ образомъ, то тѣмъ легче это должно было случиться съ чехами, которыхъ крайность, ножъ, приставленный къ горлу, заставили сдѣлать это; а впрочемъ, неужели за политическія ошибки и за невѣрное политическое направленіе политиковъ, осуждать весь народъ? Въ такомъ случаѣ пришлось бы осуждать славянамъ и русскихъ не менѣе, чѣмъ русскіе должны были бы осуждать *всѣхъ* прочихъ славянъ.

Но желая, какъ чехъ, оговориться, прежде чѣмъ продолжать, я дошелъ до многаго, что и другіе славяне, до извѣстной степени, имѣютъ общаго съ чехами.

И они (каждая народность сама по себѣ), сравнительно съ рускимъ народомъ, малочисленны, и если ихъ такъ не германизируютъ, и если вообще ихъ положеніе не такъ отчаянно, какъ положеніе чеховъ, то извѣстно, что въ счастіи (явившемся имъ въ образѣ свободы, дарованной русскими) легко упоиться новымъ положеніемъ, соблазниться надеждою на даль-

нѣйшіе успѣхи, и предаться несбыточнымъ мечтамъ о будущемъ величіи; а напротивъ того, въ нуждѣ можетъ показаться собственное горе и бѣдствіе тяжелѣе, чѣмъ оно на самомъ дѣлѣ.—Въ политическихъ-же ошибкахъ южные славяне далеко превосходятъ чеховъ; но взялись они за свою «самостоятельную», въ разрѣзъ съ русскими интересами идущую политику, вѣроятно, также *не изъ вражды* къ Россіи и русскимъ.

Все это наводитъ меня на самую главную изъ причинъ неуспѣха сближенія славянъ.

Когда оживляющій духъ XIX-го столѣтія пробудилъ славянскія народности къ новой жизни, то каждая изъ нихъ, имѣя за собою почти тысячелѣтнюю, вполнѣ отдѣльную, историческую жизнь, подвергаясь за все это время разнымъ вліяніямъ, отчуждаясь все больше отъ другихъ своихъ соплеменниковъ всею своею жизнью, духомъ, направленіемъ, языкомъ, характеромъ, — каждая изъ нихъ почувствовала свое особое положеніе; и если она и сознавала, что славянское происхожденіе и родство въ ея тяжеломъ положеніи можетъ принести ей поддержку и пользу, все-таки это сознаніе не могло сдвинуть ее съ того обособленнаго направленія, которое дала ей ея 1000-лѣтняя исторія, и всякій дальнѣйшій успѣхъ, каждый шагъ впередъ, въ ея новой жизни утверждалъ ее только въ сепаратистическомъ направленіи. Сближеніе съ другими соплеменными народностями является, такимъ образомъ, для славянъ *пока* лишь *средствомъ*, а отнюдь не самою цѣлью; каждый насильственный шагъ со стороны какого либо сильнѣйшаго славянскаго племени настраиваетъ ихъ къ нему враждебно. Это подтверждаетъ исторія; стоитъ только вспомнить всѣ отношенія славянъ между собою, начиная отъ глубокой древности, до вчерашняго дня. Рѣзкія индивидуальныя свойства славянъ нельзя сравнивать ни съ мелкими различіями нѣмецкихъ народностей, ни съ особенностями прежнихъ итальянскихъ малыхъ государствъ, соединившихся на нашихъ глазахъ въ одно цѣлое; и единеніе славянъ, на сколько оно предначертано исторіею, немыслимо въ тѣхъ историческихъ рамкахъ и тѣми историческими средствами, какими совершилось единеніе упомянутыхъ народовъ чужеплеменныхъ. Если судить по убѣжденіямъ, преобладающимъ въ различныхъ славянскихъ странахъ, то единеніе возможно исключительно путемъ безкорыстной, честной дружбы и любви, путемъ поддержки другъ друга въ избранномъ каждымъ, по собственному влеченію, направленіи. Если славяне дѣйствительно пойдутъ этимъ путемъ, тогда, со временемъ, превосходство русскаго народа неминуемо должно повліять на нихъ въ его пользу, и они мало по малу должны усвоить духъ и направленіе его, и тогда, со временемъ, достижимо то, что другимъ путемъ немыслимо. Силою и мечемъ, между такъ рѣзко отличающимися родственными народами, какими являются славяне, можно только разрушать, а не создавать. Изъ этого ясно, какое сближеніе и какое общеніе желательно въ славянскихъ земляхъ, судя по преобладающему въ нихъ духу, и не менѣе ясна и главная причина, почему сближеніе не подвигается впередъ.

Но высказаннымъ предположеніемъ, что стремленіе славянъ къ сепаратизму *пока* непреодолимо, и потому и сближеніе должно идти исключительно въ этомъ духѣ, я далеко еще не исчерпалъ сути дѣла. Напротивъ, коснувшись этой основной мысли, я только затронулъ безконечный рядъ связанныхъ съ нею слѣдствій.

Эпоха возрожденія славянъ совпала съ эпохою усиленной до крайности политической жизни и дѣятельности въ Европѣ, и это обстоятельство не могло не усилить и не укрѣпить еще болѣе сепаратизмъ у славянъ, какъ бы ни казалась эта мысль, съ другой стороны, нелѣпой. Можно было думать, что враждебная славянамъ и угрожающая имъ на каждомъ шагу европейская политика сплотитъ ихъ скорѣе въ одно цѣлое. Между тѣмъ является, на дѣлѣ, противуположное. Сепаратизмъ, которымъ увлеклись славяне, какъ скоро они почувствовали свои силы, основанъ, конечно, на увѣренности въ успѣхѣ или хоть на возможности его. Во время конституціонной жизни на западѣ, у каждой изъ славянскихъ народностей выработалось множество болѣе или менѣе способныхъ политиковъ, отлично понимающихъ разладъ въ европейской политикѣ и настоящую дисгармонію въ такъ

называемомъ европейскомъ концертѣ. Это обстоятельство не можетъ не поддерживать у славянъ духъ сепаратизма, и вмѣстѣ съ тѣмъ всякимъ возможнымъ способомъ вредитъ и препятствуетъ сближенію славянъ.

Напротивъ того, тѣ, которые сильно сомнѣваются въ успѣхѣ сепаратистическаго направленія и вполнѣ самостоятельной національной и политической жизни, горячо желая сохранить славянскую свою національность, остаются болѣе или менѣе преданными *безусловному* панславизму, если только, какъ многіе изъ нихъ, они не проникнулись новыми либеральными и соціальными идеями запада и если они не надѣются этимъ путемъ, путемъ новыхъ идей и новаго порядка, сохранить свою народность.

Такимъ образомъ масса молодой интеллигенціи у каждой изъ славянскихъ народностей распалась опять на партіи, которыя существуютъ въ разныхъ странахъ подъ разными названіями, но существуютъ положительно у всѣхъ славянъ. Но вездѣ составляетъ большинство и играетъ руководящую роль партія, въ отношеніи къ прежнему, безусловному панславизму сепаратистическая. Этимъ я вовсе не желаю сказать, что напр. среди чеховъ или сербовъ и т. д. большинство отвернулось отъ панславизма вообще, т. е. отъ панславизма условнаго, какъ я о немъ уже упомянулъ, отъ панславизма, основаннаго на принципѣ поддержки другъ друга въ избранномъ каждою національностью самостоятельномъ направленіи. Съ другой стороны, не менѣе ошибочно было бы предполагать, что въ меньшинствѣ, отвергающемъ политику и направленіе большинства, развивается далѣе и преуспѣваетъ духъ прежняго безусловнаго панславизма, которому остаются вѣрными нѣкоторые изъ нихъ лишь потому, что они въ успѣхъ сепаратистическаго направленія не вѣрятъ. Существенную пользу собственно панславизму они врядъ-ли могутъ принести, такъ какъ въ это меньшинство проникло слишкомъ много либеральныхъ идей, специфически западническаго свойства.

Словомъ, разладъ и недоразумѣніе въ дѣлѣ панславизма довольно ясны.

Обстоятельство, о которомъ я только что говорилъ, т. е. разрушительное дѣйствіе западныхъ идей на славянскую интеллигенцію, опять наводитъ на одну изъ косвенныхъ, но не менѣе важныхъ причинъ неуспѣха въ дѣлѣ сближенія. Кто хорошо знакомъ съ западомъ, сразу пойметъ меня. Мы, воспитанники запада, собственно говоря, всѣ и большинство, быть можетъ, окончательно заразились его духомъ, господствующими тамъ воззрѣніями и направленіемъ. Однимъ изъ самыхъ пагубныхъ послѣдствій воздѣйствія на насъ западно-европейскаго духа является глубокій религіозный упадокъ въ значительной части (въ особенности младшей) интеллигенціи, прикрываемый такъ называемымъ религіознымъ индиферентизмомъ и толерантностью, разными новыми видами либерализма и философіи, раціонализма, соціализма *и тому подобными бреднями.*

Въ этомъ религіозномъ упадкѣ я вижу также одно изъ препятствій къ сближенію славянъ съ русскими. Это вполнѣ ясно. Кстати скажу, что религіозный *упадокъ* у западныхъ славянъ наноситъ имъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ безконечный вредъ.

Я позволяю себѣ высказать здѣсь, что я всегда преклоняюсь передъ глубокою мудростью русскихъ друзей славянъ, которые, «не поступаясь своими идеалами, не навязываютъ ихъ другимъ» (т. е. иновѣрнымъ славянамъ) (см. «Извѣстія С.-Петерб. Слав. Благотв. Общества). Для того, чтобы войти въ *общеніе* со славянами въ этомъ направленіи, необходимо имъ прежде сойтись ближе съ русскими, а какъ мало вѣроисповѣдные вопросы имѣютъ пока общаго съ панславизмомъ въ его *настоящемъ* фазисѣ развитія, это доказываютъ разочарованія, какія постигли русскихъ освободителей у *православныхъ* сербовъ и болгаръ.

Другою общеизвѣстною и все-таки сильно игнорированною причиною медленности сближенія славянъ съ русскими является недостатокъ или незначительность непосредственныхъ близкихъ сношеній, вслѣдствіе чего взаимныя понятія наши другъ о другѣ не только слабы, неясны и неточны, но часто даже превратны, и сверхъ того теряются удобные, для успѣшныхъ дѣйствій въ общемъ дѣлѣ, историческіе моменты. Явленіе это не нуждается въ аргументахъ. Видно ни съ одной, ни съ дру-

гой стороны не чувствуется еще настоящей потребности къ устраненію его. А между тѣмъ, эти прямыя сношенія могли-бы послужить самымъ сильнымъ двигателемъ къ великой цѣли.

Напротивъ того, незначительность близкихъ сношеній между славянами прямо поражаетъ, и лучше всего служитъ иллюстраціею настоящаго положенія въ дѣлѣ сближенія. Какъ чехъ, я напр. спрашиваю: сколько найдется людей изъ числа 80-ти милліоновъ русскихъ, которыхъ серьезно занимали-бы чехи, и которые стояли-бы въ какихъ-либо прямыхъ, близкихъ сношеніяхъ съ ними. Нашлось-бы такихъ очень немного. Меня спросятъ, быть можетъ: «Какія тутъ могутъ быть сношенія? Неужели мы должны навязываться другъ другу?» На такой вопросъ я отвѣтилъ-бы опять вопросомъ: «Развѣ помимо всѣхъ тѣхъ разныхъ усложненій политическаго свойства, которыя могли запутать наши отношенія, уже немыслимы другія сношенія, свободныя отъ всякой политической путаницы, *съ цѣлью расширить и углубить народныя симпатіи и поддержать все то, что поддержать можно?*

Развѣ напр. отношенія между русскими и южными славянами отраднѣе? Южные славяне часто воспитываются въ Россіи, и русскіе ходили, съ мечемъ въ рукахъ, для ихъ освобожденія. Но тѣмъ не менѣе эти отношенія чуть не дошли до разрыва. Чтоже было причиною? Не искать-ли, кромѣ враждебной политической интриги, причину еще и въ той-же недостаточности болѣе тѣснаго и всесторонняго сближенія, которое и тутъ не имѣло мѣста, хотя русскіе десятками тысячъ ложились костьми за освобожденіе болгаръ и сербовъ? Вѣдь на политику въ Болгаріи вліяли все-таки больше всего болгары, между которыми къ тому было много русскихъ воспитанниковъ? Или-же, еще одинъ вопросъ: отчего напр. въ печати какъ русской, такъ и славянской, не разъ можно встрѣтить невѣрныя, противорѣчащія истинѣ свѣдѣнія изъ славянской или русской жизни, почерпнутыя даже часто изъ враждебнаго источника и передаваемыя за истину?

Основываясь на всемъ сказанномъ, я полагаю, что въ виду того внушительнаго «Memento mori», которое несется къ намъ такъ гордо и враждебно изъ страны крови и желѣза, и которое намъ слышится, съ другой стороны, отъ дорогихъ намъ тѣней, уныло, какъ пѣсня укора и боли, звучащая сквозь оглушающій и ослѣпляющій разгаръ жизни нашего времени, полнаго страстей, слабостей и фальши, въ виду этого «Memento mori» было-бы большимъ счастіемъ для общаго дѣла, если-бы мы помимо и вопреки накопившагося между нами политическаго яда, болѣе искренно и честно стали искать дружбы, любви другъ у друга, стали искать человѣка близкаго, роднаго. И какъ должны сложиться судьбы наши, и суждено-ли берегамъ Волтавы, Моравы, Марицы или Вислы, когда-то, въ далекомъ будущемъ, услыхать лишь преданія, что тутъ жили славяне, или-же мы пригодны и способны еще на что нибудь лучшее,—это рѣшитъ Тотъ, съ кѣмъ никто спорить не можетъ и Кто одинаково руководитъ судьбами великихъ и малыхъ народовъ. Если мы честно и добросовѣстно будемъ понимать и также исполнять свой долгъ, намъ нечего безпокоиться о судьбѣ нашей, и тогда не даромъ пропадутъ лучшія дѣла и труды нашихъ предковъ, и мы спокойно и достойно послѣдуемъ за ними.

Я. Ч.

Отъ Редакціи.

Съ удовольствіемъ печатаемъ этотъ голосъ западнаго славянина, правильно указывающаго на нѣкоторыя причины неполнаго сближенія между племенами славянскими и также правильно настаивающаго на томъ, что задача настоящаго— умственное и нравственное сближеніе между собою этихъ разрозненныхъ народовъ. Къ этой цѣли должны быть устремлены всѣ усилія друзей славянства. Всѣмъ соображеніямъ по этому вопросу «Извѣстія» всегда охотно открывали и открываютъ свои страницы. Не можемъ не прибавить, однако, что въ перечнѣ причинъ, мѣшающихъ сближенію племенъ славянскихъ, авторъ не подчеркнулъ политическаго властолюбія, уже и теперь сказывающагося во взаимныхъ отношеніяхъ западныхъ и южныхъ славянъ (Чехи и Словаки, Сербы и Хорваты, Сербы и Болгары; о полякахъ уже не говоримъ). Въ намѣченномъ въ зна-

менитой книгѣ Н. Я. Данилевскаго: «Россія и Европа», планѣ единенія славянскихъ племенъ, планѣ, исполненіе котораго принадлежитъ не близкому будущему, мы встрѣчаемъ правильныя, по нашему мнѣнію, указанія тѣхъ отношеній, въ которыя тогда должны стать эти племена: не короны св. Вячеслава, Душана и т. п. должны предноситься передъ ихъ умственными очами, не на историческомъ правѣ должны они строить зданіе своей будущей общей судьбы, а исходить должны изъ существующихъ этнографическихъ отношеній, вѣдаться съ существующими условіями. Только тогда окажется, что должно отстранить какъ чуждое, что оставить какъ свое. Археологическія мечты много препятствуютъ стремленію славянъ къ сближенію. Да проститъ намъ почтенный авторъ указаніе еще на другую сторону дѣла, которая по нашему мнѣнію, составляетъ тоже не маловажное препятствіе къ сближенію: ученики западной Европы, какъ авторъ справедливо называетъ славянскія племена, не только тѣ, которыя давно уже поступили къ ней въ науку (какъ Чехи и др.), но и не давно съ ней ознакомившіяся (балканскіе сербы и болгары) смотрятъ на Россію свысока и даже пріѣзжая сюда мало знакомятся съ нею. Этимъ мы не хотимъ снимать съ русскаго общества отвѣтственность въ маломъ знакомствѣ съ народами славянскими; но просимъ почтеннаго автора припомнить, какіе успѣхи это знакомство сдѣлало въ послѣднія сорокъ лѣтъ, припомнить великіе труды московскихъ славянофиловъ, блистательный рядъ славистовъ, начинающійся съ 40-хъ годовъ и доселѣ все возрастающій и возрастающій въ своемъ числѣ. Быть можетъ, припомнивъ все это, а особенно припомнивъ, съ какими препятствіями приходилось бороться у насъ славянскому сознанію, авторъ станетъ нѣсколько милостивѣе къ нашему обществу.

Не мѣшаетъ вспомнить также, что въ представленіи славянофиловъ не все ограничивается православіемъ и русскимъ языкомъ, которыхъ впрочемъ славянофилы никогда не предполагали кому-нибудь навязывать; но совмѣстно съ этими двумя двигателями они всегда указывали на старославянскія начала жизни и на необходимость держаться не исторической, а этнографической основы.

Прибавимъ еще одно соображеніе: авторъ останавливаетъ вниманіе читателей на томъ обстоятельствѣ, что даже единство вѣры, даже оказанныя услуги не помѣшали нѣкоторымъ прискорбнымъ недоразумѣніямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Не можемъ не припомнить, что большинство дѣятелей въ этихъ странахъ принадлежатъ къ космополитамъ новаго порядка, къ тѣмъ, для которыхъ вѣра—старый предразсудокъ, а политиканство — верхъ человѣческой мудрости. Такіе люди могли учиться и въ Россіи и всетаки оставаться чуждыми и своимъ народнымъ основамъ и Россіи. Явленіе это слишкомъ извѣстно съ одной стороны и слишкомъ сложно съ другой, чтобы его обсудить во всей полнотѣ въ небольшой замѣткѣ. Въ заключеніе снова поблагодаримъ автора за его откровенно-выраженное мнѣніе, въ которомъ не можемъ не признавать значительной доли правды.

Три силуэта *).

II.

М. Чайновсній (Садыкъ-паша).

Личность М. Чайковскаго представляетъ для бѣглаго очерка весьма немалыя затрудненія. Начать съ того, что даже мнѣніе о литературномъ его значеніи далеко не установилось. Если одни считаютъ его лишь «писателемъ плохихъ повѣстей» (Спасовичъ), то другіе находятъ возможнымъ признать его «совершеннымъ художникомъ, какъ въ небольшихъ разсказахъ, такъ и въ повѣстяхъ» (Куличковскій), третьи, наконецъ, вовсе несклонные къ его восхваленію, считаютъ его произведенія, если и не свободными отъ нѣкоторыхъ недостатковъ, то, во всякомъ случаѣ, лучшими всѣхъ прежнихъ произведеній этого рода въ польской литературѣ (Тарновскій). Такъ разнообразны сужденія о интересующемъ насъ лицѣ въ той области его дѣятельности, которая во всякомъ случаѣ скорѣе поддается объективному суду, чѣмъ та страстная, кипучая, «не заурядъ долгая, подвижная, полная сказочныхъ приключеній и крайностей», которая способна дѣйствительно будить страсти и о которой при настоящихъ данныхъ врядъ ли можно ожидать вскорѣ окончательнаго су-

*) См. «Извѣстія» № 10.

да, не говоря о другихъ причинахъ, уже потому, что значительная часть трудовъ Чайковскаго за послѣдніе годы, особенно важные для разъясненія его личности, какъ равно обширная его переписка съ разными лицами, безъ сомнѣнія, чрезвычайно интересная, пока не напечатаны, и въ настоящее время трудно даже догадываться, когда появятся въ печати.

Въ некрологѣ Чайковскаго, помѣщенномъ въ «Руси» (№ 29), г. Вышата-Дмитріевъ говоритъ, между прочимъ: «что касается оставленныхъ Чайковскимъ записокъ и разнообразнѣйшей корреспонденціи, то изданіе ихъ въ свѣтъ *безъ отлагательства* составляетъ прямой, да и не трудный къ исполненію долгъ его наслѣдниковъ и политическихъ друзей».

Увы! политическіе друзья покойника, которыхъ можетъ имѣть въ виду г. Вышата-Дмитріевъ, теперь поставлены въ положительную невозможность исполнить свой «нетрудный» долгъ. Бумаги покойника пріобрѣтены краковскимъ литературнымъ обществомъ (towarzystwo literackie); имъ и по его благоусмотрѣнію будутъ издаваться. Мы бы желали ошибиться, но думаемъ, они увидятъ свѣтъ не скоро.

Наше равнодушіе къ подобнымъ лицамъ, составляющее, въ виду положительнаго отсутствія въ нашихъ изданіяхъ какихъ бы то ни было упоминаній о личности Чайковскаго, фактъ несомнѣнный, есть грѣхъ, который врядъ ли простится намъ будущимъ поколѣніемъ; переходъ бумагъ покойника въ руки общества, которое на послѣдніе годы жизни Чайковскаго можетъ смотрѣть лишь какъ на пагубный примѣръ и не безъ удовольствія закрыло бы ихъ непроницаемой завѣсой *), составляетъ драмъ, который такъ и долженъ на насъ остаться.

Но если обстоятельства, не позволяютъ русскому обществу знакомиться съ Чайковскимъ, какъ бы это слѣдовало, непосредственно изъ его бумагъ, то было бы вовсе непростительно оставлять его и безъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ быть почерпнуты уже и теперь въ имѣющихся о его жизни и личности данныхъ *).

Жизнь М. С. Чайковскаго—это цѣлая эпопея, полная самыхъ разнообразныхъ и причудливыхъ эпизодовъ.

Сначала волынскій помѣщикъ, онъ ведетъ обычную привольную жизнь польскаго помѣщика того времени,—охотится, бражничаетъ, разъѣзжаетъ по ярмаркамъ, а въ свободныя минуты мечтаетъ о битвахъ, гетманахъ султанкахъ; потомъ мечты постепенно превращаются въ дѣйствительность: Чайковскій идетъ на бой, побитый убѣгаетъ за границу, куда уноситъ весь запасъ мечтаній и думъ своего приволья и на чужбинѣ съ удивительной скоростью переноситъ ихъ на бумагу; потомъ отправляется

*) Говоримъ это не по догадкѣ, а на основаніи фактовъ: „въ послѣдніе годы жизни сотрудничество въ польскихъ изданіяхъ, какъ туземныхъ, такъ и заграничныхъ, говоритъ г. Вышата-Дмитріевъ, было для Чайковскаго вовсе недоступно: съ самаго переѣзда его обратно въ Россію, ни одна уже его строка не могла появиться и не появилась въ польской печати. Мало того, извѣстному лейпцигскому книгопродавцу Брокгаузу, издателю повѣстей Чайковскаго, поляки запретили издавать вновь его сочиненія *подъ угрозой смерти*, о чемъ Брокгаузъ и извѣстилъ автора письменно въ 1879 г. Бывшій издатель «Познанскаго Дневника»—Бентковскій, на просьбу одного изъ друзей Чайковскаго помѣстить статьи его въ газетѣ, отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ, объясняя его такъ: «лучше осудить М. Чайковскаго, хотя бы онъ дѣйствительно былъ самый доблестный изъ поляковъ, самый честный и умный изъ польскихъ политиковъ, нежели обнаруживать, что полякамъ недоставало и недостаетъ дѣльности и политическаго самоутверженія. А это непремѣнно случилось бы, если бы начать писать о Чайковскомъ всю правду».

*) О Чайковскомъ см. „Край“, ст. Т. Т. Ежа, №№ 7, 8 и 10; „Przegląd Tygodniowy“, ст. г. Фр. Равиты, №№ 7 и 8 — перепечатано въ „Кіевской Старинѣ“ (апрѣль) — „Przegląd Polski“ (іюнь, іюль) *замѣчательная*, но крайне пристрастная статья профессора краковскаго университета г. Ст. Тарновскаго, представляющая наиболѣе полный очеркъ жизни и дѣятельности Чайковскаго. При положительной недоступности этого журнала для русскаго общества: его нѣтъ ни въ публичной, ни въ академической библіотекахъ, мы считаемъ весьма умѣстнымъ познакомить читателей со статьей выдающагося „станьчика“, принимающаго, между прочимъ, нерѣдко видное участіе въ галицкихъ дѣлахъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ оговариваемся, что при составленіи настоящаго очерка, мы имѣли въ виду и сочиненія самого Чайковскаго (лейпцигское изданіе Брокгауза), интересуясь, впрочемъ, не литературнымъ ихъ значеніемъ, а тѣми политическими стремленіями и идеалами, которые проводилъ въ нихъ покойникъ.

на востокъ, преображается въ Мехмеда-Садыка-пашу и вмѣстѣ съ тѣмъ является козацкимъ атаманомъ Чайкой; еще потомъ—разрывъ со всѣмъ прошлымъ—католицизмомъ, исламизмомъ: Чайковскій является въ русскомъ Кіевѣ—не врагомъ, а искреннимъ братомъ и наконецъ принимаетъ православіе.

Не правда ли — это очень похоже на сказку, а между тѣмъ это дѣйствительная быль. Сообщимъ въ подтвержденіе этого главнѣйшіе факты.

Чайковскій родился въ 1803 г. (а не въ 1808 г,), въ с. Гальчинцѣ Волынской губерніи, Житомирскаго уѣзда, недалеко отъ Бердичева. Образованіе получилъ въ уѣздномъ городѣ Межирѣчьѣ, а на 20-мъ году потерялъ родителей и сталъ самостоятеленъ. Нѣсколько лѣтъ до революціи 1830 г. велъ обыкновенную жизнь польскаго помѣщика того времени, отличавшуюся въ недавно возсоединенныхъ отъ Польши русскихъ областяхъ особенными чертами: широкимъ разгуломъ, причудливыми выходками, восполнявшими пустоту жизни тамошней шляхты, привыкшей къ шумнымъ сеймикамъ и бравадамъ. Одною изъ весьма характерныхъ декорацій этой жизни было, между прочимъ, казакофильство *).

Сообщенные нами факты нѣсколько расходятся съ обыкновенно принятыми, но они приводятся г. Тарновскимъ на основаніи свѣдѣній, полученныхъ имъ отъ родныхъ покойнаго. Такимъ образомъ, сообщеніе Ежа о томъ, что Чайковскій учился въ Кременцѣ не вѣрно, но и смыслъ замѣчанія г. Тарновскаго о «powiatowym Międzyrzecu» (образованіи въ уѣздномъ городѣ, слѣдовательно, не важномъ) мы должны пополнить замѣчаніемъ, что тамошняя піарская школа соперничала въ то время съ кременецкимъ лицеемъ (Труды эксп. Чубинскаго. VII, 223).

Столь же неопредѣленныя свѣдѣнія встрѣчаемъ и о времени жизни Чайковскаго до 1830 г.

*) Только среди такой обстановки могли вырабатываться характеры, съ которыми знакомитъ насъ Чайковскій въ своихъ «Dziwnych Zyciach Polaków i Polek», дающихъ, скажемъ кстати, чрезвычайно много живаго матерьяла для характеристики тогдашняго шляхетскаго общества на Руси.

По свидѣтельству Ежа, лица, знавшія Чайковскаго въ то время, находили его «парнемъ придурковатымъ» («chłopczysko durnowate»), а г. Тарновскій говоритъ, что Чайковскій въ этотъ же періодъ времени часто пробовалъ свои силы въ стихотворствѣ и увлекался Байрономъ. Одно съ другимъ мирится довольно плохо, и если послѣднему болѣе соотвѣтствуетъ позднѣйшая литературная дѣятельность Чайковскаго, то, съ другой стороны, за первое говоритъ то недовѣріе, которымъ встрѣчены были лицами, знавшими Чайковскаго лично, первыя его произведенія: называли даже двѣ личности, произведенія которыхъ Чайковскій якобы выдавалъ за свои.

17 мая 1831 г. Чайковскій оставилъ родной Гальчинецъ и, освободивъ своихъ крестьянъ, поступилъ въ кавалерійскій волынскій полкъ, бывшій подъ начальствомъ родственника его К. Ружицкаго. Въ предисловіи къ «Верныгорѣ» Чайковскій говоритъ, что, при его выѣздѣ, его гальчинецкіе казаки (т. е. «надворные») кричали ему: «мы и дѣти наши пойдемъ съ тобою, панъ, сражаться съ врагами Польши за Польшу», что благословилъ его на путь гальчинецкій православный священникъ П. Немотовскій. Изъ другихъ мѣстъ того же предисловія видно, что окружавшая Чайковскаго дѣйствительность являлась для него лишь театральной декораціей: «К. Ружицкій, говоритъ онъ, былъ моимъ Копашевичемъ-Сагайдачнымъ, въ товарищахъ я видѣлъ новыхъ Мазепъ, Выговскихъ, Брюховецкихъ, Нечаевъ, Могилъ и всю прежнюю старшину славной казаччины. Рыцарски гуляли мы по той же землѣ, по которой гуляли они, били врага Польши, какъ нѣкогда они били врага казачества, переплывали рѣки, перескакивали горы»...

Фантазіи, фантазіи!... Въ дѣствительности «Москва не содрогнулась передъ новымъ казачествомъ». На этотъ разъ дѣйствительность призналъ и самъ Чайковскій, впослѣдствіи это съ нимъ случалось не всегда.

Въ бою Чайковскій отличился, получилъ чинъ поручика и въ этомъ чинѣ очутился сначала въ Галиціи, а потомъ въ Пуатье, среди другихъ товарищей по эмиграціи, устроившихъ тамъ демократическое обще-

ство, членомъ котораго Чайковскій оставался до 1836 г. Въ этомъ году онъ былъ вычеркнутъ изъ списка, по догадкѣ Ежа, за свои казакофильскія тенденціи, но онѣ же сблизили его съ аристократическимъ обществомъ Hotel Lambert кн. Ад. Чарторыжскаго, усматривавшаго въ мнимоспартанскихъ привычкахъ казакомановъ хорошее средство подготовки людей для инсуррекціи, долженствовавшей возложить на его голову польскую корону.

Казакъ-балагула, но съ хорошими манерами и умѣньемъ вербовать сторонниковъ своихъ убѣжденій, обнаружившій въ появившихся въ 36 г. «Казацкихъ Повѣстяхъ» литературный талантъ, Чайковскій скоро снискалъ расположеніе «Отеля», давшее ему возможность издавать свои повѣсти и, благодаря имъ, скоро пріобрѣсти громкую извѣстность. — «На всемъ пространствѣ между Днѣпромъ и Днѣстромъ заговорили о Чайковскомъ. «Повѣсти Казацкія», «Верныгора», «Кирджали», «Овручанинъ» расхватывались и читались съ увлеченіемъ». «Кирджали», по словамъ г. Тарновскаго, считался наилучшею повѣстью въ «Коронѣ и Литвѣ», если не на всемъ свѣтѣ.

Если даже и вѣрить Ежу, что интересъ къ нимъ усиливали особыя обстоятельства, не имѣющія ничего общаго съ литературными достоинствами, какъ—выведеніе въ повѣсти «Анна» дѣйствительныхъ лицъ и толки о намѣреніи одного пана отправиться въ Парижъ и вызвать Чайковскаго на дуэль, то, во всякомъ случаѣ, эти обстоятельства могли имѣть лишь мѣстное значеніе; скорѣе можно бы согласиться съ мнѣніемъ г. Равиты, что повѣсти Чайковскаго читались съ особеннымъ интересомъ ради высказанныхъ въ нихъ мыслей, которыя для поляковъ «никогда не перестанутъ быть дорогими», но болѣе компетентный судья, пр. Тарновскій признаетъ, что, до появленія повѣстей Сенкевича, повѣсти Чайковскаго были въ польской литературѣ наилучшими, и слѣдовательно могли возбуждать интересъ и помимо высказываемыхъ въ нихъ мыслей, имѣющихъ характеръ патріотическаго наркотика.

Пріобрѣтя полное довѣріе кн. Ад. Чарторыжскаго, Чайковскій былъ отправленъ имъ въ качествѣ его агента сначала въ Римъ (1840 г.), потомъ въ 43 г. въ Константинополь—мѣста, гдѣ имя Чарторыжскаго пользовалось извѣстнымъ значеніемъ. Въ 1840 г. Чайковскій покинулъ Парижъ на всегда, оставивъ въ немъ жену француженку, на которой женился вѣроятно еще въ Пуатье и четверыхъ дѣтей, поручивъ ихъ опекѣ «Отеля».

Что дѣлалъ Чайковскій въ Римѣ, мы не знаемъ, но мы имѣемъ прекрасное описаніе настроенія его духа за это время. З. Красинскій, встрѣтившій Чайковскаго въ Римѣ, такъ изображаетъ его въ своихъ письмахъ. «Здѣсь есть Чайковскій—Верныгора, бравый наѣздникъ, изъ всего Рима понимающій лишь прелесть луговъ Кампаньи, какъ родственную степи, и мало обращающій вниманія на развалины вѣчнаго города. Сядетъ себѣ на фундаментъ колонны, и баетъ о Скибицкомъ, зарѣзанномъ гайдамаками; пойдетъ въ Колизей, и вспоминаетъ, какъ атаманъ Копашевичъ убилъ Безбородку; въ термахъ Каракаллы видитъ Чарнецкаго, который казнитъ атамана Выговскаго. Но что касается казачества—единственный изслѣдователь (?), глубокій, проницательный, угадывающій, историкъ (?) живой и смѣлый, казацкій романистъ, а всѣмъ сердцемъ и по всѣмъ убѣжденіямъ истый польскій шляхтичъ».

Въ Константинополь Чайковскій прибылъ въ 43 г. въ качествѣ, во 1-хъ, attaché при французскомъ посольствѣ *) и во 2-хъ, въ качествѣ агента кн. Чарторыжскаго.

Съ пылкимъ воображеніемъ, способнымъ къ крайнимъ преувеличеніямъ, Чайковскій несомнѣнно усматривалъ въ восточныхъ дѣлахъ вещи и небывалыя, и совершенно невозможныя, но во всякомъ случаѣ онъ принялся за свою дѣятельность весьма энергически: учредилъ свои агенства въ Бѣлградѣ, Варнѣ, Добруджѣ, помогалъ, и не безуспѣшно Карагеоргіевичамъ, а главнымъ образомъ слѣдилъ за «происками» Россіи на востокѣ, въ которыхъ, пожалуй, былъ убѣжденъ еще сильнѣе, чѣмъ въ происхожденіи некрасовцевъ отъ своего героя Некрасы («Верныгора».)

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о жизни Чайковскаго за этотъ періодъ времени, но о характерѣ ея можемъ судить довольно опредѣленно по тѣмъ цѣлямъ, которыя преслѣдовалъ Чайковскій, по ха-

*) Былъ имъ недолго.

рактеру лицъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло.

Представитель фиктивнаго польскаго короля, стремящагося къ проведенію фантастическихъ плановъ, Чайковскій былъ окруженъ главнымъ образомъ польскими эмигрантами, чудесами своей жизни, далеко оставившими за собой Каліостро и гр. С. Жермена—чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ просмотрѣть «Dziwne Zycia» (пр. жизнь Юл. Душинскаго). Настроеніе не только съ преобладаніемъ, но съ исключительнымъ господствомъ фантастическаго бреда, овладѣвшаго Чайковскимъ всецѣло съ самаго выѣзда его изъ Гальчинца, очевидно, не могло здѣсь не только прекратиться, но, наоборотъ, должно было усилиться. Лучше всего подтверждаетъ это событіе 1851 г., когда Чайковскій сталъ послѣдователемъ пророка.

Этотъ шагъ Чайковскаго обыкновенно объясняется тѣмъ, что, когда Россія и Австрія потребовали выдачи польскихъ эмигрантовъ, принимавшихъ участіе въ венгерской кампаніи и въ 49 г. перешедшихъ въ Турцію, для послѣднихъ не оставалось другаго средства избѣжать выдачи, какъ потурчиться. Почему однако Чайковскій, лично не принимавшій участія въ венгерскихъ дѣлахъ, первый подалъ примѣръ къ этому, фактически не выяснено, тѣмъ болѣе, что самъ Чайковскій этого шага прямо не объяснялъ. Вотъ почему многіе, касавшіеся его жизни, выдвигаютъ причины чисто личныя, усматривая ихъ въ отношеніяхъ къ Людвикѣ Снядецкой, воспѣтой Словацкимъ «незабвенной Людкѣ».

Несомнѣнно, что эта личность въ жизни Чайковскаго играла весьма важную роль. Свои «Dziwne Zycia» Чайковскій посвятилъ ей—«Людвикѣ, рожденной Снядецкой, генеральшѣ Садыкъ» съ слѣдующей характерной припиской: «эти очерки удивительной жизни поляковъ и полекъ, выброшенныхъ изъ польскаго міра изъ-за любви къ Польшѣ, тебѣ посвящаю, моя единственная: ты поняла меня и сердцемъ, и душой; ты одна была мнѣ другомъ, совѣтникомъ и утѣшеніемъ въ моей удивительной жизни! И твоя жизнь удивительна! Двѣ души, рожденныя, чтобы понять другъ друга, два сердца—чтобы биться рядомъ для Польши, съ береговъ Вилейки и Коденки Богъ соединилъ у береговъ Босфора! Съ этой дивной жизнью насъ разлучитъ смерть, но мы соединимся и по смерти, чтобы смотрѣть на наши столь продолжительные труды и молиться. Боже! Ты насъ соединилъ, Ты вдохновилъ насъ великой мыслью, благословилъ наши усилія, вѣнчай ихъ торжествомъ! Да скажетъ когда-нибудь о нашей дивной жизни отдаленный потомокъ: они любили, вѣрили и служили Польшѣ»! (Въ день св. Людвика, 25 авг. 1862 г. Стамбулъ). Вотъ почему для характеристики этой личности мы считаемъ нелишнимъ привести интересныя о ней сообщенія Ежа, въ общихъ чертахъ повторяемыя и г. Тарновскимъ.

По словамъ Ежа, проведшаго въ 1863 году въ обществѣ Снядецкой нѣсколько часовъ, «это была женщина, въ немолодые годы, чудно-прекрасная и обворожительная. Она поражала царственнымъ величіемъ». Снядецкая прибыла въ Константинополь нѣсколько раньше Чайковскаго. На востокъ привело ее обстоятельство въ высшей степени романическое. Она любила русскаго офицера, погибшаго въ 29 г. подъ Варной и, по словамъ Словацкаго, отправилась отыскать на варнскомъ полѣ дорогіе останки. Цѣль увѣнчалась успѣхомъ. Останки были найдены, сложены въ гробъ и помѣщены въ константинопольской квартирѣ въ спальнѣ между стѣной и кроватью. Устроившись такимъ образомъ, Снядецкая охотно принимала у себя гостей; бывали у нея польскіе эмигранты, бывали англійскіе офицеры; но явился Чайковскій—эмигранты исчезли, для офицеровъ двери закрылись. . завязались сношенія, но непостоянныя: Чайковскаго связывали супружескія обязательства къ француженкѣ, оставшейся въ Парижѣ съ 4 дѣтьми. Отношенія должны были урегулироваться съ принятіемъ ислама.

Такое объясненіе, по нашему мнѣнію, рѣшительно не объясняетъ факта. Во 1-хъ, Снядецкая осталась христіанкой, въ ея глазахъ слѣдовательно исламизмъ Чайковскаго нисколько не узаконялъ его отношеній къ ней. Во 2-хъ, и самъ Чайковскій не считалъ своихъ отношеній съ семьей во Франціи порванными: дѣтей своихъ онъ выписалъ къ себѣ,—дочерей выдалъ замужъ, сыновей пристроилъ на службу.—Врядъ-ли будетъ ошибкой считать указанное объясненіе факта со стороны поляковъ, можетъ быть, даже невольнымъ слѣдствіемъ ихъ

нерасположенія къ Чайковскому. Причины перехода Чайковскаго въ исламъ, по нашему убѣжденію, заключаются единственно въ томъ фантастическомъ настроеніи, отъ котораго онъ не могъ отрезвиться. Онъ потурчился лишь затѣмъ, чтобы быть полякомъ еще, такъ сказать, въ большей степени, чѣмъ былъ до тѣхъ поръ и съ большимъ успѣхомъ стремиться къ осуществленію той «великой мысли», о которой упоминаетъ самъ въ приведенномъ посвященіи. Онъ сталъ, по его словамъ, подданнымъ «государя, не подписавшаго ни одного договора, утверждающаго польскіе раздѣлы» (Соч., I, предисл.). Такъ писалъ Чайковскій въ 1861 г.; въ слѣдующемъ году, въ предисловіи къ «Кирджали» у него уже замѣтенъ какой-то, если можно такъ сказать, турецкій панславизмъ. Если бы стоило, говоритъ онъ, измѣнять мелкую повѣсть, слѣдовало бы такъ измѣнить ея начало: «Старый Дунай османская рѣка! На твоихъ берегахъ блестятъ минареты мечетей, сіяютъ куполы церквей, мусульмане братаются съ христіанами, различныя народности сливаются въ одну великую османскую державу, и отвсюду раздаются клики: будь здравъ, потомокъ Османа, кровь нашихъ государей. Султанъ Абдулъ-Азисъ ханъ, нашъ государь, царь османскаго царства! И тогда царемъ османскимъ, войскомъ османскимъ будетъ на вѣки вѣчные рѣшенъ восточный вопросъ». Способность увлекаться и обольщаться по истинѣ непостижимая!

Мехмедъ-Садыкъ, сначала бей, потомъ паша, сталъ столь же усерднымъ послѣдователемъ пророка, какъ прежде былъ усерднымъ католикомъ. Среди турокъ онъ не казался ренегатомъ: орлиный носъ, смуглый цвѣтъ лица обнаруживали въ немъ восточное происхожденіе; самъ онъ вполнѣ проникся турецкими привычками, носилъ турецкій костюмъ, съ головы не снималъ фески, привѣтствовалъ всѣхъ по турецкому обычаю и сидѣлъ, поджавъ ноги. Уже раньше онъ съумѣлъ пріобрѣсти расположеніе всесильнаго при Абдулъ-Меджидѣ Решида-паши; еще въ 45 г. былъ въ Добруджѣ и завязалъ сношенія съ тамошними казаками *).

Съ какою радостью, надо полагать, привѣтствовалъ Чайковскій войну съ Россіей, какихъ только надеждъ онъ не возлагалъ на нее! И вотъ 20 октября 1853 г., вслѣдствіе стараній великаго визиря Мустафы-Гиритли-Огла, министра иностранныхъ дѣлъ Решида паши и сераскира Мехмедъ-Али-паши, Чайковскій получилъ гражданскій титулъ миримирана-паши, а въ декабрѣ того же года султанскій фирманъ удостоилъ его командованія предполагавшимися къ организаціи казацкими полками.

И здѣсь, какъ и раньше, слѣдуетъ различать фантазіи и дѣйствительность. Первыя представляетъ самъ Чайковскій такими словами: «я во главѣ двухъ казацкихъ полковъ, бравыхъ, регулярныхъ и сотни иррегулярныхъ кубанцевъ и староВѣровъ. Въ Добруджѣ слишкомъ 10 тысячъ казаковъ рвется въ бой по приказу султана (!). На русскомъ пароходѣ я узналъ, что между черноморцами и линейными казаками... началось движеніе противъ правительства... среди донцовъ большое недовольство, а крестьяне по всей Украинѣ отказываются поставлять рекрутъ въ царское войско. Должно ли это быть указаніемъ стремленія къ созданію государства, о которомъ мечталъ Б. Хмельницкій, или — исполненіемъ пророчества Наполеона, что Европа черезъ столѣтіе станетъ или республиканской, съ безпорядками, несправедливостью и интригами, общими всѣмъ въ мірѣ республикамъ, или казацкой, съ казацкой свободой и разгуломъ, съ правленіемъ и порядками справедливыми и соотвѣтственными, какъ въ малыхъ размѣрахъ на Дону. А можетъ быть, она станетъ казацкой, *спасающей и возвращающей опять къ Великимъ полякамъ, къ перворазряднымъ государствамъ Польшу*, казачиной, ополячивающейся всѣмъ тѣмъ, что было хорошаго у поляковъ, кромѣ анархіи и іезуитизма»—вотъ тѣ постоянные мотивы, которыми руководствовался Чайковскій въ своей жизни и силы которыхъ для него ничто не могло разрушить.

---

*) „Я былъ между казаками Украины, Запорожья и Дона, предки которыхъ, или они сами, много лѣтъ назадъ ушли подъ покровительство могучихъ султановъ честно, какъ пристало казакамъ, съ оружіемъ въ рукахъ, какъ войско для службы новому покровителю и господину". (Соч., I, пред.).

Рядомъ съ этими грандіозными воздушными замками представлялось Чайковскому и не мало комическихъ явленій, но они ни въ чемъ его не убѣждали, нисколько не измѣняли его взглядовъ: «не будемъ отчаиваться: у насъ есть Богъ, султанъ и мы сами; доброе имя, казацкая слава и польская справа. Намъ уже не надо мечтать и писать о казакахъ, — мы *играемъ въ казаковъ* наяву оружно и конно; духъ воплотился; казачій міръ простираетъ къ намъ руки» (Сочин.—тамъ-же).

Аффектація... Легко сказать! У Чайковскаго все это проникнуто такой силой убѣжденія, что вѣры въ его искренность не разрушаетъ даже слово—«играемъ», въ виду комически-плачевныхъ фактовъ, дѣйствительно точно опредѣляющее его дѣятельность.

Полученіе султанскаго фирмана, надо думать, было счастливѣйшимъ моментомъ въ жизни Чайковскаго. Казацкіе полки были назначены къ организаціи, была придумана соотвѣтствующая обмундировка, но... казаковъ не было. Богатые не понесли своихъ богатствъ къ Чайковскому, бѣдные не поспѣшили толпами подъ казацкія знамена. «Садыкъ - паша самъ съ горечью признаетъ это: «ежедневно, ложась спать, мы говорили себѣ: «ночью или завтра они придутъ»! и такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и никто не пріѣхалъ». Вмѣсто шляхты и мужиковъ, которые изъ подъ кнута барщины должны были волной хлынуть къ казакамъ, появились— кто бы подумалъ?—жиды. Къ нимъ доносились слухи болѣе заманчивые, чѣмъ война, о кутежахъ и бурлацкой жизни представителей Задунайской Сѣчи».

Чайковскому съ трудомъ удалось составить отрядъ въ 1500 человѣкъ, въ которомъ, разумѣется, не было никакихъ казаковъ.

И однако въ самую критическую минуту онъ не только не потерялъ вѣры въ затѣянное фантастическое дѣло, но съумѣлъ внушить вѣру въ него и Ад. Мицкевичу, прибывшему изъ Парижа въ лагерь подъ Бургасомъ и оказавшемуся здѣсь не менѣе великимъ фантазеромъ. Въ возникшихъ затѣмъ, по раздѣленіи казацкихъ отрядовъ, перекорахъ между ихъ вождями, Мицкевичъ принялъ сторону Чайковскаго и осуждалъ Вл. Замойскаго.

Если бы наружная видимость всегда вѣрно отражала внутреннее настроеніе, можно бы подумать, что Чайковскаго не терзали мрачныя думы, что онъ продолжалъ чувствовать себя счастливымъ: онъ слушалъ казацкія пѣсни своего бандуриста Т. Рачицы, бывшаго солдата нижегородскаго драгунскаго полка, «импровизировавшаго» ихъ по цѣлымъ часамъ, и «за рюмкой вина составлялъ себѣ наполеоновскіе маршруты»:

Przeleciemy Ukrainę,
Popasiem w Kijowie,
Zimą na węgierskie wino
Staniemy w Krakowie,
J od Karpat krzyk weselny
Zabrzmi aż do Dzwiny
Zyj Czajkowski, żyj nam dzielny
Synu Ukrainy!

«Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно».

Послѣ Крымской кампаніи положеніе Чайковскаго должно было быть трагическимъ: всѣ его мечты, всѣ его надежды, на минуту было ставшія дѣйствительностью, рушились безвозвратно.

Казалось бы, оставалось только вразумиться дѣйствительностью и навсегда разстаться съ фантазіями. Но въ 50 лѣтъ разстаться съ надеждами, лелѣянными въ теченіе цѣлой жизни, на осуществленіе которыхъ потрачено столько усилій, трудно. По крайней мѣрѣ сразу, на первыхъ порахъ Чайковскій не вразумился; онъ винилъ не себя, но внѣшнія обстоятельства *), и польскую шляхту, не понявшую его идеи; шляхту возненавидѣлъ, въ жизненность своей идеи нѣкоторое время еще продолжалъ вѣрить.

Но несомнѣнно въ душѣ его совершался переломъ, и г. Тарновскій справедливо усматриваетъ его проявленіе уже въ «Dziwnych Zyciach», и надо согласиться,—въ главнѣйшемъ пунктѣ — во взглядахъ и отношеніяхъ къ Россіи и русскимъ—здѣсь несомнѣнно можно уловить перемѣну; она сквозитъ, правда, мѣстами, урывками, не говоря уже о проявленіяхъ удивленія пе-

*) Въ жизнеописаніи Барановскаго говорится: „Niemcy-Szwaby, przeklęte plemię krzyknli: hola, pan polak, pan kozak, i wrocili z nad Pruta na naddunajską Dobrudzę“ т. е. задержали тріумфальный походъ казаковъ).

редъ величіемъ Бѣлаго Царя, особенно въ бѣглыхъ замѣчаніяхъ о «славянской совѣсти русскихъ», о «poczciwych burbonach moskiewskich» *) и вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же еще ярче опредѣляется его давнишнее впрочемъ нерасположеніе къ іезуитамъ и вообще ксендзамъ.

Очевидно, Чайковскій оставался въ прежнемъ положеніи, лишь потому, что новое въ душѣ его еще не созрѣло; быть можетъ, всего болѣе въ заблужденіи удерживала его нѣкоторое время Снядецкая, съ свойственной своей натурѣ страстностью усвоившая и увѣровавшая въ прежніе идеалы своего друга. Какъ бы то ни было, долго оставаться въ прежнемъ положеніи Чайковскій не могъ. «Въ 70-хъ годахъ воспользовавшись пребываніемъ въ Константинополѣ русскаго великаго князя, Чайковскій открылъ ему свои мысли и просилъ исходатайствовать ему прощеніе у покойнаго Государя Императора. Просьба была принята благосклонно, Государь помиловалъ Чайковскаго, и онъ со всей семьей собрался въ Россію **).

Поселившись сначала въ Кіевѣ, здѣсь онъ принялъ православіе и огласилъ свое политическое исповѣданіе вѣры, въ которомъ мужественно осудилъ всю свою предшествовавшую дѣятельность въ Турціи, обѣщая до конца жизни вѣрно служить Россіи и убѣждая поляковъ вразумиться его примѣромъ и сдѣлать тоже—*ради самой Польши*; такъ какъ вражда ихъ къ Россіи губитъ польское дѣло».

Если такъ, то переѣхавъ въ Россію и принявъ православіе, Чайковскій, очевидно, не перестаіъ быть полякомъ, въ самомъ существѣ своемъ не измѣнился и по прежнему имѣлъ въ виду благо и счастье своего отечества. Какъ, несмотря на это, встрѣтили поляки его заявленіе, мы видѣли раньше, но обманутый въ надеждахъ подѣйствовать на соотечественниковъ, онъ остался вѣренъ своимъ новымъ убѣжденіямъ, купленнымъ цѣною столькихъ разочарованій, и честно до послѣдней минуты служилъ славянству подъ знаменемъ Россіи.

Мы только-что указывали, какъ отнеслись къ Чайковскому поляки въ лицѣ авторовъ письма къ Брокгаузу и бывшаго редактора «Познанскаго Дневника». Много разочарованій пришлось испытывать Чайковскому въ его удивительной жизни, но мы убѣждены, что ни одно изъ нихъ не было для него столь горько и обидно, какъ послѣднее. Мы не знаемъ причинъ его смерти, но мы въ правѣ думать, что упорство соотечественниковъ его въ безразсудствѣ, рѣшительно ни чѣмъ непобѣдимое, должно было отравлять его послѣдніе дни. Чаша горечи наконецъ переполнилась, и Чайковскій поступилъ какъ древній римлянинъ, не будучи въ силахъ пережить гибель своего отечества. Онъ поступилъ не по христіански, но мы, по христіанству, уповаемъ, что, «многое отпустится возлюбившему много».

Время не охладило умовъ, не умѣрило страстей въ соотечественникахъ покойника. Новѣйшій его біографъ г. Тарновскій относится къ послѣднему его шагу — переходу въ Россію—съ такимъ же слѣпымъ фанатизмомъ, какой обнаружили поляки въ самый моментъ факта, и возмущается гораздо менѣе переходомъ Чайковскаго въ исламъ.

Г. Тарновскій приводитъ одно изъ писемъ Чайковскаго изъ Рима (29 мая 1840).

Въ Римѣ Чайковскому вспоминается Кіевъ; онъ видитъ «радостный народъ, открытые храмы, сіяющіе золотомъ, три войска, овѣваемыя тремя знаменами, а когда народъ привѣтствуетъ ихъ восторгомъ, войска отвѣчаютъ: «не намъ слава, но имени божію, не намъ могущество, но королю польскому». Наконецъ въѣзжаетъ и самъ король. Ему не надо, подобно Болеславу Храброму, ударять мечомъ въ ворота: они сами открываются передъ нимъ... Матери успокоиваютъ младенцевъ ляшскими словами, молодежь бесѣдуетъ по-ляшски и по-ляшски звенятъ сабли. Надъ Печерскимъ, надъ-городомъ развѣвается одна хоругвь, а на ней на багряномъ полѣ сіяетъ бѣлый орелъ! Праздникъ для казацкаго народа, праздникъ для ляховъ!

«Чудныя мечты, говоритъ г. Тарновскій, и должно любить сердце, умѣвшее такъ мечтать...

*) См. жизнеописаніе Юл. Душинскаго, Юліи Вонсовичъ и другихъ.

**) Къ сожалѣнію, мы не можемъ утвердительно сказать, жила ли тогда Снядецкая, или нѣтъ, какъ равно не знаемъ въ точности, дѣйствительно ли Ч. собрался „со всей семьей", или нѣкоторые ея члены остались въ Турціи.

А потомъ!.. Старикъ, стоящій надъ гробомъ, пришелъ кинуть въ грязь всю свою жизнь, въ которой заслужилъ не одинъ почетный вѣнецъ! Въ Кіевъ въѣзжалъ не польскій король, развѣвался не бѣлый орелъ, раздавались не ляшскія слова; въѣзжалъ царь, и сильнѣе всѣхъ стремился къ нему тотъ, кто нарисовалъ первую картину. Это было въ 1875 году, передъ турецкой войной. «Какъ только можетъ человѣкъ, заканчиваетъ Тарновскій словами Красинскаго, такъ обезчестилъ собой и въ себѣ польскую душу Чайковскій!»

Какое грустное доказательство неисправимаго, ничѣмъ не излѣчимаго фанатизма! Если можно вполнѣ понимать приведенныя слова Красинскаго, при переходѣ Чайковскаго въ исламъ, то чѣмъ же вызывается повтореніе ихъ Тарновскимъ, по поводу прибытія Чайковскаго въ Кіевъ. «Бездна горя», о которой упоминаетъ самъ Тарновскій, не помѣшала въ свое время Красинскому оцѣнить по достоинству поступокъ Чайковскаго; чистая душа поэта не увлеклась патріотическимъ помраченіемъ, воспѣвавшимъ тогда Чайковскому дифирамбы.—Красинскій имѣлъ основаніе утверждать, что христіанинъ не можетъ по убѣжденію перейти изъ христіанства въ исламъ, горячо и справедливо осудилъ переходъ Чайковскаго, указавъ безсмысленность его политической подкладки — воскресить Польшу при посредствѣ Турціи. Отчего же примѣръ безпристрастія Красинскаго не повторился; отчего глубоко искренняя перемѣна убѣжденій—а кто же посмѣетъ заподозрить въ неискренности старца, стоящаго надъ гробомъ?—вызываетъ со стороны Тарновскаго такое негодованіе? Но на этотъ вопросъ мы отвѣтимъ ниже.

Перейдемъ къ окончательнымъ заключеніямъ г. Тарновскаго, составляющимъ, по нашему мнѣнію, самое существенное въ его статьѣ.

«Какимъ образомъ, спрашиваетъ краковскій профессоръ, доходятъ люди до такого разложенія и отрицанія собственнаго нравственнаго существа? Если выкинуть изъ него то, что служитъ ему цементомъ, что удерживаетъ въ цѣлости и крѣпости, неудивительно, что цѣлостность перестаетъ существовать. Тотъ дойдетъ до этого всего скорѣе и легче, кто потерялъ или нарочно покинулъ вѣру и Бога. Вещь достойная замѣчанія, что у Чайковскаго религіозная апостазія предупредила патріотическое отступничество. Онъ является предостереженіемъ, и дай Богъ, чтобы не сталъ типомъ, ибо и общества подлежатъ тѣмъ же вліяніямъ и правамъ, какъ и отдѣльныя лица, и въ нихъ подобныя начала могутъ произвести подобныя слѣдствія. Пусть смотрятъ на Чайковскаго всѣ тѣ, кто думаетъ, что народное дѣло не зависитъ отъ дѣла церкви, что католицизмъ—фальшь, и въ особенности тѣ, что думаютъ, что всякая вѣра фальшь и предразсудокъ, а потому при всякой, какъ и безъ всякой можно быть полякомъ и Польшей. Пусть подумаютъ и запомнятъ они, что на нейтральной почвѣ Садыка паши, признающаго, повидимому, какую-то вѣру, а на самомъ дѣлѣ не имѣющаго никакой, никто — ни человѣкъ, ни народъ удержаться не можетъ, на наклонной плоскости не устоитъ и самъ не замѣтитъ своего паденія.

Онъ думалъ, что не вѣрилъ только въ Бога, а оказался невѣрнымъ и Отечеству... Одно идетъ за другимъ, и кто изъ своей души упуститъ, выкинетъ или позволитъ вырвать то, что составляетъ, такъ сказать, квинтэссенцію души и совѣсти, у того мало по малу расползется разсыплется и душа, и совѣсть»... Все это, продолжаетъ г. Тарновскій, слѣдствія того ужаснаго положенія вещей, которое, по словамъ поэта, «путаетъ умы и разрѣшаетъ совѣсть бездной горя». «Мы такъ несчастны, такъ безпомощны, что порой среди насъ, при наилучшихъ желаніяхъ, могутъ случаться подобныя, какъ у Чайковскаго сомнѣнія и заблужденія». Какъ 40 лѣтъ назадъ въ «Нынѣшнемъ днѣ» Красинскаго, такъ и теперь споры не прекратились, а «бездна горя» порождаетъ сомнѣнія; рѣдко, спорадически, но все-таки временами поднимаетъ вопросы новые, которые, еслибы возникали чаще, были бы признакомъ и средствомъ разложенія. «Одному мерещится какая-то славянская идея, въ другомъ отзывается какой-то предвѣчный провинціальный патріотизмъ, третій не знаетъ, не былъ ли бы онъ лучшимъ полякомъ, если бы былъ русскимъ— все это сомнѣнія и заблужденія, порож-

даемыя «бездной горя», и на все это дастъ отвѣтъ примѣръ Чайковскаго, доказывающій, что, переставъ добровольно быть тѣмъ, чѣмъ Богъ создалъ, можно стать другимъ, но не лучшимъ. «Привыкнувъ, по словамъ Красинскаго, нести на алтарь отечества все, изъ чего состоитъ это отечество, сами наконецъ обратимъ его въ пепелище и уничтожимъ себя самихъ самоубійствомъ». Все это, говоритъ Тарновскій, съ буквальной точностью подтвердилось на Чайковскомъ: «отъ ложно понятаго самопожертвованія онъ дошелъ до отступничества, а затѣмъ до самоубійства».

Вопросы слишкомъ существенные и важные: обойти ихъ нельзя.

Мы не меньше г. Тарновскаго цѣнимъ стихійную силу человѣка и, подобно ему, глубоко убѣждены и свято вѣримъ, что только она служитъ и единственнымъ основаніемъ, и единственнымъ источникомъ всякой силы, всякаго могущества, всякаго творчества народа, что она, другими словами, составляетъ стволъ дерева, и какъ бы ни были прекрасны его вѣтви, онѣ засохнутъ, почернѣютъ и падутъ, когда стволъ начнетъ гнить.—Будь, чѣмъ Богъ тебя создалъ и старайся всѣми силами не посрамить въ себѣ божественнаго начала—правило единственное и святое; но жизнь слѣдуетъ ему не всегда даже теперь, а что говорить о прошломъ! Врагъ Бога и рода человѣческаго сѣялъ и сѣетъ зло въ мірѣ весьма успѣшно, и среди людей всегда находилъ и находитъ очень и очень многихъ послѣдователей.

Посягательства на народную личность, на народную душу совершались нѣкогда—страшно сказать — во имя Бога, совершаются и теперь во имя культуры и разныхъ другихъ словъ, имѣющихъ высокое значеніе, и кажется, нѣтъ въ этомъ случаѣ такихъ средствъ, которыя отуманенный человѣческій умъ призналъ бы непозволительными, съ которыми бы не примирилась тщательно убаюкиваемая человѣческая совѣсть. Все это—сѣмена ада, ибо только адъ можетъ посягать на душу и совѣсть человѣка, на данный ему Богомъ образъ, и въ то же время—все это факты, съ которыми, поневолѣ, приходится считаться!

Будь, чѣмъ Богъ тебя создалъ!

А если врагъ Бога подвергнетъ тебя въ теченіе вѣковъ страшнымъ пыткамъ и истязаніямъ, какія только адъ и можетъ придумать, и исказить этотъ данный Богомъ образъ? Можно ли, спрашиваемъ, по какой угодно человѣческой справедливости осуждать усилія, направленныя къ возсозданію этого образа, къ тому, чтобы стереть съ своего лица адскія клейма?

Въ исторіи всѣхъ славянъ такихъ клейменыхъ поколѣній не мало. «Посмотрите, говоритъ словацкій патріотъ, на послѣднюю болгарско-сербскую батрахоміомахію, на смѣшную игру въ Цезари, Александры, Кавуры и т. п., посмотрите на тѣхъ, цивилизовавшихся по парижскимъ кафе-шантанамъ болгарскихъ и сербскихъ юношей, когда они вернутся домой къ роднымъ опанкамъ и желудямъ, посмотрите, какъ они щеголяютъ плохо сочиненными новомодными словечками, какъ они готовы устроить соціально-демократическую республику въ той странѣ, гдѣ спички являются сложной машиной, какъ они, вмѣстѣ съ западными нашими врагами, нападаютъ въ своемъ племени именно на ту сторону, гдѣ оказалось оно мощнымъ и сильнымъ... Кровь кипитъ и желчь разливается»! *)

Сплошь и рядомъ среди всѣхъ славянъ мы встрѣтимъ лицъ, у которыхъ народная стихія или вывѣтрилась, или скрывается подъ такимъ толстымъ наноснымъ слоемъ, что пробиться наружу ей нѣтъ никакой возможности; мѣсто народнаго духа у нихъ занимаетъ краткій карманный лексиконъ высокихъ словъ, и они съ фанатизмомъ полнаго бездушія готовы уничтожить все, что такъ или иначе, по ихъ мнѣнію, не соотвѣтствуетъ этимъ высокимъ словамъ. Живой души у нихъ нѣтъ, не можетъ быть, слѣдовательно, и живыхъ душевныхъ движеній; есть умозрѣнія, теоріи, которыя могутъ мѣняться, согласно новымъ изданіямъ ихъ карманныхъ лексиконовъ съ высокими словами, и которымъ, какъ рабы, они отдаются всецѣло.

Нѣкоторымъ изъ нихъ было бы лучше привѣсить къ шеѣ мельничный камень, но мы убѣждены, что стадіи полной вывѣтренности народной стихіи достигаютъ лишь немногіе, что у большинства она

*) См. «Извѣстія» № 1. 86 г.

лишь покрыта толстымъ слоемъ наносной грязи, и они обнаруживаютъ страстность лишь вслѣдствіе обилія силъ, никоимъ образомъ не могущихъ быть вывѣтренными: ибо крѣпка славянская натура!

И русское племя не избѣжало ужасной болѣзни. Значительная часть его, въ лицѣ прекраснѣйшей и богато одаренной юго-западной вѣтви, подвергалась въ теченіе вѣковъ истязаніямъ іезуитизма, натравившаго на нее братское прекрасное и столь же богато одаренное племя польское. Цѣлые послѣдніе вѣка исторіи обоихъ этихъ племенъ представляютъ сплошной болѣзненный процессъ, послѣдствія котораго не могутъ не отзываться и теперь. Но неужели нѣтъ надежды на полное выздоровленіе? Конечно; не только слѣдуетъ надѣяться, но должно вѣрить, и даже теперь уже неоспоримые факты даютъ полное основаніе для такой вѣры: линія, до которой доходила болѣзнь — Днѣпръ-Западная Двина—теперь отодвинулась далеко на западъ. Спрашивается, могутъ ли уцѣлѣвшіе отъ болѣзни отвернуться отъ своихъ братьевъ, можетъ ли мать оттолкнуть ихъ отъ своего лона за то только, что вялыми отъ недавнихъ цѣпей руками они не могутъ обнять ее съ такою же силой, какъ обнимаютъ ее здоровыя дѣти? Не должно ли напротивъ радоваться ихъ освобожденію, не должно ли любовно простить имъ ихъ нѣкоторые болѣзненные капризы, и не гораздо ли больше заслуживаютъ осужденія тѣ, что не хотятъ признать искренняго душевнаго движенія и стараются покрыть позоромъ измѣны благородныя, святыя усилія, которымъ радуются ангелы на небесахъ.

Будь чѣмъ Богъ тебя создалъ, но прежде всего не будь глухъ къ тому голосу, который пробудится въ твоемъ смущенномъ сердцѣ и мятущемся умѣ и, какъ лучъ свѣта и правды, озаритъ твои душевныя потемки, согрѣетъ твое сердце тепломъ новой любви; внемли этому голосу всѣмъ существомъ твоимъ; открой ему всѣ уголки твоей души! Тебя осудятъ лишь тѣ, чьи сердца закрыты для свѣта и правды, для мира и любви.

Но здѣсь мы возвращаемся къ оставленному нами безъ отвѣта вопросу — отчего глубоко искренняя перемѣна убѣжденій вызываетъ со стороны г. Тарновскаго такое негодованіе? Оттого и только оттого, отвѣтимъ мы, что въ душѣ его нѣтъ ни любви, ни мира, что въ ней одна лишь ненависть; но его опасенія, что Чайковскій станетъ, пожалуй, типомъ, его указанія на все еще продолжающуюся «бездну горя» и вызываемые ею время отъ времени «вопросы, долженствующіе служить признакомъ разложенія», даютъ намъ полное основаніе быть убѣжденными, что и самъ онъ не чувствуетъ подъ собою твердой почвы, и не можетъ ея чувствовать, ибо на почвѣ ненависти, скажемъ мы его же словами, никто—ни человѣкъ, ни народъ удержаться не можетъ, на наклонной плоскости не устоитъ и самъ не замѣтитъ своего паденія.

И. Филевичъ.

Очерки сербской литературы.

III. Іованъ Субботичъ (1817 — 1886).

(*Продолженіе*).

Намъ осталось разобрать послѣднія двѣ поэмы Субботича — *Акмечетскую звѣзду* и *Цыганку*. Первая изъ нихъ написана въ 1858, вторая въ 1859 году. Поэтъ въ *Акмечетской звѣздѣ* переноситъ воображеніе читателя къ жаркому востоку, въ страну сновъ и красоты, гдѣ кипитъ знойная кровь, гдѣ царство чудесъ и диковинокъ. Тамъ земля исполнена всякой благодати, надъ нею, какъ драгоцѣнный алмазъ, блещетъ небо, волнуется океанъ благоуханій, тамъ цвѣтетъ вѣчная прекрасная весна, тамъ стройно подымаются къ нему кипарисы и улыбаются мирты, глядя на молодыхъ дѣвушекъ... Люди тамъ какъ львы, а жены какъ газели, живутъ, какъ имъ велитъ сердце, не умѣютъ терпѣть, не умѣютъ прощать. Сонъ у насъ—тамъ быль. Пылкая любовь тамъ горитъ, опаляетъ, то къ небу подымается, то спускается въ преисподнюю... Одинъ повелѣваетъ, другіе слѣпо повинуются. Властители—боги, подданные—рабы. Но строго охраняетъ отъ нескромнаго ока своихъ дивныхъ женъ страстный востокъ. Туда на берега Салгира, со столицей грознаго татарскаго хана, гдѣ въ дивныхъ садахъ и днемъ и ночью поютъ соловьи,

летитъ мысль поэта. Вотъ въ мраморный сераль въѣзжаетъ избранный отрядъ юнаковъ; и всадники и лошади въ золотѣ и жемчугѣ, самъ ханъ во главѣ ѣдетъ на бѣшеномъ бѣломъ конѣ. И говоритъ ханъ своимъ агамъ и бегамъ: хвала Богу и пророку, счастливо мы воевали съ болгарами, приведите теперь мнѣ того гяура, котораго далъ въ заложники Призрѣнъ.

Приводятъ красиваго юношу. Дивится ему ханъ. Еслибы принялъ ты, говоритъ ему ханъ, нашу вѣру, отдалъ бы за тебя я свою дочь. Тебя я, какъ королевскаго сына, отпускаю на волю, только дай мнѣ слово что не вернешься ты въ Сербію, пока я не позволю.

Сербскій королевичъ обѣщаетъ ему это. Королевича уводятъ. Ханъ остается съ Мулаемъ, своимъ вѣрнымъ слугою. Мулай послѣ хана самое важное лицо въ ордѣ; предъ нимъ дрожатъ аги и беги совершенно такъ же, какъ предъ ханомъ дрожитъ онъ самъ. Ханъ разспрашиваетъ его о дѣлахъ. Во время разговора входитъ красавица Джемика — дочь хана, чудная красавица, въ которой ханъ души не чаетъ. Онъ цѣлый годъ не видѣлъ ея (былъ въ походѣ) и теперь не можетъ надивиться, какъ изъ прелестной дѣвочки она вдругъ стала невѣстой. «Роза, говоритъ онъ, въ одну майскую ночь распускается, а для дѣвушки нужна ароматная весна. Вотъ эти очи быстрыя и глубокія, вотъ эти уста слаще малины, ты дивное дитя хана Ногая. Ты прекрасная, блестящая Акмечетская звѣзда!»

Ханъ благодаритъ Аллаха за этотъ лучшій безцѣнный даръ и проситъ у него счастья для своей любимой Джемики. Отпустивъ её, онъ идетъ въ гаремъ, гдѣ ждутъ его распростертыя объятія и молодость и красота.

Кто это, такъ гордо поднявъ голову, гордо мчится на буйномъ конѣ? Это сынъ сербскаго короля Милутина, котораго отецъ далъ въ заложники татарамъ, чтобы купить миръ сербской землѣ. Дивятся татары прекрасному царевичу, которому нѣтъ равнаго по красотѣ. И украдкой заглядываютъ на него восточныя красавицы, чахнутъ отъ любви къ нему. И въ самомъ дворцѣ хана два сердца болятъ изъ за царевича, двѣ пары чудныхъ очей пылаютъ любовью къ нему. Не знаетъ о томъ ханъ, а то бы скоро потекла алая кровь, которая одна только и можетъ погасить такое пламя.

Когда тихая полночь спускается на сераль, два сна влетаютъ въ гаремъ — одинъ чистый и прекрасный къ Джемикѣ, другой страстный и порочный прекрасной султаншѣ Себири, любимѣйшей изъ женъ хана. Обѣ мечтаютъ и грезятъ о сербскомъ королевичѣ, а онъ ничего объ этомъ не знаетъ, думаетъ онъ только о своемъ бѣломъ Призрѣнѣ, о своей милой Сербіи, гуляючи по роскошнымъ ханскимъ садамъ. Въ этихъ садахъ по утрамъ и вечерамъ гуляютъ и ханскія жены, играютъ, пляшутъ и купаются въ озерѣ. Мужской глазъ тогда не смѣетъ и заглянуть въ садъ. Но въ одинъ прекрасный вечеръ, когда солнце уже спускалось къ морю, царевичъ такъ задумался въ саду, что и не слыхалъ, какъ стражи приглашали мужчинъ удалиться изъ садовъ. Въ кустахъ раздалась пѣсня соловья. Видитъ царевичъ, что опоздалъ онъ и что теперь нельзя уже выйти изъ сада, и рѣшилъ спрятаться и провести ночь въ саду около озера. И вотъ онъ видитъ — вышли ханскія жены въ садъ, шалятъ и рѣзвятся, и купаются въ озерѣ. «Сердце у него остановилось, и мысль умерла» при видѣ нагихъ богинь востока, подобныхъ прекраснымъ облачнымъ виламъ. Затаивъ дыханіе, онъ слушаетъ, какъ поетъ нѣжную пѣсню сама красавица Себира. Пол-ночи промечталъ онъ, глядя въ темную, прекрасную ночь юга, наконецъ заснулъ. Случайно его видитъ Джемика. Картиной ихъ встрѣчи и первыхъ впечатлѣній взаимной любви въ эту ночь оканчивается первая пѣснь поэмы.

Много сладкихъ вечеровъ провелъ царевичъ съ Джемикой, но ни что не вѣчно на землѣ. Въ одну бурную ночь къ нему пришелъ негръ и позвалъ знаками, чтобы онъ слѣдовалъ за нимъ. Царевичъ, думая, что его зоветъ Джемика, послѣдовалъ за негромъ. Красивая черкешенка — рабыня отворила имъ двери и провела царевича въ богатую комнату ханскаго гарема, и тамъ среди неслыханной роскоши увидѣлъ онъ очаровательную одалиску, лежавшую на мягкомъ диванѣ. Прекрасная какъ гурія, блистательная какъ утренняя звѣзда, она была вся любовь и же-

ланіе, вся огонь и молодость. Никогда египетская Зулейка не была такъ очаровательна и опасна! Эта одалиска была сама влюбленная султанша Себира.

Въ это время въ другую комнату гарема, гдѣ въ сладкихъ мечтахъ первой любви сидитъ Джемика, входитъ ея рабыня и говоритъ, что ея милый измѣнилъ ей— вошелъ въ конакъ Себиры, что они тамъ смѣются надъ чистой любовью Джемики; пусть Джемика скажетъ объ этомъ самому хану, чтобы онъ самъ своими глазами увидѣлъ, насколько вѣрна ему любимая султанша.

Демонъ мести овладѣлъ Джемикой при этихъ словахъ, и она прямо побѣжала къ хану, сама не сознавая ясно, что дѣлаетъ. Услышавъ страшную вѣсть, султанъ схватываетъ мечъ и идетъ въ гаремъ, отдергиваетъ завѣсу въ комнату Себири и отъ изумленія становится недвижимъ. Онъ видитъ, что Себира въ порывѣ страсти молитъ царевича о любви, но что тотъ, непреклонный какъ скала проситъ только одного, чтобы она его отпустила отъ себя. Султанъ въ ярости отсѣкаетъ ей голову, потомъ со слезами смотритъ на страшное дѣло рукъ своихъ, но позволяетъ царевичу спокойно выйти изъ гарема.

Картина отчаянія хана, когда онъ остается одинъ у тѣла убитой имъ самимъ любимой женщины, полна замѣчательной силы. Черезъ три дня страшной тоски ханъ присуждаетъ нарушившаго святыню гарема царевича къ вѣчному тюремному заключенію и отдаетъ его въ рабы Мулаю; тотъ заковываетъ его въ желѣзо и отводитъ въ мрачную тюрьму.

Джемику терзаютъ муки совѣсти, она горько раскаявается, что въ порывѣ слѣпой ревности погубила своего милаго.

Наконецъ она рѣшается, не смотря на запрещеніе хана, пойти къ нему. Стража ея не впускаетъ, тогда она сбрасываетъ съ себя чадру, и стража падаетъ ницъ, не смѣя видѣть ея лица. Она на колѣняхъ умоляетъ отпустить на волю ея суженаго, ни въ чемъ неповиннаго. Онъ только упрекаетъ ее, что потеряла она всякій стыдъ и уваженіе къ нему. «Нѣтъ, ты не настоящая дочь востока, не моя въ тебѣ течетъ кровь, не рука великаго пророка лежитъ на твоей головѣ!»

Тогда она открываетъ вполнѣ всю свою тайну. Поблѣднѣлъ ханъ, засверкали какъ молнія его грозные мрачные глаза. Онъ прогоняетъ ее съ глазъ долой и остается наединѣ съ своей тоской.

Въ третьей пѣснѣ поэтъ изображаетъ дикую страсть къ Джемикѣ Мулая. Этотъ страшный татаринъ никого на свѣтѣ не любившій, любилъ ее безумно. Джемика приходитъ къ нему и умоляетъ его отпустить на волю царевича — за то она не пожалѣетъ для него никакихъ сокровищъ, ни золота, ни драгоцѣнныхъ камней. Онъ не соглашается; тогда она схватываетъ острый ножъ и клянется, что еще до зари пронзитъ свое сердце, и этотъ грѣхъ падетъ на него и на хана. Тогда онъ рѣшается высказать свое сокровенное желаніе. Джемика, услышавъ, чего хочетъ онъ, воспылала гнѣвомъ и бросилась съ ножемъ на него, но скоро была обезоружена. Тогда она хочетъ идти жаловаться хану, но не смѣетъ шевельнуться съ мѣста — Мулай грозитъ въ ея отсутствіе отсѣчь голову ея милому. Мулай говоритъ: если хочешь спасти его, то рѣшайся до полночи, такъ какъ въ полночь придутъ въ тюрьму Эль-Джебалъ съ другими мурзами и убьютъ его, чтобы имѣть предлогъ къ войнѣ съ Сербіей, которой жаждутъ; знаютъ они, что и хану тѣмъ угодятъ. Вотъ у меня ключи отъ его тюрьмы, а на дворѣ ждетъ осѣдланный конь, рѣшайся, хочешь ли его спасти или нѣтъ. Она горько, странно смѣется въ отвѣтъ; этотъ смѣхъ пугаетъ Мулая. Потомъ она плачетъ и сквозь слезы говоритъ Мулаю: — отпусти царевича, и я бѣгу вмѣстѣ съ тобою и буду на вѣки твоя. Не вѣритъ онъ ей. Зачѣмъ не вѣришь, говоритъ она. Чего мнѣ здѣсь жаль? Отца? Но онъ самъ отрекся отъ своей дочери. Воспоминаній? Но воспоминаніе — окровавленная Себира. Богатства? Но лучше просить милостыню, чѣмъ при жизни терпѣть смертныя муки.

«То не птица-ласточка полетѣла съ вѣтки, то не соколъ улетѣлъ на зеленую гору, то помчался сынъ короля Милутина; мчится юнакъ на добромъ конѣ, летитъ изъ Крыма къ милой Сербіи. А у дѣвушки сердце готово разорваться. Какъ срѣзанный острой косою цвѣтокъ склонилась прекрасная дочь Ногая.—Охъ, ты лю-

бовь моя, прекрасное чадо неба, ты была золотымъ сномъ въ ясную зорю, ты была свѣтлою каплей чистой росы. Улетѣлъ мой сонъ, высохла роса! (Схватываетъ брошенный ножъ) О, благодарю тебя Боже! Теперь все будетъ кончено. Чистая я явлюсь на чистое небо, гдѣ въ воспоминаніе обо мнѣ засіяетъ звѣздочка — къ ней будутъ стремиться очи въ слезахъ!.»

Прошелъ часъ. Является Мулай. Онъ выпустилъ уже на волю царевича, котораго не догнать теперь никому. Но пора и ему бѣжать съ ханской дочерью. Она подходитъ къ нему и цѣлуетъ правую его руку, потомъ со словами—прости мнѣ Боже, благослови мать!—вонзаетъ ножъ себѣ въ сердце... «Мертвая лежитъ прекрасная дочь Ногая: погасла свѣтлая Акмечетская звѣзда!»

Въ этой прекрасной поэмѣ Субботичъ является истиннымъ поэтомъ. Онъ даетъ въ ней рядъ живыхъ лицъ, даетъ рядъ чудесныхъ картинъ природы и все осыпаетъ золотомъ чистой поэзіи и чарами прекраснаго языка. Эта поэма можетъ служить однимъ изъ лучшихъ сюжетовъ для драматической оперы.

Поэма «*Цыганка*» начинается поэтическимъ воззваніемъ къ Фрушской горѣ *). Яркое солнце спускается къ морю, дымятся костры у цыганскихъ шатровъ, а не вдалекѣ подъ цвѣтущей ароматной липой сидитъ молодая цыганка. Легкая, дикая, стройная, она походитъ на горную серну. Около нея стоитъ молодой цыганъ, сынъ вольныхъ степей и укоряетъ ее въ измѣнѣ, вспоминаетъ о прежнихъ дняхъ жаркой любви, которою она дарила его. Онъ горько упрекаетъ ее, что разлюбила его и полюбила блестящаго магната, владѣльца тѣхъ мѣстъ, гдѣ стоитъ цыганскій таборъ. Она отвѣчаетъ ему, что нельзя сердиться на цвѣтокъ за то, что онъ весь раскрывается подъ дуновеніемъ весны, нельзя плакаться на зорю за то, что она переходитъ въ ясный день. Ее влечетъ неодолимая сила: все въ природѣ говоритъ ей о немъ одномъ.

Слышитъ эти слова молодой цыганъ, и слезы навертываются у него на глазахъ. Вдали раздается пѣсня, и настаетъ чудная ночь, и подъ луной рядомъ съ цыганкой сидитъ молодой юнакъ въ роскошномъ нарядѣ. Онъ говоритъ ей страстныя любовныя рѣчи... Легкая мгла застилаетъ мѣсячное сіяніе, воздушныя прозрачныя тѣни мелькаютъ около липы, поетъ соловей, но вдали снова раздается страшная пѣсня сумасшедшей Дуды. То пѣсня обманутой этимъ юнакомъ дѣвушки, и вотъ теперь она безумная, но она безумно и мститъ, съ страшной силой вонзивъ ему ножъ въ сердце. Бѣжитъ прочь безумная Дуда, сдѣлавъ свое страшное дѣло, а цыганка въ отчаяніи остается надъ тѣломъ своего милаго...

Илочское поле. На немъ плаха и палачъ ждетъ своей жертвы. Идетъ отъ Илока отрядъ, сопровождаетъ онъ телѣгу, на которой сидитъ молодая цыганка и священникъ. За ними толпы народы.

Людское правосудіе обвинило цыганку въ убійствѣ магната и вотъ ее теперь везутъ на казнь. Сидитъ приговоренная, не движется, казалось она превратилась въ камень.

Кончено страшное дѣло, пала мертвая голова на землю и поднялся къ солнцу бѣлый голубь. Разошлись люди.

На томъ мѣстѣ осталась лишь могила. Нѣтъ на ней креста, но каждый день чья то рука кладетъ свѣжій вѣнокъ. Но прошелъ годъ, и стоитъ могила безъ вѣнка, а на зеленомъ лугу волки воютъ, орлы кличутъ, разносятъ по клочкамъ черное тѣло.

Одна только безумная Дуда бродитъ всюду по самымъ неприступнымъ мѣстамъ, но нигдѣ не находитъ мира и спокойствія.

Прошло лѣто, прошла зима, и настала другая осень. Холодная ночь, вѣтеръ завываетъ, а безумная Дуда разговариваетъ съ луной, которая то покажется, то снова спрячется за тучи.

Вѣтеръ разноситъ ея слова, а внизу подъ крутымъ берегомъ глухо шумитъ и стонетъ бурный Дунай. Безумная бросается въ его волны, она тамъ хочетъ встрѣтить ясный день, о которомъ поетъ въ своихъ пѣсняхъ.

Въ полночь, когда все спитъ, не разъ у могилы цыганки слышитъ пастухъ тихую пѣсню про свободныя чистыя души, про святую всеосвящающую любовь.

Это послѣднія изъ поэмъ Субботича, ко-

---

*) Въ южной Венгріи—въ Срѣмѣ.

торыя представляютъ собою лучшія его произведенія. Теперь обратимся къ его повѣстямъ и драмамъ.

Повѣсти Субботича помѣщены въ XI томѣ собранія его сочиненій *). Ихъ всего четыре: *Черный Михайло*, *Художники*, *Съѣздъ королей въ Вышеградѣ* и *Крестоносцы*. Первая изъ этихъ повѣстей написана въ ранній періодъ его дѣятельности, именно въ 1839 году. Время дѣйствія довольно отдаленное – это то несчастное время въ Сербіи, когда въ ней владычествовали Дахіи. Тогда турки дѣлали что хотѣли: грабили, безчестили женщинъ, убивали. За обиду турка отвѣчало цѣлое селеніе или городъ. Многіе сербы принуждены были искать спасенія въ горахъ. Бѣда, если попадался имъ турокъ въ руки. Но въ горахъ спасались не одни невинные люди, были и такіе, которые бѣжали отъ справедливаго наказанія за ихъ преступленія. Таковъ былъ гайдукъ-потурченикъ *Черный Михайло;* онъ былъ грозой всѣхъ окрестныхъ жителей. Наконецъ молодые юнаки рѣшились во что-бы то ни стало его поймать и убить. Въ числѣ ихъ былъ и Миловапъ, рѣшившійся идти на это дѣло изъ отчаянія, что отецъ его возлюбленной Милевы не хочетъ выдать ее за него. Наканунѣ дня, назначеннаго для поимки гайдука, Милованъ съ Милевой свидѣлись посреди озера на челнѣ. Во премя ихъ разговора Черный Михайло подъѣхалъ потихоньку къ нимъ и убилъ Милована, но и самъ былъ убитъ Милевой. Милева убиваетъ и себя. Услышавшіе пальбу жители сбѣгаются и ловятъ гайдуковъ. Милована и Милеву хоронятъ въ одной могилѣ. Надъ нею нѣтъ никакого памятника, только шумятъ вѣтвями дубъ и липа; на дубу свилъ гнѣздо соколъ, а на липѣ горлица. Повѣсть оканчивается словами, что честная смерть лучше грѣшной жизни. По сжатости и картинности эта маленькая повѣсть одно изъ лучшихъ произведеній Субботича.

Повѣсть «*Художники*», написанная также въ 1839 году, чрезвычайно плоха. Это происходитъ отъ того, что Субботичъ вздумалъ въ ней изобразить русскую жизнь о которой имѣлъ, повидимому, весьма смутное понятіе. Въ результатѣ получился неудачный разсказъ съ выдуманными лицами, которыя болѣе похожи на куколъ, чѣмъ на живыхъ людей. Это полное незнаніе Россіи встрѣчается у многихъ славянскихъ писателей и потому трудно въ немъ упрекать Субботича.

Удачнѣе другая повѣсть Субботича «*Съѣздъ королей въ Вышеградѣ*». Она написана была въ 1844 году и представляетъ эпизодъ изъ молодости сербскаго царя Душана. Душанъ является въ Вышеградъ на съѣздъ королей, подъ именемъ венеціанскаго кавалера. Туда съѣхались короли—польскій Казиміръ, чешскій Іованъ, неаполитанскій Робертъ, венгерскій Карлъ Робертъ и сербскій Стефанъ Дечанскій (отецъ Душана), чтобы заключить союзъ противъ Людовика нѣмецкаго и австрійскихъ герцоговъ. Душанъ спасаетъ жизнь неаполитанскому королю и его внучкѣ красавицѣ Маріи и вытаскиваетъ изъ Дуная сына чешскаго короля. На турнирѣ онъ всѣхъ побѣждаетъ, получаетъ вѣнокъ изъ рукъ любимой имъ Маріи и признается ей въ любви. Она, слишкомъ счастливая этимъ признаніемъ, однако разстается съ нимъ навсегда, не желая, чтобы въ будущемъ настала минута, могущая заставить забыть объ этомъ признаніи.

Въ этой повѣсти особенно удалась Субботичу фигура глуповатаго крестьянина Пишты, которому глупость всюду приноситъ счастье. Созданіемъ этого типа Субботичъ доказалъ несомнѣнный юмористическій талантъ.

Характеристика Душана сдѣлана вообще согласно съ историческими о немъ данными.

Въ послѣдней своей повѣсти «*Крестоносцы*», написанной въ 1845 году, Субботичъ даетъ рядъ историческихъ этюдовъ о походѣ крестоносцевъ въ 1189 году, связанныхъ романической нитью въ одно цѣлое. Нельзя сказать, чтобы въ цѣломъ эта повѣсть была удачна, но попадаются мѣстами прекрасные эпизоды.

Вообще Субботичъ не былъ созданъ для повѣсти или для романа. Его герои или героини слишкомъ ужъ идеальны и не похожи на живыхъ людей; притомъ трудно отличить ихъ другъ отъ друга. Субботичъ не даетъ типовъ, а блѣдныя лица, которыя не оставляютъ въ душѣ

*) „*Дѣла Іована Субботића. Книга XI. Приповѣсти*". У Новом Саду 1873.

читателя почти никакого впечатлѣнія. Изъясняются его герои цѣлыми монологами на манеръ англійскихъ романовъ худшаго качества. Сознавая это, Субботичъ и обратилъ главное вниманіе на эпосъ и на драму. Хотя вообще его драмы нѣсколько устарѣли, но тѣмъ не менѣе онѣ представляютъ не мало интереснаго. Къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь и обратимся.

Переходя къ разсмотрѣнію драматическихъ произведеній Субботича, остановимся прежде всего на трагедіи *Князь Владиславъ* *), написанной въ концѣ 1860 года. Дѣйствіе относится ко 2-ой половинѣ XV-го вѣка и происходитъ въ Требиньи и Невесиньи. Субботичъ имѣлъ полное право назвать это произведеніе трагедіей, такъ какъ тутъ дѣйствительно сербская земля, благодаря неурядицамъ и несогласіямъ Нѣманичей попадаетъ въ трагическое положеніе; трагизмъ тутъ не въ судьбѣ отдѣльныхъ лицъ, а въ судьбѣ *цѣлой страны*. Противъ князя захлумскаго Владислава возстаетъ его дядя, жупанъ Юрій съ тѣмъ, чтобы доставить корону своему сыну Воиславу. Возстаніе усмирено, и военный судъ приговариваетъ мятежнаго жупана къ смерта. Младшій сынъ его, Озрѣнъ, желая освободить отца изъ заключенія, покушается на убійство Владислава, но благородный Владиславъ прощаетъ ихъ обоихъ и призываетъ своего дядю къ совмѣстному дружному дѣйствію противъ турокъ, а Озрѣна оставляетъ при себѣ, чтобы онъ храбрыми подвигами загладилъ свое преступное покушеніе. Возстанію сербскихъ земель противъ султана способствуетъ заявленное послѣднимъ требованіе, чтобы захлумская земля ежегодно давала ему по 100 красивѣйшихъ дѣвушекъ. Возмущенный народъ требуетъ войны съ турками и казни султанскаго посла — сербскаго потурченика. Не смотря на благоразумные совѣты умнаго воеводы Альтомана, князь Владиславъ, ободренный благословеніемъ Скандербега, рѣшается объявить войну туркамъ. Но вслѣдъ за первой его побѣдой рядъ бѣдствій обрушивается на него: Скандербегъ умираетъ, союзники измѣняютъ и передаются на сторону турокъ, которые наступаютъ на него тремя огромными арміями. Султанъ готовъ даровать Захлумью миръ, но взамѣнъ его требуетъ головы Владислава. Владиславъ, видя, что все дѣло погибло, что вокругъ него гнѣздится измѣна, рѣшается пожертвовать собою, чтобы смертью своею возбудить въ своемъ народѣ и его старѣйшинахъ жажду мести къ туркамъ. Онъ закалываетъ себя мечемъ, оставляя престолъ двоюродному брату Воиславу.

Таково содержаніе трагедіи. Рядомъ съ трагизмомъ общественнымъ стоитъ и личный: любовь Владислава къ племянницѣ его дяди жупана Юрія—Видосавѣ. Онъ умираетъ, зная, что она его любитъ, умираетъ съ ея именемъ на устахъ.

Сочетаніе этихъ двухъ драмъ—личной и общественной очень удалось Субботичу. Удались также нѣкоторые характеры—самого Владислава, граціозной Видосавы, воеводы Альтомана. Есть сильныя драматическія сцены—напр., сцена предшествующая казни султанскаго посла, сцена смерти Владислава. Кромѣ того у этой трагедіи есть еще одно немаловажное достоинство: дѣйствіе ея развивается свободно и естественно. Трагическій конецъ необходимо вытекаетъ изъ предшествующаго. Поэтому названная трагедія никогда не утратитъ своего интереса.

Драма «*Нѣманя*» содержаніемъ своимъ имѣетъ борьбу князя Владиміра съ княземъ Нѣманей за обладаніе сербскимъ престоломъ, на которомъ сидитъ ихъ братъ Радославъ, слабый и нерѣшительный человѣкъ. Дѣйствіе драмы относится ко второй половинѣ XII вѣка. Личность самого Нѣмани, собирателя во едино разрозненныхъ сербскихъ земель, очерчена Субботичемъ вполнѣ вѣрно съ историческими данными. Набожный осторожный и въ то-же время храбрый и рѣшительный Нѣманя вѣритъ въ правоту своего дѣла и не задумывается явиться на приглашеніе короля Радослава, своего брата, который, по наущенію Владиміра, отправляетъ его въ тюрьму. По приказанію Владиміра, его слуга Чучъ въ одну ночь является въ тюрьму, чтобы убить Нѣманю, но уже не находитъ его въ тюрьмѣ: его спасла Анна, дочь бѣглаго боснійскаго бана, сдѣланнаго тюремщикомъ. Въ слѣдующей затѣмъ войнѣ Владиміра и Радослава съ Нѣманей, послѣдній убиваетъ

*) См. IV томъ соч. Субботича.

Владиміра въ единоборствѣ, возвращаетъ королевство Радославу и женится на своей спасительницѣ Аннѣ.

Очень удался также Субботичу Владиміръ. Это лицо совершенно живое. Необузданный честолюбецъ не останавливающійся ни предъ какими средствами, лишь бы добиться своей цѣли—короны, Владиміръ однако гибнетъ жертвою своего честолюбія, и гибель этого сильнаго человѣка не только не оставляетъ зрителя равнодушнымъ, но возбуждаетъ въ немъ живое сожалѣніе. Слуга Владиміра, Чучъ тоже удался Субботичу. Слѣпо преданный своему господину, но не забывающій и себя, онъ даже въ самыя опасныя и жестокія минуты сохранняетъ природный юморъ. Прочія лица этой драмы блѣдны и похожи одно на другое.

Драма «*Звонимиръ*» написана въ мартѣ 1862 года. Первое дѣйствіе ея относится къ 1076 году, остальныя четыре совершаются 16 лѣтъ спустя. Первое дѣйствіе такимъ образомъ ничто иное, какъ прологъ. Банъ Звонимиръ похищаетъ дочь бана Петра, Лѣпосаву и женится на ней. Свирѣпый отецъ Лѣпосавы, мечтавшій выдать ее за короля, страшно оскорбленъ этимъ, пускается за бѣглецами въ погоню, настигаетъ ихъ и страшными клятвами вынуждаетъ Лѣпосаву бросить мужа и слѣдовать за нимъ. Несчастная сходитъ съ ума, родивъ ребенка, котораго друзья Звонимира доставляютъ ему. Банъ Петръ распускаетъ слухъ о ея смерти. Проходитъ 16 лѣтъ. Король, примирившійся съ Звонимиромъ, умираетъ и завѣщаетъ престолъ Степану и проситъ Звонимира исполнить это завѣщаніе. Но банъ Петръ возводитъ на престолъ другаго племянника—короля Любишу. Возникаетъ борьба между нимъ и Звонимиромъ. Любишу убиваетъ одинъ изъ приближенныхъ, мстя за смерть сына, а Звонимиръ побѣждаетъ Петра и во дворцѣ послѣдняго встрѣчается съ сумасшедшей Лѣпосавой, женой своей, которую давно считалъ умершей. Она приходитъ въ сознаніе и узнаетъ мужа и сына, но слишкомъ сильная радость убиваетъ ее. Банъ Петръ отъ угрызенія совѣсти лишаетъ себя жизни. Звонимира торжественно избираютъ въ короли. За исключеніемъ послѣдной сцены—вѣнчанія на царство Звонимира, отличающейся блескомъ и величіемъ, остальныя дѣйствія драмы слишкомъ мрачны по колориту и не сценичны. Интересны лишь отдѣльныя сцены и прекрасный языкъ драмы.

Гораздо выше стоитъ трагедія «*Прехвала*», написанная годомъ позже *) Чудная красавица, дочь Рашкаго жупана, Прехвала любитъ короля сербскаго Прелимира, но не можетъ выйти за него, будучи связана словомъ, даннымъ ею Томиславу (старшему брату короля), спасшему жизнь, ея отцу. Эта борьба страстнаго чувства любви съ чувствомъ долга превосходно изображена въ трагедіи, которую можно считать однимъ изъ лучшихъ произведеній Субботича. Прехвала не выдерживаетъ этой страшной борьбы и убиваетъ себя. Въ этой трагедіи столько правды, жизни, движенія, столько сильныхъ драматическихъ положеній, что нельзя не пожалѣть, что она неизвѣстна у насъ. Мало того, эта трагедія—превосходнѣйшій сюжетъ для драматической оперы, тѣмъ болѣе, что дѣйствіе ея относится къ X вѣку. Изъ характеровъ этой трагедіи замѣчательны кромѣ Прехвалы, пророкъ Лелько, подруга Прехвалы—Милена, Томиславъ и отецъ Прехвалы Мирославъ. Языкъ трагедіи чрезвычайно выдержанный и колоритный.

Конецъ 4-го дѣйствія этой трагедіи дышетъ чисто шекспировской силой. Но гдѣ найти достойную для такихъ сценъ артистку? Вообще, эта трагедія могла бы дать превосходный матеріалъ для оперы.

(*Окончаніе въ слѣд. №.*)

Димитрій Никольскій.

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

По сербскимъ и хорватскимъ.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи.—Скупщина.—Напредняки и Ристичъ.—Соглашеніе съ Болгаріей.—Затишье передъ бурей.—Панчевская брошюра.—Болгарская трагикомедія.—Союзъ Турціи съ Россіей.—Босно-герцеговинскій вопросъ.—Рѣчь Тиссы.—Смерть Бейста.—Сербскій церковный соборъ въ Австріи.—Избраніе архимандрита Руварца въ епископы.—Процессъ Томича.—Изъ Драшкова Рабоша.

Положеніе дѣлъ въ Сербіи чрезвычайно критическое. По всѣмъ признакамъ, въ

*) См. V томъ соч. Субботича.

этой странѣ не въ далекомъ будущемъ слѣдуетъ ожидать переворота. Оппозиція на послѣднихъ выборахъ (дополнительныхъ) не принимала никакого участія и только въ одномъ Грочанскомъ округѣ (мѣсторожденіи Гарашанина) рѣшила провести своего кандидата Анту Нешича, въ чемъ и успѣла. Борьба для оппозиціи съ правительствомъ въ высшей степени трудна, такъ какъ Гарашанинъ распорядился въ отдѣльныхъ уѣздахъ поставить военныхъ комиссаровъ съ неограниченными полномочіями, чтобы они судили сербскихъ патріотовъ, осмѣливающихся осуждать дѣйствія правительства. (*Браник* 18 сентября).

Скупщина долго не могла открыть своихъ засѣданій, такъ какъ многихъ депутатовъ недоставало. Пришлось депешами просить ихъ съѣзжаться. Когда это напреднякое скопище наконецъ собралось, правительство приподнесло ему государственную роспись на будущій годъ, изъ которой видно, что доходы предполагаются въ 38.450,000 франковъ, а *дефицитъ* въ 5½ милліоновъ франковъ. Но, такъ какъ этотъ бюджетъ предполагаетъ предварительную реформу закона о податяхъ, то очень возможно, что дефицитъ будетъ еще больше; для покрытія его думаютъ прибѣгнуть къ новому займу.

Недавно изъ государственной кассы украли 200,000 фр.; похитители не открыты. Государственная касса на столько пуста, что правительство для производства необходимыхъ расходовъ заняло 150,000 фр. у желѣзнодорожнаго общества (еврейскаго) (Hrvatska, 27 октября).

Газета «*Браник*» (30 сентября) сообщила объ интригѣ напредняковъ противъ Ристича. Еще до открытія скупщины лѣтомъ сербская канцелярія по дѣламъ печати распустила чрезъ вѣнскія и пештскія газеты слухъ, что захвачены письма, компрометирующія Ристича. Отдѣльнымъ депутатамъ говорилось, что Ристича теперь «держатъ въ рукахъ» и что ему не позволено будетъ вернуться въ Сербію. Пера Тодоровичъ трубилъ объ этомъ и печатно (въ своей уже покойной «Самоуправѣ»), и устно съ цѣлью застращать оппозицію, особенно радикаловъ. Въ Благовѣщенскомъ монастырѣ (Крагуевачскаго уѣзда, Ясеничскаго округа) живетъ 80-лѣтній старецъ, архимандритъ Василій, уже 16 лѣтъ, вслѣдствіе параличнаго состоянія, не выходящій изъ кельи. Онъ противникъ неканоническаго состоянія сербской церкви, чего и не скрывалъ ни отъ кого. Недавно по—этому отъ него отобрали управленіе монастыремъ и поручили іеромонаху Мелентію, человѣку сомнительныхъ нравственныхъ качествъ. Этотъ-то Мелентій вмѣстѣ съ нѣкимъ попомъ Николаемъ Иличемъ, клевретомъ Гарашанина, въ одинъ прекрасный день явились къ Василію и вынудили у него письмо Ристичу; въ этомъ письмѣ арх. Василій просилъ будто бы Ристича свергнуть съ престола короля Милана и посадить на его мѣсто *русскаго великаго князя*. Второпяхъ эти люди забыли заставить Василія подписать это письмо и надписать адресъ и въ такомъ неполномъ видѣ представили его полиціи, которая, разумѣется, немедленно упрятала арх. Василія въ тюрьму и нарядила слѣдствіе. Этимъ думали напугать Ристича, но ошиблись: онъ явился въ Сербію. Тогда Гарашанинъ рѣшился продолжать это дѣло. Употреблены были въ дѣло лжесвидѣтели, но такъ какъ все таки трудно было доказать сношенія Василія съ Ристичемъ, то прибѣгли къ редактору каррикатурной газетки «Брке» Боевичу, бывшему шпіону, который, какъ бывшій консисторскій чиновникъ, зналъ руку Василія и написалъ отъ его имени фальшивое письмо. Однако изъ всего этого ничего не вышло, такъ какъ лжесвидѣтели отказались отъ прежнихъ своихъ показаній. Чѣмъ кончится все это дѣло, неизвѣстно, но оно отлично характеризуетъ теперешнихъ правителей Сербіи. Въ виду раскола въ оппозиціи (часть которой передалась на сторону напредняковъ) газета «*Српски Лист*» посвятила рядъ статей характеристикѣ сербскихъ партій. Либеральная партія съ Ристичемъ во главѣ заслуживаетъ, по словамъ этой газеты, благодарности и признательности за свое управленіе, особенно во внѣшнихъ дѣлахъ (внутреннее управленіе было не особенно удачно). Хотя при Ристичѣ Сербія и обязалась предъ Австріей выстроить желѣзныя дороги и заключить съ ней торговый договоръ, но все же ей удалось выпутаться изъ этихъ затрудненій съ небольшимъ долгомъ. Глав-

ный же ударъ благостоянію Сербіи нанесли явившіеся послѣ Ристича напредняки. Осуждая послѣднихъ за вредную для Сербіи внѣшнюю политику и хищничество, авторъ, названныхъ статей не щадитъ и радикальной партіи за узость ея идеаловъ, за проповѣдь неприложимыхъ къ сербскому быту соціалистическихъ взглядовъ, при чемъ однако признаетъ, что эта партія имѣетъ будущность, если, слѣдуя примѣру Драгиши Станоевича, будетъ держаться національной политики; въ такомъ случаѣ ея союзъ съ либеральной партіей будетъ вполнѣ естественнымъ союзомъ.

Не смотря однако на печальное положеніе страны, на то, что шайки гайдуковъ разгуливаютъ повсюду, не смотри на то, что во главѣ болгарскаго правительства стоятъ люди, открыто объявившіе себя врагами Россіи, съ этими то людьми сербское правительство рѣшилось вступить въ соглашеніе; представителемъ отъ Болгаріи явился Странскій, румеліотъ родомъ и, потому, не имѣющій права заключать такой договоръ. Не заботясь о томъ, какъ посмотритъ на это Россія, сербское правительство заключило 13 октября договоръ съ Болгаріей (см. *Видело* 16 октября). Въ силу 1-го пункта этого договора Болгарія очищаетъ спорную Бреговскую землю, которая будетъ считаться нейтральной, пока особая комиссія не присудитъ ее той или другой сторонѣ. Если коммисія присудитъ её Сербіи, то Сербія согласна уступить ее Болгаріи взамѣнъ за соотвѣтствующую землю по другую сторону границы. Въ силу 2-го пункта, для укрѣпленія взаимной связи и развитія экономическихъ силъ, будетъ назначена особая смѣшанная комиссія, которая будетъ изучать взаимныя торговыя сношенія и способствовать ихъ развитію; заключенъ будетъ торговый договоръ, а до тѣхъ поръ будутъ дѣлаться взаимныя облегченія въ виду общихъ торговыхъ интересовъ.

На основаніи 3-го пункта, сербскіе политическіе эмигранты на болгарской и болгарскіе на сербской территоріи имѣютъ право жить не ближе 60 километровъ отъ границы: надъ ними учреждается надзоръ, и всякія ихъ попытки къ бунту будутъ немедленно прекращаться.

По 4-му пункту Болгарія обязывается окончить желѣзнодорожную линію Вакарель-София-Царибродъ одновременно съ скончаніемъ сербской линіи Нишъ-Пиротъ.

Таково соглашеніе, подписанное Странскимъ, отъ имени Болгаріи, и Франасовичемъ, отъ имени Сербіи. Трудно сказать, будетъ ли оно исполнено, въ виду теперешняго тревожнаго положенія вещей. Но нельзя не подивиться рѣшимости сербскаго правительства вступать въ соглашеніе съ правительствомъ, дни котораго сочтены.

Выше было указано на расколъ въ оппозиціи. Виновники этого раскола—Пера Тодоровичъ и Раша Милошевичъ получили щедрую награду отъ напредняцкаго правительства: первый сдѣланъ комиссаромъ государственнаго банка съ жалованіемъ въ 7,000 фр., а Милошевичъ—секретаремъ въ министерствѣ торговли.

Словомъ, въ Сербіи ни народъ, ни оппозиція не надѣются болѣе ни на короля, ни на министерство. По всей странѣ царитъ томительное тяжелое безмолвіе, которое можетъ разразиться страшной бурей. Сербское правительство знаетъ преданность своего народа Россіи; вотъ почему оно такъ боится оккупаціи Болгаріи; оно знаетъ, что тогда и для него пробьетъ послѣдній часъ.

Недавно вышла въ Панчевѣ на сербскомъ языкѣ брошюра подъ заглавіемъ «Оцѣнка сербства въ русской политикѣ. Открытое слово венгерскаго серба глухимъ и слѣпымъ политикамъ». Неизвѣстный авторъ жалѣетъ о несчастномъ положеніи сербскаго народа и причину его несчастій усматриваетъ въ сербскихъ династіяхъ. Изложивъ прошлое и настоящее сербскихъ династій—Петровичей, Обреновичей и Карагеоргіевичей, онъ приходитъ къ мысли о необходимости объединенія всего сербскаго народа подъ одною династіей Обреновичей. Газета «Српски Лист» (1 октября), говоря объ этой брошюрѣ, справедливо возмущается несправедливымъ отношеніемъ автора къ черногорскому князю и умаленіемъ его достоинствъ сравнительно съ Миланомъ Но суть брошюры еще не въ этомъ, а въ разсужденіяхъ автора о русской политикѣ. Россія, говоритъ онъ, имѣетъ свою цѣль; она не заботится

объ интересахъ балканскихъ народовъ; на сербовъ и на болгаръ она смотритъ лишь какъ на орудія для достиженія своей цѣли—овладѣнія всѣмъ Востокомъ и Царьградомъ. При этомъ авторъ вспоминаетъ не только с.-стефанскій и берлинскій договоры, а восходитъ даже къ временамъ императора Александра I, предлагавшаго Наполеону раздѣлъ Турціи, а Австріи Босну съ Сербіей; этого же авторъ боится и теперь. Кромѣ газеты *«Српски Лист»* на эту брошюру возражала газета *Браник* (27 сентября). По мнѣнію *Браника*, напрасно авторъ сравниваетъ по достоинству сербскія династіи, ибо не сербскій народъ существуетъ для династіи, а династіи для сербскаго народа, и та изъ нихъ удержится, которая наилучше исполнитъ задачу сербства. Заслуги дѣдовъ надо оставить въ сторонѣ, когда говоришь о современныхъ потребностяхъ народа: выставлять же преимущество Сербіи предъ Черногоріей или наоборотъ опасно для сербскаго народа: обѣ страны одинаково дороги и важны для сербства; надо думать о томъ, чтобы онѣ жили въ мирѣ другъ съ другомъ, а не раздувать раздора. Этотъ тонъ, въ какомъ авторъ брошюры говоритъ о Сербіи, непріятенъ. Развѣ укора заслуживаетъ Черногорія? Не она-ли была носительницею сербской мысли и не она ли стояла всегда на стражѣ интересовъ сербства? Пусть она мала и бѣдна, но она для сербства много значитъ. Затѣмъ *Браник* осуждаетъ взгляды автора брошюры на Россію. Теперешнюю Россію, говоритъ онъ, нельзя сравнивать съ Россіей начала нынѣшняго вѣка, когда самосознаніе русскаго народа было еще въ колыбели и русское правительство руководствовалось исключительно своекорыстными побужденіями. Съ тѣхъ поръ Россія далеко шагнула впередъ и сознала всю мощь славянской идеи, единственной представительницей которой теперь и является. Сербскій народъ нельзя сравнивать съ польскимъ, ибо Великая Польша не могла стоять рядомъ съ Великой Россіей—та или другая должна была уступить. Сербскій же народъ и его самостоятельная жизнь не только не угрожаютъ Россіи, но напротивъ прямой интересъ послѣдней поддерживать сербскія надежды и упованія. Запугиванія автора Россіей никогда не достигнутъ своей цѣли. Но странно, отчего авторъ брошюры не обращаетъ вниманія на опасности, грозящія сербскому народу со стороны Австріи. И мало того, онъ еще совѣтуетъ сербскому народу опираться на ту самую Австрію, которая отняла у сербства двѣ лучшія его жемчужины—Босну и Герцеговину и мѣшаетъ свободно вздохнуть этому народу. Однако, напрасно удивляется *Браник*. Вся суть въ томъ, что авторъ брошюры—одинъ изъ завзятыхъ друзей австрійской политики. Понятно, что такой политикъ всегда будетъ проповѣдывать войну противъ Россіи и «священный союзъ» противъ нея и всегда будетъ стараться всѣхъ славянъ превратить въ австрійскихъ нѣмцевъ.

Главное вниманіе славянской печати за истекшій мѣсяцъ, какъ и слѣдовало ожидать, было обращено на болгарскія дѣла. Враги славянства усердно распускали слухи, что Россія покушается на независимость Болгаріи. Правда ли это, спрашиваетъ *Нова Уставност* (1 октября)? Нѣтъ, говоритъ она; но нельзя не согласиться, что держава, давшая болгарскому народу свободу и независимость, имѣетъ право дѣйствовать самостоятельно для сохраненія за этимъ народомъ свободы и независимости. Подъ личиной желанія освободить Болгарію отъ воображаемаго гнета Россіи, принцъ Баттенбергскій отдалъ Болгарію на жертву тѣмъ самымъ народамъ, которые въ 1878 году всего упорнѣе противились образованію болгарскаго государства. Его постигла справедливая кара, но судьбы Болгаріи еще находятся въ распоряженіи его друзей, продолжающихъ его образъ дѣйствій. Если болгарскій народъ хочетъ сохранить свою независимость, то долженъ освободиться отъ этихъ друзей Баттенберга. Болгарскіе правители своими стараніями поселить въ народѣ недовѣріе къ Россіи дѣйствуютъ противъ насущныхъ интересовъ Болгаріи. Не будь Россіи, не было бы и Болгаріи. Болгары представляли изъ себя ничтожный, забитый народъ, который безъ помощи Россіи никогда не могъ бы освободиться, такъ что его исторія была бы кончена съ XIV вѣкомъ. За 500 лѣтъ рабства болгарскій народъ не показалъ никакой жизни. Всѣмъ, рѣшительно всѣмъ они обязаны Россіи.

Въ виду всего этого невозможно допустить, чтобы все эти противорусскія демонстраціи были выраженіемъ чувствъ болгарскаго народа.

По сообщенію «*Заставы*» (27 сентября) болгарскій экзархъ старается о пересмотрѣ конституціи и о личномъ соединеніи Болгаріи съ Россіей на правахъ Финляндіи. Любопытно, что ту же мысль проводитъ одинъ изъ видныхъ сербскихъ журналистовъ, *Вукичевичъ*, въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ сербской газетѣ «Наше Доба». *Вукичевичъ пророчитъ скорое личное соединеніе Болгаріи* съ Россіей, ибо, говоритъ онъ, Босфоръ и Дарданеллы должны быть въ русскихъ рукахъ, а Болгарія въ такомъ случаѣ неминуемо должна играть такую-же роль, какую играютъ Кронштадтъ и Свеаборгъ относительно Финскаго залива. Рядомъ съ этимъ Вукичевичъ доказываетъ ошибочность теперешней австрійской политики: Австрія пріобрѣтеніемъ Босны и Герцеговины только усиливаетъ у себя враждебные ей элементы. Весь узелъ восточнаго вопроса, по мнѣнію Вукичевича, заключается именно въ Боснѣ и Герцеговинѣ (*Српски Лист*, 15 октября). Говоря объ извѣстномъ посланіи генерала Каульбарса, выражавшемъ въ 12 положеніяхъ желанія Россіи, газета *Браник* (отъ 23 сентября) признаетъ всю законность и справедливость этихъ желаній Въ № отъ 25 сентября та же газета снова говоритъ объ этомъ и высказываетъ справедливую мысль, что болгарскіе правители лишь маріонетки, которыми управляетъ искусная таинственная рука; эти маріонетки однако, говоритъ она, слишкомъ ужъ далеко зашли въ своей опасной для Болгаріи игрѣ. Надежды, которыя, повидимому, возлагаютъ въ Софіи на «Европу», по мнѣнію *Браника* вполнѣ призрачны; это не что иное, какъ величайшій самообманъ, ибо изъ всѣхъ европейскихъ державъ Болгаріи могли бы помочь только Англія да Австрія, но онѣ ограничатся одними лишь громкими фразами, что ясно видно изъ рѣчи Тиссы и изъ рѣчи Черчилля, изъ которой легко понять, что Англія плетется въ хвостѣ Австріи.

Главную роль этихъ двухъ послѣднихъ державъ въ болгарской трагикомедіи признаютъ и другія сербскія газеты. Такъ *Н. Уставност* (15 октября) прямо говоритъ, что *тырновскую комедію* сочинилъ Баттенбергъ по мысли Англіи и Австріи. Гезета *Hrvatska* (22 октября) также особенно оттѣняетъ англійскую интригу въ Болгаріи и указываетъ на то, что всѣ эти Муткуровы и Стамбуловы держатся на своихъ мѣстахъ только силой. Въ Болгаріи за послѣднее время явилось много новыхъ газетъ: *Тырновская Конституція*, органъ Каравелова, нападаетъ на правительство и на его неслыханныя насилія на выборахъ въ наше собраніе и признаетъ, что княземъ можетъ быть человѣкъ угодный Россіи. Органъ Славейкова—«*Истина*»—жестоко осуждаетъ теперешнее регенство и правительство и видитъ только въ Россіи спасеніе Болгаріи. Въ томъ-же смыслѣ высказывается издаваемая въ Силистріи газета «*Заря*», выставляющая кандидатуру на болгарскій престолъ великаго князя Владиміра Александровича.

Всѣ сербскія газеты привѣтствуютъ единодушныя дѣйствія Турціи съ Россіей въ болгарскомъ вопросѣ. Такъ *Н. Уставност* въ № отъ 12 октября, упомянувъ о пассивномъ отношеніи Бисмарка къ болгарскимъ событіямъ, о нерѣшительности Австріи, объ утратѣ мадьярами надеждъ на отомщеніе за Вилагошъ и о томъ, что Италія послѣдовала за Англіей, сила которой оказывается не во флотѣ, а въ ея деньгахъ, останавливается на положеніи, занятомъ Турціею и считаетъ это явленіе весьма важнымъ для разрѣшенія болгарскаго вопроса. Сближеніе съ Россіей объясняется тѣмъ, что Турція убѣдилась, что мнимая поддержка со стороны западной Европы ей слишкомъ дорого обходится (Египетъ, Босна и Герцеговина, Кипръ). Въ особенности же пріятно сербской печати намѣреніе султана совокупно съ Россіей отобрать отъ Австріи Босну и Герцеговину и даровать имъ полное самоуправленіе. За послѣднее время Австрія просила султана отказаться отъ верховныхъ его правъ на эти земли. Въ то-же время боснійскіе эмигранты, живущіе въ Константинополѣ, хлопотали предъ султаномъ объ освобожденіи Босны и Герцеговины отъ Австріи и султанъ обѣщалъ имъ употребить для этого всѣ усилія. Въ то-же время турецкій министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ распоряженіе, чтобы всѣ жители Босны и Герцеговины, В.

Румеліи и Кипра, какъ турецкіе подданные жили не иначе какъ по турецкимъ паспортамъ. Такъ отвѣтила Турція на ходатайство Австріи (См. *Н. Уставност* отъ 14 октября).

Теперь не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что Босна и Герцеговина жаждутъ вернуться подъ власть Турціи—такъ солоно пришлось имъ австрійское управленіе. За 8 лѣтъ оккупаціи, говоритъ *Застава* (19 сентября) въ Боснѣ и Герцеговинѣ больше оказывается безпорядковъ, чѣмъ было при туркахъ, а о какомъ либо развитіи страны не можетъ быть и рѣчи. Вотъ примѣръ того, какъ Австрія вводитъ тамъ миръ и порядокъ. Начальникъ Костайничскаго округа наложилъ на село Слабинью взысканіе въ 750 гульденовъ за то, что жители этого села не могли схватить гайдука Илью Викала и представить его, начальнику. Такъ какъ крестьянамъ негдѣ было взять этихъ 750 гульденовъ, то окружной начальникъ распорядился продать ихъ скотъ съ аукціона. Въ городѣ Костайницѣ однако нашелся человѣкъ, купившій этотъ скотъ за 750 гульденовъ и затѣмъ возвратившій его крестьянамъ. Тогда окружной начальникъ издаетъ приказъ, что, если черезъ двѣ недѣли крестьяне этого села не схватятъ Викала, то заплатятъ вдвое, а если и послѣ этого Викалъ не будетъ въ рукахъ полиціи, то всѣ крестьяне будутъ выселены. Легко понять, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ такой образъ дѣйствій: босняки и герцеговинцы предпочитаютъ вернуться къ турецкому владычеству, чѣмъ оставаться подъ просвѣщенной австрійской властью.

Намѣренію Турціи освободить Босну и Герцеговину отъ Австріи и даровать ей самоуправленіе *Застава* (10 октября) придаетъ серьезное значеніе, такъ какъ Турки отлично знаютъ силу Россіи. Еще въ 1848 во время мадьярскаго возстанія, когда по Вершцу съ музыкой разгуливали мадьярскіе гонведы и ихъ съ одушевленными криками встрѣчало нѣмецкое населеніе, одинъ старикъ турокъ, продававшій ножи, спросилъ у стоявшаго на улицѣ сербскаго писателя Іована Ст. Поповича, что значитъ этотъ шумъ.

— Мадьяры бунтуютъ, отвѣчалъ Поповичъ.

— А спросили ли они позволенія у Москова?

— Нѣтъ.

— Ну такъ изъ бунта ничего не выдетъ, сказалъ турокъ, махнулъ рукой, повернулся и пошелъ своей дорогой. Если тогда такъ думали о Россіи простые турки, то теперь, послѣ 1878 года тѣмъ болѣе. Въ виду этого *Застава* совѣтуетъ Австріи лучше поскорѣе по добру по здорову убраться изъ Босны и Герцеговины, обладаніе коими не принесло ей пока ничего кромѣ непріятностей и убытковъ. Совѣтъ хорошъ, но врядъ ли Австрія послѣдуетъ ему, помня правило—beati possidentes, хотя бы даже это владѣніе не опиралось ни на что, кромѣ силы штыковъ.

Изъ сербскихъ газетъ, особенно внимательно и подробно разсмотрѣвшихъ отвѣтную рѣчь Тиссы на запросъ мадьярскихъ депутатовъ, на первомъ планѣ стоитъ Новосадская газета *Браник*, разобравшая эту рѣчь, что называется, по косточкамъ. Свою статью (см. *Браник* отъ 20 сентября) газета начинаетъ замѣчаніемъ, что венгерскій министръ-президентъ не можетъ вести самостоятельной внѣшней политики и потому отвѣчалъ на запросы такъ, какъ это было условлено на совѣтѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ Кальноки (предварительно этотъ отвѣтъ былъ еще разсмотрѣнъ австрійскимъ императоромъ). Рѣчь Тиссы вышла поэтому похожею на то, какъ если бы къ нѣмецкому бритому лицу приклеили длинные мадьярскіе усы. То, что онъ сказалъ, не есть выраженіе мадьярской политики, ибо мадьяры—это видно изъ всѣхъ мадьярскихъ газетъ—не такъ думаютъ. Тисса сначала рѣшительно отвергъ, чтобы австро-венгерское министерство иностранныхъ дѣлъ было заранѣе извѣщено о предстоявшемъ низверженіи князя Александра. Это весьма важное признаніе, такъ какъ до сихъ поръ полагали, что князь Александръ палъ жертвою тайнаго соглашенія между 3 имперіями. Если австрійское правительство не извѣстили заранѣе о низверженіи Баттенберга, значитъ не считали нужнымъ получать на это согласіе Австро-Венгріи, которой осталось только молча проглотить пилюлю. Послѣ такого признанія Тиссы врядъ ли окрѣпнетъ австрійское вліяніе на востокѣ.

Затѣмъ Тисса говоритъ, что князь Александръ потому вышелъ въ отставку, что самъ торжественно объявилъ, что останется въ Болгаріи только съ одобренія русскаго Царя. И изъ этого видно, какая громадная разница между положеніемъ Австріи и Россіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Далѣе Тисса сказалъ, что между Россіей и Австріей нѣтъ никакого соглашенія насчетъ подѣла сферъ вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Хотя это и не ново, но весьма важно, такъ какъ все, что говорилось объ этомъ соглашеніи, оказалось совершеннымъ вздоромъ. Тисса сказалъ, что Австрія стремится къ развитію самостоятельности балканскихъ государствъ и къ устраненію преобладающаго значенія на Балканскомъ полуостровѣ какой-либо *одной* державы. Если бы австрійская дипломатія дѣлала то, что говоритъ, то можно было бы только посовѣтывать балканскимъ народамъ держаться Австріи. Но такъ какъ у ней дѣло расходится со словомъ, то слѣдуетъ дать имъ другой совѣтъ. Въ чемъ выразились стремленія Австріи къ созданію независимыхъ державъ на Балканскомъ полуостровѣ? Развѣ Австрія не приграбила себѣ Босну и Герцоговину? Развѣ она не старается всячески пробраться къ Солуню? Значитъ ли это поддерживать самостоятельность балканскихъ государствъ. Пока Австрія не оставитъ своихъ завоевательныхъ плановъ, эти государства ей вѣрить не могутъ. Совсѣмъ иное приходится сказать о Россіи. Вѣковой дѣятельностью она доказала, что ей дорога свобода балканскихъ народовъ, которые всегда смотрѣли и будутъ смотрѣть на нее какъ на свою «покровительницу и защитницу». Австріи ничего не подѣлать противъ этой силы судьбы; ея значеніе никогда не будетъ основываться на симпатіяхъ къ ней славянскихъ народовъ, а единственно на силѣ оружія, а слѣдовательно всегда будетъ фиктивнымъ, а не дѣйствительнымъ.

Въ то время какъ одинъ государственный человѣкъ Австріи старался успокоить мадьяръ, требовавшихъ войны съ Россіей, другой государственный человѣкъ, также врагъ славянъ, графъ Фердинандъ Бейстъ, отошелъ въ вѣчность въ ночь съ 11 на 12 октября. Бейстъ родился въ Дрезденѣ 13 января 1809 года. Прослушавъ университетскій курсъ въ Геттингенскомъ и Лейпцигскомъ университетахъ, онъ поступилъ на службу въ саксонское министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ 1834 году путешествовалъ по Европѣ, потомъ былъ секретаремъ посольствъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ, а въ 1841 году былъ назначенъ въ Мюнхенѣ повѣреннымъ въ дѣлахъ. Тамъ онъ женился на дочери генерала Іордана. Въ маѣ 1848 года онъ былъ уже посломъ въ Лондонѣ, а въ 1849 министромъ иностранныхъ дѣлъ въ министерствѣ Гельда. Онъ держался реакціонной политики, преслѣдовалъ печать и народное представительство. Съ другой стороны онъ старался устроить союзъ нѣмецкихъ государствъ противъ Австріи и Пруссіи Въ этомъ однако онъ не успѣлъ. Тогда онъ вступилъ въ союзъ съ Австріей и вмѣстѣ съ нею старался помѣшать объединенію нѣмецкаго народа подъ властью Пруссіи. Когда Австрія потерпѣла пораженіе отъ Пруссіи въ 1866 и Бисмаркъ усмирилъ Саксонію, то однимъ изъ условій мира поставилъ удаленіе Бейста. Этимъ кончилась саксонская карьера Бейста. Его приняла къ себѣ Австрія. Онъ явился въ Австрію не зная страны, считая ее полунѣмецкою, полумадьярскою. Поэтому онъ постарался убѣдить Франца-Іосифа примириться съ мадьярами и, послѣ переговоровъ съ вождемъ послѣднихъ, Деакомъ, рѣшилъ вопросъ о дуализмѣ. Мадьяры потеряли въ Бейстѣ творца ихъ преобладанія въ восточной половинѣ Австрійской имперіи. Во время франко-прусской войны Бейстъ велъ переговоры съ Италіей съ цѣлью напасть на Пруссію, но предупрежденный Бисмаркомъ, потерпѣлъ неудачу. Въ депешѣ къ Наполеону III 20 іюля 1870 онъ сказалъ: «Мы считаемъ дѣло Франціи нашимъ собственнымъ дѣломъ» (Wir betrachten die Sache Frankreichs als die unsrige»). 12 октября 1870 въ депешѣ къ графу Котеку онъ сказалъ знаменательныя пророческія слова: «Нѣтъ больше Европы» («Es gibt kein Europa mehr»), указавъ тѣмъ на грозящую тяжелую гегемонію Германіи. Ему оставалось только признать «совершившійся фактъ» созданія германской имперіи и выдти въ отставку, чего онъ, въ ущербъ своей репутаціи, не сдѣлалъ до 8 ноября 1871 года, послѣ чего жилъ частнымъ человѣкомъ до 1878

года, когда былъ отправленъ посломъ въ Парижъ. Тамъ въ 1882 году на одномъ собраніи Литературняго Общества онъ сказалъ: «Mon âme est reconnaissante, mon coeur est français». Послѣ такого признанія онъ былъ окончательно уволенъ 19 мая 1882 года при благодарственномъ рескриптѣ императора.

Къ *славянамъ* Бейстъ относился враждебно. Извѣстное его выраженіе—«*мы припремъ славянъ къ стѣнѣ*» («Wir werden die Slaven an die Wand drücken») стало однимъ изъ основаній австрійской политики. Но онъ самъ былъ слишкомъ государственный человѣкъ, чтобы задаваться такой партійной политикой.

Какъ врагъ Бисмарка, какъ человѣкъ, боровшійся противъ объединенія Германіи, онъ несомнѣнно оказалъ, самъ того не сознавая, большія услуги славянству.

Собравшійся въ октябрѣ сербскій церковный сходъ въ Карловцахъ избралъ Вершацкимъ епископомъ архимандрита Руварца. Отъ имени правительства на синодѣ былъ великій жупанъ панчевачскій и варшавскій Александръ Николичъ (прежній комиссаръ Чехъ умеръ). Николичъ одинъ изъ близкихъ къ Тиссѣ лицъ: назначеніе его считается благопріятнымъ сербскому дѣлу. Отношенія же Германа Анджелича къ Тиссѣ, повидимому нехороши. Синодъ открытъ былъ прочтеніемъ грамоты на мадьярскомъ языкѣ, послѣ чего Германъ благодарилъ за это комиссара. Избранный на другой день въ епископы архимандритъ Иларіонъ Руварацъ родился въ Бановцахъ (въ Бремѣ) въ 1832 году, а окончилъ курсъ юридическихъ наукъ въ вѣнскомъ университетѣ въ 1856 году; въ 1860 году принялъ монашескій санъ, въ 1874 г. сдѣлался архимандритомъ Крушедольскаго монастыря. Онъ былъ правою рукою патріарха Ивачковича. Руварацъ извѣстенъ многими историческими сочиненіями и считается однимъ изъ лучшихъ сербскихъ историковъ. Обзору его сочиненій мы надѣемся посвятить особую статью. Что касается собора, то его засѣданія ожидаются съ крайнимъ нетерпѣніемъ. О результатахъ его дѣятельности не замедлимъ извѣстить читателей.

Редакторъ «Заставы». Томичъ (зять Милетича) приговоренъ къ 3-мѣсячному тюремному заключенію и къ штрафу. Его процессъ такъ любопытенъ, что мы также посвятимъ особую статью.

Въ заключеніе двѣ три выдержки изъ «*Драшкова Рабоша*». Отчего, спрашиваетъ Драшко, православные чехи въ Вѣнѣ не позвали на праздникъ св. Вячеслава ни хорватовъ, ни поляковъ?—Оттого, что они не славяне.

Миланъ въ Венгріи сыпалъ деньги направо и налѣво. Какимъ-то цыганамъ подарилъ 200 гульденовъ, слугамъ Зичи — 1000 гульденовъ, одной мадьяркѣ за кисть винограду 100 гульденовъ и на памятникъ Радецкому 2000 гульденовъ. Кончилось тѣмъ, что ему не съ чѣмъ было ѣхать домой.

Въ одно сремское чисто сербское село пришли три нѣмца. Серба крестьянина изъ этого села пугаетъ сербскій патріотъ:—«Смотри, братъ, берегись, я слышалъ, къ вамъ въ село пришли три нѣмца, погубятъ они васъ».—«Э, ничего, эти нѣмцы нисколько не опасны: одного зовутъ Weinstein, другаго Gutwein, а третьяго Trinkaus. И этотъ послѣдній еще самый опасный... для себя!»...

Д. И—скій.

2 ноября 1886 г.

Обозрѣніе новѣйшихъ явленій поэтической литературы славянъ.

(*Продолженіе*).

VII.

Въ этой главѣ я хочу обратить вниманіе читателей на нѣкоторыя новѣйшія попытки приспособленія произведеній другихъ славянскихъ литературъ — для чтенія чешской публики. Съ 1884 года, начала выходить въ Прагѣ такъ называемая «Руска книговна», изд. нѣкоего г. Вани. Къ сожалѣнію, мнѣ удалось видѣть только первый выпускъ этого полезнаго и такъ необходимаго для чеховъ изданія, заключающій въ себѣ небольшую повѣсть Ѳ. М. Достоевскаго. Маленькій герой («Малый грдина»). Вотъ впечатлѣніе, вынесенное мною отъ этого изданія: во-первыхъ, оно слишкомъ дорого—50 крейцеровъ за крошечную книжечку въ 50 страницъ съ небольшимъ! Это обстоятельство доволь-

но существенно можетъ вредить дѣлу, такъ какъ чешское читающее общество пріучено къ крайне дешевымъ и доступнымъ изданіямъ. Во-вторыхъ, мнѣ кажется нѣсколько страннымъ и едва-ли удачнымъ выборъ для перваго раза именно этого разсказа Достоевскаго, а не чего-либо болѣе выдающагося и значительнаго изъ произведеній хотя бы того же Достоевскаго. Знакомство чеховъ съ русской словесностью слѣдуетъ вести съ помощью дѣйствительно крупныхъ и художественныхъ работъ, а уже затѣмъ можно брать и болѣе мелкія вещи. Впрочемъ, можетъ быть, авторъ старался примѣниться къ чешской публикѣ, которая, какъ извѣстно, мало понимаетъ новую русскую натуральную школу и предпочитаетъ сентиментальныя произведенія какъ своей, такъ и нѣмецкой словесности, гдѣ этихъ произведеній—не занимать стать! Что касается выполненія, то въ этомъ отношеніи трудъ г. Вани вполнѣ удовлетворителенъ. Г. Вани, бывшій преподаватель русскаго языка въ чешской торговой академіи, знаетъ предметъ довольно основательно и извѣстенъ, какъ составитель весьма практичной «Грамматики русскаго языка» и «Русской хрестоматіи съ русско-чешскимъ словарчикомъ». Настоящее его изданіе имѣетъ такой видъ: разсказъ перепечатанъ *съ удареніями*, разставленными вообще правильно; на каждой страницѣ внизу помѣщены чешскія объясненія мало понятныхъ русскихъ словъ и выраженій. Съ каждой страницей впередъ объясненій дѣлается все меньше и меньше, такъ что къ концу книги ихъ приходится всего 4—6, а на послѣдней страницѣ только два. Такой способъ, вообще довольно удобный для читателя, иногда однако причиняетъ и свои неудобства, потому что многія слова могутъ быть забыты читателемъ, а между тѣмъ объясненія ихъ были сдѣланы только одинъ разъ, и читателю, можетъ быть, придется не мало потрудиться, разыскивая эти объясненія, или же имѣть подъ рукою еще и русско-чешскій словарь Ранка *).

Въ общемъ все-таки мысль г. Вани нельзя не назвать довольно счастливой и удачной, хотя, конечно, его изданія будутъ читаться только людьми, нѣсколько все-таки знакомыми съ русскимъ языкомъ. Вотъ порядокъ, въ какомъ г. Вани думаетъ представить чешской публикѣ русскихъ писателей: Достоевскій, Пушкинъ, Лермонтовъ, Гоголь, Крыловъ, Кольцовъ, Кохановская, Писемскій, Некрасовъ, Щедринъ, Помяловскій, Григоровичъ и друг. Нѣсколько иначе поставлено дѣло въ другомъ чешскомъ изданіи подобнаго же характера. Я говорю о такъ называемыхъ «*Славянскихъ чтеніяхъ*», издаваемыхъ обществомъ «Славія». Мнѣ пришлось познакомиться съ слѣдующими пятью выпусками: *Русское чтеніе*, *Польское чтеніе*, *Сербское*, *Хорватское* и *Болгарское* чтенія. Характеръ этого изданія таковъ: въ началѣ чтенію предпосылаются краткія свѣдѣнія о произношеніи буквъ и списокъ самихъ буквъ (если чтеніе кирилловское, какъ у русскихъ, болгаръ и сербовъ); затѣмъ уже идутъ самыя «чтенія», состоящія изъ ряда статей послѣдовательной трудности, при чемъ первая половина статей снабжена *подстрочнымъ переводомъ словъ*, а вторая—объясненіями и переводомъ внизу страницы, въ видѣ примѣчаній, какъ въ изданіи г. Вани. Очевидно, изданія общества «Славія» весьма практичны и предназначены для чеховъ, совсѣмъ незнакомыхъ съ инославянскими нарѣчіями. Вотъ, напр., какія статьи находятся въ русскомъ выпускѣ: Свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Гоголя, три разсказа изъ его «Вечеровъ на хуторѣ», двѣ басни Крылова и нѣсколько русскихъ пѣсенъ и стихотвореній: Вяземскаго, Лермонтова и Тургенева. Нельзя сказать, чтобы подборъ пьесъ былъ

*) Можетъ быть, было бы еще удобнѣе и экономичнѣе, вмѣсто объясненій на каждой страницѣ, приложить въ концѣ книги маленькій словарчикъ русско чешскій, какъ это сдѣлалъ напр., г. Квинтиліанъ Лужицкій, издавая во Львовѣ, въ 1884 г. «Библіотеку русскихъ писателей» для червоноруссовъ. Изданіе это предположено было вести выпусками (по 12 ежегодно), и доселѣ вышло десять выпусковъ, въ которыхъ помѣщены такія произведенія: *Ася* и *Клара Миличъ*, Тургенева; *Вій*, *Страшная месть* и *Тарасъ Бульба*, Гоголя; *Капитанская дочка* и *Кавказскій плѣнникъ*, Пушкина и *Герой нашего времени*, Лермонтова. При каждомъ выпускѣ приложенъ небольшой словарчикъ съ объясненіями менѣе понятныхъ словъ по червонорусски и краткія необходимѣйшія свѣдѣнія изъ грамматики книжнаго русскаго языка. Къ сожалѣнію, это изданіе по какимъ-то причинамъ не допущено къ обращенію въ Россіи!!

сдѣланъ и разнообразно и очень удачно. Лучше въ этомъ отношеніи выпускъ польскій, гдѣ подобраны произведенія почти всѣхъ лучшихъ писателей: Мицкевича, Славицкаго, Залѣсскаго, Ленартовича, Крашевскаго, Ходзька, Сенкевича, Пруса, Балуцкаго и пр. Выпускъ болгарскій чрезвычайно убогъ: кромѣ разсказа Ивана Вазова «Неотдавна», и краткаго жизнеописанія этого писателя, редакторы не нашли ничего подходящаго ни изъ народной болгарской словесности, ни изъ искусственной, которая, какъ ни бѣдна, все же представляетъ уже нѣсколько дѣльныхъ произведеній даже въ области изящной литературы!

VIII.

Теперь обратимся къ нѣкоторымъ новѣйшимъ явленіямъ въ области изданій произведеній отдѣльныхъ авторовъ, какъ полныхъ, такъ и эпизодичныхъ. Прежде всего обращу вниманіе читателя на «Збрани списи» (Собраніе сочиненій) Есипа Юрчича, извѣстнаго *словинскаго* писателя, едва-ли не наиболѣе замѣтнаго въ своей, впрочемъ крошечной и бѣдной, словинской литературѣ. Этотъ писатель, уже покойный, былъ чрезвычайно полезенъ своему народу неутомимою и энергическою публицистическою дѣятельностью: онъ и будилъ національное чувство (трагедія «Тугомеръ», съ содержаніемъ изъ глубокой славянской древности), и хлопоталъ о развитіи и неустанной разработкѣ словинскаго языка (сюда относится, напримѣръ, его трудъ: Класе зъ домачего поля, збирка наибельшихъ дѣлъ словенскихъ писателевъ), и самъ писалъ весьма недурныя повѣсти и разсказы съ народнымъ содержаніемъ. Съ 1882 г., подъ наблюденіемъ Фр. Левца, начало выходить въ Люблинѣ полное собраніе сочиненій Юрчича; второй и третій выпуски вышли, впрочемъ, только въ 1884 году, а всѣхъ выпусковъ предположено *десять*, отъ 18 до 20 печатныхъ листовъ каждый. Первые шесть выпусковъ обнимутъ собою романы, повѣсти и разсказы, седьмой — пѣсни и другія стихотворенія и драматическія произведенія, восьмой—статьи литературно-публицистическаго и общественнаго характера, фельетоны и пр., девятый—посмертныя сочиненія автора, какъ, напр., до половины доведенный романъ «Словенскій свѣтецъ и учитель»; въ десятомъ выпускѣ предположено жизнеописаніе покойнаго съ его портретомъ и переписка. Таковъ планъ полнаго собранія сочиненій Юрчича, на памятникъ которому пойдетъ и вся чистая выручка отъ этого предпріятія.

Между вышедшими доселѣ произведеніями нашего автора отмѣтимъ особенно слѣдующія: «*Десети братъ*» романъ, «*Доменъ*» повѣсть, и «Спомины старега Словенца»—весьма любопытныя воспоминанія одного словенскаго воина, участвовавшаго въ походѣ Наполеона на Россію въ 1812 году. Въ нихъ читатель найдетъ довольно живо описанныя подробности несчастнаго перехода черезъ Березину, страданій, испытанныхъ французскими войсками во время великаго бѣгства, личныхъ встрѣчъ автора съ казаками и проч. Недуренъ также и разсказъ «Два пріятеля». У *сербовъ* обращаетъ на себя вниманіе *собраніе «проповѣтокъ»* г. Милорада *Шабчанина*, писателя довольно виднаго въ своей словесности. Между этими повѣстями «Хомольска лѣпотица (красавица)» заслуживала бы перевода на русскій языкъ для образца современной сербской повѣсти, такъ сказать, интеллигентнаго характера.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

А. Степовичъ.

Изъ Праги.

(*Корреспонденція*).

Отношеніе чешскаго народа къ послѣднему болгарскому перевороту. Колебаніе въ этомъ отношеніи оффиціознаго „Hlas Naroda“. Убѣжденіе болгаръ „находящихся въ Прагѣ“. Рѣчь Герольда. Выставка Верещагина въ Прагѣ.

№ 9 Изв. Слав. Благ. Общ. уже напечаталъ сужденія «Народныхъ Листовъ», по поводу послѣдняго болгарскаго переворота (9-го августа). Эта газета самая распространенная у чеховъ и дѣйствительно выражаетъ мнѣніе большинства чешскаго народа. Съ кѣмъ изъ чеховъ Праги или внѣ Праги мнѣ ни приходилось сходиться, за немногими исключеніями всегда удавалось слышать радость по поводу того, что наконецъ-то главное зло удалилось изъ Болгаріи. Никто кажется

не чувствуетъ такъ тонко, какъ чехи, что значитъ то, когда станетъ княземъ или епископомъ въ славянскомъ народѣ нѣмецъ. Чехи познали это изъ долгаго историческаго опыта. Вѣдь и въ Моравіи, когда нужно было испортить дѣло свв. Кирилла и Меѳодія и водворить латинско-нѣмецкую культуру былъ поставленъ епископъ—нѣмецъ Вихингъ. И Бисмаркъ, чтобы поскорѣе онѣмечить познанскихъ поляковъ, постарался поставить епископомъ туда нѣмца Диндера. И св. отецъ измѣнилъ своимъ вѣрнымъ слугамъ—полякамъ! Онъ безжалостно пожертвовалъ ими въ пользу своей сдѣлки съ нѣмцемъ—протестантомъ! Вотъ какъ спасаетъ поляковъ Римъ.

Съ другой стороны, никто, кажется, не чувствуетъ такъ осязательно каждый успѣхъ или неудачу русской политики, какъ чехи. Съ самаго воскресенія чешскаго народа въ этомъ столѣтіи, чешскіе патріоты постоянно указывали чешскому народу на Россію, какъ на защитницу славянства. Эту идею чехи провѣрили на себѣ и опытнымъ путемъ. Каждое ослабленіе Россіи и параллельно съ этимъ усиленіе нѣмецкаго міра сейчасъ сказывалось на ухудшеніи положенія чеховъ и другихъ славянъ Австріи. Славянскіе берега чешскаго полуострова, далеко выброшеннаго въ нѣмецкое море, прежде всего и больше всего испытываютъ каждый напоръ или ослабленіе нѣмецкихъ волнъ на славянскую землю.

Вся суть отношенія чешскаго народа къ послѣднему болгарскому перевороту прекрасно выражена въ его органѣ «Nár. Listy» въ № отъ 24 авг. (н. ст.): «Чешскій народъ,—читаемъ здѣсь—сердечно будетъ радоваться съ остальнымъ сознающимъ себя славянствомъ по поводу этого событія, потому что наши непріятели довольно намъ показали, какъ далеко наша собственная судьба зависитъ отъ благосостоянія, усиленія или упадка силы Россіи и остальныхъ братскихъ племенъ нашей великой славянской родины».

Наконецъ чехи же, уже опытный культурный народъ, имѣющіе свой сеймъ, уже a priori понимаютъ, что болгары—юный народъ—не могутъ быть «ни отъ кого независимымъ, самостоятельнымъ народомъ», о чемъ кричатъ теперь незрѣлыя болгарскія головы по наущенію враговъ славянства. Чехи видятъ, что когда русскіе, по освобожденіи Болгаріи, отказались отъ посылки туда своихъ интеллигентныхъ силъ, отъ заведенія въ ней среднихъ школъ, которыя-бы воспитывали юношество въ любви къ Россіи, отъ поддержки церкви, которая всегда обращала взоры Болгаръ на Россію,—когда Россія не сдѣлала этого, то за нее стали дѣлать другіе, но во враждебномъ Россіи духѣ. Явились католическія и протестантскія миссіи, начали заводить свои школы и вооружать болгаръ противъ Россіи.

Необходимость русскаго вліянія въ Болгаріи невольно соскочила съ устъ и старочешскаго «Hlasa Naroda» сряду послѣ переворота. Такъ 24 авг. (н. ст.) эта газета писала, «*что до извѣстныхъ границъ нельзя отстранить и уничтожить... русское вліяніе на Востокѣ*». Александръ Баттенбергъ «*хотѣлъ освободиться отъ русскаго вліянія, забывая, что Россія освобожденіемъ Болгаръ положила основаніе* (болгарскаго) *государства и его трона, и разсчитывалъ на чужую подпору противъ преобладанія Россіи*»... «*Князь, поставленный на тронъ Россіей, нарушилъ нравственныя обязательства*».

Но когда въ высшихъ сферахъ было высказано крайнее неудовольствіе, что и органъ клуба, дѣлающаго теперь съ поляками политику въ рейхсратѣ, пишетъ благопріятно для Россіи (отъ «Národni-хъ dedlist»-овъ уже инаго и ждать нельзя), то «Hlas Národa» забилъ отбой и какъ можно сильнѣе, чтобы загладить свою вину. Такъ уже 26 авг. (н. ст.) онъ пишетъ: «Въ настоящемъ русско-болгарскомъ спорѣ чешскій народъ не можетъ не симпатизировать болгарскому народу, который защищаетъ свое право противъ попытокъ привесть его въ положеніе зависимости». Въ нумерѣ отъ 29 авг. газета спрашиваетъ: «Неужели истинный славянинъ есть тотъ.... кто возвеличиваетъ и прославляетъ разбойниковъ, которые, принявъ чужія деньги, съ кинжаломъ и револьверомъ въ рукѣ, безъ вѣдома народа и даже противъ его воли, въ темную ночь, какъ разбойники, врываются въ спальни избранниковъ народа, чтобы потомъ трусливо бѣжать изъ отечества, когда народъ начнетъ судить ихъ чер-

ный и грязный поступокъ» Какъ эффектно! Желаніе оправдаться предъ высшими сферами особенно ясно звучитъ въ слѣдующихъ словахъ: «Если противъ идеализма нашего народа *провинилась* одна наша газета (разумѣй: «Nar. Listy») то пусть не забываютъ, что это громовая труба частной спекуляціи». Нѣтъ, это искренній громовой голосъ чешскаго народа, а не спекулирующаго органа.

Въ нумерѣ отъ 31 августа «Hl. Nár.» уже привѣтствовалъ возвращеніе князя «какъ противорусскую демонстрацію». Въ номерѣ отъ 29 сентября въ одинъ голосъ съ вѣнской оффиціозной печатью рѣзко осуждаетъ «выступленіе генерала Каульбарса, которое-де противорѣчитъ всѣмъ правиламъ международныхъ отношеній».

Выставляя, очевидно, яко-бы эгоистической Россіи въ примѣръ «народъ чешскій, который-де не знаетъ политики успѣховъ въ вопросѣ свободы» (№ отъ 26 августа), распинаясь за «свободу и независимость болгарскаго государства», вдругъ, вопреки своему идеализму, газета пишетъ: «Самый выгодный способъ рѣшенія восточнаго вопроса было бы взаимное согласіе и географическое раздѣленіе вліянія между Австріей и Россіей». Въ нумерѣ отъ 29 августа «Hlas Národa» желаетъ, «чтобы Австрія вообще *помогала освобожденію славянскихъ народовъ, хотя бы при этомъ пришлось присоединить эти народы и земли къ Австріи*». Вотъ какъ понимаетъ свободу гордящійся своей идеальностью органъ! «Мы, чехи»,—пишется въ этой же статьѣ,—«слѣдуя старымъ традиціямъ, всегда работаемъ въ томъ смыслѣ, чтобы Австрія добывала вліяніе на востокѣ»; а далѣе опять: «мы не знаемъ эгоизма въ своемъ *идеализмѣ* и симпатизируетъ тѣмъ, кто домогается права»... Словомъ, противорѣчіе за противорѣчіемъ! Мы просто не понимаемъ логики этого органа.

Чтобы еще болѣе оправдаться въ своей винѣ относительно болгарскаго вопроса, редакція «Hl. Nár.», въ нумерѣ отъ 27 августа, постаралась объявить цѣлому міру: «Убѣжденіе болгаръ, находящихся въ Прагѣ». «Болгары, здѣсь находящіеся», — пишетъ газета — «представляютъ намъ такое заявленіе относительно событій въ ихъ отечествѣ и способа, какимъ разсуждаетъ объ этомъ одна здѣшняя газета». Слѣдуетъ самый протестъ:

«Наши чешскіе братья уже во времена тяжелаго турецкаго рабства сопровождали своими горячими симпатіями всѣ наши стремленія къ свободѣ и самостоятельности, и симпатіи эти никогда насъ не оставляли. Какъ въ нашемъ родномъ краѣ, такъ и въ Чехіи раздался выкрикъ паники въ кровавые майскіе дни 1876 г., когда тысячи болгарскихъ мужей, женъ и дѣтей были убиваемы и мучимы. Съ возрастающею любовію слѣдили чехи за великой войной для нашего освобожденія. Не менѣе радостно они привѣтствовали наше объединеніе 18 октября, и столь же побѣдоносная защита дѣла объединенія, которую мы провели подъ геройскимъ предводительствомъ князя, нашла у нихъ горячій отзвукъ.

Намъ дороги эти симпатіи, потому что онѣ укрѣпляютъ насъ въ нашей работѣ и потому что онѣ усиливаютъ связь взаимности между чешскимъ и болгарскимъ народомъ.

Тѣмъ болѣзненнѣе тронуло насъ то, что предъ чешскимъ обществомъ нашъ народъ систематически подозрѣвается, унижается и лишается своеге значенія.

Въ силу этого мы рѣшились торжественно защититься предъ чешскимъ обществомъ противъ того, что распространяютъ «Národni Listy» на опозореніе болгарскаго имени. Поступаемъ такъ въ томъ убѣжденіи, что исполняемъ свой патріотическій долгъ и выражаемъ мнѣніе всѣхъ нашихъ соотечественниковъ.

Прежде всего торжественно протестуемъ относительно особы князя Александра. Кто этотъ нашъ Александръ I? Когда русскіе войска летѣли чрезъ Дунай на Балканы для освобожденія нашего народа, тогда прилетѣлъ съ ними и онъ 27 іюня съ саблей въ рукѣ, въ числѣ своихъ стрѣлковъ онъ въ первый разъ вступилъ на болгарскую почву у Свищова (Систова), воюя противъ турокъ, которые упорно препятствовали переходу. Отъ Свищова лѣтомъ шелъ съ ними черезъ Балканы, и за Балканы, къ Царьграду. Болгарскій народъ тогда *еще не зналъ его и даже имени его не вѣдалъ*.

Когда послѣ побѣдоносной войны, въ 1878 г. сошлось Великое Народное Собра-

ніе въ болгарскомъ Царьградѣ, въ Тырновѣ, здѣсь два раза депутаты нашего народа подавали голоса за инаго, болѣе извѣстнаго имъ, князя Дондукова-Корсакова. Но великій Освободитель, доброй памяти царь Александръ II поставилъ намъ княземъ Александра. Его избраніе совершилось на укрѣпленіе связи довѣрія и любви. Неизмѣнной охраной конституціи, объединеніемъ Болгаріи и побѣдоносной защитой его противъ Сербіи эти чувства еще болѣе укрѣпились.

Но еще и болѣе того. Не объ особѣ князя, которая выступаетъ на первый планъ, идетъ главнымъ образомъ рѣчь, а о нашей свободѣ, о нашей независимости. *Мы любимъ русскій народъ, но хотимъ быть также свободнымъ народомъ. Тырновская конституція и князь Александръ служатъ для насъ святымъ завѣщаніемъ Царя-Освободителя, и ни одинъ свободомыслящій болгаринъ—а таковы мы всѣ—не хочетъ ни предъ кѣмъ склонять свое чело какъ рабъ* *). Мы видимъ въ Россіи своего естественнаго охранителя и союзника, но при этомъ хотимъ сохранить свое право и свою свободу.

Поэтому мы протестуемъ противъ всякаго подозрѣванія нашего народа, которое распространяютъ въ этомъ отношеніи «Národni Listy», защищающіе въ отношеніи насъ политику можетъ быть русскихъ чиновниковъ, но никакъ не славянскую.

Протестуемъ далѣе противъ того утвержденія, что будто у насъ въ Болгаріи было «поразительно много англійскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ». Мы воевали съ княземъ за Болгарію и нашу свободу, но англичанина или нѣмца не было между нами. Пусть кто хочетъ напередъ укажетъ намъ такого, прежде чѣмъ подозрѣвать насъ.

Съ горячностью протестуемъ противъ подозрѣнія въ продажности, что будто-бы «благодаря деньгамъ Англіи и Богъ знаетъ какого еще государства и т. д.» удалось то, что дѣлаетъ цѣлый нашъ народъ единомысленно.

Съ рѣшительностію отвращаемся отъ благословенія оккупаціи нашей земли чужимъ войскомъ, чего желаютъ намъ «Národni Listy», ибо мы, какъ мужи свободы, не склоняемся предъ силой штыковъ и не вѣримъ, что штыкомъ утверждается любовь, хотя-бы это былъ и штыкъ братьевъ.

Протестуемъ также противъ навѣтовъ на насъ, которые берутъ «Národni Listy» изъ клеветъ главныхъ непріятелей болгарскаго народа, какимъ служитъ Спиридонъ Гопчевичъ. Мы можемъ гордиться тѣмъ, что написали о насъ мужи европейской извѣстности, какъ: Эмиль Лавелэ, Луи Лежэ, Каницъ и др., которые, конечно, не пали такъ низко, какъ Гопчевичъ.

Наконецъ опровергаемъ то, будто наши коллеги въ Вѣнѣ послали какую то телеграмму правительству, которое противъ мысли и воли народа захватило навремя общественную власть въ Софіи, которое однако уже уступило порядку, предписанному тырновской конституціей.

Это признаемъ мы необходимымъ заявить, чтобы дать мѣсто правдѣ.

Въ златой славянской Прагѣ, дня (14) 26 августа 1886 г,

Слѣдуютъ подписи:

Константинъ Божковъ.	Христо Дарленскій.
Н. Ганевъ.	Д. Димитровъ.
П. Бачваровъ.	Л Хашновъ.
С. Симовъ.	С. Огняновъ.

Вотъ знаметый протестъ «восьми болгарскихъ юнаковъ», какъ величаетъ ихъ газета, этихъ «*мужей свободы*» ,этихъ «союзниковъ Россіи». Но кто же эти «мужи свободы»? Это школяры, учащіеся въ Прагѣ! Мы не имъ конечно удивляемся, а органу, поспѣшившему напечатать протестъ отъ нихъ.

Одинъ почтенный чешскій ученый, оказавшій великія услуги для чешской науки, сказалъ послѣ этого: «Я просто не могу понять «Hlas'-a Naroda».

Въ заключеніе мы скажемъ, что «Hlas Národa» не есть дѣйствительно гласъ чешскаго большинства, но старочешскаго клуба, противъ котораго все слышнѣе и слышнѣе раздаются протесты. Но все таки мы замѣтимъ относительно болгарскаго вопроса: можно писать политично, но ужъ не такъ пересаливать какъ «Hl. Nar.»

Другая оффиціальная чешская газета, нѣмецкая «Politik» также защищаетъ

*) Подчеркнутое напечатано курсивомъ въ подлинникѣ.

«свободу и независимость Болгаріи», якобы нарушаемую Россіей. Но въ одномъ изъ своихъ нумеровъ она должна была сознаться, что среди чеховъ много истинныхъ безкорыстныхъ друзей Россіи, сочувствующихъ ея успѣхамъ на Востокѣ.

Недовольство чеховъ системой дуализма въ Австріи, заведенной въ 1867 г., недовольство министерствомъ Таафе и своими депутатами, плохо отстаивающими чешскіе интересы, всё чаще слышится.

18 сент. (ст. ст.) адвокатъ Іос. Герольдъ говорилъ рѣчь на сходкѣ гражданъ Карлина, особой части Праги. Въ ней онъ указалъ на то, что въ нынѣшнее осеннее засѣданіе рейхсрата рѣшается чрезвычайно важный вопросъ—соглашеніе между королевствомъ венгерскимъ и областями, имѣющими своихъ представителей въ рейхсратѣ. Это уже третье соглашеніе отъ начала дуализма, первое, которое заключается при участіи чешскихъ депутатовъ.

Въ своей рѣчи онъ съ особенною силою указалъ на незаконность политической и экономической гегемоніи мадьяръ: «*Самымъ вліятельнымъ народомъ въ государствѣ у насъ народъ, который ни по своему числу, ни по культурѣ не равняется остальнымъ народамъ, шовинизмъ котораго толкаетъ государство къ столкновеніямъ, результатъ которыхъ чрезвычайно серьезенъ*»... «Сначала Мадьяры старались о томъ, чтобы югославянскіе народы остались въ турецкихъ когтяхъ, но *когда славянское государство положило конецъ турецкому господству и освободило эти народы*, мадьяры стремятся отстранить ихъ отъ ихъ славянскаго призванія и впутать въ область мадьярскихъ интересовъ»... «Со времени конституціи въ Австріи идетъ жестокій бой народовъ изъ за принципализма или автономіи. Историческое развитіе государства и гарантированныя права отдѣльныхъ областей говорятъ за автономію». Но нѣмцы конечно стоятъ за централизацію, какъ обезпечивающую ихъ «*господство*» въ Цислейтаніи. «Самъ рейхсратъ служитъ выраженіемъ централистической идеи, ибо онъ, по своему принципу и въ силу несправедливаго избирательнаго статута не въ состояніи окончательно и безобидно рѣшить народный вопросъ въ государствѣ». Въ своей рѣчи ораторъ выразилъ недовольство министромъ народнаго просвѣщенія, который запираетъ чешскія школы и при своихъ объѣздахъ совѣтуетъ учиться только по нѣмецки.»

Въ заключеніе г. Герольдъ, сказалъ, что теперешняя конституція сочинена безъ согласія чешскаго народа и требуетъ законнаго преобразованія для удовлетворенія его.»

Рѣчь постоянно была прерываема бурными одобреніями.

Съ 1-го октября (н. ст.) въ Прагѣ устроена выставка картинъ Верещагина. На выставкѣ находится только часть картинъ преимущественно изъ русско-турецкой войны. Объ устройствѣ выставки хлопотали «Умѣлецка бесѣда», чешскій клубъ художниковъ. Выставка посѣщается не только жителями Праги, но и провинціи. Среди чеховъ находятся нѣкоторые особенные почитатели реализма Верещагина, какъ напр, извѣстный чешскій меценатъ г. Напрстекъ. Но есть и противники его. О картинахъ Верещагина и о немъ самомъ, много видѣвшемъ и испытавшемъ на свѣтѣ, пишутъ и газеты и журналы.

Въ теперешнее время, когда черная неблагодарность болгарскихъ заправилъ къ Россіи не знаетъ границъ, выставка картинъ изъ русско-турецкой войны получаетъ особенное значеніе; она наглядно показываетъ чехамъ, чего стоило русскимъ освобожденіе Болгаріи. «Národni Listy» по этому поводу очень кстати обращаются къ противникамъ Россіи въ болгарскомъ вопросѣ съ слѣдующими словами: «Вы сами говорите, что Верещагинъ изображаетъ правду. А въ такомъ случаѣ вы навѣрно оцѣните огромныя жертвы Россіи за освобожденіе и искупленіе братскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ осудите поразительную неблагодарность тѣхъ, которые теперь въ Болгаріи стоятъ противъ своего освободителя (№ 273).

II.

Чешская брошюра І. В. Калаша о связи гуситскаго движенія съ Кирилло-Меѳодіевскимъ преданіемъ у чеховъ.—Съѣздъ славянскихъ учителей въ Прагѣ.—Мелкія замѣтки.

Отъ души привѣтствуемъ только что появившуюся чешскую брошюру І. В. Калаша, подъ заглавіемъ: «Iaká jest dějinná půda hnutí husitského? «Какая историче-

ская почва гуситскаго движенія?» Praha. Брошюра въ 3 печатныхъ листа и стоитъ 40 крейцеровъ. Г. Калашемъ была произнесена лучшая чешская рѣчь по поводу Кирилло-Меѳодіевскаго юбилея въ 1885 г.

24 іюня (6 іюля) въ день сожженія Гуса г. Калашъ-католикъ сказалъ прекрасную рѣчь въ обществѣ: «Евангелическая бесѣда» въ Прагѣ. Евангеликовъ чеховъ, по статистикѣ 1880 г., около 180,000. Это потомки чешскихъ и моравскихъ братьевъ. Предметомъ рѣчи была связь гуситскаго движенія съ Кирилло-Меѳодіевскимъ преданіемъ у чеховъ. Она возбудила большой интересъ, и въ младочешскихъ газетахъ было высказано желаніе, чтобы І. В. Калашъ издалъ ее печатно, чему онъ и удовлетворилъ.

Въ этой брошюрѣ авторъ доказываетъ, что двѣ самыя славныя эпохи самостоятельности чешскаго народа велико-моравская и гуситская—находятся въ неразрывной связи между собой; что гуситство было *воскресеніемъ славянской церкви*, насажденной у чеховъ свв. братьями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Оно явилось какъ естественная реакція стремленію Карла IV-го, чешскаго короля XIV-го стол., искоренить всѣ остатки славянскаго обряда у чеховъ.

Авторъ идетъ по слѣдамъ славянскаго обряда у чеховъ, начиная съ дѣятельности свв. братьевъ вплоть до гуситскаго движенія. Исторія проповѣди Кирилла и Меѳодія излагается по изслѣдованіямъ православныхъ ученыхъ. Обширность Кирилло-Меѳодіевской церкви у чеховъ свидѣтельствуютъ до сего времени старыя церкви, посвященныя св. Клименту, и слѣдующія названія болѣе 60 мѣстечекъ и волостей: Церековъ, Церекевъ, Цереквице, Цирквице, Поповецъ, Попова, Поповице, Попковице, Поповички и пр., названія отъ словъ православной церкви: церковь и попъ. Мистръ Янъ-Гусъ еще различаетъ въ своихъ сочиненіяхъ церковь—сельскій деревянный храмъ—отъ костела городскаго храма.

О славянскомъ богослуженіи у чеховъ въ первые вѣка послѣ свв. Кирилла и Меѳодія краснорѣчиво говоритъ Сазавскій монастырь, гдѣ служили «словенскимъ глаголомъ», гдѣ процвѣтала славянская письменность. Духовенство чешское было женато до конца 12 стол.; заведеніе безбрачія стоило большихъ хлопотъ Риму. Самая борьба папъ съ еретичествомъ у чеховъ, борьба долгая и упорная, показываетъ существованіе славянскаго обряда, потому что подъ еретичествомъ обыкновенно нужно понимать *славянскій*, или *варварскій* языкъ, о чемъ въ нѣкоторыхъ буллахъ ясно говорится.

Словомъ, въ первые два вѣка послѣ свв. братьевъ у чеховъ имѣла преимущество славянская церковь, или, по терминологіи французскаго историка Lenfant'а въ его «Histoire du concil de Constance», это былъ «греческій періодъ» исторіи чешской церкви. Затѣмъ наступилъ нѣкоторый родъ уніи съ Римомъ, или «греческо-латинскій» періодъ.

Но папы, конечно, стремились искоренить всѣ остатки славянскаго обряда у чеховъ. И вотъ въ XIV стол. они достигли того, что Карлъ IV-й, чешскій король, объявилъ римско-католическую вѣру государственной религіей въ Чехіи съ постановленіемъ сожигать тѣхъ, которые-бы не признавали ея. Но замѣчательно, самъ же Карлъ IV долженъ былъ просить папу о назначеніи схизматикамъ извѣстныхъ мѣстъ богослуженія. Булла папы Климента VI къ архіепископу пражскому Арносту отъ 1346 г. гласитъ объ этомъ такъ: «Любезный сынъ нашъ Карлъ извѣстилъ насъ о томъ, что въ краяхъ чешскаго королевства и въ сосѣднихъ земляхъ, которыя принадлежатъ къ тому же языку и племени, существуетъ *много схизматиковъ* и невѣрующихъ, которые не хотятъ понимать Слово Божіе и не могутъ быть съ успѣхомъ обращаемы въ христіанскую (нужно читать: католическую) вѣру, когда она предлагается, провѣдуется или объясняется *на латинскомъ языкѣ*: въ силу этого нами признаны весьма нужными и полезными для славы Божіей и для распространенія христіанства въ указанныхъ краяхъ монахи и братья славянскаго ордена св. Бенедикта, которые проповѣдуютъ на народномъ языкѣ». Но все-таки папа назначаетъ одно только мѣсто, извѣстный Эммаусскій монастырь въ Прагѣ, въ которомъ бы монахи означеннаго ордена «могли объяснять Слово Божіе, проповѣдывать и совершать *богослуженіе по своему обряду*». Не ясно-ли видно изъ

этой буллы, что и въ XIV стол. упорно держался у чеховъ *славянскій* обрядъ, такъ что Карлъ IV, ярый сторонникъ латинства, и самъ папа должны были сдѣлать ему уступку?

Подобно Карлу IV, пишетъ къ папѣ Янъ изъ Мильхейма о необходимости устройства въ Прагѣ Виѳлеемской часовни, гдѣ-бы можно было проповѣдывать на *славянскомъ языкѣ*. Людъ сходился въ домахъ и въ тайныхъ мѣстахъ, чтобы послушать Слово Божіе на родномъ языкѣ.

Съ ограниченіемъ славянскаго обряда однимъ монастыремъ, въ другихъ мѣстахъ Чехіи ревностно изгонялось все славянское и на мѣсто его насаждалось латинское, чему естественно явилась реакція въ гуситствѣ. Уже Миличъ, придворный священникъ Карла IV, въ лицѣ антихриста, изобразилъ этого короля, какъ яраго западника, можно полагать, даже и не знавшаго по-чешски, посредствомъ основаннаго имъ университета и профессоровъ-иностранцевъ затиравшаго все славянское у чеховъ. Философъ Ѳома Штитный, въ противоположность мистрамъ-латинникамъ, пишетъ свои сочиненія по-чешски и говоритъ, что предъ Богомъ чехъ равенъ латиннику. Точно такими же народниками были и другіе чешскіе мистры того времени.

Причащеніе подъ двумя видами не было чѣмъ-либо новымъ у чеховъ. Оно, какъ остатокъ и особенность православной церкви, должно было сохраняться въ нѣкоторыхъ захолустьяхъ. Если-бы это было новшество, то едва-ли бы оно могло такъ скоро и широко распространиться въ народѣ; едва-ли бы чаша могла стать даже символомъ «божіихъ боевниковъ». Историкъ Теобальдъ въ сочиненіи «Der Hussitenkrieg» говоритъ, что славянскій монастырь, основанный въ Прагѣ при Карлѣ IV, имѣлъ надпись: «Храмъ славянскаго монастыря католиковъ подобоевъ» (Haec ecclesia monasterii slovanensi catholicorum sub utraque»).

Янъ Гусъ, другъ его Іеронимъ Пражскій высказывали свое сочувствіе православной церкви. Іеронимъ возбуждалъ противолатинское движеніе въ Краковѣ, принималъ участіе въ православныхъ процессіяхъ въ Витебскѣ и Псковѣ и говорилъ народу, что православная вѣра есть правая вѣра.

Связь между гуситскимъ движеніемъ и кирилло меѳодіевскимъ движеніемъ высказалъ уже чешскій историкъ XVII столѣтія Павелъ Странскій; изъ новыхъ предполагалъ ее Палацкій, хотя, какъ нужно догадываться, не могъ высказать ее по цензурнымъ обстоятельствамъ своего времени.

Разобранная брошюра очень полезна для чешскаго народа, и для чешской интеллигенціи. Первому она показываетъ на духовную связь христіанства у чеховъ съ православно-восточной церковію, сближаетъ католическо-чешскій міръ съ православно-славянскимъ. А въ индифферентной чешской интеллигенціи она возбуждаетъ интересъ къ народно-славянской церкви и поучаетъ ее о томъ, что самая славная эпоха чешской исторіи—гуситская,—выросла на религіозной почвѣ и, косвенно, что полное вовлеченіе чешской церковной исторіи въ сферу нѣмецко-римскихъ интересовъ было смертью для чешскаго народа. Narodní Listy (Прилож. къ 186 №) справедливо замѣтили, что «если докажется историческая связь кирилло-меѳодіевскаго преданія съ гуситствомъ—въ духовной связи нѣтъ сомнѣнія, — то чехи найдутъ твердую почву своего историческаго и культурнаго развитія».

Въ этой же брошюрѣ тѣ изъ чешскихъ ученыхъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ, которые хотятъ оправдать папство въ его отношеніи къ славянскому богослуженію, могутъ читать рядъ папскихъ буллъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что папы смотрѣли на славянскій языкъ, какъ на варварскій, еретическій.

Ультра-католическій органъ «Čech» (№ 152), вмѣсто того, чтобы фактам-опровергнуть выводы г. Калаша, напечаталъ безсмысленную брань по адресу русско-восточной культуры. «Насколько лучше было-бы для насъ, чеховъ, при свѣтѣ восточной культуры?» спрашиваетъ газета и отвѣчаетъ: «Тогда наша молодежь въ воскресные и праздничные дни могла-бы выдти въ ближайшій лѣсъ у Праги, напр., за Крчь, и тамъ видѣть медвѣдей и волковъ. Могли-бы мы выдѣлывать юхту, каждый день ѣсть астраханскую икру и запивать водкой. А чтобы при этомъ мы слишкомъ не забуянили, чиновники били бы насъ кнутами и посылали бы протрез-

виться въ Уральскіе рудники, а пожалуй и въ Сибирь». Мы приводимъ это просто какъ образчикъ нахальной глупой брани, недостойной не только церковнаго, но и свѣтскаго органа.

29 и 30-го іюля Славянская Прага принимала у себя до 2000 славянскихъ учителей и учительницъ. Большинство изъ нихъ принадлежало къ чешской націи, изъ Моравіи было до 400 человѣкъ. Хорватовъ явилось около 20, одинъ представитель словинскихъ учителей и 1 польскихъ въ Галиціи.

Засѣданія съѣзда происходили на Софійскомъ островѣ, въ прекрасномъ, только что отдѣланномъ зданіи для разныхъ собраній чешскаго общества. На нихъ являлись и нѣкоторые депутаты чешскаго народа въ рейхсратѣ и въ ландтагѣ, напр.: д-ръ Эд. Грегръ, графъ Вячеславъ Кауницъ и др.

Кромѣ разныхъ частныхъ вопросовъ, обсуждались и общіе вопросы о томъ, кто долженъ завѣдывать народной школой въ Австріи. Съѣздъ рѣшительно высказался за теперешнюю народную школу, находящуюся въ вѣдѣніи земства. Государственная народная школа, какою она была до 1848 г., грозитъ славянскимъ народамъ Австріи онѣмеченіемъ. «Государственная народная школа», сказалъ Грегръ—«мыслима во Франціи и въ другихъ государствахъ, гдѣ населеніе одной національности и *гдѣ интересы государства тождественны съ интересами населенія*; но не въ Австріи, гдѣ борьба за преобладаніе составляетъ злобу дня. Куда ведетъ отдача школы въ руки государства, достаточно показало время до 48 года, когда народная школа служила германизаціи чешскаго юношества».

Съѣздъ сталъ и противъ церковной народной школы. Но въ №№ 4—5 вашего органа за этотъ годъ я уже имѣлъ честь писать о причинахъ этого.

Послѣ засѣданій съѣзда происходилъ банкетъ, въ которомъ приняло участіе до 400 человѣкъ. Произносились тосты за славянскую взаимность учителей. На тостъ польскаго представителя учителей отвѣтилъ г. Соколъ, учитель городскаго училища въ Прагѣ, тѣмъ, что «славянинъ всюду имѣетъ братьевъ и что для чеховъ равно дороги южные славяне, какъ и славяне на Вислѣ и Волгѣ».

Съ учительскимъ съѣздомъ была соединена выставка учебныхъ предметовъ для народныхъ и городскихъ школъ.

Этотъ съѣздъ для славянъ Австріи былъ тѣмъ же, чѣмъ для нѣмцевъ съѣзды Schulverein-овъ, Turnverein-овъ и др. обществъ. Разница только та, что на нѣмецкихъ съѣздахъ участвуютъ нѣмцы,— подданные двухъ государствъ: Германіи и Австріи и ведутъ себя такъ, какъ будто-бы они были члены одного государства.

Какъ сильно развита вражда между нѣмцами и чехами, видно изъ того, что въ Карлсбадѣ (Карловарахъ по-чешски) другой разъ замазываютъ дёгтемъ желѣзную доску, прикрѣпленную къ скалѣ въ окрестностяхъ Карлсбада, на которой великимъ славистомъ Юнгманомъ—были написаны невинные стихи въ воспоминаніе о Карлсбадѣ. Пьющіе воды въ Карлсбадѣ имѣютъ обыкновеніе прикрѣплять къ деревьямъ или скаламъ около Карлсбада доски со стихами или прозой. Доску Юнгмана замазали, конечно, мѣстные нѣмцы, именно какъ доску съ ненавистными для нихъ чешскими стихами. Чехи и иностранцы возмущены такой дерзостію и вызываютъ думу города реставрировать надпись на счетъ городскихъ средствъ.

Предъ началомъ нынѣшняго учебнаго года въ чешскихъ газетахъ былъ объявленъ конкурсъ на занятіе учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ Босніи и Герцеговины. Жалованье 500, 600 и 800 гульд. въ годъ, смотря по классу школы, при готовой квартирѣ съ садомъ и при готовомъ освѣщеніи. Желающіе занять эти мѣста должны знать сербскій языкъ и кирильское и латинское письмо. Точно также объявленъ конкурсъ на занятіе учительскихъ мѣстъ въ торговыхъ школахъ по городамъ Босніи и Герцеговины. Первоначальное жалованье 1200 гульд. Словомъ, Австрія хозяйничаетъ тамъ, какъ у себя дома.

П.

Карлсбадъ.

III.

Отношеніе католическихъ священниковъ въ Моравіи къ національнымъ стремленіямъ чешскаго народа, сильное вліяніе ихъ на политическія дѣла въ Моравіи, и отсюда недостатокъ сближенія ея съ свободомысленной Чехіей.

Священники въ Моравіи большею частію чешскіе патріоты. Но патріотизмъ ихъ имѣетъ особенный характеръ: многіе изъ нихъ считаютъ излишнимъ и даже прямо губительнымъ все то, что не относится къ католичеству. Въ Моравіи мало такихъ людей, которые-бы могли допустить свободу мысли: у нихъ считается укоризной, когда, напримѣръ, говорятъ о журналѣ, что онъ только народный, но не католическій вмѣстѣ съ тѣмъ. Конечно, печать могла-бы кое-что исправить и искоренить предразсудки въ народѣ, еще очень сильно распространенные, но она обыкновенно не имѣетъ настолько независимости, чтобы выступить въ свободномъ духѣ и вести народъ къ познанію своего политическаго положенія и историческаго права безотносительно къ религіозному вѣроисповѣданію. Существуютъ люди, которые твердятъ, что вѣра сама по себѣ даетъ все, что нужно для народа; такія воззрѣнія совершенно забиваютъ національное и политическое убѣжденіе народа. Это ведетъ къ тому, что тамъ, гдѣ извѣстныя лица, когда приходятъ къ какому-либо свободному взгляду, нерѣдко впадаютъ въ другую крайность и отвергаютъ все, что такъ или иначе связано съ религіей. Такія крайности сталкиваются между собой. Онѣ бываютъ причиной раздоровъ во многихъ обществахъ и волостяхъ и ведутъ иногда къ отпаденію отъ народа.

Весьма интересно свидѣтельство одного горячаго патріота, который уже въ 1848 г. пользовался почтеніемъ и уваженіемъ въ патріотическихъ кругахъ. Въ одной газетѣ онъ такъ изобразилъ положеніе въ Моравіи: «Когда въ 1848 г. пробивалось къ жизни иное направленіе—свободомысленное—и проявлялось между прочимъ, въ органѣ: «Koleda», то нѣкоторымъ, не могшимъ отказаться отъ старыхъ преданій, показалось, что это направленіе губительно, и они направили свою дѣятельность по другому пути—средневѣковому и нанесли этимъ сами себѣ рану, отъ которой не могутъ исцѣлиться и по-днесь. Это направленіе прервало всякую связь съ прогрессивной Чехіей. Я сомнѣваюсь въ томъ, чтобы «Дѣдицтво» (Наслѣдіе) «свв. Кирилла и Меѳодія *)», издавшее фоліанты о святыхъ, помогло образованію народа, скорѣе задержало его. Нынѣшняя сухопарность говоритъ за послѣднее. Итакъ Чехія и Моравія скорѣе стоятъ другъ противъ друга, вмѣсто того, чтобы избрать для себя цѣлію взаимную помощь сближенія и распространеніе реальныхъ знаній, облагороживающихъ и возвышающихъ душу. Это—причина всѣхъ споровъ къ радости непріятелей и къ сожалѣнію нашему (чеховъ). Мнѣ кажется, что ничто такъ не годится къ улаженію спора между быстро прогрессирующей Чехіей и медленно подвигающейся Моравіей, къ доставленію для нашего народа высшаго, болѣе существеннаго образованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе виднаго мѣста между народами, ничто такъ не ведетъ къ этой цѣли, какъ изученіе пансофическихъ стремленій Коменскаго и гуманизма Гердера.

Такъ пишетъ моравянъ, человѣкъ уже почтенныхъ лѣтъ, слѣдовательно его слова не есть плодъ юношескаго огня. Такъ же будетъ судить каждый, кто искренно идетъ съ чешскимъ народомъ; въ Моравіи только тогда настанетъ болѣе живой прогрессъ, когда привьется тамъ болѣе свободное движеніе; когда не будутъ смотрѣть на каждое предпріятіе литературное или какое другое—исключительно съ церковно-католической точки зрѣнія. Религіозная односторонность губительно дѣйствуетъ на отношенія Чехіи къ Моравіи.

Въ Моравіи вѣра является рѣшающей при волостныхъ и сеймовыхъ выборахъ. Упомяну объ одномъ типичномъ случаѣ. Для Иглавскихъ (Iglau) волостей былъ однажды предложенъ и принятъ избирательнымъ Брненскимъ (Brünn) комитетомъ кандидатъ протестантъ наряду съ католическимъ кандидатомъ. Предложеніе было опубликовано. Какъ только узнали объ этомъ мѣстные католическіе священники, тотчасъ выставили своего кандидата, священника, который не зналъ положенія уѣзда (okresu) и совершенно не

*) Католическое общество въ Моравіи.

владѣлъ качествами депутата. Брненскіе избиратели также не нашли ничего болѣе разумнаго, какъ агитировать противъ своего кандидата, публично уже предложеннаго потому только, что онъ былъ протестантъ. Только благодаря одному почтенному патріоту изъ Иглавы (Iglau), публично предложенный кандидатъ отказался въ пользу новаго третьяго кандидата, чѣмъ было остановлено дальнѣйшее общественное раздраженіе.

Религіозная же нетерпимость была причиной того, что при министерствѣ Гогенварта, просуществовавшемъ одинъ только 1871, годъ вышло безтактное постановленіе относительно учителей. Нынѣшній школьный законъ очень неблагопріятенъ для каждой народности, представители которой *не имѣютъ вліянія на политику* въ Австріи. Нынѣшній же законъ отнялъ давнее вліяніе церкви на школу. Но, конечно, не было разумно мстить за неблагопріятный законъ тѣмъ, которые зависѣли отъ него. Нѣкоторые учителя, которые относились къ своимъ мѣстнымъ священникамъ съ великимъ почтеніемъ и даже съ униженіемъ, по выходѣ новаго закона, всюду проявляли свою неразвитость и дозволяли себѣ многое, что не было пріятно священникамъ. Когда въ сеймѣ шла рѣчь объ ассигновкѣ жалованья учителямъ по новому школьному закону, потребныхъ на это 90,000 гульденовъ не было ассигновано. Но вотъ министерство Гогенварта пало, и правовѣрные конституціи опять получили большинство въ рейхсратѣ. Для нихъ учительскій вопросъ былъ желаннымъ предметомъ разсужденія. На учителей было ассигновано не 90,000 гульд., но 480,000. Но изъ учителей уже мало осталось людей съ твердымъ характеромъ, которые и далѣе остались бы вѣрны своему народу; большею частію они перешли въ противный лагерь и принадлежатъ къ самымъ рьянымъ непріятелямъ чешскихъ стремленій. Оставшіеся же вѣрными своимъ убѣжденіямъ были преслѣдуемы и терпѣли всевозможныя затрудненія и препятствія.

Религіозная односторонность проявила свои вредные результаты въ послѣднее время при возникновеніи политическихъ обществъ. Такъ, въ католическо-политическомъ обществѣ въ Брнѣ (Brünn) политическими предметами разсужденія обыкновенно служатъ: перечень депутацій, отправленныхъ къ св. отцу; чтеніе адресовъ, поданныхъ ему, или изображеніе тѣхъ притѣсненій, которыя приходится испытывать католической церкви. О нуждахъ чешскаго народа почти никогда не разсуждаютъ, а если о нихъ иногда и упоминается, то только изъ религіозно-церковныхъ соображеній. Темы для чтенія въ обществѣ избираются подобнаго же содержанія. Когда было основано общество, исключительно политическое, въ которомъ не было мѣста религіознымъ спорамъ, оно было принято непріязненно многими партіями главнымъ образомъ за то, что выпустило религіозныя разсужденія изъ своей программы. Это общество было провозглашено безрелигіознымъ, врагомъ католическо-политическихъ обществъ, источникомъ народныхъ раздоровъ и непріятелемъ національныхъ стремленій.

Изъ Бѣлграда.

(Корреспонденція).

Давно не писалъ я вамъ, не потому, чтобы не было о чемъ писать, а потому, что самъ ожидалъ, чтобы видно было, какъ пойдутъ дѣла.

Въ свое время я извѣстилъ васъ о томъ, какъ состоялись 26 апрѣля выборы въ народную скупщину, сообщилъ о ходѣ этихъ выборовъ, описалъ вкратцѣ всѣ насилія и беззаконія, которыя правительство употребило, чтобы добиться большинства на скупщинѣ. И не смотря на все это правительство осталось въ меньшинствѣ, а оппозиція получила большинство. Поэтому и правительство и Миланъ ожидали скупщины съ великимъ страхомъ. Гарашанинъ и король Миланъ успѣли силой разогнать оппозицію и такимъ образомъ создать себѣ большинство, которое разрѣшитъ правительство отъ отвѣтственности за Сливницу.

Въ Нишѣ по поводу собранія скупщины случились событія, которыя трудно себѣ представить въ образованномъ обществѣ. Въ Нишъ были созваны войска и большое число конныхъ жандармовъ. Нишъ былъ въ полномъ осадномъ положеніи. Когда депутаты собрались и Гарашанинъ уви-

дѣлъ, что останется въ меньшинствѣ, то путемъ грубаго насилія онъ учинилъ давленіе на скупщину. Жандармы хватали и вытаскивали ночью депутатовъ изъ ихъ квартиръ и подъ стражей увозили изъ Ниша. Въ самый день открытія скупщины, когда депутаты собрались около зданія скупщины, ожидая назначеннаго для открытія зданія скупщины часа, Гарашанинъ послалъ роту жандармовъ, которые схватили нѣсколько депутатовъ и отдали ихъ въ распоряженіе полицейской власти, а та ихъ тотчасъ же выгнала изъ Ниша.

Кромѣ насилія употреблены были обманъ и лукавство. Король призывалъ къ себѣ, по одному оппозиціонныхъ депутатовъ, грозилъ или обѣщалъ и лгалъ. Радикаламъ было обѣщано, что, если они не оставятъ скупщины, то, какъ только послѣдняя составится и разрѣшитъ Гарашанина отъ отвѣтственности, король призоветъ радикаловъ къ власти. Пера Тодоровичъ, котораго король купилъ, постоянно сѣялъ раздоръ между радикалами, отвращая ихъ отъ соглашенія съ либералами. На либераловъ король всего больше нападалъ, ибо ихъ всего больше боялся. Это люди, которыхъ нельзя ни устрашить, ни обмануть. И за то старались ихъ удалить изъ скупщины. Іову Крсмановичу, крупному бѣлградскому торговцу, депутату отъ Бѣлграда, король сказалъ, что онъ *сумасшедшій*, что онъ сторонникъ Ристича, но что онъ, король, не хочетъ Ристича. Или должно быть такъ, какъ я хочу, или на васъ не будетъ головы, такъ говорилъ Миланъ Крсмановичу. Но и Крсмановичъ не остался у него въ долгу. Милутину Сретеновичу, депутату отъ города Милановца, либералу, Миланъ сказалъ, что онъ долженъ перейти къ «напреднякамъ» или отправляться домой, иначе онъ, король, велитъ его убить. Сретеновичъ—человѣкъ нѣсколько боязливый, и страхъ на бѣднягу такъ подѣйствовалъ, что онъ сошелъ съ ума. И въ самомъ дѣлѣ трудное положеніе: народъ грозитъ, чтобы онъ не смѣлъ возвращаться домой, если будетъ помогать, «напреднякамъ», а король тоже грозитъ убійствомъ, если не будетъ помогать правительству и Гарашанину. Симѣ Несторовичу, либералу, депутату отъ пожаревачскаго округа также Миланъ сказалъ, что голова его не останется на плечахъ.

Когда такимъ образомъ оппозиція была сломлена, приступили къ выбору членовъ провѣрочной коммисіи, въ составъ коей вошли одни только «напредняки». Либеральные депутаты хотѣли тотчасъ же оставить скупщину, но этого не захотѣли радикалы, поддавшіеся на обѣщанія правительства. И провѣрочная коммисія признала недѣйствительными выборы всѣхъ главныхъ либераловъ: Крсмановича, Туцаковича, Солдатовича, Несторовича, Анте Нешича, Дьоки Рашича, попа Луковича, Радойка Лазича и другихъ. Провѣрочная коммисія уничтожила 26 выборовъ либеральныхъ. Надо знать, что и тѣ депутаты, которые подъ стражей выпровожены изъ Ниша, всѣ исключительно либералы. Изъ этого видно, что король хотѣлъ устранить либераловъ изъ скупщины, ибо они для него всего опаснѣе, какъ люди доблестные и передовые, которые не дадутъ себя ни обмануть, ни застращать. Ихъ, напр., нельзя запугать ни Пашичевыми письмами, ни чѣмъ другимъ.

Итакъ, королю удалось создать въ скупщинѣ достаточное большинство, которое освободитъ Гарашанина отъ отвѣтственности за Сливницу. Этимъ скупщина свершила свою славную задачу. Случилось то, на что ни король ни Гарашанинъ не надѣялись. Теперь и король и Гарашанинъ хватаются за животы отъ смѣха при мысли о томъ, какъ ловко они одурачили оппозицію. Пера Тодоровичъ получилъ 24.000 франковъ за свое посредничество, а радикалы, послушавшіеся его, остались съ носомъ. Если-бы они сначала послушались либераловъ, и оппозиція немедленно бы вышла изъ скупщины, то теперь дѣла обстояли бы совсѣмъ иначе, но при теперешнемъ порядкѣ вещей все будетъ идти такъ же, какъ было и доселѣ.

Но не все еще сдѣлано съ покореніемъ скупщины, народъ по прежнему остается также расположенъ къ королю и Гарашанину, какъ и ранѣе. Это расположеніе народа видно и изъ того, что отдѣльные «напредняки» платятся головой.

У насъ воцарилась общая небезопасность въ странѣ. Полиція и «напрядняцкіе» сторонники творятъ такія безобразія въ странѣ, что человѣкъ не увѣренъ ни въ жизни,

ни въ имуществѣ. Всюду по Сербіи разносятся вопли и стоны. Бѣдность такъ велика, что народу нечѣмъ кормиться. Такого положенія и при туркахъ не было. Чтобы «напредняки» еще сильнѣе угнетали народъ, Гарашанинъ намѣревается устроить по всей землѣ должности военныхъ комиссаровъ, такъ чтобы вся власть перешла въ руки войска и наступила-бы военная диктатура.

Пронесшіеся слухи, что будто-бы Ристичъ будетъ изгнанъ изъ Сербіи, «можетъ быть не болѣе какъ только «напредняцкое» желаніе; кто смѣетъ, кто можетъ изгнать сербскаго сына изъ Сербіи безъ всякой съ его стороны вины. Но пусть попытаются и это сдѣлать, тогда видны будутъ послѣдствія этого. Изгнаніе Ристича повело-бы за собою весьма серьезныя послѣдствія.

Надо вамъ кстати припомнить, что за Гарашанина стоятъ только тѣ, кто за одно съ нимъ крадутъ, какъ напр. Крагуевачская компанія, которая чрезъ Михаила Барловца, изъ Бѣлграда, дѣлитъ съ Гарашаниномъ все то, что заграбитъ на уступаемыхъ ей монополіяхъ.

Какъ у насъ «напреднядкіе» министры воруютъ, видно и изъ того, что Вукашинъ Петровичъ, бывшій министромъ финансовъ во время войны, укралъ на 2.000,000 франковъ.

Какъ обстоятъ дѣла при королевскомъ дворѣ, видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Уже болѣе полгода, какъ король не говоритъ съ королевой Наталіей, не обѣдаетъ съ ней и не выѣзжаетъ никуда вмѣстѣ съ ней. Деморализація совсѣмъ овладѣла королемъ.

Каково положеніе короля, это легко понять. Онъ боится даже своей тѣни. Онъ боится не только черногорскаго князя Николая, или Петра Карагеоргіевича, но и другихъ, совсѣмъ для него не опасныхъ. У князя Михаила былъ одинъ незаконный, внѣбрачный сынъ Велимірь, который, послѣ его смерти, получилъ въ наслѣдство имѣніе въ Румыніи. Бережливостью и мудрою экономіею онъ достигъ того, что имѣніе стало приносить ему чистый годовой доходъ. Онъ живетъ въ Мюнхенѣ, а имѣніемъ его управлялъ нѣкто Живко Родивоевичъ изъ Бѣлграда, депутатъ и товарищъ Велимира по школѣ. Черезъ этого то Живка старались изъ Бѣлграда разорить Велимира, чтобы онъ былъ вполнѣ безопасенъ. Онъ бѣдняга безъ того безопасенъ, ибо очень скроменъ, да и сербы никогда не возьмутъ себѣ въ государи незаконнаго сына князя Михаила. Живко обременилъ имѣніе Велимира долгомъ въ 300,000 фр. и такъ его запуталъ, что Велимиру грозитъ разореніе. Теперь ведется тяжба между Живкомъ и Велимиромъ. Но Живко бѣжалъ въ Бѣлградъ и тотчасъ же получилъ мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Какое участіе принимаетъ король Миланъ въ Живкѣ, видно и изъ того, что весною, когда съ Ристичемъ велись переговоры о составленіи кабинета, ставилось между прочимъ условіемъ, чтобы Живку взять на государственную службу. Живко въ то время пріѣхалъ въ Бѣлградъ.

Ж.

Бѣлградъ.

(Корреспонденція).

Мнѣ слѣдовало бы написать вамъ о нашей скупщинѣ и о ея дѣятельности, для какой теперь настала очередь, но какая же эта скупщица? Скупщиной, представительницей народа можетъ быть только такое собраніе народныхъ выборныхъ которые являются настоящими выразителями народной воли, которыхъ самъ народъ избралъ свободно и послалъ въ опредѣленное мѣсто, чтобы они разсуждали о государственныхъ и народныхъ дѣлахъ. Но такой скупщины не можетъ быть подъ владычествомъ «напредняковъ». Кромѣ насилій при выборахъ, которыя напредняцкое правительство употребляло при Гарашанинѣ, Пирочанцѣ, Н. Христичѣ, Новаковичѣ и другихъ, правительство разгоняетъ грубой силой народныхъ представителей и беретъ тѣхъ, кто ему по вкусу. Поэтому напрасны совершенно всѣ заботы о выборахъ, поэтому напрасно тысячи достойнѣйшихъ сербскихъ гражданъ платятся своей свободой, а многіе—и жизнью, за то, что хотятъ воспол-

зоваться своимъ правомъ; отъ этого нѣтъ никакой пользы, ибо «напреднiяцкое» правительство при помощи грубой силы дѣлаетъ свое дѣло. Въ 1882 году, по поводу банкротства «Union Générale», скупщинская оппозиція вышла изъ скупщины. Назначены были дополнительные выборы, и народъ снова послалъ въ скупщину всѣхъ тѣхъ депутатовъ, которые изъ нея вышли. Но «напредняцкое» правительство, вмѣсто того чтобы выйти въ отставку, нарушило конституцію и ввело въ скупщину такъ называемыхъ «двугласцевъ», т. е., тѣхъ, которые послѣ избранныхъ имѣли хотя бы по два голоса на своей сторонѣ. Въ 1883 году, оппозиція на выборахъ получила большинство. Но король Миланъ, по совѣту своихъ друзей изъ Вѣны, ввѣрилъ управленію страной Н. Христичу, который распустилъ скупщину, вызвалъ тимочское возстаніе и при помощи осаднаго положенія и военныхъ судовъ производилъ выборы. Послѣ Николая Христича правленіе снова перешло въ руки Гарашанина, и онъ послѣ Сливницы назначилъ новые выборы, которые 26 апрѣля сего года и были произведены. Не смотря на осадное положеніе и неслыханныя насилія со стороны правительства, народъ опять побѣдилъ, и оппозиція получила на выборахъ большинство въ свою пользу. Но, когда скупщина собралась въ Нишѣ, Гарашанинъ, при помощи жандармовъ и войскъ, разогналъ оппозиціонныхъ депутатовъ и такимъ образомъ устроилъ себѣ большинство. Самъ король Миланъ грозилъ Кросмановичу, Симѣ Несторовичу и другимъ, если они останутся въ скупщинѣ. Полученное такимъ образомъ Гарашанинымъ большинство сняло съ него отвѣтственность за Сливницу. А созданное грубой силой большинство признало незаконнымъ большинство выборовъ оппозиціонныхъ депутатовъ.

Назначены были потомъ дополнительные выборы, но народъ уже не хотѣлъ въ нихъ принимать участія. Онъ держался пассивно, кромѣ одного Грочанскаго округа, гдѣ участвовалъ въ выборахъ въ полномъ составѣ и побѣдилъ, избравъ депутатомъ представителя оппозиціи, Анту Нешича, первые выборы котораго были признаны незаконными. И это потому, что Грочанскій округъ — родина Гарашанина, и народъ хотѣлъ этимъ показать, что даже родной округъ Гарашанина и тотъ противъ него.

А теперь, скажите, развѣ теперешняя скупщина настоящая выразительница взглядовъ народа? Нѣтъ, вы этого не захотите и не можете сказать. И въ самомъ дѣлѣ теперешняя скупщина настоящая креатура Гарашанина, и отъ нея мы не можемъ ожидать ничего хорошаго. Она будетъ дѣлать то, что угодно Милану и Гарашанину, а послѣдніе только зла и хотятъ, и потому отъ теперешней скупщины мы можемъ ожидать только дурнаго.

Законная и конституціонная борьба въ Сербіи болѣе невозможна.

Изъ бѣлградскихъ правительственныхъ кружковъ пущенъ по иностраннымъ газетамъ слухъ, что будто бы Миланъ въ Вѣнѣ и въ Пештѣ снова имѣлъ случай убѣдиться въ дружбѣ Австро-Венгріи, и потому теперь еще настойчивѣе будетъ проводить политику, какой доселѣ держался, а въ случаѣ какихъ либо замѣшательствъ на Балканскомъ полуостровѣ онъ будетъ держаться западныхъ державъ, значитъ противъ Россіи. Но Миланъ составляетъ разсчеты, какъ гласитъ пословица, безъ царя въ головѣ. Онъ, бѣдный, не знаетъ, что подобныя замѣшательства на Балканскомъ полуостровѣ покажутъ ему дорогу изъ Сербіи, чтобы никогда туда не возвращаться.

Развѣ не онъ самъ говорилъ графу Брею, германскому посланнику въ Бѣлградѣ, что ему невозможно будетъ удержаться въ Сербіи, если Россія займетъ войсками Болгарію.

Теперь собрался лже-архіерейскій соборъ, и въ своихъ тайныхъ засѣданіяхъ онъ будетъ рѣшать вопросъ объ уніи. Сюда пріѣдетъ по всей вѣроятности Задарскій архимандритъ Никодимъ Милашъ это устроено было недавно въ Карловцахъ, когда Мраша, протоіерей Алексѣй Иличъ и Миланъ Миличевичъ посѣщали Германа Анджелича въ Карловцахъ, гдѣ также совѣтовались насчетъ уніи. Словомъ, живо стараются уничтожить у сербовъ православную вѣру, завѣщанную имъ прадѣдами. Народъ нашъ обращаетъ взоры надежды на одну только

Россію и отъ нея одной ждетъ своего спасенія и избавленія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ. И Россія быть можетъ не оставитъ его.

Ж. . . . .

15 октября 1886 г.

Македонія.

Начало болгаризма и открытіе болгарскихъ училищъ въ Македоніи; вытѣсненіе эллинизма изъ внутренней Македоніи.

Около двадцати лѣтъ прежде и трехъ лѣтъ послѣ освобожденія Болгаріи въ Македоніи не было, можно сказать, ни одного славянскаго училища. Въ городахъ можно было встрѣтить только однѣ греческія школы. Сперва въ нихъ обучались на греческомъ языкѣ много славянскихъ дѣтей. Въ послѣднее время, вслѣдствіе національной вражды между славянами и греками, дошедшей до крайности особенно съ возстановленіемъ болгарскаго экзархата въ Константинополѣ, славяне перестали посылать своихъ дѣтей въ греческія школы. Невѣжество между славянами чѣмъ дальше, тѣмъ больше давало себя чувствовать; а открыть свои національныя училища было почти невозможно. Греки, пользуясь довѣріемъ турокъ, вооружали послѣднихъ противъ славянъ, особенно противъ открытія училищъ на славянскомъ языкѣ. Одно средство оставалось для этой цѣли, т. е. открыть училища и дѣйствовать противъ интригъ грековъ пользуясь слабой стороной турокъ, ихъ жадностью къ деньгамъ. Только съ помощью этого средства часто въ нѣкоторыхъ городахъ позволяли турки открыть училища, но и они часто скоро закрывались, а учителя посылались въ заточеніе. Это все происходило отъ того, что славянское населеніе Македоніи, обремененное разными налогами турецкимъ правительствомъ, не было въ состояніи тратить такую огромную сумму, какая требовалась для этой цѣли. Чтобы можно было имѣть постоянно свои національныя школы, необходимо было искать матеріальной помощи на сторонѣ, у своихъ уже свободныхъ братьевъ—сербовъ или болгаръ. На Сербію они очень мало разсчитывали, такъ какъ она, не принимая давно уже никакого участія въ нуждахъ македонскихъ славянъ, отчуждалась отъ нихъ. Напротивъ, славяне Македоніи, имѣя много общаго съ болгарами сѣв. Болгаріи и Ѳракіи, страдая въ политическомъ отношеніи отъ турокъ, а въ религіозномъ отъ грековъ *), въ послѣднія особенно 3 десятилѣтія поддерживали съ ними тѣсную связь. Достаточно было шага, чтобы македонскіе славяне соединились съ болгарами на вѣки. Такой случай скоро представился имъ. Съ 1860 г., дѣйствуя вмѣстѣ съ болгарами и ѳракійцами по вопросу независимости церковной ихъ іерархіи, они назвали себя болгарами и тѣмъ положили конецъ полнаго духовнаго соединенія. Вотъ почему они обратились за помощью къ Болгаріи, а не Сербіи; вотъ почему и мы будемъ называть ихъ впередъ болгарами, а не общимъ именемъ славяне, оставляя въ этомъ случаѣ безъ вниманія всѣ мнѣнія разныхъ филологовъ о происхожденіи македонскихъ славянъ.

Въ 1879 году архимандритъ Меѳодій Куссевъ изъ города Прилѣпа (Македонія), человѣкъ энергичный и достойный уваженія, обратился отъ имени болгарскаго населенія Македоніи съ просьбою къ правительству сѣв. Болгаріи (тогда было министерство Каравелова) о матеріальной помощи. По этому вопросу было тайное засѣданіе обыкновеннаго Народнаго Собранія (это было лѣтомъ въ маѣ мѣсяцѣ, когда обыкновенное Народное Собраніе бываетъ почти всегда открыто), на которомъ рѣшено было отпускать ½ милліона франковъ на болгарскія училища въ Македоніи. Къ этой суммѣ прибавилось еще 100,000 фр., пожертвованные на эту цѣль Восточной Румеліей тайнымъ образомъ, изъ за чего Алеко-паша чуть не поплатился жизнью, когда объ этомъ, послѣ низложенія его, было донесено Крестовичемъ султану. На первыхъ порахъ было выслано изъ Софіи нѣсколько учителей въ Македонію. Первое болгарское училище было открыто въ городѣ Охридѣ. Препятствія, которыя были встрѣчены при этомъ дѣлѣ, показали на невозможность посылать прямо изъ Болгаріи учителей. Поэтому рѣшено было устроить училищное попечительство

---

*) Извѣстно, какое связующее значеніе имѣютъ національныя воспоминанія и страданія: они возлагаютъ обязанности, они управляютъ всѣми массовыми движеніями.

при болгарскомъ экзархатѣ въ Константинополѣ подъ непосредственною властью экзарха. Такимъ образомъ дѣло пошло какъ нельзя лучше. Меѳодій Куссевъ поначалу былъ дѣлопроизводителемъ, т. е. завѣдывалъ всѣми дѣлами попечительства. Благодаря энергіи и ловкому умѣнію обращаться съ турками, скоро было положено начало болгарскимъ училищамъ въ городахъ Прилѣпѣ, Велесѣ, Скопіи, Щипѣ, Серѣсѣ, Солуни и м. др. мелкихъ. Экзархатъ въ этомъ отношеніи дѣйствовалъ посредствомъ денегъ прямо въ Константинополѣ— гдѣ и слѣдуетъ, добился на время разрѣшенія отъ министра народнаго просвѣщенія, но неоффиціальнаго. Какія усиленныя интриги употребляли греки противъ этого, можетъ понять каждый. Но всѣ турецкіе чиновники, отъ которыхъ зависѣло это дѣло, были подкуплены. Они, не получая по нѣсколько лѣтъ жалованья отъ правительства, перестали обращать вниманіе на греческія пустыя интриги; одни пустословія не кормили ихъ, нужно имъ было и хлѣба. Турки предпочитали тѣхъ, у которыхъ карманъ былъ толще. Греки же, владѣя, небольшими средствами, поневолѣ должны были уступить мѣсто болгарамъ.

Послѣ всего этого первая забота экзархата была вытѣснить греческій элементъ и сильное его вліяніе особенно въ нѣкоторыхъ городахъ и тѣмъ упрочить существованіе болгарскихъ училищъ. Самыя обстоятельства помогали этому дѣлу. Внутри Македоніи настоящаго греческаго элемента никогда не было; онъ поддерживался другимъ элементомъ — румынскими поселенцами, извѣстными подъ именемъ «Куцо-Влахи». Эти поселенцы, взявъ примѣръ съ болгаръ, тоже вздумали воздвигнуть свою національность и обратился къ румынскому правительству съ просьбою, чтобы послало имъ нѣсколько національныхъ учителей и учительницъ. Просьба ихъ была исполнена немедленно. Куцо-Влахи, получивъ желаемое, закрыли греческія училища, выгнали греческихъ учителей и, дѣйствуя вмѣстѣ съ болгарами противъ грековъ, тѣмъ положили конецъ эллинизму въ Македоніи. Экзархатъ же, воспользовавшись этимъ случаемъ, добился отъ турецкаго правительства оффиціальнаго признанія болгарскихъ училищъ въ Македоніи.

М.

III. Славянскія библіографическія извѣстія.

Полное собраніе сочиненій И. С. Аксакова. Т. III. Польскій вопросъ и Западно-Русское дѣло. Еврейскій вопросъ. М. 1886.

Третій томъ собранія сочиненій Аксакова относится къ двумъ тѣсно связаннымъ между собою вопросамъ: польскому и еврейскому. Вопросы эти соединяются между собою и исторически, ибо мы наслѣдовали евреевъ отъ Рѣчи Посполитой, и географически, ибо театръ польскихъ притязаній—западная Русь есть вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣсто дѣйствія евреевъ. Соединяется они и тѣмъ, что оба могутъ быть безповоротно разрѣшены въ благопріятномъ для насъ смыслѣ только съ подъемомъ нашего народнаго и общеславянскаго сознанія. Не даромъ Тютчевъ сказалъ:

А примирятся эти двѣ *)
Не въ Петербургѣ и Москвѣ,
А въ Кіевѣ и Цареградѣ.

Далеко еще намъ до того, чтобы стать на такую почву, на которой начнется общеславянская цивилизація. Медленный ростъ народнаго сознанія въ нашей интеллигенціи, частыя перепитіи, которымъ она подвергается, ярко отражаются въ статьяхъ, собранныхъ въ занимающей насъ книгѣ. Та же самая борьба съ разными *измами*, которая составляетъ содержаніе тома II по внутреннимъ вопросамъ, ведется и въ статьяхъ, вошедшихъ въ т. III по одному частному вопросу. Полемика съ «Вѣстью» съ одной стороны, съ «либераль-

*) Россія и Польша.

ными» органами—съ другой занимаетъ много мѣста и въ этомъ томѣ. Само собою разумѣется, что и публицисты, замѣняющіе внѣшнимъ бюрократическимъ взглядами, такъ-же какъ и первые два заимствованнымъ съ запада, органическій взглядъ, выражаемый славянофилами, не могли встрѣтить сочувствія въ Аксаковѣ и потому онъ не рѣдко указываетъ на то различіе, которое постоянно существуетъ между ихъ взглядами, хотя бы въ данную минуту они сходились въ одобреніи одного и того же мѣропріятія: для читателя становится яснымъ, что, соглашаясь между собою на практикѣ, въ теоріи они далеко расходятся, ибо самыя основы, по которымъ требуютъ одной и той же мѣры и тѣ публицисты и славянофилы, совершенно различны. Подъемъ русскаго народнаго чувства въ жизни нашей Руси съ одной стороны, созданіе русской народной интеллигенціи въ несчастномъ Западномъ краѣ съ другой—вотъ главныя заботы Аксакова. Къ полякамъ онъ не питаетъ злобы, какъ увѣряютъ иногда западно-славянскіе публицисты, напротивъ въ этнографическомъ предѣлѣ польскаго племени онъ любитъ его; онъ только стоитъ противъ внушеннаго этому племени его западно-европейскимъ образованіемъ политическаго властолюбія; онъ стоитъ противъ историческихъ правъ тамъ, гдѣ они идутъ въ разрѣзъ съ правами народностей на самобытное существованіе. Временныя мѣры обороны, которыя иногда могъ одобрять и Аксаковъ, относятся къ другому порядку идей, ибо вызываются чрезвычайными обстоятельствами.

Въ еврейскомъ вопросѣ Аксаковъ стоитъ не только на народной, но и на всемірно-исторической почвѣ. Если еще можно считать мысль о міровомъ значеніи славянства, какъ носителя новой фазы міроваго развитія, пока эта мысль не осуществилась, за нѣчто туманное и мечтательное и стало быть находить болѣе или менѣе справедливыми тѣхъ, которые по старому стоятъ за историческое право и существующую цивилизацію, то даже и въ существующихъ точкахъ зрѣнія можно найдти твердую опору взгляду Аксакову на еврейство. Ясно, что съ философской точки зрѣнія еврейство, какъ еврейство, есть фактъ, пережитый исторіей: христіанство упразднило еврейскую исключительность; притязаніе евреевъ господствовать надъ міромъ въ качествѣ еврейской народности не можетъ быть терпимо никакимъ народомъ. Если въ нашъ вѣкъ кредитнаго хозяйства евреи, какъ банкиры и капиталисты, захватили въ свои руки такъ много, то это не оправдывается никакой нравственной идеей и служитъ только доказательствомъ, что западная цивилизація окончательно перешла къ поклоненію золотому тельцу. Это золотой вѣкъ да въ матеріальномъ смыслѣ. Еще недавно въ нашей литературѣ встрѣтили мы краснорѣчивое оправданіе еврейства во имя того, что христіане далеко не вѣрны основаніямъ своей религіи; но этимъ неправда еврейства, мѣтко и вѣрно указанная Аксаковымъ, нисколько не оправдывается. Вспомнимъ, что когда духовные вожди Израиля, его пророки, обличали свой народъ, они не ставили ему въ примѣръ окружающихъ народовъ, но глубоко сознавая внутреннюю правду своего идеала, онъ только на него указывали, заблуждающемуся народу. Самъ глубокоуважаемый нами авторъ сознаетъ, что еврейство упразднено христіанствомъ, въ которомъ осуществились чаянія Израиля и потому намъ кажется, что только указаніями на христіанскіе идеалы можно дѣйствовать на христіанскіе народы. Аксаковъ, по нашему мнѣнію, стоитъ на болѣе крѣпкой почвѣ. Оканчивая, мы можемъ только сказать читателю: читайте и перечитывайте Аксакова: manu versate diurna, versate nocturnaque.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Литературный Сборникъ, издаваемый галицко-русскою Матицею подъ редакціею Богдана А. Дѣдицкаго. 1885 г., выпускъ IV; 1886 г., выпускъ I. Львовъ 1886.

Двѣ новыя книги «Сборника» заключаютъ въ себѣ статьи: 1) «Бывшая Радовецкая епископія на Буковинѣ», А. С. Петрушевича, 2) «Указаніе въ писанныхъ памятникахъ, а особенно въ документахъ и актахъ до археологическихъ изслѣдованій», проф. Шараневича (это—рѣчь Ша-

раневича, произнесенная на Львовскомъ Археологическомъ Съѣздѣ 1885 года и посвященная археологическимъ находкамъ въ Галиціи), 3) «Матеріалы для библіографіи и исторіи словесности галицко-русской», сообщаемые Б. А. Дѣдицкимъ (перечень сочиненій А. С. Петрушевича и біографическія свѣдѣнія объ этомъ неутомимомъ труженикѣ);—вторая: 1) «Слово о полку Игоревѣ, древне-русское эпическое стихотвореніе изъ конца XII столѣтія. Изданіе текста, исправленнаго и раздѣленнаго по стихамъ, вмѣстѣ съ поясненіями» А. С. Петрушевича (введеніе; самый текстъ имѣетъ быть напечатанъ во 2-мъ выпускѣ «Сборника»); 2) «*Близшое* извѣстіе о времени и мѣстности открытія каменнаго истукана Святовита въ рѣцѣ Збручѣ», А. С. Петрушевича (Записка лица, открывшаго истуканъ въ 1848 году); 3) «Рѣчь проф. Шараневича по случаю 300-лѣтняго юбилея Львовской Ставропигіи»; 4) «Князь Данило Романовичъ Галицкій, Костомарова (перепечатка); 5) «Матеріалы для исторіи галицко-русской словесности» (отрывокъ изъ записокъ Я. Ѳ. Головацкаго); 6) «О. Ѳома Полянскій, біографическій очеркъ», 7) «Памятники галицко-русской старины въ изображеніяхъ», проф. Шараневича (описаніе предметовъ древности, бывшихъ на археологической выставкѣ во Львовѣ въ 1885 году, съ хромолитографированными рисунками).

«Литературный Сборникъ» въ 1886 году имѣетъ выйдти не въ четырехъ выпускахъ, какъ онъ вышелъ въ 1885 г., а въ двухъ, большаго размѣра. Редакція по прежнему предлагаетъ ученымъ обществамъ, редакціямъ газетъ и журналовъ и отдѣльнымъ лицамъ высылать имъ «Сборникъ», съ тѣмъ чтобы они въ свою очередь доставляли свои изданія и произведенія въ библіотеку Народнаго Дома во Львовѣ. **А. С.**

Prace Filologiczne, wydawane przez I. Baudouina de-Courtanay, I. Karłowicza, A. A. Kryńskiego i L. Malinowskiego. Tom I. Zeszyt II i III. Warszawa 1886.

«Извѣстія въ свое время упоминали о выходѣ въ свѣтъ и содержаніи перваго выпуска польскаго филологическаго журнала (1885 г. № 11—12). Недавно вышли два слѣдующіе, соединенные вмѣстѣ выпуска Prac, которые, вмѣстѣ съ первымъ, составляютъ томъ. Въ нихъ находятся слѣдующія статьи:

1) Этюды по народноі этимологіи, Малиновскаго (продолженіе).

2) Изъ области патологіи и эмбріологіи языка, Бодуэна-де-Куртенэ.

3) Сравнительное изслѣдованіе извѣстныхъ доселѣ древнѣйшихъ текстовъ молитвы Господней, Богородице Дѣва, апостольскаго символа и десяти заповѣдей. Быстроня.

4) Пѣснь въ честь Богородицы половины XV вѣка, его же.

5) «Mleko duchowne» изданіе 1556 года, текстъ и замѣчанія о языкѣ, Карловича.

6) Грамматическій этюдъ, составленный по даннымъ граматики индо-европейскихъ языковъ, Гануша.

7) О вліяніи восточныхъ языковъ на словарь польскаго языка, его же.

8) Памятники польскаго языка въ рукописи № 2503 библіотеки Краковскаго университета, Малиновскаго.

9) Библіографическій обзоръ научныхъ трудовъ о польскомъ языкѣ, Аппеля и Крынскаго.

10) Извѣстіе о силезско-польскомъ печатномъ изданіи прошлаго вѣка, Быстроня.

Сверхъ, того, Ганушъ помѣстилъ здѣсь рядъ библіографическихъ замѣтокъ о лингвистическихъ журналахъ и новыхъ книгахъ по лингвистикѣ, а проф. Бодуэнъ-де-Куртенэ—некрологъ собирателя литовскихъ пѣсенъ и знатока литовскаго языка Юшкевича.

Изъ указанныхъ статей наиболѣе интереса представляетъ большая статья Аппеля и Крынскаго. Въ ней мы находимъ подробное перечисленіе всѣхъ книгъ и статей, имѣющихъ ту или другую цѣну при изученіи польскаго языка, на какомъ бы языкѣ онѣ ни были написаны. Обыкновенно авторы приводятъ полное названіе книги или статьи, излагаютъ ея содержаніе, указываютъ рецензіи; иногда они, сверхъ того, даютъ и критическую оцѣнку. Пробѣлы у нихъ конечно, есть, но они немногочисленны и неважны. Эта статья («Przegląd bibliograficzny prac naukowych o języku polskim) вышла также и поступила въ продажу отдѣльнымъ оттискомъ.

А. С.

Archiwum do dziejów literatury i oświaty w Polsce, wydawane przez Komisyje do badań tego zakresu przez Wydział filologiczny Akademii Umiejętności w Krakowie powołaną. Tom IV. w Krakowie. 1886.

Краковская Академія наукъ восемь лѣтъ назадъ предприняла изданіе матеріаловъ для исторіи литературы и просвѣщенія въ Польшѣ. Первый томъ этихъ матеріаловъ вышелъ въ свѣтъ въ 1878, второй въ 1882, третій въ 1884 и четвертый въ текущемъ году. Три первые тома заключаютъ въ себѣ не мало интересныхъ въ томъ или другомъ отношеніи документовъ (во второмъ томѣ, напримѣръ, напечатанъ уставъ стараго Краковскаго университета), но четвертый долженъ быть поставленъ выше ихъ. Въ немъ находится чрезвычайно важный и цѣнный памятникъ—liber diligentiarum facultatis artisticae Краковскаго университета за время отъ 1487 до 1563 года, содержащій въ себѣ 1) расписаніе лекцій по семестрамъ, съ поименованіемъ преподавателей и предмета ихъ чтеній, и 2) отмѣтки объ отсутствіи преподавателей на лекціяхъ, диспутахъ и въ собраніяхъ; сверхъ того, въ немъ есть нѣсколько краткихъ описаній бывшихъ въ университетѣ диспутовъ. Изъ введенія къ liber diligentiarum мы узнаемъ, что въ библіотекѣ Краковскаго университета есть продолженіе этого памятника за конецъ XVI, весь XVII и большую часть XVIII столѣтій. Такъ какъ Краковскій университетъ съ конца XVI вѣка сталъ посѣщаться русскими учениками (въ немъ три года учился во второй половинѣ XVI столѣтія князь Михаилъ Оболенскій, сотрудникъ князя Курбскаго въ его переводахъ съ латинскаго на славянскій языкъ; въ немъ учился въ десятыхъ годахъ XVII вѣка Кассіанъ Саковичъ, ректоръ Кіевскаго братскаго училища), то въ интересахъ изученія исторіи просвѣщенія въ юго-западной Руси, было бы желательно какъ можно скорѣе увидѣть въ печати продолженіе изданія liber diligentiarum.—Редакція IV тома Архива и составленіе указателей принадлежитъ д-ру Вислоцкому. **А. С.**

Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z Archiwum tak zwanego Bernardynskiego we Lwowie. Tom XI. We Lwowie 1886.

Новый томъ этого важнаго изданія содержитъ въ себѣ болѣе $3\frac{1}{2}$ тысячъ актовъ Сяноцкаго земства, относящихся ко времени отъ 1423 до 1462 года и писанныхъ на латинскомъ языкѣ.

Въ слѣдующемъ томѣ, по сообщенію редактора, проф. Лиске, будутъ напечатаны древнѣйшіе, съ половины XV вѣка, акты Галичскаго земства, заключающіе въ себѣ, безъ сомнѣнія, много интереснаго.

А. С.

Отвѣтъ господину П. Р. на замѣтку о книгѣ г. Ястребова.

Въ своей статьѣ о книгѣ И. С. Ястребова (см. «Изв.Слав. Общ.» сентябрьская кн.) я указалъ въ примѣчаніи, что пѣсни Дибрскаго округа заключаютъ въ себѣ болгаризмы, но при этомъ я замѣтилъ, что, не смотря на эти болгаризмы, пѣсни Дибрскаго округа—сербскія, а отнюдь не болгарскія. Г-нъ П. Р. доказываетъ однако, что эти пѣсни болгарскія, а не сербскія. Къ разбору его доказательствъ я и обращусь теперь, но предварительно позволю себѣ сказать нѣсколько словъ о Дибрскомъ округѣ. Народонаселеніе Дибрскаго округа распадается по своему составу на 4 элемента, а именно:

	Мусульманъ.	Христіанъ
Албанцевъ	125.000	10.000
Міяковъ-сербовъ .	10.000	20.000
Валаховъ	—	1.500
Цыганъ	600	250

Изъ этой таблицы видно, что сербскій элементъ не настолько силенъ тамъ, чтобы не могъ подвергаться вліянію постороннихъ примѣсей. Міяки (и христіане и мусульмане) живутъ въ селахъ, лежащихъ ближе къ городу, албанцы же (христіане) живутъ въ Верхней Рѣкѣ и отличаются отъ міяковъ какъ одеждою, такъ и обычаями. *Міяки всѣ сохраняютъ чисто сербскіе обычаи.* Порча же ихъ языка болгаризмами объясняется, во-первыхъ, тѣмъ, что міяки ходятъ на работы въ Болгарію и оттуда привносятъ болгаризмы, во-вторыхъ, усиленною болгарскою пропагандою,

приводящею нерѣдко къ враждебнымъ столкновеніямъ съ болгароманами, въ-третьихъ, естественною склонностью переходить отъ развитыхъ и сложныхъ формъ къ упрощеннымъ, каковою является безпадежная болгарская форма. Этого, я думаю, довольно для объясненія того, какимъ образомъ могли болгаризмы войти въ дибрскія пѣсни.

Теперь обращусь къ предмету настоящей замѣтки. Г-нъ П. Р., перечисляя особенности дибрскихъ пѣсенъ, въ силу коихъ, по его мнѣнію, эти пѣсни слѣдуетъ считать болгарскими, забываетъ одну, на мой взглядъ весьма важную особенность, имѣющую рѣшающее значеніе. Извѣстно, что въ болгарскомъ языкѣ есть только одно твердое *ч*, тогда какъ въ сербскомъ этотъ звукъ имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ, выражаемыхъ буквами *ч*, ћ, ђ и џ. Теперь пусть г-нъ П. Р. внимательно пересмотритъ дибрскія пѣсни, и онъ найдетъ множество этихъ *чисто сербскихъ особенностей*, *совершенно неизвѣстныхъ болгарскому языку*.

Обращаясь въ частности къ замѣчаніямъ г-на П. Р., я буду слѣдовать томуже порядку въ своихъ возраженіяхъ:

1) Сербскій языкъ, говоритъ г-нъ П. Р., *любитъ* вмѣсто глухихъ ъ и ь и *вообще* при сочетаніи согласныхъ ставить *а*, тогда какъ въ дибрскихъ пѣсняхъ вездѣ въ такихъ мѣстахъ стоитъ *о* или *е*. Это предпочтеніе сербскаго языка къ звуку *а* вмѣсто *о* или *е* не можетъ считаться общимъ *закономъ*. Въ доказательство я сошлюсь на словарь Вука Караджича, гдѣ напр. формы *дан* и *ден* одинаково считаются сербскими — разница только та, что первая форма употребительнѣе на сѣверѣ, а вторая на югѣ. Такимъ образомъ, изъ этого выводить, что дибрскія пѣсни болгарскія, по моему мнѣнію, невозможно.

2) Переходъ перваго юса не въ *у*, а въ *о* и *а*, выставляемый г-номъ П. Р. какъ одно изъ доказательствъ, имѣлъ бы большее значеніе, еслибы онъ встрѣчался постоянно. На самомъ дѣлѣ такихъ примѣровъ немного. Кромѣ того, въ дибрскихъ пѣсняхъ звуки *у* и *о* употребляются весьма свободно. Такъ, въ пѣснѣ «Огреjала месечина» (стр. 426 – 427) рядомъ со словами рочица (вмѣсто ручица) и чкорка (вмѣсто чкурка) стоитъ слово скрупца (горстка), а не скропца. Отчего? Да просто оттого, что народъ не справляется съ грамматикой, а поетъ такъ, какъ Богъ на душу положитъ. Изъ этихъ оттѣнковъ въ говорѣ невозможно вывести заключенія въ пользу принадлежности дибрскихъ пѣсенъ къ болгарскому языку.

3) Г-нъ П. Р. нашелъ въ двухъ случаяхъ употребленіе носоваго звука—вонче вмѣсто вуче. Эти два случая конечно не доказательство. Въ этой же пѣснѣ тоже дважды встрѣчается турецкое слово ђердан, однако никто не скажетъ чтобы по этому и вся пѣсня была турецкая! Я присоединяюсь къ мнѣнію г. Ястребова, что слово «Скандру» означаетъ именно Скендербега, а не названіе страны, какъ утверждаетъ г. П. Р., и потому не вижу основанія приводить употребленіе носоваго звука въ этомъ словѣ какъ доказательство въ пользу положенія, защищаемаго г-номъ П. Р.

4) Удержаніе буквы *л* тамъ, гдѣ въ современномъ сербскомъ языкѣ стоитъ *у* или *о* (слнце вмѣсто современнаго сунце) указываетъ только на уцѣлѣвшія старинныя формы, которыя вовсе не составляютъ принадлежности одного болгарскаго языка.

5) Не болѣе значенія имѣетъ и указаніе г-на П. Р. на странное произношеніе— *шчо* вмѣсто *што*. Г-нъ П. Р. говоритъ, что доселѣ извѣстны были только три діалекта въ сербскомъ языкѣ: штокавцы, чакавцы и кайкавцы. Какъ же еще допустить новый, открытый г. Ястребовымъ— шчокавцевъ? Мнѣ кажется, что, если возможно для серба говорить *чак* и *кай*, то еще возможнѣе говорить шчо вмѣсто што.

6) Замѣна буквъ *х* и *с* буквою *ф* легко объясняется албанскимъ вліяніемъ и дѣлать отсюда заключеніе въ пользу положенія, защищаемаго г-номъ П. Р., невозможно.

7) Указанія на такъ называемый членъ болгарскій моглибы имѣть значеніе лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ встрѣчался постояно, а не въ видѣ исключеній. Притомъ то, что г-нъ П. Р. называетъ членомъ, не рѣдко ничто иное, какъ простая придаточная частица, совершенно похожая на наше *то*. Для примѣра сошлюсь на пѣсню, приведенную г-номъ П. Р. (см. стр. 453). Заснулъ, задремалъ, говорится въ

пѣснѣ, святой Никола, между двухъ путей, между двухъ дорогъ, между двухъ монастырей. Его будитъ Святая Недѣля, у которой въ рукахъ серебряный котелъ, «а во котле то светена вода.» Поставьте только черточку между словами котле и то и мы получимъ нашу столь часто употребляемую частицу то. Притомъ этотъ пресловутый членъ скорѣе албанскаго происхожденія, чѣмъ болгарскаго, и въ дибрскихъ пѣсняхъ встрѣчается довольно рѣдко.

8) Въ пользу своего мнѣнія г-нъ П. Р. приводитъ окончаніе третьяго лица настоящ. и будущ. временъ въ нѣкоторыхъ глаголахъ на т. Это, конечно, грубая форма, но почему-же непремѣнно болгарская?

9) Что касается творит. падежа съ предлогомъ *с* или *со*, то прекрасный примѣръ такого употребленія я могу указать у сербскаго писателя Іована С. Поповича, именно въ его комедіи «Тврдица», гдѣ Киръ-Яня постоянно употребляетъ это *со*, *сос*. Это просто испорченныя сербскія формы.

10) Наиболѣе серьезнымъ указаніемъ г-на П. Р. является послѣднее—именно указаніе на безпадежныя формы, но я уже сказалъ выше, что развитыя формы языка легко уступаютъ болѣе простымъ и грубымъ формамъ, *особенно если такой переходъ поощряется усиленной пропагандой*.

Такимъ образомъ, всѣ положенія г-на П. Р., при самомъ даже поверхностномъ разсмотрѣніи, падаютъ сами собой. Если такъ, то можно ли прійти на основаніи ихъ къ такому смѣлому выводу, что дибрскія пѣсни (г-нъ П Р. въ этомъ отношеніи заходитъ такъ далеко, что даже объявляетъ болгарскими и моравскія пѣсни) болгарскія?

Въ заключеніе не могу не замѣтить, что приведеніемъ нѣсколькихъ десятковъ сомнительныхъ болгаризмовъ въ дибрскихъ пѣсняхъ нельзя доказать, что эти пѣсни болгарскія. Нужно взять во вниманіе характеръ рѣчи, *духъ* пѣсни и тогда каждому непредубѣжденному изслѣдователю будетъ ясно, что дибрскія пѣсни принадлежатъ къ числу старинныхъ сербскихъ пѣсенъ, значительно мѣстами попорченныхъ привнесеніемъ болгаризмовъ и албанизмовъ.

Очень сожалѣю, что размѣры настоящей замѣтки не позволили мнѣ развить вышеприведенныхъ соображеній въ надлежащей полнотѣ, но въ случаѣ надобности я всегда готовъ представить болѣе пространныя объясненія. Г-на же П. Р. могу только поблагодарить, что своей замѣткой онъ далъ поводъ къ обсужденію этого интереснаго вопроса на страницахъ «Извѣстій Слав. Общества.» Было бы желательно, чтобы еще кто нибудь принялъ участіе въ этомъ обсужденіи.

Димитрій Никольскій.

26 Октября 1886.

Редакторы { Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ.
П. Г. Моравекъ.

Редакторы: Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

Типографія Е. Евдокимова. В. Итальянская, № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Учено-литературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ. — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »
17. **Будиловичъ:** Обозрѣніе областей Западнаго и Южнаго Славянства . . . . . 1 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пјесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky**. S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи, безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ**, А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія** . . . . 2 » 80 »

Примѣчаніе: Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и заграницей, съ доставкой и пересылкой, **ДВА РУБЛЯ**, или 6 франк.=3 австр. гульд.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 12

ДЕКАБРЬ

1886.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, № 11.
1886.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ИЗВѢСТІЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

№ 12. Декабрь. 1886 г.

I. Дѣйствія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Извлеченіе изъ протоколовъ засѣданій Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Въ засѣданіяхъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшихся 2 и 16 ноября, между прочимъ, постановлено: *въ первомъ*: а) продолжать изданіе «Извѣстій» въ 1887 г. и цѣну за экземпляръ назначить въ 3 р.; б) благодарить О. Ѳ. Миллера за пожертвованные 1 и 2 т. изданной имъ книги: «Русскіе писатели послѣ Гоголя»; в) выдать въ пособіе 5 добровольцамъ 110 р. и 1 Сербу 25 р.. г) назначить стипендію 1 Черногорскому подданному по 25 р. въ мѣсяцъ до 1 іюля 1887 г. и уплатить 25 р. за слушаніе имъ лекцій въ первой половинѣ 1886—87 г. въ военно медицинской академіи и д) утвердить расходы, произведенные съ 19 октября по 2 ноября, на 732 р. 44 к. и *во второмъ*: а) назначить общее собраніе гг. членовъ Славянскаго Общества въ большомъ залѣ Городской Думы 23 ноября, въ 8 ч. вечера, и просить гг. профессоровъ М. О. Кояловича, В. И. Ламанскаго и О. Ѳ. Миллера прочитать ихъ статьи; предложить къ избранію въ пожизненные члены: М. С. Толстаго и въ дѣйствительные: В. А. Андреева, Н. И. Ашинова, Г. А. Барышникова, А. А. Волкова, К. І. Де-Скроховскаго, архимандр. Евгенія, Ѳ. Н. Заварыкина, А. Л. Кекина, А. А. Кондратьева, К. А. Кондратовича, А. Н. Ларіонова, П. А. Ровинскаго, Л. Н. Соболева, И. Ф. Скоробогатаго, И. Л. Цандера, А И. Щеглову и Г. Ѳ. Челищева; б) выдать въ пособіе одному добровольцу и 2 вдовамъ добровольцевъ 40 р., 1 чеху 50 р., 2 болгарамъ 30 р., 2 сербамъ 50 р. и 1 стипендіату, на покупку форменной одежды, 50 р: г) назначить одному болгарину, слушающему курсъ въ Спб. Духовной Семинаріи, ежемѣсячное пособіе по 1 р. въ мѣсяцъ до окончанія курса и д) утвердить расходы, произведенные съ 2 по 16 ноября, на 252 р. 21 к.

Кружечный церковный сборъ въ пользу нуждающихся славянъ.

Церковнаго сбора въ пользу нуждающихся славянъ съ 1 Ноября по 1 Декабря 1886 г. поступило: чрезъ оо. благочинныхъ изъ церквей ихъ округовъ: г. Благовѣщенска (на Амурѣ) Камчатской духовной консисторіи—16 р. 13 к.; губерн. гор. Владиміра, духовной консисторіи—20 р. 71 к.; Выборгско-Петербургскаго округа, прот. Д. Приселкова—3 р.; г. Житоміра, духовной консисторіи—19 р. 87 к.; г. Каменецъ-Подольска, духовной консисторіи—19 р. 96 к.; Лебединскаго уѣзда, 1 округа, свящ. К. Щелкунова—6 р. 50 к.; Рославльскаго уѣзда, 4 округа, свящ. І. Недосѣкина—4 р. 80 к.; Рыбинскаго уѣзда. свящ. П. Попова—6 р.; Слободскаго уѣзда, 6 округа, прот. Н. Зонова—5 р. 41 к. и гор. Яранска, прот. М. Быстрова—5 р 90 к., итого 102 р. 28 к.; а съ прежде поступившими—6.027 р. 92 к.

Проектъ протокола

общаго собранія гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшагося 23 марта, въ залѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново.

Собраніе было открыто въ $2^1/_2$ часа пополудни.

По предложенію г. предсѣдателя, проектъ протокола общаго собранія, состоявшагося 22 декабря, напечатаннаго въ январьской книжкѣ «Извѣстій Славянскаго Общества» за 1886 г., былъ утвержденъ общимъ собраніемъ безъ измѣненій.

Затѣмъ, по предложенію г. предсѣдателя, секретарь Общества В. И. Аристовъ прочиталъ слѣдующія выработанныя Владимірскою Коммисіею предположенія:

1) Принимая во вниманіе съ одной стороны, что день крещенія русскаго народа въ лѣтописяхъ съ точностію не указанъ, а съ другой, что православная Церковь Русская ежегодно чествуетъ 15 іюля память св. равноапостольнаго князя Владиміра, которому Русь обязана своимъ крещеніемъ, Коммисія полагала бы пріурочить къ этому же дню, т. е. къ 15 Іюля, празднованіе въ 1888 г. 900 лѣтія со времени крещенія русскаго народа.

2) Признавая необходимымъ обновить въ сознаніи русскаго народа память объ этомъ событіи, Коммисія полагала бы издать къ веснѣ 1888 г. общедоступное описаніе крещенія русскаго народа, въ размѣрѣ одного печатнаго листа, въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, какъ для безплатной раздачи православному народу, такъ и для продажи, по возможно дешевой цѣнѣ, поручивъ составленіе этого описанія одному изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ Русской исторіи, по выбору Совѣта, съ выдачею автору за трудъ вознагражденія въ размѣрѣ 300 р. Всѣ экземпляры этого изданія Коммисія полагала бы украсить изготовленнымъ по особому заказу хромолитографическимъ изображеніемъ св. равноапостольнаго князя Владиміра.

3) Принимая во вниманіе, что постройка храмовъ во имя св. Владиміра въ Кіевѣ и Херсонесѣ Таврическомъ можетъ быть окончена въ 1888 г., Коммисія полагала бы просить св. Синодъ совершить освященіе этихъ храмовъ въ день 900-лѣтней годовщины крещенія св. Руси, т. е. 15 іюля 1888 г.

4) Намѣреваясь придать предполагаемому чествованію совершенно церковный характеръ, Коммисія полагала бы заблаговременно просить св. Синодъ сдѣлать распоряженіе о повсемѣстномъ праздновании Русскою церковью этого событія: наканунѣ—14 іюля—всенощнымъ бдѣніемъ, а въ самый день чествованія—15 іюля—божественною литургіею, торжественнымъ молебномъ, крестнымъ ходомъ и водоосвященіемъ на рѣкахъ или источникахъ, подобнымъ совершаемому 1 августа.

За симъ г. предсѣдатель предложилъ общему собранію на его утвержденіе слѣдующіе вопросы: угодно-ли собранію одобрить предположенія Владимірской Коммисіи и разрѣшить Совѣту израсходовать на приведеніе ихъ въ исполненіе кредитъ въ 5000 р., съ отнесеніемъ его на запасный капиталъ Славянскаго Общества.

Вопросы эти были разрѣшены собраніемъ въ утвердительномъ смыслѣ, при чемъ, по предложенію нѣкоторыхъ членовъ, предоставлено Совѣту объявить конкурсъ на соисканіе преміи за лучшее описаніе крещенія св. Руси, независимо отъ предполагаемаго изданія, по предложенію Владимірской Коммисіи.

За тѣмъ г. секретаремъ былъ доложенъ отчетъ Издательской Коммисіи за 1885 г. *)

Отчетъ этотъ собраніе приняло къ свѣдѣнію и постановило благодарить председателя и членовъ Издательской Коммисіи, равно какъ и бывшихъ редакторовъ «Извѣстій» Н. П. Страхова и И. И. Соколова, за понесенные ими труды при изданіи «Извѣстій» въ 1883, 1884 и 1885 г.

Вслѣдъ за тѣмъ, г. предсѣдатель, заявивъ собранію, что изъ состава Издательской Коммисіи выбываетъ по очереди профессоръ Е. Е. Замысловскій, предложилъ вновь просить его быть членомъ Издательской Коммисіи.

Собраніе единогласно приняло это предложеніе.

Въ заключеніе г. предсѣдателемъ было предложено: отчислить 1000 р. изъ запаснаго капитала въ Аксаковскій фондъ и открыть сборъ пожертвованій на предметъ изданія популярныхъ сочиненій, которыя знакомили бы русскій народъ съ иностранными славянами и отчислить изъ того же капитала 3000 р., въ распоряженіе Совѣта, для выдачи пособій нуждающимся южнымъ славянамъ.

Оба эти предложенія собраніемъ приняты единогласно.

Затѣмъ предложенные Совѣтомъ кандидаты. Н. Л. Обухова, Іосифъ Несвадба и В. М. Юзефовичъ избраны въ дѣйствительные члены Общества.

Собраніе было закрыто въ $5^1/_2$ часовъ пополудни.

Проектъ протокола

торжественнаго общаго собранія гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшагося 6 апрѣля, въ большомъ залѣ Городской Думы, подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново.

Открытое г. предсѣдателемъ собраніе началось пѣніемъ хоромъ г. Архангельскаго тропаря св. Кириллу и Меѳодію. соч. Львовскаго: «Яко апостолы единонравные»... и гимна, соч. М. П. Розенгеймомъ и положеннаго на музыку В. И. Главачемъ.

По окончаніи пѣнія П. А. Ровинскій, недавно вернувшійся изъ Черногоріи, прочиталъ свою статью, посвященную исторіи черногорскихъ владыкъ *).

Послѣ г. Ровинскаго, профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ стихотвореніе покойнаго И. С. Аксакова, написанное имъ въ 1854 г. и стихотвореніе М. П. Розенгейма**), посвященное памяти Ивана Сергѣевича. Послѣднее стихотвореніе, по желанію присутствующихъ, было повторено и покрыто безконечными рукоплесканіями.

За отсутствіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, рѣчь его, посвященная памяти перваго русскаго историка В. Н. Татищева, была прочитана В. И. Аристовымъ ***).

Во время перерыва засѣданія хоромъ Архангельскаго былъ пропѣтъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, соч. Чайковскаго.

Въ заключеніе О. Ѳ. Миллеръ произнесъ рѣчь, посвященную памяти И. С. Аксакова *). Рѣчь эта была покрыта продолжительными рукоплесканіями.

Собраніе закончено пѣніемъ гимна славянскимъ первоучителямъ, соч. Д. Н. Соловьевымъ.

Въ этомъ же собраніи былъ избранъ въ пожизненные члены Общества князь П. Д. Гагаринъ.

Собраніе было закрыто въ $11^1/_2$ ч. вечера.

Проектъ протокола

торжественнаго собранія гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшагося 23 ноября, въ залѣ Городской Думы, подъ предсѣдательствомъ П. П. Дурново.

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ: высокопреосвященный Веніаминъ,

*) Отчетъ этотъ напечатанъ въ «Извѣстіяхъ» 1886 г., № 3.

*) Статья эта напечатана въ «Извѣстіяхъ» 1886 г., №№ 4—5.

**) Напечатано ниже.

***) Рѣчи эти напечатаны въ «Извѣстіяхъ». 1886 г. № 4—5.

архіепископъ иркутскій и преосвященный Германъ, бывшій епископъ кавказскій, многія высокопоставленныя лица, члены Общества и болѣе 1000 постороннихъ посѣтителей.

Почетное предсѣдательство въ этомъ собраніи было предложено г. предсѣдателемъ высокопреосвященному Веніамину, который и изъявилъ на это архипастырское согласіе, преподавъ присутствующимъ свое благословеніе.

Собраніе началось пѣніемъ хоромъ г. Архангельскаго гимна свв. Кириллу и Меѳодію, соч. Д. Н. Соловьевымъ.

Послѣ этого профессоръ В. И. Ламанскій прочиталъ свою рѣчь: «О положеніи болгарскихъ и славянскихъ дѣлъ съ точки зрѣнія историка и слависта»:

«Преосвященнѣйшіе архипастыри, милостивые государи и государыни.

Получивъ приглашеніе отъ нашего достоуважаемаго предсѣдателя сказать слово въ нынѣшнемъ торжественномъ собраніи Славянскаго Общества, я ни на минуту не колебался на счетъ темы моей рѣчи. Тема дана захватывающими вниманіе всей Россіи событіями. У всѣхъ у васъ еще въ памяти полныя яда и вражды къ Россіи рѣчи главныхъ заправилъ европейской политики. Для борьбы съ ними русскій долженъ стоять на почвѣ же дипломатической. Они сговорились, какъ поступать далѣе и высказываются въ виду ближайшаго будущаго.

Моя точка зрѣнія и моя почва совершенно иная. Я не дипломатъ, не политикъ, не облеченъ никакой властью и далекъ отъ правительственныхъ сферъ. О томъ, что русская политика намѣрена и будетъ дѣлать, я знаю не болѣе, чѣмъ кто либо изъ васъ, ничего не знающихъ объ этихъ намѣреніяхъ. Меня, какъ и всѣхъ васъ, и какъ милліоны русскихъ людей, одушевляетъ и ободряетъ лишь вѣра въ твердый характеръ нашего Царя и Его горячая любовь къ Россіи (восторженныя рукоплесканія).

Я рѣшился говорить о новѣйшихъ болгарскихъ дѣлахъ и по ихъ поводу, хотя моя рѣчь лишена всякаго оффиціальнаго характера и не можетъ имѣть никакого практическаго значенія въ отношеніи политическомъ. Пусть дипломаты занимаются рѣшеніемъ текущихъ политическихъ вопросовъ. Я же принадлежу къ скромнымъ, безъизвѣстнымъ политическому ареопагу, труженикамъ. Мы заняты изученіемъ и разъясненіемъ прошлаго народовъ славянскихъ, ихъ старыхъ и живыхъ языковъ, ихъ письменности, ихъ современнаго быта и положенія. Если не считать 4-хъ лѣтъ моего ученья въ университетѣ, гдѣ съ перваго же года, т. е. съ 1850, я отдался изученію славянства, подъ руководствомъ незабвеннаго учителя, Срезневскаго, то, смѣло могу сказать, съ 1854 г. по настоящій день, въ теченіе, значитъ, слишкомъ 32-хъ лѣтъ, я не могу указать въ моей жизни ни одного мѣсяца, когда бы я не работалъ и не размышлялъ надъ славянщиной, не читалъ рукописей, документовъ, книгъ, журналовъ, газетъ славянскихъ или иноязычныхъ о славянахъ, не получалъ бы писемъ изъ того или другаго края славянскаго, самъ бы не писалъ туда или не видѣлся и не бесѣдовалъ бы съ кѣмъ нибудь изъ славянъ западныхъ. Въ 1862—1864 г. два года непрерывно я прожилъ въ различныхъ славянскихъ земляхъ Австро-Венгріи и въ Сербіи. Въ исходѣ 60-хъ годовъ, 70-хъ и въ 1884 г. я предпринималъ различныя поѣздки въ разныя славянскія земли. Въ эти же годы я посѣтилъ Грецію и Румынію.

Итакъ, хотя менѣе любаго столоначальника дипломатическихъ канцелярій и департаментовъ, посвященъ я въ текущій ходъ переговоровъ, я считаю себя, однако, призваннымъ имѣть свое сужденіе и публично высказывать свои мнѣнія о болгарскихъ и прочихъ славянскихъ дѣлахъ отнюдь не менѣе графовъ Салисбюри, Кальноки, Андраши и прочихъ ихъ товарищей (рукоплесканія).

Если дипломатамъ и политикамъ позволительно вѣрить, что они управляютъ судьбами народовъ и располагаютъ ихъ будущимъ, то и нашему брату, кабинетнымъ труженикамъ, служителямъ науки, слова, идеи, позволительно, кажется, призывать и чаять *времена грядущія*,

«Когда народы, распри позабывъ, въ великую семью соединятся», или будутъ

размышлять о вѣрности или невѣрности поставленнаго Пушкинымъ вопроса, или предугадывать и подготовлять его будущее разрѣшеніе:

«Славянскіе-ль ручьи сольются въ русскомъ морѣ?
Оно-ль изсякнетъ,—вотъ вопросъ».

Если англичанамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ, мадьярамъ,—публицистамъ и политикамъ—умѣстно и своевременно толковать о смыслѣ, задачахъ и предѣлахъ панславизма, то, кажется, можно и мнѣ заявить объ этомъ свое мнѣніе. Есть два капитальнѣйшихъ сочиненія, посвященныя уясненію задачъ панславизма. Кто ихъ не знаетъ, тотъ не въ правѣ судить и толковать о панславизмѣ. Разумѣю сочиненіе Людевита Штура «Славянство и міръ будущаго» и книгу Данилевскаго «Европа и Россія». Мнѣ выпало счастье впервые познакомить русскую и славянскую публику съ прекраснымъ трудомъ возвышеннаго, даровитаго Штура. Покойный же Данилевскій, дружелюбнымъ вниманіемъ котораго я сталъ пользоваться со времени нашего знакомства, съ половины 60-хъ годовъ, знакомилъ меня съ своимъ великолѣпнымъ произведеніемъ еще въ рукописи, когда оно у него обдумывалось и писалось. Съ покойными Гильфердингомъ, Данилевскимъ, генераломъ Ѳадѣевымъ, Тютчевымъ, Аксаковымъ, которыхъ всѣхъ, и не безъ основанія, называли на Западѣ панславистами, я проводилъ бывало много часовъ въ бесѣдахъ о различныхъ вопросахъ славянскихъ и о разныхъ фазисахъ восточнаго вопроса. Во многихъ брошюрахъ и статьяхъ различныхъ славянскихъ, мадьярскихъ и нѣмецкихъ авторовъ, съ начала 60 годовъ по настоящее время, мнѣ случалось встрѣчать сочувственныя или бранныя упоминанія моего имени, какъ одного изъ приверженцевъ и сѣятелей панславизма.

Итакъ, если на Западѣ хотятъ кричать и разглагольствовать о панславизмѣ, то вмѣсто того, чтобы судить о немъ вкривь и вкось, изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ, пусть узнаютъ его изъ прямыхъ источниковъ. Люди германской расы любятъ обыкновенно хвалиться, что они изображаютъ собою въ исторіи элементъ мужественный, славяне же женственный. Но неужели англичане, нѣмцы поступаютъ мужественно, а не совершенно, извините за выраженіе — по бабьему, когда громко требуютъ на словахъ и въ печати обузданія и намордниковъ на русское и славянское устное и печатное слово, потому-де, что оно панславистическое. Если вы считаете панславизмъ противнымъ и враждебнымъ вамъ явленіемъ, то поступайте, какъ мужи: глядите ему прямо въ глаза, изучайте его со всѣхъ сторонъ, спокойно прислушивайтесь къ его голосу, а не закрывайте себѣ ушей, не кричите въ нетерпѣніи, какъ истерическая женщина: ой, не могу, не могу слышать этого. Вы не знаете многаго изъ того, что уже было сказано панславизмомъ, и всего того, что еще можете отъ него услышать.

Прося извиненія за длинное, но, мнѣ казалось, необходимое предисловіе, я прошу и снисходительнаго вниманія не столько къ моимъ соображеніямъ—они могутъ быть очень слабы—а къ вопросамъ, мною возбуждаемымъ. Я прошу этого не ради себя, а ради дѣла. Надвигаемый событіями вопросъ славянскій имѣетъ для Россіи величайшую важность, требуетъ всесторонняго и спокойнаго обсужденія. Онъ требуетъ разнообразныхъ освѣщеній и можетъ быть рѣшаемъ только постепенно, по извѣстнымъ стадіямъ, не одиночными усиліями отдѣльныхъ лицъ, а общимъ, совокупнымъ и непрерывнымъ трудомъ многихъ воль и умовъ, и не только государственно, но и общественно. Говоря это, я предполагаю у себя не только слушателей, но и читателей: моя рѣчь будетъ на дняхъ же напечатана. И читателей я разумѣю не только въ публикѣ русской, но и западно-славянской. Славянская печать меня нѣсколько избаловала своимъ вниманіемъ: послѣднія мои рѣчи къ Славянскомъ Обществѣ переводились или сообщались въ извлеченіяхъ въ славянскихъ журналахъ, вызывали сочувственные или оживленные толки. Льщу себя надеждою, что хотя нѣкоторыя мои замѣтки найдутъ себѣ откликъ въ сердцахъ нашихъ братій въ Австро-Венгріи и на Балканскомъ полуостровѣ. Подходитъ время важное и чреватое событіями, для западнаго славянства еще, быть можетъ, болѣе важное, чѣмъ для самой Россіи. Вопросъ о будущей организаціи славянства имѣетъ для него еще болѣе важное, значе-

ніе чѣмъ для самой Россіи. Вопросъ о будущей организаціи славянства, вопросъ славянскій вообще достигъ нынѣшняго своего фазиса благодаря лишь тому, что существуетъ Россія: не будь ея, не было бы въ Европѣ никакихъ серьезныхъ разговоровъ, помышленій и опасеній относительно славянства. Этотъ славянскій вопросъ подлежитъ обсужденію и разрѣшенію, хотя бы только въ сознаніи, не иначе какъ совокупными усиліями Россіи и всѣхъ западныхъ славянскихъ народностей. Почту себя счастливымъ, если по примѣру прежнихъ лѣтъ, западно-славянская печать обратитъ свое вниманіе и на сегодняшнее мое слово, укажетъ, что въ немъ, быть можетъ, напрасно упущено изъ виду или развито слабо, и съ своей стороны сообщитъ новыя соображенія о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народностей между собою и объ отношеніяхъ каждой изъ нихъ къ нашему отечеству. Наше время особенно нуждается въ разъясненіи именно этихъ отношеній.

Современный печальный болгарскій кризисъ обличилъ еще разъ, во очію нынѣшнихъ поколѣній, глубокую рознь воззрѣній, сочувствій и интересовъ, которая издавна раздѣляетъ романо-германскую Европу и Россію. Что́ съ 10-го августа по настоящій день насъ радовало и утѣшало, то печалило и возмущало Европу. Что насъ огорчало и оскорбляло, то ее веселило и восторгало. Одна Франція держалась въ сторонѣ. Она даже часто во всеуслышаніе подавала свой голосъ за насъ. Изъ Франціи генералъ Каульбарсъ получалъ въ Болгаріи письма, съ выраженіемъ сочувствія. Выскажемъ же Франціи наше большое русское спасибо, вмѣстѣ со всѣми славянами провозгласимъ ей славу (продолжительныя рукоплесканія).

Европа заявляетъ, сверхъ всякаго ожиданія, что она стоитъ за свободу, независимость и самобытность славянскихъ и другихъ восточныхъ народовъ единовѣрцевъ Россіи, впрочемъ прибавляетъ: подъ единственнымъ лишь условіемъ, чтобъ они были заодно съ нею противъ Россіи. Спѣсивые, надменные, гордые своею породою и бѣлою костью князья, графы, бароны и лорды, забывъ свою чопорность и свѣтскія свои приличія, скрѣпя сердце и для блага государства, умильно подмигиваютъ, посылаютъ безешки, жмутъ нѣжно руки и расточаютъ любезности нечесанымъ, грубымъ и невѣжественнымъ болгарскимъ нигилистамъ, птенцамъ и выводкамъ нашихъ семинарій и нашей же безшабашной, разудалой, красной литературы, приказчикамъ прогорѣвшихъ въ Вѣнѣ лавокъ, недавнимъ бессарабскимъ маркерамъ, филиппопольскимъ ростовщикамъ и рущукскимъ содержателямъ дурныхъ заведеній. Такимъ людямъ, по словамъ органа Каравелова, хорошо знающаго своихъ болгаръ досталось теперь въ руки управленіе несчастной страной. Все это съ помощью шайкаджіевъ и сопаджіевъ и такъ называемой въ Болгаріи сухопутной эскадры съ ея адмиралами маіорами Паницею, Поповымъ и начальникомъ отдѣленія министерства юстиціи Пешевымъ, обратилось теперь, какъ выражается иронически тотъ же Каравеловъ, въ «бранителитѣ на честьта и независимостьта на Болгария», въ поборниковъ чести и независимости Болгаріи. Эти люди поддерживаютъ ту «рѣшителната и не отстъпчевата политика», которая пріобрѣла этимъ болгарамъ столько симпатій въ Европѣ. Подобнаго, впрочемъ, сочувствія Европы къ славянамъ, къ этой презираемой ею расѣ, къ этимъ бѣлымъ ея неграмъ, не оберешься, начиная съ Карла Великаго, когда романо-германцы стали систематически покорять римскому папѣ и нѣмецкому императору разбитыя и разрозненныя племена славянскія. Бодричамъ, измѣнявшимъ союзу полабскихъ славянъ противъ франковъ, чехамъ, измѣнившимъ Моравіи, лютичамъ, ненавидѣвшимъ поляковъ, полякамъ, подымавшимся на Россію съ XVI в. до новѣйшаго времени, сербамъ, недавно напавшимъ на Болгарію и болгарамъ, идущимъ теперь противъ Россіи, всегда было обезпечено сочувствіе Европы.

Но неужели собственные тяжкіе опыты, изученіе родной исторіи, начавшееся съ конца прошлаго столѣтія, развитіе общеславянскаго самосознанія у всѣхъ этихъ славянскихъ народовъ такъ-таки и не

оставили никакихъ слѣдовъ и не имѣли на нихъ никакого вліянія? Какъ же относится теперь къ болгарскимъ дѣламъ огромное большинство западнаго, не-русскаго славянскаго міра? Поляки, правда, какъ и можно было ожидать,—говорю объ интеллигенціи,—стоятъ вообще на сторонѣ враговъ Россіи. Впрочемъ, смѣшныя галицкія оваціи Баттенбергу вызывали строгое осужденіе у многихъ поляковъ. Вообще, сочувствуя нынѣшнему регентству, особенно въ началѣ, многіе поляки стали потомъ относиться къ этому дѣлу трезвѣе, послѣ того, кажется, какъ убѣдились въ великомъ сочувствіи нѣмцевъ къ болгарамъ и рѣшительной ихъ поддержкѣ нѣмцами. Мы, русскіе, напрасно, кажется не замѣчаемъ медленнаго, правда, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго и отраднаго развитія въ части польскаго общества чувства и сознанія славянскаго. Многимъ полякамъ уже не льститъ честь въ дѣлѣ славянскомъ быть одного лагеря съ нѣмцами и мадьярами. Извѣстная часть галицко-русской интеллигенціи глядитъ на насъ русскихъ, на *москалей*, глазами чисто польскими. На нашъ взглядъ, она не можетъ, и не должна быть нами отдѣляема отъ поляковъ. Для насъ это, дѣйствительно, gente Rutheni, natione Poloni. Это поляки же, только русскаго происхожденія и восточнаго обряда. Есть же у насъ поляки, сами себя называющіе поляками православнаго исповѣданія. Вражда настоящихъ поляковъ къ Россіи объясняется неудачами и печальными результатами борьбы Польши съ Россіею за политическое преобладаніе на равнинѣ между Балтійскимъ и Чернымъ моремъ. Мы побѣдили и можемъ, безъ вражды и злобы, находить въ старой и новой Польшѣ все, что было и есть въ ней хорошаго. Вражда извѣстной галицко-русской партіи къ Россіи, отъ полнаго ея непониманія, объясняется пятисотлѣтнимъ почти господствомъ поляковъ въ этой захудалой, оторванной еще въ XIV в. отъ народнаго ядра, русской землѣ, продолжительнымъ въ ней хозяйничаньемъ евреевъ, іезуитовъ, австрійцевъ. Эта жалкая и приносящая вредъ только самой же захудалой, ополяченной русской интеллигенціи, вражда вызываетъ въ насъ не столько негодованіе, сколько требуетъ снисхожденія и извиненія. Надо еще удивляться и остается только радоваться и благодарить Бога, что въ русской Галичинѣ далеко не такова вся русская интеллигенція. Понятно, что эта полупольская галицкая интеллигенція о дѣлахъ болгарскихъ въ отзывахъ и отчетахъ своихъ органовъ («Діло» и проч.) мало чѣмъ отличается отъ настоящихъ галицко-польскихъ органовъ.

Въ Чехіи, какъ извѣстно, давно существуютъ двѣ національныя партіи, старо-чешская и младо-чешская. Вторая упрекаетъ первую за то, что она слишкомъ уже далеко заходитъ въ своемъ ухаживаніи за чешскою аристократіею и высшимъ духовенствомъ, въ своихъ уступкахъ и услугахъ кабинету Таафе, слишкомъ уже дешево ихъ продавая ему. По смерти Палацкаго и Браунера, вождемъ этой партіи, но только по имени, сталъ Ригеръ. Слабѣя отъ старости и разныхъ непріятностей по хозяйству, Ригеръ въ послѣдніе годы подпадалъ все больше и больше вліянію своей жены, очень умной, образованной и энергической женщины, но отчаянной католички, и наконецъ совершенно очутился въ рукахъ одного изъ богатѣйшихъ чешскихъ аристократовъ, сильнаго ультрамонтана и настоящаго черножелтаго австрійца, графа Клама Мартиница. Подъ такимъ руководствомъ старо-чешская партія все болѣе утрачивала характеръ народный и славянскій, становясь все болѣе строго-австрійскою и католическою. Понятно, по болгарскому вопросу органы старо-чешской партіи стараются высказывать мнѣнія, угодныя Вѣнѣ, пріятныя Ватикану, но сообразуясь, по возможности, съ народнымъ настроеніемъ чеховъ. Этимъ они оказываютъ даже услугу Вѣнѣ. Въ случаѣ, если кривая мадьярская не вывезетъ и понадобится ударить отбой, можно будетъ сослаться на чеховъ, и тогда графъ Кальноки снова станетъ горячимъ руссофиломъ, каковымъ онъ и слылъ у добрыхъ людей до недавней своей рѣчи въ делегаціи о миссіи генерала Каульбарса. Значительное большинство чеховъ, которые, по преданіямъ, по старой привычкѣ и личнымъ соображеніямъ, продолжаютъ числиться старо-чехами, давно уже чуетъ, что дѣло у нихъ стоитъ неладно, и что Ригеръ въ вожди не годится, а Кламъ Мартиницъ уже

слишкомъ антипатиченъ всякому доброму патріоту (властенцу) чеху. Особенно недовольны эти старо-чехи своими органами по вопросамъ славянскимъ. Всѣ же органы младо-чешской и чисто народной партіи какъ въ Чехіи, такъ и въ Моравіи, всѣ газеты сербскія въ Сербіи, Черной Горѣ, въ Славоніи, Хорватіи и Далмаціи, за исключеніемъ оффиціальныхъ и оффиціозныхъ органовъ правительства Милана въ Сербіи и Каллая въ Боснія и Герцеговинѣ, всѣ народныя изданія хорватскія, славонскія, словенскія и русскія съ величайшимъ вниманіемъ слѣдятъ за болгарскими дѣлами и единодушно высказываются самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу Россіи, противъ нынѣшнихъ болгарскихъ правителей и противъ поддерживающей ихъ европейской политики. Они единогласно обвиняютъ ихъ въ низкой неблагодарности къ Освободительницѣ Болгаріи, объясняютъ ихъ невѣжествомъ и продажностью то, что они сдаются на подстрекательства и обнадеживанія нѣмцевъ и мадьяръ. Печать въ Австро-Венгріи, тѣмъ болѣе славянская, далеко не пользуется полною свободою. Судя по этимъ дружнымъ и энергическимъ заявленіямъ славянской печати въ Австро-Венгріи и судя по письменнымъ извѣстіямъ оттуда и по личнымъ наблюденіямъ пріѣзжихъ, можно засвидѣтельствовать, что такого возбужденія умовъ и русскихъ симпатій у славянъ въ Австро-Венгріи еще быть можетъ никогда не бывало. Нѣчто подобное, хотя не въ такой степени и не въ такихъ размѣрахъ, было пережито австро-венгерскими и южными славянами два раза: въ 1867 г., во время славянскаго съѣзда въ Москвѣ, и въ 1876—79 г. во время сербско-черногорской и послѣдней восточной войны. Этимъ оживленіемъ, этимъ подъемомъ духа и общимъ взрывомъ горячихъ сочувствій къ намъ, мы преимущественно обязаны озлобленнымъ крикамъ мадьяръ, нѣмцевъ, англичанъ противъ Россіи. Читая отчеты австро-венгерской делегаціи, гдѣ такъ намъ грозили и насъ стращали, дерзко надъ нами глумились и нагло извращали прямой смыслъ несомнѣнныхъ фактовъ, и въ то же время прислушиваясь къ доходящимъ до насъ голосамъ изъ различныхъ славянскихъ краевъ Австро-Венгріи, отъ огромнаго большинства ея плательщиковъ, кормильцевъ, работниковъ и солдатъ, вы придете неизбѣжно къ спокойному, ясному выводу, что въ случаѣ, если бы угрожающая намъ война Австро-Венгріи съ Россіею состоялась, милліоны славянскихъ населеній Цис- и Транслейтаніи будутъ желать и призывать побѣду русскому и пораженіе австро-венгерскому оружію. Оно, впрочемъ, понятно и иначе быть не можетъ. Одно предположеніе, одна мысль, что Россія будетъ ослаблена, сокращена, унижена, не могутъ не повергнуть каждаго добраго славянина въ трепетъ и отчаяніе. Одни славяне въ теченіе двухсотъ, другія въ теченіе четырехсотъ лѣтъ слишкомъ смотрѣли на Россію какъ на надежду лучшихъ дней, какъ на грозу своихъ враговъ и угнетателей, какъ на будущую свою избавительницу. Въ тяжелыя минуты рабства и иноземнаго ига, старики утѣшали юношей словами: «погодите, придетъ дядо Иванъ, придетъ чича, сѣверный стрицъ, сильный братъ русъ (дядя, такъ называютъ южные славяне нашего царя) и разорветъ оковы наши». Громъ побѣдъ Петра Великаго, Елизаветы и Екатерины II, подвиги Суворовскихъ богатырей, пожаръ Москвы и бѣгство Наполеона съ его арміею разбудили заснувшія силы славянъ, подняли ихъ на ноги, убѣдили ихъ, что они принадлежатъ къ великому племени, а не рождены для рабства азіятамъ и нѣмцамъ. Освобожденіе Молдавіи, Валахіи, Греціи, Сербіи, развитіе и усиленіе Черногоріи, наконецъ освобожденіе Болгаріи, аграрная реформа въ русской Польшѣ краснорѣчиво засвидѣтельствовали, что Россія ясно сознаетъ свои историческія задачи. Развитіе и успѣхи русской литературы и науки согрѣвали чувство, будили славянскую мысль. Съ возростаніемъ могущества Россіи, съ раскрытіемъ ея духа поднимались и распускались славянскія народности. Въ спокойныя времена онѣ нерѣдко забываютъ о Россіи, или даже побраниваютъ ее, говоря, что она-де ничего для славянъ не дѣлаетъ, что все-де что имѣемъ, добыли мы сами. Но какъ только Россіи или имъ самимъ грозитъ напасть, они мгновенно уразумѣваютъ, что такое для нихъ была и есть Россія, и во что они безъ нея опять обратятся. Имъ приходятъ тогда на память обидныя

слова одного изъ ихъ враговъ, сказавшаго не особенно давно (въ 1867 году): славяне—нули, но приставленные къ единицѣ (Россіи), они составляютъ милліоны. Могутъ ли такимъ образомъ австро-венгерскіе славяне желать побѣдъ нѣмцамъ и мадьярамъ надъ Россіею? Надо прибавить, что простой польскій народъ въ Галиціи и Силезіи никакой вражды и ненависти къ москалю не питаетъ. Онъ знаетъ, что тамъ, за кордономъ, польскому хлопу живется хорошо. Православное и уніатское румынское населеніе Буковины, Трансильваніи и восточной Венгріи не меньше венгерскихъ славянъ ненавидитъ мадьярское насиліе и также искренно пожелаетъ всякихъ успѣховъ русскимъ, а не мадьярамъ. Да и самъ мадьярскій крестьянинъ, по своимъ экономическимъ и соціальнымъ понятіямъ и желаніямъ, конечно, гораздо ближе къ крестьянину румыну и славянину, чѣмъ къ своимъ, такъ называемымъ представителямъ и патріотамъ, въ родѣ графа Андраши, Тиссы, Вамбери и Фалька. Я слыхалъ отъ людей, близко знающихъ положеніе крестьянства въ Венгріи, что въ послѣдніе годы, особенно вслѣдствіе тяжелаго гнета и экономическаго разоренія, крестьяне мадьяры въ минуты ожесточенія привыкли говорить: «погодите, придетъ Моска, задастъ вамъ».

Проживая въ Австріи въ 60-хъ годахъ, я не разъ слыхалъ отъ людей самыхъ вѣрныхъ, что во время крымской войны, когда пошли слухи, что Австрія открыто станетъ противъ Россіи, одинъ изъ генераловъ ея арміи, и не православный сербъ, а католикъ чехъ, великій почитатель императора Николая, говорилъ прямо, что онъ переломитъ свою шпагу и ни за что не пойдетъ противъ русскихъ; сербскіе же граничарскіе полки открыто заявляли, что они ни когда не поднимутъ рукъ противъ Бога и светога Николе, т. е. противъ православной вѣры. Очень возможно, что въ послѣднія новыя эры, послѣ Садовой и Кенигсгреца, введенія дуализма, общеобязательной воинской повинности и новѣйшихъ важныхъ военныхъ реформъ, современный духъ австро-венгерской арміи, офицеровъ и солдатъ отличается гораздо большимъ противъ прежняго австрійскимъ патріотизмомъ, что нынѣшніе славянскіе и румынскіе офицеры и солдаты уже совсѣмъ не одушевлены народнымъ и религіознымъ (православнымъ) чувствомъ, и пламенѣютъ любовью къ нѣмцамъ и мадьярамъ, своимъ повелителямъ. Я человѣкъ не военный и судить объ этомъ не берусь. Говорю не про войско, а про милліоны не военныхъ славянъ и румынъ Австро-Венгріи. Но какая же намъ отъ нихъ польза? На схожій съ этимъ вопросъ, сдѣланный мною однажды больше въ видѣ замѣчанія, что славяне-де, положимъ, намъ сочувствуютъ, но вѣдь, въ случаѣ надобности, не помогутъ, одинъ высокозаслуженный въ своемъ народѣ дѣятель, изъ славянъ венгерскихъ, даровитый писатель и поэтъ, отвѣтилъ мнѣ кроткимъ, но твердымъ голосомъ: «Мы слабы и помогать матеріально вамъ, сильнымъ русамъ, не можемъ, но мы будемъ за васъ молиться и молитвы вашихъ слабыхъ братьевъ, вѣрьте, дойдутъ до Бога». Не нужно быть особеннымъ мистикомъ, требуется лишь немного простаго здраваго смысла, извѣстнаго житейскаго опыта и историческаго пониманія, дабы догадаться, что милліоны согласно настроенныхъ и къ одной цѣли направленныхъ воль, милліоны несущихся отъ чистаго сердца пожеланій, составляютъ весьма почтенную реальную силу духа. Ранѣе или позже не преминетъ она проявиться въ цѣломъ рядѣ поступковъ и дѣяній въ одномъ смыслѣ и направленіи. Нынѣшнее настроеніе австро-венгерскихъ славянъ, возбужденное болгарскимъ кризисомъ и нѣмецко-мадьярскою агитаціею противъ Россіи, имѣло благотворное на нихъ вліяніе. Въ обыкновенное время слишкомъ легко забывая свои общеславянскіе интересы и задачи, часто впадая во взаимную вражду и пререканія, они только роняютъ всякое къ себѣ уваженіе своихъ противниковъ. Теперь же, выступая согласно и дружно, они доказываютъ своимъ врагамъ, что славянство въ Австро-Венгріи представляетъ собою внушительную силу, съ которою надобно считаться.

Мы видѣли, какъ относится славянская, австро-венгерская печать къ дѣламъ болгарскимъ. Но отзывами австро-венгерскихъ славянъ, скажутъ мнѣ, вы не скроете того факта, которому такъ радуется Европа, что Болгарія, освобожденная Россіею, рѣшительно нынѣ возстаетъ противъ нея,

Въ Европѣ говорятъ, потирая руки и указывая на Болгарію: теперь-де панславизму нанесенъ смертельный ударъ. Но правда ли это?

Вы видѣли, что у славянъ Австро-Венгріи тѣ сочувствія и упованія славянскія, которыя у нѣмцевъ и мадьяръ принято считать панславизмомъ, достигли въ настоящее время сильной степени напряженія. Настроеніе славянскихъ умовъ въ бывшей римско-нѣмецкой имперіи, въ нынѣшнихъ Цислейтаніи и Транслейтаніи, никогда еще не пріобрѣтало такого панславистическаго характера, съ тѣхъ поръ, по крайности, какъ существуетъ слово панславизмъ. Хотѣли ли Кальноки, Тисса, Андраши, Смолка и Фалькъ громомъ своихъ воинственныхъ рѣчей въ делегаціяхъ заглушить сочувственные Россіи голоса австро-венгерскихъ славянъ? Или за общими соглашеніями и приготовленіями къ своимъ рѣчамъ о самобытности славянъ балканскихъ, они, въ самомъ дѣлѣ, могли не замѣтить, что творится у нихъ подъ носомъ, среди окружающихъ ихъ славянскихъ населеній. Большаго разногласія, меньшаго сочувствія между правящими классами и управляемыми населеніями не существуетъ нигдѣ въ такой степени, какъ въ Венгріи и въ нынѣшней Австріи.

Политическіе дѣятели Германіи, Англіи и Италіи, можно сказать смѣло, посвящены очень мало въ крайне запутанныя и сложныя отношенія народностей Австро-Венгріи. Объ ея внутреннихъ дѣлахъ судитъ Европа только по нѣмецкимъ газетамъ и рѣчамъ делегаціонныхъ и рейхсратскихъ ораторовъ, по разговорамъ корреспондентовъ съ министрами и разными парламентскими именитостями, но цѣлыя иногда народности, напримѣръ, въ Венгріи, не имѣютъ ни одного такъ называемаго представителя. Можно сказать, что ни одному европейцу, о нѣмцахъ я уже не говорю, ни одному англичанину, итальянцу, французу славяне и румыны австро-венгерскіе никогда не откроютъ всѣхъ своихъ задушевныхъ мечтаній и затаенныхъ надеждъ. Изо всѣхъ иностранцевъ только русскому, и то заслуживающему довѣрія, принадлежитъ ключъ къ этимъ тайникамъ души порабощенныхъ и покоренныхъ чужеродцами славянъ, румынъ. Въ этомъ-то и заключается величайшая сила и преимущество наше передъ Европою. Всѣ усилія и старанія ея поднять и направить славянъ противъ Россіи никогда не могли увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и осуждены заранѣе неудачамъ. Европѣ удавалось и удается создавать въ интеллигенціи той или другой славянской земли различныя анти-русскія партіи, которыя и имѣютъ временный успѣхъ. Но ядро народовъ остается недосягаемымъ европейской интригѣ. При этомъ еще всегда замѣчается слѣдующее явленіе. Какъ только какая нибудь анти-русская партія успѣетъ утвердиться въ той или другой славянской народности и начинаетъ въ ней господствовать, тотчасъ вся прочая оставшаяся не у дѣлъ или обиженная интеллигенція, частью подъ вліяніемъ личныхъ разсчетовъ, частью подъ давленіемъ общенароднаго чувства, возмущеннаго господствомъ въ странѣ иноплеменнаго анти-русскаго и слѣдовательно анти-славянскаго направленія, начинаетъ мало-по-малу переходить на народную почву и искать сближенія съ Россіею, усиленія ея вліянія въ своей странѣ. Такъ бывало уже много разъ и такъ всегда будетъ во всѣхъ славянскихъ и единовѣрныхъ намъ земляхъ, пока есть въ нихъ народъ, и пока Европа не перестанетъ пытаться заводить у нихъ свои партіи. Такъ бывало не разъ съ чехами, хорватами, сербами въ Австро-Венгріи и за Савою. Нынѣшнее господство австро-венгерской партіи Милана и Гарашанина воспитало и укрѣпило въ послѣднее время такія русскія сочувствія въ Сербіи, какія въ ней давно уже не бывали. То же совершается теперь и въ Румыніи, гдѣ нѣмецко-мадьярскія и католическія симпатіи Карла Гогенцоллерна, Братіано и Стурдзы развиваютъ заглохшее было румынское національное самосознаніе, доказывая наглядно его интеллигенціи, къ чему приведетъ Румынію ея оторванность отъ стародавнихъ народныхъ симпатій, отъ родной церкви, ея отчужденіе отъ Россіи.

Тотъ же смыслъ имѣютъ и нынѣшнія событія въ Болгаріи. Утвержденіе англо-нѣмецко-австрійскихъ вліяній въ Болгаріи при Баттенбергѣ послѣднихъ годовъ и при его послѣдѣ-нынѣшнемъ регентствѣ стало наконецъ по немногу раскрывать глаза лучшей болгарской интеллигенціи. Не велика была кучка людей, горячихъ болгарскихъ

патріотовъ и крѣпкихъ друзей Россіи, лучшихъ болгарскихъ офицеровъ, рѣшившихся разомъ прекратить это отчужденіе Болгаріи отъ Россіи. Большинство болгарской интеллигенціи вначалѣ не поддержало людей переворота. Оно просто еще не понимало, что на Болгарію уже закинута петля, связавшая по рукамъ и ногамъ сосѣднюю Сербію. Но не прошло и двухъ мѣсяцевъ господства анти-русской, англо-нѣмецкой партіи нынѣшняго регентства, какъ умнѣйшіе представители болгарской интеллигенціи поняли свое отчаянное положеніе и стали прямѣе и рѣшительнѣе высказываться за Россію. Несмотря на нынѣшній терроръ въ Болгаріи, какъ только явилась возможность издавать неправительственныя газеты, начали выходить въ Софіи три оппозиціонные органа — Славейкова «Истина», Цанкова «Свѣтлина» и Каравелова «Тырновска Конституція».

Цанковъ сталъ дѣйствовать и писать въ нынѣшнемъ своемъ направленіи раньше всѣхъ. Его нынѣшній образъ мыслей извѣстенъ. Прежде онъ сближался иногда съ такъ называемыми консерваторами, но вообще дѣйствовалъ больше противъ нихъ, заодно съ либералами. Потомъ онъ разошелся съ Каравеловымъ. Дабы сохранить европейскія клички, можно сказать, что Цанковъ либералъ умѣренный, а Каравеловъ больше прогрессистъ или радикалъ. Въ настоящее время съ Цанковымъ идутъ заодно не только бывшіе либералы, разошедшіеся съ Каравеловымъ, такъ напр., Сукнаровъ, но и разные прежніе консерваторы, давно или недавно разошедшіеся со Стоиловымъ, Грековымъ и Ѳачевичемъ, напр., митрополитъ Климентъ, Бурмовъ, Балабановъ и пр.

«Тырновская Конституція» уже выходитъ давно. Прошлою зимою она не разъ очень рѣзко выступала противъ Россіи, пока, наконецъ, изъ каравеловской партіи не выдѣлились люди совершенно анархическаго и революціоннаго направленія, воспитанники нашихъ швейцарскихъ выходцевъ нигилистовъ—Радославовъ, Стояновъ и пр. Славейковъ обыкновенно шелъ всегда съ Каравеловымъ. Онъ его гораздо старше, менѣе образованъ, онъ просто самоучка; какъ чиновникъ, администраторъ, едва ли онъ могъ оказать странѣ какія нибудь услуги. Но Славейковъ—лучшій и дѣйствительно прекрасный болгарскій писатель. У него несомнѣнное литературное дарованіе; онъ превосходно знаетъ народъ, его бытъ, преданія, народную словесность, говоры и мастерски владѣетъ болгарскимъ языкомъ. Имена Цанкова, Каравелова могутъ быть потомъ забыты болгарами, но имя Славейкова, какъ даровитаго болгарскаго писателя, какъ замѣчательнаго стилиста и мастера еще слабо развитаго литературнаго болгарскаго языка, перейдетъ въ далекое потомство и будетъ съ благодарностью поминаемо у всѣхъ славянскихъ дѣятелей, которые не могутъ не дорожить литературнымъ развитіемъ всѣхъ самыхъ даже малыхъ нарѣчій славянскихъ. Въ отдѣльныхъ брошюрахъ и на столбцахъ своего органа «Истина», Славейковъ съ замѣчательною силою и жаромъ нападалъ въ послѣднее время на регентство и его министровъ. Онъ прямо—извините за выраженіе—клеймилъ словомъ *мерзавцы* тѣхъ болгаръ, которые насчетъ Болгаріи работаютъ надъ поддержаніемъ англійскаго вліянія въ Афганистанѣ и нѣмецко-мадьярскаго въ Босніи, Герцеговинѣ и Сербіи. Онъ перепечатывалъ самые рѣзкіе отзывы славянскихъ газетъ *о низости* и черной *неблагодарности* тѣхъ болгаръ, которые такъ постыдно выступаютъ противъ Россіи.

Славейковъ принадлежитъ безспорно къ самымъ популярнымъ и уважаемымъ въ народѣ представителямъ болгарской интеллигенціи. Никто лучше его не умѣетъ говорить съ народомъ такъ понятно и такъ дѣйствовать на его душу, какъ дядо Славейковъ. Во время турецкой войны Славейковъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и полезныхъ болгарскихъ проводниковъ и помощниковъ русской арміи при зимнемъ переходѣ черезъ Балканы.

Съ сентября мѣсяца «Тырновска Конституція» все сильнѣе и рѣшительнѣе стала говорить противъ регентства, за необходимость принятія совѣтовъ генерала Каульбарса и устраненіе тѣхъ безобразій и безчинствъ, которыя творятся теперь въ Болгаріи. Вотъ что въ послѣднемъ, полученномъ мною въ пятницу вечеромъ, № пишетъ «Тырновская Конституція», по поводу выѣзда изъ Болгаріи генерала Каульбарса со всѣми русскими представителями: «Радуются и торжествуютъ правительственные люди

этому отъѣзду генерала, какъ будто они получатъ за это Богъ вѣсть какія блага, какъ будто они одержали вторую Сливницкую побѣду, чуть ли не славнѣе и не почетнѣе первой. Лицемѣрная, фарисейская радость. Посмотримъ, какъ отзовется народъ на это? какъ за то онъ поблагодаритъ? Пусть не обманывается правительство. Со скорбью и съ негодованіемъ встрѣтитъ народъ это извѣстіе. Это обстоятельство возмутитъ и опечалитъ его. Можетъ это непріятно нѣкоторымъ самозваннымъ патріотамъ, которые кичатся своимъ политическимъ шарлатанствомъ. Но это фактъ, хорошъ ли или дуренъ, но фактъ. Народъ любитъ Россію, привязанъ къ ней и хранитъ твердую и непоколебимую вѣру въ державу, которая воскресила его изъ тяжкаго и позорнаго пяти-вѣковаго турецкаго рабства. Это такъ явно и очевидно, какъ явно и очевидно ненавидитъ онъ непрошенныхъ и немилыхъ своихъ доброжелателей, которые отъ его имени и на его счетъ бросаютъ грязью въ его Освободительницу и разрываютъ послѣднюю его связь съ нею. Повторяемъ — съ негодованіемъ и съ глубокою скорбью взглянетъ народъ на его виновниковъ. Да и могло ли оно и можетъ ли быть иначе? Было бы нѣчто чудовищное и неестественное, еслибъ народъ, который молится и крестится на Россію, который изъ поколѣнія въ поколѣніе передавалъ въ наслѣдство любовь и уваженіе къ *дяду Ивану*, народъ, получившій нѣсколько лѣтъ тому назадъ свободу и независимость изъ рукъ своихъ братушекъ, еслибъ этотъ народъ вдругъ какъ по какой-то магіи, совершенно преобразился и вмѣсто любви, вѣры и преданности, сталъ бы дышать злою ненавистью и враждою къ своей Освободительницѣ. Нѣтъ, этому никогда не бывать, вы обманываетесь. Любовь, вѣра и преданность, насажденныя въ теченіе столькихъ вѣковъ, не могутъ такъ легко и скоро быть искоренены и вытравлены. Россія есть у насъ могущественная и почти непреодолимая нравственная сила. Горько, тяжело въ этомъ признаться но признаться должны эти люди, которые въ своей куриной слѣпотѣ и своими донкихотскими похожденіями думали сотворить чудо — заставить народъ мыслить и чувствовать по ихнему. Насколько знаемъ народъ, — говоримъ это открыто и явно, — мы не предвидимъ отъ этого никакихъ добрыхъ послѣдствій «въ будущемъ».

Эти строки, вѣрно передавая воззрѣнія болгарскаго народа на Россію и его чувства къ ней, служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ и живымъ свидѣтельствомъ, что стоятъ за Россію и не хотятъ слышать подстрекательствъ европейской дипломатіи не только весь болгарскій народъ, но и лучшіе способнѣйшіе, заслуженнѣйшіе представители его интеллигенціи, какъ Бендеревъ, Груевъ, Дмитріевъ и проч. (около 80—100) офицеры, митроп. Климентъ, Цанковъ и ихъ друзья, замѣчательнѣйшій болгарскій писатель Славейковъ, способнѣйшій и наиболѣе, изъ всѣхъ бывшихъ въ Болгаріи за 7 лѣтъ министровъ, владѣвшій министерскимъ постомъ и имѣющій наибольшую партію, П. Каравеловъ.

Изъ газеты («Новое Время»).

Послѣ рѣчи В. И. Ламанскаго В. И. Аристовъ прочиталъ стихотвореніе И. Можайскаго: «Ничего». Вотъ оно:

Когда графъ Бисмаркъ Отто
Посломъ въ Россіи жилъ,
То услаждать охотой
Досуги онъ любилъ.
Однажды, лишь настала
Порошъ у насъ пора,
Рука его держала
Повѣстку отъ Двора.
Зовъ Царскій на облаву
Съ восторгомъ прочитавъ,
Потѣшиться на славу
Стрѣлой помчался графъ,
Но какъ-то заблудился
И —съ грустью на челѣ—
Нежданно очутился
Въ невѣдомомъ селѣ.
Дивуясь какъ на чудо,
Его со всѣхъ сторонъ
Съ вопросами: откуда
И кто такое онъ,
Крестьяне приглашаютъ
Въ тепло родимыхъ хатъ,
Въ ошибкѣ утѣшаютъ,
«Э, баринъ, говорятъ, —
До мѣста, гдѣ охота,

Верстъ двадцать вѣдь всего,
Коль ѣхать чрезъ болото,—
Поспѣешь,—*ничего!*»
И не успѣлъ порядкомъ
Стрѣлокъ согрѣться нашъ,
Какъ предъ крылечкомъ шаткимъ
Ужъ поданъ экипажъ.
Положены охапки
Сѣнца поверхъ дровней,
А мелкія лошадки,
Какъ парочка мышей;
Веревочная сбруя;
Возницы сѣръ нарядъ...
Садится, горе чуя,
На дровни дипломатъ.
Несутся бойко мыши,
А графъ, судьбу кляня,
Твердитъ: «вези потише:
Ты вывалишь меня!»
Возница-жъ, погоняя,
Посмотритъ на него,
Съ улыбкой увѣряя:
«Сидите, *ничего!*»
Вотъ пара доскакала
До частаго лѣска,
Дорога уже стала,
Сильнѣе бьетъ въ бока.
«Потише!» Но съ разбѣга
Ударясь о пенёкъ,
Летитъ въ сугробы снѣга
Сіятельный стрѣлокъ.
Во взорѣ гнѣва искры,
«Постой же ты, свинья!»
Желѣзный шомполъ быстро
Досталъ онъ изъ ружья,
Чтобъ имъ побить возницу. —
Снѣжку спокойно тотъ
Загребши въ рукавицу,
Лѣчить его идетъ.
«Э, баринъ, у тебя, вѣдь
Царапинка всего:
Бѣду легко поправить
Вѣдь это *ничего!*»
И снѣгъ онъ нажимаетъ
На раненый високъ...
Свой шомполъ опускаетъ
Съ улыбкою стрѣлокъ.
«Вотъ люди,— графъ дивится:
Вѣдь все имъ ни по-чемъ!.»
На дровни вновь садится,
Свернувшись калачемъ.
Усѣлись, поскакали,
Ныряя по снѣгамъ,
И въ сборный пунктъ попали
Къ назначеннымъ часамъ.
Казалося такъ трудно,
А вышло такъ легко!
Всю удаль Руси чудной
Постигъ онъ глубоко;
И выдумалъ вещицу
На память графъ о ней,
Вернувшись за границу,—
Простую,—безъ затѣй:
Изъ шомпола колечко
Онъ сдѣлалъ своего,
Велѣлъ на немъ словечко
Нарѣзать: *ничего!*
И князя утѣшаетъ
Смыслъ русскаго словца,
Онъ съ пальца не снимаетъ
Желѣзнаго кольца.
И ежели сомнѣнье
Въ дѣлахъ его возьметъ,
То быстрый взоръ въ мгновенье
На перстень упадетъ —
И трудную задачу
Разсчета своего
Рѣшитъ онъ на удачу
Со словомъ—*ничего!*
Когда же слышитъ въ мнѣньяхъ
Придирчивыхъ натуръ,
Что съ Русью онъ въ сношеньяхъ
Уступчивъ черезъ-чуръ,
То будто для совѣта,
Надъ перстенькомъ склонясь,
Такой отвѣтъ на это
Даетъ желѣзный князь:
«Любя страну родную,
Одинъ я въ ней таковъ,
Что бью на удалую,
А тамъ въ краю снѣговъ
Милльоновъ сто народу,—
И каждый изъ него
Пойдетъ въ огонь и въ воду
Со словомъ: *ничего!*»

Послѣ стихотворенія, хоромъ г. Архангельскаго была исполнена чешская колыбельная пѣснь.

Въ заключеніе перваго отдѣленія, профессоръ М. О. Кояловичъ прочиталъ отрывокъ изъ описанія своего путешествія прошедшимъ лѣтомъ по западной Россіи, которое печатаетъ въ «Церковномъ Вѣстникѣ». Чтенію этому М. О. предпослалъ заявленіе, что онъ проситъ слушателей, послѣ тѣхъ обширныхъ свѣдѣній и широ-

кихъ воззрѣній на славянство, съ высшей научной точки славяновѣдѣнія и касающихся всего славянства, какія собраніе сейчасъ слышало отъ В. И. Ламанскаго, обратить вниманіе на небольшую русскую область и небольшой кругъ дѣлъ,—именно на часть Западной Россіи, которую объѣзжалъ прошедшимъ лѣтомъ М. О.; но въ сообщеніи объ этой небольшой странѣ и небольшомъ кругѣ ея дѣлъ, можетъ быть, сказалъ М. О., найдутся хотя нѣкоторые отвѣты на вопросы,—на славянскія радости и скорби, какія возбуждаетъ рѣчь В. И Ламанскаго. М. О. за этимъ сообщилъ, что во всей той странѣ, которую онъ объѣзжалъ, живо помнится и глубоко чтится имя И. С. Аксакова, что тѣ русскія идеи и начала западно-русской жизни, которыя находили себѣ такое богатое разъясненіе въ изданіяхъ И. С. Аксакова,—въ его собственныхъ статьяхъ и многочисленныхъ сообщеніяхъ изъ Западной Россіи, живутъ тамъ и теперь и можно даже сказать, обладаютъ поразительною живучестію. Все лучшее изъ русской тамошней среды держится ихъ и все прочное, что тамъ строится, такъ или иначе связывается съ этими идеями и началами, а строить приходится еще много.

Въ подтвержденіе этого М. О. Кояловичъ прочиталъ отрывокъ изъ своихъ путевыхъ впечатлѣній,— очеркъ настроенія молодыхъ поколѣній простаго народа бѣлорусскаго племени. Изъ этого очерка видно, что эти поколѣнія сильно теперь развиваются,—выходятъ изъ патріархальнаго быта, подходятъ къ интеллигентной средѣ и приглядываются, какіе брать образцы изъ нея и откуда брать,—изъ русской или изъ польской среды. Сообразно съ этимъ одна часть беретъ русскіе образцы интеллигентной жизни, другая, особенно крестьяне латинскаго закона, беретъ польскіе образцы и полячится, такъ что есть уже новыя ополяченныя мѣстности.

Все это должно вызывать особенныя заботы русской интеллигенціи и дружную русскую работу, пока есть еще время, пока есть еще богатыя опоры для такой работы, въ лицѣ многочисленныхъ ревнителей русской вѣры и русской народности въ средѣ самихъ крестьянъ.

Въ заключеніе М. О. Кояловичъ обрисовалъ два типа такихъ ревнителей,— одного христолюбца, самоотверженнаго строителя кладбищенской церкви въ его деревнѣ, и другаго, — церковнаго сторожа, твердо установившаго свои воззрѣнія на свое русское званіе и свои отношенія къ евреямъ.

Послѣ небольшаго перерыва хоръ г. Архангельскаго исполнилъ гимнъ св. Кириллу и Меѳодію, соч. Чайковскаго, а профессоръ О. Ѳ. Миллеръ прочиталъ статью Н. Н. Страхова: «О книгѣ: Россія и Европа», Н. Я. Данилевскаго».

«Память Н. Я. Данилевскаго драгоцѣнна для Славянскаго Общества не только какъ память полезнаго дѣятеля по государственному хозяйству, отличнаго русскаго натуралиста, пламеннаго патріота, человѣка явно и тайно дѣлавшаго приношенія на славянское дѣло изъ своего трудоваго имущества, но главное, и больше всего, какъ *учителя* тѣхъ идей, которыя лежатъ въ самой основѣ Общества, составляютъ его душу. Въ этомъ отношеніи заслуга Н. Я. Данилевскаго такъ велика, что размѣровъ ея мы теперь еще и опредѣлить не можемъ. Онъ написалъ книгу *Россія и Европа*, которую можно назвать катихизисомъ или кодексомъ славянофильства; такъ полно, точно и ясно въ ней изложено ученіе о славянскомъ мірѣ и его отношеніи къ остальному человѣчеству». Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этой книгѣ; постараемся указать ея особенности и высокія достоинства.

Есть явленія въ умственномъ мірѣ, которыя совмѣщаютъ въ себѣ и завершаютъ собою цѣлые періоды въ развитіи науки, литературы, изображаютъ собою смыслъ цѣлаго направленія духовной дѣятельности. Такъ, положимъ, стихи Пушкина представляютъ намъ всю ту поэзію, которая развилась у насъ послѣ Карамзинскаго переворота; множество поэтовъ, существовавшихъ передъ Пушкинымъ и въ одно время съ нимъ, такъ сказать, поглощены и сосредоточены въ произведеніяхъ

нашего величайшаго поэта. Точно также, напримѣръ, Гегель совмѣщаетъ въ себѣ всю нѣмецкую философію послѣ Канта; онъ есть настоящій представитель всего этого періода, мыслитель, въ которомъ съ наибольшею силою и ясностію выразилось все тогдашнее направленіе философіи.

Въ другихъ, меньшихъ размѣрахъ, но подобное отношеніе существуетъ, очевидно, между книгою Н. Я. Данилевскаго и тѣмъ направленіемъ нашей литературы, которое извѣстно подъ именемъ славянофильства. Въ какой мѣрѣ эта книга завершаетъ и совмѣщаетъ въ себѣ славянофильскія ученія, это другой вопросъ; но что она имѣетъ такое завершающее и представительное значеніе—въ томъ невозможно сомнѣваться. Быть можетъ, со временемъ Н. Я. Данилевскій будетъ считаться славянофиломъ *по преимуществу*, кульминаціонной точкой въ развитіи этого направленія, писателемъ, сосредоточившимъ въ себѣ всю силу славянофильской идеи. Если имя Хомякова никогда не забудется въ исторіи русской мысли, то можетъ быть *то, что сказалъ Данилевскій*, будетъ болѣе памятно, сильнѣе и яснѣе отразится въ умахъ.

Но, положимъ, даже не такъ; положимъ, Данилевскому не суждено стоять, не то что выше, а лишь впереди предшествовавшихъ славянофиловъ; во всякомъ случаѣ «Россія и Европа» есть книга, по которой можно изучать славянофильство всякому, кто его желаетъ изучать. Съ появленіемъ этой книги уже нельзя говорить, что мысли о своеобразіи славянскаго племени, о Европѣ, какъ о мірѣ намъ чуждомъ, о задачахъ и будущности Россіи, и т. д., что эти мысли существуютъ въ видѣ журнальныхъ толковъ, намековъ, мечтаній, фразъ, аллегорій; нѣтъ, славянофильство теперь существуетъ въ формѣ строгой, ясной, опредѣленной, въ такой точной и связной формѣ, въ какой едва ли существуетъ у насъ какое нибудь другое ученіе.

Тутъ намъ слѣдуетъ разсмотрѣть возраженіе, обыкновенно дѣлаемое противъ книгъ такого рода, какъ «Россія и Европа». Говорятъ, и уже успѣли сказать нѣсколько разъ, что въ этой книгѣ нѣтъ *ничего новаго*. Этотъ вопросъ *о новости* чрезвычайно труденъ, и этою трудностію всегда пользовалась люди, недоброжелательствующіе самому дѣлу. Что̀ новаго въ Пушкинѣ? Повидимому у него все то же, что̀ у Жуковскаго, Батюшкова, Козлова и пр. Тотъ же языкъ, тѣ же формы произведеній, одинаковые литературные привычки и пріемы. Между тѣмъ, въ сущности, новость огромная: созданіе русской поэзіи, основаніе русской литературы. Итакъ, уловить новое вовсе не легко. Иной скептикъ готовъ будетъ, пожалуй, сказать, что и великолѣпный домъ, который онъ видитъ въ первый разъ, не представляетъ ему ничего новаго, такъ какъ онъ уже давно видѣлъ кучи кирпичей, изъ которыхъ этотъ домъ построенъ.

Но въ настоящемъ случаѣ для читателя сколько нибудь внимательнаго и серьезнаго не можетъ быть, намъ кажется, никакого вопроса и сомнѣнія. Въ книгѣ Данилевскаго все новое, отъ начала до конца; она не есть сводъ и повтореніе чужихъ мнѣній, она содержитъ только одни собственныя мнѣнія автора, мысли, никѣмъ и никогда еще не сказанныя, почему онъ и почелъ за нужное ихъ высказать. «*Россія и Европа*» есть книга совершенно самобытная, отнюдь не порожденная славянофильствомъ въ тѣсномъ, литературно-историческомъ смыслѣ этого слова, не составляющая дальнѣйшаго развитія уже высказанныхъ началъ, а напротивъ полагающая новыя начала, употребляющая новые пріемы, и достигающая новыхъ, *болѣе общихъ* результатовъ, въ которыхъ славянофильскія положенія содержатся *какъ частный случай*. Когда мы, не смотря на то, называемъ ученіе «Россіи и Европы» славянофильствомъ, то мы разумѣемъ здѣсь славянство въ отвлеченномъ, общемъ, идеальномъ смыслѣ; собственно говоря, это вовсе не славянофильство, а особою ученіе Данилевскаго, такъ сказать «данилевщина». Данилевщина включаетъ въ себѣ славянофильство, но не на оборотъ.

Новыя явленія въ умственномъ мірѣ мы часто принимаемъ за старыя, давно намъ знакомыя: ошибка самая естественная.

Новыя явленія часто заставляютъ насъ расширять и обобщать смыслъ прежнихъ понятій: такъ, съ появленіемъ «Россіи и Европы» мы должны расширить и обобщить смыслъ давно употребляемаго термина *славянофильство*. Оказалось, что есть славянофильское ученіе, вовсе не похожее на то, что мы привыкли называть этимъ именемъ.

Въ чемъ же сходство и въ чемъ различіе? Сходство, очевидно заключается въ *практическихъ выводахъ*. Понятно, что Н. Я. Данилевскій, говоря о потребностяхъ Россіи, о тѣхъ стремленіяхъ, которыхъ ей слѣдуетъ держаться, въ значительной мѣрѣ долженъ былъ совпадать съ прежними славянофилами. Люди, живо и глубоко чувствующіе интересы своей родины, любовно вникающіе въ ея историческую судьбу, конечно никогда не разойдутся далеко по вопросамъ, что слѣдуетъ любить, чего слѣдуетъ желать. Въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли на множествѣ примѣровъ, сердечная проницательность заставляетъ многихъ говорить и дѣйствовать даже вопреки своему образу мыслей, вопреки самымъ яснымъ началамъ, ими исповѣдуемымъ. Есть случаи, когда вся Россія, можно сказать, обращается въ славянофиловъ.

Но иное дѣло—стремиться, повинуясь какому то инстинкту, и иное дѣло—возвести эти стремленія въ сознательные взгляды, и согласовать ихъ съ нашими общими и высшими началами. И вотъ гдѣ существенное отличіе Н. Я. Данилевскаго. Если всякій мужикъ есть въ сущности славянофилъ, если самые ярые западники иногда говорятъ за одно съ мужиками, если, наконецъ, прежніе славянофилы вѣрно поняли не только интересы. но и самый духъ своего народа, то Данилевскій есть именно тотъ писатель, который представилъ наиболѣе строгую теорію для этихъ стремленій, который нашелъ для нихъ общія и высшія начала, начала новыя, до него никѣмъ не указанныя. Вотъ гдѣ главная оригинальность «Россіи и Европы».

Эта книга названа слишкомъ скромно. Она вовсе не ограничивается Россіею и Европою, или даже болѣе широкими предметами, міромъ славянскимъ и міромъ германо-романскимъ. Она содержитъ въ себѣ новый взглядъ на всю исторію человѣчества, новую теорію *Всеобщей Исторіи*. Это не публицистическое сочиненіе, котораго вся занимательность заимствуется отъ извѣстныхъ практическихъ интересовъ; это сочиненіе строго-научное, имѣющее цѣлью добыть истину относительно основныхъ началъ, на кототыхъ должна строиться наука *исторіи*. Славянство и отношенія между Россіею и Европою суть не болѣе, какъ частный случай,—примѣръ, поясняющій общую теорію.

Главная мысль Данилевскаго чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Онъ далъ новую формулу для построенія исторіи, формулу *гораздо болѣе широкую*, чѣмъ прежнія, и потому, безъ всякаго сомнѣнія, болѣе справедливую, болѣе научную, болѣе способную уловить дѣйствительность предмета, чѣмъ прежнія формулы. Именно, онъ отвергъ *единую нить* въ развитіи человѣчества, ту мысль, что исторія есть прогрессъ нѣкотораго общаго разума, нѣкоторой общей цивилизаціи. Такой цивилизаціи нѣтъ, говоритъ Данилевскій, а существуютъ только частныя цивилизаціи, существуетъ развитіе отдѣльныхъ *культурно-историческихъ типовъ*.

Очевидно, прежній взглядъ на исторію былъ *искусственный*, насильственно подгоняющій явленія подъ формулу, взятую извнѣ, подчиняющій ихъ произвольно придуманному порядку. Новый взглядъ Данилевскаго есть взглядъ *естественный*, не задающійся заранѣе принятою мыслью, а опредѣляющій формы и отношенія предметовъ на основаніи опыта, наблюденія, внимательнаго всматриванія въ ихъ природу. Переворотъ, который «Россія и Европа» стремится внести въ науку исторіи, подобенъ *внесенію естественной системы* въ науки, гдѣ господствовала система искусственная.

Изслѣдователь тутъ руководится нѣкоторымъ *смиреніемъ* передъ предметами Ученые теоретики, особенно нѣмцы, часто ломаютъ по своему природу, подгоняютъ ее подъ извѣстныя идеи, готовы видѣть неправильность и уродство во всемъ, что несогласно съ ихъ разумомъ; но истинный натуралистъ отказывается отъ слѣпой вѣры въ свой разумъ, ищетъ откровеній и указаній не въ собственныхъ мысляхъ, а въ

предметахъ. Тутъ есть вѣра въ то, что міръ и его явленія гораздо глубже, богаче содержаніемъ, обильнѣе смысломъ, чѣмъ бѣдныя и сухія построенія нашего ума.

Для обыкновеннаго историка такое явленіе, какъ, напримѣръ, Китай, есть нѣчто неправильное и пустое, какая-то ненужная безсмыслица. Поэтому о Китаѣ и не говорятъ, его выкидываютъ за предѣлы исторіи. По системѣ Данилевскаго, Китай есть столь же законное и поучительное явленіе, какъ греко-римскій міръ, или гордая Европа.

Итакъ, вотъ какую важность, какой высокій предметъ и какую силу имѣетъ та новая, собственно Данилевскому принадлежащая исходная точка зрѣнія, которая развита въ «Россіи и Европѣ». Столь же оригинальна и та мастерская разработка, которой подвергнута исторія съ этой точки зрѣнія. Если многіе выводы получились славянофильскіе, то они такимъ образомъ пріобрѣли совершенно новый видъ, получили новую доказательность, которой очевидно не могли имѣть, пока не существовали начала, въ первый разъ указанныя въ этой книгѣ.

Авторъ «Россіи и Европы» нигдѣ не опирается на славянофильскія ученія, какъ на что-нибудь уже добытое и дознанное. Напротивъ, онъ исключительно развиваетъ свои собственныя мысли, и основываетъ ихъ на своихъ собственныхъ началахъ. Свое отношеніе къ славянофильству онъ отчасти указалъ въ слѣдующемъ мѣстѣ:

«Ученіе славянофиловъ было не чуждо «оттѣнка гуманитарности, что впрочемъ «иначе и не могло быть, потому что оно «имѣло двоякій источникъ: германскую «философію, къ которой оно относилось «только съ большимъ пониманіемъ и боль«шею свободою, чѣмъ его противники, и «изученіе началъ русской и вообще сла«вянской жизни—въ религіозномъ, исто«рическомъ, поэтическомъ и бытовомъ от«ношеніяхъ. Если оно напирало на необхо«димость самобытнаго національнаго раз«витія, то отчасти потому, что, сознавая «высокое достоинство славянскихъ началъ, «а также видя успѣвшую уже выказаться, «въ теченіе долговременнаго развитія, од«носторонность и непримиримое противо«рѣчіе началъ европейскихъ, считало, «будто-бы славянамъ суждено разрѣшить «общечеловѣческую задачу, чего не могли «сдѣлать ихъ предшественники. Такой «задачи, однакоже, вовсе не существуетъ.» «(«Россія и Европа», стр. 120).

И такъ у Н. Я. Данилевскаго и источникъ другой, и главный выводъ не похожъ на славянофильскій. Н. Я. Данилевскій не держится германской философіи, не стоитъ къ ней даже и въ тѣхъ очень свободныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ стоятъ славянофилы. Слѣдовательно, въ извѣстномъ смыслѣ, онъ самостоятельнѣе. Его философію можно бы сблизить съ духомъ естественныхъ наукъ, напримѣръ съ взлядами и пріемами Кювье; но этотъ общій научный духъ не можетъ быть считаемъ какимъ-то особымъ ученіемъ.

Главный выводъ «Россіи и Европы» столь же самостоятеленъ и столь же поразителенъ своею простотою и трезвостію, какъ и вся эта теорія: славяне не предназначены обновить весь міръ, найти для всего человѣчества рѣшеніе исторической задачи; они суть только особый культурно-историческій типъ, рядомъ съ которымъ можетъ имѣть мѣсто существованіе и развитіе другихъ типовъ. Вотъ рѣшеніе, разомъ устраняющее многія затрудненія, полагающее предѣлъ инымъ несбыточнымъ мечтаніямъ и сводящее насъ на твердую почву дѣйствительности. Сверхъ того очевидно, что это рѣшеніе чисто славянское, представляющее тотъ характеръ терпимости, котораго вообще мы не находимъ во взглядахъ Европы, насильственной и властолюбивой не только на практикѣ, но и въ своихъ умственныхъ построеніяхъ. Да и вся теорія Н. Я. Данилевскаго можетъ быть разсматриваема, какъ нѣкоторая попытка объяснить *положеніе славянскаго міра въ исторіи*,—эту загадку, аномалію, эпициклъ для всякаго европейскаго историка. Въ силу того исключительнаго положенія среди другихъ народовъ, которому въ исторіи нѣтъ вполнѣ равнаго примѣра, славянамъ суждено измѣнить укоренившіеся въ Европѣ взгляды на науку исторіи, взгляды, подъ которые никакъ не можетъ подойти славянскій міръ.

Таковы главныя черты книги Н. Я. Данилевскаго. Изъ нихъ виденъ *многообразный* характеръ этой книги; но спѣшимъ прибавить, что понятіе о ней будетъ еще

далеко не полное. Богатство мыслей, обиліе дѣйствительнаго содержанія такъ велико, что новыя стороны дѣла открываются на каждой страницѣ. Это сочиненіе удивительнымъ образомъ сочетало въ себѣ жаръ глубокаго чувства и холодную строгость науки; оно есть пламенное воззваніе и вмѣстѣ точная, глубокомысленно-соображенная теорія.

Затѣмъ О. Ѳ. Миллеръ прочелъ стихотвореніе Тютчева: «Гусъ на кострѣ» и свою статью:

Наше современное положеніе и завѣты нашихъ славныхъ покойниковъ.

Какихъ только испытаній не вынесла на своемъ тысячелѣтнемъ историческомъ поприщѣ многострадальная земля Русская! Но едва ли и ей когда либо приходилось переживать такую томительную и все еще безъисходную пытку, какую мы выносимъ теперь. Дѣло, конечно, не въ такъ называемой неблагодарности искупленнаго нашею кровью болгарскаго народа. Дѣло и не въ его, болѣе или менѣе самозванныхъ, правителяхъ, напустившихъ на него тумань, а въ той неслыханной смѣлости, съ какою ихъ постоянно настраиваютъ противъ насъ, да намъ же еще и читаютъ пріятельскія наставленія. Вотъ приближается пятидесятилѣтняя годовщина нашего великаго поэта; — и, точно дразня его тѣнь, дерзко пытаются доказать и славянамъ, и не славянамъ, что «Русскаго Царя уже безсильно слово».

А было время, когда, тяготясь и ропща, за насъ, однако, хватались и намъ безусловно повиновались—особенно въ германской части Европы. Но я обращаю вниманіе не на это время — не на то казовое величіе, которое обманывало насъ самихъ призракомъ мнимой самостоятельности, возникшей на чуждыхъ Россіи основахъ Вѣнскаго конгресса. Я обращаю вниманіе не на ту нашу роль въ священномъ союзѣ, во имя которой, настроенные консервативнымъ австрійскимъ министромъ, мы въ самомъ дѣлѣ воображали — что именно на поддержку европейскаго легитимизма и должна сводиться національная задача Россіи. Конецъ такому самообольщенію могъ бы наступить давно. Стоило намъ только вспомнить опять и о своихъ настоящихъ задачахъ,—какъ составился противъ насъ новый державный союзъ, съумѣвшій мастерски воспользоваться европейскимъ общественнымъ мнѣніемъ, настроеннымъ противъ насъ именно нашею службою священному союзу. За свою гегемонію въ Европѣ, надѣлившую и насъ самихъ всею косностью и неподвижностью status quo, мы расплатились геройскою обороною—и сдачею врагамъ Севастополя, а съ нимъ вмѣстѣ и нашего вліянія на востокѣ.

Я хочу говорить о другой порѣ – о томъ нашемъ внутреннемъ возрожденіи, о томъ поднятіи на ноги и выпрямленіи богатыря народнаго, которое такъ восторженно привѣтствовалось покойнымъ Аксаковымъ. Я хочу говорить о той порѣ, когда повѣяло тепломъ и волей, когда совершилось освобожденіе крестьянъ, когда зачался гласный судъ, когда открыты были земскія учрежденія, когда снимались оковы съ печатнаго слова, когда перестали прогонять сквозь строй, когда защита отечества стала общей священной обязанностью.

. . . .
. . . .

Но вотъ стала опять разыгрываться гроза на востокѣ. Сами собой, безъ вызова или поощренія, но и безъ запрета двинулись туда русскіе добровольцы. Переживая душою все то, что тогда происходило въ Сербіи, ставшая давно вполнѣ русскою, вполнѣ православною, Государыня проливала горячія слезы при вѣсти о Джунисскомъ погромѣ. Свѣжія турецкія силы готовились нахлынуть на Сербію. Русскій Государь произнесъ: ни съ мѣста! И турки не двинулись.

Гуманное сердце Государя не желало войны, но она сдѣлалась наконецъ неизбѣжною. Сознавая, что это война народная, онъ принялъ участіе въ походѣ, онъ непосредственно переиспыталъ всѣ предстоявшія намъ невзгоды. Но вотъ—Плевна наконецъ пала, за нею послѣдовалъ небыва-

лый, казавшійся просто невозможнымъ зимній переходъ черезъ Балканы. «Dieser Koloss wird noch alles zerschmettern, *) говорили ошеломленные нѣмцы. Мы дошли до воротъ Цареграда—и добровольно остановились у нихъ...

. . . .

. . . .

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше измѣнялись роли—въ силу ловкой игры въ обстоятельства нашихъ коварныхъ друзей. Тѣ самые мадьяры, которые еще такъ недавно дѣлали оваціи туркамъ, теперь распинаются за независимую Болгарію, гордясь своимъ благороднымъ почином въ признаніи ея соединенія съ Румеліей—впрочемъ какъ-то такъ оставаясь на почвѣ того же самаго берлинскаго договора, который ихъ раздѣлилъ. Не успѣли еще истлѣть кости Биконсфильда, еще, слава Богу, здравствуетъ Гладстонъ, обличавшій его за циническія отношенія къ болгарскимъ ужасамъ,—и этого самаго Биконсфильда выставляютъ намъ чуть не защитникомъ тѣхъ же болгаръ, заранѣе провидѣвшимъ ихъ будущихъ настоящихъ враговъ—въ лицѣ ихъ русскихъ освободителей, которые оросили въ Болгаріи каждую пядь земли своею искупительною кровью. Все это, видите, для того, чтобы подвергнуть ее игу, во сто разъ горчайшему, чѣмъ турецкое, чтобы оставить ее, наконецъ, и безъ конституціи—той самой, которую мы же вѣдь ей и дали.

И обо всемъ этомъ пишется, говорится съ трибунъ,—всему этому научаются вѣрить болгары, вѣрить уже потому, что новыхъ друзей сразу привалило такъ много, и всѣ они говорятъ такъ громко, мы же сравнительно съ ними тише воды, ниже травы. Мнѣ невольно при этомъ припоминается разсказъ покойнаго А. С. Хомякова о томъ крестьянинѣ, который горячился, отстаивая свое дѣло, и которому споривший съ нимъ замѣтилъ: «чего кричишь? точно баринъ», на что тотъ въ свою очередь отвѣчалъ: «коли правъ, такъ и баринъ». Все дѣло и заключается именно въ томъ, чтобы сознавать свою *правоту* и въ сознаніи своей правоты усматривать свою *силу*.

О правдѣ, какъ твердой опорѣ силы, постоянно говорилъ покойный И. С. Аксаковъ. И въ самыхъ послѣднихъ статьяхъ своей «Руси», писанныхъ, какъ и всегда, кровью и огнемъ незадолго уже до смерти, онъ упорно противопоставлялъ свою политику *внутренней правды* той политикѣ *реальныхъ интересовъ*, въ пользу которой пытались его настроить его новоявленные лжепослѣдователи. Въ сущности они опирались на старыя общія мѣста, что въ политикѣ *все позволено* и что верховное въ ней начало—*нажива*. Онъ же, опираясь на непосредственное чувство тѣхъ простыхъ русскихъ людей, которые такъ безкорыстно стремились на помощь братьямъ, видѣлъ въ этомъ самую *дѣйствительную* основу для будущаго духовнаго единенія, для великой міровой связи. И вотъ онъ-то, постоянно возстававшій противъ интереса въ его грубо реальномъ смыслѣ, и признанъ былъ послѣ смерти державнымъ голосомъ за настоящаго оберегателя русскихъ интересовъ.

Держась своей *правды*, онъ бы рѣшительнѣе всѣхъ сталъ изобличать ту *кривду*, ту вопіющую фальшь, которая скрывается въ каждой фразѣ иноземныхъ защитниковъ независимости болгаръ и неприкосновенности ихъ конституціи. Защищать ее, отвѣчалъ бы онъ имъ, не вамъ, такъ ярко изобличающимъ ея слабыя стороны столь ловкимъ направленіемъ ихъ въ свою собственную пользу. Защищать ее, отвѣчалъ бы онъ имъ, не вамъ, умудрившимся такъ поставить и вашу собственную конституцію, что народамъ, отъ васъ зависящимъ, слишкомъ мало отъ нея проку. Вспомнимъ сказанное на дняхъ въ одной хорватской газетѣ: «болгарскіе патріоты завидуютъ намъ, нашей свободѣ, которою мы яко бы пользуемся въ Австріи. Ну, мы готовы безъ всякихъ околичностей и съ легкимъ сердцемъ продать имъ эту «свободу» за то, что называется «русской нагайкой».

Но, опираясь на свою правду, Аксаковъ могъ бы пойти и далѣе. Онъ могъ бы спросить: гдѣ, въ какой странѣ міра, не только конституціонной, но и республиканской, вполнѣ доволенъ своею судьбою народъ, гдѣ, подъ фирмою такъ называе-

*) Этотъ колоссъ еще все сокрушитъ.

маго народовластія, мы находимъ въ самомъ дѣлѣ настоящее народное благосостояніе—какъ матерьяльное, такъ и нравственное? Аксаковъ могъ бы объ этомъ спросить, опираясь на русскій народъ, столь далекій отъ всякихъ поползновеній на власть, видящій во власти не цѣль, а средство, признающій ее прикладною силой, силой обязанной достигать правды. Онъ могъ обращаться съ самыми убійственными вопросами во всѣ стороны, видя предъ собой міровой идеалъ, вездѣ еще столь далекій отъ осуществленія, а въ недавнемъ прошломъ находя для себя опору въ великомъ дѣлѣ 19-го февраля, *какъ точкѣ отправленія для дальнѣйшаго неустаннаго шествія по тому же зиждительному пути.* О, какъ заблуждаются тѣ публицисты, которые прямо на оборотъ, выбиваясь изъ силъ, чтобы заставить насъ совсѣмъ позабыть день 19-го февраля, въ то же время настаиваютъ на рѣшительномъ голосѣ Россіи въ политикѣ внѣшней. Если они въ самомъ дѣлѣ не понимаютъ, что это несовмѣстимо, то намъ ихъ жаль, хотя гораздо болѣе жаль Россію, которой они такъ вредятъ своимъ лживымъ голосомъ. Если же они понимаютъ, но руководствуются посторонними цѣлями, то да будетъ имъ стыдно! хотя, конечно, Россіи не легче отъ ихъ стыда. Да, заблуждаются публицисты, рѣшившіеся вернуть насъ на путь, которымъ мы шли до крымской войны, и этимъ путемъ привести насъ къ побѣдѣ. Они забываютъ слова Ѳ. И. Тютчева: «всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матерьяльныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ». Такіе ли наклонности и инстинкты должны составлять тотъ духовный елей, съ которымъ предстоитъ намъ выступить во срѣтенье жениху,—а вѣдь онъ грядетъ! Великій историческій день уже передъ нами, онъ не даетъ отсрочки, не ждетъ,—но для того, чтобы намъ совладать съ его неотложной задачей и искренно, а не фарисейски молить «о побѣдѣ и одолѣніи», нужно крѣпко схватиться за знамя великой плодотворной идеи.

Аксаковъ постоянно говорилъ намъ про эту идею. Онъ видѣлъ ее въ постоянномъ, неуклончивомъ, ничѣмъ несмущающемся шествіи по пути, проложенному 19-го февраля. Онъ считалъ его нашимъ прямымъ историческимъ путемъ, потому что, какъ говоритъ онъ, «мы, русскіе, не рыцари, мы—самъ народъ, мы—*plebs*». Но онъ не менѣе хорошо понималъ, что плебсомъ является, за исключеніемъ Польши и отчасти Чехіи, и весь славянскій міръ — такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ сталъ и сталъ не со вчерашняго дня. Если гдѣ и были свои сословныя выси, то онѣ давно обвалились, потому что обезнародились. Вездѣ у славянъ народность сохранилась только внизу — въ плебсѣ, или самомъ народѣ. Снизу же возникаетъ и настоящая славянская интеллигенція. Новая интеллигенція, надо думать, будетъ мало по-малу возникать снизу и въ Польшѣ и придетъ на смѣну той, которая такъ долго не могла помириться съ крестьянскою реформою, проведенною тамъ по волѣ покойнаго Государя покойными Н. А. Милютинымъ и Ю. Ѳ. Самаринымъ. Если гулъ недовольства еще не заглохъ и теперь на польскихъ верхахъ общественныхъ (поддерживаемый, впрочемъ, нѣкоторыми ошибочными излишествами съ нашей стороны) то въ остальномъ славянствѣ дѣйствительно народолюбивая политика Россіи всегда будетъ привѣтствуема отъ всей души. Славянству только и надо увѣриться въ томъ, что такая политика стала у насъ устойчивою. А что если увѣриться въ томъ же самомъ только и надо и всему остальному европейскому человѣчеству? Не даромъ еще покойный кн. В. Ѳ. Одоевскій говорилъ въ своихъ «Русскихъ Ночахъ»: «не бойтесь, братья по человѣчеству! Нѣтъ разрушительныхъ стихій на славянскомъ востокѣ; узнайте его, и вы въ томъ увѣритесь. Вы найдете у насъ частію ваши же силы, сохраненныя и умноженныя, вы найдете и наши собственныя силы, вамъ неизвѣстныя и которыя не оскудѣютъ отъ раздѣла съ вами... Вы найдете вѣрованіе въ возможность счастія не одного большаго числа, но счастія всѣхъ и каждаго». Вѣдь и на Западѣ большая часть человѣчества до сихъ поръ еще и не жила настоящею жизнію. И не даромъ же тамъ въ послѣднее время стали утолять свою духовную жажду нашею литературою. Въ ней такъ просто, такъ задушевно

звучитъ живая нота христіанскаго братства, міровой все единящей любви! Вѣдь именно какъ глубоко огорченный свидѣтель общеевропейскихъ разочарованій, воскликнулъ нашъ Достоевскій: «не можетъ одна малая часть человѣчества владѣть всѣмъ остальнымъ человѣчествомъ, какъ рабомъ». Вѣдь надо только, чтобы эта великая истина была усвоена Россіей и въ международныхъ ея отношеніяхъ. Тогда наше имя держалось бы честно и грозно во всей Европѣ. Никакія козни державъ не будутъ намъ страшны, если въ насъ будутъ твердо вѣрить сами народы не только славянскіе, но всѣ вообще.

Правда, прочно занять подобное положеніе не легко. Тутъ нужна настоящая зиждительная сила, тутъ нужно творчество. Тутъ недостаточно только подражать и заимствовать. Понятно, что первые шаги наши на этомъ самостоятельномъ поприщѣ оказались не вполнѣ вѣрными, что были колебанія, были ошибки. На это и указалъ покойный К. Д. Кавелинъ въ послѣдней своей рѣчи, произнесенной передъ оставшимися въ живыхъ участниками великаго дѣла 19-го февраля. Тутъ Кавелинъ, къ изумленію и радости многихъ, вполнѣ сошелся съ людьми, на борьбу съ которыми онъ потратилъ не мало силъ и золотаго времени. «Еще въ сороковыхъ годахъ, сказалъ онъ въ своей предсмертной рѣчи, покойный А. С. Хомяковъ охарактеризовалъ западную, латино-германскую Европу, какъ «міръ городовъ», а славянскіе народы, какъ «міръ селъ и деревень». Можетъ быть эпиграфъ къ Евгенію Онѣгину: «о Русь, о rus! было геніальнымъ предчувствіемъ той же мысли... Какъ только, продолжалъ Кавелинъ, стала выступать на первый планъ жизнь народныхъ массъ, она тотчасъ же сложилась въ Европѣ по типу горожанина, и этотъ типъ заслонилъ или пересоздалъ на свой ладъ другой типъ,— типъ мелкаго сельскаго хозяина, крестьянина»... Далѣе у Кавелина слѣдовали краснорѣчивыя цифры: «Сельскіе жители, мелкіе землевладѣльцы и хозяева составляютъ въ Англіи 17%, въ Германіи въ среднемъ выводѣ 40%, во Франціи 54% всего народонаселенія, тогда какъ въ Россіи въ наименѣе деревенскихъ ея частяхъ, именно Прибалтійскомъ краѣ и Царствѣ Польскомъ, сельское населеніе доходитъ до 73%, а во всей Имперіи пребываетъ 80%, не считая войска и городскихъ сословій, въ значительнѣйшей долѣ принадлежащихъ къ тому же крестьянству»... Оттого-то, заключилъ Кавелинъ, устройство быта деревенскихъ массъ и является для насъ, русскихъ, самымъ жизненнымъ вопросомъ. «Но мы, говорилъ онъ, вынуждены разработать и разрѣшить его сами, такъ какъ никакихъ готовыхъ образцовъ намъ не откуда заимствовать.

Вотъ на этотъ-то путь нелегкаго, но зато плодоноснаго творчества и не хотѣли бы насъ пустить тѣ европейскіе наши пріятели, которые даютъ намъ теперь такія отеческія наставленія. Они понимаютъ, что, ставъ добросовѣстно и съ живымъ увлеченіемъ на этотъ путь, мы стали бы живою уликою имъ самимъ, внушительною приманкою для того обездоленнаго процента европейскаго человѣчества, которому нѣтъ никакого дѣла до своего количественнаго отношенія къ остальной части населенія и который давно разувѣрился и во всякомъ оффиціальномъ представительствѣ, и во всякаго рода демагогахъ. Хорошо понимая все это, наши западные друзья и наставники постоянно выставляютъ тѣхъ русскихъ дѣятелей, которые прямо и честно указываютъ на преобладающее значеніе сельской Россіи и на плебейскій характеръ славянскаго міра вообще,—какъ на тѣхъ-же будто бы нигилистовъ и революціонеровъ—только подъ фирмою славянофиловъ и панславистовъ. Давно пользуясь въ дипломатическихъ рѣчахъ и газетныхъ статьяхъ этимъ пріемомъ запугиванья, намъ стараются опять навязать тотъ старый европейскій консерватизмъ, въ который мы когда то и вѣрили твердо, самою этою вѣрой въ него подавая тѣмъ же европейскимъ друзьямъ и союзникамъ поводъ настраивать противъ насъ подвластные имъ народы. Но не даромъ же покойный Ю. Ѳ. Самаринъ постоянно указывалъ на этотъ европейскій консерватизмъ, коренящійся въ томъ, чего у насъ никогда не было,—въ преданіяхъ феодализма и такъ называемаго «рыцарства»,— какъ на нѣчто воротящее съ корнемъ нашу народную жизнь, и мѣтко обзывалъ его

«консерватизмомъ революціоннымъ». Онъ понималъ, какъ и всѣ такъ называемые славянофилы и панслависты, что вовсе не этимъ мнимымъ консерватизмомъ, а полнымъ отреченіемъ отъ него можемъ мы наконецъ одолѣть и домашнюю смуту, и всякія иноземныя козни.

Ихъ уже нѣтъ, нашихъ великихъ предшественниковъ и учителей. Да, они уже всѣ покойники, преждевременные покойники. Но если мы не даромъ учились у нихъ, то для насъ обязательна ихъ прямота и стойкость. Открыто и честно, какъ они, должны мы высказывать все до конца въ виду этой «близящейся грозы», на которую намъ указывали послѣднія напечатанныя слова И. С. Аксакова. Мы живемъ вѣдь въ такую пору, когда не только за каждое сфальшивленное, но и за каждое недосказанное слово приходится отвѣчать передъ Богомъ... Вѣдь передъ нами встаетъ роковой вопросъ: «быть, или не быть»; вѣдь положительное его рѣшеніе заключается въ томъ, чтобы во время направить свои взоры туда, гдѣ написано: «симъ побѣдиши».

Вспомнимъ обращеніе къ нашей звѣздѣ Ѳ. И. Тютчева.

Ты долго ль будешь за туманомъ
Скрываться, русская звѣзда,
Или оптическимъ обманомъ
Ты обличишься навсегда?
Ужель на встрѣчу жаднымъ взорамъ,
Къ тебѣ стремящимся въ ночи,
Пустымъ и ложнымъ метеоромъ
Твои разсыплются лучи?
Все гуще мракъ, все пуще горе,
Все неминуемѣй бѣда:
Взгляни, чей флагъ тамъ гибнетъ въ морѣ,
Проснись теперь, иль никогда...

Ор. Миллеръ.

(Изъ газеты «Русское Дѣло»).

Громкія рукоплесканія присутствующихъ неоднократно прерывали чтенія почтенныхъ ораторовъ.

Въ этомъ же собраніи было избрано 18 новыхъ членовъ Общества.

II. Славянское обозрѣніе.

Очерки сербской литературы.

III. Іованъ Суботичъ (1817—1886).

(Окончаніе).

Драма Субботича «*Король Дечанскій*» ни по замыслу, ни по исполненію не представляетъ ничего выдающагося. Совсѣмъ другое слѣдуетъ сказать о двухъ драмахъ, которыя являются продолженіемъ одна другой. Именно — «*Бодинъ*» и «*Королева Якинта*». На нихъ я остановлюсь нѣсколько долѣе. Драма «*Бодинъ*» написана въ 1864 году *). Заглавіе ея не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію, такъ какъ главной героиней драмы является жена

*) См. соч. Субботича, т. VI. Н. Садъ 1868.

Бодина Якинта: Бодинъ дѣйствуетъ подъ ея вліяніемъ. Такимъ образомъ обѣ эти драмы связаны между собою: одно и тоже лицо именно Якинта—главная героиня въ той и другой драмѣ. Въ драмѣ «Бодинъ» Якинта—любящая жена. Она употребляетъ всѣ усилія, чтобы спасти своего мужа Бодина изъ темницы, куда его посадили греки послѣ его неудачнаго греческаго похода. Якинта умоляетъ сербскаго короля Радослава избавить Бодина изъ тюрьмы. Ея просьбы исполнены горячаго чувства и непреклонной силы. «Всякій человѣкъ, говоритъ она королю, имѣетъ друга, но про того, кто заключенъ въ тюрьмѣ, даже и не спрашиваютъ, какъ будто онъ уже мертвъ. О Боже, дай мнѣ теперь силу въ королѣ пробудить человѣка». (1-е дѣйствіе, явленіе второе). Она затрогиваетъ въ королѣ чувство жалости и состраданія къ этому его племяннику, славно носившему на своей головѣ болгарскую корону и дерзнувшему на войну съ Цареградомъ **). Якинта гречанка. Одаренная умомъ и красотою, одушевляемая искреннимъ и глубокимъ чувствомъ она оказываетъ огромное вліяніе на всѣхъ. Король Радославъ не можетъ устоять противъ ея просьбъ и посылаетъ венеціанскихъ купцовъ при помощи подкупа освободить Бодина изъ антіохійской тюрьмы. Такова завязка драмы. Во второй картинѣ 1-го дѣйствія Субботичъ представляетъ превосходную сцену въ антіохійской тюрьмѣ. Къ Бодину подсылаютъ ночью убійцу, но во время предупрежденный объ этомъ прислуживающимъ ему мальчикомъ Косаромъ, Бодинъ отбиваетъ ночное покушеніе и проявляетъ при этомъ удивительное хладнокровіе и твердую волю.

Во *второмъ* дѣйствіи хороши отдѣльныя сцены. Такъ весьма жизненна та сцена, гдѣ король Радославъ объявляетъ Якинтѣ, что ея мужъ свободенъ изъ тюрьмы. Въ порывѣ радости Якинта осыпаетъ короля благодарностями и пожеланіями счастья ему и его сыновьямъ (не предчувствуетъ еще она, что будетъ нѣкогда его и ихъ убійцей). Хороши также въ этомъ дѣйствіи ядовитыя, злыя рѣчи королевы Теодоры, мачихи Бодина, добивающейся у короля, чтобы онъ далъ жупанію ея сыну Петриславу.

Въ *третьемъ* дѣйствіи въ первыхъ же явленіяхъ, авторъ раскрываетъ тайную мысль Бодина низвергнуть короля Радослава и самому сѣсть на его тронъ. Этому немало способствуютъ подстрекательства Теодоры и ласки Якинты. При свиданіи съ королемъ (VII явленіе) Бодинъ не стѣсняется очень прозрачно намекнуть, что онъ, Бодинъ, больше имѣетъ правъ на корону Радослава, чѣмъ самъ Радославъ. Происходитъ бурная сцена, которая, благодаря добротѣ и незлобивости короля, кончается благополучно пиромъ въ честь Бодина; но Теодора ясно видитъ, въ чемъ дѣло, когда говоритъ, что этотъ пиръ больше похожъ на похороны.

Въ *четвертомъ* актѣ Якинта, доселѣ боровшаяся противъ вліянія мстительной Теодоры, наконецъ уступаетъ ей и соглашается, чтобы Бодинъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе. Приближенные короля Радослава убѣждаютъ его обратить вниманіе на замыслы Бодина и предупредить ихъ, но король не слушаетъ ихъ совѣтовъ, довѣряя благородству Бодина. Между тѣмъ Бодинъ пользуется первымъ предлогомъ и во время пира объявляетъ себя королемъ и рѣшается отнять корону у Радослава. Монологъ его (VIII явленіе), въ которомъ онъ прощается съ «тихимъ счастіемъ», съ «золотымъ миромъ», очень хорошъ самъ по себѣ, хотя нѣсколько противорѣчитъ смѣлому и удалому характеру этого предшественника Нѣмани, какъ собирателя воедино сербской земли.

Наконецъ *пятый* актъ приноситъ кровавую развязку. Въ войнѣ съ Бодиномъ король Радославъ раненъ и умираетъ отъ раны. Якинта, внѣ себя отъ вынесенныхъ тревогъ и въ порывѣ мести за смерть Косора (того самого мальчика что ухаживалъ въ тюрьмѣ за Бодиномъ и предостерегъ его отъ грозившей ему гибели) убѣждаетъ Бодина казнить королевскихъ сыновей. Безмѣрная любовь къ мужу дѣлаетъ такимъ образомъ Якинту злодѣйкой.

Таково содержаніе драмы «Бодинъ». Ее можно разсматривать какъ прологъ къ другой драмѣ или какъ называетъ ее самъ авторъ - трагедіи.

**) Бодинъ (1081—1101 г.) См. П. Срећковић, Историја српскаго народа стр. 374 и слѣд.

Королева Якинта *). Эта послѣдняя написана черезъ годъ послѣ драмы «Бодинъ», именно въ 1865 году. Если въ первой драмѣ Якинта совершаетъ преступленіе въ порывѣ любви къ мужу, то здѣсь, во второй періодъ своей жизни, она совершаетъ рядъ ужасныхъ преступленій изъ любви къ сыну своему Георгію, котораго хочетъ видѣть на королевскомъ тронѣ.

По смерти Бодина, народъ избираетъ королемъ брата его Доброслава (актъ I, явленіе VIII и слѣд.). Доброславъ прежде всего отправляетъ Якинту въ монастырь на покаяніе за пролитую ею при жизни Бодина кровь. Огорченная и потрясенная этими событіями королева клянется послѣ разговора съ сыномъ доставить ему корону. «Всякое средство, ведущее къ коронѣ: мечъ и отраву, огонь и висѣлицу я буду привѣтствовать какъ друга. Ложь, притворство, измѣна, золото, насиліе, хула, безчестность—всѣ эти пути будутъ для меня прямыми дорогами къ моей цѣли....» (Актъ I, явленіе 13).

Во *второмъ* дѣйствіи Якинта вступаетъ въ заговоръ противъ короля съ жупаномъ Рашки-Вуканомъ. Сцены въ монастырѣ (явленіе 3 и слѣд.) превосходны. Глубокая ночь, на дворѣ страшная буря. Вуканъ является къ Якинтѣ. Между ними происходитъ разговоръ. Вдругъ докладываютъ о прибытіи короля. Вуканъ предлагатъ тутъ-же убить его, но Якинта находитъ, что еще не время, и прячетъ Вукана въ стѣну. Короля она успѣваетъ успокоить въ его подозрѣніяхъ на нее и, по уходѣ его, подходитъ къ стѣнѣ, гдѣ упрятанъ Вуканъ. Въ ея душѣ борьба, не пустить ли сейчасъ Вукана, чтобы онъ убилъ короля; но нѣтъ, пока не надо. Вуканъ выходитъ изъ стѣны, спрашивая былъ ли тутъ король. *Якинта:*—«Былъ, и уже уѣхалъ.»

Вуканъ (оборачиваясь къ стѣнѣ, изъ которой вышелъ): «Что это у тебя тутъ за склепъ, королева? Это настоящая гробница».

Якинта (серьезно, мрачно). Ты былъ въ своей могилѣ, жупанъ.»

Вуканъ пораженъ. Но она его успокоиваетъ и заключаетъ съ нимъ договоръ: вмѣстѣ они низвергнутъ Доброслава и посадятъ на его мѣсто ея сына Георгія, женивъ его на дочери Вукана, красавицѣ Круносавѣ.

Не менѣе превосходны сцены Якинты съ духовникомъ ея; она ловко умѣетъ убѣдить его въ томъ, что хочетъ искренно покаяться во грѣхахъ, сама-же, по уходѣ его, явно смѣется надъ его простотою.

Между тѣмъ партія недовольныхъ жестокостью короля Доброслава возмущается противъ него, побѣждаетъ его въ битвѣ и провозглашаетъ королемъ племянника Бодинова Владиміра, точно обвѣнчавшагося съ Круносавой, дочерью Вукана. Послѣдній, видя, что его дочь, хотя и противъ его воли, стала королевой, доволенъ этимъ, но Якинта, надежда которой снова рушилась, клянется отомстить ему за вѣроломство: «Подожди-же гордый жупанъ! Пусть вся земля въ крови потонетъ... Пусть всѣ церкви будутъ объяты огнемъ... Пусть мое имя потомство проклинаетъ... Пусть душа моя на вѣки погибнетъ... Но я должна тебѣ отомстить!» Въ этомъ заключительномъ монологѣ Якинты, оканчивающемъ второе дѣйствіе, сказалась вся бурная, страстная, необузданная натура этой женщины.

И она страшно мститъ. Ей нужно устранить Владиміра, и она посылаетъ человѣка отравить его, но предварительно подметнымъ письмомъ внушаетъ Владиміру подозрѣніе на Доброслава, и тотъ велитъ его заключить въ монастырь, а когда Владиміръ умираетъ отъ отравы, она обвиняетъ въ его смерти Доброслова и велитъ ослѣпить его.

Теперь она достигла своей цѣли. Народъ избираетъ королемъ ея сына Георгія, вдова Владиміра Круносава дѣлается женой Георгія, который ее любитъ безъ памяти. Но Якинтѣ мало этого, ей хочется устранить всѣхъ *возможныхъ* претендентовъ на престолъ. И вотъ въ отсутствіе Круносавы она велитъ ослѣпить ея малолѣтняго сына отъ перваго брака, выдумывая для оправданія этого басню о подмѣнѣ ребенка. Ослѣпивъ сына Круносавы, она казнитъ въ тюрьмѣ и отца ея—Вукана, боясь его интригъ. Эта сцена одна изъ самыхъ потрясающихъ въ драмѣ. Ей предшествуетъ не менѣе потрясающая сцена встрѣчи Якинты съ ослѣпленнымъ

*) Соч. Субботича, томъ VII. Н. Сод. 1871.

и лишеннымъ престола королемъ Доброславомъ.

Ослѣпивъ еще внука Бодина Драгилу, она вызываетъ наконецъ противъ себя возстаніе его братьевъ Грубеши и Грандиньи и окруженная въ одномъ неприступномъ замкѣ, видя общую измѣну и побѣду Градиньи съ его сыномъ Нѣманей, съ отчаянія бросается въ пропасть.

Эта драма самая выдержанная изъ всѣхъ драмъ Субботича, потому что въ ней рядомъ съ мастерскимъ развитіемъ дѣйствія, прекрасно очерчены характеры дѣйствующихъ лицъ, въ особенности же Якинты, изъ которой авторъ сдѣлалъ въ высшей степени жизненное лицо. Менѣе удался ему Георгій, о которомъ исторія говоритъ, что онъ былъ несравненно энергичнѣе, чѣмъ какимъ онъ является въ этой драмѣ.

Въ томъ-же VII томѣ сочиненій Субботича помѣщены нѣкоторыя его мелкія полудраматическія произведенія, нѣчто въ родѣ драматическихъ прологовъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ исторіи (*Сонъ на яву.—Крестъ и Корона.—Разныя мелкія драматическія пѣсни*). Эти сцены написаны по разнымъ случаямъ, ad hoc, и не имѣютъ особеннаго интереса. Можно отмѣтить въ нихъ только хорошій языкъ. Такъ напр. очень хорошая пѣсня въ честь бана Елачича (см. т. VII, стр. 337).

Намъ осталось теперь сказать о его трагедіи «*Милошъ Обиличъ*» и повѣсти «*Монахъ*». Эти произведенія стоятъ особнякомъ отъ другихъ. Сочиненіе подъ заглавіемъ «*Монахъ*» представляетъ собою нѣчто среднее между повѣстью и историческимъ очеркомъ. Субботичъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ дѣятелей сербской церковно-народной автономіи и нѣсколько разъ былъ избираемъ товарищемъ предсѣдателя церковно-народнаго собора. Онъ превосходно зналъ состояніе сербской православной церкви въ Австріи, которой оказалъ не мало услугъ. Это знаніе его сказывается въ каждой строчкѣ названнаго сочиненія. Онъ самъ не назвалъ его ни повѣстью, ни очеркомъ, а далъ ему особое названіе: *поэзія и дѣйствительность*. И дѣйствительно въ «Монахѣ» изображено дѣйствительное состояніе сербскаго австрійскаго чернаго духовенства и рядомъ же поставленъ идеалъ, къ которому оно должно стремиться. Все это сочиненіе состоитъ изъ трехъ частей, изъ которыхъ первая написана въ 1873 году, а послѣднія двѣ въ 1880 году. Герой этого произведенія монахъ Теофанъ скорѣе идеальное лицо, созданное фантазіей автора, чѣмъ дѣйствительно живое лицо — такъ мало въ немъ общаго съ окружающимъ его міромъ чувственнаго и любящаго весело пожить сербскаго чернаго духовенства. Ставъ монахомъ, частью по призванію, частью вслѣдствіе замужества любимой имъ дѣвушки Елены Теофанъ, послѣ разныхъ мытарствъ въ монастыряхъ, которые нашелъ не такими, какими онъ ихъ представлялъ себѣ, снова встрѣчается съ Еленой. Она уже овдовѣла, богата, свободна, по прежнему любитъ его и предлагаетъ ему оставить монастырь и жениться на ней. Соблазнъ великъ: счастливая жизнь впереди, съ возможностью дѣлать добро людямъ, горячая любовь Елены, рядъ разочарованій въ монашеской жизни—все это манитъ его къ себѣ своими чарами. Но онъ вспоминаетъ данный обѣтъ и, послѣ страшной внутренней борьбы, отказывается отъ своего счастья и разстается съ Еленой. Покончивъ съ личнымъ счастіемъ, онъ отдается своему призванію—исправить монастыри, сдѣлать ихъ полезными для народа. Но въ борьбѣ съ суровой дѣйствительностью онъ изнемогаетъ и рѣшается поѣхать на Аѳонъ, въ Болгарію и на Русь посмотрѣть, какъ тамъ устроены монастыри. Патріархъ Раячичъ, которому онъ открылъ свои планы преобразованія монастырей, осмѣиваетъ его и не пускаетъ въ путешествіе. Тогда онъ уходитъ безъ его позволенія и исчезаетъ безслѣдно.

Въ этомъ произведеніи много остроумія, юмору, превосходно изображена внутренняя жизнь монастырей Фрушкой горы.

Съ первыхъ же строкъ читатель заинтересованъ мастерскимъ описаніемъ монастырской попойки, полной неподражаемаго юмора. Потомъ превосходны сцены слѣдствія въ монастырѣ съ типичными показаніями крестьянъ. Предъ читателемъ проходитъ рядъ историческихъ личностей, нарисованныхъ живьемъ. Интимная жизнь монастырей съ ихъ скабрезными тайнами также раскрывается слегка предъ читателемъ (характерны напр. появленія *духа* почившаго архимандрита въ женскихъ

спальняхъ ночующихъ въ монастырѣ богомолокъ *или настоящій балъ*, съ музыкой, пріѣхавшихъ въ монастырь нѣмецкихъ чиновниковъ съ ихъ женами и любовницами). Наконецъ какія превосходныя характеристики митрополитовъ Стратимировича, Станковича, Раячича! По богатству типовъ это лучшее произведеніе Субботича и нельзя не пожалѣть, что оно единственное изъ его произведеній, такъ полно рисующее общественную жизнь. Судя по этому произведенію, Субботичъ могъ бы дать настоящій общественный романъ въ родѣ романовъ Диккенса.

Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ *Милошъ Обиличъ* написана въ 1864 году*). Въ этой прекрасной трагедіи авторъ съумѣлъ очень удачно воспользоваться народными пѣснями о Косовской битвѣ 1389. Подобно народному косовскому эпосу, Субботичъ начинаетъ свою трагедію ссорою двухъ сестеръ, дочерей царя Лазаря, Вукосавы и Мары. Первая восхваляетъ доблесть своего мужа Милоша Обилича, а Мара — знатность происхожденія своего мужа—Вука Бранковича. Этой ссорѣ предшествуетъ прелестный эпизодъ (явленіе второе), гдѣ Вукосава, при видѣ комнаты, гдѣ провела дѣтство, погружается въ счастливыя воспоминанія объ этомъ безвозвратно минувшемъ дѣтствѣ. Этотъ монологъ Вукосавы—одно изъ лучшихъ лирическихъ мѣстъ въ поэзіи Субботича. Въ пылу спора Мара оскорбляетъ сестру и ударяетъ по лицу. Та плачетъ. По уходѣ Мары, является Милошъ Обиличъ и узнаетъ, въ чемъ дѣло. Слѣдуетъ сцена ссоры его изъ за этого съ Вукомъ Бранковичемъ и поединокъ, въ которомъ Обиличъ побѣждаетъ Вука. Послѣдній клянется страшно отомстить. Такова завязка трагедіи. Изъ всего этого 1-го дѣйствія видно, что не одна ссора, а и зависть Вука Бранковича къ Милошу приводитъ послѣдняго къ рѣшенію такъ или иначе погубить его. Всѣ эти 4 лица—Милошъ, Вукъ, Мара и Вукосава стоятъ какъ живые предъ зрителемъ; дѣйствіе развивается просто ясно и естественно.

Во второмъ дѣйствіи, по настоянію царицы Милицы, поссорившіяся сестры мирятъ мужей, но это примиреніе лишь видимое. Бранковичъ измѣняетъ царю, войдя въ соглашеніе съ турецкимъ посломъ Юсуфомъ. На совѣщаніи у царя предложенія султана отвергнуты и рѣшено объявить ему войну. Попытки Юсуфа склонить къ измѣнѣ Обилича кончаются неудачей. Въ этомъ дѣйствіи особенно хороша сцена совѣщанія у царя.

Третье дѣйствіе на Косовѣ. По наученію Вука Бранковича Юсуфъ присылаетъ турка въ сербскій станъ съ письмомъ къ Обиличу. Гонца схватываютъ и приводятъ къ Бранковичу, а тотъ передаетъ письмо царю Лазарю и обвиняетъ Милоша въ измѣнѣ. На канунѣ косовской битвы Лазарь созываетъ къ себѣ на ужинъ всѣхъ воеводъ. Послѣ ужина происходитъ знаменитая сцена обвиненія Милоша Вукомъ и чтеніе письма. Видя, что всѣ воеводы и самъ царь вѣрятъ письму, Милошъ клянется, что завтра пойдетъ въ турецкій станъ и убьетъ султана Мурата. Сцена въ шатрѣ царя полна движенія и драматизма. Она вся обработана Субботичемъ по народнымъ пѣснямъ.

Не менѣе драматическою сценою начинается четвертое дѣйствіе: Милошъ, отправляясь съ двумя друзьями—Топлицей и Посанчичемъ въ турецкій станъ, заходитъ попрощаться съ женой Вукосавой. Эта сцена послѣдняго ихъ свиданія поразительна съ начала до конца и не поддается никакому описанію; ее нужно видѣть на сценѣ или прочитать внимательно, чтобы понять весь ея захватывающій драматизмъ.

Въ сербскомъ войскѣ никто не вѣрилъ въ возможность дерзкаго предпріятія Милоша и потому всѣ смотрѣли на его уходъ въ турецкій станъ, какъ на измѣну и восхваляли «вѣрнаго» Бранковича. Между тѣмъ Милошъ добрался до султана и убилъ его (свиданіе его съ Муратомъ превосходная сцена и должна на сценѣ производить огромное впечатлѣніе) и Юсуфа, но назадъ пробиться не могъ. И вотъ онъ осужденъ во время страшной Косовской битвы бездѣйствовать, сидя связанный въ шатрѣ убитаго имъ Мурата. Страданія его при этомъ переданы авторомъ превосходно. Благодаря измѣнѣ Вука Бранковича, въ самую рѣшительную минуту выведшаго свои войска изъ битвы, турки разбиваютъ сербовъ и берутъ въ плѣнъ Лазаря. Послѣдній, увидѣвъ Милоша, кого считаетъ измѣнникомъ,

*) См. т. VI соч. Субботича.

готовъ проклясть его, но узнавъ всю правду, умиляется предъ неслыханнымъ подвигомъ своего зятя. Сынъ Мурата Баязитъ велитъ ихъ казнить и разрываетъ условіе, заключенное съ Вукомъ Бранковичемъ, котораго такъ же, какъ измѣнника своей родинѣ, велитъ тайно отравить (5-ое дѣйствіе, явленіе 3-ье).

Наконецъ въ послѣднихъ сценахъ трагедіи мы видимъ смерть Вукосавы, похороны царя Лазаря и убіеніе Бранковича женихомъ его сестры. Сербія пала на вѣкъ, а сынъ Лазаря, Стефанъ, подписываетъ позорный миръ.

Ни въ одной драмѣ Субботичу не удалось такъ прекрасно передать колоритъ эпохи и такъ вѣрно схватить народныя воззрѣнія, какъ въ этой. Этимъ объясняется и высокое литературное значеніе этого произведенія и постоянный успѣхъ его на сценѣ. *Милошъ Обиличъ*—любимая пьеса сербскаго театра. Субботичъ по преимуществу писатель эпическій и драматическій. Но и въ этой области его творенія скорѣе плодъ глубокаго изученія народнаго эпоса и исторіи, духъ которой онъ понималъ отлично, чѣмъ плодъ непосредственнаго вдохновенія. Онъ обладалъ крупнымъ драматическимъ талантомъ, но какъ только ему приходилось вступать въ область лирики, онъ ничего не могъ сдѣлать выдающагося: нехватало непосредственнаго вдохновенія. Его лирическія пьесы, какъ выше мы видѣли, мелки по содержанію, а лирическія мѣста въ драмахъ, за исключеніемъ немногихъ, слабы. За то какъ эпическій писатель Субботичъ стоитъ выше всѣхъ сербскихъ писателей. Въ эпосѣ по преимуществу, даже больше чѣмъ въ драмѣ, его значеніе. Подобно тому какъ Якшичъ съ его блестящимъ дарованіемъ и въ повѣстяхъ и въ драмахъ постоянно прибѣгаетъ къ лиризму, такъ Субботичъ въ своихъ драмахъ часто скорѣе эпическій писатель, чѣмъ драматургъ. Объ этомъ свойствѣ свидѣтельствуютъ многія страницы его драмъ.

Есть еще одна сторона его дарованія, которая осталась мало развитой: именно способность къ тонкому добродушному юмору. Слѣды его можно найти въ драмахъ его (напр. Чучъ, слуга Владиміра) и въ повѣстяхъ (Пишта въ «Съѣздѣ королей» и особенно въ его «Монахѣ» (типы адвоката Печеновича, крестьянъ, отцовъ Амфилохія и Митрофана, затѣмъ настоятеля того монастыря, гдѣ духи путешествуютъ по женскимъ спальнямъ и т. д.) Нельзя не пожалѣть, что онъ, кромѣ «Монаха» недалъ больше ничего въ этомъ родѣ. Можно, однако, надѣяться, что нѣкоторыя его произведенія въ этомъ родѣ еще неизданы и современемъ увидятъ свѣтъ. Въ настоящее время идетъ подписка на сооруженіе ему надгробнаго памятника. Кажется, было бы лучше, если бы собранныя деньги употреблены были на образцовое изданіе полнаго собранія его сочиненій, въ которое бы вошли его не изданныя еще сочиненія, дневникъ и переписка съ разными лицами.

Наконецъ въ языкѣ произведеній Субботича (особенно въ его эпическихъ произведеніяхъ) много красотъ и видно глубокое познаніе народнаго языка; но въ немъ нѣтъ той яркости и оригинальности, какую мы видимъ въ произведеніяхъ Якшича. Творенія Субботича больше блестятъ богатствомъ содержанія и глубиною мысли; чѣмъ прелестью внѣшней формы и ея законченностью.

Дмитрій Никольскій.

7 Декабря 1886.

Русскій отвѣтъ на англійскіе толки

(статья О. А. Новиковой изъ Pall-Mall Gazette).

У французовъ существуетъ пословица: «съ помощью частицы *если* можно упрятать Парижъ въ бутылку», но ни одному разумному французу не придетъ въ голову писать длинныя, тщательно выработанныя письма на ту тему, что Парижъ уже дѣйствительно упрятанъ въ бутылку; тѣмъ менѣе станетъ онъ оплакивать судьбу героевъ, борящихся за свою жизнь въ такомъ неблагопріятномъ положеніи. Англичане, къ сожалѣнію, менѣе благоразумны; они не боятся показаться смѣшными и необдуманно хватаются за каждый предметъ, будь онъ дѣйствительный или вымышленный. Молчать о фактахъ неизвѣстныхъ или неизслѣдованныхъ они не любятъ и вслѣдствіе того въ какой нибудь ноябрьскій день образуется цѣлое облако литературнаго тумана, мгла, черезъ которую не видать солнца и при которой свободно

дышать становится невозможнымъ. Возникаетъ серьезный вопросъ, стоитъ ли бороться съ такимъ элементомъ. Русскіе единогласно восклицаютъ: «нѣтъ, нѣтъ, конечно нѣтъ. Къ чему намъ это? пусть они наслаждаются, какъ хотятъ, пусть пріобрѣтаютъ популярность, какими имъ угодно средствами; недостойно, даже унизительно объяснять взрослымъ людямъ такія элементарныя истины, какъ 2×2=4.» Но люди, подобно мнѣ, подолгу жившіе въ Англіи, поневолѣ заражаются нѣкоторыми англійскими слабостями и теряютъ русскія гордыя манеры. Для меня затруднительно только, съ чего начать и гдѣ остановиться? Критики наши раздѣляются на двѣ категоріи. Насъ осуждаютъ систематическіе враги, которые наслаждаются своею ненавистію, глухи и слѣпы и по принципу, и по упрямству. Они неизлѣчимы и таковыми останутся до могилы; имъ можно противопоставить только матеріальное сопротивленіе. Но есть судьи и другаго рода; люди доброжелательные, нервные, впечатлительные, которые подвергаются заразѣ или по случайному недостатку точныхъ свѣдѣній, или по малодушному желанію дѣйствовать согласно съ общественнымъ мнѣніемъ. Лишь только замѣтятъ они, что потокъ словъ грозитъ принять опредѣленный, конкретный видъ, они тотчасъ нетолько отказываются отъ своего негодованія, но даже развертываютъ знамя добросовѣстности и благоразумія, какъ это было въ незабвенномъ 1875 году.

Во главѣ перваго разряда должно, кажется, съ прискорбіемъ поставить лорда Солсбери, по крайней мѣрѣ такъ можно не безъ основанія заключать изъ его застольной рѣчи. Послѣднее письмо г. Гладстона къ болгарскимъ депутатамъ — говорю это съ сожалѣніемъ—относится къ критикамъ втораго разряда, создавшимся въ мракѣ, и основаннымъ на частицѣ: *если*.

Отвѣтъ критикамъ того и другаго разряда состоитъ... въ истинѣ. Въ чемъ же заключается истина относительно Болгаріи? У насъ, русскихъ, которые географически, по крайней мѣрѣ, ближе къ Болгаріи и можемъ заявлять притязаніе на болѣе ясное пониманіе православнаго славянскаго племени, чѣмъ протестанты англичане, у насъ существуютъ ясныя представленія о томъ, что совершается. У васъ, въ Англіи, отдаленной, чуждой, если не враждебной Болгаріи по расѣ, религіи и преданіямъ, понятія смутны и неясны. Можетъ быть вы правы, можетъ быть мы заблудились, но извиненіемъ намъ служитъ точность нашихъ свѣдѣній, и на основаніи ихъ мы дѣйствуемъ. Англійское же общественное мнѣніе въ настоящее время совершенно неспособно произнести здравое сужденіе. Всѣ *факты*, которыми вы такъ хвастаетесь, заимствованы изъ вторыхъ рукъ, они собраны и искажены репортерами, незнакомыми съ языкомъ, обычаями, духомъ народа или закоснѣлыми врагами славянства изъ Пешта или Вѣны. Если вы желаете быть обманутыми, то ваши желанія вполнѣ удовлетворены, но мнѣ хотѣлось бы напомнить вамъ, что въ виду важности кризиса, слѣдуетъ вамъ внимательнѣе разсмотрѣть сообщаемыя вамъ свѣдѣнія. Иностранецъ, живущій между вами, замѣчаетъ, что вы болѣе заняты и болѣе обезпокоены смертью жокея, чѣмъ паденіемъ цѣлаго народа. Относительно жокеевъ мы признаемъ вашъ авторитетъ и даже стараемся понять, вслѣдствіе какой удивительной умственной дѣятельности вы ставите какого нибудь Арчера въ уровень съ владыками, поэтами, дипломатами и государственными людьми; но относительно Болгаріи мы никакъ не можемъ признать вашего сужденія авторитетнымъ.

Когда г. Гладстонъ сообщилъ, что онъ послалъ лорда Уольслея въ Египтъ для того, чтобы возстановить тамъ свободу, которой угрожала противная конституціи узурпація, то русскіе повѣрили ему. Мы спѣшили поздравить его съ побѣдою при Тель-ель-Кебирѣ и съ довѣріемъ отнеслись къ его утвержденію, будто Англія не ищетъ завоеваній и отзоветъ свои войска, лишь только порядокъ будетъ возстановленъ. Это было въ 1882 г.; нынѣ у насъ 1886 г., и отозваніе вашихъ войскъ отсрочено на неопредѣленное время. Я не возражаю, а только свидѣтельствую о фактѣ. Положимъ, что вы очистили бы Египетъ черезъ восемнадцать мѣсяцевъ, каково было — по вашему увѣренію — ваше намѣреніе, то неужели вы считали бы, что этимъ очищеніемъ вы ослабили свое право снова возвратиться, если бы безпорядокъ возродился въ Египтѣ? Конечно нѣтъ, ибо, какъ я помню, однимъ

изъ аргументовъ въ пользу очищенія было именно такое сообщеніе: «оставаться намъ незачѣмъ, ибо мы всегда можемъ возвратиться, лишь только возникнутъ безпорядки въ Александріи или Каирѣ». Россія не желаетъ для себя въ Болгаріи ничего болѣе того, что уступила Англіи въ Каирѣ, т. е. права утвердить новый порядокъ вещей на законномъ и прочномъ основаніи. Англичане очень и даже черезъ-чуръ снисходительны, когда дѣло идетъ о нихъ самихъ, и русскіе желаютъ только, чтобы вы поставили себя на ихъ мѣстѣ. Предположите, что вы очистили Египетъ въ 1884 г. и оставили покровительствуемаго вами Тефика управлять возрожденнымъ Египтомъ; предположите, что этотъ Тефикъ, телеграфируя вамъ еженедѣльно о своей вѣрности и преданности душою и тѣломъ, перешелъ бы на сторону Франціи и всѣми законными и незаконными средствами добивался бы того, чтобы вліяніе Франціи стало господствующимъ на берегахъ Нила, предположите, что, одержавъ большую побѣду, онъ извѣщаетъ васъ по телеграфу, что по его полному убѣжденію главная причина побѣды — данная вами организація его войску, а въ то же время заключаетъ договоръ съ султаномъ, которымъ отдаетъ въ его распоряженіе это войско на случай вашей войны съ Оттоманской Имперіей. Предположите далѣе, что, не спросясь васъ, не подумавъ даже о томъ, насколько дѣяніе его можетъ быть роковымъ для сохраненія общаго мира, онъ присоединилъ бы къ своимъ владѣніямъ Сирію и сталъ бы править и Сиріею и Египтомъ въ противность и трактатамъ и уложеніямъ — чтобы вы тогда сказали? Далѣе, еслибы какой нибудь паша, который вѣрилъ бы въ союзъ съ Англіею и ненавидѣлъ бы франко-турецкія хитрости Тефика, такъ далеко увлекся бы въ своемъ усердіи, что низложилъ неблагодарнаго предателя, чтобы вы тогда сдѣлали? Я бы очень ошиблась въ англичанахъ, еслибы они не сказали именно того, что сказали русскіе въ Болгаріи и не сдѣлали бы гораздо болѣе того, что сдѣлали или намѣрены сдѣлать русскіе.

Нашъ взглядъ на это дѣло быть можетъ и неправиленъ; но трудно убѣдить насъ въ этомъ клеветою, будто мы «развращаемъ болгарскихъ патріотовъ золотомъ», чего мы никогда не дѣлали; или обвиненіемъ насъ въ томъ, будто мы желаемъ рабства Болгаріи, что далеко отъ нашихъ намѣреній. Если даже лордъ Солсбери принудитъ насъ занять Болгарію, то мы займемъ ее, какъ вы заняли Египетъ—условно и временно, лишь въ интересахъ мира, порядка, свободы и хорошаго управленія; и мы уйдемъ, лишь только совершимъ свое дѣло, которое мы считали уже оконченнымъ въ 1878 г.; но наше дѣло разрушено предательствомъ принца Баттенберга и недостатками болгарской конституціи, которые еще усилились дѣйствіями теперешнихъ похитителей власти, лже-регентовъ. Я вѣрю впрочемъ, что не смотря на ошибочную дѣятельность вашего перваго министра, занятіе Болгаріи можетъ оказаться ненужнымъ. Пусть только болгары возвратятся на путь законности, пусть только откажутся они отъ огульнаго терроризма, установленнаго предпріимчивымъ нѣмецкимъ принцемъ и мѣшающимъ болгарскому народу высказывать свои истинныя чувства, тогда болгарское затрудненіе можетъ быть мирно разрѣшено.

Въ Болгаріи не существуетъ строгихъ сословныхъ различій; вчерашній крестьянинъ можетъ быть сегодня государственнымъ человѣкомъ; оттого, говоря о болгарскомъ крестьянствѣ, говоримъ о цѣломъ народѣ. Духовенство, чиновничество, юристы, воины, всѣ находятся въ связи съ земледѣльцами, всѣ происходятъ изъ одного и того же слоя. Образованіе—иногда только подобіе образованія — вотъ единственное основаніе различія. Болгарское и сербское крестьянство въ сущности весь болгарскій и сербскій народъ. Забавно было бы смотрѣть на бѣдныхъ членовъ болгарскаго правительства, какъ на аристократовъ, прадѣды которыхъ воспитались на борьбѣ съ властью за свободу и политическія права. Истинныя же чувства болгарскаго, какъ и сербскаго крестьянства, съ чѣмъ соглашаются и такіе безпристрастные наблюдатели, какъ редакція «Аугсбургской Всеобщей Газеты», благопріятны для Россіи, ибо на это существуютъ извѣстныя причины», Нѣмецкій писатель замѣчаетъ: «въ теченіе многихъ поколѣній Россія была ихъ единственной защитницей, единственною державою, ко-

торая заботилась о нихъ и ихъ защищала. За всѣмъ, что имъ нужно, они обращались къ Россіи; да и въ настоящее время одна Россія защититъ ихъ, еслибы Австрія или Турція задумали ихъ завоевать». Да, только Россія при самыхъ строгихъ ихъ испытаніяхъ давала имъ возможность жить и надѣяться, а надѣяться значитъ быть счастливымъ.

Но эти естественныя чувства не могутъ выражаться, ибо шайка, захватившая власть, безчеловѣчно наказываетъ и лишаетъ свободы всякаго, кто осмѣлится сказать хоть слово въ пользу извѣданныхъ и испытанныхъ братьевъ русскихъ. Сѣченіе, тюрьмы, драгонады—все употребляется для того, чтобы поддержать конституціонную маску, которая имѣется для обмана западной Европы. Все это должно было—если бы только было возможно—остановить *невинныхъ* хвалителей «героическихъ защитниковъ болгарской независимости». Недобросовѣстность нашихъ обвинителей невыносима для русскаго, если только онъ чувствуетъ и мыслитъ и не обратился совсѣмъ въ устрицу. Вспомнимъ для примѣра повторяемыя и воспринимаемыя нелѣпости о генералѣ Каульбарсѣ, человѣкѣ безукоризненномъ, преданномъ долгу, постоянно готовомъ на самоотверженіе, добромъ и сострадательномъ, что извѣстно не только въ Россіи. Знать, что такого человѣка выдаютъ за какого-то Калигулу—большое искушеніе для всякаго терпѣнія. Характеристическій недостатокъ современной Англіи — чрезвычайный упадокъ внутренняго достоинства находящихся въ обращеніи литературныхъ цѣнностей, злоупотребленіе пышными и громкими словами, объясняется можетъ быть тѣмъ, что вамъ часто приходится обращаться къ невѣжественной толпѣ. сужденіе которой такъ важно въ конституціонной странѣ, и которая не можетъ обратить вниманія на событіе, если оно не разсказано въ громкихъ словахъ, и не нарисовано яркими красками. Но подобный упадокъ есть явленіе мѣстное; есть страны, гдѣ болтовня, невинная или и злоумышленная остается въ своихъ предѣлахъ и не можетъ распространяться безконтрольно повсюду.

Въ Россіи мы составляемъ наше сужденіе обдумчиво, изучивъ дѣйствительно факты. Когда Митхадъ-паша состряпалъ конституцію для Турціи, вы рукоплескали, а мы улыбались. Между теперешними болгарскими похитителями власти мы знаемъ одного, который былъ изгнанъ изъ Одессы за теоретическій и практическій нигилизмъ, и мы знаемъ, что изъ этого слѣдуетъ заключить; изъ числа правителей только одинъ г. Каравеловъ имѣлъ законное право на это мѣсто. Хотя онъ и радикалъ, и человѣкъ слабохарактерный, но честный, и потому не могъ оставаться съ своими товарищами и ушелъ отъ нихъ. Первымъ дѣломъ этихъ господъ было опредѣленіе себѣ большаго содержанія, вслѣдствіе чего занимаемые ими посты стали во всѣхъ отношеніяхъ очень дороги для нихъ; послѣдующій ихъ финансовый подвигъ—попытка заключить заемъ въ 15.000,000—также показываетъ, *какъ* заботятся они о благосостояніи Болгаріи, что можно понять изъ чудовищной беззаботности, съ которою они предлагали условія займа: несчастная страна должна была получить изъ всей суммы только пять или шесть милліоновъ, и ихъ—подъ обезпеченіе всѣми болгарскими желѣзными дорогами. Отъѣздъ или кончина болгарскаго князя предусмотрѣны конституціей. Въ такомъ случаѣ предписано передать власть митрополиту, предсѣдателю собранія, предсѣдателю суда и всѣмъ министрамъ. Все это высказано самымъ положительнымъ образомъ. Могъ ли Русскій Государь признать правительство, назначенное княземъ Баттенбергомъ въ противность дѣйствующему уставу, признанному Россіею и всей Европою? Могъ ли нашъ Государь дѣйствовать иначе, чѣмъ онъ дѣйствовалъ, не оскорбляя нашихъ завѣтнѣйшихъ чувствованій и что еще важнѣе, не нарушая своего долга? Тяжела обязанность Государя, но, конечно, ни для кого отреченіе отъ нея не будетъ труднѣе, чѣмъ для Императора Александра III. Онъ никогда не признаетъ правителей, которые, захвативъ власть, поддерживаютъ ее внутри терроризмомъ, а извнѣ постоянными клеветами, ложью, обманомъ. Если еще нужны на это доказательства, то достаточно вспомнить договоръ съ Сербіею, которымъ уступается королю Милану Брегово. Зачѣмъ? По секретнымъ статьямъ Брегово будетъ опять отдано Болгаріи въ обмѣнъ за кусокъ

земли, который дастъ возможность Австріи достигнуть Солуня по желѣзной дорогѣ— Вакарія—София—Царебродъ. Эта дорога должна быть построена болгарами и на болгарскія средства! Въ сущности это означаетъ полное отреченіе отъ своей позиціи; а близорукіе совѣтники приглашаютъ насъ съ восторгомъ привѣтствовать такую чудовищную политику. Конечно, не для того, чтобы пожертвовать Болгаріей Австро-Венгріи, вели мы послѣднюю турецкую войну; не такова была цѣль нашихъ добровольцевъ, такъ охотно умиравшихъ за славянское дѣло. Этого Государь нашъ не можетъ забыть: онъ русскій и православный, представитель ста милліоннаго народа, имѣющаго двухмилліонное, хорошо обученное войско. Конечно, Россія не можемъ ни признать, ни поддерживать такого плана, при исполненіи котораго похитители и предатели предали бы Болгарію врагамъ славянства.

Поверхностные критики воображаютъ, что указывая на противодѣйствіе Россіи соединенію Болгаріи съ Румеліею, они пользуются сильнымъ аргументомъ противъ Россіи. Россія всегда желала этого соединенія — доказательство Санъ-Стефанскій трактатъ; но когда это соединеніе было провозглашено, негодованіе овладѣло всей Европою и въ то время весьма возможною была кровопролитнѣйшая война. Когда же Россія представила яснѣйшія доказательства, что соединеніе совершилось не ею и не съ ея помощью, то Европа начала его поддерживать. Русскій Императоръ не могъ въ то время вѣрить принцу Баттенбергу. Онъ зналъ, что славяне были въ дурныхъ рукахъ и не въ безопасности; но Онъ готовъ былъ всѣми законными средствами поддерживать соединеніе, когда Баттенбергъ отрекся бы отъ своего поста.

Можетъ ли что нибудь быть честнѣе, яснѣе и достойнѣе удивленія отвѣта Государя принцу Баттенбергу? Когда Императоръ Александръ III говоритъ, Его слова вѣски, и значеніе ихъ ясно.

О. К.

Извѣстія изъ славянскихъ земель по газетамъ.

Сербскимъ, и хорватскимъ.

Закрытіе сербской скупщины.—Печальные итоги ея дѣятельности.—Внѣшняя политика Сербіи.—Мнимый заговоръ противъ короля Милана.—Славянская печать о болгарскихъ событіяхъ.—Австрійскія делегаціи.—Что на нихъ сказали чехи и поляки?—Каллай о Боснѣ и Герцеговинѣ.—Скандалъ съ Анджеличемъ. — Договоръ Черногоріи съ папой. — Изъ Драшкова Рабоша.

Съ нетерпѣніемъ ожидалъ сербскій народъ осеннихъ засѣданій скупщины. Большія надежды возлагались на избранную еще лѣтомъ скупщинскую финансовую комиссію, которая должна была привести, если хоть не въ порядокъ, то по крайней мѣрѣ въ извѣстность сербскіе финансы. Но, увы! Сербская скупщина не оправдала ожиданій. Она не только не облегчила положеніе сербскаго народа, но еще болѣе ухудшила его принятіемъ закона объ усиленіи налоговъ. О ея дѣяніяхъ вообще мало было слышно, такъ какъ Гарашанинъ, по мѣткому выраженію газеты *Браник* *) надѣлъ намордникъ на общественное мнѣніе. На почтѣ и на телеграфѣ въ Нишѣ была заведена строгая цензура, коей подвергались не только письма депутатовъ, но и обыкновенныхъ смертныхъ. Представители печати не допускались на засѣданія скупщины.

2 ноября король Миланъ закрылъ скупщину тронной рѣчью, въ которой благодарилъ скупщину за принятыя ею финансовые законы и патріотизмъ. Особенно же благодарилъ за то, что скупщина, рядомъ съ мѣрами, направленными къ бережливости въ государственныхъ расходахъ тѣмъ не менѣе не сократила военнаго бюджета (см. *Видело*, 4 ноября).

Сербское правительство всего болѣе опасалось именно обсужденія бюджета съ его дефицитомъ въ $5^1/_2$ милліоновъ франковъ. Тѣмъ не менѣе обсужденіе бюджета прошло для правительства благополучно, что и понятно, такъ какъ оно располагало въ свою пользу $^2/_3$ всѣхъ голосовъ. Законопроектъ о повышеніи податей встрѣтилъ

*) Отъ 18 октября.

яростное сопротивленіе со стороны оппозиціи, но тѣмъ не менѣе былъ принятъ значительнымъ большинствомъ. Вслѣдствіе этого 9 вождей оппозиціи (Таушановичъ, Р. Поповичъ, Катичъ и другіе) вышли изъ состава скупщины (см. *Н. Уставност*, 30 октября).

Этотъ демонстративный выходъ вождей оппозиціи *Н. Уставност* (4 ноября) считаетъ вполнѣ законнымъ и извинительнымъ, такъ какъ оппозиція представила правительству *болѣе ста* запросовъ и *ни на одинъ не получила отвѣта*. Объ этихъ *ста* запросахъ названные девять депутатовъ упомянули въ коллективной запискѣ, поданной ими президенту скупщины. Въ этой запискѣ они указали, что развитіе сербскаго государства за послѣдніе годы шло неестественнымъ путемъ, что драконовскія мѣры правительства при выборахъ депутатовъ и сельскихъ старшинъ свели избирательное право къ нулю. Записка указываетъ и на беззаконія, допущенныя правительствомъ въ самой скупщинѣ. Записка оканчивается обвиненіемъ правительства въ томъ, что оно поступаетъ незаконно, неразумно и вредно для народа (*Србобран*, 6 ноября).

Недовольство правительствомъ проникло даже въ ряды его собственной напредняцкой партіи; нѣкоторые изъ депутатовъ этой партіи подали въ отставку.

Не менѣе недовольства возбудила и странная, чтобы не сказать больше, внѣшняя политика правительства короля Милана. Наиболѣе ярко это недовольство выразилось въ запросѣ 25 оппозиціонныхъ депутатовъ, представленномъ правительству 24 октября. Въ этомъ запросѣ оппозиція требовала объясненій, почему заключенъ союзъ съ Болгаріей, держится ли правительство прежней точки зрѣнія на сохраненіе неприкосновенности Берлинскаго договора и политическаго равновѣсія на Балканскомъ полуостровѣ, и если держится, то что намѣрено дѣлать, если обстоятельства сдѣлаютъ договоръ съ Болгаріей не дѣйствительнымъ. Затѣмъ предлагаются слѣдующіе вопросы: чѣмъ оправдывается внезапная перемѣна во внѣшней политикѣ относительно Болгаріи и какъ примирить ее съ жертвами, принесенными Сербіей во время войны съ Болгаріей; — такъ какъ въ ближайшемъ будущемъ неизбѣжно возстановленіе русскаго вліянія въ Болгаріи, то какъ думаетъ сербское правительство въ виду этого относиться къ Болгаріи; какъ смотритъ правительство на теперешнихъ временныхъ и непризнанныхъ европейскими державами регентовъ и министровъ болгарскихъ и увѣрено ли оно, что заключенный имъ съ Болгаріей договоръ будетъ утвержденъ законнымъ болгарскимъ правительствомъ, когда таковое явится? (*Н. Уставност*, 30 октября).

Въ одной изъ своихъ статей *Н. Уставност* подводитъ итоги финансовой дѣятельности напредняковъ за шестилѣтній періодъ ихъ власти. Въ 79—80 году, когда они приняли въ свои руки бразды правленія, бюджетъ былъ всего 19½ милліоновъ. Теперь же въ 86—87 году онъ достигъ 43¼ милліоновъ. Это дѣйствительно своего рода tour de force. Впрочемъ, въ этой странѣ, наводняемой теперь, благодаря Австріи, массой жидовъ (между прочимъ вице-консуломъ въ Пештѣ сербское правительство назначило жида Хаима Давиджа), все возможно. Не говоря о непосильныхъ налогахъ, о разорительной табачной монополіи (въ рукахъ вѣнскихъ жидовъ), недавно открылось, что жидовское желѣзнодорожное общество продаетъ пассажирамъ фальшивые билеты на проѣздъ и, конечно, кладя деньги себѣ въ карманъ, грабитъ государственную казну.

Король Миланъ, недавно охотившійся подъ Враньей, внезапно вернулся въ Бѣлградъ, что объясняютъ различно. Одни говорятъ, что былъ открытъ заговоръ на его жизнь, другіе, что этотъ заговоръ нарочно

---

*) Въ коммиссію по Бреговскому дѣлу сербское правительство назначило недоучившагося машиниста Данича, предсѣдателя бѣлградскаго городскаго суда Христича (извѣстнаго жестокими приговорами надъ представителями оппозиціи, и уѣзднаго начальника Живку Анджелича (бывшаго 3—4 года тому назадъ простымъ телеграфистомъ).

былъ выдуманъ напредняками, чтобы побольше людей изъ оппозиціи посадить въ тюрьмы. Оффиціозная газета *Видело* (18 ноября) объясняетъ внезапный пріѣздъ короля въ Бѣлградъ желаніемъ его навѣстить заболѣвшихъ холерой солдатъ.

Какъ бы то ни было, но напредняцкая полиція не преминула воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, и одинъ ретивый капитанъ подвергъ пыткѣ нѣсколько лицъ, заподозрѣнныхъ еще раньше полиціей въ убійствѣ напредняцкаго депутата Яковлевича.

Вообще положеніе Сербіи газетами *Браник*, *Застава*, *Србобран*, *Hrvatska* и другими издающимися внѣ Сербіи, изображается самыми мрачными красками (см. *Браник*, отъ 21 и 25 октября, *Србобран* за весь октябрь и ноябрь и т. д.).

Отъ Сербіи перейдемъ къ ея сосѣдкѣ Болгаріи.

Говоря о незаконномъ болгарскомъ народномъ Собраніи и о признаніи Стамбулова, что избраніе вновь пр. Баттенбергскаго невозможно, *Браник* находитъ, что это позднее сознаніе. Надо было раньше, еще въ началѣ кризиса, сообразить это, а не копать глубокой ямы между Россіей и Болгаріей. Нельзя было идти наперекоръ требованіямъ Россіи, съ которой теперь уже не легко примириться, въ виду рѣшительнаго заявленія генерала Каульбарса, что Россія признаетъ болгарское народное собраніе незаконнымъ. Далѣе *Браник* говоритъ, что изъ этого спора Россія *не можетъ* выйти побѣжденною, хотя бы даже ей пришлось занять своими войсками Болгарію. Оккупація, конечно, не желательна; но она будетъ необходима, если Болгарія забудетъ, что, кромѣ болгарскихъ есть еще *общеславянскіе интересы, представительницею и защитницею которыхъ* является Россія. Если болгары вздумаютъ вступить въ столкновеніе съ этими интересами, то все славянство отшатнется отъ нихъ и они погибнутъ.

Выборы въ болгарское народное собраніе представляли собою рядъ вопіющихъ беззаконій. Весьма характерныя подробности этихъ выборовъ сообщаетъ корреспондентъ газеты *Hrvatska* изъ Филиппополя (см. *Hrvatska* 2 ноября н. с.). Такихъ беззаконій, какія были въ Филиппополѣ при выборахъ, говоритъ корреспондентъ, даже и въ Венгріи не бывало. Въ Бургасѣ не подавалъ голоса ни одинъ гражданинъ, а одни только чиновники (греки и магометане воздерживались отъ участія въ выборахъ). Въ томъ же Бургасѣ полиція не допустила пароходу «Царь-Освободитель», привезшему избирателей, пристать къ берегу въ 8 часовъ утра, а велѣла ждать до 11 часовъ; тѣмъ временемъ префектъ распорядился, чтобы чиновники и ихъ родственники произвели выборы, и какъ разъ къ 11 часамъ все было кончено. Подобныя же беззаконія творились по всей Болгаріи, и народъ вездѣ былъ противъ такихъ насилій, но ничего не могъ сдѣлать противъ войскъ, стоявшихъ на готовѣ и противъ шаекъ палочниковъ (сопаджіевъ). Въ самомъ Филиппополѣ было бы еще больше безпорядковъ, еслибы тамъ было болѣе приверженцевъ правительства и еслибы не помѣшалъ беззаконіямъ русскій консулъ.

О путешествіи генерала Каульбарса правительственныя газеты распространяли самыя возмутительныя небылицы, о радушныхъ же и восторженныхъ встрѣчахъ царскаго посланца эти газеты не упоминали ни словомъ.

Вслѣдъ за созывомъ подобнымъ образомъ составленнаго собранія болгарское правительство поспѣшило объявить въ Софіи осадное положеніе, что *Н. Уставност* (23 октября) считаетъ вопіющимъ беззаконіемъ со стороны этого правительства. Чтобы оправдать эту мѣру, правительство распустило слухъ о мнимомъ заговорѣ цанковистовъ, которые хотѣли будто бы произвести безпорядки съ цѣлью вызвать вооруженное вмѣшательство Россіи. *Н. Уставност* признаетъ эту выходку безсмысленною и утверждаетъ, что Россія можетъ возвратить Болгарію на правый путь и не прибѣгая къ оккупаціи, а если такъ, то эта выходка лишь доказываетъ непрочность положенія болгарскихъ регентовъ и министровъ. Сами болгары начинаютъ сознавать свое трудное положеніе. Такъ, Славейковъ въ своей газетѣ *Истина* (4 октября) прямо говоритъ, что руководимая подобными людьми Болгарія стремится къ пропасти. Зачѣмъ, продолжаетъ онъ, мы такъ упорно противимся желаніямъ Россіи? Независимости своей намъ не отстоять, а мѣнять русское

законное вліяніе на чужеземное нѣтъ смысла; безъ Россіи намъ не устоять, а кромѣ Россіи не на кого опереться. Наша независимость гибнетъ не отъ Россіи, а отъ безсмысленной дѣятельности нашихъ правителей и доморощенныхъ политиковъ.

Такъ здраво разсуждаетъ болгарскій патріотъ. Онъ же не находитъ словъ, чтобы осудить дерзость правительственныхъ газетъ, приписавшихъ убіеніе 4 лицъ при выборахъ въ Дупницѣ повелѣнію русскаго Царя. Противъ этой дерзкой и позорной выходки онъ считаетъ долгомъ протестовать во имя всей Болгаріи.

Творя всяческія беззаконія и безобразія внутри страны и опираясь на содѣйствіе Англіи и Австріи, болгарскіе правители сочли не лишнимъ попытать счастья и въ Царьградѣ и съ этой цѣлью отправили Грекова (*). Пріѣздъ послѣдняго въ Царьградъ совпалъ съ пріѣздомъ новаго англійскаго посла Уайта. Не смотря на содѣйствіе послѣдняго, Грекову не удалось однако ничего добиться отъ Порты, кромѣ совѣтовъ насчетъ примиренія съ Россіей.

Наконецъ неслыханныя обиды и оскорбленія, чинимыя болгарскими шайками русскимъ подданнымъ, избіеніе русскаго каваса, противодѣйствіе всѣмъ самымъ законнымъ и справедливымъ требованіямъ Россіи вынудили послѣднюю отозвать изъ Болгаріи генерала Каульбарса и всѣхъ консуловъ. Наканунѣ этого важнаго событія Славейковъ въ своей «Истинѣ» (7 ноября) проповѣдывалъ необходимость примиренія не съ одной только Сербіей, а и съ Россіей и горячо осуждалъ эту странную манію славянъ гнуть шею подъ чужое ярмо Австріи и Англіи. Не поздно еще, говорилъ онъ, помириться двумъ братскимъ народамъ во имя общаго славянскаго дѣла. Но эти слова ничего не могли сказать болгарскимъ правителямъ, рѣшившимся идти противъ Россіи, во что бы то ни стало.

Въ томъ же № «Истины» и въ № отъ 13 ноября мы находимъ весьма обстоятельную статью о договорѣ Болгаріи съ Сербіей. Авторъ этой статьи говоритъ, что двукратное путешествіе Перы Тодоровича свидѣтельствуетъ о сильномъ желаніи сербскаго правительства помириться съ Болгаріей, между тѣмъ самая форма договора показываетъ, какъ будто Болгарія сознаетъ свою виновность предъ Сербіей и ищетъ ее загладить этимъ соглашеніемъ. Искренность сербскаго ретрограднѣйшаго и всѣми презираемаго правительства, рѣшившагося въ такое трудное для Болгаріи время вступать съ нею въ соглашеніе также весьма подозрительна. Не надо было торопиться съ заключеніемъ договора, а подождать, пока Болгарія выйдетъ изъ теперешняго своего труднаго положенія. Болгаріи нуженъ былъ не договоръ, а признаніе Сербіею болгарскаго объединенія: пока этого признанія не будетъ, излишни всякіе договоры. Странскій доказалъ на дѣлѣ что онъ плохой дипломатъ. Чрезвычайно странны эти уступки Сербіи на ряду съ рѣшительнымъ противодѣйствіемъ Россіи. Лучше было, согласно съ требованіемъ Россіи, отложить выборы на 2 мѣсяца, чѣмъ соглашаться на унизительныя уступки въ пользу Сербіи. Въ особенности опасны тѣ постановленія договора, которыя касаются взаимныхъ торговыхъ отношеній Болгаріи и Сербіи: благодаря этимъ постановленіямъ *Болгарія попадетъ въ полную экономическую кабалу къ Австріи, подобно самой Сербіи, уже давно страдающей отъ этой кабалы*. Достается въ этой статьѣ и Перѣ Тодоровичу за его измѣну радикальной сербской партіи и переходъ къ напреднякамъ *). То постановленіе договора, гдѣ говорится объ отношеніи къ взаимнымъ эмигрантамъ, подвергается жестокой критикѣ. Надо было заключать договоръ не съ Сербіей, а съ Румыніей, отъ которой болѣе, чѣмъ отъ Сербіи, Болгарія можетъ ожидать дружеской помощи и содѣйствія къ созданію балканской федераціи. Въ случаѣ оккупаціи Россіею Болгаріи весь этотъ договоръ съ Сербіей разсыплется въ прахъ, потому что тогда врядъ ли Миланъ усидитъ на своемъ тронѣ, даже и при поддержкѣ Австріи.

Въ заключеніе авторъ этой статьи рѣшительно осуждаетъ договоръ съ Сербіей.

Такъ какъ избранный болгарскимъ народомъ собраніемъ датскій принцъ Валь-

*) *Застава*, 22 октября.

*) Кстати: какъ Прею Тодоровича, такъ и его сподвижника Рашу Милошевича сербскій радикальный клубъ исключилъ изъ своей среды.

демаръ отказался отъ предложеннаго ему титула болгарскаго князя, то регентство подало въ отставку; однако благодаря ободрительной рѣчи графа Кальники осталось у власти. Между тѣмъ со стороны Россіи была выдвинута кандидатура князя Мингрельскаго.

Обсуждая воинственныя рѣчи Сальсбюри и Кальноки, болгарская газета «*Свобода*» (12 ноября) говоритъ, что отъ нихъ вѣетъ духомъ берлинскаго конгресса, и что, если имъ вѣрить, то оккупація Болгаріи русскими войсками можетъ вызвать европейскую войну. Эта же газета, по поводу кандидатуры князя Мингрельскаго отзывается о послѣднемъ не особенно лестно и возстаетъ противъ его кандидатуры, считая ее просто за насмѣшку Россіи надъ европейскими державами.

Отъѣздъ генерала Каульбарса изъ Болгаріи это газета объясняетъ негодованіемъ цѣлой Европы на его «глупый и революціонный образъ дѣйствій въ Болгаріи, уронившій русскаго Царя и русское правительство въ глазахъ свѣта» (!). Болгарскому правительству просто слѣдовало удалить Каульбарса изъ Болгаріи, или потребовать его удаленія, еслибы онъ самъ добровольно не уѣхалъ. Далѣе газета обвиняетъ Каульбарса въ томъ, что онъ вносилъ смуту въ страну и при помощи лицъ, въ родѣ Набокова, устраивалъ возстанія въ Бургасѣ, Перущицѣ и т. д. Эти строки даютъ отличное понятіе о безстыдствѣ, съ какимъ болгары относятся къ Россіи (разумѣемъ здѣсь не простой народъ болгарскій, а высшіе его полуобразованные классы). Мало того, газета обвиняетъ Каульбарса въ превышеніи власти, въ сообщеніи русскому правительству фальшивыхъ данныхъ, за что будто бы онъ скоро будетъ наказанъ русскимъ правительствомъ!

Вслѣдъ за этими разсужденіями помѣщаются рядомъ двѣ рѣчи Сольбюри и Кальноки, этихъ вдохновителей Болгарскихъ маріонетокъ.

Послѣ отъѣзда генерала Каульбарса, представитель порты въ Софіи Габданъ-эфенди спросилъ мнѣнія болгарскаго правительства о кандидатурѣ князя Мингрельскаго и предложилъ предоставить Портѣ, по соглашенію съ русскимъ посломъ въ Царьградѣ, назначеніе новаго регентства. На первый вопросъ ему отвѣчали, что одному очередному собранію надлежитъ рѣшить вопросъ о князѣ, а на предложеніе отвѣчали, что не дѣло Порты вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Болгаріи.

Если къ этому прибавить празднованія въ Болгаріи прошлогодней побѣды надъ сербами подъ Сливницей, поздравительныя депеши принцу Баттенбергскому и слезные его отвѣты и общее волненіе во всей странѣ, выражающееся то тамъ, то сямъ въ безпорядкахъ (заговоръ въ Софіи, подача въ отставку офицеровъ въ Шумлѣ и др.), то получимъ весьма печальную картину.

Болгарскія событія дали поводъ австрійскимъ и венгерскимъ делегаціямъ побряцать оружіемъ и насладиться рѣчами о войнѣ съ Россіей.

Въ венгерской делегаціи предсѣдатель ея Людевитъ Тисса произнесъ воинственную рѣчь, тоже сдѣлалъ предсѣдатель австрійской делегаціи полякъ Смолка. Нельзя не подивиться воинственному настроенію мадьяръ въ виду того обстоятельства, что для покрытія венгерскаго дефицита на 1887 годъ нужно 54 милл. гульденовъ (*Hrvatska* 2 ноября н. с.); но мадьярамъ еще извинительно бряцать оружіемъ и мечтать о мщеніи за Вилагошъ (*венгерская* делегація состоитъ исключительно изъ мадьяръ и немногихъ нѣмцевъ). Но чего нельзя было ожидать, такъ это антирусскихъ выходокъ славянъ, входящихъ въ составъ *австрійской* делегаціи. Именно земскіе депутаты Ригеръ и Матушъ одобрили въ своихъ рѣчахъ политику Кальноки и высказались противъ Россіи. Что касается Ригера, то еще очень недавно въ разговорѣ съ однимъ журналистомъ онъ высказывался противъ войны съ Россіей, какъ совершенно безсмысленной и опасной для Австріи (*Србобран*., 8 ноября), и вдругъ на делегаціи онъ измѣняетъ свое мнѣніе. Чешская газета «Narodni Listy» жестоко напала на Ригера и Матуша за ихъ рѣчи, а *Застава* сказала, что лучше бы было имъ молчать, чѣмъ говорить столь позорныя слова. Любопытно, что рѣчи польскихъ депутатовъ въ австрійской делегаціи были умѣреннѣе и сдержаннѣе чешскихъ.

Славянская печать вообще скептически отнеслась къ воинственному настроенію делегацій (послѣднія засѣданія ихъ впрочемъ были далеко не воинственнаго свойства)

Газета *Браник* (6 ноября), говоря о внѣшней политикѣ Австріи, указала, что въ случаѣ войны съ Россіей Австрія не имѣетъ вѣрныхъ союзниковъ. Притомъ, ей трудно соперничать съ Россіей, совершающей свою историческую задачу—освобожденіе восточныхъ народовъ. По мнѣнію *Браника,* шумъ, поднятый делегаціями, въ сущности комическій шумъ—не болѣе, такъ какъ, не смотря на всѣ подстрекательства мадьяръ, Вѣна никогда не рѣшится вступить въ открытую борьбу съ Россіей. Справедливость этихъ словъ видна изъ послѣдней рѣчи графа Андраши, настроенной на миролюбивый по отношенію къ Россіи ладъ. Такое-же мнѣніе высказываетъ *Српски Лист.*, говоря (въ № отъ 19 нояб.) объ окончательномъ распаденіи троецарскаго союза.

Чрезвычайно любопытны были въ делегаціяхъ пренія о представленномъ министромъ Каллаемъ бюджетѣ Босны и Герцеговины. Изъ этого бюджета видно, что—Босна и Герцеговина не только не дадутъ въ 1887 году дефицита, но еще доходъ въ 56,774 флорина. Ближайшее разсмотрѣніе бюджета (расходы исчислены въ 8.920,616 флориновъ, а доходы въ 9.977,370) показываетъ, что этотъ результатъ достигается чрезвычайнымъ обремененіемъ народа не только тѣми податями, какія были и при туркахъ, но прибавленіемъ еще новыхъ (соляныя и табачныя пошлины см. *Браник.* 28 октября—*Српски Лист.* 19 ноября).

Само собою разумѣется, что этотъ бюджетъ былъ принятъ и Каллай получалъ со всѣхъ сторонъ благодарности за его «мудрое» управленіе страной. Зато на одномъ изъ первыхъ засѣданій хорватскаго сейма извѣстный депутатъ А. Стучевичъ внесъ запросъ такого рода:—что будетъ дѣлать Австрія, если *какая либо держава* потребуетъ отъ нея очищенія Босны и Герцеговины? банъ хорватскій Хедервари поспѣшилъ отвѣтить на этотъ запросъ, что не дѣло сейма заниматься обсужденіемъ подобныхъ запросовъ (см. *Застава* 11 ноября и *Браник* 4 ноября). На томъ же сеймѣ депутатъ Мазура внесъ запросъ о злоупотребленіяхъ при выборахъ. Въ Хорватіи дѣлаются вообще довольно странныя вещи. Такъ въ *Заставу* (16 ноября) пишутъ изъ Загреба, что въ загребскомъ университетѣ другъ бана Хедервари профессоръ Спевецъ открыто проповѣдуетъ атеизмъ, что профессоръ и докторъ богословія Ивеновичъ написалъ книгу о бракахъ христіанъ съ жидами, въ которой особенно рекомендуетъ эти браки и превозноситъ жидовъ до небесъ. Въ томъ же письмѣ разсказывается, что нѣкій помѣщикъ Кіепахъ во время обѣдни въѣхалъ въ церковь на конѣ, доѣхалъ до алтаря и при этомъ билъ стоявшихъ въ церкви крестьянъ кнутомъ и кричалъ: «Я вашъ Богъ, я правительственный человѣкъ». Духовенство даже не пожаловалось на это, а на жалобу свѣтскихъ прихожанъ поджупанъ Кавачевичъ отвѣчалъ: «Ну, чтожъ, каждый можетъ дѣлать, что ему угодно».

У Австрійскихъ сербовъ раздоръ между церковнымъ соборомъ и наименованнымъ патріархомъ Анджеличемъ дошелъ до того, что Анджелича выгнали изъ залы засѣданій. Этому не бывалому скандалу предшествовали слѣдующія обстоятельства. За нѣсколько дней до собранія собора, по почину редактора газеты *Застава*, созвана была въ Н. Садѣ сходка избирателей. Эта сходка состоялась 19 октября и постановили, что, если отвѣтъ императора на адресъ собора (представленный въ прошломъ году) будетъ неблагопріятный, то члены во всякомъ случаѣ должны твердо держаться постановленій этого адреса. Въ рядѣ статей, предшествовавшихъ собранію собора, газеты *Браник*, *Застава*, *Србобран* и другія доказывали, что съ Германомъ Анджеличемъ дѣйствовать невозможно, что его, какъ врага церковной автономіи, слѣдуетъ устранить.

Открытіе собора состоялось 22 октября. Правительственный комиссаръ Николичъ прочелъ указъ о созывѣ собора и письмо Тиссы, въ которомъ говорится, что адресъ собора не принятъ правительствомъ во первыхъ потому, что этотъ адресъ не подписанъ Германомъ Анджеличемъ, какъ предсѣдателемъ собора, а во вторыхъ потому, что просьбой къ правительству объ устраненіи Анджелича соборъ превышаетъ предѣлы своей власти, такъ какъ корона считаетъ своимъ неотъемлемымъ правомъ назначеніе патріарха.

Послѣ этого сообщенія, которое произвело на соборъ тяжелое впечатлѣніе, Николичъ прочелъ свою привѣтственную рѣчь и объявилъ засѣданія собора открытыми.

На второмъ засѣданіи собора 25 октября, кромѣ текущихъ дѣлъ, прочитано было посланіе синода, вызвавшее чрезвычайное огорченіе и раздраженіе какъ въ членахъ собора, такъ и въ печати. Въ этомъ посланіи синода къ собору, синодъ говоритъ, что по ученію православной церкви въ ней два порядка: священный и свѣтской, при чемъ первый имѣетъ всю власть въ церкви—власть учить, судить, управлять (церковное законодательство, судъ и управленіе) по преемству отъ апостоловъ. Церковь православная іерархична и епископальна. Верховное управленіе въ епархіи принадлежитъ епископу, а въ митрополіи—собранію епископовъ подъ предсѣдательствомъ митрополита, т. е. архіерейскому синоду. Эта власть епископовъ не можетъ быть переносима на другихъ вѣрныхъ. Поэтому сербской церковно-народный соборъ, состоящій большею частью изъ людей свѣтскихъ, не можетъ быть поставленъ выше архіерейскаго синода, а долженъ быть подчиненъ послѣднему. Постановленія синода имѣютъ силу обязательныхъ для собора распоряженій. Соборъ относительно синода можетъ быть только совѣщательнымъ и подчиненнымъ учрежденіемъ. Въ заключеніе посланія синодъ отказывается признать выработанныя соборомъ 1879 года постановленія (о митрополичьемъ совѣтѣ, объ устройствѣ епархій и приходовъ) и возвращаетъ ихъ настоящему собору,

Говоря объ этомъ посланіи, *Браник* *) припоминаетъ слова одного австрійскаго министра о сербахъ, сказанныя 35 лѣтъ тому назадъ (во время агитаціи по поводу Воеводины): «Какая тамъ Воеводина! Дайте только сербу хорошее мѣсто, да надѣньте на него орденъ, и онъ будетъ доволенъ, оставитъ всякія хлопоты о народѣ и его правахъ». Эти слова *Браникъ* примѣняетъ къ членамъ синода, которые, по его мнѣнію, этимъ посланіемъ объявили войну церковной автономіи сербскаго народа, такъ какъ требуютъ всей власти себѣ. Между тѣмъ право сербскаго народа въ Австріи на церковную автономію есть право исконное, освященное двухсотлѣтнею практикою. Верховная власть этой автономіи есть соборъ. Своимъ посланіемъ синодъ возстаетъ противъ самихъ государственныхъ законовъ. Далѣе слѣдуетъ рядъ рѣзкихъ нападокъ на самыя личности членовъ синода.

Такимъ образомъ вопросъ, доселѣ бывшій довольно простымъ (требовалось устранить Германа, чтобы все пришло въ надлежащій порядокъ), теперь очень осложнился. Очень печальна эта распря въ сербской австрійской церкви между «двумя порядками» и не можетъ она привести ни къ чему хорошему.

На третьемъ засѣданіи собора (27 октября) Медаковичъ хотѣлъ отъ имени 53 членовъ собора внести предложеніе. Германъ Анджеличъ не позволилъ прочесть этого предложенія, пока оно предварительно не будетъ представлено ему, какъ предсѣдателю собора, на предварительный просмотръ. Это незаконное требованіе Анджелича произвело страшный шумъ на соборѣ. Іовановичъ крикнулъ Герману:—«Еслибы въ васъ была хоть капля любви къ народу, то вы не сидѣли бы на этомъ мѣстѣ, котораго не достойны!»

Цвѣтичъ сказалъ Герману: «Не стыдно ли вамъ!» Наконецъ безпорядокъ дошелъ до того, что Германъ поспѣшно закрылъ засѣданіе и удалился изъ залы совѣта, сопровождаемый криками членовъ собора: «вонъ его!»

Послѣ такого неслыханнаго скандала соборъ рѣшилъ на совѣщаніи потребовать открытія новаго засѣданія въ 4 часа пополудни и отправить къ комиссару Николичу депутацію съ извѣщеніемъ о случившемся. Но такъ какъ комиссаръ этого засѣданія не разрѣшилъ, требуя также на предварительный просмотръ предложенія Медаковича, то соборъ 28 октября, въ лицѣ 54 членовъ, представилъ ему протестъ противъ его незаконнаго образа дѣйствій (по закону комиссаръ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла собора) и постановилъ разойтись по домамъ.

Такъ печально кончились засѣданія собора. Негодованіе сербской печати всеобщее. *Застава* не щадитъ выраженій противъ Германа, котораго называетъ палачемъ и могильщикомъ сербской народно-церковной автономіи. Даже мадьярскія газеты (Флитленикъ и другія) находятъ, что дальнѣйшее пребываніе Анджелича на патріаршей кафедрѣ невозможно и совѣтуютъ

*) Отъ 28-го октября.

Тиссѣ устранить его. На это, однако, мало надежды, если судить по отличному пріему, оказанному Герману въ Пештѣ, куда онъ ѣздилъ послѣ скандальнаго бѣгства своего изъ собора.

Въ черногорской газетѣ *Глас Црногорца* (21 октября) обнародованъ на итальянскомъ и сербскомъ языкахъ договоръ Черногоріи съ папой, заключенный «съ цѣлью защиты вѣроисповѣдныхъ интересовъ католиковъ въ княжествѣ». Прилагая здѣсь полный переводъ этого важнаго документа *), замѣтимъ пока, что мнѣнія славянской печати объ этомъ договорѣ раздѣлились: одни газеты относятся съ извѣстнымъ опасеніемъ къ нему, боясь расширенія католической пропаганды, другія (напримѣръ *Браник* и *Српски Лист*) восхваляютъ его, какъ актъ вѣротерпимости и либерализма черногорскаго правительства. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ первыхъ, тѣмъ болѣе, что учрежденіе особой архіепископіи для какихъ нибудь пяти или шести тысячъ католиковъ совершенно излишне, въ виду фактически существовавшей доселѣ въ Черногоріи вѣротерпимости.

---

*) **Глас Црнгорца**, 21 октября.

Договоръ между Св. Престоломъ и черногорскимъ правительствомъ.

Въ имя Пресвятой Троицы.

Его святѣйшество папа Левъ XIII и его высочество Николай I, князь Черногорскій, съ цѣлью защиты вѣроисповѣдныхъ интересовъ католиковъ въ княжествѣ, рѣшили заключить договоръ, назначивъ для этого двухъ уполномоченныхъ, а именно: со стороны его святѣйшества:

Его высокопреподобіе господина кардинала Людовика Якобини, статсъ-секретаря,

а со стороны его высочества: кавалера Іована Сундечича, его секретаря;

которые, по размѣнѣ своихъ полномочій, найденныхъ въ надлежащей и установленной формѣ, согласились на нижеслѣдующія статьи.

Ст. 1. Католическое апостолическое римское вѣроисповѣданіе будетъ отправляться въ Черногоріи свободно и открыто.

Ст. 2. Его святѣйшество, прежде окончательнаго назначенія архіепископа Барскаго (di Antivari) будетъ сообщать правительству имя своего кандидата, чтобы узнать, нѣтъ ли политическихъ или гражданскихъ препятствій къ его назначенію.

Ст. 3. Архіепископъ Барскій, подъ чьей духовной юрисдикціей будутъ состоять всѣ черногорскіе католики, будетъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ непосредственно и исключительно отъ св. Престола.

Ст. 4. Прежде вступленія въ отправленіе своихъ обязанностей, архіепископъ Барскій принесетъ его высочеству князю Черногорскому присягу на вѣрность въ слѣдующихъ выраженіяхъ: клянусь и обѣщаюсь предъ Богомъ и на св. Евангеліи, что буду послушнымъ и вѣрнымъ его высочеству князю Черногорскому; обѣщаю, что не буду вступать ни въ какой договоръ, ни участвовать въ какомъ-либо совѣщаніи, ни поощрять и позволять подвластному мнѣ духовенству участвовать въ какомъ-либо предпріятіи, которое бы клонилось къ нарушенію мира въ странѣ.—Черногорское правительство признаетъ за нимъ титулъ «Высокопреосвященства» («Illustrissimo monsignore») и назначаетъ ему ежегодное жалованье въ 5,000 франковъ.

Ст. 5. Архіепископъ Барскій будетъ пользоваться полной свободой въ отправленіи церковной службы и въ управленіи своей епархіей; онъ можетъ осуществлять всѣ свои права и преимущества, присвоенныя его пастырскому званію, сообразно съ одобреннымъ церковью порядкомъ: ему подчинены всѣ члены католическаго духовенства, насколько это касается прохожденія священническихъ должностей.

Ст. 6. Архіепископу Барскому надлежитъ, по соглашенію съ черногорскимъ правительствомъ, установить приходы. На него также возлагается обязанность поставлять приходскихъ священниковъ; а если послѣдніе не будутъ черногорскими подданными, то предварительно вступать въ соглашеніе съ черногорскимъ правительствомъ; если они будутъ черногорскими подданными, то назначеніе предоставляется черногорскому правительству.

Ст. 7. Относительно приходовъ, гдѣ нѣтъ зданій для отправленія католическаго богослуженія, архіепископъ имѣетъ войти въ соглашеніе съ мѣстными властями, чтобы по возможности для этой цѣли было отведено приличное зданіе.

Ст. 8. Архіепископъ, въ силу своего пастырскаго званія, будетъ завѣдывать религіознымъ обученіемъ учащихся католическаго вѣроисповѣданія по всѣмъ школамъ и, по соглашенію съ правительствомъ, будетъ назначать священниковъ или учителей—католиковъ для преподаванія Закона Божія въ правительственныхъ школахъ, каковые учителя будутъ получать одинаковую съ прочими учителями плату. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ исключительно или въ огромномъ большинствѣ католики, правительство въ своихъ школахъ будетъ выбирать въ учителя людей, угодныхъ духовной власти.

Ст. 9. Правительство признаетъ дѣйствительность браковъ между католиками и смѣшанныхъ браковъ, совершенныхъ предъ католическимъ священникомъ сообразно съ церковными законами.

Въ № 76 (19 ноября) своего *Рабоша* воевода Драшко продолжаетъ бесѣдовать съ лордомъ Сольсбери. Онъ старается убѣдить почтеннаго лорда, что, когда сербы убѣдятся, что ихъ *спасеніе въ славянствѣ*, то не смотря на его воинственныя рѣчи, дружно соединятся другъ съ другомъ и вернутъ себѣ «Поносну», т. е. Боснію и Герцеговину. Онъ упрекаетъ лорда въ лицемѣріи (зачѣмъ лордъ ругаетъ Россію за грабительскія стремленія, когда Англія такъ славно приграбила себѣ Египетъ и Кипръ отъ бѣднаго султана, о которомъ такъ жалѣетъ лордъ?); Россія освободила болгаръ, побѣдивъ Турцію и ничего не взяла себѣ за свои великія жертвы, не воспользовалась позорнымъ примѣромъ «мозаичнаго состава» изъ жидовы, іезуитовъ, шпіоновъ, фратровъ и имъ подобныхъ созданій, этой Австріи, обезчестившей два наилучшихъ цвѣтка при помощи безсовѣстной Англіи.

Въ заключеніе своего посланія воевода Драшко проситъ Сольсбери передать поклонъ Черчиллю и отвѣтить, что будетъ теперь, когда изъ Болгаріи уѣхалъ Каульбарсъ съ консулами.

Про рѣчь Кальноки въ *Драшковомъ «Рабошѣ»* сказано, что это не рѣчь, а *говореніе*. Говорятъ, что трудно понять великихъ людей. Отсюда ясно, что Кальноки великій человѣкъ, ибо его «говореніе» трудно понять. Про Андраши Д. Рабошъ говоритъ, что онъ на делегаціяхъ игралъ роль клоуна-плясуна, кувыркавшагося на потѣху Европѣ.

Про Сербію: Сербія дружится съ нѣмцами, съ мадьярами, въ послѣднее время и съ отщепенцами болгарами, а всего больше съ банкирскими домами. Въ сборникѣ Вука стоитъ: «Дуг зао друг» (долгъ — плохой другъ). А сколько такихъ друзей теперь у Сербіи, всякому будетъ ясно.

Вопросы и отвѣты: Отчего защита русскихъ подданныхъ въ Болгаріи ввѣрена Франціи? — Оттого, что славянская имперія и французская республика идутъ по одному пути — *реванша*.

Отчего Каульбарсъ оставилъ Болгарію? — Оттого, что долженъ былъ дружески отозваться на привѣтствія Сольсбюри и Кальноки.

Д. Н—скій.

4 декабря 1886.

Изъ чешской печати.

Мнѣнія чеховъ о болгарскихъ дѣлахъ.—Отношенія чеховъ къ полякамъ.—Сужденія чеховъ объ австрійской современной политикѣ.

Среди чешскаго народа находятся люди, которые на дѣла славянскія предпочитаютъ смотрѣть сквозь нѣмецкія старческія очки, вмѣсто того, чтобы взглянуть на нихъ простымъ славянскимъ глазомъ: вѣдь онъ еще не такъ испортился отъ напряженія или отъ старости, вѣдь славянское племя еще не такъ старо и не такъ ужь оно много натрудило свои глаза, чтобы нуждаться въ чужихъ старческихъ очкахъ, которыя надѣлъ г. Тужимскій, чтобы взглянуть на чисто сла-

---

Ст. 10. Брачныя тяжбы между католиками, за исключеніемъ того, что относится къ области гражданскихъ законовъ, будетъ разрѣшать архіепископъ Барскій; а въ смѣшанныхъ бракахъ, исключая также того, что относится къ гражданскимъ законамъ, правительство предоставляетъ супругамъ представлять ихъ тяжбы на разсмотрѣніе того же архіепископа.

Ст. 11. Молитва «Боже, спаси князя» будетъ пѣта при службахъ на славянскомъ языкѣ.

Ст. 12. Для образованія черногорскихъ юношей, способныхъ быть католическими священниками, черногорское правительство, по соглашенію съ архіепископомъ Барскимъ, избираетъ наиболѣе достойныхъ, которыхъ и посылаетъ въ Римъ для окончанія наукъ, на каковое дѣло будетъ ежегодно выдавать приличную субсидію.

Въ теченіе первыхъ 5 лѣтъ, считая со дня подписанія сего договора, будутъ посылаемы ежегодно по два юноши, а затѣмъ по одному ежегодно. Они обязаны будутъ изучать въ Римѣ и сербскій языкъ.

Ст. 13. Въ случаѣ какихъ-либо затрудненій въ толкованіи вышеприведенныхъ статей, св. отецъ и князь Черногорскій обоюднымъ соглашеніемъ будутъ стараться разрѣшить эти затрудненія.

Ст. 14. Настоящій договоръ вступаетъ въ силу сряду послѣ ратификаціи его святѣйшествомъ папою Львомъ XIII и его высочествомъ княземъ Николаемъ I Черногорскимъ.

Римъ 18 августа.

Подписали:

Якобини. (М. П.) *Сундечичъ.* (М. П.)

вянское дѣло «Новы прѣврат въ Булгарску» (см. Освѣта, стр. 11 № 957—968). Г. Тужимскій въ такихъ розовыхъ красками рисуетъ Болгарію отъ 6 сентября 85 по 9 августа 86 года, что, кажется, кромѣ нѣмецкихъ газетъ онъ нигдѣ и не читалъ о томъ, что творилось въ это время въ Болгаріи. «Послѣ многихъ правительственныхъ стараній и усилій и бурной прошлогодней осени начали установляться въ Болгаріи такія благопріятныя отношенія, какими она до сихъ поръ не пользовалась. Правительство Каравелова держалось ужъ отъ іюля 1884 г, и этимъ обезпечивалось постоянство въ общественныхъ отношеніяхъ. Народъ былъ успокоенъ соединеніемъ, проведеннымъ въ прошломъ году и окрѣпъ въ довѣріи къ правительству и князю. Одною темною стороною оставалась русская вражда противъ князя и соединенія. Такъ начинаетъ г. Тужинскій свою статью. Sapienti sat. Припомнимъ читателю только наше обозрѣніе болгарской и именно только одной болгарской правительственной и расположенной князю печати («Тырновска Конституція» и «Независимость»; газетъ противной стороны въ редакціи не получалось), чтобы онъ убѣдился, что это за «приязнивé помѣры», которые «почалы се въ Булгарску упевнěвати». Далѣе среди типографскихъ чернилъ блистаютъ въ статьѣ такіе бриллianты самой чистой воды: «переворотъ, какъ оказалось, былъ дѣломъ оппозиціи такъ называемой русской, хотя она состояла изъ разныхъ элементовъ, и изъ такихъ, которые прежде сами вели борьбу противъ русскаго вліянія, какъ самъ Цанковъ... Маіору Груеву, какъ начальнику юнкерскаго училища, удалось уговорить своихъ учениковъ, изъ которыхъ участвовавшіе въ сербо-болгарской войнѣ были недовольны княземъ за то, что не были тотчасъ же назначены офицерами... Князь былъ принужденъ револьверами подписать отреченіе, однако («о трогательная картина!») онъ написалъ только слова «Да сохранитъ Богъ Болгарію. Александръ»... (стр. 958). Затѣмъ въ Болгаріи насталъ полный переворотъ, народъ на сходкахъ въ Пловдивѣ, Сливнѣ, Плевнѣ, Варнѣ, Тырновѣ, Свищовѣ, Никополѣ, да и въ самомъ Средцѣ просилъ князя, *чтобы онъ вернулся въ страну*... Среди ликованій и стрѣльбы изъ пушекъ въ Рущукѣ и съ болгарскихъ мониторовъ плылъ князь на той же яхтѣ, на которой онъ прежде былъ отвезенъ, обратно въ Болгарію. Затѣмъ открывается далѣе картина тріумфальнаго шествія. По англійскимъ и нѣмецкимъ извѣстіямъ (стр. 959), «князю Александру, когда онъ возвращался, навѣрное не было неизвѣстно, что ему трудно будетъ устоять противъ систематической русской вражды, и что разомъ исчезли бы многія трудности положенія вещей, еслибы онъ пріобрѣлъ расположеніе своего двоюроднаго брата, русскаго царя Александра III, о которомъ онъ столько разъ напрасно старался. Очевидно, князь не хотѣлъ также стать орудіемъ противорусской политики, какъ бы желали противники Россіи и потому дѣлалъ шагъ, который долженъ былъ рѣшить, долженъ ли онъ далѣе держаться какъ князь въ Болгаріи или оставить землю, съ которой сроднился и расположеніе и преданность которой пріобрѣлъ. Рѣшеніе онъ предоставилъ русскому царю»... Но русскій царь рѣшился, почему-то кажется г. Тужинскому, унижать Баттенберга (960—961). Баттенбергъ долженъ былъ оставить Болгарію, назначивъ, вѣроятно для того, чтобы Богъ сохранилъ Болгарію, правительство изъ Стамбулова, Каравелова и Муткурова.—Сколько здѣсь лжи и фальши, это ясно для всякаго, точно также какъ всякому ясно и то, насколько искажаетъ г. Тужинскій факты, доказывая, что причиной нерасположенія и гнѣва русскаго къ Баттенбергу было то, «что князь Александръ послѣ долгаго колебанія всталъ на народную болгарскую точку зрѣнія вопреки мысли царя Александра III». Вмѣсто отвѣта мы посовѣтуемъ г. Тужинскому обратиться къ болѣе опытнымъ чешскимъ и инославянскимъ политикамъ, съ вопросомъ насчетъ политики Баттенберга; ихъ взглядовъ въ нѣмецкихъ и англійскихъ газетахъ онъ понятно не найдетъ, но пусть онъ обратится къ газетамъ чешскимъ: все это тамъ въ достаточной мѣрѣ найдетъ онъ въ чешскомъ переложеніи, если уже ему недоступны правдивыя оцѣнки ихъ въ подлинникѣ. Если г. Тужинскій изъ осторожности не довѣряетъ самимъ виновникамъ Срѣдечскаго переворота, заявившимъ

причину его въ своей прокламаціи (перев. въ «Н. Л.» № 237) и въ объясненіи капитана Радко Дмитріева, помѣщенномъ въ «Москов. Вѣд.» (перев. въ прил. «Н. Л.» въ № 286), то пусть взглянетъ на дѣятельность поставленнаго Баттенбергомъ регентства и убѣдится, насколько чистосердечно желалъ онъ счастія Болгаріи, когда подписывалъ: «Да хранитъ Богъ Болгарію». Наши читатели знаютъ со словъ «Независимости» (см. «Изв.», стр. 410, № 32 «Нез.»), органа расположеннаго къ Баттенбергу, при какой обстановкѣ происходило народное собраніе, а вотъ мысли, которыя вызываютъ въ маститомъ болгарскомъ отчизникѣ «дѣдѣ» Славейковѣ выборы въ великое народное собраніе, выборы, устроенные людьми, которымъ бывшій князь, стоявшій по мнѣнію г. Тужимскаго на народной почвѣ, поручилъ заботу о Болгаріи: въ «Истинѣ» маститый «дѣдо» такъ выражается объ этихъ выборахъ: «Не можемъ не сказать, что *если подобные выборы повторятся только разъ еще, то мы должны будемъ проститься съ конституціей*». («Н. Л.» прил. къ № 301). А вотъ что говорятъ о Баттенбергѣ болѣе опытные чешскіе политики («Нар. Л.» № 284 стр. «По волбáхъ булгарскыхъ»): «Князь Баттенбергъ допустилъ употребить себя въ качествѣ англійскаго орудія, произвелъ пловдивскую революцію и съ этой минуты быстрымъ шагомъ спускается съ высоты своихъ идеаловъ. Соединеніе стало простой фразой, турецкому вліянію не только удалось снова втереться въ Болгарію, но Баттенбергъ принужденъ былъ уступить туркамъ и часть Южной Румеліи. Братоубійственная война, которую велъ Баттенбергъ противъ сербовъ, была напрасною, произвела новую пропасть между обоими братскими народами и ослабила оба эти, вызванныя къ жизни, племени къ великой радости всѣхъ враговъ развитія славянскихъ народовъ на Балканѣ. Было слишкомъ много ошибокъ и погрѣшностей, которыя произвела эта чужая политика на болгарскомъ народѣ, чтобы не нанести ранъ лучшимъ его сыновьямъ, и не прошло и года, какъ Баттенбергъ самъ сталъ жертвою той зыбкой почвы, созданію которой въ Болгаріи содѣйствовалъ онъ». «Искушенные соколы черногорскіе, понимавіе которыми самостоятельности и свободы народной, продолжаютъ «Н. Л.», прошедши вѣковой искусъ, полный жестокихъ боевъ и тяжелой борьбы, можетъ быть хорошимъ мѣриломъ для всѣхъ балканскихъ народовъ, такъ обратились къ болгарамъ въ «Гласѣ Црногорца»: «Покойный, великій Царь-Освободитель въ правѣ былъ ожидать, что его племянникъ, князь Александръ достойнымъ образомъ выполнитъ его возвышенныя и благородныя намѣренія. Но вскорѣ оказалось, что кровь славянская не льется въ жилахъ князя Александра. Ни естественныя нужды земли, ни великія историческія связи, ни обязанность благодарности не побѣдили симпатій его германской крови, которая подстрекала его выслушивать тайныя нашептыванія, чтобы раздѣлить едва освобожденную славянскую Болгарію со славянскимъ ея освободителемъ и завести въ опасный лѣсъ чужихъ интересовъ и плановъ. Теперь это препятствіе устранено и отъ болгаръ зависитъ, чтобы ихъ исцѣленіе было полнымъ, и они опять встали на собственныя ноги. Для насъ и остальныхъ балканскихъ народовъ пусть навсегда будетъ наукой этотъ горькій болгарскій опытъ. Наука эта говоритъ, что безнаказанно нельзя проводить неестественную политику, которая противорѣчитъ крови, духу и историческимъ преданіямъ народа; и что къ неминуемой гибели ведетъ соединеніе судьбы своей и своего народа съ интересами исконныхъ и естественныхъ его враговъ». Но къ несчастію, прибавляютъ отъ себя «Нар. Л., эта наука еще до сихъ поръ не проникла въ мысли всего болгарскаго народа и предстоитъ болгарамъ еще много горькихъ испытаній, прежде чѣмъ они поймутъ ее вполнѣ и во всей ея глубинѣ.. Правда, ушелъ изъ Болгаріи Баттенбергъ, но онъ оставилъ по себѣ наслѣдниковъ, которые не прикрываясь и не оглядываясь гонятъ болгарскій народъ въ руки его естественныхъ враговъ—турокъ, англичанъ и нѣмцевъ». Вотъ, политика князя Александра, а потому и совершенно напрасны страхи, что русская политика Царя Александра III сдѣлаетъ изъ Болгаріи Польшу, что, навѣрное, не было бы къ пользѣ славянства». Нѣтъ, политика Россіи именно къ тому и направлена, чтобы не позволить

образовать врагамъ славянства изъ Болгаріи, съ помощью своекорыстныхъ людей, своего рода Польшу, эту оторванную вѣтвь славянства (какъ ее справедливо называютъ «Нар. Листы»), которая въ своемъ презрѣніи народныхъ интересовъ и племенныхъ слишкомъ легкомысленно отождествила свое съ чужимъ, ставъ его орудіемъ противъ своихъ же братьевъ, и тѣмъ приготовила только яму самой себѣ. «Всѣ народы славянскіе, говорятъ «Н. Л,» № 238, сознательно или безсознательно искали правды на чужбинѣ и забывали, что у нихъ «правда по закону святу. Однако для всѣхъ славянъ начала восходить заря новой жизни, всѣ, особенно въ началѣ этого столѣтія, болѣе или менѣе возвращались домой и тѣмъ давали и новыя силы и надежды остальнымъ братьямъ. Только народъ польскій не участвовалъ въ этомъ общемъ движеніи... Были двѣ главныя причины, которыя способствовали этому неутѣшительному состоянію польскаго народа: узкіе, феодальные взгляды господствующихъ аристократическихъ классовъ и неограниченная преданность ихъ Риму, который нашелъ въ польскомъ народѣ самый острый клинъ для расщепленія славянскихъ рядовъ». Вотъ мнѣніе непредубѣжденнаго человѣка о причинѣ того паденія поляковъ, до котораго они дошли въ настоящее время. А что стоитъ въ концѣ этого чуждаго пути, это всего виднѣе изъ исторіи тѣхъ же поляковъ. Въ борьбѣ Бисмарка съ Римомъ поляки самоотверженно защищали папскіе интересы, какъ отмѣчаютъ «Нар Л.», но вотъ «бой этотъ теперь конченъ, папа даетъ Бисмарку, а Германія въ свою очередь папѣ ордена и богатые дары, вопросъ нѣмецкихъ католиковъ разрѣшается въ пользу Рима и единственный, кто при этомъ взаимномъ почетѣ, договорѣ и наградахъ вышелъ съ пустыми руками,—вѣрнѣйшіе римскіе защитники—познанскіе поляки.

«Ни одна вѣтвь польскаго народа, раздѣленнаго между Пруссіей, Австріей и Россіей не дождалась, по мнѣнію «Н. Л.», такихъ тяжелыхъ дней, какъ поляки познанскіе. Въ Австріи, по причинамъ внѣшней политики, поляки пользуются благопріятнымъ положеніемъ, конечно только на время, пока перемѣна внѣшнихъ отношеній не поставитъ ихъ на одну доску съ остальными австро-угорскими славянами. Въ русской Польшѣ, правда, шляхетскіе классы, стоя вмѣстѣ съ духовенствомъ и еврействомъ въ переднихъ рядахъ всѣхъ противорусскихъ предпріятій, потерпѣли чувствительные удары, но за то польскій «хлопъ» сталъ на собственныя ноги, матеріальное положеніе низшихъ классовъ улучшилось, и шагъ за шагомъ исчезаетъ и перевѣсъ финансоваго элемента въ Польшѣ, сосредоточеннаго главнымъ образомъ въ рукахъ жидовства. Только познанскіе поляки не могутъ похвастаться ни однимъ лучемъ надежды въ своемъ быту». (№ 236). «Бисмаркъ сыплетъ на голову познанскихъ поляковъ ударъ за ударомъ. И предсмертное хрипѣніе ихъ не въ состояніи сдѣлать его болѣе милосерднымъ. Онъ изгоняетъ имъ на чужбину, отдаетъ на расхищеніе ихъ поземельную собственность, скупаетъ ее изъ 300 милліоннаго капитала, который выдалъ ему для этой цѣли сеймъ, на мѣста, откуда выгналъ поляковъ, сажаетъ нѣмцевъ, запрещаетъ нѣмцамъ жениться на полькахъ, польскихъ чиновниковъ и учителей переселяетъ далеко отъ родины въ края, чисто нѣмецкіе и вмѣсто нихъ вводитъ въ Познань только нѣмцевъ, о которыхъ извѣстно правительству, что они усвоили бисмарковскую рѣшительность. Бисмаркъ привлекъ къ своему вражескому дѣлу и папскую каѳедру, которая въ угоду ему возводитъ во главу познанской церкви нѣмца». (Прил. № 231). «Кто знаетъ, что означали въ нашей земской исторіи нѣмцы на епископской каѳедрѣ, тотъ пойметъ, кто сталъ жертвою соглашенія Бисмарка съ Римомъ». (№ 236). «А что дѣлаютъ познанскіе поляки для своей охраны? спрашиваютъ «Нар. Л.» Совсѣмъ ничего. Они поддаются насилію, добровольно подставляютъ ему свою спину, чтобы-де не раздразнить Бисмарка. Казалось, что какъ скоро Бисмаркъ чистосердечно объявилъ свои замыслы познанскимъ полякамъ, по всемъ землямъ, гдѣ живутъ поляки, раздается лозунгъ: единственное спасеніе наше въ славянствѣ, въ мирѣ съ Россіей,—но познанскіе поляки болѣе, чѣмъ другіе кипятятся, лишь только услышатъ напоминаніе о Россіи». «Славянская вѣтвь въ Познани умираетъ на нашихъ глазахъ подъ ударами Бисмаркова кія, испускаетъ

духъ, напрасно озираясь мутнымъ взоромъ, не придетъ ли еще откуда нибудь помощь. Помощь нейдетъ, вмѣсто нея то тутъ, то тамъ слышится нравоученіе, какъ должны были поляки устроить свою жизнь, чтобы не потерять ея нынѣ такъ безчестно. Мало пользы умирающимъ въ мудромъ совѣтѣ, но его могутъ принять къ сердцу по крайней мѣрѣ живущіе еще и внѣдрить въ свою память ту истину, что народъ долженъ ослабѣть, если онъ откажется отъ естественнаго союза съ своею роднею, что впослѣдствіи нельзя отвратить и его смерти, когда ужъ просто на просто не хватаетъ силъ на самопомощь, и онъ настолько не въ состояніи владѣть своею рукою, чтобы поднести чашу меда къ своимъ устамъ... Мы не желаемъ осмѣлиться на то, чтобы лѣчить раны познанскихъ поляковъ своими рецептами. Мы приводимъ на память ихъ печальную судьбу для того, чтобы черпать изъ нея нравоученіе для себя, а его можно свести въ слѣдующія положенія: будемъ сохранять наше матеріальное состояніе отъ иностранцевъ такъ - же старательно и осмотрительно, какъ и состояніе духовное; не будемъ давать дѣло нашихъ задачъ въ руки привилегированнаго сословія, но будемъ искать спасенія въ благородномъ участіи всѣхъ сословій въ дѣлѣ народномъ; будемъ держаться демократическаго основанія, на которомъ основывается наша народная жизнь и изъ лона народнаго будемъ черпать постоянно новыя силы и свѣжесть; будемъ болѣе обращать вниманіе на собственное дѣло и если уже искать союзниковъ, то станемъ обращаться къ роднымъ своимъ братьямъ, а не къ чужимъ людямъ». (Прил. 231). Въ другомъ мѣстѣ «Нар. Листы» говорятъ: «познанскіе поляки въ этой лаоконовской борьбѣ своей заслуживаютъ симпатій всего славянскаго свѣта, и, можетъ быть, ихъ страданіе будетъ имъ очищеніемъ и они наконецъ увидятъ, что нѣтъ для нихъ спасенія внѣ свѣта славянскаго». (№ 236). Но поляки, къ несчастію, кажется, еще далеки отъ этого убѣжденія: если они и начинаютъ сознавать теперь, что раб ство «хлопа» и господство шляхты было великой несправедливостью въ ихъ исторіи, если пробужденіе такого сознанія и вызываетъ непритворное удовольствіе въ «Нар. Листѣ». (Прил. № 257), то поляки все еще далеки до сознанія той истины, что внѣ свѣта славянскаго нѣтъ для нихъ спасенія, и съ ненавистью отворачиваются отъ чеховъ за ихъ сочувствіе русскимъ: «Нельзя вмѣстѣ любить Бога и дьявола». Чехи. любящіе поляковъ и будучи въ союзѣ съ ними, не научились ненавидѣть русскихъ; чехи друзья русскихъ, они радовались, когда Россія одержала верхъ вслѣдствіе паденія Баттенберга, котораго поляки во Львовѣ чествовали демонстраціей; имъ страшны мысли о войнѣ Австріи съ Россіей». Такъ звучитъ обвиненіе, говорятъ «Нар. Листы». «Правда, это все истина. Чехи не научились ненавидѣть русскихъ и, Богъ дастъ, никогда этому не научатся. Что же, развѣ недостаточно и безъ того въ славянствѣ братоубійственныхъ споровъ! Развѣ не несчастіе для русскихъ, поляковъ, чеховъ, для всѣхъ славянъ, что русскіе и поляки стоятъ въ непримиримой кровавой ненависти другъ противъ друга? Что-же, развѣ чехи должны стать къ самому сильному народу славянскому въ въ такія же отношенія, въ какихъ находятся къ нему и къ своему вреду и ко вреду Россіи и славянства поляки? Что же, развѣ намъ Россія, пусть оффиціальная, пусть народная Россія, развѣ когда нибудь, развѣ въ чемъ нибудь принесла ущербъ или вредъ, или грозитъ намъ чѣмъ нибудь подобнымъ? Только дѣти и глупые ненавидятъ *безъ причины*, а не зрѣлые народы. А у нашего народа, сказать правду, враговъ болѣе, чѣмъ песку на берегу морскомъ, а тутъ еще намъ размножать ихъ число оскорбленіемъ, бранью, ненавистью самаго старшаго, и самаго сильнаго члена нашего семейства, который никогда не приближался къ намъ какъ только съ дружбой? Да если бы мы такъ дѣлали и могли такъ дѣлать, то—спрашиваемъ польскаго *разума*—какая выгода и польза была бы изъ этого полякамъ? Никакой и даже менѣе, чѣмъ никакой: это бы принесло вредъ и ихъ интересамъ. Можетъ быть это идеалистическое заблужденіе, но мы, чехи, такіе идеалисты, что надѣемся на окончательное рѣшеніе польско-русскаго спора и вмѣняемъ сами себѣ въ обязанность, по мѣрѣ слабыхъ нашихъ силъ, пролагать дорогу къ этой великой цѣли, а это возможно только тогда, когда будемъ имѣть и сохранимъ къ обѣимъ

ссорящимся сторонамъ равно братскія и равно прямыя чувства. Мы доказали не только на словахъ, но и на дѣлѣ, что мы любимъ поляковъ и, на сколько дѣло идетъ объ ихъ народныхъ бѣдствіяхъ, ихъ борьбѣ за свободу, ихъ страданіяхъ, наше *сердце* на ихъ сторонѣ, но *разумъ* подсказываетъ намъ, что они не на истинной дорогѣ къ своему искупленію. *Но это ихъ дѣло;* мы своихъ мнѣній полякамъ не навязываемъ. Никогда никому изъ насъ не приходило на мысль ставить *условіемъ* чешско-польской дружбы участіе и общность въ нашихъ чувствахъ и нашемъ мнѣніи о Россіи. *Но того же мы желаемъ и для себя*... Насъ сближаетъ и сдруживаетъ оборона противъ нѣмцевъ, борьба за права отечества, за народную свободу. Можетъ ли быть прилично въ этой борьбѣ угрожать или только дѣлать намеки: *что одинъ изъ насъ перейдетъ къ общему непріятелю и цѣной собственныхъ выгодъ поможетъ ему душить и давить другаго?* Но поляки были глухи къ словамъ чешскимъ и въ рѣшительную минуту оставили чеховъ. Желая улучшить экономическое положеніе своего народа, чехи внесли предложеніе о 50 милл. кредитѣ чешскому народу въ австро-угорскомъ банкѣ, объ учрежденіи прочныхъ обезпеченій для чешскихъ кассъ, учрежденіи главнаго отдѣленія въ Прагѣ, избраніи цензоровъ по предложенію чешскихъ торговыхъ камеръ и о чешскомъ языкѣ и остальныхъ австрійскихъ языкахъ на кредитныхъ билетахъ. И эти чешскія предложенія провалились въ польскомъ клубѣ по совѣту Билинскаго, а бар. Смаржевскій прямо заявилъ, что требованіе чеховъ надписи на кредиткахъ пустая агитація. «Это оскорбленіе, восклицаетъ вѣнскій «Вѣстникъ» (№ 43), достойное только такихъ славянъ, какъ такъ называемые братья поляки». «Таково то славянство, такова эта пріятельская дружба, какую выказываютъ поляки къ чехамъ, которая собственно сдѣлала возможнымъ господство поляковъ въ червоно-русскихъ королевствахъ Галичѣ и Владимірѣ и въ чешскихъ воеводствахъ Освѣтимѣ и Заторѣ, и продала полякамъ большинство русскаго населенія въ этихъ земляхъ, своихъ собственныхъ кровныхъ ближайшихъ братьевъ и поддерживала преобладаніе польское надъ 3 милл. галицкихъ русскихъ къ позору добраго справедливаго чешскаго имени! Отсюда вытекаетъ для насъ нравоученіе, и мы должны его запомнить. Дружбой съ поляками въ государственномъ сеймѣ повредили мы своему доброму чешскому, славянскому имени и отдѣлились отъ богатырскаго народа русскаго и отъ остальныхъ славянъ; мы равнодушно смотрѣли на рабство русскаго народонаселенія въ Галиціи, насчитывающаго 3 милл. душъ, и на господство вѣтренаго польскаго меньшинства, оттого сдѣлались несправедливыми и потеряли право требовать для себя правосудія и права. Кто другому не желаетъ правосудія, тотъ самъ его недостоинъ и не получитъ. Мы не хотимъ быть несправедливыми и по отношенію къ полякамъ, однако высшимъ нашимъ интересамъ пусть будетъ для насъ интересъ нашего чешскаго народа и тутъ пусть не будетъ для насъ безразличнымъ, какимъ способомъ мы обезпечимъ этотъ интересъ. Воротимся къ той программѣ, которую поставилъ отецъ отечества Палацкій и вождь чешскаго народа д-ръ Ригеръ послѣ возвращенія изъ матушки бѣлокаменной Москвы, и которая была чисто-славянскою, то есть опирающеюся на нравственную помощь 100 милл. богатырскаго народа русскаго. Не будемъ искать дружбы съ тѣми, которые не имѣютъ никакой будущности, какъ поляки... Будемъ въ соединеніи съ тѣми, кто имѣетъ великую будущность и можетъ намъ помочь».

Сторону чеховъ въ сужденіи о внѣшней политикѣ и по отношенію къ полякамъ принимаетъ и хорватскій «Обзоръ» въ отвѣтѣ на угрозу чехамъ «Газеты Народовой», что они потеряютъ и тѣ незначительныя пріобрѣтенія въ Австрійской имперіи, которыхъ добились, если не откажутся отъ своего вліянія на заграничную политику. «Обзоръ» весьма ядовито пишетъ (см. «Нар. Л.» прил. къ № 324): «статья это вѣрное изображеніе характера и природы поляковъ. Она показываетъ, что слѣпое бѣшенство такъ лишило ихъ разума, что сами они не видятъ, какъ ихъ выводы и заключенія опровергаются фактами, которыми имъ хотѣлось бы подтвердить свои увѣренія». «Газ. Нар.» заявляетъ, что война съ Россіей есть «историческая миссія поляковъ и главная цѣль бывшаго

польскаго государства». «А чего добилось бывшее польское государство?»—спрашиваетъ «Обзоръ». Пораженія, раздѣленія и подчиненія. Таковъ плодъ «исторической миссіи и задачи» польскаго государства и не смотря на то, польская газета не задумывается совѣтовать продолжать такую политику и требуетъ отъ австрійскихъ славянъ, чтобы они признали первенство поляковъ въ вопросахъ внѣшней политики, оттого что остальные славянъ—какъ нелюбезно отзывается упомянутая газета—не имѣютъ для этого достаточно разсудка... Можетъ быть то, куда привели поляки свое могущественное нѣкогда государство, и что изъ него сдѣлали, съ польской точки зрѣнія, и очень разумно и свидѣтельствуетъ объ особой политической проницательности, но мы, низшіе славяне, какъ смотритъ на насъ польскій органъ, не можемъ превозносить себя такъ высоко и должны прямо сознаться, что польская политика привела польское государство къ полному развращенію, а у насъ до сихъ поръ нѣтъ настолько разсудка, чтобы развращеніе считать доказательствомъ особенной проницательности духа... А потому и обращаемъ заключительныя слова «Газ. нар.»: «Тише, гг. чехи!» и обратно восклицаемъ: «Тише, гг. поляки! Ваши выводы насъ волнуютъ и огорчаютъ! Они одни производятъ раздвоенность въ вопросѣ, въ которомъ согласны всѣ славяне, а вашъ сепаратизмъ можетъ, пожалуй, въ концѣ концовъ имѣть слѣдствіемъ то, что вы утратите и ту крупинку надежды, которая вамъ еще остается!»

Какъ ни грозили поляки, какъ ни старались и на дѣлѣ показать, что ихъ угроза не пустыя слова чехамъ, однако, можетъ быть, за исключеніемъ г. Тужимскаго и г. Маттуша, они не внушили своего взгляда на болгарскія событія, точно такъ же, какъ не удалось сдѣлать этого и по отношенію къ другимъ австрійскимъ славянамъ: чехи и остальные славяне остались при своемъ, разъ на всегда заявленномъ взглядѣ. Приводя отзывъ болгарской «Истины» о причинахъ натянутыхъ отношеній между Болгаріей и Россіей, гдѣ обвиняются въ этомъ русскіе агенты, доносившіе въ Россію, что болгары сдѣлались нигилистами и людоѣдами, какъ это твердили имъ сами стремившіеся ко власти болгары, «Народ. Лис.» замѣчаютъ: если этотъ circulus vitiosus вѣренъ, то «Истина» названную въ концѣ причину должна была привести на первомъ мѣстѣ (Прил. къ № 305). Обсуждая положеніе и нужды Болгаріи въ статьѣ «Конец послани Каульбарсова», «Нар. Л.» говорятъ такъ: «Мы очень хорошо знаемъ, что молодое государство, сѣмя котораго не пустило еще прочнаго корня, что нѣжное и молодое деревцо болгарской самостоятельности нуждается во внимательной и ухаживающей рукѣ друга и въ твердой опорѣ колышка, чтобы не сломило его сильное дыханіе вихря. Кто можетъ быть этой опорой, кромѣ Россіи, — той Россіи, которая положила конецъ столѣтнему рабству болгарскихъ братьевъ... Разсудительному болгарину и теперь уже ясно, что, безъ Россіи всѣ 5 мил. болгаръ никогда не будутъ соединены въ одно государство, что непріязненная славянству Европа менѣе всего будетъ желать для Болгаріи тѣхъ болгарскихъ странъ, которыя теперь еще принадлежатъ умирающей Турціи. Съ этой точки великой задачи болгарскаго народа, такимъ образомъ съ точки зрѣнія чисто болгарской, въ настоящее время должно сожалѣть о политическомъ его развитіи, въ которомъ юный народъ побуждается къ недовѣрію и враждѣ къ своему освободителю лицемѣрнымъ прикрытіемъ, будто изъ Болгаріи хотятъ сдѣлать новую русскую губернію. Народу болгарскому рукоплещутъ теперь враги славянства и при этомъ рукоплесканіи г. Стамбуловымъ должно бы становиться жутко... Пройдетъ не много времени и болгары убѣдятся, что пріязнь Англіи и неславянскихъ державъ не вознаградитъ потерю русской дружбы. Уже на сосѣдней Сербіи болгары могутъ лучше всего убѣдиться, каково бываетъ славянскому государству при охлажденіи Россіи и въ какія слѣпыя улицы заводятъ славянскую Сербію ряды неславянскихъ ея протекторовъ. Это они завели Сербію въ войну съ самой Болгаріей, они остановили побѣдное движеніе побѣдоноснаго болгарскаго войска. Болгары весьма скоро испытаютъ тоже самое, если они не возвратятся къ здравому разсудку и къ естественному закону славян-

ской политики». (2 прил. къ № 324). Въ приложеніяхъ къ №№ 331 (2 пр.) и 326 «Нар. Л.» дѣлаютъ замѣчанія, которыя могутъ быть весьма полезны для гг. Тужимскихъ и помогутъ имъ пробудиться отъ спячки и, протеревши глаза, вѣрнѣе взглянуть на дѣло. Кто хотѣлъ выработать свой взглядъ на болгарскій вопросъ, тотъ имѣлъ для этого достаточно времени и случаевъ. Кто того взгляда, что Болгарія подъ защитой Англіи и мадьяровъ будетъ лучше преуспѣвать, чѣмъ подъ охраной Россіи и что будетъ болѣе соотвѣтствовать духу славянской взаимности, если болгаре будутъ болѣе слушать совѣтовъ Сальсбюри и Тиссы, того напрасно было бы убѣждать, что истина какъ разъ на противоположной сторонѣ. «Для кого русско-болгарскія отношенія кажутся слишкомъ запутанными и неясными и кто плохо видитъ, кто правильно поступаетъ, русскіе или болгары, тотъ пусть только припомнитъ, что мадьяре гладятъ болгаръ по головушкѣ, а Россіи объявляютъ войну— и этого ему достаточно, чтобы сужденія его выяснились снова». Въ прил. къ № 325 «Нар. Листы» приводятъ «Гласы нерусскыхъ Слованов о вѣцех булгарских» и съ удовольствіемъ отмѣчаютъ, что всѣ славяне кромѣ поляковъ сходятся съ ними во взглядахъ. Задавшись цѣлью отмѣчать въ заграничныхъ славянахъ мнѣнія о Россіи, мы считаемъ себя не въ правѣ не подѣлиться съ русскими читателями этими взглядами, приведенными на стр. «Н. Л.». Польская «Газета Народова» заявляетъ: «Каульбарсъ оставляетъ по себѣ въ Болгаріи воспоминаніе юморизма и брутальности которыми онъ такъ поднялъ имя Россіи въ глазахъ разсудительныхъ болгаръ. Можетъ быть, политическое положеніе заставляетъ Россію искать болѣе дипломатичнаго коммисара. Генералъ Каульбарсъ, уѣзжая, оставляетъ по себѣ дѣло своей агитаціи — безпорядокъ и анархію». Совсѣмъ иначе звучатъ рѣчи остальныхъ славянъ; *хорватскій* «Обзоръ» пишетъ: «Болгарскимъ регентамъ и министрамъ Баттенберга мало дѣла до будущности болгарскаго народа. Баттенбергъ не хочетъ уступить. Черезъ это правительство падетъ, а народъ болгарскій все-таки останется. *Россія освободитъ его вторично* на этотъ разъ не отъ турокъ, а отъ домашнихъ и чужихъ распорядителей; Россія болгаръ вторично *освободитъ и отстоитъ ихъ политическую и экономическую независимость* отъ спекулянтовъ, которые хотятъ высосать Болгарію. Удаленіе Каульбарса означаетъ анархію, междоусобную войну. Россія уже очень долго терпѣла. Какъ поступитъ на этотъ разъ болгарскій народъ съ владѣтелями, услышимъ скоро.» Печать, которая въ своемъ бѣшенствѣ осыпаетъ Россію бранью, пишетъ, что Каульбарсъ потерпѣлъ фіаско. Эта печать въ короткое время десять разъ мѣняла свои взгляды на миссію Каульбарса. Она ихъ измѣнитъ снова, можетъ быть уже завтра. Россія уже часто поражала своихъ враговъ неожиданность и будущая неожиданность можетъ быть большею, чѣмъ тѣ которыя бывали до сихъ поръ. «*Словацскія Народніе Новины*»: «Сольсбюри прибавилъ смѣлости болгарскимъ самозванцамъ, но это будетъ имѣть печальныя послѣдствія. Каульбарсъ могъ быть отозванъ и по другимъ причинамъ, удаленіе его со всѣми консулами и консульствами роковой ударъ для самозванцевъ. Удаленіемъ этимъ Болгарія оставлена Россіей, но никто не думаетъ, что на долго». «*Угорско-сербская Застава*», по поводу удаленія Каульбарса пишетъ: «Правда, печально, что дѣло дошло до такихъ слѣдствій, но виноваты только болгарскіе правители. Еслибы Россія предъявляла такія желанія, которыя были бы направлены противъ болгарскаго благосостоянія и шли бы въ разрѣзъ съ самостоятельностью болгарской земли, болгарскіе правители имѣли бы полное право противодѣйствовать Россіи и мы были бы первыми, которые отнеслись бы съ похвалой къ такому поступку, но Россія не желала ничего такого, но прямо на оборотъ все, что она хотѣла, было направлено къ благостоянію Болгаріи. Настоящій шагъ русскіе имѣли право сдѣлать уже тогда, когда правители не хотѣли согласиться на отсрочку выборовъ въ народное собраніе. Правители забыли, что тѣ, кто въ этомъ году дѣйствуютъ противъ Россіи, были самыми ярыми противниками болгарскаго соединенія и кричали «eljen» когда король Миланъ объявлялъ войну Болгаріи. Пять вѣковъ рабствовали Болгары и не могли освободиться

изъ подъ турецкаго ига, а теперь болгарскіе правители нашли, что самостоятельности ихъ земли и ихъ свободѣ грозитъ опасность отъ народа, который искупилъ ихъ своею кровью и имуществомъ и даровалъ имъ свободу. Россія не должна оставить несчастный болгарскій народъ, чтобы нынѣшніе правители играли его судьбой и проигрывали его будущность. Россія уже разъ освободила болгаръ, навѣрное она освободитъ ихъ и вторично.» Конечо, такое единогласное отношеніе славянъ къ болгарскимъ дѣламъ не нравится правителямъ болгарскимъ и ихъ прихвостнямъ, въ родѣ г. Стоянова.

Бывшій издатель «Независимости», теперь уже издающій «Независима Болгарія», читаетъ въ ней чехамъ, хорватамъ и черногорцамъ нотаціи за ихъ симпатіи къ русскимъ, что они фантазеры, головы которыхъ наполнены иллюзіями больнаго духа о «великомъ славянскомъ государствѣ», что они еще не видали русскаго кнута, что они хоть и ведутъ бой противъ австрійской имперіи, а все-таки свободны, а вѣдь въ Россіи кромѣ кнута, городоваго и урядника и подобныхъ благозвучныхъ именъ лучшаго никто не знаетъ. На такую характеристику Россіи «Нар. Л.» отвѣчаютъ слѣдующимъ образомъ: «Не будемъ отвѣчать г. Стоянову нотаціями за нотаціи и полемизировать съ нимъ. Мы понимаемъ его такъ, что ему во что бы то ни стало нужно только вести агитацію противъ Россіи, а не найти истину и не учить болгарское общество. Навѣрно Стоянову хорошо извѣстно, что объ одномъ великомъ славянскомъ государствѣ нѣтъ и рѣчи, что такое государство только пугало въ головахъ враговъ славянства, которымъ важно поддерживать и возбуждать вѣчныя ссоры между славянами». Важно не соединеніе всѣхъ славянъ въ единое государство — въ такомъ случаѣ русскіе уже 8 лѣтъ тому назадъ присоединили бы освобожденныхъ болгаръ,—и весьма важно то, чтобы славяне помудрѣли отъ своихъ бѣдъ, не враждовали бы между собой безъ причины, не служили бы иноплеменникамъ одинъ противъ другаго, остерегались бы старыхъ глупостей и, если есть между ними какіе либо споры, рѣшали бы ихъ мирно между собою, потому что, если они пригласятъ судьями и адвокатами чужеземцевъ, то имъ дорого, очень дорого придется заплатить и за несправедливость, какъ они плачивали доселѣ. Мы не будемъ защищать того, что неправо. Удивляемся, что г. Стояновъ употребляетъ еще такія старыя пугала, какъ русскій кнутъ, Сибирь и Сахалинъ. Этимъ ужъ и дѣтей не устрашишь, а особенно изъ устъ человѣка, являющагося слугой болгарскихъ регентовъ, которые и со своимъ народомъ, какъ о томъ все чаще и чаще приходятъ извѣстія, поступаютъ хуже, чѣмъ турки, къ которымъ спасаются въ своемъ несчастіи преслѣдуемые. А эти преслѣдуемые болгары, которые изнываютъ подъ ударами не кнутовъ, правда, а палокъ, пусть отвѣтятъ своимъ раздирающимъ душу крикомъ, о свободѣ ли отечества заботятся патроны Захаріи Стоянова». (№ прил. къ № 320). «Изъ голосовъ нерусскихъ славянскихъ газетъ, говорятъ «Нар. Л.», приведя отзывы славянскихъ газетъ, здѣсь приведенныхъ и раздавшихся въ первую минуту по удаленіи Каульбарса изъ Болгаріи, ясно, что и другіе славяне, а особенно славяне австрійскіе, кромѣ поляковъ, имѣютъ тотъ-же взглядъ на болгарское дѣло, что и мы. Не нужно намъ другихъ доказательствъ, что наша точка зрѣнія справедлива.

Чешскій народъ такъ проникнутъ славянскою идеей и любовью ко всѣмъ славянскимъ народамъ, что въ минуты возбужденія этихъ симпатій не одна чешская газета не отваживается выступить противъ нихъ. Такъ и въ первые дни по сверженіи Александра Баттенберга вся чешская печать раздѣляла съ нами нашу точку зрѣнія, отступить отъ которой мы не имѣли причины. Не говорить о славянской взаимности, возглашать «станемте учиться по нѣмецки, ходить на поклонъ къ мадьярамъ въ Пештъ, это какъ-то плохо укладывается въ самой взбаламученной головѣ. Наши оффиціозы лучше-бы сдѣлали, если бы обращали вниманіе на ясли, изъ которыхъ они питаются, и оказали бы чешскому народу по крайней мѣрѣ ту службу, что оставляютъ незагрязненными самыя чистѣйшія его чувства, которыя сопровождаютъ его со временъ возрожденія». — Послѣднія строчки «Нар. Л.» слѣдуетъ отнести по адресу чешскихъ депутатовъ въ Пештѣ и особенно

г. Маттуша, противъ котораго «Нар. Л.» разразились цѣлой громовой статьей за высказанное имъ одобреніе австрійской политикѣ на Востокѣ. Въ 10 кн. Извѣстій мы уже говорили о томъ, какую политику на Востокѣ считаютъ Чехи правильною, а потому рѣчи Тиссы, Смолки и даже Кальноки возбудили въ Нар Л. сильное неудовольствіе. Н. Л. указывали на то, что въ войнѣ съ Россіей Австрія будетъ безъ союзниковъ, и что война только еще болѣе ухудшитъ и безъ того уже плачевное экономическое положеніе страны; задача Австріи укрѣплять добрыя отношенія къ Россіи, а не объявлять ей войну. На выставленную проф. Эд. Зюссемъ задачу Австріи охранять нѣмецкій свѣтъ и Европу теперь отъ Россіи, какъ нѣкогда отъ Турціи, Нар. Л. отвѣчаютъ такъ: Австрія должна охранять нѣмечество отъ славянской Россіи и вѣроятно для того она проводитъ «славянскую политику». Да, болѣе яснаго свѣта на эту славянскую политику нельзя было положить, какъ заявленіемъ Зюсса. Мы хотѣли бы узнать, не такъ-ли понимаетъ задачу Австріи и графъ Таафе и не для того ли поставилъ онъ чешскихъ депутатовъ въ рядъ правительственной партіи. Зюссова рѣчь не только враждебна Россіи и дѣлаетъ болѣе тяжелою задачу Кальноки, но она оставляетъ дурное впечатлѣніе въ мысляхъ австрійскихъ славянъ, которымъ Зюссъ безъ обиняковъ заявляетъ, что они своею славянскою кровью должны охранять нѣмечество и Европу противъ славянскаго напора?» Не лучше ли съ этимъ было обратиться къ самой Германіи, чѣмъ къ Австріи, насчитывающей у себя 22 мил. славянъ. Да и прошлое-де къ этой задачѣ можетъ быть плохимъ побужденіемъ для Австріи и Габсбурговъ. Вѣдь борьба съ Турціей поставила Австрію на краю пропасти и только мечъ славянскій могъ спасти Вѣну и Габсбурговъ, а не нѣмцы и Европа, которые, воспользовавшись смертью послѣдней мужской отрасли габсбургскаго дома, вырвали изъ рукъ осиротѣвшей дочери самый богатый перлъ чешской короны Силезію! «Вотъ грозное поученіе прошлаго, лучше бы не вызывать его Зюссу изъ гроба». Рѣчь Кальноки тоже вызываетъ не мало не удовольствія въ чехахъ. Нар. Л. посвящаютъ двѣ статьи обсужденію политики Кальноки, подписанныя псевдонимомъ Bohemicus: «Политика Калнокыго, а засады нáродогосподáрьскé» (Прил. къ № 327) и «Осудné нáслѣдки политики Калнокыго про наше господáрьстви» (№ 333 и 334) «Exposé графа Кальноки провозглашаетъ правда миръ съ Россіей, но этому голосу не достаетъ силы убѣжденія. Каждый чувствуетъ, что нынѣшняя внѣшняя политика желаетъ мира не изъ экономическихъ причинъ, не потому что наше печальное экономическое положеніе необходимо требуетъ быстраго успокоенія Болгаріи, а потому, что Австрія въ войнѣ съ Россіей осталась ободиноченною». (№ 334). «Мы къ несчастію объ успѣхахъ экономическихъ говорить не можемъ, пишетъ Bohemicus въ другомъ мѣстѣ (№ Прил. къ № 327). Наши успѣхи: «сахарный кризисъ, упадокъ земледѣлія, исключеніе нашего вывоза изъ чужихъ (румынскихъ) рынковъ, истощеніе плательщиковъ, безнадежность ремесленниковъ и т. д.» Экономическому положенію Австріи Н. Л. посвящаютъ даже цѣлую статью въ № 304. Считаемъ не лишнимъ привести начало этой статьи, озаглавленной «Пане! гынеме». (Господи! погибаемъ): «Небывалое тяжелое положеніе оказывается во всѣхъ отрасляхъ хозяйства въ нашемъ государствѣ. Ни земледѣлецъ, ни мелочный торговецъ, ни значительный промышленникъ, ни торговецъ не смотритъ спокойно на будущее; вездѣ молчаніе и какое-то не опредѣленное предчувствіе, что настанутъ времена еще болѣе печальныя. Каждый чувствуетъ, что рука его слабѣетъ, что его собственная дѣятельность и предпріимчивость не вознаграждается не только съ нѣкоторымъ избыткомъ, но и надлежащимъ образомъ. Естественная жизненная сила и надежды, что авось положеніе измѣнится, поддерживала кое какъ предпріимчивость отдѣльныхъ личностей, но средства эти были очень слабы, чтобы какъ нибудь преодолѣть общее паденіе всѣхъ отраслей хозяйства. Видя напрасную борьбу противъ отношеній болѣе сильныхъ, чѣмъ частныя желанія и средства, отдѣльныя лица начинаютъ уступать въ полной мѣрѣ; тутъ фабрики ограничиваютъ производительность, тамъ распускаютъ рабочихъ, въ другомъ мѣстѣ вводятъ полудневную работу, весьма боль-

шему числу общества начинаетъ недоставать и самыхъ необходимыхъ средствъ удовлетворить своимъ скромнымъ насущнымъ потребностямъ, вслѣдствіе этого падаетъ потребительность вообще, заводы и торговыя учрежденія пустѣютъ, мастерскія стоятъ безъ дѣла, и все дрожитъ передъ завтрашнимъ днемъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ замѣтнѣе чувствуетъ здѣсь каждый необходимость сильной руки, которая бы остановила все усиливающееся обѣднѣніе населенія и задержала бы экономическій кризисъ, который близится все съ большею опасностію, чѣмъ во время извѣстнаго биржеваго кризиса... Къ этому присоединяется у насъ въ Австріи неблагопріятное отношеніе другъ къ другу обѣихъ половинъ: половина предлитавская становится жертвой мадьярской эксплоатаціи... Далѣе какъ третій факторъ является на одной сторонѣ не взирающая ни на что жадность къ господству мадьяръ, съ другой стороны нѣмцевъ, которые не желаютъ естественнаго развитія остальнымъ народамъ и не допускаютъ покойной и важной дѣятельности общаго законодательнаго труда.

Ясно поэтому, какъ должны были отнестись «Н. Л.» къ рѣчи деп. Маттуша: «Мы ужасаемся, говорятъ они, надъ тѣми печальными результатами, въ которыхъ очутилось сознаніе, убѣжденіе и поступокъ представителя чешскихъ избирателей, и съ полной рѣшительностью утверждаемъ, что г. д-ръ Маттушъ не имѣлъ права провозглашать отъ имени всѣхъ чешскихъ делегатовъ, что и они одобряютъ австрійскую политику на востокѣ. Мы въ полной увѣренности, что между чешскими делегатами честное чешское истинно славянское сознаніе не исчезло до такой степени, чтобы рѣчь г. д-ра Маттуша была вѣрнымъ изъявленіемъ ихъ чувствъ и понятій. Г. д-ръ Маттушъ говорилъ, что одобряетъ поведеніе Австріи въ сербо-болгарской войнѣ. Не можемъ допустить, чтобы докладчикъ бюджета общаго военнаго министерства не зналъ, кто былъ собственно виновникомъ этой несчастной войны между двумя славянскими братами и сосѣдями, кто въ ней былъ совѣтчикомъ сербовъ, кто плясалъ въ полночь, когда получилъ извѣстіе, что кор. Миланъ объявилъ ее болгарамъ, кто въ ней посылалъ деньги въ Бѣлградъ и кто остановилъ побѣдныя знамена болгарскія на сербскихъ границахъ! Невозможно, чтобы д-ръ Маттушъ не зналъ причины и всѣхъ тайнствъ этой гнусной, неестественной и въ высшей мѣрѣ излишней войны. И если послѣ этого онъ еще говоритъ, что въ сербско-болгарской войнѣ возросъ «престижъ» Австріи въ Сербіи, то это только пустая фраза, и если онъ одобряетъ поведеніе Австріи въ этой войнѣ, то онъ говоритъ не какъ чехъ и не какъ славянинъ, а какъ мадьяръ, который отъ радости потиралъ руки во время этой войны, потому что видѣлъ, какъ убиваетъ славянинъ славянина! А если г. д-ръ Маттушъ далѣе говоритъ, что поведеніе Австріи въ болгарскомъ вопросѣ пріобрѣло ему также довѣріе и въ Болгаріи, то мы должны съ точки зрѣнія здраваго чешскаго ума и честнаго славянскаго убѣжденія также рѣшительно не согласиться съ его словами. Гдѣ у г. Маттуша хотя бы самыя ничтожныя доказательства на это утвержденіе, которымъ онъ очевидно только хотѣлъ польстить мадьярамъ? Онъ, можетъ быть думаетъ, что болгары такъ скоро забыли, какъ на самомъ дѣлѣ относилась къ нимъ годъ тому назадъ австрійская или собственно мадьярская политика? Онъ, можетъ быть, думаетъ, что Болгары не видятъ того, что видитъ цѣлый свѣтъ, что мадьярская политика, которая является рѣшительницей во внѣшней политикѣ Австріи на Балканѣ, не имѣетъ никакой другой цѣли, какъ только отвратить одинъ за другимъ тамошніе славянскіе народы отъ славянской идеи и отъ главнаго славянскаго племени возстановить одинъ противъ другаго и одинъ за другимъ вовлечь «въ кругъ своего вліянія». Развѣ не знаетъ г. Маттушъ, откуда берется эта любовь Мадьяровъ къ заграничнымъ славянамъ? Развѣ онъ не знаетъ, что, если бы они дѣйствительно были настоящіе друзья Славянъ, они имѣли бы дома достаточно случаевъ доказать это? А ему не извѣстно, какъ они относятся къ домашнимъ славянамъ? Зачѣмъ искать за границами того, къ чему дома столько благодатной заготовки? Зачѣмъ вздыхать болѣе по довѣріи болгаръ, чѣмъ по довѣріи хорватовъ, словаковъ и насъ чеховъ! «Блюсти и поддерживать самостоятельность и народный расцвѣтъ балканскихъ земель хоро-

шая политика Австріи» такъ далѣе говоритъ настоящій чешскій защитникъ мадьярской политики на Балканѣ. Позвольте! Не было ли бы еще лучшей политикой Австріи провозгласить *самоуправленіе* своихъ собственныхъ земель и народовъ? Зачѣмъ это пробавленіе коренными задачами и ученіемъ о «спасеніи человѣчества» такъ далеко за границами собственнаго государства? Мы въ Австріи самой не можемъ уже 15 лѣтъ добиться *самоуправленія*, хотя мы уже давно заслужили этого столькими милліонами гульденовъ и столькими тысячами жизней въ видѣ солдатъ, а чтобы болгарамъ Австрія захотѣла помочь къ самостоятельности и разцвѣту изъ простаго платонизма? Очень комично!... И если бы, можетъ быть, мы желали слишкомъ много сторонъ этого самоуправленія, если, можетъ быть Австрія не могла бы дать самоуправленіе народамъ своего государства, но охотнѣе помогла бы въ этомъ отношеніи народамъ въ чужихъ государствахъ и охотнѣе всего на Балканѣ, отчего же она не постаралась до сихъ поръ доставить ее славянамъ въ *Боснѣ* и *Герцеговинѣ*? Не думаетъ ли г. д-ръ Маттушъ, что это было бы тоже хорошей политикой, и что у Австріи такимъ образомъ достаточно ближайшаго мѣста и болѣе удобнаго случая къ *хорошей* политикѣ, чѣмъ въ далекой Болгаріи, о которой вовсе не старались, пока она стенала подъ турецкимъ игомъ? За болгаръ государственнымъ людямъ, политикамъ и делегатамъ австрійскимъ нечего совсѣмъ бояться. Надъ страной, свободою и самостоятельностью, и самостоятельностью полною и настоящею, а не лицемѣрною и фальшивою, бдитъ уже тамъ и мощная рука, которая 6 лѣтъ тому назадъ вырвала ее изъ самаго гнуснаго варварства и на самомъ дѣлѣ противъ желанія тѣхъ, кто нынѣ такъ сильно заботится о ихъ «самостоятельности».

Разумѣется правда глаза колетъ, и все здѣсь высказанное не могло понравиться властвующимъ нѣмце-мадьярамъ и потому нѣтъ ничего удивительнаго, что въ 2 прил. къ № 331 читаемъ слѣдующее рѣшеніе земскаго суда въ Прагѣ, изъ котораго узнаемъ, что эта статья, озаглавленная «Чешскѝ делегáты о ракýско-мадярскé политицѣ на слованскéм Балкáнѣ», заключаетъ въ себѣ характеръ нарушенія общественнаго покоя, такъ какъ она направлена къ возбужденію ненависти и пренебреженія государственнымъ дѣломъ и потому предписывается № 321 арестовать и оттиски статьи уничтожить, а дальнѣйшее распространеніе этого № запрещается.

Заканчивая обозрѣніе чешской печати, мы не можемъ не отмѣтить статьи чеха Іос. Голечка, помѣщенной въ № 325 и 327. «Нар. Л.» подъ заглавіемъ «Сближенѝ мези Слованы», гдѣ излагаетъ статью по этому вопросу, помѣщенную въ 7—8 книжкѣ «Слав. Извѣстій», предпосылая ей небольшое предисловіе, въ которомъ отрицаетъ паденіе славянской идеи, доказываемое отсутствіемъ теперь со смерти Аксакова пророковъ этой идеи и разногласіемъ различныхъ теорій славянскихъ. Но въ этомъ то авторъ и видитъ успѣхъ славянской мысли. «Событія выводятъ на свѣтъ теорію за теоріей, нужно наблюдать ихъ теченіе и по руслу, которое они вырываютъ, должно судить о направленіи, куда они направляются и куда доходятъ». «Новѣйшая исторія болгарская и сербская, думаетъ г. Голечекъ, доказала, что православіе, «хотя оно какъ вѣроисповѣданіе кирилло-меѳодіевское и народное и свято для всѣхъ славянъ» не можетъ быть условіемъ, sine qua non. Отсюда слѣдуетъ, что истинное славянство требуетъ вѣротерпимости, какая и существуетъ внутри Россіи и явилось на Черной Горѣ. О чехахъ авторъ говоритъ: «Мы католики по случаю, по случаю несчастному, мы не видимъ въ католичествѣ болѣе развитую, болѣе культурную вѣроисповѣдную форму и признаемъ, что теоретически вѣрно, что народная церковь, которою управляютъ сами члены народа вмѣстѣ съ тѣмъ и этой церкви, которая употребляетъ народный языкъ, есть условіе чрезвычайно важное, однако свою задачу, на сколько она касается религіознаго дѣла, въ семьѣ славянской видимъ въ томъ, чтобы искоренять между неправославными славянами предубѣжденіе противъ православія и распространять уваженіе къ нему». Относительно языка г. Голечекъ выражается такъ: «Языкомъ славянскимъ, которымъ долженъ владѣть каждый образованный и убѣжденный славянинъ, есть тотъ, который имѣетъ большую и имѣющую значеніе въ мірѣ лите-

ратуру и который употребляетъ то славянское племя, которое сильнѣе всѣхъ политически. Если это языкъ лужичанъ, то возьмемся за лужицкіе грамматики и словари!

Н. Ш.

Галичина.

Въ прошломъ обозрѣніи мы сообщали о печальномъ исходѣ Коссовскаго вѣча и предстоящемъ собраніи вѣча въ Коломыѣ. 17 сентября оно наконецъ состоялось и на этотъ разъ прошло благополучно: наказа о распущеніи не было, о чемъ заранѣе дала понять полуофиціальная вѣнская «Presse» («Н.Пр. № 371»). Въ Коломыѣ собралось до 1000 человѣкъ, и хотя, по словамъ «Дѣла» (№ 107) было замѣтно меньше энергіи и оживленія, чѣмъ въ Костовѣ, что вѣроятно слѣдуетъ объяснять излишними на этотъ разъ опасеніями, Коломыйское вѣче затронуло гораздо болѣе важныя стороны галицкой общественной жизни, чѣмъ Коссовское. Такую именно важность мы приписываемъ предложенію г. Окуневскаго о необходимости уничтоженія права патроната, дающаго крупнымъ землевладѣльцамъ въ Галичинѣ рѣшающее вліяніе на замѣщеніе приходовъ.

Патронатъ—дѣйствительно язва, чрезвычайно гибельно дѣйствующая на галицкое духовенство. Сколько горькихъ униженій и обидъ приходится испытывать галицкому священнику не только отъ извѣстныхъ своей чванливостью галиційскихъ аристократовъ, но, быть можетъ, еще больше отъ ихъ прислужниковъ, это по горькому опыту знаетъ отлично каждый галицкій настоятель: смареннѣйше долженъ онъ явиться на поклонъ къ пану, выносить пренебрежительные взгляды панскаго лакея, входить съ нимъ нерѣдко въ унизительныя сдѣлки и пр., и въ концѣ концовъ все-таки дѣло обыкновенно рѣшается не истинными заслугами и достоинствомъ, а данными совершенно другаго сорта, главнѣйше, конечно, политическою благонадежностью.—Патронатъ такимъ образомъ даетъ лицамъ могучее средство держать въ рукахъ галицское духовенство, т. е. наиболѣе по своему значенію важный классъ галицкой интеллигенціи. Только очевидные зложелатели русскаго духовенства могутъ возражать противъ попытокъ къ устраненію какими бы ни было способами столь ненормальнаго положенія, хотя бы даже руководствуясь рекомендаціей делегатовъ отъ духовенства какъ предлагаетъ «Слово». Быть можетъ, такой способъ и не наилучшій, но во всякомъ случаѣ онъ лучше нынѣшняго порядка вещей, удобнаго лишь для тѣхъ, кто служитъ слѣпымъ орудіемъ змартвыхвстанцевъ и польскихъ политиковъ и у кого, слѣдовательно, ихъ милости обезпечены: для таковыхъ предлагаемый «Словомъ» порядокъ («новый директоріатъ», какъ называетъ его о. Бобровичъ въ своей «Руси») былъ бы дѣйствительно невыгоденъ.

Вопросъ о патронатѣ долженъ обсуждаться и на предстоящемъ вѣчѣ въ Станиславовѣ, и, конечно, слѣдуетъ отъ души пожелать галичанамъ освободиться отъ удручающей ихъ язвы.—

Русскія вѣча, поднимающія подобные вопросы, вызываютъ, какъ мы видѣли, затаенную вражду со стороны такихъ русскихъ органовъ, какъ «Русь», и подвергаются открытымъ нападкамъ со стороны болѣе прямаго польскаго руководящаго органа «Czas».

«Часъ» понимаетъ всевозможныя миссіи и пилигримства, устраиваемыя ксендзами, но рѣшительно отказывается понимать пользу и необходимость вѣчъ.

Дѣйствительно русскія вѣча весьма плохо гармонируютъ съ тѣми дѣйствіями іезуитскихъ просвѣтителей Руси, какія въ послѣднее время, находя открытую поддержку въ митрополичьемъ уніатскомъ ординаріатѣ, (циркуляръ послѣдняго о возможно широкомъ распространеніи духовныхъ миссій изданъ 21 октября) все болѣе и болѣе усиливаются. Въ разныхъ углахъ галицкой земли устраиваютъ патеры, то сами, то при содѣйствіи долженствующаго подчиняться имъ уніатскаго духовенства, духовныя миссіи, направленныя къ возбужденію религіознаго католическаго фанатизма. Подобныя миссіи—исторически излюбленная дѣятельность польскихъ іезуитовъ на русской почвѣ. Въ 30-хъ и 40-хъ годахъ они съ необыкновеннымъ усердіемъ дѣйствовали такимъ же путемъ въ Холмщинѣ и довели ее до полнаго національнаго обезличенія; теперь примѣняютъ испытанныя уже средства къ

Галичинѣ. Въ чемъ собственно состоятъ эти миссіи, и къ какимъ способамъ воздѣйствія на народъ прибѣгаютъ ихъ руководители, видно изъ краткой замѣтки «Дѣла» о миссіи въ Ходоровѣ, длившейся цѣлую недѣлю.

На высокую каѳедру выходятъ два іезуита; одинъ показывается народу, другой прячется за спиной перваго, который, прокричавъ три раза изъ всѣхъ силъ: «Błogosław nas, Jezu»!, падаетъ ницъ, такъ что скрывается изъ глазъ народа, и тогда прятавшійся за спиной благословляетъ народъ св. дарами. Въ проповѣдяхъ пускаются въ ходъ всевозможные эффекты: іезуитъ, пр., говоритъ проповѣдь спокойно, вдругъ съ чрезвычайнымъ паѳосомъ восклицаетъ: «płacz narodzie, bo Jezus płacze»! повторяя восклицаніе нѣсколько разъ, пока добродушный народъ дѣйствительно не начинаетъ плакать. Нѣкоторыя іезуитскія проповѣди, по словамъ той же замѣтки, отличались реализмомъ Зола, особенно въ обращеніи къ дѣвицамъ и молодкамъ. Излишній реализмъ былъ замѣченъ и народомъ, раздавались среди него такія рѣчи: «русскій священникъ этого бы не сказалъ, такъ какъ онъ самъ имѣетъ жену и дѣтей: іезуиты же не исправятъ, а многихъ невинныхъ могутъ испортить» Конечно, это очень утѣшительно, но фактъ численнаго посѣщенія русскимъ народомъ іезуитскихъ миссій все таки крайне прискорбенъ.

Да и вообще, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на галицкія дѣла, утѣшительнаго въ нихъ ничего не найдешь. Что встрѣтимъ мы въ органѣ торжествующихъ и очень часто упивающихся своимъ торжествомъ до полнаго опьянѣнія «молодыхъ», «сѣчевиковъ»? Ничего, кромѣ грустныхъ фактовъ, повторяемъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣть на дѣла. Возьмемъ, напр., статью—«Полонизація русиновъ, а правительство» («Дѣло» № 109—120), мы увидимъ, что вездѣ—въ представительствѣ края, въ судѣ, администраціи и школѣ, русскіе при равноправности на бумагѣ, остаются въ положеніи безправныхъ илотовъ: они добивались раздѣленія края на двѣ части—русскую и польскую—напрасно; въ галицкомъ сеймѣ они могли бы имѣть въ общемъ числѣ 151 представителей своихъ 52 посла,—въ дѣйствительности они имѣютъ 9 русскихъ противъ 132 польскихъ пословъ; въ силу такого положенія вещей, русскіе не могутъ имѣть представителя и въ выдѣлѣ краевомъ и дѣйствительно не имѣли его, лишь въ нынѣшнемъ году они получили тамъ одно мѣсто, но изъ милости; въ школахъ господствуетъ языкъ польскій, хотя числомъ русская учащаяся молодежь превышаетъ польскую; въ составѣ школьной рады русскіе не имѣютъ ни одного гарантированнаго мѣста, а, при обширныхъ правахъ рады, это отнимаетъ у нихъ возможность какого бы то ни было вліянія на дѣла школьныя; вслѣдствіе этого не оказывается ни одной русской учительской семинаріи, а въ пяти, такъ называемыхъ утраквистическихъ, утраквизмъ существуетъ лишь на бумагѣ; изъ 37 школьныхъ округовъ — 22 чисто русскихъ, и окружныхъ инспекторовъ русскихъ не болѣе трехъ.—Въ судѣ польскій языкъ господствуетъ вполнѣ, а по свидѣтельству «Слова», львовское намѣстничество въ сношеніяхъ съ «Народнымъ Домомъ» и съ русскими ординаріатами придерживается или латинскаго письма или прямо корреспондируетъ по-нѣмецки. Вотъ факты, и при этомъ, дѣйствительно на какой угодно взглядъ, безотрадномъ положеніи, сколько въ томъ же «Домѣ» громкихъ словъ и фразъ объ «органическомъ трудѣ», о «великодушныхъ змаганяхъ» (усиліяхъ), о «будженьи горячого патріотизму та пожертвованя за идею руску у всѣхъ верствахъ суспольности»; сколько высокомѣрной ненависти и презрѣнія къ тому же своему прошлому, когда, при, другомъ направленіи русской интеллигенціи, галицкія дѣла были далеко не въ столь жалкомъ положеніи.

Но фразы остаются фразами, а жалкое положеніе продолжается. Русскихъ въ Галичинѣ больше, чѣмъ поляковъ (въ войскѣ русскихъ считается 70933, поляковъ 68638); русскіе исполняютъ всѣ обязанности, и не могутъ добиться никакихъ правъ, мало того, когда рѣчь заходитъ о правахъ, на нихъ никто не обращаетъ рѣшительно никакого вниманія. Въ «Дѣлѣ», напр. (№ 123) приводится содержаніе появившейся въ Тѣшинѣ брошюры — Die sonder stellung Galiziens als Zufluchtsort des Polenidee». Брошюра совѣтуетъ

полякамъ бросить консервативную политику станьчиковъ и поставить польскій вопросъ ребромъ; тогда, по ея увѣренію, появятся польскіе Ипсиланти, Кавуры, О'Коннели...

Планы предлагаются такого рода, какъ будто въ Галичинѣ русскихъ и въ поминѣ нѣтъ. «Дѣло» «рѣшучо» протестуетъ, но кто же, можно спросить, обратитъ вниманіе на эти протесты. Съ чѣмъ въ дѣйствительности считаться полякамъ и центральному правительству въ русской Галичинѣ, какія-такія силы, долженствующія заставить признать себя, какія учрежденія, способныя объединить и поправить дѣятельность галичанъ можетъ выставить своимъ противникамъ Галицкая Русь? Теперь ихъ нѣтъ, и если съ этой стороны разсматривать положеніе Галицкой Руси, придется сказать, что *ея нѣтъ*, придется признать справедливость польскихъ криковъ: Niema Rusi! Народъ en masse, при обыкновенномъ теченіи дѣлъ, не можетъ отстаивать своихъ правъ; онъ долженъ имѣть для своей защиты извѣстную организацію, извѣстныя учрежденія. Гдѣ-же они? То, что выработано тяжелыми трудами и пожертвованіями, закидывается грязью нынѣшними «Керманичами»; всѣ ихъ «великодушны змаганя» направлены къ уничтоженію результатовъ прежнихъ трудовъ; полный раздоръ, страстная горячность, фанатически слѣпая ненависть— вотъ атмосфера, въ которой живутъ нынѣшніе галичане. Удивительно ли, что человѣкъ посторонній видитъ тамъ лишь какое-то непонятное бѣснованіе, какой-то безпорядочный шумъ надорвавшихъ голоса, но не понимающихъ другъ друга крикуновъ.

Кого же слушать, съ кѣмъ считаться?

Не съ кѣмъ! По крайней мѣрѣ, при желаніи, можно безъ всякихъ послѣдствій ни на кого не обращать вниманія, а если иногда какъ будто и стараются разобраться въ хаосѣ, то ужь, конечно, не по нуждѣ, а просто изъ вѣжливости или для развлеченія.

Все это впрочемъ было бы не такъ страшно, если бы рѣчь шла только о настоящемъ, но въ удушливой атмосферѣ подростаетъ молодое поколѣніе. Какіе чахлые и исковерканные люди должны выйти изъ него въ близкомъ будущемъ, можно судить уже и теперь. Гдѣ слышано, чтобы ученикъ 6-го класса привлекалъ къ суду учителя за личное оскорбленіе, и чтобы такой фактъ нашелъ въ печатномъ органѣ успокоительную оцѣнку съ злораднымъ вопросомъ—«а кто виноватъ»? («Дѣло» № 123). Не слышно было прежде въ Галичинѣ о растратахъ; особенно о растратѣ денегъ, довѣряемыхъ народомъ представителямъ интелелигенціи, являющимся съ своими услугами «зъ горячого патріотизму», а теперь это случилось. Что и говорить—прекрасные виды и надежды сулятъ въ будущемъ такіе «обставины»!

И. Ф.

ПАМЯТИ И. С. АКСАКОВА.

Меркнутъ и гаснутъ одна за другой
Свѣтлыя звѣзды, что въ пору иную,
Въ темную пору, когда-то былую,
Ярко горѣли надъ русской землей,
Свѣтъ проливая средь ночи глухой.
Сердцу внушали живую мольбу,
Свѣтлыя думы въ умахъ подымали,
Души надеждой и вѣрой питали,
Звали лежащихъ въ духовномъ гробу
Смѣло воспрянуть на трудъ и борьбу.
Быстро рѣдѣетъ дружина бойцовъ,
Множатся вѣщихъ пророковъ могилы,
Гдѣ же вы, свѣжія русскія силы?..
Встаньте, явитесь на смѣну отцовъ,
Божіей правды левитовъ-пѣвцовъ!
Есть въ тебѣ силы тѣ, край мой родной,
Есть онѣ... Вѣрю я въ духъ нашъ народный!
Чуднаго творчества геній свободный,
Съ вѣщимъ глаголомъ и пѣснью живой,
Смолкъ, но не умеръ средь Руси святой.

М. Розенгеймъ.

«Звѣзда» № 16—1886.

Редакторы { Н. Н. Бестужевъ-Рюминъ. П. Г. Моравекъ.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

вышла изъ печати и продается новая книга:

ОБЗОРЪ ОБЛАСТЕЙ ЗАПАДНАГО И ЮЖНАГО СЛАВЯНСТВА,

со включеніемъ Червонорусскихъ.

Пр. **А. Будиловича.**

Изданіе С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Цѣна 1 руб.

Продается въ помѣщеніи Общества, у Александринскаго театра, д. № 7.

ВЪ ПОМѢЩЕНІИ

Славянскаго Благотворительнаго Общества,

у Александринскаго театра, д. № 7,

продается новая книга:

ОЧЕРКИ ИСТОРІИ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

А. Степовича.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“

на 1887 годъ (28-й съ начала изданія) принимается въ Москвѣ—у редактора, протоіерея *В. Нечаева*, въ Толмачахъ; въ Петербургѣ—у книгопродавца Тузова. Цѣна за 12 книжекъ 3 руб. 50 коп., съ доставкою 4 руб.

Оставшіеся неразобранными полные экземпляры „ДУШЕПОЛЕЗНАГО ЧТЕНІЯ“ за старые годы продаются по значительно пониженнымъ цѣнамъ.

Выписывающіе „Душеполезное Чтеніе“ за пять годовъ, не меньше, за пересылку не платятъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ:

„СОТРУДНИКЪ НАРОДА“.

I. Правительственныя распоряженія. II. Духовно-нравственный отдѣлъ. III. Сельское хозяйство. IV. Технологія и ремесла. V. Гигіена. Ветеринарія и медицина. VI. Архитектура въ приложеніи къ сельско-хозяйственнымъ нуждамъ. VIII. Историческій отдѣлъ. IX. Отдѣлъ географіи. Описаніе разныхъ мѣстностей Россіи. X. Естественный отдѣлъ. XI. Беллетристика. XII. Внутреннія извѣстія, внѣшнія извѣстія. Телеграммы. XIII. Смѣсь. XIV. Календарь и справочный указатель. XV. Почтовый ящикъ.

Принимается подписка на ежемѣсячный иллюстрированный журналъ подъ заглавіемъ „Сотрудникъ Народа“. Годовое изданіе будетъ состоять изъ 12 книгъ, каждая отъ 4—6 листовъ и болѣе. Годовая подписная цѣна съ пересылкой 4 руб., полугодовая 2 руб. 50 коп. Допускается разсрочка подписныхъ денегъ, по одному рублю впередъ за три мѣсяца. Адресовать: Въ контору „Сотрудникъ Школъ“ А. К. Залѣсской. Москва, Воздвиженка, д. Армандъ. Подписчики благоволятъ свои адресы писать четко и подробно.

П. ЗАЛѢССКІЙ.

Типографія Е. Евдокимова, Б. Итальянская, д. № 11.

Въ помѣщеніи Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества продаются нижеслѣдующія книги:

а) Изданія Общества.

1. **Славянскій Сборникъ**, 3 тома, цѣна каждаго . . . . 3 р. — к.
2. **Чехія и Моравія.** Соч. А. С. Будиловича и А. П. Нарановича. 1871 г. VIII и 210 стр. 1 » — »
3. **Этнографическая карта славянскихъ народностей**, сост. М. Ѳ. Мирковичемъ, съ объяснительною запискою А. С. Будиловича. Изд. 3-е. 1877 г. На двухъ листахъ, 23 стр. . . . . 1 » — »
4. **Братская помочь пострадавшимъ семействамъ Босніи и Герцеговины.** Ученолитературный сборникъ, составленный изъ трудовъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ. 1876 г. 493 стр. . . . . 3 » — »
5. **Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ.** Соч. Гладстона, пер. К. П. Побѣдоносцева и К. Н. Бестужева-Рюмина. 1876 г. 48 стр. . . . . — » 20 »
6. **Впечатлѣнія Сербской войны.** Соч. Макъ-Ивера. 1876 г. 5 и 32 стр. . . . . . . — » 20 »
7. **Въ память Ю. Ѳ. Самарина**, съ его портретомъ. 1876 г. 53 стр. . . . . . . — » 50 »
8. **Германизація Балтійскихъ Славянъ.** Изслѣдованіе С. Т. Первольфа. 1876 г. 260 стр. 1 » 50 »
9. **Исторія Пряшевской епархіи.** Соч. А. В. Духновича, пер. пр. К. Кустодіева. 1877 г. 102 стр. . . . . — » 50 »
10. **Изъ Русской Исторіи**—два разсказа А. Майкова. 1877 г. 79 стр. . . . . . . — » 50 »
11. **Хомяковъ и славянское дѣло.** Соч. А. В. Васильева, съ портретомъ Хомякова 1877 г. 16 стр. . . . . — » 5 »
12. **Іоаннъ Гусъ.** Соч. А. В. Васильева съ изображеніемъ Гуса. 1877 г. Одинъ листъ . — » 10 »
13. **Русско-Сербскій словарь**, сост. П. А. Лавровскимъ. 1880 г. II и 578 стр. . . 2 » — »
14. **Въ память Ѳ. М. Достоевскаго.** 1881 г. стр. 53 . . . . — » 40 »
15. **Въ память Государя Императора Александра II.** 1881 г. стр. 53. . . . . — » 30 »
16. **Первыя 15 лѣтъ существованія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества по протоколамъ общихъ собраній его членовъ, состоявшимся въ 1868—1883 г.** 1883 г. 882 стр. (безъ уступки). . . . . 3 » — »
17. **Будиловичъ:** Обозрѣніе областей Западнаго и Южнаго Славянства . . . . . 1 » — »

б) Пожертвованныя книги.

1. **Всероссійская этнографическая выставка и Славянскій съѣздъ въ Москвѣ 1868 г.** 1867 г. X и 473 стр. . . . . — » 50 »
2. **Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ.** Сост. А. Я. Гаркави. 1870 г. VII и 308 стр. . . . . 1 » — »
3. **Лука Вукаловичъ.** (Первое Герцеговинское возстаніе). Пер. съ сербскаго 1875 г. 28 стр. . . . . — » 10 »
4. **Српске народне пjесме.** В. Караджича. 1875 г. V и 643 стр. . . . . . 1 » — »
5. **Славяне.** Сборникъ стихотвореній, касающихся жизни славянскихъ народовъ. 1876 г. 64 стр. . . . . — » 15 »
6. **Лепта.** Сборникъ, изданный въ пользу Южныхъ Славянъ. 1876 г. 68 стр. . . — » 20 »
7. **Объ университетскомъ образованіи.** Рѣчь проф. Гексли. 1876 г. 15 стр. . . . — » 25 »
8. **Герцеговина въ историческомъ и этнографическомъ отношеніи.** Соч. Г. Б. 1876 г. 60 стр. — » 75 »
9. **Славянская война за независимость**, свѣтопечатный сборникъ. Выпуски 1 и 2 1776 г. Каждый выпускъ по . . . . — » 50 »
10. **Родное племя.** Сборникъ, изданный Дамскимъ Отдѣленіемъ Славянскаго Общества въ Москвѣ. 1877 г. 247 стр. . . . . 2 » — »
11. **Хорватія, Славонія, Далмація и Военная Граница.** Соч. Л. В. Березина. 1879 г. Т. I.—XI, VIII и 520 стр. Т. II.—VIII и 589 стр. . . . . 6 » — »
12. **Митрополитъ Сербскій Михаилъ.** Соч. А. В. В. 1882 г. 19 стр. . . . . . . — » 30 »
13. **Этнографическая карта Венгріи.** Г. А. Де-Волана. Спб. 1878 г. . . . . . . — » 25 »
14. **Сборникъ статей по славяновѣдѣнію**, составленный и изданный учениками **В. И. Ламанскаго**, Спб. 1883 г. (*на комиссіи*, безъ уступки) . . . . 3 » — »
15. **Secrets d'état de Venise.** Documents, extraits, notices et études, servant à éclaircir les rapports de la Seigneurie avec les grecs, les slaves et la Porte ottomane à la fin du XV et XVI siècle par **Vladimir Lamansky**. S.-Pétersbourg, 1884. (*На комиссіи. безъ уступки*) . . . . 8 » — »
16. **Славянскій міръ**, А. Ѳ. Риттиха, 1885 г. X, VI, 336 стр. и XXVIII . . . . . 8 » — »
17. **Карта западныхъ и южныхъ славянъ.** А. Ѳ. Риттиха. На двухъ листахъ . . . 1 » 25 »
18. **Портретъ А. И. Добрянскаго.** . . . . 1 » 50 »
19. **Болгарская библія** . . . . 2 » 80 »

Примѣчаніе: Православному духовенству, учебнымъ заведеніямъ и библіотекамъ, покупающимъ вышеозначенныя изданія и книги, дѣлается уступка въ 20% противъ назначенной цѣны. Такая же уступка дѣлается книгопродавцамъ и частнымъ лицамъ, при покупкѣ ими означенныхъ изданій и книгъ на 20 р. и болѣе. Пересылку этихъ изданій и книгъ въ провинцію и за границу Славянское Общество производитъ на свой счетъ.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ УСТАВА
С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО
БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

§ 1.

С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество имѣетъ цѣлію:

а) Оказывать пособіе церквамъ, школамъ, литературнымъ учрежденіямъ, литературнымъ предпріятіямъ въ славянскихъ земляхъ;

б) изыскивать средства для воспитанія молодыхъ славянъ и славянокъ какъ въ Россіи, такъ и за границею;

в) пріискивать занятія для славянъ, пріѣзжающихъ въ Россію;

г) подавать помощь славянамъ во время особыхъ бѣдствій: голода, пожаровъ, разоренія какой нибудь мѣстности или края и т. п.;

д) поддерживать научныя и литературныя сношенія съ учеными и литературными Обществами въ славянскихъ земляхъ;

е) снабжать славянскія школы, ученыя и литературныя Общества русскими книгами и періодическими изданіями и получать взамѣнъ того ихъ изданія;

ж) издавать на законномъ основаніи книги и др. пособія по части славяновѣдѣнія;

з) собирать вообще денежныя средства для вышеозначенныхъ цѣлей.

§ 3.

Общество состоитъ изъ членовъ:

а) почетныхъ и

б) дѣйствительныхъ.

§ 5.

Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоего пола, изъявившія готовность участвовать въ трудахъ Общества и представлять ежегодный членскій взносъ, размѣръ коего опредѣляется доброй волей каждаго (но не менѣе десяти руб. въ годъ). Утвержденіе въ званіи дѣйствительнаго члена зависитъ отъ общаго собранія Общества по предложенію Совѣта.

§ 9.

Дѣлами Общества завѣдываютъ общія собранія членовъ и Совѣтъ.

§ 18.

Отчеты о годовой дѣятельности Общества, съ подробнымъ показаніемъ всѣхъ сборовъ и расходовъ, а также о дѣйствіяхъ общихъ и чрезвычайныхъ собраній, печатаются въ газетахъ, или отдѣльными брошюрами, и представляются одновременно съ этимъ въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ.

§ 19.

Всѣ сношенія Общества производятся чрезъ Совѣтъ.

Обществомъ издаются: **„Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества“**, ежемѣсячный журналъ, выходящій выпусками до 3 листовъ и болѣе.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на 1887 г. для всѣхъ подписчиковъ безъ различія, въ Россіи и загран., съ доставкой и перес., **ТРИ РУБЛЯ**, или 9 франк.=4 австр. гул.

Подписка на «Извѣстія», членскіе взносы и пожертвованія, денежныя и матеріальныя (вещами и книгами), принимаются ежедневно отъ 11 ч. утра до 4 пополудни, въ помѣщеніи Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества, у Александринскаго театра, въ домѣ Голубева № 7.